[redacted]

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

издаваемый

М. Катковымъ.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и Ко).
На Страстномъ бульварѣ.
1868.

МѢСТНЫЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ И МѢСТНЫЕ НАЛОГИ ВЪ АНГЛІИ *

IV.

Болѣе тысячи лѣтъ сряду существуютъ въ Англіи, почти безъ измѣненія въ границахъ, 52 графства, какъ политическія и административныя единицы; изъ нихъ 40 собственно въ Англіи и 12 въ Великомъ Княжествѣ Вельсскомъ. Въ англо-саксонскій періодъ графства имѣютъ характеръ преимущественно большихъ общинныхъ союзовъ; главнымъ учрежденіемъ въ графствѣ является въ это время судъ графства, который собирался два раза въ годъ ** и состоялъ изъ крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ (тановъ), владѣвшихъ отъ 5 до 40 акровъ земли. Судъ этотъ разрѣшалъ всѣ важные гражданскіе процессы и уголовныя дѣла и собирался подъ предсѣдательствомъ лица, назначавшагося верховною властью короля. Во главѣ графствъ были намѣстники короля, подъ названіемъ earldormen, comites, duces. Намѣстнику подчинялись начальники сотенныхъ участковъ (hundreds), а со временъ короля Альфреда особые товарищи

* Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* № 4.

** Gneist томъ II, стр. 19 и слѣд.

(schirgerifa), предсѣдательствовавшіе въ судѣ. Для удобства разрѣшенія мелкихъ судебныхъ дѣлъ на мѣстѣ, король Альфредъ установилъ, чтобы товарищи намѣстниковъ въ графствѣ открывали въ каждомъ сотенномъ участкѣ однажды въ мѣсяцъ особыя судебныя засѣданія, въ которыхъ участвовали мелкіе поземельные владѣльцы на тѣхъ же правахъ, на какихъ крупные и средніе участвовали два раза въ годъ въ засѣданіяхъ суда въ центральномъ мѣстѣ графства. Въ норманскій періодъ исторіи Англіи значительно измѣняется характеръ главнаго должностнаго лица въ графствѣ, вице-графа, или—какъ это лицо не переставало называться старымъ обычнымъ именемъ, — шерифа. Являясь намѣстникомъ короля въ графствѣ и соединяя въ себѣ аттрибуты королевской власти, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ поставленъ въ зависимость отъ особаго центральнаго учрежденія, созданнаго Вильгельмомъ-Завоевателемъ,—государственнаго казначейства. Шерифы назначались ежегодно, причемъ имъ отдавались на откупъ тѣ изъ королевскихъ доходовъ графства, кои не могли быть заранѣе положены въ окладъ (неокладные сборы). Вслѣдствіе сего назначеніе получалъ обыкновенно тотъ изъ кандидатовъ, кто предлагалъ наивыгоднѣйшія для казны условія. Шерифы обязаны были, въ силу прежнихъ обычаевъ, открывать отъ времени до времени центральный судъ графства, съ участіемъ ленниковъ графства, и по крайней мѣрѣ два раза въ годъ объѣзжать графство для открытія мѣстныхъ засѣданій суда. Лишь мало-по-малу, вслѣдствіе крайнихъ притѣсненій и несправедливостей, которыя причиняли народу шерифы, судебная власть начинаетъ переходить, въ этотъ же періодъ времени, къ особымъ, отъ самого короля разсылаемымъ, судьямъ. Королевскимъ государственнымъ казначействомъ были сначала разсылаемы особые посланцы для оцѣнки имущества ленниковъ, подлежавшихъ особому поземельному сбору, и для разбора возникавшихъ по поводу сихъ оцѣнокъ жалобъ и претензій. Вслѣдствіе всеобщихъ жалобъ на шерифовъ, было отъ времени до времени поручаемо упомянутымъ посланцамъ открывать въ графствахъ, съ участіемъ мѣстныхъ ленниковъ и свободныхъ людей, особые суды. Такъ возникло учрежденіе королевскихъ судей, къ которымъ мало-по-малу, и въ особенности со времени Великой Хартіи, перешла вся судебная

власть намѣстниковъ въ графствѣ. Но полицейская и слѣдственная власть оставалась за шерифами и даже расширилась вмѣстѣ съ развитіемъ потребности въ охраненіи внутренняго порядка. Шерифы продолжали свои объѣзды по графству для рѣшенія мелкихъ гражданскихъ дѣлъ и для исправленія полицейскихъ обязанностей. Въ каждой мѣстности вызывались мелкіе землевладѣльцы и свободные люди и были допрашиваемы относительно всякихъ происшедшихъ въ общинѣ безпорядковъ, нарушеній полицейскихъ законовъ и уставовъ и вообще относительно мелкихъ проступковъ. Шерифъ просматривалъ при этомъ общинные списки, навѣдывался, всѣ ли жители налицо, не отсутствуетъ ли кто подъ какимъ-либо подозрительнымъ предлогомъ и такъ далѣе. Понятно, какъ тягостна для народонаселенія была столь обширная полицейско-инквизиціонная власть; высшіе классы старались отъ нея избавиться, выхлопатывая для своихъ земель и живущаго на нихъ населенія привилегіи, избавлявшія это населеніе отъ полицейской власти шерифа и подчинявшія жителей той мѣстности особой власти землевладѣльца. Съ другой стороны, при усложнявшихся отношеніяхъ различныхъ классовъ народонаселенія, все болѣе и болѣе ощущался главный недостатокъ полицейской власти шерифовъ— отдаленность ея отъ мѣстнаго населенія. При ранней отмѣнѣ крѣпостнаго права и развитіи свободныхъ отношеній между землевладѣльцами и промышленниками и рабочимъ классомъ, при отсутствіи корпоративнаго начала цеховъ, господствовавшаго на континентѣ Европы, возникъ мало-по-малу цѣлый рядъ разнообразныхъ столкновеній между высшими классами и рабочимъ людомъ, требовавшихъ вмѣшательства законодательной и административной власти. Царствованія Эдуарда I и его преемниковъ, а равно и Генриховъ IV, V и VI ознаменованы были цѣлымъ рядомъ законоположеній, которыми установляемы были особыя правила и уставы по каждой изъ отраслей промышленности: особыя таксы на хлѣбъ, пиво, съѣстные припасы, топливо; особые уставы для кирпичныхъ заводовъ, суконныхъ фабрикъ, кожевенныхъ заводовъ; особыя правила для рыночной торговли. Къ тому же времени относятся различные законы, воспрещавшіе стачки съ цѣлью повышенія заработной платы. Наконецъ, въ ту же эпоху появляется

цѣлый рядъ законовъ для охраненія народной нравственности: преслѣдованіе безпорядочныхъ притоновъ, правила для трактирныхъ и тому подобныхъ заведеній, законы противъ роскоши. Охраненіе постановленій, составлявшихъ предметъ столь развившейся законодательной дѣятельности, было не подъ силу одному шерифу, и потому понятно, что въ этотъ же періодъ времени долженъ былъ появиться мало-по-малу цѣлый рядъ попытокъ къ созданію особаго учрежденія, способнаго имѣть постоянное и неослабное наблюденіе за исполненіемъ всѣхъ полицейско-административныхъ распоряженій правительства. Въ царствованіе Эдуарда I были назначаемы особые судьи для произнесенія приговоровъ надъ лицами, нарушившими общественную безопасность; при Эдуардѣ II мы также встрѣчаемъ попытку, впрочемъ лишь временную, назначенія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ особыхъ conservatores pacis, но лишь въ царствованіе Эдуарда III учрежденіе это получило болѣе опредѣленныя формы. Въ самомъ началѣ царствованія этого государя усиліями партіи королевы Изабеллы былъ изданъ особый законъ, которымъ возвѣщалось народу, что для охраненія мира имѣютъ быть назначены особые въ каждомъ графствѣ судьи, числомъ отъ двухъ до трехъ. Партія эта однако вскорѣ была низвергнута, и возстановленъ былъ прежній порядокъ судоговоренія чрезъ объѣзды графствъ центральными судьями. Между тѣмъ потребность въ учрежденіи особыхъ мѣстныхъ коммиссій съ судебною властью все болѣе и болѣе усиливалась и привела, послѣ нѣсколькихъ новыхъ неудачныхъ попытокъ, къ установленію въ 1360 году особыхъ въ каждомъ графствѣ полицейскихъ судей, какъ постояннаго учрежденія. Въ каждомъ графствѣ назначался для охраненія мира одинъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ-лордовъ, съ присоединеніемъ къ нему двухъ или трехъ наиболѣе почетныхъ въ графствѣ лицъ и нѣсколькихъ ученыхъ юристовъ. Симъ лицамъ присвоивалось право преслѣдовать, захватывать и подвергать наказаніямъ всѣхъ нарушителей закона, бунтовщиковъ и преступниковъ, при чемъ предписывалось судьямъ имѣть четыре раза въ году общее засѣданіе для совокупнаго разсмотрѣнія дѣлъ. Задача ихъ была двоякая: съ одной стороны, на обязанности ихъ лежало принятіе общихъ мѣръ по охраненію мира; съ другой стороны,

юрисдикціи ихъ предоставлено было наблюденіе за исполненіемъ всѣхъ законовъ общественнаго благочинія и благоустройства, охраненіе которыхъ въ особенности возлагалось на ихъ попеченіе. Въ силу сего, къ обязанностямъ ихъ были отнесены: разборъ землевладѣльцевъ и промышленниковъ съ ихъ рабочими и наемными служителями и наблюденіе за исполненіемъ законовъ общественной нравственности. Съ самаго начала вновь учрежденнымъ должностнымъ лицамъ присвоивается почетное названіе „мировыхъ судей".

Таково происхожденіе въ Англіи мироваго института, который, развиваясь постоянно съ 14-го столѣтія, проходилъ чрезъ всѣ фазы историческаго развитія общественныхъ учрежденій націи. Укрѣпляясь все болѣе и болѣе, англійскій мировой институтъ нынѣ, чрезъ 500 лѣтъ послѣ возникновенія, сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ нити мѣстной судебно-полицейской администраціи и хозяйственнаго управленія. Дѣла, которыя въ другихъ государствахъ Западной Европы распредѣляются между множествомъ самыхъ различныхъ учрежденій, частію избирательныхъ, частію бюрократическихъ, съ ихъ огромными канцеляріями, завѣдываются въ Англіи одними мировыми судьями и съѣздами. Они замѣняютъ провинціальныя представительныя земско-хозяйственныя учрежденія (conseils generaux, земскія учрежденія), центральное въ провинціи административное мѣсто (префектуру, губернское правленіе), слѣдственно-судебныхъ должностныхъ лицъ, полицейскихъ судей для мелкихъ проступковъ и преступленій, медицинско-врачебныя установленія и наконецъ должностныхъ лицъ для надзора за мѣстными общинными властями (мировые посредники). Понятно, что при указанномъ выше естественномъ возникновеніи мироваго института, вслѣдствіе требованій самой жизни народа, здѣсь не могло быть мѣста какимъ-либо теоретическимъ воззрѣніямъ о раздѣленіи властей и степени возможности или удобства возлагать на одни и тѣ же лица столь разнородную дѣятельность. По мѣрѣ обозначенія различныхъ по государственному управленію потребностей, правительство, вмѣсто созданія новыхъ учрежденій, по какимъ-либо напередъ созданнымъ шаблонамъ, обращалось къ установленію существующему, находящемуся въ непосредственной связи съ самою страной, и на учрежденіе это возлагало удовлетвореніе вновь

цѣлый рядъ законовъ для охраненія народной нравственности: преслѣдованіе безпорядочныхъ притоновъ, правила для трактирныхъ и тому подобныхъ заведеній, законы противъ роскоши. Охраненіе постановленій, составлявшихъ предметъ столь развившейся законодательной дѣятельности, было не подъ силу одному шерифу, и потому понятно, что въ этотъ же періодъ времени долженъ былъ появиться мало-по-малу цѣлый рядъ попытокъ къ созданію особаго учрежденія, способнаго имѣть постоянное и неослабное наблюденіе за исполненіемъ всѣхъ полицейско-административныхъ распоряженій правительства. Въ царствованіе Эдуарда I были назначаемы особые судьи для произнесенія приговоровъ надъ лицами, нарушившими общественную безопасность; при Эдуардѣ II мы также встрѣчаемъ попытку, впрочемъ лишь временную, назначенія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ особыхъ conservatores pacis, но лишь въ царствованіе Эдуарда III учрежденіе это получило болѣе опредѣленныя формы. Въ самомъ началѣ царствованія этого государя усиліями партіи королевы Изабеллы былъ изданъ особый законъ, которымъ возвѣщалось народу, что для охраненія мира имѣютъ быть назначены особые въ каждомъ графствѣ судьи, числомъ отъ двухъ до трехъ. Партія эта однако вскорѣ была низвергнута, и возстановленъ былъ прежній порядокъ судоговоренія чрезъ объѣзды графствъ центральными судьями. Между тѣмъ потребность въ учрежденіи особыхъ мѣстныхъ коммиссій съ судебною властью все болѣе и болѣе усиливалась и привела, послѣ нѣсколькихъ новыхъ неудачныхъ попытокъ, къ установленію въ 1360 году особыхъ въ каждомъ графствѣ полицейскихъ судей, какъ постояннаго учрежденія. Въ каждомъ графствѣ назначался для охраненія мира одинъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ-лордовъ, съ присоединеніемъ къ нему двухъ или трехъ наиболѣе почетныхъ въ графствѣ лицъ и нѣсколькихъ ученыхъ юристовъ. Симъ лицамъ присвоивалось право преслѣдовать, захватывать и подвергать наказаніямъ всѣхъ нарушителей закона, бунтовщиковъ и преступниковъ, при чемъ [illegible] судьямъ имѣть четыре раза въ годъ [illegible] для [illegible] совокупнаго разсмотрѣнія дѣлъ. [illegible] ка: съ одной стороны, на об[illegible] тіе общихъ мѣръ по охран[illegible]

юрисдикціи ихъ предоставлено было наблюденіе за исполненіемъ всѣхъ законовъ общественнаго благочинія и благоустройства, охраненіе которыхъ въ особенности возлагалось на ихъ попеченіе. Въ силу сего, къ обязанностямъ ихъ были отнесены: разборъ землевладѣльцевъ и промышленниковъ съ ихъ рабочими и наемными служителями и наблюденіе за исполненіемъ законовъ общественной нравственности. Съ самаго начала вновь учрежденнымъ должностнымъ лицамъ присвоивается почетное названіе „мировыхъ судей".

Таково происхожденіе въ Англіи мироваго института, который, развиваясь постоянно съ 14-го столѣтія, проходилъ чрезъ всѣ фазы историческаго развитія общественныхъ учрежденій націи. Укрѣпляясь все болѣе и болѣе, англійскій мировой институтъ нынѣ, чрезъ 500 лѣтъ послѣ возникновенія, сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ нити мѣстной судебно-полицейской администраціи и хозяйственнаго управленія. Дѣла, *которыя въ другихъ государствахъ* Западной Европы распредѣляются между множествомъ самыхъ различныхъ учрежденій, частію избирательныхъ, частію бюрократическихъ, съ ихъ огромными канцеляріями, завѣдываются въ Англіи одними мировыми судьями и съѣздами. Они замѣняютъ провинціальныя представительныя земско-хозяйственныя учрежденія (conseils generaux, земскія учрежденія), центральное въ провинціи административное мѣсто (префектуру, губернское правленіе), слѣдственно-судебныхъ должностныхъ лицъ, полицейскихъ судей для мелкихъ проступковъ и преступленій, медицинско-врачебныя установленія и наконецъ должностныхъ лицъ для надзора за мѣстными общинными властями (мировые посредники). Понятно, что при указанномъ выше естественномъ возникновеніи мироваго института, вслѣдствіе требованій самой жизни народа, здѣсь не могло быть мѣста какимъ-либо теоретическимъ воззрѣніямъ о раздѣленіи властей и степени возможности или удобства возлагать на одни и тѣ же лица столь разнородную дѣятельность. По мѣрѣ обозначенія различныхъ по государственному управленію потребностей, правительство, вмѣсто [illegible]учрежденій, по какимъ-либо напередъ со-

[illegible]щалось къ установленію существу-

[illegible]непосредственной связи съ самою

[illegible]ю возлагало удовлетвореніе вновь

[redacted]

возникшей потребности общественнаго управленія. Правительство въ Англіи всегда понимало, что численность образованнаго класса въ извѣстной мѣстности (провинціи), никогда не можетъ быть значительна, что силы эти не должны быть раздробляемы, и что нѣтъ никакой рѣшительной надобности требовать, чтобы для исполненія каждаго отдѣльнаго рода обязанностей были призываемы особыя лица, когда обязанности эти безъ затрудненія могутъ быть исполняемы учрежденіями, съ которыми уже свыклось народное сознаніе. Правительство сознавало всегда и другую первостепенной важности аксіому въ дѣлѣ государственнаго управленія, а именно: что власть, для того чтобы быть сильною, должна быть единою. Никогда въ Англіи не приходило никому въ голову, что мѣстный судья не можетъ быть въ то же время администраторомъ и распорядителемъ въ дѣлѣ мѣстныхъ хозяйственныхъ интересовъ. Напротивъ того, въ Англіи всегда находили подобное соединеніе упомянутыхъ обязанностей весьма естественнымъ. Преобладавшимъ, весьма основательнымъ убѣжденіемъ было то, что немногихъ достойныхъ довѣрія лицъ во всякой мѣстности всегда можно найдти, и что удобнѣе и безопаснѣе ввѣрить этимъ немногимъ лицамъ болѣе обширную власть, чѣмъ быть принужденнымъ создавать въ каждомъ незначительномъ округѣ цѣлый рядъ должностей съ отдѣльными, но соприкасающимися сферами дѣйствія, безъ ручательства въ томъ, что для замѣщенія всѣхъ этихъ должностей просвѣщенными и благонамѣренными дѣятелями достанетъ и лицъ, и денежныхъ способовъ.

Но не одному лишь историческому развитію законодательства обязанъ мировой институтъ въ Англіи своимъ успѣхомъ. Здѣсь вмѣстѣ съ тѣмъ проявился весь политическій тактъ, весь истинно государственный духъ англійскаго высшаго землевладѣльческаго сословія. Какимъ образомъ сословіе это воспользовалось созданнымъ ему закономъ положеніемъ въ мировомъ институтѣ, какъ оно сумѣло укрѣпить за собой это положеніе, мы всего лучше увидимъ, прослѣдивъ, въ общихъ чертахъ, историческій ходъ измѣненія личнаго состава упомянутаго установленія. Основное начало англійскаго законодательства при опредѣленіи состава мировыхъ судовъ съ самаго начала ихъ образованія заключалось въ томъ, чтобы составить эти суды изъ богатѣйшихъ

мѣстныхъ землевладѣльцевъ, наиболѣе другихъ участвующихъ въ мѣстныхъ налогахъ, съ присоединеніемъ къ нимъ законовѣдовъ и безъ ограниченія правительства въ выборѣ опредѣляемыхъ имъ лицъ. На основаніи закона Эдуарда III назначенію въ мировые судьи въ каждомъ графствѣ подлежали: одинъ лордъ, три или четыре изъ достойнѣйшихъ мѣстныхъ гражданъ и нѣсколько законовѣдовъ. Законъ Ричарда II устанавляетъ, что мировые судьи должны быть назначаемы изъ знатнѣйшихъ и наиболѣе богатыхъ въ графствѣ баронетовъ, изъ землевладѣльцевъ и изъ законовѣдовъ (knights, esquires and gentlemen of the Law).

Лишь при Генрихѣ VI установленъ былъ для назначенія въ должность мироваго судьи опредѣленный цензъ: „ежегодный доходъ въ 20 серебряныхъ фунтовъ". Но если въ той или другой мѣстности, говоритъ тотъ же законъ, въ числѣ мѣстныхъ землевладѣльцевъ и знатныхъ лицъ не случится людей, свѣдущихъ въ законахъ и въ управленіи, то предоставляется лорду канцлеру назначать въ мировыя коммиссіи и другихъ свѣдущихъ въ законахъ лицъ, хотя бы они не имѣли узаконенной поземельной собственности. Упомянутый цензъ продолжалъ существовать до царствованія Георга II, который возвысилъ его до 100 фунт. стер. чистаго дохода съ какой-либо поземельной собственности, въ какой-либо части Англіи расположенной, или съ имѣнія, арендуемаго на правахъ долгосрочной, на 21 годъ, или пожизненной аренды. Цензъ этотъ, однако, никогда не исключалъ изъ права на занятіе должности мироваго судьи владѣльцевъ городской собственности и юристовъ. Послѣдніе считались съ самаго начала необходимою принадлежностью состава мироваго округа, а присутствіе ихъ на мировыхъ съѣздахъ при рѣшеніи гражданскихъ дѣлъ считалось обязательнымъ для дѣйствительности приговора съѣзда. Цѣлыя столѣтія оба эти сословія, землевладѣльцы и законовѣды, раздѣляли между собой должности мировыхъ судей. Лишь путемъ продолжительной, благородной борьбы на поприщѣ общественнаго служенія удалось землевладѣльцамъ вытѣснить изъ мироваго суда чиновный элементъ тѣмъ, что, съ одной стороны, само землевладѣльческое сословіе пріобрѣло тѣ качества, которыя сдѣлали его способнымъ исполнять трудную обязанность мировыхъ судей (знаніе

[redacted]

законовъ и дѣловое образованіе), съ другой стороны, сословіе это отказалось отъ выгодныхъ пошлинъ, замѣнявшихъ для мировыхъ судей содержаніе отъ казны, чѣмъ и самая должность получила новое, еще болѣе почетное значеніе—должности безвозмездной. Серіозная подготовка къ исполненію обязанностей мироваго судьи на университетской скамьѣ вошла мало-по-малу въ обычай въ высшихъ сословіяхъ; знакомство съ исторіей, основными законами и государственнымъ устройствомъ отечества стало все болѣе и болѣе распространяться, и такимъ образомъ произошло то явленіе, что занятіе должностей мировыхъ судей стало исключительнымъ удѣломъ образованныхъ высшихъ классовъ. Окончательный переходъ этихъ должностей въ руки землевладѣльческаго сословія совершился однако далеко не тотчасъ вслѣдъ за созданіемъ должности, а лишь въ XVIII столѣтіи, т.-е. до 400 лѣтъ спустя. Лишь длиннымъ рядомъ заслугъ предъ обществомъ, столѣтіями безкорыстныхъ трудовъ на пользу непосредственно окружающей среды, самопожертвованія и высокаго понимапія общественныхъ обязанностей стяжало англійское землевладѣльческое сословіе то уваженіе, то завидное общественное положеніе, которому нѣтъ подобнаго въ другихъ государствахъ Европы. Исключительное вліяніе на мѣстное управленіе, которому завидуютъ высшіе классы въ другихъ странахъ, было пріобрѣтено этими классами въ Англіи не силой законодательной привилегіи, но посредствомъ долгаго историческаго пути общественной дѣятельности. Высшее судилище въ Англіи справедливо выразилось недавно: „что англійскіе мировые судьи, служащіе безъ жалованья, составляютъ классъ людей, которому Англія обязана такими заслугами, какими ни одна нація не пользовалась отъ общественныхъ въ ней дѣятелей!“ До сихъ поръ живы въ воспоминаніяхъ каждаго Англичанина слова верховнаго судьи Кока: „должность мироваго судьи въ Англіи, хорошо исполненная, есть должность, которой подобной не имѣется на всемъ христіанскомъ свѣтѣ“. Дальтонъ—другая юридическая знаменитость—повторяетъ тѣ же слова съ присовокупленіемъ слѣдующихъ: „Значительная доля благоденствія нашей націи зависитъ отъ мировыхъ судей, отъ честнаго и добросовѣстнаго исполненія ими ихъ обязанностей.“ Такимъ образомъ занятіе должности мироваго судьи сдѣлалось, съ одной стороны, необходимою и въ

[redacted]

высшей степени образовательною школой для молодаго поколѣнія высшихъ землевладѣльческихъ классовъ (мировымъ судьею можно быть, едва достигнувъ 21 года), съ другой стороны—почетною наградой для лицъ духовнаго званія, для капиталистовъ и для адвокатовъ, когда, удалившись отъ дѣлъ, они стараются пріобрѣсти поземельную собственность и почетное общественное положеніе въ графствѣ. Много въ этой администраціи угловатаго, много недостаточнаго, но духъ въ ней господствующій вознаграждаетъ за всѣ эти недостатки.

Не легко сдѣлать обозрѣніе многосторонней дѣятельности англійскаго мироваго судьи. Отсутствіе систематичности въ англійскомъ законодательствѣ, приложеніемъ котораго на практикѣ заняты мировые судьи, еще болѣе затрудняетъ задачу. Въ настоящемъ очеркѣ мы имѣемъ въ виду преимущественно изложеніе круга дѣятельности *частныхъ* и *общихъ мировыхъ съѣздовъ*, въ рукахъ которыхъ преимущественно сосредоточивается мѣстное областное управленіе, но для того чтобы вполнѣ охарактеризовать дѣятельность съѣздовъ мировыхъ судей, необходимо указать главнѣйшія стороны власти мировыхъ судей въ единичной ихъ дѣятельности. При этомъ мы будемъ слѣдовать Гнейсту, у котораго разборъ этой стороны англійскаго самоуправленія отличается особенною подробностью и тщательностью; будемъ также пользоваться превосходнымъ руководствомъ для мировыхъ судей, извѣстнымъ въ Англіи подъ названіемъ: Burn's *Justice of Peace:*

Обязанности мироваго судьи какъ единичнаго должностнаго лица могутъ быть подведены подъ слѣдующія рубрики:

1) *Мировой судья, какъ охранитель мира по обычному праву.* Охраненіе мира проявляется въ трехъ функціяхъ мироваго судьи: онъ наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы ничего не случилось такого, что̀ могло бы вести непосредственно или косвенно къ нарушенію законнаго порядка; онъ принуждаетъ къ спокойствію тѣхъ, которые намѣреваются нарушить порядокъ; онъ наказываетъ тѣхъ, которые уже преступили законы общественнаго благочинія. Для исполненія возложенной на мироваго судьи обязанности по охраненію мира, онъ пользуется слѣдующими правами: а) правомъ брать нарушителей подъ стражу или отдавать соотвѣтственное приказаніе о

[redacted]

цѣлый рядъ законовъ для охраненія народной нравственности: преслѣдованіе безпорядочныхъ притоновъ, правила для трактирныхъ и тому подобныхъ заведеній, законы противъ роскоши. Охраненіе постановленій, составлявшихъ предметъ столь развившейся законодательной дѣятельности, было не подъ силу одному шерифу, и потому понятно, что въ этотъ же періодъ времени долженъ былъ появиться мало-по-малу цѣлый рядъ попытокъ къ созданію особаго учрежденія, способнаго имѣть постоянное и неослабное наблюденіе за исполненіемъ всѣхъ полицейско-административныхъ распоряженій правительства. Въ царствованіе Эдуарда I были назначаемы особые судьи для произнесенія приговоровъ надъ лицами, нарушившими общественную безопасность; при Эдуардѣ II мы также встрѣчаемъ попытку, впрочемъ лишь временную, назначенія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ особыхъ conservatores pacis, но лишь въ царствованіе Эдуарда III учрежденіе это получило болѣе опредѣленныя формы. Въ самомъ началѣ царствованія этого государя усиліями партіи королевы Изабеллы былъ изданъ особый законъ, которымъ возвѣщалось народу, что для охраненія мира имѣютъ быть назначены особые въ каждомъ графствѣ судьи, числомъ отъ двухъ до трехъ. Партія эта однако вскорѣ была низвергнута, и возстановленъ былъ прежній порядокъ судоговоренія чрезъ объѣзды графствъ центральными судьями. Между тѣмъ потребность въ учрежденіи особыхъ мѣстныхъ коммиссій съ судебною властью все болѣе и болѣе усиливалась и привела, послѣ нѣсколькихъ новыхъ неудачныхъ попытокъ, къ установленію въ 1360 году особыхъ въ каждомъ графствѣ полицейскихъ судей, какъ постояннаго учрежденія. Въ каждомъ графствѣ назначался для охраненія мира одинъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ - лордовъ, съ присоединеніемъ къ нему двухъ или трехъ наиболѣе почетныхъ въ графствѣ лицъ и нѣсколькихъ ученыхъ юристовъ. Симъ лицамъ присвоивалось право преслѣдовать, захватывать и подвергать наказаніямъ всѣхъ нарушителей закона, бунтовщиковъ и преступниковъ, при чемъ предписывалось судьямъ имѣть четыре раза въ году общее засѣданіе для совокупнаго разсмотрѣнія дѣлъ. Задача ихъ была двоякая: съ одной стороны, на обязанности ихъ лежало принятіе общихъ мѣръ по охраненію мира; съ другой стороны,

юрисдикціи ихъ предоставлено было наблюденіе за исполненіемъ всѣхъ законовъ общественнаго благочинія и благоустройства, охраненіе которыхъ въ особенности возлагалось на ихъ попеченіе. Въ силу сего, къ обязанностямъ ихъ были отнесены: разборъ землевладѣльцевъ и промышленниковъ съ ихъ рабочими и наемными служителями и наблюденіе за исполненіемъ законовъ общественной нравственности. Съ самаго начала вновь учрежденнымъ должностнымъ лицамъ присвоивается почетное названіе „мировыхъ судей".

Таково происхожденіе въ Англіи мироваго института, который, развиваясь постоянно съ 14-го столѣтія, проходилъ чрезъ всѣ фазы историческаго развитія общественныхъ учрежденій націи. Укрѣпляясь все болѣе и болѣе, англійскій мировой институтъ нынѣ, чрезъ 500 лѣтъ послѣ возникновенія, сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ нити мѣстной судебно-полицейской администраціи и хозяйственнаго управленія. Дѣла, которыя въ другихъ государствахъ Западной Европы распредѣляются между множествомъ самыхъ различныхъ учрежденій, частію избирательныхъ, частію бюрократическихъ, съ ихъ огромными канцеляріями, завѣдываются въ Англіи одними мировыми судьями и съѣздами. Они замѣняютъ провинціальныя представительныя земско - хозяйственныя учрежденія (conseils generaux, земскія учрежденія), центральное въ провинціи административное мѣсто (префектуру, губернское правленіе), слѣдственно-судебныхъ должностныхъ лицъ, полицейскихъ судей для мелкихъ проступковъ и преступленій, медицинско-врачебныя установленія и наконецъ должностныхъ лицъ для надзора за мѣстными общинными властями (мировые посредники). Понятно, что при указанномъ выше естественномъ возникновеніи мироваго института, вслѣдствіе требованій самой жизни народа, здѣсь не могло быть мѣста какимъ-либо теоретическимъ воззрѣніямъ о раздѣленіи властей и степени возможности или удобства возлагать на одни и тѣ же лица столь разнородную дѣятельность. По мѣрѣ обозначенія различныхъ по государственному управленію потребностей, правительство, вмѣсто созданія новыхъ учрежденій, по какимъ-либо напередъ созданнымъ шаблонамъ, обращалось къ установленію существующему, находящемуся въ непосредственной связи съ самою страной, и на учрежденіе это возлагало удовлетвореніе вновь

[redacted]

возникшей потребности общественнаго управленія. Правительство въ Англіи всегда понимало, что численность образованнаго класса въ извѣстной мѣстности (провинціи), никогда не можетъ быть значительна, что силы эти не должны быть раздробляемы, и что нѣтъ никакой рѣшительной надобности требовать, чтобы для исполненія каждаго отдѣльнаго рода обязанностей были призываемы особыя лица, когда обязанности эти безъ затрудненія могутъ быть исполняемы учрежденіями, съ которыми уже свыклось народное сознаніе. Правительство сознавало всегда и другую первостепенной важности аксіому въ дѣлѣ государственнаго управленія, а именно: что власть, для того чтобы быть сильною, должна быть единою. Никогда въ Англіи не приходило никому въ голову, что мѣстный судья не можетъ быть въ то же время администраторомъ и распорядителемъ въ дѣлѣ мѣстныхъ хозяйственныхъ интересовъ. Напротивъ того, въ Англіи всегда находили подобное соединеніе упомянутыхъ обязанностей весьма естественнымъ. Преобладавшимъ, весьма основательнымъ убѣжденіемъ было то, что немногихъ достойныхъ довѣрія лицъ во всякой мѣстности всегда можно найдти, и что удобнѣе и безопаснѣе ввѣрить этимъ немногимъ лицамъ болѣе обширную власть, чѣмъ быть принужденнымъ создавать въ каждомъ незначительномъ округѣ цѣлый рядъ должностей съ отдѣльными, но соприкасающимися сферами дѣйствія, безъ ручательства въ томъ, что для замѣщенія всѣхъ этихъ должностей просвѣщенными и благонамѣренными дѣятелями достанетъ и лицъ, и денежныхъ способовъ.

Но не одному лишь историческому развитію законодательства обязанъ мировой институтъ въ Англіи своимъ успѣхомъ. Здѣсь вмѣстѣ съ тѣмъ проявился весь политическій тактъ, весь истинно государственный духъ англійскаго высшаго землевладѣльческаго сословія. Какимъ образомъ сословіе это воспользовалось созданнымъ ему закономъ положеніемъ въ мировомъ институтѣ, какъ оно сумѣло укрѣпить за собой это положеніе, мы всего лучше увидимъ, прослѣдивъ, въ общихъ чертахъ, историческій ходъ измѣненія личнаго состава упомянутаго установленія. Основное начало англійскаго законодательства при опредѣленіи состава мировыхъ судовъ съ самаго начала ихъ образованія заключалось въ томъ, чтобы составить эти суды изъ богатѣйшихъ

мѣстныхъ землевладѣльцевъ, наиболѣе другихъ участвующихъ въ мѣстныхъ налогахъ, съ присоединеніемъ къ нимъ законовѣдовъ и безъ ограниченія правительства въ выборѣ опредѣляемыхъ имъ лицъ. На основаніи закона Эдуарда III назначенію въ мировые судьи въ каждомъ графствѣ подлежали: одинъ лордъ, три или четыре изъ достойнѣйшихъ мѣстныхъ гражданъ и нѣсколько законовѣдовъ. Законъ Ричарда II установляетъ, что мировые судьи должны быть назначаемы изъ знатнѣйшихъ и наиболѣе богатыхъ въ графствѣ баронетовъ, изъ землевладѣльцевъ и изъ законовѣдовъ (knights, esquires and gentlemen of the Law).

Лишь при Генрихѣ VI установленъ былъ для назначенія въ должность мироваго судьи опредѣленный цензъ: „ежегодный доходъ въ 20 серебряныхъ фунтовъ". Но если въ той или другой мѣстности, говоритъ тотъ же законъ, въ числѣ мѣстныхъ землевладѣльцевъ и знатныхъ лицъ не случится людей, свѣдущихъ въ законахъ и въ управленіи, то предоставляется лорду канцлеру назначать въ мировыя коммиссіи и другихъ свѣдущихъ въ законахъ лицъ, хотя бы они не имѣли узаконенной поземельной собственности. Упомянутый цензъ продолжалъ существовать до царствованія Георга II, который возвысилъ его до 100 фунт. стер. чистаго дохода съ какой-либо поземельной собственности, въ какой-либо части Англіи расположенной, или съ имѣнія, арендуемаго на правахъ долгосрочной, на 21 годъ, или пожизненной аренды. Цензъ этотъ, однако, никогда не исключалъ изъ права на занятіе должности мироваго судьи владѣльцевъ городской собственности и юристовъ. Послѣдніе считались съ самаго начала необходимою принадлежностью состава мироваго округа, а присутствіе ихъ на мировыхъ съѣздахъ при рѣшеніи гражданскихъ дѣлъ считалось обязательнымъ для дѣйствительности приговора съѣзда. Цѣлыя столѣтія оба эти сословія, землевладѣльцы и законовѣды, раздѣляли между собой должности мировыхъ судей. Лишь путемъ продолжительной, благородной борьбы на поприщѣ общественнаго служенія удалось землевладѣльцамъ вытѣснить изъ мироваго суда чиновный элементъ тѣмъ, что, съ одной стороны, само землевладѣльческое сословіе пріобрѣло тѣ качества, которыя сдѣлали его способнымъ исполнять трудную обязанность мировыхъ судей (знаніе

[redacted]

законовъ и дѣловое образованіе), съ другой стороны, сословіе это отказалось отъ выгодныхъ пошлинъ, замѣнявшихъ для мировыхъ судей содержаніе отъ казны, чѣмъ и самая должность получила новое, еще болѣе почетное значеніе—должности безвозмездной. Серіозная подготовка къ исполненію обязанностей мироваго судьи на университетской скамьѣ вошла мало-по-малу въ обычай въ высшихъ сословіяхъ; знакомство съ исторіей, основными законами и государственнымъ устройствомъ отечества стало все болѣе и болѣе распространяться, и такимъ образомъ произошло то явленіе, что занятіе должностей мировыхъ судей стало исключительнымъ удѣломъ образованныхъ высшихъ классовъ. Окончательный переходъ этихъ должностей въ руки землевладѣльческаго сословія совершился однако далеко не тотчасъ вслѣдъ за созданіемъ должности, а лишь въ XVIII столѣтіи, т.-е. до 400 лѣтъ спустя. Лишь длиннымъ рядомъ заслугъ предъ обществомъ, столѣтіями безкорыстныхъ трудовъ на пользу непосредственно окружающей среды, самопожертвованія и высокаго пониманія общественныхъ обязанностей стяжало англійское землевладѣльческое сословіе то уваженіе, то завидное общественное положеніе, которому нѣтъ подобнаго въ другихъ государствахъ Европы. Исключительное вліяніе на мѣстное управленіе, которому завидуютъ высшіе классы въ другихъ странахъ, было пріобрѣтено этими классами въ Англіи не силой законодательной привилегіи, но посредствомъ долгаго историческаго пути общественной дѣятельности. Высшее судилище въ Англіи справедливо выразилось недавно: „что англійскіе мировые судьи, служащіе безъ жалованья, составляютъ классъ людей, которому Англія обязана такими заслугами, какими ни одна нація не пользовалась отъ общественныхъ въ ней дѣятелей!“ До сихъ поръ живы въ воспоминаніяхъ каждаго Англичанина слова верховнаго судьи Кока: „должность мироваго судьи въ Англіи, хорошо исполненная, есть должность, которой подобной не имѣется на всемъ христіанскомъ свѣтѣ“. Дальтонъ—другая юридическая знаменитость—повторяетъ тѣ же слова съ присовокупленіемъ слѣдующихъ: „Значительная доля благоденствія нашей націи зависитъ отъ мировыхъ судей, отъ честнаго и добросовѣстнаго исполненія ими ихъ обязанностей.“ Такимъ образомъ занятіе должности мироваго судьи сдѣлалось, съ одной стороны, необходимою и въ

высшей степени образовательною школой для молодаго поколѣнія высшихъ землевладѣльческихъ классовъ (мировымъ судьею можно быть, едва достигнувъ 21 года), съ другой стороны—почетною наградой для лицъ духовнаго званія, для капиталистовъ и для адвокатовъ, когда, удалившись отъ дѣлъ, они стараются пріобрѣсти поземельную собственность и почетное общественное положеніе въ графствѣ. Много въ этой администраціи угловатаго, много недостаточнаго, но духъ въ ней господствующій вознаграждаетъ за всѣ эти недостатки.

Не легко сдѣлать обозрѣніе многосторонней дѣятельности англійскаго мироваго судьи. Отсутствіе систематичности въ англійскомъ законодательствѣ, приложеніемъ котораго на практикѣ заняты мировые судьи, еще болѣе затрудняетъ задачу. Въ настоящемъ очеркѣ мы имѣемъ въ виду преимущественно изложеніе круга дѣятельности *частныхъ* и *общихъ мировыхъ съѣздовъ*, въ рукахъ которыхъ преимущественно сосредоточивается мѣстное областное управленіе, но для того чтобы вполнѣ охарактеризовать дѣятельность съѣздовъ мировыхъ судей, необходимо указать главнѣйшія стороны власти мировыхъ судей въ единичной ихъ дѣятельности. При этомъ мы будемъ слѣдовать Гнейсту, у котораго разборъ этой стороны англійскаго самоуправленія отличается особенною подробностью и тщательностью; будемъ также пользоваться превосходнымъ руководствомъ для мировыхъ судей, извѣстнымъ въ Англіи подъ названіемъ: Burn's *Justice of Peace:*

Обязанности мироваго судьи какъ единичнаго должностнаго лица могутъ быть подведены подъ слѣдующія рубрики:

1) *Мировой судья, какъ охранитель мира по обычному праву.* Охраненіе мира проявляется въ трехъ функціяхъ мироваго судьи: онъ наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы ничего не случилось такого, что̀ могло бы вести непосредственно или косвенно къ нарушенію законнаго порядка; онъ принуждаетъ къ спокойствію тѣхъ, которые намѣреваются нарушить порядокъ; онъ наказываетъ тѣхъ, которые уже преступили законы общественнаго благочинія. Для исполненія возложенной на мироваго судьи обязанности по охраненію мира, онъ пользуется слѣдующими правами: а) правомъ брать нарушителей подъ стражу или отдавать соотвѣтственное приказаніе о

взятіи кого-либо подъ стражу; б) правомъ принимать отъ третьихъ лицъ заявленіе о томъ, что они опасаются злаго умысла отъ извѣстнаго имъ лица, вслѣдствіе чего лицо это можетъ быть вынуждено мировымъ судьей дать обязательство о ненарушеніи имъ мира и о явкѣ къ разбирательству на слѣдующій мировой съѣздъ, и даже представить залогъ въ исполненіи такого обязательства; в) требовать особыхъ залоговъ въ ненарушеніи спокойствія со стороны лицъ замѣченныхъ въ безпорядочной жизни, а именно: въ посѣщеніи непотребныхъ домовъ, въ пристанодержательствѣ, въ участіи въ ночныхъ воровствахъ и т. под.; г) и наконецъ возстановлять собственника въ правахъ его на собственность, насильно отнятую у него другимъ лицомъ.

2) *Мировой судья, какъ слѣдственный судья.* Вслѣдствіе или жалобы на кого-либо въ совершеніи тѣмъ лицомъ проступка или преступленія, или представленія на это лицо доноса, мировой судья имѣетъ право или вызвать къ себѣ обвиняемаго или выдать приказъ о его арестованіи. За симъ происходитъ, вызовъ свидѣтелей, допросъ ихъ и постановленіе судьи объ освобожденіи обвиняемаго отъ преслѣдованія, если по мнѣнію судьи нѣтъ достаточныхъ доказательствъ для производства надъ обвиняемымъ судебнаго слѣдствія. Если же судья, на основаніи доказательствъ, убѣждается въ томъ, что противъ обвиняемаго имѣется сильное подозрѣніе, или даже вѣроятіе въ его виновности, то онъ предаетъ его суду, смотря по важности преступленія, или королевскихъ судей, или общаго съѣзда мировыхъ судей. Съ этимъ вмѣстѣ отсылаются въ подлежащее мѣсто и всѣ акты предварительнаго слѣдствія.

3) *Мировой судья въ качествѣ полицейскаго судьи* постановляетъ какъ въ единоличномъ, такъ и въ соединенномъ съ другимъ судьей засѣданіи судебные приговоры по множеству проступковъ противъ общественнаго благочинія и порядка, сужденіе по коимъ въ разное время было предоставляемо судьямъ въ силу отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ и постановленій. Судоговореніе въ этихъ случаяхъ производится тѣмъ же порядкомъ какъ и производство предварительныхъ слѣдствій. Въ большинствѣ случаевъ мировому судьѣ предоставляется приговаривать къ наказанію до 30 руб. штрафа и до трехъ мѣсяцевъ заключенія въ тюрьмѣ графства или въ исправительномъ домѣ; нерѣдко

и болѣе, въ особенности въ тѣхъ дѣлахъ, которыя предоставлены суду двухъ мировыхъ судей въ соединенномъ засѣданіи. Случаи, въ коихъ судьи имѣютъ право постановлять судебные приговоры, чрезвычайно разнообразны: главнѣйшіе суть: нападеніе, безчеловѣчное обращеніе съ животными, вызовъ на дуэль, воровство собакъ, разломка заборовъ, воровство въ садахъ и огородахъ, поврежденіе газопроводовъ и фонарей, простое воровство, нарушеніе общественнаго благочинія (въ томъ числѣ шпіонство и подслушиваніе), нарушеніе правъ частнаго лица (private nuisances—застройка оконъ чужаго дома, порча воды), нарушеніе воскресныхъ и праздничныхъ дней, пьянство, ругательства, мелкія лѣсныя воровства (до 30 руб. цѣнностью), уклоненіе отъ прививки оспы; сюда же относятся дѣла по нарушенію постановленій и правилъ финансоваго законодательства, а именно: законовъ объ акцизныхъ сборахъ, о таможенныхъ пошлинахъ, о почтовомъ дѣлѣ и о гербовомъ сборѣ. Въ этихъ случаяхъ права мировыхъ судей опредѣляются особыми законами и чрезвычайно обширны. Двумъ мировымъ судьямъ въ соединенномъ засѣданіи нерѣдко предоставляется право приговаривать къ весьма значительнымъ штрафамъ (свыше 300 руб.) и къ тюремному заключенію на одинъ годъ.

4) *Особый разрядъ дѣлъ подвѣдомыхъ мировому суду составляютъ нарушенія общественнаго порядка и благочинія*, торговаго и ремесленнаго уставовъ и общественной нравственности. Сюда относятся: а) дѣла о возмутительныхъ собраніяхъ, бунтахъ или скопищахъ. Въ подобныхъ случаяхъ мировой судья обязанъ немедленно принимать надлежащія мѣры къ арестованію виновныхъ, составлять протоколъ и въ случаяхъ болѣе легкихъ тутъ же постановлять рѣшеніе о наказаніи пойманныхъ. Въ болѣе важныхъ случаяхъ на судьѣ лежитъ лишь обязанность принятія первыхъ противъ бунтовщиковъ мѣръ, чтеніе прокламаціи съ приказаніемъ бунтовщикамъ разойдтись по домамъ и т. д. Тѣ же предварительныя мѣры мировой судья принимаетъ противъ всякихъ тайныхъ и незаконныхъ собраній, клубовъ не записанныхъ въ полиціи, читалень и другихъ собраній. б) Подъ настоящую категорію подходятъ проступки противъ законовъ о печати, подлежащіе юрисдикціи двухъ мировыхъ судей въ соединенномъ засѣданіи. По отмѣнѣ въ 1694 году въ Англіи цензуры и по исчезновеніи въ царствованіе Георга III

[redacted]

другихъ законодательныхъ постановленій, имѣвшихъ характеръ предварительной цензуры, англійское законодательство о печати имѣетъ характеръ чисто карательный. Главнымъ закономъ о печати (39 года царствованія Георга III) опредѣлены полицейскія правила, соблюденіе коихъ обязательно для продавцевъ типографскихъ станковъ, для словолитенъ, типографій и издателей. Правила эти обязываютъ первыхъ вести подробные списки лицъ, пріобрѣтающихъ отъ нихъ машины и шрифты, а содержателей типографій—отпечатывать на первомъ и послѣднемъ листѣ своихъ изданій фирму и адресъ типографіи и сохранять по одному экземпляру всѣхъ своихъ изданій; то же обязательно и для издателя. Издатели газетъ, брошюръ и періодическихъ изданій (не превышающихъ двухъ листовъ въ каждомъ нумерѣ и продаваемыхъ ниже 6 пенсовъ) обязаны представить отъ двухъ до трехъ поручителей на сумму отъ 300 до 400 фунт. стерл. для обезпеченія могущихъ быть возбужденными противъ нихъ процессовъ. Наложеніе штрафовъ (отъ 20 до 100 фунт. стерл.) или, взамѣнъ ихъ, осужденіе на тюремное заключеніе за несоблюденіе приведенныхъ правилъ предоставляется соединенному засѣданію двухъ мировыхъ судей. в) Далѣе, вѣдѣнію мировыхъ судей подлежатъ проступки противъ постановленій о нищенствѣ и бродяжничествѣ. Бродяги вообще раздѣляются англійскимъ законодательствомъ на три разряда. Первый составляютъ праздныя и безпорядочныя личности. Сюда относятся: лица, не могущія трудомъ пропитывать свои семейства и уклоняющіяся отъ исполненія этой обязанности, отъ чего содержаніе ихъ семействъ падаетъ на счетъ общественнаго призрѣнія; разнощики, не снабженные билетами на мелочной торгъ; безпорядочныя уличныя женщины; лица, нищенствующія на улицахъ. Всѣ эти лица, при поимкѣ, наказываются заключеніемъ въ исправительный домъ на одинъ мѣсяцъ. Второй разрядъ бродягъ составляютъ бродяги въ собственномъ смыслѣ слова, обманщики, гадатели, извѣстные воры, лица скитающіяся по ночамъ и скрывающіяся въ необитаемыхъ зданіяхъ и мѣстахъ; они наказываются трехмѣсячнымъ заключеніемъ въ исправительномъ домѣ. Третій разрядъ бродягъ составляютъ неисправимые бродяги, то-есть лица, уличаемыя во второй разъ въ преступленіяхъ второй категоріи и въ третій разъ въ преступленіяхъ первой категоріи; лица, сопротивляющіяся полиціи при

ихъ поимкѣ и т. д. Бродяги третьяго разряда заключаются мировымъ судьею въ тюрьму до наступленія слѣдующаго за тѣмъ общаго мироваго съѣзда, который сверхъ того можетъ приговорить ихъ къ годовому заключенію въ исправительной тюрьмѣ, а мущинъ и къ тѣлесному наказанію. Полицейскіе, за непринятіе должныхъ мѣръ къ поимкѣ бродягъ, и частныя лица, мѣшающія полицейскимъ при исполненіи ими ихъ обязанностей, подвергаются штрафу до 5 фунт. стерл. или до трехъ мѣсяцевъ заключенія. г) Сюда же, равнымъ образомъ, относятся дѣла по нарушенію правилъ, постановленныхъ для разныхъ отраслей ремесленной и мануфактурной промышленностей, съ цѣлью охраненія публики отъ обмана и злоупотребленій ремесленниковъ.

Такія постановленія существуютъ относительно множества разныхъ отраслей ремесленной промышленности. Такъ, *фабриканты якорей* обязаны выставлять на своихъ произведеніяхъ нумера по порядку выпуска производимыхъ ими якорей съ завода и имя ихъ фирмы; аптекари также подчинены цѣлому уставу; для булочниковъ и пекарень также существуютъ особыя правила: *печеніе хлѣба* можетъ быть производимо лишь изъ извѣстнаго рода матеріаловъ, продажа его должна производиться съ *вѣса*, всякій хлѣбъ, содержащій примѣсь какой-либо другой муки, кромѣ пшеничной, долженъ быть означенъ большою буквой *M* (Mixed—смѣшанный). Для удостовѣренія въ соблюденіи всѣхъ этихъ правилъ производятся ревизіи въ пекарняхъ какъ самими судьями, такъ и полиціей, съ ихъ разрѣшенія. Подобныя же постановленія воспрещаютъ пивоварамъ примѣшивать какія-либо постороннія вещества въ пиво. Далѣе, *сыровареніе и продажа масла* также подчинены извѣстной регламентаціи (означеніе на самомъ сырѣ имени и адреса фабриканта, вѣрность вѣса при упаковкѣ, воспрещеніе подмѣси одного сорта масла къ другому). *Торговля каменнымъ углемъ* также охраняется отъ обмана извѣстнаго рода постановленіями: продажа должна быть совершаема съ вѣса, а не съ мѣры, мѣшки должны быть извѣстной величины, телѣги, употребляемыя для развозки угля, должны быть снабжены особымъ приборомъ для свѣшиванія угля. *Ярмарочная и базарная торговля* подлежатъ также извѣстной регламентаціи (записка продажи лошадей въ особыя книги). Особо строгимъ правиламъ подлежатъ лица, занимающіяся выдачей *ссудъ подъ залогъ движи-*

взятіи кого-либо подъ стражу; б) правомъ принимать отъ третьихъ лицъ заявленіе о томъ, что они опасаются злаго умысла отъ извѣстнаго имъ лица, вслѣдствіе чего лицо это можетъ быть вынуждено мировымъ судьей дать обязательство о ненарушеніи имъ мира и о явкѣ къ разбирательству на слѣдующій мировой съѣздъ, и даже представить залогъ въ исполненіи такого обязательства; в) требовать особыхъ залоговъ въ ненарушеніи спокойствія со стороны лицъ замѣченныхъ въ безпорядочной жизни, а именно: въ посѣщеніи непотребныхъ домовъ, въ пристанодержательствѣ, въ участіи въ ночныхъ воровствахъ и т. под.; г) и наконецъ возстановлять собственника въ правахъ его на собственность, насильно отнятую у него другимъ лицомъ.

2) *Мировой судья, какъ слѣдственный судья.* Вслѣдствіе или жалобы на кого-либо въ совершеніи тѣмъ лицомъ проступка или преступленія, или представленія на это лицо доноса, мировой судья имѣетъ право или вызвать къ себѣ обвиняемаго или выдать приказъ о его арестованіи. За симъ происходитъ, вызовъ свидѣтелей, допросъ ихъ и постановленіе судьи объ освобожденіи обвиняемаго отъ преслѣдованія, если по мнѣнію судьи нѣтъ достаточныхъ доказательствъ для производства надъ обвиняемымъ судебнаго слѣдствія. Если же судья, на основаніи доказательствъ, убѣждается въ томъ, что противъ обвиняемаго имѣется сильное подозрѣніе, или даже вѣроятіе въ его виновности, то онъ предаетъ его суду, смотря по важности преступленія, или королевскихъ судей, или общаго съѣзда мировыхъ судей. Съ этимъ вмѣстѣ отсылаются въ подлежащее мѣсто и всѣ акты предварительнаго слѣдствія.

3) *Мировой судья въ качествѣ полицейскаго судьи* постановляетъ какъ въ единоличномъ, такъ и въ соединенномъ съ другимъ судьей засѣданіи судебные приговоры по множеству проступковъ противъ общественнаго благочинія и порядка, сужденіе по коимъ въ разное время было предоставляемо судьямъ въ силу отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ и постановленій. Судоговореніе въ этихъ случаяхъ производится тѣмъ же порядкомъ какъ и производство предварительныхъ слѣдствій. Въ большинствѣ случаевъ мировому судьѣ предоставляется приговаривать къ наказанію до 30 руб. штрафа и до трехъ мѣсяцевъ заключенія въ тюрьмѣ графства или въ исправительномъ домѣ; нерѣдко

и болѣе, въ особенности въ тѣхъ дѣлахъ, которыя предоставлены суду двухъ мировыхъ судей въ соединенномъ засѣданіи. Случаи, въ коихъ судьи имѣютъ право постановлять судебные приговоры, чрезвычайно разнообразны: главнѣйшіе суть: нападеніе, безчеловѣчное обращеніе съ животными, вызовъ на дуэль, воровство собакъ, разломка заборовъ, воровство въ садахъ и огородахъ, поврежденіе газопроводовъ и фонарей, простое воровство, нарушеніе общественнаго благочинія (въ томъ числѣ шпіонство и подслушиваніе), нарушеніе правъ частнаго лица (private nuisances—застройка оконъ чужаго дома, порча воды), нарушеніе воскресныхъ и праздничныхъ дней, пьянство, ругательства, мелкія лѣсныя воровства (до 30 руб. цѣнностью), уклоненіе отъ прививки оспы; сюда же относятся дѣла по нарушенію постановленій и правилъ финансоваго законодательства, а именно: законовъ объ акцизныхъ сборахъ, о таможенныхъ пошлинахъ, о почтовомъ дѣлѣ и о гербовомъ сборѣ. Въ этихъ случаяхъ права мировыхъ судей опредѣляются особыми законами и чрезвычайно обширны. Двумъ мировымъ судьямъ въ соединенномъ засѣданіи нерѣдко предоставляется право приговаривать къ весьма значительнымъ штрафамъ (свыше 300 руб.) и къ тюремному заключенію на одинъ годъ.

4) *Особый разрядъ дѣлъ подвѣдомыхъ мировому суду составляютъ нарушенія общественнаго порядка и благочинія*, торговаго и ремесленнаго уставовъ и общественной нравственности. Сюда относятся: а) дѣла о возмутительныхъ собраніяхъ, бунтахъ или скопищахъ. Въ подобныхъ случаяхъ мировой судья обязанъ немедленно принимать надлежащія мѣры къ арестованію виновныхъ, составлять протоколъ и въ случаяхъ болѣе легкихъ тутъ же постановлять рѣшеніе о наказаніи пойманныхъ. Въ болѣе важныхъ случаяхъ на судьѣ лежитъ лишь обязанность принятія первыхъ противъ бунтовщиковъ мѣръ, чтеніе прокламаціи съ приказаніемъ бунтовщикамъ разойдтись по домамъ и т. д. Тѣ же предварительныя мѣры мировой судья принимаетъ противъ всякихъ тайныхъ и незаконныхъ собраній, клубовъ не записанныхъ въ полиціи, читаленъ и другихъ собраній. б) Подъ настоящую категорію подходятъ проступки противъ законовъ о печати, подлежащіе юрисдикціи двухъ мировыхъ судей въ соединенномъ засѣданіи. По отмѣнѣ въ 1694 году въ Англіи цензуры и по исчезновеніи въ царствованіе Георга III

другихъ законодательныхъ постановленій, имѣвшихъ характеръ предварительной цензуры, англійское законодательство о печати имѣетъ характеръ чисто карательный. Главнымъ закономъ о печати (39 года царствованія Георга III) опредѣлены полицейскія правила, соблюденіе коихъ обязательно для продавцевъ типографскихъ станковъ, для словолитень, типографій и издателей. Правила эти обязываютъ первыхъ вести подробные списки лицъ, пріобрѣтающихъ отъ нихъ машины и шрифты, а содержателей типографій—отпечатывать на первомъ и послѣднемъ листѣ своихъ изданій фирму и адресъ типографіи и сохранять по одному экземпляру всѣхъ своихъ изданій; то же обязательно и для издателя. Издатели газетъ, брошюръ и періодическихъ изданій (не превышающихъ двухъ листовъ въ каждомъ нумерѣ и продаваемыхъ ниже 6 пенсовъ) обязаны представить отъ двухъ до трехъ поручителей на сумму отъ 300 до 400 фунт. стерл. для обезпеченія могущихъ быть возбужденными противъ нихъ процессовъ. Наложеніе штрафовъ (отъ 20 до 100 фунт. стерл.) или, взамѣнъ ихъ, осужденіе на тюремное заключеніе за несоблюденіе приведенныхъ правилъ предоставляется соединенному засѣданію двухъ мировыхъ судей. в) Далѣе, вѣдѣнію мировыхъ судей подлежатъ проступки противъ постановленій о нищенствѣ и бродяжничествѣ. Бродяги вообще раздѣляются англійскимъ законодательствомъ на три разряда. Первый составляютъ праздныя и безпорядочныя личности. Сюда относятся: лица, не могущія трудомъ пропитывать свои семейства и уклоняющіяся отъ исполненія этой обязанности, отъ чего содержаніе ихъ семействъ падаетъ на счетъ общественнаго призрѣнія; разнощики, не снабженные билетами на мелочной торгъ; безпорядочныя уличныя женщины; лица, нищенствующія на улицахъ. Всѣ эти лица, при поимкѣ, наказываются заключеніемъ въ исправительный домъ на одинъ мѣсяцъ. Второй разрядъ бродягъ составляютъ бродяги въ собственномъ смыслѣ слова, обманщики, гадатели, извѣстные воры, лица скитающіяся по ночамъ и скрывающіяся въ необитаемыхъ зданіяхъ и мѣстахъ; они наказываются трехмѣсячнымъ заключеніемъ въ исправительномъ домѣ. Третій разрядъ бродягъ составляютъ неисправимые бродяги, то-есть лица, уличаемыя во второй разъ въ преступленіяхъ второй категоріи и въ третій разъ въ преступленіяхъ первой категоріи; лица, сопротивляющіяся полиціи при

[redacted]

ихъ поимкѣ и т. д. Бродяги третьяго разряда заключаются мировымъ судьею въ тюрьму до наступленія слѣдующаго за тѣмъ общаго мироваго съѣзда, который сверхъ того можетъ приговорить ихъ къ годовому заключенію въ исправительной тюрьмѣ, а мущинъ и къ тѣлесному наказанію. Полицейскіе, за непринятіе должныхъ мѣръ къ поимкѣ бродягъ, и частныя лица, мѣшающія полицейскимъ при исполненіи ими ихъ обязанностей, подвергаются штрафу до 5 фунт. стерл. или до трехъ мѣсяцевъ заключенія. г) Сюда же, равнымъ образомъ, относятся дѣла по нарушенію правилъ, постановленныхъ для разныхъ отраслей ремесленной и мануфактурной промышленностей, съ цѣлью охраненія публики отъ обмана и злоупотребленій ремесленниковъ.

Такія постановленія существуютъ относительно множества разныхъ отраслей ремесленной промышленности. Такъ, *фабриканты якорей* обязаны выставлять на своихъ произведеніяхъ нумера по порядку выпуска производимыхъ ими якорей съ завода и имя ихъ фирмы; аптекари также подчинены цѣлому уставу; для булочниковъ и пекарень также существуютъ особыя правила: *печеніе хлѣба* можетъ быть производимо лишь изъ извѣстнаго рода матеріаловъ, продажа его должна производиться съ *вѣса*, всякій хлѣбъ, содержащій примѣсь какой-либо другой муки, кромѣ пшеничной, долженъ быть означенъ большою буквой *M* (Mixed—смѣшанный). Для удостовѣренія въ соблюденіи всѣхъ этихъ правилъ производятся ревизіи въ пекарняхъ какъ самими судьями, такъ и полиціей, съ ихъ разрѣшенія. Подобныя же постановленія воспрещаютъ пивоварамъ примѣшивать какія-либо постороннія вещества въ пиво. Далѣе, *сыровареніе и продажа масла* также подчинены извѣстной регламентаціи (означеніе на самомъ сырѣ имени и адреса фабриканта, вѣрность вѣса при упаковкѣ, воспрещеніе подмѣси одного сорта масла къ другому). *Торговля каменнымъ углемъ* также охраняется отъ обмана извѣстнаго рода постановленіями: продажа должна быть совершаема съ вѣса, а не съ мѣры, мѣшки должны быть извѣстной величины, телѣги, употребляемыя для развозки угля, должны быть снабжены особымъ приборомъ для свѣшиванія угля. *Ярмарочная и базарная торговля* подлежатъ также извѣстной регламентаціи (записка продажи лошадей въ особыя книги). Особо строгимъ правиламъ подлежатъ лица, занимающіяся выдачей *ссудъ подъ залогъ движи-*

мостей: они платятъ весьма высокую патентную пошлину и обязаны къ соблюденію разныхъ формальностей при выдачѣ квитанцій въ пріемѣ вещей и къ самому точному веденію книгъ. Тайная раздача денегъ подъ залогъ вещей безъ вывѣски и уплаты за патентъ строго преслѣдуется; незаконное присвоеніе какой-либо вещи наказывается трехмѣсячнымъ арестомъ, и мѣстный приходскій попечитель уполномоченъ вести процессъ противъ упомянутыхъ лицъ на приходскій счетъ. * Продажа *чая* и *табаку* также находится подъ особымъ наблюденіемъ для предупрежденія подмѣсей и обмановъ. Проступки противъ всѣхъ этихъ постановленій наказываются то штрафами, болѣе или менѣе высокими, то тюремнымъ заключеніемъ по приговорамъ мировыхъ судей.

д) Къ числу законовъ, предназначенныхъ къ охраненію народной нравственности, относятся *разновременныя постановленія* противъ пьянства, outrage и la pudeur publique; противъ *публичныхъ и игорныхъ домовъ*. Преслѣдованіе публичныхъ домовъ поощряется особыми преміями, и посѣтители ихъ могутъ быть присуждены къ представленію поручителей въ хорошемъ ихъ на будущее время поведеніи. *Отдача залъ* или помѣщеній подъ публичныя чтенія, дебюты или библіотеки, когда за входъ взимается плата, обусловливается особымъ дозволеніемъ; равнымъ образомъ, сады и помѣщенія, предназначаемые въ Лондонѣ и окрестностяхъ его на 20 миль къ публичнымъ танцамъ, музыкѣ или другимъ увеселеніямъ, могутъ быть открываемы также лишь по особымъ ежегодно возобновляемымъ дозволеніямъ, полученіе которыхъ должно быть означено на дверяхъ. *Пьянство* наказывается штрафомъ въ 5 шиллинговъ ($1^1/_2$ р. с.) или заключеніемъ въ ножные деревянные кандалы на 6 часовъ; въ случаѣ повторенія — штрафомъ въ 10 фунт. стерл. Полицейскія правила, для Лондона постановленныя, угрожаютъ за пьянство, сопряженное съ шумнымъ и неприличнымъ поведеніемъ, штрафомъ въ 2 ф. ст. или заключеніемъ въ исправительный домъ на 7 дней. *За выставку неприличныхъ картинъ и изображеній* въ публичныхъ мѣстахъ, лавкахъ и т. п. назначено заключеніе въ исправительномъ домѣ на три мѣсяца. Особо строгими запрещеніями преслѣдуются

---

* *Parliament. Acts for the guidance of the Metropolitan Police. (Особый сборникъ полицейскихъ законовъ.)*

[redacted]

всѣ игорные дома и лица, участвующія въ азартныхъ играхъ. Наконецъ, особымъ разрѣшеніемъ со стороны четырехъ мировыхъ судей обусловливаются открытіе и содержаніе въ провинціи всякаго *театра*. Въ Лондонѣ разрѣшенія эти выдаетъ лордъ-камергеръ двора, на которомъ также лежитъ и театральная цензура. Въ силу постановленій объ этой цензурѣ всякій содержатель театра, въ какой бы части Англіи этотъ театръ ни находился, обязанъ за семь дней до представленія какой-либо новой піесы и части оной представить экземпляръ такой піесы лорду камергеру или назначенному имъ чиновнику, и сей послѣдній можетъ запретить піесу по причинѣ неприличія, нарушенія ею общественнаго спокойствія или ея безнравственности.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ законодательныя англійскія *постановленія относительно продажи крѣпкихъ напитковъ*; постановленія эти, существующія издавна, отличаются особеннымъ попеченіемъ объ огражденіи народной нравственности. Еще во времена Эдуарда VI изданъ былъ законъ, коимъ для продажи крѣпкихъ напитковъ установлено было условіе — полученіе особаго дозволительнаго свидѣтельства отъ мироваго судьи, которому предоставлялось назначать для каждаго содержателя подобнаго заведенія небольшую сумму залога, вносимаго въ обезпеченіе штрафовъ. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ мировой судья имѣлъ право закрытія упомянутаго заведенія. Въ послѣдствіи присоединилось другое обязательство, возложенное на продавцовъ крѣпкихъ напитковъ,—это уплата патентной пошлины, сопряженной съ полученіемъ особаго отъ акцизнаго вѣдомства свидѣтельства на торгъ. Въ настоящее время, для мѣстъ продажи крѣпкихъ напитковъ въ Англіи существуютъ *троякаго рода правила:* а) Для гостинницъ, рестороцій, кухмистерскихъ и всякихъ заведеній, въ коихъ производится продажа крѣпкихъ напитковъ распивочно, а равно и *питейныхъ домовъ съ правомъ продажи всякихъ крѣпкихъ оплаченныхъ акцизомъ напитковъ* (alehauses) установлено двойственное свидѣтельство: одно отъ акцизнаго начальства, а другое отъ съѣзда мировыхъ судей, ежегодно съѣзжающихся для выдачи подобныхъ свидѣтельствъ въ особое на сей конецъ засѣданіе подъ названіемъ: general annual licensing meeting. Съѣздъ этотъ можетъ, смотря по обстоятельствамъ и личности просителя, или разрѣшить выдачу свидѣтельства

на открытіе торговли напитками, или отказать въ немъ. Самое свидѣтельство содержитъ въ себѣ тѣ условія, при которыхъ дозволяется торговать крѣпкими напитками: къ продаваемымъ напиткамъ не должно быть примѣшиваемо никакихъ посторонних веществъ, и они не должны быть разбавляемы водой, продажа должна быть производима въ извѣстной, закономъ установленной мѣрѣ, торговецъ не долженъ допускать въ своемъ заведеніи пьянства или другихъ безпорядковъ, игръ или присутствія развратныхъ женщинъ, и не долженъ открывать заведенія въ праздники и недозволенные часы; кромѣ того, содержатель заведенія подчиняется еще и другимъ ограниченіямъ: напримѣръ, онъ долженъ соблюдать правила о непродажѣ напитковъ лицамъ моложе 16-ти лѣтъ и неимѣніи сообщенія помѣщеній, въ коихъ производится продажа напитковъ, съ другими какими-либо помѣщеніями, предназначенными для публичнаго употребленія. Проступки противъ указанныхъ правилъ наказываются: въ первый разъ — штрафомъ въ 5 фунт. стерл., во второй разъ — въ 10 фунт. стерл., а въ третій—50 ф. стерл. (по приговору частнаго съѣзда судей). Въ семъ послѣднемъ случаѣ судьи могутъ также предать обвиняемаго суду общаго мироваго съѣзда, который приговариваетъ его къ штрафу до 100 ф. стерл. или даже къ лишенію права производить торговлю, что̀ лишаетъ его права на полученіе новаго свидѣтельства въ теченіе трехъ лѣтъ. б) Заведенія для продажи питей на вынось открываются безъ особаго дозволительнаго свидѣтельства, по одной лишь уплатѣ патентной пошлины, хотя заведенія сіи подчинены такому же полицейскому надзору, какъ и заведенія для продажи пива. в) Третій, наконецъ, разрядъ составляютъ заведенія для распивочной продажи лишь одного пива, портера и эля (beerschups). Для открытія подобнаго рода заведеній требуется предъявленіе акцизному начальству удостовѣренія шести мѣстныхъ жителей въ добропорядочномъ поведеніи желающаго открыть торговлю; удостовѣреніе это должно быть засвидѣтельствовано мѣстнымъ надзирателемъ надъ бѣдными. Въ Лондонѣ и другихъ большихъ городахъ, пользующихся правомъ посылать своихъ представителей въ парламентъ, не требуется подобнаго удостовѣренія, но въ городахъ сихъ выдача патента для открытія портерной лавки обусловлена тѣмъ, что подобная лавка должна помѣщаться

[redacted]

въ домѣ, приносящемъ дохода отъ 8 до 30 ф. стерл. Списокъ разрѣшенныхъ акцизнымъ управленіемъ заведеній этого рода во всякое время долженъ быть предъявленъ мировому судьѣ по первому его требованію; хозяинъ заведенія представляетъ при самомъ открытіи до 20 фунтовъ залога въ обезпеченіе могущихъ быть наложенными на него штрафовъ. Правила относительно продажи напитковъ тѣ же какъ и для питейныхъ заведеній.

е) Къ числу законодательныхъ постановленій, касающихся общественнаго благоустройства и поддержаніе коихъ ввѣрено юрисдикціи мировыхъ судей, относятся правила дорожной и рѣчной полиціи. Сюда относятся весьма подробныя правила изданныя для *общественныхъ дилижансовъ*, каретъ и вообще наемныхъ экипажей. Извозный промыселъ вообще подлежитъ особому патентному налогу, и посему всѣ предназначенные для всеобщаго употребленія экипажи подлежатъ особой регистраціи и особому полицейскому надзору относительно ихъ прочности (дабы они не были нагружаемы сверхъ возможности съ опасностью для пассажировъ) и благонадежности управляющихъ ими лицъ. Равнымъ образомъ, особыми полицейскими правилами ограждается правильность и безопасность движенія: экипажей по большимъ дорогамъ, желѣзно-дорожныхъ поѣздовъ и рѣчныхъ судовъ по рѣкамъ и каналамъ. Отступленіе отъ всѣхъ подобныхъ правилъ наказывается особо установленными штрафами по приговорамъ мироваго суда.

ж) Наконецъ, къ обозрѣваемому отдѣлу англійскаго законодательства принадлежатъ законы регулирующіе *права охоты и рыбной ловли*, продажи дичи и рыбы и сохраненіе сихъ животныхъ. Сужденіе по проступкамъ противъ этихъ законовъ также предоставлено въ большинствѣ случаевъ мировымъ судьямъ.

5) Совершенно отдѣльный и весьма обширный предметъ вѣдомства мировыхъ судей составляетъ разбирательство взаимныхъ отношеній между рабочими съ одной стороны и землевладѣльцами и капиталистами съ другой. Законодательство по этому предмету въ средніе вѣка клонилось къ полному подчиненію рабочаго личной власти нанимателя. Особые судьи надъ рабочими установляли отъ времени до времени наемныя цѣны, и обязанность эта съ замѣной тѣхъ судей мировыми судьями перешла къ симъ послѣднимъ. Они должны

были въ особыхъ съѣздахъ установлять всѣ цѣны отдѣльныхъ работъ по всѣмъ отраслямъ земледѣльческой и фабричной промышленностей съ самою точною и щепетильною подробностью. Въ царствованіе Елизаветы всѣ законы, касавшіеся настоящаго предмета, были собраны въ особый уставъ. Въ силу сего устава, лица, не имѣющія опредѣленнаго занятія и способа пропитанія, могли быть принуждены мировымъ судьей ко вступленію въ наемъ на какой-либо земледѣльческой фермѣ. Въ случаѣ требованія какого-либо сельскаго хозяина могли быть принуждамы къ земледѣльческимъ работамъ всѣ лица отъ 12 до 60 лѣтъ, если лица сіи не джентльмены, не ремесленники и сами не обладаютъ поземельною собственностію въ 2 ф. дохода или не владѣютъ на 10 ф. стерл. движимымъ имуществомъ. Въ случаѣ отказа въ исполненіи такого распоряженія, лицамъ, до коихъ оно касалось, угрожала тюрьма. Особыми постановленіями должны были опредѣляться наемныя цѣны и число рабочихъ часовъ въ разное время года. Всякая стачка къ увеличенію заработной платы наказывалась весьма строго. Подобныя же постановленія изданы были и для разныхъ отраслей мануфактурной промышленности. Лишь мало-по-малу, съ водвореніемъ въ мировомъ институтѣ болѣе гуманнаго и безпристрастнаго духа, указанные нами законы стали приходить въ забвеніе, и мировой судъ сталъ доступенъ и рабочему классу. Въ XIX вѣкѣ старыя постановленія были отмѣнены, но разбирательство взаимныхъ претензій рабочихъ и нанимателей осталось на обязанности мировыхъ судей. Въ огражденіе рабочаго класса было постановлено, что всякія условія, въ силу коихъ рабочій получаетъ въ вознагражденіе за свой трудъ какой-либо предметъ натурой, а не деньгами, должны считаться недѣйствительными. Работа на фабрикахъ подчинена разнымъ гигіеническимъ условіямъ, за исполненіемъ коихъ слѣдятъ особые инспекторы фабрикъ. Юрисдикція по всѣмъ симъ предметамъ и разбирательство жалобъ рабочихъ на ихъ нанимателей предоставлены мировымъ судьямъ, которые, въ случаѣ отсутствія контрактовъ между обѣими сторонами, должны руководствоваться особыми постановленіями закона, въ родѣ нормальныхъ условій. Сюда же относятся и разбирательства по отдачѣ малолѣтнихъ въ ученіе.

6) Наконецъ особую, хотя и не весьма обширную область

юрисдикціи мироваго суда составляютъ *гражданскіе иски* и дѣла преимущественно по разбору споровъ между землевладѣльцами и ихъ фермерами, или съемщиками земель. Сюда относятся иски по неплатежу арендныхъ денегъ, по несоблюденію условій найма земель, по уничтоженію контрактовъ за дурное содержаніе земель и т. д. Вѣдѣнію мировыхъ же судей подлежатъ иски по взысканію десятинныхъ сборовъ, иски на общества взаимнаго вспоможенія и другія общества и дѣла объ отчужденіи земель для общественныхъ надобностей, когда сумма вознагражденія не превышаетъ 50 ф. ст.

7) Къ административной дѣятельности мировыхъ судей, въ единичной ихъ дѣятельности, относятся дѣла, о которыхъ говорено было выше, при разборѣ приходской администраціи; таковы: постановленія о взысканіи приходскихъ налоговъ, сложеніе таковыхъ налоговъ, формальное утвержденіе подати на содержаніе бѣдныхъ, составленіе списковъ присяжныхъ и нѣкоторыя другія дѣла.

V.

Уже выше было указано, что вся административная сторона дѣятельности англійскихъ мировыхъ судей сосредоточивается въ мировомъ съѣздѣ. *Мировые съѣзды бываютъ трехъ родовъ*: 1) *общіе*, созываемые каждую четверть года, или чаще (quarter sessions), и состоящіе изъ всѣхъ мировыхъ судей всего мироваго округа или графства; 2) *частные* (special sessions), состоящіе изъ нѣсколькихъ судей одного сотеннаго участка или уѣзда и 3) *малые* съѣзды, состоящіе изъ *двухъ* судей, для рѣшенія тѣхъ дѣлъ, для постановленія по коимъ требуется совокупная дѣятельность двухъ судей. Предѣлы графства совпадаютъ въ Англіи съ предѣлами мироваго округа; лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ образуется въ графствѣ болѣе одного мироваго округа. За симъ, графство подраздѣляется на сотенные участки, соотвѣтствующіе нашимъ уѣздамъ; въ каждомъ изъ такихъ подраздѣленій дѣйствуютъ, въ силу обычнаго права, особые судьи, которые имѣютъ опредѣленный для каждаго участокъ. Съѣздъ мировыхъ судей всего графства образуетъ общій мировой съѣздъ, а съѣздъ судей одного уѣзда или сотеннаго участка графства составляетъ частный мировой съѣздъ. Упомянутые

сотенные участки были въ прежнее время чрезвычайно разнообразны по своей величинѣ: одни были черезчуръ малы, другіе чрезвычайно велики, третьи наконецъ состояли изъ нѣсколькихъ черезполосно расположенныхъ приходовъ. Потому, въ началѣ нынѣшняго столѣтія мировымъ съѣздамъ было предоставлено передѣлять отъ времени до времени упомянутыя подраздѣленія графства, смотря по потребностямъ народонаселенія и удобству отправленія мировой юстиціи. О таковыхъ измѣненіяхъ публикуется заранѣе. Затѣмъ они утверждаются мировымъ съѣздомъ, въ видѣ опыта, на одинъ годъ и лишь по разсмотрѣніи всѣхъ поступившихъ въ теченіи года по сему предмету заявленій, жалобъ и просьбъ, новое распредѣленіе исправляется и окончательно утверждается впредь до новаго передѣла. Постараемся разсмотрѣть *предметы вѣдомства каждаго изъ трехъ различныхъ родовъ мировыхъ съѣздовъ.*

I. Чрезвычайно трудно было бы выдѣлить изъ общей массы дѣлъ подвѣдомыхъ мировому судьѣ въ Англіи тѣ изъ нихъ, въ которыхъ требуется совмѣстное постановленіе двухъ судей въ особомъ *маломъ съѣздѣ* (petty session), тѣмъ болѣе, что закономъ предоставляется мировому судьѣ обращаться къ содѣйствію своихъ товарищей во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ мѣстныя предубѣжденія или страсти заставляютъ желать совмѣстнаго судебнаго дѣйствія двухъ или нѣсколькихъ судей, дабы отвратить всякое подозрѣніе въ пристрастіи или произволѣ. Притомъ обычаемъ установилось то правило, что для судоговоренія, въ тѣхъ случаяхъ когда требуется совмѣстный приговоръ двухъ судей, необходимо дѣйствительное *присутствіе* двухъ судей, а для административныхъ совокупныхъ дѣйствій двухъ судей необходима лишь *подпись* этихъ лицъ.

II. Къ предметамъ вѣдомства *частныхъ съѣздовъ* (special sessions) относятся: 1) *Періодическія дѣла мѣстной администраціи.* Сюда принадлежатъ прежде всего дѣла по утвержденію въ должностяхъ приходскихъ властей, какъ то: опредѣленіе или скорѣе утвержденіе надзирателей надъ бѣдными (мировые судьи, въ силу обычая, обязаны назначать лицо стоящее во главѣ списка, представляемаго приходскимъ совѣтомъ), опредѣленіе приходскихъ констаблей и полицейскихъ служителей; отрѣшеніе такихъ констаблей отъ должности и изданіе для нихъ особыхъ инструкцій; назначеніе

[redacted]

наблюдателей за мѣрами и вѣсами; назначеніе надзирателей надъ дорогами, въ тѣхъ случаяхъ, когда они не будутъ выбраны годовымъ собраніемъ прихожанъ, или оставятъ свою должность въ теченіе года. Особые частные съѣзды, числомъ отъ 8 до 12 въ годъ, назначаются для разсмотрѣнія дѣлъ по дорожной части. Такъ, надзиратели надъ дорогами обязаны представлять общему собранію своихъ прихожанъ подробные отчеты объ употребленіи собираемыхъ на поддержаніе и устройство дорогъ сборовъ. Такой отчетъ представляется въ частный мировой съѣздъ, который, по выслушаніи замѣчаній на оный представителей прихода и отвѣтовъ надзирателей, постановляетъ по возникшимъ спорамъ свое рѣшеніе. Мировой же съѣздъ разрѣшаетъ всѣ споры между надзирателями надъ дорогами и придорожными владѣльцами о засореніи или застройкѣ дорогъ и пр., постановляетъ рѣшенія по жалобамъ приходскихъ властей или третьихъ лицъ на неисполненіе надзирателями за дорогами ихъ обязанностей по содержанію дорогъ въ исправности, а равно даетъ разрѣшеніе на истребованіе отъ землевладѣльцевъ необходимаго каменнаго матеріала, съ уплатой расходовъ перевозки. Наконецъ, съѣздъ же постановляетъ о соединеніи нѣсколькихъ приходовъ въ одинъ округъ для назначенія общихъ техническихъ инспекторовъ за дорогами. Особый родъ административныхъ дѣлъ подвѣдомыхъ частнымъ мировымъ съѣздамъ составляютъ дѣла по жалобамъ плательщиковъ на неправильное обложеніе приходскими мѣстными налогами, для чего назначаются четыре раза въ годъ особые съѣзды. Аппелляція въ этихъ дѣлахъ подается въ общій мировой съѣздъ, съ представленіемъ залога. 2) *Списки присяжныхъ засѣдателей* разсматриваются и утверждаются ежегодно особымъ для того назначаемымъ съѣздомъ. 3) Къ дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію частныхъ съѣздовъ, относится *утвержденіе судебныхъ расходовъ* въ тѣхъ случаяхъ, когда по закону они падаютъ пополамъ на графство и на казну. 4) Особый разрядъ дѣлъ составляетъ выдача разнаго рода *дозволительныхъ промышленныхъ свидѣтельствъ*; таковы: свидѣтельство для производства раздробительной продажи крѣпкихъ напитковъ распивочно, какъ въ особыхъ помѣщеніяхъ, такъ и въ ресторацiяхъ, трактирныхъ, кухмистерскихъ и другихъ

тому подобныхъ заведеніяхъ. Для выдачи такихъ свидѣтельствъ собирается ежегодно особый частный съѣздъ подъ названіемъ general annual licensing meeting, который, по разсмотрѣніи вступившихъ прошеній, рѣшаетъ по своему усмотрѣнію выдачу просителямъ свидѣтельствъ или отказъ въ оныхъ. Каждый, испрашивающій такое свидѣтельство, долженъ въ теченіе трехъ предшествующихъ воскресеній выставлять на дверяхъ приходской церкви извѣщеніе о томъ, что онъ намѣренъ ходатайствовать о выдачѣ ему свидѣтельства на содержаніе питейнаго заведенія. Мировой судья, какимъ-либо образомъ заинтересованный въ дѣлѣ продажи спиртныхъ напитковъ (владѣлецъ пивовареннаго завода, владѣлецъ дома, нанимаемаго лицомъ желающимъ открыть заведеніе, или состоящій въ родствѣ съ владѣльцемъ таковыхъ домовъ и заводовъ), не имѣетъ, подъ опасеніемъ штрафа во 100 ф. ст., права участвовать въ съѣздѣ для раздачи дозволеній. Упомянутыя дозволительныя свидѣтельства тѣмъ же порядкомъ выдаются на содержаніе публичнаго билліарда, на открытіе общественныхъ увеселительныхъ мѣстъ для танцевъ и музыки, публичныхъ мѣстъ для преній и читалень (послѣднія могутъ быть закрываемы вслѣдствіе показанія подъ присягой о томъ, что въ нихъ предлагаются публикѣ книги возмутительнаго или безнравственнаго содержанія), на открытіе театральныхъ представленій и на торговлю дичью. Особые по четвертямъ года съѣзды назначаются для передачи выданныхъ свидѣтельствъ другому лицу и для возобновленія такихъ свидѣтельствъ въ случаѣ смерти получателя и т. д. Апелляція на частный съѣздъ подается въ общій съѣздъ, а кассаціонная власть по рѣшаемымъ дѣламъ принадлежитъ высшимъ королевскимъ судамъ. 5) Разрѣшенію частныхъ съѣздовъ наконецъ подлежатъ *иски матерей незаконно-рожденныхъ дѣтей* противъ отца о неуплатѣ закономъ опредѣленныхъ платежей на содержаніе дѣтей и иски лицъ, потерпѣвшихъ отъ безпорядковъ причиненныхъ толпой, противъ сотеннаго участка, обязаннаго вознаградить такіе убытки; таковы иски по случаю преднамѣреннаго поврежденія или совершенной разломки машинъ, въ томъ числѣ и молотильныхъ. Въ болѣе важныхъ случаяхъ дѣла эти рѣшаются высшимъ судомъ, но когда убытки не превышаютъ 30 фунт. стерл., то жалоба

[redacted]

приносится съѣзду. 6) Суду мировыхъ судей въ частномъ съѣздѣ, наконецъ, подлежатъ *дѣла по преступленіямъ несовершеннолѣтнихъ и по простымъ воровствамъ*, которыя судятся безъ присяжныхъ.

Общее число всѣхъ частныхъ съѣздовъ въ году бываетъ до 32, по заранѣе опредѣленнымъ въ законѣ днямъ.

III. *Общіе* мировые съѣзды суть собранія всѣхъ мировыхъ судей графства. Со времени первоначальнаго установленія мироваго института, установлены были четыре срока въ году для созванія мироваго съѣзда; но уже вскорѣ затѣмъ былоу законено, что съѣзды могутъ быть собираемы чаще. Отсюда произошло различіе между четвертными и простыми общими съѣздами, хотя предѣлы власти тѣхъ и другихъ можно считать почти одинаковыми (general quarter sessions and general sessions). Созваніе общаго мироваго съѣзпроизводится двумя мировыми судьями за 15 дней впередъ, повѣсткой на имя шерифа, который и обязанъ пригласить мировыхъ судей и другихъ должностныхъ лицъ и распорядиться о призывѣ лицъ для состава суда присяжныхъ. Открытіе суда производится съ особою торжественностью въ присутствіи хранителя дѣлъ (custos rotularum), секретаря мироваго съѣзда, шерифа или его намѣстника, мѣстныхъ коронеровъ (слѣдственныхъ судей по дѣламъ о мертвыхъ тѣлахъ), главныхъ констаблей каждаго сотеннаго участка (high constables), надзирателей надъ тюрьмой и исправительными домами графства и лицъ созванныхъ для исполненія должности присяжныхъ засѣдателей.

Предметы вѣдомства общихъ мировыхъ съѣздовъ Гнейстъ подраздѣляетъ на три группы:

А. Мировой съѣздъ дѣйствуетъ какъ *уголовный судъ* первой инстанціи по нѣкоторымъ дѣламъ, изъятымъ изъ единоличнаго суда мировыхъ судей. Положительно проведенной границы между юрисдикціей мировыхъ съѣздовъ и странствующихъ королевскихъ судей никогда не было, и нерѣдко выборъ между отдачей дѣла на судъ мироваго съѣзда или на судъ королевскаго судьи разрѣшался случайными обстоятельствами. Лишь позднѣйшими законодательными постановленіями были поименно исключены нѣкоторыя болѣе важныя преступленія изъ предѣловъ власти мировыхъ съѣздовъ. Таковы: измѣна, убійство, преступленія за которыя назначаются

были въ особыхъ съѣздахъ установлять всѣ цѣны отдѣльныхъ работъ по всѣмъ отраслямъ земледѣльческой и фабричной промышленностей съ самою точною и щепетильною подробностью. Въ царствованіе Елизаветы всѣ законы, касавшіеся настоящаго предмета, были собраны въ особый уставъ. Въ силу сего устава, лица, не имѣющія опредѣленнаго занятія и способа пропитанія, могли быть принуждены мировымъ судьей ко вступленію въ наемъ на какой-либо земледѣльческой фермѣ. Въ случаѣ требованія какого-либо сельскаго хозяина могли быть принуждамы къ земледѣльческимъ работамъ всѣ лица отъ 12 до 60 лѣтъ, если лица сіи не джентльмены, не ремесленники и сами не обладаютъ поземельною собственностію въ 2 ф. дохода или не владѣютъ на 10 ф. стерл. движимымъ имуществомъ. Въ случаѣ отказа въ исполненіи такого распоряженія, лицамъ, до коихъ оно касалось, угрожала тюрьма. Особыми постановленіями должны были опредѣляться наемныя цѣны и число рабочихъ часовъ въ разное время года. Всякая стачка къ увеличенію заработной платы наказывалась весьма строго. Подобныя же постановленія изданы были и для разныхъ отраслей мануфактурной промышленности. Лишь мало-по-малу, съ водвореніемъ въ мировомъ институтѣ болѣе гуманнаго и безпристрастнаго духа, указанные нами законы стали приходить въ забвеніе, и мировой судъ сталъ доступенъ и рабочему классу. Въ XIX вѣкѣ старыя постановленія были отмѣнены, но разбирательство взаимныхъ претензій рабочихъ и нанимателей осталось на обязанности мировыхъ судей. Въ огражденіе рабочаго класса было постановлено, что всякія условія, въ силу коихъ рабочій получаетъ въ вознагражденіе за свой трудъ какой-либо предметъ натурой, а не деньгами, должны считаться недѣйствительными. Работа на фабрикахъ подчинена разнымъ гигіеническимъ условіямъ, за исполненіемъ коихъ слѣдятъ особые инспекторы фабрикъ. Юрисдикція по всѣмъ симъ предметамъ и разбирательство жалобъ рабочихъ на ихъ нанимателей предоставлены мировымъ судьямъ, которые, въ случаѣ отсутствія контрактовъ между обѣими сторонами, должны руководствоваться особыми постановленіями закона, въ родѣ нормальныхъ условій. Сюда же относятся и разбирательства по отдачѣ малолѣтнихъ въ ученіе.

6) Наконецъ особую, хотя и не весьма обширную область

юрисдикціи мироваго суда составляютъ *гражданскіе иски* и дѣла преимущественно по разбору споровъ между землевладѣльцами и ихъ фермерами, или съемщиками земель. Сюда относятся иски по неплатежу арендныхъ денегъ, по несоблюденію условій найма земель, по уничтоженію контрактовъ за дурное содержаніе земель и т. д. Вѣдѣнію мировыхъ же судей подлежатъ иски по взысканію десятинныхъ сборовъ, иски на общества взаимнаго вспоможенія и другія общества и дѣла объ отчужденіи земель для общественныхъ надобностей, когда сумма вознагражденія не превышаетъ 50 ф. ст.

7) Къ административной дѣятельности мировыхъ судей, въ единичной ихъ дѣятельности, относятся дѣла, о которыхъ говорено было выше, при разборѣ приходской администраціи; таковы: постановленія о взысканіи приходскихъ налоговъ, сложеніе таковыхъ налоговъ, формальное утвержденіе подати на содержаніе бѣдныхъ, составленіе списковъ присяжныхъ и нѣкоторыя другія дѣла.

V.

Уже выше было указано, что вся административная сторона дѣятельности англійскихъ мировыхъ судей сосредоточивается въ мировомъ съѣздѣ. *Мировые съѣзды бываютъ трехъ родовъ*: 1) *общіе*, созываемые каждую четверть года, или чаще (quarter sessions), и состоящіе изъ всѣхъ мировыхъ судей всего мироваго округа или графства; 2) *частные* (special sessions), состоящіе изъ нѣсколькихъ судей одного сотеннаго участка или уѣзда и 3) *малые* съѣзды, состоящіе изъ *двухъ* судей, для рѣшенія тѣхъ дѣлъ, для постановленія по коимъ требуется совокупная дѣятельность двухъ судей. Предѣлы графства совпадаютъ въ Англіи съ предѣлами мироваго округа; лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ образуется въ графствѣ болѣе одного мироваго округа. За симъ, графство подраздѣляется на сотенные участки, соотвѣтствующіе нашимъ уѣздамъ; въ каждомъ изъ такихъ подраздѣленій дѣйствуютъ, въ силу обычнаго права, особые судьи, которые имѣютъ опредѣленный для каждаго участокъ. Съѣздъ мировыхъ судей всего графства образуетъ общій мировой съѣздъ, а съѣздъ судей одного уѣзда или сотеннаго участка графства составляетъ частный мировой съѣздъ. Упомянутые

сотенные участки были въ прежнее время чрезвычайно разнообразны по своей величинѣ: одни были черезчуръ малы, другіе чрезвычайно велики, третьи наконецъ состояли изъ нѣсколькихъ черезполосно расположенныхъ приходовъ. Потому, въ началѣ нынѣшняго столѣтія мировымъ съѣздамъ было предоставлено передѣлять отъ времени до времени упомянутыя подраздѣленія графства, смотря по потребностямъ народонаселенія и удобству отправленія мировой юстиціи. О таковыхъ измѣненіяхъ публикуется заранѣе. Затѣмъ они утверждаются мировымъ съѣздомъ, въ видѣ опыта, на одинъ годъ и лишь по разсмотрѣніи всѣхъ поступившихъ въ теченіи года по сему предмету заявленій, жалобъ и просьбъ, новое распредѣленіе исправляется и окончательно утверждается впредь до новаго передѣла. Постараемся разсмотрѣть *предметы вѣдомства каждаго изъ трехъ различныхъ родовъ мировыхъ съѣздовъ.*

I. Чрезвычайно трудно было бы выдѣлить изъ общей массы дѣлъ подвѣдомыхъ мировому судьѣ въ Англіи тѣ изъ нихъ, въ которыхъ требуется совмѣстное постановленіе двухъ судей въ особомъ *маломъ съѣздѣ* (petty session), тѣмъ болѣе, что закономъ предоставляется мировому судьѣ обращаться къ содѣйствію своихъ товарищей во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ мѣстныя предубѣжденія или страсти заставляютъ желать совмѣстнаго судебнаго дѣйствія двухъ или нѣсколькихъ судей, дабы отвратить всякое подозрѣніе въ пристрастіи или произволѣ. Притомъ обычаемъ установилось то правило, что для судоговоренія, въ тѣхъ случаяхъ когда требуется совмѣстный приговоръ двухъ судей, необходимо дѣйствительное *присутствіе* двухъ судей, а для административныхъ совокупныхъ дѣйствій двухъ судей необходима лишь *подпись* этихъ лицъ.

II. Къ предметамъ вѣдомства *частныхъ съѣздовъ* (special sessions) относятся: 1) *Періодическія дѣла мѣстной администраціи.* Сюда принадлежатъ прежде всего дѣла по утвержденію въ должностяхъ приходскихъ властей, какъ то: опредѣленіе или скорѣе утвержденіе надзирателей надъ бѣдными (мировые судьи, въ силу обычая, обязаны назначать лицо стоящее во главѣ списка, представляемаго приходскимъ совѣтомъ), опредѣленіе приходскихъ констаблей и полицейскихъ служителей; отрѣшеніе такихъ констаблей отъ должности и изданіе для нихъ особыхъ инструкцій; назначеніе

[redacted]

наблюдателей за мѣрами и вѣсами; назначеніе надзирателей надъ дорогами, въ тѣхъ случаяхъ, когда они не будутъ выбраны годовымъ собраніемъ прихожанъ, или оставятъ свою должность въ теченіе года. Особые частные съѣзды, числомъ отъ 8 до 12 въ годъ, назначаются для разсмотрѣнія дѣлъ по дорожной части. Такъ, надзиратели надъ дорогами обязаны представлять общему собранію своихъ прихожанъ подробные отчеты объ употребленіи собираемыхъ на поддержаніе и устройство дорогъ сборовъ. Такой отчетъ представляется въ частный мировой съѣздъ, который, по выслушаніи замѣчаній на оный представителей прихода и отвѣтовъ надзирателей, постановляетъ по возникшимъ спорамъ свое рѣшеніе. Мировой же съѣздъ разрѣшаетъ всѣ споры между надзирателями надъ дорогами и придорожными владѣльцами о засореніи или застройкѣ дорогъ и пр., постановляетъ рѣшенія по жалобамъ приходскихъ властей или третьихъ лицъ на неисполненіе надзирателями за дорогами ихъ обязанностей по содержанію дорогъ въ исправности, а равно даетъ разрѣшеніе на истребованіе отъ землевладѣльцевъ необходимаго каменнаго матеріала, съ уплатой расходовъ перевозки. Наконецъ, съѣздъ же постановляетъ о соединеніи нѣсколькихъ приходовъ въ одинъ округъ для назначенія общихъ техническихъ инспекторовъ за дорогами. Особый родъ административныхъ дѣлъ подвѣдомыхъ частнымъ мировымъ съѣздамъ составляютъ дѣла по жалобамъ плательщиковъ на неправильное обложеніе приходскими мѣстными налогами, для чего назначаются четыре раза въ годъ особые съѣзды. Аппелляція въ этихъ дѣлахъ подается въ общій мировой съѣздъ, съ представленіемъ залога. 2) *Списки присяжныхъ засѣдателей* разсматриваются и утверждаются ежегодно особымъ для того назначаемымъ съѣздомъ. 3) Къ дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію частныхъ съѣздовъ, относится *утвержденіе судебныхъ расходовъ* въ тѣхъ случаяхъ, когда по закону они падаютъ пополамъ на графство и на казну. 4) Особый разрядъ дѣлъ составляетъ выдача разнаго рода *дозволительныхъ промышленныхъ свидѣтельствъ*; таковы: свидѣтельство для производства раздробительной продажи крѣпкихъ напитковъ распивочно, какъ въ особыхъ помѣщеніяхъ, такъ и въ ресторацiяхъ, трактирныхъ, кухмистерскихъ и другихъ

тому подобныхъ заведеніяхъ. Для выдачи такихъ свидѣтельствъ собирается ежегодно особый частный съѣздъ подъ названіемъ general annual licensing meeting, который, по разсмотрѣніи вступившихъ прошеній, рѣшаетъ по своему усмотрѣнію выдачу просителямъ свидѣтельствъ или отказъ въ оныхъ. Каждый, испрашивающій такое свидѣтельство, долженъ въ теченіе трехъ предшествующихъ воскресеній выставлять на дверяхъ приходской церкви извѣщеніе о томъ, что онъ намѣренъ ходатайствовать о выдачѣ ему свидѣтельства на содержаніе питейнаго заведенія. Мировой судья, какимъ-либо образомъ заинтересованный въ дѣлѣ продажи спиртныхъ напитковъ (владѣлецъ пивоваренкаго завода, владѣлецъ дома, нанимаемаго лицомъ желающимъ открыть заведеніе, или состоящій въ родствѣ съ владѣльцемъ таковыхъ домовъ и заводовъ), не имѣетъ, подъ опасеніемъ штрафа во 100 ф. ст., права участвовать въ съѣздѣ для раздачи дозволеній. Упомянутыя дозволительныя свидѣтельства тѣмъ же порядкомъ выдаются на содержаніе публичнаго билліарда, на открытіе общественныхъ увеселительныхъ мѣстъ для танцевъ и музыки, публичныхъ мѣстъ для преній и читаленъ (послѣднія могутъ быть закрываемы вслѣдствіе показанія подъ присягой о томъ, что въ нихъ предлагаются публикѣ книги возмутительнаго или безнравственнаго содержанія), на открытіе театральныхъ представленій и на торговлю дичью. Особые по четвертямъ года съѣзды назначаются для передачи выданныхъ свидѣтельствъ другому лицу и для возобновленія такихъ свидѣтельствъ въ случаѣ смерти получателя и т. д. Аппелляція на частный съѣздъ подается въ общій съѣздъ, а кассаціонная власть по рѣшаемымъ дѣламъ принадлежитъ высшимъ королевскимъ судамъ. 5) Разрѣшенію частныхъ съѣздовъ наконецъ подлежатъ *иски матерей незаконно-рожденныхъ дѣтей* противъ отца о неуплатѣ закономъ опредѣленныхъ платежей на содержаніе дѣтей и иски лицъ, потерпѣвшихъ отъ безпорядковъ причиненныхъ толпой, противъ сотеннаго участка, обязаннаго вознаградить такіе убытки; таковы иски по случаю преднамѣреннаго повреждения или совершенной разломки машинъ, въ томъ числѣ и молотильныхъ. Въ болѣе важныхъ случаяхъ дѣла эти рѣшаются высшимъ судомъ, но когда убытки не превышаютъ 30 фунт. стерл., то жалоба

[redacted]

приносится съѣзду. 6) Суду мировыхъ судей въ частномъ съѣздѣ, наконецъ, подлежатъ *дѣла по преступленіямъ несовершеннолѣтнихъ и по простымъ воровствамъ*, которыя судятся безъ присяжныхъ.

Общее число всѣхъ частныхъ съѣздовъ въ году бываетъ до 32, по заранѣе опредѣленнымъ въ законѣ днямъ.

III. *Общіе* мировые съѣзды суть собранія всѣхъ мировыхъ судей графства. Со времени первоначальнаго установленія мироваго института, установлены были четыре срока въ году для созванія мироваго съѣзда; но уже вскорѣ затѣмъ былоу законено, что съѣзды могутъ быть собираемы чаще. Отсюда произошло различіе между четвертными и простыми общими съѣздами, хотя предѣлы власти тѣхъ и другихъ можно считать почти одинаковыми (general quarter sessions and general sessions). Созваніе общаго мироваго съѣзпроизводится двумя мировыми судьями за 15 дней впередъ, повѣсткой на имя шерифа, который и обязанъ пригласить мировыхъ судей и другихъ должностныхъ лицъ и распорядиться о призывѣ лицъ для состава суда присяжныхъ. Открытіе суда производится съ особою торжественностью въ присутствіи хранителя дѣлъ (custos rotularum), секретаря мироваго съѣзда, шерифа или его намѣстника, мѣстныхъ коронеровъ (слѣдственныхъ судей по дѣламъ о мертвыхъ тѣлахъ), главныхъ констаблей каждаго сотеннаго участка (high constables), надзирателей надъ тюрьмой и исправительными домами графства и лицъ созванныхъ для исполненія должности присяжныхъ засѣдателей.

Предметы вѣдомства общихъ мировыхъ съѣздовъ Гнейстъ подраздѣляетъ на три группы:

А. Мировой съѣздъ дѣйствуетъ какъ *уголовный судъ* первой инстанціи по нѣкоторымъ дѣламъ, изъятымъ изъ единоличнаго суда мировыхъ судей. Положительно проведенной границы между юрисдикціей мировыхъ съѣздовъ и странствующихъ королевскихъ судей никогда не было, и нерѣдко выборъ между отдачей дѣла на судъ мироваго съѣзда или на судъ королевскаго судьи разрѣшался случайными обстоятельствами. Лишь позднѣйшими законодательными постановленіями были поименно исключены нѣкоторыя болѣе важныя преступленія изъ предѣловъ власти мировыхъ съѣздовъ. Таковы: измѣна, убійство, преступленія за которыя назначаются

смертная казнь или пожизненная ссылка, и другія важныя преступленія: подлоги, двоеженство, подкупъ, и др. Мировымъ съѣздамъ предоставлены: дѣла по нанесенію побоевъ въ болѣе важныхъ случаяхъ, по обманамъ, по простымъ воровствамъ, по присвоенію чужой собственности хитростію, по вызовамъ на дуэль, по дурному обращенію съ дѣтьми и слугами, по насильственному завладѣнію, по преступленіямъ противъ общественной нравственности и по нарушенію законовъ общественнаго благочинія и благонравія; болѣе легкія преступленія противъ религіи, отказъ въ принятіи должностей общественной службы, нерадѣніе по службѣ, шумъ, возмущеніе, противозаконныя собранія. Самыя формы уголовнаго процесса на мировомъ съѣздѣ тѣ же какъ и на судѣ предъ королевскими судьями. Отдача подъ судъ рѣшается большимъ судомъ 24 присяжныхъ, а самый судъ совершается при участіи присяжныхъ засѣдателей, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, когда судъ производится безъ участія присяжныхъ, какъ-то: въ дѣлахъ по обвиненію содержателя питейнаго заведенія, въ нарушеніи правилъ въ третій разъ, а также по нарушенію богослуженія, по обвиненію въ покупкѣ фабричныхъ произведеній отъ рабочихъ и нѣкоторымъ другимъ. По упомянутымъ уголовнымъ дѣламъ кассація, въ случаѣ очевидной ошибки, принадлежитъ верховному суду Королевской Скамьи, который можетъ также перенести всякое дѣло къ себѣ и въ случаѣ подозрѣнія мироваго съѣзда въ пристрастіи; можетъ также возстановить право уголовнаго иска, въ случаѣ отказа въ правосудіи.

Б. *Другую категорію дѣлъ* подвѣдомыхъ мировому суду составляютъ *дѣла гражданскія*, т.-е., съ одной стороны, нѣкоторые гражданскіе иски, какъ-то: иски мастеровъ противъ учениковъ, иски по принужденію кого-либо къ сохраненію общественнаго спокойствія (въ случаѣ угрозъ противъ третьяго лица), иски по принужденію отца незаконнорожденнаго ребенка къ его содержанію, по обвиненію въ бродяжничествѣ самаго важнаго третьяго разряда, и по отчужденію земель подъ надобности коммиссіи осушенія. Съ другой стороны, самую главную часть гражданскихъ дѣлъ составляютъ *дѣла административныя*. Въ этомъ отношеніи, въ мировомъ съѣздѣ, какъ высшей административной въ графствѣ инстанціи, сосредоточиваются самыя разнообразныя дѣла, вѣдѣніе

[redacted]

которыхъ на континентѣ дѣлится между множествомъ различныхъ мѣстъ и административныхъ властей. Къ этой категоріи дѣлъ относятся слѣдующія обязанности мироваго съѣзда:

1) Вотированіе всѣхъ расходовъ на содержаніе всего управленія и юстиціи графства.

2) Попеченія объ устройствѣ и содержаніи общественныхъ зданій для нуждъ администраціи и судебныхъ учрежденій графства, на какой предметъ могутъ быть мировымъ съѣздомъ заключаемы займы, подъ обезпеченіе налога, взимаемаго для потребностей управленія графства; далѣе, приспособленіе помѣщеній для частныхъ мировыхъ съѣздовъ по сотеннымъ участкамъ; помѣщенія для странствующихъ судей на время судебныхъ засѣданій; постройка и содержаніе тюремныхъ учрежденій графства.

3) Мировымъ съѣздамъ принадлежитъ назначеніе разныхъ должностныхъ лицъ: казначея графства, секретаря съѣзда въ извѣстныхъ случаяхъ (въ обыкновенномъ порядкѣ, право это принадлежитъ особому въ графствѣ почетному лицу, хранителю дѣлъ), надзирателей за мостами, инспекторовъ мѣръ и вѣсовъ, а равнымъ образомъ полицейскихъ чиновъ.

4) Въ видахъ облегченія исполненія законодательныхъ мѣръ, мировые съѣзды въ правѣ издавать особые циркуляры и административныя правила, а именно: по управленію тюрьмами и частными лѣчебницами для душевныхъ болѣзней, по рыболовству, по установленію таксы пошлинъ взимаемыхъ коронерами, секретарями мировыхъ судей (таксы для сихъ послѣднихъ издаются съ утвержденія министра внутреннихъ дѣлъ) и констаблями (съ утвержденія одного изъ странствующихъ королевскихъ судей).

5) Мировые съѣзды вѣдаютъ *дѣла по раздѣленію графства на участки* и по передѣленію сихъ участковъ; дѣла по присоединенію къ приходамъ мѣстъ, остававшихся безъ включенія въ какой-либо приходъ; дѣла, по представленіямъ верховной власти, о раздѣленіи графства на особые участки для производства парламентскихъ выборовъ.

6) Общему мировому съѣзду предоставлена также *выдача дозволительныхъ свидѣтельствъ* по нѣкоторымъ ремесламъ и занятіямъ, на содержаніе частной лѣчебницы для душевныхъ болѣзней, на содержаніе пороховыхъ фабрикъ и магазиновъ, на учрежденіе боевъ и золотарныхъ заведеній;

утвержденіе всякой вновь образуемой сберегательной кассы (съ правомъ повѣрять ея счеты), утвержденіе уставовъ обществъ взаимнаго вспоможенія (по предварительномъ разсмотрѣніи такихъ уставовъ особо назначаемымъ для того законовѣдомъ), регистрація ученыхъ и литературныхъ обществъ и обществъ для постройки домовъ съ дешевыми квартирами.

7) Мировымъ съѣздамъ принадлежитъ также *и высшій надзоръ за мѣрами и вѣсами въ графствѣ*. Для этой цѣли мировые съѣзды назначаютъ особыхъ инспекторовъ, которые снабжаются нормальными мѣрами и вѣсами и въ извѣстные дни являются въ различные села и города, гдѣ, по вывѣркѣ представляемыхъ имъ мѣръ и вѣсовъ, они клеймятъ ихъ особыми клеймами, и затѣмъ посѣщаютъ лавки и магазины для провѣрки находящихся и употребляемыхъ въ нихъ вѣсовъ. Мѣстные частные съѣзды также назначаютъ особыхъ наблюдателей за мѣрами и вѣсами, съ правомъ посѣщенія лавокъ и наблюденія за правильностью употребляемыхъ вѣсовъ и мѣръ. Въ случаяхъ употребленія неправильныхъ вѣсовъ и мѣръ, наказаніе за то налагается по приговору двухъ судей.

8) Въ отношеніи *приходскихъ налоговъ*, мировой съѣздъ составляетъ вторую и высшую инстанцію по жалобамъ на неправильное обложеніе; частные съѣзды составляютъ среднюю инстанцію по жалобамъ на высоту обложенія. Относительно подати на содержаніе бѣдныхъ мировые съѣзды имѣютъ въ своихъ рукахъ контрольную власть. Они же разбираютъ дѣла о принужденіи состоятельныхъ жителей прихода къ содержанію тѣхъ впавшихъ въ бѣдность родственниковъ ихъ, къ содержанію коихъ они обязаны закономъ; на обязанности мировыхъ съѣздовъ лежитъ высшій надзоръ за рабочими домами и распоряженіе имуществомъ лицъ, пропавшихъ безъ вѣсти и оставившихъ свое семейство на попеченіе прихода.

9) Вѣдѣнію мировыхъ съѣздовъ подлежатъ *устройство домовъ умалишенныхъ и управленіе ими*. Съ начала нынѣшняго столѣтія введена въ Англіи правильная система призрѣнія умалишенныхъ. Изъ вѣдомства попеченія о бѣдныхъ оно перешло въ руки мироваго съѣзда, какъ административной власти графства. Въ каждомъ графствѣ или городѣ, составляющемъ отдѣльный мировой округъ, долженъ быть

[redacted]

устроенъ особый домъ для умалишенныхъ; или же два графства соединяются вмѣстѣ для устройства такого дома. Мировой съѣздъ для означенной цѣли и для текущаго управленія таковымъ дѣломъ учреждаетъ особый изъ своей среды комитетъ. Комитетъ этотъ распоряжается при постройкѣ дома, заключаетъ всѣ контракты, необходимые для содержанія какъ самого дома, такъ и больныхъ, осматриваетъ его по крайней мѣрѣ разъ въ два мѣсяца, издаетъ правила для содержанія больныхъ, и назначаетъ всѣхъ служащихъ при домѣ. Тотъ же комитетъ представляетъ годовой отчетъ мировому съѣзду и копію съ него министру внутреннихъ дѣлъ. Частные дома для умалишенныхъ подчинены строгому надзору мироваго съѣзда, который выдаетъ содержателямъ ихъ ежегодно возобновляемыя свидѣтельства и надзираетъ, чрезъ особо-назначаемый для каждаго такого дома комитетъ, за соблюденіемъ всѣхъ медицинско-полицейскихъ правилъ. Общій надзоръ за попеченіемъ объ умалишенныхъ сосредоточенъ въ особомъ комитетѣ при лордѣ-канцлерѣ. Комитетъ обязанъ ежегодно осмотрѣть всѣ дома умалишенныхъ и представлять о нихъ отчетъ лорду-канцлеру.

10) *Сооруженіе мостовыхъ построекъ*, ихъ содержаніе и ремонтъ еще въ среднихъ вѣкахъ находились на повинности графства. За исключеніемъ мостовъ, находящихся въ частномъ пользованіи и владѣніи, содержаніе всѣхъ находящихся въ предѣлахъ графства мостовыхъ сооруженій, состоящихъ въ общественномъ пользованіи, лежитъ на всѣхъ жителяхъ и землевладѣльцахъ графства. Управленіе мостовыми сооруженіями издревле сосредоточивалось въ рукахъ мироваго съѣзда. Съѣздъ ежегодно назначаетъ особый комитетъ отъ двухъ или болѣе мировыхъ судей. Комитетъ сей завѣдываетъ ремонтомъ и содержаніемъ мостовъ, назначаетъ особыхъ смотрителей и разрѣшаетъ одновременные непредвидѣнные расходы до размѣра 20 фунт. ст. Мировому же съѣзду принадлежитъ право заключенія займовъ для сооруженія мостовъ, а равно и заключенія контрактовъ съ подрядчиками и строителями, при производствѣ построекъ и ремонтныхъ работъ.

11) *Управленіе тюремными учрежденіями графства* также входитъ въ область занятій мироваго съѣзда. По общему въ

Англіи закону, никакая тюрьма не можетъ быть возведена безъ утвержденія актомъ парламента. Каждая же возведенная тюрьма принадлежитъ королю, и посему тюремная администрація входитъ въ область центральныхъ административныхъ дѣлъ, но хозяйственное управленіе тюрьмами издревле сосредоточивалось въ мировомъ съѣздѣ. Исключительное вліяніе послѣдняго не только на хозяйственную часть, но и на самое устройство тюремъ, было однако причиной того, что вплоть до нынѣшняго столѣтія англійскія тюрьмы представляли весьма жалкую картину. Въ одномъ и томъ же зданіи и въ однихъ и тѣхъ же помѣщеніяхъ скучены были и важные преступники, и лица, совершившія ничтожный проступокъ, бродяги, пойманные въ нищенствѣ, лица заключенныя за долги, и наконецъ лица подсудимыя. Лишь въ царствованіе Георга IV изданъ былъ подробный законъ, подчинившій содержаніе арестованныхъ лицъ извѣстнымъ правиламъ, обязательнымъ для всѣхъ тюремныхъ заведеній королевства. Для каждаго графства сдѣлано было обязательнымъ устройство и содержаніе по крайней мѣрѣ одной тюрьмы и одного исправительнаго дома; содержаніе тѣхъ и другихъ подчинено извѣстнымъ правиламъ, для учрежденія новыхъ тюремныхъ помѣщеній изданы нормальные планы; раздѣленіе арестантовъ на категоріи сдѣлано обязательнымъ; далѣе предписаны извѣстныя правила относительно надзора, обученія, здоровья и чистоты арестантовъ. Наблюденіе за исполненіемъ всѣхъ установленныхъ новымъ закономъ правилъ для содержанія арестантовъ было однако возложено на тѣ же мировые съѣзды. Послѣднимъ принадлежитъ право назначенія тюремныхъ чиновъ: директора, надзирателей, священника и доктора, экономки, сторожей, наставниковъ и мастеровъ (смотрителя назначаетъ шерифъ графства). Для ближайшаго надзора за тюрьмами и управленія ими мировой съѣздъ назначаетъ особый постоянный комитетъ изъ двухъ мировыхъ судей, подъ названіемъ „непремѣнныхъ посѣтителей тюрьмы и исправительнаго дома“. Каждый изъ сихъ посѣтителей обязанъ по крайней мѣрѣ по разу въ мѣсяцъ навѣстить каждое изъ находящихся въ графствѣ тюремныхъ заведеній, при чемъ онъ обязанъ осмотрѣть зданіе съ наружной стороны, освѣдомиться о поведеніи служащихъ

и арестантовъ и наблюдать за дѣйствительнымъ исполненіемъ закономъ установленныхъ правилъ. Упомянутые судьи-посѣтители постановляютъ о наказаніи арестантовъ въ случаяхъ дурнаго поведенія, изготовляютъ выпускныя свидѣтельства для арестантовъ, срокъ содержанія которыхъ истекъ, и т. под., равнымъ образомъ представляютъ въ мировой съѣздъ отчетъ о состояніи тюремнаго зданія и о состояніи арестантовъ, о соблюденіи въ тюрьмѣ законныхъ правилъ. Изъ періодическихъ отчетовъ судей-посѣтителей и тюремныхъ отчетовъ секретарь мироваго съѣзда составляетъ годовой отчетъ объ управленіи тюрьмами, который повѣряется мировымъ съѣздомъ и представляется министру внутреннихъ дѣлъ для внесенія въ парламентъ. Равнымъ образомъ, ежегодно представляется министру внутреннихъ дѣлъ обозрѣніе всѣхъ подробныхъ правилъ о содержаніи тюремъ, составленныхъ мировыми съѣздами въ дополненіе къ общимъ правиламъ, утвержденнымъ законодательнымъ порядкомъ. Министру принадлежитъ право измѣнять эти правила и по исправленіи возвращать ихъ со своею утвердительною помѣткой. Независимо отъ этого общаго руководства министерства внутреннихъ дѣлъ, учреждены были закономъ Вильгельма IV особые генеральные инспекторы, обязанные объѣзжать тюрьмы, инспектировать ихъ, допрашивать служащихъ при нихъ лицъ, просматривать всѣ документы и представлять о ихъ состояніи подробные отчеты министру внутреннихъ дѣлъ.

12. Наконецъ, мировому съѣзду въ графствѣ принадлежитъ значительная доля участія *въ назначеніи полицейскихъ чиновъ графства*. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ различать въ Англіи двѣ системы полицейскаго надзора, существующія рядомъ другъ съ другомъ. Старая система, состоящая изъ такъ-называемыхъ (high constables) сотенныхъ констаблей и (petty constables) нижнихъ полицейскихъ чиновъ. Чины этой полиціи несутъ свою службу безвозмездно и назначаются мировыми съѣздами изъ мѣстныхъ жителей по очереди, по представленіямъ приходскихъ совѣтовъ или надзирателей за бѣдными. Къ обязанности этой полиціи издревле относилось: исполненіе рѣшеній мировыхъ судей и съѣздовъ, разноска повѣстокъ и общій надзоръ за благочиніемъ въ подвѣдомственныхъ каждому полицейскому общинахъ. Полиція эта прежде находилась въ совершенномъ подчиненіи

у мировыхъ судовъ, которые имѣли право удаленія всѣхъ ея чиновъ отъ должности. Съ развитіемъ общественной жизни, старое устройство не могло сохраниться, какъ по недостатку централизующей власти, такъ и по неспособности лицъ, исполнявшихъ полицейскую службу по-очереди, нерѣдко даже принудительно назначаемыхъ по интригамъ мѣстныхъ приходскихъ властей. Мало-по-малу введено было новое устройство, которое въ 1856 году было сдѣлано обязательнымъ на всемъ пространствѣ Англіи. Въ силу этого закона полиція подчинена въ графствѣ одному или двумъ главнымъ инспекторамъ—*chief constables*. Лица эти назначаются мировымъ съѣздомъ графства съ утвержденія министра внутреннихъ дѣлъ. Въ распоряженіи начальника полиціи находится полицейская команда, раздѣленная на отряды, смотря по числу уѣздовъ въ графствѣ. Во главѣ каждаго отряда находится вахмейстеръ (superintendent) или уѣздный начальникъ полиціи. Полицейскіе чины назначаются мировымъ частнымъ съѣздомъ каждаго уѣзда по представленію начальника полиціи всего графства. Такимъ устройствомъ отмѣнено на дѣлѣ значеніе прежней полиціи, которая, продолжая существовать по имени, низошла на степень мѣстныхъ деревенскихъ десятниковъ, а прежнему уѣздному главному констаблю осталось лишь исправленіе нѣкоторыхъ обязанностей во время парламентскихъ выборовъ. Несмотря, однако, на нѣкоторую централизацію новой полиціи, она сохранила по отношенію къ мировому съѣзду свое прежнее подчиненное положеніе. Начальникъ полиціи въ графствѣ представляетъ каждому мировому съѣзду (4 раза въ годъ) отчетъ о положеніи графства, и копія съ этого отчета доставляется министру внутреннихъ дѣлъ; равнымъ образомъ, уѣздный начальникъ (superintendent) представляетъ такой же отчетъ мѣстному частному съѣзду судей. Хотя размѣръ жалованья полицейскихъ чиновъ, ихъ форма и всѣ служебныя правила опредѣляются циркулярами министра внутреннихъ дѣлъ, но все-таки за мировымъ съѣздомъ осталось право принимать на полицейскихъ чиновъ жалобы, какъ отъ частныхъ лицъ, такъ и отъ начальниковъ полиціи, подвергать чиновъ полиціи штрафамъ или заключенію въ тюрьмѣ срокомъ на одинъ мѣсяцъ (по приговору двухъ мировыхъ судей въ соединенномъ засѣданіи) и отрѣшать ихъ отъ должности (по приговору мироваго съѣзда). Начальникъ полиціи графства

[redacted]

принимаетъ отъ мироваго съѣзда предписанія и обязанъ исполнять таковыя; онъ отрѣшается отъ должности по приговору мироваго съѣзда, утвержденному министромъ внутреннихъ дѣлъ. Такое положеніе судебной власти въ отношеніи къ полиціи, являющееся въ Англіи прямымъ выраженіемъ историческаго развитія англійскаго законодательства, имѣло послѣдствіемъ то явленіе, что въ Англіи не встрѣчается тѣхъ печальныхъ столкновеній между судебною и административною властями, которыя неизбѣжны при всякомъ другомъ взаимномъ положеніи упомянутыхъ двухъ развѣтвленій одной государственной власти. Пререканія между судебною властью и администраціей встрѣчаются во всѣхъ государствахъ западной Европы и вездѣ составляютъ предметъ попеченій для правительства, именно потому, что вездѣ законодательство стремилось къ средоточенію той и другой власти въ рукахъ различныхъ органовъ правительственной системы. Въ Англіи всегда смотрѣли на дѣло проще и естественнѣе и издревле привыкли не опасаться соединенія какъ судебной, такъ и административной власти въ однѣхъ рукахъ подъ могущественнымъ контролемъ общества, законодательныхъ палатъ и высшимъ королевскихъ судовъ. Въ Англіи правительство рано сознало, что власть, для того чтобы быть сильною, должна быть единою, и не задумалось ввѣрить эту власть мѣстнымъ дѣятелямъ провинціи, наиболѣе другихъ матеріально заинтересованнымъ въ поддержкѣ общественнаго строя и призываемымъ къ исполненію должностей во имя общаго блага родины.

13. *Третью* и послѣднюю группу дѣлъ, подлежащихъ разрѣшенію мировыхъ съѣздовъ, составляютъ *дѣла аппелляціонныя*. Сюда относится аппелляція по тѣмъ уголовнымъ проступкамъ и преступленіямъ, по коимъ виновные осуждены были единичною властью мировыхъ судей. Въ этихъ случаяхъ аппелляція обыкновенно допускается тогда, когда наказаніе, назначенное судьей, превосходитъ 5 ф. стерл. штрафа или заключеніе въ тюрьмѣ на мѣсяцъ. Затѣмъ, по дѣламъ административнымъ, допускается аппелляція на рѣшенія судей по предмету раскладки мѣстныхъ сборовъ, по назначенію надзирателей за бѣдными и другимъ. Высшую инстанцію надъ мировыми съѣздами составляютъ королевскіе высшіе суды.

VI.

Мы прослѣдили законы, опредѣляющіе составъ мѣстнаго управленія въ графствѣ Англіи и предѣлы власти этой администраціи. Перейдемъ къ краткому изложенію законовъ, опредѣляющихъ порядокъ раскладки и взиманія тѣхъ налоговъ, которые служатъ къ удовлетворенію нуждъ мѣстной администраціи. Подать раскладываемая на все графство носитъ въ Англіи названіе подати графства (county rate). Происхожденіе этой подати слѣдуетъ искать въ глубокой древности. Она является то налогомъ на удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей, то податью для государственныхъ нуждъ. Короли чрезъ своихъ шерифовъ произвольно обкладывали графства разными податями, подъ названіемъ „помощи", „пособія", „таксы". Шерифы раскладывали извѣстную, причитавшуюся на все графство сумму между уѣздами. Раскладки эти вызывали жалобы на несоблюденіе со стороны шерифовъ равномѣрности между различными подраздѣленіями графства. Для удовлетворенія такимъ жалобамъ былъ въ 1275 году изданъ Едуардомъ I законъ, въ силу коего общіе для графства налоги раскладывались непосредственно между плательщиками особыми собраніями присяжныхъ раскладчиковъ, въ присутствіи королевскаго судьи. Къ этимъ налогамъ, взимаемымъ на государственныя потребности, присоединялись, съ теченіемъ времени, частные сборы, имѣвшіе каждый какую-либо спеціальную мѣстную цѣль. Законодательною же властію, въ царствованіе Генриха VIII, впервые были опредѣлены предметы мѣстныхъ налоговъ. Этихъ налоговъ къ началу XVIII столѣтія значилось всего семь: 1) налогъ для содержанія мостовъ; 2) налогъ для устройства и ремонта тюремъ; 3) налогъ для устройства и содержанія исправительныхъ домовъ для бродягъ; 4) налогъ для пересылки и отправленія бродягъ; 5) налогъ для содержанія тюремщиковъ и осужденныхъ; 6) налогъ для содержанія заключенныхъ за долги; 7) налогъ для содержанія заключенныхъ въ двухъ лондонскихъ тюрьмахъ. Каждый изъ этихъ налоговъ былъ собираемъ отдѣльно по приходамъ, такъ что

[redacted]

нерѣдко съ цѣлаго прихода причиталось по тому или другому налогу по нѣскольку грошей. Неудобство отдѣльно раскладывать на плательщиковъ столь ничтожныя суммы побудило правительство издать въ 1739 году, въ царствованіе Георга II, особый законъ, которымъ консолидированы были всѣ прежнія касающіяся настоящаго предмета постановленія. Закономъ этимъ опредѣлены были тѣ расходы, на удовлетвореніе которыхъ должна была взиматься подать графства. Къ этимъ расходамъ присоединяемы были по временамъ другіе, такъ что въ настоящее время налогъ сей взимается на слѣдующія надобности:

1. Ремонтъ для содержанія мостовъ графства. На этотъ предметъ могутъ быть заключаемы займы, подъ залогъ подати и срокомъ не далѣе четырнадцати лѣтъ.

2. Сооруженіе, содержаніе, ремонтъ и исправленіе зданій тюремъ, исправительныхъ домовъ и слѣдственныхъ тюремъ. Равнымъ образомъ, содержаніе служащихъ при тюрьмахъ и вознагражденіе ихъ за прежде получавшіяся ими пошлины; содержаніе заключенныхъ и расходы по пріобрѣтенію необходимыхъ для ихъ занятій матеріаловъ; содержаніе лицъ, заключенныхъ за долги и лишенныхъ средствъ къ содержанію себя; денежныя пособія освобождаемымъ преступникамъ.

3. Пересылка преступниковъ до мѣстъ заключенія, и обратная пересылка, а равнымъ образомъ, уплата судебныхъ пошлинъ въ пользу секретаря суда (этапная повинность).

4. Ремонтъ и исправленіе судебныхъ присутственныхъ мѣстъ и участіе въ расходахъ на отводъ квартиры для странствующихъ судей.

5. Расходы по судебному преслѣдованію лицъ, обвиняемыхъ въ болѣе важныхъ преступленіяхъ, а равнымъ образомъ нарушителей уставовъ о продажѣ крѣпкихъ напитковъ.

6. Расходы по производству коронерами слѣдствій по мертвымъ тѣламъ.

7. Содержаніе умалишенныхъ преступниковъ и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, содержаніе неимущихъ сумашедшихъ и расходы по надзору за домами умалишенныхъ.

8. Пріобрѣтеніе и содержаніе нормальныхъ мѣръ и вѣсовъ

и вознагражденіе инспекторовъ, наблюдающихъ за правильностію употребляемыхъ въ публикѣ мѣръ и вѣсовъ.

9. Расходы секретаря графства по изготовленію избирательныхъ списковъ для выборовъ въ члены парламента.

10. Содержаніе казначея графства и другихъ чиновъ, занятыхъ оцѣнкой имуществъ, облагаемыхъ налогомъ на потребности графства, и оборомъ сего налога.

11. Расходы на полицію въ тѣсномъ смыслѣ слова, а именно: на содержаніе или наемъ домовъ для полицейскихъ арестовъ, содержаніе полицейскихъ служителей, занимающихъ караулы въ тѣхъ домахъ. По введеніи новаго полицейскаго устройства, на расходы по содержанію полиціи взимается особый налогъ подъ названіемъ: *Police rate.*

12. Разные мелочные расходы, какъ-то: нѣкоторые расходы по содержанію полиціи, по содержанію заключенныхъ за долги въ двухъ главныхъ тюрьмахъ Лондона, выдача пособій госпиталямъ и богадѣльнямъ, и другіе. *

Кромѣ общей подати на исчисленныя потребности, существуютъ въ графствѣ еще нѣкоторыя особыя, прибавочныя подати, взимаемыя частію особо, частію вмѣстѣ съ общею податью на нужды графства, и во всякомъ случаѣ на однихъ съ сею послѣднею основаніяхъ.

1. *Подать на содержаніе полиціи графства.* До введенія въ 1838 году мѣстной полиціи изъ вольнонаемныхъ служителей, расходы на полицію были удовлетворяемы изъ общаго налога графства; но въ послѣдствіи учреждена была особенная дополнительная подать въ тѣхъ округахъ, гдѣ введено было новое полицейское устройство. Расходы эти состояли въ издержкахъ на производство жалованья, на обмундированіе, вооруженіе и прочія потребности полицейской команды, на наемъ и содержаніе полицейскихъ постовъ (зданій). Съ повсемѣстнымъ распространеніемъ новаго полицейскаго устройства, подать эта сдѣлалась общею для всего графства, и казна приняла на себя одну четверть расходовъ въ тѣхъ округахъ, гдѣ устройство полиціи признается удовлетворительнымъ.

2. На графствѣ же лежатъ *расходы по устройству, ремон-*

---

* *Report on Local Taxation,* 1844 г., стр. 11 и слѣд. *The Local Taxes of the United Kingdom,* 1866 г., стр. 95. Burn's *Justice of the Peace;* слово—*county rate.*

[redacted]

ту, перестройкѣ помѣщеній съѣздовъ мировыхъ судей и высшихъ судовъ и квартиръ для судей на время судебныхъ сессій. На этотъ предметъ должна бы взиматься особая подать, но въ силу обычая, расходы сіи уплачиваются изъ общей подати графства.

3. На графствѣ обязательно лежатъ расходы *по устройству домовъ умалишенныхъ, которые и удовлетворяются изъ общаго налога графства,* хотя иногда взимается на этотъ предметъ и особый налогъ.

4. *Мертвыя тѣла,* прибиваемыя моремъ къ берегу, хоронятся на счетъ графства, и расходъ по сему предмету также падаетъ на общій налогъ графства.

Особый налогъ взимается для вознагражденія лицъ, потерпѣвшихъ разореніе во время безпокойствъ или возстаній. Онъ падаетъ на сотенный участокъ (уѣздъ), въ коемъ случилось такое нарушеніе общественнаго спокойствія, и взимается въ видѣ дополнительнаго налога къ налогу графства.

6. Наконецъ, *для устройства большихъ тюремъ,* общихъ городамъ и графству, допускается, на основаніи особаго закона, изданнаго въ 1842 году, взиманіе подати, раскладываемой на одинаковыхъ основаніяхъ съ податью графства. На общій же счетъ такихъ городовъ и графствъ относится и содержаніе выстроенной тюрьмы.

Власть разрѣшать взиманіе подати на упомянутыя выше потребности принадлежитъ исключительно *мировымъ судьямъ* въ ихъ спеціальныхъ и общихъ съѣздахъ. Этою податью облагаются въ одинаковой степени всѣ общины и приходы графства въ размѣрѣ цѣнности податнаго имущества, находящагося въ чертѣ каждаго прихода и обложеннаго налогомъ для бѣдныхъ; при чемъ подать эта, въ силу закона изданнаго въ 1845 году, упадаетъ на тѣ же имущества, которыя облагаются налогомъ на содержаніе бѣдныхъ. Имущества эти обкладываются въ размѣрѣ приносимаго ими ежегоднаго чистаго дохода въ видѣ ренты, за вычетомъ всѣхъ падающихъ на нее тяжестей. Для производства раскладки подати, соотвѣтственно чистому доходу, приносимому подлежащими подати имуществами, существуютъ два способа. По первому изъ сихъ способовъ, подробно изложенному въ законѣ 1815 года, мировой съѣздъ издаетъ предписанія всѣмъ сотеннымъ констаблямъ, церков-

нымъ попечителямъ, надзирателямъ надъ бѣдными, раскладчикамъ и сборщикамъ податей и сборовъ о представленіи мировымъ судьямъ и специальнымъ съѣздамъ письменныхъ вѣдомостей объ общей суммѣ ежегоднаго дохода, представляемаго имуществами, расположенными въ подвѣдомственныхъ каждому изъ упомянутыхъ должностныхъ лицъ подраздѣленіяхъ графства. Мировые судьи, въ засѣданіяхъ частныхъ съѣздовъ, принимаютъ упомянутыя вѣдомости и допрашиваютъ подъ присягой представляющихъ вѣдомости должностныхъ лицъ. Равнымъ образомъ, они имѣютъ право вызывать для спроса мѣстныхъ жителей, требовать представленіе выписокъ изъ оцѣночныхъ и окладныхъ книгъ, командировать на мѣста особыхъ свѣдущихъ лицъ для осмотра и оцѣнки имуществъ. За симъ, когда мировые судьи окончательно удостовѣрились въ цифрѣ годоваго дохода имуществъ, расположенныхъ въ чертѣ ихъ участковъ, они представляютъ подробный отчетъ мировому съѣзду, который и производитъ раскладку налога. Другой способъ для правильной раскладки подати на нужды всего графства, введенный законодательствомъ въ 1845 году, состоитъ въ слѣдующемъ. Мировой съѣздъ избираетъ изъ своей среды комитетъ числомъ отъ 5 до 11 лицъ. Комитетъ этотъ обращается къ мѣстнымъ надзирателямъ за бѣдными, констаблямъ, раскладчикамъ и сборщикамъ съ требованіемъ свѣдѣній о суммѣ ежегоднаго дохода, приносимаго имуществами, расположенными въ чертѣ ихъ прихода. Такая вѣдомость, составленная мѣстнымъ надзирателемъ надъ бѣдными, должна быть представлена на обсужденіе приходскаго собранія. Комитетъ можетъ также вызвать въ свое присутствіе мѣстныхъ административныхъ лицъ и требовать предъявленія всѣхъ приходскихъ оцѣнокъ, раскладокъ и окладныхъ книгъ. Они имѣютъ также право, если признаютъ это нужнымъ, произвести чрезъ особыхъ специальныхъ лицъ оцѣнку подлежащихъ подати имуществъ или во всемъ графствѣ, или въ части его. Такая оцѣнка производится ими въ томъ случаѣ, когда мѣстные чиновники не исполнили требованія комитета и не представили требуемыхъ свѣдѣній, или когда комитетъ полагаетъ, что тотъ или другой приходъ долженъ подлежать болѣе высокой оцѣнкѣ. По собраніи всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній, комитетъ приготовляетъ проектъ раскладки, съ котораго копіи сообщаются всѣмъ мировымъ судьямъ

[redacted]

и во всѣ приходы. Въ теченіе двадцати одного дня по полученіи копіи съ раскладки, каждый надзиратель надъ бѣдными сообщаетъ ее своему приходскому собранію, при чемъ каждому плательщику дозволяется снять съ нея копію или дѣлать изъ нея необходимыя ему выписки. За симъ, дается мѣсячный срокъ всѣмъ представителямъ приходовъ или частнымъ лицамъ на сообщеніе въ комитетъ ихъ возраженій. Послѣдній или отвергаетъ эти возраженія, или исправляетъ сообразно имъ самую раскладку. Наконецъ, раскладка сія представляется въ мировой съѣздъ, который, по предварительномъ опубликованіи дня, когда обсужденію его будетъ подлежать раскладка, или исправляетъ ее, или утверждаетъ въ томъ видѣ, въ какомъ она ему была представлена. Раскладка, по утвержденіи ея мировымъ съѣздомъ, публикуются во всеобщее свѣдѣніе. За симъ, всѣ лично считающіе себя несправедливо обложенными, а равно представители приходовъ, имѣютъ право аппелляціи въ слѣдующемъ мировомъ съѣздѣ. Наконецъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, дается верховному суду право кассировать раскладку налога произведенную мировымъ съѣздомъ. Таковъ порядокъ, соблюдаемый въ тѣхъ случаяхъ, когда подать на нужды графства раскладывается и собирается отдѣльно отъ другихъ податей. Но съ 1834 года, то-есть со времени преобразованія управленія общественнымъ призрѣніемъ, подать на нужды графства раскладывается и взимается обыкновенно сборщиками приходской подати на содержаніе бѣдныхъ въ видѣ дополнительнаго къ сей послѣдней налога и передается чрезъ приходскихъ попечителей о бѣдныхъ казначею графства.

Въ возможно сжатомъ очеркѣ мы постарались изложить въ общихъ чертахъ главнѣйшія стороны мѣстнаго самоуправленія Англіи. Мы видѣли въ чемъ именно заключаются причины процвѣтанія ея мѣстныхъ административно-хозяйственныхъ учрежденій. Главнымъ сосредоточіемъ мѣстной жизни является мировой институтъ. Въ институтѣ этомъ воплощается то единство власти, которое лежитъ въ основаніи мѣстнаго управленія. Мировой иститутъ, соединяя въ себѣ аттрибуты и обязанности цѣлаго ряда учрежденій мѣстнаго управленія, замѣняющихъ его въ другихъ государствахъ, до крайности упрощаетъ административный механизмъ. Поддержкой этому учрежденію служитъ личное

даровое участіе въ мѣстномъ управленіи землевладѣльческаго сословія. Сословіе это несетъ тягостную натуральную повинность, занимая до 18.000 мѣстъ мировыхъ судей, изъ коихъ до 8.000 находятся въ постоянной дѣятельности (участковыхъ) и до 10.000 почетныхъ. Еще болѣе многочисленны безплатныя должности мѣстнаго приходскаго самоуправленія, занимаемыя частію землевладѣльцами, частію другими сословіями. Таковы приходскіе попечители, которыхъ считается до 20.000; надзиратели надъ бѣдными, которыхъ до 30.000, надзиратели за дорогами, которыхъ числится до 14.000. Общее число всѣхъ этихъ должностей представляетъ [illegible] ту массу патріотическихъ усилій мѣстнаго въ графствахъ Англіи населенія, благодаря которымъ мѣстное управленіе далеко превышаетъ своимъ благоустройствомъ подобныя учрежденія большей части государствъ западной Европы. Несмотря на столь тяжкую натуральную повинность, лежащую на мѣстныхъ жителяхъ, провинціальныя и общинныя подати достигаютъ въ Англіи высокой цыфры. Быстро возраставшая съ конца прошлаго столѣтія и въ особенности со времени переложенія на деньги всѣхъ натуральныхъ повинностей, мѣстные налоги въ общей суммѣ достигаютъ 10.000.000 фунт. стерл.* Сумма эта въ отношеніи къ чистому доходу поземельной собственности составляетъ, по разсчету парламентской коммиссіи 1846 года, до 15%, а включая [illegible] десятинные доходы въ пользу церквей — до 20%. Къ тому же тяжесть эта распредѣляется весьма неравномѣрно. Изъ вопросовъ, сдѣланныхъ парламентскими коммиссіями [illegible] и 1850 годовъ разнымъ фермерамъ и землевладѣльцамъ, оказывается, что, напримѣръ, налогъ на содержаніе бѣдныхъ превышаетъ во многихъ приходахъ 15% съ чистаго дохода, и иногда доходитъ до 20%, 30% и даже 40% чистаго дохода землевладѣльцевъ. Весьма обыкновенное явленіе, когда налоги поглощаютъ отъ 20 до 30% чистаго дохода съ поземельной собственности. Эти данныя указываютъ на то, какими тяжелыми для поземельной собственности пожертвованіями окупается въ Англіи тотъ [illegible] порядокъ въ состояніи дорогъ, та гуманность въ

* Около 60 милл. рублей. Изъ нихъ 7.700.000 фунт. стерл. налога на содержаніе бѣдныхъ и полицію; 2 милл. фунт. стерл. налогъ дорожный; [illegible] милл. фунт. стерл. церковный и другіе мелкіе налоги.

общественномъ вспоможеніи нищимъ, то благоустройство тюремныхъ мѣстъ заключенія, которыя такъ поражаютъ каждаго иностранца. Данныя эти доказываютъ также, что землевладѣльческое сословіе въ Англіи не скупится на жертвы въ пользу общественнаго благосостоянія, и что именно благодаря приносимымъ имъ жертвамъ деньгами и личнымъ участіемъ въ дѣлахъ, оно пріобрѣло то вліяніе на дѣла какъ мѣстной администраціи, такъ и государственнаго управленія, которое составляетъ характеристическую черту всего государственнаго строя въ Англіи.

А. КУЛОМЗИНЪ.

ГЛИНКА

И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ИСТОРІИ МУЗЫКИ *

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

I.

Въ послѣднія десять лѣтъ на русскую музыкальную почву перенесено движеніе, появившееся въ Германіи и возбудившее всеобщее вниманіе не одного музыкальнаго міра. Движеніе это, преимущественно отрицательнаго свойства, беретъ свое начало отъ нѣкоторыхъ полемическихъ книжекъ композитора Рихарда Вагнера (*Kunst und Revolution* 1850, *Das Kunstwerk der Zukunft* 1850, *Oper und Drama* 1852), въ которыхъ авторъ отрицаетъ ни болѣе ни менѣе какъ все современное искусство, раздѣлившееся на отдѣльныя искусства и въ этомъ раздѣленіи будто бы обезсилѣвшее и измельчавшее. Отрицаніе это, въ первой изъ названныхъ книжекъ (первой по времени выхода), въ брошюрѣ *Kunst und Revolution*, обращенное на все искусство нашего времени и кстати захватывающее христіанскую религію и монархическое правленіе, въ послѣдней и самой пространной, *Oper und Drama*, направлено уже почти исключительно на оперу, какъ на эстетическій грѣхъ, обязанный своимъ происхожденіемъ прихоти и произволу. „Заблуж-

* См. *Русск. Вѣстн.* 1867 г. № 10 и 1868 г. № 1.

деніе въ жанрѣ, называемомъ оперой, заключается въ томъ, что одно изъ средствъ выраженія (музыка) сдѣлалось цѣлью, цѣль же выраженія (драма) сдѣлалась средствомъ", говоритъ Вагнеръ (*Oper und Drama*, I часть, введеніе, стр. 21). Слова эти, содержащія квинтъ-эссенцію Вагнеровскаго воззрѣнія на оперу, и обставленныя въ его книгѣ сонмомъ запальчивыхъ полемическихъ выходокъ то противъ музыки, то противъ литературы, а больше всего противъ Мейербера, произвели въ Германіи большое впечатлѣніе. Множество музыкантовъ стали повторять Вагнерово изрѣченіе какъ изрѣченіе оракула. Отрицается не то или другое направленіе, не та или другая школа въ извѣстномъ родѣ искусства, а цѣлый родъ искусства, какъ плодъ произвола и тлетворной роскоши. Съ улыбкой презрѣнія упоминается объ эстетическихъ уступкахъ и палліативахъ; въ критику вводится гильйотина. „Искусство", цѣльное, единое, распалось-де на отдѣльныя искусства, на поэзію, музыку, хореграфію, живопись, скульптуру, архитектуру, только вслѣдствіе ложнаго развитія всей нашей цивилизаціи. Въ этомъ разъединеніи ни одно изъ нихъ не способно дѣйствовать такъ, какъ должно дѣйствовать искусство: они чахнутъ и влачатъ искусственное существованіе. Спасеніе только въ соединеніи ихъ въ одно общее искусство, въ драму (музыкальную), гдѣ поэзія создаетъ текстъ, музыка—декламацію этого текста и оркестровое его сопровожденіе, хореграфія — мимическіе жесты и пластическія позы, живопись—декораціи, архитектура—зданіе для исполненія драмы, а скульптура.... ничего не дѣлаетъ. Такъ какъ въ оперѣ уже есть нѣчто подобное, такъ какъ въ ней есть поэзія, музыка вокальная и инструментальная, танцы и декораціонная живопись, то на нее, какъ на самозванку драмы, и падаютъ главные перуны гнѣва Вагнера. „Самое безстыдное выраженіе постоянно наростающаго высокомѣрія музыки сказалось въ оперѣ", говоритъ онъ (*Kunstwerk der Zukunft*, стр. 133). „Дѣятельность новѣйшей оперы, ея отношенія къ общественной физии для честныхъ художниковъ давно уже сдѣлались предметами глубочайшаго отвращенія; но они обвиняли лишь испорченность вкуса и безнравственность тѣхъ художниковъ, которые ее эксплуатировали, не нападая на ту мысль, что эта испорченность была явленіе вполнѣ естественное, а потому и эта безнравственность—явленіе необходимое." (*Oper und Drama*, I часть,

введеніе, стр. 12.) Виноваты не частные промахи, не недостатокъ таланта въ томъ или другомъ композиторѣ, не временныя увлеченія въ ту или другую сторону, наконецъ, даже не всеобщій историческій упадокъ, нѣтъ, въ самомъ основаніи оперы лежитъ зло, которое не могло не сказаться въ развитіи и наконецъ, въ настоящее время, обнажилось вполнѣ.

Но безплодное, мизантропическое отрицаніе, фантастическія предложенія универсальнаго средства противъ сознаваемой утраты силъ, понятны ли среди молодаго, полнаго жизненныхъ задатковъ развитія? Понятенъ ли вагнеризмъ въ Россіи? Понятно ли торопливое отрицаніе оперы тамъ, гдѣ только что были созданы *Жизнь за Царя* и *Русланъ и Людмила?* Они становятся понятны, когда мы вспомнимъ обстановку, среди которой дѣйствовали и дѣйствуютъ наши художники. Въ нашей умственной пустынѣ внезапное появленіе колоссальнаго генія, какъ Глинка, не возбудило ни восторга, ни удивленія: за то успѣшно распространяется и охотно заучивается всякая громкая фраза, лишенная содержанія и примѣненія. Понять и оцѣнить великаго отечественнаго художника трудно; но какъ легко и пріятно отрицать всю оперу, какъ отсталое заблужденіе, *нами-де постигнутое!* Въ геніальности Глинки, въ глубинѣ его произведеній—главная причина его въ началѣ незначительной и теперь еще медленно возрастающей популярности; въ заманчивости фразы, въ томъ особаго рода баловствѣ, какое заключается во всякомъ голословномъ отрицаніи, и тѣмъ въ большей степени чѣмъ отрицаніе голословнѣе—главная причина успѣха, который въ послѣдніе годы имѣлъ у насъ вагнеризмъ. По мѣрѣ того какъ утверждается сознаніе величія тѣхъ дѣяній, которыя совершилъ Глинка на поприщѣ оперы, исчезаетъ и вѣра въ пророка провозгласившаго оперу ложью и мишурой; и когда окрѣпнетъ энтузіазмъ къ нетлѣннымъ произведеніямъ русскаго музыканта, забудутся бредни о томъ, что музыка безсильна дѣйствовать въ томъ видѣ какъ существуетъ, что она, вмѣстѣ со всѣми другими искусствами, должна отрѣшиться отъ всего своего прошлаго, равно какъ и отъ всякаго самостоятельнаго значенія. Въ странѣ, гдѣ только что появилась творческая музыкальная дѣятельность, гдѣ она только что вызвала школу приверженцевъ и послѣдователей, гдѣ зданіе національной школы лишь начинаетъ строиться, но обѣщаетъ быть громаднымъ, въ такой странѣ, какъ наша

[redacted]

отрицательному направленію еще долго дожидаться своего череда. Оно могло появиться, и то лишь на поверхности, въ періодъ совершенно незрѣлый, когда мы не успѣли даже узнать, что у насъ есть свои собственные памятники искусства, залоги будущаго для этого искусства, залоги художественнаго будущаго для насъ самихъ.

Задача, которую Глинка разрѣшилъ въ своихъ операхъ, преимущественно въ наименѣе извѣстной, въ *Русланѣ и Людмилѣ*,—задача сложная и трудная: два столѣтія съ половиной потребовалось на подготовку этого рѣшенія, на постепенную выработку оперы, какъ рода искусства, основаннаго на сліяніи нѣсколькихъ искусствъ, причемъ каждое дѣлаетъ необходимые компромиссы, теряя извѣстную долю своей самостоятельности. Постараюсь опредѣлить выгоды, полученные изъ этого вѣковаго развитія для того искусства, которому посвященъ настоящій трудъ, для музыки.

Изъ всѣхъ искусствъ, музыка и архитектура, конечно, самые неопредѣленные: содержаніе музыкальнаго произведенія (независимо отъ словъ, если оно вокальное) или архитектурнаго зданія не поддается формулѣ; ни музыка, ни архитектура не *изображаютъ*: онѣ *суть* сами по себѣ. Архитектура въ этомъ отношеніи никогда и не возбуждала сомнѣній и препираній. Совсѣмъ иное дѣло музыка. То особенное обстоятельство, что музыка въ пѣснѣ соединяется со словами, что искусство, лишенное опредѣленнаго значенія, идетъ такимъ образомъ рука объ руку съ искусствомъ, имѣющимъ опредѣленное значеніе, издавна поставило музыку въ двойственное положеніе, издавна открыло двери для всякаго рода противорѣчій, недоразумѣній и споровъ. Споры эти сосредоточились около того рода музыкальныхъ произведеній, гдѣ потребность въ опредѣленно-осмысленной музыкѣ была всего ощутительнѣе: около комплекса одноголосныхъ и многоголосныхъ пѣсенъ, сопровождающихъ драматическое дѣйствіе, поддерживаемое всѣми иллюзіями сцены, комплекса, который мы называемъ *оперой*. Имѣя дѣло уже не съ общими настроеніями пѣсни (духовной или свѣтской), будучи лишена строфныхъ повтореній при перемѣнѣ словъ (этихъ свидѣтельствъ неопредѣленнаго характера музыки и въ самой пѣснѣ), подчиняясь необходимости становиться характерною и индивидуальною при переходѣ изъ устъ одного дѣйствующаго лица въ уста другаго, словомъ, шагнувъ изъ

области лиризма въ область драматизма, музыка очутилась лицомъ къ лицу съ такими задачами, которыя могутъ показаться несогласимыми съ характеромъ ея, какъ искусства неопредѣленнаго. Но тотъ фактъ исторіи, что музыка приняла на себя драматическую задачу и, отъ послѣдняго десятилѣтія XVI столѣтія до нашего времени, неуклонно стремится къ ея осуществленію, неотразимо свидѣтельствуетъ, что въ музыкѣ, несмотря на неопредѣленность, несомнѣнно составляющую ея общій характеръ, должны существовать спеціальныя стороны, увлекающія музыкантовъ въ сторону характеристики и дающія имъ бодрость и отвагу идти по пути драматизма. Дѣйствительно, стороны эти существуютъ, хотя музыканты и немузыканты болѣе склонны ихъ преувеличивать, чѣмъ упускать изъ виду. Существуетъ аналогія, отчасти между музыкальными явленіями и явленіями другихъ искусствъ, отчасти между музыкальными явленіями и явленіями дѣйствительной жизни. Въ простой гомофонной пѣснѣ уже есть два элемента, мелодія и ритмъ, вызывающія на отыскиваніе такихъ аналогій. Мелодія со своими повышеніями и пониженіями уподобляется акцентамъ человѣческой рѣчи: въ словесной фразѣ, съ чувствомъ, съ паѳосомъ произнесенной, есть уже какъ бы мелодія; это та аналогія, которая дала поводъ къ образованію речитатива. Ритмъ со своими разнообразными формами движенія напоминаетъ собой движенія, свойственныя тому или другому дѣйствію или состоянію человѣка: сторона реальная, которая въ пѣніи существуетъ въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ, но получила огромное развитіе въ инструментальной музыкѣ. Съ тѣхъ поръ какъ сложился отдѣльный родъ инструментальной музыки, образовалось и огромное разнообразіе ритмовъ спокойно-плавныхъ, бѣгущихъ, скачущихъ, тяжеловѣсно падающихъ, нерѣшительныхъ, качающихся и т. п. ходячія опредѣленія, основанныя на весьма замѣтномъ, всѣмъ доступномъ сходствѣ. Пріобрѣтая полифонію и ея одновременныя созвучія, становясь изъ одноголосной гармоническою, музыка пріобрѣтаетъ новое поле для поэтическихъ и живописныхъ аналогій. Надобно замѣтить, что изъ всѣхъ этихъ аналогій тѣ, которыя представляются гармоніей, самыя тонкія: что замѣтить ихъ можно лишь при значительной музыкальной одаренности, незамѣнимой никакою школой и рутиной. Я долженъ напомнить здѣсь то, что̀ я говорилъ

[redacted]

о консонансахъ и диссонансахъ въ первой статьѣ своей о Глинкѣ (въ *Русск. Вѣстн.* за 1867 г.. № 10, стр. 545—546). Главное, основное различіе въ характерѣ, представляемое аккордами, состоитъ въ томъ, что одни изъ нихъ спокойны, другіе страстны. Ужь это первое опредѣленіе, заимствованное изъ нашей внутренней жизни, показываетъ, что гармонія по преимуществу носитъ характеръ лирическій, внутренній; что она, въ противоположность ритму, не представляетъ осязательныхъ аналогій со внѣшнею дѣйствительностью; поэтому опредѣленія тѣхъ безчисленныхъ оттѣнковъ спокойствія и страсти, на которыя распадается основное опредѣленіе консонанса и диссонанса, опредѣленія характера каждаго отдѣльнаго аккорда и каждаго изъ безчисленныхъ сочетаній аккордовъ чрезвычайно шатки и обращены къ индивидуальному пониманію, къ личному чувству слушателя. Послѣдній элементъ музыки, который здѣсь остается упомянуть, инструментовка, опять переноситъ насъ въ область реальныхъ и осязательныхъ сходствъ; звучность различныхъ инструментовъ напоминаетъ намъ различные звуки природы, вызываетъ на звукоподражанія; и помимо этого грубѣйшаго своего сближенія съ дѣйствительною жизнію, инструментовка, рисуя разнообразными, то мрачными, то свѣтлыми, то нѣжными, то мощными тембрами своихъ орудій аналогическія настроенія души, дѣйствуетъ несравненно понятнѣе, доступнѣе и грубѣе нежели гармонія: всякій слухъ отличаетъ кларнетъ отъ скрипки, но требуется уже музыкально-организованный слухъ, чтобы различить между собою интервалы, на которыхъ держится вся гармонія. Изъ четырехъ перечисленныхъ мною факторовъ музыки самое грубое средство для музыкальной характеристики являетъ *инструментовка:* допуская звукоподражаніе, она дѣйствуетъ уже чисто матеріально, давая намъ не намекъ, не сходство, а самый предметъ. За инструментовкой слѣдуетъ *ритмъ:* уподобляясь внѣшнимъ движеніямъ, онъ приближается къ области мимики и хореграфіи, почему онъ съ этою послѣднею и состоитъ въ тѣснѣйшей связи. Гораздо болѣе тонкое средство музыкальной характеристики мы видимъ въ *мелодіи:* уподобляясь декламаціи и охотно соединяясь съ нею, мелодія подаетъ руку уже не мимикѣ и хореграфіи, а риторикѣ и поэзіи. Наконецъ, самое неуловимое, самое зыбкое и, быть-можетъ, именно потому для геніальныхъ музыкантовъ самое

заманчивое средство характеристики представляетъ *гармонія*: ея созвучія, возбуждающія въ нашей душѣ смутный міръ настроеній и чувствъ, вѣчно ускользающій отъ всякаго словеснаго опредѣленія и недоступный даже лирической поэзіи, состоятъ въ какой-то таинственной связи съ самыми сокровенными, непосредственными, интимными движеніями нашей души. Гармонія, столь легко волнующая насъ своими переливами, въ теченіе исторіи музыки постоянно стремилась дѣлаться истолковательницей, переводчицей этихъ волненій: уже Габріели, уже мадригалисты XVI столѣтія старались гармоническими средствами,—сочетаніями и послѣдованіями аккордовъ,—передавать душевныя состоянія; съ постепеннымъ возрастаніемъ средствъ гармоніи, съ увеличеніемъ не только числа аккордовъ, но и въ особенности смѣлости въ ихъ сочетаніи, возросталъ и порывъ гармоніи въ область передачи опредѣленнаго содержанія, возростала и вѣра въ способность гармоніи *изображать* чувства. Не слѣдуетъ, однакоже, упускать изъ виду, что все перечисленное здѣсь не дѣлаетъ еще музыку искусствомъ изображенія въ смыслѣ живописи, пластики или поэзіи. Тѣ аналогіи ритма, мелодіи, гармоніи, инструментовки съ извѣстными сторонами другихъ искусствъ, все-таки не болѣе какъ аналогіи, которыхъ въ концѣ концовъ можно и не признавать, на которыя неотразимыхъ доказательствъ нѣтъ и не можетъ быть, которыя охотно отыскиваются чувствомъ, но при этомъ постоянно создавали и продолжаютъ создавать легковѣрное увлеченіе,—увлеченіе, всегда вредное для искусства и подъ часъ чрезвычайно забавное для хладнокровнаго наблюдателя. Музыкѣ, въ разные періоды литературы, приписывали способность „выражать“ или „изображать“ (два любимые термина этого рода критики) честолюбіе, пресыщеніе, добродѣтель, корысть; давали рецепты для выраженія музыкой того или другаго чувства, словно видѣли въ неопредѣленности ея содержанія какое-то униженіе для музыки предъ другими искусствами,—униженіе, изъ котораго она должна была спѣшить выйдти. Какъ я говорилъ, увлеченія эти возвращались въ различные періоды; въ послѣднее время въ Германіи, Вагнеровское требованіе отъ музыки „драматизма“ способствовало ихъ возвращенію, подготовленному уже многими другими неблагопріятными обстоя-

[redacted]

тельствами. * На днѣ этихъ увлеченій, какъ всегда, кроется правда,—правда, по моему убѣжденію, та, что музыка, вообще чуждая выраженія или изображенія опредѣленной мысли, ситуаціи, происшествія, въ частностяхъ являетъ множество точекъ соприкосновенія съ другими искусствами, имѣющими опредѣленное содержаніе; что исторически эти точки соприкосновенія чрезвычайно важны, ибо издавно привлекали общее вниманіе и вызывали на развитіе музыки въ сторону опредѣленнаго содержанія; что существуетъ *родъ* музыки, постоянно дающій поводъ пользоваться тѣми сторонами этого искусства, которыя наиболѣе способны къ такому развитію,—музыка вокальная, и *видъ* этой музыки, настоятельно требующій характерности и драматизма—музыка оперная.

Но общій духъ искусства, его основный характеръ, хотя бы криво понимаемый или упускаемый изъ виду, берутъ свое. Въ оперѣ болѣе чѣмъ гдѣ-либо музыка должна сосредоточиться, индивидуализоваться, примкнуть къ словамъ и дѣйствію. Сопутствуя психологическому развитію характера, сопровождая сценическія перемѣны и движенія, соединяясь со всѣми другими факторами оперы для того, чтобы мощною рукой вырвать слушателя изъ круга обыденныхъ представленій и перенести его въ міръ поэтическій, воображаемый, могла ли музыка оставаться въ своей сферѣ неопредѣленныхъ настроеній, безконечно переливающихся и не достигающихъ энергической характеристики? А между тѣмъ такова была сила коренныхъ свойствъ этого искусства, такова была сила его почти исключительной склонности витать въ мірѣ смутныхъ настроеній, что̀ и въ самой драматической музыкѣ общность, неопредѣленность, зыбкость брали и продолжаютъ брать верхъ надъ характеристикой, выразительностію и драматизмомъ. Въ большинствѣ существующихъ оперъ (и, конечно, я здѣсь, какъ вездѣ, говорю

* Не могу не упомянуть здѣсь о блестящей и остроумной брошюрѣ Ганслика: *О музыкально-прекрасномъ* (*Vom Musikalisch-Schönen. Ein Beitrag zur Aesthetik der Tonkunst*, v. Dr. Eduard Hanslick. 3. Aufl. Wien 1866), въ которой авторъ съ такимъ талантомъ далъ отпоръ ложному направленію модной нѣмецкой критики, видѣвшей въ музыкѣ цѣли, задачи и средства вовсе ей чуждыя. Книжка Ганслика у насъ почти неизвѣстна, въ Германіи она очень извѣстна, но не популярна, ибо плыветъ противъ теченія.

только о хорошихъ: произведенія неудавшіяся не даютъ мѣрила) музыка, написанная на тѣ или другія слова, совсѣмъ не произошла изъ этихъ словъ, не составляетъ необходимаго ихъ музыкальнаго выраженія; въ ней видно только настроеніе, въ самыхъ общихъ чертахъ сходное съ тѣмъ, которое господствуетъ въ содержаніи словъ. Весьма часто (и въ весьма классическихъ и прославленныхъ операхъ) сходство между словами и музыкой чисто отрицательное, то-есть музыка лишь не противорѣчитъ словамъ, не бываетъ веселаго характера тамъ, гдѣ въ словахъ идетъ рѣчь о грусти, не смахиваетъ на маршъ, когда слова воспѣваютъ любовь. Для полноты, я упомяну здѣсь и о тѣхъ (на каждомъ шагу встрѣчающихся въ италіянскихъ операхъ) случаяхъ явнаго противорѣчія между текстомъ и музыкой,— случаяхъ, съ такою жадностію отыскиваемыхъ острякамu и наложившихъ-было на всю оперу клеймо насмѣшки и презрѣнія. Они имѣютъ, впрочемъ, и серіозную сторону, хотя крайне прискорбную. Они пріучили слушающую публику къ такой безразличной снисходительности, они до того понизили ея требованія и притупили ея пониманія, что она повсюду принимаетъ за высшую степень музыкально-драматической выразительности тотъ ходячій музыкальный языкъ, на которомъ пишутся оперы и который я выше характеризовалъ какъ въ общихъ чертахъ напоминающій содержаніе словъ или же только не противорѣчащій ему. Публика довольствуется этою , весьма отдаленною связью между музыкой и словами. И могло ли пониманіе публики быть глубже, когда по пальцамъ можно перечесть тѣ оперныя произведенія, гдѣ дѣйствительно музыка рождена непосредственно словомъ, гдѣ она составляетъ съ нимъ одно неразрывное цѣлое, гдѣ каждая частность музыкальной фактуры, каждый оборотъ мелодіи, каждое сочетаніе аккордовъ, каждая перемѣна инструментовъ, каждая ритмическая группа соотвѣтствуетъ какой-нибудь тонкой, большинствомъ не замѣченной чертѣ въ общемъ смыслѣ стихотворенія! Нуженъ крупный талантъ, нужно спеціальное, энергически выдерживаемое стремленіе для того, чтобы, вопреки общему характеру искусства, гнуть его для драматическихъ цѣлей; нужно тончайшее артистическое чутье для того, чтобъ изъ этого моря напѣвовъ, аккордовъ, ритмовъ и тембровъ выхватить тѣ, которые представляютъ точки соприкосновенія, большею

[redacted]

частію глубоко скрытыя, съ тѣмъ или другимъ представленіемъ, и воспользоваться ими для охарактеризованія лица, фразы, ситуаціи.

Если общее содержаніе нашего искусства совсѣмъ не таково, чтобы дѣлать его способнымъ замѣнить живопись или соперничать съ поэзіей, то, напротивъ, современное направленіе, вопреки этому общему характеру музыки, все обращено именно на то, чтобы сдѣлать ее драматическою, стремиться къ высшей *правдѣ въ звукахъ*, къ мѣткости и живописности музыкальнаго языка. Нельзя не сознаться, что матеріалъ, накопленный въ продолженіе вѣковаго развитія музыки, громаденъ; нельзя не видѣть, что этого громаднаго матеріала должно хватить и на цѣли спеціальныя, отдаленныя и трудно достижимыя. Память каждаго музыканта, живущаго среди современной струи, наполнена самыми разнообразными мелодическими мотивами: плясовыми, пѣсенными, оперными, салонными, камерными, симфоническими. Къ нимъ въ послѣднее время стали прибавляться народные напѣвы различнѣйшихъ націй, собираемые съ любовью, перекладываемые, избираемые темами для большихъ сочиненій. Между тѣмъ какъ школы лейпцигская (Мендельсонъ, Шуманъ и послѣдователи) и веймарская (Вагнеръ, Листъ и послѣдователи) обогатили модуляцію и ввели въ область композиціи самый пестрый, самый капризный хроматизмъ; реакція противъ крайностей этого направленія вызвала неожиданный контрастъ: возвращеніе къ церковнымъ ладамъ, къ гармоніямъ XVI столѣтія, такъ что современный гармонистъ обладаетъ несмѣтными сокровищами трехъ вѣковъ. Французскіе оперные, нѣмецкіе танцовальные композиторы до безконечности разнообразили ритмъ и сообщили ему живость, подвижность и прихотливость, неизвѣстныя ни въ какое прежнее время. Виртуозы и композиторы совокупными усиліями подвинули инструментовку: первые, все болѣе и болѣе расширяя кругъ того что̀ инструменту доступно, все болѣе и болѣе популяризируя трудности, и вслѣдствіе своего громаднаго размноженія, наполнивъ собою оркестры и превративъ ихъ въ республики виртуозовъ; вторые, самолюбиво изощряясь придумывать все новыя и новыя сочетанія инструментовъ, все болѣе густыя и яркія краски, съ жадностію отыскивая небывалыя звучности и бросаясь на новоизобрѣтенные, или бывшіе неупотребительными, инструменты

Послѣдствіемъ этихъ усилій было то, что въ немногія послѣднія десятилѣтія оркестровый стиль сочиненія преобразился окончательно и пріобрѣлъ богатѣйшій лексиконъ комбинацій инструментовъ. Такимъ образомъ, въ областяхъ и гармоніи, и мелодіи, и ритма, и инструментовки, современный композиторъ обладаетъ достояніемъ громаднымъ, еле обозримымъ. Если въ такія времена, когда музыкальный языкъ былъ несравненно бѣднѣе, могли существовать попытки пользоваться его скудными средствами для выраженія душевныхъ состояній или для изображенія внѣшнихъ происшествій, неудивительно, что эти попытки сдѣлались многочисленнѣе, смѣлѣе, успѣшнѣе, когда этотъ языкъ пріобрѣлъ такой громадный запасъ формъ и сочетаній. Очевидно, эти попытки избрали своею ареной не инструментальную музыку, а вокальную: очевидно, опредѣленно-рисующая музыка понадобилась тамъ, гдѣ есть слова подчиняющія себѣ музыкальное содержаніе. *Усиленное стремленіе къ музыкѣ реальной, къ музыкѣ, по возможности, выразительной и послушной требованіямъ слова, составляетъ положительную сторону того направленія, отрицательная сторона котораго имѣетъ средоточіемъ литературную дѣятельность Вагнера.*

Частные случаи удачной музыкальной характеристики, встрѣчающіеся намъ въ большинствѣ прежнихъ и современныхъ оперъ, обѣщаютъ, въ недалекомъ будущемъ, замѣниться полнымъ, сплошнымъ подчиненіемъ музыки тексту. Въ великую классическую эпоху музыки, занимающую собой прошлое столѣтіе, эпоху, болѣе теперешней обращенную на оперу и считающую знаменитыя, долго не сходившія со сцены оперы десятками, такого подчиненія музыкальнаго содержанія поэтическому далеко не было: но стремленіе къ нему, менѣе рѣшительное и всеобщее нежели теперь, существовало и тогда: оно воплотилось въ лицѣ великаго художника, имя котораго доселѣ неразрывно связано съ воспоминаніемъ о той великой борьбѣ, которую велъ онъ съ оперною рутиной своего времени,—въ лицѣ Глука. Глукъ началъ свою реформаторскую дѣятельность въ богатую и оживленную эпоху, когда италіанская опера достигла апогея своего развитія и распространенія, а инструментальная музыка только что начинала чувствовать свои крылья, робко, но съ успѣхомъ, отваживаясь на расширенія формы и плодо-

творимыя нововведенія. Въ эту эпоху, дѣятельность которой на музыкальномъ поприщѣ была весьма обширна и разнообразна, опера, вопреки тѣмъ чисто-драматическимъ началамъ, которыя были положены ей въ основаніе, успѣла превратиться въ условный родъ музыкальнаго сочиненія, чрезвычайно далекій отъ своей истинной задачи, родъ сочиненія, въ которомъ главною цѣлію было выставить какъ можно выгоднѣе виртуозность пѣвцовъ-исполнителей. Согласно этому старанію, оперы были переполнены нескончаемыми бравурными аріями, а эти аріи нескончаемыми фіоритурами, необходимыми пѣвцамъ какъ пробные камни ихъ виртуозности. Самъ Глукъ сочинилъ не мало оперъ въ этомъ родѣ, прежде чѣмъ дошелъ до сознанія необходимости той музыкальной реформы, которую онъ затѣмъ и провелъ съ замѣчательною энергіей. Съ Глука, такимъ образомъ, начинается возрожденіе тѣхъ музыкально-драматическихъ стремленій, которыя породили самый жанръ оперы и были чрезвычайно сильны въ основателяхъ этого жанра, но совершенно заглушены послѣдующимъ, быстрымъ развитіемъ оперы въ совершенно другую сторону. Для осуществленія своего музыкально-драматическаго идеала, Глукъ соединялъ многія данныя, но не всѣ. Драматизмъ его оперъ, при внимательномъ и вполнѣ объективномъ изученіи ихъ, заставляетъ преклоняться передъ тою силой и глубиной мысли, которая могла породить такія произведенія: но слѣдуетъ прибавить, что здѣсь за мѣрило принимаются только самые драматическіе моменты оперы, а не лирическія ея части: другими словами, только разговоры и сцены дѣйствія, а никакъ не монологи, которыхъ, однако, въ операхъ Глука довольно много. Поэтому Глукъ превосходенъ въ хорѣ и речитативѣ, но нерѣдко посредственъ въ аріи. Ему не доставало той гибкости и послушности дарованія, при которыхъ онъ могъ бы окружить слово, само по себѣ незначительное, не согрѣтое поэтическимъ вдохновеніемъ, не просящееся на хорошую музыку, всѣмъ лучезарнымъ сіяніемъ музыкальной красоты и ею выкупить слабость и ничтожество текста. Мѣстами чувствуется, что художникъ съ болѣе живою и роскошною фантазіей далъ бы здѣсь несравненно болѣе; но ни одна нота не возмущаетъ несообразностью, * нигдѣ

---

* Если исключить нѣкоторыя смѣшныя, но неизбѣжныя послѣдствія царившаго тогда рококо, какъ, напримѣръ, нестерпимое для

нѣтъ слѣда легкаго, равнодушнаго отношенія къ тексту Тщательность, логичность, соразмѣрность, зрѣлость, мудрость: вотъ неотъемлемыя качества Глуковской оперы, и наше благоговѣніе предъ этимъ художникомъ-мыслителемъ не можетъ уменьшиться отъ той горькой истины, что музыка Глука имѣетъ подчасъ и другія качества, парализующія первыя: нѣкоторую блѣдность, нѣкоторое однообразіе нѣкоторую узкость горизонта. Опера Глука едва ли подѣйствуетъ теперь съ охватывающею силой на публику, не приготовленную къ ней славой и почетомъ его имени; ея успѣхъ въ наше время есть—succès d'estime: свою строгую и цѣломудренную красоту она раскрываетъ лишь предъ испытующимъ взоромъ внимательно, глубоко, объективно изучающаго ея историка искусства.

Совершенную противоположность съ этимъ музыкантомъ рефлексіи составляетъ музыкантъ геніальнаго инстинкта неистощимаго вдохновенія, Моцартъ. Обладая колоссальнымъ, баснословнымъ сочинительскимъ талантомъ, дѣлавшимъ его одинаково способнымъ къ созданію огненнаго драматическаго финала и игривой, невинной пѣсенки, глубоко ученой фуги и чопорно граціознаго менуэта, безукоризненнаго струннаго квартета и блестящаго виртуознаго концерта, величественнаго церковнаго хора и шаловливо-эротическаго романса, Моцартъ, и по склонности, и по силѣ обстоятельствъ, съ самой ранней юности преимущественно занимался сочиненіемъ для сцены, и здѣсь имѣлъ онъ свои главные успѣхи. Но онъ внесъ въ свои оперы, вмѣстѣ со всѣми преимуществами, и всѣ недостатки своей феноменально одаренной натуры. Не имѣя серіозности образованія Глука и серіозности его характера, будучи ребенкомъ въ душѣ въ столько же, насколько Глукъ былъ мыслитель, Моцартъ въ своихъ операхъ то высоко возносился надъ Глукомъ, то опускался глубоко ниже его уровня. Есть у Моцарта сцены, дышащія трагическою силой; есть другія, не менѣе превосходныя гдѣ онъ внесъ въ музыку элементъ, вовсе недоступный Глуку,— элементъ комизма (вспомнимъ первый финалъ *Свадьбы Фигаро*); есть ансамбли и финалы, гдѣ онъ изумительно управляется со множествомъ дѣйствующихъ лицъ, сохраняя

нашего времени пренебреженіе къ мѣстному колориту, особенно забавно бросающееся въ глаза въ балетахъ Глуковскихъ оперъ.

[redacted]

индивидуальный характеръ каждаго, сохраняя общую стройность музыкальнаго сочиненія, словомъ, есть у него *нумера* оперъ капитальные. Въ этихъ-то нумерахъ мѣткая правда выраженія соединяется съ чисто музыкальными красотами, которыхъ не было у Глука; съ этою акклиматизованною Моцартомъ въ Германіи италіянскою мелодіей, исполненною южной нѣги и страстной прелести; съ этою энергическою, гибкою и богатою гармоніей, небывалою у его современниковъ и (что̀ нынѣ какъ-то упускается изъ виду) утраченною его преемниками; съ этою античною стройностью и симметріей, прирожденными Моцарту и присущими ничтожнѣйшему изъ его сочиненій. Но рядомъ съ этимъ мы нерѣдко встрѣчаетъ господство рутины; видимъ множество піесъ, написанныхъ, вслѣдствіе долгой привычки, гладко и безцвѣтно; видимъ преобладаніе виртуознаго пѣнія надъ драматическимъ, поспѣшность и равнодушіе къ содержанію.

Въ лицѣ Глука и Моцарта драматическая музыка, на западѣ Европы, достигла своей высшей точки. Она достигла ея тогда, когда модуляція была скуднѣе и одноцвѣтнѣе, а инструментовка менѣе свободна и менѣе обширна нежели теперь. * Ея высшему процвѣтанію, какъ видно, не мѣшало то обстоятельство, что многія стороны техники такъ значительно обогатились въ слѣдующее столѣтіе. Ближайшіе преемники Моцарта, школа послѣдователей Глука, сосредоточившихся въ Парижѣ (Мегюль, Керубини и Спонтини), лишенные, въ особенности послѣдній, Моцартовскаго генія и неистощимости, гораздо болѣе сдѣлали для упроченія того условнаго, привычнаго и знакомаго всѣмъ намъ опернаго музыкальнаго языка, въ которомъ извѣстныя чувства выражаются извѣстными, заранѣе опредѣляемыми, звукосочетаніями, нежели для развитія объективнаго и вполнѣ-правдиваго музыкальнаго стиля. Они были музыканты далеко не дюжинные: Мегюль и въ особенности

---

* Время Глука и Моцарта было лишено одного изъ могущественнѣйшихъ средствъ выраженія въ современной нашей музыкѣ: оркестра, какъ мы его теперь понимаемъ. Своимъ оркестромъ, окрестромъ второй половины XVIII столѣтія, какъ Глукъ, такъ и, въ особенности, Моцартъ, распоряжались мастерски: но этотъ оркестръ имѣетъ очень мало общаго съ Берліозовскимъ, на которомъ зиждется современная оркестровка.

Керубини были превосходные гармонисты, Спонтини тщательный и изобрѣтательный инструментаторъ: его оркестръ уже составляетъ переходъ къ новѣйшему. Отдѣльные драматическіе моменты, свидѣтельствующіе о здравости пониманія и теплотѣ чувства, есть и у Керубини, есть въ особенности у Мегюля, — но въ общемъ итогѣ парижская школа временъ революціи и имперіи, этотъ лучшій плодъ Глуковскихъ реформъ, скорѣе расширила техническія средства опернаго стиля чѣмъ углубила его эстетическое значеніе. По ея же стопамъ пошелъ Бетговенъ въ единственной написанной имъ оперѣ *Фиделіо*. Значеніе этого превосходнаго квартетнаго и симфоническаго композитора въ настоящее время обыкновенно преувеличивается съ фанатически-ослѣпленнымъ упорствомъ, причемъ критика, для вящаго возвеличенія своего идола, съ одной стороны беретъ назадъ свои прежніе хвалебные отзывы о Моцартѣ, съ другой старается предупредить будущую, болѣе справедливую, оцѣнку Берліоза и Шумана. *Фиделіо* Бетговена по стилю, по средствамъ выразительности, по всѣмъ пріемамъ, кромѣ способа инструментовки, въ которой Бетговенъ не могъ не быть оригинальнымъ,—чистое подражаніе отчасти Моцарту, отчасти французской Глуковской школѣ (не самому Глуку, а болѣе всего Керубини). Не достаетъ только прелести Моцартовскаго голосоведенія, не достаетъ Керубиніевскаго богатства гармоніи: въ вознагражденіе за нихъ намъ предлагается чрезвычайно изящная инструментовка, достойная Бетговенскихъ симфоній. Какъ драматическое музыкальное произведеніе, *Фиделіо* Бетговена, по моему крайнему убѣжденію, принадлежитъ къ числу многочисленныхъ представителей рутины, какою она была въ началѣ нашего столѣтія. Только однажды въ цѣлой оперѣ Бетговену удалось выйдти изъ очарованнаго круга рутины: это случилось въ концѣ перваго дѣйствія, въ сценѣ копанія могилы, дѣйствительно трагической и притомъ оригинальной по музыкальнымъ средствамъ.* У Бетговена былъ современникъ, прославленный при жизни и прославляемый послѣ смерти Нѣмцами какъ великій драматическій композиторъ. Имя его Карлъ Марія Веберъ. Въ его музыкальномъ складѣ было много оригинальнаго.

---

* Я не говорю о дивной интродукціи втораго дѣйствія, потому что это произведеніе *инструментальное*.

[redacted]

Онъ имѣлъ чутье къ простонародному элементу, хотя и не въ первобытной его чистотѣ. Онъ безспорно имѣлъ большой мелодическій даръ, инструментовалъ свои произведенія ярко и эффектно, но замѣчательно плохо владѣлъ гармоніей, нещадно злоупотребляя одними аккордами, почти не вѣдая употребленія другихъ. Доказательствомъ его неспособности къ инструментальной композиціи служитъ его до смѣшнаго неудачная до-мажорная симфонія. Онъ никогда не могъ справиться съ формой: даже увертюры его сложены, на подобіе мозаики, изъ отдѣльныхъ кусочковъ. Высокое мѣсто между драматическими композиторами было отведено Веберу главнымъ образомъ вслѣдствіе противоположности его тенденцій съ тѣми стремленіями, которыя въ его время воплотились въ Россини, сравнительно съ которымъ Веберъ очень драматическій композиторъ. Положеніе Вебера, съ одной стороны (въ отношеніи декламаціи и музыкальной характеристики) продолжавшаго идти по пути Глука, съ другой стороны (въ отношеніи выбора сюжетовъ и обусловленнаго ими музыкальнаго стиля) способствовавшаго открытію совершенно новаго въ музыкѣ міра—міра романтизма—было положеніе трудное и почтенное: его наградили произвoдствомъ въ великіе музыкальные драматики, тогда какъ драматизмъ Вебера, грубый и наивный, являетъ не шагъ впередъ, а скорѣе шагъ назадъ послѣ Глука и Моцарта, и весь успѣхъ лежитъ тутъ въ простонародномъ тонѣ, мѣстномъ колоритѣ, средневѣковомъ романтизмѣ, словомъ, въ вещахъ не касающихся драмы. Веберъ создалъ цѣлую школу нѣмецкихъ романтиковъ, все старанiе которыхъ было обращено на то чтобы быть похожими на Вебера; будучи его подражателями, они, конечно, не могли сдѣлаться его продолжателями. Такимъ образомъ объясняется, что опера въ Германіи въ теченіе двадцати лѣтъ послѣ смерти Вебера не ознаменовалась ни однимъ крупнымъ явленіемъ: значительные фазисы ея развитія встрѣчаемъ во Франціи. Здѣсь, въ двадцатыхъ годахъ, опера приняла такъ-называемое историческое направленіе. Родоначальница этого рода оперъ — Оберовская *Нѣмая изъ Портичи*, болѣе извѣстная намъ подъ именемъ *Фенеллы*, самымъ вліятельнымъ образцомъ въ этомъ родѣ всегда былъ Россиніевскій *Вильгельмъ Тель*. Въ этихъ операхъ соединилось чрезвычайно много различныхъ элементовъ, онѣ суть

произведенія эклектическія. Италіянской пѣвческой виртуозности отведено въ нихъ не послѣднее мѣсто; но весьма часто также прибѣгають въ нихъ къ французской музыкальной декламаціи. Историческіе сюжеты принуждали композиторовъ искать въ музыкѣ средствъ для исторической характеристики; а стремленіе къ популярности, нужда въ успѣхѣ заставляли тѣхъ же композиторовъ держаться въ предѣлахъ моды и рутины, дабы не быть непонятыми. Усовершенствованіе внѣшнихъ, техническихъ средствъ, знаменующее собою настоящее столѣтіе, нашло себѣ самое обширное поприще въ этой новой оперѣ; не только инструментовка, но машины, декораціи, костюмы, оптическіе эффекты и пр. и пр. были, для исторической оперы, доведены до величайшаго изощренія. Самый блестящій представитель этого направленія, въ теченіе трехъ десятилѣтій, былъ Мейерберъ. Онъ соединялъ огромный и оригинальный музыкальный талантъ съ тѣмъ многостороннимъ общимъ образованіемъ, которое было необходимо для новой оперы, гдѣ далеко не всѣ эффекты музыкальные, а часто музыкальные эффекты на послѣднемъ планѣ. Эклектическая натура Мейербера также пришлась какъ нельзя болѣе кстати для новаго, эклектическаго рода оперы. Мейерберъ былъ Нѣмецъ, обязанный большею частію своего музыкальнаго образованія Италіи и пошедшій по стопамъ французскихъ композиторовъ исторической оперы. Поэтому въ его твореніяхъ явилась смѣсь стилей, сдѣлавшая его музыку чрезвычайно гибкою и подвижною, а главное, способною нравиться различнѣйшимъ вкусамъ. Но направленіе этой музыки всегда было внѣшнее. Она не углублялась въ психологическія задачи; она била на внѣшній эффектъ. Холодный разчетъ на эффектъ въ ней явно и несомнѣнно преобладаетъ надъ непосредственностью поэтическаго вдохновенія. Служеніе толпѣ, служеніе самое утонченное, самое обдуманное, но и самое податливое, главная характеристическая черта Мейерберовой музыки. И потому, хотя въ отдѣльныхъ проблескахъ въ Мейерберовскихъ партитурахъ и высказываются огромные драматическіе задатки, но въ общемъ чисто драматическое стремленіе у него постоянно заглушается стараніемъ соединить въ одной оперѣ какъ можно болѣе, хотя бы совершенно чуждыхъ между собою, но сильно дѣйствующихъ эффектовъ. Италіянскіе композиторы, современники

Мейербера. Беллини, Доницетти и Верди, раздѣлявшіе съ нимъ вниманіе и восторги публики, въ своихъ операхъ, вмѣстѣ съ несомнѣнными признаками таланта, обнаруживаютъ по отношенію къ развитію опернаго драматизма быстрый упадокъ искусства: ихъ задачи лежатъ совершенно въ сторонѣ отъ задачи продолжателей Глука, они дѣйствовали не драматическою правдой, а счастливымъ мелодическимъ даромъ и своимъ чисто-италіянскимъ умѣніемъ ладить съ великими пѣвцами. Я не исключаю изъ этого опредѣленія и Верди, несмотря на его внѣшнія замашки драматизма и характеристики. Французскіе же композиторы, современные Мейерберу, или цѣлый вѣкъ пробавлялись безцвѣтнымъ подражательствомъ, какъ Галеви, или разрабатывали ту специфически-французскую область легкой комической оперы, на почвѣ которой они никогда не находили соперниковъ. Сюда относятся Оберъ и Герольдъ. Комизмъ ихъ не глубокъ. Оперы ихъ не суть комедіи въ звукахъ, въ смыслѣ Мольеровскомъ или Гоголевскомъ; это скорѣе водевили, въ нихъ болѣе остроумія нежели комизма. Но тѣмъ не менѣе, эта школа въ своихъ произведеніяхъ является гораздо чище, правдивѣе, богаче тонкими чертами нежели школа серіозной французской оперы. Грація и игривость, неподдѣльная веселость, безыскусственная легкость, соединенная, однакоже, съ полнымъ владѣніемъ музыкальною техникой, съ прекрасною гармоніей и инструментовкой — вотъ существенные качества Оберовской и Герольдовской оперы. Но тѣсный, можно сказать, водевильный кругъ, въ который была заключена эта опера, ея условная, крайне неестественная форма (чередованіе разговоровъ и музыкальныхъ нумеровъ), мѣшали ей имѣть вліяніе на общія судьбы музыкальной драмы: она вліяла только на свою собственную, узкую и специальную сферу.

Въ Германіи, въ одно время съ Мейерберомъ, жилъ и творилъ одинъ музыкантъ, произведенія котораго до того выходили изъ ряда обыкновеннаго, до того и въ общей постройкѣ, и въ мельчайшихъ подробностяхъ поражали дерзкою новизной и оригинальностью, что къ нему долго не могли приглядѣться, не могли свыкнуться съ его могучею самобытностію. Оттого онъ провелъ всю свою жизнь въ тѣни, пользуясь уваженіемъ какъ отличный музыкантъ, не лишенный дарованія, но отнюдь не считаясь—чѣмъ онъ былъ въ

дѣйствительности—геніемъ, имя котораго всегда сдѣлается символомъ бурнаго, страстнаго вдохновенія. То былъ Робертъ Шуманъ. Композиторъ этотъ (какъ и его безсмертные современники, Берліозъ и Глинка), еще дожидающійся справедливой оцѣнки, почти всю свою дѣятельность посвятилъ камерной музыкѣ, въ особенности сочиненію фортепіанныхъ піесъ и романсовъ; изрѣдка отваживался онъ на симфонію или кантату, роды, въ которыхъ онъ оставилъ безсмертныя произведенія; только разъ въ жизни онъ написалъ оперу. Опера эта была написана на сюжетъ знаменитой легенды о невинной Геновефѣ. Въ ея музыкѣ находятся сокровища вдохновенія, глубокаго чувства, драматическаго чутья и средневѣковаго колорита. Какъ музыкальное произведеніе, *Геновефа* одна изъ первыхъ оперъ въ мірѣ. Она сверкаетъ неистощимыми красотами гармоніи, въ которой Шуманъ не имѣетъ равнаго. Но при всѣхъ своихъ нетлѣнныхъ красотахъ, *Геновефа* страдаетъ однимъ общимъ недугомъ: въ ней слишкомъ выдается личность самого Шумана. Самое выпуклое лицо въ этой драмѣ—ея композиторъ. Субъективность, имѣвшая такую силу въ эпоху Шумана не въ одной музыкѣ,—главный недостатокъ и его оперы. Тѣмъ не менѣе,—высказываю взглядъ теперь еще парадоксальный, но къ которому, я убѣжденъ, со временемъ неминуемо придутъ,—послѣ Глука, послѣ Моцарта, не было музыкальной драмы на столько возвышенно-идеальной, на столько цѣломудренно-правдивой, какъ Шумановская *Геновефа*. Если сочиненія Шумана вообще лишь недавно стали дѣлаться извѣстны, то опера его и до сихъ поръ еще для большинства составляетъ темный миѳъ: музыканты-спеціалисты, присяжные рецензенты едва вѣдаютъ о ея существованіи, еще менѣе о ея содержаніи. Изученіе ея должно, по моему мнѣнію, составлять одну изъ ближайшихъ и настоятельнѣйшихъ задачъ музыкальной критики.

II.

Преемникомъ Мейербера на поприщѣ большой оперы явился Рихардъ Вагнеръ. Консервативный эклектизмъ замѣнился — по крайней мѣрѣ на словахъ — революціоннымъ пуризмомъ. Отрицательное отношеніе къ пройденному пути къ недавнему прошлому, обѣщало радикальныя улучшенія

[redacted]

Для этихъ улучшеній Вагнеръ привесъ на арену весьма значительныя силы. Помимо своей большой начитанности, своего философскаго образованія, Вагнеръ обладаетъ несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ. Теоретическая проза его, тяжелая и запутанная, съ безсиліемъ отыскивающая мѣткое опредѣленіе и тщетно порывающаяся на остроуміе, можетъ дать совершенно превратный взглядъ на литературный талантъ Вагнера тому, кто незнакомъ съ его поэтическими произведеніями. Либретто его оперъ, сочиняемыя всегда имъ самимъ, выказываютъ значительный поэтическій даръ: теплота и искренность чувства, энергія и звучность стиха, чистота вполнѣ народнаго языка, выказываютъ въ Вагнерѣ отличнаго лирика,—конечно, не болѣе: до драматизма, до созиданія индивидуальныхъ характеровъ Вагнеру далеко. Этотъ стихотворный талантъ соединяется въ лицѣ Вагнера съ музыкальнымъ, выходящимъ изъ ряда обыкновеннаго. Музыкальный стиль его не похожъ ни на одинъ изъ существовавшихъ до него; лишь весьма подробный анализъ можетъ указать многочисленные элементы, изъ которыхъ сплавился этотъ стиль. Эта-то несомнѣнная оригинальность, эта свѣжесть музыкальнаго содержанія прежде всего и располагаетъ въ пользу Вагнера, увлекая слушателя новизной самой музыки и укореняя въ ней заблужденіе, будто бы въ этихъ звукахъ заключается новая музыкальная эра. Между тѣмъ здѣсь новы чисто-музыкальные факторы, преимущественно гармонія и инструментовка, что̀ совершенно случайно произошло отъ склада таланта Вагнера, что̀ могло и не быть: въ догматахъ же Вагнера требуется новое отношеніе музыки къ слову и новое и строжайшее примѣненіе уже имѣющагося музыкальнаго матеріала къ драматическому дѣлу. Музыка Вагнера, разсматриваемая безо всякаго отношенія къ слову, безспорно очень ярка и обаятельна: прелесть мелодіи (упрекъ, что у Вагнера не достаетъ мелодіи, давно уже опровергнутъ его же противниками), мелодіи не разнообразной, но полной мечтательности и экзальтаціи, гармонія сладострастная, постоянно волнуемая диссонансами и самыми неожиданными ихъ разрѣшеніями, но всегда ласкающая ухо какою-то жаркою нѣгой, * баснословное обиліе модуляцій,

* Секретъ этой обаятельной чувственности музыки, столь увлекательной въ соединеніи со сценой, заключается въ употребленіи

далекихъ, но всегда мягкихъ и чувственно прелестныхъ, инструментовка массивная, грубая, но необыкновенно блестящая, цвѣтастая и расточительная; вотъ качества, объясняющія и первые неуспѣхи Вагнера, когда новизна этого музыкальнаго стиля была слишкомъ поразительна, и теперешнее увлеченіе имъ. Увлеченіе это, вѣроятно, еще долго будетъ расти, распространяясь все болѣе и становясь все исключительнѣе, по мѣрѣ того какъ музыка Вагнера, пряная и чувственная, отучитъ слухъ отъ прежней простоты и воздержности. Когда и въ какой формѣ наступитъ реакція, рано предвѣщать теперь, но наступить она должна непремѣнно. Тогда, вѣроятно, убѣдятся и въ той истинѣ, что менѣе всего *драматизму*, въ какомъ то ни было смыслѣ этого слова, обязанъ Вагнеръ своими заслуженными и незаслуженными лаврами. Къ сожалѣнію, вопросъ этотъ былъ крайне затемненъ музыкальными реакціонерами, которые, нападая на Вагнера, съ великимъ безвкусіемъ избирали всегда его музыку мишенью для своей стрѣльбы, находя ее неправильною, неблагозвучною, немелодическою, безформенною и т. п. Нападая на сильнѣйшую сторону своего противника, они, разумѣется, должны были понести пораженіе, и дѣйствительно, вопреки ихъ обвиненіямъ, общественное мнѣніе болѣе и болѣе высказывается въ пользу той самой музыки, въ которой реакціонные критики видѣли одни только отрицательные качества. Еслибы критика, вмѣсто узкаго и пристрастнаго осужденія музыкальной стороны Вагнеровскихъ произведеній, занялась разборомъ ихъ съ точки зрѣнія самого Вагнера, съ точки зрѣнія драматической правды, — исходъ борьбы, быть-можетъ, вышелъ бы другой. Задавъ себѣ вопросъ: на сколько самъ Вагнеръ ушелъ отъ той неправды, ходульности, рутинности, внѣшности безъ содержанія, которыя онъ такъ запальчиво порицалъ въ своихъ полемическихъ сочиненіяхъ, критика могла бы придти къ выводамъ, новизна и поучительность которыхъ съ избыткомъ вознаградили бы за трудъ такого анализа. Когда самъ художникъ пишетъ намъ пространные комментаріи къ своимъ твореніямъ, въ формѣ ли предисловій, въ формѣ ли отдѣльныхъ,

---

преимущественно септаккордовъ и нонаккордовъ, въ благозвучномъ расположеніи ихъ интерваловъ, а болѣе всего въ преобладаніи хроматизма.

[redacted]

теоретическихъ сочиненій, лишь ослѣпленіе, лишь упрямство можетъ насъ заставить не принимать его же требованій за мѣрило его заслугъ, а продолжать навязывать ему наши требованія, которыя онъ, можетъ-быть, и легко могъ бы, да совсѣмъ не хочетъ выполнять.

Вагнеръ засталъ оперу въ эпоху значительнаго техническаго развитія, соединеннаго съ эстетическимъ огрубѣніемъ и распущенностію. Первый признакъ этого эстетическаго упадка заключается въ томъ характерѣ, который принялъ новѣйшій речитативъ,—тотъ родъ вокальнаго сочиненія, гдѣ въ словахъ преобладаетъ элементъ разсудочный, рефлексія, надъ элементомъ чувства, надъ лиризмомъ. Такія слова, строго говоря, не допускаютъ вовсе музыки; музыка чужда логической мысли, она сродна только лирическому настроенію. Но въ большомъ цѣломъ, въ оперѣ, ораторіи, кантатѣ, какъ бы текстъ ни былъ музыкаленъ, какъ бы онъ ни былъ богатъ настроеніями, какъ бы ни былъ ничтоженъ тотъ *minimum*, на который низведенъ въ немъ элементъ прозы и разсудочности, все же этотъ элементъ скажется въ большей или меньшей степени, мало того, въ большинствѣ вокальныхъ текстовъ, по необходимому требованію сюжета, ему отведено весьма обширное мѣсто. Речитативомъ пишется музыка на разговоры, необходимые для разъясненія дѣйствія, на большинство разказовъ, на приговоры, пророчества и пр., и пр. Речитативъ есть нѣчто среднее между музыкой и поэзіей, чтò отзывается и на его исполненіи: онъ не вполнѣ поется; исполненіе его держитъ середину между пѣніемъ и декламаціей. Такъ какъ лишь общее настроеніе способно слить частности въ большое художественное цѣлое, а при отсутствіи такого настроенія частности стремятся къ распаденію, къ индивидуализаціи; такъ какъ речитативомъ пишется музыка именно на такія слова, въ которыхъ недостаетъ или лишь весьма слабо присутствуетъ общее настроеніе, то ясно, что речитативъ, какъ музыкальное произведеніе, не представляетъ удовлетворительно-объединенной формы. Форма его неопредѣленна. Это рядъ аккордовъ, модулирующихъ изъ тона въ тонъ и большею частью кончающихся въ другомъ тонѣ, нежели въ которомъ началось явное нарушеніе музыкальнаго единства. Неопредѣленность его формы искони побуждала музыкантовъ смотрѣть на речитативъ какъ на нѣчто второстепенное, какъ на необходи-

мость, требуемую условнымъ обычаемъ, но неинтересную и неблагодарную. Нуждаясь въ общихъ настроеніяхъ для свободнаго и обширнаго развитія своихъ формъ, музыка суживается и бѣднѣетъ отъ необходимости подстрочно слѣдовать за говоренною рѣчью, всѣмъ жертвовать для декламаціи, превращаться изъ самостоятельнаго искусства, изъ цѣли, въ искусство подчиненное, въ средство. Въ этомъ воззрѣніи есть значительная доля правды: но оно повело къ тому, что композиторы стали слишкомъ легко относиться къ этому роду сочиненія, что они спѣшили отдѣлаться отъ речитатива какъ можно скорѣе, и что вслѣдствіе этого для речитатива скоро образовался особый, чрезвычайно тѣсный и ограниченный лексиконъ мелодическихъ оборотовъ, стереотипно повторяемыхъ повсюду. Самые великіе композиторы не совсѣмъ свободны отъ этой условности речитатива: Глукъ хотя въ примѣненіи этихъ рутинныхъ формъ къ содержанію словъ выказалъ тончайшую разборчивость, хотя въ этихъ рамкахъ достигъ высшаго совершенства декламаціи, но въ музыкальномъ содержаніи своихъ речитативовъ весьма мало отличается отъ своихъ современниковъ: вліяніе общихъ мѣстъ, потопившихъ собой речитативы всѣхъ оперъ, оказалось сильнѣе даже Глуковскаго генія, и лишь рѣдко (большею частью къ концу) въ речитативѣ Глука мелькаютъ фразы болѣе самобытныя и мелодически-интересныя.

Я сейчасъ сказалъ, что въ речитативѣ музыка становится изъ *цѣли средствомъ*. Читатель вспомнитъ, что именно этими двумя словами Вагнеръ обозначилъ противоположность между тѣмъ, чѣмъ опера должна быть, и тѣмъ, что̀ она въ дѣйствительности. Музыка въ оперѣ настоящаго — цѣль: въ этомъ заключается-де ложь и заблужденіе, музыка въ драмѣ будущаго—средство: въ этомъ-де успѣхъ и возрожденіе. Согласно съ этимъ, Вагнеръ чрезвычайно много пользуется формой речитатива. Декламація въ его операхъ играетъ почти такую же обширную роль, какъ въ тѣхъ первоначальныхъ попыткахъ оперы, произведеніяхъ Каччини и Пери, которыя цѣликомъ состояли изъ сухаго, однообразнаго речитатива. Но въ *качествѣ* этого речитатива, въ его пріемахъ и оборотахъ, у Вагнера не видно ни малѣйшаго успѣха противъ Мейербера и другихъ композиторовъ, занимавшихъ собою оперный горизонтъ въ послѣднія десятилѣтія. Та же рутинная, казенная декламація; то же

[redacted]

подстрочное слѣдованіе музыкальнаго ритма за просодіей словъ, уничтожающее всякую поэзію, всякій музыкальный смыслъ, всякую теплоту и симпатичность въ мелодіи; тѣ же антимузыкальныя фигураціи аккордовъ голосомъ; тѣ же избитые крики на высокихъ нотахъ, злоупотребляемые Вагнеромъ не менѣе Верди; то же общее отсутствіе движенія, жизни.

Это скудное пробавленіе речитатива давнишними и обычными формами, столь разительно контрастирующее съ громогласнымъ проповѣдничествомъ новыхъ путей, новыхъ истинъ въ искусствѣ, неминуемо ведетъ къ тому, что у Вагнера недостаетъ главнаго условія всякой драмы, недостаетъ сильно, индивидуально очерченныхъ характеровъ. Стараніе обрисовывать характеры есть; оно даже такъ наивно сказывается *стараніемъ*, что возбуждаетъ невольное подозрѣніе. Такъ, каждое изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ снабжено особою мелодіей, играемою въ оркестрѣ при каждомъ его появленіи. Несмотря на эти грубыя, отчаянныя средства индивидуализовать личности, эти личности сплываются въ общую безразличную массу. Онѣ говорятъ одинаковымъ языкомъ не только въ речитативѣ, въ этомъ казенномъ и безцвѣтномъ речитативѣ, составляющемъ самую слабую сторону Вагнеровыхъ оперъ, но и въ пѣвучихъ мѣстахъ; общій Вагнеровскій стиль, который я выше характеризовалъ въ его главныхъ чертахъ, сопутствуетъ пѣнію каждаго отдѣльнаго лица, не принимая никакихъ оттѣнковъ, кромѣ самыхъ общихъ, относящихся къ настроенію минуты, а не къ характеристикѣ лица. Музыка Вагнера рабски слѣдуетъ за *ситуаціей*: для обрисовки этой ситуаціи Вагнеръ жертвуетъ другою, болѣе идеальною стороной музыкальной характеристики, именно обрисовкой отдѣльныхъ, индивидуальныхъ характеровъ. Разумѣется, что громадный талантъ Вагнера чувствуется и въ примѣненіи его музыки къ слову, и несмотря на ложность направленія, часто выручаетъ композитора и на этомъ поприщѣ. Но у Вагнера-драматурга есть такіе коренные недостатки, съ которыми ему невозможно было повернуть оперу на драматическій путь. До какой степени музыка его *сама по себѣ*, до какой степени она существуетъ самостоятельно отъ словъ, видно уже изъ того, что оркестръ Вагнера на каждомъ шагу заглушаетъ пѣніе. Самое элементарное условіе опернаго драматизма остается невыполненнымъ. Прежде чѣмъ требовать глубокаго выраженія

[redacted]

поэтическаго смысла словъ музыкой, я требую, чтобы слова эти, хорошо или дурно выраженныя, были просто слышны. Если вы и неудачно обрисовали вашего опернаго героя музыкальною фразой, то все же онъ словами своего монолога или разговора до нѣкоторой степени успѣетъ объяснить что̀ онъ такое. А у Вагнера этого нѣтъ. Голосъ гибнетъ въ неравной борьбѣ съ громаднымъ оркестромъ, закованнымъ сверху до низу въ тяжелый панцырь мѣдныхъ инструментовъ. Здѣсь раскаты оркестроваго грома кажутся нужными для выраженія народнаго ликованія; тамъ они потребовались для обрисовки страсти, дошедшей до своего зенита; чрезъ двѣ страницы они еще необходимѣе, ибо сопровождаютъ поединокъ, совершающійся на сценѣ, и выражаютъ напряженіе борьбы и физическую опасность; наконецъ, они окончательно неизбѣжны, ибо на сценѣ происходитъ великолѣпное сборище всѣхъ графовъ Германіи съ ихъ вооруженными вассалами. На этотъ случай, впрочемъ, трубы учетверены. Но въ результатѣ оказывается, что ревъ мѣдныхъ и гулъ ударныхъ инструментовъ прекращаются лишь изрѣдка, ибо они постоянно и настойчиво требуются Вагнеровскимъ пониманіемъ сцены. Но, могутъ возразить защитники, если въ употребленіи оркестровыхъ силъ Вагнеромъ и есть нѣкоторая неумѣренность, то драматизмъ музыки отъ этого мало страдаетъ; правда, дѣйствующихъ лицъ, сколько бы они ни кричали на высокихъ нотахъ, не слышно сплошь да рядомъ, но музыка Вагнера такъ превосходно выражаетъ ихъ душевныя движенія, что мы угадываемъ слова, которыхъ и не слышимъ. Итакъ музыка, несмотря на постоянную тяжелину оркестровки, полна выразительности? Въ чемъ же? Въ гармоніи? Дѣйствительно, сколько тутъ превосходнаго гармоническаго матеріала, но какъ онъ безжалостно, безразсудно растраченъ! Способность модулировать у Вагнера необычайная: ничто не можетъ быть ярче, благозвучнѣе, увлекательнѣе, поразительнѣе, роскошнѣе его быстрыхъ переходовъ въ отдаленнѣйшіе тоны, причемъ онъ тщательно избѣгаетъ тоновъ ближайшихъ. Но онъ сыплетъ этими сокровищами безъ малѣйшаго разбора. Великолѣпіе ли королевскаго двора, торжество ли справедливости, упоеніе ли любви, томленіе ли желанія составляетъ программу даннаго мѣста, въ музыкѣ пестрые аккорды кишатъ все тою же густою толпой, неожиданно сталкиваясь и безконечно переливаясь. Но не въ этомъ

главная бѣда. Бѣда въ томъ, что Вагнеръ становится и безцвѣтенъ, и рутиненъ, каждый разъ какъ ужь очень пожелаетъ быть глубокимъ и трагическимъ. Высшіе моменты драмы, какого бы они ни были свойства, обозначаются въ оркестровкѣ—посредствомъ тремоло, а въ гармоніи—посредствомъ уменьшеннаго септаккорда *. Грозитъ ли несчастіе, гремитъ ли проклятіе, шипитъ ли злоба, трепещетъ ли страхъ, раскрывается ли тайна, совершается ли смертоубійство—весь струнный квинтетъ дрожитъ на уменьшенномъ септаккордѣ. Не Вагнеръ изобрѣлъ это универсальное средство противъ недостаточной типичности въ музыкѣ; не Вагнеръ ввелъ этотъ спасительный рецептъ для изображенія музыкой *ужасовъ* самаго разнообразнаго калибра. Тѣмъ прискорбнѣе, что онъ, въ самыхъ драматическихъ мѣстахъ своихъ оперъ, растративъ свои несмѣтныя гармоническія сокровища на лирическія изліянія, а больше всего на аксессуары и обстановку, оказывается ни съ чѣмъ и принужденъ обратиться къ избитому эффекту, злоупотребленіе которымъ можно было предчувствовать уже по операмъ Глука и видѣть въ полномъ развитіи у Вебера и Мейербера. Нигдѣ это злоупотребленіе, это обращеніе одного изъ самыхъ исключительныхъ по существу своему аккордовъ въ „хлѣбъ насущный“ гармоніи, не достигало такихъ размѣровъ какъ у Вагнера. Самый голосъ, вопреки своей природѣ, вопреки самымъ очевиднымъ требованіямъ интонаціи, въ речитативъ виляетъ и вьется на интервалахъ все того же уменьшеннаго септаккорда: словно аккордъ этотъ, подобно саранчѣ, выѣлъ до корня не только гармоническое, но и мелодическое изобрѣтеніе.

Но и помимо этого общаго мѣста, къ которому такъ неумѣренно часто прибѣгаетъ музыкальный реформаторъ, его музыка совершенно лишена той объективности, которая составляетъ необходимое условіе драматизма. Нигдѣ не видать, чтобы субъективныя влеченія, чтобы любимые „коньки“ композитора отодвигались на задній планъ ради необходимости выяснить, на сколько то доступно звукамъ, поэтическое содержаніе текста. Напротивъ того, и Вагнеровская „опера есть ошибка, потому что въ ней

* Напримѣръ, фа-діэзъ, ла, до, ми-бемоль: си, ре, фа, ла-бемоль; ми, соль, си-бемоль, ре-бемоль, и пр

[redacted]

средство (музыка) обращено въ цѣль, а цѣль (драма) въ средство.“ Сравнивая *Лоэнгрина* съ *Тангейзеромъ* и съ *Тристаномъ и Изольдою* убѣждаешься въ томъ, что Вагнеровскіе тексты съ любовью отыскиваютъ и создаютъ положенія, въ которыхъ могла бы разыграться главная струя Вагнеровскаго музыкальнаго вдохновенія. Струя эта—сладострастіе. Трудно отыскать поэта или романиста, который бы такъ исключительно посвятилъ себя на изображеніе сладострастныхъ сценъ, какъ музыкантъ Вагнеръ. Тангейзеръ ли съ Венерой, Лоэнгринъ ли съ Эльзой, Тристанъ ли съ Изольдой — вездѣ въ операхъ Вагнера поются длинныя любовныя изліянія, въ которыхъ выспреннія, романтически-безтѣлесныя слова многознаменательно комментируются музыкой, усиливающеюся (и весьма успѣшно усиливающеюся) выразить самую изступленную чувственность. Я не отношу этихъ большею частію музыкально-превосходныхъ дуэтовъ къ примѣрамъ противорѣчія между словомъ и музыкой. Витающій романтизмъ текста и грубый матеріализмъ музыки здѣсь другъ другу необходимы: между ними существуетъ интересная для наблюденія солидарность. Какъ Талейрану въ дипломатіи, такъ Вагнеру въ эротическихъ пассажахъ „слово дано для того, чтобы скрывать мысль“, и музыка Вагнера положительно нуждается въ этомъ прикрытіи слова. Но главное зло не въ лицемѣріи этой заоблачно-мечтательной поэзіи, призванной для прикрытія грубо-сладострастной музыки, не въ разчетѣ на низкія страсти толпы у художника, на каждой страницѣ своихъ теоретическихъ произведеній взывающаго къ цѣломудрію и чистотѣ. Главное зло въ противорѣчіи между теоріей, обрекающею музыку на безусловное служеніе тексту, и практикой, обрекающею, напротивъ того, текстъ на совершенно спеціальное, исключительное служеніе музыкѣ; въ противорѣчіи, которое такъ ясно выступаетъ во всѣхъ Вагнеровскихъ операхъ и дѣлаетъ ихъ неспособными на истинный, объективный драматизмъ. Какъ и слѣдуетъ громадному музыкальному таланту, Вагнеръ, до нѣкоторой степени, обладаетъ и противоположнымъ элементомъ. Его гармонія иногда вдругъ озарится какимъ-то вдохновеніемъ средневѣковаго аскетизма. Появляются ряды трезвучій, круто слѣдующихъ одно за другимъ безъ общихъ между собою токовъ. Одинъ изъ лучшихъ образцовъ этой стороны Вагнеровской гармоніи—стороны энергически-суровой—хоръ

Heil deiner Fahrt въ концѣ перваго дѣйствія *Лоэнгрина* (послѣ поединка). Менѣе типично нежели въ этомъ хорѣ, *трезвучность* появляется во многихъ фразахъ Вагнера, какъ напримѣръ въ началѣ увертюръ къ *Тангейзеру* и къ *Лоэнгрину:* особенно красиво и оригинально сочетаніе ихъ въ послѣдней. Но въ обоихъ упомянутыхъ случаяхъ трезвучія скоро утопаютъ въ дряблой и сладкой зыби хроматизма; Вагнеръ часто прибѣгаетъ къ элементу трезвучному, очень эффектно и талантливо вводитъ его, но въ душѣ онъ все-таки чуждъ этого элемента: его область не гармонія спокойная и мощная, а гармонія тревожная и вмѣстѣ съ тѣмъ вкрадчивая. Обладая, какъ никто, этою спеціальною областью, Вагнеръ если гдѣ и выходитъ изъ нея, то не надолго, быть-можетъ, чувствуя, что стиль его неспособенъ приноравливаться къ задачамъ всякаго рода, а напротивъ того, требуетъ созиданія задачъ особаго, тѣсно-очерченнаго рода, внѣ которыхъ онъ не можетъ выказаться выгодно и блестяще.

Въ объективности, въ гибкости, музыка Вагнера сдѣлала, сравнительно съ Глукомъ и Моцартомъ, не шагъ впередъ, а шагъ назадъ, и шагъ значительный. Если большинство думаетъ иначе, это происходитъ отъ того, что внѣшнюю форму смѣшали со внутреннимъ содержаніемъ, что оболочку приняли за самую суть. Вагнеръ, начиная отъ своей оперы *Лоэнгринъ*, уничтожилъ дѣленіе оперы на нумера, называемые по числу поющихъ въ нихъ лицъ (аріи, дуэты, тріо, квартеты, квинтеты и пр. хоры), и замѣнилъ его дѣленіемъ на сцены, въ которыхъ музыка непрерывна, то-есть нѣтъ заключеній, замыкающихъ одну часть дѣйствія отъ другой (какъ то большею частью бывало до сихъ поръ). Въ этомъ внѣшнемъ пріемѣ, конечно, есть успѣхъ; ибо разграниченность прежней оперной музыки на отдѣльныя піесы состояла въ явномъ противорѣчіи съ непрерывностью драматическаго дѣйствія; но успѣхъ этотъ касается внѣшняго покроя музыки, отъ котораго до ея внутренняго строя еще очень далеко. Музыка можетъ быть лишена частыхъ заключительныхъ каденцій, и тѣмъ не менѣе лишена вмѣстѣ съ тѣмъ и всякихъ драматическихъ достоинствъ. У Вагнера рѣдко встрѣчаются каденціи, которыя не кстати останавливали бы на себѣ слушателя во время продолжающагося сценическаго дѣйствія, но, по моему мнѣнію, столь же

рѣдко встрѣчаются музыкальныя черты, глубоко-характеризующія характеры дѣйствующихъ лицъ.

Успѣхи, сдѣланные музыкальною драмой со времени Глука, не велики. Самые даровитые оперные композиторы писали въ своихъ операхъ болѣе себя нежели своихъ лицъ. Самые вліятельные новаторы обогатили и расширили музыкальную технику оперы, не касаясь ея внутренняго содержанія, не укрѣпляя связи между ея музыкой и словомъ. Лишь кое-гдѣ, лишь въ особенныхъ случаяхъ, или же въ совершенно спеціальныхъ жанрахъ, нѣмецкіе и французскіе композиторы XIX вѣка достигали въ своихъ операхъ драматической выразительности и правды. У Глинки впервые мы видимъ превосходную и богатую музыку, цѣликомъ обращенную на служеніе поэтической идеѣ. Очень можетъ быть, что самъ Глинка не сознавалъ своего высокаго значенія; очень можетъ быть, что онъ лишь по геніальному чутью, безъ придумываній и изощреній, находилъ такіе дышащіе правдой звуки для передачи мыслей, настроеній, для обрисовки характеровъ и ситуацій. Тѣмъ не менѣе онъ одинъ, изъ всѣхъ музыкантовъ нашего столѣтія, написалъ оперу (*Русланъ и Людмила*), которая почти вся объективна, почти вся, въ своей музыкѣ, изображаетъ не общія, не опредѣленныя чувства, не ощущенія самого композитора, а страсти и характеры дѣйствующихъ лицъ; оперу, въ которой нѣкоторые характеры переданы звуками съ такою изумительною мѣткостью, что исчезни слова оперы и сохранись только ея музыка—музыкальный анализъ могъ бы возсоздать эти характеры во всей ихъ цѣлости, до того они намъ рисуются въ мелодіи, въ ритмѣ, въ гармоніи, въ оркестровкѣ; оперу, въ которой музыкальный стиль съ удивительною гибкостью слѣдуетъ за безконечнымъ разнообразіемъ сюжета, изображая отдаленныя эпохи, схватывая характеръ различнѣйшихъ народностей, рисуя цѣлые пейзажи, словно изъ мрамора вырубая предъ нами фигуры и группы; наконецъ оперу, въ которой нѣтъ мѣста заплатамъ и балласту, въ которой ни одна нота не написана для наполненія времени сценическаго представленія чѣмъ попало, оперу, гдѣ нѣтъ второстепенныхъ ролей и побочныхъ сценъ, а мельчайшая подробность доведена до высочайшей законченности. Разные элементы, которые слились въ *Русланѣ и Людмилѣ*, можно, въ отдѣль-

ности, отыскать у другихъ композиторовъ, пожалуй даже въ большей степени развитія: въ такомъ сліяніи они существуютъ только въ твореніи нашего великаго соотечественника, и, что̀ здѣсь особенно важно, въ числѣ этихъ элементовъ не послѣднее мѣсто занимаетъ *драматизмъ* Глинкинской музыки, драматизмъ, соединяющій Глюковскую строгость и глубину съ Моцартовскою гибкостью и богатствомъ. Знаменательное стеченіе обстоятельствъ! Почти въ одно и то же время вопросъ музыкальной драмы получаетъ, и въ Россіи и въ Германіи, толчокъ къ своему разрѣшенію: въ Германіи словомъ (выходомъ полемическихъ книгъ и брошюръ Вагнера), въ Россіи дѣломъ (сочиненіемъ *Руслана и Людмилы*). Но какая разница во вниманіи, которымъ современники почтили то и другое явленіе! Въ Россіи великій художникъ, среди царствующаго кругомъ него незнанія и равнодушія, создаетъ великую музыкальную драму, открывающую развитію оперы новые пути—и совершаетъ свой подвигъ безъ шуму, безъ крику о себѣ, не образуя около себя клики льстецовъ и обожателей, даже поминутно стушевываясь предъ модными блестками всѣмъ доступной посредственности. Въ Германіи даровитый композиторъ, но еще болѣе громкій фразеръ, ловко маскируясь пророческимъ негодованіемъ, гремитъ всему искусству, гремитъ всей цивилизаціи словомъ осужденія, выставляетъ самого себя мессіей этого искусства и въ своихъ сочиненіяхъ удачно повторяя на новый ладъ старую ложь, эффектно украшенную новѣйшими приправами, достигаетъ того, что всѣми признаются его притязанія, что никто не обличаетъ въ немъ самозванца, что предъ нимъ спѣшатъ преклониться, изъ боязни прослыть отсталыми. Самые противники Вагнера словно пишутъ свои рецензіи только для бо̀льшаго возвеличенія его: оспариваютъ необходимость, оспариваютъ возможность въ музыкѣ такого драматизма, какого требуетъ Вагнеръ, вмѣсто того чтобы подвергнуть сомнѣнію присутствіе такого драматизма въ самихъ сочиненіяхъ Вагнера. Разсуждаютъ о томъ, не вредна ли искусству такая тенденція, какъ Вагнеровская, а о томъ, дѣйствительно ли на дѣлѣ выдержана эта тенденція самимъ ея провозвѣстникомъ—ни слова. Подробный разборъ каждой изъ Вагнеровскихъ оперъ, гдѣ многочисленные примѣры появились бы на подтвержденіе высказанныхъ выше общихъ

положеній о его музыкально-драматическомъ стилѣ, составляетъ, по моему убѣжденію, одну изъ необходимыхъ задачъ современной музыкальной критики. Но еще болѣе необходимо распространить въ публикѣ знакомство съ тою великою оперой, которая до сихъ поръ, мало извѣстная и не оцѣненная по своимъ достоинствамъ, продолжаетъ возбуждать небрежные отзывы или нелѣпые толки. Такъ, напримѣръ, многіе мнимые друзья и почитатели этой оперы считаютъ долгомъ оговаривать свои похвалы ей (когда они отваживаются на такія) тѣмъ, что хотя *Русланъ и Людмила* прелестное музыкальное произведеніе, независимо отъ самого сюжета, но какъ музыка *драматическая* ниже всякой критики. Я постараюсь показать, что такой оперѣ, какъ *Русланъ*, не страшна и драматическая мѣрка; что если рѣшиться отъ ходячихъ фразъ и самостоятельно взглянуть на это произведеніе, оно окажется не менѣе замѣчательнымъ въ драматическомъ и эстетическомъ отношеніи, какъ и въ музыкально-техническомъ; и что такимъ образомъ помимо того значенія, которое признается за этою оперой даже противниками ея, она имѣетъ еще и другое, на которомъ настаивать до сихъ поръ рѣшались лишь немногіе изъ самихъ сторонниковъ ея.

Г. ЛАРОШЪ.

(*До слѣд.* №)

ПРОѢЗЖІЕ

(Посвящается княгинѣ С. Л—ской.)

I.

Рѣдкая почта привезла въ далекій, лѣсной городокъ странныя письма.

— Потапычъ, дай очки мои со стола....

— Чтò же это, Иванъ Антонычъ, за штемпеля такіе?

— Заграничные.... Постой: Ша-ша-фа.... ахъ, чортъ — глазами-то плохо, сталъ.... Ну-ка ты, помощникъ, помоги... ты поглазастѣй.... Должно, по-французски....

— Эсъ — це — ха — энъ.... Ну его совсѣмъ!

— Экъ ихъ гдѣ черти носятъ! Это къ этому пріѣзжему. Снеси, Потапычъ.

— Да сколько съ него?

— Надо бы по картѣ....

— Такъ я и полѣзъ тебѣ въ карту. Взыщи сорокъ копѣекъ, и вся недолга. Онъ гдѣ живетъ-то? Въ гостиницѣ?

— Съ мѣсяцъ ужь дѣла. Тришка забѣгалъ давеча къ хозяину въ лавку, сказывалъ: высокій, черный, говоритъ, глазастый, Павелъ Семенычъ зовутъ. Вотъ мимо насъ ходитъ гулять все. Онъ и есть тутъ на письмѣ.

— Тащи.

— Поспѣетъ. Обѣдать пора. Ему зачѣмъ такъ вотъ загорѣлось. Не эстафета, прости Господи!

Яркими полосами ложился свѣтъ трактирныхъ оконъ на темный снѣгъ площади. Органъ гудѣлъ русскія пѣсни, среди говора, шума, табачнаго дыма, звона чайниковъ и стука билліардныхъ шаровъ въ грязной общей „залѣ“. Мелкіе лѣсопромышленники, кулаки и мужики-перекупщики, кишащіе въ этомъ краю, шумѣли, говорили, устраивали дѣла съ чиновниками за селянкой, чаемъ и водкой.

На верху въ большомъ, грязномъ номерѣ, ходилъ изъ угла въ уголъ высокій, черный проѣзжій. Онъ молча остановился у окна и глядѣлъ въ темныя стекла на широкую, снѣжную площадь и огоньки по ея окраинамъ въ окнахъ маленькихъ уѣздныхъ домиковъ. Вотъ они всѣ тутъ. Идетъ день за днемъ. Карты, уѣздный клубъ, тамъ тоже карты, чай, обѣдъ, служба,—сказка про бѣлаго бычка—обѣдъ, карты, чай....

— Кто тамъ?

— Павелъ Семенычъ, пожалуйте! Къ вамъ письма есть.

Павелъ Семеновичъ не вдругъ ихъ распечаталъ. Давно уже прошло то время, когда онъ писалъ самъ длинныя письма съ цитатами и остротами, и съ пылкимъ нетерпѣніемъ ждалъ отвѣтовъ, и любилъ ихъ читать, перечитывать и хранить. Теперь, въ его нравственномъ состояніи, письма просто пугали его. Кто объ немъ вспомнилъ? зачѣмъ? Вѣдь онъ, кажется, никому не напоминалъ о себѣ? Иногда ему страшно было, что жизнь забываетъ его. Но вѣдь жизнь ровно на сто́лько интересуется нами, на сколько мы ею интересуемся? А чѣмъ онъ интересовался? Не начинается ли письмо: „Къ крайнему сожалѣнію“.... Что̀ тамъ такое? Господи! Она! Что̀ она отвѣчала?

„....Значитъ, и будетъ объ этомъ. Если я васъ когда-нибудь и любила, то я это помню теперь не сердцемъ. Меня удивило ваше письмо—и только. Ясно изъ него для меня одно, что вы сами мучитесь, чѣмъ и какъ, я, кажется, поняла. Къ тому же я такъ измучена сама, что еслибъ, и хотѣла, не могла бы опять поднять крестъ свой и идти на свою Голгоѳу. Я ушла тогда отъ васъ и хорошо сдѣлала. Нужно, конечно, отдать вамъ справедливость, что, на сколько я васъ знаю, вы можете составить несчастіе всякой женщины. Какъ я ни мучилась съ моимъ буйнымъ покойнымъ мужемъ, но все же лучше чѣмъ.... Ну, да все равно! Будетъ! Я было думала вамъ совсѣмъ не отвѣчать, но хотѣлось покончить разомъ, и я сознаюсь, что мнѣ пріятно было письмо съ моей

далекой родины. Здѣсь такъ все не по мнѣ; эта нищета; эта давящая мысль, торжествующая, великолѣпная декорація. Мнѣ такъ надоѣли эти добродѣтельные провожатые, которые приглашаютъ васъ восхищаться. И кто, какая дрянь тутъ не шлялась съ своимъ пледомъ и крюкомъ и не писала на опошленныхъ камняхъ своего мизернаго имени. А на родинѣ — гдѣ мнѣ мѣсто? Впрочемъ, все равно гдѣ умирать, и вы знаете—я приговоренная. Я бросила все.... музыку.... Все бросила! Что касается до васъ лично, то я думаю, что вы искренни въ письмѣ ко мнѣ. Да, старое разбито, новаго нѣтъ, и вамъ некуда дѣваться.... Что остается въ этой сутолокѣ, когда ничего не надо? Я понимаю безпокойство, которое вы въ себѣ носите. Вамъ вѣдь и въ обществѣ страшно скучно, я знаю.... Одинъ интересъ разбитъ, другіе не интересы.... Прощайте же! Кстати, я знаю о Соничкѣ. Мнѣ писали. Не бойтесь, мнѣ только жалко васъ. Я далеко не скажу, что вы пустой человѣкъ, не скажу даже, что вы дурной—нѣтъ, вы—несчастный человѣкъ. Прощайте и оставьте меня въ покоѣ. Письма ваши доходить не будутъ....“

Другія два письма были коротки:

„Милостивый государь (значилось въ одномъ), считаю нужнымъ васъ увѣдомить, что сестра Софья выходитъ замужъ. Если по пріѣздѣ въ Москву вы насъ вообще посѣщать не станете, я думаю, это будетъ хорошо для всѣхъ насъ.“

„....Картина твоя, голубчикъ, продана. Я ходилъ и хлопоталъ, но ты знаешь этотъ народъ. Просили разсрочки, иначе не берутъ. Къ тому же ты самъ....“

Павелъ Семеновичъ не дочелъ и смялъ всѣ три письма, зажегъ ихъ на свѣчкѣ, придавилъ ногой ярко запылавшую бумагу и сталъ снова ходить по комнатѣ. Черные глаза его точно ввалились, руки рвали конвертъ.

„Ну, что же такое.... Ну, что же....“ Онъ подумалъ, что бы долженъ былъ дѣлать человѣкъ, у котораго потеряна послѣдняя нить въ данную минуту, и удивился странной холодности, съ которою онъ принялъ такое письмо. „Только вотъ какъ будто усталъ я что-то очень....“ думалъ онъ, остановившись и не замѣчая, что онъ дѣлаетъ.... „Еще порвалась струнка, еще одна, шепталъ онъ,—ну, такъ что же....“

Въ тяжелыя минуты душа много и сильно переживаетъ. Всѣ былыя мученія и тревоги, все что прошло, встало предъ нимъ съ поразительною ясностью.

„Вамъ некуда дѣваться!“ пишетъ она. Да. Что это такое? Страшная неутолимая тоска по жизни. Что это? Умереть

можно отъ этой мучительной жажды жизни, и гдѣ же—среді самой жизни, среди всего ея кипѣнія, борьбы и разнообраз нѣйшихъ столкновеній. Скажите человѣку незнающему, чт(можно умереть отъ жажды — среди моря!

То было, казалось ему, очень давно. Онъ тогда жадно ис калъ жизни. Но съ тѣхъ поръ самое значеніе словъ из вратилось. Въ этомъ несчастномъ обществѣ, въ которомъ суждено было ему жить, все вверхъ дномъ перевернулось Все смѣшалось, и люди самыхъ разныхъ жизней и понима ній сошлись и бѣшено и рьяно бьются. Какъ имъ спориті и какъ толковаться, когда они не могутъ согласиться і понять одинаково двухъ словъ изъ того, что̀ они гово рятъ. И вотъ, все-таки непонятыя, слова эти опошливают ся, стираются и получаютъ не то значеніе въ этой не скончаемой, неумолчной болтовнѣ. Слабѣютъ силы, хрип нутъ голоса и въ изнеможеніи складываются руки. Т(было, казалось ему, очень давно. Были въ Москвѣ тоі да какіе-то кружки молодежи. И какъ ему все это н нравилось, и какъ казалось мертво и лживо! Что̀ тут было говорить? Все это старалось читать, узнать что-т(такое таинственное, передаваемое изъ рукъ въ руки. В: этихъ книжкахъ, читаемыхъ съ помощью лексиконовъ, са мая неудобопонятность и звонкія слова казались какою-т(мудростью, скрывали какіе-то горизонты.... И тутъ онъ, ху дожникъ, съ тоской въ сердцѣ, слышалъ зарожденіе странных: мнѣній, зарожденіе грядущаго, нелѣпаго, мрачнаго и уныла лаго безобразія. Тутъ онъ и встрѣтилъ ее. Уже не говор. про то, что онъ въ ней все полюбилъ страстно, эти чудны темные глаза ея, прелестную головку, ея талантъ,—онъ без конечно благодаренъ былъ ей, что она вывела его изъ этоі міра унылой болтовни и тоски въ другой міръ ясный и свѣт лый. Она, скучая и съ стѣсненнымъ сердцемъ, сморщивъ пре лестныя брови, слушала, низко наклонивъ головку, разказ объ этихъ кружкахъ, которые отрывочно и робко переда валъ ей молодой художникъ, и вмѣсто отвѣта, подъ ея рука ми мощно и ясно звучали дивныя пѣсни. которыми сказы валось живое, великое сердце человѣческое....

Какъ слабы казались ему его произведенія, когда онъ нес къ ней увязанный холстъ и думалъ, что вотъ эти ясные, серіоз

ные глазки сейчасъ остановятся на немъ. И съ какимъ благодарнымъ восторгомъ принималъ онъ явные знаки вниманія ея къ себѣ, которое она ему показывала такъ честно и просто. Она не любила играть при комъ-нибудь, но ему она играла, и иногда какъ наивно и дѣтски глядѣли эти серіозные глазки, и какая неожиданная, милая рѣзвость и остроуміе, еще болѣе цѣнныя въ ней, серіозной и сдержанной красавицѣ. Только тутъ видѣлъ онъ съ удивленіемъ, сколько было еще свѣжести и неизмученной молодости въ его тоскующемъ сердцѣ.

Хорошо тому, кого хоть разъ въ жизни пригрѣетъ теплое солнышко!...

Онъ хорошо помнилъ все. Помнилъ эту комнату, такую знакомую, но непремѣнно помнилъ ее въ сумерки, потому что это случилось въ сумерки. На тяжелыхъ портьерахъ и углѣ, въ которомъ онъ сидѣлъ, слушая ея игру, лежали странныя тѣни и свѣтъ блѣднаго весенняго мѣсяца, глядѣвшаго въ окна. Онъ часто сидѣлъ въ этомъ углу и слушалъ ее въ сумерки — къ этому всѣ уже въ домѣ привыкли. Слышенъ былъ говоръ, звонъ ложекъ и стакановъ, шипѣніе самовара въ ярко освященной, отдаленной комнатѣ. Въ полусумракѣ же этой комнаты, незримо откуда лились прямо въ душу страстные звуки, что-то мучительное, сладкое, какія-то дикія картины, чудныя мелодіи, и странныя грезы возникавшія въ душѣ одного измученнаго и необыкновеннаго человѣка...

Человѣкъ этотъ жилъ тогда на островѣ, въ старомъ католическомъ монастырѣ. Съ нимъ были тѣ, кого онъ любилъ; онъ, кажется, былъ окруженъ всѣмъ, чѣмъ можно быть счастливымъ, и глубоко и искренно страдалъ. Онъ дѣлалъ иногда несчастною жизнь близкихъ своихъ и мучился этимъ. Точно онъ носилъ въ груди какую-то страшную тайну, которую никому не могъ открыть; тайна эта гнела его, разбила его жизнь, какъ струны настроила его нервы и, конечно, только такія, натянутыя и чуткія струны могли издавать такіе мучительно-сладкіе, глубокіе, задушевные звуки. Тутъ и плескъ моря у пустыннаго острова, и встающіе въ темную полночь мертвецы на кладбищахъ

[redacted]

монастыря, и мрачное пѣніе католическихъ молитвъ подъ мрачными сводами, и вой вѣтра, и чудныя мелодіи далекой родины, и воспоминанія дѣтства, и вдругъ это прерывается такими неожиданными, мучительными звуками и...

Надъ всѣмъ этимъ царила одна страсть въ его душѣ, образъ одной дѣвушки. И дѣвушка эта вдругъ встала и тихо подошла къ нему въ полутемной комнатѣ. Онъ наклонился низко, почти къ ногамъ ея, и не помнилъ, что̀ произошло въ душѣ, помнилъ только, что онъ страстно цѣловалъ милыя молодыя руки, и руки эти недвижно лежали въ его рукахъ.

— Все, все! шепталъ онъ безсвязно, дрожа всѣмъ тѣломъ и крѣпко стискивая зубы.—Все, всю жизнь.... Тебѣ, тебѣ.... Господи!

И когда онъ только припомнилъ теперь, какъ она тогда медленно и низко наклонила къ нему головку и какъ страшно-сладко обожгли его ея милыя, жаркія губы,— онъ, теперь, страстно вспыхнулъ отъ одного этого воспоминанія, повалился лицомъ въ подушку, и мученіе выдавило слезы на глаза ему...

„Вамъ не куда дѣваться“ послѣднее, послѣднее, послѣднее, повторялъ онъ тихонько. — Чего же теперь?... Не все ли равно?...“

II.

Въ такомъ состояніи ему было, конечно, только до себя. Онъ не слыхалъ гула и говора, стоявшаго кругомъ въ другихъ номерахъ, воя органа, пьяныхъ криковъ, или это все доносилось до него урывками, какъ звуки какой-то другой, далекой отъ него и чуждой жизни. Свѣчка тускло освѣщала комнату, пахло самоварнымъ паромъ, говоръ какъ-будто утихалъ,— точно расходились. За темнымъ окномъ вылъ ночной вѣтеръ. Въ какомъ-то странномъ отупѣніи прислушивался онъ къ этимъ звукамъ и смотрѣлъ, какъ ходили тѣни по обоямъ досчатой перегородки, за которою давно, сквозь свое томительное забытье, слышалъ онъ какое-то странное рявканье и полупьяные, сильные, сдерживаемые голоса разговаривающихъ.

— Вонъ кругомъ живутъ-же — никому дѣла нѣтъ. Пьютъ, торгуются, ругаются... Что̀ это за рявканье?...

[redacted]

Павелъ Семеновичъ прислушался.

— Чего тамъ? Оставь, гудѣлъ кто-то.

— Нѣтъ, говорилъ другой голосъ сильнымъ шепотомъ,— нѣтъ, я, братъ Парамонычъ, это вотъ какъ помню. Я тебя даже какъ: соль ты ссыпалъ — я поперекъ. Потомъ опять извозъ: я опять поперекъ; кто теперь тебя на міру обнесъ? я же? Потомъ наконецъ... Изъ чего?

— Чего тамъ... Пей вотъ еще. Налито.

— Нѣтъ, ты погоди! Я это, братъ, вотъ какъ помню! Взяло, взяло вотъ подъ сердце, иди да иди, иди да иди! Господь видитъ, не могу я подумать... другъ.... заслужить!

— Оставь, говорятъ... Что̀ тутъ?? Я уйду что ли?

— Нѣтъ, стой! Ты кто? Ты мнѣ другъ? Ну, и молчи! Я, братъ, это вотъ какъ чудесно помню. Какъ онъ навалится на меня, я, можетъ, моему Господу... дѣтокъ... вспомянулъ, матушку... любезную... Парамонычъ! не помяни! говорю, взмолился... Вотъ она гдѣ жисть-то была! А ты тогда... Я братъ это чудесно помню...

— Буде! Чего тамъ... Пей вотъ!

— Выпить? Я выпью, а я тебя, вотъ какъ передъ истиннымъ Христомъ Богомъ... Разъ говорю матушкѣ: „Манька! Онъ, говорю, скотъ, сиволапъ!“ Господь видитъ!...

— Ну, чего тамъ! Буде, Никифоръ Саввичъ, говорилъ голосъ, сильный какъ голосъ звѣря, но и этотъ сильный голосъ дрогнулъ, когда заговорилъ опять Никифоръ Саввичъ.

— Нѣтъ, я сказалъ: „скотъ, сиволапъ!“ Самъ я скотъ — вотъ что̀! Я долженъ это помнить или нѣтъ? А? скажи! Прости, братъ, меня Христа ради! вдругъ оборвалъ онъ, тронутымъ голосо̀мъ.

— Никифоръ Саввичъ! Никиша! Ахъ ты Господи! Ну что̀? Трижды... По-христіански.... Что̀ такое...

За стѣной зашевелилось, послышался звукъ троекратнаго цѣлованія и странное рявканье, котораго не могъ понять Павелъ Семеновичъ.

— Молчи! вдругъ бѣшено прогремѣлъ измѣнившійся голосъ Никифора Саввича.—Молчи, убью!

— Оставь его, сказалъ другой голосъ.

Тутъ уже ясно послышался сдержанно-злобный ревъ, и что-то мягкое и грузное ударилось, привалившись къ дрогнувшей перегородкѣ.

— Это что̀ такое еще! вскочивъ, сказалъ вслухъ Павелъ Семеновичъ.

Но шепотъ продолжался.

— Такъ-то, Никита! говорилъ Парамонычъ, садясь и перемѣняя разговоръ:— ружье-то промѣнялъ?

— Вотъ оно. И бьетъ шельма... Сила! отвѣчалъ Никита, еще неулегшимся, взволнованнымъ голосомъ.

— Сказывали: сѣрую за него далъ...

— Вретъ. Дастъ онъ — въ карты! У нихъ дѣло одно!

— Ну, прощай, Никита! Господи благослови! Когда къ дому-то?

— Завтра! отвѣчалъ тотъ пьянымъ голосомъ:—постой: дай я те пѣсню спою...

„Э, ахъ что вы ре-бята пріуныли-ли?..“

— Буде, баринъ тутъ...

— А черти его дери, я самъ разѣ не баринъ. Паррамонычъ, другъ! Ты какъ меня ппонимаешь? Я дворянинъ? А? Дворянинъ?

— Прощай, Никита! Что̀ же, извѣстно!

— Нѣтъ, ты скажи: я дворрянинъ! А тебя я чудесно.... я люблю... Да! Не ревѣть! крикнулъ онъ:—не ревѣть, медвѣжья твоя морда!

Раздалось тихое, сердитое урчаніе. Парамонычевы сапоги тяжко застучали по деревяннымъ ступенямъ, и за перегородкой звѣрь и человѣкъ привалились спать...

Павелъ Семеновичъ спалъ безпокойно и часто просыпался. Сны его были мрачные, и съ болью стѣснялось сердце, хотя, проснувшись, онъ не помнилъ что̀ именно видѣлъ. Была глубокая ночь. Вѣтеръ все гудѣлъ жалобно и страшно свою неразгаданную пѣсню. И когда онъ вспомнилъ что̀ съ нимъ, тоска и ужасное чувство одиночества охватили его со всею силой, съ какою это бываетъ только въ темную, безрадостную ночь. Одинъ, одинъ! Ужасно! Всѣ живутъ! Никифоръ Саввичъ... Кто это? Онъ забылся тяжелымъ сномъ. За стѣной урчало и ворочалось. Ему казалось, что блестящіе медвѣжьи глаза на него смотрятъ, и что на него что-то тяжко наваливается. „Парамонычъ, не помяни!“ хотѣлъ онъ крикнуть—и проснулся...

Было утро. Ночной испугъ его еще увеличился, когда онъ услыхалъ явственно урчаніе не за стѣной, а у себя въ

[redacted]

комнатѣ, и привставъ, увидалъ какую-то темную, лохматую массу, которая стояла, поднявшись къ столу и обнюхивая его.

— Половой! крикнулъ Павелъ Семеновичъ.

Темная масса быстро упала на переднія лапы и уставилась маленькими блестящими глазами, низко наклонивъ несоразмѣрно съ тѣломъ большую голову...

— Чтó же это! началъ Павелъ Семеновичъ, обращаясь къ вошедшему половому.

— Пшолъ, пшолъ! Ахъ ты, мерзавецъ! Не извольте безпокоиться, онъ ничего-съ.

— Чей это?

— А вотъ-съ, Никифора Саввича.... Охотника!...

— Какъ же пускать съ медвѣдями?...

— Какой же это медвѣдь-съ.... Онъ маленькой....

— Укуситъ кого-нибудь.

— Зачѣмъ онъ станетъ кусаться?

— Почемъ ты знаешь?

— Не кусалъ-съ. Никифоръ Саввичъ самъ васъ хотѣлъ повидать. Скажи, говоритъ, сосѣдъ. Онъ внизу. Звать прикажете?

— Попроси, чтò же.

Ему было все равно съ кѣмъ ни видѣться, чтò ни говорить. Господи, еслибы забыть и заглушить чѣмъ-нибудь эту муку. „Не все ли равно? вѣдь я никому не нуженъ и ей тоже. Нѣтъ у меня нигдѣ пристанища.... Живетъ же этакая сила!... Живетъ же какой-то Никита?!“

На лѣстницѣ раздались тяжелые шаги, и черезъ порогъ комнаты ступилъ высокій, русый съ сильною просѣдью, бородатый человѣкъ, и раздался вчерашній голосъ:

— Сосѣдъ, Никифоръ Саввичъ Сворлòвъ. Тоже крестцовскіе. Въ Семеновской пустыни съ вашими пополамъ косимъ.

И онъ неуклюже протянулъ жилистую руку....

Съ перваго взгляда Павелъ Семеновичъ очень разочаровался. По голосу онъ представилъ себѣ его фигуру массивною, а она, какъ почти всегда случается, была совсѣмъ не такою. Сворловъ оказался хотя очень высокъ, но тонокъ и ужь вовсе не массивенъ. Кромѣ того, непріятно поразило Павла Семеновича, что на немъ былъ штатскій, узкій сюртукъ, надѣтый сверхъ ситцевой рубахи. Но стоило только тронуть

его руку или видѣть его пріемы, чтобы рѣшить, что это русское тѣло ковано изъ желѣза.

„Экіе глаза, думалъ Павелъ Семеновичъ, русскіе, сѣрые, и какъ загораются. Эдакое удалое лицо!“

— Очень радъ, сказалъ онъ,—сосѣдями не богато у насъ, кажется. Да чтò такъ? давайте чай пить.

— И то дѣло. Вотъ чтò: я водочки спрошу. А то вчера... Того, такъ... надо....

III.

На лицѣ Сворлова не было и слѣда вчерашней попойки, и когда онъ опохмѣлился,—лицо это совсѣмъ оживилось, и взглядъ сдѣлался твердъ и уменъ.

Разговоръ прошелъ чрезъ всѣ неизбѣжные разспросы: откуда, зачѣмъ, куда, которыхъ Павелъ Семеновичъ терпѣть не могъ, какъ и всего слишкомъ опредѣленнаго.

— Бабушка дворянка была, говорилъ Сворловъ,—мелкая, а владѣла. Потомъ: чтò да какъ, тутъ кому должно-быть понадобилось.... Ну, да оно, правда, послѣ отца-то мы и права не имѣли, то-есть чтобы крѣпостныхъ. Такъ и вышелъ ни мужикъ, ни куликъ, ни купецъ, ни дворянинъ!

Сворловъ засмѣялся.

— Усадьба ваша далеко?

— Усадьба? Мы избяные, мшоные.... Я все самъ: и дрова, и лѣсомъ, и переторговишкой кое-какой. У земли хожу, пашу тоже.... Да чего лучше? Вы скоро въ Крестцы?

— Завтра.

— Поѣдемте вмѣстѣ. Въ верстѣ отъ дороги — выселочки, тутъ въ лѣсу. Верстъ двадцать. У меня здѣсь виноходчикъ живо доставитъ, а въ выселочкахъ хошь тройку справимъ.

— Мнѣ совѣстно....

Сворловъ глянулъ изъ-за дымящагося блюдечка.

— Какая же тутъ совѣсть? Нешто грѣхъ какой? Чтобъ у добраго человѣка побывать: тутъ никакой совѣсти нѣтъ. У меня городскіе бываютъ.... Правда, рѣдко, въ сторонѣ.... Сторонка-то наша вишь какая глухая.

— Не скучно вамъ? Не хотѣлось бы куда подняться?

— Чего? Какъ это скучно? Это птица Божія, безсемейная,

не сѣетъ, не жнетъ, за море идетъ—такъ у ней-крылья.... А человѣку у земли да у семьи сидѣть положено.... Божье дѣло.... Пожалуй, наши мужички въ Петербургъ ходятъ,—да развѣ это дѣло? Опять, куда надумали? На Амуръ! А! Ахъ ты, Господи! Ко мнѣ тоже: какъ бы, молъ, къ китайской сторонѣ. Дураки, говорю.... Дѣды, отцы молъ тутъ хоронены.... Куда подыметесь? Ишь ты: къ китайской сторонѣ! Чьимъ горемъ здѣсь земля дѣлана? А? Мѣсто святое, насиженое....

— Что же они?

— Что они? Извѣстно: чего, говоритъ, тутъ, Никифоръ Саввичъ, и насиживать-то.... Я, говоритъ, вчерась по каменьямъ-то бился—ажь такъ взялся даже вотъ—ахъ ты Господи!... Народъ бѣдный, трудный, это нечего.... У меня вонъ семья. Покойница, царствіе небесное, оставила. Дочка на возрастѣ, да паренекъ малолѣтокъ. Старуха жива. Куда съ этимъ подымешься? Да и обыкъ: отъ своей стороны куда уйдешь, Павелъ Семенычъ! Баринъ вотъ у насъ мужичка одного съ семьей переселилъ тоже.... И мѣста какія, земля! Избудалъ, все.... Такъ сказывалъ: выйдешь, говоритъ, вечеромъ на завалинку, смотришь, баба сидитъ, плачетъ. Помнишь, говоритъ, въ той сторонѣ изъ-за лѣсу церковку было видать. Такъ! Нѣтъ, отъ своей стороны не уйдешь, Павелъ Семенычъ, нѣтъ! Не уйдешь!

— И никуда не ѣздите?

— Въ городъ, да рѣдко. Куда мнѣ? У меня все заведеніе, тамъ и лошадки, скотинка, опять на охоту бываетъ.... Уйдешь это въ лѣсъ, ходишь.... Снѣгъ.... А тамъ принесъ что съ собой....

— На медвѣдей ходите? спросилъ Павелъ Семеновичъ. Ему совѣстно было признаться, что онъ подслушивалъ; онъ ждалъ, что Сворловъ, какъ охотникъ, одушевится, и ждалъ съ интересомъ разказовъ....

— Бываетъ, отвѣчалъ тотъ коротко и вставая.—Пойдемте, лучше я вамъ покажу Мишку своего. Шельма такая, страсть! Ученый! Кто хлѣба хочетъ? крикнулъ Сворловъ:—а? Мычать! Ну, лѣзь на стулъ!

Медвѣжонокъ ловко взлѣзъ на спинку и только что показалъ свою смѣшную и веселую морду, какъ не удержался и полетѣлъ со стуломъ вмѣстѣ.

— Ха-ха-ха! Кажный разъ такъ-то! Ха-ха-ха! Экой вѣдь дуракъ! Вотъ утѣха Егоркѣ будетъ!

— А какъ укуситъ?

— Я его укушу! Лѣзь, шельмецъ, на стулъ! Ха-ха! Глядите, ружьецо какое сбилъ себѣ.... А? Страсть?

Павелъ Семеновичъ уговорился съ Своршовымъ выѣхать утромъ на зарѣ. Онъ очень обрадовался возможности къ кому-нибудь пристать, къ какой-нибудь жизни, и сколько-нибудь въ этой внѣшней дѣятельности переѣзда и хлопотъ заглушить мучительную тоску, камнемъ давившую его. Онъ чувствовалъ, что послѣдній ударъ разбилъ его до физическаго утомленія. Теперь не все ли равно гдѣ и съ кѣмъ и что̀ онъ дѣлаетъ. Опять искать жизни? Нѣтъ, довольно! Что̀ можетъ быть ему теперь интересно, когда все отнято, и никогда не возвратится.... Никогда! Какое страшное слово!...

Утро чуть сѣрѣло, когда онъ услыхалъ шумъ и возню въ сосѣдней комнатѣ, звонъ поддужныхъ колокольчиковъ, скрипъ полозьевъ по крѣпкому утреннику-снѣгу и скрипъ воротъ на морозныхъ петляхъ. Сытая, гнѣдая лошадка нетерпѣливо фыркала и весело поднимала уши, пока Своршовъ закладывалъ ее въ небольшія рогожныя санки. Онъ былъ въ полушубкѣ и въ высокой бараньей шапкѣ.

— А! и вы встали? Стой, верченый, заговорилъ онъ,—подержите дугу. Не такъ, выше! Эхъ, не умѣете вы! У васъ тоже полушубокъ. Чудесно! Куда я возжи дѣвалъ? Не умѣете и супонь-то затянуть? Эхъ вы! Давайте! Сюда вотъ чемоданъ, Митку въ ноги. Лежи подлецъ, я те поверчусь. Ну, идите скорѣй, расплачивайтесь, да и съ Богомъ!

Онъ былъ хлопотливъ и оживленъ.

— Славная лошадка, кормленая, видно что вы охотникъ, замѣтилъ Павелъ Семеновичъ.

— Коню цѣны нѣтъ. Вы посмотрите что̀ дѣлать будетъ. Ну, Господи благослови! Трогайся, Мальчишка!

Колокольчикъ загремѣлъ въ морозномъ воздухѣ.

— Домой что ли? крикнулъ изъ воротъ какой-то мѣщанинъ.

— Домой! Пріѣзжай же, братъ, насчетъ рыбы, слышь, крикнулъ, пріостанавливаясь, Своршовъ,—а тескѣ скажи, чтобъ и не совался; ей Богу, скручу! Прощай!

— Дай Богъ пути! Прощай!

— Глядите что̀ дѣлаетъ, что̀ дѣлаетъ, а? говорилъ, любуясь, Своряовъ, и натянувъ возжи, свистнулъ:—глядите! Сѣрую съ красною ямщикъ давалъ: ни за что̀! Я те дамъ тропотить! У него пущай перебоецъ есть, да за веселость люблю, и умный же подлецъ! Пьянаго раза три домой привозилъ.... Свой выкормышъ, вотъ чѣмъ дорогъ! Тише, будетъ, ну, будетъ, будетъ же!

И сонный городокъ съ запертыми лавками и ставнями и дремлющими въ утреннемъ инеѣ деревьями остался за ними...

На востокѣ ярко заалѣло. Сугробы по полю тоже заяснились. Скрипѣвшіе подъ полозьями наглаженные повороты дороги заблистали розовымъ свѣтомъ. Городокъ уходилъ въ туманъ, звоня колоколами своихъ церковокъ въ морозномъ, утреннемъ воздухѣ. Вдали полосой синѣлъ лѣсъ въ бѣломъ инеѣ и туманѣ....

— Тутъ все лѣсомъ пойдетъ, верстъ на пятнадцать, до самаго мѣста. И лѣсъ какой! Къ заутрени.... Какъ раздается!

Своряовъ снялъ шапку и перекрестился.

— Вы совсѣмъ къ намъ, что ли?

— Можетъ-быть, неохотно отвѣчалъ Павелъ Семеновичъ,— зиму-то до колесъ протяну....

— Оставайтесь-ка! А то продавайте—мужиковъ вѣдь нѣтъ?

— Какіе мужики.

— Я схлопочу, ей Богу! Эхъ бѣда, нѣкогда, а то бы съ вами съѣздилъ. Чего вы тамъ—спутаете. Кому еще попадете.... Окрутятъ такъ: страсть! Шерсть лошадки по сытымъ бокамъ заиндевѣла, бороды и шапки обмерзли, голоса странно раздавались на воздухѣ снѣжной равнины. Медвѣжонокъ безпокойно рявкалъ на толчкахъ и мордой и лапами устраивалъ себѣ въ сѣнѣ логовище. Вдругъ колокольчикъ загремѣлъ какъ-то сильнѣе, свѣжій, морозный вѣтеръ, который тянулъ ровною струей съ запада, вдругъ упалъ, подковы коня гулко застучали, кругомъ словно потемнѣло, и ихъ приняли высокіе, нависшіе своды дремучаго, русскаго, сѣвернаго лѣса....

Павелъ Семеновичъ поднялъ голову. Онъ въ первый разъ видѣлъ такой лѣсъ и его охватило впечатлѣніе какой-то темной, грозной, нетронутой силы, дремлющей и замершей.... Дорога

[redacted]

узкою полосой бѣжала между заваленными снѣгомъ стѣнами могучаго двухъобхватнаго семисаженника, который развѣсилъ, какъ огромныя руки, свои почернѣвшіе сучья, покрытые снѣгомъ и инеемъ. Вотъ что лѣшій косматится сосна, обложившись сугробами. Вотъ на холодныхъ лучахъ зимняго солнца, прорѣзавшаго дремучую чащу, зазеленѣлись елочки и сосенки, и засверкали, и заискрились на ихъ зелени, нѣжныя какъ пухъ, снѣговыя гнѣзда, повитыя ночными метелями. Снѣговыя шапки самыхъ странныхъ и правильныхъ формъ громоздятся по пнямъ и кустамъ. И вездѣ, по всему утреннему снѣгу, чрезъ дорогу, вдоль дороги, между деревьями и кустами, шли, перекрещивались, встрѣчались и уходили слѣды ночной, лѣсной жизни, которая попряталась, разбѣжалась по недоступнымъ лѣснымъ трущобамъ и темнымъ норамъ отъ дневнаго свѣта и человѣка.

— Это какіе же слѣды?

— Вотъ это волчьи... сколько ихъ? Два, три, пять волковъ ходило! Ишь! А вотъ заячьи пошли.... Прыгали, подлецы.... Путали! Э-э! Никакъ прошелъ.... Вонъ оно: лапка-то.... Кусты вишь кругомъ, ажь къ землѣ приложены.... А вонъ на лыжахъ кто-то ходилъ... Вонъ эти полосы, вонъ!... лыжами.... Вонъ и упоромъ, гдѣ вслѣдъ билъ.... вонъ оно! Это еще кто бревна везъ? Ужь не крестцовскіе ли? Ко мнѣ? Скоро!!

— Гдѣ?

— А вотъ ложбинки! Слѣдъ! Видите? Вонъ онѣ куда подковы оборочены. Недавно—утромъ....

— Отчего утромъ?

— Съ вечеру-то поземка была, видите слѣды волчьи: эти съ вечеру занесло. А вотъ утреннички ходили.... Свѣжѣе.... А эти совсѣмъ сейчасъ.... Слышите: полозья скрипятъ, мы догонимъ!... Версты съ двѣ....

— Нѣтъ, не слышу....

— Да вы не справа. Вы влѣво обернитесь: тамъ лѣсъ глушитъ. Дорога-то вѣдь влѣво.... Ну! Слышите....

Издалека-далека, чуть слышно, по утреннему воздуху, донесся слабый, переливающійся стонъ.

— Что это? Это стонетъ кто-то....

— Нѣтъ это полозья... въ лѣсу.... Вонъ: собаки.... Они!!! Наши!

Своръловъ ударилъ возжей и пронзительно свистнулъ. Свистъ могучими и разнообразными перекатами прошелъ по далекому лѣсу, и конекъ шибко и весело пошелъ, чутко прядая

ушами. Колокольчикъ, бойко переливаясь, звонилъ подъ дугой и наполнялъ кругомъ лѣсъ своимъ громкимъ звукомъ. Вскорѣ въ самомъ дѣлѣ показалась длинная цѣпь саней съ бревнами. Мужики, переговариваясь, шли за последнею лошадью. Слова ихъ гулко отдавались въ лѣсу....

Услыхавъ за собой колокольчикъ, мужики ушли по колѣно въ снѣгъ, въ сторону отъ дороги и поровнявшись съ санками пошли рядомъ. Двѣ небольшія собачонки неистово залились на санки, почуявъ медвѣдя.

— Никакъ Никифоръ Саввичъ!

— Богъ помочь! Я думалъ ко мнѣ! Крестцовскихъ не встрѣчали?

— Дай Богъ пути, далеко ли? Нѣтъ, не видать было!...

— Я и то ужь вижу, что ты гнѣденькаго призналъ. Шустрая животинка!

Сворловъ передалъ возжи Павлу Семеновичу, и заложивъ руки въ карманы полушубка, пошелъ съ мужиками. Онъ и съ ними говорилъ такъ же свободно и прямо, какъ всегда. Но тутъ, очевидно, интересы были живы и сильны.

— Чтò жь, братцы, это нельзя такъ, говорилъ онъ.—Такъ вы и уступите? Я бы ему и въ горбъ еще настукалъ....

— Да вѣдь чтò подѣлаешь, Никифоръ Саввичъ, мы говорили; кабы мы не говорили....

— Человѣкъ-то какой—жила!

— Еще кака жила! Бѣда! Тутъ не больно настукаешь.

— Кого везешь съ собой? спросилъ одинъ мужикъ, какъ-будто въ санахъ никого не было.

— Крестцовскій.... сосѣдъ.... землишка тоже....

— А! равнодушно замѣтилъ мужикъ.

— Глянька, Ѳедоръ, звѣрь какой въ саняхъ-то!

— Гдѣ ты его пымалъ?

— На шкуру вымѣнялъ.

— Эка дорогое! На кой тебѣ? Забава!?

— А чтò, братцы, мнѣ маленько придется васъ своротить!

— Э, Никифоръ Саввичъ, чтò жь? Ты на-легкѣ....

— Выкормыша-то ему вишь жалко, ребята, въ снѣгъ пихать....

— Ишь сытый песъ.... какой!

— Чтò жь, братцы, принимайтесь, пропустимъ!

Мужики съ помощью Сворлова принялись спихивать съ дороги въ глубокій, лѣсной снѣгъ лошадей своихъ и дали

[redacted]

проѣхать. Высоко поднявъ голову и прядая ушами, точно гордясь, пронесся гнѣдой конекъ, сбивая снѣгъ подковами и гремя колокольчикомъ.

— Спасибо, братцы! крикнулъ Своpловъ, подымая шапку.— Я къ тебѣ, Никаноръ, работника-то зашлю, не забудь!

— Ладно! Засылай! Засылай, Никифоръ Саввичъ!

IV.

Лѣсъ началъ замѣтно рѣдѣть и расчищаться. Черные пни все чаще подымали свои шапки изъ глубокихъ снѣжныхъ сугробовъ, озаренныхъ зимнимъ солнцемъ. Вѣтерокъ сталъ свѣжѣть и крѣпчать, покачивая на полянкахъ частые, безлистые прутики малинника и черемухи и тонкія вѣтки развѣсистыхъ молодыхъ березокъ и зеленыхъ елокъ, обахромленныхъ узорчатымъ, сверкающимъ инеемъ, который, съ громкимъ карканьемъ, часто стряхивало тяжелое воронье, взлетая на звукъ колокольчика. Дорога подымалась въ горку, запахло дымомъ.

— Тише, Мальчишка, тише! Ишь, вѣдь, тварь, а понимаетъ что домой! Гляди какъ ушами трясетъ. Я-те дамъ! Вонъ видите церковка на горкѣ, нашъ приходъ—Спаса! Вонъ попы живутъ. А вонъ наши выселочки прямо: дымки-то....

Глаза Сворлова веселѣли и разгорались. Дорожка, подымаясь въ гору, вела къ выселкамъ, окруженнымъ лѣсомъ, пнями и кустами. Вдали сверкалъ крестъ маленькой, черной, деревянной, необшитой церкви. Высокія, сѣверныя, двухъэтажныя избы подымали около нея свои коньки, дымящіяся трубы и тонкіе скрипящіе очепы. Все кругомъ лежало пустынно и тихо, пригрѣтое зимнимъ солнышкомъ. Только съ горы бѣжалъ маленькій мальчикъ съ собакой, да очень далеко отъ нихъ, въ гору, трудно подымала лошадка возъ съ сѣномъ.

— Это вѣдь Егорка, пострѣленокъ, съ Волчкомъ бѣжитъ, обратился Сворловъ къ Павлу Семеновичу.—Воно-о-о-о! Задуваетъ какъ!

Тотъ ничего не отвѣчалъ. Вся эта зимняя картина, дышавшая такою спокойною мощью, перенесла его совсѣмъ въ другой какой-то міръ, крѣпкій и свѣжій, такой далекій отъ того искалѣченнаго, изжившагося, мерзостнаго міра, который унесъ и безплодно погубилъ въ душѣ его столько жизни.... Грудь

его поднимало какое-то новое, сильное чувство, точно онъ когда-то давно, давно, еще во времена первыхъ строителей земли русской, подъѣзжаетъ къ ихъ пустыннымъ поселеніямъ, къ ихъ высокимъ, сбитымъ изъ могучаго лѣсу избамъ-кельямъ и избамъ-храмамъ, гдѣ въ скудныхъ ризахъ, съ деревянною чашей въ рукахъ, при тихомъ звонѣ колокола, столѣтній русскій святитель возноситъ свою великую молитву за родную землю....

Прежде всего ударилась крѣпкими лапами, прямо въ сани, съ бѣшено-радостнымъ визгомъ, огромная собака, гремя широкимъ, желѣзнымъ ошейникомъ, но увидавъ веселую морду медвѣжонка, ощетинила свою сѣрую шерсть, оскалилась, подняла хвостъ и обрѣзанныя уши, и стала удивительно похожа на волка. Она поднимала на хозяина свои яркіе, умные глаза и заглядывала съ любопытствомъ въ сани: „что же, молъ, это такое?“

— Тятька, тятька! Возжи дай, возжи! послышался вслѣдъ затѣмъ отчаянный и звонкій голосъ.

Отецъ не поцѣловалъ его и вообще не показалъ никакихъ знаковъ нѣжности къ семилѣтнему, хорошенькому человѣчку въ шапкѣ съ ушами, въ женской плисовой душегрѣйкѣ и отцовскихъ сапогахъ, а напротивъ еще крикнулъ на него.

— Ты зачѣмъ, Егорка, пострѣленокъ? Чего на себя напялилъ, чучело? Ну, становись что ли въ сани! Я тебѣ дамъ!

Но глаза его ясно, радостно и любовно смѣялись.

— Ой, тятя, что-й-то? Никакъ медвѣдь!

— А ты думалъ что? Ну, стой хорошенько, что ли, коли залѣзъ!

— А вѣдь онъ, тятя, уку-уситъ! съ безпредѣльнымъ пугливымъ восторгомъ, оглядываясь на отца и прыгая въ саняхъ, крикнулъ Егорка: — тятя, гдѣ ты его пымалъ? Тятя! гляди, гляди! Чего онъ такъ на меня смотритъ? Тятя, ты его зачѣмъ на веревочку привязалъ? Тятя.... это кто такой съ тобой пріѣхалъ?...

— Ну, затятькалъ, бери возжи, что ли....

Егорка за медвѣдемъ и позабылъ было объ этомъ великомъ удовольствіи. Взявъ возжи, онъ закатилъ глаза отъ восторга, и не зная что бы такое сдѣлать еще, всею полнотой дѣтской груди крикнулъ: „аухъ!“

Аухъ! аухъ! аухъ! повторилъ перекатами лѣсъ.

[redacted]

Выселки были строены не по плану. По кривой и очень узкой улицѣ они подъѣхали къ высокой избѣ съ раскрашенными желтою и красною краской косяками и ставеньками. На звукъ колокольчика изъ окошекъ высовывались головы бородатыя мужичьи и бабьи и молча кланялись или кричали:

— Хорошо ли съѣздилъ, Никифоръ Савичъ?

— Э, э! Никифоръ! Вонъ онъ!

— Ой, матушки мои, кого это онъ везетъ?

— Изъ города, должно-быть.

— Глянька, дѣвонька, никакъ медвѣдь въ саняхъ-то!

— И то! О-о чтобъ его!

Прежде чѣмъ войдти въ избу, Сворловъ взялъ лошадь подъ устцы и началъ ее взводить въ сарай на высокій подъемъ. Изъ избянаго окна выглянуло молодое и рябое дѣвичье лицо съ черными глазами. Павелъ Семеновичъ предположилъ, что это сестра Егорки, который еще съ улицы кричалъ:

— Алеу! а, Алеу! Глянь, медвѣдь, ей Богу!

Медвѣжонокъ сердито моталъ головой, мычалъ, и лапой старался снять съ шеи веревку, за которую его тянулъ Егорка. Собака, безпокойно ворча, обнюхивала испуганнаго медвѣжонка.

Мальчишки сбѣжались съ улицы и обступили санки. Прибѣжалъ молоденькій Сворловскій работникъ.

— Гдѣ, Васька, шатаешься, крикнулъ на него Сворловъ,— поводи гнѣдаго-то. Кши вы пострѣлята! Чего не видали? Здравствуй, матушка, сказалъ онъ высокой, степенной и крѣпкой старухѣ, повязанной по-купечески, которая поклонилась Павлу Семеновичу.

Конекъ застучалъ по бревенчатому полу, и его веселое ржаніе раздалось подъ крѣпкими, мшоными сводами высокихъ, сумрачныхъ сѣней-сарая. Старуха пошла было къ двери.

— Что жь гостя держишь, сказала она,— иди, батюшка, въ избу-то. Холодно. Ты, Егорка, зачѣмъ Ленкину, пострѣленокъ, вздѣлъ...

— Что же, бабушка, когда она мнѣ полушубокъ-атъ не даетъ... Бабушка, ты глянь, бабонька: медвѣдь! Во-оно! Нуу, головастый! Ишь упираится!

Послѣ яркаго снѣгу и солнечнаго дня, переступивъ порогъ темной избы, Павелъ Семеновичъ не вдругъ огляделся. Изба

была обыкновенная, совсѣмъ черная, съ маленькими волоковыми окошечками, но чистая, очень теплая и съ свѣжимъ, сухимъ воздухомъ, отъ часто растворяемыхъ дверей и окошекъ. Значительную часть ея занималъ огромный и тяжелый ткацкій станокъ, въ темномъ углу, за которымъ сидѣла и проворно ткала та молоденькая, рябая дѣвушка, которая глядѣла изъ окна, а теперь любопытно, украдкой взглянула на высокую, черную фигуру Павла Семеновича.

— Ну-ка, рыбки сжарь, да водочки, да самоварчикъ, сказалъ Своржовъ, широко перекрестившись на образъ, поставилъ ружье въ уголъ, поклонился дѣвушкѣ, началъ сымать полушубокъ и положилъ шапку на полати...

— Ружье-то.... гдѣ? спросила старуха, раздувая въ печи огонь.

— Землемѣръ... Пьютъ шибко... за полторы красныхъ подарилъ...

— Меркулъ полоза за восемь отдаетъ, продолжала старуха переговариваться съ сыномъ, чистя рыбу.

— Подождетъ. Вотъ, Павелъ Семенычъ, полоза — восемь! А?

— Что̀ такъ, будто дорого?

— Дубъ! У насъ его вотъ!... Ни, ни! Парамонычъ не бывалъ?

— Былъ! Къ дьячку проѣхалъ... Онъ съ Гришей...

— Гришка опять былъ, вдругъ вспыхнувъ, громко сказалъ Своржовъ.

Старуха спокойно встрѣтила засверкавшія глаза сына.

— Не гнать же, Никиша... Дѣло-дѣломъ, гость-гостемъ... степенно возразила она.

— Гдѣ Ленка? Не сидится....

— Съ Князевскими дѣвками, отвѣчала дѣвушка изъ-за станка,— шьютъ. Самъ-то на Крестцы уѣхалъ...

— Шьютъ! Швея! сердито заворчалъ тотъ и двинулъ столъ ногой:— шьютъ! Гдѣ ключъ отъ горницы? Опять засунули...

— Не топлено̀, Никиша, нынче...

— Сказывалъ топить, крикнулъ онъ, — ай поѣли дрова-то!

Онъ очевидно былъ чѣмъ-то вдругъ взбѣшенъ; старуха, кажется, принимала это какъ погоду. Она молча наливала самоваръ.

— Сейчасъ печку затоплю, въ горницу пойдемъ, Павелъ Семенычъ, закусимъ тамъ по малости. Марья, кликни въ окошко Ваську ко мнѣ... Гдѣ ключъ дѣвали? Ахъ ты Господи!

Дверь распахнулась. и вмѣстѣ съ свѣжимъ зимнимъ возду-

хомъ пропустила высокую, стройную, хорошенькую дѣвушку въ полушубкѣ, накинутомъ на молодыя плечи, въ красномъ платочкѣ на головѣ и въ старомъ ситцевомъ платьѣ. Неожиданно разбѣжавшись и наткнувшись на Павла Семеновича, она хотя еще больше раскраснѣлась, но прямо взглянула на него упорными, отцовскими глазами и тихонько поклонилась.

—Что те дома не сидится? крикнулъ отецъ, вдругъ подступивъ къ ней, тяжко дыша и въ бѣшенствѣ, кажется, совсѣмъ забывая что тутъ чужой и забывая все на свѣтѣ.

Она, видно, все понимала, что̀ ей сказалъ отецъ, что̀ ей надо отвѣтить, все понимала, ко всему приготовилась, и потупившись, молчала.

— Что̀ я тебѣ говорилъ! А? Чья лошадь у Князьковскихъ стояла? Шили? Я тебѣ разъ сказалъ! Мало? Эй, Алена!!

На все это она ничего не сказала, только подняла голову и взглянула на него большими, грустными глазами, съ какимъ-то непередаваемымъ выраженіемъ. Тутъ былъ точно и стыдъ чужаго человѣка, и такая мольба и горе, что рѣчь отца оборвалась на половинѣ.

Всѣмъ было тяжело. Павелъ Семеновичъ, смущенный, глядѣлъ на лубочныя картинки, прилѣпленныя на стѣнѣ, старуха шумно возилась у печки, станокъ сильно и быстро работалъ.

— Что стоишь? сказалъ онъ, утихая, совсѣмъ другимъ голосомъ:— ну, что стоишь? Принеси самоваръ къ намъ туда въ горницу. Пойдемте, Павелъ Семенычъ...

Когда они вошли въ „горницу“, работничекъ Васька протащилъ за ними охапку дровъ и шумно вывалилъ ихъ передъ печкой. Это была такая же изба, рубленая изъ того же массивнаго восьми-вершковика, который здѣсь былъ чисто стесанъ, выструганъ и сведенъ углами. На широкихъ лавкахъ постланы были бѣлыя мягкія кошмы и лежали чистыя ситцевыя подушки. Передъ фольговыми образами Сворловъ сейчасъ же затеплилъ лампадку, перекрестился и повѣсилъ новое ружье на стѣну увѣшанную грубо выдѣланными, большими, лохматыми медвѣжьими шкурами, наборною конскою обруей, вершами, ножами, ружьями и сумками. Въ углу стояли тонкія лыжи съ ремнями и рогатина. Сворловъ достал чайную посуду изъ маленькаго стекляннаго шкап-

чика, на которомъ лежали книги, очевидно духовныя, въ толстыхъ кожаныхъ переплетахъ съ застежками. Окна здѣсь были гораздо больше, и на нихъ стояли толстыя бутыли съ настойками, разноцвѣтно и весело сквозившими на солнцѣ.

Когда печка тепло затрещала, Волчокъ пришелъ въ комнату и смирно сѣлъ, поднявъ на нихъ свои волчьи глаза и страшную морду, Васька внесъ большой, клокочущій самоваръ, и Сворловъ сталъ гостепріимно и домовито хлопотать, а красивая Алена вошла съ кренделями, и опять очень внимательно взглянувъ на Павла Семеновича, вышла. Точно повернулось что-то въ его измученномъ сердцѣ и на него повѣяло какимъ-то миромъ, успокоеніемъ.

„Тепло, уютно! Живетъ, вотъ, живетъ человѣкъ!“ подумалъ онъ.

— Васька! крикнулъ Сворловъ:— привяжи медвѣжонка въ чуланѣ, да хлѣба ему... Пострѣленка-то еще укуситъ пожалуй!

Онъ налилъ чай, высоко подымая чайникъ надъ стаканами, и началъ пить съ блюдечка, держа его на трехъ пальцахъ. Потомъ, точно ему стало тѣсно, снялъ сюртукъ, казался гораздо красивѣе, оставшись въ ситцевой рубахѣ и спросилъ Павла Семеновича, что̀ онъ намѣренъ дѣлать въ Крестцахъ. Тотъ разказалъ ему свои предположенія, значительно отступая отъ своего первоначальнаго плана, уже во время разказа, такъ какъ все это вдругъ показалось ему смѣшно и непрактично. Онъ ждалъ какъ Сворловъ засмѣется.

— Что жь... ничего... Можно! неожиданно одобрительно и внимательно замѣтилъ тотъ.—Края въ ко̀ртому... тутъ по̀жни... И хороши пожни! Я знаю... Роща есть никакъ!!

— Есть, да, есть...

— Ну, это не больно ладно... рубить станутъ... Да вѣдь это пущай все равно, чай ужъ и за свое почитаютъ, засмѣялся онъ.—А съ Семеновской что̀ будете дѣлать?

Тотъ разказалъ, уже нѣсколько ободренный.

— Дарить? Сохрани Господи! Васъ, я вамъ скажу, тогда вотъ ни за что̀ почитать будутъ. Какъ это дарить? Ее продать вотъ какъ можно....

— То-есть я замѣнить хотѣлъ.... А продать—что̀ дадутъ? И онъ продолжалъ разказывать, но уже не такъ внимательно, потому что Алена вошла съ жареною рыбой, настойкой и приборомъ и медленно все устанавливала, исподлобья и часто взглядывая на него большими, прекрасными глазами.

— Алена! вдругъ позвалъ отецъ, когда она ужъ уходила, — отдалъ Кириллъ деньги?

— Говоридъ; пусть нонче, говоритъ, самъ приходитъ, въ первый разъ раздался ея пріятный, молодой голосъ,—бабушкѣ говорилъ, прибавила она и подождала немного, но видя что отецъ замолчалъ, вышла.

. . . . .

Уже нѣсколько разъ, по настоянію Сверлова, они пили рюмку за рюмкой, когда хозяинъ придвинулся и заговорилъ откровеннѣе, обративъ къ гостю повеселѣвшее и покраснѣвшее, обвѣтренное лицо.

— Вотъ что̀ я вамъ скажу, вотъ какъ передъ Господомъ... Васъ мнѣ жалко, ей-Богу, вы человѣкъ хорошій.... Теперь пріѣзжайте вы въ Крестцы.... вѣдь васъ окрутятъ кругомъ.... Сколько лѣтъ на этой землѣ никого.... вотъ.... не видѣли! А вы имъ тутъ поперекъ, да они вамъ подведутъ такъ, ей-ей! Вы нашего дѣла не знаете! Еще какъ подведутъ-то!

— Да что̀ же дѣлать? Вѣдь не сѣно жь въ головѣ въ самъдѣлѣ, проговорилъ тотъ, — какъ-нибудь правду узнаемъ....

— Не про сѣно рѣчь!... Правду-то правду! засмѣялся Сворловъ: — да у правды-то не одна рѣчь, Павелъ Семенычъ! Вотъ что̀-съ! Я скажу, продайте, вотъ, молъ, цѣна,—правда будетъ. Другой скажетъ: дешево! Мнѣ способнѣй больше дать,—тоже правда будетъ! Третій скажетъ: мнѣ экой пожни и даромъ не надо—правда! А еще другой придетъ скажетъ: дураки! Эко мѣсто выжгу я, да распашу, три на одинъ дастъ — тоже правда! Все правда, Павелъ Семенычъ! И у всякаго человѣка своя правда въ головѣ лежитъ!

— Буду вотъ васъ по-сосѣдски когда тревожить....

— Я тутъ что̀? Надо самому мекать, вотъ что̀!—И онъ очень умно и быстро разказалъ разныя случайности и невзгоды лѣснаго дѣла. — Насчетъ, напримѣръ, Семеновской пожни, она въ сторонѣ, ни къ чему. Хотите я вамъ покупщика найду?

— Ахъ, еще бы! Пожалуста! Я давно ищу!

— Ну, вотъ видите! А вы бы вѣкъ тутъ прожили, не нашли бы, даромъ бы отдали. Человѣкъ совѣстливый, хорошій: мужичокъ здѣшній. Вотъ этотъ Кирила. Я къ нему нынче за деньгами пойду и приведу. Вѣдь вы къ дьячку пойдете?

. . . . .

— Къ какому дьячку? спросилъ удивленный Павелъ Семеновичъ.

— Да какъ же? Безъ дьячка нельзя! Нѣтъ, это какъ же безъ дьячка! Самый настоящій человѣкъ! Вы теперь отдохните вотъ у меня, а вечеромъ къ дьячку, чайку напьемся, а тамъ Кирила подойдетъ. Потолкуемъ. Чудесное дѣло! Сосѣдъ такъ сосѣдъ, Павелъ Семенычъ!

— Идетъ! И въ самомъ дѣлѣ!

— Ну, то-то!

V.

Васька убралъ со стола, Волчокъ растянулся на полу съ глубокимъ вздохомъ, а Сворловъ, переговариваясь съ Павломъ Семеновичемъ, взялъ желѣзный гарнецъ задать овса гнѣдому и напоить его. Въ сѣняхъ были слышны его хозяйственные разспросы и распоряженія, голоса старухи и Алены. Вернувшись, онъ опустилъ отъ солнца толстыя, грубо размалеванныя какими-то видами шторки, легъ на кошму противъ Павла Семеновича и скоро заснулъ. Гостю не спалось. Странныя тѣни бродили по всему странному убранству высокихъ стѣнъ. Сквозь маленькія отверстія шторокъ протягивались чрезъ всю избу тоненькія, мелкія струнки золотыхъ лучей и то играли на стеклѣ штапика, то на отчищенномъ желѣзѣ рогатины или на насѣчкѣ ружья и ножа. И странныя формы принимали эти шкуры, лыжи и перекладины, точно все кругомъ наполнилось чѣмъ-то мелькающимъ, неслышно-летающимъ, какими-то тѣнями. Изба въ сумракѣ, казалось, уходила стѣнами въ какую-то темную высоту, и вздрагивающій и ноющій во снѣ песъ казался какимъ-то огромнымъ, темнымъ, растянувшимся чудовищемъ.... Внимательные взгляды Алены не выходили у него изъ головы, и въ полузабытьи какъ-то чаще ходила молодая кровь и билось сердце. Безъ всякихъ опредѣленныхъ образовъ и очертаній, но душа заговорила и просила жизни....

„Все еще молодость,“ думалъ онъ, „хорошо еще, что какъ бы ни было горько—новая жизнь, впечатлѣнія, и какъ будто легче станетъ....“

„Вотъ бы и штука!... Въ глуши сѣверныхъ лѣсовъ, красавица-рыбачка, ладья. А славная бы вещь вышла....

[illegible] образъ зимы и метели.... въ тучахъ несуща-[illegible] на сверкающей, радужной, ледяной повозкѣ.... [illegible] прозрачною и волнующеюся фатой.... Оде-[illegible] свѣтомъ мѣсяца и звѣздочками.... [illegible] снѣгные глаза, сильныя, красивыя черты.... [illegible] одушевленія.... русская красавица-зима не-[illegible] А развѣ дурно бы было! Выстроить эда-[illegible] жена, ходить на медвѣдя, пить, пахать!... [illegible] поютъ, сугробы, метель.... Ѣдешь домой.... [illegible] красавица жена, самоваръ и.... метель воетъ, воетъ.... [illegible] только съ маленькой приходской церковки колоколъ [illegible] „боммъ"! и опять „боммъ"! Пустыня!... И такъ [illegible] *отъ нихъ*," подумалъ онъ со всѣмъ [illegible] страданій и оскорбленій, и вдругъ точно [illegible] открылись всѣ, чуть затянувшіяся, сердечныя раны.... Предъ нимъ прошли, быстро смѣняя одна другую, [illegible], пестрыя картины иной жизни.... [illegible] жизни, вся смертельная, неисцѣлимая скука этихъ [illegible] залъ, вся эта ложь и вздорно-[illegible] одушевленіе и болтовня до тошноты прокурен-[illegible] сборищъ, вся эта пустая сутолока жизни, гдѣ всѣ [illegible] другъ другу ногу, гдѣ столько злорад-[illegible], подлости, гдѣ не одно чистое и крѣпкое сердце [illegible] и устало до смертельнаго ужаса, гдѣ онъ самъ перенесъ столько ненависти, пренебреженія, сплетенъ, и гдѣ [illegible] умершій, образъ и слова ея письма были [illegible] призракомъ и смертнымъ приговоромъ....

[illegible] онъ не могъ и взялъ одну изъ книгъ со шкапчи-ка, и [illegible] за грудь, чтобы чѣмъ-нибудь отвлечь-ся. Онъ прочелъ первую попавшуюся страницу. „И скорбя, [illegible] „Иди на Бѣлоозеро. Тамъ [illegible] мѣсто, и [illegible] въ смиреніи [illegible] своихъ." И [illegible] Онъ [illegible] на Бѣло-[illegible]...."

[illegible]

„Господи! да гдѣ же это мѣсто тихое, гдѣ бы поставилъ я наконецъ тяжелый крестъ свой и нашелъ свое пристанище?!“

Долго читалъ онъ, опустивъ на грудь тяжелую книгу. Предъ нимъ открывался какой-то новый міръ, дотолѣ ему невѣдомый....

Уже совсѣмъ стемнѣло, и вмѣсто яркихъ золотыхъ струнокъ чрезъ темную избу потянулись тускло-голубоватыя, лунныя, когда Сворловъ, крякнувъ, всталъ, зажегъ сальную свѣчку и сталъ одѣваться.

— Такъ я къ Кирилу пойду, мы выйдемъ вмѣстѣ, я и укажу вамъ куда идти, сказалъ онъ.

Надѣвъ полушубки и шапки, они вышли на высокое крылечко. Выселки стояли темно и тихо. Окна свѣтились яркими лучинными огоньками. Ночь была морозная и мѣсячная. Но мѣсяцъ тускло свѣтилъ въ туманномъ небѣ. На краю улицы слышались громкіе голоса ребятишекъ, катавшихся съ горки. Далеко гдѣ-то лаяла собака и выла. Волчокъ, который потягивался на крыльцѣ, на этотъ вой вдругъ насторожился, потянулъ воздухъ, ощетинился и медленно, протяжно завылъ....

— Молчать! крикнулъ Сворловъ, на котораго этотъ вой произвелъ, кажется, тоже мрачное и тоскливое впечатлѣніе, что̀ и на гостя его: — молчать! Волко̀въ почуяли, прибавилъ онъ.

— Дома что ль будете ужинать, послышался изъ темноты сѣней голосъ старухи.

— Нѣ, матушка, у дьячка. Вонъ, Павелъ Семенычъ, видите крыши за перелѣскомъ? Во-онъ огонекъ-отъ?

— Вижу.

— Прямо все туда и идите. Версты нѣтъ. Тамъ кого ни встрѣтите, дьячка Пахомыча спросите только.... А ему скажите, что, молъ, Никифоръ съ Кирилой придутъ сейчасъ.

Шаги ихъ захрустѣли по морозной улицѣ въ разныя стороны. Съ конца улицы раздался лай Волчка и голосъ Егорки, катавшагося въ салазкахъ съ горы.

— Тятька-у! Куда ты-ы? А тятька-у?! Кузька все снѣгомъ кидаитца-у!!..

•

Павелъ Семеновичъ вышелъ на лѣсную полянку, которая пустынно и неподвижно лежала въ блѣдномъ и тихомъ

[redacted]

сіяніи туманнаго мѣсяца. Тутъ былъ такой же, какъ кругомъ, частый и сильный боръ, но на мѣстѣ его теперь торчали только обугленные или сломленные въ зимнія бури высокіе пни, протягивавшіе кругомъ, чрезъ дорожку и частые, заваленные снѣгомъ кусты, странныя, длинныя тѣни. Полянка то свѣтлѣла, то темнѣла опять отъ налетавшихъ на мѣсяцъ быстрыхъ тучекъ, и тогда перебѣгали по кустамъ какіе-то странные шорохи и тѣни. Ворона ли взлетѣла, заяцъ ли прыгнулъ въ кусты? Вонъ что-то дико, протяжно, не по-собачьи завыло вдали, и вой этотъ далеко подхваченъ гдѣ-то въ другой, совсѣмъ въ другой сторонѣ и отвѣтно тянется, протяжно и уныло замирая въ зимнемъ, безвѣтренномъ, вечернемъ воздухѣ. Вонъ какая-то тѣнь крадется вдоль кустовъ, дрогнуло сердце.... Не волкъ ли? Ему показалось даже, что сверкнули глаза.... Но вдругъ стыдно стало своей трусости, и онъ скрѣпился, заложилъ руки въ карманы и увѣренно и медленно пошелъ впередъ. Вздоръ, почудилось.... Пугливое, городское воображеніе, привыкшее смотрѣть въ темноту переулковъ съ извощичьихъ дрожекъ на свистящихъ по угламъ городовыхъ.... Надо прямо идти на тотъ огонекъ. Что̀ это такое? Нѣтъ, ужь это не глаза обманываютъ. Въ самомъ темномъ мѣстѣ перелѣска, впереди, что-то двигалось и скрипѣло, потомъ притихло и какъ будто притаилось, тѣни протянулись и пропали.... Волчій вой уныло раздавался въ сторонѣ, медленно удаляясь....

Подойдя къ темнымъ кустамъ, онъ увидѣлъ привязанную лошадь съ небольшими санками. Но въ саняхъ никого не было. Лошадь испуганно насторожилась и шарахнулась отъ него, сильно вытянувъ и оборвавъ поводъ. Но онъ успѣлъ поймать поводъ, опять привязалъ лошадь, оглянулся и притихъ. Ему послышались въ тѣни тихіе голоса. И съ страннымъ чувствомъ онъ вздрогнулъ, услыхавъ одинъ изъ нихъ.

— Ой, Гриша, идетъ кто-то, я убѣгу!

— Да что̀ же это будетъ? послышался другой, нетерпѣливый, быстрый и страстный шепотъ:—чего же ты приходишь? Лучше не ходи ты что ли! Слышь! Прошелъ, никого нѣтъ. Что̀ же ты ушла? Леня! Леня!

Павелъ Семеновичъ дѣйствительно постарался пройдти скорѣе. Точно что-то въ родѣ ревности и зависти заговорило въ сердцѣ. „Живутъ, живутъ!“ подумалъ онъ.

По противоположному направленію слышался легкій скрипъ быстрыхъ, почти бѣгущихъ шаговъ....

— Ой что это какъ темно, не признаю.... Ктой-то? Никакъ не здѣшній, тебѣ чего поштенный?

— Мнѣ дьячка Пахомыча.... Я отъ Сворловыхъ....

— Пахомыча? Онъ никакъ въ Крестцахъ.... Вонъ изба-то.... крайня-то.... Ты отколѣ же будешь?

— Изъ города....

— Изъ города? А-а! Вонъ крайня-то, огонекъ-отъ у лѣсу у самаго....

И мужикъ, остановившись, долго еще глядѣлъ вслѣдъ уходившему.

Въ высокой избѣ, указанной мужикомъ, было пусто и тихо. Вверху всѣ окна были темны, только въ нижней избѣ, высоко отъ земли, тускло свѣтилось крошечное окошечко.

Отыскавъ дверь въ сѣняхъ при тускломъ лунномъ свѣтѣ и растворивъ ее, Павелъ Семеновичъ въ удивленіи и уваженіи остановился предъ тѣмъ, что ему неожиданно представилось.

Отъ двери ступеньки двѣ шли внизъ, въ крошечную, почти вырытую въ землѣ, подъ избой, каморку, съ кирпичнымъ неровнымъ поломъ. Она была такъ мала, что нѣсколько образовъ значительно закрывали отъ угла ея почернѣлыя, бревенчатыя стѣны, и нѣсколько большихъ книгъ, въ кожаныхъ переплетахъ, совсѣмъ загромождали уголъ и маленькую лежанку. Предъ образами тускло горѣла лампадка и очень тоненькая, руками слѣпленная свѣчка желтаго воска. Они слабо озаряли черные образа, темную келійку, старый войлокъ въ углу для спанья и сѣдаго небольшаго старичка, въ черномъ, съ длинными бѣлыми волосами и бородой, который, воздѣвъ сложенныя руки, молился, и шепотъ его, дрожащій, старческій, трогательно-кроткій, раздавался въ келійкѣ.

— Господи мой, Господи! Вѣрою объемъ.... Души моей, сердца.... Припадаю Твоей благости.... Боже всего міра поспѣши и направи грѣшное сердце мое.... Господи мой, Господи!

Услыхавъ какой-то звукъ, молящійся медленно оборотилъ старческое, худое лицо, съ кроткими, покраснѣвшими, заплаканными глазами, впалыми и блестящими, и замѣтно никого и ничего не видя, вдругъ поднявъ руки, съ рыданіемъ упалъ на полъ....

— Господи, Господи! Духъ правъ обнови.... Очисти сердце мое, помяни Господи, помяни меня, грѣшнаго раба Твоего!...

Дверь осторожно и тихо затворилась.... Ночь лежала такая же туманная и спокойная, на мѣсяцъ опять набѣжали

[redacted]

прозрачныя перелетныя тучки.... Но вотъ опять ярко посвѣтлѣло, точно открылося хрустально-синее, звѣздное, Божье небо....

— Чтò, батюшка, скоро вернулись? спросила старуха, хлопоча за столомъ:—ай дьячка-то нѣту? Въ Крестцы уѣхалъ? Ишь нынче торгъ хорошъ у васъ, въ Крестцахъ, всѣ туда поднялись.

Въ избѣ пахло самоварнымъ паромъ, и за столомъ, при свѣтѣ нагорѣвшей сальной свѣчки, въ желѣзномъ свѣтцѣ, сидѣлъ Егорка, совершенно какъ отецъ, серіозно супясь и разставивъ три пальчика, держалъ блюдцо, и Алена, заплаканная, съ странно блестящими глазами, задумчивая и точно растерянная. Она глядѣла въ темный уголъ и избѣгала взгляда Павла Семеновича, который сталъ разказывать какъ шелъ по перелѣску; замолчавъ нарочно, онъ взглянулъ при этомъ на Алену,—которая вспыхнула, испуганно, какъ ему показалось, на него поглядѣла,—и продолжалъ дальше.

— Это ты видалъ—отецъ Пахомычевъ, дьячковъ-то, объяснила старуха,—святая душа! молельщикъ! И сколько ему лѣтъ, никто не помнитъ.... Иногда даже себя забываетъ и все сказываетъ разное, про старое. Любитъ вспоминать.... не то правду, не то такъ по старости; Господь его знаетъ. Смиренный, простой человѣкъ! Чайку-то тебѣ, что же... Вотъ только самоварчикъ подогрѣю.... Сейчасъ.... Ой полно ты, Аленушка, плакать-то!... Сама намутила.... Чего тутъ?

Егорка, какъ большой, серіозно и молча всталъ, обдернулъ ситцевую рубашонку, перекрестился, откинулъ волосы и сталъ вздѣвать полушубочекъ.

-- Далеко ли, внучекъ, собираешься?...

— А къ Князьковскимъ ребяткамъ, серіозно отвѣтилъ тотъ, надѣвъ баранью шапочку....

— Ну иди, иди, касатикъ.... да скорѣе.... Когда дверь за нимъ затворилась, всѣ помолчали.

— Бабушка, вдругъ начала Алена какимъ-то страннымъ голосомъ, — онъ придтить хотѣлъ....

— Охъ, не слушала бы я отъ тебя этого! Господь съ тобой, Аленушка, чтò это ты стала какая?...

— Онъ, бабушка, говоритъ, одинъ конецъ....

— О, Господи, Господи! отвѣчала старуха, всплеснувъ руками.

Въ тихо заскрипѣвшую дверь показался кто-то, поклонился и перекрестился.

— Примаете, бабушка, ай нѣтъ? послышался негромкій голосъ.

Старуха перепугалась.

— Чтò ты, Гриша, Господь съ тобой! Уходи ты лучше, Гриша!

— Чтò мнѣ уходить? Доколѣ.... Сяду вотъ тутъ, чтò хошь дѣлай! Я ли не просилъ, я ли не молилъ.... Силы моей нѣтъ.... Чтò же это?

То былъ очень молодой и очень красивый человѣкъ, съ усиками на блѣдномъ, испитомъ лицѣ, выразительномъ и перемѣнчивомъ. Онъ закинулъ назадъ русые, въ скобку стриженые волосы, распахнулъ полушубокъ и съ рѣшительнымъ видомъ сѣлъ въ темный уголъ за каткомъ. Павелъ Семеновичъ разглядывалъ его съ любопытствомъ и подумалъ, что не за это ли нахальное выраженіе красивыхъ глазъ такъ не любитъ его Сворловъ?... Алена встала, хотѣла уйдти изъ избы, старуха была взволнована и испугана, Гришка хотѣлъ что-то сказать, но вдругъ притихъ, когда за дверьми послышались твердые, скорые шаги и звяканье желѣзнаго ошейника. Дверь широко распахнулась, впустивъ изъ сѣней клубы пара. Павелъ Семеновичъ всталъ и хотѣлъ уйдти въ горницу, но Сворловъ остановилъ его....

— Постойте, Павелъ Семенычъ! Все одно! При васъ этотъ срамъ начался, при васъ и кончится, а мнѣ таить нечего!...

И не замѣчая Гришки, сидѣвшаго въ тѣни угла, онъ прямо шагнулъ къ матери и дочери.... Волчокъ поднялъ уши и заурчалъ....

— Чтò вы со мной дѣлаете? Эхъ, матушка! Ты не видишь! Куда бѣгала, за кѣмъ Волчокъ въ перелѣсокъ ходилъ. Была? Сказывай! Ну, полуношница!

Онъ сильно повернулъ дочь къ себѣ за руку, но услыхавъ шорохъ въ углу, обернулся и отъ удивленья и бѣшенства не могъ долго выговорить ни слова, и когда заговорилъ, слова шли тяжко, безсвязно и путались. Онъ задыхался.

— Григорій Петровичъ! А-а? Чтò же это, братцы, будетъ? Ну ужь, братъ, извини, своему-то дому я хозяинъ!

— Я вотъ къ бабушкѣ—что жь! Я, Никифоръ Саичъ!

— За бабъ прячется, съ презрѣніемъ сказалъ Своръловъ.— Иди, Господь съ тобой, тебя я, вотъ, ни пальцемъ.... не трону.... Только ужь, братъ, прощай!!

Но Гришка глянулъ на плачущую Алену, и раззадоренный, тоже вышелъ впередъ и тряхнулъ волосами.

— Что жь, Никифоръ Саичъ, я не боюсь! А противъ тебя я ничего не могу! Потому какъ давно тебя замѣсто отца почитаю.... Бей меня, что̀ хошь дѣлай, тѣшь свою душеньку....

Никифоръ Саввичъ этимъ ничуть не тронулся, но еще больше расходился.

— Что̀ же это, отцы мои, тѣшусь я что ли въ самомъ дѣлѣ? Что̀ ты свои пьяныя рѣчи пришелъ ко мнѣ разводить.... Иди ты, къ землемѣрамъ подоконничать, да бабничать, а моего честнаго дому не позорь!...

— Что жь, гони, Никифоръ Саичъ, я увижу, какъ добрые люди.... гоняютъ....

Не успѣлъ онъ кончить и увидѣлъ какъ гоняютъ: желѣзная рука Сворлова задрожала, вцѣпившись въ воротникъ его полушубка, Алена и старуха вскрикнули, Павелъ Семеновичъ невольно вскочилъ и бросился къ нимъ, но Гришка ударился уже растопыренными руками въ распахнувшуюся дверь и вылетѣлъ, въ облакахъ пара, въ сѣни....

Сворловъ, весь дрожа, стоялъ нѣсколько минутъ молча посрединѣ избы, прислушиваясь къ шагамъ Гришки по крыльцу.

— Видѣла его? Ушелъ! сказалъ онъ презрительно, взволнованнымъ голосомъ.—Тому тебя мать учила? Эхъ, Лёня, Лёня, прибавилъ онъ вдругъ такимъ тономъ, какого въ немъ и ожидать было нельзя.—Вотъ, Павелъ Семенычъ, рости, гляди,— билъ я тебя когда, Лёня? перечилъ? Рости, бейся для нихъ— придетъ этакая голь кабацкая, милѣй семьи станетъ. Пойдемте въ горницу, Павелъ Семенычъ!...

VI.

Было далеко за полдень другаго дня, а Павелъ Семеновичъ еще не уѣзжалъ отъ Сворлова. Рано утромъ, напившись чаю, пошли они версты за двѣ лѣсомъ къ Кириллу толковать о продажѣ пустоши. Кириллъ былъ коренастый, черный съ просѣдью, благочестивый мужикъ, начетчикъ, жившій огромною семьей съ неотдѣленными братьями, съ ихъ женами и

дѣтьми въ трехъ избахъ, однимъ хозяйствомъ и подъ одною крышей, богато и въ согласіи. Братья, такіе же бородатые, пожилые, степенные мужики, исполняли безпрекословно толковыя, короткія распоряженія главы семьи, выражаемыя большею частію не то въ видѣ совѣта, не то въ видѣ необходимости. Предъ его избой, такою же высокою и раскрашенною, какъ изба Сворлова, стояли подводы и ссыпался хлѣбъ въ амбарчикъ противъ избы. Кириллъ съ братьями молча таскалъ тяжелыя мѣры въ темную дверь амбара, изрѣдка переговариваясь съ подводчиками, и ставилъ кресты мѣломъ на стѣнѣ. Позвавъ гостей въ избу, Кириллъ кивнулъ головой одному изъ братьевъ, что молъ „считай“, и крикнулъ въ сѣняхъ молоденькой бабенкѣ, попавшейся имъ навстрѣчу, чтобы поставили самоваръ.

Павелъ Семеновичъ уже начиналъ отвыкать отъ тѣхъ тяжелыхъ отношеній, которыя его особенно стѣсняли всегда въ другихъ мѣстахъ, обжитыхъ барствомъ и военными постоями....

Сворловъ еще дорогой въ главныхъ чертахъ намѣтилъ Павлу Семеновичу условія продажи и, казалось, былъ доволенъ его изложеніемъ, потому что часто отымая отъ губъ дымящееся блюдечко, кивалъ головой и убѣдительно взглядывалъ на Кирилла. Тотъ молча и усердно пилъ чашку за чашкой и наливалъ другимъ, и когда дослушалъ до конца, къ удивленію Павла Семеновича, обернулъ къ нему свое здоровенное, обросшее, черное лицо и объявилъ, что цѣна очень не высока, условія ничего, и деньги пустыя, что Семеновскую онъ знаетъ, но покупать ее никогда не думалъ и съѣздитъ ее хорошенько посмотрѣть и „поспрошать“ сосѣдей. Затѣмъ они простились, ушли, и Кириллъ опять сталъ къ амбару.

На десять верстъ до первой деревеньки, Коневки, гдѣ можно было достать лошадей, Сворловъ хотѣлъ дать гнѣдаго, но раздумалъ и самъ заложилъ въ санки безобразнаго, со сбитымъ маклакомъ, кауренькаго меренка, который впрочемъ оказался очень бойкимъ бѣгункомъ съ перевальцемъ. Работничекъ Васька, садясь въ сани, хотѣлъ взять овса, но Сворловъ не далъ, сказавъ, что Тимошка долженъ покормить самъ: „будетъ, молъ, съ него, плута, что на пару ему прогоны доставили, полмѣры-то стоитъ....“ Егорка взялъ возжи: „только, тятя, до церкви“. Волчокъ съ лаемъ побѣжалъ по дорогѣ. Поклонившись заплаканной Аленѣ и старухѣ, со звономъ двухъ колокольчиковъ, Павелъ Семеновичъ тронулся.

[redacted]

— Тимошкѣ-то скажите, чтобы на монастырекъ ѣхалъ.... Больно тутъ за Коневкой дорога-то разбита, кричалъ вслѣдъ съ крыльца Сворловъ. Прощайте, дай Богъ пути, да не объѣзжайте мимо, смотрите!

— Какъ можно!

Кругомъ потянулись лѣса, нависшіе, дремучіе, въ тихомъ воздухѣ туманнаго и сѣраго зимняго дня. Заяцъ прыгалъ въ кусты, тяжело взлеталъ воронъ, громко каркая; встрѣчались скрипучіе русскіе обозы, и заслышавъ колокольчикъ, останавливались на перекресткахъ лѣсныхъ дорогъ, чтобы шире было разъѣзжаться. Васька покрикивалъ, какъ звѣрокъ, и посвистывалъ, и попѣвалъ, какъ лѣсная птица, прислушиваясь къ отголоскамъ, которые пробуждались въ разныхъ мѣстахъ тихо стоящаго, укутаннаго снѣгомъ, бора, отъ его криковъ.

— А, Вася! Не сбито лѣсомъ-то? спрашивалъ изъ саней маленькій мужичокъ, попавшійся навстрѣчу.

— Ничего! Ты, Максимушка, пропусти вотъ насъ....

— Трудно, Вася, трудно, у васъ животинка-то посытѣй....

— Какъ же въ снѣгъ-отъ лѣзти....

— Зачѣмъ? Другъ друга тяготы раздѣлимъ, наставительно отвѣчалъ мужичокъ:—ты маленько сверни и я сверну....

Они разъѣзжались....

За лѣсомъ начинались сплошныя болота, покрытыя мелкою порослью и кустомъ. Они замерзли, покрылись снѣжными сугробами и тянулись далеко, до чуть синѣющаго вдали лѣса, какъ великія, снѣжныя степи иныхъ русскихъ мѣстъ. По кустамъ тоже шли слѣды, частые, разнообразные и перекрещивавшіеся во всѣхъ направленіяхъ.

— Вонъ онъ какъ волкомъ прошелъ, сказалъ Васька, указывая Павлу Семеновичу на слѣдъ кнутомъ.

Тотъ началъ искать глазами, далеко ли шелъ слѣдъ и увидѣлъ, что онъ, ровно и прямо, вырѣзывался на бѣломъ снѣгу, тянулся далеко, далеко, пропадая въ кустахъ и туманѣ равнины....

— Велико болото.

— А вотъ тутъ версты на четыре дорога все болотомъ пойдетъ, во-онъ онъ гдѣ лѣсъ-отъ: тамъ у рѣчки и Коневка будетъ.

— Такъ зря домой и поѣдешь? Лошадь, чай, и дома нужна.

Вася засмѣялся.

— Пуститъ лошадь зря Никифоръ Саввичъ! сказалъ онъ какъ же! Надо ишь въ Коневкѣ съ цѣловальника водкой получить, да деньги съ мужичка.... Давеча съ Кириломъ деготь ставили....

— И отдадутъ тебѣ они, Вася?

— А то какъ же....

Въ Коневкѣ на заявленіе Васьки худой и рябой Тимошка хотя и покачалъ головой, но корму далъ и быстро, съ помощью сосѣда, заложилъ пару косматыхъ лошаденокъ, навыносъ. Васька при этомъ не помогалъ, а стоялъ, заложивъ руки въ карманы, и поглядывалъ.

— Дай Богъ пути! Ты на монастырь, Тимоѳей, сказывалъ.... чтобы....

— Хорошо! Поправь дугу-то, такъ! Сѣно-то примни сюда! садитесь, батюшко! Эхъ вы! Обижу-у!

Длинный кнутъ свистнулъ, колокольчикъ залился, и безподрѣзныя сани запрыгали по ухабамъ кривой улицы.

На второй же верстѣ отъ деревни сказалась быстрота Тимошкиной запряжки. На ухабѣ, уносная лошаденка дернула съ усердіемъ, уносы отвязались, и она почувствовала какую-то легкость. Вмѣсто того чтобы радоваться, она перепугалась сама, заскочила въ снѣгъ и потонувъ въ немъ по грудь всѣми четырьмя растопыренными ногами, покорно приняла незаслуженные побои....

— Эке чортъ какой! Куда лѣзешь? крикнулъ, ударивъ ее, Тимошка:—ишь дьявола закладываютъ.... тоже! бранилъ онъ кого-то, хотя самъ закладывалъ.

На слѣдующей верстѣ отвязалась оглобля. Тимоѳей, все браня кого-то, съ сердцемъ окликнулъ проѣзжавшаго мимо мужика.

— Что̀ чортъ ѣдешь! Видишь лопнуло, вотъ! Нѣ, чтобы помочь!

Мужикъ тотчасъ же остановилъ лошадь, слѣзъ и развелъ руками.

— Эѳхъ, брата̀нъ, кэкъ же! Это вѣдь не ладно! Куда ѣдете-то?

— На Крестцы. Не ладно, не ладно!? Держи чтоль! крикнулъ Тимоѳей.

Они оба стали у саней на колѣни, и сверхъ ожиданья

[redacted]

дружелюбно переговариваясь, устраивали что-то руками и даже зубами.

— Тпру! Черти! Ахъ ты, Господи! Опять все дѣло разошлось! Подержите, батюшко, уноску-то. Така-то язва! Тпру! Ну, давай, братъ, опять.

И они опять полѣзли подъ сани.

— Ты бы опояской.... Крѣпко бы стало!

— Опояски-то не взялъ, кто е зналъ!!

Мужикъ снялъ свою кожаную опояску, увязалъ оглоблю, и поклонившись, уѣхалъ.

— Спасибо, братъ! Помоги тебѣ, Господи! Ну вы, шальные!

За этими задержками и дорогой, короткій зимній день начиналъ темнѣть. Колокольчикъ какимъ-то тонкимъ, перерывистымъ, задорнымъ звукомъ заливался по лѣсу. Дорога терялась въ сумеркахъ и туманѣ. Деревья принимали какіе-то огромные, фантастическіе размѣры и очертанія. Точно темныя видѣнія, стояли они кругомъ. Но вотъ сквозь скрипъ саней и однообразный звукъ колокольчика прорвался какой-то знакомый, далекій, протяжный гулъ, еще и еще, уже явственнѣе, и вотъ призывно и торжественно, хотя еще и очень далеко, раздался медленный гулъ вечерняго лѣснаго благовѣста....

— Какъ далеко по лѣсу раздается! замѣтилъ, крестясь, Тимоѳей.—Это въ монастырькѣ. Притонскій монастырекъ, версты за три бываетъ звонъ слыхать. Игуменъ Корнелій теперь какой-то суровый.... Бѣда! На работу со всѣми ходитъ. Рубить или чтò.... Опять тоже въ хлѣбнѣ.... Монастырекъ бѣдный! Строгій монастырекъ!

VII.

То было темное, далекое время. Непроходимый лѣсъ шумѣлъ на просторѣ, царили кругомъ могучая тишь и безмолвіе, и рѣдки были за непроходными дорогами глухіе поселки первыхъ строителей лѣсной, сѣверной пустыни. Безмолвно стояли тихіе заводи неподвижныхъ озеръ, окруженныхъ вѣковыми, могучими деревами, и безмолвіе нарушалось только крикомъ птицы, да ревомъ, никогда не видавшаго человѣка, лѣснаго звѣря.

Среди этой лѣсной пустыни было „мѣсто малое, круглое, прекрасное, окруженное водами“, островъ, заросшій зеленою порослью, густымъ кустарникомъ и купами деревьевъ. Лѣсная птица кишитъ на островѣ, лѣтомъ, въ жары, въ травѣ звучатъ тысячи кузнечиковъ, болотныхъ насѣкомыхъ, и тучи мошекъ подымаются на зарѣ прозрачными, волнующимися столбами. Неподалеку жившій „земледѣлецъ Исаія“ (какъ называетъ его житіе) каждый разъ, проходя мимо, въ вечернее и утреннее время слышитъ доносящійся до него съ острова колокольный звонъ. Прислушавшись, ему кажется, что на островѣ, кромѣ того, раздается какъ бы пѣніе. И не ему одному слышатся эти голоса и звоны. На этомъ островѣ надлежало совершиться великому дѣлу....

Весь лѣсъ, къ которому принадлежитъ островъ, и понынѣ носитъ названіе Притона. Тутъ былъ притонъ шайки разбойниковъ, между которыми упоминается нѣкто бояринъ Ѳеодоръ. Видно не Исаію и не другихъ земледѣльцевъ, тутъ жившихъ, грабили разбойники. У тѣхъ едва ли было что-нибудь, чего нельзя бы было достать помимо ихъ въ лѣсномъ изобиліи....

Шестидесятилѣтній маститый старецъ, пришедшій изъ далекой стороны, началъ тутъ подвигъ своей, въ послѣдствіи прославленной, жизни. Въ такіе года, когда у другихъ воля слабѣетъ, жизнь уходитъ и гаснетъ, онъ, воспитанный тридцатилѣтнею трудною монастырскою жизнью, бодро подымаетъ такой крестъ, какой не снести современному, ничтожному, изжившемуся подобію человѣка. Въ глухой пустынѣ это новый духовный свѣтъ, новый сильный голосъ любви, смиренія и прощенія.

Поднятые и притянутые одною могучею силой такого духа, непризываемые, сами стекаются почти дикіе люди, жаждущіе чего-то больше только привольнаго житья и сытости. Топоры застучали на безлюдномъ островѣ, какъ бы чудомъ подвигаемые волей одного смиреннаго человѣка. Воздвигаются келліи. Деревянныя церковки начинаютъ выростать золочеными главками и помалу украшаться усердіемъ приходящихъ, и уже стоятъ на островѣ „какъ нѣкія очи, взирая повсюду“. Распространилась молва о чудесномъ построеніи изъничего. Разбойники не вѣрятъ этому и хотятъ отнять у святаго старика деньги, которыя, какъ они думаютъ, принесъ

онъ съ собой изъ далекой стороны. Ночью они окружаютъ островъ.

Преданіе говоритъ далѣе, что увидавъ только въ оконце молящагося старца, разбойникъ Θеодоръ вошелъ въ келлію, палъ къ ногамъ его, и горько скорбя, раскаялся въ своемъ злодѣйскомъ умыслѣ. Утѣшая его (писано въ житіи) святый сказалъ ему: „вѣрь мнѣ, сынъ мой Θеодоръ, ничего я не имѣю, кромѣ этой ризы, которую на мнѣ видишь, да мало книжицъ!" Θеодоръ совсѣмъ остался въ монастырѣ. Слава святаго имени пронеслась всюду, какъ и была того достойна. Въ смиреніи, молитвѣ и трудѣ проводилъ онъ дни свои. Они рубили лѣсъ, расчищали мѣста, выжигали для пашни. И однажды (говоритъ преданіе) воздвигся вѣтеръ, и пламя и дымъ окружили святаго. Онъ палъ на колѣни, готовясь къ смерти, но пламя раздѣлилось, и онъ вышелъ невредимъ изъ пожара.

Уставъ въ монастырѣ былъ суровый и строгій, и самъ основатель подавалъ примѣръ непоколебимой твердости и великаго смиренія. Все было монастырское, на себя никто ничего не дѣлалъ въ этой сильной общинѣ иноковъ въ овечьихъ тулупахъ. Одежда и пища были скудны до крайности, и самъ святой носилъ ризу „раздранную и многошвенную."

Великіе князья земли русской писали къ нему и получали его посланія. „Якоже бо о кораблехъ есть, еже гребецъ соблазнится—малъ вредъ творитъ, пишетъ онъ къ князю, егда же кормчій—то всему кораблю сотворяетъ пагубу. Такоже, господине, и о князехъ. Храни, храни себя, въ добрыхъ дѣлахъ! Ненавиди, господине, всякую власть влекущую тебя на грѣхъ! Малъ убо и кратокъ, и смертенъ!"

„Властелинъ еси отъ Бога поставленъ, гремитъ онъ далѣе торжественно, судъ бы, господине, судили праведно, судьи бы, господине, посуловъ не имали, проклятъ всякъ неправо судяй! А крестьяномъ, господине, не лѣнися управы давати самъ, повыше тебѣ, господине, вмѣнится и молитвы и поста!" И когда звенигородскій князь хотѣлъ посѣтить его, онъ трогательно уговариваетъ его этого не дѣлать. „Вотчины твоея въ сей странѣ нѣтъ, и только ты, господине, поѣдешь.... вси начнутъ глаголати: „меня ради только пріѣхалъ!" Молю тебя Господа ради не учини того!" И горѣла надъ сѣверною страной великая жизнь какъ великое сѣверное сіяніе....

Многіе другіе, также оставляя шумъ и пустую суету міра, удаляются въ безмолвіе этой пустыни и строятъ, съ помощью пришлыхъ людей, церкви и келліи. Могучая сила духа, презирающаго мірскія наслажденія и ничтожныя блага земныя, неотразимо притягиваетъ простыя, русскія сердца поселенцевъ дремучаго лѣса. Около монастырей являются поселки, землянки и избы. Въ монастыряхъ есть больницы и странно-пріимницы. Кто идетъ за благословеньемъ, кто за спором, кто за совѣтомъ. Толпы странниковъ одѣляются, и благословляя, разносятъ имена обителей. Въ нихъ житіе честное и суровое. Основатель обители даетъ строгій уставъ и самъ добровольно устраняетъ себя отъ всего, земно кланяется братіи, со слезами прощается и уходитъ далеко въ пустыню уже на вѣчное безмолвіе. Монастыри же укрѣпляются князьями и въ то грозное время являются какъ бы воины-охранители родной земли, во всеоружіи высоты духовной и внѣшней крѣпости и силы.

Такъ, говоритъ преданіе, строилась земля, прославляя имя Господа.

Ночь совсѣмъ была въ лѣсу, когда, взволнованный этими думами, онъ близко услыхалъ опять протяжный звонъ колокола на противоположномъ берегу замерзшаго озера, чрезъ которое лежала зимняя дорога. Высокія, каменныя стѣны пустыннаго монастыря, его четвероугольныя башенки и главы церквей неясными видѣніями поднялись на сѣроватомъ, ночномъ зимнемъ небѣ, мѣшаясь съ высокими нависшими сводами и черными вершинами деревьевъ, и все это ночью казалось такъ высоко, величаво и уходило въ далекое, темное и туманное небо. Въ маленькихъ, неправильно по стѣнѣ разбросанныхъ окошечкахъ, кое-гдѣ свѣтились огоньки. Огонькомъ своей лампады свѣтился и большой старинный образъ надъ тяжелыми, массивными, старинными воротами съ засовами, запорами и открытой калиточкой.

— Постой-ка, братъ Тимофей, пойдемъ, постоимъ въ церкви....

— Сейчасъ, батюшко, привяжу вотъ коней только... Тпру! Но!

У воротъ послушникъ зазвонилъ колокольчикомъ и въ темнотѣ низко поклонился входящимъ. Особенно странно все это было въ такомъ глухомъ, лѣсномъ монастырѣ. Тимоѳей долго возился и доставалъ что-то изъ-за пазухи. Онъ

[redacted]

вытащилъ большой кожаный кошель и положилъ въ кружку, тяжело упавшую и загремѣвшую, мѣдную монету.

Въ монастырѣ было пусто и тихо. По деревяннымъ мосткамъ пошли они въ церковь. Келлійки, строенія и насаженные правильными группами кусты и невысокія деревья въ темнотѣ тянулись по обѣ стороны. Рѣдкіе огоньки свѣтились въ окошечкахъ. Кромѣ ихъ шаговъ, слышались по мерзлымъ доскамъ мостковъ еще одинокіе шаги, и черная тѣнь мелькнула вдали, поднявшись по чернымъ ступенькамъ. Раскрылась дверь, мелькнули огоньки въ ней, и опять закрылась. Церковь ночью темно и высоко подымалась къ темному небу. Они потянули, заскрипѣвшую на блокахъ, тяжелую, войлокомъ обитую дверь и вступили въ сырой, таинственный, пахнущій воскомъ и ладономъ полумракъ церкви.

Въ этомъ темномъ полумракѣ, едва озаренные нѣсколькими свѣчками, прежде всего изъ слабо-мерцающихъ золоченыхъ рамъ иконостаса, выступали величаво-строгіе лики святыхъ, видимо очень древняго письма. Справа въ облакахъ кадильнаго дыма, въ тѣни сумрачныхъ сводовъ, слабо освѣщенные тонкими, скудными свѣчками желтаго воску, стояли крестящіеся и безмолвные ряды монаховъ. Среди церкви были только двѣ старухи да мужикъ, вѣроятно сосѣдняго лѣснаго поселка. Никто не оборотился на входящихъ. Всѣ тихо крестились, слушая негромкое пѣніе и службу. Священно-служители въ своихъ длинныхъ, скудныхъ ризахъ не слышно, какъ тѣни, двигались по коврикамъ половъ. И недвижно, и прямо глядя впередъ строгими глазами, и поднявъ худое умное лицо съ длинною бѣлою бородой, широко и истово крестясь, стояла на возвышеніи, какъ изваяніе, высокая, черная фигура настоятеля.

Въ этомъ темномъ углу, гдѣ сталъ Павелъ Семеновичъ, въ тѣни свода, который точно пріютилъ его въ своей древней, уютной сѣни, сердце его забилось какъ-то ровнѣе и спокойнѣе. Темный ликъ святаго глядѣлъ изъ рамы такимъ, казалось, кроткимъ, испытующимъ взоромъ, и поднявъ худую, благословляющую руку, какъ бы осѣнялъ его крестомъ. И кто бы ни сталъ въ укромной тѣни этого уголка, онъ на всякаго глядѣлъ тѣмъ же кроткимъ, спокойнымъ взоромъ, благословлялъ всякаго, какъ благословляетъ церковь, которая прин... каждаго приходящаго къ ней со своимъ горемъ,

озаряя его свѣтомъ своей любви, словно великое солнце міра, для котораго равны добрые и злые, праведные и неправедные.

Оскорбленное, сокрушенное и болящее сердце тѣмъ сильнѣе страдаетъ и тѣмъ больнѣе горятъ его раны, чѣмъ больше мира и спокойствія, чѣмъ больше тепла и уюта въ той жизни, въ которую оно погружается. Кругомъ все дышало такимъ молитвеннымъ, отрѣшеннымъ настроеніемъ. За тысячи верстъ была та измучившая его жизнь, и никто не знаетъ, что вотъ именно въ этотъ ночной часъ онъ стоитъ здѣсь, окруженный этимъ таинственнымъ, молитвеннымъ шелестомъ и шорохомъ. Все это жадное исканіе жизни отсюда представляется такимъ пустымъ и мелкимъ. Вотъ прожито много, и ощущеній пережитыхъ въ одинъ годъ хватило бы на цѣлую жизнь иного человѣка. Тутъ были всѣ условія, которыхъ иной жаждетъ, тоскуя что ихъ нѣтъ, что жизнь бѣдна. И вотъ это богатство ощущеній, стоило ли оно, чтобъ изъ-за него бороться, терзать сердце, убивать силы завѣдомо и сознательно? И богатство ли это? Вотъ и не его жизнь, вотъ жизнь того, другаго, третьяго—онѣ ли тѣ жизни, къ которымъ *стóитъ* стремиться? О нѣтъ, никакъ не онѣ! И въ этомъ обществѣ.... А женщины! А она! О Богъ съ нимъ, Богъ съ ними! Никого, никого кругомъ! И когда нѣтъ нигдѣ ни одного сердца, ни одного угла на великой землѣ, куда, куда идти? Какимъ надо быть счастливымъ и окруженнымъ или какимъ безсердечнымъ и сухимъ человѣкомъ, у котораго жизни нечего отнимать, чтобъ израненное сердце вдругъ не захотѣло иной подпоры, иного мира и успокоенія, котораго не можетъ дать бѣдная жизнь человѣческая!...

— Вотъ этакъ-то ночью или когда, все это у нихъ по положенію. служба идетъ, началъ Тимоѳей, когда сани опять покатились по темной дорогѣ, и колокольчикъ опять загремѣлъ по лѣсу, — строгой монастырекъ-это нечего! Лѣтомъ этто начнутъ лѣсъ либо рубить, а то вотъ еще гати здѣсь дѣлаютъ... Дрова колотятъ, и игуменъ всегда со всѣми.... А то вотъ рыбу ловятъ. Оно озерко-то тутъ рыбное.... Баранами-то по веснѣ подкатитъ подъ самыя стѣнки, они, братія-то, изъ окошечка другіе удятъ—сидятъ....

— Велико озеро?

— Нѣ, невеличко. Глыбоко только. А то вотъ лѣтомъ пойдетъ это, пойдетъ волна, отъ родниковъ что ль, все кипитъ, вотъ какъ въ котлѣ ровно.... Бараны называются, бѣлая такая волна ходитъ—пѣнитъ значитъ. Болтаютъ у насъ, что, говорятъ, когда покойникъ въ емъ есть, такъ кипитъ оно поколь не выкинетъ на бережекъ-отъ. Тутъ вотъ бурлаки, бываетъ по осени, который утопнетъ....

— Вотъ этто горка теперь мы ѣдемъ, а там повыше на ей камень, на камень-отъ, сказываютъ, святой какъ взошелъ, воззрилъ кругомъ, увидалъ этотъ островокъ-отъ—лѣтомъ красота на емъ, поймы—заплакалъ, помолился, да на этомъ островку келійку и срылъ. Съ этого камню далеко кругомъ видать въ лѣсу-то. Писано на емъ что-то. У насъ въ Коневкѣ старикъ сказывалъ, баринъ какой-то проѣзжалъ къ этому камню, года съ три никакъ что ли, пописалъ въ книжку да и говоритъ старику: спой, говоритъ, мужичокъ, пѣсню. Спой, говоритъ, а я попишу. Старикъ, извѣстно, сумнѣвается будто: пошто ему пѣть? Что̀ на святъ-мѣстѣ за пѣсни? Плюнулъ-это, перекрестился....

— Ну, и что̀ же?

— Ну, и ничего-это.... Перекрестился-это, и ничего.... Поѣхали назадъ.... Э! вонъ оно! Ужь свѣтаетъ! Господи благослови.

Сквозь деревья темнаго лѣса закраснѣлась прозрачно-яркая, холодно-ясная полоса зимней, утренней зорьки.

VIII.

Такъ же какъ прежде стоялъ хмурый, дремучій лѣсъ и знакомымъ звукомъ гремѣлъ поддужный колокольчикъ, и тотъ же Тимоѳей на своихъ косматыхъ лошадкахъ, морознымъ и сумрачнымъ зимнемъ вечеромъ, везъ Павла Семеновича обратно изъ Крестцовъ въ выселки. Двухмѣсячное житье въ Крестцахъ и занятія разными представившимися дрязгами не только не развлекли его и не успокоили, а напротивъ еще больше, если можно, разстроили. Его смущала ужасно, вопервыхъ, какъ онъ себѣ говорилъ, его неспособность заниматься дѣлами, которую онъ очень преувеличивалъ. Кажется, вполнѣ понимая о чемъ говорилось, онъ, по незнанію дѣла, а главное, конечно, по невниманію, дѣлалъ самыя явныя и для него ошибки. Онъ думалъ о томъ, что, вопервыхъ, съ

такимъ отсутствіемъ интереса и въ такомъ убитомъ состояніи нельзя ничѣмъ заниматься, и вовторыхъ, что человѣкъ, который совѣстится, ставитъ себя на чужое мѣсто, развлекается подробностями, нравственною борьбой и пр., никогда не можетъ быть дѣловымъ человѣкомъ въ настоящемъ значеніи слова.

Устроиться здѣсь, войдти въ общую колею, не боги же горшки обжигаютъ! Все служитъ или „занято". Что это за занятія! Теперь въ обществѣ и пророка спросили бы, гдѣ онъ служитъ или намѣренъ служить. Остаться здѣсь, совсѣмъ.... Дремучіе лѣса, крестьянская губернія, первобытные люди.... Хижина на берегу озера — смѣшно! Впрочемъ, если умереть для всѣхъ, кому же собственно смѣшно будетъ, и не все ли тогда равно? А если вдругъ среди этой дремучей жизни, страшною тоской и жаркою жаждой иного забьется сердце, и въ темную, безрадостную ночь, подъ шумъ вѣковаго лѣса, закипитъ молодая кровь и проснется глубокая жалость по тому, что пропущено, по тѣмъ солнечнымъ днямъ, которые просидѣлъ холодно и одиноко въ лѣсной пустынѣ.... Лѣсъ, лѣсъ.... снѣгъ и лѣсъ.... пустыня.... безлюдье.... молчаніе.... Сердце станетъ точно кладбище, въ которомъ будутъ одно за другимъ хорониться прожнія чувства и интересы, день за день въ молчаніи.... Изрѣдка заѣзжій по дѣлу мужикъ или пьяный, да игра въ карты съ священникомъ и волостнымъ писаремъ. Изрѣдка исправникъ или судебный слѣдователь,—это уже пріятныя явленія будутъ! И какой опошленный, мерзкій видъ приметъ съ ними эта тихая пустыня! И намъ ли отшельничать, нашему ли современному, испорченному, изстрадавшемуся сердцу, пустому и невѣрующему? Ахъ, какъ это страшно! Нѣтъ, не пропускайте ни одного яркаго луча, ни одного радостнаго удара сердца, ни одного счастливаго часа этой короткой и грустной жизни, вѣдь они никогда не воротятся! А что, если счастья этого нѣтъ? Совсѣмъ нѣтъ?

— Лѣсъ, лѣсъ и лѣсъ, повторялъ онъ тихонько,—хмурый, сумрачный, сѣверный лѣсъ. Море лѣсовъ и болотъ.... Будутъ идти дни одинъ за другимъ.... Сбудется страшное пророчество:

Вдали отъ солнца и отъ свѣта....

Жестокія слова, холодныя, какъ осеннія, тяжелыя, дождевыя капли, падаютъ сами, неумолимо-послѣдовательно и размѣренно. И есть въ нихъ что-то страстно-тоскливое....

И жизнь твоя пройдетъ незримо
Въ краю безлюдномъ, безымянномъ,
На незамѣченной землѣ, —
Такъ исчезаетъ облакъ дыма
На небѣ тусклом и туманномъ,
Въ осенней, безразсвѣтной мглѣ....

Исчезаетъ.... облако дыма.... для всѣхъ и.... для себя тоже.... для себя тоже.... исчезаетъ.... И не пойдутъ даже за чернымъ гробомъ, по мокрымъ камнямъ мостовыхъ, въ туманный, дождливый день два-три пріятеля. Пріятели какіе-нибудь, бородатые и волосатые, съ поднятыми отъ дождя воротниками пальто, грустные и грустящіе,—не обо мнѣ, а о своей, тоже не веселой, сѣрой жизни. Они зайдутъ въ пустую, сырую петербургскую церковь, скучающіе и невѣрующіе, холодно поглядятъ кругомъ, одинъ даже помотаетъ рукой надъ грудью, другой обо мнѣ смѣшной анекдотъ вспомнитъ, но не разкажетъ—изъ приличія. Потомъ.... потомъ они пойдутъ въ трактиръ,—и не плакать же имъ обо мнѣ подъ вой органа?!

А тутъ, тутъ сколотятъ сосновый гробъ. Покрывать его нечѣмъ, пойдутъ за гробомъ бородатые, русскіе могучіе богатыри.... Пѣніе будетъ громко раздаваться въ церковкѣ, подъ ея брусяными сводами и подъ могучими сводами могучаго лѣса. Широко будутъ класть кресты сильныя руки, искренна и тепла будетъ простая молитва, — не обо мнѣ, а о своихъ крестьянскихъ тяготахъ и великихъ нуждахъ. Они скажутъ просто: „Умирать надо.... воля Божья.... всѣ помремъ....“ и мирно разбредутся по своимъ избамъ и по своимъ работамъ....

Такъ и исчезнетъ не согрѣтая, одинокая, но когда-то кипѣвшая силой, молодая жизнь....

Темнѣло. Колокольчикъ заливался. Сани обогнали въ темнотѣ идущаго по дорогѣ мужика.

— Тимоѳеюшко! Никакъ онъ? послышался голосъ.

— Я, я! Здорово ходишь?

— Лошадокъ-отъ призналъ. Ты куда?

— Въ выселки съ господиномъ вотъ!

— Чтò, батюшка, заговорилъ мужикъ, приподымая шапку, — не подвезете ли въ выселочки?

— А садись.

— Ну, дай Богъ здоровья.

Мужикъ сѣлъ на уголъ чемодана и на привязанный валекъ, совершенно невозможнымъ образомъ, ни за чтò не хотѣлъ лѣзть въ сани и проѣхалъ такъ всю дорогу переговариваясь о разныхъ дѣлахъ съ Тимоѳеемъ. Павелъ Семеновичъ спросилъ не выселковскій ли онъ и не знаетъ ли, что дома Своpловъ или нѣтъ?

— Я-то? Я выселковскій.... А вы къ Никифору Саввичу что ли будете?

— Къ нему. А чтò?

— Такъ.... Онъ.... Никифоръ-отъ Саввичъ.... загулялъ....

— Какъ такъ? Развѣ онъ гуляетъ?

— И-и.... страсть! Дѣвка-то вторую ночь у Князьковскихъ ночуетъ. Така-то гульба идетъ! Кажный разъ такъ, всѣ изъ дому уйдутъ. Парамонычъ Семеновскій съ имъ, еще дьячокъ вотъ, да Кирилка съ братомъ—бѣда!

—Вотъ тебѣ и разъ! А я было къ нему!

—Да чтò же, батюшка! У его горница есть, они въ избѣ курятъ, а вы въ горницѣ заночуете. Они съ Кирилкой дѣла хороши надѣлали, вотъ могарычи и распиваютъ. Контору что ли каку-то въ Ярославлѣ дядя Кирилкинъ завелъ, не знаю какъ тамъ у нихъ. Онъ, Никифоръ-отъ, скоро въ Ярославль идетъ. Цѣлый мѣсяцъ, сказывалъ, проживетъ.

„Часъ отъ часу не легче,“ подумалъ Павелъ Семеновичъ, „съ кѣмъ теперь?“

— Вы, сказываютъ, Кирилкѣ Семеновскую продали? За-дорого?

Тотъ сказалъ.

— Ахъ ты Господи! Вотъ жила-то! Ну-у жи-ила! Они пополамъ съ Никифоромъ-то купили....· Ахъ жила! Всякаго обойдетъ. Ахъ ты, Господи! Зналъ бы купилъ! Право! Больше бы, куда больше бы далъ!

Павлу Семеновичу было непріятно не столько то, что онъ продешевилъ, сколько то, что Своpловъ скрылъ отъ него свое участіе въ покупкѣ.

Но въ темнотѣ раздался протестующій голосъ Тимоѳея.

— Чтò, Максимушко! Больше за Семеновскую нешто можно дать? Покупай, купчей, чай, еще не дѣлано....

— Мнѣ пошто же покупать. А онъ, Никифоръ-отъ, и тебя тоже какъ обвелъ, лѣтось пилилъ ты у него....

— Меня-то онъ обвелъ, а за Семеновскую все-жъ больше дать нельзя. Какія тамъ пожни? Къ Поневкѣ только. А тутъ дровяникъ.... опять болото....

— Болото, это точно.... Я такъ, ровно, молъ, дешево....

— Эге, вонъ они и выселочки.... огонечки, рано еще!

— Прощай, Тимоша, спасибо! Прощайте, батюшка, дай Богъ здоровья. Мнѣ тутъ вылѣзать!...

Въ темныхъ выселкахъ Павелъ Семеновичъ увидалъ двое широкихъ саней, привороченныхъ къ избѣ Сворлова, и привязанныхъ двухъ большихъ лошадей. Окна „горницы" были темны. Въ окошечкахъ же избы ярко горѣлъ огонь, и еще съ улицы слышался гулъ пѣсень, какихъ-то вскрикиваній и громкаго говору. Пріотворивъ дверь изъ темныхъ сѣней, Павелъ Семеновичъ не вдругъ обглядѣлся въ этомъ облакѣ чаду отъ ярко пылавшей въ свѣтцѣ лучины, двухъ сальныхъ свѣчей и пару отъ двухъ большихъ самоваровъ, кипѣвшихъ на двухъ столахъ. Кругомъ самоваровъ стояли зеленые стаканы, штофы и на полу бутыль. На деревянныхъ тарелкахъ было что-то наложено, чего сразу нельзя было разсмотрѣть. Въ облакахъ чаду и пару виднѣлось нѣсколько бородатыхъ, стоящихъ и сидящихъ, людей; странно-красиво и грубо-весело раздавались хриплые, мужественные голоса; — голоса эти все ускоряли темпъ; имъ это, казалось, было трудно, и все это вмѣстѣ производило странное и сильное впечатлѣніе какой-то тяжеловѣсной массы....

Хмѣль мой хмѣль, веселая голова,
Веселая голова, широкая борода!
Отчего же ты мой хмѣль заражадешься!

И потомъ все быстрѣе и веселѣе....

И! за хмѣлемъ кто поводится, тотъ будетъ человѣкъ,
Поводился за хмѣлинушкой дѣтинушка,
Не осталось у дѣтинки ни уса ль, ни бороды,
Ни уса ль, ни бороды, да ни ума, ни головы!

Трудно передать то бѣшеное веселье, съ которымъ пѣлъ высокій и громкій голосъ, подошедшаго почти къ самымъ дверямъ, небольшаго, русаго, молодаго мужика съ рѣдкою бородой, дернувшаго по всѣмъ струнамъ балалайки. Въ углу

сидѣла большая, занимавшая, казалось, много мѣста и нескладная фигура глядящаго въ землю рыжаго бородача. Павелъ Семеновичъ рѣшилъ, что это долженъ быть медвѣжій охотникъ Парамонычъ. Рядомъ сидѣлъ уже знакомый ему Кирилла, но съ такими горящими глазами и оживленнымъ, краснымъ лицомъ, что его узнать было нельзя. Въ длинномъ одѣяніи и съ длинными заплетенными волосами стояла, подпѣвая и притопывая, какая-то подвижная, тонкая фигура. Кто-то ударилъ по столу и запѣлъ, кто-то громко свистнулъ, кто-то дернулъ струны балалайки, и пѣсня вдругъ перелилась въ другую, болѣе медленную. То былъ какой-то, будто послѣдній, дикій взрывъ разгула, разгула силы, которая не знаетъ куда дѣвать себя. На середину избы вышелъ Сворловъ, налилъ себѣ, выпилъ и вдругъ какимъ-то, неожиданнымъ и для себя, мастерскимъ вскрикомъ подхватилъ пѣсню....

Вы раздайтесь, расшатнитесь, добры люди,
Дайте мнѣ вы разгуляться!...

Павелъ Семеновичъ хотѣлъ уже выйдти и потянулъ дверь, когда молодой мужикъ его замѣтилъ, и продолжая играть на балалайкѣ и пѣть, посторонился и пропустилъ его въ избу. Сворловъ обернулся и вглядѣлся.

— А! Гость дорогой! Вотъ онъ, милости просимъ, бесѣды не рушать....

Онъ постоялъ, поглядѣлъ на Павла Семеновича помутившимися глазами и вдругъ выпрямился.

— А что̀ надо сдѣлать? спросилъ онъ: — чтобы по-христіански, по-Божьему? Что̀ надо?

Пѣсня пріостановилась, слышался смутный говоръ и треньканье струнъ....

— Вотъ что̀ надо, отвѣтилъ онъ самъ, трижды цѣлуясь съ гостемъ,—вотъ что̀ надо! А теперь: гость на бесѣду—счастье въ домъ, гостю хорошему—мѣсто почетное! А нутка, не брезгайте, садитесь, хозяина не судите....

IX.

Гость Сворлова сквозь сонъ услыхалъ, что хозяинъ его давно уже всталъ и ходитъ, и хлопочетъ. Ночью только проводивъ гостей, Никифоръ уже рано утромъ долженъ былъ собираться въ дорогу съ Кириллой. Онъ былъ озабоченъ и

не очень разговорчивъ. Васька внесъ кипящій самоваръ. Утро, снѣжное и сѣрое, глядѣло въ окна.

— Вставайте-ко, давайте чай пить, заговорилъ хозяинъ,— до городу вмѣстѣ доѣдемъ. А мнѣ еще надо съ вами покончить. Что̀ въ Крестцахъ?

Они сѣли за чай. Никифоръ Саввичъ досталъ съ подъобразной полочки тяжелые счеты и, слушая Павла Семеновича, щелкалъ костями и дѣлалъ разчетъ.

— Постойте: это вы напрасно.... Михалковскую нельзя, тутъ церковное.... Церковное дѣло святое, право, это вы оставьте. Ей Богу, что такое? А потомъ что же?

Тотъ продолжалъ разказывать.

— Такъ-съ. Значитъ перевести долгъ, три купчія, потомъ еще спорное.... Ну, Павелъ Семеновичъ, вамъ по этимъ дѣламъ придется въ городкѣ въ нашемъ пожить. Скоро дѣло не дѣлается. У насъ, знаете, дѣло не дѣломъ стоитъ, а жданьемъ. Справки пойдутъ. Вамъ бы съ городскими-то обзнакомиться. Съ землемѣромъ вотъ, съ судьей....

Онъ какъ будто думалъ о другомъ, но продолжалъ говорить.

— Съ Кирилкой купчую въ городѣ.... Да вы остаетесь тутъ у насъ что ли?

— Кажется.

— Ну, такъ вотъ что̀.... Вамъ вѣдь надо все.... Опять, вы какъ будете? Не въ трактирѣ же жить. Этаку страсть платить, за что̀?

— Гдѣ же?

— А вотъ я васъ устрою. У меня тамъ сродственница есть въ городѣ, старуха. У нея, въ домишкѣ квартирка отдается вверху. Отличная и возьметъ дешево....

Павелъ Семеновичъ поблагодарилъ, и ему вдругъ представилась перспектива житья въ лѣсномъ, маленькомъ городишкѣ. Эти сонные, долгіе, долгіе дни. И онъ все-таки одинъ. Дѣла тянутся. Поспѣемъ, завтра пошлемъ, куда торопиться. Буду, думалъ онъ, работать. Надо бы лошадь, что ли, завести.

— Знаете что̀, сказалъ онъ вслухъ,—продайте мнѣ гнѣдова.

— Гнѣдова? Оно бы пущай, ничего. Ѣду я надолго, съ васъ бы взялъ недорого. Испортится онъ здѣсь, а я за дѣломъ ѣду.... Конь балуется, дѣло дѣлается.... Инъ быть по-вашему, коли хотите.

— Пожалуста, очень хочу.

— Ну, и хорошо. Вотъ онъ колоколами-то перезваниваетъ. Пріѣхалъ и Кирила. Ну, давайте собираться, да и съ Богомъ! И коня изъ полы въ полу....

По всему лѣсу надъ высокими деревьями, по просѣкѣ на дорогу со всѣхъ сторонъ шелъ густой снѣгъ, волнующійся отъ вѣтру, который часто врывался, шумя, въ дремучую чащу. Весь потемнѣвшій, зимній воздухъ кругомъ волновался какъ бы какими-то туманно-прозрачными, бѣлыми видѣніями. И такъ высоко, какъ только могъ проникнуть глазъ въ сѣрое и туманное небо, виднѣлись однѣ только волнующіяся сѣроватыя точки и хлопья снѣгу.

Въ этомъ снѣжномъ пространствѣ, по глубокимъ и мягкимъ нанесеннымъ сугробамъ лѣсной дороги, трудно подвигала сани пара на выносъ, глухо гремя колоколомъ и бубенцами. Впереди, насторожився уши, вытянувъ шею и бодро вынося на сугробахъ, шелъ сытый, сѣрый меринъ Кирилы, отфыркиваясь и мотая головой отъ снѣгу. Гнѣдой Сворлова, уже принадлежавшій Павлу Семеновичу, рѣзво и бойко, поднявъ голову, выносилъ на крѣпкихъ плечахъ всю тяжесть саней. Всѣ трое сѣдоковъ молчали, кутаясь и закрываясь отъ снѣгу большими цыновками. Кирилъ правилъ лошадьми, свисталъ и кричалъ на сѣраго и рѣзко клалъ полосы по бѣлому снѣгу, щелкая своимъ длиннымъ кнутомъ. Полосы эти и слѣды сейчасъ же заносило. Что-то душное и мрачное гнело въ этомъ огромномъ лѣсу, въ этомъ волнующемся снѣгомъ воздухѣ. Долго пробирались они, изрѣдка переговариваясь, пока не выѣхали изъ лѣсу и сквозь густую снѣжную завѣсу болотной равнины не увидали вдали темныя пятна домиковъ и высокія, какъ неясные призраки, поднимавшіяся къ туманному небу, колокольни и главы городскихъ церковокъ.

Сворловъ уѣхалъ далеко и надолго, предварительно устроивъ своего новаго пріятеля въ городкѣ. Павелъ Семеновичъ поселился въ двухъ свѣтлыхъ, высокихъ и чистыхъ комнаткахъ. Въ окошки виденъ былъ весь пустынный переулокъ, упирающійся прямо въ лѣсъ.

— Старуха хорошая, настоящая, говорилъ Сворловъ,—вы у нея вотъ какъ заживете. Она мнѣ сестра двоюродная. Послѣ

покойника-то, чиновникъ онъ тутъ былъ, они тутъ словно какъ господа живутъ. Домишко имъ оставилъ, лѣсъ-то, благо, дешевъ. Пенсійку получаютъ, такъ вотъ вдвоемъ съ дочкой и существуютъ....

„Вотъ такъ и начну привыкать, думалъ онъ, это такъ только сначала кажется а тамъ и станетъ все легче и легче. „Лучшіе годы“ будутъ уходить.... Да почему же они лучшіе? Лучшіе, еслибъ они несли съ собой какую-нибудь полную жизнь, доблестное, стóящее дѣло, еслибы хоть обмануть себя, что дѣлаешь дѣло, какъ многіе поступаютъ. А то всѣ вѣдь отговариваются: служу, какъ же быть, семья! Это общество, въ которомъ каждый не уважаетъ или старается показать, что не уважаетъ работу другаго. Ну и пусть ихъ бранятся, хлопочутъ изъ чего-то, толкутся.... Много ли осталось? „День пережить, и слава Богу!“ Постыдная бездѣятельность! А попробуй изъ нея выйдти.... Нѣтъ, пусть ужь лучше вездѣ забываютъ.... Какъ это у Гете въ *Вильгельмѣ Мейстерѣ*?...

„Wer sich der Einsamkeit ergiebt.
Ach! der ist bald allein!
Ein jeder lebt, ein jeder liebt,
Und lässt ihn seiner Pein!“

И его забывали. Прислали деньги за картину, пришли еще два, три письма и перестали приходить совсѣмъ. Онъ началъ успокоиваться и устраиваться.

Въ одну комнату, повыше и посвѣтлѣе, онъ рѣшилъ не впускать никого. Въ ней онъ занавѣсилъ снизу окошко, разставилъ мольбертъ, рамки съ холстами, разложилъ книги. Тутъ онъ читалъ и работалъ.

Рано утромъ ходилъ онъ въ конюшенку, устроенную изъ дровянаго сарайчика, къ гнѣдому, который началъ его узнавать и ржалъ тихонько, завидя его. Онъ его самъ чистилъ, задавалъ корму и шелъ домой, бодрый отъ работы и ранняго утренняго мороза. Хозяйская работница-баба вносила клокочущій самоваръ....

Часто закладывалъ онъ маленькія санки. Гнѣдой рвался со стойки и весело и шибко несся по гладкой лѣсной дорогѣ.

Въ шибкой, зимней ѣздѣ, лунною ночью или мрачно-туманнымъ днемъ, было что-то захватывающее и уносящее. Одинъ, одинъ несешься по снѣжной, далекой равнинѣ, или мелькаютъ мимо высокія, толпящіяся, вѣковыя деревья.... Вотъ конь поднялъ уши и весь насторожился, чутко и рѣдко вздрагивая, готовый кинуться.... Не чуетъ ли онъ ночнаго волка? Не видитъ ли чего въ лѣсныхъ, лунныхъ свѣто-тѣняхъ?... Опять пошелъ спокойнѣе.... Тихо стоитъ лѣсъ, и звѣрь уходитъ въ дремучую чащу....

Прозвенитъ по лѣсу колокольчикъ акцизнаго или исправника. Уѣздные глаза съ жаднымъ любопытствомъ оглядятъ все, и санки, и упряжь, и незнакомое лицо и—мимо! Идетъ изъ суда чиновникъ или бородатый ссыльный къ товарищу по изгнанію, Полячку, и—мимо! Отлично! И жалко, право жалко начинать дѣла, идти въ судъ или знакомиться.

„Я еще боленъ, собственно говоря, думалъ онъ, мнѣ еще, какъ говорятъ доктора „выходить не слѣдуетъ“, право! Богъ съ ними со всѣми!“

Разъ старуха хозяйка попросила его къ себѣ чай пить: „Дочка ушла въ гости, одна я, посидите, батюшка, со старухой.“ Она вязала и глядѣла на него изъ-за самовара ласково и старчески-добродушно въ большія, старинныя очки. То была высокая, крѣпкая старуха, и что-то Своирловское свѣтилось иногда въ ея потухающихъ глазахъ....

Они проговорили цѣлый вечеръ, старуха безпокоилась, что дочь долго нейдетъ, и приглашала заходить когда. Она ему очень понравилась.

„Вотъ такъ и начну привыкать, думалъ онъ, это только сначала такъ все кажется.... Такъ вотъ притаиться, да притаившись и дожить.... Такъ ли, нѣтъ ли, одинъ конецъ!...“

X.

Долго нельзя нигдѣ, а тѣмъ болѣе въ уѣздномъ городѣ, прожить такимъ образомъ. Началось съ того, что какой-то, не то мужикъ, не то мѣщанинъ, въ штатскомъ сюртукѣ, съ рѣдкою, щипаною бородкой, маленькій и худой, вошелъ разъ утромъ и поклонился. Потомъ протянулъ руку Павлу Семеновичу и сѣлъ самъ.

— Будьте знакомы-съ. Собственно какъ слыхалъ я, что вы здѣшній господинъ, то пришелъ поговорить объ одномъ дѣлѣ.

— Что вамъ надо?

— Вы Семеновскую пустошь Кирилкѣ продали?

— Да, а что?

— Позвольте вамъ напомнить, что это вы сдѣлали напрасно-съ. Конечно, какъ вы люди бѣдные, и вамъ деньги нужны, все же Кирилка мужикъ простой, но при грубомъ своемъ понятіи, однако, при помощи Сворлова васъ надули хорошо, такъ какъ эта пустошь мнѣ извѣстна.

— Что же изъ этого? спросилъ тотъ, раздраженный его тономъ и наглымъ выраженіемъ его бѣгающихъ, зеленыхъ глазокъ.

— А то-съ, что мы могли бы вамъ, напримѣръ, какъ по вашей бѣдности и, можетъ, нуждѣ, помочь и своими капиталами. За эти за капиталы меня многіе даже уважаютъ. Меня здѣсь всѣ знаютъ, вотъ Павелъ Матвѣичъ, опять Николай Остафьичъ, акцизный.... Господинъ настоящій, всегда со мной друженъ и не почитаетъ, какъ другіе глупцы какіе-нибудь, что ежели мужикъ, то и въ передней, а напротивъ, всегда пригласитъ къ шнапсу или фриштикъ, какъ человѣкъ даже порядочный....

Павелъ Семеновичъ заинтересовался и раздумалъ его выгонять.

— Вотъ хотя бы Сворловъ, продолжалъ тотъ, не дожидаясь поощренія, — хотя и дворянскаго будто бы роду, но понимаетъ ли онъ обхожденіе? Хуже иного мужика. Хотя и есть его грубое выраженіе, что онъ мнѣ, будто бы, бока переломаетъ, однако это незаконно, и на это есть судъ. И что такое нынѣ дворянинъ? Николай Остафьичъ это говоритъ прекрасно. Завидѣвъ одного ссыльнаго, здѣшняго порядочнаго человѣка, этотъ Сворловъ, будучи въ пьяномъ азартѣ, кричитъ: „повѣситъ! Я-те дамъ, кричитъ, противъ Царя бунтовать!“ Тотъ, конечно, не обратилъ вниманія, но вы можете видѣть понятіе....

— Что же вамъ нужно отъ меня?

— Я желалъ собственно помочь, чтобы не съ Сворловымъ и не съ иными презираемыми мужиками имѣли дѣло, какъ бы человѣкъ непонимающій и пріѣзжій, а деньги я, по вашей бѣдности, всегда могу внести.... и всегда могу посовѣтовать вамъ и научить....

— Будетъ, мнѣ некогда.

— Вы, кажется, не расположены. Я въ другое время....

— Да, впрочемъ, не надо и въ другое время. Я не пущу.

— Странное выраженіе. Впрочемъ, прощайте-съ.

Въ другой разъ зашелъ рыженькій землемѣръ. Это былъ изъ тѣхъ людей, которые сейчасъ же ведутъ себя по-пріятельски, перерываютъ все на столѣ, совѣтуютъ, хохочутъ, легонько хлопаютъ по плечу и пр.

— Павелъ Семенычъ? такъ кажется? Мнѣ сказали.... Вы во мнѣ, батюшка, еще будете имѣть надобность. Народъ подлецъ такой, бѣда! Тутъ, батюшка, такая нужна практика! Другой вамъ такъ напортитъ, того вамъ тамъ нарисуетъ. Да вотъ, чего лучше! Недавно у насъ Тердисенева выгнали! Чортъ знаетъ чего онъ только не надѣлалъ! Вы зачѣмъ ту комнату запираете? Я, батюшка, этой квартирки давно добивался. Знаете, небось, гдѣ раки зимуютъ! Ишь, вѣдь, устроился же!

— А что?

— Какъ что? Развѣ барышню здѣшнюю не видали? Нашу пресловутую красоточку?

— Нѣтъ, не видалъ.

— Какъ же, батюшка, вы такой отсталой! Ха, ха, ха! Невѣсту неневѣстную нашего либерала, Николая Астафьича, акцизнаго. Не видали?

— Не видалъ. Что же акцизный ей дѣлаетъ предложеніе что ли?

— Не взирая на бѣдность состоянія, ха, ха, ха! Этимъ акцизнымъ, чертямъ, отлично! Мы вотъ: работаешь, ругаешься! А они знай по уѣзду погуливаютъ, бородку разчесываютъ, да пиджачки заказываютъ. Партія для нея первый сортъ. Бѣднота вѣдь! Да вѣдь туда же, кобенится! Ишь ты, княжескаго роду какого!

— Что же хорошаго? Вы у нихъ бываете?

— У становаго жены бываетъ она, тамъ ее видаю. Дѣвочка, батюшка, такая, пальчики оближешь. Вы въ карты играете или на билліардѣ?

— А что?

— Вотъ бы въ клубъ нынче скатали. Тамъ весь бо-мондъ нашъ увидите, всѣхъ барышень нашихъ. Журналы у насъ тамъ есть, все! Вы съ Павелъ Матвѣичемъ, ссыльнымъ, не знакомы?

— Не знакомъ.

— Вотъ, это умъ! Вотъ говоритъ! Ахъ чортъ его побери! Бѣда! Пойдетъ, пойдетъ говорить! Давеча началъ это: „возь-

мемъ, говоритъ, всѣ законодательства, что мы видимъ? Это, говоритъ, что, а это что? А это что?" Все раскаталъ, скомкалъ! Этакой на языкъ бѣдовый! Сходимте къ нему какъ-нибудь, а то къ судьѣ.... въ картишки? Пуръ се-ле-пе-танъ? А?...

„Нѣтъ, тоска, тоска! Не уйдешь!" думалъ онъ по уходѣ землемѣра, и по понятному капризу, чѣмъ пошлѣе и ниже было его окружающее, тѣмъ упорнѣе и ярче мечта рисовала иное. Ему странно пришли въ голову свѣтлыя, веселыя комнаты, свѣтлыя и веселыя лица. Онъ вспомнилъ, какъ усталый отъ веселья и впечатлѣній, ушелъ онъ въ ту полутемную комнату, сѣрую и мрачную. Онъ усталъ смотрѣть въ ея глаза, такое почти нестерпимое чувство загоралось въ груди его, и она тоже тогда, кажется, устала и взглядомъ отослала его отъ себя. Тутъ вдругъ его встрѣтило строгое видѣніе. Онъ увидалъ *Ангела Печали*, знаменитую „Melancolia" Дюрера. Такую глубокую безнадежность, такія странныя, мрачныя тѣни на скорбящемъ лицѣ онъ понялъ, но не повѣрилъ. Ему тогда пришло въ голову, что ежели бы ему, ангелу-то этому, сказать: „да вы изъ чего собственно, батюшка, хлопочете, вы бы занялись чѣмъ-нибудь, это все блажь только!" И все-таки это не такъ бываетъ, тогда подумалось ему, веселому и счастливому, жизнь все-таки свое найдетъ! И какъ часто потомъ онъ отъ другихъ слыхалъ, что это *не такъ* бываетъ, уже послѣ, когда онъ именно понялъ, что это бываетъ *такъ*.

Онъ сталъ къ полотну и началъ набрасывать величавую фигуру Дюреровскаго ангела.

— *Ангелъ Печали* и землемѣръ! Какъ это жизнь устраиваетъ такъ всегда? Ну, теперь кто станетъ стучаться, просто не пущу....

И, какъ говорится, вслѣдъ за словомъ, раздался стукъ въ двери. Онъ притаился.

— Никакъ не сдѣлаешь: тяжелыя, красивыя складки тогдашнихъ толстыхъ матерій, тоскливо разметанныя крылья и кудри, фонарь, цѣпи, желѣзо, вдали, въ лунномъ свѣтѣ, на берегу чернаго озера, древне-германскій городокъ.... Кто тамъ?

— Степанида Ивановна прислала.

— Что ей?

— Коли угодно самоваръ, теперь я принесу, а то просятъ, не пойдете ли къ нимъ чай пить. Они васъ будутъ дожидаться.

Тотъ подумалъ.

— Скажи, что благодарю ихъ и приду....

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда онъ сошелъ къ хозяйкѣ. За самоваромъ, около старухи, онъ разглядѣлъ хорошенькое, молодое личико, вспыхнувшее до ушей при его входѣ и устремившее на него большіе, и очень напоминавшіе Аленины, темные глаза. Онъ быстро, привычнымъ взглядомъ, окинулъ всю стройную, молодую фигуру, казалось, очень безпокойную и подвижную, въ простомъ, холстинковомъ платьѣ, съ обширнымъ какимъ-то шитьемъ въ большихъ и красивыхъ рукахъ.

— Вотъ, Павелъ Семенычъ, и дочка моя, Настя. Прошу покорно!

Настя сконфуженно приподнялась и поклонилась...

XI.

Павелъ Семеновичъ совсѣмъ началъ привыкать. Началъ дѣла въ судѣ, и дѣла потянулись черезъ пень въ колоду. Кой у кого побывалъ, сходилъ съ землемѣромъ въ клубъ, маленькій домикъ съ маленькими комнатками, гдѣ напивались, играли на карточныхъ столахъ и кривомъ билліардѣ съ такимъ же азартомъ, какъ и во всякомъ бы другомъ клубѣ. Особенно привыкъ онъ къ своимъ хозяйкамъ. Къ нему часто ужь и обѣдать не носили въ комнату, а онъ шелъ къ нимъ обѣдать тамъ, и послѣ обѣда садился къ окну, съ своимъ большимъ альбомомъ, и рисовалъ въ немъ, разговаривая съ Настей. Она съ шитьемъ помѣщалась всегда противъ него и скоро стала съ нимъ говорить очень много, очень скоро и очень откровенно. Мать слушала, вступала въ разговоръ, или тихо вздремывала, роняя очки съ носу и чулки съ клубками изъ онѣмѣвшихъ рукъ.

На душѣ послѣ большаго горя часто бываетъ совершенно такъ, какъ въ физической болѣзни: раны точно затягиваются, боль какъ-будто успокоивается, и только сильная, сильная усталость, равнодушное невниманіе и отсутствіе интереса ко всему говорятъ о только-что перенесенномъ.

„Тихо, тихо, только надо бы себѣ теперь предписать спокойствіе, кончить какъ-нибудь дѣла и—ну и притаиться, и дожить.... Всѣ забудутъ! Люди скоро забываютъ! Ну, и хорошо! Пусть никто не поминаетъ лихомъ!“

мемъ, говор... говоритъ, ... калъ! Эт... будь, а

„Н... зем... бы ... н...

... на стулѣ, маятникъ ... старуха дремлетъ, и Настя ... очно боится, что помѣшаютъ, ... что ей хочется, Павлу Семе-... рисуетъ, пользуясь послѣ-... свѣтомъ.

... акое нарисовали?

... такая хорошенькая! Право, а ... Подарите мнѣ этотъ листъ, вы-... вамъ, очень. А славно такъ: взялъ ... хочешь.... А знаете, что̀ я хочу вамъ ... будетъ вамъ рисовать-то, послушайте! ... какъ сидетъ, уставится и все рисуетъ, ... его никого нѣтъ, право! Да бросьте ... вамъ одно. Ну, постойте, я возьму ... изорву, всю вашу работу!

... Петровна, рвите, рвите всю мою ... тоскливо сказалъ онъ, подвигая къ ... и такъ довольно рвали! Лучше ужъ ...

... притихнувъ шепнула она,—у васъ ... Павелъ Семенычъ, а вы бы молились, право, ... тоже защемитъ, защемитъ на сердцѣ, ... Знаете, что̀ я хотѣла спросить

...

... знаете? Ишь какой вы! Нѣтъ, теперь ... а другое, покраснѣвъ начала она ... васъ вѣдь много, тамъ, гдѣ?... въ Москвѣ, ... какія все хорошенькія, на карточкахъ ... посмотрѣла, все ночью и думала: ... Право! Ужъ такъ-то вздыхала, такъ-то ... разрядится, причешется, вы-... со всѣми-то она говоритъ. ... А мужъ-то не налюбуется тоже. ... хоть меня, право, не хуже ... съ весельемъ всякій

... другихъ они, сказалъ тотъ.

... подтвердила она:—Лёнѣ, вонъ,

и то веселѣй моего. Она совсѣмъ какъ мужичка; на посидѣлкахъ, въ гости, хороводы водитъ, работаетъ, а ужъ ея Гриша куда лучше моего акцизнаго этого, Николая Астафьича. Гриша хоть молодецъ, красавчикъ, да отецъ-то и слышать не хочетъ. А то что̀ мы? Господа не господа, чиновники не чиновники,—такъ! Ну, хороша я, да что̀ толку: уходитъ молодость моя,—уходитъ, Павелъ Семенычъ!...

— Что̀ жь, выходите замужъ; Николай Астафьичъ человѣкъ образованный, жалованье его хорошее....

— Ну ужь, сова-то! Что̀ мнѣ въ его образованіи! Придетъ это, третъ, третъ очки-то! И начнетъ эту канитель: да я о пустомъ думаю, да дѣвушка не должна о нарядахъ думать. А что̀ же не думать? Развѣ тутъ есть что̀ дурное. Вонъ и мужички-дѣвушки, и то ленточку или платочекъ надѣнетъ. Зачѣмъ же красоту Богъ даетъ? Красота и наряды, все это, говоритъ, вздоръ! Ну, а коли вздоръ, чего онъ ко мнѣ, къ бѣдной дѣвушкѣ, присталъ, а не женится на этой Куваловой, на уродѣ. Небось! Да и что̀ я, въ монахини что ли готовлюсь! Мнѣ вотъ смерть пожить хочется.... А онъ все вонъ книжки притащилъ, съ пренебреженіемъ кивнула она на книжки,—начертитъ карандашомъ что̀ читать.... читала, читала, не поняла я ничего! Все о женщинахъ, о женщинахъ, и такъ мнѣ, наконецъ, даже горько и досадно стало, просто, заплакала даже! Есть же вотъ такіе! И имъ это все начитываютъ. Вотъ смерть-то! Да я вотъ еще погляжу на него, послушаю, да и выгоню. Видѣть эту сову не могу!

— Что̀ это вы рисуете? Ахъ, изба въ лѣсу, какъ славно! А это точно гнѣдой вашъ, вотъ какъ похоже! Я давеча къ нему тихонько забралась, къ гнѣдому-то, въ пригоршни овса взяла. Вошла въ станокъ, а онъ какъ визгнетъ на меня, я такъ-то испугалась и овесъ разсыпала—бѣжать! Ахъ! вотъ бы поѣхать на немъ покататься съ вами!

— Поѣдемте.

— Нельзя, какъ можно?!

— Вотъ эдакую избу я себѣ выстрою, Настасья Петровна, въ лѣсу,—въ самомъ въ лѣсу, и буду тамъ жить.

— Одни!

— Одинъ. Кого же уговоришь въ эту глушь ѣхать. Вотъ вы бы не поѣхали, кабы женою моей были.

— Это отчего? Еще какъ поѣхала-то бы. Я люблю. Я какъ

къ Лёнѣ гостить ѣздила, какъ весело было! Она веселая!. Пѣсни какъ чудесно поетъ!... Въ горѣлки съ дѣвушками бѣгали.... Весело было! Чтò жь что въ лѣсу? Здѣсь что ли веселѣе? Говорить съ исправничихой, да съ землемѣромъ, да вотъ съ моимъ акцизнымъ чтò ли? Ахъ, какую Лёня пѣсню пѣла чудесную! Постойте, я вамъ потихоньку напою.

По травушкѣ, по росистой,
Не заюшко проскакалъ.
Проскакалъ онъ, мой молодчикъ,
На конѣ, на вороноиъ!...

— Надоѣла чай вамъ, батюшка, таранта-то моя. А теперь дошла до васъ и старухина очередь. Э, ужь темнѣетъ! Давайте-ка чай пить. Ишь, дремлю, слышу, она ужь вамъ и запѣла! Иди-ка, скажи лучше самоваръ бы давали....

— Чтò это вы дѣлаете, Настасья Петровна, зачѣмъ?

— Всѣ ушли, я и забѣжала тихонько. Смерть хочется мнѣ посмотрѣть чтò у васъ въ той комнатѣ. Прибѣжишь, когда у васъ убираютъ, какъ вы уйдете куда-нибудь, а эта комната все заперта. Покажите. Ахъ, какъ тутъ у васъ славно! Солнышко! Весело! Какія картинки! А посередь комнаты ангелъ.... Грустный какой! Это онъ о грѣхахъ нашихъ груститъ.... Ахъ, какъ славно! Чтò это я какъ раскраснѣлась? День-то солнечный!...

— Идите, Настасья Петровна, идите! Увидятъ васъ!

— Ей-Богу, я только посмотрѣть.... Еще одну минуточку: это что къ стѣнѣ за картинка оборочена? Пустите, я хочу посмотрѣть.... Ахъ!

Она вспыхнула радостно, темные глаза ея загорѣлись.

— Неужто это я такая? Ахъ, Павелъ Семенычъ, какъ вамъ не стыдно! Это красавица какая-то! Красками все.... И лѣсъ какой кругомъ.... Ахъ, какъ хорошо!

— Идите вы отсюда, право!

— Ну, прощайте! Никогда, ей-Богу, больше не буду! Вотъ забожилась, что не буду ни ногой сюда, никогда. Ну, прощайте, прощайте!

„Жениться,“ думалъ онъ одинъ разъ, „чѣмъ не жена? Буду жить, работать, выздоравливать и вдругъ буду совсѣмъ здоровъ! Нѣтъ, разбитое какъ ни склеивай, все будутъ склеенные черепки, а не цѣлое! Я ужь начинаю и привыкать, а

много ли прожилъ, всего нѣсколько мѣсяцевъ? Вотъ онъ этотъ лѣсъ, близко, темный, снѣжный, весь въ лунномъ свѣтѣ. Экой вечеръ какой тихій, морозный! Эка звѣздъ-то сколько! Пойдти проѣхаться....“

„Чтò это у хозяевъ темно, дома видно никого нѣтъ,“ думалъ онъ, выводя коня. Тотъ фыркалъ и билъ бойкою ногой снѣгъ. „Ухъ, славно проѣдусь!“

Онъ уже собиралъ возжи, какъ вдругъ увидѣлъ кого-то въ полушубкѣ и бараньей шапкѣ, пробѣжавшаго прямо къ нему черезъ облитый луннымъ свѣтомъ дворъ, подъ тѣнь навѣса.

— Кто это?

— Это я, я! Возьмите меня! Пожалуста! послышался Настинъ голосокъ. — Я хочу кататься. Ну, садитесь! Я хочу! Хочу!

— Чтò вы дѣлаете?

Она вырвала изъ рукъ его вожжи, нетерпѣливо дернула ихъ, и гнѣдой вынесъ ихъ за ворота, вдоль по морозной и гладкой, бѣлой улицѣ.

— Я давно хотѣла. Я работницынъ полушубокъ взяла и шапку отыскала. Она, работница-то, спитъ. Въ гости ушла старушка моя. А вѣдь я это скверно дѣлаю: она меня оставила, вѣритъ, а я.... Да чтò, Павелъ Семенычъ,—сидишь, сидишь! Ну, трогай!

Кругомъ уже начался лѣсъ. Деревья, тѣни, и кусты, и сугробы мелькали мимо быстро. Вдругъ конекъ взмахнулъ головой, сильно разъ и два рванулся впередъ, перебилъ ногами и подхватилъ. Морозный воздухъ свистѣлъ мимо. Духъ захватывало, все кругомъ неслось и кружилось.

— Чтó вы дѣлаете? онъ понесъ! Настасья Петровна!

— А пускай его понесъ. Ухъ, ухъ! крикнула она, разгораясь. Глаза ея блистали, щеки пылали, и лицо было прелестно въ бараньей шапкѣ, ясно озаренное мѣсяцемъ.

— Упадете! крикнулъ онъ, невольно крѣпко обхватывая ее:—чтò вы дѣлаете со мной? Ахъ, Господи!

— Оставьте меня. Молодость одна! Ухъ, ухъ!...

Онъ вырвалъ у ней вожжи и бѣшеная скачка мало-по-малу перешла въ рысь.

— Везите меня домой, скорѣй, скорѣй! Я себя боюсь!

Они круто заворотили въ ворота. Въ окнахъ было темно. На дворикѣ пусто и тихо.

— Никто не видалъ. Ну, прощайте!

Она быстро вбѣжала въ темныя сѣнцы, но въ дверяхъ остановилась.

— Павелъ Семенычъ! позвала она:—вы не виноваты.... я сегодня.... не знаю что̀ со мной! Я хочу проститься съ вами, проститься съ моею молодостью. Со всѣмъ! Съ завтрашняго дня совсѣмъ монашенкой стану. Да чего? хуже: за Астафьича замужъ пойду! Ну, прощайте же!

И не успѣлъ онъ опомниться, какъ ея горячія губы впились въ его губы; она пропала въ темнотѣ сѣней и защелкнула дверь на крючокъ....

На другой день работница передала ему, что Настасья Петровна проситъ его не приходить, что она нездорова.

— Скажи: хорошо. Не приду.

И онъ не ходилъ нѣсколько дней. Потомъ явился какой-то господинъ, желтый, худой, въ короткихъ бакенбардахъ и въ очкахъ, и отрекомендовался.

— Здѣшній акцизный надзиратель.... У насъ съ вами есть въ Москвѣ общій знакомый одинъ.... Вы художникъ, я очень ра́дъ даже отчасти познакомиться, хотя теперь не такое время, и искусства....

— Извините, отвѣчалъ тотъ раздраженно, — я совсѣмъ не предполагалъ заводить знакомствъ, и если вы хотите только объ искусствѣ....

— Вы напрасно такъ рѣзко.... У меня есть дѣло. Я, видите ли, интересуюсь всѣмъ, касающимся до Настасьи Петровны.... Ужъ и это не хорошо.... Молодой человѣкъ.... Въ домѣ... могутъ говорить и говорятъ.... Здѣсь уѣздный городъ.... Настасья Петровна.... Я желалъ вліять на ея умъ.... ходилъ, развивать старался.... и вообще думаю, что это неудобно.... Согласитесь, молодой человѣкъ.... И въ домѣ....

— Вамъ поручено, или вы имѣете право говорить за моихъ хозяевъ?

— Я надѣюсь имѣть право....

— Ну, такъ когда будете имѣть право, я увижу. Впрочемъ, и тогда рѣшительно не о чемъ говорить.... Увѣряю васъ, не о чемъ говорить....

— Такъ прощайте-съ.... Я желалъ только....

— Этого еще не доставало!...

— Вы? Опять ко мнѣ, Настасья Петровна?... Что̀ это?

Она была блѣдна, взволнована, и глаза ея лихорадочно *горѣли.*

— На-те! На-те! Къ вамъ письмо! Я прочитала! Это, я знаю, гадко, скверно—все равно! Васъ вызываютъ! Умница какая! Гдѣ мнѣ—я такъ не напишу, безсвязно говорила она,— ну цѣлуйте же, цѣлуйте письмо! Я посмотрю! То-то вы такой! Прощайте, прощайте, голубчикъ! Прощайте! Господи!

И задыхаясь, и плача, быстро выбѣжала она изъ комнаты....

На полу лежало брошенное ею письмо. Онъ поднялъ его, и по мѣрѣ того какъ читалъ, лицо его все измѣнялось и принимало не то испуганное, не то радостное выраженіе.

— Она, она! Говоритъ: пріѣзжайте! А тогда какъ сердце разбила! Безсовѣстная! Однако, что-же? Тутъ ничего еще нѣтъ. Просто: пріѣзжайте! Вдругъ! Какъ сердце бьется! Милая, милая!

И одинъ въ комнатѣ, въ сильномъ волненіи, онъ упалъ на колѣни лицомъ въ подушку, прижимая къ губамъ письмо.

— Ну какъ.... жизнь опять.... обманетъ? Да нѣтъ, нѣтъ!

И пусть же пошлетъ судьба и ему, и каждому свою отраду, и пусть жизнь хоть разъ не обманетъ и пригрѣетъ сердце своими благодатными лучами!.... Но что же это такое, роковое, влечетъ къ *тому* міру?

НИКОЛАЙ БОЕВЪ.

С.-Петербургъ,
1868 г. мая 7-го.

СУДЬБЫ РУССКАГО ЯЗЫКА

ВЪ КОСТЕЛАХЪ

СѢВЕРО-ЗАПАДНАГО КРАЯ

Въ западномъ краѣ существовало нѣкогда обширное государство—великое княжество Литовское. Границы его совпадали съ границами нынѣшняго Виленскаго генералъ-губернаторства, со включеніемъ Сувальской губерніи и восточной части Пруссіи, находящейся на лѣвомъ берегу Нѣмана, а одно время, около половины XIV вѣка, при Ольгердѣ, простирались на сѣверъ почти до Балтійскаго, на югъ до Чернаго моря, на западъ до Карпатскихъ горъ, на востокъ до Дона, Путивля и Твери. Въ 1386 году сынъ Ольгерда, Ягайло, женившись на дочери польскаго короля, Ядвигѣ, наслѣдницѣ Польскаго королевства, принялъ католическую вѣру, и получивъ польскую корону, началъ содѣйствовать введенію католицизма въ Литвѣ. Въ это время въ Вильнѣ основано католическое епископство, а въ 1417 году, въ угоду Полякамъ, намѣстникъ Ягайла въ Литвѣ, Витовтъ, основалъ на Жмуди, то-есть въ западной части нынѣшней Ковенской губерніи, на западъ отъ рѣки Невяжи, Жмудскую католическую епархію, столицей которой назначилъ городъ

Ворни, въ старину Мѣдники. Жмудская епархія была весьма мала; въ ней основано лишь 19 приходовъ, настоятелями коихъ назначены исключительно Поляки. *

Такимъ образомъ, Виленская католическая епархія обнимала все Литовское государство, за исключеніемъ Жмудской епархіи, весьма незначительной по пространству. Только въ XVIII вѣкѣ, а именно въ 1774 году, основана уже нашимъ правительствомъ католическая епархія въ Могилевѣ, а въ 1798 г. и въ Минскѣ.

Главнымъ центромъ жизни въ Литвѣ съ XIV вѣка постоянно былъ городъ Вильна. Съ 1386 года Поляки начали полонизовать сѣверо-западный край, и виленскіе епископы играли въ этомъ дѣлѣ главную роль. Въ наше время Вильна сдѣлалась даже главнымъ нервомъ и польщизны, и католицизма, болѣе чѣмъ сама Варшава. Замѣчательные писатели, получившіе въ наше время извѣстность какъ писатели польскіе,—Мицкевичъ, Крашевскій и др.—суть уроженцы сѣверо-западнаго края. Не будь они ополячены, безспорно, они были бы украшеніемъ своей кровной семьи — Россіи.

Главнымъ орудіемъ ополяченія этого издревле русскаго края, какъ прежде служило, такъ и нынѣ служитъ употребленіе польскаго языка въ костелахъ и изгнаніе изъ нихъ русскаго, который между тѣмъ, какъ можно доказать исторически, былъ, согласно соборнымъ католическимъ опредѣленіямъ съ 1386 года до 1788 года, *обязателенъ* въ костелахъ сѣверо-западнаго края.

7-го февраля 1742 года, папа Бенедиктъ XIV строжайше приказалъ католическому духовенству поучать народъ вѣрѣ.** При исполненіи сего папскаго повелѣнія въ сѣверо-западномъ краѣ оказалось, что католики тогда мало собирались въ костелъ по воскресеньямъ; по праздникамъ же, особенно въ лѣтнее время, вовсе не бывали на богослуженіи. Виленскій епископъ Зенковичъ просилъ папу позволить праздновать праздники въ другое время года и притомъ въ воскресные дни. Папа отчасти согласился на просьбу епископа, и увѣдомляя его объ этомъ папскимъ посланіемъ, въ видѣ

* Игнатій Даниловичъ: *Skarbiec diplomatów*. Гр. Д. А. Толстой: *Le Catholicisme romain en Russie*.

** Булла „Etsi minime". *Magnum bullarium romanum*, т. XVI.

бреве, отъ 7-го мая 1743 года, писалъ: „Мы желаемъ, чтобы въ обрядахъ и церковномъ богослуженіи не вводить ничего новаго и отъ стараго церковнаго обыкновенія не отступать.“ Получивъ папское бреве, виленскій епископъ Зенковичъ пригласилъ католическое духовенство своей епархіи или, что̀ почти то же, всего сѣверо-западнаго края, на соборъ, который и состоялся 10-го, 11-го и 12-го февраля 1744 года, въ каѳедральномъ храмѣ Св. Станислава, въ Вильнѣ. Соборъ пришелъ къ тому заключенію, что для точнаго исполненія папскаго повелѣнія необходимо произносить проповѣди и поученія въ вѣрѣ и совершать дополнительныя богослуженія, по старому обычаю, на простонародномъ, то-есть, на русскомъ языкѣ. Чтобы читатель не сомнѣвался въ этомъ, мы приведемъ въ русскомъ переводѣ (подлинникъ писанъ полатыни) каноническое рѣшеніе собора касательно проповѣдей и дополнительнаго богослуженія.

На соборѣ присутствовали: виленскій епископъ Михаилъ Іоаннъ Зенковичъ, епископъ викарный и начальникъ виленскаго капитула Іосифъ Сапѣга, епископъ викарный Бѣлоруссіи Богуславъ Корвинъ, епископъ викарный Жмуди Александръ Гораинъ, викарный по духовнымъ дѣламъ виленскаго епископа докторъ богословія и правъ Антоній Жолковскій, епископъ ливонскій Іосифъ Пузина, прелаты: Іоаннъ Быховецъ, Яковъ Щука, Андрей Володковичъ и Доминикъ Прецлавскій, старшій секретарь великаго князя литовскаго Антоній Война, каноники: Іоаннъ Лопацинскій, докторъ правъ Карлъ Карпъ, докторъ богословія и правъ Ѳома Зенковичъ, докторъ богословія Адамъ Коллонтай, Михаилъ Воловичъ, докторъ богословія Самуилъ Родкевичъ, епархіальный писарь Станиславъ Бронишъ, троцкій аббатъ бенедиктинцевъ Іоаннъ Якельскій, настоятель регулярныхъ каноникомъ Михаилъ Антоневичъ, ректоръ епархіальной семинаріи Францискъ Польковскій, каноникъ ливонскій Викторинъ Гринцевичъ, докторъ богословія и правъ каноникъ Смоленскій, протонотарій римскаго двора и офиціалъ Виленской генеральной консисторіи Ѳома Шимакъ, смоленскій секретарь каноникъ Іосифъ Донатъ, и весьма многіе прелаты, каноники, благочинные, настоятели приходовъ и ихъ викарные. Собравшись на соборъ въ Вильну 10-го, 11-го и 12-го февраля 1744 года, поименованныя лица приказали слѣдующее *о вѣрѣ* и *христіанскомъ ученіи*:

„....Весь соборъ единодушно постановляемъ и, не упоминая уже о другихъ постановленіяхъ соборовъ, въ силу постановленія святѣйшаго владыки нашего папы Бенедикта XIV, изданнаго 1-го февраля 1742 года подъ страхомъ тяжкаго грѣха, вмѣняемъ всѣмъ безразлично управляющимъ приходами по нашей епархіи въ обязанность: дабы они, по воскресеньямъ, послѣ утрени въ началѣ пѣтой миссы, или же при началѣ вечерни (то-есть когда народъ имѣетъ обыкновеніе собираться) въ своихъ костелахъ, поучали катихизису, объясняя на общедоступномъ языкѣ начала вѣры; дабы они съ усердіемъ и кротостью поучали своихъ прихожанъ, особенно дѣтей и простой народъ, тому, во что̀ католики обязаны вѣрить, и указывали имъ, что они, какъ христіане, обязаны знать и любить Христа; указуя точно также путь спасенія, то-есть соблюденіе заповѣдей Господнихъ и церковныхъ, укрѣпляя въ добродѣтеляхъ, и всѣми силами отклоняя отъ пороковъ; дабы они наконецъ, при окончаніи катихизическаго поученія, или проповѣди (какъ лучше), читали вслухъ вмѣстѣ съ народомъ молитвы: *Отче нашъ*, *Богородице дѣво радуйся*, *символъ вѣры*, молитвы вѣры, раскаянія, страха Божія, какъ уже приказано прежде и какъ принято читать, *на простонародномъ языкѣ* (vernaculâ linguâ). Поэтому, да не допускаютъ къ таинству покаянія и да не вѣнчаютъ браковъ тѣхъ, кои знаютъ не твердо молитвы, заповѣди Господни и начала вѣры.“ *

Вотъ все что̀ находится въ канонахъ Виленскаго собора 1744 года о поученіяхъ вѣрѣ и добавочныхъ молитвахъ. Соборъ, какъ видимъ, указалъ, чтобы поученія вѣрѣ и дополнительное богослуженіе были совершаемы на простонародномъ языкѣ; о произношеніи же проповѣдей на какомъ-либо другомъ языкѣ, напримѣръ на польскомъ, не упомянулъ ни единаго слова.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ канонѣ, упоминается о прежнихъ каноническихъ постановленіяхъ относительно поученій въ вѣрѣ и молитвъ въ костелѣ на простонародномъ языкѣ. Укажемъ въ чемъ состояли эти постановленія. Первый соборъ католическаго духовенства сѣверо-западнаго края, состоявшійся въ 1526 году въ городѣ Вильнѣ, приказалъ читать переводъ Евангелія и Апостола не только на русскомъ и литовскомъ языкахъ, какъ было до тѣхъ поръ, но и на польскомъ

---

* Sinodus dioecesana vilnensis ab M. Zienkowicz anno 1744, diebus 10, 11, 12, fevr. celebrata. Vilnae, стр. 1 и 2.

языкѣ, для того чтобы въ средѣ русскаго и литовскаго народонаселенія распространить знаніе польскаго языка. * Въ 1613 году виленскій епископъ Бенедиктъ Война, согласно постановленіямъ виленскихъ соборовъ 1604, 1607 и 1613 годовъ, приказалъ, по воскресеньямъ и праздникамъ, говорить проповѣди, по образцу польскихъ проповѣдниковъ-іезуитовъ Вуйка и П. Скарги, и произносить поученія вѣрѣ, сообразуясь съ понятіемъ и языкомъ народа. ** Въ 1682 году, виленскій епископъ Николай Степанъ Пацъ приказалъ: по праздникамъ произносить народныя проповѣди, отклоняя народъ отъ пьянства и распутства; по воскресеньямъ же либо объяснять Евангеліе, либо начала вѣры, на простомъ языкѣ. ***

Вотъ каноническія постановленія, на которыя, по всей вѣроятности, ссылается Виленскій соборъ 1744 года, въ своемъ приказаніи произносить проповѣди и другія поученія вѣрѣ и совершать дополнительныя молитвы въ костелѣ *на простонародномъ языкѣ*. Такимъ образомъ, виленскіе епископы и виленскіе соборы XVII и XVIII вѣковъ приказывали ксендзамъ произносить проповѣди и поученія вѣрѣ и совершать въ костелѣ дополнительныя молитвы на простонародномъ и простомъ языкѣ. Остается опредѣлить, какой языкъ въ XVII и XVIII вѣкахъ назывался простонароднымъ, простымъ языкомъ, или, что̀ то же, опредѣлить, на какомъ языкѣ говорило тогда народонаселеніе въ сѣверо-западномъ краѣ.

Извѣстно, что при Литовскомъ дворѣ издревле и до смерти послѣдняго изъ Ягеллоновъ, то-есть до смерти Сигизмунда-Августа въ 1572 году, говорили на томъ же самомъ русскомъ языкѣ, на которомъ по настоящее время говоритъ населеніе западнаго края. Въ то время языкъ народонаселенія западнаго края назывался не иначе какъ русскимъ языкомъ. Послѣ смерти Сигизмунда - Августа

---

* А. Іохеръ, *Obraz literatury w Polsce.* Католическій священникъ Пріамовскій, *Zyvoty Biskupów Wileńskich.*

** Пріамовскій.

*** Въ томъ же посланіи епископъ Пацъ запрещаетъ ксендзамъ носить бороды и длинные волосы на головѣ, какъ это дѣлаетъ православное духовенство.

слѣдовали короли польскіе родомъ не изъ западнаго края, а напротивъ, чаще всего природные Поляки; польскій языкъ сдѣлался языкомъ двора и шляхты, русскій же остался въ устахъ народа. Съ этихъ поръ Поляки перестали называть языкъ народонаселенія западнаго края *русскимъ*, а начали именовать его простымъ, простонароднымъ, крестьянскимъ языкомъ. Это дѣлалось и дѣлается Поляками потому, что называя языкъ употребляемый народомъ въ западномъ краѣ *русскимъ*, тѣмъ самымъ они должны признать одноплеменность здѣшняго народа съ „Москалями", а такое признаніе невыгодно польщизнѣ. Въ наше время русскій языкъ, употребляемый въ западномъ краѣ, Поляки и Нѣмцы нерѣдко называютъ *рутенскимъ или русинскимъ* языкомъ. Дабы показать какъ въ западномъ краѣ одному и тому же русскому языку давали разныя названія, приведемъ, для образца, слѣдующій фактъ. Въ 1517 и въ 1526 годахъ, Ѳ. Скорина называлъ свою библію: „*Библія руска*", а въ Сборникѣ писалъ: „во всѣхъ книгахъ Библіи ветхаго и новаго закона мною *на русскій языкъ* выложенныхъ (изложенныхъ)." Псалтирь въ переводѣ Скорины перепечатали въ Почаевѣ въ 1798 году, и уже языкъ, на который Скорина переводилъ Библію, назвали не русскимъ, а напротивъ какимъ-то *обычайнымъ и общимъ*. Вотъ полное заглавіе Псалтири: „Давида пророка и царя „пѣсни, рѣкше псалмы, съ преложеніемъ на общій нашъ и „*обычайный языкъ* изъ Вульгаты давно переведенныхъ псал„мовъ.... Въ монастырѣ Почаевскомъ 1798."

Левъ Сапѣга, канцлеръ великаго княжества Литовскаго, въ предисловіи къ Литовскому статуту 1588 года, говорилъ такъ: „Если какому народу стыдно не знать своихъ зако„новъ, то тѣмъ болѣе намъ, имѣющимъ законы писанные не „на чужомъ какомъ-либо языкѣ, но на своемъ собственномъ, „то-есть на русскомъ". * По словамъ польскихъ писателей, Ѳ. Чацкаго, О. Ярошевича, каноника могилевскаго, и многихъ другихъ, ** русскій языкъ былъ всеобщимъ въ сѣверо-западномъ краѣ; на русскомъ языкѣ говорили при дворѣ,

---

* *Czasopism naukowy* за 1829 годъ. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1838 годъ.

** Ѳ. Чацкій *O Prawach*. Ярошевичъ, *Obraz Litwy*. *Czasopism naukowy*.

на немъ подавались просьбы ко всѣмъ правительствен нымъ лицамъ; на немъ отвѣчали король, судьи и другіе чиновники; привилегіи, приговоры, постановленія, даваемыя польскими королями для жителей сѣверозападнаго края, какъ въ духовныхъ, такъ и въ гражданскихъ дѣлахъ, были писаны на русскомъ языкѣ. Изъ тысячи древнихъ актовыхъ книгъ, собранныхъ въ центральный архивъ въ Вильнѣ изъ 206 судебныхъ мѣстъ Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской губерній, видно, что русскій языкъ былъ во всеобщемъ употребленіи въ присутственныхъ мѣстахъ издревле до самаго 1697 года, съ котораго польскій языкъ мало-по-малу началъ входить вмѣсто русскаго. Въ Виленскомъ центральномъ архивѣ изъ города Россіенъ, гдѣ производились суды бывшаго Жмудскаго княжества, имѣется 206 актовыхъ книгъ; всѣ эти книги, съ незначительными исключеніями, писаны на русскомъ языкѣ. * По словамъ профессора бывшаго Виленскаго университета Осипа Ярошевича и другихъ польскихъ ученыхъ, нѣтъ ни одного офиціальнаго документа, ни даже частной сдѣлки писанной на литовскомъ или жмудскомъ языкахъ. **

Такимъ образомъ, во всемъ сѣверо-западномъ краѣ, русскій языкъ былъ издревле во всеобщемъ употребленіи. Отсюда естественно вытекаетъ, что приказывая произносить проповѣди, учить вѣрѣ и совершать въ костелѣ молитвословіе, такъ-называемыя повседневныя молитвы, на простонародномъ языкѣ, виленскіе епископы Война, Пацъ, Зенковичъ и Виленскій синодъ 1744 года постановили совершать эти дѣйствія на русскомъ языкѣ.

Слѣдующій фактъ точно также указываетъ на употребленіе русскаго языка въ костелахъ западнаго края. Въ 1773 г., какъ извѣстно, Могилевская и Витебская губерніи отошли къ Россіи. Бѣлорусскій католическій епископъ Станиславъ Сестренцевичъ, въ 1776 г., просилъ разрѣшенія правительства печатать католическія книги на русскомъ языкѣ. Сенатъ, къ несчастію, не согласился на просьбу епископа, *** несмотря на то что еще въ 1723 году императоръ Петръ Великій

---

* *Западно-русскій мѣсяцесловъ* на 1866 годъ. Вильна.

** *Obraz Litwy.*

*** *Полн. Собр. Зак.* т. XX, № 14.520.

повелѣлъ издать не только католическія, но и лютеранскія и кальвинскія богослужебныя книги и катихизисы на рускомъ языкѣ.* Въ этомъ фактѣ замѣчательно то, что желаніе епископа Сестренцевича печатать католическія книги на русскомъ языкѣ никто изъ Поляковъ не счелъ нововведеніемъ: ясное свидѣтельство, что русскій языкъ въ то время употреблялся въ костелахъ. Мы полагаемъ, что и молебствіе, такъ-называемая „супликація“, въ костелахъ въ западномъ краѣ въ старину было совершаемо на русскомъ языкѣ. Извѣстно, что въ костелахъ сѣверо-западнаго края давнымъ-давно была совершаема „супликація“, и что въ совершеніи ея народъ принималъ участіе.** Здѣшній народъ не зналъ латинскаго языка; значитъ, „супликація“, въ пѣніи которой народъ участвовалъ, не могла быть совершаема по-латыни. Отсюда видно, что она могла быть отправляема или по-русски, или же по-польски. Если народъ сѣверо-западнаго края въ Виленской епархіи зналъ польскій языкъ, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ совершалъ „супликацію“ на польскомъ языкѣ. Но въ такомъ случаѣ не было бы ни малѣйшей надобности виленскому епископу Массальскому, въ 1788 году, приказывать не только ксендзамъ, но и народу супликацію и псаломъ: „Богъ намъ прибѣжище“, совершать не иначе какъ *на польскомъ языкѣ*.*** Точно также, если народъ понималъ польскій языкъ, то въ 1744 году епископу Зенковичу и Виленскому собору не было бы надобности приказывать читать вслухъ вмѣстѣ съ народомъ молитвы въ костелѣ на простонародномъ, то-есть русскомъ языкѣ. Отсюда можно заключить, что „супликація“ до 1788 года была совершаема въ костелахъ по Виленской епархіи, обнимавшей тогда почти весь сѣверо-западный край, на русскомъ языкѣ.

Чтобъ исполнить каноническія постановленія, изданныя виленскими епископами Войной, Пацемъ, Зенковичемъ и Виленскимъ соборомъ 1744,—постановленія учить вѣрѣ и совершать дополнительное богослуженіе на русскомъ языкѣ,—необходимы были Библія, молитвенники, катихизисы и другія религіозныя книги, писанныя на томъ же русскомъ языкѣ.

---

* *Полн. Собр. Зак.* т. VII № 4.143.

** Пріамовскій.

*** Пріамовскій.

Извѣстно,* что въ первой половинѣ XVI вѣка Франдискъ Скорина издалъ всѣ книги Ветхаго и Новаго Завѣта на русскомъ языкѣ, переведя ихъ по латинской Вульгатѣ, признанной у католиковъ каноническою Библіей. О своемъ переводѣ Библіи Скорина говоритъ такъ: „Главы же яко „и во всѣхъ книгахъ Библіи ветхаго и новаго закона мною „на русскій языкъ выложенныхъ“. ** Франдискъ Скорина, родомъ изъ Полоцка (Витебской губерніи), католическаго вѣроисповѣданія, жилъ въ Вильнѣ въ первой половинѣ XVI вѣка и былъ любимъ королемъ польскимъ Сигизмундомъ I Казиміровичемъ. Въ 1515 году Скорина, по всей вѣроятности, ѣздилъ съ королемъ въ Вѣну, а потомъ до 1519 года былъ повѣреннымъ короля Сигизмунда при богемскомъ малолѣтнемъ королѣ Лудовикѣ, котораго король Сигизмундъ считался опекуномъ. Въ это время, то-есть въ 1517—1519 годахъ Скорина напечаталъ свой переводъ Библіи Ветхаго Завѣта, въ Прагѣ. Заглавіе перевода слѣдующее:

„Библія руска, выложена (изложена) докторомъ въ лекарскихъ наукахъ Франдискомъ, сыномъ Скорининымъ, изъ славнаго града Полоцка, Богу ко чти и людемъ посполитымъ къ доброму наученію. О старомъ Месте Празскомъ 1517—1519.“

Часть Новаго Завѣта издана Скориной до 1525 г., другая же часть, то-есть Апостольскія Дѣянія и Посланія, напечатана въ 1525 г. въ Вильнѣ. При началѣ каждой книги Скорина помѣщалъ предисловіе, а въ окончаніи—заключеніе, или послѣсловіе, годъ и число мѣсяца выхода книги; надъ каждою главой означено содержаніе ея. Книги украшены вырѣзанными на деревѣ изображеніями. Заглавія напечатаны красными буквами, съ черными по сторонамъ лаврами. Словомъ, изданіе весьма богато по тому времени. Переводъ Скорины въ свое время былъ въ большомъ употребленіи. Вскорѣ послѣ выхода его въ свѣтъ, Иванъ Глоговчикъ находилъ его въ Москвѣ. *** Книги Библіи, въ переводѣ

* Осипъ Добровскій; его слова приводятъ Сопиковъ и Іохеръ. *Опытъ россійской библіографіи*, соч. Сопикова. *Описаніе славяно-русской литературы*, соч. Строева.

** *Сборникъ* соч. Скорины. Вильна 1525.

*** М. Вишневскій и К. Мацевичъ, *Historya literatury Polskiej* т. VIII.

Скорины, были издаваемы, особенно нѣкоторыя, по нѣскольку разъ. Псалтирь вышла восьмымъ изданіемъ уже при нашемъ правительствѣ, именно въ 1798 г., въ Почаевѣ. М. Вишневскій, Собещанскій и издатели *Encyklopedyi Powszechnej* переводомъ Скорины считаютъ изданія Дѣяній и Посланій Свв. Апостоловъ, во Львовѣ 1574 г., Ивана Θедорова; 1591 г. типографіи Мамоничей въ Вильнѣ, и виленскія изданія Псалтири, напечатанныя въ 1551, 1575 (у Мамоничей), 1581, 1593 и 1596 гг. Мы также полагаемъ, что изданія эти не иное что̀ какъ перепечатка перевода Ф. Скорины, съ нѣкоторыми измѣненіями, которыя считали нужнымъ сдѣлать издатели, съ цѣлію чтобъ ихъ изданія могли быть читаемы и исповѣдующими православную вѣру. Сопиковъ говоритъ, что Скорина дѣйствительно передѣлалъ на русскій языкъ, согласно католической Вульгатѣ, переводъ Кирилла и Меθодія, Вишневскій же и Мацевичъ, напротивъ, утверждаютъ, что Скорина переводилъ Библію по Вульгатѣ, руководствуясь чешскимъ католическимъ переводомъ Библіи; Псалтирь же передѣлавъ, согласно Вульгатѣ, изъ старыхъ русскихъ православныхъ переводовъ.

Въ 1525 Скорина издалъ мѣсяцесловъ на весь годъ, съ показаніемъ апостоловъ и евангелій на разные дни по уставу церковному. Словомъ, мѣсяцесловъ Скорины представлялъ то, что̀ нынѣ у католиковъ въ западномъ краѣ называется *календаремъ* и *евангеличкой*. Въ томъ же 1525 Скорина издалъ въ Вильнѣ католическій молитвенникъ на русскомъ языкѣ, подъ названіемъ *Каноникъ* или *Акаѳистникъ*. При нюренбергскомъ изданіи *Каноника* Скорины находится нѣсколько изображеній, весьма не дурно вырѣзанныхъ по дереву. *

Въ молитвенникѣ Скорины или *Каноникѣ* находимъ слѣдующія сочиненія:

1) Акаѳистъ Пресвятой Богородицѣ.

2) Канонъ Живоносному Гробу и Воскресенію Господа Іисуса Христа.

3) Акаѳистъ Живоносному Гробу и Воскресенію Господаю.

4) Канонъ Свв. Апостоламъ.

---

* Собещанскій, въ *Encyklopedyi powszechnej*. Крашевскій, Іохеръ

[redacted]

5) Акаѳистъ Свв. Апостоламъ Петру и Павлу и акаѳистъ всѣмъ двѣнадцати Апостоламъ.

6) Канонъ Іоанну Предтечѣ.

7) Акаѳистъ Іоанну Крестителю.

8) Акаѳистъ Честному Кресту.

9) Канонъ благодарственный Пресвятой Богородицѣ.

10) Канонъ Животворящему Кресту.

11) Канонъ Св. Михаилу Архангелу.

12) Акаѳистъ Св. Михаилу Архангелу.

13) Правило акаѳисту Св. Чудотворцу Николаю.

14) Акаѳистъ Св. Чудотворцу Николаю. *

Подобно переводу Библіи, Мѣсяцесловъ, Канонникъ и другія сочиненія Скорины были въ большомъ ходу въ западномъ краѣ. **

Кромѣ трудовъ Скорины, были еще и другія католическія сочиненія на русскомъ языкѣ. Изъ нихъ болѣе извѣстны слѣдующія:

• *Катихизисъ.* Венеція, 1527 г. *** Очень быть можетъ, что этотъ катихизисъ написанъ Скориной.

„Унія, альбо выкладъ предпѣйшихъ артикуловъ ку зъодноченью Грековъ съ костеломъ Рымскимъ належащихъ.“ Вильна, въ 1595 г. **** „Оброна (апологія) русскаго Брестскаго собора 1597 г.“ † Это сочиненіе заключаетъ въ себѣ исторію и апологію собора. Оно написано на двухъ языкахъ: польскомъ и русскомъ. Польскій текстъ принадлежитъ извѣстному іезуиту, Петру Скаргѣ, русскій же, по всей вѣроятности, Мартину Смиглецкому. Далѣе „Сказаніе нелживое отъ мужа праведна и свята, западныя „церкви великаго учителя Іеронима о Іудѣ, бывшемъ преда„тели Господа нашего Іисуса Христа“; †† „Подражаніе

* Сопиковъ. Св. Чудотворецъ Николай издревле былъ признаваемъ какъ отъ православныхъ, такъ равно и отъ католиковъ, патрономъ города Вильны и всей Литвы. Въ 1604 г. Казиміръ, сынъ короля Польскаго, поставленъ іезуитами на мѣсто чудотворца Николая.

** Добровскій, Іохеръ, Сопиковъ и др.

*** Сопиковъ.

**** Іохеръ.

† Петръ Аркудій, *Antirresis*, Вильна 1600 г. Іохеръ.

†† Сопиковъ, Іохеръ.

„Іисусу Христу, четыре книги; твореніе Θ. Кемпійскаго; переводъ съ латинскаго, Вильна 1681 г.“ *

Кромѣ этихъ книгъ, было еще много другихъ католическихъ сочиненій на русскомъ языкѣ, какъ, напримѣръ, катихизисовъ, проповѣдей, сборниковъ религіозныхъ пѣсней (ихъ обыкновенно называли „благоговѣйными пѣснями“) и посланій къ православнымъ. Многія гомиліи, то-есть проповѣди отцевъ церкви были переведены на русскій языкъ. Утверждаютъ, что изданіемъ католическихъ книгъ на русскомъ языкѣ по преимуществу занимался Скорина, такъ какъ этого желалъ король Сигизмундъ. **

Даже Римъ принималъ въ этомъ дѣлѣ не малое участіе; но онъ избралъ чисто религіозную точку зрѣнія и потому издавалъ на церковно-славянскомъ языкѣ. На церковно-славянскомъ языкѣ изданы для католиковъ: Евангелія и Апостольскія Посланія въ Римѣ, въ 1631; Псалтирь, сперва въ Венгріи въ 1561, потомъ въ Римѣ, въ 1621 и 1629; Псалтирь вновь переведена и расположена по латинскому Бревіарію Леваровичемъ, въ Римѣ, въ 1648. ***

Изъ сказаннаго ясно видно, что католическая литература на русскомъ языкѣ не только представляла все необходимое для отправленій религіозной жизни, но и была, можно сказать, богата судя по тому времени. Католическіе священники были въ полной возможности поучать народъ вѣрѣ, произносить проповѣди и совершать въ своихъ церквахъ добавочное богослуженіе на русскомъ языкѣ. Мало того, они и не могли дѣлать иначе. Всѣ книги Ветхаго и Новаго Завѣта, безъ которыхъ проповѣдникъ ничего не можетъ сказать, изданы на русскомъ языкѣ Скориной между 1517 и 1525 годами, тогда какъ первое изданіе Библіи на польскомъ языкѣ появилось лишь въ 1561 году. Значитъ, русскіе католики въ западномъ краѣ гораздо прежде Поляковъ читали Св. Писаніе. Правда, нѣкоторыя книги Ветхаго Завѣта, какъ книга Соломона, Екклезіастъ, Псалтирь, книга Товита и книга Іисуса сына Сирахова, изданы на польскомъ языкѣ между 1522 и 1561

* Тамъ же.

** Добровскій, Соболевскій, Іохеръ, Гараеничъ, Бароничъ. Мацеевскій, *Encyklopedya powszechna.*

*** Сопиковъ.

[redacted]

годами; но эти книги, равно какъ и книги Ветхаго и Новаго Завѣта, изданныя въ 1561 году (переводъ священника Леополита), не вполнѣ католическія, и католикамъ воспрещалось чтеніе оныхъ. Польскій католическій переводъ, порученный іезуиту Якову Вуйкѣ, появился въ печати впервые въ 1593—1599 годахъ.

Что касается до Жмудиновъ, обращенныхъ въ католическую вѣру еще въ 1401 году, * то и въ ихъ средѣ русскій языкъ былъ прежде во всеобщемъ употребленіи. Первою книгой изданною на литовскомъ языкѣ признаются проповѣди священника Ширвида; онѣ напечатаны въ Вильнѣ въ 1629 г. Только въ наше время напечатаны для католиковъ въ 1805 году Евангеліе, въ 1816 году Новый Завѣтъ, въ 1826 году кантычки и другія книжки на литовскомъ, или, какъ нынче говорятъ, на жмудскомъ языкѣ. Ветхаго Завѣта у Литовцевъ пока не имѣется. Очевидно, что католическія книги и переводъ Библіи Скорины не могли не быть въ употребленіи и на Жмуди. Только въ XVIII вѣкѣ Литовцы начали отвыкать отъ русскаго языка, когда употребленіе его начали считать измѣной и соотвѣтственно тому наказывать. **

Приведемъ нѣсколько образчиковъ изъ перевода Библіи и другихъ трудовъ Скорины.

Переводъ 27-го (по Вульгатѣ 26-го) псалма.

„Господь просвѣщеніе мое и спаситель мой, кого ся убою? Господь защититель животу моему, отъ кого ся устрашу? Внегда приближаются намъ злобующіе снести плотей моихъ, оскорбляющи мя врази мои, тіи изнемогоша и падоша. Аще ополъчится на мя полкъ, не убоится сердце мое. Аще возстанетъ на мя брань, нань азъ уповаю. Едино просихъ отъ Господа, того и взыщу, да живу въ дому Господнемъ вся дни живота моего“....

Изъ Дѣяній Апостольскихъ, глава I:

„Первое убо слово сотворихъ о всѣхъ, о Ѳеофиле, о нихъ же начатъ Ісусъ творити же и вчити до него же дне заповѣда Апостоломъ Духомъ Святымъ, ихъ же изъбра, вознесеся. Предъ нимижъ и постави себе жива по страданіи своемъ во многѣхъ истинныхъ знамениихъ, деньми четыр-

* И. Даниловичъ.

** Гарасевичъ.

десятки, являяся имъ и глаголя о царствіи Божіи, и съ ними ядый"....

Содержаніе первой главы Дѣяній апостольскихъ:

„Повелѣваетъ Христосъ Апостоламъ не отхожати отъ Ерусалима. О воступленіи на небеса Господнемъ, о собраніи единадесяти Апостолъ, и о выбраніи Матеея на мѣсто Іюдино."

Въ концѣ читаемъ:

„Доконана есть сія книга, зовемая Апостолъ, еже замыкаетъ въ собѣ: наиперві Дѣянія апостольская, потомъ посланій святыхъ Апостолъ, соборныхъ 7, тажъ Епистолъ Св. Павла 14, лѣта по нароженіи нашего Спасителя Ісуса Христа, сына Божія; тысещнаго пятьсотнаго и двадесять пятого (1525), мѣсяца марта, при держаніи наласкавшего господаря Жикгымонта Казиміровича, короля Польскаго и великаго князя Литовскаго, и Русскаго, и Жомоитьскаго и иныхъ, во славномъ мѣстѣ Виленскимъ: выложена и вытиснена працею и великою пилностію доктора Франциска Скорины, съ Полоцка, Богу во Троицы единому и Пречистой Матери Его Маріи, со всѣми Святыми, ко чьти и людемъ посполитымъ къ доброму навченію."

На концѣ первой Моисеевой книги, въ переводѣ Скорины, читаемъ слѣдующее:

„То есть конецъ первыхъ книгъ Моисѣевыхъ, еже отъ Еврей называются Брешисъ, по-греческіи же и по-латине именуются Енезеосъ, а по-руски Бытья, Божіею помощію зуполнѣ выложены и вытесвены, повелѣніемъ и пильностію ученаго мужа, въ лекарскихъ наукахъ доктора, Франциска Скорины, съ Полоцка, у великомъ мѣстѣ Праскомъ, по лѣтехъ воплощенія слова Божія тысещного пятьсотнаго деветь на 10."

Точно такія же слова находятся на концѣ каждой Моисеевой книги въ переводѣ Скорины.

Приведемъ обращикъ изъ католическаго молитвенника, или „канонгика".

Канонъ Пресвятой Богородицѣ:

Ирмосъ I: „Отверзъ уста моя и наполняется духа, и слово отригну царици Матери, и явлюся свѣтло торжествуя, и воспою радуяся тое чудеса."

Ирмосъ II: „Сѣдяй во славѣ на престолѣ Божества, на облацѣ легъцѣ прииде Ісусъ пребожественный отъ Пречистыя Дѣвы и спасе вопіющихъ: слава Христе силѣ твоей".

[redacted]

Въ началѣ „Сборника“, то-есть календаря Скорины, напечатаннаго въ концѣ Дѣяній и посланій Св. Апостолъ въ Вильнѣ 1525 года читаемъ слѣдующее:

„Имашь пакъ въ сей книзе, мой любимыи приятелю, кгожъ будеши ея чести: Начала каждаго посланія червнымъ вызнамеиованы. Початки и концы всякому Апостолу, яко во церкви Божіи чтется. Ктому и дни мѣсяцей, въ нихже почиваются. На праздники Божіе и святыхъ его знаидешь положено червенымъ. Главы же яко и во *всѣхъ книгахъ Библіи* ветхаго и новаго закона мною на русскій языкъ выложенныхъ, што которая вообѣ вкратцѣ замыкаетъ.“ *

Считаемъ не лишнимъ указать, гдѣ можно найдти экземпляры Библіи переведенной Скориною. По словамъ Сопикова и Строева, въ Московскомъ государственномъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ находятся изъ перевода Скорины: 1) Моисеево патикнижіе, то-есть книга Бытія, Исходъ, Левитъ, Числъ и Второзаконіе; патикнижіе напечатано въ Прагѣ, въ 1519 году, на 364 листахъ, и при немъ находится 14 изображеній; 2) четыре книги Царствъ, напечатаны тамъ же, въ 1518 году, на 244 листахъ, при нихъ 11 изображеній; 3) книга Іудиѳь, напечатана тамъ же, въ 1519 году, на 26 листахъ, при ней одно изображеніе; 4) книга Есѳирь, напечатана тамъ же, въ 1519 году, на 26 листахъ, при ней 2 изображенія; 5) книга Руѳь, напечатана тамъ же, въ 1519 году, на 8 листахъ; 6) книга Іова напечатана тамъ же, въ 1817 году, на 51 листѣ, при ней 2 изображенія, 7) и наконецъ книга Даніила пророка; напечатана тамъ же, въ 1519 году, на 40 листахъ и при ней находится одно изображеніе. Въ библіотекѣ графа Ѳ. Толстаго изъ изданій Скорины находятся слѣдующія: 1) книга Премудрости Соломона въ 2 экземплярахъ; она напечатана въ городѣ Прагѣ, въ 1518 году, на 32 листахъ и при ней находится 1 изображеніе; 2) книга Даніила пророка въ 2 экземплярахъ, 3) книга Есѳирь въ 2 экземплярахъ, 4) книга Іудиѳь въ 2 экземплярахъ, объ изданіи которыхъ говорено; 5) книга Судей Израилевыхъ, напечатана тамъ же, на 48 листахъ и при ней одно изображеніе; 6) книга Экклезіастъ Соломона; напечатана тамъ же, въ 1518 году, на 18 листахъ, при ней одно изображеніе, 7) книга

* Сопиковъ, Іохеръ.

Притчей Соломона; напечатана тамъ же, въ 1517 году, на 48 листахъ, при ней 2 изображенія, 8) книга Іисуса сына Сирахова; напечатана тамъ же, въ 1517 году, на 81 листѣ, при ней одно изображеніе, 9) книга Іисуса Навина; напечатана тамъ же, въ 1518 году, на 48 листахъ, при ней одно изображеніе; 10) книга Іова, объ изданіи коей говорено; 11) книга Пѣсни Пѣсней; напечатана тамъ же, въ 1518 году; на 12 листахъ, при ней одно изображеніе; 12) книга Плачъ Іереміи пророка; напечатана тамъ же, въ 1519 году, на 12 листахъ, и при ней находится одно изображеніе.

Въ библіотекѣ Духовной типографіи въ Москвѣ хранятся четыре книги Царствъ, изданныя въ Прагѣ. Въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ имѣются два экземпляра книги Іисуса сына Сирахова, изданіе пражское 1517 года. Въ библіотекѣ оставшейся послѣ проф. Московскаго университета Баузе находится: 1) книга Дѣянія и Посланія Св. Апостолъ; напечатана въ Вильнѣ, 1525 г., — апостольскія дѣянія напечатаны на 8-ми листахъ, посланія апостола Павла на 187, другихъ же апостоловъ на 36; въ концѣ этой книги находится „сборникъ, то-есть святцы; они напечатаны на 48 листахъ; 2) книга Іова; и наконецъ 3) „молитвенникъ-канонникъ“, сочиненія тоже Скорины; * канонникъ напечатанъ впервые въ городѣ Вильнѣ, 1525 года, и притомъ болѣе чѣмъ на 224 листахъ. Въ библіотекѣ Чадаева хранится одинъ экземпляръ книги *Дѣянія и Посланія Св. Апостолъ*. Извѣстно также, что въ библіотекѣ статскаго совѣтника Дубровскаго имѣются: 1) книга Іова; 2) книга Еkклезіастъ; 3) книга Премудрости; 4) книга Іисуса сына Сирахова; 5) книга Притчи царя Соломона, и 6) книга Пѣсни Пѣсней. ** Наконецъ Моисеево пятикнижіе въ переводѣ Скорины находится въ библіотекѣ Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ. Переводъ Библіи Скорины у Поляковъ находится въ библіотекѣ Дзіанскихъ въ Курникѣ, въ библіотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ. Въ епископской библіотекѣ, въ городѣ Мунчѣ, находятся: книга Іисуса Навина, Судей, Руѳь, Іудиѳь и Есѳирь. Самое большое число экземпляровъ перевода Библіи Скорины

* Этотъ канонникъ Скорины сгорѣлъ во время пожара (Вишневскій).

** Сопиковъ и другіе.

находилось въ Варшавѣ по разнымъ библіотекамъ, и именно въ такъ-называемой библіотекѣ епископа Залускаго. *

Изъ перевода Библіи, сдѣланнаго Ф. Скориной, Сопиковъ видѣлъ 16 книгъ, Строевъ же 22 книги.

Мы видимъ такимъ образомъ, что католическія сочиненія, особенно изданія Скорины, нынѣ крайне рѣдки. Касательно причины этого явленія, Добровскій, Сопиковъ, Строевъ, Соболевскій, Іохеръ, Собещанскій и издатели *Encyclopedyi powszechnej* говорятъ, что католическія книги и переводъ Библіи Скорины на русскомъ языкѣ были усердно истребляемы, какъ православными, такъ еще болѣе Поляками. Польскіе писатели М. Вишневскій и К. Мацевичъ говорятъ, ** что когда переводъ Библіи Скорины, напечатанный въ Прагѣ, везли въ сѣверозападный край, много экземпляровъ его пропало-де въ дорогѣ. Причины этой „пропажи" Вишневскій и Мацевичъ не показываютъ, но о ней не трудно догадаться.

Поляки преслѣдовали Скорину, и когда въ 1525 году, возвращаясь изъ Праги, онъ побывалъ въ Виттенбергѣ, гдѣ тогда возсталъ противъ папы Лютеръ, постарались навлечь подозрѣніе, будто Скорина имѣлъ сношеніе съ Лютеромъ. Скорина былъ арестованъ подъ именемъ „Франциска изъ Польши" и присужденъ къ сожженію. Его судили подъ чужимъ именемъ, потому что имя Скорины въ сѣверо-западномъ краѣ было весьма извѣстно, какъ имя человѣка самаго преданнаго католической вѣрѣ. Къ счастію, Скорина успѣлъ оправдаться и опять возвратился въ Вильну. Но Поляки и здѣсь отъ него не отстали: въ Вильнѣ они не давали ему покоя, постоянно таскали его по судамъ и исходатайствовали два судебныя рѣшенія во вредъ ему. Видя вопіющія несправедливости со стороны Поляковъ, король Сигизмундъ, въ 1532 году, издалъ два повелѣнія, коими уничтожилъ упомянутыя судебныя рѣшенія и самого Скорину взялъ подъ свое личное королевское покровительство. ***

Замѣтимъ, что противъ перевода Библіи Скорины нѣтъ ни

---

* Вишневскій.

** *Historya literatury polskiej* т. VIII.

*** *Encyklopedya powszechna*, т. XXIII.

одного заявленія со стороны католическихъ епископовъ; * напротивъ, имѣется даже каноническое одобреніе его въ протестѣ виленскаго епископа. Въ 1526 году виленскій епископъ Іоаннъ, желая распространить знаніе польскаго языка въ средѣ мѣстныхъ русскихъ населеній, приказалъ переводить Евангеліе и Апостолъ не только по-русски, какъ это дѣлалось до тѣхъ поръ, но и по-польски; ** а въ слѣдующемъ 1527 г., для усиленія польщизны, при костелѣ Св. Іоанна въ Вильнѣ, кромѣ проповѣдника изъ мѣстныхъ уроженцевъ, назначенъ проповѣдникъ Полякъ, не безъ вліянія, безъ сомнѣнія, того же епископа. *** Тотъ фактъ, что виленскій епископъ Іоаннъ не запретилъ переводить Евангеліе и Апостолъ на русскій языкъ (то-есть читать русскій переводъ, какимъ тогда былъ одинъ переводъ Скорины), но велѣлъ только прибавить и польскій переводъ, то-есть переводить (ибо польскаго перевода Библіи тогда еще не существовало), надо считать каноническимъ одобреніемъ перевода Скорины. Запретить употребленіе этого перевода, изъ-за того только что онъ писанъ по-русски, виленскіе епископы не посмѣли, потому что Римскій дворъ находилъ полезнымъ употребленіе русскаго языка въ католическихъ церквахъ посреди русскихъ населеній западнаго края. **** Дѣйствія Рима въ этомъ отношеніи не ограничились одними протестами противъ подавленія со стороны Поляковъ русскаго языка и уничтоженія русскихъ книгъ, заключающихъ въ себѣ католическое ученіе. Въ XVII вѣкѣ, католическій Псалтирь на русскомъ языкѣ, или точнѣе на славянскомъ, нѣсколько разъ былъ издаваемъ въ Римѣ и распространяемъ оттуда въ западномъ краѣ вмѣстѣ со многими другими русскими книгами католическаго содержанія. †

Въ 1717 году, Поляки торжественно заявили, что для польщизны вреднѣе всего тѣ изъ Русскихъ, кои читаютъ свои русскія книги. Къ числу этихъ русскихъ книгъ, вредныхъ

---

* Соболевскій, въ *Pamiętniku Warszawskim* за 1815 годъ. Іохеръ, Собещанскій, Вишневскій, Мацевичъ и *Encyklopedya powszechna.*

** Пріамовскій, Іохеръ.

*** Пріамовскій, Дубинскій.

**** Іезуитъ Поссевинъ, Гарасевичъ, *Annales Ecclesiae Ruthenae.*

† Поссевинъ, Сопиковъ, Леонидъ Сывльный, Морошко.

польщизнѣ, безъ сомнѣнія, причислены Поляками и русскія книги католическаго содержанія, хотя назвать ихъ поименно вредными Поляки тогда не посмѣли, чтобы не поссориться съ Римомъ. * Съ этихъ поръ начинается со стороны Поляковъ самое усиленное истребленіе въ западномъ краѣ русскихъ книгъ и памятниковъ, особенно католическаго содержанія.

Въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ средѣ Поляковъ явились люди, у которыхъ страсть собирать книги, — съ цѣлію, какъ говорили Поляки, спасти памятники польскаго владычества, — доходила до маніи. Таковы были: Кіевскій епископъ Іосифъ Залускій, Адамъ Нарушевичъ, Ѳаддей Чацкій, Иванъ Тарновскій, Самуилъ Линде, Осипъ Оссолинскій, Константинъ Свидзинскій и многіе другіе. Если епископу Залускому не представлялось возможности, ни на деньги, ни при помощи правительства, достать какую-нибудь книгу, либо рукопись, о существованіи которой ему было извѣстно, то онъ старался ее украсть; такъ же поступали Чацкій, Тарновскій Линде, Оссолинскій, Свидзинскій и другіе. ** Около 1737 года кіевскій епископъ Іосифъ Залускій основалъ въ Варшавѣ публичную библіотеку. Не только Залускому, но и польскому королю Августу III желалось собрать изо всей бывшей Польши въ Варшаву все печатное и письменное. Дабы дать средства для подобныхъ экспедицій, король Августъ предоставилъ епископу Залускому Вонхоцкое аббатство, доставлявшее весьма большой доходъ. Кромѣ того, онъ получалъ огромныя суммы съ духовныхъ имѣній, находившихся не только въ Польшѣ и въ западномъ краѣ, но и во Франціи. Всѣ эти доходы были обращаемы Залускимъ на собраніе книгъ; онъ жилъ такъ скромно, что ѣлъ лишь хлѣбъ да сыръ. По словамъ Поляковъ, Залускому удалось собрать неимовѣрно большое число книгъ и рукописей, особенно писанныхъ на русскомъ языкѣ; въ числѣ этихъ книгъ были и русскій переводъ Библіи Скорины, католическіе святцы, каноники и другіе католическіе молитвенники и книги, какъ

---

* Гарасевичъ, стр. 160.

** *Encyklopedya powszechna.*

Скорины, такъ равно и другихъ авторовъ на русскомъ языкѣ.* Іезуиту Адаму Нарушевичу, викарію смоленскаго епископа, скончавшемуся въ 1796 году, король Станиславъ-Августъ поручилъ написать исторію Польши. Поэтому Нарушевичъ, на казенныя деньги, часто объѣзжалъ страны, принадлежавшія когда-то Польшѣ, и старался собрать все рѣдкое, особенно русскія книги и памятники. Около 1790 года, Осипъ Оссолинскій успѣлъ объѣздить всѣ области принадлежавшія Польшѣ и забралъ множество рукописей и книгъ изъ монастырскихъ и церковныхъ библіотекъ. Ѳаддей Чацкій дѣйствовалъ уже при нашемъ правительствѣ. Поляки пишутъ, что въ западномъ краѣ нѣтъ ни города, ни библіотеки, ни костела, ни церкви, гдѣ бы не былъ Ѳаддей Чацкій, съ цѣлью собрать польскія, а еще болѣе русскія книги и рукописи. Иванъ Тарновскій, племянникъ и ученикъ Ѳаддея Чацкаго, слѣдовалъ примѣру дяди и не щадилъ своихъ громадныхъ богатствъ на покупку и пріобрѣтеніе всякими средствами книгъ и рукописей. Самуилъ Линде, директоръ бывшей публичной библіотеки въ Варшавѣ, въ 1819 году, получилъ порученіе отъ нашего правительства разсмотрѣть всѣ библіотеки упраздненныхъ монастырей. Въ числѣ этихъ упраздненныхъ монастырей были по преимуществу іезуитскіе, и въ нихъ, какъ извѣстно, болѣе всего находилось памятниковъ русской народности и слѣдовательно католическихъ книгъ, писанныхъ на русскомъ языкѣ. Изъ собранныхъ такимъ образомъ книгъ, Линде доставилъ въ публичную библіотеку въ Варшавѣ 50 тысячъ; дупликаты же раздарилъ библіотекамъ католическихъ семинарій и польскихъ училищъ.

Константинъ Свидзинскій, послѣ окончанія наукъ въ Варшавскомъ лицеѣ въ 1812 г., предался собиранію книгъ и рукописей и для этого постоянно ѣздилъ по западному краю. Въ 1833 году онъ даже продалъ свое обширное имѣніе въ Малороссіи и вырученныя деньги обратилъ на удовлетвореніе своей страсти.

Кромѣ этихъ польскихъ дѣятелей, было много и другихъ, которые точно также разъѣзжали по западному краю и Польшѣ и старались пріобрѣтать (нерѣдко и крали), книги

* Юліанъ Бартошевичъ, Яноцкій, Вишневскій, Мацевичъ, *Encyklopedya powszechna.*

и рукописи, вредныя польщизнѣ, какими по преимуществу считались книги и рукописи писанныя по-русски. * Епископы помогали собирателямъ и предписывали ксендзамъ выдавать имъ что̀ выберутъ изъ прикостельныхъ библіотекъ и указывать книги и рукописи, какія находятся у ихъ прихожанъ.

Какое же употребленіе сдѣлали Поляки изъ собранныхъ книжныхъ и рукописныхъ богатствъ? Дабы отвѣчать на этотъ вопросъ, приведемъ слова польскихъ писателей Михаила Вишневскаго и Мацевича. Вотъ что̀ говорятъ они: ** „Нѣтъ и сомнѣнія, что въ библіотекѣ Залускихъ находился переводъ Скорины; но Добровскій, который въ 1792 „году посѣтилъ Варшаву, уже не нашелъ русскихъ руко„писей, о которыхъ писалъ Яноцкій въ *Specimen catalogi* „*codicum manuscriptorum Bibliothecae Zaluscianae.* *** Еще въ „1786 году, библіотекарь (Залускаго) Козминскій доносилъ „въ Вѣну профессору Злобицкому, что епископъ Залу„скій раздарилъ славянскія рукописи русскимъ попамъ. Точ„но то же случилось и съ печатными русскими книгами.“ Странное дѣло! раздаривается съ такою легкостію то что̀ такъ усердно и съ такимъ трудомъ собиралось, что̀ нерѣдко приходилось красть, лишь бы пріобрѣсти; и раздаривается къ тому же русскимъ попамъ!

Извѣстно, что Поляки всѣми способами угнетали православныхъ священниковъ и избѣгали съ ними всякихъ дружескихъ сношеній, называя ихъ схизматиками. Русскими же попами назывались у нихъ уніатскіе священники. Этимъ священникамъ Поляки не только не дарили русскихъ книгъ и рукописей, какъ писалъ Козминскій, а напротивъ, старались отнимать у нихъ, какъ и у католиковъ, книги писанныя на русскомъ языкѣ. Уже въ самомъ концѣ XVII вѣка уніатскій канонникъ былъ переведенъ на польскій языкъ. Уніатскіе акаѳисты и молебны (тѣ же что̀ у православныхъ) переведены на польскій языкъ и напечатаны въ Почаевѣ въ 1756, а въ Вильнѣ въ 1787 годахъ; той же участи подверглись многія богослужебныя уніатскія книги, и по нимъ заставляли служить. Употребленіе русскаго языка въ уніатскихъ семи-

---

* *Encyclopedya powszechna.*

** *Historya literatury polskiej*, т. VIII, стр. 478.

*** Дрезденъ, 1750 г.

варіяхъ было строжайше запрещено: уроки преподавались отчасти по-латыни, но болѣе по-польски. Въ началѣ XIX вѣка, уже подъ нашимъ правительствомъ, бывшимъ іезуитомъ Шантыремъ всѣ католическія богослужебныя книги переведены съ латинскаго языка на польскій и изданы. По этимъ католическимъ миссаламъ и бревіаріямъ въ польскомъ переводѣ заставляли уніатскихъ священниковъ служить церковныя службы. Наконецъ наше правительство осмотрѣлось, запретило это попраніе русской народности, и возвратило славянскій языкъ въ уніатскія церкви. *

При такомъ желаніи ополячить уніатовъ, есть ли какая-нибудь возможность, чтобы уніатскимъ попамъ раздаривались русскія книги и рукописи? Между тѣмъ не только древнія католическія книги, писанныя на русскомъ языкѣ, но и недавно изданныя, составляютъ нынѣ весьма большую библіографическую рѣдкость. Такъ, напримѣръ, католическій *Псалтирь* въ русскомъ переводѣ Скорины, изданный въ Почаевѣ, въ 1798 году,—католическій *Катихизисъ*, изданный на русскомъ языкѣ католическимъ священникомъ Іодзевичемъ, въ С.-Петербургѣ, въ 1818 году,—точно такой же католическій *Катихизисъ*, изданный католическимъ священникомъ Рапчинскимъ въ Вильнѣ, въ 1822 году и, наконецъ, католическій *Катихизисъ*, изданный на русскомъ языкѣ въ епархіальной типографіи, въ Вильнѣ, около 1833, — нынѣ весьма рѣдко у кого имѣются.

Черезъ годъ послѣ того какъ епископъ Залускій раздарилъ, по словамъ Козминскаго, русскимъ попамъ русскія книги, а именно 16-го іюля 1788 года, виленскій епископъ Массальскій запретилъ употребленіе русскаго языка въ римско-католическихъ церквахъ, назначивъ на его мѣсто польскій. Такимъ образомъ, древнее каноническое постановленіе, въ силу котораго католическіе священники Виленской епархіи или, что̀ почти то же, сѣверо-западнаго края, были обязаны произносить проповѣди, поучать свою паству вѣрѣ и совершать дополнительныя молитвы въ костелѣ на простонародномъ, то-есть на русскомъ языкѣ, въ 1788 году, въ угоду польщизнѣ, упразднено. Вотъ текстъ этого предписанія виленскаго епископа въ русскомъ переводѣ:

* Гарасевичъ, стр. 864 и 865.

[redacted]

„Намъ необходимо вымолить у Бога милосердіе посредствомъ всенароднаго покаянія и моленія. Поэтому, до тѣхъ поръ пока сеймъ не окончитъ своихъ дѣйствій, во всѣхъ приходскихъ и монастырскихъ костелахъ епархіи нашей по воскресеньямъ и праздникамъ „суппликація“ (молебствіе, о которомъ *будетъ* рѣчь ниже) и псаломъ 46 (45) *Богъ намъ прибѣжище*, да будутъ совершаемы *всѣмъ народомъ на польскомъ языкѣ*.“ *

Хотя въ этомъ предписаніи виленскаго епископа не говорится ни слова на какомъ языкѣ произносить проповѣди и поученія вѣрѣ (епископу было неловко явно упразднять старое постановленіе, подтвержденное на Виленскомъ соборѣ 1744 года), тѣмъ не менѣе отсюда прямо вытекаетъ, что поучать народъ вѣрѣ должно на языкѣ польскомъ. Въ немъ приказывается народу пѣть на польскомъ языкѣ; очевидно, ксендзы тѣмъ болѣе обязаны были употреблять польскій языкъ и произносить на немъ проповѣди, поученія и дополнительныя молитвы. Само собою разумѣется, Поляки постарались приказаніе епископа Массальскаго истолковать въ самомъ обширномъ смыслѣ въ пользу польщизны, что̀ именно и желалось самому епископу. Кто осмѣливался въ западномъ краѣ говорить по-русски, тѣхъ считали измѣнниками *коханэй ойчизны* и страшно преслѣдовали. При чтеніи описанія какъ Поляки преслѣдовали русскую народность и тѣхъ кто говорилъ по-русски, волосы становятся дыбомъ. Всѣ русскія училища были закрыты; управителямъ имѣній было строжайше приказано смотрѣть, чтобы никто не смѣлъ обучаться русской грамотѣ, и чтобы тѣхъ, кто умѣютъ читать книги писанныя по-русски, отдавать въ солдаты. Поляки называли уроженцевъ западнаго края, употребляющихъ русскій языкъ, не иначе какъ *быдломъ* (скотомъ), и говорили имъ постоянно, что они не перестанутъ быть *быдломъ*, пока не усвоятъ себѣ польскаго языка и польской народности. **

Мы говорили выше, что въ XVI и XVII вѣкахъ римскій дворъ былъ за употребленіе русскаго языка въ костелахъ западнаго края, но въ XVIII вѣкѣ, особенно послѣ перваго раздѣла Польши, дѣло измѣнилось. Императрица Екатерина не придавала значенія папскимъ повелѣніямъ; на нихъ мало

* Пріимовскій.

** Гарасевичъ, стр. 69, 159, 160 и мног. друг.

обращали вниманія митрополитъ Сестренцевичъ и іезуиты въ Бѣлоруссіи: воля правительства была уважаема выше папскихъ велѣній. Сестренцевичъ былъ готовъ даже отдѣлиться отъ папы. Потому, запрещая употребленіе польскаго языка въ костелахъ, виленскій епископъ Массальскій вполнѣ надѣялся на одобреніе своихъ дѣйствій и со стороны Рима.

Преемникъ Массальскаго, епископъ Иванъ Коссаковскій, пошелъ далѣе: благодаря ему, создалась громадная церковная литература на польскомъ языкѣ. Онъ воспользовался правительственнымъ распоряженіемъ, которое само по себѣ было скорѣе вредно чѣмъ полезно полыцизнѣ. 26-го іюля 1799 года * высочайше повелѣно: ввести съ 1800 года лѣтосчисленіе по старому стилю въ нынѣшнихъ Виленской, Ковенской и Гродненской губерніяхъ, согласно тому какъ принято въ остальной Россіи. Подъ предлогомъ будто это необходимо для введенія русскаго лѣтосчисленія, Коссаковскій постарался издать новые молитвенники на польскомъ языкѣ, а старые молитвенники и католическія книги писанныя по-русски окончательно уничтожилъ. По распоряженію епископа, священники Моравскій и Андреевскій издали польскіе молитвенники *Оффиціумъ*, то-есть ежедневное молитвословіе христіанъ, *Дневникъ молитвословія для дѣтей*, *Кантычки*, то-есть благоговѣйныя пѣсни, *Катихизисъ*, то-есть христіанское ученіе и пр. ** Какъ эти, такъ и многія другія польскія книги, какъ напримѣръ, *Объ обязанностяхъ учителей*, *Народное чтеніе*, *Ариѳметика*, *Христіанское ученіе*, *Нравственное ученіе* и пр., были разосланы Коссаковскимъ въ огромномъ числѣ экземпляровъ по всѣмъ приходамъ и притомъ даромъ. Такъ какъ тогда польскихъ книгъ некому было читать, ибо здѣшній народъ былъ въ это время знакомъ болѣе съ русскою грамотой чѣмъ съ польскою, епископъ Коссаковскій приказалъ ксендзамъ открыть при каждой римско-католической церкви приходское училище. Въ 1807 году, въ Виленской и въ сѣверной части Гродненской губерніи, учащихся польской грамотѣ въ приходскихъ училищахъ было изъ шляхты 613, изъ мѣщанъ 251, изъ крестьянъ 1.192 мальчика, итого учащихся 2.066 человѣкъ. Въ слѣдующихъ годахъ число учащихся польской грамотѣ

* *Полн. Собр. Зак.*. т. XXV, № 19.049.

** Пріамовскій.

увеличилось, благодаря виленскому „Человѣколюбивому Обществу“ и политическимъ обществамъ „Уличниковъ“, „Филаретовъ“, „Филоматовъ“ и братству „Объединенія“ основаннымъ въ Вильнѣ около 1820 года; члены этихъ обществъ были разсѣяны по всему западному краю, и стремились къ возстановленію Польши въ границахъ 1772 года *. Что̀ дѣлалось въ Виленской епархіи, то повторялось и въ остальныхъ католическихъ епархіяхъ западнаго края.

Подъ благовиднымъ предлогомъ введенія календаря стараго стиля, Полякамъ удалось достать отъ мѣстной виленской администраціи распоряженіе изъять изъ употребленія старые молитвенники и разнаго рода другія религіозныя книги. Это распоряженіе правительства усердно исполнено чиновниками-Поляками, такъ что польскимъ ревнителямъ вполнѣ удалось окончательно уничтожить римско-католическую литературу на русскомъ языкѣ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, благодаря тому же Коссаковскому, польскіе дѣятели получили отъ правительства въ свои руки гродненскую поіезуитскую типографію, перевели ее въ Вильну и отдали ксендзамъ миссіонерамъ, подъ названіемъ „виленской епархіальной типографіи“. Въ этой типографіи, существовавшей до 1843 года, напечатано громадное количество разныхъ польскихъ книжекъ для народа, кои и продавались во всемъ западномъ краѣ по весьма дешевой цѣнѣ. Въ этой же типографіи, замѣтимъ кстати, едва ли не впервые, началось печатаніе офиціальныхъ распоряженій правительства съ польскимъ переводомъ, хотя этого вовсе не требовалось, такъ какъ жители сѣверо-западнаго края хорошо понимали, какъ понимаютъ и нынѣ, русскій языкъ. **

Благодаря мѣрамъ, введеннымъ въ западномъ краѣ въ началѣ нынѣшняго вѣка, дѣло ополяченія этого края пошло такъ быстро, какъ прежде никогда не двигалось, ибо отнынѣ все дѣлалось посредствомъ мощнаго русскаго правительства. Благодаря успѣхамъ польщизны, годъ присоединенія западнаго края къ Россіи (1795 г.) польскіе писатели считаютъ годомъ, съ котораго Польша начинаетъ возстановляться къ полной жизни. По ихъ словамъ, погребенная Польша съ 1795

---

* Пріамовскій и *Исторія иконы Остробрамской Богородицы* въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за прошлый 1867 годъ.

** Пріамовскій.

года начала возставать изъ гроба. Очень можетъ статься, что западный край совершенно ополячится, если мы будемъ попрежнему сами помогать дѣлу польщизны и оставлять въ силѣ орудія ополяченія, противъ котораго до нынѣ не предпринято ничего существеннаго.

Народонаселеніе западнаго края успѣло вынести свою русскую народность въ довольно цвѣтущемъ состояніи изъ-подъ ударовъ Польши, наносимыхъ ей съ 1386 года по 1795 годъ. Да и въ нынѣшнемъ столѣтіи, когда Поляки стали давить русскую народность при помощи русской власти, на чердакахъ и въ подземельяхъ, какъ разказываютъ старожилы, еще долго, долго старые католики творили молитву Богу по русскимъ молитвенникамъ и услаждали свою земную жизнь чтеніемъ своихъ церковныхъ книгъ, писанныхъ на русскомъ языкѣ.

Общества, о коихъ упомянуто выше, имѣвшія цѣлію утверждать и распространять польщизну въ краѣ („Уличниковъ", „Филаретовъ", „Филоматовъ", „Объединенія",) и составившіяся преимущественно около 1818 года, развертывали, нимало не таясь, сѣть своихъ враждебныхъ дѣйствій. Наконецъ, мѣра терпѣнія правительства переполнилась, и въ 1822 году оно принуждено было закрыть въ Вильнѣ *Уличныя свѣдѣнія*, органъ политическаго Общества Уличниковъ, имѣвшій цѣлью сблизить польскихъ помѣщиковъ съ народомъ и уронить русское правительство и русскую народность. Населеніе получило нѣкоторую возможность перевести духъ, и въ томъ же 1822 году въ Вильнѣ напечатанъ католическій катихизисъ на русскомъ языкѣ. Этотъ катихизисъ изложенъ ксендзомъ Рапчинскимъ довольно пространно. Въ то же время нѣкоторые католическіе священники, именно сельскіе, начали опять поучать своихъ прихожанъ на русскомъ народномъ языкѣ. „На востокъ отъ Нѣмана и Буга, говоритъ извѣстный польскій историкъ Лелевель, народъ повсемѣстно говоритъ по-русски, а Жмудины—по-литовски. У здѣшняго народа польское слово *ойчизна* не употребляется. Народъ русскій не имѣлъ охоты идти на войну (то-есть въ мятежъ 1831), онъ спокойно смотрѣлъ на пановъ, идущихъ на войну, и не надѣялся, чтобы бытъ его могъ улучшиться" *—въ случаѣ еслибы мятежъ удался.

---

* Въ польскомъ сочиненіи: *Возраждающаяся Польша, или исто-*

Извѣстно, что Поляки всѣми силами старались и стараются уронить наше правительство въ глазахъ мѣстнаго населенія. Совершать молебствіе въ римско-католическихъ храмахъ за Царствующій Домъ на языкѣ понятномъ народу оказалось противнымъ интересамъ польщизны; постарались устроить такъ, чтобы молебствіе это по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ совершалось по-латыни. На это злоупотребленіе правительство обратило вниманіе, и римско-католическою коллегіей, въ 1832 году, католическимъ священникамъ по всей Россіи приказано совершать молебствіе за Августѣйшій Домъ и поучать народъ вѣрѣ не иначе какъ на языкѣ употребляемомъ мѣстными прихожанами. * Въ слѣдующемъ 1833 году Высочайше повелѣно въ католическихъ семинаріяхъ въ Россіи не только преподавать всѣ уроки по-русски и по-латыни, но учить произношенію проповѣдей и наставленію въ вѣрѣ на мѣстномъ народномъ языкѣ. Распоряженія 1833 года подтверждены въ 1852 году **; но оба Высочайшія повелѣнія 1833 и 1852 годовъ остаются доселѣ неисполненными.

Около 1834 года, въ Вильнѣ, въ епархіальной типографіи, напечатанъ католическій катихизисъ на русскомъ языкѣ, одобренный бывшимъ профессоромъ Виленскаго университета священникомъ Антоніемъ Фіалковскимъ. *** Въ 1843 года священникомъ М. Гербуртомъ издана извѣстная проповѣдь Св. Григорія Назіанзина „о состраданіи къ нищимъ“ въ русскомъ и польскомъ переводахъ, съ длиннымъ коммеаторіемъ, также на русскомъ и польскомъ языкахъ. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, виленскій генералъ-губернаторъ И. Г. Бибиковъ, онъ же и попечитель

рія Польши съ 1795 года. Брюссель, 1836 годъ. Это учебникъ предназначенный для дѣтей.

* Указъ римско-кат. коллегіи отъ 31-го августа 1832 г., за № 1823. См. *Современная Лѣтопись* за 1867 г., № 37.

** Уставъ Виленской духовной римско-католической академіи, высочайше утвержденный 1-го іюля 1833. *Полн. Собр. Зак.* т. VIII, № 6296. Сообщено графомъ Перовскимъ отъ 25-го февраля 1852 г., за № 490. См. *Современная Лѣтопись* за 1867, № 37.

*** Въ нашемъ экземплярѣ недостаетъ заглавнаго листа. Намъ кажется, что этотъ катихизисъ есть сочиненіе Іодзевича, напечатанный прежде въ Петербургѣ въ 1818, какъ выше сказано.

Виленскаго учебнаго округа, полагалъ необходимымъ, для умиротворенія западнаго края, ввести русскій языкъ въ католическое преподаваніе закона Божія. Этотъ вопросъ И. Г. Бибиковъ разрабатывалъ съ большимъ усердіемъ. Православное духовенство не только не препятствовало, но содѣйствовало ему въ этомъ, и отыскало экземпляръ католическаго катихизиса, написаннаго католическимъ священникомъ Ранчинскимъ въ 1822 году. Изъ Вильны дѣло это перешло въ Петербургъ *. По всей вѣроятности, именно благодаря этой иниціативѣ, явился катихизисъ, написанный священникомъ Д. Стацевичемъ и одобренный митрополитомъ Головинскимъ, въ 1853 году. Катихизисъ Стацевича тогда же былъ введенъ въ военно-учебныя заведенія, а въ 1865 году и во всѣ гражданскія учебныя заведенія въ Россіи, вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, состоявшагося въ 8-й день октября 1865 года.

Между тѣмъ многіе изъ сельскихъ католическихъ священниковъ начали произносить наставленія въ вѣрѣ на русскомъ языкѣ, или по крайней мѣрѣ они постоянно вмѣшивали въ свои поученія русскія слова, чтобы сдѣлать ихъ понятными для народа, какъ напримѣръ Діонисій Хлѣвинскій и Казиміръ Контримъ, а Игнатій Козловскій постоянно произносилъ проповѣди на русскомъ языкѣ.

Несмотря на выдумки Поляковъ, народонаселеніе западнаго края католическаго вѣроисповѣданія, вполнѣ подготовлено къ принятію русскаго языка въ церковное употребленіе. Въ эпоху управленія краемъ графа Муравьева всѣ считали неизбѣжнымъ введеніе русскаго языка въ церковное употребленіе. Намъ хорошо помнится, что распускались объ этомъ слухи по деревнямъ и селамъ, и дѣло выставлялось въ томъ видѣ, будто графъ Муравьевъ, введеніемъ русскаго языка въ костелы, намѣревается нарушить католическую вѣру. Любопытно было слѣдить за толками народа. Введеніе русскаго языка въ римско-католическія церкви народъ

* Мы получили эти свѣдѣнія отъ высшаго православнаго духовенства въ Вильнѣ, принимавшаго въ этомъ дѣлѣ самое горячее участіе. По порученію своего начальства, каѳедральный священникъ Антоній Пщолко, отыскалъ для И. Г. Бибикова экземпляръ катихизиса сочиненнаго Ранчинскимъ.

[redacted]

всюду признавалъ справедливымъ, и радовался этому; принять эту мѣру безропотно готовы были и священники, особенно послѣ подписанія адреса въ началѣ 1864 года. Народъ желалъ только, чтобы молитвенники, къ которымъ уже привыкли многіе католики, остались для нихъ безъ перемѣны въ своемъ содержаніи.

Въ началѣ 1866 года образована въ Вильнѣ такъ-называемая ревизіонная коммиссія по дѣламъ католическаго духовенства. На первыхъ засѣданіяхъ этой коммиссіи никто изъ членовъ не сомнѣвался въ пользѣ и необходимости введенія русскаго языка въ костелы. Только въ послѣдствіи вопросъ этотъ затормозился: нѣкоторые изъ членовъ предлагали допустить въ костелѣ употребленіе лишь одного латинскаго языка, другіе же говорили въ пользу того, чтобъ оставить польскій языкъ попрежнему, но все-таки большинство членовъ было на сторонѣ того мнѣнія, что необходимо ввести русскій языкъ. Мнѣнія членовъ ревизіонной коммиссіи, по убѣжденію коихъ вредно вводить русскій языкъ въ римско-католическое церковное употребленіе, въ 1867 году явились въ печати, и въ томъ же году, въ *девятой* книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, напечатанъ подробный и обстоятельный разборъ этихъ мнѣній.

Вслѣдъ за исполненіемъ высочайшаго повелѣнія 1865 года о преподаваніи закона Божія воспитанникамъ католическаго исповѣданія въ учебныхъ заведеніяхъ по-русски, въ конвиктѣ виленской гимназіи возникъ вопросъ, на какомъ языкѣ воспитанникамъ-католикамъ читать ежедневныя молитвы? Вопросъ этотъ не встрѣтилъ ни малѣйшаго сомнѣнія; всѣ сочли его прямо подходящимъ подъ высочайшее повелѣніе 1865 года, и потому молитвы переведены съ польскаго языка на русскій, одобрены управляющимъ Виленскою епархіей и введены въ употребленіе въ виленскомъ конвиктѣ безо всякой переписки съ высшимъ начальствомъ. Это было въ началѣ 1866 года.

Въ 1867 году подобный же вопросъ возникъ въ конвиктѣ Витебской гимназіи. Молитвы, переведенныя витебскимъ католическимъ законоучителемъ, представлены были попечителю Виленскаго учебнаго округа. Въ Вильнѣ съ этими молитвами возились весьма долго, и наконецъ нашли нужнымъ отправить ихъ въ Петербургъ. Оттуда получено разрѣшеніе, и недавно въ Вильнѣ онѣ напечатаны вмѣстѣ съ краткимъ католическимъ

катихизисомъ. Эти молитвы занимаютъ всего 10 страницъ печати. Такимъ образомъ сдѣлано насущное для учениковъ; но ученики современемъ оставятъ училище и выйдутъ въ міръ: этого молитвенника будетъ для нихъ недостаточно. Да и кромѣ учениковъ, въ западномъ краѣ есть народныя массы католическаго исповѣданія, которыя нынѣ принуждены и выражать свои религіозныя чувства и слушать поученія о вѣрѣ на польскомъ языкѣ; о нихъ-то необходимо позаботиться и разрѣшить имъ молиться по-русски и слушать проповѣди на ихъ родномъ русскомъ языкѣ.

(*До слѣд.* №)

БѢЛОРУССЪ.

[redacted]

ВСЕМІРНАЯ ВЫСТАВКА 1867 ГОДА

Rapports du jury international avec une introduction de M. Michel Chevalier. **Paris, imprimerie Paul Dupont. 13 томовъ.**

I.

Между учрежденіями, обязанными своимъ происхожденіемъ громадному развитію современной промышленности, весьма немногія пріобрѣли такъ быстро столько значенія и популярности, какъ выставки. Промышленныя выставки возникли въ концѣ прошедшаго столѣтія, то-есть въ ту минуту, когда свобода труда была провозглашена во Франціи, и когда изобрѣтеніе паровой машины и первыхъ механическихъ станковъ открыло то великое преобразованіе промышленности, которое продолжается въ наше время въ размѣрахъ, все болѣе и болѣе возрастающихъ, и которому, повидимому, не суждено болѣе останавливаться. Совершенно понятно, что онѣ не могли возникнуть ранѣе. Къ чему онѣ послужили бы тогда? Когда промышленность была еще стѣснена узами корпорацій, успѣхи ея были медленны, почти незамѣтны, и еслибы тогда вздумали выставлять продукты различныхъ отраслей человѣческаго труда каждые пять, десять или даже пятьдесятъ лѣтъ, то невозможно было бы ожидать значительнаго различія ни въ наружной формѣ ихъ, ни въ способахъ фабрикаціи. Было почти безполезно сравнивать ихъ *во времени*, и еще менѣе пользы можно было бы извлечь изъ сравненія ихъ *въ пространствѣ*. Международная конкурренція почти не существовала. Такъ, напримѣръ, въ концѣ XVII вѣка, торговля Англіи, превышающая нынѣ десять мильярдовъ франковъ, не достигала 150 милліоновъ, а

торговля всѣхъ континентальныхъ націй въ совокупности изображалась цифрой, немного болѣе значительною. Вслѣдствіе почти совершеннаго отсутствія путей сообщеній, а равно и вслѣдствіе стѣсненій, налагаемыхъ совокупными усиліями постановленій о корпораціяхъ и о таможенныхъ тарифахъ, бо́льшая часть отраслей промышленности ограничивалась удовлетвореніемъ потребностей мѣстнаго потребленія; въ странѣ владѣвшей колоніями рынокъ былъ нѣсколько обширнѣе, но далеко не достигалъ того развитія, которое доставили ему въ послѣдствіи свободная торговля и успѣхи путей сообщенія. Какой интересъ могло имѣть сравненіе промышленностей, изъ коихъ каждая вращалась въ самой ограниченной сферѣ, и которыя притомъ весьма рѣдко приходили между собой въ соприкосновеніе? Нужно ли говорить, какъ измѣнилось подобное положеніе вещей съ усовершенствованіемъ промышленности и расширеніемъ международной конкурренціи, особенно подъ вліяніемъ успѣховъ путей сообщенія и свободной торговли? Не интересно ли при настоящемъ положеніи вещей, имѣть возможность оцѣнить прогрессивныя преобразованія, совершившіяся въ каждой отрасли труда отъ одной эпохи до другой? Не интереснѣе ли еще—сравнить движеніе успѣха каждой промышленности въ различныхъ промышленныхъ сферахъ, конкуррирующихъ нынѣ между собой на всеобщемъ рынкѣ? Не въ высшей ли степени полезно это сравненіе для отсталыхъ? И можно ли сказать, чтобъ оно было безплодно для тѣхъ, которые двигаются впередъ? Между наиболѣе развитыми націями, какъ между хорошими скаковыми лошадьми, разстояніе въ настоящую минуту весьма незначительно, и по мѣрѣ того какъ оно уменьшается, каждая изъ нихъ, въ виду собственныхъ интересовъ, употребляетъ всѣ свои усилія, чтобъ ее не обогнали другія. Итакъ, сравненія, которыя выставки представляютъ возможность дѣлать, какъ *во времени*, такъ и *въ пространствѣ*, имѣютъ нынѣ интересъ, котораго они лишены были въ прежнее время, и этимъ объясняется развитіе и успѣхъ этихъ великихъ „ярмарокъ прогресса“.

Первая промышленная выставка, устроенная въ Парижѣ въ 1798 году, была, какъ часто припоминалось потомъ, обязана своимъ происхожденіемъ воинственной идеѣ. Республика, завязавшая съ Англіей борьбу на смерть, пожелала

[redacted]

составить себѣ точное понятіе о промышленныхъ средствахъ Франціи, какъ будто сознавая, что самое военное могущество въ наше время есть только продуктъ могущества производительнаго. На эту первую выставку, исключительно національную, явилось не болѣе сотни экспонентовъ, но сѣмя, заложенное въ 1798 году, не замедлило вырости и принести плодъ; національныя выставки постепенно пріобрѣтали все болѣе и болѣе значенія во время имперіи, реставраціи и въ правленіе Лудовика-Филиппа. На выставкѣ 1839 года было до 3.500 экспонентовъ. На послѣдней изъ этихъ національныхъ выставокъ, которая была въ 1849 году и превратилась бы въ международную, еслибы то допустили протекціонисты, экспонентовъ явилось до 5.000. Въ 1851 году, Англія, поднявшая знамя свободной торговли, открываетъ эру международныхъ выставокъ, и всѣ цифры національныхъ выставокъ тотчасъ же остались далеко позади. Эта знаменитая выставка *Хрустальнаго Дворца* привлекла къ себѣ 13.917 экспонентовъ и громадное число посѣтителей, простиравшееся до 6.039.000 человѣкъ. Въ 1855 году на всемірной выставкѣ въ Парижѣ было 23.954 экспонента, но (вслѣдствіе недостаточнаго еще въ то время развитія путей сообщенія во Франціи) только 5.162.000 посѣтителей. Въ 1862 году въ Лондонѣ было 28.653 экспонента и 6.211.000 посѣтителей; наконецъ, въ 1867 году, выставка Марсова поля далеко оставила за собой своихъ предшественницъ: на ней собралось 50.226 экспонентовъ и 10 милліоновъ посѣтителей. *

Послѣднюю выставку упрекали въ томъ, что она была „колоссальною игрушкой“, и несомнѣнно, что значительное число изъ десяти милліоновъ посѣтителей, ею привлеченныхъ, пріѣзжали не для того чтобы заниматься серіознымъ изученіемъ промышленности, а для того чтобы полюбоваться зрѣлищемъ, которое представлялъ паркъ съ дворцомъ тунисскаго бея, русскими избами и конюшнями, китайскими и японскими кофейнями, акваріумами и пр. Но если пріятное было тамъ выставлено, можетъ-быть, въ излишествѣ,

* Было бы, однако, точнѣе сказать десять милліоновъ посѣщеній. Входъ на выставку распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Разовые билеты	9.826.000
Сезонные билеты	5.460
Абонементы на недѣлю.	90.226

если „рѣдкостей“ тамъ было множество, если тамъ не было недостатка въ китайскихъ и иныхъ канатныхъ плясунахъ, то и полезное не было забыто: промышленникамъ и людямъ науки она представляла обширное, небывалое поприще для изученія. Эта серіозная и полезная сторона всемірной выставки сохраняется и теперь, тогда какъ сторона пріятная и безплодная исчезла, оставивъ послѣ себя впечатлѣніе, весьма сходное съ тѣмъ, какое ощущаешь послѣ драматическаго представленія, вполнѣ удачнаго, хотя нѣсколько утомительнаго и,—благодаря содержателямъ парижскихъ гостиницъ,—довольно начетистаго. Первая сохраняется, какъ я сказалъ, и проявляется во всемъ своемъ величіи и во всемъ безконечномъ разнообразіи формъ, въ *Собраніи докладовъ международнаго жюри*, которое издано теперь въ 13-ти томахъ съ предисловіемъ г. Мишеля Шевалье.

Я не имѣю въ виду представлять разборъ и оцѣнку этихъ докладовъ, изъ коихъ нѣкоторые, — напримѣръ, докладъ о желѣзныхъ дорогахъ гг. Гольдшмидта и Флаша, — суть настоящіе спеціальные трактаты по своимъ предметамъ; я ограничусь, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, поистинѣ замѣчательнымъ предисловіемъ г. Мишеля Шевалье, представляющимъ нѣчто въ родѣ философіи всемірной выставки, и прибавлю къ нему нѣсколько извлеченій изъ докладовъ, спеціально относящихся къ произведеніямъ Россіи.

II.

Успѣхи многочисленныхъ отраслей человѣческаго труда, орудія, матеріалы и произведенія коихъ были собраны на Марсовомъ полѣ, г. Мишель Шевалье обозначаетъ общимъ выраженіемъ: увеличеніе производительной силы человѣка. „Подъ производительною силой, говоритъ онъ, должно разумѣть, для каждой отрасли промышленности и для каждаго отдѣльнаго заведенія, количество продуктовъ, доставляемыхъ среднимъ трудомъ человѣка въ опредѣленное время, принимаемое за единицу; пусть то будетъ обыкновенный рабочій день, недѣля или годъ. Такъ, напримѣръ, относительно желѣзной промышленности, предположимъ заводъ, на которомъ работаетъ сто человѣкъ, производившихъ всѣ операціи, требуемыя производствомъ желѣзныхъ издѣлій, начиная отъ принятія сырой руды до изготовленія желѣзныхъ полосъ по

[redacted]

принятому образцу: если этотъ заводъ производитъ ежегодно десять тысячъ тоннъ или десять милліоновъ килограммовъ желѣза, то производительная сила человѣка будетъ равняться тамъ ста тоннамъ въ годъ, и, полагая 300 рабочихъ дней, 333 килограммамъ ежедневно." Ясно, что чѣмъ болѣе возрастаетъ производительная сила человѣка, тѣмъ болѣе масса продуктовъ и услугъ, совокупность коихъ составляетъ богатство и обезпечиваетъ благосостояніе, можетъ увеличиваться; такимъ образомъ можно сказать вмѣстѣ съ г. Мишелемъ Шевалье, что увеличеніе производительной силы человѣка есть первое условіе всякаго общественнаго улучшенія. Такъ, напримѣръ, напрасны были бы усилія измѣнить способъ распредѣленія богатства. Допуская даже, что перемѣна эта, какъ о ней мечтаютъ коммунисты, не имѣла бы результатомъ уменьшенія производимаго богатства вслѣдствіе ослабленія побужденій, подстрекающихъ къ его накопленію, улучшеніе, которое произошло бы отъ того въ положеніи массъ, было бы незначительно; ибо доходъ зажиточныхъ классовъ, въ сліяніи съ доходомъ бѣдныхъ классовъ, не поднялъ бы замѣтно средняго дохода большинства. Итакъ главное состоитъ въ томъ, чтобы безпрерывно увеличивать количество произведеннаго богатства, наблюдая притомъ, чтобы монополіи или привилегіи не отклоняли его отъ его естественныхъ каналовъ, дабы сумма матеріаловъ благосостоянія увеличивалась для всѣхъ и такимъ образомъ могла бы увеличиваться и доля въ немъ каждаго. Но откуда можетъ произойдти это прогрессивное увеличеніе богатства? Оно можетъ возникнуть только изъ успѣховъ производительной силы, примѣняемой къ многочисленнымъ отраслямъ человѣческой промышленности. Заявленію этихъ-то успѣховъ главнымъ образомъ и служатъ выставки, и для того, кому понятенъ языкъ механики, химіи и другихъ наукъ примѣняемыхъ къ промышленности, кому доступно значеніе мощныхъ орудій, тонкихъ инструментовъ, остроумныхъ способовъ производства, зрѣлищемъ коихъ служатъ выставки, и которые приводились въ дѣйствіе въ галлереѣ машинъ,—развитіе производительной силы человѣка представится съ поразительною ясностью и съ новымъ блескомъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Лѣтъ сорокъ тому назадъ, когда во Франціи выдѣлка желѣза почти исключительно производилась при помощи древеснаго

угля, доменная печь обрабатывала тамъ отъ 3.000 до 5.000 килограммовъ чугуна. Въ настоящее время существуютъ доменныя печи, употребляющія минеральное топливо, которыя обрабатываютъ до 50.000 килограммовъ, не требуя для того большаго числа рабочихъ, сравнительно съ тѣмъ, которое употреблялось при прежнихъ доменныхъ печахъ. Итакъ производительная сила рабочаго возрасла съ 1 до 10. И до какой степени это увеличеніе производительной силы, примѣненное къ промышленности доставляющей суровье для всѣхъ орудій и инструментовъ, послужило къ развитію производства! Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, одинъ инженеръ, г. Геронъ де-Вильфоръ вычислилъ, что все производство выкованнаго желѣза и выплавленнаго чугуна во всей Европѣ и Америкѣ простирается до 772.000 тоннъ, что соотвѣтствуетъ почти 1.100.000 тоннамъ сыраго чугуна. Производство Англіи занимало весьма малую долю въ этой цифрѣ: въ 1740 году оно простиралось до 17.500 тоннъ, въ 1806 — до 250.000. Въ 1866 году оно достигло 4.600.000 тоннъ (по 1.000 килограммовъ въ тоннѣ),—изъ коихъ до 1.700.000 тоннъ было вывезено за границу подъ различными формами — и составляетъ почти половину валоваго производства всего цивилизованнаго міра. Нужно ли замѣтить при этомъ, что такое громадное развитіе производства желѣза есть малѣйшая изъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ обществомъ отъ успѣховъ производительной силы въ этой отрасли промышленности. Косвенныя выгоды, происходящія отъ возможности умножать всякаго рода машины и орудія, начиная отъ легкаго металлическаго пера до тяжелыхъ фабричныхъ молотовъ, до матеріаловъ желѣзныхъ дорогъ и колоссальныхъ пароходовъ, еще гораздо болѣе значительны. Что было бы съ промышленнымъ прогрессомъ, еслибы фабриканты инструментовъ, машинъ, желѣзно-дорожныхъ матеріаловъ принуждены были ограничиться доменными печами, употребляющими дрова, какъ то было сорокъ лѣтъ тому назадъ? Относительно стали прогрессъ совершался медленнѣе. Лѣтъ десять, пятнадцать тому назадъ, фабрикація стали была еще затруднительна и дорога, и между тѣмъ какъ цѣна тонны желѣзной руды понижалась иногда въ Англіи до 50 фр., сталь продавалась на Шеффильдскомъ рынкѣ отъ 1.000 до 2.000 фр. за тонну, смотря по ея качеству. Введеніе способа фабрикаціи посредствомъ пудлингованія и въ особенности по способу Бессемера,

[redacted]

допущенному не прежде 1860 года, совершило радикальный переворотъ въ этой отрасли промышленности, доставило возможность добывать все увеличивающіяся массы стали по цѣнамъ все болѣе и болѣе дешевымъ. Такимъ образомъ, замѣчаетъ г. Мишель Шевалье, на выставкѣ 1851 года, г. Круппъ, занимающій въ стальной промышленности такое высокое положеніе, выставилъ глыбу выдѣланной стали въ 2.000 килограммовъ, что̀ показалось удивительнымъ. Въ 1855 году онъ привезъ глыбу въ 5.000 килограммовъ; удивленіе увеличилось. Въ 1862 году, онъ дошелъ до 20.000 килограммовъ: тогда утверждали, что онъ достигъ предѣловъ возможнаго. Въ 1867 году, на Марсовомъ полѣ онъ выставилъ глыбу въ 40.000 килограммовъ. Соразмѣрно съ этимъ, цѣна на сталь понизилась; такимъ образомъ во Франціи, въ концѣ 1867 года, сталь Бессемера и пудлингованная сталь продавалась отъ 310 до 330 фр., между тѣмъ какъ цѣна на желѣзо стояла въ 200 фр. за тонну. Здѣсь снова прогрессъ производительной силы, совершившійся благодаря введенію новыхъ способовъ, повысился отъ 1 до 10. Отсюда оказалось, что стальная промышленность достигла чрезвычайнаго развитія, коимъ воспользоваться должны преимущественно страны, доставляющія руды желѣза удобныя для выдѣлки стали и марганценосныя, каковы Швеція, Испанія, Сардинія, къ которымъ, какъ мнѣ кажется, слѣдуетъ присоединить и Россію. * Но косвенныя выгоды, которыя произойдутъ

* „Такое преобразованіе желѣзной промышленности, говоритъ г. Мишель Шевалье, будетъ выгодно для тѣхъ желѣзныхъ заводовъ, которые легко могутъ добывать себѣ руду, доставляющую сталь, ибо оно обезпечиваетъ имъ значительныя преимущества предъ всѣми прочими. Опытъ, повторившійся при различныхъ обстоятельствахъ, доказалъ, что марганценосная руда удовлетворяетъ исключительнымъ образомъ этому условію. Итакъ страны, содержащія въ изобиліи руду этого рода, имѣютъ своимъ назначеніемъ снабжать ею всѣ прочія страны, для которыхъ она необходима. Въ этомъ отношеніи, повидимому, торговлѣ Швеціи суждено достигнуть значительнаго развитія: всѣмъ извѣстно изобиліе желѣзной руды, удобной для выдѣлки стали, свойственное этой странѣ. Испаніи также суждено вывозить желѣзную руду изъ рудниковъ особаго рода, находящихся въ этой странѣ на берегахъ Бидассоа или въ окрестностяхъ Бильбао. Можно и во французскихъ Пиренеяхъ указать нѣсколько мѣстностей, щедро одаренныхъ въ этомъ

отъ замѣны, во многихъ случаяхъ, желѣза сталью, будутъ еще болѣе значительны. Такъ, напримѣръ, стальной паровикъ представляетъ одинаковую плотность съ желѣзнымъ при меньшемъ вѣсѣ, и прочность его, по меньшей мѣрѣ, одинакова. Ихъ начинаютъ уже выдѣлывать въ большомъ количествѣ. Для желѣзныхъ мостовъ сталь Бессемера и прочіе сорты дешевой стали доставляютъ драгоцѣнныя средства: пріобрѣтается та же прочность при значительно меньшемъ вѣсѣ. Сталь гораздо менѣе подвергается ржавчинѣ чѣмъ желѣзо. Вообще, составныя части машинъ, сдѣланныя изъ стали, гораздо легче и прочнѣе тѣхъ, которыя выдѣлываются изъ желѣза. Но особенную важность представляетъ замѣна желѣза сталью относительно желѣзнодорожныхъ матеріаловъ. „Трудно составить себѣ понятіе,“ говоритъ г. Мишель Шевалье,—„о быстротѣ, съ какою портятся рельсы на линіяхъ, гдѣ производится особенно значительное передвиженіе. Вычисляютъ, что рельсъ не можетъ продержаться болѣе четырехъ лѣтъ по *близости большихъ станцій*, каковы напримѣръ парижскія, и болѣе восьми, десяти лѣтъ на всемъ протяженіи линій, соединяющихъ Парижъ съ Лиллемъ или Марселью. Стальные рельсы могли бы продержаться лѣтъ тридцать, сорокъ. Генералъ Моренъ, обсуждая опыты, производившіеся въ Англіи, пришелъ къ заключенію, что рельсы изъ стали Бессемера продержались бы въ 24 раза долѣе желѣзныхъ рельсовъ. Изъ этого оказывается, что со стальными рельсами не нужно будетъ безпрерывно починивать дорогу, что̀ ведетъ ко множеству несчастныхъ случаевъ. Такъ какъ стальные рельсы гораздо труднѣе портятся, то вѣроятность соскакиванія съ рельсовъ, случающагося такъ часто въ послѣднее время и причиняющаго столько убытковъ и несчастій, значительно уменьшится. Вслѣдствіе этого желѣзнодорожныя компаніи и рѣшились на эту перемѣну, по крайней мѣрѣ для той части линій, гдѣ особенно много ѣзды. Въ Англіи онѣ уже приступили къ этой перемѣнѣ. Во Франціи онѣ не рѣшались на это долѣе, но нынѣ

отношеніи. Сардинія доставляетъ также довольно изобильную руду этого рода. Весьма умѣреннаго количества такой руды достаточно, чтобы сообщить желѣзу свойство стали. Такимъ образомъ одной жилы желѣза достаточно, чтобы поднять качества продуктовъ значительнаго числа желѣзныхъ заводовъ.“

[redacted]

Компанія дороги отъ Парижа въ Ліонъ и къ Средиземному морю кладетъ стальные рельсы по всему протяженію линіи отъ Парижа до Марсели на разстояніи 863 километровъ."

Относительно каменнаго угля, доставляющаго усовершенствованной промышленности ея хлѣбъ насущный, — ибо что же иное машины, какъ не желѣзные или стальные рабочіе, питающіеся углемъ?—прогрессъ заключается не только въ увеличеніи добыванія его посредствомъ машинъ черпальныхъ и иныхъ все, болѣе и болѣе могущественныхъ,—до такой степени могущественныхъ, что въ нѣкоторыхъ бельгійскихъ копяхъ ископаемое топливо добывается на глубинѣ 1.000 метровъ,—прогрессъ заключается также въ приспособленіи къ потребностямъ промышленности веществъ однородныхъ съ каменнымъ углемъ, каковы лигнитъ и антрацитъ, въ чемъ Американцы достигли значительнаго успѣха, ибо на валовое производство въ 16 милліоновъ тоннъ топлива, антрацитъ достигаетъ десяти милліоновъ тоннъ; наконецъ прогрессъ заключается въ *сбереженіи* топлива, добываніемъ изъ опредѣленнаго количества болѣе значительной суммы полезной теплоты. Введеніе способа Сименса, примѣняемаго впрочемъ къ дровамъ и торфу такъ же, какъ и къ каменному углю, дало возможность сдѣлать и въ этомъ отношеніи значительныя сбереженія. Въ заведеніи г. Вердье въ Ривъ-де-Жіерѣ, гдѣ изготовляется сталь, при системѣ Сименса, достаточно тысячи килограммовъ угля для выдѣлки тысячи килограммовъ стали. Прежде, когда были печи другой формы, на которыхъ употреблялся коксъ, нужно было 6.000 килограммовъ угля для достиженія того же результата, и въ добавокъ то былъ уголь болѣе цѣнный, крупный, а не мелкій; сверхъ того, тигли, которые не выносили болѣе четырехъ операцій въ коксовыхъ печахъ, служатъ для шести въ печахъ Сименса у г. Вердье. Другой родъ прогресса, совершившійся въ употребленіи топлива, заключается въ „фабрикаціи агломератовъ". Вотъ въ чемъ дѣло. Всѣмъ извѣстно, что цѣна каменнаго угля различна, смотря по величинѣ кусковъ. Въ видѣ мелкихъ частицъ онъ имѣетъ мало цѣнности по различнымъ причинамъ: употребленіе мелкихъ частицъ неудобно, такъ какъ въ этомъ видѣ онъ проскакиваетъ сквозь рѣшетку, и притомъ даетъ менѣе теплоты; къ тому же онъ гораздо менѣе

чисть, содержитъ примѣсь шифера, если его не подвергнуть промывкѣ, что обходится дорого. Когда онъ происходитъ отъ тощаго угля и тѣмъ болѣе отъ антрацита, то почти не употребляется; даже когда происходитъ отъ жирнаго угля, не находитъ потребителей, если не представится возможности превратить его въ коксъ для употребленія при металлургическихъ работахъ. Въ англійскихъ копяхъ приводили въ примѣръ промышленника, который сжигалъ мелкій уголь, чтобы не платить владѣльцу копи той суммы, которую онъ обязанъ былъ выплачивать, по условію, пропорціонально съ количествомъ добытаго топлива. Что же сдѣлали наконецъ? Мелкому углю и угольной пыли успѣли придать то же качество, какимъ отличается крупный уголь, соединяя ихъ вмѣстѣ при помощи дегтя съ газовыхъ заводовъ или сухой смолы, происходящей отъ этого дегтя, и подвергая смѣсь сильному сжатію въ особыхъ формахъ. Такимъ образомъ выдѣлываются каменноугольные кирпичи, которые во множествѣ потребляются, преимущественно на желѣзныхъ дорогахъ, и производство коихъ только въ Бельгіи и во Франціи превышаетъ уже милліонъ тоннъ.

Эти различные успѣхи, въ особенности относящіеся къ сбереженію топлива, имѣютъ тѣмъ бо́льшую важность, что залежи минеральнаго топлива не изобильны, и что тѣ, коими владѣютъ націи занимающія первыя мѣста въ промышленномъ отношеніи, каковы Англія и Бельгія, быстро истощаются. Такимъ образомъ, по вычисленію г. Эдуарда Голла, сэръ-Вильяма Армстронга и г. Телора, Англія имѣетъ топлива не болѣе какъ на 200 лѣтъ. Правда, что добываніе его тамъ достигло громаднаго развитія: съ 30 милліоновъ тоннъ, которые добывались въ 1830 году, оно увеличилось въ настоящее время до 100 милліоновъ тоннъ ежегодно. Конечно, каменный уголь встрѣчается массами почти во всѣхъ полосахъ земнаго шара (утверждаютъ даже, что подъ льдами Шпицбергена находятся неисчерпаемыя залежи его), но большая разница имѣть его, такъ сказать, подъ рукой или привозить его изъ-за сотенъ и тысячъ миль. Итакъ понятно, какъ важно всякое сбереженіе въ употребленіи этого хлѣба промышленности, отличающагося отъ хлѣба человѣческаго тѣмъ, что уголь не воспроизводится подобно пшеницѣ, и что залежи его, разъ исчерпанныя, не возобновляются болѣе.

Другой поразительный примѣръ прогресса, совершившагося

[redacted]

въ эксплуатаціи подпочвеннаго богатства, представляетъ намъ открытіе и разработка петролея, сдѣлавшагося въ нѣсколько лѣтъ третьею по важности статьей отпуска Соединенныхъ Штатовъ. Вычисляютъ, что съ 1861 года по 1867 въ Американскомъ Союзѣ добыто было 1.300 милл. литровъ петролея, что̀ составляетъ болѣе 1.040.000 тоннъ, изъ коихъ три четверти вывезены въ Европу. Увеличеніе отпуска постоянное: въ 1861 году его отпускалось не болѣе 5 милл. литровъ, въ 1866 и 1867 цифра отпуска достигла 300 милліоновъ. Вопервыхъ, петролей доставляетъ средство освѣщенія, которое вдвое дешевле чѣмъ растительное масло; вовторыхъ, онъ, повидимому, представляетъ важныя преимущества, какъ двигатель: въ первыхъ числахъ сентября императоръ Наполеонъ III отправился въ Шалонскій лагерь съ локомотивомъ, который приводился въ движеніе петролеемъ, и опытъ, повидимому, удался какъ нельзя лучше. Если принять въ соображеніе, что петролей въ неизмѣримомъ количествѣ встрѣчается въ нѣдрахъ земли, какъ древняго, такъ и новаго материка, * то вотъ новый источникъ богатства, въ буквальномъ смыслѣ слова брызжущій изъ земли, вотъ новое подспорье минеральному топливу, истощенія коего опасаются не безъ нѣкотораго основанія.

Особенно въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя служатъ для человѣческой одежды, въ развитіи производительной силы съ конца прошедшаго столѣтія совершился прогрессъ, поистинѣ изумительный, благодаря изобрѣтенію паровыхъ машинъ и механическихъ станковъ, совершенствующихся съ каждымъ днемъ. Принимая въ соображеніе успѣхи, совершившіеся въ нѣкоторыхъ изъ этихъ отраслей промышленности, преимущественно въ хлопчато-бумажной

* „По примѣру Россіи, говоритъ г. Мишель Шевалье, принялись разрабатывать петролей и вообще минеральныя масла во многихъ странахъ, гдѣ существованіе маслянистыхъ источниковъ давно уже было открыто. Опыты эти наиболѣе замѣчательны въ Россіи, гдѣ они, повидимому, опираются на самыя широкія основанія. Полоса, опоясывающая Кавказъ, образуетъ главный поясъ копей петролея въ Европѣ. Петролей находится тамъ въ третичныхъ формаціяхъ, окружающихъ обѣ оконечности цѣпи; въ настоящее время главныя мѣста разработки находятся на западномъ берегу Каспійскаго моря, въ окрестностяхъ Баку и на Апшеронскомъ полуостровѣ."

и шерстяной, дѣйствительно приходишь къ убѣжденію, что далѣе идти уже невозможно. „Еслибы нужно было производить руками, говоритъ одинъ изъ докладчиковъ выставки, г. Карсенакъ, всю хлопчатобумажную нить, выдѣлываемую Англіей въ теченіе года посредствомъ станковъ *self-acting* или самодвигающихся, на которыхъ бываетъ до 1.000 веретенъ, то-есть выпрядается разомъ до 1.000 нитей, то понадобилось бы 91 милліонъ человѣкъ, то-есть почти совокупное населеніе Франціи, Австріи и Пруссіи.“ По словамъ г. Алькана (*Etudes sur les arts textiles à l'exposition de 1867*), ткацкая промышленность (хлопокъ, шерсть, ленъ, пенька, шелкъ), оплодотворяемая этимъ необыкновеннымъ развитіемъ примѣняемой къ ней производительной силы, доставляетъ ежегодно тканей на 11 мильярдовъ франковъ. Въ этой цифрѣ хлопокъ занимаетъ 3.648 милліоновъ, шерсть 3.631 милліонъ; не забудемъ при этомъ, что столѣтіе тому назадъ фабрикація хлопка была въ Европѣ почти ничтожна. Тогда шелкъ занималъ первое мѣсто, теперь онъ занимаетъ четвертое, на сумму 1.628 милліоновъ. Англія одна производитъ всякаго рода тканей на 4.536 милліоновъ фр., или двѣ пятыхъ всего европейскаго производства, и въ числѣ этой цифры на два мильярда хлопчатобумажныхъ тканей. Г. Мишель Шевалье приводитъ слѣдующее сравненіе, объясняющее громадную важность, пріобрѣтенную производствомъ тканей подъ вліяніемъ прогресса, давшаго возможность одному рабочему, надзирающему за станками, выполнять дѣло тысячи прядильщицъ:

„Исчисляютъ въ 11 или въ 12 мильярдовъ франковъ ежегодное производство ткацкой промышленности въ Европѣ, то-есть предметы, матеріалъ коихъ составляютъ хлопокъ, шерсть, шелкъ, ленъ и пенька. Это богатство въ томъ же родѣ, какъ золото и серебро, и достигающее такихъ же результатовъ, ибо въ рукахъ производителей предметы эти также превращаются въ наслажденіе и власть. Со времени открытія Новаго Свѣта Христофоромъ Колумбомъ до 1848 года, то-есть въ продолженіе 256 лѣтъ, американскіе рудники, въ сравненіи съ которыми всѣ прочіе занимали второстепенное мѣсто, доставили золота и серебра, въ совокупности, не болѣе тройнаго количества упомянутой суммы, такъ что годъ производства однихъ тканей равняется 85 годамъ производства золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ Америки. Это сближеніе показываетъ, какое незначительное мѣсто занимаютъ два драгоцѣнные металла въ инвентарѣ богатства,

[redacted]

и какое огромное значеніе имѣетъ въ немъ промышленный трудъ, оплодотворенный капиталомъ и наукой, поддерживаемый безопасностью, коею пользуется общество, благодаря современной цивилизаціи, и одушевленный геніемъ свободы.“

Послѣдствіе этихъ успѣховъ, преобразовавшихъ промышленность, доставляющую суровье для одежды, повело къ значительному улучшенію женскихъ и мужскихъ костюмовъ, улучшенію, совершившемуся преимущественно въ странахъ, гдѣ богатство распространилось вмѣстѣ съ успѣхами промышленности, и гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ международная конкурренція дала возможность потребителямъ неограниченно пользоваться достигнутыми успѣхами, безъ вычета покровительственной десятины въ пользу національной промышленности. Такимъ образомъ, за вычетомъ отпуска, ежегодное потребленіе на Британскихъ островахъ тканей всякаго рода для одежды и мебели простирается до 94 франка на человѣка, во Франціи до 57 фр., въ Бельгіи до 52, въ Россіи только до 16-ти.

Но ткацкая промышленность доставляетъ лишь „суровье“ для одежды и мебели. Это суровье необходимо скроить и сшить, а ножницы и игла портнаго или швеи оставались, съ самаго возникновенія одежды, основными орудіями этой промышленности. Только матеріалъ, изъ котораго ихъ выдѣлывали, измѣнился, и тонкая стальная шеффильдская игла замѣнила грубую рыбью кость, которую принуждены были употреблять швеи героическихъ временъ, но все-таки то была ручная работа. Но могла ли ручная работа успѣть выдѣлать цѣлыя горы тканей, которыя механическій трудъ предоставлялъ потребленію. Не должно ли было это необходимымъ образомъ повести къ изобрѣтенію швейной машины? Швейная машина была дѣйствительно изобрѣтена, и имя Эліаса Хау, ея изобрѣтателя, заняло мѣсто на ряду съ именами Аркрайтовъ, Кромтоновъ, Жакаровъ, однимъ словомъ, этого легіона людей, одаренныхъ благодѣтельнымъ геніемъ, которые увеличили „силу производства“ одежды. Швейныя машины распространились сначала въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ преимущественно чувствовался недостатокъ въ ручной работѣ швей, и распространяясь, они усовершенствовались; сначала выводились только прямые швы, теперь машиной производятся почти всѣ работы, которыя дѣлались

рукамп; на выставкѣ 1867 года находились машины, спеціальное назначеніе коихъ обшивать петли, что завершаетъ переворотъ, произведенный швейными машинами. Желаете ли вы составить себѣ понятіе о быстротѣ, съ которою эти механическія швеи распространяются въ портномъ мастерствѣ? Въ 1853 году домъ Вилера и Вильсона, главныхъ производителей швейныхъ машинъ въ Нью-Йоркѣ, выдѣлывалъ ихъ только 799; въ 1860 число этихъ машинъ возрасло до 25.102, а въ 1866 году достигло 50.132. Въ Европѣ прогрессъ совершается медленнѣе: докладъ *отдѣленія швейнаго производства* заявляетъ, что ежегодное производство швейныхъ машинъ въ Европѣ простирается только до 15.000. Но несомнѣнно, что онѣ въ скоромъ времени размножатся и въ Европѣ такъ же какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, и что лѣтъ чрезъ пятьдесятъ ручныя швеи послѣдуютъ за ручными прядильщицами. И можетъ ли быть иначе? Изъ таблицы, составленной гг. Вилеромъ и Вильсономъ и воспроизведенной докладчикомъ, мы усматриваемъ, что изготовленіе мужской рубашки рукой требуетъ 14 часовъ 26 минутъ, изготовленіе ея машиной совершается въ 1 часъ 16 минутъ; сюртукъ, вмѣсто 16 часовъ 35 минутъ, при машинномъ производствѣ требуетъ только 2 часа 38 минутъ, панталоны вмѣсто 5 часовъ 10 минутъ — 51 минуту; шелковое платье вмѣсто 8 часовъ 27 минутъ — 1 часъ 13 минутъ, бумажное вмѣсто 6 часовъ 37 минутъ — 57 минутъ, женская рубашка вмѣсто 10 часовъ 31 минуты — 1 часъ 1 минуту, шелковый фартукъ вмѣсто 4 часовъ 16 минутъ—только 15 минутъ. Изъ той же таблицы мы видимъ, что при обшивкѣ шляпъ рукой дѣлаютъ 33 стежка въ минуту, машиной 374, при шитьѣ тонкаго сукна вмѣсто 38 дѣлается 594, и наконецъ, при шитьѣ тонкаго полотна 23 противъ 640; въ послѣднемъ случаѣ отношеніе равняется 1:28. Итакъ борьба между ручною и машинною работой невозможна, и производство одежды подвергнется до конца преобразованію, чрезъ которое прошла выдѣлка тканей. Ни одна часть одежды не избѣгаетъ прогресса; выставка показывала намъ въ дѣйствіи машины для выдѣлки шляпъ и башмаковъ механическимъ способомъ, машины для вязанья чулковъ, и можетъ-быть, эти послѣднія представляли одинъ изъ самыхъ удивительныхъ образцовъ увеличенія производительной силы: между тѣмъ какъ самая искусная вязальщица можетъ

[redacted]

вывязать только 80 петель въ минуту, круглый станокъ, который мы видѣли на выставкѣ, производитъ ихъ до 480.000; отношеніе между ними какъ 1 къ 6.000.

Мнѣ невозможно было бы представить даже простой очеркъ успѣховъ производительной силы въ томъ видѣ, какъ они обнаружились на выставкѣ 1867 года во множествѣ отраслей человѣческой промышленности. Механика и химія овладѣли всѣмъ и готовятся все преобразовать. Даже столярное мастерство, по замѣчанію г. Мишеля Шевалье, производится механическимъ способомъ. То же самое должно сказать о слесарномъ дѣлѣ, со включеніемъ выдѣлки гвоздей. Механическимъ способомъ обдѣлываются бревна и вытесываются камни. Одна машина приготовляетъ известь, другая поднимаетъ камни и кирпичи, и въ результатѣ оказывается, что въ шесть недѣль воздвигаются вчернѣ тѣ монументальные дома, которые придумываетъ неистощимый геній г. Гауссмана, этого провидѣнія каменьщиковъ. Механика преобразовала мельничное производство, и г. Мишель Шевалье вычисляетъ, что прогрессъ производительной силы, примѣняемой къ размолу зерноваго хлѣба съ того времени, какъ зерна раздроблялись посредствомъ камней руками невольниковъ, до нашего времени, представляетъ отношеніе 1 къ 150. Печеніе хлѣбовъ, въ свою очередь, подчинилось усовершенствованнымъ способамъ. Выставка представляла намъ конкурренцію механическихъ снарядовъ, находившихся постоянно въ дѣйствіи и благодаря коимъ перестали мѣсить хлѣбъ руками, что̀ такъ тяжело для рабочаго и такъ непривлекательно для потребителя. Публика вырывала другъ у друга маленькіе хлѣбы, выходившіе изъ печи. Наконецъ самое земледѣліе, коего прогрессъ коснулся позднѣе всего, готовится превратиться въ великую промышленность. „Примѣняемая къ земледѣлію,“ говоритъ г. Мишель Шевалье, —

„механика оказываетъ ей тѣ же услуги, что̀ и прочимъ отраслямъ промышленности: она избавляетъ ее отъ труда отыскивать личный составъ, найдти который она была бы не въ состояніи. Въ странахъ, гдѣ населеніе не слишкомъ плотно, она даетъ средства довести производство съѣстныхъ припасовъ первой необходимости, хлѣбныхъ растеній напримѣръ, до такой степени, что они не только удовлетворяютъ туземцевъ, но становятся предметомъ отпуска въ большихъ размѣрахъ. Жатвенная машина, существующая въ нѣсколькихъ видахъ, между коими лучшая—машина г. Макъ-Кормика изъ

Чикаго, даетъ Сѣверной Америкѣ возможность отпускать пшеницу въ Европу, по удовлетвореніи хлѣбомъ многолюдныхъ городовъ, составляющихъ гордость и могущество приморскихъ штатовъ, Бостона, Нью-Йорка, Филаделфіи, Бальтимора. Какимъ образомъ Огайо, Иллинойсъ, Мичиганъ и прочіе штаты, производящіе преимущественно пшеницу, добыли бы безъ жатвенной машины достаточное число рукъ для сбора своихъ жатвъ на огромномъ пространствѣ земли, ими засѣваемомъ? Въ Соединенныхъ Штатахъ дѣйствуетъ до 175.000 такихъ машинъ, большая часть коихъ устроена по системѣ Макъ-Кормика. Одинъ достойный человѣкъ, весьма свѣдущій въ этомъ дѣлѣ, г. Гульдъ, президентъ земледѣльческаго общества въ штатѣ Нью-Йоркѣ, исчислилъ, что общее число этихъ машинъ замѣняетъ, во время жатвы, до 1.500.000 человѣкъ, которыхъ нельзя было бы найдти ни за какую сумму. При помощи жатвенной машины хлѣбъ убирается въ нѣсколько дней, такъ что достаточно краткаго промежутка хорошей погоды, чтобы снять его и убрать. Сверхъ того, она препятствуетъ въ значительной степени потерѣ хлѣба; исчисляютъ, что сохраненная такимъ образомъ пшеница простирается до гектолитра на каждый гектаръ."

Но примѣненіе механики къ земледѣлію, со включеніемъ химическаго анализа, создавшаго искусство питать растенія сообразно съ ихъ особенными потребностями, завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Упомянемъ еще, между оригинальными примѣненіями механики, о фабрикаціи искусственныхъ зубовъ, которую Американцы, соединеніемъ механики и химіи, довели до такой степени совершенства, что ихъ искусственные зубы можно, пожалуй, предпочесть (американскіе *prospectus* утверждаютъ, что они и предпочитаются) натуральнымъ зубамъ, которые чернѣютъ и портятся послѣ жестокихъ страданій, причиняемыхъ ими. Упомянемъ наконецъ о машинѣ для выдѣлыванія папиросъ, дѣйствующей весьма удовлетворительно, и вѣроятно, по окончаніи выставки, проложившей себѣ путь въ Россію.

Еслибы мы приступили къ изложенію успѣховъ, достигнутыхъ преимущественно примѣненіями физики и химіи, то выставка доставила бы намъ множество предметовъ восторга и удивленія. Но мы не можемъ принять на себя даже обязанность обозначить ихъ. Г. Мишель Шевалье указываетъ въ особенности на успѣхи гальванопластики, изобрѣтателю коей, г. Якоби, члену С.-Петербургской Академіи Наукъ, возданы были самые лестные знаки уваженія со стороны жюри. Успѣхи эти такъ значительны, что посредствомъ

[redacted]

гальванопластики снята была мѣдная копія съ колонны Траяна въ натуральную величину. Успѣли также найдти средство легко плавить платину, которая считалась почти неплавимою и вслѣдствіе этого употреблялась въ весьма рѣдкихъ случаяхъ.

„Въ послѣдніе годы, говоритъ г. Мишель Шевалье, усовершенствовали средства добывать весьма большое количество тепла сожиганіемъ углеродистаго водорода, посредствомъ чистаго, или почти чистаго, кислорода. Теплота, доставляемая этимъ средствомъ, производитъ сильное дѣйствіе. Этимъ способомъ, напримѣръ, легко расплавляется платина, считавшаяся лѣтъ двадцать тому назадъ почти неплавимою, и на выставкѣ показывали большіе ея слитки, которые, впрочемъ, выставлены были въ 1862 году въ Лондонѣ гг. Матеемъ и Джонсономъ. Расплавленная платина бѣлѣе и красивѣе ноздреватой, которою должны были довольствоваться прежде и которой придавали форму посредствомъ ковки. Нѣтъ ничего невозможнаго, что отнынѣ она будетъ употребляться часто для художественныхъ произведеній, чему до сихъ поръ препятствовалъ ея тусклый видъ.“

Упоминать ли о нитроглицеринѣ, который въ четырнадцать разъ превосходитъ силою порохъ и обходится только въ семь разъ дороже послѣдняго, и который, сверхъ того, имѣетъ то преимущество, что безъ всякаго затрудненія можетъ производить взрывъ подъ водой? Страшный случай, бывшій нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Бельгіи, свидѣтельствуетъ до какой степени опасно перевозить это вещество; но выдѣлывать его на мѣстѣ весьма удобно. Говорить ли вамъ объ успѣхахъ въ выдѣлкѣ зеркалъ, понизившихъ въ послѣднія двадцать лѣтъ цѣну этого продукта до 60% и увеличившихъ въ соотвѣтствующей степени производство, исчисляемое нынѣ въ милліонъ квадратныхъ метровъ ежегодно? Говорить ли вамъ о громадныхъ массахъ гидравлическаго цемента, вѣсомъ до 250.000 килограммовъ, употребляемаго для подводныхъ построекъ подводными рабочими, одѣтыми въ пробочныя фуфайки, возбуждавшія любопытство и удивленіе посѣтителей выставки? Говорить ли вамъ наконецъ о преобразованіи оружія, великолѣпные образцы коего были присланы на выставку Пруссіей, Англіей и большею частью военныхъ націй (а какія націи,—увы!—можно назвать невоенными)? Нѣтъ, я предпочитаю заключить этотъ бѣглый очеркъ нѣсколькими словами

о послѣднихъ усовершенствованіяхъ въ постройкѣ и въ матеріалѣ желѣзныхъ дорогъ.

Подобно тому какъ начинаютъ выдѣлывать стальные рельсы, стараются также замѣнить деревянные шпалы желѣзными. Относительно локомотивовъ, послѣдніе успѣхи заключаются въ употребленіи *противу-пара* (*contre vapeur*), цѣль коего сдерживать поѣзды на крутыхъ склонахъ, вмѣсто того чтобы двигать ихъ впередъ. Желѣзная дорога чрезъ Монъ-Сени, которой г. Фелль далъ свое имя и которая сокращаетъ на 12 часовъ путь изъ Парижа во Флоренцію, дѣлая вмѣстѣ съ тѣмъ переѣздъ чрезъ Альпы болѣе пріятнымъ и безопаснымъ,—эта какъ бы воздушная дорога, возможности построенія которой едва вѣрили,—есть первое важное примѣненіе этой системы, и за нимъ, конечно, послѣдуютъ многія другія. Въ устройствѣ повозокъ и вагоновъ особыхъ улучшеній незамѣтно: въ отношеніи комфорта русскіе и американскіе вагоны попрежнему имѣютъ преимущество предъ вагонами западной Европы. Но знаете ли вы, чего стоили 80.000 верстъ желѣзныхъ дорогъ, существующихъ нынѣ въ Европѣ? Двадцать восемь мильярдовъ франковъ. Сколько вагоновъ ходятъ по желѣзнымъ дорогамъ, разсѣяннымъ нынѣ по земному шару? Около милліона. Во Франціи цѣнность подвижнаго матеріала стóитъ уже 800 милліоновъ. Въ Европѣ ежегодный валовой доходъ, доставляемый 80.000 верстъ дѣйствующихъ желѣзныхъ дорогъ, простирается до 2.656 милліоновъ франковъ или по 33.100 фр. на версту. Расходъ по управленію колеблется относительно Франціи, Англіи и Германіи между 46 и 48½% валоваго дохода. Ежегодно издерживается 1.400 милліоновъ и 3.600 верстъ прибавляется къ континентальной сѣти. Россія, отставшая еще въ этомъ отношеніи, владѣетъ только, какъ видно изъ доклада гг. Флашà и Гольдшмидта, 4.513 верстами желѣзныхъ дорогъ дѣйствующихъ и 1.649 верстами строющихся; но она нынѣ неусыпно трудится чтобы вознаградить себя за потерянное время, и г. Мишель Шевалье предусматриваетъ уже минуту, когда желѣзная дорога чрезъ Сибирь будетъ на древнемъ материкѣ тѣмъ же, чѣмъ желѣзная дорога къ Тихому океану на новомъ. „Дополненіемъ къ желѣзнымъ дорогамъ Стараго Свѣта,“ говоритъ онъ, —

„или подобіемъ желѣзной дороги отъ Нью-Йорка до Санъ-Франсиско была бы желѣзная дорога, которая, принимая начало отъ восточной оконечности азіятскихъ владѣній

[redacted]

Россіи, пересѣкла бы Сибирь по всему ея протяженію почти параллельно съ kругами широты, такимъ образомъ, чтобъ она присоединилась kъ сѣти желѣзныхъ дорогъ Европейской Россіи. Предпріятіе это обошлось бы дорого; во всякомъ случаѣ, можно предположить, что на большей части протяженія почва не представитъ особыхъ затрудненій. Длина линіи будетъ еще значительнѣе чѣмъ линія между океанами Атлантическимъ и Тихимъ на сѣверѣ Соединенныхъ Штатовъ. Въ ней будетъ по kрайней мѣрѣ 6.000 верстъ. Впрочемъ, она будетъ только на тысячу верстъ длиннѣе междуокеанической желѣзной дороги Американскаго Союза."

Конечно, это только вопросъ будущаго, но kогда дѣло идетъ о промышленномъ прогрессѣ, то не научаетъ ли насъ опытъ, что будущее гораздо ближе kъ настоящему чѣмъ вообще предполагаютъ?

Между тѣмъ г. Мишель Шевалье представляетъ намъ еще нѣсколько объясненій относительно выгодъ, которыя представляютъ желѣзныя дороги въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, kаковы война или голодъ. Разница въ передвиженіи по обыкновеннымъ и по желѣзнымъ дорогамъ заключается, по справедливому его замѣчанію, не только въ уменьшеніи расходовъ по перевозkѣ, но также въ силѣ передвиженія, почти безграничной, которою владѣютъ желѣзныя дороги. Большая kомпанія можетъ перевезти, или съ помощью своего собственнаго матеріала, или заимствуя матеріалъ у другихъ kомпаній, почти все, что пожелаютъ перевезти правительство и публика. „Еслибы Франція и Англія, говоритъ г. Мишель Шевалье, не пользовались паромъ во время Крымской войны, то положеніе ихъ на театрѣ военныхъ дѣйствій было бы совершенно иное, а недостатокъ этого элемента причинилъ Россіи невознаградимыя невыгоды. Изъ десяти солдатъ, отправляемыхъ съ сѣвера въ Севастополь, доходили одинъ или двое. Изъ стада въ 1.000 быковъ до осажденныхъ доходило не болѣе ста." Во время голода перевозkа хлѣба можетъ производиться огромными массами на самыхъ большихъ разстояніяхъ. Въ прошедшемъ году, напримѣръ, по желѣзнымъ дорогамъ привезена была пшеница изъ Венгріи до Парижа, и между тѣмъ kакъ цѣны на нее въ тѣ времена, kогда усовершенствованные пути сообщенія еще не существовали, простирались до 20 фр. на гектолитръ и болѣе можно сказать, что нынѣ онѣ ограничиваются *maximum* до 10 франковъ. Такимъ образомъ, въ 1846 году цѣны во Франціи

возвысились до 46 фр. на гектолитръ, а въ 1867 — 68 онѣ не поднимались выше 36 фр. Сколько страданій устранено этимъ благотворнымъ прогрессомъ!

III.

Чему обязана такими успѣхами производительная сила человѣка? Кто создалъ столько могущественныхъ и тонкихъ машинъ, присоединившихъ свою почти безграничную силу къ ограниченной силѣ рабочаго и свою почти математическую точность къ его несовершенной ловкости? Чему обязаны своимъ бытіемъ и эти чудныя орудія, и продукты, столь разнообразные, которые они размножаютъ все возрастающими массами и которые были предметомъ удивленія и восторга для посѣтителей выставки? Источникомъ всего этого служитъ ассоціація науки, капитала и свободы. Наука изслѣдовала законы природы, она открыла силы и свойства, таившіяся въ ней, потомъ легіонъ изобрѣтателей, которымъ г. Мишель Шевалье не отдалъ, можетъ-быть, достаточной справедливости въ наше время, когда у нихъ оспариваютъ право на законное вознагражденіе за трудъ,—этотъ благодѣтельный легіонъ принялся за дѣло и превратилъ въ послушныхъ помощниковъ человѣческаго труда эти силы, остававшіяся такъ долго таинственными и возведенныя древностью на степень божествъ. Ученые и изобрѣтатели суть первые работники этого великаго и чудеснаго преобразованія промышленности, дающаго наконецъ человѣку возможность принять въ свое полное владѣніе земной шаръ, который подарило ему Провидѣніе и о которомъ одинъ остроумный поэтъ, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ изобрѣтателемъ, Жабаръ, сказалъ:

Le globe est un vaisseau frété pour l'avenir
Et richement chargé. *

Но могли ли бы ученые и изобрѣтатели довести до конца свои открытія и примѣнить ихъ къ дѣлу безъ пособія богатства уже созданнаго и приготовленнаго для производства, то-есть безъ капитала? Что̀ нужно для устройства того громаднаго и могущественнаго механизма, который сосредоточивается въ Крёзо, въ заведеніи Кокерилля и во многихъ

* „Земной шаръ есть корабль, снаряженный для будущаго и изобильно нагруженный.“

[redacted]

распространяется, переносится чрезъ громадныя пространства, привлекаемый выгодами: въ странахъ, гдѣ изобильны естественныя средства, но гдѣ рѣдки капиталы, процентъ высокъ, и капиталъ привлекается туда вслѣдствіе различія, существующаго между вознагражденіемъ, которое онъ получаетъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ производится, и тѣмъ, которое онъ можетъ получить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ чувствуется въ немъ недостатокъ. Такимъ образомъ англійскіе капиталы оплодотворили американскую промышленность и готовятся создать сѣть желѣзныхъ дорогъ въ Индіи; такимъ образомъ, бельгійскіе и французскіе капиталы мирнымъ путемъ завладѣли Испаніей, Австріей и Италіей, гдѣ, къ несчастію, эта великая армія, предводимая смѣлыми, но неопытными капиталистами, нашла себѣ участь, напоминающую участь другой великой арміи, усыпавшей костями своими равнины Россіи.

Ils sont là bas qui dorment sous la neige,
Et le tambour ne les reveillera pas. *

„Подъ снѣгомъ“, то-есть въ желѣзно-дорожныхъ предпріятіяхъ, истощенныхъ многочисленными коммиссіями, въ промышленныхъ оборотахъ, дурно подготовленныхъ или опрометчиво выполненныхъ, или же въ крѣпостяхъ и арсеналахъ, менѣе всего способныхъ содѣйствовать увеличенію производства и богатства. Но такіе *промахи* и *неудачи* могутъ пріостановить распространеніе капиталовъ, но не задержать ихъ, и послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго промежутка, эта оплодотворяющая волна разливается снова и будетъ разливаться до тѣхъ поръ, пока, за вычетомъ разницы въ рискахъ, процентъ придетъ повсюду въ одинаковый уровень. Наконецъ свобода распространяется не менѣе, и не трудно было бы, ссылаясь на опытъ послѣднихъ пяти лѣтъ, доказать, что она повинуется нѣкотораго рода центробѣжному движенію, безпрерывному и неудержимому. Свобода труда и промышленности уже повсюду установилась или устанавливается, и то же можно сказать, несмотря на два, три прискорбныя исключенія, и о свободѣ торговли. Самая политическая свобода, насколько она полезна, преимуще-

* „Спятъ они тамъ подъ снѣгомъ, и барабанный бой не пробудитъ ихъ.“

ственно относительно *контроля* управляемыхъ надъ правящими, плательщиковъ податей надъ чиновниками, распространяется мало-по-малу по всему пространству цивилизованнаго міра. И можетъ ли быть иначе? Всѣ цивилизованныя націи, несмотря на попытки, которыя тамъ и сямъ предпринимаютъ нѣкоторые ретроградные умы чтобъ образовать изъ нихъ отдѣльные міры, участвуютъ нынѣ въ общей конкурренціи; всѣ доставляютъ болѣе или менѣе значительное число своихъ земледѣльческихъ или мануфактурныхъ продуктовъ на всеобщій рынокъ; всѣмъ равно приходится охранять себя отъ притязаній или оскорбленій со стороны честолюбивыхъ и дерзкихъ соперниковъ. Необходимо, чтобъ онѣ развивали у себя элементы и агентовъ производительной силы, дабы выдерживать борьбу съ своими соперниками на мирномъ ли поприщѣ промышленности и торговли, или на поляхъ битвы. Прогрессъ сдѣлался для нихъ не только вопросомъ о благосостояніи, но вопросомъ о бытіи, и вотъ почему, волей-неволей, онѣ должны пріобрѣтать элементы и агентовъ прогресса, — почерпая ихъ въ самихъ себѣ или принимая извнѣ, — то-есть науку, капиталъ и свободу.

IV.

Со всѣмъ тѣмъ,—и это главный упрекъ, который дѣлаютъ промышленному прогрессу, — какимъ образомъ объяснить, что въ виду богатствъ, создаваемыхъ имъ въ постоянно возрастающемъ количествѣ, обнаруживается еще столько нищеты? Какимъ образомъ благосостояніе не водворяется во всѣхъ классахъ общества по мѣрѣ увеличенія производительной силы? Въ западной Европѣ, напримѣръ, гдѣ производительная сила развилась преимущественно, высшіе классы сдѣлались богаче, довольство увеличилось въ среднихъ классахъ и частію между рабочими, но положеніе массъ осталось попрежнему бѣдственнымъ и ненадежнымъ. Отъ чего это зависитъ?

Это зависитъ отъ различныхъ причинъ. Вопервыхъ, отъ недостаточности самого прогресса. Безъ сомнѣнія, производительная сила человѣка значительно увеличилась въ послѣднее столѣтіе, но она далеко еще не достигла *maximum*, котораго она можетъ достигнуть. Многія страны далеко

[redacted]

отстали, да и въ тѣхъ, которыя идутъ во главѣ прогресса, нѣкоторыя отрасли промышленности двигаются неравномѣрно: такъ, напримѣръ, въ большей части Европы, важнѣйшая изъ нихъ, земледѣліе, отстала, подъ вліяніемъ тяготѣющихъ надъ нею налоговъ и стѣсненій, по крайней мѣрѣ на столѣтіе сравнительно съ промышленностью мануфактурною. Производство стало несравненно обильнѣе прежняго, но не на столько, чтобы доставлять постоянно увеличивающемуся населенію элементы довольства, если не богатства. Первое условіе, необходимое для разрѣшенія проблемы объ улучшеніи быта того класса, которому первый учитель г. Мишеля Шевалье, Сенъ-Симонъ, далъ названіе „самаго многочисленнаго и самаго бѣднаго“, есть увеличеніе производства, а производство можетъ увеличиваться только при послѣдовательномъ развитіи производительной силы. Я сказалъ выше, что ткацкая промышленность, со введеніемъ механическихъ станковъ, увеличила производительную силу въ 6.000 разъ, но не всѣ отрасли промышленности достигли такого развитія, и многія изъ нихъ далеки еще отъ *maximum* прогресса, котораго онѣ могутъ достигнуть и къ которому онѣ должны приближаться все болѣе и болѣе, если онѣ еще не достигаютъ его. По мѣрѣ того какъ онѣ будутъ все болѣе приближаться къ нему, производство будетъ увеличиваться, другими словами, въ замѣнъ той же суммы труда, но труда болѣе разумнаго и лучше организованнаго, человѣкъ будетъ получать болѣе значительную сумму продуктовъ или услугъ, то-есть элементовъ благосостоянія.

Итакъ „бѣдность“, все еще выпадающая на долю большей части членовъ обществъ, даже наиболѣе цивилизованныхъ, зависитъ главнымъ образомъ отъ недостаточности производительной силы. Поэтому необходимо ускорить ихъ развитіе, распространяя въ нихъ науку, умножая капиталъ и утверждая свободу—этихъ двигателей прогресса; необходимо развивать обученіе, создающее науку, и привычки нравственности и бережливости, создающія капиталы; необходимо также противодѣйствовать духу монополіи и рутины, воздвигающему преграды распространенію свободы.

Но одну ли недостаточность производительной силы должно обвинять въ общей бѣдности? Можно ли сказать утвердительно, что въ продолженіи, напримѣръ, послѣдняго столѣтія, общее благосостояніе увеличилось соразмѣрно съ успѣхами,

совершившимися въ это время? Конечно нѣтъ. Еслибы всѣ средства и всѣ силы, которыми располагаютъ люди, были направлены къ улучшенію ихъ нравственнаго и матеріальнаго быта, то развѣ они не были бы просвѣщеннѣе и богаче? Но такъ ли шло дѣло? Если производство усовершенствовалось, можно ли утверждать, что и потребленіе, частное ли то или общественное, совершило такіе же успѣхи, что оно сдѣлалось полезнѣе, между тѣмъ какъ производство становилось обильнѣе? Богатство создавалось въ обширныхъ размѣрахъ, но не расточалось ли оно въ размѣрахъ не менѣе обширныхъ?

Разсмотримъ, напримѣръ, *частное потребленіе.* Превосходя неоспоримо нашихъ отцовъ относительно производства, можемъ ли мы похвалиться, что превосходимъ ихъ въ такой же степени и относительно потребленія? Употребляемъ ли мы богатство, во всѣхъ классахъ общества, съ большею пользой чѣмъ употребляли его сто лѣтъ тому назадъ? Никто не рѣшится утверждать это. Если домашнее хозяйство сдѣлалось въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ разумнѣе прежняго, то не распространилась ли вмѣстѣ съ тѣмъ и въ среднихъ классахъ суетность, бывшая прежде недостаткомъ только высшихъ классовъ? И если пьянство стало меньше въ высшихъ слояхъ общества, то не сдѣлало ли оно страшныхъ успѣховъ въ низшихъ слояхъ? Производство, кромѣ исключительныхъ случаевъ, всегда *полезно,* напротивъ того потребленіе слишкомъ часто *безполезно* и даже *вредно.* Вмѣсто того чтобы содѣйствовать поддержанію и развитію способностей человѣка, главныхъ двигателей производства, оно ослабляетъ и искажаетъ ихъ, и вмѣсто того чтобы размножать капиталы, оно ихъ уничтожаетъ. Какая масса богатства растрачивается такимъ дурнымъ распредѣленіемъ частнаго потребленія! Но если мы предположимъ, что успѣхи, подобные тѣмъ которые увеличили производительную силу, совершатся въ способѣ потребленія, если допустимъ, что каждый, вмѣсто безполезнаго или вреднаго употребленія своей доли въ возрастающихъ результатахъ производства, станетъ давать ей полезное назначеніе, то какъ быстро и повсемѣстно распространятся довольство и благосостояніе!

Разсмотримъ съ этой же точки зрѣнія и *общественное потребленіе,* то-есть употребленіе, которое дѣлаютъ правительства изъ той доли результатовъ производства, которая

[redacted]

предоставлена въ ихъ распоряженіе въ видѣ налоговъ или займовъ,—послѣдніе всегда, въ окончательномъ результатѣ, выплачиваются также налогами. Оказало ли оно болѣе успѣховъ въ смыслѣ полезнаго чѣмъ потребленіе частное? Кто рѣшится утверждать это? Развѣ суетность, страсть къ роскоши не составляютъ недуга правительствъ и даже мелкихъ правительствъ, называемыхъ общинами, какъ онѣ составляютъ недугъ частныхъ людей? Развѣ всѣ города не входятъ нынѣ въ долги для удовлетворенія потребностямъ „муниципальнаго туалета", сдѣлавшагося, благодаря г. Гауссману и его подражателямъ, гораздо дороже женскаго туалета? „Такимъ-то образомъ," говоритъ г. Мишель Шевалье, —

„правительство и мѣстныя администраціи легкомысленно распоряжаются значительною частію суммъ, собираемыхъ ими посредствомъ тяжкихъ налоговъ на производство народнаго труда, тѣхъ суммъ, которыя отчасти по крайней мѣрѣ сдѣлались бы капиталомъ. Такимъ-то образомъ нерѣдко дерзостно вторгаются въ область будущаго и растрачиваютъ капиталъ въ зародышѣ, заключая займы на предпріятія обманчивыя, на преслѣдованіе химерической славы. Но все ли это? Нѣтъ ли другихъ расходовъ, еще менѣе производительныхъ чѣмъ вышеупомянутые и возросшихъ еще болѣе? Развѣ военные расходы, вмѣсто того чтобъ уменьшиться по мѣрѣ развитія цивилизаціи, не увеличиваются безпрерывно? Развѣ зловредный геній войны не пожираетъ лучшей доли возрастающихъ жатвъ, которыя доставляетъ человѣчеству благотворный геній промышленности?

„Европа (продолжаетъ г. Мишель Шевалье) считающая себя самою высокою представительницей человѣческаго рода, Европа, занимающая еще въ настоящую минуту первое мѣсто въ наукахъ, въ полезныхъ ремеслахъ и въ изящныхъ искусствахъ, отличительныхъ принадлежностяхъ и характеристическихъ признакахъ цивилизаціи, Европа, сыны коей, собравшіеся на выставкѣ, готовы были, повидимому, сжать другъ друга въ объятіяхъ, представляетъ скорѣе видъ лагеря чѣмъ собраніе людей промышленныхъ и образованныхъ, почитающихъ Бога, любящихъ себѣ подобныхъ, стремящихся къ содѣйствію общему и индивидуальному прогрессу развитіемъ общей свободы и частныхъ вольностей.

„Сколько бы вы ни изучали исторію, вы никогда не найдете въ ней подобнаго собранія вооруженныхъ людей, подобнаго скопленія боеваго оружія.

„Во время этого неслыханнаго развитія воинственныхъ приготовленій, промышленность, требующая мира, заявляетъ себя, выказывая средства, превосходящія все что̀ могущество ея могло произвести до сихъ поръ. Но она задерживается въ развитіи своихъ предпріятій опасеніями, возникающими

отъ избытка военной организаціи. Она приведена имъ въ оцѣпенѣніе.

„Антагонизмъ этихъ двухъ стремленій или, лучше сказать, этихъ двухъ силъ, равно дѣятельныхъ и энергическихъ, есть явленіе поразительное. Не трудно сказать которой изъ нихъ желаютъ побѣды, но трудно предусмотрѣть въ настоящую минуту, которая изъ нихъ склонитъ всѣхъ на свою сторону.... Подъ конецъ, въ теченіе времени, дѣло прогресса торжествуетъ; но лишь послѣ многихъ испытаній, ибо участь человѣка и законъ, коимъ онъ управляется, требуютъ для него испытаній. Оно торжествуетъ, но геній насилія уже далъ себѣ волю, уже пресытился опустошеніемъ и кровью. Демонъ разрушенія, всегда прикованный къ человѣческимъ обществамъ, какъ будто ему дано на нашей планетѣ непререкаемое право верховенства, тѣмъ не менѣе заставляетъ платить себѣ дорогою цѣной за успѣхи, выгодами которыхъ воспользуются и плодами которыхъ насладятся послѣдующія поколѣнія.“

Чтобъ исхитить эту добычу отъ генія насилія, чтобъ уничтожить коршуна, пожирающаго внутренности Прометея современной промышленности, что̀ было бы необходимо? Необходимы успѣхи политическіе, экономическіе и нравственные, которые соотвѣтствовали бы успѣхамъ научнымъ, увеличившимъ производительную силу человѣка преобразованіемъ промышленности. Необходимо, чтобы потребленіе общественное и частное усовершенствовалось въ смыслѣ „полезнаго“, какъ усовершенствовалось питающее ихъ производство. Но въ этомъ случаѣ замѣтенъ успѣхъ весьма медленный, даже можно иногда усомниться, есть ли тутъ дѣйствительно какой-нибудь успѣхъ; и есть причины опасаться, что долго еще непроизводительные расходы, происходящіе отъ недостатка бережливости въ частной и общественной экономіи, будутъ поглощать, безъ выгоды для благосостоянія и цивилизаціи человѣческаго рода, увеличеніе производительной силы человѣка.

V.

Испуганный этимъ развитіемъ непроизводительныхъ расходовъ между націями западной Европы, г. Мишель Шевалье не безъ опасенія взираетъ на ожидающую ихъ будущность. Онъ опасается для нихъ конкурренціи націй болѣе молодыхъ, болѣе сильныхъ, менѣе зараженныхъ, быстрое развитіе коихъ устрашаетъ его, и онъ предвидитъ тотъ день,

когда западно-европейскія націи будутъ подавлены все возрастающими колоссами Сѣверной Америки и Россіи:

„Лѣтъ черезъ тридцать Соединенные Штаты будутъ имѣть, по всей вѣроятности, сто милліоновъ населенія, владѣющаго самыми могущественными средствами, распредѣленнаго по территоріи, превосходящей Францію въ 15 или въ 16 разъ и поставленной въ самыя благопріятныя условія. Они съ этой минуты подготовляютъ себѣ союзъ, весьма удобный, по общему предчувствію великихъ судебъ, съ другимъ государствомъ, столь же обширнымъ, хотя и менѣе одареннымъ природой, которое воздвигается на востокѣ Европы, и которое, въ свою очередь, будетъ имѣть въ концѣ нынѣшняго столѣтія до ста милліоновъ жителей, одушевляемыхъ одною идеей.

„Согласіе необходимо для западной и центральной Европы, если она не желаетъ подчиниться этимъ двумъ колоссамъ, которые выступаютъ на политическое поприще, обрисовывая съ каждымъ днемъ явственнѣе свои гигантскіе размѣры и свои надежды, и все прочнѣе утверждая свое единство, какъ бы для того чтобы вѣрнѣе нанести ударъ, которому суждено прогремѣть отъ одного полюса до другаго. Напрасно націи западной и центральной Европы приписываютъ себѣ первенство, которое, въ тщеславіи своемъ, онѣ считаютъ вѣчнымъ и застрахованнымъ отъ всѣхъ событій, какъ будто бы есть что-нибудь вѣчное въ величіи и благосостояніи обществъ, дѣлѣ рукъ человѣческихъ! Римское общество было также въ свое время первенствующимъ, когда Германцы перешли за Рейнъ или перебрались чрезъ Альпы, чтобы сокрушить его.

„По всему вѣроятію, націи западной и центральной Европы будутъ нѣкогда низведены на второстепенное мѣсто, а можетъ-быть и подвергнутся всякимъ униженіямъ, если два новые пришельца найдутъ ихъ истощенными войной, которую они задумаютъ вести другъ съ другомъ. Какимъ образомъ будутъ онѣ въ состояніи противиться, если истощатъ въ своихъ ссорахъ тѣ средства, которыя должны бы быть для нихъ элементами прогресса и могущества?“

Нѣтъ ли правды и вмѣстѣ съ тѣмъ неправды въ этихъ опасеніяхъ, изложенныхъ, впрочемъ, такъ краснорѣчиво? Безъ сомнѣнія, если націи западной Европы будутъ дурно управлять своимъ богатствомъ, которому онѣ обязаны увеличеніемъ своей производительной силы, если онѣ расточатъ это богатство въ безумныхъ и постыдныхъ оргіяхъ, порождаемыхъ растленіемъ частныхъ нравовъ, или если онѣ предадутъ его на произволъ властителей, сдѣлавшихся могущественными благодаря паденію нравовъ общественныхъ, и если, съ другой стороны,

Соединенные Штаты и Россія сумѣютъ предохранить себя отъ этихъ причинъ разложенія и ослабленія, то возможно, и даже вѣроятно, что націи западной Европы низойдутъ на второстепенное мѣсто, и что по прошествіи столѣтія, онѣ примутъ относительно Америки и Россіи положеніе, въ которомъ Испанія находится относительно Франціи. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что онѣ подвергнутся опасности быть завоеванными и порабощенными? Но вѣроятно ли, чтобы Русскіе, соединясь съ Американцами для того чтобы „нанести ударъ, которому суждено прогремѣть отъ одного полюса до другаго", перешли за Рейнъ, подобно древнимъ Германцамъ, чтобы сокрушить западную цивилизацію и замѣнить ее, вмѣстѣ съ своимъ первенствомъ, и своею цивилизаціей? Нѣтъ ли въ этихъ словахъ отголоска тѣхъ декламацій, которыя безпрерывно представляютъ намъ „Туранцевъ" готовыми налетѣть на Европу, чтобы превратить ее въ груду развалинъ, если только не постараются воздвигнуть неодолимую преграду между ними и Западомъ? Если Русскимъ и Американцамъ суждено когда-нибудь перегнать насъ, людей Запада, то не совершится ли это благодаря превосходству ихъ просвѣщенія, нравственности и цивилизаціи? И можемъ ли мы опасаться, чтобы люди, которые превзойдутъ насъ цивилизаціей, стали дѣйствовать въ отношеніи къ намъ какъ дѣйствовали Германцы-варвары относительно образованныхъ Римлянъ? Можемъ ли мы опасаться, чтобы тѣ и другіе, имѣя предъ собой для разработки цѣлый дѣвственный міръ, явились для захвата и расхищенія нашихъ владѣній, по примѣру Гунновъ или краснокожихъ? Не заключается ли здѣсь анахронизмъ въ сужденіи, налагающій пятно на *Предисловіе*,—замѣчательное, впрочемъ, во всѣхъ отношеніяхъ, — которое г. Мишель-Шевалье поставилъ во главѣ докладовъ жюри о всемірной выставкѣ?

Нѣтъ! Я твердо надѣюсь, что не такова участь, приготовляемая намъ будущностью. Европейское общество переживаетъ въ настоящую минуту великій кризисъ; оно вырабатываетъ новое политическое и соціальное положеніе, сообразное съ его новымъ положеніемъ промышленнымъ. Національности переустраиваются, правительства преобразуются, подобно промышленнымъ предпріятіямъ, по плану болѣе обширному и при болѣе разумныхъ комбинаціяхъ, чтобы доставить народамъ одновременно болѣе безопасности и болѣе свободы. Эта прогрессивная работа совершается не всегда

мирнымъ путемъ,—да и самый промышленный прогрессъ не причиняетъ ли иногда бѣдствій и разореній? Но конечная цѣль, къ которой онъ стремится, не заключается ли въ независимости для каждаго, въ спокойствіи и мирѣ для всѣхъ? На всемірной выставкѣ каждая нація занимала свое отдѣленіе, не захватывая чужихъ отдѣленій, но выказывая все, что ея трудъ произвелъ самаго лучшаго и замѣчательнаго, подстрекая лишь своихъ соперницъ и будучи подстрекаема ими; не позволительно ли надѣяться, что націи эти, оставаясь въ отдѣленіяхъ, которыя Провидѣніе указало имъ на земномъ шарѣ, будутъ все болѣе и болѣе изыскивать элементы своего величія и благосостоянія въ мирной разработкѣ своихъ средствъ, въ развитіи своей производительной силы, и что различіе національностей и племенъ будетъ только средствомъ къ побужденію ихъ перегонять другъ друга на пути матеріальной и нравственной цивилизаціи, къ общей выгодѣ для человѣчества?

ГУСТАВЪ ДЕ-МОЛИНАРИ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Русская выставка на Марсовомъ полѣ привлекала посѣтителей преимущественно своими великолѣпными образцами минеральнаго царства, своими оригинальными произведеніями ювелирнаго искусства, серебряными вещами подъ чернью, мебелью съ инкрустаціями и пр., что расположено было необыкновенно изящно и съ большимъ вкусомъ. Не говорю ничего о такъ-называемыхъ *annexes*, какова, напримѣръ, конюшня съ великолѣпными лошадьми, присланными Его Величествомъ Императоромъ, которыхъ замѣнили потомъ скаковыя лошади князя Орлова. Конюшня эта была однимъ изъ самыхъ привлекательныхъ предметовъ на выставкѣ, и многочисленная толпа собиралась у ея входа, когда русскіе кучера, въ своихъ живописныхъ костюмахъ, дѣлали проѣздку этимъ мощнымъ рысакамъ. Публика стекалась также толпами осматривать *избу*,— полный образецъ жилища русскаго крестьянина, со всею его обычною мебелью и съ иконами. Доклады жюри содержатъ въ себѣ многочисленныя указанія на русскую выставку и особенно подробное статистическое обозрѣніе минеральнаго производства; но я ограничусь сообщеніемъ нѣкоторыхъ сужденій, высказанныхъ докладчиками о различныхъ отрасляхъ русской промышленности.

МЕБЕЛЬ. *Докладъ гг. Дитерля и Поллена.* Россія представляетъ весьма малое число экспонентовъ: все богатство ея выставки составляютъ императорскія заведенія Петрозаводска и Екатеринбурга. Шкафы, конторки, украшенныя каменьями, представляютъ богатство матеріаловъ, подобное которому едва ли можно гдѣ-нибудь встрѣтить. Бирюза, ляписъ-лазули, топазъ, малахитъ и самые рѣдкіе камни, каковы нефритъ и гематитъ, придаютъ этой мебели высокую цѣнность. Достойно сожалѣнія, что такое множество великолѣпныхъ элементовъ не употреблено для искусства болѣе оригинальнаго и совершеннаго. Изъ частныхъ промышленниковъ г. Волосатиковъ выставилъ кіотъ для иконъ, который, вмѣстѣ съ нѣсколькими грубыми кавказскими стульями, составляетъ пріятный контрастъ съ прочими продуктами этого отдѣленія.

ФАЯНСЪ. *Докладъ г. Эме Жирара.* Намъ извѣстна только одна фаянсовая фабрика въ Россіи, — г. Павла Гарднера, въ Московской губерніи; фарфоръ тамъ выдѣлывается вмѣстѣ съ продуктомъ, о которомъ мы ведемъ рѣчь. Произведенія этой фабрики, занимающей до 300 рабочихъ, потребляются частію на мѣстѣ, частію вывозятся въ Персію и Бухарію.

НОЖИ И НОЖНИЦЫ. *Докладъ г. Дюбока.* Въ окрестностяхъ Нижняго-Новгорода производится сталь превосходнаго качества, изъ которой выдѣлываются острыя орудія, и преимущественно ножи и ножницы, во многихъ селеніяхъ губерній Нижегородской и Владимірской, а именно: въ Павловѣ, въ Ворсмѣ и другихъ. Судя по выставленнымъ предметамъ, каждый домъ имѣетъ свою особую спеціальность; одни выдѣлываютъ ножницы, другіе стальные ножи и вилки, третьи складные ножи, прямые и пр. Предметы эти, хотя и принадлежатъ къ числу обыкновенныхъ издѣлій, всѣ отличнаго качества; они свидѣтельствуютъ о чрезвычайномъ искусствѣ рабочихъ, отлично отточены и подобраны.

Самые замѣчательные предметы этого отдѣленія суть: ножницы г. Ванина, изъ Павлова, выдерживающія сравненіе съ лучшими продуктами этого рода въ западныхъ государствахъ (жюри опредѣлилъ имъ награду); столовые ножи и вилки г. Ворыпаева; складные ножи, ножницы и винтовальни г. Завьялова изъ Ворсмы, и прямые ножи г. Кондакова, къ которымъ присоединена прекрасная коллекція долотъ, рубанковъ, рѣзцовъ и орудій для конопаченія.

ЗОЛОТЫЯ ИЗДѢЛІЯ. *Докладъ г. Поля Кристофля.* Русская выставка золотыхъ издѣлій есть, безъ сомнѣнія, одна изъ самыхъ любопытныхъ на Марсовомъ полѣ; интересъ ея зависитъ отъ разнообразія красокъ, которое фабриканты этой страны умѣютъ придавать своимъ произведеніямъ, заставляя металлъ принимать

всевозможные оттѣнки, и отъ искуснаго употребленія черни и насѣчекъ. Достойно сожалѣнія однако, что русскіе золотыхъ дѣлъ мастера выбираютъ вообще для своихъ золотыхъ издѣлій модели нѣсколько грубой формы, выполненіе коихъ изъ матеріала менѣе цѣннаго было бы болѣе понятно.

Самый замѣчательный изъ русскихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ есть г. Сазиковъ; капитальная вещь, имъ выставленная, есть барельефъ изъ матоваго серебра, работы весьма тщательной, но съ чеканкой нѣсколько жосткою. Г. Сазиковъ выставилъ въ своей витринѣ нѣсколько вещей въ національномъ вкусѣ, каковы: чайный сервизъ изъ серебра, совершенно покрытаго чернью и обвитаго полурельефными позолоченными вѣтками. Сочиненіе и украшеніе этого чайнаго сервиза очень оригинальны; то же самое должно замѣтить и о коллекціи вазъ, чарокъ, маленькихъ чайниковъ, на которыхъ чернь, насѣчки и эмаль распредѣлены очень искусно, что̀ дѣлаетъ ихъ особенно интересными.

Г. Овчинниковъ выставилъ нѣсколько золотыхъ издѣлій, доказывающихъ руку чрезвычайно искусную, какъ напримѣръ въ аллегорической группѣ: „Будущность освобожденнаго народа“, гдѣ необыкновенная тонкость рѣзьбы придаетъ удивительную натуральность рисункамъ различныхъ тканей. Въ этомъ же отдѣленіи замѣчателенъ потиръ и воздухи, превосходно выполненные. На русской выставкѣ находится также коллекція серебряныхъ вещей, присланныхъ Кавказскимъ Земледѣльческимъ Комитетомъ, частію матовыхъ, частію украшенныхъ чернью и эмалью, и служащихъ для мѣстнаго потребленія.

БРОНЗА. *Докладъ г. Барбедіенна.* Русскія бронзовыя издѣлія, часто отличающіяся тщательною ручною работой, слабы въ артистическомъ отношеніи. Съ тѣми же работниками, при лучшихъ образцахъ, можно было бы выдѣлывать предметы хорошаго качества; итакъ, въ этомъ отношеніи русскіе фабриканты должны преимущественно обращаться къ художникамъ.

ОСВѢЩЕНІЕ. *Докладъ г. Мюллера.* Россія прислала различные снаряды для промышленнаго употребленія растительныхъ и минеральныхъ маслъ. Снаряды эти, очень простые, хорошо придуманы и прочно сдѣланы.

САФЬЯНЫ, ЩЕТКИ И ПР. *Докладъ г. Лудовика Окока.* Русская выставка даетъ возможность представить оцѣнку двухъ фабрикантовъ, продукты коихъ заслуживаютъ особаго вниманія. Г. Тейстъ, изъ Варшавы, представилъ щетки, выдѣлка коихъ свидѣтельствуетъ о значительномъ успѣхѣ производства. Мы находимъ только, что оправа ихъ нѣсколько груба. Основанная въ самомъ центрѣ производства своего суровья, эта промышленность

достигнетъ цвѣтущаго состоянія, если ею будутъ руководить надлежащимъ образомъ. Мы можемъ указать также выставку тонкой щетины г. Мамонтова изъ Москвы: до сихъ поръ не было еще ничего подобнаго, какъ относительно качества, такъ и относительно приготовленія.

Г. Штольцманъ, изъ Варшавы, выставилъ издѣлія изъ свѣтлой кожи, такъ-называемой *варшавской*, весьма изящной работы, не оставляющей ничего желать болѣе въ этомъ отношеніи.

БУМАЖНАЯ ПРЯЖА. *Докладъ г. Мимереля сына.* Прядильныя фабрики въ Россіи значительно увеличились въ послѣднія 15 лѣтъ; въ 1852 году онѣ имѣли 1 милліонъ веретенъ; въ настоящее время онѣ имѣютъ ихъ $1^1/_2$ милліона, и многія изъ нихъ работаютъ день и ночь.

Заводы, расположенные не далеко отъ морскаго берега, получаютъ уголь изъ Англіи, который обходится имъ отъ 22 до 25 фр. за тонну; мануфактуры же, расположенныя внутри Имперіи, употребляютъ вообще для топлива дрова, которыхъ тамъ еще такъ много, что они обходятся не дороже угля, а именно отъ 25 до 28 фр. за тонну. Россія потребляетъ ежегодно 44.000.000 килограммовъ хлопка и получаетъ преимущественно изъ Англіи тѣ сорта пряжи, которыхъ ей не доставляютъ ея собственныя мануфактуры.

БУМАЖНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. ТКАЧЕСТВО. *Докладъ г. Густава Руа.* Бумажная промышленность возникла въ Россіи сорокъ лѣтъ тому назадъ и съ тѣхъ поръ быстро развилась. Объ успѣхахъ ея можно судить по слѣдующему факту: въ 1824 году привозъ простирался до 1.600.000 килограммовъ сыраго хлопка и до 6.400.000 килограммовъ пряденой бумаги; въ 1859 году, до хлопчато-бумажнаго кризиса, привозъ сыраго хлопка поднялся до 45 милліоновъ килограммовъ, и привозъ пряжи понизился до 2.200.000 килограммовъ. Въ послѣдніе годы русскія филатуры получали много хлопка съ Кавказа и изъ Азіи. Въ 1864 году потребленіе этого хлопка простиралось до 11 милліоновъ. Россія явилась на всемірную выставку съ своими 1.800.000 веретенъ, распредѣленныхъ по губерніямъ Петербургской, Московской, Владимірской, Тверской и по Царству Польскому. Мы замѣтили продукты Невской филатуры, имѣющей 150.000 веретенъ почти вполнѣ *self-acting*. Механическое ткачество считаетъ въ Россіи не болѣе 12.000 станковъ, но число ручныхъ станковъ въ семь или восемь разъ значительнѣе; они производятъ огромное количество тканей одноцвѣтныхъ и разноцвѣтныхъ. Мущины и женщины занимаются этою домашнею работой въ теченіе семи зимнихъ мѣсяцевъ. Фабриканты-негоціанты, на которыхъ они работаютъ, присылаютъ имъ готовые основу и утокъ. Эта промышленность доставляетъ мѣстному потребленію всѣ необходимые

[redacted]

предметы и поддерживаютъ значительный отпускъ въ азіатскія страны, — отпускъ, пріобрѣтающій съ каждымъ годомъ все болѣе значенія: въ 1864 году цифра его поднялась до 4 милліоновъ рублей. Русская бумажная промышленность занимаетъ 235.000 рабочихъ.

Мы должны, впрочемъ, замѣтить, что покровительствуемые высокими пошлинами противъ иностранной конкурренціи, промышленники задерживаютъ своими высокими цѣнами потребленіе, которое расширилось бы значительно, еслибъ было поощряемо низкими цѣнами. Намъ кажется, что для Россіи наступила уже минута понизить таможенный тарифъ и тѣмъ подстрекнуть свою бумажную промышленность, которая занимаетъ нынѣ по своей важности шестое мѣсто на землѣ; мы обращали на этотъ предметъ вниманіе государственныхъ людей, посѣщавшихъ всемірную выставку.

ПЕЧАТНЫЯ БУМАЖНЫЯ ТКАНИ. *Докладъ г. Кехлина.* Поддерживаемые громадными рынками, русскіе фабриканты печатныхъ тканей производятъ весьма значительное количество ситцевъ, и относительно простыхъ одноцвѣтныхъ тканей, не уступаютъ никакой другой странѣ. Намъ показалось, что простыя одноцвѣтныя ткани г. Зубкова и гг. Барановыхъ, изъ Владимірской губерніи, отличаются болѣе богатымъ и яркимъ оттѣнкомъ чѣмъ однородные продукты другихъ мѣстностей. Г. Прохоровъ отличается замѣчательнымъ превосходствомъ фабрикаціи. Много также содѣйствовали возвышенію производства и усовершенствованію способовъ заведенія г. Эмиля Кинделя и г. Альберта Гюбнера въ Москвѣ. Но должно сказать, что и здѣсь русской промышленности не достаетъ благотворнаго поощренія иностранной конкурренціи. Русскіе фабриканты мало достигаютъ успѣховъ потому именно, что они пользуются относительно статей крупнаго потребленія покровительствомъ пошлинъ, равносильныхъ настоящему запрещенію.

СУКОННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. *Докладъ г. Вокелена.* Россія преуспѣваетъ въ фабрикаціи одноцвѣтныхъ суконъ и тканей для пальто. Цѣны кажутся все еще очень высокими, но необходимо принять въ разчетъ затрудненія, которыми окружено производство въ этой странѣ, съ которою въ скоромъ времени, можетъ-быть, придется считаться. Вообще русскія сукна сдѣланы хорошо и изъ очень хорошей шерсти. Итакъ можно признать за ихъ фабрикаціей несомнѣнное достоинство.

Отпускъ русскихъ суконъ производится преимущественно въ Китай, гдѣ эти продукты цѣнятся очень высоко. Россія выдѣлываетъ спеціально для потребленія этой страны ткани очень широкія и яркихъ цвѣтовъ. Мы затрудняемся выразить наше мнѣніе о настоящемъ достоинствѣ грубыхъ суконъ, выдѣланныхъ изъ верблюжьей

шерсти, различные образцы коихъ она представила. Увѣряютъ, что она производитъ ими значительную торговлю съ Азіей.

ШЕЛКЪ. *Докладъ г. Жуля Рембера.* Выставка южной Россіи не блещетъ свѣжестью своихъ продуктовъ. Замѣтно однако, что страна эта сдѣлала большія усилія, чтобы выслать до 50 экспонентовъ преимущественно изъ Кавказскаго края.

Разведеніе туговаго дерева и воспитаніе шелковичныхъ червей возникли въ Россіи только въ началѣ прошедшаго столѣтія. Поощряемая правительствомъ, эта культура сдѣлала нѣкоторыя успѣхи въ южныхъ губерніяхъ, особенно въ Таврической, но только по присоединеніи Закавказья воспитаніе шелковичнаго червя сдѣлалось одною изъ важныхъ отраслей національнаго производства.

Съ 1858 года по 1864 Россія имѣла значительную долю въ производствѣ яичекъ шелковичныхъ червей. Грузинская порода червей пользовалась въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ нѣкотораго рода монополіей, но истощенная слишкомъ обильнымъ производствомъ, она пала подъ тяжестью болѣзни. Кавказскіе шелки вообще качества посредственнаго и при размоткѣ представляютъ много неудобствъ; впрочемъ съ 1865 года въ нихъ произошла большая перемѣна относительно качества и цѣнности сырца. Отпускъ русскихъ шелковъ значительно усилился, между тѣмъ какъ привозъ иностранныхъ шелковъ и особенно французскаго уменьшается съ каждымъ днемъ. Шелководство въ Россіи нисколько не въ лучшемъ положеніи чѣмъ въ другихъ странахъ; но какъ только исчезнетъ эпидемія, то Россіи выгодно будетъ запастись другими породами, которыя, можетъ-быть, она въ состояніи будетъ держать въ своихъ сѣверныхъ губерніяхъ: даже Варшавская губернія производитъ нѣкоторые сорта.

ШЕЛКОВЫЯ ТКАНИ. *Докладъ г. Пайена.* На выставкѣ 1851 года Россія произвела впечатлѣніе: она хотѣла доказать что для нея нѣтъ ничего невозможнаго, и фабрики ея, повинуясь программѣ правительства, выслали полную коллекцію шелковыхъ тканей. Въ нынѣшнемъ году ея выставка не такъ блистательна, и мы считаемъ ее болѣе точнымъ выраженіемъ ея промышленнаго положенія. И въ самомъ дѣлѣ, невозможно импровизовать такую промышленность какъ шелковая, требующая во всѣхъ своихъ отрасляхъ практики и совершенства, для которыхъ потребовались вѣка опытности въ странахъ, гдѣ она организовалась дѣйствительно.

Никто болѣе насъ не отдаетъ справедливости усиліямъ Россіи и ея правительства для возвышенія умственнаго уровня ея населеній и усвоенія себѣ всѣхъ успѣховъ, достигнутыхъ образованными націями, но цивилизація требуетъ долгаго подготовленія, и много уже славы для этой страны, что она успѣла создать

такъ быстро въ нѣкоторыхъ исключительныхъ центрахъ торговую и промышленную дѣятельность, которая обнаруживается съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе, и продукты которой заслуживаютъ общаго вниманія.

Бóльшая часть шелковыхъ тканей состоитъ изъ парчи, штофа, тканей вышитыхъ золотомъ и серебромъ. Рисунки вообще составлены хорошо; относительно современныхъ сортовъ въ нихъ замѣтно подражаніе Франціи, можетъ-быть, слишкомъ рабское, но въ тканяхъ, назначенныхъ для особыхъ цѣлей и для мѣстнаго потребленія, видны, вмѣстѣ съ простотой сѣвера, слѣды азіатскаго вкуса и рѣзко выступающій восточный характеръ — результатъ сосѣдства Персіи и Турціи. Въ Москвѣ выдѣлываются богатыя ткани, гибкія несмотря на множество золотыхъ и серебряныхъ нитей, которыя служатъ для выдѣлки великолѣпныхъ церковныхъ облаченій, употребляемыхъ въ православной церкви. Русская выставка представляетъ намъ превосходные образцы тканей для обоевъ и мебели; рисунки отлично приспособлены къ назначенію, тѣни согласны и исполнены оригинальности. Нѣкоторыя кавказскія фабрики выставили шелковыя ткани для платьевъ, шелковыя одѣяла, платки и косынки: все это назначено, повидимому, для мѣстнаго потребленія и относительно производства не представляетъ большой важности. Одна фабрика выслала ткани полосатыя съ золотомъ и серебромъ, щегольски выдѣланныя и тонкой работы, назначенныя, повидимому, для торговли Россіи съ Востокомъ.

ВЫШИВАНЬЕ. *Докладъ г. Ронделе.* Большая вышитая напрестольная одежда, выставленная Россіей, оставляетъ многаго желать, если не принимать въ соображеніе чрезвычайныхъ затрудненій, которыя необходимо было преодолѣть при ея выполненіи. Въ томъ же отдѣлѣ мы видѣли бѣлое кавказское шитье, выполненное съ большимъ искусствомъ, а также и большіе ковры съ золотомъ и серебромъ, очень высокой цѣны, чтó нѣсколько удивительно, если принять въ разчетъ, что ручная работа должна быть очень дешева въ Россіи.

ВЯЗАЛЬНЫЯ ИЗДѢЛІЯ. *Докладъ г. Тальбуи.* Въ Россіи почти не занимаются вязальными издѣліями; для потребленія высшихъ классовъ они привозятся туда изъ Англіи, Франціи и Саксоніи. Крестьяне употребляютъ чулки изъ грубой шерсти, вязанные руками: образцы этихъ статей, бывшіе на выставкѣ, не позволяютъ сомнѣваться въ ихъ теплотѣ и прочности. Впрочемъ, въ послѣдніе годы были попытки завести чулочную фабрику въ Москвѣ, для чего выписаны были туда различные станки изъ Англіи и Франціи, и это можно счесть началомъ прогресса. Шали изъ вязаной шерсти, въ родѣ кружевныхъ, выдѣлываются на Кавказѣ;

онѣ чрезвычайно тонкой и изящной работы, но потребленіе ихъ, такъ же какъ и производство, ничтожны.

ПЕРЧАТКИ. *Докладъ г. Карсенака.* Нѣкоторые французскіе фабриканты переселились въ Россію и перенесли туда эту промышленность; они продолжали покупать лайку, даже красить и кроить ее во Франціи, а такъ какъ они придерживаются лучшихъ сортовъ, то фабрикація ихъ, хотя и не обширная, выдерживаетъ соперничество со всѣмъ, что̀ у насъ есть лучшаго по этой части, и такъ успѣшно дѣйствуетъ въ Россіи, что вытѣснило съ рынка нашихъ лучшихъ фабрикантовъ.

ОБУВЬ. *Докладъ г. Максима Госсе.* Въ Россіи намъ предстоитъ осмотрѣть различные, совершенно особые роды обуви, повидимому, какъ нельзя лучше приспособленные къ климатическимъ условіямъ страны. Обувь эта сдѣлана вообще изъ мѣха или шерстянаго войлока и должна быть весьма удобна въ большіе холода и упорные морозы. Русская обувь, сшитая въ строчку, возбуждаетъ вниманіе знатоковъ.

ШЛЯПЫ. *Докладъ г. Лавилля.* По поводу обзора этой отрасли промышленности, докладчикъ дѣлаетъ слѣдующее общее замѣчаніе о необходимости иностранной конкурренціи для Россіи: Для Россіи необходимы международные трактаты, которые заставили бы ея промышленность почувствовать сильнѣе вліяніе иностранной конкурренціи, что̀ подстрекнуло бы ея фабрикантовъ. Наравнѣ со всякою другою націей, а можетъ-быть и еще болѣе, она извлекла бы изъ нея драгоцѣнныя выгоды. И дѣйствительно, трактаты этого рода упрочили матеріальныя и нравственныя блага всѣмъ народамъ, которые заключили между собой договоры. Повсюду, гдѣ запрещеніе уничтожило конкурренцію и задержало успѣхи промышленности, повсюду, гдѣ оно установило монополію въ ущербъ потребителю, повсюду, гдѣ оно разорвало торговыя сношенія и вслѣдствіе этого изолировало націи, свободная торговля, возникая вдругъ или послѣ разумныхъ остановокъ,— разумныхъ, потому что онѣ были кратків, успѣла возбудить соревнованіе, ускорить прогрессъ, уничтожить монополію въ пользу потребителя и сблизить націи учрежденіемъ торговыхъ сношеній.

ЮВЕЛИРНЫЯ ИЗДѢЛІЯ. *Докладъ гг. Фосеена и Бограна.* Издѣлія, присланныя изъ Москвы и отличающіяся рѣзкимъ національнымъ характеромъ, особенно интересны относительно ювелирнаго искусства. Болѣе всего замѣчательна ихъ отдѣлка, и этотъ образчикъ московскихъ драгоцѣнныхъ вещей заставляетъ насъ пожалѣть, что Петербургъ не выслалъ намъ своихъ продуктовъ въ этомъ родѣ.

ПУТЕВЫЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ. *Докладъ г. Тестона.* Фабрикація путевыхъ принадлежностей въ Россіи имѣла представителемъ своимъ только одного экспонента — г. Ниссена изъ С.-Петербурга. Чемоданы очень похожи на обыкновенные французскіе. Внутренность картонная, покрытая чернымъ лакомъ. Повидимому, они не очень прочны, не такъ, напримѣръ, какъ англійскіе чемоданы, которые, впрочемъ, стóятъ гораздо дороже. Чемоданъ для желѣзной дороги, длиной въ 55 сантиметровъ, изъ черной лаковой кожи русской фабрикаціи стóитъ 45 франковъ; англійскій чемоданъ такихъ же размѣровъ стóитъ 75 франк. Выдѣлка сакъ-вояжей, которые могутъ быть также продаваемы по дешевымъ цѣнамъ, неудовлетворительна во многихъ отношеніяхъ и въ особенности относительно изящества. Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ настоящую минуту существуетъ почти общее пристрастіе къ предметамъ выдѣланнымъ изъ русской кожи, которой приписываются качества, далеко не оправдывающіяся на дѣлѣ, по крайней мѣрѣ относительно разсматриваемыхъ нами предметовъ.

Этимъ окончу я мои выписки, свидѣтельствующія о томъ почетномъ мѣстѣ, которое докладчики жюри отвели русской выставкѣ. Замѣчательны еще: 1) Въ докладахъ о выставкѣ живописи, — лестный отзывъ о картинахъ гг. Мещерскаго, Айвазовскаго, Сверчкова, о статуѣ *Вдова* г. Каменскаго и о бронзовыхъ издѣліяхъ г. Либериха. 2) Въ докладѣ объ исторіи труда,—замѣтка о богатой коллекціи оружія, драгоцѣнной посуды и пр., присланной Московскою оружейною палатой и Царскосельскимъ арсеналомъ. 3) Замѣтка объ *артеляхъ* или ассоціаціяхъ рабочихъ, получившихъ почетный отзывъ отъ спеціальнаго жюри, коему поручена раздача наградъ заведеніямъ и мѣстностямъ, развившимъ доброе согласіе между лицами, занимающимися одною работой, и упрочившимъ матеріальное, умственное и нравственное благосостояніе рабочихъ. 4) Отзывъ о геологической картѣ Россіи, составленной генераломъ Гельмерсеномъ, съ выраженіемъ сожалѣнія, что г. Абихъ не могъ прислать своей карты о Закавказьѣ. 5) Подробныя замѣтки о богатствахъ и разработкѣ минераловъ въ Россійской Имперіи, объ углѣ, желѣзѣ, мѣди, золотѣ, серебрѣ, драгоцѣнныхъ камняхъ и въ особенности о фабрикаціи желѣза. 6) Замѣтки о продуктахъ лѣсоводства и о земледѣльческихъ продуктахъ, составляющихъ главное богатство Россіи, каковы: зерновой хлѣбъ, ленъ, пенька, шерсть и пр. 7) Историческій взглядъ на гальванопластику, открытую г. профессоромъ Якоби, съ замѣткой о выставкѣ Кронштадтскаго гальванопластическаго заведенія. 8) Отзывъ о костяномъ порошкѣ дома Шермера. 9) Взглядъ на пути сообщенія въ Россіи. 10) Отзывъ объ образцахъ народныхъ костюмовъ, съ выраженіемъ слѣдующаго сожалѣнія, высказаннаго докладчи-

комъ г. Армономъ Дюмасескомъ: „Сожалѣю о томъ только, что мы не видали настоящаго русскаго крестьянина, съ его женой и семействомъ... Чтобы судить о его вкусѣ, достаточно бросить взглядъ на полотенца, которыя находятся въ *избѣ* и въ отдѣленіи тканей и льняныхъ издѣлій. Почему же у насъ не было ихъ костюмовъ?“ Наконецъ 11) ученая замѣтка г. Василія Коптева объ *иностранныхъ лошадяхъ*, напечатанная въ 12-мъ томѣ *Собранія Докладовъ Жюри* и на которую обращаю особенное вниманіе спеціалистовъ.

ПОЛЬСКАЯ ПРОПАГАНДА

ВЪ ШКОЛАХЪ ЗАПАДНАГО КРАЯ

Дѣятельность Чарторыйскаго и Чацкаго, перваго на Литвѣ, втораго—на Волыни, принесла Россіи плоды самые горькіе, но нельзя не сознаться, что дѣйствовали оба эти пана очень искусно. Они строго взвѣсили средства, имѣвшіяся у нихъ въ рукахъ, и разчитали дѣло такъ, чтобъ оно не остановилось и послѣ ихъ смерти. До нихъ западный край не только былъ русскимъ въ народной массѣ, какимъ всегда былъ и, конечно, останется, но и большинство шляхтичей, признавая себя Поляками, тѣмъ не менѣе не знали по-польски, а говорили и писали по-русски. Польскій языкъ господствовалъ въ краѣ только въ кругу магнатовъ. Чарторыйскій и Чацкій не обратились сразу къ учрежденію народныхъ школъ и начальныхъ училищъ, но устремили свое вниманіе на университетъ, лицей и гимназіи, для того чтобы, пропагандируя въ нихъ польскія начала, слить шляхту въ одно плотное польское учрежденіе и сдѣлать ее проводникомъ полыцизны въ народѣ. Они озаботились такимъ образомъ приготовлять сначала не учениковъ, а учителей. Скоро духъ учебной польской пропаганды привился къ шляхетскому сословію и укоренился такъ глубоко, что послѣ 1830 года пропаганда эта развилась сама собой при помощи многочисленныхъ дѣятелей изъ числа мѣстной шляхты. Въ короткій періодъ времени шляхта объединилась и на всемъ пространствѣ западнаго края усвоила себѣ исключительно польскій языкъ. Этому же времени должно приписать ту тѣсную связь, которая установилась между полонизмомъ и католицизмомъ. Ксендзы стали дѣятельными сообщниками

шляхты. Программа Чацкаго и Чарторыйскаго, ясно и опредѣлительно высказанная, стала приводиться послѣ нихъ въ исполненіе тысячами людей. Хотя правительство и преобразовало учебную систему въ западномъ краѣ послѣ 1830 года, но уже было поздно. Мысль о необходимости ополяченія края запала слишкомъ глубоко въ умы шляхетскихъ вожаковъ, чтобъ ее можно было искоренить не твердыми и не рѣшительными шагами правительства на поприщѣ народнаго образованія. Вообще надо замѣтить, что правительственныя учебныя заведенія западнаго края, въ періодъ 1830—1863 г., имѣли весьма слабое вліяніе на просвѣщеніе страны и еще меньшее на обрусеніе края. Крестьяне, этотъ прирожденный русскій элементъ страны, не допускались въ учебныя заведенія. Польское же дворянство и шляхта въ нихъ вовсе не русѣли. Получивъ дома зародышъ ненависти къ Россіи, Поляки только развивали ее въ коронныхъ учебныхъ заведеніяхъ и мечтали о развитіи польской пропаганды. Введеніе строгихъ порядковъ пріучило лишь развращенную въ политическомъ отношеніи молодежь къ скрытности, двуличію и обману.

За то въ то время, какъ мы думали давать шляхтѣ русское развитіе и не успѣвали въ этомъ, она стремилась всѣми силами къ ополяченію народа и, по мѣрѣ силъ, успѣвала въ этомъ. Интригѣ поддались даже нѣкоторые изъ нашихъ правительственныхъ лицъ. Въ 1842 году обученіе польскому языку было введено офиціальнымъ путемъ въ школы государственныхъ имуществъ. Въ 1844 году мѣстное начальство открыло, что многіе изъ помѣщиковъ завели школы въ своихъ имѣніяхъ съ преподаваніемъ въ нихъ на польскомъ языкѣ; принятыя мѣры, то-есть простое запрещеніе обучать въ помѣщичьихъ школахъ польскому языку и польской грамотѣ, не достигли цѣли.

Дѣятельность въ этомъ духѣ перешла и въ Кіевскій университетъ. Въ сороковыхъ годахъ студентъ Нагурный основалъ между своими товарищами тайное общество, послужившее позднѣе къ образованію *гмины*, цѣлью которыхъ было содѣйствовать поддержанію польскаго дѣла взаимнымъ самообразованіемъ въ національномъ духѣ, распространеніемъ этого образованія на учащихъ и учащихся, и главное, приготовленіемъ способныхъ полонизаторовъ для сельскаго населенія. Волынская (аристократическая) и литовская

(демократическая) гмины уживались между собой весьма дружно, имѣя въ виду одну общую цѣль — ополяченіе края.

Вся эта подготовительная подземная работа принесла обильные плоды въ періодъ 1858—1863 годовъ, когда въ юго-западномъ краѣ образовалось *Общество учебнаго пособія польскому народу Волыни, Подоліи и Украйны.* Литографированный уставъ этого Общества первоначально найденъ былъ въ бумагахъ кіевскаго помѣщика Фліорковскаго. По этому уставу организація Общества была слѣдующая: въ Кіевѣ находился центральный комитетъ въ составѣ 12 человѣкъ, изъ числа коихъ пять избирались отъ университетской корпораціи, а остальные отъ другихъ сословій; избраніе членовъ происходило каждые три года, во время контрактовъ. Въ каждомъ уѣздѣ находились коллекторы для сбора пожертвованій, постоянныхъ и случайныхъ. Каждый изъ членовъ Общества обязанъ былъ исполнять порученія комитета и доносить комитету о мѣстныхъ потребностяхъ относительно школъ, избѣгая всего, чтò бы могло обнаружить и компрометтировать дѣятельность Общества. Комитетъ завѣдывалъ суммами, замѣщалъ учительскія мѣста, по рекомендаціи двухъ членовъ Общества и подъ условіемъ, чтобъ учитель непремѣнно былъ *католикъ* и *Полякъ*; заботился о пріобрѣтеніи книгъ и учебныхъ пособій, и снабжая ими школы, провѣрялъ чрезъ своихъ членовъ состояніе послѣднихъ. Время и мѣсто засѣданій комитета назначалось предсѣдателемъ.

Школы открывались преимущественно при костелахъ, въ мѣстахъ населенныхъ Поляками, при фабрикахъ и т. д. Прежде основанія школы, комитетъ долженъ былъ снестись съ мѣстными пробощемъ и помѣщикомъ и узнать, принимаютъ ли они попечительство надъ школой. Кромѣ того, собрать свѣдѣнія о численности населенія, для котораго устраивается школа, о средствахъ, которыя населеніе можетъ доставлять, о числѣ дѣтей, могущихъ обучаться въ школѣ, и т. д. За тѣмъ комитетъ устраивалъ школу, снабжалъ ее книгами и деньгами и назначалъ учителя.

Въ польскія школы принимались дѣти крестьянъ, мѣщанъ и чиновниковъ безъ различія вѣроисповѣданія, лишь бы не навлекать на школу преслѣдованія правительства. Легкія работы при школѣ исполнялись въ свободное время учениками; тяжелыя: носка дровъ, воды и топка печей—сторожами;

жалованье учитель получалъ отъ комитета, по 10 рублей за каждаго ученика. Этимъ способомъ каждый учитель былъ заинтересованъ привлечь въ школу болѣе учениковъ и, слѣдовательно, по мѣрѣ силъ своихъ содѣйствовать пропагандѣ. За 20 учениковъ учитель получалъ 200 руб., за 30—300. За каждаго же ученика свыше 30 набавлялось не по 10, но уже по 5 руб., за то въ помощь учителю назначался помощникъ. Дѣти освобождались отъ всякой платы за ученіе, и еслибы пожелали сами взносить что-нибудь, то взносы ихъ могли приниматься не какъ плата за ученье, а какъ приношеніе въ пользу школы. Попечительство школы состояло изъ мѣстнаго пробоща и одного изъ помѣщиковъ. Оно по мѣрѣ силъ содѣйствовало процвѣтанію школы, убѣждая мѣстное населеніе въ необходимости ученія, устраняя затрудненія при отдачѣ дѣтей въ школу и заботясь о пріисканіи средствъ для школы и сохраненіи здоровья воспитанниковъ.

Кіевскій комитетъ устроился безъ малѣйшихъ затрудненій. Въ составъ его вошли: предсѣдателемъ—нѣкто домашній учитель Ш—ель, и членами: Г—цкій, К—цкій, бывшій консерваторъ университета Г—ель, писатель С—нскій, докторъ Л—цкій, кандидатъ университета К—нскій, студенты: Ю—вичъ, В—вскій, Х—етъ, С—чинскій и домашній учитель Я—новскій. Половина членовъ всегда находилась въ городѣ для выбора учителей, разсылки ихъ и пріисканія средствъ; другая половина инспектировала школы и заботилась объ открытіи новыхъ. Комитетъ дѣйствовалъ быстро и рѣшительно. Въ августѣ 1862 года въ вѣдѣніи его уже находилось 43 школы, изъ коихъ наиболѣе замѣчательны были въ слѣдующихъ пунктахъ: *Кіевской губерніи*, въ мѣстечкахъ: Ставищахъ, Тетіевѣ, Коростышевѣ, Хабно и Макаровѣ; *Волынской губерніи*, въ мѣстечкахъ: Генриховкѣ, Билче, Любарѣ и др.; *Подольской губерніи*, въ мѣстечкахъ: Ладыжинѣ, Томашполѣ, Печерѣ, Грановѣ и др. Программа для обученія въ школахъ была составлена Ш—елемъ и утверждена комитетомъ; по программѣ этой въ школахъ требовалось: чтеніе и письмо *польское*, католическое церковное пѣніе, общій очеркъ польскаго хозяйства и географіи, польская исторія пространно и польская литература въ видѣ чтенія поэтовъ Мицкевича, Поля и другихъ; законъ Божій преподавался ксендзомъ. Чтобы показать читателямъ въ какомъ духѣ преподавались въ этихъ школахъ

предметы, мы сдѣлаемъ здѣсь небольшую выборку изъ учебника географіи (*Wiadomości o ziemi polskiéj*).

Территорія. Прежняя Польша, простиравшаяся на сѣверовостокъ далеко за Двину и Днѣпръ, на юго-западъ за Одеръ и Карпатскія горы, и дѣлившаяся на три большія области: Великую Польшу, Малую Польшу и великое княжество Литовское, раздѣлена въ 1795 году между тремя государствами: Россіей, Австріей и Пруссіей.

„Часть Польши, принадлежащая теперь къ Россіи, состоитъ изъ слѣдующихъ губерній: Курляндской, Витебской, Ковенской, Могилевской, Виленской, Гродненской, Минской, Черниговской, Полтавской, Кіевской, Подольской, Волынской и, кромѣ того, изъ части подъ наименованіемъ Царства Польскаго, раздѣленнаго тоже на губерніи: Варшавскую, Люблинскую, Радомскую, Плоцкую и Августовскую.

„Часть Польши, забратой Австріей.... Пруссіей, носитъ слѣдующія наименованія.... (затѣмъ слѣдуетъ исчисленіе рѣкъ, каналовъ, озеръ и т. д.)

„*Произведенія*. Всемогущій Богъ, въ неисчерпаемой Своей благости, надѣлилъ прекрасную и чудную Польшу, дражайшее отечество наше, различными произведеніями, какъ животными, такъ равно растительными и ископаемыми.... Словомъ, Польша такъ славится своими лѣсами, хлѣбомъ, льномъ и иными произведеніями, что къ ней идутъ всѣ Европейцы, какъ пчелы къ меду, дабы удовлетворить своимъ нуждамъ. Поэтому мы должны помнить, что намъ слѣдуетъ любить и воздѣлывать эту землю польскую и благодарить Создателя за столь великіе дары.

„Не отказалъ Господь и въ ископаемыхъ: есть въ нашей землѣ золото, серебро, мѣдь, желѣзо, олово, драгоцѣнные камни, всего же болѣе соли, которой добывается такое множество въ Краковскомъ округѣ, въ Бохнѣ и Величкѣ, что вся Европа питается ею, и нигдѣ нѣтъ такой хорошей соли и въ такомъ количествѣ, какъ у насъ въ Польшѣ.

„Нужно ли намъ еще что-нибудь сверхъ тѣхъ даровъ, которыми Предвѣчный Зиждитель столь щедро надѣлилъ насъ? Все ли мы уже имѣемъ? Нѣтъ. Мы не имѣемъ свободнаго права пользованія этими Божіими дарами, не имѣемъ свободы, которою Самъ Богъ одарилъ насъ, какъ и всякаго человѣка, при сотвореніи его, и которую отняли у насъ чуждыя правительства изъ жадности, чрезъ захватъ нашей собственности. Будемъ однако надѣяться на Бога, полагаться на Его благость и справедливость и вѣрить, что розга, которою Онъ караетъ насъ за грѣхи предковъ нашихъ, вскорѣ перестанетъ казнить насъ. Будемте любить эту прекрасную землю нашу всею душою и сердцемъ, и питать къ ней привязанность, какъ къ родной матери, съ готовностію жертвовать

жизнію для ея защиты, когда будетъ въ томъ надобность. Возлюбимъ нашъ собственный языкъ и все то что наше, не давая себя этимъ самымъ обмосковить, или онѣмечить. Да укрѣпятъ насъ вѣра, надежда и любовь въ братскомъ согласіи, отъ бѣднаго мужичка до богатаго барина, и Ченстоховская Божія Матерь, Царица и Покровительница польской короны, возставитъ насъ и нынѣ, какъ это сдѣлала она, тому лѣтъ двѣсти, въ 1660 году, и мы снова узримъ лучшія времена и собственное народное правленіе (!).

„*Жители*. Народонаселеніе Польши составляется изъ Поляковъ, которыхъ 10.183.000, Литвиновъ 1.442.000 и Русиновъ (Малорусиновъ, Бѣлоруссовъ и Черноруссовъ) 16.000.000, всего болѣе 27½ милліоновъ однихъ Славянъ.... Поляки и Литвины исповѣдуютъ католическую вѣру, Русины большею частію православные.... Быть Полякомъ не значить исповѣдывать непремѣнно, хотя это естественнѣе, католическій обрядъ. Полякомъ есть и долженъ быть всякій человѣкъ живущій на нашей землѣ, въ какой бы ни было мѣстности, на пространствѣ между Балтійскимъ моремъ, рѣками Двиной, Днѣпромъ, Чернымъ моремъ, рѣками Днѣстромъ, Прутомъ, Карпатскими горами и рѣкой Одеромъ, все равно будетъ ли то Русинъ, Нѣмецъ, Еврей, Татаринъ, словомъ человѣкъ даже иноплеменный и не католическаго исповѣданія, если только онъ истинно любитъ страну нашу, польскій языкъ, народные обычаи; если онъ готовъ всегда приносить въ жертву для защиты своего отечества имущество и даже жизнь, онъ есть истинный и достойный Полякъ, любимый и уважаемый человѣкъ. Такой Полякъ, съ величайшимъ убѣжденіемъ въ необходимости жертвы и самоотверженія, первый будетъ служить имуществомъ, трудомъ, даже кровь свою прольетъ, чтобъ уплатить хотя частицу долга для пріобрѣтенія свободы, которой не имѣемъ, безъ которой никогда намъ не будетъ хорошо, безъ которой мы всегда будетъ рабами чуждыхъ намъ правительствъ: московскаго, австрійскаго и прусскаго, подъ коими чѣмъ дальше, тѣмъ хуже намъ.

„*Города*. Важнѣйшіе города въ Царствѣ Польскомъ....

„Напротивъ Варшавы, на другомъ берегу Вислы, лежитъ предмѣстье *Прага*, съ 7.500 жителей; памятна кровавою рѣзней, произведенною въ 1794 году Москалемъ Суворовымъ.

„*Воля*, гдѣ происходило избраніе королей.

„*Бельведеръ*, памятный возстаніемъ въ 1830 году.

„*Піотрковъ*, извѣстный сеймами.

„*Люблинъ*, извѣстный вѣчнымъ соединеніемъ Великаго Княжества Литовскаго и всей Руси съ польскою Рѣчь-Посполитою въ 1569 году.

„*Сѣдлецъ*, съ епископскою каѳедрой и гимназіей. Не далеко отъ этого города лежитъ селеніе *Мацѣевицы*, памятное сраженіемъ Поляковъ, подъ предводительствомъ Ѳаддея Костюшки, съ Москалями и взятіемъ Костюшки въ плѣнъ въ 1794 году.

„*Остроленка*; здѣсь происходило кровавое сраженіе Поляковъ, подъ командой Скржинецкаго, съ Москалями въ 1831 г.

„*Ошмяны*, памятны рѣзней, произведенною Москалями въ 1831 году.

„*Гродно*, надъ рѣкой Нѣманомъ, съ большими ярмарками, Королевскимъ зáмкомъ, гимназіей, фабриками, костелами, изъ коихъ многіе упразднены.

„*Полоцкъ* надъ Двиною, памятный побѣдой Стефана Чарнецкаго надъ Москалями.

„*Орша*—побѣдою Поляковъ, подъ предводительствомъ князя Константина Острожскаго надъ Москалями въ 1514 году.

„*Смоленскъ*—осадой Сигизмунда III, осадой и взятіемъ въ 1812 году польскими легіонами, подъ командой князя Понятовскаго.

„*Конотопъ*, надъ Припетью, пораженіемъ Москалей при Іоаннѣ-Казимірѣ.

„*Луцкъ*, надъ Стырью, въ прекрасномъ мѣстоположеніи, съ нѣсколькими упраздненными костелами.

„*Баръ*, извѣстный конфедераціей въ 1768 году.

„*Переяславль*—побѣдой Стефана Чарнецкаго надъ Москалями.

„Близъ *Кракова* насыпаны три огромныя могилы.... третья изъ нихъ въ память Ѳаддея Костюшки и въ знакъ признательности къ военачальнику польскаго народа, хотѣвшаго, подъ его предводительствомъ, выбиться изъ-подъ насилія и ига Москалей, Австріаковъ и Пруссаковъ. Возстаніе подъ начальствомъ Костюшки происходило въ 1794 году.

„Блистательная и нѣкогда могущественная Польская Рѣчь Посполитая, имѣвшая политическое существованіе съ VI (550 г.) до XVIII столѣтія (1795 г.), отъ Леха до Станислава Августа Понятовскаго, въ продолженіе 1245 лѣтъ, теперь разбита, растерзана, раздѣлена на части подъ разными наименованіями, съ цѣлію изгладить имя ея изъ памяти народовъ, ее составлявшихъ, и тѣмъ удобнѣе лишить жителей народности, омоскалить ихъ, либо онѣмечить, дабы захваченная добыча приносила тѣмъ больше выгодъ, чѣмъ болѣе глубокое настанетъ забвеніе и убѣжденіе въ полномъ уничтоженіи Польши, и слѣдственно убѣжденіе въ необходимости покориться волѣ притѣснителей, жестоко поражающихъ всякія проявленія жизни какъ въ народѣ, такъ и въ языкѣ, оскверняя даже прекраснѣйшую сторону Поляка—его нравственность и святую католическую вѣру. Эти проявленія жизни польскаго общества обнаруживаются не только возстаніями массой, какъ-то было въ 1794 году, подъ предводительствомъ Ѳаддея Костюшки; въ 1830 г., подъ командой Хлопицкаго, Скржинецкаго, Дембинскаго и измѣнниковъ Гелгуда и Круковецкаго, и въ 1848 г., подъ командой Мѣрославскаго, но и отдѣльными самопожертвованіями мужей, отдающихъ жизнь свою за дѣло родной страны, за дѣло отчизны Польши. Такими мужами были: Завиша, Воловичъ, Заливской,

Канарскій и многихъ иныхъ, которые, претерпѣвъ страшнѣйшія мученія въ московскихъ или нѣмецкихъ тюрьмахъ, были казнимы, вѣшаемы, разстрѣливаемы или ссылаемы въ Сибирь. И за что же? За то что они держались неотступно вѣры своей, какъ Богъ велѣлъ, за то что они думали, говорили и одѣвались по-польски, не желая учиться и подражать москонщинѣ, либо нѣмечинѣ; что желали счастія для края, блага для цѣлыхъ милліоновъ людей, находящихся въ такомъ бѣдствіи и угнетеніи! И кто же изъ Поляковъ не дастъ пролить свою кровь, видя край въ такой моральной и матеріальной нищетѣ? Кто изъ Поляковъ, одушевляемый небеснымъ огнемъ любви къ матери-отчизнѣ, не отдастъ жизни своей для возвращенія свободы, для возстановленія столь процвѣтавшей нѣкогда торговли и промышленности края, богатаго неисчерпаемыми матеріальными запасами, для просвѣщенія и нравственнаго возвышенія этихъ жалкихъ слоевъ нашего общества—мужичковъ, для возбужденія въ нихъ понятія о лучшемъ, болѣе свободномъ существованіи при союзѣ съ Польшей?! Вмѣстѣ съ растерзаніемъ Польши, прекратилась торговля, исковеркано просвѣщеніе, упала промышленность богатыхъ и благоустроенныхъ городовъ въ этомъ краѣ, упразднены костелы, монастыри; наконецъ въ послѣднее время, въ 1861 году, стали убивать тѣхъ, которые собираются въ костелъ для моленія Богу, стрѣлять въ молящихся, какъ въ преступниковъ, исторгать у идущихъ за крестнымъ ходомъ кресты и хоругви, какъ то было въ Варшавѣ! Однако Всемогущій Богъ помнитъ о своемъ избранномъ народѣ, не даетъ ему приходить въ отчаяніе и падать подъ тяжкимъ бременемъ толикихъ бѣдъ и злосчастій, но укрѣпляетъ духъ его въ твердости, мужествѣ и надеждѣ, что раньше или позже онъ позволитъ отомстить за столько обидъ и поношеній народу и святой вѣрѣ его. Онъ побудитъ всѣхъ, даже по имени Поляковъ, дастъ имъ оружіе въ руки, дабы двинулись на освобожденіе отечества и святой церкви католической изъ оковъ московскихъ, австрійскихъ и прусскихъ.

„Боже Всемогущій, неистощимый въ милосердіи! Помяни Мечислава, сокрушившаго идолы и пріявшаго Твои священные законы, умилосердись надъ матерью Польшей и ея дѣтьми Поляками! Дозволь, Отецъ небесный, чтобы народъ сельскій все болѣе приставалъ къ священнымъ истинамъ нравственности, свободы, вольности, науки и разумѣнія, что только Польша можетъ дать ему! Не забуди, Господи, пролитой за вѣру и вольность крови мучениковъ, — польскихъ солдатъ въ Пруссіи и Королевствѣ! Награди заслуги, самоотверженіе и мученичество Завиши, Заливскаго, Воловича, Канарскаго и стольких братьевъ Варшавянъ; возврати отечество и свободу осиротѣвшимъ Полякамъ!

„Мати чудотворная, Ченстоховская, Покровительница и Царица короны польской, отнеси къ престолу Сына Твоего

моленія наши о вторичномъ воскресеніи нашемъ, ради большей славы Твоей!

„Св. Войцѣхъ, Св. Станиславъ, Св. Яцекъ, Св. Чеславъ, Св. Казиміръ царевичъ, Св. Станиславъ Костка, Св. Соломея, Св. Кунегунда царица, Св. Ядвига и всѣ святые патроны и патронки Польши! Молитеся о насъ Полякахъ. Аминь.“

Остальные учебники, и въ особенности учебникъ исторіи, въ такой же мѣрѣ стремились фанатизировать молодые умы. Въ учебникѣ исторіи почти исключительно группировались факты революціоннаго содержанія, говорившіе о постоянной борьбѣ Польши съ Россіей. Еще болѣе возбуждались дѣти чтеніемъ изъ Мицкевича, ибо при этомъ всегда выбирались мѣста обоготворявшія Польшу. Всѣ прокламаціи революціоннаго комитета также прочитывались въ школѣ.

Внутренній порядокъ въ школахъ и отношеніе учениковъ къ учителю, учителя къ мѣстнымъ дворянамъ, ксендзу и родителямъ дѣтей, а также отношеніе учителя къ кіевскому революціонному учебному комитету заслуживаютъ особаго вниманія. Сельскій учитель Полякъ былъ дѣятельный революціонный агентъ, и еслибы мятежъ 1863 года не пришелъ къ намъ на выручку и положеніе 1858—1862 годовъ продлилось, мы очутились бы рано или поздно въ положеніи крайне тяжкомъ. Для уясненія что̀ такое была сельская школа учрежденная Поляками, мы приводимъ ниже интересный документъ, именно отчетъ одного изъ сельскихъ учителей, Ш—каго, предсѣдателю польскаго кіевскаго учебнаго комитета Ш—елю. Нельзя лучше и вѣрнѣе охарактеризовать школы нежели это сдѣлано въ приводимомъ отчетѣ, точно также нельзя лучше выяснить и внутреннюю жизнь школъ.

„8-го января 1862 г.

„Во все продолженіе времени отъ послѣдняго письма моего къ вамъ до 20-го декабря 1861 года — времени роспуска на праздники дѣтей, у меня было 22 мальчика. Хотя я уже послалъ къ вамъ списокъ ихъ, прилагаю однако его и вновь:

Мѣстные:

1) Францъ Горошевскій	14	лѣтъ.
2) Щенсный Горошевскій	18	„
3) Леонъ Долинскій	14	„
4) Францъ Долинскій	12	„
5) Касперъ Баранскій	14	„
6) Иванъ Микульскій	14	„
7) Вонифатій Двѣранскій	13	„
8) Валерій Мединскій	12	„

9) Иванъ Пашковскій .... 10 лѣтъ.
10) Никодимъ Краевскій .... 11 „
11) Степанъ Рыдвановскій .... 14 „
12) Андрей Волотановскій .... 8 „
13) Яковъ Горбановскій .... 12 „
14) Мартынъ Вронскій .... 7 „
15) Андрей Медзяновскій .... 11 „
16) Іоакимъ Ковальскій .... 12 „

Приходящіе (экстерны).

17) Вильгельмъ Вонсовскій .... 16 „
18) Францъ Вонсовскій .... 15 „
19) Августинъ Янишевскій .... 9 „
20) Ромуальдъ Добровольскій .... 13 „
21) Фортунатъ Бонковскій .... 12 „
22) Иванъ Байраковскій .... 18 „

„Каждый изъ сихъ мальчиковъ житель Тетіевскаго прихода и католическаго исповѣданія. *Всѣмъ мѣстнымъ роздано по свиткѣ, въ родѣ казакина (украинки), и по бѣлой барашковой шапкѣ*; кромѣ того, еще дается имъ бѣлье, сапоги, суконныя одѣяла, матрацы, полотенца, подушки, набитыя сѣчкой, шейные и носовые платки, и будутъ даны тулупчики и рукавицы. Большею частію все это дѣти прежней чиншовой шляхты. Не пишу подробно о ихъ родителяхъ, такъ какъ не всѣ еще мальчики возвратились изъ праздниковъ и, кто знаетъ, всѣ ли возвратятся, по причинѣ ношенія ими соломы для печей и воды для своей же пищи, несмотря что это не безъ пользы для нихъ, въ томъ вниманіи, что они сами себѣ прислуживаютъ и дѣлаютъ это для себя; отправляясь давать кормъ скоту и гонять его на водопой, поочередно, три раза въ день, пріучаются къ хозяйственному уходу за скотомъ; звоня на колокольнѣ къ обѣднѣ и на молитву и служа при обѣднѣ, исполняютъ служеніе Богу и церкви, тѣмъ болѣе, что ихъ воспитаніе должно быть религіозное и земледѣльческое.

„Принимая однако во вниманіе сильную стужу, легкую ихъ одежду (въ продолженіе двухъ зимнихъ мѣсяцевъ они ходили безъ тулупчиковъ, несмотря на непрестанныя настоянія мои у ксендза К — овича, чтобъ онъ, имѣя въ своихъ рукахъ складочныя деньги, озаботился о болѣе теплой для нихъ одеждѣ), дѣтскій возрастъ, кашель многихъ изъ нихъ, жалобы и слезы послѣ каждаго изъ вышеупомянутыхъ походовъ, ничего нѣтъ удивительнаго, что они могутъ нажаловаться родителямъ и не всѣ возвратятся. Къ этому слѣдуетъ прибавить то еще, что многіе изъ нихъ уѣхали домой почти безъ обуви, а въ то же время разнеслись слухи (по моему мнѣнію, распущенные полиціей, ибо подобные же были и въ Генриховкѣ), что дѣтей заберутъ и увезутъ въ Кіевъ въ кантонисты. Не разъ я говорилъ ксендзу К — овичу, что

[redacted]

принужденіе дѣтей къ работѣ будетъ имѣть не хорошія слѣдствія, представлялъ, что надо принять какого-нибудь человѣка, который бы изъ-за хлѣба исполнялъ нѣкоторыя прислуги при школѣ и костелѣ, по крайней мѣрѣ при менѣе удобныхъ случаяхъ, но все это ни къ чему не повело: это немножко упрямый человѣкъ и хочетъ непремѣнно, чтобы все дѣлалось такъ, какъ онъ думаетъ и желаетъ. Скажу еще и объ училищномъ домѣ: онъ построенъ очень небрежно и дурно; это выказалось съ очевидностію, когда настала зима: морозъ проникаетъ не только чрезъ окна, но и чрезъ потолокъ; оттого у меня и въ комнатахъ дѣтей стѣны и потолокъ мокры; въ домѣ большая сырость и отъ холоду усидѣть трудно.

„Скажу теперь нѣсколько объ успѣхахъ моихъ мальчиковъ въ ученіи. Хотя уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ занимаюсь ими, однако, сказать по правдѣ, я мало для нихъ сдѣлалъ: по истинѣ, такихъ тупыхъ учениковъ никогда еще у меня не бывало. Нѣсколько способнѣйшихъ изъ нихъ, не болѣе шести (слѣдуетъ наименованіе учениковъ), умѣютъ читать прямо и по складамъ и писать по тетради крупными и малыми буквами. Изъ отечественной исторіи они перечтутъ рядъ царствовавшихъ государей и знаютъ нѣкоторыя изъ главнѣйшихъ событій до Владислава Варненскаго; изъ географіи земли нашей знаютъ дѣленіе Польши, прежніе и ея нынѣшній раздѣлы, съ присовокупленіемъ свѣдѣній о значительнѣйшихъ городахъ и рѣкахъ; изъ ариѳметики едва знаютъ счисленіе до ста, оттого что до сихъ поръ не было у меня доски; послѣ праздниковъ начну съ ними первыя правила; изъ религіи, исключая молитвъ, ничего не знаютъ, такъ какъ это не ко мнѣ принадлежитъ; преподаваніе ея ксендзы взяли на себя, именно ксендзъ К—овичъ. И вотъ, какъ вы сами видите, успѣхи учениковъ чрезвычайно незначительны, но я надѣюсь, что чѣмъ дальше, тѣмъ пойдетъ лучше, тѣмъ болѣе, что уже *начинаютъ понемногу понимать меня*, ибо въ продолженіе половины протекшаго времени *они не знали ни слова по-польски, слѣдственно и не могли понимать меня*, какъ говорящаго съ ними только по-польски, и я тоже не понималъ ихъ хорошо, мало зная по-русски. При всемъ томъ, приноравливаясь къ ихъ способностямъ, я долженъ былъ преподавать имъ все или поодиночкѣ, отдѣльно каждому, или собирая ихъ въ группы. Оттого дѣло шло трудно и медленно; но поэтому я просилъ и теперь прошу о скорѣйшей присылкѣ помощника мнѣ. По случаю довольно значительнаго числа учениковъ, я долженъ былъ также раздѣлять по днямъ, даже по недѣлямъ, преподаваніе каждаго предмета, дабы они могли успѣвать хотя на сколько-нибудь, и дабы съ тѣмъ вмѣстѣ видѣть, знаютъ ли они хотя что-нибудь. Присоедините къ этому носку соломы и воды, хожденіе въ костелъ, ученіе церковно-служительству при обѣднѣ, пѣніе въ костелѣ: нужно

же было время и для отдыха, такъ что, раздѣливъ все это на часы дня, не много оставалось для меня на занятіе съ ними. Впрочемъ, я знаю, что я не былъ празденъ.

„Что касается до преподаванія, то оно дѣлается такъ: при чтеніи складовъ я пропускаю начальныя *ба*, *аб* и т. д., а беру прямо слово одно- или трехъ-сложное, смотря по способности ученика.... (слѣдуетъ объясненіе этой методы). Болѣе понятные, научившись сами, объясняютъ это другимъ, еще не умѣющимъ. Каждому лучшему порученъ другой ученикъ, за которымъ онъ и смотритъ уже всегда.

„Въ отечественной исторіи: собравшись за столомъ, каждый изъ присутствующихъ читаетъ по порядку изъ *Пилигрима* по страницѣ, или сколько случится. Читаютъ и пересказываютъ; послѣ чего я дѣлю ихъ на группы, назначая въ каждую по ученику, умѣющему читать, съ обязанностію чтобъ училъ пересказыванію ввѣренныхъ ему мальчиковъ. Въ назначенный же день я выслушиваю ихъ всѣхъ (за этимъ описана метода, принятая Ш—кимъ для преподаванія ариѳметики).

„Недавно я узналъ что мнѣ будутъ даны новыя правила, въ которыхъ весь кругъ моихъ занятій будетъ изложенъ самымъ подробнымъ образомъ.

„Не излишне будетъ присовокупить здѣсь и описаніе обязанности дневальнаго, дабы представить кое-какое изображеніе внутренняго устройства школы и администраціи, лежащей на мнѣ и на каждомъ изъ учениковъ поочередно. Я назначаю по двое къ этой обязанности, съ придачей имъ помощника изъ малолѣтковъ или изъ слабѣйшихъ въ умственномъ отношеніи.

Обязанности дневальнаго. *

„Что̀ такое дневальный?

„Дневальный есть старшій ученикъ; онъ долженъ въ продолженіи своего дня вести себя и учиться самымъ прекраснымъ образомъ, а другіе ученики его уважать и слушать.

„Какія его обязанности?

„1. Проснуться раньше другихъ, встать, осѣнить себя крестомъ, разбудить всѣхъ въ 5 часовъ утра, а также и приходящихъ.

„2. Смотрѣть, чтобы всѣ хорошо умылись и вычесались (я велѣлъ имъ зачесываться по-польски, именно, чтобы лобъ и лицо были свободны отъ волосъ).

„4. Наблюдать, чтобы каждый изъ приходящихъ учениковъ произносилъ похвальную ** при выходѣ и входѣ и, здороваясь и прощаясь, подавалъ каждому руку.

* Менѣе важные параграфы пропущены.

** Похвальное молитвословіе, общеупотребительное въ низшихъ польскихъ сословіяхъ.

[redacted]

„5. Читать утренія и вечернія молитвы (я написалъ для учениковъ молитвы, состоящія изъ *Отче нашъ*, *Богородице Дѣво*, *Вѣрую*, *Десяти заповѣдей* и молитвы за отечество: *Боже великій, къ твоему престолу*, и *Боже, неисчерпаемый въ своей благости*; обѣ молитвы взяты изъ *Пилигрима*).

„11. Читать молитву предъ началомъ урока и по его окончаніи, предъ обѣдомъ и послѣ.

„14. Если ксендзъ пробощъ, ксендзъ викарій, старый баринъ (отецъ ксендза К — овича), барыня (мать ксендза пробоща), прикажутъ что̀ сдѣлать, пошлютъ куда, то дѣлать это не прежде какъ учитель позволитъ; этотъ пунктъ пробощъ хочетъ уничтожить. Я поставилъ его для того, чтобъ устранить всякаго рода послугу учениками, подъ конецъ не имѣвшую мѣры.

„15. Приносить и раздавать кушанье.

„Ксендзъ К — овичъ желаетъ, даже требуетъ, чтобъ ученики кушали послѣ обѣдни, которая бываетъ иногда въ 10 и 11 часовъ. Для дѣтей не шутка прождать съ 5 часовъ, да еще зимой; онъ руководствуется тѣмъ, что у шляхты есть обычай ѣсть не раньше какъ прослушавъ обѣдню. Это прекрасно и похвально, хотя не совсѣмъ идетъ къ малолѣтнимъ; принужденіе не всегда ведетъ къ добру.

„21. Тщательно наблюдать, чтобъ ученики говорили по-польски, ибо это свой языкъ, всякій человѣкъ однимъ только языкомъ говоритъ, а не двумя, и нѣтъ такого, у кого имѣлось бы два языка.

„22.... За пустяки не надо жаловаться и быть доносщикомъ.

„27. Когда въ школу войдетъ кто изъ ксендзовъ, либо попечителей, то цѣловать его въ руку; если иной кто, то встать и поклониться при его входѣ и выходѣ.

„32. Чтобы въ воскресенье всѣ перемѣняли рубахи и повязывали на шею ситцевые платочки (ими одарила ихъ г-жа Ш — ковская).

„35. Если учитель велитъ осудить котораго изъ учениковъ, то смотрѣть, чтобы судили справедливо и согласно; а о томъ, какъ осудятъ, доложить учителю.

„Установляя это правило, я былъ руководимъ тою мыслію, что этимъ способомъ можно замѣчать наклонности и исправлять ихъ. Съ другой стороны, мои мальчики — собраніе характеровъ, обработка и совершенствованіе коихъ составляетъ тоже что-нибудь, если не всю нашу будущность, приближеніе коей будетъ тѣмъ скорѣйшее, чѣмъ болѣе образованы и нравственно зрѣлы будутъ эти характеры. Для суда я позволяю имъ избирать судью, дабы видѣть, кому они изъ среды своей наиболѣе вѣрятъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ я хочу влить въ нихъ понятіе объ избирательномъ правѣ, свободѣ и равенствѣ, составляющихъ слово нашей исторіи.

„40. Вести записку кушаньямъ, даваемымъ на обѣдъ, полдникъ и ужинъ.

„Это для того чтобы знать что даютъ ученикамъ и въ какомъ видѣ; я провѣдалъ, что ученическою провизіей умѣли корыстоваться, оттого я не хотѣлъ дольше имѣть столъ у пробоща, чтобы не сказали, что надобно было брать на содержаніе учителя, тогда какъ иногда и учителю ѣсть было нечего.... Я настоялъ на томъ, что провизія для учениковъ отнята у г-жи Я—бовской и перешла теперь въ вѣдѣніе школы.

„41. При входѣ кого-либо изъ родителей учениковъ, подавать имъ стулъ и просить сѣсть.

„Этимъ хочу также пріобрѣсть довѣріе у родителей, дабы имѣть возможность заглянуть къ нимъ въ бѣдную избушку и въ сердце ихъ и увидать, какъ тамъ у нихъ, хорошо или нѣтъ въ *нравственномъ и народномъ* отношеніи. Что же мнѣ дѣлать? Не хотятъ помогать мнѣ въ основаніи воскреснаго чтенія, изъ опасенія чтобы не была закрыта школа. Поэтому и долженъ самъ стремиться къ тому, чтобы когда-нибудь сдѣлать по-своему непремѣнно; по крайней мѣрѣ теперь, если мнѣ не вполнѣ удастся мое намѣреніе, я поставилъ себѣ обязанностію распространить здравыя и человѣчныя мысли между бѣднымъ нашимъ населеніемъ. Но довольно! По новымъ правиламъ это не дозволяется, потому что это имѣетъ видъ политическаго дѣйствія! *

„Само собою, моя организація для учениковъ будетъ улучшаема и умножаема по мѣрѣ надобности. Польза отъ сего та, какъ мнѣ кажется, что мальчики пріучатся уважать законъ, ибо я иначе и не велю называть сего, какъ закономъ. Можетъ, тутъ есть какія не нужныя поясненія и прибавки, но я не боюсь за нихъ, какъ за правду. Къ тому же быть предъ вами всегда и вездѣ искреннимъ составляетъ долгъ моего сердца.

„Вѣроятно, извѣстно вамъ, что помѣщики Украйны, Подоліи и Волыни хлопочутъ серіозно о распространеніи на сколько возможно сельскихъ школъ, и что епископъ поощряетъ подвѣдомственныхъ ему ксендзовъ и обязываетъ ихъ всѣми силами стараться объ учрежденіи оныхъ при костелахъ, принимая на себя всякую отвѣтственность въ случаѣ помѣхи въ томъ со стороны правительства, ибо, какъ сказывалъ мнѣ ксендзъ Я—бовскій, епископъ самъ просилъ генералъ-губер-

---

* Въ остальныхъ параграфахъ содержатся предписанія о томъ какъ держать въ порядкѣ и чистотѣ постели, окна комнаты, учебныя тетради и книги, одежду и мебель, топить печи, убирать залу, освѣжать комнаты, подметать дворъ, а по субботамъ и наканунѣ праздниковъ подметать въ костелѣ и кругомъ его; прислуживать въ чемъ нужно въ плебанской кухнѣ, поочередно носить воду, солому, поить скотъ, вести себя пристойно и соблюдать опрятность.

[redacted]

натора, дабы не велѣлъ полиціи мѣшаться въ школьныя дѣла. Епископъ такъ объ этомъ заботится, что отозвался даже, что если при которомъ изъ пробоствъ не будетъ школы, то лишитъ пробоща мѣста. Какъ это радостно видѣть и слышать, что Поляки начинаютъ повсюду такъ пробуждаться, дѣйствовать и тѣмъ дозрѣвать къ народному дѣлу! Если мы будемъ такъ устраиваться, то власть перейдетъ къ намъ современемъ сама и, сильные духомъ, мы возвратимъ свое, не прибѣгая къ физической силѣ.

„Сообщу вамъ новость, что помѣщики Таращанскаго уѣзда, собравшись въ Ставищахъ, совѣтовались о средствахъ. Звалъ и меня туда ксендзъ Я—бовскій, но была стужа, а я неимѣлъ соотвѣтственной одежды, то и не могъ сопутствовать ему. Описаніе того, что было усовѣтовано на этомъ собраніи, возложили на нѣкоего г. Н — ковскаго. Онъ написалъ проектъ для школъ Таращанскаго уѣзда, долженствующій быть обязательнымъ съ Новаго Года. Я читалъ его; онъ очень подробенъ, хотя не вполнѣ соотвѣтствуетъ цѣли школокъ, потому что пропущена сторона хозяйственная, земледѣльческая и ремесленная; однако въ немъ есть и много прекрасныхъ параграфовъ. Этотъ проектъ должны ввести въ непродолжительномъ времени въ школкахъ Украйны, Подоліи и Волыни. Когда-нибудь спишу его и доставлю къ вамъ для прочтенія; я буду имѣть его у себя около 10-го января. Здѣшній комитетъ, на сколько я могъ понять Я—бовскаго, стремится къ отдѣльному дѣйствованію и управленію школами. Я—бовскій говорилъ мнѣ съ упрекомъ, что кіевскій комитетъ прислалъ нѣсколько экземпляровъ своего устава о школахъ, снабженныхъ печатями, что такимъ образомъ онъ можетъ подвергнуть отвѣтственности себя и другихъ, наконецъ, что онъ навязывается съ своимъ управленіемъ и властію. Я, само собою, исполняя всегда роль приверженца кіевскаго комитета, отвѣчалъ, что меня это безмѣрно радуетъ, потому что вижу въ этомъ положительную и сильную организацію этого комитета, дѣйствующаго смѣло и на вѣрныхъ основаніяхъ. Онъ сталъ мнѣ доказывать далѣе, что кіевскій комитетъ хочетъ управлять предметами ему не подлежащими, что онъ и существовать не можетъ, но долженъ упраздниться, не имѣя средствъ къ поддержанію себя, что ему слѣдуетъ взять на себя только обязанность поставлять учителей, и что эта власть и управленіе не достанутся ему, потому что онъ не имѣетъ права на то и т. д. Я въ душѣ смѣялся и удивлялся, ибо я того убѣжденія, что кіевскій комитетъ, во всякомъ случаѣ, имѣетъ право (!?) больше здѣшняго. Самое согласіе помѣщиковъ во время выборовъ въ Кіевѣ и утвержденія проектовъ санкціонировало кіевскій комитетъ и его права. Къ тому же *онъ существуетъ нѣсколько лѣтъ уже*, обладаетъ лучшими способностями и практикой, имѣя лучшія головы и иныя обстоятельства. Хотя все это вовсе ко мнѣ не относится, однакоже пишу объ этомъ затѣмъ, чтобы вы дали мнѣ окончательное разрѣшеніе, имъ ли

служить или вамъ, господа. Какъ бы то ни было, и здѣсь можно трудиться для края; но имѣя больше желанія и склонности къ вамъ, господа, какъ къ давно-знаемымъ и которымъ больше вѣрю, испрашиваю разрѣшенія, присовокупляя, что на меня сильно напирають чрезъ ксендза Я — бовскаго, чтобъ я подчинился здѣшнему уставу и сообразно съ нимъ готовилъ отчетъ; я же всегда отвѣчалъ имъ, что договорившись въ Кіевѣ, считаю долгомъ совѣсти и относиться туда обо всемъ, и пока я не получу увольненія изъ Кіева, дотолѣ не стану признавать здѣшняго устава. Еще говорилъ мнѣ ксендзъ Я—бовскій, что здѣшній комитетъ обо всемъ этомъ войдетъ въ соглашеніе съ вами, господа. Оттого-то и жаль очень, что вы не могли пріѣхать къ намъ, я бы посовѣтовался и потолковалъ съ вами о томъ, о семъ; именно, мнѣ хотѣлось бы выторговать у нихъ увеличеніе моего жалованья и назначеніе мнѣ хлѣбной провизіи, такъ же какъ было въ Генриховкѣ, о которой и теперь сожалѣю; по крайней мѣрѣ, чтобы дали мнѣ 250 р., если не 300, и всякую провизію. Какъ-то я говорилъ о томъ съ ксендзомъ Я—бовскимъ; онъ сказалъ на это, что до конца года пусть все останется попрежнему, а между тѣмъ валятъ на меня уставъ, правила, обязанности, трудно исполнимыя. Скажу вамъ откровенно, все это меня очень отталкиваетъ, потому что, взявшись за обязанность, я буду исполнять ее; но никакихъ инструкцій не хочу, а если имъ хочется того непремѣнно, то пусть же возвысятъ мнѣ и жалованье. Думаю еще поговорить съ предводителемъ Ш — ковскимъ, что-то онъ мнѣ запоетъ, ибо хотя Я—бовскій постоянно проводитъ время въ Бугаевкѣ, однако мнѣ не вѣрится тому, чтобъ онъ служилъ отголоскомъ предводителя. Если мнѣ не возвысятъ жалованья и провизіи, то думаю ограничиться однимъ только преподаваніемъ предметовъ, въ самомъ тѣсномъ значеніи.

„Еще я припомнилъ, что ксендзъ Я—бовскій по прочтеніи и разсмотрѣніи правилъ, присланныхъ вами чрезъ Г — цевича, проговорился предо мной, выразивъ мнѣніе противъ параграфа объ учителяхъ, которые, по его сужденію, не иное что какъ политическіе агенты, могущіе слѣдственно повредить всякому дѣлу. Не сдѣлано ли новаго какого прибавленія, ибо, сколько могу вспомнить, когда я ихъ нѣкогда перечитывалъ, то въ нихъ ничего подобнаго не было. Если бы и такъ,—то во всякомъ случаѣ *и я не понимаю иначе учительской должности*. Это уже было бы для учителя слишкомъ ограниченно, еслибъ онъ не могъ и подумать о воздѣйствіи на родителей своихъ учениковъ, само собою, не безъ осторожности и благоразумія. Впрочемъ, ксендзъ Я—бовскій могъ это сказать или съ цѣлію сдѣлать меня осторожнѣе, или отъ излишней трусливости. Если такъ, то пусть не боится и не безпокоится, потому что я не сумашедшій и не бѣшеный, и если что думаю, то думаю скромно, тихо и осторожно, потому что я забочусь и о своей шкурѣ.

„Осмѣливаюсь спросить васъ, правда ли, что Ш—ковскій, при свиданіи съ вами, когда былъ въ Кіевѣ, именемъ комитета, въ которомъ онъ предсѣдательствуетъ, принялъ на себя выплату мнѣ 90 руб. сер. и тѣмъ освободилъ васъ, господа, отъ уплаты мнѣ этихъ денегъ? Въ такомъ случаѣ жалованье я отъ нихъ получаю? и завишу слѣдственно отъ нихъ? Да они уже и выплатили мнѣ 50 руб. чрезъ ксендза Я—бовскаго.

„За время моего пребыванія въ Тетіевѣ, будучи безпрестанно занятъ учениками, я нигдѣ не былъ, исключая Ситковецъ, гдѣ я былъ еще въ теплую осень, дабы познакомиться съ г. Р—вскимъ. Знакомствъ я никакихъ не сдѣлалъ, хотя во время посѣщенія школки то тѣми, то другими, я видѣлъ гг. Ш—ковскихъ, Мадейскую, Наторскаго, Ивана Доровскаго, а изъ Тетіевскихъ жителей я познакомился съ господами Янишевскими, Доровскими, Терехами, Финками и Добровольскимъ; у нихъ, исключая Тереховъ, я былъ раза по два на чаѣ. Въ окрестности, несмотря на приглашеніе и на то, что я долженъ уже нѣсколько визитовъ, я не заглянулъ еще ни разу: для меня, не имѣющаго соотвѣтственныхъ къ тому вещей, тягостно удовлетворять общественнымъ требованіямъ, къ тому же я занятъ должностію, не всегда оставляющею для меня нѣсколько свободныхъ минутъ. Поэтому сижу какъ заколдованный, да и охоты не имѣю; если разъ попасть въ мірской круговоротъ, то потомъ трудно будетъ изъ него выбраться. Я же и чудакъ немножко. Въ контракты я хотѣлъ навѣстить васъ, но удастся ли это при такихъ морозахъ? шубы у меня нѣтъ. А очень бы хотѣлось поговорить съ вами, повидаться съ товарищами, ожить немного; здѣсь, по истинѣ, нѣтъ никакаго общества. Ксендзъ Я—бовскій безпрестанно выѣзжаетъ то въ Бугаевку, то въ Скибинцы, то по своему приходу, преподавать уроки религіи и исторіи; ксендзъ К—овичъ тоже занятъ, остальные тоже; ходить же затѣмъ, чтобы вытирать чужіе углы, у меня нѣтъ охоты; боюсь прозвища пролетарія; я не доставлю удовольствія ни себѣ, ни другимъ моими посѣщеніями.

„Гг. Петрашкевичу, Коперницкому и Горецкому мое почтеніе, съ искреннымъ пожеланіемъ благополучія съ новымъ годомъ; то же Болеславу, который пусть выучится въ этомъ году писать письма чаще и длиннѣе, Ковалевскому и прочимъ товарищамъ.

„Преданный и благодарный слуга вашъ, К. Ш—кій.“

Учебный комитетъ изъ дворянъ Таращанскаго уѣзда, о которомъ упоминаетъ въ отчетѣ своемъ Ш—кій, образовался въ исходѣ 1861 года, и хотя находился въ сношеніяхъ съ кіевскимъ комитетомъ, но не признавалъ надъ собой власти послѣдняго и старался подчинить себѣ его агентовъ. Пред-

сѣдателемъ Таращанскаго комитета былъ мѣстный предводитель дворянства, помѣщикъ Ш—ковскій.

Корреспонденція кіевскаго комитета производилась чрезъ надежныхъ лицъ.

Не довольствуясь учрежденіемъ начальныхъ школъ, кіевскій комитетъ предложилъ учредить въ Ямполѣ учительскую семинарію, съ тѣмъ чтобы лучшіе ученики начальныхъ училищъ, поступая въ нее и пробывъ въ ней два года, выходили готовыми въ дѣло сельскими учителями, достаточно настроенными на революціонный ладъ. Должно думать, что семинарія въ Ямполѣ не успѣла учредиться. По составленному, однако, проекту для вступленія въ ямпольскую семинарію, ученикъ сельской школы долженъ былъ удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: умѣть читать и писать по-польски, знать четыре правила ариѳметики, быть крѣпкаго сложенія и имѣть отъ 13 до 17 лѣтъ. Каждый ученикъ обязывался, пробывъ въ школѣ два года, подчиняться за тѣмъ распоряженіямъ школьныхъ попечителей. Штатъ семинаріи полагался въ 20 учениковъ; ученики помѣщались въ школѣ. Ксендзъ долженъ былъ обучать катехизису, библейской исторіи, костельнымъ и религіознымъ пѣснямъ; затѣмъ преподавались: числа до алгебры, начало геометріи, всеобщая географія, со включеніемъ въ нее подробныхъ свѣдѣній о *родной* странѣ, польская исторія по Здановичу и Лелевелю, польская грамматика Давида, польская литература Порая; историческія пѣсни Нѣмцевича; читать и писать по-русски. Особое развитіе предполагалось дать малорусскому нарѣчію, причемъ орѳографія долженствовала быть польскою. Всѣ предметы преподавались по-польски.

Такимъ образомъ у Поляковъ и сельскій учитель, повидимому невинное и не важное существо, явился дѣятельнымъ пропагандистомъ и притомъ едва ли не злѣйшимъ изъ пропагандистовъ. Конечно, люди, которые пошли въ шайки, менѣе принесли вреда государству нежели тѣ, которые въ школахъ вливали въ сердца неопытныхъ юношей ядъ пропаганды. Масса бѣдной и неимущей шляхты въ западномъ краѣ, при множествѣ гимназій и дворянскихъ училищъ, гдѣ эта шляхта могла получать образованіе и частію на казенный счетъ пропитываться ненавистью къ Россіи, была готовымъ матеріаломъ для революціонныхъ вожаковъ. Недостатка въ выборѣ учителей быть не могло. Къ тому же, несмотря на небольшое содержаніе,

выдававшееся отъ кіевскаго комитета опредѣленнымъ имъ учителямъ, положеніе ихъ было вовсе не дурно. Какъ проводилъ время сельскій учитель Полякъ-пропагандистъ, видно изъ писемъ одного арестованнаго учителя. Въ одномъ учитель этотъ писалъ къ брату: „Письмо твое я получилъ въ селѣ Бачьѣ, гдѣ занимаю мѣсто сельскаго учителя. Служу у г-жи Ч—ской (кромѣ обязанности учителя, онъ исполнялъ еще и обязанность писаря на винокурнѣ помѣщицы), пятидесятилѣтней вдовы, почтенной особы какихъ мало и притомъ довольно богатой. Мнѣ здѣсь хорошо тѣмъ, что принятъ безъ церемоніи. Я имѣю здѣсь книги, газеты, спокойствіе и тишину, слѣдовательно, самъ видишь, что я доженъ быть доволенъ." Въ другомъ письмѣ къ завѣдующему революціонными школами въ югозападномъ краѣ тотъ же учитель писалъ: „Время въ Бачьѣ провожу пріятно и спокойно.... имѣю книги, газеты" и т. д. Изъ другихъ писемъ видно, что учитель познакомился съ сосѣдними помѣщиками, приходившими поинтересоваться школой, и не разъ былъ призываемъ ими на чай и для бесѣды. Такое положеніе, конечно, весьма далеко отъ того, въ которомъ теперь находятся наши русскіе народные учителя въ западномъ краѣ.

В. КОМАРОВЪ.

ИДІОТЪ*

РОМАНЪ.

(Посвящено Софьѣ Александровнѣ Ивановой.)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

IV.

Съ чрезвычайнымъ удивленіемъ замѣтилъ князь, подходя къ своей дачѣ съ Рогожинымъ, что на его террасѣ, ярко освѣщенной, собралось шумное и многочисленное общество. Веселая компанія хохотала, голосила; кажется, даже спорила до крику; подозрѣвалось съ перваго взгляда самое радостное препровожденіе времени. И дѣйствительно, поднявшись на террасу, онъ увидѣлъ, что всѣ пили, и пили шампанское, и, кажется, уже довольно давно, такъ что многіе изъ пирующихъ успѣли весьма пріятно одушевиться. Гости были все знакомые князя, но странно было, что они собрались разомъ всѣ, точно по зову, хотя князь никого не звалъ, а про день своего рожденія онъ и самъ только что вспомнилъ нечаянно.

— Объявилъ, знать, кому, что шампанскаго выставишь, вотъ они и сбѣжались, пробормоталъ Рогожинъ, всходя вслѣдъ за княземъ на террасу, — мы эвтотъ пунктъ знаемъ; имъ только свистни.... прибавилъ онъ почти со злобой, конечно припоминая свое недавнее прошлое.

Всѣ встрѣтили князя криками и пожеланіями, окружили его. Иные были очень шумны, другіе гораздо спокойнѣе, но всѣ

* См. *Русскій Вѣстникъ*, №№ 1, 2, 4, 5, 6, 7 и 8.

[redacted]

торопились поздравить, прослышавъ о днѣ рожденія, и всякій ждалъ своей очереди. Присутствіе нѣкоторыхъ лицъ заинтересовало князя, напримѣръ Бурдовскаго; но всего удивительнѣе было, что среди этой компаніи очутился вдругъ и Евгеній Павловичъ; князь почти вѣрить себѣ не хотѣлъ и чуть не испугался, увидѣвъ его.

Тѣмъ временемъ Лебедевъ, раскраснѣвшійся и почти восторженный, подбѣжалъ съ объясненіями; онъ былъ довольно сильно *готовъ*. Изъ болтовни его оказалось, что всѣ собрались совершенно натурально и даже нечаянно. Прежде всѣхъ, передъ вечеромъ, пріѣхалъ Ипполитъ, и чувствуя себя гораздо лучше, пожелалъ подождать князя на террасѣ. Онъ расположился на диванѣ; потомъ къ нему сошелъ Лебедевъ, затѣмъ все его семейство, то-есть генералъ Иволгинъ и дочери. Бурдовскій пріѣхалъ съ Ипполитомъ, сопровождая его. Ганя и Птицынъ зашли, кажется, недавно, проходя мимо (ихъ появленіе совпадало съ происшествіемъ въ воксалѣ); затѣмъ явился Келлеръ, объявилъ о днѣ рожденія и потребовалъ шампанскаго. Евгеній Павловичъ зашелъ всего съ полчаса назадъ. На шампанскомъ и чтобъ устроить праздникъ настаивалъ изо всѣхъ силъ и Коля. Лебедевъ съ готовностью подалъ вина.

— Но своего, своего! лепеталъ онъ князю:—на собственное иждивеніе, чтобы прославить и поздравить, и угощеніе будетъ, закуска, и объ этомъ дочь хлопочетъ; но, князь, еслибы вы знали какая тема въ ходу. Помните у Гамлета: „быть или не быть?“ Современная тема-съ, современная! Вопросы и отвѣты.... И господинъ Терентьевъ въ высшей степени.... спать не хочетъ! А шампанскаго онъ только глотнулъ, глотнулъ, не повредитъ.... Приблизьтесь, князь, и рѣшите! Всѣ васъ ждали, всѣ только и ждали вашего счастливаго ума....

Князь замѣтилъ милый, ласковый взглядъ Вѣры Лебедевой, тоже торопившейся пробраться къ нему сквозь толпу. Мимо всѣхъ, онъ протянулъ руку ей первой; она вспыхнула отъ удовольствія и пожелала ему „счастливой жизни *съ этого самаго дня*“. Затѣмъ стремглавъ побѣжала на кухню; тамъ она готовила закуску; но и до прихода князя, — только что на минуту могла оторваться отъ дѣла, — являлась на террасу и изо всѣхъ силъ слушала горячіе споры о самыхъ отвлеченныхъ и странныхъ для нея вещахъ, не умолкавшихъ между подпившими гостями. Младшая сестра ея, разѣвавшая ротъ,

заснула въ слѣдующей комнатѣ, на сундукѣ, но мальчикъ, сынъ Лебедева, стоялъ подлѣ Коли и Ипполита, и одинъ видъ его одушевленнаго лица показывалъ, что онъ готовъ простоять здѣсь на одномъ мѣстѣ, наслаждаясь и слушая, хоть еще часовъ десять сряду.

— Я васъ особенно ждалъ и ужасно радъ, что вы пришли такой счастливый, проговорилъ Ипполитъ, когда князь, тотчасъ послѣ Вѣры, подошелъ пожать ему руку.

— А почему вы знаете что я „такой счастливый"?

— По лицу видно. Поздоровайтесь съ господами и присядьте къ намъ сюда поскорѣе. Я особенно васъ ждалъ, прибавилъ онъ, значительно напирая на то, что онъ ждалъ. На замѣчаніе князя: „не повредило бы ему такъ поздно сидѣть?"— онъ отвѣчалъ, что самъ себѣ удивляется, какъ это онъ три дня назадъ умереть хотѣлъ, и что никогда онъ не чувствовалъ себя лучше какъ въ этотъ вечеръ.

Бурдовскій вскочилъ и пробормоталъ, что онъ „такъ...." что онъ съ Ипполитомъ „сопровождалъ", и что тоже радъ; что въ письмѣ онъ „написалъ вздоръ", а теперь „радъ просто..." Не договоривъ, онъ крѣпко сжалъ руку князя и сѣлъ на стулъ.

Послѣ всѣхъ князь подошелъ и къ Евгенію Павловичу. Тотъ тотчасъ же взялъ его подъ руку.

— Мнѣ вамъ только два слова сказать, прошепталъ онъ вполголоса, — и по чрезвычайному важному обстоятельству; отойдемте на минуту.

— Два слова, прошепталъ другой голосъ въ другое ухо князя, и другая рука взяла его съ другой стороны подъ руку. Князь съ удивленіемъ замѣтилъ страшно взъерошенную, раскраснѣвшуюся, подмигивающую и смѣющуюся фигуру, въ которой въ ту же минуту узналъ Фердыщенка, Богъ знаетъ откуда взявшагося.

— Фердыщенка помните? спросилъ тотъ.

— Откуда вы взялись? вскричалъ князь.

— Онъ раскаивается! вскричалъ подбѣжавшій Келлеръ:— онъ спрятался, онъ не хотѣлъ къ вамъ выходить, онъ тамъ въ углу спрятался, онъ раскаивается, князь, онъ чувствуетъ себя виноватымъ.

— Да въ чемъ же, въ чемъ же?

— Это я его встрѣтилъ, князь, я его сейчасъ встрѣтилъ и привелъ; это рѣдкій изъ моихъ друзей; но онъ раскаивается.

[redacted]

— Очень радъ, господа; ступайте, садитесь туда ко всѣмъ, я сейчасъ приду, отдѣлался наконецъ князь, торопясь къ Евгенію Павловичу.

— Здѣсь у васъ занимательно, замѣтилъ тотъ,—и я съ удовольствіемъ прождалъ васъ съ полчаса. Вотъ что, любезнѣйшій Левъ Николаевичъ, я все устроилъ съ Курмышевымъ, и зашелъ васъ успокоить; вамъ нечего безпокоиться, онъ очень, очень разсудительно принялъ дѣло, тѣмъ болѣе что, по-моему, скорѣе самъ виноватъ.

— Съ какимъ Курмышевымъ?

— Да вотъ, котораго вы за руки давеча схватили.... Онъ былъ такъ взбѣшенъ, что хотѣлъ уже къ вамъ завтра прислать за объясненіями.

— Полноте, какой вздоръ!

— Разумѣется, вздоръ, и вздоромъ навѣрно бы кончилось; но у насъ эти люди....

— Вы, можетъ-быть, и еще зачѣмъ-нибудь пришли, Евгеній Павлычъ?

— О, разумѣется, еще зачѣмъ-нибудь, разсмѣялся тотъ.— Я, милый князь, завтра чѣмъ свѣтъ ѣду по этому несчастному дѣлу (ну вотъ, о дядѣ-то) въ Петербургъ; представьте себѣ: все это вѣрно, и всѣ уже знаютъ, кромѣ меня. Меня такъ это все поразило, что я *туда* и не поспѣлъ зайдти (къ Епанчинымъ); завтра тоже не буду, потому что буду въ Петербургѣ, понимаете? Можетъ, дня три здѣсь не буду,— однимъ словомъ, дѣла мои захромали. Хоть дѣло и не безконечно важное, но я разсудилъ, что мнѣ нужно кое-въ-чемъ откровеннѣйшимъ образомъ объясниться съ вами, и не пропуская времени, то-есть до отъѣзда. Я теперь посижу и подожду, если велите, пока разойдется компанія; притомъ же мнѣ некуда болѣе дѣваться: я такъ взволнованъ, что и спать не лягу. Наконецъ, хотя безсовѣстно и непорядочно такъ прямо преслѣдовать человѣка, но я вамъ прямо скажу: я пришелъ искать вашей дружбы, милый мой князь; вы человѣкъ безподобнѣйшій, то-есть не лгущій на каждомъ шагу, а можетъ-быть и совсѣмъ, а мнѣ въ одномъ дѣлѣ нуженъ другъ и совѣтникъ, потому что я рѣшительно теперь изъ числа несчастныхъ....

Онъ опять засмѣялся.

— Вотъ въ чемъ бѣда, задумался на минуту князь,—вы хотите подождать пока они разойдутся, а вѣдь Богъ знаетъ

когда это будетъ. Не лучше ли намъ теперь сойдти въ паркъ; они, право, подождутъ; я извинюсь.

— Ни-ни, я имѣю свои причины чтобы насъ не заподозрили въ экстренномъ разговорѣ съ цѣлью; тутъ есть люди, которые очень интересуются нашими отношеніями,—вы не знаете этого, князь? И гораздо лучше будетъ, если увидятъ, что и безъ того въ самыхъ дружелюбнѣйшихъ, а не въ экстренныхъ только отношеніяхъ,—понимаете? Они часа черезъ два разойдутся; я у васъ возьму минутъ двадцать, ну—полчаса...

— Да милости просимъ, пожалуйте; я слишкомъ радъ и безъ объясненій; а за ваше доброе слово о дружескихъ отношеніяхъ очень васъ благодарю. Вы извините, что я сегодня разсѣянъ; знаете, я какъ-то никакъ не могу быть въ эту минуту внимательнымъ.

— Вижу, вижу, пробормоталъ Евгеній Павловичъ съ легкою усмѣшкой.—Онъ былъ очень смѣшливъ въ этотъ вечеръ.

— Что̀ вы видите? встрепенулся князь.

— А вы и не подозрѣваете, милый князь, продолжалъ усмѣхаться Евгеній Павловичъ, не отвѣчая на прямой вопросъ,— вы не подозрѣваете, что я просто пришелъ васъ надуть и мимоходомъ отъ васъ что-нибудь выпытать, а?

— Что вы пришли выпытать, въ этомъ и сомнѣнія нѣтъ, засмѣялся наконецъ и князь,—и даже, можетъ-быть, вы рѣшили меня немножко и обмануть. Но вѣдь что̀ жь, я васъ не боюсь; притомъ же мнѣ теперь какъ-то все равно, повѣрите ли? И... и... и такъ какъ я прежде всего убѣжденъ, что вы человѣкъ все-таки превосходный, то вѣдь мы, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ кончимъ тѣмъ, что дружески сойдемся. Вы мнѣ очень понравились, Евгеній Павлычъ, вы.... очень, очень порядочный, по-моему, человѣкъ!

— Ну, съ вами во всякомъ случаѣ премило дѣло имѣть, даже какое бы ни было, заключилъ Евгеній Павловичъ;— пойдемте, я за ваше здоровье бокалъ выпью; я ужасно доволенъ что къ вамъ присталъ. А! остановился онъ вдругъ:— этотъ господинъ Ипполитъ къ вамъ жить переѣхалъ?

— Да.

— Онъ вѣдь не сейчасъ умретъ, я думаю?

— А что̀?

— Такъ, ничего; я полчаса здѣсь съ нимъ пробылъ...

Ипполитъ всё это время ждалъ князя и безпрерывно поглядывалъ на него и на Евгенія Павловича, когда они

[redacted]

разговаривали въ сторонѣ. Онъ лихорадочно оживился, когда они подошли къ столу. Онъ былъ безпокоенъ и возбужденъ; потъ выступалъ на его лбу. Въ сверкавшихъ глазахъ его высказывалось, кромѣ какого-то блуждающаго, постояннаго безпокойства, и какое-то неопредѣленное нетерпѣніе; взглядъ его переходилъ безъ цѣли съ предмета на предметъ, съ одного лица на другое. Хотя во всеобщемъ шумномъ разговорѣ онъ принималъ до сихъ поръ большое участіе, но одушевленіе его было только лихорадочное; собственно къ разговору онъ былъ невнимателенъ; споръ его былъ безсвязенъ, насмѣшливъ и небрежно парадоксаленъ; онъ не договаривалъ и бросалъ то, о чемъ за минуту самъ начиналъ говорить съ горячечнымъ жаромъ. Князь съ удивленіемъ и сожалѣніемъ узналъ, что ему позволили въ этотъ вечеръ безпрепятственно выпить полные два бокала шампанскаго, и что початый стоявшій передъ нимъ бокалъ былъ уже третій. Но онъ узналъ это только потомъ; въ настоящую же минуту былъ не очень замѣтливъ.

— А знаете, что я ужасно радъ тому, что именно сегодня день вашего рожденія, прокричалъ Ипполитъ.

— Почему?

— Увидите; скорѣе усаживайтесь; вопервыхъ, ужь потому, что собрался весь этотъ вашъ... народъ. Я такъ и разсчитывалъ, что народъ будетъ; въ первый разъ въ жизни мнѣ разсчетъ удается! А жаль что не зналъ о вашемъ рожденіи, а то бы пріѣхалъ съ подаркомъ... Ха-ха! Да, можетъ, я и съ подаркомъ пріѣхалъ! Много ли до свѣта?

— До разсвѣта и двухъ часовъ не осталось, замѣтилъ Птицынъ, посмотрѣвъ на часы.

— Да зачѣмъ теперь разсвѣтъ, когда на дворѣ и безъ него читать можно? замѣтилъ кто-то.

— Затѣмъ, что мнѣ надо краюшекъ солнца увидѣть. Можно пить за здоровье солнца, князь, какъ вы думаете?

Ипполитъ спрашивалъ рѣзко, обращаясь ко всѣмъ безъ церемоніи, точно командовалъ, но, кажется, самъ не замѣчалъ того.

— Выпьемъ, пожалуй; только вамъ бы успокоиться, Ипполитъ, а?

— Вы все про спанье; вы, князь, моя нянька! Какъ только солнце покажется и „зазвучитъ“ на небѣ (кто это сказалъ въ стихахъ: „на небѣ солнце зазвучало“? безсмысленно, но

хорошо!)—такъ мы и спать. Лебедевъ! Солнце вѣдь источникъ жизни? Чтò значатъ „источники жизни“ въ Апокалипсисѣ? Вы слыхали о „звѣздѣ Полынь“, князь?

— Я слышалъ, что Лебедевъ признаетъ эту „звѣзду Полынь“ сѣтью желѣзныхъ дорогъ, распространившихся по Европѣ.

— Нѣтъ-съ, позвольте-съ, такъ нельзя-съ! закричалъ Лебедевъ, вскакивая и махая руками, какъ будто желая остановить начинавшійся всеобщій смѣхъ: — позвольте-съ! Съ этими господами.... эти всѣ господа, обернулся онъ вдругъ къ князю,—вѣдь это, въ извѣстныхъ пунктахъ, вотъ чтò-съ.... и онъ безъ церемоніи постукалъ два раза по столу, отчего смѣхъ еще болѣе усилился.

Лебедевъ былъ хотя и въ обыкновенномъ „вечернемъ“ состояніи своемъ, но на этотъ разъ онъ былъ слишкомъ ужь возбужденъ и раздраженъ предшествовавшимъ долгимъ „ученымъ“ споромъ, а въ такихъ случаяхъ къ оппонентамъ своимъ онъ относился съ безконечнымъ и въ высшей степени откровеннымъ презрѣніемъ.

— Это не такъ-съ! У насъ, князь, полчаса тому составился уговоръ чтобы не прерывать; чтобы не хохотать, покамѣстъ одинъ говоритъ; чтобъ ему свободно дали все выразить, а потомъ ужь пусть и атеисты, если хотятъ, возражаютъ; мы генерала предсѣдателемъ посадили, вотъ-съ! А то чтò же-съ? Этакъ всякаго можно сбить, на высокой идеѣ-съ, на глубокой идеѣ-съ....

— Да говорите, говорите: никто не сбиваетъ! раздались голоса.

— Говорите да не заговаривайтесь.

— Чтò за „звѣзда Полынь“ такая? освѣдомился кто-то.

— Понятія не имѣю! отвѣтилъ генералъ Иволгинъ, съ важнымъ видомъ занимая свое недавнее мѣсто предсѣдателя.

— Я удивительно люблю всѣ эти споры и раздраженія, князь, ученые разумѣется, пробормоталъ между тѣмъ Келлеръ, въ рѣшительномъ упоеніи и нетерпѣніи ворочаясь на стулѣ,— ученые и политическіе, обратился онъ вдругъ и неожиданно къ Евгенію Павловичу, сидѣвшему почти рядомъ съ нимъ. — Знаете, я ужасно люблю въ газетахъ читать про англійскіе парламенты, то-есть не въ томъ смыслѣ, про чтò они тамъ разсуждаютъ (я, знаете, не политикъ), а въ томъ, кàкъ они между собой объясняются, ведутъ себя, такъсказать, какъ политики: „благородный виконтъ, сидящій

[redacted]

напротивъ", „благородный графъ, раздѣляющій мысль мою", „благородный мой оппонентъ, удивившій Европу своимъ предложеніемъ", то-есть всѣ вотъ эти выраженьица, весь этотъ парламентаризмъ свободнаго народа — вотъ что̀ для нашего брата заманчиво! Я плѣняюсь, князь. Я всегда былъ артистъ въ глубинѣ души, клянусь вамъ, Евгеній Павлычъ.

— Такъ что̀ же послѣ этого, горячился въ другомъ углу Ганя, — выходитъ, по-вашему, что желѣзныя дороги прокляты, что онѣ гибель человѣчеству, что онѣ язва, упавшая на землю, чтобы замутить „источники жизни"?

Гаврила Ардаліоновичъ былъ въ особенно возбужденномъ настроеніи въ этотъ вечеръ, и въ настроеніи веселомъ, чуть не торжествующемъ, какъ показалось князю. Съ Лебедевымъ онъ, конечно, шутилъ, поджигая его, но скоро и самъ разгорячился.

— Не желѣзныя дороги, нѣтъ-съ! возражалъ Лебедевъ, въ одно и то же время и выходившій изъ себя, и ощущавшій непомѣрное наслажденіе: — собственно однѣ желѣзныя дороги не замутятъ источниковъ жизни, а все это въ цѣломъ-съ проклято, все это настроеніе нашихъ послѣднихъ вѣковъ, въ его общемъ цѣломъ, научномъ и практическомъ, можетъ-быть, и дѣйствительно проклято-съ.

— Навѣрно проклято или только можетъ-быть? Это вѣдь важно знать, справился Евгеній Павловичъ.

— Проклято, проклято, навѣрно проклято! съ азартомъ подтвердилъ Лебедевъ.

— Не торопитесь, Лебедевъ, вы по утрамъ гораздо добрѣе, замѣтилъ, улыбаясь, Птицынъ.

— А по вечерамъ за то откровеннѣе! По вечерамъ задушевнѣе и откровеннѣе! съ жаромъ обернулся къ нему Лебедевъ: — простодушнѣе и опредѣлительнѣе, честнѣе и почтеннѣе, и хоть этимъ я вамъ и бокъ подставляю, но наплевать-съ; я васъ всѣхъ вызываю теперь, всѣхъ атеистовъ: чѣмъ вы спасете міръ и нормальную дорогу ему въ чемъ отыскали, — вы, люди науки, промышленности, ассоціацій, платы заработной и прочаго? Чѣмъ? Кредитомъ? Что̀ такое кредитъ? Къ чему приведетъ васъ кредитъ?

— Экъ вѣдь у васъ любопытство-то! замѣтилъ Евгеній Павловичъ.

— А мое мнѣніе то, что̀ кто такими вопросами не интересуется, тотъ великосвѣтскій шенапанъ-съ!

— Да хоть ко всеобщей солидарности и равновѣсію интересовъ приведетъ, замѣтилъ Птицынъ.

— И только, только! Не принимая никакого нравственнаго основанія, кромѣ удовлетворенія личнаго эгоизма и матеріальной необходимости? Всеобщій миръ, всеобщее счастье— изъ необходимости! Такъ ли-съ, если смѣю спросить, понимаю я васъ, милостивый мой государь?

— Да вѣдь всеобщая необходимость жить, пить и ѣсть, а полнѣйшее, научное, наконецъ, убѣжденіе въ томъ, что вы не удовлетворите этой необходимости безъ всеобщей ассоціаціи и солидарности интересовъ, есть, кажется, достаточно крѣпкая мысль, чтобы послужить опорною точкой и „источникомъ жизни“ для будущихъ вѣковъ человѣчества, замѣтилъ уже серіозно разгорячившійся Ганя.

— Необходимость пить и ѣсть, то-есть одно только чувство самосохраненія....

— Да развѣ мало одного только чувства самосохраненія? Вѣдь чувство самосохраненія — нормальный законъ человѣчества....

— Кто это вамъ сказалъ? крикнулъ вдругъ Евгеній Павловичъ: — законъ — это правда, но столько же нормальный, сколько и законъ разрушенія, а пожалуй и саморазрушенія. Развѣ въ самосохраненіи одномъ весь нормальный законъ человѣчества?

— Эге! вскрикнулъ Ипполитъ, быстро оборотясь къ Евгенію Павловичу и съ дикимъ любопытствомъ оглядывая его; но увидѣвъ, что онъ смѣется, засмѣялся и самъ, толкнулъ рядомъ стоящаго Колю и опять спросилъ его который часъ, даже самъ притянулъ къ себѣ серебряные часы Коли и жадно посмотрѣлъ на стрѣлку. Затѣмъ, точно все забывъ, онъ протянулся на диванѣ, закинулъ руки за голову и сталъ смотрѣть въ потолокъ; чрезъ полминуты онъ уже опять сидѣлъ за столомъ, выпрямившись и вслушиваясь въ болтовню разгорячившагося до послѣдней степени Лебедева.

— Мысль коварная и насмѣшливая, мысль шпигующая! съ жадностью подхватилъ Лебедевъ парадоксъ Евгенія Павловича:—мысль высказанная съ цѣлью подзадорить въ драку противниковъ, — но мысль вѣрная! Потому что вы, свѣтскій пересмѣшникъ и кавалеристъ (хотя и не безъ способностей!), и сами не знаете, до какой степени ваша мысль есть глубокая мысль, есть вѣрная мысль! Да-съ. Законъ саморазру-

[redacted]

шенія и законъ самосохраненія одинаково сильны въ человѣчествѣ! Дьяволъ одинаково владычествуетъ человѣчествомъ до предѣла временъ еще намъ неизвѣстнаго. Вы смѣетесь? Вы не вѣрите въ дьявола? Невѣріе въ дьявола есть французская мысль, есть легкая мысль. Вы знаете ли кто есть дьяволъ? Знаете ли какъ ему имя? И не зная даже имени его, вы смѣетесь надъ формой его, по примѣру Вольтерову, надъ копытами, хвостомъ и рогами его, вами же изобрѣтенными; ибо нечистый духъ есть великій и грозный духъ, а не съ копытами и съ рогами, вами ему изобрѣтенными. Но не въ немъ теперь дѣло!...

— Почему вы знаете, что не въ немъ теперь дѣло? крикнулъ вдругъ Ипполитъ и захохоталъ какъ будто въ припадкѣ.

— Мысль ловкая и намекающая! похвалилъ Лебедевъ:—но опять-таки дѣло не въ томъ, а вопросъ у насъ въ томъ, что не ослабѣли ли „источники жизни“ съ усиленіемъ....

— Желѣзныхъ-то дорогъ? крикнулъ Коля.

— Не желѣзныхъ путей сообщенія, молодой, но азартный подростокъ, а всего того направленія, которому желѣзныя дороги могутъ послужить, такъ-сказать, картиной, выраженіемъ художественнымъ. Спѣшатъ, гремятъ, стучатъ и торопятся для счастія, говорятъ, человѣчества! „Слишкомъ шумно и промышленно становится въ человѣчествѣ, мало спокойствія духовнаго,“ жалуется одинъ удалившійся мыслитель. „Пусть, но стукъ телѣгъ, подвозящихъ хлѣбъ голодному человѣчеству, можетъ-быть, лучше спокойствія духовнаго“, отвѣчаетъ тому побѣдительно другой, разъѣзжающій повсемѣстно мыслитель, и уходитъ отъ него съ тщеславіемъ. Не вѣрю я, гнусный Лебедевъ, телѣгамъ, подвозящимъ хлѣбъ человѣчеству! Ибо телѣги, подвозящія хлѣбъ всему человѣчеству, безъ нравственнаго основанія поступку, могутъ прехладнокровно исключить изъ наслажденія подвозимымъ значительную часть человѣчества, что̀ уже и было....

— Это телѣги-то могутъ прехладнокровно исключить? подхватилъ кто-то.

— Что̀ уже и было, подтвердилъ Лебедевъ, не удостоивая вниманіемъ вопроса,—уже былъ Мальтусъ, другъ человѣчества. Но другъ человѣчества съ шатостію нравственныхъ основаній есть людоѣдъ человѣчества, не говоря о его тщеславіи: ибо оскорбите тщеславіе котораго-нибудь изъ сихъ безчисленныхъ друзей человѣчества, и онъ тотчасъ же готовъ

зажечь міръ съ четырехъ концовъ изъ мелкаго мщенія,—впрочемъ, такъ же точно какъ и всякій изъ насъ, говоря по справедливости, какъ и я, гнуснѣйшій изъ всѣхъ, ибо я-то, можетъ-быть, первый и дровъ принесу, а самъ прочь убѣгу. Но не въ томъ опять дѣло!

— Да въ чемъ же наконецъ?

— Надоѣлъ!

— Дѣло въ слѣдующемъ анекдотѣ изъ прошедшихъ вѣковъ, ибо я въ необходимости разказать анекдотъ изъ прошедшихъ вѣковъ. Въ наше время, въ нашемъ отечествѣ, которое, надѣюсь, вы любите одинаково со мной, господа, ибо я, съ своей стороны, готовъ излить изъ себя даже всю кровь мою....

— Дальше! Дальше!

— Въ нашемъ отечествѣ, равно какъ и въ Европѣ, всеобщіе, повсемѣстные и ужасные голода посѣщаютъ человѣчество, по возможному исчисленію и сколько запомнить могу, не чаще теперь какъ одинъ разъ въ четверть столѣтія, другими словами, однажды въ каждое двадцатипятилѣтіе. Не спорю за точную цифру, но весьма рѣдко, сравнительно.

— Съ чѣмъ сравнительно?

— Съ двѣнадцатымъ столѣтіемъ и съ сосѣдними ему столѣтіями съ той и съ другой стороны. Ибо тогда, какъ пишутъ и утверждаютъ писатели, всеобщіе голода въ человѣчествѣ посѣщали его въ два года разъ или, по крайней мѣрѣ, въ три года разъ, такъ что при такомъ положеніи вещей человѣкъ прибѣгалъ даже къ антропофагіи, хотя и сохраняя секретъ. Одинъ изъ такихъ тунеядцевъ, приближаясь къ старости, объявилъ самъ собою и безъ всякаго принужденія, что онъ въ продолженіе долгой и скудной жизни своей умертвилъ и съѣлъ лично и въ глубочайшемъ секретѣ шестьдесятъ монаховъ и нѣсколько свѣтскихъ младенцевъ,—штукъ шесть, но не болѣе, то-есть необыкновенно мало сравнительно съ количествомъ съѣденнаго имъ духовенства. До свѣтскихъ же взрослыхъ людей, какъ оказалось, онъ съ этою цѣлью никогда не касался.

— Этого быть не можетъ! крикнулъ самъ предсѣдатель, генералъ, чуть даже не обиженнымъ голосомъ:—я часто съ нимъ, господа, разсуждаю и спорю, и все о подобныхъ вещахъ; но всего чаще онъ выставляетъ такія нелѣпости, что уши даже вянутъ, ни на грошъ правдоподобія!

— Генералъ! Вспомни осаду Карса, а вы, господа, узнайте,

[redacted]

что анекдотъ мой голая истина. Отъ себя же замѣчу, что всякая почти дѣйствительность, хотя и имѣетъ непреложные законы свои, но почти всегда и невѣроятна, и неправдоподобна. И чѣмъ даже дѣйствительнѣе, тѣмъ иногда и неправдоподобнѣе.

— Да развѣ можно съѣсть шестьдесятъ монаховъ? смѣялись кругомъ.

— Хоть онъ и съѣлъ ихъ не вдругъ, что̀ очевидно, а можетъ-быть, въ пятнадцать или въ двадцать лѣтъ, что̀ уже совершенно понятно и натурально....

— И натурально?

— И натурально! съ педантскимъ упорствомъ отгрызался Лебедевъ:—да и кромѣ всего, католическій монахъ уже по самой натурѣ своей повадливъ и любопытенъ, и его слишкомъ легко заманить въ лѣсъ или въ какое-нибудь укромное мѣсто и тамъ поступить съ нимъ по вышесказанному,— но я все-таки не оспариваю, что количество съѣденныхъ лицъ оказалось чрезвычайно, даже до невоздержности.

— Можетъ-быть, это и правда, господа, замѣтилъ вдругъ князь.

До сихъ поръ онъ въ молчаніи слушалъ спорившихъ и не ввязывался въ разговоръ; часто отъ души смѣялся вслѣдъ за всеобщими взрывами смѣха. Видно было, что онъ ужасно радъ тому, что такъ весело, такъ шумно; даже тому, что они такъ много пьютъ. Можетъ-быть, онъ и ни слова бы не сказалъ въ цѣлый вечеръ, но вдругъ какъ-то вздумалъ заговорить. Заговорилъ же съ чрезвычайною серіозностію, такъ что всѣ вдругъ обратились къ нему съ любопытствомъ.

— Я, господа, про то собственно, что тогда бывали такіе частые голода. Про это и я слышалъ, хотя и плохо знаю исторію. Но, кажется, такъ и должно было быть. Когда я попалъ въ швейцарскія горы, я ужасно дивился развалинамъ старыхъ рыцарскихъ за̀мковъ, построенныхъ на склонахъ горъ, по крутымъ скаламъ, и по крайней мѣрѣ на полверстѣ отвѣсной высоты (это значитъ нѣсколько верстъ тропинками). За̀мокъ извѣстно что̀: это цѣлая гора камней. Работа ужасная, невозможная! И это ужь, конечно, построили всѣ эти бѣдные люди, вассалы. Кромѣ того, они должны были платить всякія подати и содержать духовенство. Гдѣ же тутъ было себя пропитать и землю обрабатывать? Ихъ же тогда было

мало, должно-быть, ужасно умирали съ голоду, и ѣсть буквально, можетъ-быть, было нечего. Я иногда даже думалъ: какъ это не пресѣкся тогда совсѣмъ этотъ народъ и что-нибудь съ нимъ не случилось, какъ онъ могъ устоять и вынести? Что были людоѣды и, можетъ-быть, очень много, то въ этомъ Лебедевъ, безъ сомнѣнія, правъ; только вотъ я не знаю, почему именно онъ замѣшалъ тутъ монаховъ и что̀ хочетъ этимъ сказать?

— Навѣрно то, что въ двѣнадцатомъ столѣтіи только монаховъ и можно было ѣсть, потому что только одни монахи и были жирны, замѣтилъ Гаврила Ардаліоновичъ.

— Великолѣпнѣйшая и вѣрнѣйшая мысль! крикнулъ Лебедевъ:—ибо до свѣтскихъ онъ даже и не прикоснулся. Ни единаго свѣтскаго на шестьдесятъ нумеровъ духовенства, и это страшная мысль, историческая мысль, статистическая мысль, наконецъ, и изъ такихъ-то фактовъ и возсоздается исторія у умѣющаго; ибо до цифирной точности возводится, что духовенство по крайней мѣрѣ въ шестьдесятъ разъ жило счастливѣе и привольнѣе чѣмъ все остальное тогдашнее человѣчество. И, можетъ-быть, по крайней мѣрѣ въ шестьдесятъ разъ было жирнѣе всего остальнаго человѣчества....

— Преувеличенье, преувеличенье, Лебедевъ! хохотали кругомъ.

— Я согласенъ, что историческая мысль, но къ чему вы ведете? продолжалъ спрашивать князь. (Онъ говорилъ съ такою серіозностію и съ такимъ отсутствіемъ всякой шутки и насмѣшки надъ Лебедевымъ, надъ которымъ всѣ смѣялись, что тонъ его, среди общаго тона всей компаніи, невольно становился комическимъ; еще немного, и стали бы подсмѣиваться и надъ нимъ, но онъ не замѣчалъ этого.)

— Развѣ вы не видите, князь, что это помѣшанный? нагнулся къ нему Евгеній Павловичъ.—Мнѣ давеча сказали здѣсь, что онъ помѣшался на адвокатствѣ и на рѣчахъ адвокатскихъ и хочетъ экзаменъ держать. Я жду славной пародіи.

— Я веду къ громадному выводу, гремѣлъ между тѣмъ Лебедевъ.—Но разберемъ прежде всего психологическое и юридическое состояніе преступника. Мы видимъ, что преступникъ, или, такъ-сказать, мой кліентъ, несмотря на всю невозможность найдти другое съѣдобное, нѣсколько разъ, въ продолженіе любопытной карьеры своей, обнаруживаетъ желаніе

[redacted]

раскаяться и отклоняетъ отъ себя духовенство. Мы видимъ это ясно изъ фактовъ: упоминается, что онъ все-таки съѣлъ же пять или шесть младенцевъ, сравнительно, цифра ничтожная, но за то знаменательная въ другомъ отношеніи. Видно, что мучимый страшными угрызеніями (ибо кліентъ мой—человѣкъ религіозный и совѣстливый, что̀ я докажу) и чтобъ уменьшить по возможности грѣхъ свой, онъ, въ видѣ пробы, перемѣнялъ шесть разъ пищу монашескую на пищу свѣтскую. Что въ видѣ пробы, то это опять несомнѣнно; ибо еслибы только для гастрономической варіаціи, то цифра шесть была бы слишкомъ ничтожною: почему только шесть нумеровъ, а не тридцать? (Я беру половину, половину на половину.) Но если это была только проба, изъ одного отчаянія предъ страхомъ кощунства и оскорбленія церковнаго, то тогда цифра шесть становится слишкомъ понятною; ибо шесть пробъ чтобъ удовлетворить угрызеніямъ совѣсти слишкомъ достаточно, такъ какъ пробы не могли же быть удачными. И вопервыхъ, по моему мнѣнію, младенецъ слишкомъ малъ, то-есть не крупенъ, такъ что за извѣстное время свѣтскихъ младенцевъ потребовалось бы втрое, впятеро бо̀льшая цифра нежели духовныхъ, такъ что и грѣхъ, если и уменьшался съ одной стороны, то въ концѣ-концовъ увеличивался съ другой, не качествомъ, такъ количествомъ. Разсуждая такъ, господа, я, конечно, снисхожу въ сердце преступника двѣнадцатаго столѣтія. Что же касается до меня, человѣка столѣтія девятнадцаго, то я, можетъ-быть, разсудилъ бы и иначе, о чемъ васъ и увѣдомляю, такъ что нечего вамъ на меня, господа, зубы скалить, а вамъ, генералъ, ужь и совсѣмъ неприлично. Вовторыхъ, младенецъ, по моему личному мнѣнію, непитателенъ, можетъ-быть даже слишкомъ сладокъ и приторенъ, такъ что, не удовлетворяя потребности, оставляетъ одни угрызенія совѣсти. Теперь заключеніе, финалъ, господа, финалъ, въ которомъ заключается разгадка одного изъ величайшихъ вопросовъ тогдашняго и нашего времени! Преступникъ кончаетъ тѣмъ, что идетъ и доноситъ на себя духовенству и предаетъ себя въ руки правительству. Спрашивается, какія муки ожидали его по тогдашнему времени, какія колеса, костры и огни? Кто же толкалъ его идти доносить на себя? Почему не просто остановиться на цифрѣ шестьдесятъ, сохраняя секретъ до послѣдняго своего издыханія? Почему не просто бросить монашество и

жить въ покаяніи пустынникомъ? Почему, наконецъ, не поступить самому въ монашество? Вотъ тутъ и разгадка! Стало-быть, было же нѣчто сильнѣйшее костровъ и огней и даже двадцатилѣтней привычки! Стало-быть, была же мысль сильнѣйшая всѣхъ несчастій, неурожаевъ, истязаній, чумы, проказы и всего того ада, котораго бы и не вынесло то человѣчество безъ той связующей, направляющей сердце и оплодотворяющей источники жизни мысли! Покажите же вы мнѣ что-нибудь подобное такой силѣ въ нашъ вѣкъ пороковъ и желѣзныхъ дорогъ.... то-есть, надо бы сказать въ нашъ вѣкъ пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ, но я говорю: въ нашъ вѣкъ пороковъ и желѣзныхъ дорогъ, потому что я пьянъ, но справедливъ! Покажите мнѣ связующую настоящее человѣчество мысль хоть въ половину такой силы какъ въ тѣхъ столѣтіяхъ. И осмѣльтесь сказать наконецъ, что не ослабѣли, не помутились источники жизни подъ этою „звѣздой", подъ этою сѣтью, опутавшею людей. И не пугайте меня вашимъ благосостояніемъ, вашими богатствами, рѣдкостью голода и быстротой путей сообщенія! Богатства больше, но силы меньше; связующей мысли не стало; все размягчилось, все упрѣло и всѣ упрѣли! Всѣ, всѣ, всѣ мы упрѣли!... Но довольно, и не въ томъ теперь дѣло, а въ томъ, что не распорядиться ли намъ, достопочтенный князь, насчетъ приготовленной для гостей закусочки?

Лебедевъ, чуть не доведшій нѣкоторыхъ изъ слушателей до настоящаго негодованія (надо замѣтить, что бутылки все время не переставали откупориваться), неожиданнымъ заключеніемъ своей рѣчи насчетъ закусочки примирилъ съ собой тотчасъ же всѣхъ противниковъ. Самъ онъ называлъ такое заключеніе „ловкимъ, адвокатскихъ оборотомъ дѣла". Веселый смѣхъ поднялся опять, гости оживились; всѣ встали изъ-за стола, чтобы расправить члены и пройдтись по террасѣ. Только Келлеръ остался недоволенъ рѣчью Лебедева и былъ въ чрезвычайномъ волненіи.

— Нападаетъ на просвѣщеніе, проповѣдуетъ изувѣрство двѣнадцатаго столѣтія, кривляется и даже безо всякой сердечной невинности: самъ-то чѣмъ онъ домъ нажилъ? позвольте спросить, говорилъ онъ вслухъ, останавливая всѣхъ и каждаго.

— Я видѣлъ настоящаго толкователя Апокалипсиса, говорилъ генералъ въ другомъ углу, другимъ слушателямъ и

между прочимъ Птицыну, котораго ухватилъ за пуговицу,—покойнаго Григорія Семеновича Бурмистрова; тотъ, такъ-сказать, прожигалъ сердца. И вопервыхъ, надѣвалъ очки, развертывалъ большую старинную книгу въ черномъ кожаномъ переплетѣ, ну, и при этомъ сѣдая борода, двѣ медали за пожертвованія. Начиналъ сурово и строго, предъ нимъ склонялись генералы, а дамы въ обморокъ падали, ну—а этотъ заключаетъ закуской! Ни на что не похоже!

Птицынъ, слушавшій генерала, улыбался и какъ будто собирался взяться за шляпу, но точно не рѣшался или безпрерывно забывалъ о своемъ намѣреніи. Ганя, еще до того времени какъ встали изъ-за стола, вдругъ пересталъ пить и отодвинулъ отъ себя бокалъ; что-то мрачное прошло по лицу его. Когда встали изъ-за стола, онъ подошелъ къ Рогожину и сѣлъ съ нимъ рядомъ. Можно было подумать, что они въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Рогожинъ, который въ началѣ тоже нѣсколько разъ было собирался потихоньку уйдти, сидѣлъ теперь неподвижно, потупивъ голову и какъ бы тоже забывъ, что хотѣлъ уходить. Во весь вечеръ онъ не выпилъ ни одной капли вина и былъ очень задумчивъ; изрѣдка только поднималъ глаза и оглядывалъ всѣхъ и каждаго. Теперь же можно было подумать, что онъ чего-то здѣсь ждетъ, чрезвычайно для него важнаго, и до времени рѣшился не уходить.

Князь выпилъ всего два или три бокала и былъ только веселъ. Привставъ изъ-за стола, онъ встрѣтилъ взглядъ Евгенія Павловича, вспомнилъ о предстоящемъ между ними объясненіи и улыбнулся привѣтливо. Евгеній Павловичъ кивнулъ ему головой и вдругъ показалъ на Ипполита, котораго пристально наблюдалъ въ эту самую минуту. Ипполитъ спалъ, протянувшись на диванѣ.

— Зачѣмъ, скажите, затесался къ вамъ этотъ мальчишка, князь? сказалъ онъ вдругъ съ такою явною досадой и даже со злобой, что князь удивился. — Бьюсь объ закладъ, у него недоброе на умѣ!

— Я замѣтилъ, сказалъ князь,—мнѣ показалось, по крайней мѣрѣ, что онъ васъ слишкомъ интересуетъ сегодня, Евгеній Павлычъ; это правда?

— И прибавьте: при моихъ собственныхъ обстоятельствахъ мнѣ и самому есть о чемъ задуматься, такъ что я самъ

себѣ удивляюсь, что весь вечеръ не могу оторваться отъ этой противной физіономіи!

— У него лицо красивое....

— Вотъ, вотъ, смотрите! крикнулъ Евгеній Павловичъ, дернувъ за руку князя:—вотъ!...

Князь еще разъ съ удивленіемъ оглядѣлъ Евгенія Павловича.

V.

Ипполитъ, подъ конецъ диссертаціи Лебедева вдругъ заснувшій на диванѣ, теперь вдругъ проснулся, точно кто его толкнулъ въ бокъ, вздрогнулъ, приподнялся, осмотрѣлся кругомъ и поблѣднѣлъ; въ какомъ-то даже испугѣ озирался онъ кругомъ; но почти ужасъ выразился въ его лицѣ, когда онъ все припомнилъ и сообразилъ:

— Что̀, они расходятся? Кончено? все кончено? Взошло солнце? спрашивалъ онъ тревожно, хватая за руку князя: — который часъ? Ради Бога: часъ? Я проспалъ. Долго я спалъ? прибавилъ онъ чуть не съ отчаяннымъ видомъ, точно онъ проспалъ что-то такое, отчего по крайней мѣрѣ зависѣла вся судьба его.

— Вы спали семь или восемь минутъ, отвѣтилъ Евгеній Павловичъ.

Ипполитъ жадно посмотрѣлъ на него и нѣсколько мгновеній соображалъ.

— А.... только! Стало-быть, я....

И онъ глубоко и жадно перевелъ духъ, какъ бы сбросивъ съ себя чрезвычайную тягость. Онъ догадался наконецъ, что ничего „не кончено“, что еще не разсвѣло, что гости встали изъ-за стола только для закуски, и что кончилась всего одна только болтовня Лебедева. Онъ улыбнулся, и чахоточный румянецъ, въ видѣ двухъ яркихъ пятенъ, заигралъ на щекахъ его.

— А вы ужь и минуты считали пока я спалъ, Евгеній Павлычъ, подхватилъ онъ насмѣшливо, — вы цѣлый вечеръ отъ меня не отрывались, я видѣлъ.... А! Рогожинъ! Я видѣлъ его сейчасъ во снѣ, прошепталъ онъ князю, нахмурившись и кивая на сидѣвшаго у стола Рогожина;—ахъ, да, перескочилъ онъ вдругъ опять, — гдѣ же ораторъ, гдѣ жь Лебедевъ? Лебедевъ, стало-быть, кончилъ? О чемъ онъ говорилъ? Правда, князь, что вы разъ говорили, что міръ спасетъ „красота“? Господа, закричалъ онъ громко всѣмъ: — князь утвер-

[redacted]

ждаетъ, что міръ спасетъ красота! А я утверждаю, что у него оттого такія игривыя мысли, что онъ теперь влюбленъ. Господа, князь влюбленъ; давеча, только что онъ вошелъ, я въ этомъ убѣдился. Не краснѣйте, князь, мнѣ васъ жалко станетъ. Какая красота спасетъ міръ? Мнѣ это Коля пересказалъ..... Вы ревностный христіанинъ? Коля говоритъ, что вы сами себя называете христіаниномъ.

Князь разсматривалъ его внимательно и не отвѣтилъ ему.

— Вы не отвѣчаете мнѣ? Вы, можетъ-быть, думаете, что я васъ очень люблю? прибавилъ вдругъ Ипполитъ, точно сорвалъ.

— Нѣтъ, не думаю. Я знаю, что вы меня не любите.

— Какъ! Даже послѣ вчерашняго? Вчера я былъ искренемъ съ вами?

— Я и вчера зналъ, что вы меня не любите.

— То-есть, потому что я вамъ завидую, завидую? Вы всегда это думали и думаете теперь, но.... но зачѣмъ я говорю вамъ объ этомъ? Я хочу выпить еще шампанскаго; налейте мнѣ, Келлеръ.

— Вамъ нельзя больше пить, Ипполитъ, я вамъ не дамъ...

И князь отодвинулъ отъ него бокалъ.

— И впрямь.... согласился онъ тотчасъ же, какъ бы задумываясь,—пожалуй еще скажутъ.... да чортъ ли мнѣ въ томъ, что̀ они скажутъ! Не правда ли, не правда ли? Пускай ихъ потомъ говорятъ, такъ ли, князь? И какое намъ всѣмъ до того дѣло, что̀ будетъ *потомъ*!... Я, впрочемъ, съ просонья. Какой я ужасный сонъ видѣлъ, теперь только припомнилъ.... Я вамъ не желаю такихъ сновъ, князь, хоть я васъ дѣйствительно, можетъ-быть, не люблю. Впрочемъ, если не любишь человѣка, зачѣмъ ему дурнаго желать, неправда ли? Что̀ это я все спрашиваю; все-то я спрашиваю! Дайте мнѣ вашу руку; я вамъ крѣпко пожму ее, вотъ такъ.... Вы однакожь протянули мнѣ руку? Стало-быть, знаете, что я вамъ искренно ее пожимаю?... Пожалуй, я не буду больше пить. Который часъ? Впрочемъ, не надо, я знаю который часъ. Пришелъ часъ! Теперь самое время. Что̀ это, тамъ въ углу закуску ставятъ? Стало-быть, этотъ столъ свободенъ? прекрасно! Господа, я.... однако всѣ эти господа и не слушаютъ.... я намѣренъ прочесть одну статью, князь; закуска, конечно, интереснѣе, но....

И вдругъ, совершенно неожиданно, онъ вытащилъ изъ своего верхняго боковаго кармана большой, канцелярскаго

размѣра пакетъ, запечатанный большою красною печатью. Онъ положилъ его на столъ предъ собой.

Эта неожиданность произвела эффектъ въ неготовомъ къ тому, или, лучше сказать, въ *готовомъ*, но не къ тому, обществѣ. Евгеній Павловичъ даже привскочилъ на своемъ стулѣ; Ганя быстро придвинулся къ столу; Рогожинъ тоже, но съ какою-то брюзгливою досадой, какъ бы понимая въ чемъ дѣло. Случившійся вблизи Лебедевъ подошелъ съ любопытными глазками и смотрѣлъ на пакетъ, стараясь угадать въ чемъ дѣло.

— Что̀ это у васъ? спросилъ съ безпокойствомъ князь.

— Съ первымъ краюшкомъ солнца я улягусь, князь, я сказалъ; честное слово: увидите! вскричалъ Ипполитъ: — но.... но.... неужели вы думаете, что я не въ состояніи распечатать этотъ пакетъ? прибавилъ онъ, съ какимъ-то вызовомъ обводя всѣхъ кругомъ глазами и какъ будто обращаясь ко всѣмъ безразлично. Князь замѣтилъ, что онъ весь дрожалъ.

— Мы никто этого и не думаемъ, отвѣтилъ князь за всѣхъ,—и почему вы думаете, что у кого-нибудь есть такая мысль, и что̀.... что̀ у васъ за странная идея читать? Что̀ у васъ тутъ такое, Ипполитъ?

— Что̀ тутъ такое? Что̀ съ нимъ опять приключилось? спрашивали кругомъ. Всѣ подходили, иные еще закусывая; пакетъ съ красною печатью всѣхъ притягивалъ, точно магнитъ.

— Это я самъ вчера написалъ, сейчасъ послѣ того какъ далъ вамъ слово что пріѣду къ вамъ жить, князь. Я писалъ это вчера весь день, потомъ ночь и кончилъ сегодня утромъ; ночью подъ утро я видѣлъ сонъ....

— Не лучше ли завтра? робко перебилъ князь.

— Завтра „времени больше не будетъ"! истерически усмѣхнулся Ипполитъ.—Впрочемъ, не безпокойтесь, я прочту въ сорокъ минутъ, ну—въ часъ.... И видите какъ всѣ интересуются; всѣ подошли; всѣ на мою печать смотрятъ, и вѣдь не запечатай я статью въ пакетъ, не было бы никакого эффекта! Ха-ха! Вотъ что̀ она значитъ, таинственность! Распечатывать или нѣтъ, господа? крикнулъ онъ, смѣясь своимъ страннымъ смѣхомъ и сверкая глазами. — Тайна! Тайна! А помните, князь, кто провозгласилъ что „времени больше не будетъ"? Это провозглашаетъ огромный и могучій ангелъ въ Апокалипсисѣ.

— Лучше не читать! воскликнулъ вдругъ Евгеній Павло-

[redacted]

вичъ, но съ такимъ нежданнымъ въ немъ видомъ безпокойства, что многимъ показалось это страннымъ.

— Не читайте! крикнулъ и князь, положивъ на пакетъ руку.

— Какое чтеніе? теперь закуска, замѣтилъ кто-то.—Статья? Въ журналъ что ли? освѣдомлялся другой.— Можетъ скучно? прибавилъ третій. — Да что̀ тутъ такое? освѣдомлялись остальные. Но пугливый жестъ князя точно испугалъ и самого Ипполита.

— Такъ.... не читать? прошепталъ онъ ему какъ-то опасливо, съ кривившеюся улыбкой на посинѣвшихъ губахъ: — не читать? пробормоталъ онъ, обводя взглядомъ всю публику, всѣ глаза и лица, и какъ будто цѣпляясь опять за всѣхъ съ прежнею, точно набрасывающеюся на всѣхъ экспансивностью: — вы.... боитесь? повернулся онъ опять къ князю.

— Чего? спросилъ тотъ, все болѣе и болѣе измѣняясь.

— Есть у кого-нибудь двугривенный, двадцать копѣекъ? вскочилъ вдругъ Ипполитъ со стула, точно его сдернули: — какая-нибудь монетка?

— Вотъ! подалъ тотчасъ же Лебедевъ; у него мелькнула мысль, что больной Ипполитъ помѣшался.

— Вѣра Лукьяновна! торопливо пригласилъ Ипполитъ: — возьмите, бросьте на столъ: орелъ или рѣшетка? Орелъ — такъ читать!

Вѣра испуганно посмотрѣла на монетку, на Ипполита, потомъ на отца и какъ-то неловко, закинувъ кверху голову, какъ бы въ томъ убѣжденіи, что ужь ей самой не надо смотрѣть на монетку, бросила ее на столъ. Выпалъ орелъ.

— Читать! прошепталъ Ипполитъ, какъ будто раздавленный рѣшеніемъ судьбы; онъ не поблѣднѣлъ бы болѣе, еслибъ ему прочли смертный приговоръ.—А впрочемъ, вздрогнулъ онъ вдругъ, помолчавъ съ полминуты,—что̀ это? Неужели я бросалъ сейчасъ жребій? съ тою же напрашивающеюся откровенностью осмотрѣлъ онъ всѣхъ кругомъ.— Но вѣдь это удивительная психологическая черта! вскричалъ онъ вдругъ, обращаясь къ князю, въ искреннемъ изумленіи: — это... это непостижимая черта, князь! подтвердилъ онъ, оживляясь и какъ бы приходя въ себя: — это вы запишите, князь, запомните, вы вѣдь, кажется, собираете матеріалы насчетъ смертной казни... Мнѣ говорили, ха-ха! О, Боже, какая безтолковая

небрежность! — Онъ сѣлъ на диванъ, облокотился на столъ обоими локтями и схватилъ себя за голову. — Вѣдь это даже стыдно!... А чортъ ли мнѣ въ томъ, что стыдно, поднялъ онъ почти тотчасъ же голову.—Господа! Господа, я распечатываю пакетъ, провозгласилъ онъ съ какою-то внезапною рѣшимостію, — я.... я, впрочемъ, не принуждаю слушать!...

Дрожащими отъ волненья руками онъ распечаталъ пакетъ, вынулъ изъ него нѣсколько листочковъ почтовой бумаги, мелко исписанныхъ, положилъ ихъ предъ собой и сталъ расправлять ихъ.

— Да что это? Да что тутъ такое? Что будутъ читать? мрачно бормотали нѣкоторые; другіе молчали. Но всѣ усѣлись и смотрѣли съ любопытствомъ. Можетъ-быть, дѣйствительно ждали чего-то необыкновеннаго. Вѣра уцѣпилась за стулъ отца и отъ испуга чуть не плакала; почти въ такомъ же испугѣ былъ и Коля. Уже усѣвшійся Лебедевъ вдругъ приподнялся, схватился за свѣчки и приблизилъ ихъ ближе къ Ипполиту, чтобы свѣтлѣе было читать.

— Господа, это.... это вы увидите сейчасъ что такое, прибавилъ для чего-то Ипполитъ и вдругъ началъ чтеніе: „Необходимое объясненіе“. Эпиграфъ: „Après moi le déluge....“ Фу, чортъ возьми! вскрикнулъ онъ точно обжегшись: — неужели я могъ серіозно поставить такой глупый эпиграфъ?... Послушайте, господа!... увѣряю васъ, что все это въ концѣ концовъ, можетъ-быть, ужаснѣйшіе пустяки! Тутъ только нѣкоторыя мои мысли.... Если вы думаете, что тутъ.... что-нибудь таинственное или.... запрещенное.... однимъ словомъ....

— Читали бы безъ предисловій, перебилъ Ганя.

— Завилялъ! прибавилъ кто-то.

— Разговору много, ввернулъ молчавшій все время Рогожинъ.

Ипполитъ вдругъ посмотрѣлъ на него, и когда глаза ихъ встрѣтились, Рогожинъ горько и желчно осклабился и медленно произнесъ странныя слова:

— Не такъ этотъ предметъ надо обдѣлывать, парень, не такъ....

Что хотѣлъ сказать Рогожинъ, конечно, никто не понялъ, но слова его произвели довольно странное впечатлѣніе на всѣхъ; всякаго тронула краюшкомъ какая-то одна, общая мысль. На Ипполита же слова эти произвели впечатлѣніе

[redacted]

ужасное: онъ такъ задрожалъ, что князь протянулъ было руку чтобы поддержать его, и онъ навѣрно бы вскрикнулъ, еслибы видимо не оборвался вдругъ его голосъ. Цѣлую минуту онъ не могъ выговорить слова и, тяжело дыша, все смотрѣлъ на Рогожина. Наконецъ, задыхаясь и съ чрезвычайнымъ усиліемъ, выговорилъ:

— Такъ это вы.... вы были.... вы?

— Что̀ былъ? Что̀ я? отвѣтилъ, недоумѣвая, Рогожинъ, но Ипполитъ, вспыхнувъ, и почти съ бѣшенствомъ, вдругъ его охватившимъ, рѣзко и сильно вскричалъ:

— *Вы* были у меня на прошлой недѣлѣ, ночью, во второмъ часу, въ тотъ день, когда я къ вамъ приходилъ утромъ, *вы!!* Признавайтесь, вы?

— На прошлой недѣлѣ, ночью? Да не спятилъ ли ты и впрямь съ ума, парень?

„Парень“ опять съ минуту помолчалъ, приставивъ указательный палецъ ко лбу и какъ бы соображая; но въ блѣдной, все такъ же кривившейся отъ страха улыбкѣ его мелькнуло вдругъ что-то какъ будто хитрое, даже торжествующее.

— Это были вы! повторилъ онъ наконецъ чуть не шепотомъ, но съ чрезвычайнымъ убѣжденіемъ:—*вы* приходили ко мнѣ и сидѣли молча у меня на стулѣ, у окна, цѣлый часъ; больше; въ первомъ и во второмъ часу пополуночи; вы потомъ встали и ушли въ третьемъ часу.... Это были вы, вы! Зачѣмъ вы пугали меня, зачѣмъ вы приходили мучить меня,— не понимаю, но это были вы!

И во взглядѣ его мелькнула вдругъ безконечная ненависть, несмотря на все еще неунимавшуюся въ немъ дрожь отъ испуга.

— Вы сейчасъ, господа, все это узнаете, я.... я.... слушайте....

Онъ опять, и ужасно торопясь, схватился за свои листочки; они расползлись и разрознились, онъ силился ихъ сложить; они дрожали въ его дрожавшихъ рукахъ; долго онъ не могъ устроиться.

— Помѣшался, али бредитъ! пробормоталъ чуть слышно Рогожинъ.

Чтеніе наконецъ началось. Въ началѣ, минутъ съ пять, авторъ неожиданной *статьи* все еще задыхался и читалъ безсвязно и неровно; но потомъ голосъ его отвердѣлъ и сталъ вполнѣ выражать смыслъ прочитаннаго. Иногда только

довольно сильный кашель прерывалъ его; съ половины статьи онъ сильно охрипъ; чрезвычайное одушевленіе, овладѣвавшее имъ все болѣе и болѣе по мѣрѣ чтенія, подъ конецъ достигло высшей степени, какъ и болѣзненное впечатлѣніе на слушателей. Вотъ вся эта „статья“:

„МОЕ НЕОБХОДИМОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ.“

„Après moi le déluge!

„Вчера утромъ былъ у меня князь; между прочимъ онъ уговорилъ меня переѣхать на свою дачу. Я такъ и зналъ, что онъ непремѣнно будетъ на этомъ настаивать, и увѣренъ былъ, что онъ такъ прямо и брякнетъ мнѣ, что мнѣ на дачѣ будетъ „легче умирать между людьми и деревьями“, какъ онъ выражается. Но сегодня онъ не сказалъ *умереть*, а сказалъ „будетъ легче прожить“, что̀ однакоже почти все равно для меня, въ моемъ положеніи. Я спросилъ его, что̀ онъ подразумѣваетъ подъ своими безпрерывными „деревьями“, и почему онъ мнѣ такъ навязываетъ эти „деревья“,—и съ удивленіемъ узналъ отъ него, что я самъ будто бы на томъ вечерѣ выразился, что пріѣзжалъ въ Павловскъ въ послѣдній разъ посмотрѣть на деревья. Когда я замѣтилъ ему, что вѣдь все равно умирать, что подъ деревьями, что смотря въ окно на мои кирпичи, и что для двухъ недѣль нечего такъ церемониться, то онъ тотчасъ же согласился; но зелень и чистый воздухъ, по его мнѣнію, непремѣнно произведутъ во мнѣ какую-нибудь физическую перемѣну, и мое волненіе и *мои сны* перемѣнятся и, можетъ-быть, облегчатся. Я опять замѣтилъ ему смѣясь, что онъ говоритъ какъ матеріалистъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ съ своею улыбкой, что онъ и всегда былъ матеріалистъ. Такъ какъ онъ никогда не лжетъ, то эти слова что-нибудь да означаютъ. Улыбка его хороша; я разглядѣлъ его теперь внимательнѣе. Я не знаю, люблю или не люблю я его теперь; теперь мнѣ некогда съ этимъ возиться. Моя пятимѣсячная ненависть къ нему, надо замѣтить, въ послѣдній мѣсяцъ стала совсѣмъ утихать. Кто знаетъ, можетъ-быть, я пріѣзжалъ въ Павловскъ, главное, чтобъ его увидать. Но.... зачѣмъ я оставлялъ тогда мою комнату? Приговоренный къ смерти не долженъ оставлять своего угла; и еслибы теперь я не принялъ окончательнаго рѣшенія, а рѣшился бы, напротивъ, ждать до послѣдняго часу, то конечно

[redacted]

не оставилъ бы моей комнаты ни за что̀ и не принялъ бы предложенія переселиться къ нему „умирать“ въ Павловскъ.

„Мнѣ нужно поспѣшить и кончить все это „объясненіе“ непремѣнно до завтра. Стало-быть, у меня не будетъ времени перечитать и поправить; перечту завтра, когда буду читать князю и двумъ, тремъ свидѣтелямъ, которыхъ намѣренъ найдти у него. Такъ какъ тутъ не будетъ ни одного слова лжи, а все одна правда, послѣдняя и торжественная, то мнѣ заранѣе любопытно, какое впечатлѣніе она произведетъ на меня самого въ тотъ часъ и въ ту минуту, когда я стану перечитывать? Впрочемъ, я напрасно написалъ слова: „правда послѣдняя и торжественная“; для двухъ недѣль и безъ того лгать не стóитъ, потому что жить двѣ недѣли не стóитъ; это самое лучшее доказательство, что я напишу одну правду. (NB. Не забыть мысли: не сумашедшій ли я въ эту минуту, то-есть минутами? Мнѣ сказали утвердительно, что чахоточные въ послѣдней степени иногда сходятъ съ ума на время. Провѣрить это завтра за чтеніемъ, по впечатлѣнію на слушателей. Этотъ вопросъ непремѣнно разрѣшить въ полной точности; иначе нельзя ни къ чему приступить.)

„Мнѣ кажется, я написалъ сейчасъ ужасную глупость; но переправлять мнѣ нѣкогда, я сказалъ; кромѣ того, я даю себѣ слово нарочно не переправлять въ этой рукописи ни одной строчки, даже еслибъ я самъ замѣтилъ, что противорѣчу себѣ чрезъ каждыя пять строкъ. Я хочу именно опредѣлить завтра за чтеніемъ правильно ли логическое теченіе моей мысли; замѣчаю ли я ошибки мои и вѣрно ли, стало-быть, все то, что̀ я въ этой комнатѣ въ эти шесть мѣсяцевъ передумалъ, или только одинъ бредъ.

„Еслибъ еще два мѣсяца тому назадъ мнѣ пришлось, какъ теперь, оставлять совсѣмъ мою комнату и проститься съ Мейеровою стѣной, то я увѣренъ, мнѣ было бы грустно. Теперь же я ничего не ощущаю, а между тѣмъ завтра оставляю и комнату, и стѣну, *на вѣки!* Стало-быть, убѣжденіе мое, что для двухъ недѣль не стóитъ уже сожалѣть или предаваться какимъ-нибудь ощущеніямъ, одолѣло моею природой и можетъ уже теперь приказывать всѣмъ моимъ чувствамъ. Но правда ли это? Правда ли, что моя природа побѣждена теперь совершенно? Еслибы меня стали теперь пытать, то я бы сталъ навѣрно кричать и не сказалъ бы, что не стóитъ кричать и чувствовать боль, потому что двѣ недѣли только осталось жить.

„Но правда ли то, что мнѣ только двѣ недѣли жить остается, а не больше? Тогда въ Павловскѣ я солгалъ: Б—нъ мнѣ ничего не говорилъ и никогда не видалъ меня; но съ недѣлю назадъ ко мнѣ приводили студента Кислородова; по убѣжденіямъ своимъ, онъ матеріалистъ, атеистъ и нигилистъ, вотъ почему я именно его и позвалъ: мнѣ надо было человѣка, чтобы сказалъ мнѣ наконецъ голую правду, не нѣжничая и безъ церемоніи. Такъ онъ и сдѣлалъ, и не только съ готовностію и безъ церемоніи, но даже съ видимымъ удовольствіемъ (что̀, по-моему, ужъ и лишнее). Онъ брякнулъ мнѣ прямо, что мнѣ осталось около мѣсяца; можетъ-быть, нѣсколько больше, если будутъ хорошія обстоятельства; но можетъ-быть, даже и гораздо раньше умру. По его мнѣнію, я могу умереть и внезапно, даже напримѣръ завтра: такіе факты бывали, и не далѣе какъ третьяго дня одна молодая дама, въ чахоткѣ и въ положеніи, сходномъ съ моимъ, въ Коломнѣ, собиралась идти на рынокъ покупать провизію, но вдругъ почувствовала себя дурно, легла на диванъ, вздохнула и умерла. Все это Кислородовъ сообщилъ мнѣ даже съ нѣкоторою щеголеватостію безчувствія и неосторожности, и какъ будто дѣлая мнѣ тѣмъ честь, то-есть показывая тѣмъ, что принимаетъ и меня за такое же всеотрицающее высшее существо какъ и самъ онъ, которому умереть, разумѣется, ничего не стоитъ. Въ концѣ концовъ все-таки фактъ облиневанный: мѣсяцъ и никакъ не болѣе! Что онъ не ошибся въ томъ, я совершенно увѣренъ.

„Удивило меня очень, почему князь такъ угадалъ давеча, что я вижу „дурные сны“; онъ сказалъ буквально что въ Павловскѣ „мое волненіе и *сны*“ перемѣнятся. И почему же сны? Онъ или медикъ, или въ самомъ дѣлѣ необыкновеннаго ума и можетъ очень многое угадывать. (Но что онъ въ концѣ концовъ „идіотъ“—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.) Какъ нарочно предъ самымъ его приходомъ я видѣлъ одинъ хорошенькій сонъ (впрочемъ изъ тѣхъ, которые мнѣ теперь снятся сотнями). Я заснулъ,—я думаю за часъ до его прихода,—и видѣлъ, что я въ одной комнатѣ (но не въ моей). Комната больше и выше моей, лучше меблирована, свѣтлая; шкафъ, комодъ, диванъ и моя кровать, большая и широкая и покрытая зеленымъ шелковымъ стеганымъ одѣяломъ. Но въ этой комнатѣ я замѣтилъ одно ужасное животное, какое-то чудовище. Оно было въ родѣ скорпіона, но не скорпіонъ, а

[redacted]

гаже и гораздо ужаснѣе, и кажется, именно тѣмъ, что такихъ животныхъ въ природѣ нѣтъ, и что оно *нарочно* у меня явилось и что въ этомъ самомъ заключается будто бы какая-то тайна. Я его очень хорошо разглядѣлъ: оно коричневое и скорлупчатое, пресмыкающійся гадъ, длиной вершка въ четыре, у головы толщиной въ два пальца, къ хвосту постепенно тоньше, такъ что самый кончикъ хвоста толщиной не больше десятой доли вершка. На вершокъ отъ головы, изъ туловища выходятъ, подъ угломъ въ сорокъ пять градусовъ, двѣ лапы, по одной съ каждой стороны, вершка по два длиной, такъ что все животное представляется, если смотрѣть сверху, въ видѣ трезубца. Головы я не разсмотрѣлъ, но видѣлъ два усика, не длинные, въ видѣ двухъ крѣпкихъ иглъ, то же коричневые. Такіе же два усика на концѣ хвоста и на концѣ каждый изъ лапъ, всего, стало-быть, восемь усиковъ. Животное бѣгало по комнатѣ очень быстро, упираясь лапами и хвостомъ, и когда бѣжало, то и туловище и лапы извивались какъ змѣйки, съ необыкновенною быстротой, несмотря на скорлупу, и на это было очень гадко смотрѣть. Я ужасно боялся, что оно меня ужалитъ; мнѣ сказали, что оно ядовитое, но я больше всего мучился тѣмъ, кто его прислалъ въ мою комнату, что̀ хотятъ мнѣ сдѣлать, и въ чемъ тутъ тайна? Оно пряталось подъ комодъ, подъ шкафъ, заползало въ углы. Я сѣлъ на стулъ съ ногами и поджалъ ихъ подъ себя. Оно быстро перебѣжало наискось всю комнату и исчезло гдѣ-то около моего стула. Я въ страхѣ осматривался, но такъ какъ я сидѣлъ поджавъ ноги, то и надѣялся, что оно не всползетъ на стулъ. Вдругъ я услышалъ сзади меня, почти у головы моей, какой-то трескучій шелестъ; я обернулся и увидѣлъ, что гадъ всползаетъ по стѣнѣ и уже наравнѣ съ моею головой, и касается даже моихъ волосъ хвостомъ, который вертѣлся и извивался съ чрезвычайною быстротой. Я вскочилъ, исчезло и животное. На кровать я боялся лечь, чтобъ оно не заползло подъ подушку. Въ комнату пришли моя мать и какой-то ея знакомый. Они стали ловить гадину, но были спокойнѣе чѣмъ я и даже не боялись. Но они ничего не понимали. Вдругъ гадъ выползъ опять; онъ ползъ въ этотъ разъ очень тихо и какъ будто съ какимъ-то особымъ намѣреніемъ, медленно извиваясь, что̀ было еще отвратительнѣе, опять наискось комнаты, къ дверямъ. Тутъ моя мать отворила дверь и кликнула Норму, нашу собаку,— огромный тернёфъ,

черный и лохматый; умерла пять лѣтъ тому назадъ. Она бросилась въ комнату и стала надъ гадиной какъ вкопаная. Остановился и гадъ, но все еще извиваясь и пощелкивая по полу концами лапъ и хвоста. Животныя не могутъ чувствовать мистическаго испуга, если не ошибаюсь; но въ эту минуту мнѣ показалось, что въ испугѣ Нормы было что-то какъ-будто очень необыкновенное, какъ будто то же почти мистическое, и что она, стало-быть, тоже предчувствуетъ, какъ и я, что въ звѣрѣ заключается что-то роковое и какая-то тайна. Она медленно отодвигалась назадъ передъ гадомъ, тихо и осторожно ползшимъ на нее; онъ, кажется, хотѣлъ вдругъ на нее броситься и ужалить. Но несмотря на весь испугъ, Норма смотрѣла ужасно злобно, хоть и дрожала всѣми членами. Вдругъ она медленно оскалила свои страшные зубы, открыла всю свою огромную красную пасть, приноровилась, изловчилась, рѣшилась и вдругъ схватила гада зубами. Должно-быть, гадъ сильно рванулся чтобы выскользнуть, такъ что Норма еще разъ поймала его, уже на лету, и два раза всею пастью вобрала его въ себя, все на лету, точно глотая. Скорлупа затрещала на ея зубахъ; хвостикъ животнаго и лапы, выходившія изъ пасти, шевелились съ ужасною быстротой. Вдругъ Норма жалобно взвизгнула: гадина успѣла-таки ужалить ей языкъ. Съ визгомъ и воемъ она раскрыла отъ боли ротъ, и я увидѣлъ, что разгрызенная гадина еще шевелилась у нея поперекъ рта, выпуская изъ своего полураздавленнаго туловища на ея языкъ множество бѣлаго сока, похожаго на сокъ раздавленнаго чернаго таракана.... Тутъ я проснулся, и вошелъ князь."

— Господа, сказалъ Ипполитъ, вдругъ отрываясь отъ чтенія и даже почти застыдившись, — я не перечитывалъ, но, кажется, я дѣйствительно много лишняго написалъ. Этотъ сонъ....

— Есть-таки, поспѣшилъ ввернуть Ганя.

— Тутъ слишкомъ много личнаго, соглашаюсь, то-есть собственно обо мнѣ....

Говоря это Ипполитъ имѣлъ усталый и разслабленный видъ и обтиралъ потъ съ своего лба платкомъ.

— Да-съ, слишкомъ ужь собой интересуетесь, прошипѣлъ Лебедевъ.

— Я, господа, никого не принуждаю, опять-таки; кто не хочетъ, тотъ можетъ и удалиться.

[redacted]

— Прогоняетъ.... изъ чужаго дома, чуть слышно проворчалъ Рогожинъ.

— А какъ мы всѣ вдругъ встанемъ и удалимся? проговорилъ внезапно Фердыщенко, до сихъ поръ впрочемъ, не осмѣливавшійся вслухъ говорить.

Ипполитъ вдругъ опустилъ глаза и схватился за рукопись; но въ ту же секунду поднялъ опять голову, и сверкая глазами, съ двумя красными пятнами на щекахъ, проговорилъ, въ упоръ смотря на Фердыщенка:

— Вы меня совсѣмъ не любите!

Раздался смѣхъ; впрочемъ, большинство не смѣялось. Ипполитъ покраснѣлъ ужасно.

— Ипполитъ, сказалъ князь, — закройте вашу рукопись и отдайте ее мнѣ, а сами ложитесь спать здѣсь въ моей комнатѣ. Мы поговоримъ предъ сномъ и завтра; но съ тѣмъ, чтобъ ужь никогда не развертывать эти листы. Хотите?

— Развѣ это возможно? посмотрѣлъ на него Ипполитъ въ рѣшительномъ удивленіи.—Господа! крикнулъ онъ опять, лихорадочно оживляясь: — глупый эпизодъ, въ которомъ я не умѣлъ вести себя. Болѣе прерывать чтеніе не буду. Кто хочетъ слушать—слушай....

Онъ поскорѣй глотнулъ изъ стакана воды, поскорѣй облокотился на столъ, чтобы закрыться отъ взглядовъ, и съ упорствомъ сталъ продолжать чтеніе. Стыдъ скоро, впрочемъ, прошелъ....

„Идея о томъ (продолжалъ онъ читать), что не стóитъ жить нѣсколько недѣль, стала одолѣвать меня настоящимъ образомъ, я думаю, съ мѣсяцъ назадъ, когда мнѣ оставалось жить еще четыре недѣли, но совершенно овладѣла мной только три дня назадъ, когда я возвратился съ того вечера въ Павловскѣ. Первый моментъ полнаго, непосредственнаго проникновенія этою мыслью произошелъ на террасѣ у князя, именно въ то самое мгновеніе, когда я вздумалъ сдѣлать послѣднюю пробу жизни, хотѣлъ видѣть людей и деревья (пусть это я самъ говорилъ), горячился, настаивалъ на правѣ Бурдовскаго, „моего ближняго“, и мечталъ, что всѣ они вдругъ растопырятъ руки и примутъ меня въ свои объятія, и попросятъ у меня въ чемъ-то прощенія, а я у нихъ; однимъ словомъ, я кончилъ какъ бездарный дуракъ. И вотъ въ эти-то часы и вспыхнуло во мнѣ „послѣднее убѣжденіе“. Удивляюсь теперь, какимъ образомъ я могъ жить цѣлые

шесть мѣсяцевъ безъ этого „убѣжденія“! Я положительно зналъ, что у меня чахотка и неизлѣчимая; я не обманывалъ себя и понималъ дѣло ясно. Но чѣмъ яснѣе я его понималъ, тѣмъ судорожнѣе мнѣ хотѣлось жить; я цѣплялся за жизнь и хотѣлъ жить во что бы то ни стало. Согласенъ, что я могъ тогда злиться на темный и глухой жребій, распорядившійся раздавить меня какъ муху и, конечно, не зная зачѣмъ; но зачѣмъ же я не кончилъ одною злостью? Зачѣмъ я дѣйствительно *начиналъ* жить, зная, что мнѣ уже нельзя начинать; пробовалъ, зная, что мнѣ уже нечего пробовать? А между тѣмъ я даже книги не могъ прочесть и пересталъ читать: къ чему читать, къ чему узнавать на шесть мѣсяцевъ? Эта мысль заставляла меня не разъ бросать книгу.

„Да, эта Мейерова стѣна можетъ много пересказать! Много я на ней записалъ. Не было пятна на этой грязной стѣнѣ, котораго бы я не заучилъ. Проклятая стѣна! А все-таки она мнѣ дороже всѣхъ Павловскихъ деревьевъ, то-есть, должна бы быть всѣхъ дороже, еслибы мнѣ не было теперь все равно.

„Припоминаю теперь, съ какимъ жаднымъ интересомъ я сталъ слѣдить тогда за *ихнею* жизнью; такого интереса прежде не бывало. Я съ нетерпѣніемъ и съ бранью ждалъ иногда Колю, когда самъ становился такъ боленъ, что не могъ выходить изъ комнаты. Я до того вникалъ во всѣ мелочи, интересовался всякими слухами, что, кажется, сдѣлался сплетникомъ. Я не понималъ, напримѣръ, какъ эти люди, имѣя столько жизни, не умѣютъ сдѣлаться богачами (впрочемъ, не понимаю и теперь). Я зналъ одного бѣдняка, про котораго мнѣ потомъ разказывали что онъ умеръ съ голоду, и помню, это вывело меня изъ себя: еслибы можно было этого бѣдняка оживить, я бы, кажется, казнилъ его. Мнѣ иногда становилось легче на цѣлыя недѣли, и я могъ выходить на улицу; но улица стала наконецъ производить во мнѣ такое озлобленіе, что я по цѣлымъ днямъ нарочно сидѣлъ взаперти, хотя и могъ выходить какъ и всѣ. Я не могъ выносить этого шныряющаго, суетящагося, вѣчно озабоченнаго, угрюмаго и встревоженнаго народа, который сновалъ около меня по тротуарамъ? Къ чему ихъ вѣчная печаль, вѣчная ихъ тревога и суета; вѣчная, угрюмая злость ихъ (потому что они злы, злы, злы). Кто виноватъ, что они несчастны и не умѣютъ жить, имѣя впереди по шестидесяти лѣтъ жизни?

[redacted]

Зачѣмъ Зарницынъ допустилъ себя умереть съ голоду, имѣя у себя шестьдесятъ лѣтъ впереди? И каждый-то показываетъ свое рубище, свои рабочія руки, злится и кричитъ: „мы работаемъ какъ волы, мы трудимся, мы голодны какъ собаки и бѣдны! другіе не работаютъ и не трудятся, а они богаты!“ (Вѣчный припѣвъ!) Рядомъ съ ними бѣгаетъ и суетится съ утра до ночи какой-нибудь несчастный сморчокъ „изъ благородныхъ“, Иванъ Ѳомичъ Суриковъ,—въ нашемъ домѣ, надъ нами живетъ, — вѣчно съ продранными локтями, съ обсыпавшимися пуговицами, у разныхъ людей на посылкахъ, по чьимъ-нибудь порученіямъ, да еще съ утра до ночи. Разговоритесь съ нимъ: „бѣденъ, нищъ и убогъ, умерла жена, лѣкарства купить было не на что̀, а зимой заморозили ребенка; старшая дочь на содержанье пошла....“ вѣчно хнычетъ, вѣчно плачется! О, никакой, никакой во мнѣ не было жалости къ этимъ дуракамъ, ни теперь, ни прежде,—я съ гордостью это говорю! Зачѣмъ же онъ самъ не Ротшильдъ? Кто виноватъ, что у него нѣтъ милліоновъ, какъ у Ротшильда, что у него нѣтъ горы золотыхъ имперіаловъ и наполеондоровъ, такой горы, такой точно высокой горы, какъ на Масленицѣ подъ балаганами! Коли онъ живетъ, стало-быть, все въ его власти! Кто виноватъ, что онъ этого не понимаетъ?

„О, теперь мнѣ уже все равно, теперь уже мнѣ нѣкогда злиться, но тогда, тогда, повторяю, я буквально грызъ по ночамъ мою подушку и рвалъ мое одѣяло отъ бѣшенства. О, какъ я мечталъ тогда, какъ желалъ, какъ нарочно желалъ, чтобы меня, восемнадцатилѣтняго, едва одѣтаго, едва прикрытаго, выгнали вдругъ на улицу и оставили совершенно одного, безъ квартиры, безъ работы, безъ куска хлѣба, безъ родственниковъ, безъ единаго знакомаго человѣка въ огромнѣйшемъ городѣ, голоднаго, прибитаго (тѣмъ лучше!), но здороваго, и тутъ-то бы я показалъ....

„Что̀ показалъ?

„О, неужели вы полагаете, что я не знаю какъ унизилъ себя и безъ того уже моимъ „Объясненіемъ“! Ну, кто же не сочтетъ меня за сморчка, незнающаго жизни, забывъ, что мнѣ уже не восемнадцать лѣтъ; забывъ, что такъ жить, какъ я жилъ въ эти шесть мѣсяцевъ, значитъ уже дожить до сѣдыхъ волосъ! Но пусть смѣются и говорятъ, что все это сказки. Я и вправду разказывалъ себѣ сказки. Я напол-

налъ ими цѣлыя ночи мои напролетъ; я ихъ всѣ припоминаю теперь.

„Но неужели же мнѣ ихъ теперь опять пересказывать, — теперь, когда ужъ и для меня миновала пора сказокъ? И кому же! Вѣдь я тѣшился ими тогда, когда ясно видѣлъ, что мнѣ даже и грамматику греческую запрещено изучать, какъ разъ было мнѣ и вздумалось: „еще до синтаксиса не дойду какъ помру“, подумалъ я съ первой страницы и бросилъ книгу подъ столъ. Она и теперь тамъ валяется; я запретилъ Матренѣ ее подымать.

„Пусть тотъ, кому попадется въ руки мое „Объясненіе“, и у кого станетъ терпѣнія прочесть его, сочтетъ меня за помѣшаннаго, или даже за гимназиста, а вѣрнѣе всего за приговореннаго къ смерти, которому естественно стало казаться, что всѣ люди, кромѣ него, слишкомъ жизнью не дорожатъ, слишкомъ дешево повадились тратить ее, слишкомъ лѣниво, слишкомъ безсовѣстно ею пользуются, а стало-быть всѣ до единаго не достойны ея! И что̀ же? я объявляю, что читатель мой ошибется, и что убѣжденіе мое совершенно независимо отъ моего смертнаго приговора. Спросите, спросите ихъ только, какъ они всѣ, сплошь до единаго, понимаютъ въ чемъ счастье? О, будьте увѣрены, что Колумбъ былъ счастливъ не тогда, когда открылъ Америку, а когда открывалъ ее; будьте увѣрены, что самый высокій моментъ его счастья былъ, можетъ-быть, ровно за три дня до открытія Новаго Свѣта, когда бунтующій экипажъ въ отчаяніи чуть не поворотилъ корабля въ Европу, назадъ! Не въ Новомъ Свѣтѣ тутъ дѣло, хотя бы онъ провалился. Колумбъ померъ почти не видавъ его и, въ сущности, не зная что̀ онъ открылъ? Дѣло въ жизни, въ одной жизни, — въ открываніи ея, безпрерывномъ и вѣчномъ, а совсѣмъ не въ открытіи! Но что̀ говорить! Я подозрѣваю, что все что̀ я говорю теперь такъ похоже на самыя общія фразы, что меня навѣрно сочтутъ за ученика низшаго класса, представляющаго свое сочиненіе на „восходъ солнца“, или скажутъ, что я, можетъ-быть, и хотѣлъ что-то высказать, но при всемъ моемъ желаніи не сумѣлъ.... „объясниться“. Но однакожь прибавлю, что во всякой геніальной или новой человѣческой мысли, или просто даже во всякой серіозной человѣческой мысли, зараждающейся въ чьей-нибудь головѣ, всегда остается нѣчто такое, чего никакъ нельзя передать другимъ

[redacted]

людямъ, хотя бы вы исписали цѣлые томы и растолковывали вашу мысль тридцать пять лѣтъ; всегда останется нѣчто, что ни за что не захочетъ выйдти изъ-подъ вашего черепа и останется при васъ на вѣки; съ тѣмъ вы и умрете, не передавъ никому можетъ-быть самаго-то главнаго изъ вашей идеи. Но если и я теперь тоже не сумѣлъ передать всего того, что меня въ эти шесть мѣсяцевъ мучило, то по крайней мѣрѣ поймутъ, что достигнувъ моего теперешняго „послѣдняго убѣжденія", я слишкомъ, можетъ-быть, дорого заплатилъ за него; вотъ это-то я и считалъ необходимымъ, для извѣстныхъ мнѣ цѣлей, выставить на видъ въ моемъ „Объясненіи".

„Но однакожь я продолжаю.

VI.

„Не хочу солгать: дѣйствительность ловила и меня на крючокъ въ эти шесть мѣсяцевъ и до того иногда увлекала, что я забывалъ о моемъ приговорѣ или, лучше, не хотѣлъ о немъ думать и даже дѣлалъ дѣла. Кстати о тогдашней моей обстановкѣ. Когда я, мѣсяцевъ восемь назадъ, сталъ ужь очень боленъ, то прекратилъ всѣ мои сношенія и оставилъ всѣхъ бывшихъ моихъ товарищей. Такъ какъ я и всегда былъ человѣкъ довольно угрюмый, то товарищи легко забыли меня; конечно, они забыли бы меня и безъ этого обстоятельства. Обстановка моя дома, то-есть „въ семействѣ", была тоже уединенная. Мѣсяцевъ пять назадъ я разъ на всегда заперся изнутри и отдѣлилъ себя отъ комнатъ семьи совершенно. Меня постоянно слушались, и никто не смѣлъ войдти ко мнѣ, кромѣ какъ въ опредѣленный часъ убрать комнату и принести мнѣ обѣдать. Мать трепетала предъ моими приказаніями и даже не смѣла предо мною нюнить, когда я рѣшался иногда впускать ее къ себѣ. Дѣтей она постоянно за меня колотила, чтобы не шумѣли и меня не безпокоили; я-таки часто на ихъ крикъ жаловался; то-то, должно-быть, они меня теперь любятъ! „Вѣрнаго Колю", какъ я его прозвалъ, я тоже, думаю, мучилъ порядочно. Въ послѣднее время и онъ меня мучилъ: все это было натурально, люди и созданы чтобы другъ друга мучить. Но я замѣтилъ, что онъ переноситъ мою раздражительность такъ, какъ будто заранѣе далъ себѣ слово щадить больнаго. Естественно, это меня

раздражало; но, кажется, онъ вздумалъ подражать князю въ „христіанскомъ смиреніи“, что было уже нѣсколько смѣшно. Это мальчикъ молодой и горячій и, конечно, всему подражаетъ; но мнѣ казалось иногда, что ему пора бы жить и своимъ умомъ. Я его очень люблю. Мучилъ я тоже и Сурикова, жившаго надъ нами и бѣгавшаго съ утра до ночи по чьимъ-то порученіямъ; я постоянно доказывалъ ему, что онъ самъ виноватъ въ своей бѣдности, такъ что онъ наконецъ испугался и ходить ко мнѣ пересталъ. Это очень смиренный человѣкъ, смиреннѣйшее существо (NB. Говорятъ, смиреніе есть страшная сила; надо справиться объ этомъ у князя, это его собственное выраженіе); но когда я, въ мартѣ мѣсяцѣ, поднялся къ нему на верхъ, чтобы посмотрѣть какъ они тамъ „заморозили“, по его словамъ, ребенка, и нечаянно усмѣхнулся надъ трупомъ его младенца, потому что сталъ опять объяснять Сурикову, что онъ „самъ виноватъ“, то у этого сморчка вдругъ задрожали губы, и онъ, одною рукой схвативъ меня за плечо, другою показалъ мнѣ дверь и тихо, то-есть чуть не шепотомъ, проговорилъ мнѣ: „ступайте-съ!“ Я вышелъ, и мнѣ это очень понравилось, понравилось тогда же, даже въ ту самую минуту какъ онъ меня выводилъ; но слова его долго производили на меня потомъ, при воспоминаніи, тяжелое впечатлѣніе какой-то странной, презрительной къ нему жалости, которой бы я вовсе не хотѣлъ ощущать. Даже въ минуту такого оскорбленія (я вѣдь чувствую же, что я оскорбилъ его, хоть и не имѣлъ этого намѣренія), даже въ такую минуту этотъ человѣкъ не могъ разозлиться! Запрыгали у него тогда губы вовсе не отъ злости, я клятву даю: схватилъ онъ меня за руку и выговорилъ свое великолѣпное „ступайте-съ“ рѣшительно не сердясь. Достоинство было, даже много, даже вовсе ему и не къ лицу (такъ что, по правдѣ, тутъ много было и комическаго), но злости не было. Можетъ-быть, онъ просто вдругъ сталъ презирать меня. Съ той поры, раза два, три, какъ я встрѣтилъ его на лѣстницѣ, онъ сталъ вдругъ снимать предо мной шляпу, чего никогда прежде не дѣлывалъ, но уже не останавливался, какъ прежде, а пробѣгалъ, сконфузившись, мимо. Если онъ и презиралъ меня, то все-таки по-своему: онъ „*смиренно* презиралъ“. А можетъ-быть, онъ снималъ свою шляпу просто изъ страха, какъ сыну своей кредиторши, потому что онъ матери моей постоянно долженъ и никакъ не въ силахъ выкарабкаться изъ

[redacted]

долговъ. И даже это всего вѣроятнѣе. Я хотѣлъ было съ нимъ объясниться, и знаю навѣрно, что онъ чрезъ десять минутъ сталъ бы просить у меня прощенія; но я разсудилъ, что лучше его ужь не трогать.

„Въ это самое время, то-есть около того времени какъ Суриковъ „заморозилъ“ ребенка, около половины марта, мнѣ стало вдругъ почему-то гораздо легче, и такъ продолжалось недѣли двѣ. Я сталъ выходить, всего чаще подъ сумерки. Я любилъ мартовскія сумерки, когда начинало морозить и когда зажигали газъ; ходилъ иногда далеко. Разъ, въ Шестилавочной, меня обогналъ въ темнотѣ какой-то „изъ благородныхъ“, я его не разглядѣлъ хорошенько; онъ несъ что-то завернутое въ бумагѣ и одѣтъ былъ въ какомъ-то кургузомъ и безобразномъ пальтишкѣ,—не по сезону легко. Когда онъ поровнялся съ фонаремъ, шагахъ предо мной въ десяти, я замѣтилъ, что у него что-то выпало изъ кармана. Я поспѣшилъ поднять—и было время, потому что уже подскочилъ какой-то въ длинномъ кафтанѣ, но увидѣвъ вещь въ моихъ рукахъ, спорить не сталъ, бѣгло заглянулъ мнѣ въ руки и проскользнулъ мимо. Эта вещь была большой, сафьянный, стараго устройства и туго набитый бумажникъ; но почему-то я съ перваго взгляда угадалъ, что въ немъ было чтò угодно, но только не деньги. Потерявшій прохожій шелъ уже шагахъ въ сорока предо мной и скоро за толпой пропалъ изъ виду. Я побѣжалъ и сталъ ему кричать; но такъ какъ кромѣ „эй!“ мнѣ нечего было крикнуть, то онъ и не обернулся. Вдругъ онъ шмыгнулъ налѣво, въ ворота одного дома. Когда я вбѣжалъ въ ворота, подъ которыми было очень темно, уже никого не было. Домъ былъ огромной величины, одна изъ тѣхъ громадинъ, которыя строятся аферистами для мелкихъ квартиръ; въ иныхъ изъ такихъ домовъ бываетъ иногда нумеровъ до ста. Когда я пробѣжалъ ворота, мнѣ показалось, что въ правомъ, заднемъ углу огромнаго двора какъ будто идетъ человѣкъ, хотя въ темнотѣ я едва лишь могъ различать. Добѣжавъ до угла, я увидѣлъ входъ на лѣстницу; лѣстница была узкая, чрезвычайно грязная и совсѣмъ не освѣщенная; но слышалось, что въ высотѣ взбѣгалъ еще по ступенькамъ человѣкъ, и я пустился на лѣстницу, разсчитывая, что покамѣсть ему гдѣ-нибудь отопрутъ, я его догоню. Такъ и вышло. Лѣстницы были прекоротенькія, число ихъ было безконечное, такъ что я ужасно задохся: дверь

отворили и затворили опять въ пятомъ этажѣ, я это угадалъ еще тремя лѣстницами ниже. Покамѣсть я взбѣжалъ, пока отдышался на площадкѣ, пока искалъ звонка, прошло нѣсколько минутъ. Мнѣ отворила наконецъ одна баба, которая въ крошечной кухнѣ вздувала самоваръ; она выслушала молча мои вопросы, ничего, конечно, не поняла и молча отворила мнѣ дверь въ слѣдующую комнату, тоже маленькую, ужасно низенькую, съ скверною необходимою мебелью и съ широкою огромною постелью подъ занавѣсками, на которой лежалъ „Терентьичъ" (такъ кликнула баба), мнѣ показалось, хмѣльной. На столѣ догоралъ огарокъ въ желѣзномъ ночникѣ и стоялъ полуштофъ, почти опорожненный. Терентьичъ что-то промычалъ мнѣ, лежа, и махнулъ на слѣдующую дверь, а баба ушла, такъ что мнѣ ничего не оставалось какъ отворить эту дверь. Я такъ и сдѣлалъ, и вошелъ въ слѣдующую комнату.

„Эта комната была еще уже и тѣснѣе предыдущей, такъ что я не зналъ даже гдѣ повернуться; узкая, односпальная кровать въ углу занимала ужасно много мѣста; прочей мебели было всего три простые стула, загроможденные всякими лохмотьями, и самый простой кухонный, деревянный столъ предъ старенькимъ клеенчатымъ диваномъ, такъ что между столомъ и кроватью почти уже нельзя было пройдти. На столѣ горѣлъ такой же желѣзный ночникъ съ сальною свѣчкой, какъ и въ той комнатѣ, а на кровати пищалъ крошечный ребенокъ, всего, можетъ-быть, трехнедѣльный, судя по крику; его „перемѣняла", то-есть перепеленывала, больная и блѣдная женщина, кажется, молодая, въ сильномъ неглиже и, можетъ-быть, только-что начинавшая вставать послѣ родовъ; но ребенокъ не унимался и кричалъ, въ ожиданіи тощей маминой груди. На диванѣ спалъ другой ребенокъ, трехлѣтняя дѣвочка, прикрытая, кажется, фракомъ. У стола стоялъ господинъ въ очень истрепанномъ сюртукѣ (онъ уже снялъ пальто, и оно лежало на кровати) и развертывалъ синюю бумагу, въ которой было завернуто фунта два пшеничнаго хлѣба и двѣ маленькія колбасы. На столѣ, кромѣ того, былъ чайникъ съ чаемъ и валялись куски чернаго хлѣба. Изъ-подъ кровати высовывался незапертый чемоданъ, и торчали два узла съ какимъ-то тряпьемъ.

„Однимъ словомъ, былъ страшный безпорядокъ. Мнѣ показалось съ перваго взгляда, что оба они, и господинъ, и

[redacted]

дама—люди порядочные, но доведенные бѣдностью до того унизительнаго состоянія, въ которомъ безпорядокъ одолѣваетъ наконецъ всякую попытку бороться съ нимъ и даже доводитъ людей до горькой потребности находить въ самомъ безпорядкѣ этомъ, каждый день увеличивающемся, какое-то горькое и какъ будто мстительное ощущеніе удовольствія.

„Когда я вошелъ, господинъ этотъ, тоже только-что предо мною вошедшій и развертывавшій свои припасы, о чемъ-то быстро и горячо переговаривался съ женой; та, хоть и не кончила еще пеленанія, но уже успѣла занюнить; извѣстія были, должно-быть, скверныя, по обыкновенію. Лицо этого господина, которому было лѣтъ двадцать восемь на видъ, смуглое и сухое, обрамленное черными бакенбардами, съ выбритымъ до лоску подбородкомъ, показалось мнѣ довольно приличнымъ и даже пріятнымъ; оно было угрюмо, съ угрюмымъ взглядомъ, но съ какимъ-то болѣзненнымъ оттѣнкомъ гордости, слишкомъ легко раздражающейся. Когда я вошелъ, произошла странная сцена.

„Есть люди, которые въ своей раздражительной обидчивости находятъ чрезвычайное наслажденіе, и особенно когда она въ нихъ доходитъ (что̀ случается всегда очень быстро) до послѣдняго предѣла; въ это мгновеніе имъ даже, кажется, пріятнѣе быть обиженными чѣмъ необиженными. Эти раздражающіеся всегда потомъ ужасно мучатся раскаяніемъ, если они умны, разумѣется, и въ состояніи сообразить, что разгорячились въ десять разъ болѣе чѣмъ слѣдовало. Господинъ этотъ нѣкоторое время смотрѣлъ на меня съ изумленіемъ, а жена съ испугомъ, какъ будто въ томъ была страшная диковина, что и къ нимъ кто-нибудь могъ войдти; но вдругъ онъ набросился на меня чуть не съ бѣшенствомъ; я не успѣлъ еще пробормотать двухъ словъ, а онъ, особенно видя что я одѣтъ порядочно, почелъ, должно-быть, себя страшно обиженнымъ тѣмъ, что я осмѣлился такъ безцеремонно заглянуть въ его уголъ и увидать всю безобразную обстановку, которой онъ самъ такъ стыдился. Конечно, онъ обрадовался случаю сорвать хоть на комъ-нибудь свою злость на всѣ свои неудачи. Одну минуту я даже думалъ, что онъ бросится въ драку; онъ поблѣднѣлъ точно въ женской истерикѣ и ужасно испугалъ жену.

„— Какъ вы смѣли такъ войдти? Вонъ! кричалъ онъ, дрожа

и даже едва выговаривая слова. Но вдругъ онъ увидалъ въ рукахъ моихъ свой бумажникъ.

„— Кажется, вы обронили, сказалъ я какъ можно спокойнѣе и суше. (Такъ, впрочемъ, и слѣдовало.)

„Тотъ стоялъ предо мной въ совершенномъ испугѣ и нѣкоторое время какъ будто понять ничего не могъ; потомъ быстро схватился за свой боковой карманъ, разинулъ ротъ отъ ужаса и ударилъ себя рукой по лбу.

„— Боже! Гдѣ вы нашли? Какимъ образомъ?

„Я объяснилъ въ самыхъ короткихъ словахъ и по возможности еще суше, какъ я поднялъ бумажникъ, какъ я бѣжалъ и звалъ его и какъ, наконецъ, по догадкѣ и почти ощупью, взбѣжалъ за нимъ по лѣстницѣ.

„— О, Боже! вскрикнулъ онъ, обращаясь къ женѣ: — тутъ всѣ наши документы, тутъ мои послѣдніе инструменты, тутъ все.... о, милостивый государь, знаете ли вы, что̀ вы для меня сдѣлали? Я бы пропалъ!

„Я схватился между тѣмъ за ручку двери, чтобы, не отвѣчая, уйдти; но я самъ задыхался, и вдругъ волненіе мое разразилось такимъ сильнѣйшимъ припадкомъ кашля, что я едва могъ устоять. Я видѣлъ какъ господинъ бросался во всѣ стороны, чтобы найдти мнѣ порожній стулъ, какъ онъ схватилъ, наконецъ, съ одного стула лохмотья, бросилъ ихъ на полъ и, торопясь, подалъ мнѣ стулъ, осторожно меня усаживая. Но кашель мой продолжался и не унимался еще минуты три. Когда я очнулся, онъ уже сидѣлъ подлѣ меня на другомъ стулѣ, съ котораго тоже, вѣроятно, сбросилъ лохмотья на полъ, и пристально въ меня всматривался.

„— Вы, кажется.... страдаете? проговорилъ онъ тѣмъ тономъ, какимъ обыкновенно говорятъ доктора, приступая къ больному. — Я самъ.... медикъ (онъ не сказалъ: докторъ),—и проговоривъ это, онъ для чего-то указалъ мнѣ рукой на комнату, какъ бы протестуя противъ своего теперешняго положенія,—я вижу, что вы....

„— У меня чахотка, проговорилъ я какъ можно короче и всталъ.

„Вскочилъ тотчасъ и онъ.

„— Можетъ-быть, вы преувеличиваете и.... принявъ средства....

„Онъ былъ очень сбитъ съ толку и какъ будто все еще не

[redacted]

могъ прійдти въ себя; бумажникъ торчалъ у него въ лѣвой рукѣ.

„— О, не безпокойтесь, перебилъ я опять, хватаясь за ручку двери, — меня смотрѣлъ на прошлой недѣлѣ Б—въ (опять я ввернулъ тутъ Б—на),—и дѣло мое рѣшеное. Извините....

„Я было опять хотѣлъ отворить дверь и оставить моего сконфузившагося, благодарнаго и раздавленнаго стыдомъ доктора, но проклятый кашель какъ разъ опять захватилъ меня. Тутъ мой докторъ настоялъ, чтобъ я опять присѣлъ отдохнуть; онъ обратился къ женѣ, и та, не оставляя своего мѣста, проговорила мнѣ нѣсколько благодарныхъ и привѣтливыхъ словъ. При этомъ она очень сконфузилась, такъ что даже румянецъ заигралъ на ея блѣдно-желтыхъ, сухихъ щекахъ. Я остался, но съ такимъ видомъ, который каждую секунду показывалъ, что ужасно боюсь ихъ стѣснить (такъ и слѣдовало). Раскаяніе моего доктора, наконецъ, замучило его, я это видѣлъ.

„— Если я.... началъ онъ, поминутно обрывая и перескакивая,—я такъ вамъ благодаренъ и такъ виноватъ предъ вами.... я.... вы видите....—онъ опять указалъ на комнату, — въ настоящую минуту я нахожусь въ такомъ положеніи....

„— О, сказалъ я,—нечего и видѣть; дѣло извѣстное; вы, должно-быть, потеряли мѣсто и пріѣхали объясняться и опять искать мѣста?

„— Почему.... вы узнали? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

„— Съ перваго взгляда видно, отвѣчалъ я поневолѣ насмѣшливо,—сюда много пріѣзжаютъ изъ провинцій съ надеждами, бѣгаютъ и такъ вотъ и живутъ.

„Онъ вдругъ заговорилъ съ жаромъ, съ дрожащими губами; онъ сталъ жаловаться, сталъ разказывать и, признаюсь, увлекъ меня; я просидѣлъ у него почти часъ. Онъ разказалъ мнѣ свою исторію, впрочемъ, очень обыкновенную. Онъ былъ лѣкаремъ въ губерніи, имѣлъ казенное мѣсто, но тутъ начались какія-то интриги, въ которыя вмѣшали даже жену его. Онъ погордился, погорячился; произошла перемѣна губернскаго начальства въ пользу враговъ его; подъ него подкопались, пожаловались; онъ потерялъ мѣсто и на послѣднія средства пріѣхалъ въ Петербургъ объясняться; въ Петербургѣ, извѣстно, его долго не слушали, потомъ выслушали, потомъ отвѣчали отказомъ, потомъ поманили обѣщаніями, потомъ

отвѣчали строгостію, потомъ велѣли ему что-то написать въ объясненіе, потомъ отказались принять что онъ написалъ, велѣли подать просьбу,—однимъ словомъ, онъ бѣгалъ уже пятый мѣсяцъ, проѣлъ все; послѣднія женнины тряпки были въ закладѣ, а тутъ родился ребенокъ и, и.... „сегодня заключительный отказъ на поданную просьбу, а у меня почти хлѣба нѣтъ, ничего нѣтъ, жена родила. Я, я....“

„Онъ вскочилъ со стула и отвернулся. Жена его плакала въ углу, ребенокъ началъ опять пищать. Я вынулъ мою записную книжку и сталъ въ нее записывать. Когда я кончилъ и всталъ, онъ стоялъ предо мной и глядѣлъ съ боязливымъ любопытствомъ.

„— Я записалъ ваше имя, сказалъ я ему,—ну, и все прочее: мѣсто служенія, имя вашего губернатора, числа, мѣсяцы. У меня есть одинъ товарищъ, еще по школѣ, Бахмутовъ, а у него дядя Петръ Матвѣевичъ Бахмутовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и служитъ директоромъ....

„— Петръ Матвѣевичъ Бахмутовъ! вскрикнулъ мой медикъ, чуть не задрожавъ:—но вѣдь отъ него-то почти все и зависитъ!

„Въ самомъ дѣлѣ, въ исторіи моего медика и въ развязкѣ ея, которой я нечаянно способствовалъ, все сошлось и уладилось, какъ будто нарочно было къ тому приготовлено, рѣшительно точно въ романѣ. Я сказалъ этимъ бѣднымъ людямъ, чтобъ они постарались не имѣть никакихъ на меня надеждъ, что я самъ бѣдный гимназистъ (я нарочно преувеличилъ униженіе; я давно кончилъ курсъ и не гимназистъ), и что имени моего нечего имъ знать, но что я пойду сейчасъ же на Васильевскій островъ къ моему товарищу Бахмутову, и такъ какъ я знаю навѣрно, что его дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ, холостякъ и не имѣющій дѣтей, рѣшительно благоговѣетъ предъ своимъ племянникомъ и любитъ его до страсти, видя въ немъ послѣднюю отрасль своей фамиліи, то „можетъ-быть, мой товарищъ и сможетъ сдѣлать что-нибудь для васъ и для меня, конечно, у своего дяди....“

„— Мнѣ бы только дозволили объясниться съ его превосходительствомъ! Только бы я возмогъ получить честь объяснить на словахъ! воскликнулъ онъ, дрожа какъ въ лихорадкѣ и съ сверкавшими глазами. Онъ такъ и сказалъ: *возмогъ*. Повторивъ еще разъ, что дѣло навѣрно лопнетъ, и все

[redacted]

окажется вздоромъ, а прибавилъ, что если завтра утромъ я къ вамъ не приду, то значитъ дѣло кончено, и имъ нечего ждать. Они выпроводили меня съ поклонами, они были почти не въ своемъ умѣ. Никогда не забуду выраженія ихъ лицъ. Я взялъ извощика и тотчасъ же отправился на Васильевскій островъ.

„Съ этимъ Бахмутовымъ въ гимназіи, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, я былъ въ постоянной враждѣ. У насъ онъ считался аристократомъ, по крайней мѣрѣ я такъ называлъ его: прекрасно одѣвался, пріѣзжалъ на своихъ лошадяхъ, нисколько не фанфаронилъ, всегда былъ превосходный товарищъ, всегда былъ необыкновенно веселъ и даже иногда очень остеръ, хотя ума былъ совсѣмъ не далекаго, несмотря на то что всегда былъ первымъ въ классѣ; я же никогда, ни въ чемъ не былъ первымъ. Всѣ товарищи любили его, кромѣ меня одного. Онъ нѣсколько разъ въ эти нѣсколько лѣтъ подходилъ ко мнѣ; но я каждый разъ угрюмо и раздражительно отъ него отворачивался. Теперь я уже не видалъ его съ годъ; онъ былъ въ университетѣ. Когда, часу въ девятомъ, я вошелъ къ нему (при большихъ церемоніяхъ: обо мнѣ докладывали), онъ встрѣтилъ меня сначала съ удивленіемъ, вовсе даже не привѣтливо, но тотчасъ повеселѣлъ и, глядя на меня, вдругъ расхохотался.

„— Да что̀ это вздумалось вамъ придти ко мнѣ, Терентьевъ? вскричалъ онъ со своею всегдашнею, милою развязностію, иногда дерзкою, но никогда не оскорблявшею, которую я такъ въ немъ любилъ и за которую такъ его ненавидѣлъ.— Но что̀ это, вскричалъ онъ съ испугомъ, — вы такъ больны!

„Кашель меня замучилъ опять, я упалъ на стулъ и едва могъ отдышаться.

„— Не безпокойтесь, у меня чахотка, сказалъ я, — я къ вамъ съ просьбой.

„Онъ усѣлся съ удивленіемъ, и я тотчасъ же изложилъ ему всю исторію доктора и объяснилъ, что самъ онъ, имѣя чрезвычайное вліяніе на дядю, можетъ-быть, могъ бы что-нибудь сдѣлать.

„— Сдѣлаю, непремѣнно сдѣлаю и завтра же нападу на дядю; и я даже радъ, и вы такъ все это хорошо разказали.... Но какъ это вамъ, Терентьевъ, вздумалось все-таки ко мнѣ обратиться?

„— Отъ вашего дяди тутъ такъ много зависитъ, и притомъ

мы, Бахмутовъ, всегда были врагами, а такъ какъ вы человѣкъ благородный, то я подумалъ, что вы врагу не откажете, прибавилъ я съ ироніей.

„— Какъ Наполеонъ обратился къ Англіи! вскричалъ онъ, захохотавъ.—Сдѣлаю, сдѣлаю! Сейчасъ даже пойду, если можно! прибавилъ онъ поспѣшно, видя, что я серіозно и строго встаю со стула.

„И дѣйствительно, это дѣло, самымъ неожиданнымъ образомъ, обдѣлалось у насъ какъ не надо лучше. Чрезъ полтора мѣсяца нашъ медикъ получилъ опять мѣсто въ другой губерніи, получилъ прогоны, даже вспоможеніе. Я подозрѣваю, что Бахмутовъ, который сильно повадился къ нимъ ходить (тогда какъ я отъ этого нарочно пересталъ къ нимъ ходить и принималъ забѣгавшаго ко мнѣ доктора почти сухо),—Бахмутовъ, какъ я подозрѣваю, склонилъ доктора даже принять отъ него взаймы. Съ Бахмутовымъ я видѣлся раза два въ эти шесть недѣль, мы сошлись въ третій разъ, когда провожали доктора. Проводы устроилъ Бахмутовъ у себя же въ домѣ, въ формѣ обѣда съ шампанскимъ, на которомъ присутствовала и жена доктора; она, впрочемъ, очень скоро уѣхала къ ребенку. Это было въ началѣ мая, вечеръ былъ ясный, огромный шаръ солнца опускался въ заливъ. Бахмутовъ провожалъ меня домой; мы пошли по Николаевскому мосту; оба подпили. Бахмутовъ говорилъ о своемъ восторгѣ, что дѣло это такъ хорошо кончилось, благодарилъ меня за что-то, объяснялъ какъ пріятно ему теперь послѣ добраго дѣла, увѣрялъ, что вся заслуга принадлежитъ мнѣ, и что напрасно многіе теперь учатъ и проповѣдуютъ, что единичное доброе дѣло ничего не значитъ. Мнѣ тоже ужасно захотѣлось поговорить.

„— Кто посягаетъ на единичную „милостыню", началъ я,— тотъ посягаетъ на природу человѣка и презираетъ его личное достоинство. Но организація „общественной милостыни" и вопросъ о личной свободѣ — два вопроса различные и взаимно себя не исключающіе. Единичное доброе дѣло останется всегда, потому что оно есть потребность личности, живая потребность прямаго вліянія одной личности на другую. Въ Москвѣ жилъ одинъ старикъ, одинъ „генералъ", то-есть дѣйствительный статскій совѣтникъ, съ нѣмецкимъ именемъ; онъ всю свою жизнь таскался по острогамъ и по преступникамъ; каждая пересыльная партія въ Сибирь знала

[redacted]

заранѣе, что̀ на Воробьевыхъ горахъ ее посѣтитъ „старичокъ генералъ“. Онъ дѣлалъ свое дѣло въ высшей степени серіозно и набожно; онъ являлся, проходилъ по рядамъ ссыльныхъ, которые окружали его, останавливался предъ каждымъ, каждаго разспрашивалъ о его нуждахъ, наставленій не читалъ почти никогда никому, звалъ ихъ всѣхъ „голубчиками“. Онъ давалъ деньги, присылалъ необходимыя вещи— портянки, подвертки, холста, приносилъ иногда душеспасительныя книжки и одѣлялъ ими каждаго грамотнаго, съ полнымъ убѣжденіемъ, что они будутъ ихъ дорогой читать, и что̀ грамотный прочтетъ неграмотному. Про преступленіе онъ рѣдко разспрашивалъ, развѣ выслушивалъ, если преступникъ самъ начиналъ говорить. Всѣ преступники у него были на равной ногѣ, различія не было. Онъ говорилъ съ ними какъ съ братьями, но они сами стали считать его подъ конецъ за отца. Если замѣчалъ какую-нибудь ссыльную женщину съ ребенкомъ на рукахъ, онъ подходилъ, ласкалъ ребенка, пощелкивалъ ему пальцами, чтобы тотъ засмѣялся. Такъ поступалъ онъ множество лѣтъ, до самой смерти; дошло до того, что̀ его знали по всей Россіи и по всей Сибири, то-есть всѣ преступники. Мнѣ разказывалъ одинъ бывшій въ Сибири, что онъ самъ былъ свидѣтелемъ, какъ самые закоренѣлые преступники вспоминали про генерала, а между тѣмъ, посѣщая партіи, генералъ рѣдко могъ раздать болѣе двадцати копѣекъ на брата. Правда, вспоминали его не то что̀ горячо, или какъ - нибудь тамъ очень серіозно. Какой-нибудь изъ „несчастныхъ“, убившій какихъ - нибудь двѣнадцать душъ, заколовшій шесть штукъ дѣтей, единственно для своего удовольствія (такіе, говорятъ, бывали), вдругъ ни съ того, ни съ сего, когда - нибудь, и всего-то можетъ-быть одинъ разъ во всѣ двадцать лѣтъ, вдругъ вздохнетъ и скажетъ: „А что-то теперь старичокъ-генералъ, живъ ли еще?“ При этомъ, можетъ-быть, даже и усмѣхнется,—и вотъ и только всего-то. А почемъ вы знаете, какое сѣмя заброшено въ его душу на вѣки этимъ „старичкомъ-генераломъ“, котораго онъ не забылъ въ двадцать лѣтъ? Почемъ вы знаете, Бахмутовъ, какое значеніе будетъ имѣть это пріобщеніе одной личности къ другой въ судьбахъ пріобщенной личности?... Тутъ вѣдь цѣлая жизнь и безчисленное множество сокрытыхъ отъ насъ развѣтвленій. Самый лучшій шахматный игрокъ, самый острый изъ нихъ можетъ разчитать только нѣсколько

ходовъ впередъ; про одного французскаго игрока, умѣвшаго разчитать десять ходовъ впередъ, писали какъ про чудо. Сколько же тутъ ходовъ и сколько намъ неизвѣстнаго? Бросая ваше сѣмя, бросая вашу „милостыню“, ваше доброе дѣло въ какой бы то ни было формѣ, вы отдаете часть вашей личности и принимаете въ себя часть другой; вы взаимно пріобщаетесь одинъ къ другому; еще нѣсколько вниманія, и вы вознаграждаетесь уже знаніемъ, самыми неожиданными открытіями. Вы непремѣнно станете смотрѣть наконецъ на ваше дѣло какъ на науку; она захватитъ въ себя всю вашу жизнь и можетъ наполнить всю жизнь. Съ другой стороны, всѣ ваши мысли, всѣ брошенныя вами сѣмена, можетъ-быть уже забытыя вами, воплотятся и выростутъ; получившій отъ васъ передастъ другому. И почему вы знаете, какое участіе вы будете имѣть въ будущемъ разрѣшеніи судебъ человѣчества? Если же знаніе и цѣлая жизнь этой работы вознесутъ васъ наконецъ до того, что̀ вы въ состояніи будете бросить громадное сѣмя, оставить міру въ наслѣдство громадную мысль, то.... И такъ далѣе; я много тогда говорилъ.

„— И подумать при этомъ, что вамъ-то и отказано въ жизни! съ горячимъ упрекомъ кому-то вскричалъ Бахмутовъ.

„Въ эту минуту мы стояли на мосту, облокотившись на перила, и глядѣли на Неву.

„— А знаете ли что̀ мнѣ пришло въ голову, сказалъ я, нагнувшись еще болѣе надъ перилами.

„— Неужто броситься въ воду? вскричалъ Бахмутовъ чуть не въ испугѣ. Можетъ-быть, онъ прочелъ мою мысль въ моемъ лицѣ.

„— Нѣтъ, покамѣсть одно только разсужденіе, слѣдующее: вотъ мнѣ остается теперь мѣсяца два-три жить, можетъ, четыре; но, напримѣръ, когда будетъ оставаться всего только два мѣсяца, и еслибъ я страшно захотѣлъ сдѣлать одно доброе дѣло, которое бы потребовало работы, бѣготни и хлопотъ, вотъ въ родѣ дѣла нашего доктора, то въ такомъ случаѣ я вѣдь долженъ бы былъ отказаться отъ этого дѣла за недостаткомъ остающагося мнѣ времени и пріискивать другое „доброе дѣло“, помельче, и которое въ моихъ *средствахъ* (если ужь такъ будетъ разбирать меня на добрыя дѣла). Согласитесь, что это забавная мысль!

„Бѣдный Бахмутовъ былъ очень встревоженъ за меня; онъ проводилъ меня до самаго дома и былъ такъ деликатенъ;

[redacted]

что не пустился ни разу въ утѣшенія и почти все молчалъ. Прощаясь со мной, онъ горячо сжалъ мнѣ руку и просилъ позволенія навѣщать меня. Я отвѣчалъ ему, что̀ если онъ будетъ приходить ко мнѣ какъ „утѣшитель“ (потому что еслибы даже онъ и молчалъ, то все-таки приходилъ бы какъ утѣшитель, я это объяснилъ ему), то вѣдь этимъ онъ мнѣ будетъ, стало-быть, каждый разъ напоминать еще больше о смерти. Онъ пожалъ плечами, но со мной согласился; мы разстались довольно учтиво, чего я даже не ожидалъ.

„Но въ этотъ вечеръ и въ эту ночь брошено было первое сѣмя моего „послѣдняго убѣжденія“. Я съ жадностью схватился за эту *новую* мысль, съ жадностью разбиралъ ее во всѣхъ ея извилинахъ, во всѣхъ видахъ ея (я не спалъ всю ночь), и чѣмъ болѣе я въ нее углублялся, чѣмъ болѣе принималъ ее въ себя, тѣмъ болѣе я пугался. Страшный испугъ напалъ на меня наконецъ и не оставлялъ и въ слѣдующіе затѣмъ дни. Иногда, думая объ этомъ постоянномъ испугѣ моемъ, я быстро леденѣлъ отъ новаго ужаса: по этому испугу я вѣдь могъ заключить, что „послѣднее убѣжденіе“ мое слишкомъ серіозно засѣло во мнѣ и непремѣнно придетъ къ своему разрѣшенію. Но для разрѣшенія мнѣ не доставало рѣшимости. Три недѣли спустя все было кончено, и рѣшимость явилась, но по весьма странному обстоятельству.

„Здѣсь въ моемъ объясненіи я отмѣчаю всѣ эти цифры и числа. Мнѣ, конечно, все равно будетъ, но *теперь* (и можетъ-быть только въ эту минуту) я желаю, чтобы тѣ, которые будутъ судить мой поступокъ, могли ясно видѣть изъ какой логической цѣпи выводовъ вышло мое „послѣднее убѣжденіе“. Я написалъ сейчасъ выше, что окончательная рѣшимость, которой не доставало мнѣ для исполненія моего „послѣдняго убѣжденія“, произошла во мнѣ, кажется, вовсе не изъ логическаго вывода, а отъ какого-то страннаго толчка, отъ одного страннаго обстоятельства, можетъ-быть, вовсе не связаннаго ничѣмъ съ ходомъ дѣла. Дней десять назадъ зашелъ ко мнѣ Рогожинъ, по одному своему дѣлу, о которомъ здѣсь лишнее распространяться. Я никогда не видалъ Рогожина прежде, но слышалъ о немъ очень многое. Я далъ ему всѣ нужныя справки, и онъ скоро ушелъ; а такъ какъ онъ и приходилъ только за справками, то тѣмъ бы дѣло между нами и кончилось. Но онъ слишкомъ заинтересовалъ меня, и весь этотъ день я былъ подъ вліяніемъ стран-

ныхъ мыслей, такъ что рѣшился пойдти къ нему на другой день самъ, отдать визитъ. Рогожинъ былъ мнѣ очевидно не радъ и даже „деликатно“ намекнулъ, что намъ нечего продолжать знакомство; но все-таки я провелъ очень любопытный часъ, какъ, вѣроятно, и онъ. Между нами былъ такой контрастъ, который не могъ не сказаться намъ обоимъ, особенно мнѣ: я былъ человѣкъ уже сочитавшій дни свои, а онъ—живущій самою полною, непосредственною жизнью, настоящею минутой, безъ всякой заботы о „послѣднихъ“ выводахъ, цифрахъ или о чемъ бы то ни было не касающемся того на чемъ.... на чемъ.... ну хоть на чемъ онъ помѣшанъ; пусть проститъ мнѣ это выраженіе господинъ Рогожинъ, пожалуй хоть какъ плохому литератору, неумѣвшему выразить свою мысль. Несмотря на всю его нелюбезность, мнѣ показалось, что онъ человѣкъ съ умомъ и можетъ многое понимать, хотя его мало что интересуетъ изъ посторонняго. Я не намекалъ ему о моемъ „послѣднемъ убѣжденіи“, но мнѣ почему-то показалось, что онъ, слушая меня, угадалъ его. Онъ промолчалъ, онъ ужасно молчаливъ. Я намекнулъ ему, уходя, что несмотря на всю между нами разницу и на всѣ противоположности, — les extremités se touchent (я растолковалъ ему это по-русски), такъ что, можетъ-быть, онъ и самъ вовсе не такъ далекъ отъ моего „послѣдняго убѣжденія“, какъ кажется. На это онъ отвѣтилъ мнѣ очень угрюмою и кислою гримасой, всталъ, самъ сыскалъ мнѣ мою фуражку, сдѣлавъ видъ будто бы я самъ ухожу, и просто-за-просто вывелъ меня изъ своего мрачнаго дома подъ видомъ того, что провожаетъ меня изъ учтивости. Домъ его поразилъ меня; похожъ на кладбище, а ему, кажется, нравится, что, впрочемъ, понятно: такая полная непосредственная жизнь, которою онъ живетъ, слишкомъ полна сама по себѣ, чтобы нуждаться въ обстановкѣ.

„Этотъ визитъ къ Рогожину очень утомилъ меня. Кромѣ того, я еще съ утра чувствовалъ себя не хорошо; къ вечеру я очень ослабѣлъ и легъ на кровать, а по временамъ чувствовалъ сильный жаръ и даже минутами бредилъ. Коля пробылъ со мной до одиннадцати часовъ. Я помню однакожь все, про что онъ говорилъ и про что мы говорили. Но когда минутами смыкались мои глаза, то мнѣ все представлялся Иванъ Ѳомичъ, будто бы получавшій милліоны денегъ. Онъ все не зналъ куда ихъ дѣвать, ломалъ себѣ надъ ними голову,

[redacted]

дрожалъ отъ страха что̀ ихъ украдутъ и наконецъ будто бы рѣшилъ закопать ихъ въ землю. Я наконецъ посовѣтовалъ ему, вмѣсто того чтобы закапывать такую кучу золота въ землю даромъ, вылить изъ всей этой груды золотой гробикъ „замороженному“ ребенку и для этого ребенка выкопать. Эту насмѣшку мою Суриковъ принялъ будто бы со слезами благодарности и тотчасъ же приступилъ къ исполненію плана. Я будто бы плюнулъ и ушелъ отъ него. Коля увѣрялъ меня, когда я совсѣмъ очнулся, что̀ я вовсе не спалъ, и что̀ все это время говорилъ съ нимъ о Суриковѣ. Минутами я былъ въ чрезвычайной тоскѣ и смятеніи, такъ что Коля ушелъ въ безпокойствѣ. Когда я самъ всталъ, чтобы запереть за нимъ дверь на ключъ, мнѣ вдругъ припомнилась картина, которую я видѣлъ давеча у Рогожина, въ одной изъ самыхъ мрачныхъ залъ его дома, надъ дверями. Онъ самъ мнѣ ее показалъ мимоходомъ; я, кажется, простоялъ предъ нею минутъ пять. Въ ней не было ничего хорошаго въ артистическомъ отношеніи; но она произвела во мнѣ какое-то странное безпокойство.

„На картинѣ этой изображенъ Христосъ, только-что снятый со креста. Мнѣ кажется, живописцы обыкновенно повадились изображать Христа и на крестѣ, и снятаго со креста, все еще съ оттѣнкомъ необыкновенной красоты въ лицѣ; эту красоту они ищутъ сохранить Ему даже при самыхъ страшныхъ мукахъ. Въ картинѣ же Рогожина о красотѣ и слова нѣтъ; это въ полномъ видѣ трупъ человѣка, вынесшаго безконечныя муки еще до креста, раны, истязанія, битье отъ стражи, битье отъ народа, когда онъ несъ на себѣ крестъ и упалъ подъ крестомъ, и наконецъ крестную муку въ продолженіе шести часовъ (такъ по крайней мѣрѣ по моему разчету). Правда, это лицо человѣка *только что* снятаго со креста, то-есть сохранившее въ себѣ очень много живаго, теплаго; ничего еще не успѣло закостенѣть, такъ что на лицѣ умершаго даже проглядываетъ страданіе, какъ будто бы еще и теперь имъ ощущаемое (это очень хорошо схвачено артистомъ); но за то лицо не пощажено нисколько; тутъ одна природа, и воистину таковъ и долженъ быть трупъ человѣка, кто бы онъ ни былъ, послѣ такихъ мукъ. Я знаю, что христіанская церковь установила еще въ первые вѣка, что Христосъ страдалъ не образно, а дѣйствительно, и что

и тѣло его, стало-быть, было подчинено на крестѣ закону природы вполнѣ и совершенно. На картинѣ это лицо страшно разбито ударами, вспухшее, со страшными, вспухшими и окровавленными синяками, глаза открыты, зрачки скосились; большіе, открытые бѣлки глазъ блещутъ какимъ-то мертвеннымъ, стеклянным отблескомъ. Но странно, когда смотришь на этотъ трупъ измученнаго человѣка, то рождается одинъ особенный и любопытный вопросъ: если такой точно трупъ (а онъ непремѣнно долженъ былъ быть точно такой) видѣли всѣ ученики Его, Его главные будущіе апостолы, видѣли женщины, ходившіе за нимъ и стоявшія у креста, всѣ вѣровавшіе въ него и обожавшіе Его, то какимъ образомъ могли они повѣрить, смотря на такой трупъ, что этотъ мученикъ воскреснетъ? Тутъ невольно приходитъ понятіе, что если такъ ужасна смерть и такъ сильны законы природы, то какъ же одолѣть ихъ? Какъ одолѣть ихъ, когда не побѣдилъ ихъ теперь даже Тотъ, Который побѣждалъ и природу при жизни Своей, Которому она подчинялась, Который воскликнулъ: „*Талиѳа куми*", — и дѣвица встала, „Лазарь, гряди вонъ", — и вышелъ умершій? Природа мерещится при взглядѣ на эту картину въ видѣ какого-то огромнаго, неумолимаго и нѣмаго звѣря, или вѣрнѣе, гораздо вѣрнѣе сказать, хоть и странно, — въ видѣ какой-нибудь громадной машины новѣйшаго устройства, которая безсмысленно захватила, раздробила и поглотила въ себя, глухо и безчувственно, великое и безцѣнное Существо — такое Существо, Которое одно стоило всей природы и всѣхъ законовъ ея, всей земли, которая и создавалась-то, можетъ-быть, единственно для одного только появленія этого Существа! Картиной этою какъ будто именно выражается это понятіе о темной, наглой и безсмысленно-вѣчной силѣ, которой все подчинено, и передается вамъ невольно. Эти люди, окружавшіе умершаго, которыхъ тутъ нѣтъ ни одного на картинѣ, должны были ощутить страшную тоску и смятеніе въ тотъ вечеръ, раздробившій разомъ всѣ ихъ надежды и почти что вѣрованія. Они должны были разойдтись въ ужаснѣйшемъ страхѣ, хотя и уносили каждый въ себѣ громадную мысль, которая уже никогда не могла быть изъ нихъ исторгнута. И еслибъ этотъ самый Учитель могъ увидать Свой образъ наканунѣ казни, то такъ ли бы Самъ Онъ взошелъ

[redacted]

на крестъ, и такъ ли бы умеръ какъ теперь? Этотъ вопросъ тоже невольно мерещится, когда смотришь на картину.

„Все это мерещилось и мнѣ отрывками, можетъ-быть, дѣйствительно между бредомъ, иногда даже въ образахъ, цѣлые полтора часа по уходѣ Коли. Можетъ ли мерещиться въ образѣ то, что̀ не имѣетъ образа? Но мнѣ какъ будто казалось временами, что я вижу, въ какой-то странной и невозможной формѣ, эту безконечную силу, это глухое, темное и нѣмое существо. Я помню, что кто-то будто бы повелъ меня за руку, со свѣчкой въ рукахъ, показалъ мнѣ какого-то огромнаго и отвратительнаго тарантула и сталъ увѣрять меня, что это то самое темное, глухое и всесильное существо, и смѣялся надъ моимъ негодованіемъ. Въ моей комнатѣ, предъ образомъ, всегда зажигаютъ на ночь лампадку,— свѣтъ тусклый и ничтожный, но однакожь разглядѣть все можно, а подъ лампадкой даже можно читать. Я думаю, что былъ уже часъ первый въ началѣ; я совершенно не спалъ и лежалъ съ открытыми глазами; вдругъ дверь моей комнаты отворилась, и вошелъ Рогожинъ.

„Онъ вошелъ, затворилъ дверь, молча посмотрѣлъ на меня и тихо прошелъ въ уголъ къ тому стулу, который стоитъ почти подъ самою лампадкой. Я очень удивился и смотрѣлъ въ ожиданіи; Рогожинъ облокотился на столикъ и сталъ молча глядѣть на меня. Такъ прошло минуты двѣ, три, и я помню, что его молчаніе очень меня обидѣло и раздосадовало. Почему же онъ не хочетъ говорить? То̀, что онъ пришелъ такъ поздно, мнѣ показалось, конечно, страннымъ, но помню, что я не былъ Богъ знаетъ какъ изумленъ собственно этимъ. Даже напротивъ: я хоть утромъ ему и не высказалъ ясно моей мысли, но я знаю, что онъ ее понялъ; а эта мысль была такого свойства, что по поводу ея, конечно, можно было придти поговорить еще разъ, хотя бы даже и очень поздно. Я такъ и думалъ, что онъ за этимъ пришелъ. Мы утромъ разстались нѣсколько враждебно, и я даже помню, онъ раза два поглядѣлъ на меня очень насмѣшливо. Вотъ эту-то насмѣшку я теперь и прочелъ въ его взглядѣ, она-то меня и обидѣла. Въ томъ же, что это дѣйствительно самъ Рогожинъ, а не видѣніе, не бредъ, я сначала нисколько не сомнѣвался. Даже и мысли не было.

„Между тѣмъ онъ продолжалъ все сидѣть и все смотрѣлъ на меня съ тою же усмѣшкой. Я злобно повернулся на

постели, тоже облокотился на подушку и нарочно рѣшился тоже молчать, хотя бы мы все время такъ просидѣли. Я непремѣнно почему-то хотѣлъ, чтобъ онъ началъ первый. Я думаю, такъ прошло минутъ съ двадцать. Вдругъ мнѣ представилась мысль: что если это не Рогожинъ, а только видѣніе?

„Ни въ болѣзни моей и никогда прежде я не видѣлъ еще ни разу ни одного привидѣнія; но мнѣ всегда казалось, еще когда я былъ мальчикомъ и даже теперь, то-есть недавно, что если я увижу хоть разъ привидѣніе, то тутъ же на мѣстѣ умру, даже несмотря на то что я ни въ какія привидѣнія не вѣрю. Но когда мнѣ пришла мысль, что это не Рогожинъ, а только привидѣніе, то помню, я нисколько не испугался. Мало того, я на это даже злился. Странно еще и то, что разрѣшеніе вопроса: привидѣніе ли это, или самъ Рогожинъ, какъ-то вовсе не такъ занимало меня и тревожило, какъ бы, кажется, слѣдовало; мнѣ кажется, что я о чемъ-то другомъ тогда думалъ. Меня, напримѣръ, гораздо болѣе занимало, почему Рогожинъ, который давеча былъ въ домашнемъ шлафрокѣ и въ туфляхъ, теперь во фракѣ, въ бѣломъ жилетѣ и въ бѣломъ галстукѣ? Мелькала тоже мысль: если это привидѣніе, и я его не боюсь, то почему же не встать, не подойдти къ нему и не удостовѣриться самому? Можетъ-быть, впрочемъ, я не смѣлъ и боялся. Но когда я только-что успѣлъ подумать, что я боюсь, вдругъ какъ будто льдомъ провели по всему моему тѣлу; я почувствовалъ холодъ въ спинѣ, и колѣни мои вздрогнули. Въ самое это мгновеніе, точно угадавъ что я боюсь, Рогожинъ отклонилъ свою руку, на которую облокачивался, выпрямился и сталъ раздвигать свой ротъ, точно готовясь смѣяться; онъ смотрѣлъ на меня въ упоръ. Бѣшенство охватило меня до того, что я рѣшительно хотѣлъ на него броситься, но такъ какъ я поклялся, что не начну первый говорить, то и остался на кровати, тѣмъ болѣе, что я все еще былъ не увѣренъ, самъ ли это Рогожинъ или нѣтъ?

„Я не помню навѣрно сколько времени это продолжалось; не помню тоже навѣрно, забывался ли я иногда минутами или нѣтъ? Только наконецъ Рогожинъ всталъ, такъ же медленно и внимательно осмотрѣлъ меня, какъ и прежде, когда вошелъ, но усмѣхаться пересталъ, и тихо, почти на цыпочкахъ, подошелъ къ двери, отворилъ ее, притворилъ и вышелъ.

Я не всталъ съ постели; не помню, сколько времени я пролежалъ еще съ открытыми глазами и все думалъ; Богъ знаетъ о чемъ я думалъ; не помню тоже какъ я забылся. На другое утро я проснулся, когда стучались въ мою дверь, въ десятомъ часу. У меня такъ условлено, что если я самъ не отворю дверь до десятаго часу и не крикну, чтобы мнѣ подали чаю, то Матрена сама должна постучать ко мнѣ. Когда я отворилъ ей дверь, мнѣ тотчасъ представилась мысль: какъ же могъ онъ войдти, когда дверь была заперта? Я справился и убѣдился, что настоящему Рогожину невозможно было войдти, потому что всѣ наши двери на ночь запираются на замокъ.

„Вотъ этотъ особенный случай, который я такъ подробно описалъ, и былъ причиной, что я совершенно „рѣшился". Окончательному рѣшенію способствовала, стало-быть, не логика, не логическое убѣжденіе, а отвращеніе. Нельзя оставаться въ жизни, которая принимаетъ такія странныя, обижающія меня формы. Это привидѣніе меня унизило. Я не въ силахъ подчиняться темной силѣ, принимающей видъ тарантула. И только тогда, когда я, уже въ сумерки, ощутилъ наконецъ въ себѣ окончательный моментъ полной рѣшимости, мнѣ стало легче. Это былъ только первый моментъ; за другимъ моментомъ я ѣздилъ въ Павловскъ, но это уже довольно объяснено."

Ѳ. ДОСТОЕВСКІЙ.

(*До слѣд. №*)

ЗАДАЧИ
СОВРЕМЕННОЙ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КРИТИКИ

I.

Въ теченіе послѣднихъ какихъ-нибудь тридцати лѣтъ искусство сдѣлало громадные успѣхи, и на практикѣ и въ теоріи, несмотря на то что наше время, казалось бы, вовсе не отличается художественными тенденціями. Какъ ни великъ былъ переворотъ, совершившійся въ умахъ всей Европы вслѣдъ за французскою революціей конца прошлаго столѣтія, но искусство, хотя и очистилось нѣсколько отъ предразсудковъ и крайностей ложнаго классицизма, все же оставалось въ старинной колеѣ, проторенной великими мастерами XVI столѣтія, такъ что живописцы и скульпторы, даже четверть столѣтія тому назадъ, продолжали питать полнѣйшее убѣжденіе, что послѣднее слово было уже сказано Рафаелемъ, Микель-Анджело и другими знаменитостями цвѣтущей эпохи, что дальше ихъ идти нельзя, что только въ заколдованномъ ими кругу сюжетовъ и идей искусство можетъ вращаться, только въ выработанныхъ ими формахъ можетъ оно быть выражаемо. Авторитетъ господствовалъ тогда въ полной силѣ, наперекоръ романтической школѣ, проповѣдывавшей свободу фантазіи, авторитетъ, не очищенный критикой, безсознательно принятый на вѣру и, по странному безвкусію, наслѣдованному еще отъ XVII вѣка, уравнивавшій на одной степени Рафаэля и приторнаго Гвидо Рени, Тиціана и болѣзненнаго Доменикино, Микель-

[redacted]

Анджело и какое-нибудь дюжинное дарованіе въ родѣ Караваджіо. XVI столѣтіе ослѣпило такимъ блескомъ художественныхъ знаменитостей, что позади этого лучезарнаго времени, въ темнотѣ предшествовавшихъ ему столѣтій, ничего иного не видѣли, кромѣ дѣтскихъ попытокъ, отличающихся болѣе ошибками и безвкусіемъ нежели какими-либо другими заслуживающими уваженія качествами. До сороковыхъ годовъ лучшимъ путеводителемъ по Италіи почиталась книга Валери. Съ какимъ вниманіемъ останавливается онъ на дюжинныхъ, манерныхъ, лживыхъ произведеніяхъ Альбано или братьевъ Караччи, и какъ свысока относится о наивныхъ произведеніяхъ Джіотто, Филиппо Липпи и другихъ мастеровъ XIV и XV столѣтій! Часто даже проходитъ мимо, вовсе ихъ не замѣчая. Крайняя неразборчивость въ выборѣ авторитетовъ говорила столько же объ ограниченности взгляда на художественное произведеніе, сосредоточеннаго не на внутреннемъ содержаніи, а на красивой формѣ, сколько и о безвкусіи, которое ставило школу Болонскую наравнѣ съ свѣтилами начала XVI столѣтія, не замѣчая въ ней ни манерности, ни ложной идеализаціи, ни крайностей матеріализма, ни безсилія удержаться на художественномъ преданіи цвѣтущей эпохи, котораго она не понимала и которому не умѣла и не могла искренно сочувствовать, хотя и старалась всѣми силами ему слѣдовать. Въ то время, когда учились смотрѣть на искусство глазами Валери, назвали бы невѣждой, осудили бы въ ереси того, кто нашелъ бы недостойнымъ *Причащенію Св. Іеронима* Доменикино стоять въ Ватиканской галлереѣ вмѣстѣ съ *Преображеніемъ* Рафаэля, или предпочелъ бы, въ отношеніи искренности и глубины мысли и чувства, религіозныя произведенія Беато Анджелико или Филиппо Липпи многимъ изъ Мадоннъ даже самого Рафаэля.

Любознательная пытливость и положительность нашего времени должны были, рано ли, поздно ли, положить конецъ этой неурядицѣ въ поклоненіи авторитетамъ Безсознательная вѣра въ ихъ непогрѣшимость должна была уступить мѣсто анализу, критикѣ, впрочемъ не съ тѣмъ чтобъ эти авторитеты ниспровергнуть, а съ тѣмъ чтобы поставить ихъ на болѣе прочномъ основаніи, руководствуясь преемствомъ ихъ историческаго развитія и сознательнымъ убѣжденіемъ въ ихъ дѣйствительныхъ достоинствахъ, очищенныхъ исторической и эстетической критикой отъ

разныхъ несовершенствъ, принадлежащихъ ихъ времени, направленію и другимъ случайностямъ. Всепримиряющій, безпристрастный взглядъ историческій долженъ былъ съ одинаковымъ вниманіемъ остановиться и на великомъ и на маломъ, и каждому историческому явленію, каждому столѣтію воздать должное. Надобно было не только въ ближайшихъ къ нашему времени столѣтіяхъ усмотрѣть рѣшительные успѣхи въ развитіи искусства сравнительно съ блистательною эпохой Медичисовъ и папы Льва X, но и въ періодѣ, предшествовавшемъ этой эпохѣ—такія высокія достоинства, которыхъ не могли уже наверстать своими, хотя бы и неоспоримыми совершенствами, даже такіе великіе художники, какъ Рафаэль, Рубенсъ, Рембрандтъ и др.

Вотъ та точка зрѣнія, отъ которой отправляется современное искусство и въ практическомъ, и въ теоретическомъ отношеніи. Авторитетъ внесенъ въ общую раму историческаго развитія, и будучи примиренъ какъ со всѣмъ ему предшествующимъ, такъ и съ послѣдующимъ, не только не подавляетъ свободы художественнаго дарованія и не даетъ односторонняго и узкаго направленія теоріи, но въ качествѣ твердаго, историческаго факта даетъ основу и художественной практикѣ, и теоріи.

Чтобъ увидѣть въ потемкахъ XIV и XV столѣтій настоящій свѣтъ, надобно было сорвать съ нихъ блистательную завѣсу эпохи Возрожденія, которою они были такъ долго сокрыты отъ міра. Этотъ подвигъ былъ результатомъ не внезапнаго вдохновенія, а усидчивой, копотливой работы ученыхъ тружениковъ, примѣнившихъ строгій методъ историческихъ изслѣдованій къ области искусства. Труды нѣмецкихъ ученыхъ и художниковъ занимаютъ здѣсь первое мѣсто. Надобно было такимъ скромнымъ дѣятелямъ, какъ Руморъ, на основаніи старинныхъ документовъ, лѣтописей и мемуаровъ и по заброшеннымъ, забытымъ дотолѣ памятникамъ искусства, тщательно изучить эти неистощимо-богатыя идеями потемки, чтобъ открыть въ нихъ источники высочайшаго христіанскаго воодушевленія, изъ которыхъ потомъ развилось все новое искусство. Надобны были неутомимому Рамбу̀ десятки лѣтъ, чтобы въ подземныхъ церквахъ Италіи, въ запустѣлыхъ монастырскихъ сараяхъ, въ развалившихся часовняхъ изготовить сотни копій, въ величину подлинника, со старинныхъ произведеній живописи и явить ихъ непризнанное

до тѣхъ поръ величіе предъ всѣмъ свѣтомъ, основавъ въ Дюссельдорфѣ цѣлый музей изъ этихъ копій.

Исторія Живописи берлинскаго профессора Куглера, вышедшая первымъ изданіемъ въ самомъ концѣ тридцатыхъ годовъ, не мало способствовала распространенію въ нѣмецкой публикѣ этихъ новыхъ результатовъ въ пониманіи ранняго періода искусства. На французскомъ языкѣ съ особеннымъ успѣхомъ популяризировалъ этотъ предметъ, съ увлеченіями католическаго направленія, Ріо въ своей книгѣ о *Христіанскомъ искусствѣ*, первая часть которой вышла въ началѣ сороковыхъ годовъ. До какой степени своевременны, необходимы и плодотворны были эти начинанія, свидѣтельствуетъ намъ современная литература по изящнымъ искусствамъ, въ которой средніе вѣка, во множествѣ издаваемыхъ великолѣпныхъ монографій, раскрываютъ предъ европейскою публикой все неистощимое богатство самаго искренняго, высокаго воодушевленія христіанскаго, возбуждая въ одинаковой степени интересы и католиковъ, и протестантовъ, при всемъ ихъ несогласіи въ отношеніи религіозномъ, такъ что глубина и искренность христіанскихъ идей, открываемыхъ въ зданіяхъ готическаго стиля, въ скульптурныхъ работахъ Пизанской школы, въ картинахъ Стефана Кельнскаго, Ванъ-Эйковъ, въ миніатюрахъ Жана Фукè, все болѣе и болѣе возбуждаютъ къ себѣ общія симпатіи, не ради какихъ-либо исключительныхъ религіозныхъ тенденцій, а въ уваженіе геніальныхъ проявленій духа человѣческаго вообще, съ такою энергіей и въ такой цѣльности выразившихся въ этихъ произведеніяхъ.

Хотя перестали уже въ послѣднее время сосредоточивать исключительное вниманіе на авторитетахъ цвѣтущей эпохи. однако и для нихъ сдѣлано и продолжаетъ дѣлаться теперь такъ много, какъ никогда прежде. Самыя тщательныя, до мельчайшихъ подробностей доведенныя, изслѣдованія историческія и критическія приложены къ каждому изъ произведеній знаменитыхъ художниковъ. Въ публичныхъ архивахъ и въ частныхъ собраніяхъ открыты записки закащиковъ, счеты мастеровъ, переписки художниковъ и другіе документы, бросающіе новый свѣтъ на исторію того или другаго произведенія, опредѣляющіе его подлинность или указывающіе на подложность многихъ доселѣ признанныхъ за оригиналы старинныхъ копій. Что̀ приписывалось Рафаэлю или

Леонардо-да-Винчи, оказалось работой ихъ учениковъ. Въ этомъ отношеніи особенно много сдѣлалъ директоръ берлинской галлереи Ваагенъ. Пересмотрѣвъ почти всѣ европейскія галлереи, и публичныя, и частныя, сколько развѣнчалъ онъ пресловутыхъ картинъ отъ громкихъ титуловъ Корреджіо, Тиціана и другихъ знаменитостей первой руки! Благодаря этому же знатоку, посѣтившему Петербургъ, критически очистился и нашъ Эрмитажъ, изъ котораго удалены были разные самозванные Перуджино, Гвидо Рени, Рембрандты, переданные въ Московскій Публичный Музей. *

На какихъ шаткихъ основаніяхъ разсуждалось до сихъ поръ объ исторіи искусства, можно судить потому, что только въ послѣдніе годы изданы во Флоренціи *Жизнеописанія художниковъ* Вазари, очищенныя строгою критикой отъ множества неточностей, ошибокъ и явныхъ выдумокъ, которыя доселѣ выдавались за чистую монету.

Наконецъ самая фотографія, во многомъ оказавшая неисправимый вредъ художественной техникѣ, отнявъ у художниковъ портретную и копировальную практику, вмѣстѣ съ тѣмъ принесла громадную пользу въ изученіи искусства и въ развитіи эстетическаго вкуса, сдѣлавъ для всѣхъ доступными самыя дешевыя копіи, и притомъ во всей точности передающія рисунокъ оригинала. Фотографіи во множествѣ издаются не только въ большомъ форматѣ, для музеевъ, библіотекъ, для людей зажиточныхъ, но и въ форматѣ визитныхъ карточекъ, изъ коихъ на нѣсколько десятковъ франковъ можно, по своему вкусу, составить довольно полный альбомъ.

Итакъ, перелистывая во множествѣ выходящія сочиненія по искусству, пересматривая въ фотографіяхъ Италіи, Бельгіи и особенно Германіи точныя копіи, начиная съ византійскихъ мозаикъ и готическихъ порталовъ и до новѣйшихъ произведеній Каульбаха, Делароша, Лессинга, нельзя не придти къ тому убѣжденію, что въ наше время сдѣланы громадные успѣхи въ пониманіи искусства. Вѣрный историческій взглядъ, безпристрастіе въ оцѣнкѣ произведеній всѣхъ

---

* Эти дюжинныя копіи до послѣдняго времени и въ каталогахъ, и въ надписяхъ на картинахъ слыли подъ именами Рембрандтовъ, Рафаэлей и другихъ знаменитостей; но дирекція Музея, какъ кажется, приняла мѣры къ прекращенію этой мистификаціи.

[redacted]

вѣковъ, и самыхъ раннихъ, и позднѣйшихъ, разумное отношеніе къ авторитету, не стѣсняющее творческой свободы, вкусъ, очищенный критикой и сравненіемъ, и неиспорченный предвзятою доктриной—вотъ благотворные результаты этого пониманія и для художественной практики, и для теоріи.

Что̀ касается до нашего отечества, то художественная практика у насъ, какъ кажется, сдѣлала слишкомъ поспѣшный, рѣшительный скачокъ отъ безусловнаго поклоненія Рафаэлю, Тиціану и Болонцамъ—почти къ такому же безусловному отрицанію этихъ авторитетовъ. Это была крайность, неизбѣжная въ странѣ, гдѣ не успѣлъ еще развиться и выработаться вкусъ къ образовательнымъ искусствамъ, гдѣ еще не могло водвориться художественное преданіе, крайность, доходившая до смѣшнаго, когда ученики Академіи, вмѣсто того чтобы воспитывать свой вкусъ по классическимъ образцамъ и учиться исторіи искусства по иллюстрированнымъ изданіямъ и по фотографіямъ, не хотѣли знать никакихъ авторитетовъ, съ презрѣніемъ отзывались о Рафаэлѣ и только въ своемъ вдохновеніи и въ натурѣ думали искать источниковъ своему творчеству. Напротивъ того, на Западѣ, какъ замѣчено выше, вмѣстѣ съ расширеніемъ самого поприща въ изученіи исторіи искусства, расширялся и кругъ художественныхъ авторитетовъ, дотолѣ сосредоточенный на свѣтилахъ первой величины эпохи Возрожденія, а съ тѣхъ поръ открытый и въ періодѣ предшествовавшемъ. Еслибы не было признано высокое достоинство художниковъ XIV и XV столѣтій, то, безъ сомнѣнія, Англичане не дѣлали бы капитальныхъ издержекъ на такія громадныя копіи въ величину подлинника, какъ каѳедра въ Пизанскомъ Баптистеріи, или всѣ стѣны въ капеллѣ дворца Риккарди во Флоренціи, исписанные Беноццо Гоццоли. Лѣтъ двадцать тому назадъ, въ галлереяхъ списывались копіи только съ мастеровъ начиная съ эпохи Возрожденія: теперь по всей Европѣ, и особенно въ Англіи, лучше раскупаются копіи съ Беато Анджелико, Филиппо Липпи, съ старыхъ мастеровъ школы Умбрійской, Кельнской и т. п. Въ русской публикѣ не могъ пробудиться интересъ къ этимъ второстепеннымъ авторитетамъ, потому что и авторитеты первоклассные, безъ нагляднаго знакомства съ самими произведеніями искусства, могли быть извѣстны ей только по наслышкѣ. Понятно, слѣдовательно, что у насъ можно было безнаказанно издѣваться надъ всякими прежними

авторитетами, и въ художественныхъ классахъ, и въ журнальныхъ статейкахъ: этимъ не оскорблялось ничье убѣжденіе, не нарушались никакія привычки, не затрогивались чьи-либо симпатіи. Напротивъ того, самолюбіе толпы вполнѣ удовлетворялось, когда оправдывали ея невѣдѣніе и неразвитость вкуса, когда ниспровергали то, чего она и такъ не знала, и до чего не имѣла никакого дѣла, и когда ей доказывали, что все прошедшее въ искусствѣ уже утратило для нашей современности свою цѣну, что художникъ долженъ забыть всѣ старые предразсудки и прислушиваться только къ раздающимся около него голосамъ дѣйствительности. Теорія тѣмъ болѣе лестная для толпы и соблазнительная, что всякій живетъ настоящею, своего времени жизнію, и прежде всего хочетъ чтобъ ему говорили то, что̀ ближе къ его насущнымъ интересамъ. Нѣтъ доктрины болѣе заманчивой какъ та, которая лелѣетъ современное самолюбіе и убѣждаетъ въ возможности, даже въ необходимости отрѣшаться отъ всего прошедшаго.

Пока на Западѣ изучали и теперь еще не перестаютъ изучать ранніе періоды высокаго христіанскаго воодушевленія, съ недосягаемою для нашихъ временъ искренностью и глубиной выразившагося и въ живописи, и въ скульптурѣ, и въ архитектурѣ, у насъ, въ нашей журналистикѣ, богатую литературу по этому предмету упорно заслоняло направленіе мнимо-практическое, враждебное искусству и вообще всѣмъ идеальнымъ стремленіямъ, если только они не соприкасаются непосредственно съ практическими выгодами. Чтобы не компрометтировать себя въ полномъ невѣжествѣ и все же отдать нѣкоторый долгъ и изящному вкусу, направленіе это усвоило себѣ, по старой памяти, долю уваженія къ знаменитостямъ эпохи Возрожденія и особенно къ мастерамъ Фламандскимъ; даже отнеслось къ нимъ съ нѣкоторою симпатіей, можетъ-быть потому, что они уже значительно утратили религіозное воодушевленіе и, болѣе или менѣе вдаваясь въ матеріализмъ, способствовали развитію чувственности. Что же касается до мастеровъ древнѣйшихъ, искреннихъ и наивныхъ, то они не могли войдти въ интересы нашихъ эстетиковъ послѣднихъ годовъ, не потому только что мало были имъ извѣстны, но и потому что могли поддерживать въ публикѣ мечтательность и благочестіе. Этого уже никакъ нельзя было потерпѣть въ эпоху, когда для многихъ быть

[redacted]

современнымъ значило всякую мысль оцѣнивать только въ ея приближеніи къ принципу общественнаго и политическаго переворота, когда рекомендовалось всему міру, что русскій языкъ—смѣсь татарскаго съ мордовскимъ, что Рюрикъ съ своею братіей прибыли изъ Литвы, что наши богатыри временъ князя Владиміра на то только и годились чтобы произвести изъ себя Стеньку Разина и другихъ разбойниковъ. Если такъ извращались точные историческіе факты, изъ положительной исторіи дѣлались игрушки для забавы агитирующимъ недорослямъ, то съ какою безцеремонностію можно было съ плеча рѣшать въ вопросахъ отвлеченныхъ, въ области психологіи, религіи и т. п.? Чтобы предать искусство общему позору, довольно было и той одной причины, что оно отвлекаетъ отъ насущной практики, лелѣетъ мечтательность, уноситъ въ міръ идей и въ концѣ-концовъ даетъ господство человѣческому духу надъ животными сферами.

Чтобы совсѣмъ покончить съ искусствомъ, надобно было художественное произведеніе до послѣдней крайности унизить предъ дѣйствительностью, низложить до совершеннаго ничтожества. Яблоко рисованное безъ всякаго сравненія негоднѣе яблока дѣйствительнаго, потому что рисованное нельзя откусить; знаменитая *Корова* Поль-Поттера также негодна, потому что ее нельзя доить. Вотъ послѣднее слово этой любопытной теоріи. Само собою разумѣется, что религіозное направленіе въ искусствѣ, по этой теоріи, представлялось крайнею степенью негоднаго, соотвѣтственно тому историческому ученію, тоже пущенному въ нашей журналистикѣ, по которому въ средніе вѣка гораздо больше сдѣлали для цивилизаціи испанскіе Аравитяне-мусульмане нежели всѣ остальные христіанскіе народы, потому что, по крайней мѣрѣ, развили въ Европѣ отличную породу лошадей.

Такъ какъ все что̀ человѣкъ ни дѣлаетъ, твердили намъ ежедневно, должно клониться къ практической пользѣ, то если уже разъ заведено на свѣтѣ искусство, то и оно, пожалуй, можетъ быть терпимо, пусть только неуклонно направляется къ этой цѣли. Собственно говоря,—такъ продолжали учить насъ,—искусство въ приложеніи къ ремесламъ имѣетъ бо̀льшую цѣнность, и красивая и удобная мебель полезнѣе, а слѣдовательно и въ эстетическомъ отношеніи совершеннѣе всякихъ Мадоннъ и другихъ малеванныхъ нѣжностей; впрочемъ, искусство можетъ быть пригодно и не въ ближайшемъ,

непосредственномъ приложеніи къ утвари и разнымъ житейскимъ подѣлкамъ: оно приносить нѣкоторую пользу и въ теоретическомъ отношеніи, когда своими идеями способствуетъ воспитанію публики именно въ томъ самомъ направленіи, какое сказанная теорія имѣетъ въ виду.

Прежде всего рекомендуется полнѣйшее, самое рабское подражаніе природѣ. Сюжеты указываются только въ окружающей дѣйствительности; религіозные вовсе изгоняются, а изъ историческихъ допускаются только такіе, которые могутъ имѣть современный интересъ, что-нибудь пикантное, задирательное. Между сценами изъ ежедневнаго быта (жанръ) имѣютъ преимущество тѣ, въ которыхъ проглядываютъ неурядица и безобразіе современной жизни, потому что такія сцены будутъ пріучать къ мысли о необходимости переворота во всѣхъ нашихъ общественныхъ и политическихъ учрежденіяхъ. Обличеніе должно господствовать и въ литературѣ, и въ искусствѣ; вездѣ должна бросаться въ глаза каррикатура, для того чтобы, наконецъ, весь современный порядокъ вещей превратился въ безобразный фронтисписъ изъ каррикатуръ, который никому не жаль было бы сломать до основанія. Идеальное или, точнѣе, по языку этой теоріи, благородное можетъ быть допущено съ самою крайнею разборчивостью, напримѣръ, въ изображеніи политическихъ страдальцевъ, неудавшихся агитацій и т. п. Для назиданія публики можно было, напримѣръ, дозволить такую идеальную, трагикомическую сцену. Тянется обозъ со ссыльными въ каторжную работу. Онъ остановился стоянкой. Кругомъ безотрадная равнина, въ которой теряется въ далекой перспективѣ длинный хвостъ ссыльнаго обоза. Небо суровое, холодное, давитъ свинцомъ на печальную картину, бѣдно, въ линію протянувшуюся на бѣдномъ, тощемъ ландшафтѣ. На первомъ планѣ жалкая телѣга. На телѣгѣ лежитъ, растягиваясь во всю длину, въ предсмертной потяготѣ, ссыльный Полякъ, юная, прекрасная фигура изъ богатыхъ шляхтичей, судя по его чистому, изящному бѣлью и вообще по благородству всей позы и выраженія. Къ умирающему подходитъ какая-то безобразная личность, въ офицерскомъ сюртукѣ, заматорѣлая въ слѣдованіяхъ по сибирскимъ пустынямъ, разбухшая и побагровѣвшая отъ постоянной привычки пить и не напиваться. Безсмысленно и равнодушно, какъ анатомъ надъ трупомъ, стоитъ этотъ невзрачный предста-

[redacted]

витель россійской администраціи около умирающаго и пробуетъ ему пульсъ, тогда какъ изъ-подъ телѣги конвойный стражъ крадется чтобы стащить дорогой перстень съ руки, которую въ изнеможеніи, какъ плеть, спустилъ этотъ несчастный. Онъ ничего кругомъ себя не чувствуетъ, не видитъ и не слышитъ, и только угасающій свой взглядъ, уже послѣдній на землѣ, вперилъ онъ къ небу, туда, далеко, гдѣ тонкою полоской тянется въ облакахъ стая птицъ, спѣшащихъ съ негостепріимнаго сѣвера въ счастливыя страны. Шлетъ ли умирающій съ этими крылатыми послами свое завѣщаніе къ роднымъ и друзьямъ, или считаетъ минуты, когда и ему смерть дастъ крылья, чтобы спастись отъ этой страшной, безотрадной жизни?

Романъ и повѣсть въ изображеніи кабацкихъ сценъ, въ психологическомъ анализѣ пьянства, разврата, забулдыжничества, въ сквернословіи дѣйствующихъ лицъ, по малой мѣрѣ, пріучаютъ читателей къ неряшеству и нечистотѣ мыслей и чувствованій. Живопись еще нагляднѣе питаетъ привычку къ разврату, къ ужасамъ крови, къ преступленіямъ. Чѣмъ же инымъ какъ не предвзятою теоріей и испорченнымъ вкусомъ можно объяснить несчастный выборъ такого, напримѣръ, сюжета, какъ безпутная пляска пьяной ватаги негодяевъ, которые своими ногами размазываютъ потоки крови, пролитые изъ ранъ тутъ же, среди пляшущихъ, при смерти лежащаго на столѣ, страшно изуродованнаго Робеспьера?

Чтобъ убѣдить публику, что страшную минуту приближающейся неминуемой смерти человѣкъ встрѣчаетъ не молитвой, не просвѣтлѣніемъ души, разлучающейся съ тѣломъ, а тупымъ отчаяніемъ, въ которомъ человѣкъ теряетъ свое человѣчество и ждетъ смерти какъ быкъ подъ обухомъ, живописецъ изобразитъ вамъ не умирающаго на смертномъ одрѣ отъ болѣзни, которая вообще ослабляетъ духъ и дѣлаетъ его доступнымъ мечтательной надеждѣ. Нѣтъ, онъ представитъ вамъ прекрасную женщину, въ полной силѣ цвѣтущаго здоровья. Она заключена въ темницѣ, окно которой спускается до самой рѣки. Наводненіе поднимаетъ воду, которая волнами хлещетъ чрезъ желѣзную рѣшетку окна и заливаетъ темницу. Вотъ она залила ужь и ножки кровати, и доходитъ до самой койки. Несчастная узница вскочила на койку, прислонилась въ своей бархатной одеждѣ къ заплес-

невѣлой стѣнѣ; еще нѣсколько мгновеній, и волны достигнуть ея и тамъ, и мало-по-малу будутъ затоплять ее, пока не погребутъ въ этой страшной темницѣ. Какой трагическій, ужасающій моментъ выбралъ художникъ! Въ какой поразительной правдѣ свѣтятъ зеленоватымъ, зловѣщимъ свѣтомъ эти хлещущія волны и наполняютъ зеленоватымъ отраженіемъ мракъ темницы, который становится прозрачно-влажнымъ отъ тонкаго тумана, поднимающагося изъ воды! И чѣмъ правдивѣе вся эта обстановка, тѣмъ убѣдительнѣе урокъ, который даетъ художникъ въ предсмертномъ выраженіи погребаемой заживо въ этой небывалой, доселѣ не мыслимой могилѣ. Что̀ скажетъ утѣшительнаго это лицо въ минуту послѣдней схватки жизни со смертію? Наконецъ, какой дастъ ему спасительный, торжественный отпечатокъ нашъ просвѣщенный вѣкъ, въ которомъ такъ могущественно заявило себя господство человѣческа̀го духа надъ физическою природой во всѣхъ этихъ великихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ? Увы! Это прекрасное лицо не говоритъ ничего; въ немъ уже нѣтъ выраженія человѣческаго: оно еще заживо покрывается безсмысленностію разлагающагося трупа; и чѣмъ оно изящнѣе въ своихъ матеріальныхъ формахъ, тѣмъ безобразнѣе за отсутствіемъ мысли и чувства. Голова несчастной скатывается на грудь, и ноги начинаютъ подкашиваться.... А между тѣмъ, будто въ насмѣшку надъ озвѣрившимся человѣческимъ существомъ, на ту же койку вспрыгнули двѣ мышки,—тоже спасаются отъ гибели, такія же безсмысленныя жертвы неминуемой смерти.

Нужно ли упоминать, какія религіозныя произведенія могутъ выйдти изъ той же школы живописи? Потому что эта школа для извѣстныхъ цѣлей позволяетъ брать и сюжеты религіозные. Но здѣсь наши художники не умѣютъ заинтересовать даже новизной, потому что всю свою заслугу ставятъ въ сочиненіи иллюстрацій къ пресловутой книгѣ Ренана, изображая, вмѣсто Тайной Вечери, сходку подкутившихъ заговорщиковъ или, вмѣсто Воскресенія Христова, какую-то сутолоку, съ разными тонкими намеками, для которыхъ комментаріи надобно искать въ этой руководящей книгѣ. Въ такихъ произведеніяхъ недостатокъ вдохновенія и остроумія отражается вялостію внѣшней формы, недостатками въ рисункѣ и колоритѣ, манерностію и театральностію. Нѣтъ,

[redacted]

надобно быть великимъ геніемъ, чтобы, по пути Ренана, создать въ живописи что-нибудь замѣчательное, еслибы только истинный геній могъ избрать для себя этотъ путь.

II.

Касаясь нѣкоторыхъ крайностей и ложныхъ увлеченій въ современномъ искусствѣ, я имѣлъ въ виду преимущественно наше отечество. Тѣ же недостатки можно встрѣтить и на Западѣ, особенно во Франціи, но не въ такой исключительной односторонности, потому что настоящая цивилизація уравниваетъ всѣ направленія, какъ бы они противоположны ни были, и ни одному изъ нихъ не даетъ исключительнаго преобладанія. Въ одной изъ слѣдующихъ главъ этой статьи, я попытаюсь объяснить, до какого совершенства могло дойдти искусство въ наше время; теперь же укажу главнѣйшіе его принципы, составляющіе его существенныя достоинства, помимо крайностей и ошибокъ, которыя, безъ сомнѣнія, надобно извинить какъ временную случайность.

Вопервыхъ, что̀ можетъ быть плодотворнѣе для искусства, какъ изученіе *натуры*, самое полное, всестороннее изученіе, начиная отъ человѣческой фигуры и до послѣдней травки въ ландшафтѣ, до мельчайшей подробности въ утвари? Это главный принципъ современнаго искусства. Впрочемъ, принципъ не новый. Онъ господствовалъ и прежде всегда, когда искусство процвѣтало, и только въ періоды манерности и ложнаго вкуса замѣнялся подражаніемъ образцамъ. Поразительною вѣрностью природѣ скульптура античная вознеслась до такого совершенства, которое и до сихъ поръ остается недосягаемымъ. Настоящее процвѣтаніе искусства христіанскаго ведетъ свое начало тоже съ того только времени, какъ стали изучать природу, сначала въ скульптурѣ стиля готическаго, въ XIII в., и потомъ въ живописи италіанской и голландской XIV и XV столѣтій, то-есть въ лучшій періодъ стиля высоко-религіознаго. Такимъ образомъ, изученіе природы не только не противорѣчило идеалу, но давало средства для его выраженія, для его олицетворенія на всеобщее ему поклоненіе, для міра античнаго—въ типахъ олимпійскихъ боговъ, для міра новаго—въ красотѣ и величіи воплощеннаго Божества. Въ эпоху Возрожденія подражаніе

антикамъ уравновѣшивалось изученіемъ натуры и потому, въ лучшихъ представителяхъ, не могло доходить до вредныхъ крайностей. Леонардо-да-Винчи, при всей идеальности своихъ стремленій, особенно рекомендовалъ художникамъ подражаніе природѣ; съ небывалымъ дотолѣ увлеченіемъ изучалъ ее самъ, и не въ одной мастерской своей, но гдѣ бы онъ ни былъ,—на прогулкѣ, сидя въ тавернѣ, бродя по рынкамъ, въ толпѣ церковной процессіи,—и тутъ же дѣлалъ бѣглые эскизы въ своемъ портфелѣ. По собственному его выраженію, искусство должно быть „дитятей“ природы, а не „внукомъ“, когда пользуются ею уже изъ вторыхъ рукъ, подражая образцамъ. Хотя въ послѣдствіи, въ произведеніяхъ Рубенса, Рембрандта, Теньера, Рюисдаля, натурализмъ беретъ перевѣсъ надъ идеаломъ, за то искусство выигрываетъ въ перспективѣ, свѣтотѣни, въ изображеніи подробностей, въ ландшафтѣ. Такимъ образомъ, преимущество современнаго искусства предъ всѣмъ его прошедшимъ состоитъ въ томъ, что художникъ вмѣняетъ себѣ въ непремѣнную задачу переносить въ свое произведеніе природу во всей ея полнотѣ, всецѣло. До XV вѣка живопись успѣла сладить только съ человѣческою фигурой и затруднялась еще группировкой нѣсколькихъ фигуръ. Даже въ началѣ XVI вѣка въ ней болѣе господствовалъ барельефъ нежели перспектива съ ландшафтомъ, потому что весь интересъ сосредоточивался на человѣкѣ, на его характерѣ, чувствованіяхъ и страстяхъ, точно такъ какъ въ сценическомъ представленіи старинныхъ мистерій мало обращали вниманія на скудныя, однообразныя декораціи. Первыя, раннія попытки дать историческому сюжету ландшафтъ и натуральную обстановку въ тщательномъ изображеніи подробностей были сдѣланы въ Голландіи, еще Ванъ-Эйками; но только въ недавнее время оцѣнили, какъ слѣдуетъ, эти блистательныя попытки, указавъ въ нихъ великіе задатки того натурализма, который въ XVII столѣтіи такъ высоко вознесъ школу Голландскую. Что же касается до Италіи, то только въ позднѣйшей школѣ Венеціянской, въ произведеніяхъ Тиціана, Павла Веронезе, живопись представила блистательные образцы историческихъ сюжетовъ въ богатой ландшафтной обстановкѣ. Итакъ, до чего искусство доходило въ теченіе столѣтій постепенно, шагъ за шагомъ, то легко, по наслѣдству, досталось художникамъ новѣйшимъ.

Вовторыхъ, правильное отношеніе къ природѣ современное искусство соединило съ здравымъ, прямымъ отношеніемъ къ дѣйствительности, къ текущей жизни, въ ея настоящемъ и прошедшемъ. Какъ ни проста сама по себѣ мысль, что искусство должно питаться только тѣмъ, что̀ въ настоящую минуту интересуетъ всѣхъ и каждаго, къ чему всѣ стремятся, въ чемъ ищутъ для себя и удовольствія, и назиданія, однако эта истина была сознана какъ слѣдуетъ только въ послѣднее время. Это—истина такъ же вовсе не новая какъ и изученіе природы. Она всегда господствовала въ эпохи процвѣтанія искусства, потому что въ эти эпохи искусство по преимуществу выражало стремленія, вѣрованія и убѣжденія своихъ современниковъ. Чѣмъ же инымъ какъ не всеобщимъ религіознымъ настроеніемъ объяснить эти великолѣпные порталы готическихъ соборовъ, съ цѣлыми поэмами о сотвореніи міра и о страшномъ судѣ, изъ житій святыхъ и изъ хроникъ, нагроможденными изъ несмѣтнаго множества рельефовъ и цѣлыхъ статуй и группъ? Самый матеріализмъ въ изученіи природы, какъ сказано выше, приносилъ себя въ услуженіе религіозному идеалу. Наивное благочестіе старинныхъ фламандскихъ натуралистовъ, братьевъ Ванъ-Эйковъ, Мемлинга и другихъ, высказывается въ неимовѣрной старательности, съ которою они отдѣлываютъ, какъ миніатюристы, мельчайшія подробности своихъ иконъ до едва замѣтной жилки на рукѣ, до послѣдней складки одѣянія, до малѣйшихъ волосковъ на коврѣ, на который удостоиваетъ положить свои ножки Мадонна. Правда, что лица ихъ святыхъ вовсе не идеальны, это не болѣе какъ добрые люди, по большей части съ пошлыми фламандскими физіономіями, но эти лица озаряются свѣтомъ того благочестія, которое художники повсюду встрѣчали въ окружающей ихъ средѣ и которое умѣли вознести на идеалъ иконы, отвѣтствуя на всеобщее молитвенное настроеніе.

Впрочемъ и въ лучшую пору своего процвѣтанія, въ XV и XVI столѣтіяхъ, не въ одинаковой степени искренности и правдивости относилось искусство къ убѣжденіямъ массы. Это отличіе особенно важно въ художественной критикѣ. Какъ скоро было оно найдено и сознано, тотчасъ же обозначилась во всей наготѣ ложная мечтательность и безсмысленная рутина, которою уже съ XVI вѣка стало замѣняться истинное религіозное вдохновеніе. Потому-то такъ важно и

для теоріи, и для практики, что безпристрастный историческій анализъ оцѣнилъ, наконецъ, великихъ художниковъ, предшествовавшихъ „Возрожденію“.

Истинно-религіозное искусство возможно было только тогда, когда благочестивая молитва низводила въ окружающую дѣйствительность священныя видѣнія, когда вѣрованіе не знало границъ между дѣйствительнымъ и возможнымъ, когда идеалъ господствовалъ надъ всѣмъ житейскимъ, какъ въ тѣхъ старинныхъ иконахъ, на которыхъ, въ молитвенномъ колѣнопреклоненіи, набожный заказчикъ иконы, отецъ семейства, вмѣстѣ съ его женой и домочадцами, умильно созерцаетъ возсѣдающую на престолѣ Мадонну съ Предвѣчнымъ Младенцемъ. Только самое искреннее убѣжденіе въ гармоніи идеальнаго съ дѣйствительнымъ могло создать такое, напримѣръ, безподобное произведеніе, какъ *Явленіе Богородицы Св. Бернарду*, Филиппино Липпи, во Флорентійской Бадіи. Не далеко отъ своего монастыря, между утесами, на уютномъ выступѣ изъ камней, сидитъ Св. Бернардъ въ бѣлой расѣ и пишетъ на пергаментномъ фоліантѣ. Въ какія иныя думы могъ онъ такъ глубоко погрузиться, какъ не въ свои любимыя мистическія идеи о божественной любви, нисходящей на человѣка путемъ человѣческой любви къ ближнему, когда внезапно явилась ему въ мысляхъ сама воплощенная любовь божественная, въ образѣ Богоматери? И онъ только теперь прозрѣлъ духовно, въ несказанномъ наслажденіи мыслію, и какъ благочестивый монахъ, и какъ проповѣдникъ, и какъ ученый; потому что онъ удостоился во очію узрѣть предъ собой ту идею, къ которой онъ стремился всю свою жизнь и дѣломъ, и словомъ, и своими писаніями. Онъ не пораженъ внезапностью чудеснаго явленія, потому что онъ непрестанно его чаялъ, вызывая его и подвигами своими, и созерцаніями, и теперь, въ торжественную минуту жизни, онъ только умилился духовно, въ молитвенномъ благоговѣніи смотря на высшій идеалъ своихъ мечтаній и помышленій, будто художникъ, вдохновенно прозрѣвшій наконецъ въ обрабатываемой имъ формѣ тотъ идеалъ, который доселѣ смутно грезился ему въ его тревожной фантазіи. Это полнѣйшее наслажденіе ученаго, когда онъ постигаетъ искомую имъ истину; это безмятежная радость праведника, когда, послѣ долгой, сокрушенной молитвы, осѣняетъ его благодать предвкушенія небеснаго

блаженства. Св. Бернардъ спокойнѣе Евангелиста Луки, который, въ извѣстной картинѣ Рафаэля, списываетъ портретъ съ представшей ему Мадонны, вперивъ свои восторженные взоры въ чудесное, внезапное явленіе, которое вотъ тотчасъ же скроется въ окружающемъ его облакѣ. Отношеніе святаго живописца къ явившемуся видѣнію болѣе внѣшнее, независимое отъ его воли, какъ и всякое на землѣ чудо, хотя и ниспосланное по благодати. Потому-то и является ему Мадонна въ недоступной средѣ, будучи отдѣлена отъ него облакомъ. Напротивъ того, представшее Св. Бернарду явленіе— это плодъ его собственныхъ духовныхъ стремленій и думъ, это благодатное воплощеніе его же собственныхъ помысловъ. Тутъ не было внезапности чуда, потому и не было произведено ни мгновеннаго потрясенія, ни изумленія, ни восторга. Въ противномъ случаѣ, благочестивый монахъ не усидѣлъ бы на своемъ мѣстѣ и палъ бы ницъ предъ Мадонной; но онъ продолжаетъ сидѣть, и только пересталъ писать, держа перо въ пальцахъ одной руки, а другую нѣсколько приподнялъ отъ книги, какъ человѣкъ въ крайнемъ удовольствіи, когда открылъ нѣчто великое и прекрасное въ предметѣ своего писанія. И Богородица предстала предъ нимъ одна, безъ Предвѣчнаго Младенца, вовсе не въ такомъ торжественномъ видѣ, чтобы поразить или низложить въ колѣнопреклоненной молитвѣ. Не въ облакѣ, скрывающемъ ее пò-поясъ, какъ явилась она Евангелисту Лукѣ въ картинѣ Рафаэля, а какъ обыкновенная смертная, просто и кротко подошла она къ сидящему монаху, и наложила правую руку на его писаніе, а лѣвую приложила къ сердцу, какъ бы поощряя его своимъ сочувствіемъ; а онъ глядитъ на нее во всѣ глаза, но какъ человѣкъ, который, смотря въ пустое пространство, видитъ взорами не физическими, а духовными. Не изумляетъ его даже и то, что сама Богородица удостоила своею десницей коснуться его грѣшнаго писанія: видимо, онъ убѣдился, что достигъ наконецъ цѣли своихъ созерцаній, что рука небесная запечатлѣла его писаніе. Ангелы, сопутствующіе Богородицѣ, тоже не иное что̀ какъ видимые знаки мистическихъ идей ученаго подвижника. Одинъ ангелъ молитвенно сложилъ руки, другой внизу, почти подъ краемъ книги, разумно устремилъ взоры вверхъ, будто смышляя премудрое писаніе. Несмотря на аскетическій сюжетъ картины и на ея мистическія идеи, все въ ней дышетъ красотой, свѣжестью

и цвѣтущимъ здоровьемъ, даже въ этомъ престарѣломъ монахѣ-труженикѣ, пріютившемся между камнями съ своимъ ученымъ фоліантомъ. Въ этомъ отшельническомъ скиту красота мыслей, воплотившаяся въ прекрасномъ видѣніи, окружена гармонирующею ей красотой природы. Тутъ нѣтъ ни одного намека на аскетическое презрѣніе къ матеріи, на истязаніе плоти во имя духа; нѣтъ ничего, что напоминало бы о ея болѣзненной бренности. Освѣщая небеснымъ видѣніемъ земной ландшафтъ, художникъ, видимо, искалъ примиренія между земнымъ и небеснымъ, и прекрасной душѣ давалъ такую же прекрасную оболочку, чтобы, будучи просвѣтлѣна истиной науки и благодатью, тѣмъ привольнѣе вращалась душа въ своей бренной плоти, чѣмъ выше надъ нею поднимается, до той всепрощающей высоты божественнаго милосердія, на которой уже становятся безсмысленными враждебные счеты между духовнымъ и тѣлеснымъ и всѣ эти аскетическія истязанія плоти, свидѣтельствующія только о болѣзненномъ состояніи самого духа. Потому-то такъ прекрасенъ отшельническій вертепъ Св. Бернарда. Кругомъ его тѣнистыя рощицы и роскошная зелень. Благодатная природа смягчила и самые камни, и вотъ, направо, изъ трещинъ утеса, поднимаются тонкіе стебельки съ красивыми цвѣточками.

Только въ то время религія могла вполнѣ овладѣвать вдохновеніемъ художника, когда въ ней сосредоточивались всѣ умственные и нравственные интересы, когда въ ней открывали рѣшеніе всѣхъ вопросовъ и науки, и жизни. Евангельскіе сюжеты, для всѣхъ назидательные и усладительные уже и сами по себѣ, давали раму для разныхъ идей, состоящихъ въ большей или меньшей съ ними связи. Потому одинъ какой-нибудь сюжетъ, напримѣръ, Рождество Спасителя, Поклоненіе Волхвовъ или Пастырей, служилъ какъ бы предлогомъ для какой-нибудь задушевной мысли, которую художникъ извлекалъ изъ Св. Писанія. Разсматривая безчисленныя воспроизведенія одного и того же евангельскаго сюжета разными художниками различныхъ школъ, приходишь къ полнѣйшему убѣжденію, что было время, когда евангельское слово было неистощимымъ источникомъ для множества самыхъ разнообразныхъ идей, когда всякій по-своему примѣнялъ его къ жизни, искалъ въ немъ рѣшенія своихъ недоумѣній и вопросовъ.

[redacted]

Великое значеніе божественнаго откровенія для просвѣщенія человѣчества могло быть во всей глубинѣ восчувствовано и выражено въ искусствѣ, безъ сомнѣнія, только этого ранняго, благочестиваго періода, когда и художникъ, и его современники только путемъ молитвы и благочестиваго созерцанія достигали умственнаго и нравственнаго совершенствованія. Я не знаю ни одного произведенія, въ которомъ бы съ такою убѣдительностью высказалась мысль о просвѣтлѣніи грубой человѣческой натуры, объ освобожденіи ея отъ умственнаго и всякаго другаго рабства во имя откровенія, какъ въ *Поклоненіи Пастырей* Доменика Гирландайо, Микель-Анджелова учителя (картина во Флорентійской Академіи Художествъ). Къ народившемуся Спасителю пришли мужики, народъ грубый, заматорѣлый въ трудѣ, рабы, на которыхъ не въ мѣру отяготѣло ветхое проклятіе — въ потѣ лица снѣсти хлѣбъ, которые, за тяжкими трудами о насущномъ, ни разу въ жизни не вкусили наслажденія свободной мысли, ни разу не имѣли досуга отрѣшиться отъ своей печальной дѣйствительности, потому что и не догадывались о высшемъ мірѣ идей; и вотъ только теперь, когда они поклонились явившемуся на землѣ ихъ Искупителю и Спасителю, они прозрѣли духовно, вошли въ самихъ себя, сознали въ себѣ искупленное отъ помраченія и рабства человѣчество. Одинъ изъ нихъ уже молится; надъ нимъ уже совершилось чудесное возрожденіе, онъ уже вкушаетъ первое еще въ его жизни духовное наслажденіе—въ тихой, успокоительной молитвѣ. Онъ старъ, но его молодитъ новое чувство. Другой стоитъ позади, натура болѣе грубая, но уже готовая смягчиться. Но какъ хорошъ этотъ третій, смуглая. худощавая личность, съ черными волосами съ просѣдью. Это натура болѣе другихъ энергическая; онъ былъ грубѣе и жестче обоихъ своихъ товарищей. И теперь онъ еще не молится, хотя и преклонилъ колѣна. Въ немъ происходитъ великій нравственный переворотъ. Онъ начинаетъ приходить къ сознанію въ себѣ человѣческаго достоинства, онъ начинаетъ постигать въ себѣ душу и свободную волю, будто только теперь нараждается въ немъ человѣкъ, когда съ вѣрой и надеждой взглянулъ онъ на этого народившагося Младенца. Лучъ свѣта откуда-то упалъ на него, и просѣдь серебрится въ его черныхъ волосахъ, и смуглое лицо его кое-гдѣ тронуто свѣтлыми бликами, такъ же какъ и духовно

просвѣтляется вся его природа. Но особенно глаза его свѣтятъ несказанною радостью, будто онъ нашелъ безцѣнное сокровище и въ восторгѣ сообщаетъ о своемъ пріобрѣтеніи товарищу, указывая одною рукой на лежащаго предъ нимъ Младенца, а другую поднося къ сердцу, будто онъ въ себѣ самомъ нашелъ это великое сокровище. Художникъ въ совершенствѣ воспользовался техническими средствами своего искусства, давъ живописному освѣщенію смыслъ духовнаго просвѣтлѣнія грубой человѣческой природы. Христосъ пришелъ въ міръ несчастныхъ утѣшить и рабовъ освободить. Потому ему поклоняются прежде всѣхъ бѣдные труженики, люди во всемъ темные, пастухи. Волхвы или цари пришли уже потомъ. Они уже и прежде были люди развитые, образованные; они и прежде пользовались благами міра. Имъ уже второе мѣсто въ поклоненіи Спасителю. Когда уже пастухи вкусили божественное откровеніе, вдали только еще ѣдутъ великолѣпныя свиты троихъ царей, около бѣгутъ скороходы. Тамъ шумъ и молва, тамъ торжественность процессіи и царственнаго церемоніала, и Іосифъ невольно отвлекся отъ скромной сцены пастушеской, и заслонивъ рукой свѣтъ, смотритъ вдаль на приближающуюся шумную толпу, между тѣмъ какъ тутъ, около него, въ тишинѣ и безвѣстности, совершается величайшее въ мірѣ торжество просвѣтлѣнія души человѣческой и освобожденія порабощенной воли силой вѣры въ Младенца, чудесно явившагося для спасенія міра.

Съ XVI столѣтія стиль религіозный клонится къ рѣшительному паденію, сколько ни старались возстановить его такіе великіе художники, какъ Рафаэль, Микель-Анджело и другія знаменитости того цвѣтущаго вѣка. Религіозный сюжетъ становится общимъ мѣстомъ, риторическою фразой. Художники подогрѣваютъ остывающее вѣрованіе подражаніемъ стариннымъ, наивнымъ мастерамъ, и только понапрасну расходуютъ свои высокія дарованія для воспроизведенія того, чѣмъ не могутъ уже искренно вдохновиться. Зачѣмъ было Микель-Анджело писать свой *Страшный Судъ* въ Сикстинской капеллѣ, заимствуя сюжетъ, и въ цѣломъ, и въ подробностяхъ, изъ скромныхъ, благочестивыхъ иконъ, которыми живописецъ XV вѣка, Лука Синьёрелли, украсилъ старинный соборъ въ Орвіетто? Развѣ для того только, чтобы доказать міру, что этотъ сюжетъ, любимый искусствомъ въ

[redacted]

теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, составлявшій лучшее украшеніе готическихъ порталовъ и необходимую принадлежность стѣнной живописи внутри храмовъ, совершилъ уже свое назначеніе и отошелъ въ прошедшее, что напрасно ожидать симпатіи къ этому сюжету въ умахъ XVI столѣтія, и что не спасутъ художника въ невыполнимой задачѣ ни мастерскіе пріемы вполнѣ развитаго искусства, ни вліянія входившаго въ то время натурализма, ни изумительные ракурсы или сокращенія фигуръ, на что Микель-Анджело былъ первымъ мастеромъ въ свѣтѣ, ни художественные вымыслы всѣхъ этихъ ужасовъ и въ борьбѣ казнимыхъ со смертію, въ восстаніи мертвыхъ, и въ чудовищныхъ кривляньяхъ отвратительныхъ бѣсовъ и въ столько же чудовищныхъ терзаніяхъ грѣшниковъ? Въ этой колоссальной поэмѣ все направлено къ трагическому потрясенію, и нѣтъ уже мѣста успокоенію и просвѣтлѣнію. Сами святые великомученики, утративъ евангельское милосердіе, какъ античные Олимпійцы, дышатъ враждой, являются въ день Страшнаго Суда затѣмъ только, чтобъ отомстить своимъ мучителямъ, поразить, обезсудить ихъ своимъ грознымъ присутствіемъ. Какъ обвинители на судилищѣ обыкновенномъ, земномъ, являются они съ уликами, каждый съ орудіемъ своего мученія. Св. Севастіанъ со стрѣлами, которыми былъ разстрѣлянъ, Св. Лаврентій съ жаровнею, на которой былъ сожженъ, Св. Екатерина съ колесомъ, на которомъ была колесована, апостолъ Варѳоломей не только съ ножомъ, но и со своею кожей, которая этимъ ножомъ была содрана. И всѣ они потрясаютъ этими страшными орудіями, будто мечами на войнѣ, низвергая своихъ мучителей съ воздушныхъ пространствъ во власть демоновъ, которые ихъ подхватываютъ и мчатъ внизъ: потому что страшная, небывалая борьба происходитъ и на землѣ—борьба воскресающихъ съ обуявшею ихъ смертію, и въ воздухѣ — борьба между ангелами и демонами за праведниковъ и грѣшниковъ. Если сами святые забыли о своемъ райскомъ блаженствѣ, то тѣмъ меньше умѣютъ имъ насладиться всѣ эти избранныя души, которыя по обѣ стороны Судіи наполняютъ горнія небеса, фигуры мастерски писанныя, изящно сгруппированныя, но вполнѣ равнодушныя къ тому положенію, въ которое онѣ поставлены. Самъ Судія небесный развѣнчанъ отъ своего божественнаго достоинства и, какъ

царь новыхъ олимпійскихъ божествъ, является въ античномъ образѣ Юпитера громовержца.

И съ самаго XVI столѣтія до нашихъ временъ этому произведенію суждено было заслонять собой все, чтò прекраснаго и возвышеннаго въ этомъ родѣ было до него въ искусствѣ совершено, заслонять даже и тѣ превосходные оригиналы въ Орвіетскомъ храмѣ, которыми Микель-Анджело такъ много воспользовался; и только здравой критикѣ нашего времени эстетическій вкусъ обязанъ очищеніемъ отъ многовѣковаго предразсудка.

Бѣглый взглядъ на Орвіетскія произведенія Луки Синьёрелли даетъ ясное понятіе о томъ, чего уже не доставало великому творцу Сикстинской фрески.

По звуку трубъ двухъ ангеловъ, стоящихъ на облакахъ, совершается возстаніе изъ мертвыхъ, которымъ особенно много воспользовался Микель-Анджело. Иные изъ воскресающихъ успѣли выставить изъ-подъ земли только головы; иные наружи уже по поясъ; иные совсѣмъ освободились отъ земли, радуются, что опять одѣлись членами своего тѣла, привольно раскидываясь ими по воздуху, будто охорашиваются, вполнѣ наслаждаясь благомъ воскресенія. Иные устремляютъ изумленные взоры вверхъ, будто по безсмысленному еще инстинкту покорствуя первой непоборимой силѣ, которая извлекла ихъ изъ-подъ земли. А вотъ эти до половины выступившія фигуры—какъ онѣ борются съ обуявшею ихъ въ теченіе столькихъ вѣковъ землей! Это бореніе духа съ матеріей, но бореніе не отъ человѣка; оно выше силъ его: потому такъ болѣзненно отражается оно въ оживающихъ лицахъ! Особенно прекрасны группы, въ которыхъ воскресшіе, вполнѣ освободившіеся отъ борьбы, помогаютъ освобождаться только еще воскресающимъ. Тамъ родственникъ или другъ усердно вытягиваетъ изъ-подъ земли своего родственника или друга; а вотъ мужъ нѣжно извлекаетъ свою до пояса показавшуюся жену: и съ какою любовью во взорахъ взглянули они другъ на друга въ этомъ необычайномъ свиданіи послѣ долгой, долгой разлуки. На второмъ планѣ, за полемъ возстанія изъ мертвыхъ, группами стоятъ воскресшіе, нѣкоторые сцѣпились рука объ руку по трое, будто античныя граціи. Радость и наслажденіе вновь полученною жизнію сіяетъ на ихъ лицахъ. Благочестивый художникъ старался прослѣдить всѣ степени человѣческаго воскресенія,

[redacted]

начиная отъ безобразія скелета и отъ болѣзненной борьбы зарождающейся жизненной силы съ оцѣпенѣніемъ смерти — до страха, ужаса, благоговѣнія, до нѣжной любви въ помощи другъ другу, до радостей свиданія, до полнаго наслажденія вновь полученною жизнію; онъ попеременно перечувствовалъ всѣ моменты этой чудной, самой полной поэмы воскресенія. У Микель-Анджело сильнѣе представленъ ужасъ въ бореніи жизни со смертію, въ бореніи страшномъ, нечеловѣческомъ; но онъ отнялъ у этого событія все, что̀ могло бы быть въ немъ торжественно-радостнаго, что̀ могло бы успокоивать и услаждать вѣрующее воображеніе. Болѣзненный ужасъ нападаетъ на его воскресающихъ, или же крайнее изумленіе. У Луки Синьерелли видишь вездѣ человѣка, съ его радостями, заботами, съ дружбой и любовью: у Микель-Анджело одна только неземная, высшая сила немилосердно дѣйствуетъ въ воскресеніи, безъ всякаго различія между воскресающими: тутъ нѣтъ мѣста человѣческой волѣ и свободному чувству.

Эпизодъ Сикстинской фрески съ грѣшниками, которыхъ дьяволы низвергаютъ съ воздушныхъ пространствъ въ адскую бездну, также заимствованъ въ общемъ планѣ и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ изъ иконы Луки Синьерелли, изображающей адъ. Посреди самой картины стремглавъ мчится демонъ на своихъ крыльяхъ летучей мыши, вскинувъ на плеча молодую, роскошную грѣшницу. Воспользовавшись этою группой, Микель-Анджело только замѣнилъ грѣшницу грѣшникомъ. * Что́ же касается до эпизода праведниковъ, наслаждающихся небеснымъ блаженствомъ, то этотъ эпизодъ, безцвѣтный и бѣдный мыслями въ Сикстинской фрескѣ, особенно хорошо удавался стариннымъ благочестивымъ художникамъ, особенно Беато-Анджелико Фіезолійскому, который за то вовсе не умѣлъ представить себѣ адскихъ мученій,

---

* Мотивъ этотъ рисованъ обоими художниками, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ слѣдующихъ стиховъ Данта:

Ahi quant'egli era nell'aspetto fiero!
E quanto mi parea nell'atto acerbo,
Con l'ale aperte, e sovra i piè leggiero!
L'omero suo, ch'era acuto e superbo,
Carcava un peccator con ambo l'anche,
Ed ei tenea de'piè ghermito il nerbo.

Inf. XXI, 31—36.

изображая какія-то дѣтскія на этотъ предметъ каррикатуры. Эпизодъ съ праведниками необыкновенно хорошъ и у Луки Синьёрелли. Его рай, кажется, такъ и дышетъ музыкой рая Дантовскаго. Наверху полукругомъ сидятъ ангелы и играютъ на разныхъ музыкальныхъ инструментахъ, какъ у Данта, наполняя райскій воздухъ ангельскою гармоніей. Внизу стоятъ толпы праведниковъ, надъ которыми, въ воздушномъ пространствѣ, вьются на своихъ крыльяхъ прекрасные ангелы и осыпаютъ праведниковъ цвѣтами, или же коронуютъ ихъ вѣнцами. Праведники писаны уже по новой манерѣ, обнаженными, а не въ одеждахъ, какъ изображались въ старину, и какъ ихъ изображалъ еще и Беато-Анджелико. Этотъ благочестивый живописецъ дополняетъ райскія радости наивною пляской, въ которой участвуютъ праведники вмѣстѣ съ ангелами, сцѣпившись съ ними рука съ рукой, какъ пляшутъ въ русскихъ хороводахъ. Воздушное существо пляшущихъ явствуетъ изъ того, что подъ ихъ легкими ножками не гнутся прекрасные цвѣты на зеленомъ лугу, по которому они ведутъ свой райскій хороводъ.

Всякому времени суждено свое. Нѣтъ ничего страннаго, что въ вѣкъ Рафаэля и Микель-Анджело религіозное искусство пало, но странно то, для чего оно въ своемъ паденіи не переставало занимать воображеніе художниковъ и, искажаясь болѣе и болѣе, влачило свое жалкое существованіе вплоть до нашихъ временъ. Сѣтованія Савонаролы на художниковъ его времени, что они вмѣсто Мадоннъ пишутъ портреты съ своихъ женъ и любовницъ, не предупредили зла, а предсказали тотъ путь, по которому, чѣмъ дальше тѣмъ ниже, склонялось церковное искусство къ упадку, такъ что наконецъ такъ-называемое *Святое Семейство* стало пустою рамкой, въ которой, подъ видомъ Іосифа и Дѣвы Маріи съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, особенно любили изображать отца семейства съ его супругой и съ новорожденнымъ наслѣдникомъ, который иногда лежитъ въ дѣтской колясочкѣ.

Реформація нанесла рѣшительный ударъ христіанской иконографіи. Католичество съ своими торжественными обрядами, съ своими вѣковыми преданіями, съ своими безконечными легендами о святыхъ, находило себѣ прямое выраженіе въ матеріальныхъ формахъ искусствъ изобразительныхъ, въ формахъ, способствовавшихъ пышности католическихъ обрядовъ и потворствовавшихъ чувственности. Исповѣданіе

новое, отнесшееся критически ко всему прошедшему, въ своемъ философскомъ, отвлеченномъ характерѣ не могло терпѣть внѣшнихъ, матеріальныхъ формъ и открыло новый, до сихъ поръ продолжающійся, періодъ иконоборства. Церковное искусство ограничилось только музыкой, неопредѣленныя, улетучивающіяся формы которой болѣе согласовались съ отвлеченностью протестантскаго ученія. Скульптура и живопись, отторгнутыя отъ религіозной основы, предоставлены были самимъ себѣ, для того чтобы, помимо религіи, въ другихъ сферахъ открыть новые источники для вдохновенія и новые сюжеты. Такъ-называемая ложно-классическая школа, и въ литературѣ, и въ искусствѣ, давала въ античной миѳологіи плохое подспорье оскудѣвшему христіанскому воодушевленію, которое, за отсутствіемъ искренности, предавалось ханжеству и мечтательности.

До какой фальши и уродливости домечталась фантазія безъ руководства религіи, можно видѣть изъ всѣхъ этихъ „символовъ" и „эмблемъ", которыя загромоздили литературу и искусство въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. „Вражда" представлялась подъ видомъ отвратительной старухи, съ аттрибутами фуріи и медузы; „Времена года", — подъ видомъ четырехъ дамъ съ соотвѣтствующими аттрибутами. Составлялись цѣлыя картины изъ разныхъ символовъ и эмблемъ, для разгадки которыхъ нужны были комментаріи; образовалась, наконецъ, значительная литература по этому предмету изъ изданій съ картинками и объяснительнымъ текстомъ. Несмотря на условность и лживость этого направленія, оно господствовало повсюду, и въ деталяхъ церковнаго зодчества, куда оно внесло трехъугольники со Всевидящимъ Окомъ, потиры въ сіяніи, пылающія сердца, якори надежды и т. п., и въ символикѣ фран-масонскихъ ложъ, и въ гербахъ дворянскихъ фамилій, и на печатяхъ, и на виньеткахъ въ книгахъ. Даже до сихъ поръ иные скульпторы не могутъ отказаться отъ этой подручной для нихъ рутины, которая избавляетъ отъ самостоятельной мысли, предлагая готовыя уже условныя формы для олицетворенія вѣры, надежды, любви, отчаянія, сѣтованія и т. д.

Рядомъ съ этимъ безплоднымъ путемъ, искусство открыло себѣ другой путь, который долженъ былъ привести его къ лучшимъ результатамъ. Это изображеніе дѣйствительности. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности о всѣмъ извѣстныхъ

заслугахъ по этому предмету школъ Фламандской и Голландской; довольно сказать, что это новое направленіе, сосредоточившее весь интересъ на человѣкѣ, на его домашней и общественной жизни, на его дѣлахъ и заботахъ, на его радостяхъ и печаляхъ, признается и въ настоящее время, если не единственнымъ, исключающимъ всѣ другія, то самымъ вѣрнымъ и въ особенности соотвѣтствующимъ нашему вѣку. Рембрандтъ, Фанъ-деръ-Гельстъ, Теньеръ, Жераръ Довъ, указали точку зрѣнія и дали образцы, какъ переносить на полотно сцены изъ дѣйствительной жизни. Искусству, въ послѣдующемъ его развитіи, предоставлено было только расширить предѣлы наблюдательности, заинтересоваться человѣкомъ на всѣхъ ступеняхъ его общественнаго положенія, болѣе и болѣе углубляться въ психологическій анализъ, разрабатывая мельчайшія движенія мысли и чувства въ самыхъ разнообразныхъ явленіяхъ жизни.

Таково, кажется, послѣднее слово новѣйшей эстетики.

Искусство всегда состояло въ тѣснѣйшей связи съ литературой. Символизмъ первыхъ вѣковъ христіанства отразился въ символикѣ катакомбной живописи и скульптуры на саркофагахъ. Средневѣковыя легенды и загробныя видѣнія *Божественной Комедіи* сопутствуются любимыми въ то время изображеніями Страшнаго Суда, ада и рая, житій святыхъ, монашескихъ подвиговъ. Шутливыя новеллы подготовляютъ паденіе религіознаго искусства. Возрожденіе классицизма внушаетъ художникамъ любовь къ миѳологіи. Пастушеская и описательная поэзія XVII и XVIII столѣтій совпадаетъ съ развитіемъ ландшафта въ живописи. Такъ и въ наше время нравоописательному роману соотвѣтствуетъ въ искусствѣ изображеніе дѣйствительности.

Понятно, что первая задача современной эстетической критики—это точная повѣрка, въ какой степени правдиво художникъ передаетъ то, что̀ даютъ ему природа и жизнь. Эта повѣрка распространяется на всякіе сюжеты, будь они изъ современности (жанръ), или изъ прошедшаго,—сюжеты историческіе. За недостаткомъ религіознаго чувства, сюжеты религіозные допускаются только въ смыслѣ историческомъ. Итакъ, художественное произведеніе должно съ фотографическою вѣрностью возсоздавать современный бытъ и съ возможною точностью лица и событія историческія, во всей ихъ тогдашней обстановкѣ, съ соблюденіемъ историческаго

костюма, будетъ ли то Гуссъ предъ судомъ инквизиціи, Марія Стюартъ, или Благовѣщеніе и Рождество Спасителя.

Старинные живописцы вовсе не имѣли понятія объ историческомъ костюмѣ. Мадонну одѣвали они въ италіянское, нѣмецкое или голландское одѣяніе, смотря по ихъ собственной національности; священныя лица и сюжеты окружали обстановкой своей современности. Ветхозавѣтныхъ праотцевъ изображали въ видѣ католическихъ прелатовъ, Іосифа въ монашеской расѣ и т. п. Въ раннемъ искусствѣ всевозможные анахронизмы извиняются наивностью и искренностью благочестиваго чувства. Тогда анахронизмъ господствовалъ въ самой исторіи, то-есть, въ баснословныхъ хроникахъ и легендахъ. Тогда набожный живописецъ въ окружающей его дѣйствительности видѣлъ нѣчто для него непонятное и странное, потому что прозрѣвалъ въ ней невидимое присутствіе высшихъ, неземныхъ силъ, всегда чаялъ чудеснаго явленія, и потому незамѣтно сливалъ дѣйствительность съ идеальною областью, изъ которой постоянно бралъ сюжеты для своихъ произведеній. Если онъ отъ всего сердца вѣровалъ, что самъ Спаситель удостоилъ принять на себя подобіе нѣкотораго нищаго и, какъ ему разказывали, недавно подходилъ къ воротамъ такого-то монастыря просить милостыни; если въ легендѣ ему повѣствовали, что и Мадонна, взявъ на себя видъ одной скрывшейся изъ монастыря монахини, нѣсколько лѣтъ исправляла за нее монастырское послушаніе; то почему же было не изображать и Спасителя, и Мадонну въ современныхъ художнику одеждахъ, почему было не окружать ихъ всею дѣйствительною обстановкой, въ которой вращался самъ художникъ? Тѣ же анахронизмы въ историческомъ костюмѣ представляетъ намъ и искусство въ лучшую пору своего процвѣтанія, въ XVI вѣкѣ у Италіянцевъ, и позднѣе у Голландцевъ; и чѣмъ совершеннѣе въ художественномъ отношеніи произведенія, тѣмъ рѣзче бросаются въ глаза анахронизмы. Евангелисты съ бритыми бородами и въ очкахъ, у Луки Лейденскаго, и костюмы голландскихъ мѣщанъ и Турокъ въ чалмахъ, въ евангельскихъ сюжетахъ Рембрандта, уже смѣшны и тѣмъ больше неумѣстны, чѣмъ натуральнѣе они воспроизведены.

Впрочемъ, одною вѣрностью дѣйствительности, современной или исторической, не должна довольствоваться эстетическая критика. Трудъ художника былъ бы неблагодарный,

еслибы высшею для себя задачей онъ постановилъ фотографическую передачу отдѣльныхъ явленій дѣйствительности. Какъ въ исторической картинѣ онъ долженъ возводить подробности въ идеальный типъ, болѣе или менѣе согласный съ историческимъ преданіемъ; такъ и въ сценахъ изъ современной жизни онъ живописуетъ самое существенное, наиболѣе характеристическое, соединяя въ одно цѣлое разрозненныя впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ наблюденій надъ разными случайностями жизни. Но чтобы найдти самое существенное, самое характеристическое въ жизни и передать въ доступной для всѣхъ изящной формѣ, художникъ долженъ быть и философомъ, глубоко понимающимъ человѣческую природу, и тонкимъ политикомъ, съ проницательнымъ взглядомъ на современные вопросы, и вообще человѣковъ во всѣхъ отношеніяхъ просвѣщеннымъ. Въ старину, во времена набожнаго благочестія, религія замѣняла художнику всѣ другія умственныя и нравственныя соображенія; теперь художникъ хочетъ быть философомъ, политикомъ, моралистомъ. А такъ какъ понятія и убѣжденія, безъ руководства однажды навсегда установившихся принциповъ религіозныхъ, представляютъ въ своемъ историческомъ развитіи непрестанное колебаніе, непрестанное видоизмѣненіе, то, смотря по направленію умовъ, художникъ такъ или иначе смотритъ на дѣйствительность, въ томъ или другомъ направленіи группируетъ въ одинъ общій типъ разрозненныя явленія дѣйствительности.

Мы касаемся теперь третьяго принципа новѣйшей теоріи искусства. Художникъ слѣдуетъ какому-либо направленію и проводитъ его въ своихъ произведеніяхъ. Онъ матеріалистъ или идеалистъ, человѣкъ положительный или мечтатель, вѣрующій или невѣрующій, католикъ, протестантъ или православный, политикъ или философъ, и притомъ метафизикъ или психологъ, либералъ или консерваторъ и т. д. Впрочемъ, и направленіе не есть исключительная принадлежность нашего времени. Оно всегда оказывалось въ литературѣ и искусствѣ, какъ скоро изъ безразличной дѣятельности сплошныхъ массъ выступали отдѣльныя личности съ ихъ самостоятельнымъ развитіемъ. Средневѣковыя легенды, какъ невоздѣланный матеріалъ, какъ собраніе общихъ всѣмъ вѣрованій и преданій, не могутъ отличаться никакимъ направленіемъ; но Дантъ въ своей поэмѣ является уже гибеллиномъ,

[redacted]

съ опредѣленнымъ политическимъ взглядомъ на судьбу своего отечества. Онъ политикъ извѣстнаго направленія и философъ извѣстной школы. Скульптурныя поэмы, которыми изукрашены готическіе храмы, объективно выражаютъ общія для всѣхъ благочестивыя представленія объ отношеніи Бога къ человѣку, безъ всякихъ намековъ на какіе-либо личные взгляды художниковъ, составлявшихъ эти произведенія. То же эпическое безразличіе, это непремѣнное качество всякаго народнаго эпоса, господствуетъ и въ благочестивой живописи до XIV вѣка включительно, и въ миніатюрахъ, и въ иконахъ на деревѣ, и во фрескахъ; но съ XV вѣка оказывается направленіе и въ церковномъ искусствѣ, несмотря на то что искреннее благочестіе того времени должно было уравнивать личныя воззрѣнія. Беато-Анджелико является въ своихъ иконахъ не только глубоко-вѣрующимъ человѣкомъ, но и монахомъ-доменикандемъ, который на евангельскія событія и на весь міръ смотритъ глазами основателя своего монашескаго ордена, Св. Доменика; потому-то и находитъ не только приличнымъ, даже необходимымъ для своего набожнаго чувства помѣщать фигуру этого монаха въ изображеніи сюжетовъ изъ Св. Писанія. Св. Доменикъ присутствуетъ у Беато-Анджелико и при рождествѣ Спасителя, и при Тайной Вечери, и при распятіи и возстаніи изъ мертвыхъ, будто бы созерцая эти таинственныя событія, съ тѣмъ чтобы потомъ свои созерцанія сдѣлать доступными всему міру въ этихъ иконописныхъ откровеніяхъ, ниспосланныхъ отъ Св. Доменика его смиренному послѣдователю-иконописцу. Еще очевиднѣе является личное направленіе, когда живопись распалась на множество школъ, изъ которыхъ каждая отмѣтила себя собственнымъ своимъ характеромъ. Но эти различія состояли болѣе во внѣшней формѣ, въ колоритѣ, рисункѣ, въ свѣтѣ и тѣни, въ большемъ или меньшемъ натурализмѣ. Это было скорѣе развитіе самихъ средствъ искусства нежели собственно направленіе, опредѣляемое извѣстнымъ взглядомъ на вещи, извѣстными политическими или философскими принципами. Пока искусство состояло въ услуженіи религіи, ею поглощались всѣ прочіе принципы, или по крайней мѣрѣ на столько ей подчинялись, что не могли давать своего собственнаго направленія. Только тогда оказалось возможнымъ разнообразіе самостоятельныхъ взглядовъ на міръ, когда художникъ

потерялъ уже точку зрѣнія религіозную, когда искусство отрѣшилось отъ религіи, съ которою оно составляло нераздѣльное цѣлое, и когда оно предоставлено было самому себѣ — открыть новые для себя пути и новыя комбинаціи съ другими областями человѣческихъ интересовъ.

Итакъ направленіе политическое, философское или какое другое, составляетъ необходимую принадлежность современнаго искусства. Чѣмъ разнообразнѣе будутъ его направленія, тѣмъ больше исчерпаетъ оно дѣйствительность, потому что тѣмъ болѣе точекъ зрѣнія изберетъ оно для наблюденія, и тѣмъ болѣе удовлетворитъ современной публикѣ, съ ея разнообразными убѣжденіями, направленіями и интересами. Если искусство, въ общемъ итогѣ всѣхъ художественныхъ произведеній, представляетъ сумму различныхъ направленій, то каждый изъ художниковъ, въ своемъ личномъ направленіи, является съ большею или меньшею односторонностью. Если онъ мечтатель, онъ не нравится людямъ положительнымъ; если онъ консерваторъ, онъ не нравится либераламъ. Какого бы направленія художникъ ни держался, онъ достигнетъ совершенства, если будетъ искрененъ въ своихъ убѣжденіяхъ и если онъ настолько даровитъ, что сумѣетъ передать въ изящной формѣ свои убѣжденія: но такъ какъ онъ дѣйствуетъ односторонне, то не имѣетъ права разчитывать на общія симпатіи. Въ этомъ состоитъ печальная участь современнаго художника. Въ этомъ же — слабая сторона цѣлой школы художественной, если она усвоитъ себѣ которое-либо одно изъ направленій, какъ это начинало было угрожать живописи въ нашемъ отечествѣ.

Было время, когда въ послѣдованіи извѣстному направленію литераторъ и художникъ думали видѣть свою главную задачу. Опытъ показалъ, къ какой жалкой посредственности вела эта ошибка. Направленіе есть только путь, а не самое дѣло. Это только взглядъ на вещи, самъ по себѣ не имѣющій ничего новаго и интереснаго. Консерватизмъ или либерализмъ не создаетъ картины или повѣсти, точно такъ же какъ и въ старину недостаточно было одного благочестія чтобы написать икону. *Божественная Комедія*—величайшее въ мірѣ произведеніе не потому, что въ ней предаются проклятію порочные папы, и Боккаччіо всегда будетъ читаться не потому, что рисуетъ развратныхъ монаховъ.

Вотъ именно это-то самое, стоящее выше всякихъ направ-

[redacted]

леній и всѣ вмѣстѣ ихъ содержащее, и составляетъ высшее достоинство художественнаго произведенія. Геній долженъ отозваться на всѣ интересы своихъ современниковъ, но онъ станетъ выше всякаго исключительнаго направленія. Онъ не удовольствуется одною какою-либо доктриной, одною точкой зрѣнія, но взглянетъ на жизнь во всей ея неисчерпаемой полнотѣ; онъ предприметъ въ одномъ великомъ произведеніи совмѣстить все разнообразіе взглядовъ, которое пытаются исчерпывать сотни дарованій мелкихъ. Это не пустое предположеніе, потому что въ области литературы романъ пролагаетъ себѣ путь къ указанной мною высокой цѣли. Почему не ожидать того же и въ искусствѣ, и тѣмъ болѣе, что лучшія художественныя произведенія нашего времени все же даютъ о томъ нѣкоторое предчувствіе?

Итакъ, исключительность какого-либо одного изъ направленій есть переходное состояніе современнаго искусства. Она не только терпима, но необходима, потому что даетъ возможность по частямъ разрабатывать одну великую задачу, всестороннее познаніе человѣческой жизни. Но строгая критика, отдавая справедливость искренности направленія, все же не можетъ не осудить его въ односторонности.

III.

Чтобы дать полное понятіе объ успѣхахъ современнаго искусства и эстетической критики, я брошу бѣглый взглядъ на то, чтò предлагало искусство лѣтъ тридцать тому назадъ. Беру для этого римскія мастерскія, которыя хотя далеко не предлагаютъ лучшихъ образцовъ, но всегда могутъ служить точнѣйшимъ указателемъ того пути, по которому развиваются и совершенствуются художники, со всѣхъ сторонъ стекающіеся въ вѣчный городъ учиться и составлять свою художественную репутацію.

Это было то время, когда еще Ивановъ передѣлывалъ свою *Проповѣдь Іоанна Предтечи*, дѣлая для нея безконечные эскизы фигуръ и ландшафтовъ, а на досугѣ читалъ Евангеліе; когда Бруни оканчивалъ своего *Мѣднаго Змія*; Завьяловъ писалъ *Сошествіе Христа во адъ*, Айвазовскій едва начиналъ получать извѣстность, представивъ папѣ Григорію свой *Хаосъ*, а Пименовъ лѣпилъ мальчика, просящаго милостыню. Овербекъ въ своей мастерской, во дворцѣ Ченчи,

объяснялъ публикѣ только что оконченный имъ *Тріумфъ Религіи*; а банкиръ Торлонія давалъ огромные заказы художникамъ для украшенія своего дворца и виллы. Это то самое время, когда нашъ Гоголь, живя въ Римѣ, оканчилъ свои *Мертвыя Души* и давалъ ихъ переписывать для печати одному изъ своихъ пріятелей, съ которымъ вмѣстѣ квартировалъ. Время интересное и для русскаго искусства, и для русской литературы. Устарѣлое отживало, но еще господствовало и заслоняло собой несмѣлые зачатки новаго. Будущіе учителя русской школы искусства еще сами учились и не умѣли опознаться въ этой путаницѣ старыхъ преданій и предразсудковъ съ неясными новыми стремленіями. Вліяніе знаменитой книги Гоголя только еще предчувствовалось.

Тогда еще ждали проку отъ античной миѳологіи и любили помечтать надъ религіознымъ сюжетомъ въ стилѣ Леонардо-да-Винчи или Рафаэля. За неимѣніемъ болѣе интереснаго, искали сюжетовъ и въ греческихъ трагикахъ, и въ Дантѣ, и въ біографіяхъ Рафаэля и Тасса. Иные изъ живописцевъ думали идти по пути Микель-Анджело, безпощадно ломая фигуры въ невозможныхъ раккурсахъ; другіе усвоивали себѣ идеальную линію Рафаэля; Овербекъ начиналъ оцѣнивать искренность благочестивыхъ мастеровъ ранняго періода. Ваятели никакъ не умѣли выйдти изъ круга сюжетовъ, завѣщаннаго имъ Торвальдсеномъ и Кановой. Вообще эстетическій вкусъ къ формѣ былъ развитъ и усовершенствованъ, но мысли не доставало. Художникъ слегка относился къ своему искусству, больше разчитывая на счастливыя выдумки, которыя могли бы забавлять публику, а не углубляяся серіозно въ вопросы, предлагаемые жизнію. Потому въ выборѣ сюжетовъ замѣчается случайная прихоть, а не настоятельная потребность души, которая въ художественномъ произведеніи стремится разрѣшить то, что̀ ее тревожитъ и волнуетъ.

Читатель самъ можетъ провѣрить эти общія замѣчанія по короткому перечню того, что̀ представляли въ то время римскія мастерскія.

Начну со скульптуры.

Въ мастерской Кановы продолжалъ работать его ученикъ, Ринальдо Ринальди. Вотъ образчикъ его произведеній: *Одиссей*, узнанный собакой при его возвращеніи домой.

[redacted]

Группа: *Цефаль*, поддерживающій *Прокриду*, которая, закрывая на груди рану, испускаетъ предсмертные стоны. *

Рельефъ: *Эней* повѣствуетъ о своихъ похожденіяхъ *Дидонѣ*, которая ласкаетъ Амура, принявшаго видъ Асканія.

Большой фронтонъ въ рельефѣ, для виллы Торлоніи: *Тріумфъ Вакха*, съ опьянѣлыми, страшными вакханками, съ роскошными, въ своей соблазнительной наготѣ, нереидами, съ безобразными сатирессами.

Орлеанская Дѣва, въ полномъ вооруженіи и съ хоругвію.

Наивная забава двухъ малютокъ. *Дѣвочка* изъ породы бѣлыхъ третъ губкой лицо *Арабченка*.

Христосъ-Младенецъ съ земнымъ шаромъ въ рукѣ. Около, для поддержки фигуры, колосья и виноградъ, для символическаго знаменованія Св. Даровъ.

Въ мастерской Тенерани:

Душенька падаетъ въ обморокъ, наивно выставляя на показъ свои обнаженныя прелести, и другія въ томъ же родѣ произведенія изъ античной миѳологіи. Замѣчательнѣе *надгробные* рельефы:

Больная женщина лежитъ на канапе; голова ея покоится въ объятіяхъ неутѣшнаго супруга; съ другой стороны ангелъ подноситъ питье.

Летящая группа—мать съ младенцемъ на рукахъ; другой ребенокъ, тоже на лету, хватается за ея платье. Хотя лице женщины все обращено къ небу, куда вмѣстѣ съ дѣтьми влечетъ ее высшая сила, но она и изъ здѣшняго міра уноситъ съ собой одинъ земной союзъ, потому что въ своихъ нѣжныхъ заботахъ объ этихъ двоихъ малюткахъ она не перестаетъ быть матерью. Тутъ же изображена еще женщина: со сложенными на груди руками, вся погружается она въ чаяніе вѣчнаго блаженства, для нея уготованнаго.

Ко Христу, сидящему съ земнымъ шаромъ въ рукѣ, ангелъ подводитъ двоихъ дѣтей, мальчика и дѣвочку.

Надгробный рельефъ для одной Римлянки. Главная фигура, сама усопшая дѣвица, стоитъ посреди. По сторонамъ, обратясь къ ней, сидятъ отецъ и мать. Мать, поднимая голову къ дочери, горько плачетъ; отецъ, сосредоточивая скорбь

* У Овидія въ Метаморф., VII, 842:

.... Medioque tenens in pectore vulnus,
Hei mihi! conclamat.

въ себѣ самомъ, опустилъ лицо книзу, взявъ дочь свою за руку. Дѣвица одѣта въ широкое одѣяніе съ висящими въ изобиліи складками. На лицо она готова уже накинуть широкое покрывало, которое, по принятому обычаю, символически выражаетъ у художниковъ завѣсу смерти, скрывающую усопшихъ отъ здѣшняго міра. Смыслъ рельефа тотъ, что умершая дѣвица въ видѣніи явилась отцу и матери, чтобы принять отъ нихъ послѣднее прощаніе. Сначала она обратилась къ отцу, подавая ему руку, но не смотритъ на него, потому что душѣ не нужны его очи тѣлесныя. Глубокою задумчивостію выражено ея неземное отношеніе къ оставленнымъ ею родителямъ. Не забыта и любимая собачка ея. Стоя на заднихъ лапкахъ, хватается она за ея платье.

Въ мастерской Бьэнъ-Эме:

Сидящая *Діана* стремительно прикрываетъ свои обнаженныя прелести и рукою, и полотномъ, въ позѣ заимствованной отъ Венеры Медицейской, и грозно обращаетъ свое гнѣвное лицо въ сторону, гдѣ подразумѣвается нескромный Актеонъ. Возлѣ—собака, вытянувъ морду и поднявъ уши, готова защищать свою госпожу и богиню. Тонкость выраженія въ лицѣ Діаны показываетъ въ художникѣ основательное изученіе антиковъ. Не знаешь, испугъ ли это, стыдъ, негодованіе, или все вмѣстѣ.

Психея, съ лампой, осторожно ступаетъ своими нѣжными ножками, которыя такъ и подгибаются. Она вся вниманье, вся сосредоточена на цѣли, куда прокрадывается.

На львиной шкурѣ лежитъ *Вакханка*, облокотившись на мѣхъ съ виномъ, и держа въ рукѣ наполненный виномъ кубокъ. Полураскрытый ротъ и смежающіяся вѣки, по античной программѣ, должны выражать желаніе, которому хмѣльное омраченіе придаетъ еще бо́льшую чувственность. Вызывающая мина ея освѣщена недоконченною улыбкой.

Умильный *амурчикъ* поитъ изъ чаши двухъ голубковъ Венеры.

Плясунья, стоя на одной ножкѣ, высоко подняла другую.

Въ мастерской Финелли:

Венера съ голубкомъ, котораго она хочетъ поцѣловать. Манерна и приторна. Губы, слагающіяся для поцѣлуя, млѣютъ въ непріятной похотливости.

Венера, являющаяся изъ раковины—лучше. Она только что народилась на свѣтъ. Наивно сидя на корточкахъ, впервые

Группа: *Цефаль*, поддерживающій *Прокриду*, которая, закрывая на груди рану, испускаетъ предсмертные стоны. *

Рельефъ: *Эней* повѣствуетъ о своихъ похожденіяхъ *Дидонѣ*, которая ласкаетъ Амура, принявшаго видъ Асканія.

Большой фронтонъ въ рельефѣ, для виллы Торлоніи: *Тріумфъ Вакха*, съ опьянѣлыми, страшными вакханками, съ роскошными, въ своей соблазнительной наготѣ, нереидами, съ безобразными сатирессами.

Орлеанская Дѣва, въ полномъ вооруженіи и съ хоругвію.

Наивная забава двухъ малютокъ. *Дѣвочка* изъ породы бѣлыхъ третъ губкой лицо *Арабченка*.

Христосъ-Младенецъ съ земнымъ шаромъ въ рукѣ. Около, для поддержки фигуры, колосья и виноградъ, для символическаго знаменованія Св. Даровъ.

Въ мастерской Тенерани:

Душенька падаетъ въ обморокъ, наивно выставляя на показъ свои обнаженныя прелести, и другія въ томъ же родѣ произведенія изъ античной миѳологіи. Замѣчательнѣе *надгробные* рельефы:

Больная женщина лежитъ на канапе; голова ея покоится въ объятіяхъ неутѣшнаго супруга; съ другой стороны ангелъ подноситъ питье.

Летящая группа—мать съ младенцемъ на рукахъ; другой ребенокъ, тоже на лету, хватается за ея платье. Хотя лицо женщины все обращено къ небу, куда вмѣстѣ съ дѣтьми влечетъ ее высшая сила, но она и изъ здѣшняго міра уноситъ съ собой одинъ земной союзъ, потому что въ своихъ нѣжныхъ заботахъ объ этихъ двоихъ малюткахъ она не перестаетъ быть матерью. Тутъ же изображена еще женщина: со сложенными на груди руками, вся погружается она въ чаяніе вѣчнаго блаженства, для нея уготованнаго.

Ко Христу, сидящему съ земнымъ шаромъ въ рукѣ, ангелъ подводитъ двоихъ дѣтей, мальчика и дѣвочку.

Надгробный рельефъ для одной Римлянки. Главная фигура, сама усопшая дѣвица, стоитъ посреди. По сторонамъ, обратясь къ ней, сидятъ отецъ и мать. Мать, поднимая голову къ дочери, горько плачетъ; отецъ, сосредоточивая скорбь

* У Овидія въ Метаморф., VII, 842:

.... Medioque tenens in pectore vulnus,
Hei mihi! conclamat.

въ себѣ самомъ, опустилъ лицо книзу, взявъ дочь свою за руку. Дѣвица одѣта въ широкое одѣяніе съ висящими въ изобиліи складками. На лицо она готова уже накинуть широкое покрывало, которое, по принятому обычаю, символически выражаетъ у художниковъ завѣсу смерти, скрывающую усопшихъ отъ здѣшняго міра. Смыслъ рельефа тотъ, что умершая дѣвица въ видѣніи явилась отцу и матери, чтобы принять отъ нихъ послѣднее прощаніе. Сначала она обратилась къ отцу, подавая ему руку, но не смотритъ на него, потому что душѣ не нужны его очи тѣлесныя. Глубокою задумчивостію выражено ея неземное отношеніе къ оставленнымъ ею родителямъ. Не забыта и любимая собачка ея. Стоя на заднихъ лапкахъ, хватается она за ея платье.

Въ мастерской Бьэнъ-Эме:

Сидящая *Діана* стремительно прикрываетъ свои обнаженныя прелести и рукою, и полотномъ, въ позѣ заимствованной отъ Венеры Медицейской, и грозно обращаетъ свое гнѣвное лицо въ сторону, гдѣ подразумѣвается нескромный Актеонъ. Возлѣ—собака, вытянувъ морду и поднявъ уши, готова защищать свою госпожу и богиню. Тонкость выраженія въ лицѣ Діаны показываетъ въ художникѣ основательное изученіе антиковъ. Не знаешь, испугъ ли это, стыдъ, негодованіе, или все вмѣстѣ.

Психея, съ лампой, осторожно ступаетъ своими нѣжными ножками, которыя такъ и подгибаются. Она вся вниманье, вся сосредоточена на цѣли, куда прокрадывается.

На львиной шкурѣ лежитъ *Вакханка*, облокотившись на мѣхъ съ виномъ, и держа въ рукѣ наполненный виномъ кубокъ. Полураскрытый ротъ и смежающіяся вѣки, по античной программѣ, должны выражать желаніе, которому хмѣльное омраченіе придаетъ еще бо́льшую чувственность. Вызывающая мина ея освѣщена недоконченною улыбкой.

Умильный *амурчикъ* поитъ изъ чаши двухъ голубковъ Венеры.

Плясунья, стоя на одной ножкѣ, высоко подняла другую.

Въ мастерской Финелли:

Венера съ голубкомъ, котораго она хочетъ поцѣловать. Манерна и приторна. Губы, слагающіяся для поцѣлуя, млѣютъ въ непріятной похотливости.

Венера, являющаяся изъ раковины—лучше. Она только что народилась на свѣтъ. Наивно сидя на корточкахъ, впервые

[redacted]

разгибаетъ она свой роскошный станъ, и осматриваясь въ новомъ для нея мірѣ, уже кокетливо повертываетъ свою хорошенькую головку. Извѣстной античной позѣ художникъ далъ удачный, новый мотивъ.

Архангелъ низвергаетъ *сатану*. Архангелъ почти весь обнаженъ, въ стилѣ Аполлона Бельведерскаго, особенно по легкости ногъ; волосы, излишне длинные, волнами ниспадаютъ на спину. Скорчившійся сатана, закрывъ ладонью свою рожу, ничѣмъ не отличается въ формахъ тѣла отъ обыкновеннаго человѣка.

Въ мастерской Монти:

Копіи съ произведеній лучшихъ скульпторовъ, каковы *Нимфа* Кановы, *Венера*, *Душенька*, *Ганимедъ* Торвальдсена, *Прядущая Пирка* Шадова, *Орлеанская Дѣва* Ринальди.

Изъ собственныхъ его произведеній:

Богиня *Ѳетида* собирается на свадьбу съ Пелеемъ. Она сидитъ на морскомъ камнѣ. Нереида подноситъ ей въ раковинѣ украшенія. Около дельфинъ.

Начало музыки. Богъ Панъ слушаетъ въ тростникѣ шелестъ зефира, производимый рѣзвою игрой маленькихъ амурчиковъ. Тростникъ съ амурами удачно употребленъ для подпорки статуи. Панъ представленъ въ типѣ юнаго Фавна, какъ этотъ типъ установился въ извѣстномъ произведеніи Праксителя. Вниманіе слуха схвачено прекрасно. Улыбка, свойственная осклабляющемуся Фавну, выражаетъ наслажденіе, производимое гармоническими звуками

Бюстъ *Мадонны* въ стилѣ Сиссоферрато..

Въ мастерской кавалера Фабриса особенно видное мѣсто занимаютъ памятники знаменитымъ людямъ Италіи, потому что этому скульптору давали значительные заказы:

Памятникъ Палладію. На Палладія накинутъ плащъ, который такъ же узко и такими же складками охватываетъ члены его тѣла, какъ знаменитая драпировка античной статуи Аристида. Палладія коронуетъ вѣнцомъ геній славы; по сторонамъ по женской фигурѣ: одна въ античномъ типѣ Провинціи—городъ Виченца, другая въ видѣ Музы—олицетвореніе Исторіи.

Памятникъ Тассу. Творецъ *Освобожденнаго Іерусалима* сидитъ въ нишѣ, подобно Микель-Анджелову Моисею. Онъ одѣтъ рыцаремъ. Возлѣ него—разное оружіе, щитъ и развернутая книга съ первыми стихами его поэмы. Лицо поэта

обращено вверхъ, будто въ минуту вдохновенія, которое онъ почерпаетъ отъ божественной музыки, нисходящей на него отъ ангеловъ, вокругъ Мадонны играющихъ на инструментахъ, въ барельефѣ верхней части памятника, надъ нишей, по сторонамъ двѣ летящія Славы. Внизу подъ ногами Тасса еще барельефъ съ изображеніемъ его погребальной процессіи.

Памятникъ Кановѣ, для Капитолія. Въ рельефѣ группа изъ трехъ женщинъ—Скульптуры, Живописи и Архитектуры, и полулежащая фигура самого Кановы.

Спящій Геній—колоссальная фигура изъ другаго памятника Кановѣ, что̀ въ Венеціи. Въ строгомъ, величавомъ стилѣ. Геній спитъ, но сонъ его безпокоенъ. Какъ въ Барберинскомъ античномъ Фавнѣ — сильное, порывистое дыханіе истощаетъ его животъ и поднимаетъ грудь.

Затѣмъ, какъ и у другихъ скульпторовъ — миѳологія на первомъ планѣ, и преимущественно въ соблазнительныхъ сюжетахъ Венеры, Душеньки, подкравшейся къ спящему Амуру, и т. п.

Особенно любопытна по своему безвкусію колоссальная группа, изображающая *Милона*, укушеннаго въ лапку львомъ въ то самое время, какъ этотъ силачъ защемилъ обѣ свои руки въ трещины древеснаго пня. Фабрисъ видимо подражалъ Лаокоону, только не умѣлъ облагородить физическія страданія нравственною силой, какъ облагорожены они въ знаменитомъ антикѣ. Все существо Милона, напряженное отъ мучительной боли, переполнено безвыходнымъ страданіемъ, которое не утоляется даже физическими усиліями. Судороги коробятъ его мускулистое тѣло, грудь воздымается необъятно, животъ подтянуло, какъ у Лаокоона, волосы на головѣ взъерошены. Лицо обращаетъ онъ прямо на льва, съ ужасомъ и отчаяніемъ. Онъ кричитъ, и кричитъ такъ громко, будто своимъ крикомъ хочетъ испугать льва; оттого онъ такъ широко разинулъ свой ротъ; и этотъ ужасный крикъ съ зіяющимъ ртомъ, крикъ—которому суждено продолжаться многіе года, пока будетъ существовать эта группа—есть черта въ выраженіи Милонова лица. Какую бы задачу ни задалъ себѣ художникъ въ этой отвратительной группѣ, во всякомъ случаѣ его свѣдѣнія о Лессинговомъ *Лаокоонѣ* подлежатъ сомнѣнію.

От скульпторовъ италіянскихъ перехожу къ иноземнымъ.

леній и всѣ вмѣстѣ ихъ содержащее, и составляетъ высшее достоинство художественнаго произведенія. Геній долженъ отозваться на всѣ интересы своихъ современниковъ, но онъ станетъ выше всякаго исключительнаго направленія. Онъ не удовольствуется одною какою-либо доктриной, одною точкой зрѣнія, но взглянетъ на жизнь во всей ея неисчерпаемой полнотѣ; онъ предприметъ въ одномъ великомъ произведеніи совмѣстить все разнообразіе взглядовъ, которое пытаются исчерпывать сотни дарованій мелкихъ. Это не пустое предположеніе, потому что въ области литературы романъ пролагаетъ себѣ путь къ указанной мною высокой цѣли. Почему не ожидать того же и въ искусствѣ, и тѣмъ болѣе, что лучшія художественныя произведенія нашего времени все же даютъ о томъ нѣкоторое предчувствіе?

Итакъ, исключительность какого-либо одного изъ направ леній есть переходное состояніе современнаго искусства. Она не только терпима, но необходима, потому что даетъ возможность по частямъ разрабатывать одну великую задачу, всестороннее познаніе человѣческой жизни. Но строгая критика, отдавая справедливость искренности направленія, все же не можетъ не осудить его въ односторонности.

III.

Чтобы дать полное понятіе объ успѣхахъ современнаго искусства и эстетической критики, я брошу бѣглый взглядъ на то, что предлагало искусство лѣтъ тридцать тому назадъ. Беру для этого римскія мастерскія, которыя хотя далеко не предлагаютъ лучшихъ образцовъ, но всегда могутъ служить точнѣйшимъ указателемъ того пути, по которому развиваются и совершенствуются художники, со всѣхъ сторонъ стекающіеся въ вѣчный городъ учиться и составлять свою художественную репутацію.

Это было то время, когда еще Ивановъ передѣлывалъ свою *Проповѣдь Іоанна Предтечи*, дѣлая для нея безконечные эскизы фигуръ и ландшафтовъ, а на досугѣ читалъ Евангеліе; когда Бруни оканчивалъ своего *Мѣднаго Змія*; Завьяловъ писалъ *Сошествіе Христа во адъ*, Айвазовскій едва начиналъ получать извѣстность, представивъ папѣ Григорію свой *Хаосъ*, а Пименовъ лѣпилъ мальчика, просящаго милостыню. Овербекъ въ своей мастерской, во дворцѣ Ченчи,

объяснялъ публикѣ только что оконченный имъ *Тріумфъ Религіи*; а банкиръ Торлонія давалъ огромные заказы художникамъ для украшенія своего дворца и виллы. Это то самое время, когда нашъ Гоголь, живя въ Римѣ, окончилъ свои *Мертвыя Души* и давалъ ихъ переписывать для печати одному изъ своихъ пріятелей, съ которымъ вмѣстѣ квартировалъ. Время интересное и для русскаго искусства, и для русской литературы. Устарѣлое отживало, но еще господствовало и заслоняло собой несмѣлые зачатки новаго. Будущіе учителя русской школы искусства еще сами учились и не умѣли опознаться въ этой путаницѣ старыхъ преданій и предразсудковъ съ неясными новыми стремленіями. Вліяніе знаменитой книги Гоголя только еще предчувствовалось.

Тогда еще ждали проку отъ античной миѳологіи и любили помечтать надъ религіознымъ сюжетомъ въ стилѣ Леонардо-да-Винчи или Рафаэля. За неимѣніемъ болѣе интереснаго, искали сюжетовъ и въ греческихъ трагикахъ, и въ Дантѣ, и въ біографіяхъ Рафаэля и Тасса. Иные изъ живописцевъ думали идти по пути Микель-Анджело, безпощадно ломая фигуры въ невозможныхъ раккурсахъ; другіе усвоивали себѣ идеальную линію Рафаэля; Овербекъ начиналъ оцѣнивать искренность благочестивыхъ мастеровъ ранняго періода. Ваятели никакъ не умѣли выйдти изъ круга сюжетовъ, завѣщаннаго имъ Торвальдсеномъ и Кановой. Вообще эстетическій вкусъ къ формѣ былъ развитъ и усовершенствованъ, но мысли не доставало. Художникъ слегка относился къ своему искусству, больше разчитывая на счастливыя выдумки, которыя могли бы забавлять публику, а не углубляяся серіозно въ вопросы, предлагаемые жизнію. Потому въ выборѣ сюжетовъ замѣчается случайная прихоть, а не настоятельная потребность души, которая въ художественномъ произведеніи стремится разрѣшить то, что̀ ее тревожитъ и волнуетъ.

Читатель самъ можетъ провѣрить эти общія замѣчанія по короткому перечню того, что̀ представляли въ то время римскія мастерскія.

Начну со скульптуры.

Въ мастерской Кановы продолжалъ работать его ученикъ, Ринальдо Ринальди. Вотъ образчикъ его произведеній: *Одиссей*, узнанный собакой при его возвращеніи домой.

[redacted]

Группа: *Цефалъ*, поддерживающій *Прокриду*, которая, закрывая на груди рану, испускаетъ предсмертные стоны. *

Рельефъ: *Эней* повѣствуетъ о своихъ похожденіяхъ *Дидонѣ*, которая ласкаетъ Амура, принявшаго видъ Асканія.

Большой фронтонъ въ рельефѣ, для виллы Торлоніи: *Тріумфъ Вакха*, съ опьянѣлыми, страшными вакханками, съ роскошными, въ своей соблазнительной наготѣ, нереидами, съ безобразными сатирессами.

Орлеанская Дѣва, въ полномъ вооруженіи и съ хоругвію.

Наивная забава двухъ малютокъ. *Дѣвочка* изъ породы бѣлыхъ третъ губкой лицо *Арабченка*.

Христосъ-Младенецъ съ земнымъ шаромъ въ рукѣ. Около, для поддержки фигуры, колосья и виноградъ, для символическаго знаменованія Св. Даровъ.

Въ мастерской Тенерани:

Душенька падаетъ въ обморокъ, наивно выставляя на показъ свои обнаженныя прелести, и другія въ томъ же родѣ произведенія изъ античной миѳологіи. Замѣчательнѣе *надгробные* рельефы:

Больная женщина лежитъ на канапе; голова ея покоится въ объятіяхъ неутѣшнаго супруга; съ другой стороны ангелъ подноситъ питье.

Летящая группа—мать съ младенцемъ на рукахъ; другой ребенокъ, тоже на лету, хватается за ея платье. Хотя лицо женщины все обращено къ небу, куда вмѣстѣ съ дѣтьми влечетъ ее высшая сила, но она и изъ здѣшняго міра уноситъ съ собой одинъ земной союзъ, потому что въ своихъ нѣжныхъ заботахъ объ этихъ двоихъ малюткахъ она не перестаетъ быть матерью. Тутъ же изображена еще женщина: со сложенными на груди руками, вся погружается она въ чаяніе вѣчнаго блаженства, для нея уготованнаго.

Ко Христу, сидящему съ земнымъ шаромъ въ рукѣ, ангелъ подводитъ двоихъ дѣтей, мальчика и дѣвочку.

Надгробный рельефъ для одной Римлянки. Главная фигура, сама усопшая дѣвица, стоитъ посреди. По сторонамъ, обратясь къ ней, сидятъ отецъ и мать. Мать, поднимая голову къ дочери, горько плачетъ; отецъ, сосредоточивая скорбь

* У Овидія въ Метаморф., VII, 842:

.... Medioque tenens in pectore vulnus,
Hei mihi! conclamat.

въ себѣ самомъ, опустилъ лицо книзу, взявъ дочь свою за руку. Дѣвица одѣта въ широкое одѣяніе съ висящими въ изобиліи складками. На лицо она готова уже накинуть широкое покрывало, которое, по принятому обычаю, символически выражаетъ у художниковъ завѣсу смерти, скрывающую усопшихъ отъ здѣшняго міра. Смыслъ рельефа тотъ, что умершая дѣвица въ видѣніи явилась отцу и матери, чтобы принять отъ нихъ послѣднее прощаніе. Сначала она обратилась къ отцу, подавая ему руку, но не смотритъ на него, потому что душѣ не нужны его очи тѣлесныя. Глубокою задумчивостію выражено ея неземное отношеніе къ оставленнымъ ею родителямъ. Не забыта и любимая собачка ея. Стоя на заднихъ лапкахъ, хватается она за ея платье.

Въ мастерской Бьэнъ-Эме:

Сидящая *Діана* стремительно прикрываетъ свои обнаженныя прелести и рукою, и полотномъ, въ позѣ заимствованной отъ Венеры Медицейской, и грозно обращаетъ свое гнѣвное лицо въ сторону, гдѣ подразумѣется нескромный Актеонъ. Возлѣ—собака, вытянувъ морду и поднявъ уши, готова защищать свою госпожу и богиню. Тонкость выраженія въ лицѣ Діаны показываетъ въ художникѣ основательное изученіе антиковъ. Не знаешь, испугъ ли это, стыдъ, негодованіе, или все вмѣстѣ.

Психея, съ лампой, осторожно ступаетъ своими нѣжными ножками, которыя такъ и подгибаются. Она вся вниманье, вся сосредоточена на цѣли, куда прокрадывается.

На львиной шкурѣ лежитъ *Вакханка*, облокотившись на мѣхъ съ виномъ, и держа въ рукѣ наполненный виномъ кубокъ. Полураскрытый ротъ и смежающіяся вѣки, по античной программѣ, должны выражать желаніе, которому хмѣльное омраченіе придаетъ еще бóльшую чувственность. Вызывающая мина ея освѣщена недоконченною улыбкой.

Умильный *амурчикъ* поитъ изъ чаши двухъ голубковъ Венеры.

Плясунья, стоя на одной ножкѣ, высоко подняла другую.

Въ мастерской Финелли:

Венера съ голубкомъ, котораго она хочетъ поцѣловать. Манерна и приторна. Губы, слагающіяся для поцѣлуя, млѣютъ въ непріятной похотливости.

Венера, являющаяся изъ раковины—лучше. Она только что народилась на свѣтъ. Наивно сидя на корточкахъ, впервые

разгибаетъ она свой роскошный станъ, и осматриваясь въ новомъ для нея мірѣ, уже кокетливо повертываетъ свою хорошенькую головку. Извѣстной античной позѣ художникъ далъ удачный, новый мотивъ.

Архангелъ низвергаетъ *сатану*. Архангелъ почти весь обнаженъ, въ стилѣ Аполлона Бельведерскаго, особенно по легкости ногъ; волосы, излишне длинные, волнами ниспадаютъ на спину. Скорчившійся сатана, закрывъ ладонью свою рожу, ничѣмъ не отличается въ формахъ тѣла отъ обыкновеннаго человѣка.

Въ мастерской Монти:

Копіи съ произведеній лучшихъ скульпторовъ, каковы *Нимфа* Кановы, *Венера*, *Душенька*, *Ганимедъ* Торвальдсена, *Прядущая Пирка* Шадова, *Орлеанская Дѣва* Ринальди.

Изъ собственныхъ его произведеній:

Богиня *Өетида* собирается на свадьбу съ Пелеемъ. Она сидитъ на морскомъ камнѣ. Нереида подноситъ ей въ раковинѣ украшенія. Около дельфинъ.

Начало музыки. Богъ Панъ слушаетъ въ тростникѣ шелестъ зефира, производимый рѣзвою игрой маленькихъ амурчиковъ. Тростникъ съ амурами удачно употребленъ для подпорки статуи. Панъ представленъ въ типѣ юнаго Фавна, какъ этотъ типъ установился въ извѣстномъ произведеніи Праксителя. Вниманіе слуха схвачено прекрасно. Улыбка, свойственная осклабляющемуся Фавну, выражаетъ наслажденіе, производимое гармоническими звуками

Бюстъ *Мадонны* въ стилѣ Сиссоферрато..

Въ мастерской кавалера Фабриса особенно видное мѣсто занимаютъ памятники знаменитымъ людямъ Италіи, потому что этому скульптору давали значительные заказы:

Памятникъ Палладію. На Палладія накинутъ плащъ, который такъ же узко и такими же складками охватываетъ члены его тѣла, какъ знаменитая драпировка античной статуи Аристида. Палладія коронуетъ вѣнцомъ геній славы; по сторонамъ по женской фигурѣ: одна въ античномъ типѣ Провинціи—городъ Виченца, другая въ видѣ Музы—олицетвореніе Исторіи.

Памятникъ Тассу. Творецъ *Освобожденнаго Іерусалима* сидитъ въ нишѣ, подобно Микель-Анджелову Моисею. Онъ одѣтъ рыцаремъ. Возлѣ него—разное оружіе, щитъ и развернутая книга съ первыми стихами его поэмы. Лицо поэта

обращено вверхъ, будто въ минуту вдохновенія, которое онъ почерпаетъ отъ божественной музыки, нисходящей на него отъ ангеловъ, вокругъ Мадонны играющихъ на инструментахъ, въ барельефѣ верхней части памятника, надъ нишей, по сторонамъ двѣ летящія Славы. Внизу подъ ногами Тасса еще барельефъ съ изображеніемъ его погребальной процессіи.

Памятникъ Кановѣ, для Капитолія. Въ рельефѣ группа изъ трехъ женщинъ—Скульптуры, Живописи и Архитектуры, и полулежащая фигура самого Кановы.

Спящій Геній—колоссальная фигура изъ другаго памятника Кановѣ, что въ Венеціи. Въ строгомъ, величавомъ стилѣ. Геній спитъ, но сонъ его безпокоенъ. Какъ въ Барберинскомъ античномъ Фавнѣ — сильное, порывистое дыханіе истощаетъ его животъ и поднимаетъ грудь.

Затѣмъ, какъ и у другихъ скульпторовъ — миѳологія на первомъ планѣ, и преимущественно въ соблазнительныхъ сюжетахъ Венеры, Душеньки, подкравшейся къ спящему Амуру, и т. п.

Особенно любопытна по своему безвкусію колоссальная группа, изображающая *Милона*, укушеннаго въ ляжку львомъ въ то самое время, какъ этотъ силачъ защемилъ обѣ свои руки въ трещины древеснаго пня. Фабрисъ видимо подражалъ Лаокоону, только не умѣлъ облагородить физическія страданія нравственною силой, какъ облагорожены они въ знаменитомъ антикѣ. Все существо Милона, напряженное отъ мучительной боли, переполнено безвыходнымъ страданіемъ, которое не утоляется даже физическими усиліями. Судороги коробятъ его мускулистое тѣло, грудь воздымается необъятно, животъ подтянуло, какъ у Лаокоона, волосы на головѣ взъерошены. Лицо обращаетъ онъ прямо на льва, съ ужасомъ и отчаяніемъ. Онъ кричитъ, и кричитъ такъ громко, будто своимъ крикомъ хочетъ испугать льва; оттого онъ такъ широко разинулъ свой ротъ; и этотъ ужасный крикъ съ зіяющимъ ртомъ, крикъ—которому суждено продолжаться многіе года, пока будетъ существовать эта группа—есть черта въ выраженіи Милонова лица. Какую бы задачу ни задалъ себѣ художникъ въ этой отвратительной группѣ, во всякомъ случаѣ его свѣдѣнія о Лессинговомъ *Лаокоонѣ* подлежатъ сомнѣнію.

От скульпторовъ италіянскихъ перехожу къ иноземнымъ.

Въ мастерской Англичанина **Джипсона**, который слѣдуетъ направленію Тенерани и Бьенъ-Эме:

Раненая въ пятку *Амазонка*, поднимая платье, закрываетъ рукою рану.

Венера съ яблокомъ, изящныя формы которой художникъ копировалъ съ шести натурщицъ.

Бюстъ *Елены* въ спартанской шапочкѣ и съ лентой на лбу, который отъ того становится уже.

Два Зефира несутъ на рукахъ *Душеньку*.

Двѣ Нимфы похищаютъ *Гила*.

Прозерпина, только что услышавшая шумъ приближающагося похитить ее Плутона, въ то время какъ она, присѣвши, собираетъ цвѣты.

Нарциссъ, смотрящійся въ источникъ.

Переодѣвшійся пастухомъ *Амуръ*; изъ Тассовой *Аминты*.

Тѣ же сюжеты и въ мастерской другаго англійскаго скульптора, **Готта**. Изъ миѳологіи онъ особенно любитъ нимфъ. Тамъ нимфа черпаетъ воду, тамъ рветъ цвѣты, послѣ купается, амурится съ Фавномъ. Сходство съ произведеніями Джипсона видно въ двухъ вакханкахъ, несущихъ Вакха, въ трехъ Граціяхъ, которыя нянчаютъ Амура. Сверхъ того, Готтъ любитъ лѣпить дѣтей и собакъ.

Въ мастерской нѣмецкаго скульптора **Вольфа**:

Прометей стремительно удаляется съ похищеннымъ огнемъ.

Группа *Амазонокъ*.

Въ мастерской Нѣмца же **Имгофа**:

Юный *Давидъ*, будучи пастухомъ, играетъ на псалтыри.

Въ мастерской Испанца **Антоніо Сола**:

Глиняные оригиналы двухъ произведеній, которыя въ мраморѣ сдѣланы для Мадрида: *статуя Сервантеса*, поставленная на площади, и *группа изъ двухъ воиновъ* съ обнаженными саблями, рука въ руку клянущихся жить и умереть вмѣстѣ, въ Мадритскомъ музеѣ.

Группа—*избіеніе младенцевъ*. Убійца занесъ ножъ на низверженную къ его ногамъ мать съ ребенкомъ. Отчаянное выраженіе женщины, нѣсколько смягчаемое спокойнымъ стилемъ скульптуры, напоминаетъ лица изъ группы Ніобеи.

Минерва въ строгомъ, античномъ стилѣ.

Вкусъ къ соблазнительному, который художники того времени удовлетворяли сюжетами миѳологическими, голландскій

скульпторъ **Ванъ-деръ-Веннъ** примѣнилъ къ изображенью *Евы*, въ то время какъ она, роскошно разметавъ свои члены въ травѣ, оборачивается къ Змію, предлагающему ей яблоко. И этотъ сюжетъ такъ удался художнику, что его Евва прелестнѣе, чувственнѣе и соблазнительнѣе всѣхъ Венеръ и нимфъ, которыми въ излишествѣ переполнены были тогдашнія мастерскія.

Перехожу къ живописи. И тутъ то же однообразіе въ направленіи, та же бѣдность измельчавшихъ, избитыхъ сюжетовъ, но въ безконечномъ обиліи экземпляровъ, потому что писать кистью легче и скорѣе чѣмъ рѣзать рѣзцомъ. Потому, чтобы не утомлять вниманія читателя, я поведу его въ немногія мастерскія, которыя дадутъ понятіе и о всѣхъ прочихъ. Не буду касаться пейзажистовъ, портретистовъ и живописцевъ, воспроизводящихъ съ натуры животныхъ, плоды, цвѣты и прочую мелочь.

Между италіянскими живописцами выступалъ тогда на первое мѣсто **Подести**, которому давалъ для своихъ дворцовъ большіе заказы банкиръ Торлонія. Въ его мастерской особенно замѣчательны:

Огромная картина—*судъ Соломона*, въ роскошномъ стилѣ Павла Веронезе.

Рафаэль показываетъ свою Мадонну di Foligno заказавшему ее Сигизмунду Конти. Подести хотѣлъ изобразить идеалъ художественной мастерской, въ которой мастеромъ самъ Рафаэль, богиней или музой живописи—Мадонна, а ея моделью—на возвышенномъ пьедесталѣ Форнарина съ ребенкомъ. Въ этомъ сопостановленіи соблазнительной натурщицы, вознесенной на пьедесталѣ, съ божественною Мадонной, художникъ не шутя думалъ примирить чувственную натуру съ идеаломъ.

Во дворцѣ Альфонса *Тассъ* читаетъ свои стихи передъ Элеонорой, окруженною придворными дамами и кавалерами, пышность которыхъ воспроизведена во всемъ великолѣпіи Венеціянской школы. Судя по выраженію лица и самого поэта, его дамы, надобно думать, что онъ читаетъ то мѣсто изъ эпизода объ Олиндѣ и Софроніи, гдѣ Олиндъ описывается „столько же скромнымъ, сколько Софронія прекрасна: онъ много желаетъ, мало надѣется и ничего не проситъ; не умѣетъ открыться, или не смѣетъ, а она пренебрегаетъ имъ, не

замѣчаетъ или не хочетъ видѣть". * На поэта смотритъ Элеонора своимъ восторженнымъ взглядомъ, въ которомъ искрится любовь, внушаемая поэтическимъ чтеніемъ. Внимательно слушаютъ и всѣ остальные, каждый по-своему понимая поэта.

Похищеніе Европы, картина писанная подъ вліяніемъ Павла Веронезе, который удачнѣе другихъ живописцевъ воспроизводитъ этотъ сюжетъ, хотя, по обычаю времени, и одѣвалъ Европу и ея подругъ въ венеціянскіе костюмы.

Елена съ Пріамомъ, на Скейской стѣнѣ, окруженная троянскими старцами, которые удивляются ея красотѣ. Сюжетъ изъ Иліады, рекомендованный для живописи Лессингомъ.

Направленіе во всемъ противоположное Подести предлагалъ другой изъ лучшихъ живописцевъ того времени, идеалистъ Минарди. По его убѣжденію, жизнь человѣка состоитъ изъ двухъ элементовъ, во всякій моментъ одновременно и совмѣстно дѣйствующихъ—изъ вещественнаго и духовнаго, видимаго и невидимаго. Потому Минарди любитъ все мечтательное и сочувствуетъ благочестивымъ мастерамъ ранняго періода. Вотъ нѣсколько образчиковъ его работы:

Снятіе со Креста. Спасителя окружаютъ оплакивающія его женщины и ученики, а вверху, по сторонамъ Креста, въ изящныхъ группахъ парятъ ангелы, изъ лика которыхъ выдѣляется фигура Бога-Отца.

Бѣгство въ Египетъ. Іосифа и Богородицу съ Младенцемъ-Христомъ застигла на дорогѣ темная ночь. Но ангелъ ведетъ осла, воздушный, болѣе чувствуемый нежели видимый въ окружающемъ его мракѣ, который отъ того кажется таинственнымъ, исполненнымъ невидимаго для глазъ человѣческихъ присутствія ангеловъ.

Изъ Апокалипсиса. Ангелъ и семь подсвѣчниковъ въ видѣніи Іоанну, который падаетъ ницъ „какъ падаетъ мертвое тѣло" — поза, заимствованная живописцемъ изъ извѣстнаго стиха *Божественной Комедіи*. **

Кончина младенца. Въ палаткѣ умираетъ младенецъ, а надъ

---

* Ei che modesto è si, com'essa e bella,
Brama assai, poco spera e nulla chiede;
Ne sa scoprirsi, o non ardische: ed ella
O lo sprezza o nol vede o non s'avvede.

** Come corpo morto cade. *Inf.* V. 142.

палаткой уже вьется ангелъ жизни и несетъ въ царство небесное новаго жителя. Душу отшедшаго младенца ангелъ не поддерживаетъ, а только сопровождаетъ; потому что младенецъ хотя въ положеніи сидящаго, но не касается рукъ ангела.

Сонъ Гектора. Гекторъ лежитъ на подушкѣ, стремительно схватывая ее обѣими руками, будучи взволнованъ сновидѣніемъ, которое полукругомъ около него вьется: мчатся ярые, борзые кони, и ржутъ, и хрипятъ, и грызутъ удила. Одного изъ фантастическихъ коней схватываетъ фантастическій же Гекторъ, представшій въ видѣніи Гектору настоящему въ тотъ самый моментъ какъ онъ комкаетъ свою подушку.

Видѣніе Тасса. Поэтъ лежитъ, погруженный въ мечту. Предъ нимъ, ступая по цвѣтамъ, является сама красота, вся покрытая покрываломъ, потому что, по словамъ поэта, чѣмъ меньше красота выказывается, тѣмъ она прекраснѣе. * Но со стороны Тасса вѣтерокъ ударяетъ по всей фигурѣ чудеснаго явленія, обнажая прекрасную головку и узко обвивая полотно около ногъ и всего стана, отчего сквозятъ черезъ драпировку всѣ члены тѣла, хотя и закутанные. Со стороны противоположной, покрывало виснетъ спокойнѣе.

Изъ Данта. Дантъ съ Виргиліемъ подходятъ къ тому мѣсту, гдѣ возсѣдаютъ философы. ** *Аѳинская школа* Рафаэля послужила образцомъ въ расположеніи. Философы писаны по сохранившимся отъ нихъ бюстамъ и статуямъ. Первое мѣсто занимаетъ не Аристотель, какъ у Данта, а Платонъ, которому живописецъ больше сочувствуетъ.

Въ мастерской нѣмецкаго живописца Н а д о р п а:

Нѣсколько картинъ изъ *Божественной Комедіи.*

Изъ Шекспира, *Магбетъ съ Банко* предъ тремя вѣдьмами. Различіе между видѣніемъ и дѣйствительностію живописецъ выразилъ колоритомъ. Вѣдьмы блѣдны и безцвѣтны, въ колоритѣ Микель-Анджеловыхъ Паркъ; все же остальное писано ярко и пестро въ стилѣ Венеціянской школы.

Шекспировъ *Сонъ въ лѣтнюю ночь.* Изображенъ въ формѣ арабесокъ, въ которыхъ изъ цвѣтовъ выростаютъ человѣческія фигуры, и натуральное переходитъ въ чудовищное. По мнѣнію художника, фантастическому въ живописи соотвѣтствуетъ арабеска, которая по тому самому должна имѣть

* Quanto si mostra men, tanto è piu bella.

** *Infern.* IV, 131 и слѣд.

свой смыслъ, а не быть пустымъ, ничего не означающимъ украшеніемъ, только ласкающимъ зрѣніе.

Рафаэль и Микель-Анджело, въ ландшафтной обстановкѣ. По одну сторону представлена Рафаэлева вилла. Между деревьями и цвѣтами Форнарина встрѣчаетъ Рафаэля, бросаясь къ нему въ объятія. На другой сторонѣ, возлѣ водомета, въ задумчивости сидитъ Микель-Анджело. Въ водометѣ пьютъ быки. Около возвышаются три огромные, старые кипариса, тѣ самые, которые, по преданію, будто бы посадилъ близь S. Maria dei Angeli самъ Микель-Анджело. Вдали виднѣются Св. Петръ и Пантеонъ; еще далѣе поднимаются горы. Художникъ хорошо зналъ, что отъ виллы Рафаэлевой не видать ни Св. Петра, ни Пантеона, что храмъ Св. Петра при этихъ великихъ мастерахъ еще не былъ построенъ, что посаженные Микель-Анджеломъ кипарисы, при его жизни, были еще маленькими деревцами; но Надорпъ хотѣлъ показать, что даже въ ландшафтѣ можно представить нѣчто болѣе простой копіи съ природы.

Чтобы покончить однимъ общимъ итогомъ этотъ перечень, довольно будетъ сказать, что во всѣхъ взятыхъ мною на выдержку произведеніяхъ, будутъ ли они идеальнаго содержанія или матеріальнаго, благочестиваго или нечестиваго, мечтательнаго или положительнаго, господствуетъ одна общая имъ всѣмъ черта: отсутствіе серіознаго взгляда на задачу искусства. Повсюду одна только изящная фраза и ничего больше. Художники ищутъ подспорья своей оскудѣвшей фантазіи и въ античной скульптурѣ, и у Данта, и у Шекспира, и тѣмъ только больше заявляютъ о своемъ убожествѣ, признаваясь, что не умѣютъ смотрѣть на жизнь собственными своими глазами.

Въ такой-то средѣ развилось благочестивое направленіе Овербека, сосредоточенное на старинныхъ мастерахъ XV столѣтія. Его религіозныя картины такъ же мечтательны, такъ же лишены оригинальности, какъ и все прочее въ этомъ родѣ, чтò представляли римскія мастерскія за тридцать лѣтъ предъ симъ. Но онъ съ большею точностью опредѣлилъ кругъ своихъ сюжетовъ и неукоснительно держался ранняго стиля. Можетъ-быть, онъ погрѣшительнѣе другихъ мечтателей, потому что вдался въ большія крайности, и путемъ искусственнымъ хотѣлъ достигнуть искренности старыхъ, набожныхъ временъ, которую воскресить было уже невозможно.

Но онъ серіознѣе прочихъ отнесся къ искусству, усматривая въ немъ не пустую забаву, не досужую игру въ изящныя формы, а существенный элементъ жизни. Въ виду усиливающагося матеріализма и навстрѣчу новымъ вопросамъ, которые начинала задавать художникамъ дѣйствительность, Овербекъ рѣшился сдѣлать отчаянную попытку, въ которой одной видѣлъ спасеніе искусства. Онъ задумалъ воротить его къ прежнему, первоначальному его назначенію, состоявшему въ служеніи религіи. Ошибка состояла въ томъ, что навсегда утраченное воротить было невозможно; но надобно же было попытаться, по крайней мѣрѣ для того, чтобы другіе уже не шли по пути, несостоятельность котораго была доказана опытомъ во всей очевидности.

Знаменитая картина Овербека *Тріумфъ религіи въ изящныхъ искусствахъ*, находящаяся теперь въ городскомъ музеѣ во Франкфуртѣ на Майнѣ, имѣетъ не одно практическое значеніе, какъ образцикъ благочестиваго направленія живописи новѣйшихъ временъ. Въ качествѣ эстетическаго трактата, рѣшаетъ она вопросъ съ теоретической стороны, опредѣляя значеніе искусства въ его служеніи религіи. Овербекъ беретъ этотъ предметъ только съ исторической точки зрѣнія; онъ доказываетъ свою мысль исторически, группируя въ своей картинѣ, въ одномъ общемъ цѣломъ, представителей разныхъ отраслей христіанскаго искусства въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій; но историческому факту даетъ онъ значеніе вѣчное, непреходящее, подчиняя его божественному руководительству, потому что надъ собравшимися внизу художниками въ верхней части картины господствуетъ Мадонна съ Младенцемъ-Христомъ, окруженная священными лицами Ветхаго и Новаго Завѣта.

Итакъ, картина раздѣляется на двѣ половины: на верхнюю, гдѣ собрано все небесное, и на нижнюю—съ группами художниковъ. Въ самой срединѣ верхней части, какъ сказано, возсѣдаетъ Мадонна, въ бѣломъ одѣяніи. Христосъ-Младенецъ, на рукахъ Мадонны, держитъ свитокъ съ текстомъ, въ ознаменованіе того, что Слово Божіе есть источникъ всякаго истиннаго творчества художественнаго. Мадонна знаменуетъ здѣсь поэзію, какъ средоточіе и вѣнецъ всѣхъ искусствъ. По сторонамъ ея священные представители разныхъ отраслей искусства: музыки—царь Давидъ съ арфой, живописи—евангелистъ Лука съ иконой, ваянія—Соломонъ съ церков-

ною утварью, украшенною рельефомъ, зодчества—евангелистъ Іоаннъ, ради своего описанія небеснаго Іерусалима, въ Апокалипсисѣ. Затѣмъ, по одну сторону представляются лица ветхозавѣтныя: Моисей, Ааронъ, Мельхиседекъ, Авраамъ, Исаакъ и наконецъ Адамъ съ Еввою; по другую сторону лица христіанскаго міра: апостолы Петръ и Павелъ, и Стефанъ, какъ первоначальники трехъ степеней священства—епископъ, священникъ и діаконъ. За ними отцы церкви: Августинъ, Іеронимъ и Ѳома Аквинскій. Потомъ мученики: Св. Севастіанъ, Цецилія, Агнеса, наконецъ царица Елена. Избраны эти лица, потому что они чаще другихъ изображаются въ искусствѣ.

Для художниковъ, собравшихся внизу, верхняя половина, представляющая область неземную, имѣетъ значеніе вдохновляющаго видѣнія.

Нижняя половина дѣлится на двѣ части стоящимъ посреди фонтаномъ, который бьетъ изъ креста въ два водоема—въ верхній и нижній. Къ верхнему водоему, въ которомъ отсвѣчается небо, подходятъ художники-идеалисты, къ нижнему, въ который смотрится олицетвореніе чувственности, подходятъ художники-матеріалисты, и особенно Венеціанцы и Корреджіо.

Между идеалистами, Леонардо-да-Винчи излагаетъ своимъ послѣдователямъ ученіе объ искусствѣ. Около него Гольбейнъ. Налѣво, тосканскіе художники окружаютъ Данта, оказавшаго на нихъ такое громадное вліяніе. Ближе къ нему стоятъ его современники—Джіотто, Орканья, Симонъ Мемми. Далѣе самъ Рафаэль среди мастеровъ древнѣйшихъ, съ которыми онъ состоитъ въ сродствѣ по идеальности въ своихъ раннихъ произведеніяхъ, а именно: Перуджино, Франческо Франчіа, Мазаччіо. Бѣлая мантія Рафаэля, по объясненію самого Овербека, должна символически означать универсальность генія этого великаго художника, въ произведеніяхъ котораго сливается воедино все то, что̀ по частямъ раздѣлено между всѣми другими художниками: точно такъ, какъ въ бѣломъ лучѣ сливаются всѣ цвѣта радуги. Полукругъ замыкаетъ Микель-Анджело, сидящій на античномъ фрагментѣ вмѣстѣ съ Лукою Синьёрелли, который обращаетъ на Данта вниманіе творца Сикстинской фрески.

Не забыты живописцы, которые вмѣстѣ были граверами. Лука Лейденскій подаетъ руку Мантеньи; между ними

выступаетъ Альбрехтъ Дюреръ, ведомый Мартиномъ Шёнгауеромъ и сопровождаемый Маркъ-Антоніемъ. Въ другой группѣ привѣтствуютъ другъ друга Беато-Анджелико-да-Фьезоле и братья Ванъ-Эйки. Тутъ же Беноццо Гоццоли и и Мемлингъ. На ступени террасы сидятъ два монаха и разсматриваютъ въ рукописи миніатюры, какъ одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ въ развитіи благочестиваго стиля.

На первомъ планѣ по обѣ стороны группируются архитекторы около папы и императора, какъ представителей власти духовной и свѣтской, подъ покровительствомъ которыхъ процвѣло искусство.

На разбитой статуѣ покоится христіанскій саркофагъ съ изображеніемъ двухъ мироносицъ, подходящихъ къ опустѣвшему уже гробу воскресшаго Спасителя, — по объясненію Овербека, это намекъ на ту истину, что изъ развалинъ падшаго античнаго искусства чудесно воскресло искусство христіанское. Вмѣстѣ съ другими скульпторами, разсматриваетъ саркофагъ Николо Пизанскій. Позади разговариваютъ Лука-делла-Роббіа, Лоренцо Гиберти и Петръ Фишеръ.

Пухспаумъ, строитель храма Св. Стефана въ Вѣнѣ, объясняетъ своимъ ученикамъ планъ христіанской базилики, положенный на античной капители, которая, такимъ образомъ, ознаменовываетъ античный элементъ въ древнемъ христіанскомъ зодчествѣ. У вѣнскаго мастера учатся зодчіе прочихъ странъ. Кромѣ того, представителемъ готическаго стиля является Эрвинъ фонъ-Штейнбахъ, строитель фасада Страсбургскаго собора. Онъ показываетъ планъ папѣ, который держитъ въ рукѣ музыкальныя ноты, что̀ должно намекать на извѣстное сравненіе готической архитектуры съ окаменѣлыми звуками церковной музыки. Этотъ же планъ критически разсматриваетъ Брунелески, потому что, будучи недоволенъ господствовавшимъ въ средніе вѣка церковнымъ стилемъ, онъ создалъ стиль новый. Тутъ же Браманте бесѣдуетъ съ строителемъ Ульмскаго собора.

Въ художественномъ отношеніи, картина Овербека не выдерживаетъ даже самой легкой критики. Условность аллегорическихъ намековъ дѣлаетъ ее непонятною, и только тогда можно видѣть въ ней мысль, когда прочтешь составленный къ ней самимъ Овербекомъ объяснительный текстъ. Столько же неудовлетворительна и внѣшняя форма. Хотя рисунокъ довольно изященъ, въ стилѣ Рафаэля, но колоритъ

[redacted]

слабъ. Бѣдность композиціи явствуетъ изъ того, что цѣлое картины очевидно заимствовано изъ извѣстной Рафаэлевой фрески въ Ватиканѣ, изображающей такъ-называемое *Состязаніе о Св. Дарахъ* (Disputa). Она дѣлится также на двѣ половины, на верхнюю и нижнюю; также дѣлится и нижняя на двѣ части — престоломъ, какъ у Овербека, фонтаномъ. Даже нѣкоторыя группы заимствованы у Рафаэля, какъ изъ этой фрески, такъ и изъ другой, называемой *Аѳинскою Школой*.

Но гораздо важнѣе теоретическая сторона Овербековой картины, то ученіе, которое предлагается въ ней объ искусствѣ.

Въ самомъ основаніи своемъ эта теорія погрѣшаетъ въ логическомъ и историческомъ отношеніи. Она принимаетъ часть за цѣлое, распространяетъ на цѣлое то, что̀ принадлежитъ только части. Было время, когда искусство дѣйствительно находилось въ услуженіи религіи, составляло съ ней одно нераздѣльное цѣлое, одѣвая внѣшнею формой отвлеченныя идеи религіозныя и черезъ-то дѣлая ихъ доступными всѣмъ и каждому. Но и переставъ служить цѣлямъ религіи, искусство не перестало быть искусствомъ. Столько же мало отношенія къ христіанскимъ идеямъ въ портретахъ Рембрандта или въ кабачныхъ сценахъ Теньера, сколько въ помпеянской живописи, изображающей вакханаліи и другіе античные сюжеты; а между тѣмъ произведенія Рембрандта и Теньера не только не могутъ быть изъяты изъ области искусства, но должны занять самое видное мѣсто въ его историческомъ развитіи, какъ новый шагъ къ сближенію искусствъ съ интересами дѣйствительности. Искусство воспиталось подъ сѣнію религіи; но, когда оно возмужало и созрѣло, могло уже самостоятельно относиться къ міру идей; точно такъ же какъ и философія, вышедши изъ источника религіознаго, въ послѣдствіи образовала для себя свою собственную самостоятельную область, хотя и соприкасающуюся съ религіей, но отъ нея независимую, напримѣръ, въ логическомъ ученіи о законахъ мышленія, въ психологическомъ ученіи о страстяхъ, въ эстетическомъ — о пріятныхъ ощущеніяхъ и т. п. Итакъ, въ картинѣ Овербека дается искусству частное, одностороннее примѣненіе, въ его служеніи религіи. Это, слѣдовательно, не философскій принципъ, вездѣ и всегда господствующій, а временное, историческое явленіе изъ той эпохи, когда искусство дѣйствительно служило религіи.

Односторонность теоріи усиливается одностороннимъ пониманіемъ религіи, которую Овербекъ ограничиваетъ тѣснымъ кругомъ католичества. Въ свою картину онъ не внесъ ни Византійскаго искусства, въ его великолѣпномъ церковномъ зодчествѣ съ великолѣпными мозаиками, ни искусства протестантскаго. Крайняя односторонность Овербека въ пониманіи отношенія искусства къ религіи запечатлѣлась присутствіемъ папы, какъ представителя власти духовной, подъ покровительствомъ которой искусство процвѣло.

Сопоставленіе съ папой императора не только лишаетъ эстетическую теорію общаго, философскаго принципа, низводя ее въ историческую рамку временъ Гвельфовъ и Гибеллиновъ, но и историческимъ фактамъ даетъ не вѣрное толкованіе. Извѣстно, какъ много средневѣковое искусство обязано городамъ, этой новой силѣ, которая на развитіе готическаго стиля, этого лучшаго цвѣта церковнаго искусства на Западѣ, оказала большее вліяніе нежели папы и императоры, и притомъ вліяніе непосредственное, самое живительное, когда усердная набожность городскихъ цеховъ воспитывала многочисленныя общества каменьщиковъ, когда всѣ городскіе жители принимали дѣятельное участіе въ построеніи своего городскаго собора, вмѣняя себѣ въ благочестивый подвигъ своими руками переносить для сооруженія этого зданія кирпичи, камни и другіе матеріалы, а университеты, только что возникшіе въ городахъ, предлагали научныя пособія въ объясненіи легендъ и энциклопедическихъ, схоластическихъ свѣдѣній, которыми пользовались каменьщики въ скульптурныхъ украшеніяхъ порталовъ и другихъ частей храма. Освобожденіе городскихъ общинъ отъ преобладанія рыцарскаго за́мка и монастыря, возникавшая торговля и промышленность и довольство мирныхъ гражданъ—вотъ та новая, благопріятная среда, которая нашла себѣ соотвѣтствовавшее тогдашнему настроенію умовъ благочестивое выраженіе въ этихъ великолѣпныхъ готическихъ соборахъ, которые въ XIII столѣтіи высоко поднялись на городскихъ рынкахъ, какъ знаменіе водворявшагося новаго порядка вещей. Папы мало принимали участіе въ готическихъ сооруженіяхъ, чему доказательствомъ служитъ полнѣйшее отсутствіе этого стиля въ Римѣ. Напрасно въ картинѣ Овербека строитель Страсбургскаго собора представляетъ свой планъ папѣ, который въ этомъ дѣлѣ рѣшительно не могъ быть судьей.

Чтобы покончить съ готическимъ стилемъ, надобно указать еще на одну ошибку въ теоріи Овербека. Нѣмецкій живописецъ пріурочиваетъ происхожденіе этого стиля Германіи, и у строителя вѣнскаго собора заставляетъ учиться и Англичанъ, и Французовъ. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ оказывается, что на это преимущество Франція имѣетъ большія права.

Еслибы благочестивый живописецъ взглянулъ на представителей свѣтской и духовной власти не глазами католическаго монаха временъ Гвельфовъ и Гибеллиновъ, онъ былъ бы ближе къ правдѣ и въ отношеніи къ власти императорской, вспомнивъ о значеніи ея для искусства Византійскаго. Въ картинѣ, изображающей тріумфъ религіи въ искусствахъ, чувствуется существенный недостатокъ въ отсутствіи царя Юстиніана, которому представляютъ планъ строители Св. Софіи Константинопольской.

Обращаюсь къ художникамъ, которые собраны на нижней половинѣ картины. Здѣсь-то, какъ кажется, самый главный недостатокъ въ теоретическомъ пониманіи искусства.

Посредствомъ символическаго водомета художники раздѣлены на два разряда: на идеалистовъ и матеріалистовъ. Послѣдніе не видятъ небеснаго отраженія въ своемъ нижнемъ водоемѣ. Они заняты одною грѣховною чувственностью, которой посвящаютъ свое нечистое воображеніе. Зачѣмъ же они присутствуютъ въ почетномъ сонмѣ, гдѣ совершается торжественное служеніе искусства религіи? Зачѣмъ здѣсь Тиціанъ, роскошныя Венеціянки котораго только по названію слывутъ за Мадоннъ? Зачѣмъ Маркъ-Антоніо, непристойныя гравюры котораго были преданы всесожженію? Если же набожный живописецъ былъ снисходителенъ къ Тиціану за его *Христа съ монетой*, а къ Маркъ-Антоніо за его гравюры съ религіозныхъ сюжетовъ Рафаэля,—то къ собравшемуся сонму можно будетъ причислить и Теньера за его *Искушеніе Св. Антонія*, и какого-нибудь современнаго намъ жанриста съ обличительнымъ направленіемъ, за то только что онъ по заказу написалъ нѣсколько образовъ для иконостаса. Итакъ, допустивъ въ свою теорію матеріалистовъ, Овербекъ или нарушилъ идею о служеніи искусства религіи, или же далъ этой идеѣ болѣе широкій объемъ, принявъ ее въ томъ смыслѣ, что искусство, хотя бы и перестало посвящать себя на сооpу-

женіе храмовъ и на иконопись, все же останется въ родственной связи съ религіей, какъ по своему происхожденію, такъ еще болѣе потому, что всегда будетъ оно питать въ человѣчествѣ благоговѣніе къ міру идей, которымъ оно живетъ, и который болѣе или менѣе всегда будетъ предрасполагать чувство къ религіозному благочестію, несмотря на историческія превратности въ судьбѣ вѣроисповѣданій.

Но, судя по общему направленію своей теоріи, этой послѣдней мысли Овербекъ допустить не могъ; потому, въ явное противорѣчіе себѣ, и призвалъ къ тріумфу такія лица, которыя должны были своимъ присутствіемъ осквернить это священное торжество.

Съ его точки зрѣнія, остановившейся на средневѣковыхъ созерцаніяхъ Беато-Анджелико, было бы послѣдовательнѣе, еслибы тріумфъ религіи былъ представленъ въ видѣ Страшнаго Суда, на которомъ мѣсто грѣшниковъ должны бы занять художники-матеріалисты, низвергаемые, за профанацію искусства, въ вѣчную муку. Но тогда,—какъ царю Соломону на извѣстной фрескѣ Пизанскаго кладбища, выходящему изъ могилы на Страшный Судъ въ недоумѣніи, куда ему стать, направо, къ праведникамъ, или налѣво, къ грѣшникамъ, — и самому Рафаэлю, сначала благочестивому и потомъ ослабѣвшему въ благочестіи, пришлось бы принять такую же недоумѣвающую позу.

Если же въ качествѣ вѣрнаго служителя допущенъ къ *Тріумфу Религіи* творецъ *Галатеи* и *Душеньки*, то этимъ самымъ, наперекоръ узкому благочестію нѣмецкаго живописца, оправдываются всѣ дальнѣйшія судьбы искусства, когда оно хотя и освободилось отъ исключительнаго служенія религіи, но не переставало и никогда не перестанетъ облагороживать и возносить человѣка изъ насущной дѣйствительности въ свѣтлую область прекрасныхъ идеаловъ.

Не принося языческихъ жертвъ античному Олимпу, мы не можемъ не питать полнѣйшаго сочувствія къ человѣческимъ идеаламъ, созданнымъ греческою скульптурой въ этихъ прекрасныхъ Аполлонахъ, Зевсахъ, Аѳинахъ. Точно также, независимо отъ религіозныхъ созерцаній, можно сочувствовать еще болѣе возвышеннымъ, болѣе чистымъ идеаламъ въ благочестивыхъ произведеніяхъ христіанскихъ художниковъ XIV и XV столѣтій. Если, такимъ образомъ,

даже въ произведеніяхъ, созданныхъ религіознымъ чествованіемъ, можно отдѣлить общечеловѣческое, независимое отъ вѣрованій и убѣжденій того или другаго времени; если не нужно быть Грекомъ-язычникомъ или католикомъ XV столѣтія, чтобы восхищаться *Юноною* Людовизи или *Поклоненіемъ Распятію* Беато-Анджелико; то этимъ самымъ опредѣляется уже самостоятельность искусства, въ его отрѣшеніи отъ служенія религіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и независимость эстетическаго наслажденія отъ религіознаго настроенія.

Въ искусствѣ не терпимы только ложь и аффектація. Искренность одинаково плѣняетъ и въ *Афродитѣ* Праксителя, и въ набожныхъ картинахъ доменикавскаго монаха, и въ тривіальныхъ сценахъ Теньера; и какъ христіанскій художникъ не можетъ искренно усвоить себѣ языческихъ воззрѣній античнаго ваятеля, точно такъ же и въ наше время даже и такой восторженный и набожный живописецъ, какъ Овербекъ, напрасно истощаетъ свои силы, чтобы низвести на свое вдохновеніе благочестивую наивность старой Умбрійской школы.

Есть одна лужицкая легенда, которая съ замѣчательною мѣткостью оцѣниваетъ искренность въ искусствѣ, независимо отъ религіознаго чувства. Будто бы однажды странствовали вмѣстѣ Іисусъ Христосъ и апостолъ Петръ. Проходятъ они по деревнѣ, Петръ останавливается подъ окномъ одной избы и внимательно слушаетъ: тамъ читаютъ молитвы и молятся; но Христосъ, не останавливаясь, прошелъ мимо. Насладившись набожностью молящихся, Петръ догоняетъ Христа. Идутъ далѣе. Раздается изъ другаго окна веселая пѣсня; Христосъ останавливается и слушаетъ, но Петръ, презирая мірскія забавы, продолжаетъ путь. „Скажи мнѣ, учитель“, спросилъ Петръ, когда присоединился къ нему Христосъ, „почему ты прошелъ мимо, гдѣ читали молитву, а остановился и слушалъ, гдѣ пѣли мірскія пѣсни?“— „Потому что я лучше люблю пѣсню, пропѣтую отъ чистаго сердца,“ отвѣчалъ ему божественный Учитель, „нежели молитву не отъ чистаго сердца.“

Если искусство нашего времени разучилось внушать чистыя молитвы, пусть вдохновляется оно пока чѣмъ можетъ, только бы вдохновлялось искренно и правдиво, и питало бы въ человѣкѣ чистыя радости, какъ та веселая пѣсня, чтобы

смягчать его душу и раскрывать въ ней благородныя чувства и помыслы для бодрой дѣятельности. И на этомъ пути оно не перестанетъ служить религіи, хотя и отказалось выражать въ своихъ формахъ богословскія тонкости и выспреннія видѣнія. Довольно и того, если оно, правдиво изображая добро и зло, будетъ способствовать нравственному совершенствованію, внушая уваженіе къ человѣческимъ достоинствамъ и снисхожденіе къ слабостямъ и недостаткамъ, если оно, по самому существу своему, стремясь къ прекрасному, будетъ воспитывать къ нему любовь въ человѣкѣ, а изображая прекрасное въ человѣческомъ образѣ, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ воспитывать и любовь къ ближнему.

IV.

Чтобы дать понятіе о томъ, какихъ счастливыхъ результатовъ можетъ достигнуть современное намъ искусство, укажу на картину Лессинга *Гусъ передъ католическимъ духовенствомъ въ Доминиканскомъ монастырѣ, въ Констанцѣ*, находящуюся въ томъ же городскомъ музеѣ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, гдѣ помѣщена и картина Овербека.

Вѣрность исторической обстановки, такъ основательно и тщательно разработанной въ наше время, служитъ только рамкой великаго событія и великой мысли. Это не одно только воспроизведеніе историческаго факта; это вѣчная, нестарѣющая мысль, нашедшая себѣ воплощеніе въ Гусѣ и его времени. Художникъ взялъ славянскаго реформатора, потому что въ его личности видѣлъ идею, родную и нашему времени. Только тотъ историческій сюжетъ годится для искусства, который затрогиваетъ современные художнику интересы, который связываетъ настоящее съ прошедшимъ сродствомъ идей, а идеи принадлежатъ вѣчности, предъ которою исчезаетъ и настоящее, и прошедшее.

Недавнія празднества въ Констанцѣ довольно свидѣтельствуютъ въ пользу счастливаго выбора сюжета, на которомъ такъ удачно умѣлъ сосредоточиться художникъ.

Гусъ—проповѣдникъ истины и свободы мысли, и чистой, вѣковѣчной религіи, предъ судомъ временной полиціи католическихъ церковниковъ.

Историческій ли это сюжетъ во всѣхъ отношеніяхъ? Прекратилась ли борьба свободы мысли съ тиранніей авторитета, религіи съ полиціей и мысли съ безсмысліемъ?

Гусъ проповѣдуетъ и исповѣдуетъ свои убѣжденія. Онъ человѣкъ твердыхъ убѣжденій и глубокой, чистой вѣры, которую его время осудило и прокляло, какъ безвѣріе и ересь.

Но обрѣли ли и теперь истину? Не обвиняетъ ли и теперь одна секта другую въ безвѣріи и ереси? Не считается ли и теперь преступленіемъ искреннее, глубокое убѣжденіе, когда оно идетъ противъ теченія всеобщей безсмыслицы, противъ равнодушія къ идеямъ, противъ помраченія? Не собирается ли римскій папа и въ наше время на вселенскомъ соборѣ въ громадныхъ размѣрахъ реставрировать ту же драму, малый образцикъ которой Лессингъ предложилъ въ своемъ Гусѣ?

Славянскій реформаторъ излагаетъ свое исповѣданіе въ мрачной залѣ Домениканскаго монастыря, въ родѣ тюремнаго склепа, съ голыми стѣнами и сводами. Только одно художественное произведеніе украшаетъ эту темницу, превратившуюся теперь въ аудиторію для богословскаго диспута. Это статуя какого-то святаго, въ чисто-католическомъ духѣ, съ книгой въ одной рукѣ и съ опущеннымъ внизъ мечомъ въ другой — достойный образецъ грозныхъ представителей воинствующей католической церкви.

Вокругъ стоящаго Гуса сидятъ кардиналы, епископы и другія духовныя лица. Онъ говоритъ; они слушаютъ, или должны бы слушать. Предъ нимъ на первомъ планѣ сидятъ трое кардиналовъ, въ своемъ красномъ, зловѣщемъ облаченіи, въ рясахъ и шляпахъ, съ широкими полями. Между ними, въ серединѣ, престарѣлый кардиналъ, съ длинною, сѣдою бородой, держитъ на колѣняхъ книгу. Вся фигура писана въ жаркомъ, Тиціановскомъ колоритѣ. Натура здоровая и крѣпкая, заматорѣлая въ жестокостяхъ и непреклонная. Книга въ рукахъ его не для чтенія и сужденія, а для осужденія. Къ книгѣ,—будь она само Евангеліе,—онъ иначе не относился, какъ цензоръ. Лицо его спокойно, потому что онъ привыкъ изрекать смертные приговоры. Только глаза измѣняютъ его сомкнутой въ себѣ самой натурѣ и своимъ кровавымъ отблескомъ говорятъ о его кровожадныхъ инстинктахъ. Но

природа и здѣсь надѣлила его своими щедротами: мрачные взоры прикрываются длинными и густыми, сѣдыми бровями, которыя виснуть, будто снѣжныя тучи. Отлично подслужился ему и кроваваго цвѣта кардинальскій нарядъ, замаскировывая ему его хищные взоры; потому что не знаешь, дѣйствительно ли глаза его заплываютъ кровью, или красная шляпа и красная ряса бросаютъ на нихъ свой зловѣщій колоритъ.

По одну сторону сидитъ кардиналъ съ черною бородой, натура болѣе нѣжная и слабая, поверхностная и пустая. Предъ нимъ совершается что-то важное и недоброе; онъ это чувствуетъ, но не умѣетъ дать себѣ отчетъ что̀ это такое дѣлается. Онъ послѣдуетъ за своими товарищами и подпишетъ, — для него все равно,—и оправданіе, и осужденіе, только бы самому не попасть въ бѣду. Онъ, можетъ-быть, и принялъ бы участіе въ Гусѣ, еслибы не боялся. Это натура подлая, потому что натура слабая и трусливая.

По другую сторону сидитъ кардиналъ съ обритою бородой, молодой, лѣтъ тридцати. Будто змѣи изъ норы, выглядываютъ его взоры изъ-подъ красной шляпы. Онъ хорошо понимаетъ правду Гуса, но не вѣритъ ей, потому что не вѣруетъ ни во что̀. Оттого на его губахъ мелькаетъ ироническая улыбка. Онъ стоитъ выше своихъ современниковъ. Онъ умнѣе своего сосѣда, престарѣлаго кардинала, и осудитъ онъ Гуса не потому что онъ еретикъ, а потому что онъ человѣкъ опасный.

Еслибы предъ этими судьями предсталъ самъ Христосъ, то старикъ, какъ ревностный чиновникъ, осудилъ бы его на распятіе, на томъ основаніи, что дѣйствія и слова подсудимаго можно подвести подъ статью осужденія и казни, а этотъ обритый судія изрекъ бы тотъ же приговоръ потому только, что нашелъ бы лично для себя вреднымъ торжество истины и правды.

Всматриваясь въ характеры этихъ троихъ прелатовъ, легко угадываешь, который изъ нихъ далъ вопросъ Гусу; потому что этотъ послѣдній отвѣчаетъ, искренно и убѣдительно излагая свое исповѣданіе. Кардиналъ съ черною бородой дать вопроса не могъ, потому что не такъ уменъ и не такъ смѣлъ. Бритый тоже не рѣшился бы на вызовъ, потому что онъ слишкомъ уменъ и опасался бы себя компрометтировать, защищая неправое дѣло; но, безъ сомнѣнія,

онъ помогалъ совѣтомъ сѣдому старику, который и далъ Гусу вопросъ по книгѣ, что̀ у него въ рукахъ. Вопрошаетъ уголовная статья книги, а не живой человѣкъ. Правда для этихъ червленыхъ рясъ заключена въ параграфахъ уголовнаго устава, а не въ умѣ и сердцѣ.

Позади кардиналовъ сидятъ два епископа въ украшенныхъ иконами ризахъ; на рукахъ перчатки, на пальцахъ перстни. Епископъ, сидящій ближе къ зрителю, натура чувственная, состарившаяся въ угожденіяхъ плоти. Онъ и теперь, кажется, не въ трезвомъ видѣ; съ пошлымъ вопросомъ обращается онъ къ своему сосѣду, епископу молодому и обритому. Этотъ подперъ свое лицо рукой и устремилъ задумчивые взоры впередъ, вонъ изъ картины. Личность глубокая и симпатическая. Изъ всѣхъ этихъ прелатовъ въ немъ одномъ нашелъ бы Гусъ себѣ подпору и надежду, еслибы не былъ въ печальномъ убѣжденіи, что судьба его уже рѣшена, и что не откуда ему ожидать на землѣ помощи.

По другую сторону Гуса сидитъ у стола еще епископъ, со свиткомъ въ рукѣ: это императорская грамота. Въ живомъ движеніи поворачивается онъ къ стоящему позади его монаху. Этотъ епископъ образецъ тѣхъ изнѣженныхъ прелатовъ, для которыхъ современные поэты сочиняли соблазнительныя піесы и которые до того изволочились въ женскомъ обществѣ, что сами приняли женственный характеръ, изнѣженный и мягкій, падкій на роскошь. Его пухлое обритое лицо непремѣнно напомнило бы русскому раскольнику извѣстную басню о происхожденіи бритья бороды, чтобы развратнымъ папамъ слаще ублажать свою похоть лобызаньями съ женскимъ поломъ.

Самыя подробности въ облаченіи епископовъ отлично дополняютъ ихъ характеры, намекая на тѣ священные идеалы, къ которымъ должны бы они стремиться, но которые, вмѣсто того, служатъ только въ обличеніе имъ. На плечахъ епископовъ, въ видѣ омофоровъ, широкія ленты съ вышитыми на нихъ иконами. У епископа нетрезваго вышиты по плечамъ иконы Св. Петра съ ключомъ и Св. Андрея съ крестомъ, ниже—какіе-то другіе святые съ Св. Дарами въ чашахъ, еще ниже апостолъ Павелъ съ обнаженнымъ мечомъ, вѣроятно, въ дополненіе той же мысли, которая выражена въ упомянутой выше статуѣ. У женоподобнаго кардинала на плечѣ вышита Мадонна съ Младенцемъ. Какая злая иронія въ этихъ

церковныхъ украшеніяхъ! Не спасли ни Св. Петръ, ни всѣ святые пьянаго епископа отъ его пьянства, и священныя чаши въ рукахъ святыхъ вопіютъ противъ украшеннаго ими лица, которое предпочло прикладываться не къ такимъ чашамъ. Не внушила и Мадонна чистой любви этому женоподобному прелату, и онъ остался развратнымъ язычникомъ и въ епископствѣ, богохульственно смѣшавъ Мадонну съ богиней Любви, какъ въ его время ихъ часто смѣшивали въ скандальныхъ повѣстяхъ и въ католическихъ легендахъ. Онъ откинулъ въ сторону ленту съ иконами, и растопыривъ колѣнки, драпируется нѣжными складками своей бѣлой ризы, будто дама въ широкой юпкѣ.

Чтò же касается до третьяго епископа, человѣколюбиваго и сострадающаго, то живописецъ такъ помѣстилъ его, чтò не видать иконъ, украшающихъ его одѣяніе, будто съ тою мыслію, что у кого въ сердцѣ напечатлѣнъ образъ Божій и любовь къ человѣку, тотъ и безъ наружной утвари носитъ въ своей душѣ болѣе чистую, чудотворную и спасительную икону.

Позади кардиналовъ стоитъ домениканскій монахъ, лѣтъ подъ шестьдесятъ, и косится на Гуса, будто волкъ на овцу. Онъ страшнѣе палача, потому что и въ монашеской рясѣ не погнушается его ремесломъ. Когда станутъ сожигать этого новаго мученика, онъ готовъ будетъ подкладывать въ его костеръ мелкіе угли.

Упоминать ли о кроткой личности почтеннаго, благообразнаго старца, на первомъ планѣ предсѣдающаго въ этой инквизиторской пародіи на ученый, богословскій диспутъ? Но развѣ предсѣдатели имѣли когда-либо личное значеніе въ дѣлахъ католичества, совершаемыхъ во имя вѣчной, всеобъемлющей идеи намѣстничества Св. Петра? Развѣ Пилатово умовеніе рукъ не было главнымъ принципомъ, заслонявшимъ личность и самого папы въ непогрѣшимыхъ рѣшеніяхъ священнаго папства, которое, не принадлежа ничьей личности, было небеснымъ наслѣдіемъ, желаннымъ и достижимымъ для каждаго въ католическомъ духовенствѣ? Развѣ еще во времена Данта не говорилось, что въ Римѣ ежедневно продолжаютъ на сребренники продавать Спасителя?

Нѣтъ, на такомъ сборищѣ, какое Лессингъ изобразилъ въ своей картинѣ, предсѣдательствующій не возбудитъ новаго вопроса, не дастъ дѣлу новаго оборота. Католичество тѣмъ

могущественно, что рѣшаетъ сообща, конклавомъ. Представитель нуженъ ему только для парада.

И для чего собрались всѣ эти страшные судьи? Для чего эта торжественная обстановка? И съ какою цѣлью дала она говорить Гусу, когда никто не думаетъ его слушать, и когда его уже обвинили прежде чѣмъ сюда собрались? И что боятся эти здоровыя, толстыя лица—исхудалаго, щедушнаго ученаго, который и безъ смертнаго приговора не проживетъ долго? И какъ пошла вся эта уголовная процедура надъ человѣкомъ, въ которомъ еле держится душа, и который меньше ихъ всѣхъ дорожитъ своею жизнію! Или эти судьи полагаютъ, что вмѣстѣ съ тѣломъ славянскаго реформатора сожгутъ и свѣютъ съ лица земли и одушевляющую его великую мысль? Но мысль не исчезла вмѣстѣ съ пепломъ его сожженнаго тѣла, и даровитый живописецъ, чрезъ пятьсотъ лѣтъ послѣ позорнаго дѣла, объявляетъ новый процессъ судьямъ Гуса, свидѣтельствуя всему свѣту о правдѣ его убѣжденій.

Какъ бы совершенно ни было художественное произведеніе новѣйшихъ временъ, во многомъ будетъ оно уступать великимъ созданіямъ старинныхъ мастеровъ XVI и XVII столѣтій. Гдѣ взять теперь ту смѣлость и силу вдохновенія, которыми тогда искусство пролагало новые пути, совершая открытія, одно важнѣе другаго, по частямъ завоевывая всѣ тѣ успѣхи, которые теперь, по наслѣдству, такъ легко достаются всѣмъ и каждому? Гдѣ взять теперь ту ободряющую свѣжесть, съ которою когда-то юношески стремились впередъ, все далѣе и далѣе, въ ожиданіи бо́льшаго и лучшаго? Всѣ художественныя средства давно уже истощены. Новыхъ не выдумать. Казалось, что дѣло съ искусствомъ уже покончено. Болѣе столѣтія тянулось затишье. Всѣхъ обуяла робость. Не смѣли взглянуть впередъ и только повторяли зады, подражая то антикамъ, то старинньмъ школамъ Италіи и Голландіи. Новое произведеніе оцѣнивали, по скольку оно приближалось къ великимъ образцамъ прошедшаго. И въ настоящемъ, и въ будущемъ предоставлялась художеству одна пошлая посредственность.

Только отвага нашего времени, ободряемая столькими открытіями и нововведеніями, только самодовольствіе и самоуваженіе современныхъ умовъ могли дать новый толчокъ и художественному вдохновенію. Попытались поднять искус-

ство изъ его устарѣлой колеи и уравнять съ прочими отраслями обновленной цивилизаціи. Оказалось, что и для него можно еще многое сдѣлать, чего не доставало въ немъ прежде, несмотря на многовѣковую его выдѣлку. Рѣшились перенести въ художественныя формы всеобъемлющій взглядъ на человѣка, въ его прошедшемъ и настоящемъ. Возсозданіе исторіи и современной дѣйствительности предложило такіе важные вопросы, о которыхъ прежде не мыслили. Картина Лессинга принадлежитъ къ счастливымъ попыткамъ этого рода. Воочію предстаютъ въ ней судьбы человѣчества, сосредоточенные на одномъ изъ великихъ фактовъ, выхваченномъ изъ прошедшаго и внесенномъ навсегда въ общее сознаніе всего цивилизованнаго человѣчества.

V.

Безъ сомнѣнія, многимъ изъ читателей не разъ случалось слышать жалобы на отсутствіе въ современной литературѣ эстетической критики, на шаткость ея основныхъ принциповъ, на неточные и поверхностные ея выводы. Изъ предложеннаго здѣсь краткаго обозрѣнія исторіи искусства за послѣднюю четверть столѣтія, напротивъ того, надобно заключить, что или эти жалобы неосновательны, или критики не успѣли еще воспользоваться всѣмъ тѣмъ, что̀ предлагаетъ ей въ настоящее время и художественная критика, открывающая себѣ новые пути, и еще болѣе художественная теорія, хотя и не сведенная еще въ одну общую систему, но основательно и подробно развиваемая во множествѣ монографій. Легко было составлять критическіе взгляды на художественныя произведенія въ старину. Ваятель лѣпитъ статую, напоминая свои античные образцы и въ благородной линіи всей ея постановки, и въ типѣ лица, и въ складкахъ одѣянія. Живописецъ соединяетъ въ своей картинѣ красоту Рафаэлевскихъ очертаній съ колоритомъ Тиціана, прикрывая цѣлое мечтательною нѣжностью Гвидо Рени. Критика держитъ въ умѣ тѣ же образцы искусства, и на основаніи ихъ оцѣниваетъ новыя издѣлія, снабжая свои доводы немногими общими положеніями изъ тогдашнихъ эстетикъ объ отношеніи идеи изящнаго къ идеямъ истины и блага, о высокомъ или граціозномъ, и наконецъ о томъ, въ какой мѣрѣ художественная форма соотвѣтствуетъ идеѣ. Принципы

несомнѣнны, образцы всѣми признаны, и критикой всѣ довольны. Теперь иное дѣло. Теперь въ художественномъ произведеніи ищутъ не одного изящнаго, но и назидательнаго. Красивою игрушкой, въ которой подделываются подъ Праксителя или Рафаэля, никого уже не обманешь. Отъ искусства ждутъ не забавы, а рѣшенія серіозныхъ вопросовъ, предлагаемыхъ жизнію. Художественная критика расширяетъ свой объемъ; она не довольствуется одними эстетическими правилами объ отношеніи частей къ цѣлому или формы къ идеѣ; она вноситъ въ свои выводы соображенія психологическія, статистическія, юридическія, политическія и всякія другія, касающіяся современныхъ интересовъ, которые художникъ можетъ затронуть въ содержаніи своего произведенія. Въ современномъ романѣ или въ картинѣ удается даже сухой дидактизмъ, только бы своимъ направленіемъ удовлетворилъ онъ той или другой партіи. Политическій намекъ даетъ особую цѣнность портрету. Современность хочетъ жить своею собственною, полною жизнію, и ищетъ продолженія ея и въ книгѣ, и въ картинѣ. Понятно, что художественная критика нашего времени должна изнемогать подъ тяжестью множества задачъ, разрѣшеніе которыхъ она беретъ на себя.

Въ ожиданіи полной системы эстетической теоріи, для которой время, кажется, наступаетъ, предлагаю, въ заключеніе этой статьи,нѣсколько выводовъ изъ всего вышеизложеннаго, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ соображеній, которыя, можетъ-быть, будутъ не безполезны, по крайней мѣрѣ потому, что вызовутъ противъ себя замѣчанія для разъясненія предложенныхъ здѣсь вопросовъ.

Вопервыхъ, отъ художника нашего времени требуются обширныя свѣдѣнія и высокая образованность. Онъ долженъ не забавлять красивыми формами, но поучать и руководить. Онъ долженъ не слѣпо идти по тому или другому направленію, но сознательно становиться во главѣ его, на ряду съ другими его представителями. Когда искусство предназначало себя на служеніе религіи, для художника достаточно было искренняго благочестія, чтобы внушать сочувствіе и увлекать. Отъ него требовалось только знаніе Св. Писанія и иконографическаго календаря. Впрочемъ, и въ старыя времена художники вмѣняли себѣ въ обязанность стоять въ уровень съ современнымъ имъ просвѣщеніемъ; съ призваніемъ

живописца или ваятеля соединяли таланты поэта и свѣдѣнія ученаго, какъ напримѣръ, Микель-Анджело, Леонардо-да-Винчи. Въ наше время познанія и высокая образованность тѣмъ необходимѣе для художника, что должны восполнить въ немъ недостатокъ религіознаго чувства. Пусть остается въ своемъ благочестивомъ невѣдѣніи сельскій иконописецъ; но живописецъ-академикъ долженъ основательно изучить исторію, философію, политику, если хочетъ предложить въ своемъ произведеніи что-нибудь дѣльное и для всѣхъ интересное.

Вовторыхъ, художникъ долженъ относиться къ своему призванію честно. Или онъ вѣруетъ—и тогда пишетъ иконы; или не вѣруетъ—и уже не беретъ себѣ выгодныхъ заказовъ на иконостасы. Разладъ между современнымъ состояніемъ искусства и религіозными потребностями народа замѣчается собственно въ нашемъ отечествѣ. Въ большей части случаевъ эти благочестивыя потребности удовлетворяются стариною рутиной сельскихъ иконописцевъ, которые по отношенію искусства къ религіи принадлежатъ еще къ тому первобытному времени, когда художественные интересы почти исчезали предъ религіозною идеей. Впрочемъ, когда хотятъ въ церковномъ искусствѣ сдѣлать что-нибудь изящное, обращаются къ настоящимъ художникамъ. Будучи воспитаны въ современныхъ понятіяхъ объ искусствѣ, они не чувствуютъ въ себѣ ни малѣйшаго призванія къ церковнымъ сюжетамъ и берутся за нихъ потому только, что находятъ въ этихъ заказахъ главную поддержку для своего матеріальнаго существованія. Художниковъ судить строго за это нельзя; не виноватѣе и закащики, неразвитый вкусъ которыхъ они удовлетворяютъ самыми жалкими издѣліями, манерными, лишенными искренности и чувства, по большей части откуда-нибудь невпопадъ выкраденными, съ католическими подробностями и вообще съ явными ошибками противъ православной иконографіи. Лучшими изъ произведеній въ этомъ родѣ надобно признать тѣ, въ которыхъ къ церковному сюжету примѣнено правило историческаго правдоподобія, то-есть, когда икона переходитъ въ историческую картину. Хотя этотъ родъ искусства менѣе всего удовлетворяетъ иконографіи, которая главнѣйшимъ образомъ основывается на преданіи и вообще не терпитъ историческаго взгляда въ сюжетахъ, не доступныхъ исторической критикѣ, напримѣръ, въ изображеніи

Благовѣщенія, Рождества, Воскресенія, Вознесенія и т. п.; все же перерабатывая икону въ историческую картину, художникъ, по крайней мѣрѣ, безъ насилованія своей религіозной совѣсти, можетъ до извѣстной степени добросовѣстно и честно относиться къ своему произведенію. Только долженъ онъ помнить, что работаетъ не въ интересахъ религіи и вовсе не въ церковномъ стилѣ. Для собственно религіознаго искусства, какимъ оно было на Западѣ до XV вѣка, иконографическая святыня—не прошедшее, а вѣчно пребывающее, не историческій фактъ, не рядъ единичныхъ явленій, болѣе или менѣе подверженныхъ временнымъ случайностямъ, а необходимое, типическое воплощеніе божественныхъ откровеній. Святыня, которую тогда художникъ изображалъ, не уносила его воображенія въ прошедшее, а какъ видѣніе, ниспосылаемое свыше, была для него существенною частью его нравственнаго бытія. Потому онъ скорѣе мирился съ анахронизмомъ, низводя священныя событія въ свою современность, нежели бы съ тѣмъ предположеніемъ, въ то время невозможнымъ, что міръ уже оскудѣлъ чудесами, и что въ современной дѣйствительности перестали повторяться благодатныя откровенія въ вѣщихъ видѣніяхъ. Художникъ нашего времени уже не чаетъ этихъ видѣній; какъ къ чуждому и далекому отъ него относится онъ къ священному событію, которое думаетъ изобразить; подходитъ къ нему искусственными путями историческихъ изслѣдованій и напрасно ищетъ точекъ соприкосновенія съ нимъ въ своей современности.

Переходя къ сюжетамъ, составляющимъ содержаніе новѣйшаго искусства, остановимся на изображеніяхъ текущей жизни и историческихъ фактовъ.

Ежедневная жизнь предлагаетъ для искусства такой громадный матеріалъ, въ выборѣ котораго предстоятъ главныя затрудненія. Можно изображать все что̀ угодно, и великое, и малое, и серіозное и смѣшное, и доброе и злое: но какъ сдѣлать, чтобы взятое изъ жизни было для всѣхъ интересно? По новѣйшей теоріи Тэна, полагается, что художникъ долженъ брать самое характеристическое, слагая воедино то, что̀ жизнь представляетъ врозь, по частямъ. Это въ сущности повтореніе той же древней теоріи, по которой греческій живописецъ изобразилъ красоту богини по нѣсколькимъ натурщицамъ, взявъ отъ каждой то, что нашелъ въ

ней лучшаго. Но натурщицы не вдохновили въ художника идеи о божественной красотѣ. Мелочи действительности не сгруппируются въ характеристическій типъ, если самый типъ предварительно не образуется въ фантазіи художника, какъ сумма его убѣжденій и воззрѣній на міръ. Лучше всего эту мысль можно объяснить распространеннымъ въ наше время обличительнымъ родомъ сюжетовъ. Жизнь предлагаетъ бездну случаевъ всякой неурядицы. Чтобы выбрать изъ нихъ самые характеристическіе и наиболѣе позорные, подлежащіе всеобщему осужденію, надобно предварительно глубоко сознать тотъ нравственный принципъ, тотъ идеалъ, отклоненіе отъ котораго будетъ общимъ понятіемъ набранныхъ изъ жизни разныхъ частностей. Самая идея такого произведенія будетъ состоять въ противорѣчіи дѣйствительности съ идеаломъ. Это противорѣчіе должно возбуждать смѣхъ или негодованіе, и чѣмъ сильнѣе убѣжденъ художникъ въ непогрѣшимости своего идеала, тѣмъ позорнѣе представитъ онъ дѣйствительность, тѣмъ могущественнѣе произведетъ впечатлѣніе. Итакъ, воспитаніе въ художникѣ благороднаго, нравственнаго чувства и глубокаго взгляда на жизнь — вотъ главнѣйшее условіе для счастливаго выбора сюжетовъ изъ дѣйствительности.

Такъ какъ искусство въ своихъ формахъ увѣковѣчиваетъ дѣйствительность, то художникъ долженъ брать изъ современности только тѣ характеристическія черты, которыя могли бы быть интересны и въ отдаленномъ будущемъ, то-есть, такія черты, въ которыхъ проявляется не временная случайность, а существенное свойство человѣческой натуры вообще. Потому-то такъ ничтожны и жалки всѣ тѣ произведенія, въ которыхъ главный интересъ полагается въ угожденіи какой-нибудь современной политической партіи, въ намекахъ на личности, въ проведеніи какой-нибудь модной доктрины и т. п. Пародіи и похвальныя оды не долговѣчны. Выраженныя въ стихахъ, онѣ еще могутъ быть для потомства понятны, хотя и не интересны; но изображенныя на полотнѣ, онѣ теряютъ для него всякій смыслъ, если не снабжены объяснительнымъ текстомъ. Если художникъ не руководствуется своимъ прямымъ призваніемъ изображать человѣка вообще, въ его существенныхъ качествахъ, хотя и опредѣляемыхъ временными и мѣстными условіями, то непремѣнно

[redacted]

растеряется въ пустыхъ подробностяхъ, измельчаетъ въ намекахъ на личности и на преходящіе интересы дня.

Одна изъ важныхъ ошибокъ, состоящая въ смѣшеніи границъ между живописью и поэзіей, особенно можетъ грозить художнику нашихъ временъ; потому что уравновѣшивая содержаніе своего произведенія съ суммой понятій, свѣдѣній и принциповъ, выработанныхъ литературой, политикой и наукой, онъ легко можетъ перейдти границу средствъ своего искусства. Иныя ученія, каково бы ни было достоинство ихъ, имѣютъ мѣсто въ книгѣ, а въ живописи и скульптурѣ ведутъ къ пародіи и безсмыслицѣ. Парадоксъ въ книгѣ по крайней мѣрѣ предлагаетъ работу для ума, но въ картинѣ является непозволительною дерзостью, когда посягаетъ на достоинство человѣка и на общепризнанныя святыни. Особенно погрѣшаетъ художникъ въ непониманіи границъ своего искусства, когда берется обличать то, что̀ доступно только литературному обличенію. Грязныя сцены, весьма обыкновенныя въ современныхъ романахъ, на полотнѣ, кромѣ отвращенія, никакого иного эффекта произвести не могутъ. Въ романѣ грязное содержаніе освѣщается нравственною мыслію поэта, ироніей, насмѣшкой, негодованіемъ. Живопись мало способна къ выраженію личныхъ ощущеній художника и тѣмъ менѣе къ выраженію осмѣянія, для котораго требуется остроуміе въ выводѣ мыслей одной изъ другой, а не въ нѣмомъ представленіи одного момента, чѣмъ однимъ только можетъ располагать живопись. Какъ недостаточны средства живописи для насмѣшки, явствуетъ изъ того, что каррикатуры, для ясности и пикантности, обыкновенно сопровождаются объяснительнымъ текстомъ или подписью. Ѳедотовъ чувствовалъ этотъ недостатокъ живописи въ обличительномъ родѣ, и не довольствуясь ея формами, дополнялъ содержаніе своихъ картинокъ шутливыми комментаріями въ стихахъ. Для каррикатуръ Гогарта потребовались многіе томы объяснительнаго текста. Искусства изобразительныя, по существу самихъ формъ своихъ, способны только къ спокойному выраженію жизни. Все рѣзкое нарушаетъ гармонію очертаній. Драматизмъ трогательныхъ сценъ живопись схватываетъ не въ моментъ рѣшительной катастрофы. По крайней мѣрѣ художники лучшей эпохи строго наблюдали это правило. Если же требовалось изобразить трагическую смерть, то

гармонія впечатлѣнія возстановлялась ясностью выраженія умирающей жертвы. Ошибки противъ этого правила встрѣчаются въ искусствѣ раннемъ, неразвитомъ, каковы византійскія миніатюры, или въ позднѣйшемъ, сентиментальномъ, которое хочетъ произвести эффектъ крайностями и излишествомъ. Тѣмъ менѣе способна живопись къ нарушенію гармоническаго цѣлаго насмѣшкой. Италія, страна классическая въ дѣлѣ искусства, вовсе не знала насмѣшливаго, комическаго рода живописи. Теньеръ и другіе Голландцы въ своихъ тривіальныхъ сценахъ разчитывали не на осмѣяніе этихъ сценъ, а на внушеніе къ нимъ интереса, по скольку человѣкъ можетъ быть интересенъ въ своей ежедневной, мелочной жизни. Впрочемъ, они доходили до отвратительнаго, когда покушались изображать грязныя отправленія животной натуры въ человѣкѣ. Въ настоящее время, съ расширеніемъ предѣловъ художественнаго содержанія, живописецъ можетъ посягать и на осмѣяніе, и на иронію, и вообще на сатирическое обличеніе, но чтобъ имѣть успѣхъ, онъ долженъ пользоваться этимъ правомъ весьма осторожно. Изображая житейскую грязь, онъ не долженъ забывать, что его прямое призваніе—облагораживать свою публику, вносить въ душу успокоеніе, уравновѣшивать заботы и тревоги дѣйствительности чистыми радостями художественнаго впечатлѣнія. Художникъ неблагодарно потратитъ свое дарованіе, если съ поразительною правдой изобразитъ отвратительное. Его картина поразитъ на одно мгновеніе, какъ поражаетъ толпу торговая казнь, а потомъ будетъ внушать только отвращеніе. Жизнь и безъ того горька. Искусство призвано услаждать ее. Не плачемъ и воемъ, а веселою пѣсней сопровождаетъ крестьянинъ свою тяжелую работу.

Касательно сюжетовъ историческихъ, отъ современнаго художника, кромѣ обширныхъ свѣдѣній по исторіи быта и костюма, требуется глубокій взглядъ на прошедшее, въ его отношеніи къ интересамъ нашего времени. Надобно, чтобъ онъ былъ столько же образованъ и развитъ, какъ Лессингъ въ разобранной нами картинѣ. Не довольно того, чтобы лица исторической картины были одѣты въ костюмы своей эпохи и окружены всею тогдашнею обстановкою; надобно чтобы самыя чувства и страсти носили отпечатокъ своего времени. Но и этого мало. Исторія необъятна. На чемъ въ ней остановиться? Какой выбрать сюжетъ, чтобъ онъ былъ

[redacted]

интересенъ и поучителенъ для всѣхъ и каждаго? Живопись не исторія. Она не поучаетъ историческимъ фактамъ, а изъ прошедшаго извлекаетъ общечеловѣческія идеи и возбужденіемъ къ нимъ интереса расширяетъ человѣку его настоящее. Всего болѣе пригодны для этой цѣли важныя событія и громкія личности. Они интересуютъ всѣхъ, потому что всѣмъ извѣстны; но вмѣстѣ съ тѣмъ они предлагаютъ художнику новыя трудности, вынуждая его открыть въ сюжетѣ избитомъ что-нибудь особенное, неожиданное, поражающее новизной. Отъ художника требовать вполнѣ строгаго безпристрастія, подобающаго историку, нельзя. Увлеченіе даетъ произведеніямъ фантазіи особенную прелесть, но оно не должно вдаваться въ крайности исключительнаго направленія. Само собою разумѣется, что произведенія, составленныя по заказу въ угожденіе партіи или чьего-либо мнѣнія, будутъ страдать односторонностію въ пониманіи исторіи и ея отношеній къ современнымъ интересамъ. Пусть художникъ изображаетъ историческій сюжетъ пристрастно, только бы не подчинялся онъ постороннимъ внушеніямъ. Сознаніе своего достоинства обязываетъ его къ искренности и оригинальности.

Въ заключеніе надобно сказать нѣсколько словъ объ эстетическомъ образованіи въ нашемъ отечествѣ. Если современный художникъ долженъ быть во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ просвѣщенный, то тѣмъ болѣе долженъ онъ получить самое полное эстетическое воспитаніе.

Вкусъ не можетъ быть правильно развитъ на однихъ только новѣйшихъ произведеніяхъ. Необходимо изученіе всего художественнаго преданія, завѣщаннаго намъ отъ прошедшихъ временъ. За неимѣніемъ оригиналовъ, и художникъ, и публика могутъ довольствоваться хорошими копіями. Притомъ изготовленіе копій съ классическихъ произведеній въ высшей степени наставительно для художника. Эта истина издавна сознавалась нашею Академіей Художествъ, залы которой наполнены отличными копіями съ Рафаэля, Тиціана, Доменикино и другихъ мастеровъ первой руки. Желательно, чтобъ обычай копированія возстановился между нашими художниками съ большею энергіей и въ бóльшихъ размѣрахъ, чтобы наше отечество мало-по-малу пріобрѣтало въ копіяхъ все прекрасное, чѣмъ знамениты храмы, музеи и другіе общественныя зданія на Западѣ. Россія вовсе не знакома съ старинными мастерами, предшествовавшими эпохѣ Возрожденія.

Петербургскій Эрмитажъ особенно бѣденъ ими, а для Академіи Художествъ копій съ ихъ произведеній не дѣлали. Вотъ новое широкое поприще для дѣятельности нашихъ художниковъ. Впрочемъ, вкусы не должны быть стѣсняемы въ выборѣ. Кто наклоненъ къ натурализму, найдетъ отличные оригиналы для копированія въ Антверпенскихъ Рубенсахъ, въ Брюжскихъ Ванъ-Эйкахъ и Мемлингахъ. Желательно, чтобы мы имѣли въ копіяхъ и лучшіе образцы старой нѣмецкой живописи, въ превосходной школѣ Кельнской, и т. д. Современность сама по себѣ такъ обаятельна, что не надобно опасаться за художника, что онъ потеряетъ сочувствіе къ ея интересамъ, если нѣсколько лѣтъ посвятить себя изученію старыхъ мастеровъ. Широкій взглядъ на искусство въ историческомъ развитіи только расширитъ его взгляды на отношеніе искусства и къ новѣйшему времени, воспитывая самостоятельность и предохраняя отъ односторонности.

Столько же необходимо и для воспитанія русской публики наглядное знакомство съ образцами всѣхъ эпохъ исторіи искусства по хорошимъ копіямъ, расположеннымъ въ историческомъ порядкѣ. Пока не будетъ это приведено въ исполненіе, и не въ одномъ только Петербургѣ, но и по другимъ главнымъ городамъ нашего отечества, до тѣхъ поръ всѣ эти выставки новѣйшихъ издѣлій не принесутъ и десятой доли той пользы для эстетическаго воспитанія публики, сколько могли бы онѣ принести при широкомъ взглядѣ на послѣдовательное развитіе искусства. Что русская публика не прочь отъ мысли поучиться на старинномъ художественномъ произведеніи, можно, между прочимъ, судить потому, что не однажды была выставляема въ Москвѣ копія съ извѣстнаго *Страшнаго суда*, что̀ въ Данцигѣ, и судя по стеченію публики, вѣроятно, не безъ выгоды для выставлявшаго.

Искусство есть такая примирительная область, въ которой болѣе нежели гдѣ бы то ни было настоящее сближается и роднится съ прошедшимъ. Греческая статуя и теперь нравится. Портретъ Рембрандта и теперь даетъ новаго знакомаго въ изображенной на немъ личности. Мѣняются взгляды на жизнь, но геніальное возсозданіе жизни, когда бы и кѣмъ бы оно произведено ни было, всегда и для всѣхъ будетъ современно. Отнимать у публики непосредственное знакомство съ старинными произведеніями значитъ болѣе нежели лишать

ея эстетическое воспитаніе историческихъ основъ: это—лишать ее всегда новыхъ и свѣжихъ художественныхъ наслажденій.

Какъ бы кто ни смотрѣлъ на современное искусство, успѣхи его въ настоящемъ и будущемъ не подлежатъ сомнѣнію. Лучшею гарантіей въ этомъ служитъ всестороннее историческое и эстетическое изученіе художественныхъ произведеній всѣхъ вѣковъ, которое составляетъ одну изъ главныхъ задачъ нашего времени.

Ѳ. БУСЛАЕВЪ.

СЪѢЗДЪ

БРИТАНСКИХЪ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕЙ

19-го (7-го) августа открылось въ Норвичѣ годичное собраніе Британскаго Общества Споспѣшествованія Наукъ (The British Association for the Advancement of Sience). Съѣздъ нынѣшняго года, по признанію участниковъ, былъ одинъ изъ удачнѣйшихъ. Мы приведемъ ниже выдержки изъ рѣчей председателя Гукера и профессора Тиндаля, но прежде припомнимъ въ нѣсколькихъ словахъ происхожденіе и предыдущую дѣятельность Общества. *

Основателемъ его былъ недавно скончавшійся знаменитый физикъ, докторъ Брюстеръ, столь извѣстный своими трудами въ области оптики. Въ 1831 году, письмомъ къ Йоркскому Философскому Обществу, онъ предложилъ устроить въ Йоркѣ, въ послѣднюю недѣлю сентября мѣсяца того года, собраніе любителей наукъ, подобно тѣмъ, какія тогда уже существовали въ Германіи. Это предложеніе охотно было принято, и гг. Робисонъ, Форбесъ и Джонстонъ изъ Эдинбурга и Мурчисонъ изъ Лондона горячо взялись за его исполненіе.

27-го сентября 1831 года болѣе трехсотъ человѣкъ собрались въ театрѣ Йоркскаго музея, подъ председательствомъ виконта Мильтона, сдѣлавшагося въ послѣдствіи графомъ Фитцвильямъ. Въ числѣ ихъ были многіе извѣстные члены различныхъ литературныхъ и ученыхъ обществъ изъ Лондона, Эдинбурга, Дублина, Ньюкестля, Манчестера, Ливерпуля, Бермингама, Бата, Бристоля.

* Заимствуемъ предлагаемыя свѣдѣнія изъ сочиненія г. Мальи (Mailly): *Essai sur les institutions scientifiques de la Grande Bretagne.*

Г. Вернонъ Гаркуртъ открылъ засѣданіе рѣчью, въ которой выразилъ желаніе чтобы подобныя собранія возобновлялись ежегодно и изложилъ основанія, на которыхъ совѣтъ Йоркскаго Общества предлагалъ учредить общее британское общество для содѣйствія успѣхамъ наукъ. „Намъ нужно, сказалъ онъ, новое общество, которое дало бы болѣе сильный толчокъ и болѣе систематическое направленіе ученымъ изслѣдованіямъ. Много ученыхъ обществъ существуетъ въ разныхъ мѣстахъ нашего государства, они хорошо надѣлены средствами, но имъ недостаетъ связи, которая соединяла бы ихъ, и руководства при разработкѣ обширнаго поля науки.“ Затѣмъ г. Вернонъ Гаркуртъ изложилъ уставъ предполагаемаго общества, который и былъ принятъ и теперь существуетъ почти безъ измѣненій.

Цѣль Общества „содѣйствовать успѣхамъ наукъ, приводить въ сношеніе и общеніе между собою ученыхъ, живущихъ въ различныхъ мѣстностяхъ Англіи, а также и иностранныхъ, привлекать вниманіе публики къ различнымъ отраслямъ науки и устранять по возможности препятствія, задерживающія ея развитіе“.

Члены Общества собираются разъ въ годъ на съѣздъ, продолжающійся не менѣе недѣли, въ одномъ изъ городовъ Соединенныхъ Королевствъ, избранномъ на предыдущемъ съѣздѣ. Они раздѣляются на три разряда: 1) пожизненные члены, которые вносятъ при вступленіи въ Общество 10 фунт. ст.; 2) годичные подписчики, платящіе первый годъ два фунта, а затѣмъ по одному фунту; 3) сторонніе присутствующіе, которые за взносъ одного фунта получаютъ право присутствовать на общихъ собраніяхъ и на засѣданіяхъ отдѣленій. На эти собранія и засѣданія билеты, цѣной по одному фунту, выдаются также и дамамъ.

Доступъ въ члены весьма легокъ. Чтобы получить его, достаточно быть членомъ какого бы то ни было литературнаго или ученаго англійскаго общества. Но и лица не принадлежащія къ такимъ обществамъ могутъ быть приняты въ члены избраніемъ совѣта, одобреннымъ на общемъ собраніи. Въ продолженіе сессіи веденіе дѣлъ поручается общему комитету. Комитетъ этотъ состоитъ изъ должностныхъ лицъ Общества, изъ авторовъ отчетовъ, печатаемыхъ въ *Трудахъ* Общества (Transactions), изъ лицъ, напечатавшихъ въ какомъ-либо постоянномъ ученомъ изданіи статью, относящуюся

до предметовъ занятій Общества, изъ представителей ученыхъ обществъ того города, гдѣ происходитъ собраніе, изъ иностранцевъ, приглашенныхъ предсѣдателемъ или секретарями, наконецъ изъ предсѣдателей, вице-предсѣдателей и секретарей отдѣленія.

Общій комитетъ учреждаетъ частные комитеты, назначеніе коихъ изыскивать средства вести впередъ различныя отрасли науки.

Эти комитеты, состоящіе изъ наиболѣе компетентныхъ спеціалистовъ, указываютъ, каждый въ своей области, вопросы, на которые должны быть, по ихъ мнѣнію, направлены изслѣдованія въ будущемъ году, и отрасли науки, по которымъ слѣдуетъ требовать отчетовъ. Предложенія комитетовъ вносятся затѣмъ въ такъ-называемый комитетъ порученій, также учреждаемый ежегодно общимъ комитетомъ, и онъ уже принимаетъ надлежащія мѣры. Должностныя лица Общества: президентъ, вицепрезиденты и генеральные секретари. Они назначаются ежегодно общимъ комитетомъ, одновременно съ избраніемъ мѣста для будущаго съѣзда. На нихъ лежитъ обязанность заботиться о порядкѣ и благоустройствѣ засѣданій. Наконецъ общій комитетъ учреждаетъ еще совѣтъ для веденія дѣлъ въ промежуткахъ съѣздовъ.

Общество издаетъ свои *Труды*. Они выходятъ ежегодно одною книгой. Эта книга раздѣлена на двѣ части, съ отдѣльнымъ счетомъ страницъ. Въ первой помѣщаются статуты Общества и различные документы, относящіеся къ его администраціи; рѣчь, произнесенная предсѣдателемъ при открытіи годичнаго собранія; отчеты о современномъ состояніи различныхъ отраслей наукъ, составленные по порученію Общества, и изслѣдованія, предпринятыя подъ его непосредственнымъ руководствомъ, словомъ, всѣ работы собственно ему принадлежащія. Вторая часть содержитъ извлеченія изъ записокъ, представленныхъ членами отдѣленій Общества съ цѣлью обнародовать новые факты и подвергнуть ихъ публичному обсужденію.

Весьма важную роль въ *Трудахъ* Общества играютъ составляемые по его порученію отчеты о современномъ состояніи различныхъ отраслей наукъ. Оно ими гордится какъ нововведеніемъ, ему принадлежащимъ, польза котораго обнаружилась съ самаго начала. „Ни одно существующее общество,“ говорилъ Форбесъ, въ рѣчи своей на собраніи 1834 г., „кромѣ

нашего, не было въ силахъ склонить людей, которыхъ время драгоцѣнно, на подобный трудъ, требующій долгихъ и серіозныхъ изслѣдованій. Цѣль нашихъ отчетовъ, продолжалъ онъ, не популяризировать науку, а представить ясно и опредѣленно, что было сдѣлано до сихъ поръ и что остается сдѣлать. Содѣйствіе ученыхъ специалистовъ необходимо въ особенности для указанія пробѣловъ въ различныхъ отросляхъ науки."

Дѣйствительность потребности, которой Общество взялось удовлетворить, и разумность выбранныхъ имъ средствъ доказывается успѣхами, которыхъ оно достигло, несмотря на трудности и препятствія, съ коими приходилось ему бороться вначалѣ, не отклоняясь никогда отъ пути указаннаго основателями.

Въ 1833 году въ Кембриджѣ собралось уже 900 членовъ, въ 1834 г. на собраніи въ Эдинбургѣ присутствовало 1.300 человѣкъ. Люди всѣхъ политическихъ и религіозныхъ оттѣнковъ спѣшили воспользоваться представившимся случаемъ встрѣтиться на нейтральной почвѣ, гдѣ можно было забыть свои несогласія, гдѣ одна лишь наука имѣла право голоса,— наука положительная, опирающаяся на факты и истины, всѣми одинаково признаваемыя. Все болѣе и болѣе расширялась дѣятельность Общества, знаменитые иностранные ученые принимали въ ней участіе, и плоды ея начали проявляться не только въ теоріи, но и въ практическомъ примѣненіи науки къ потребностямъ жизни.

Къ собранію нынѣшняго года стеклись въ Норвичъ со всѣхъ сторонъ толпы посѣтителей. 19-го августа 1.764 человѣка, въ томъ числѣ 625 дамъ, собрались въ манежѣ, превращенномъ посредствомъ нѣкоторыхъ незатѣйливыхъ украшеній, нѣсколькихъ драпировокъ и флаговъ съ надписями, въ красивую залу. Послѣ того какъ были прочтены отчеты о веденіи дѣлъ со времени прошлогодняго съѣзда, докторъ Джозефъ Гукеръ, занимавшій предсѣдательское мѣсто, всталъ и открылъ собраніе рѣчью, изъ которой приводимъ наиболѣе интересныя мѣста:

„Уже тридцать лѣтъ, сказалъ онъ, протекло съ тѣхъ поръ какъ я впервые присутствовалъ на собраніи Британскаго Общества въ Ньюкестлѣ, 20-го августа 1838 года. Оглядываясь на эти года, я горжусь участіемъ, какое принималъ по мѣрѣ силъ въ трудахъ Общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ

испытываю также иное чувство. Тридцать лѣтъ, какъ говорятъ статистики, представляютъ средній срокъ человѣческой жизни. По лѣтописямъ Британскаго Общества, срокъ этотъ, разумѣется, гораздо короче. Изъ четырнадцати лицъ, занимавшихъ у насъ общественныя должности въ 1838 году, остались въ живыхъ лишь двое: вашъ прежній предсѣдатель сэръ-Родрикъ Мурчисонъ и вѣрный, вѣчно юный секретарь, профессоръ Филиппсъ, съ присутствіемъ котораго на настоящемъ собраніи поздравляю и васъ, и его. То было счастливое время для президентовъ. Обязанность произнести рѣчь при открытіи собраній лежала тогда не на нихъ, а на казначеѣ Общества. Въ послѣдніе же годы въ произнесеніи этой рѣчи стали полагать чуть ли не главную сущность обязанностей президента. Отъ него требуютъ или ученой диковинки, замѣчательной и по содержанію, и по популярности изложенія, или обзора всего развитія какой-нибудь важной отрасли науки. Подобныя требованія весьма затрудняютъ меня, ибо я не въ состояніи выполнить ни того, ни другаго.

„И не для себя одного прошу я у васъ снисходительности, но также и для ученыхъ, принявшихъ на себя предсѣдательство въ отдѣленіяхъ, которые для исполненія вашихъ требованій оторвались отъ занятій, оставляющихъ имъ весьма мало свободнаго времени. Въ сущности намъ нужны дѣла, а не слова: а всѣ эти люди, какъ можемъ мы сказать съ гордостію, почетно заявили себя каждый въ своей отрасли.

„Что до меня касается, то я намѣренъ сказать нѣсколько словъ о вопросахъ, на которые вниманіе совѣта Общества было обращено предыдущимъ собраніемъ, и объ успѣхахъ ботаники въ послѣдніе годы. Это неизбѣжно приведетъ меня къ дарвинизму; затѣмъ я коснусь новой, лишь зараждающейся науки первобытной исторіи человѣчества.

„Совѣтъ назначилъ комитетъ, чтобы сдѣлать представленіе государственному секретарю по дѣламъ Индіи о необходимости принять мѣры для полученія свѣдѣній о физическихъ свойствахъ, правахъ и обычаяхъ туземныхъ индійскихъ племенъ, въ особенности тѣхъ, которыя сохранили обычай воздвигать памятники изъ большихъ камней. Комитетъ счелъ за лучшее обратить вниманіе государственнаго секретаря исключительно на эти племена по причинѣ обширности задачи, а также и потому, что правительство уже начало дѣятельно заботиться о составленіи сборника фото-

графическихъ изображеній и исторіи индійскихъ племенъ. Многихъ изъ васъ, конечно, удивитъ, что въ 300 миляхъ отъ столицы англійскихъ владѣній въ Индіи существуетъ полудикое племя, воздвигающее каменные памятники, весьма похожіе и величиной, и наружностью, и постройкой на такъ-называемые друидскіе памятники западной Европы. Безъ малаго за четверть вѣка, извѣстный оріенталистъ, полковникъ Юль, описалъ это индо-китайское племя, называющееся Хазіями, держащее скотъ, но не пьющее молока, опредѣляющее разстояніе по количеству пищи, съѣденной на дорогѣ, и почти не знающее семейной связи. Съ тѣхъ поръ о немъ почти не упоминается въ новѣйшей литературѣ. Мы съ докторомъ Томсономъ прожили нѣсколько мѣсяцевъ у этихъ Хазіевъ восемнадцать лѣтъ тому назадъ, и нашли описаніе полковника Юля вѣрнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Громадные каменные памятники, состоящіе изъ необтесанныхъ четвероугольныхъ столбовъ, прикрытыхъ плитами, продолжаютъ воздвигаться ежегодно съ помощію самыхъ первобытныхъ орудій: рычага и каната. Назначеніе этихъ памятниковъ различно: они служатъ для гробницъ, для обозначенія мѣстъ, на которыхъ совершились достопамятныя событія и т. п. Замѣчательно, что тамошнее названіе камня „ман" такъ же часто встрѣчается въ названіяхъ селеній и мѣстностей, какъ въ Бретани, Валлисѣ, Корнваллисѣ слово „ман, маэн, мэн". Сношенія наши съ племенемъ Хазіевъ были затруднительны и не всегда дружественны, но теперь въ ихъ странѣ расположенъ англійскій отрядъ, и изслѣдованія ихъ происхожденія, языка, повѣрій, обычаевъ значительно облегчены. Я не сомнѣваюсь, что эти изслѣдованія, которыя будутъ немедленно предприняты вслѣдствіе вашего представленія, прольютъ значительный свѣтъ на темный и важный вопросъ доисторической археологіи,—вопросъ о каменныхъ памятникахъ западной Европы.

„Совѣтъ Общества назначилъ комитетъ для составленія отчета объ управленіи естественно-историческимъ отдѣломъ Британскаго Музея. Слѣдствіемъ занятій этого комитета была депутація, отправленная къ первому министру отъ имени совѣта Общества съ представленіемъ, что завѣдываніе этимъ отдѣломъ удобнѣе бы ввѣрить одному лицу, которое было бы прямо отвѣтственно предъ министромъ, нежели цѣлой коммиссіи, какъ теперь.

„Польза музеевъ зависитъ въ значительной степени отъ двухъ условій, на которыя недостаточно обращаютъ вниманіе: отъ мѣстности и отъ внутренняго устройства. Провинціальные музеи часто помѣщаются въ какихъ-нибудь закоулкахъ, въ темныхъ, тѣсныхъ, грязныхъ улицахъ, гдѣ платится дорого за мѣсто, но гдѣ они не могутъ быть распространены. Такія мѣстности посѣщаются горожанами только по дѣламъ, когда имъ, слѣдовательно, некогда разсматривать достопримѣчательности. Вечеромъ или въ праздникъ всѣ естественно предпочитаютъ прогулку за городъ. Отъ этого и сельскіе землевладѣльцы едва знаютъ о существованіи музея, и никогда не слыхивалъ я, чтобы школьники посѣщали его. Музею слѣдовало бы помѣщаться въ открытомъ скверѣ или паркѣ, или за городомъ, такъ какъ первыя требованія: чистота, пріятный видъ и просторъ. Растительность лучшая защита отъ пыли, которая портитъ экземпляры и непріятна для глазъ; сверхъ того, красивая обстановка, зелень, деревья непремѣнно привлекутъ посѣтителей, въ особенности семейства и школы.

„Что касается до внутренняго устройства, то лучше всего было бы, кажется, круглое строеніе, въ которомъ ящики стояли бы радіусами въ простѣнкахъ. Легкая, спиральная лѣстница вела бы въ верхніе этажи. Крышу слѣдовало бы такъ устроить, чтобы можно было безъ труда поднять ее, еслибы потребовалось прибавлять новый этажъ. Отъ центральнаго строенія могли бы идти лучеобразно галлереи съ двойнымъ свѣтомъ и выступающими ящиками въ простѣнкахъ....'

„Переходя къ моей спеціальной наукѣ, замѣчу, что величайшіе успѣхи были сдѣланы въ послѣднее десятилѣтіе въ области ботаники ископаемыхъ и растительной физіологіи. Въ исторіи нашей планеты рѣзко обозначаются двѣ эпохи: каменноугольная и міоценовая, особенно изобилующія матеріаломъ и проливающія яркій свѣтъ на первобытныя условія растительнаго царства. Почему сохранилось несравненно болѣе растеній отъ этихъ эпохъ нежели отъ другихъ, промежуточныхъ, или предшествовавшихъ, мы не знаемъ положительно. Но сравнительная бѣдность флоры остальныхъ—одно изъ сильнѣйшихъ доказательствъ неудовлетворительности геологической исторіи.... Труды Геера въ Швейцаріи, въ послѣднее десятилѣтіе, могущественно двинули впередъ изученіе ископаемыхъ растеній

третичной эпохи. Если принять опредѣленіе родства между большею частію этихъ растеній за вполнѣ точное, то должно заключить, что многія интересныя семейства и роды постоянно встрѣчались въ третичныхъ пластахъ, другія же, напротивъ, были рѣдки. Въ этихъ случаяхъ, однако, нельзя приписывать большое значеніе отрицательнымъ доказательствамъ. Почти единственный матеріалъ, какимъ располагаемъ мы для опредѣленія родства большей части растеній третичной эпохи, составляютъ поврежденные листья ископаемыхъ растеній, а листья, въ противоположность костямъ позвоночныхъ животныхъ и раковинамъ моллюсковъ, значительно измѣняютъ свой характеръ въ отдѣльныхъ индивидахъ.

„Новѣйшее сочиненіе профессора Геера: *Flora fossilis arctica*, грозитъ произвести переворотъ въ геологіи третичной эпохи. Въ этомъ сочиненіи Гееръ доказываетъ, повидимому неопровержимыми доводами, что въ третичную эпоху лѣса американскихъ и азіятскихъ деревьевъ росли въ Исландіи, въ Гренландіи, въ Штицбергенѣ и на полярныхъ американскихъ островахъ, подъ такими широтами, подъ которыми въ настоящее время деревья эти не могли бы существовать ни при какихъ условіяхъ. Оказывается даже почти несомнѣннымъ, что древесная растительность простиралась нѣкогда до самаго полюса. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что подобныя открытія замедляютъ успѣхи науки, сбивая всѣ прежнія понятія о климатѣ и состояніи земнаго шара въ третичную эпоху.

„Въ послѣднее десятилѣтіе величайшія открытія были сдѣланы въ области физіологіи растеній, и мы обязаны ими ряду статей г. Дарвина объ оплодотвореніи растеній. Вамъ извѣстно, что этотъ замѣчательный естествоиспытатель, собравъ огромную массу фактовъ по геологіи и зоологіи во время своего кругосвѣтнаго плаванія съ капитаномъ Фицъ Роемъ, принялъ ученіе непрерывнаго развитія жизни, и приложивъ къ нему начало естественнаго подбора (natural selection), создалъ свою теорію происхожденія видовъ. Вмѣсто того чтобы тотчасъ же обнародовать свои воззрѣнія, онъ посвятилъ еще двадцать лѣтъ на дальнѣйшія наблюденія, изслѣдованія, опыты, съ цѣлью основательнѣе укрѣпить или вовсе опровергнуть ихъ. Въ числѣ вопросовъ, требовавшихъ разъясненія и провѣрки, были многіе относящіеся къ ботаникѣ, но упущенные изъ виду, или дурно понятые прежними

ботаниками. Дарвинъ дѣятельно принялся за разработку этихъ вопросовъ, и труды его открыли совершенно новыя области для изслѣдованія, новые, важные законы, приложимые ко всему растительному царству.

„Первымъ результатомъ трудовъ Дарвина было сочиненіе *Объ оплодотвореніи орхидеевъ*, написанное съ цѣлью доказать, что растеніе не всегда оплодотворяется его собственною пыльцей, и что существуютъ особыя условія, способствующія скрещенію индивидовъ. По мѣрѣ того какъ подвигался онъ далѣе въ изученіи англійскихъ видовъ, обиліе, разнообразіе и сложность наблюдаемыхъ явленій до такой степени заинтересовали его, что онъ распространилъ свои изслѣдованія на все семейство. Плодомъ ихъ было сочиненіе, о которомъ можно смѣло сказать, что оно пролило болѣе свѣта на устройство и назначеніе органовъ этого огромнаго и своеобразнаго семейства нежели всѣ труды предшествовавшихъ ботаниковъ. Оно открыло новыя области и указало новыя, важныя начала, приложимыя ко всему растительному царству. Затѣмъ явилась статья въ журналѣ Лондонскаго Линнеевскаго Общества (*Journal of the Linnean Society*) о двухъ весьма извѣстныхъ видахъ скороспѣлки (primrose). Онъ доказалъ, что различіе между ними половое, что назначеніе ихъ произвести взаимнодѣйствіемъ своимъ полное оплодотвореніе, которое совершается не иначе какъ чрезъ посредство насѣкомыхъ. Въ этой статьѣ онъ доказываетъ существованіе гоморфическихъ, или законныхъ соединеній между растеніями, и соединеній гетероморфическихъ, или незаконныхъ, и сообщаетъ нѣкоторыя любопытныя наблюденія о строеніи пыльцы. Выводы этой статьи удивили ботаниковъ, можетъ-быть, болѣе чѣмъ всѣ другія положенія Дарвина, потому что растенія, о которыхъ говоритъ онъ, такъ общеизвѣстны, а объясненія его такъ просты. Что̀ до меня касается, я почувствовалъ, что въ ботаническихъ познаніяхъ пошелъ не много далѣе того Петра Белля, для котораго „скороспѣлка, растущая у ручья, была скороспѣлка и больше ничего“.

„Подобныя же наблюденія надъ цвѣтами конопли и родственныхъ съ нею растеній составляютъ предметъ другой статьи (*Журналъ Лондонскаго Линнеевскаго Общества*). Изъ нихъ вытекаетъ удивительное открытіе, что пыльца простой конопли совершенно неплодотворна, когда падаетъ на

собственный пестикъ и всегда плодотворна, когда падаетъ на пестикъ цвѣтка другой формы. Однако подъ самымъ сильнымъ микроскопомъ нельзя замѣтить никакой разницы между пыльцами и пестиками обоихъ цвѣтковъ.

„Нѣтъ возможности перечислить всѣ замѣчательные выводы, вытекающіе изъ сочиненій Дарвина объ оплодотвореніи растеній. Нѣкоторые, на первый взглядъ, очень просты, но въ сущности они-то именно самые глубокіе и, какъ многія съ виду обыкновенныя соображенія, никогда не представились бы обыкновеннымъ умамъ. Такъ, напримѣръ, Дарвинъ показалъ, что растенія съ яркими цвѣтами, или сильнымъ запахомъ, или съ медовыми отдѣленіями, оплодотворяются насѣкомыми, а растенія съ невидкими цвѣтами и особенно съ повислыми вѣнчиками, оплодотворяются вѣтромъ, откуда онъ выводитъ заключеніе, что прежде чѣмъ появились насѣкомыя питающіяся медомъ, растительность земнаго шара не могла быть украшена яркими цвѣтами, и состояла изъ растеній въ родѣ дуба, сосны, винограда, репейника и т. д.

„Я упомяну еще объ одной статьѣ Дарвина: *Свойства и движенія вьющихся растеній (Журналъ Линнеевскаго Общества)*. Въ этой статьѣ онъ весьма тщательно разсматриваетъ строеніе, видоизмѣненія и отправленія различныхъ органовъ, посредствомъ которыхъ растенія вьются и прицѣпляются къ посторонним предметамъ. Онъ обозрѣваетъ всѣ семейства растительнаго царства и всѣ органы вьющихся растеній. Результаты ставятъ весь вопросъ въ совершенно новомъ свѣтѣ. Догадки, грубыя наблюденія и неудачные опыты, искажавшіе труды прежнихъ изслѣдователей, уничтожаются разомъ; открываются новые органы, отправленія, о которыхъ прежніе ботаники не имѣли понятія, и ясность изслѣдованія не уступаетъ его занимательности. Значеніе этихъ открытій, прибавляющихъ цѣлыя новыя главы къ ученію ботаники, не исключительно теоретическое. Садоводы и земледѣльцы уже задумываются надъ этими статьями и узнаютъ въ нѣкоторыхъ неурожаяхъ дѣйствіе законовъ, впервые открытыхъ Дарвиномъ. Чѣмъ открытія Фарадея были для телеграфовъ, тѣмъ открытія Дарвина, безъ сомнѣнія, будутъ для сельскаго хозяйства въ самомъ обширномъ значеніи этого слова.

„Два тома, недавно изданные Дарвиномъ, *О прирученныхъ*

животныхъ и воздѣланныхъ растеніяхъ, такая сокровищница наблюденій и опытовъ, какой кромѣ его никто не могъ представить. Трудно сказать чѣмъ сочиненіе это болѣе замѣчательно: количествомъ ли и важностію новыхъ фактовъ, или множествомъ наблюденій, забытыхъ и оставленныхъ безъ вниманія другими естествоиспытателями, но которыя въ рукахъ Дарвина получаютъ первостепенную важность. Одинъ докторъ, извѣстный физіологъ Джемсъ Паджетъ, замѣтилъ мнѣ по поводу этой книги, что она поразительно обнаруживаетъ характеристическую черту ума ея автора, способность усвоивать всѣ отбросы, если можно такъ выразиться, остающіеся отъ работъ другихъ ученыхъ. Эта книга, такъ давно ожидаемая и служащая какъ бы документальнымъ подтвержденіемъ предыдущему сочиненію, будетъ, вѣроятно, имѣть огромое вліяніе. Рядъ фактовъ, приводимыхъ авторомъ въ подтвержденіе его теорій, способенъ увлечь даже робкаго естествоиспытателя къ ученіямъ и болѣе смѣлымъ и болѣе спорнымъ чѣмъ естественный подборъ. Въ этомъ трудѣ г. Дарвинъ излагаетъ свою новую теорію пангенезиса которая едва ли не заключаетъ въ себѣ разумнаго объясненія всѣхъ явленій воспроизведенія и наслѣдственности.

„Вамъ извѣстно, что каждое растеніе и животное начинаетъ свое болѣе или менѣе независимое существованіе въ видѣ клѣточки, изъ которой развивается организмъ, болѣе или менѣе сходный съ произведшими его организмами. Одинъ изъ самыхъ разительныхъ примѣровъ представляетъ видъ бегоніи, которой стебель, листья, и другія части покрыты на поверхности слабо прикрѣпленными клѣточками. Каждая изъ этихъ клѣточекъ, будучи помѣщено въ благопріятныхъ условіяхъ, производитъ полное растеніе, совершенно сходное съ тѣмъ отъ котораго произошла. Можно сказать, что эти клѣточки наслѣдовали способность воспроизведенія. Но это еще не все. Новое растеніе точно также образуетъ на своемъ стеблѣ и листьяхъ миріады подобныхъ клѣточекъ, одинаково одаренныхъ способностью развиться въ такія же растенія, и такъ далѣе, повидимому, до безконечности. Слѣдовательно, первоначальная клѣточка, отдѣлившаяся отъ прародителя, не только унесла съ собой способность воспроизведенія или такъ-называемую потенціальность, но и размножила ее, и передала безъ ослабленія другимъ клѣточкамъ новаго растенія, и такъ далѣе, на безчис-

денныя поколѣнія. Что это за способность, и какъ передается она? Какъ можетъ организмъ чрезъ одну клѣточку размножиться такъ быстро, такъ вѣрно и такъ безконечно? Дарвинъ предлагаетъ слѣдующее объясненіе. Онъ предполагаетъ, что каждая клѣточка, или часть, растенія или животнаго содержитъ въ себѣ миріады атомовъ или зародышковъ (gemmules), происшедшихъ отъ различныхъ клѣточекъ прародителя, способныхъ размножаться и обращаться внутри растенія. Будущее развитіе ихъ зависитъ отъ ихъ сродства съ другими, отчасти развитыми клѣточками въ надлежащей послѣдовательности. Зародышки неразвившіеся могутъ, по его предположенію, передаваться чрезъ нѣсколько поколѣній, чѣмъ объясняются многіе замѣчательные случаи наслѣдственно возвращающагося сходства, или атавизма. По этой гипотезѣ, не только нормальные элементы органовъ разсѣяны во всѣхъ частяхъ тѣла, но и ихъ болѣзненныя состоянія, — наслѣдственныя страданія, уродливости,—происходятъ отъ обращающихся въ тѣлѣ болѣзненныхъ зародышковъ.

„Какъ всѣ гипотезы, принимающія въ основаніе существованіе элементовъ, недоступныхъ нашимъ чувствамъ по причинѣ ихъ мелкости или тонкости, такъ и эта однимъ покажется убѣдительною, другимъ не убѣдительною. Для однихъ умовъ эти безконечно малыя, обращающіяся частицы будутъ такъ же очевидны, какъ звѣзды, составляющія млечный путь; другіе предпочтутъ сослаться на „потенціальность“ — выраженіе, не заключающее въ себѣ никакого опредѣленнаго понятія и потому именно нравящееся многимъ. Каково бы ни было научное достоинство этой гипотезы, несомнѣнно, что Дарвинову ученію мы обязаны самымъ яснымъ и систематическимъ истолкованіемъ всѣхъ удивительныхъ явленій воспроизведенія и наслѣдственности, какое имѣемъ мы до сихъ поръ; и при настоящемъ положеніи науки нельзя ничего сказать противъ осторожнаго употребленія этой гипотезы, какъ средства группировать явленія. Предсѣдатель Линнеевскаго Общества, ученый, извѣстный своею осторожностью, выражаетъ слѣдующимъ образомъ свое мнѣніе о теоріи Дарвина. „Если примемъ въ разчетъ, говоритъ онъ, какъ помощью математическихъ знаковъ мы усвоиваемъ себѣ количества и формулы, которыя представить себѣ въ дѣйствительности умъ человѣческій не въ силахъ; какъ безконечно тонки должны быть частицы, сильно

вліяющія на наше обоняніе и другія чувства, и если, отстранивъ всякое предвзятое мнѣніе, послѣдуемъ за Дарвиномъ шагъ за шагомъ въ приложеніи его теоріи къ фактамъ, мы, кажется, должны будемъ сознаться, что она объясняетъ часть ихъ, хотя и несогласна съ нѣкоторыми; и я думаю, что теорія эта будетъ принята многими, какъ предварительная гипотеза, которая требуетъ дальнѣйшаго изслѣдованія, но не должна быть оставлена, пока не будетъ предложена другая, болѣе убѣдительная.

„Десять лѣтъ прошло со времени выхода въ свѣтъ *Происхожденія видовъ чрезъ естественный подборъ родичей.* Можно уже, слѣдовательно, спросить себя, какъ принялась эта теорія въ наукѣ. Наиболѣе распространенный изъ англійскихъ журналовъ, удѣляющихъ мѣсто наукѣ, *Атеней* недавно провозгласилъ на всѣ страны, гдѣ употребляется англійскій языкъ, что теорія Дарвина принадлежитъ уже прошедшему; что благосклонность, нѣкогда оказанная учеными естественному подбору, быстро исчезаетъ, и что два тома *О видоизмѣненіи животныхъ и растеній въ домашнемъ быту* не содержатъ ничего подтверждающаго происхожденіе чрезъ подборъ, кромѣ новаго болѣе подробнаго утвержденія гипотезъ, основанныхъ на такъ-называемой „измѣнчивости породъ голубей“. Посмотримъ, до какой степени справедливы заявленія этого журнала.

„*Происхожденіе видовъ*, появившееся десять лѣтъ тому назадъ, имѣло четыре изданія въ Англіи, два въ Германіи, два въ Америкѣ, два во Франціи, нѣсколько въ Россіи, одно въ Голландіи и одно въ Италіи. Сочиненіе *Прирученныя животныя и воздѣланныя растенія*, изданное тому назадъ семь мѣсяцевъ, выходитъ уже въ Англіи вторымъ изданіемъ, являются также изданія французскія, нѣмецкія, американскія, русскія, италіянскія. Естественный подборъ не только не принадлежитъ прошедшему, но признается, напротивъ, всѣми мыслящими естествоиспытателями, включая сюда, конечно, многихъ, которые не даютъ ему такого обширнаго примѣненія какъ Дарвинъ. Статьи о происхожденіи видовъ каждый день приходятъ къ намъ съ континента, и Агассисъ, въ наставленіи своимъ сотрудникамъ, отправлявшимся на рѣку Амазонокъ, еще недавно указывалъ на эту теорію какъ на одну изъ главныхъ задачъ для ихъ изслѣдованій.

„Съ точки зрѣнія геологіи, критики основываются преиму-

[redacted]

щественно на предполагаемой вѣрности геологическихъ преданій. Но такъ какъ всѣ отрицающіе эту вѣрность и многіе даже изъ допускающихъ ее принимаютъ вполнѣ или отчасти теорію постепеннаго развитія и естественнаго подбора, то нѣтъ сомнѣнія, что Дарвинъ увлечетъ за собой большинство голосовъ. Есть между ними человѣкъ, одинъ стоящій цѣлой арміи, маститый сэръ-Чарльзъ Лейель. Посвативъ цѣлыя главы въ первыхъ изданіяхъ своихъ *Началъ геологіи* защитѣ ученія отдѣльныхъ созданій, онъ въ десятомъ изданіи отказывается отъ этого ученія и отказывается вслѣдствіе трудовъ своего же ученика; ибо, посвящая первое сочиненіе свое, *Путешествіе натуралиста*, сэръ-Чарльзу Лейелю, Дарвинъ заявляетъ, что онъ всѣмъ обязанъ тщательному изученію *Началъ геологіи*. Не знаю болѣе прекраснаго примѣра героизма, ибо героизмъ, конечно, со стороны знаменитаго геолога, подъ исходъ жизни отказаться отъ теоріи, которую въ теченіи сорока лѣтъ считалъ основаніемъ труда, доставившаго ему почетное мѣсто въ ряду ученыхъ писателей. Онъ можетъ, впрочемъ, по истинѣ гордиться зданіемъ, возведеннымъ на ложномъ основаніи, видя, что онъ можетъ замѣнить это основаніе другимъ и затѣмъ попрежнему любоваться своимъ зданіемъ, не только не поколебавшимся, но выигравшимъ въ прочности и гармоніи частей. Дѣйствительно, біологическіе отдѣлы десятаго изданія *Началъ* болѣе гармонируютъ съ медленными и постепенными измѣненіями въ исторіи нашей планеты нежели соотвѣтствующія главы прежнихъ изданій.

„Остается сказать нѣсколько словъ о новой, открывающейся намъ наукѣ—первобытной исторіи человѣчества. Доисторическая археологія, обнимающая собой происхожденіе языка и искусства, восходитъ послѣдняя въ ряду свѣтилъ, разсѣявшихъ мракъ вѣковъ и замѣнившихъ освященныя временемъ преданія научными истинами.

„Астрономія, старѣйшая изъ наукъ, первая вырвала факелъ изъ рукъ догматиковъ, разрушила букву и скрѣпила духъ закона. Геологія послѣдовала за нею, но не ранѣе, какъ черезъ два столѣтія, и только въ наши времена удалось ей освободить религіозное ученіе отъ многихъ путъ научныхъ заблужденій. Она сказала намъ, что животная и растительная жизнь предшествовала появленію человѣка на земномъ шарѣ не днями, а миріадами лѣтъ. Наконецъ новая, возникающая

наука утверждаетъ, что самъ человѣкъ жилъ на землѣ, вѣроятно, нѣсколько [illegible] до историческаго времени—результатъ, котораго никакъ не [illegible] еще [illegible] лѣтъ тому назадъ.

„Доисторическая археологія вводитъ насъ въ области, куда досел человѣкъ не осмѣливался вступать. Предпринимая эти изслѣдованія, можемъ ли мы отдѣлить ихъ физическую сторону отъ духовной — вотъ вопросъ, который прежде всего представится многимъ изъ присутствующихъ. Раздѣлить ихъ, а [illegible], дѣйствительно невозможно, но отыскивать общія истины, лежащія въ основаніи и той и другой, позволительно всѣмъ. Хорошо сказалъ г. [illegible] объ истинѣ, что это „господствующая страсть человѣчества". Страсть къ истинѣ должна въ особенности господствовать въ умахъ людей, предпринимающихъ подобныя изслѣдованія, гдѣ религія и наука могутъ идти рука объ руку лишь подъ условіемъ взаимнаго примиренія и согласія.

„Много было говорено и писано объ отношеніи религіи къ наукѣ. Мой предшественникъ, герцогъ Боклейчъ (Buccleugh), въ прошломъ году остановился въ своей рѣчи на этомъ вопросѣ съ большимъ тактомъ и указалъ до какой степени успѣхи науки зависятъ отъ дружелюбности ихъ отношеній. Пусть каждый отыскиваетъ истину въ своей области: археологъ въ физическомъ, религіозный учитель въ нравственномъ мірѣ. Напрасно стали бы они удаляться другъ отъ друга, смотрѣть другъ на друга въ уменьшительное стекло. Потребность узнать откуда и куда идетъ наше существованіе неискоренимо присуща человѣческому уму. Чтобъ удовлетворить этой потребности человѣкъ во всѣ времена и во всѣхъ странахъ исповѣдывалъ вѣрованія, обнимающія исторію его прошедшаго и будущаго, и съ жадностью принималъ научныя истины, подтверждающія эти вѣрованія. Я убѣжденъ, что безъ этой неискоренимой потребности ни религія, ни наука не получили бы такой власти надъ умами народовъ. Наука въ этомъ исканіи никогда не препятствовала религіознымъ стремленіямъ добрыхъ и ревностныхъ людей, и предостереженія проповѣдниковъ никогда не въ силахъ были отклонить пытливые умы отъ откровеній науки.

„Море времени разливается между тою эпохой, до которой доходятъ первыя преданія нашихъ предковъ, и иною, по раздо болѣе отдаленною перваго появленія человѣка на

земномъ шарѣ. Учители религіи не указываютъ пути по этому морю, и вотъ наука предлагаетъ провести насъ вдоль береговъ его. Каждое новое открытіе, доносящееся къ доисторическому времени, воздвигается предъ нами какъ путеводный маякъ на островѣ; мало-по-малу отъ одного такого острова къ другому перекатятся мосты, по которымъ человѣкъ перейдетъ обширное море. Можетъ-быть, наукѣ никогда не удается измѣрить всю глубину этого моря и достигнуть отдаленнѣйшихъ краевъ его, но она тогда лишь остановится, когда будетъ доказано на основаніи данныхъ доселѣ намъ не представляющихся, что глубина эта неизмѣрима и края эти недостижимы. И если на этомъ пути мы будемъ помнить, что законы ума не подлежатъ еще вѣдѣнію естествоиспытателя, а законы матеріи не входятъ въ область учителя религіи, то оба могутъ работать рядомъ въ мирѣ и согласіи. Одинъ изъ глубочайшихъ мыслителей нашихъ, г. Гербертъ Спенсеръ, сказалъ: „если желаемъ примиренія религіи съ наукой, то должны принять въ основаніе эту обширнѣйшую и несомнѣннѣйшую изъ всѣхъ истинъ, что сила, „проявляющаяся въ мірозданіи, непостижима для насъ". Связь соединяющая физическую и духовную исторію человѣка, силы подчиняющія дѣйствіе индивидуума то вліянію духа, то вліянію матеріи—изъ всѣхъ задачъ, указанныхъ намъ естествоиспытаніемъ и психологіей, самая заманчивая и, можетъ-быть, неразрѣшимая; изученіе этихъ явленій обнимаетъ собой прошедшее и будущее, источникъ и цѣль существованія, къ уразумѣнію которыхъ непреодолимо стремится умъ человѣка."

Съ 20-го августа начались работы отдѣленій. Спеціальныя занятія по отдѣленіямъ чередовались съ общедоступными чтеніями, вечерами, экскурсіями и т. под. На *вечерѣ* Общества, въ обширной городской залѣ, украшенной картинами, флагами, богатыми городскими регаліями, разложенными на столѣ возвышавшемся надъ многочисленнымъ оркестромъ, вниманіе посѣтителей привлекали выставленныя коллекціи, модели, снаряды и производимые съ ними опыты. Публика толпилась у модели огромнаго африканскаго водопада рѣки Замбези, низвергающагося съ высоты 400 футовъ (высота водопада Ніагары 150 футовъ). Между замѣчательными снарядами первое мѣсто принадлежало удивительной магнито-электрической машинѣ Ледда, превращающей кусокъ едва

намагниченнаго желѣза въ неисчерпаемый источникъ электричества и ослѣпительнаго свѣта. Не мало удивленія возбуждалъ также новый опытъ Грагама (Graham) надъ поглощеніемъ водорода металломъ палладіемъ. Извѣстно, что когда разлагается вода помощію платиновыхъ пластинокъ, соединенныхъ съ гальваническою батареей, то на одной изъ нихъ выдѣляется водородъ, на другой кислородъ. Замѣнивъ ту, на которой выдѣляется водородъ, помощію палочки палладія, мы нѣкоторое, довольно долгое время не замѣтимъ выдѣленія водорода, ибо онъ поглощается въ значительномъ количествѣ этимъ металломъ, который при этомъ разбухаетъ или расширяется въ такой мѣрѣ, въ какой расширялся бы, еслибы былъ нагрѣтъ до краснокаленія. На вечерѣ Общества снарядъ былъ устроенъ такъ, что какъ скоро расширеніе палладія отъ поглощенія водорода достигло извѣстной степени, удлиннившаяся палочка этого металла приходила въ прикосновеніе съ чувствительнымъ рычажкомъ, замыкавшимъ токъ электрическаго звонка, громко начинавшаго возвѣщать, что опытъ достигъ желаемой степени. Одно было неудачно на съѣздѣ въ Норвичѣ: погода, заставившая измѣнить даже программу занятій и отложить до другаго дня посѣщеніе имѣній мистера Гарвея, богатаго мѣстнаго владѣльца, роскошно принявшаго до двухъ тысячъ гостей. Сумма опредѣленная Обществомъ на ученыя изслѣдованія въ предстоящемъ году простирается до значительной цифры 1.700 фунтовъ стерлинговъ, изъ коихъ 600 опредѣлено на содержаніе обсерваторіи въ Кью, 150 Лейелю на изслѣдованія пещеръ въ Кентѣ, 100 Файрбайрну на изслѣдованіе производствъ желѣза и стали, 50 Джолю на новое измѣреніе механическаго эквивалента теплоты и пр. Въ заключеніе съѣзда составлена особая коммиссія изъ В. Томсона, Тиндаля, Франкланда, Стокеса, Геггинса и нѣсколькихъ другихъ извѣстныхъ ученыхъ, которой поручено обсудить слѣдующіе вопросы и дать на нихъ отвѣтъ на будущемъ съѣздѣ: 1) существуетъ ли въ Соединенномъ Королевствѣ Британіи и Ирландіи достаточный запасъ научныхъ средствъ, для того чтобы дѣло изученія природы могло энергически двигаться впередъ. 2) Если нѣтъ, то въ какихъ средствахъ чувствуется нужда, и какія мѣры должны быть приняты чтобъ ихъ имѣть.

Мы не имѣемъ въ виду дѣлать обозрѣніе многочисленныхъ сообщеній и отчетовъ, представленныхъ въ собраніяхъ отдѣленій. Ограничимся приведеніемъ значительной части блестящей рѣчи Тиндаля, произнесенной имъ при открытіи занятій физическаго отдѣла, котораго онъ былъ предсѣдателемъ.

„Были писатели, сказалъ Тиндаль, которые утверждали, что египетскія пирамиды—произведеніе природы. Въ ранней молодости Александръ Гумбольдтъ написалъ статью въ опроверженіе этого мнѣнія. Мы теперь считаемъ пирамиды произведеніемъ рукъ человѣческихъ при содѣйствіи машинъ, о которыхъ извѣстій не сохранилось. Мы представляемъ себѣ толпы рабочихъ, трудящихся за этими громадными постройками, руководимыхъ волей, искусствомъ, а подчасъ, можетъ-быть, и кнутомъ зодчаго, влачащихъ камни въ назначенныя имъ мѣста. Плиты въ этомъ случаѣ приводились въ движеніе внѣшнею силой, и пирамидальная форма выражала мысль строителя—человѣка. Перейдемъ отъ этого примѣра зодчества къ другому. Когда растворъ обыкновенной соли медленно испаряется, вода, содержащая соль въ растворѣ, исчезаетъ, а соль остается. При извѣстной степени густоты соль не можетъ болѣе сохранять жидкую форму: ея частицы начинаютъ отлагаться какъ мелкія твердыя тѣла, до такой степени мелкія, что не доступны даже и микроскопическому наблюденію. Вмѣстѣ съ испареніемъ отвердѣніе продолжается, и наконецъ мы получаемъ, чрезъ накопленіе безчисленныхъ частицъ, извѣстную массу соли съ опредѣленною формой. Какая же это форма? Она кажется иногда снимковъ съ египетскихъ построекъ. Мы видимъ построенныя солью маленькія пирамиды съ уступами отъ основанія до верхушки, похожими на ступени, по которымъ въ Египтѣ проводники втаскиваютъ путешественника. Глядя на эти пирамидальные соляные кристаллы, умъ человѣческій предлагаетъ тотъ же вопросъ, какъ и при видѣ египескихъ пирамидъ. Какъ воздвиглись эти соляныя пирамиды? Руководствуясь аналогіей, можно, пожалуй, предположить, что между частицами соли кишитъ невидимое населеніе, управляемое и понуждаемое невидимыми мастерами, которое складываетъ атомическія плиты въ надлежащее положеніе. Но это предположеніе не научное, да и здравый смыслъ вашъ едва ли найдетъ его вѣроятнымъ. Научное предположеніе то, что частицы

дѣйствуютъ другъ на друга, безъ посредства рабскаго труда, что онѣ притягиваютъ и отталкиваютъ другъ друга въ извѣстныхъ границахъ и въ извѣстныхъ направленіяхъ, и что пирамидальная форма является результатомъ этого взаимнодѣйствія. Въ египетскихъ пирамидахъ плиты были сложены внѣшнею силой, а здѣсь соляныя частицы слагаются сами, своею внутреннею силой. Перейдемъ отъ механизма, который привыкли считать мертвымъ, къ живому хлѣбному зерну. Если станемъ разсматривать его въ поляризованномъ свѣтѣ, то обнаруживаются хроматическія явленія, подобныя тѣмъ, какія замѣчаемъ въ кристаллахъ. Почему? Потому что строеніе зерна до нѣкоторой степени сходно съ строеніемъ кристалла. Въ зернѣ частицы также занимаютъ опредѣленное положеніе, сообразно съ которымъ и дѣйствуютъ на свѣтъ. Чтò же построило частицы зерна? Я говорилъ уже по поводу построенія кристалловъ, что вы можете, если хотите, приписать размѣщеніе ихъ частицъ внѣшней силѣ. То же предположеніе возможно и здѣсь. Но если относительно кристалловъ вы его отвергли, то, мнѣ кажется, вы обязаны и теперь отвергнуть его. Плохая была бы логика въ одномъ случаѣ признать внѣшняго двигателя, и не признать его въ другомъ. Вмѣсто того чтобы рѣзать зерно на тонкія пластинки и подвергать ихъ дѣйствію поляризованнаго свѣта, положимъ его въ землю и подвергнемъ дѣйствію извѣстной теплоты. Другими словами, приведемъ частицы зерна и частицы окружающей его земли въ движеніе, ибо теплота, какъ извѣстно большей части изъ васъ, съ точки зрѣнія науки, не чтò иное какъ колебаніе частицъ. При этихъ условіяхъ зерно и окружающія его вещества взаимно дѣйствуютъ другъ на друга, и слѣдствіемъ этого взаимнодѣйствія является новое распредѣленіе частицъ. Образуется ростокъ; онъ выходитъ на поверхность земли, гдѣ подвергается лучамъ солнца, которые также слѣдуетъ считать извѣстнаго рода колебательнымъ движеніемъ. Какъ движеніе теплоты, общее зерну и окружающимъ его веществамъ приводило ихъ въ соотношеніе, такъ движеніе солнечныхъ лучей даетъ теперь зеленому ростку способность питаться угольною кислотой и водянымъ паромъ воздуха, усвоивая тѣ ихъ части, которыя сродны стеблю, и оставляя несродныя. Такъ дѣйствуютъ силы въ корнѣ, дѣйствуютъ въ стеблѣ; вещества земли и вещества атмосферы привлекаются къ растенію, и растеніе

растетъ. Являются постепенно ростокъ, стебель, колосъ, зерно въ колосѣ, ибо дѣйствіе разныхъ силъ вращается въ кругу, который завершается произведеніемъ зерна, подобнаго тому, съ какого процессъ начался. Въ этомъ процессѣ нѣтъ ничего такого, что̀ безусловно превышало бы силу ума, какъ мы его знаемъ. Умъ однородный съ нашимъ, только болѣе обширный, могъ бы прослѣдить все это развитіе отъ начала до конца. Для этого не потребовалось бы никакой новой способности. Достаточно обширный умъ видѣлъ бы во всемъ этомъ процессѣ примѣръ дѣйствія частичныхъ силъ. Онъ видѣлъ бы, какъ каждая частица занимаетъ свое положеніе вслѣдствіе взаимнаго притяженія и отталкиванія частицъ между собой. Если даны зерно и окружающія его вещества, умъ однородный съ нашимъ, только достаточно обширный, могъ бы отмѣтить *a priori* каждый шагъ послѣдующаго развитія и на основаніи механическихъ законовъ доказать, что оно должно кончиться какъ дѣйствительно кончается,—воспроизведеніемъ формъ, подобныхъ той, съ которой началось. Здѣсь господствуетъ такая же необходимость, какая управляетъ планетами въ обращеніи ихъ вокругъ солнца. Вы замѣчаете, что я выражаю мою истину рѣзко, какъ условились мы съ самаго начала. Но я долженъ пойдти еще далѣе и объявить, что въ глазахъ науки животное тѣло точно такое произведеніе частичныхъ силъ, какъ стебель и колосъ хлѣба, какъ сахарные или соляные кристаллы. Многія части его очевидно механическія. Возьмите напримѣръ человѣческое сердце съ его удивительною системой мускуловъ, или возьмите руку, или глазъ. Животная теплота также однородна съ теплотой огня, ибо производится тѣмъ же химическимъ процессомъ. Движеніе животнаго точно такъ же непосредственно зависитъ отъ его пищи, какъ движеніе Триветикова локомотива зависитъ отъ топлива, находящагося въ его печкѣ. По отношенію къ матеріи животное тѣло не создаетъ ничего по отношенію къ силѣ оно также не создаетъ ничего. Кто, изъ васъ работой мысли. можетъ увеличить ростъ свой хотя на вершокъ? Все что̀ было сказано о растеніи, можетъ быть сказано и о животномъ. Каждая частица, входящая въ составъ мускула, нерва или кости, заняла свое положеніе, повинуясь частичнымъ силамъ. Если не отрицать всякій законъ въ этихъ явленіяхъ и не вводить элементъ произвола, то мы должны допустить что изъ даннаго отношенія

какой-либо частицы тѣла къ окружающему ее, можетъ быть выведено напередъ положеніе, какое должна занять она въ тѣлѣ. Трудность здѣсь не въ свойствѣ задачи, а въ сложности ея. Эта трудность устранилась бы простымъ расширеніемъ способностей, которыми теперь одаренъ человѣкъ. Допустимъ такое расширеніе, предположимъ, что имѣемъ необходимыя частичныя данныя: въ такомъ случаѣ мы могли бы также строго логически вывести цыпленка изъ яйца, какъ выведено существованіе Нептуна изъ отклоненій Урана, или коническое преломленіе изъ теоріи о волнахъ свѣта. Вы видите, что я не обхожу сущности вопроса, а выражаю прямо, что̀ многіе ученые мыслители болѣе или менѣе отчетливо сознаютъ. Въ ихъ глазахъ образованіе кристалла, растенія или животнаго чисто механическая задача, отличающаяся отъ задачъ обыкновенной механики лишь малостію массъ и сложностью процессовъ. Вотъ одна половина нашей двойственной истины; взглянемъ теперь на другую половину. На ряду съ удивительнымъ механизмомъ животнаго тѣла, мы видимъ явленія не менѣе достовѣрныя чѣмъ явленія физическія, но не представляющія съ этимъ механизмомъ необходимой связи. Человѣкъ можетъ, напримѣръ, сказать: „я чувствую, думаю, люблю". Откуда же является въ немъ такое сознаніе?

„Говорятъ, что мозгъ есть органъ мысли и чувства. Когда намъ больно, мозгъ это чувствуетъ; когда мы думаемъ, мозгъ работаетъ; страсти и наклонности возбуждаются чрезъ посредство мозга. Постараемся говорить нѣсколько точнѣе. Едва ли какой-нибудь глубокій мыслитель, останавливавшійся на этихъ вопросахъ, станетъ оспаривать великую вѣроятность предположенія, что каждому явленію сознанія, въ области ли мысли, чувства, или ощущенія, соотвѣтствуетъ извѣстное расположеніе мозговыхъ частицъ, что это отношеніе матеріи къ сознанію неизмѣнно, что слѣдовательно изъ даннаго состояніе мозга можно заключить о соотвѣтствующемъ этому состоянію опредѣленномъ чувствѣ. Но какъ заключить? Въ сущности тутъ вовсе не логическое заключеніе, а только эмпирическое сопоставленіе. Вы можете отвѣтить, что многія заключенія науки имѣютъ такой характеръ, такъ, напримѣръ, что опредѣленный электрическій токъ произведетъ извѣстныя отклоненія въ магнитной стрѣлкѣ, но разница въ томъ, что переходъ отъ электрическаго тока къ стрѣлкѣ мыслимъ, и мы не сомнѣваемся въ окончательномъ разрѣшеніи

этой задачи, а переходъ отъ матеріи мозга къ соотвѣтствующимъ явленіямъ сознанія не мыслимъ. Допустимъ, что извѣстная мысль и извѣстное состояніе частицъ являются въ мозгу одновременно; но мы не обладаемъ умственнымъ органомъ ни даже зародышемъ органа, который далъ бы намъ возможность перейдти путемъ разсужденія отъ одного изъ этихъ явленій къ другому. Они представляются вмѣстѣ, но мы не знаемъ почему. Еслибы нашъ умъ и чувства были такъ расширены, усилены, просвѣтлены, что мы могли бы видѣть и чувствовать всѣ мозговыя частицы, прослѣдить всѣ ихъ движенія, соединенія, взаимнодѣйствія, еслибы знали въ точности всѣ соотвѣтствующія мысли и ощущенія, мы точно также, какъ прежде, были бы далеки отъ разрѣшенія вопроса: „какая связь между этими физическими процессами и явленіями сознанія?" Бездна между двумя разрядами явленій все-таки оставалась бы для ума непереходимою. Пусть, напримѣръ, сознанію любви соотвѣтствуетъ спиральное движеніе мозговыхъ частицъ въ правую сторону, а сознанію ненависти такое же движеніе въ лѣвую сторону. Мы знали бы, что когда мы любимъ, частицы движутся въ одномъ направленіи, а когда ненавидимъ, въ другомъ, но вопросъ—*почему?* оставался бы неразрѣшеннымъ. Утверждая, что ростъ тѣла механическій, что мысль наша находится въ соотвѣтствіи съ физическимъ состояніемъ мозга, я изложилъ, кажется, крайнія положенія „матеріализма", имѣющія научныя основанія. Я думаю, что матеріализму удастся подъ конецъ отстоять эти положенія противъ всѣхъ нападокъ, но не думаю, чтобы при теперешнемъ устройствѣ человѣческаго ума можно было пойдти далѣе. Я не думаю, чтобы можно было утверждать, будто все объясняется соединеніями и движеніемъ частицъ. Въ сущности этимъ ничего не объясняется. Соотвѣтствіе двухъ разрядовъ явленій, связь между коими намъ совершенно неизвѣстна, — вотъ послѣдній результатъ, до котораго можно дойдти. Вопросъ объ отношеніи души къ тѣлу точно также неразрѣшимъ въ своей современной формѣ, какъ былъ до начала научныхъ изслѣдованій. Извѣстно, что фосфоръ входитъ въ составъ человѣческаго мозга, и одинъ смѣлый писатель воскликнулъ на своемъ рѣзкомъ нѣмецкомъ языкѣ: „Ohne Phosphor kein Gedanke" (безъ фосфора нѣтъ мысли). Можетъ-быть, такъ, можетъ-быть, и нѣтъ; но если даже и такъ, это знаніе не приноситъ намъ новаго свѣта. Внѣ

указанныхъ здѣсь границъ, матеріалистъ теряется. Если вы спросите его, откуда эта матерія, о которой мы толковали? Кто или что раздѣлило ее на частицы? Что наложило на нее необходимость группироваться въ органическія формы: у него нѣтъ отвѣта. Наука также молчитъ на эти вопросы. Но если матеріалистъ теряется, а наука молчитъ, кто же отвѣтитъ? Кому открыта тайна? Приклонимъ головы и признаемъ всѣ до единаго свое невѣдѣніе. Можетъ-быть, эта тайна когда-нибудь разрѣшится. Развитіе на землѣ идетъ путемъ усовершенствованія. Далеко отъ ископаемаго игуанодона и его современниковъ до предсѣдателя и членовъ Британскаго Общества. Будемъ ли смотрѣть на эти усовершенствованія какъ на результатъ постепеннаго развитія, или какъ на постепенныя проявленія творческой силы, ни то, ни другое воззрѣніе не даетъ намъ права думать, что рядъ оканчивается теперешними способностями человѣка, что процессъ останавливается на немъ. Придетъ, можетъ-быть, время, когда эта область, лежащая за предѣлами нашей науки, сдѣлается доступною земнымъ, если и не человѣческимъ существамъ. Двѣ трети лучей, исходящихъ изъ солнца, не возбуждаютъ чувства зрѣнія въ нашемъ глазѣ. Лучи существуютъ, но органъ, потребный для переложенія ихъ въ свѣтъ, не существуетъ. Такъ и изъ этой обнимающей насъ области мрака и тайны, можетъ-быть, исходятъ лучи, требующіе лишь умственнаго органа, который переложилъ бы ихъ въ познанія, на столько же превышающія наши, на сколько сами мы стоимъ выше пресмыкающихся, нѣкогда владѣвшихъ нашею планетой. А пока тайна приноситъ свою пользу. Она можетъ сдѣлаться силой въ душѣ человѣка, но сила эта основана на чувствѣ, а не на знаніи. Она можетъ также укрѣпить нашъ умъ и спасти человѣка отъ мелочности, въ которую склоненъ онъ впасть среди непрерывной борьбы за существованіе, или господство въ мірѣ.“

Д.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

Стихотворенія Ѳ. Тютчева. Москва, 1868.
Бесѣды въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности. Кн. I и II. Москва, 1867 и 1868.

У насъ очень любятъ говорить о реализмѣ и идеализмѣ въ литературѣ; по словамъ нѣкоторыхъ литературныхъ критиковъ нашихъ, такая-то категорія писателей сплошь идеалисты, а другая сплошь реалисты; реальное направленіе открыто будто бы Гоголемъ, а до него-де весь русскій пишущій людъ виталъ въ эмпиреѣ, не удостоивая землю своимъ вниманіемъ. Очевидно, во всемъ этомъ вѣрная основная мысль совершенно завалена, засыпана болтовней, которую такъ любятъ наши Шлегели. Можно ли сказать про величайшаго идеалиста, Шиллера, чтобъ онъ не вносилъ въ свои крупныя и мелкія стихотворенія своего германскаго духа и міросозерцанія конца XVIII вѣка? Съ другой стороны, всякій мыслящій человѣкъ согласится, что реализмъ, не имѣющій основаніемъ высокаго идеала, будетъ пошлою копіей дѣйствительности, мертвымъ дагерротипнымъ рисункомъ, изображеніемъ одной внѣшней стороны предметовъ. Разумно понимаемый реализмъ есть результатъ не столько вліянія какой-либо школы, сколько естественно происходящаго въ каждомъ человѣкѣ процесса внутренняго развитія. Идеализмъ есть свойство молодости, реализмъ—зрѣлаго возраста. По мѣрѣ того какъ въ человѣкѣ мужаетъ мыслящая способность, онъ начинаетъ вдумываться въ окружающіе его предметы и совершающіяся вокругъ него событія. Литературная дѣятельность Пушкина представляетъ тому одинъ изъ самыхъ разительныхъ примѣровъ, и то же самое доказываетъ небольшая

лежащая предъ нами книжечка стихотвореній Ѳ. И. Тютчева. Вотъ, напримѣръ, стихи, которые напечатаны на первыхъ страницахъ этой книжки:

Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ,
А воды ужъ весной шумятъ,
Бѣгутъ и будятъ сонный брегъ,
Бѣгутъ и блещутъ и гласятъ;

Онѣ гласятъ на всѣ концы:
„Весна идетъ, весна идетъ!
Мы молодой весны гонцы,
Она насъ выслала впередъ!“

Весна идетъ, весна идетъ,
И тихихъ, теплыхъ майскихъ дней
Румяный, свѣтлый хороводъ
Толпится весело за ней.

Очевидно, въ этомъ блестящемъ стихотвореніи, въ этомъ страстномъ привѣтствіи молодой души, исполненной внутренней весны, приближающейся веснѣ природы, нѣтъ ничего кромѣ какого-то радостнаго клича, и слѣдовательно никакого признака реализма. Но за то какой душистый повѣвъ поэзіи, какой свѣжій, искренній лиризмъ! Не прикажутъ ли наши критики отказаться отъ подобныхъ литературныхъ брилліантовъ, потому что они не подходятъ подъ ихъ понятія? Конечно, поэтъ могъ бы при этомъ замѣтить, что съ весной для крестьянина наступаетъ пора тяжелыхъ работъ, что лошаденки его тощи, что хлѣбушка у него становится мало, что баринъ его (кстати припомнить и крѣпостное право) строгъ и самъ обходитъ поля, когда ихъ поднимаютъ по веснѣ: это былъ бы реализмъ, но была ли бы во всемъ этомъ поэзія и прелесть,—это еще вопросъ. А какой реализмъ замѣнитъ ту прелесть образовъ и звуковъ, которая заключается въ слѣдующей картинѣ осени:

Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ
Умильная таинственная прелесть...
Зловѣщій блескъ и пестрота деревъ,
Багряныхъ листьевъ томный, легкій шелестъ,
Туманная и тихая лазурь
Надъ грустно сиротѣющей землею,
И, какъ предчувствіе сходящихъ бурь,
Порывистый, холодный вѣтръ порою.

Ущербъ, изнеможенье, и на всемъ
Та кроткая улыбка увяданья,
Что въ существѣ разумномъ мы зовемъ
Возвышенной стыдливостью страданья.

У кого не вызоветъ въ душѣ полнаго представленія грустныхъ дней [осени это коротенькое стихотвореніе, кто не переживетъ за чтеніемъ этихъ немногихъ стиховъ тѣхъ впечатлѣній, которыя онъ испытывалъ много разъ въ жизни? Другой писатель могъ бы привести очень много другихъ чертъ характеризующихъ осень, и однакожъ не вызвать ни въ воображеніи читателя такого полнаго образа этого времени года, ни въ душѣ его такого созвучнаго впечатлѣнія. Почему это? Въ этомъ именно и заключается тайна поэзіи и искусства вообще.

Подобно Пушкину, подобно всѣмъ поэтамъ, г. Тютчевъ переживалъ лирическій періодъ своей поэзіи и вращался въ сферѣ идеаловъ. Но вотъ онъ встрѣчается съ идеей, которая поразила его своимъ величіемъ, и съ человѣкомъ, который всю жизнь свою посвятилъ служенію ей. Эта идея—панславизмъ, этотъ человѣкъ—Ганка, и нашъ поэтъ вступаетъ въ сферу новыхъ, осязательныхъ, практическихъ, хотя и не матеріальныхъ интересовъ. Вотъ стихотвореніе, которое обозначаетъ этотъ новый фазисъ въ его дѣятельности:

КЪ ГАНКѢ.

Вѣковать ли намъ въ разлукѣ?
Не пора ль очнуться намъ
И подать другъ другу руки
Нашимъ кровнымъ и друзьямъ?

Вѣки мы слѣпцами были
И, какъ жалкіе слѣпцы,
Мы блуждали, мы бродили,
Разбрелись во всѣ концы;

А случалось ли порою
Намъ столкнуться какъ-нибудь,
Кровь не разъ лилась рѣкою,
Мечъ терзалъ родную грудь.

И вражды безумной сѣмя
Плодъ сторичный принесло:
Не одно погибло племя,
Иль въ чужбину отошло.

Иновѣрецъ, иноземецъ
Насъ раздвинулъ, разломилъ:
Тѣхъ обезъязычилъ Нѣмецъ,
Этихъ — Турокъ осрамилъ....

Вотъ среди сей ночи темной,
Здѣсь, на Пражскихъ высотахъ,
Доблій мужъ рукою скромной
Засвѣтилъ маякъ въ потьмахъ.

О, какими вдругъ лучами
Озарилась всѣ края!
Обличилась передъ нами
Вся славянская земля!

Горы, степи и поморья
День чудесный осіялъ,
Отъ Невы до Черногорья,
Отъ Карпатовъ на Уралъ!

Разсвѣтаетъ надъ Варшавой,
Кіевъ очи отворилъ,
И съ Москвой золотоглавой
Вышеградъ заговорилъ.

И нарѣчій братскихъ звуки
Вновь понятны стали намъ....
На яву увидятъ внуки
То, что снилося отцамъ!

Самое возвышенное, самое благородное, самое богатое будущностію, самое славное и полезное для Россіи изъ всѣхъ политическихъ соображеній становится отнынѣ источникомъ вдохновеній Тютчева: возвращеніе къ самобытной жизни милліоновъ попранныхъ нашихъ братій и участіе Россіи въ этомъ столько же политическомъ, сколько и христіанскомъ, подвигѣ—вотъ идея, на высоту которой онъ поднялся, вступивъ въ область реальности. Онъ не перестаетъ служить идеалу, но болѣе прежняго всматривается въ дѣйствительность; скорби обыденной жизни не ускользаютъ отъ его вниманія, но онъ пріурочиваетъ ихъ къ идеальнымъ стремленіямъ своего духа. Вотъ что вырывается у него изъ души, когда, выѣхавъ изъ пышнаго города, вагонъ мчалъ его мимо печальныхъ деревень его родины:

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпѣнья,
Край ты Русскаго народа!

Не пойметъ и не оцѣнитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ благословляя.

Мнѣ кажется, что самые отчаянные реалисты не скажутъ, что въ приведенномъ стихотвореніи русская деревня идеализована, а если въ грустномъ обращеніи къ ней г. Тютчева нѣтъ раздраженія, а напротивъ слышится бездна любви, то неужели это недостатокъ? Отъ поэзіи требуютъ осязательной пользы: какъ ни странно такое требованіе, но намъ кажется, что по прочтеніи слѣдующаго стихотворенія человѣкъ, увидѣвъ нищаго на улицѣ, невольно подастъ ему милостыню.

Пошли Господь Свою отраду
Тому кто въ лѣтній жаръ и зной,
Какъ бѣдный нищій, мимо саду
Бредетъ по жаркой мостовой,

Кто смотритъ вскользь черезъ ограду
На тѣнь деревьевъ, злакъ долинъ,
На недоступную прохладу
Роскошныхъ, свѣжихъ луговинъ!...

Не для него гостепріимной
Деревья сѣнью разрослись,
Не для него, какъ облакъ дымной,
Фонтанъ на воздухѣ повисъ.

Лазурный гротъ, какъ изъ тумана,
Напрасно взоръ его манитъ,
И пыль росистая фонтана
Главы его не освѣжитъ.

Пошли Господь Свою отраду
Тому, кто жизненной стопой,
Какъ бѣдный нищій мимо саду,
Бредетъ по знойной мостовой!

На этомъ прекрасномъ стихотвореніи мы разстанемся съ г. Тютчевымъ и перейдемъ къ другой книгѣ, о которой предполагали сказать нѣсколько словъ.

Съ прошлаго года Московское Общество Любителей Россійской Словесности стало издавать свои *Бесѣды*, то-есть сборники статей въ стихахъ и прозѣ, беллетристическихъ и ученыхъ, большею частію прочитанныхъ въ засѣданіяхъ этого Общества. Во второмъ выпускѣ *Бесѣды*, который изданъ въ текущемъ году, вниманіе останавливаютъ четыре статьи гг. Дашкова, Смирнова, Чаева и Алмазова. Статья г. Дашкова *Стихи и сказанія про Алексѣя Божія Человѣка* заключаетъ весьма обстоятельное изслѣдованіе различныхъ текстовъ сказанія о Св. Алексѣѣ, — изслѣдованіе, которое, не взирая на свой совершенно спеціальный характеръ, читается съ большимъ интересомъ всякимъ образованнымъ человѣкомъ, а спеціалисты должны, по нашему мнѣнію, обратить на него серіозное вниманіе и оцѣнить старательный, добросовѣстный трудъ молодаго автора. Что касается до г. Смирнова,—извѣстнаго уже какъ біографъ автора *Горе отъ ума*,—то онъ въ *Бесѣдахъ* напечаталъ новыя *Біографическія извѣстія о Грибоѣдовѣ*. Грибоѣдовъ есть не только одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей первой четверти нынѣшняго вѣка, но и одинъ изъ самыхъ даровитыхъ людей своего времени. Вспомнимъ, что его почиталъ „однимъ изъ умнѣйшихъ въ Россіи людей" Пушкинъ, и что, можетъ-быть, въ сферѣ государственной дѣятельности ему предстояло занять такое же высокое положеніе, какое онъ занялъ въ литературѣ. Къ удивленію, мы не имѣемъ еще ни одной полной біографіи Грибоѣдова, и статья г. Смирнова пополняетъ много пробѣловъ въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя разбросаны о немъ въ разныхъ журналахъ и отдѣльныхъ изданіяхъ. Мы позволимъ себѣ сдѣлать довольно обширныя извлеченія изъ этой любопытной статьи, относя ихъ къ двумъ различнымъ въ жизни автора *Горе отъ ума* періодамъ; въ первомъ изъ этихъ періодовъ, отдавая дань молодости и господствовавшему въ то время духу, Грибоѣдовъ *кутилъ*, немножко буянилъ и вращался преимущественно въ закулисномъ мірѣ; во второмъ—въ немъ начала пробуждаться и наконецъ созрѣла потребность дѣятельности болѣе достойной его высокихъ дарованій. Вотъ какъ описываетъ г. Смирновъ дуэль, бывшую между двумя молодыми пріятелями, Шереметевымъ и графомъ Завадовскимъ, въ которой Грибоѣдовъ былъ секундантомъ и которая вызвала много толковъ и въ современномъ обществѣ, и въ

[redacted]

литературѣ. Дуэль эта произошла изъ-за знаменитой въ свое время танцовщицы Истоминой, бывшей въ связи съ Шереметевымъ. Зимой въ 1818 году, говоритъ нашъ авторъ, молодой Грибоѣдовъ, уже извѣстный по нѣсколькимъ піесамъ написаннымъ для театра, а еще болѣе по успѣхамъ въ кружкахъ современной молодежи и актрисъ, жилъ на одной квартирѣ съ молодымъ графомъ Завадовскимъ. „Можетъ-быть," говоритъ г. Смирновъ,—

„графъ Завадовскій имѣлъ прежде на Истомину какіе-нибудь виды, но долженъ былъ уступить счастливому сопернику; Грибоѣдовъ же, не имѣвшій на нее ровно никакихъ, пригласилъ ее какъ-то разъ, послѣ спектакля, къ себѣ пить чай. Онъ самъ бывалъ у Истоминой довольно часто, какъ другъ, какъ близкій знакомый. Истомина согласилась, но, зная, что Шереметевъ за ней подсматриваетъ, и не желая вводить его въ искушеніе и лишній гнѣвъ, сказала Грибоѣдову, что не поѣдетъ съ нимъ вмѣстѣ изъ театра, а назначила ему мѣсто, гдѣ съ ней сейчасъ же послѣ спектакля встрѣтиться—первую, такъ-называемую, Суконную линію Гостинаго двора, на этотъ разъ, разумѣется, совершенно пустынную, потому что дѣло было ночью. Такъ все и сдѣлалось: она вышла изъ театральной кареты противъ назначеннаго мѣста, встрѣтилась съ Грибоѣдовымъ и уѣхала къ нему. Шереметевъ, наблюдавшій издалека, все это видѣлъ. Слѣдуя за санями Грибоѣдова, онъ вполнѣ убѣдился, что Истомина пріѣхала съ кѣмъ-то въ квартиру графа Завадовскаго; послѣ же, очень просто, черезъ людей, могъ узнать, что этотъ „кто-то" былъ Грибоѣдовъ. Взволнованный, взбѣшенный Шереметевъ бросился къ своему пріятелю Якубовичу * съ вопросомъ: „что̀ дѣлать?" Якубовичъ былъ лично храбрый, но безпокойный человѣкъ, съ довольно страннымъ, какъ это сейчасъ и докажется, взглядомъ на иныя вещи. „Что̀ дѣлать?" отвѣчалъ онъ: — „это очень понятно: драться, разумѣется, надо. Но теперь вопросъ въ томъ: какъ и съ кѣмъ? Возлюбленная твоя была у Завадовскаго, — это разъ, но привезъ ее туда Грибоѣдовъ,—это два; стало-быть, тутъ два лица, требующія пули, а изъ этого выходитъ, что для того, чтобы никому не было обидно, мы, при сей вѣрной оказіи, составимъ un parti carrè: ты стрѣляйся съ Грибоѣдовымъ, а я на себя возьму Завадовскаго." Логика, какъ изволите видѣть, своего рода, съ своимъ „закономъ достаточнаго основанія". Шереметевъ и Якубовичъ пріѣхали къ Грибоѣдову и Завадовскому, и Шереметевъ Грибоѣдова вызвалъ. „Нѣтъ, братецъ", отвѣчалъ Грибоѣдовъ,—„я съ тобой стрѣляться не буду, потому что, право, не за что̀, а вотъ если

* Извѣстный *декабристъ*.

угодно Александру Ивановичу (Якубовичу), такъ я къ его услугамъ.“ Parti carré устроилось: Шереметевъ долженъ былъ драться съ Завадовскимъ, а Грибоѣдовъ съ Якубовичемъ. Барьеръ назначенъ былъ на 18 шаговъ, съ тѣмъ чтобы противникамъ пройдти по 6, и тогда стрѣлять. Первая очередь была первыхъ лицъ, то-есть Шереметева и Завадовскаго. Когда они стали съ крайнихъ предѣловъ барьера сходиться на ближайшіе, графъ Завадовскій, который былъ отличный стрѣлокъ, шелъ тихо и совершенно покойно. Хладнокровіе ли Завадовскаго взбѣсило Шереметева, или чувство ревности и злобы пересилило въ немъ разсудокъ, только онъ, что̀ называется, *не выдержалъ* и выстрѣлилъ въ Завадовскаго, еще не доходя до барьера. Пуля пролетѣла такъ близко, что оторвала часть воротника у сюртука, у самой шеи.... Тогда, что̀ очень понятно, чувство злобы овладѣло Завадовскимъ. „Ah!“ сказалъ онъ: — „il en voulait à ma vie, — à lâ barrière.“ Дѣлать было нечего, Шереметевъ подошелъ. Нѣкоторые изъ бывшихъ при дуэли стали потихоньку просить Завадовскаго, чтобъ онъ пощадилъ жизнь Шереметева. „Я буду стрѣлять въ ногу“—отвѣчалъ онъ. Шереметевъ вслушался въ эти переговоры и сказалъ ему: „ты долженъ убить меня, или, рано или поздно, я тебя убью“. Завадовскій выстрѣлилъ. Ударъ былъ смертельный,—пуля пробила бокъ, прошла черезъ животъ, только не на вылетъ, и остановилась въ другомъ боку. Шереметевъ упалъ навзничь и „сталъ нырять по снѣгу, какъ рыба“, — подлинное выраженіе доктора Іона, очевидца дуэли, тоже разказывавшаго мнѣ, какъ и другія лица, всѣ эти подробности. „Вотъ тебѣ, Вася, и рѣпка!“ прехладнокровно сказалъ тогда Шереметеву бывшій тутъ же нѣкто Каверинъ,— лицо замѣчательное и характерно-типическое въ отношеніи къ своему времени,—который, будучи адъютантомъ Бенингсена, до того проказилъ въ Гамбургѣ, что былъ цѣлому городу и околотку извѣстенъ подъ именемъ *краснаго гусара*. Якубовичъ извинился предъ Грибоѣдовымъ, что имъ теперь стрѣляться невозможно, потому что онъ долженъ отвезти Шереметева домой. Они отложили свои разчеты до первой возможности. Однако, эта возможность имъ въ Петербургѣ уже не представилась. Отецъ Шереметева, зная довольно безпорядочную жизнь сына, просилъ государя Александра Павловича простить всѣхъ принимавшихъ участіе въ дуэли. Всѣ были прощены, кромѣ Якубовича, главнаго зачинщика дѣла; его сейчасъ же арестовали и потомъ выписали изъ гвардіи тѣмъ же чиномъ въ армію и, прямо изъ-подъ ареста, послали служить на Кавказъ. Судьба хотѣла, чтобъ они встрѣтились съ Грибоѣдовымъ въ этомъ отдаленномъ краю, да еще на самыхъ первыхъ порахъ пріѣзда Грибоѣдова, чуть ли не на лѣстницѣ гостиницы. Вспомнили о разчетахъ и стрѣлялись. Ермоловъ только нѣсколькими минутами не успѣлъ предупредить дуэль, пославъ арестовать обоихъ. Грибоѣдовъ, такъ же какъ и Шереметевъ, *не выдер-*

ѣхалъ и выстрѣлилъ, не дошедши до барьера. Якубовичъ стрѣлялъ отлично и послѣ разказывалъ, что не имѣлъ на жизнь Грибоѣдова ни малѣйшихъ покушеній, а только хотѣлъ, въ знакъ памяти, лишить его руки. Дѣйствительно, пуля попала Грибоѣдову въ ладонь лѣвой руки около большаго пальца, но, по связи жилъ, ему свело мизинецъ, и это, впослѣдствіи, мѣшало ему, музыканту, играть на фортепіано. Ему нужна была особая аппликатура. Только по этому сведенному мизинцу и узнали, въ грудѣ другихъ тѣлъ, трупъ его послѣ истребленія нашего посольства персидскою чернью 30-го января 1829 года."

Этотъ трагическій эпизодъ былъ наиболѣе замѣчательнымъ актомъ бурной и безпорядочной молодости Грибоѣдова. Онъ уѣхалъ въ Персію, въ качествѣ секретаря русскаго посольства. Здѣсь дѣятельный умъ его сталъ требовать основательной пищи. Грибоѣдовъ въ совершенствѣ изучилъ персидскій языкъ и персидскую литературу, и началъ учиться по санскритски; это составило значительное приращеніе къ его прежнему большому лингвистическому капиталу, такъ какъ онъ еще въ ранней молодости уже зналъ всѣ главные европейскіе языки. Около четырехъ лѣтъ провелъ Грибоѣдовъ при персидской миссіи и перешелъ оттуда на службу въ Грузію, гдѣ онъ имѣлъ случай близко видѣть тогдашняго главнокомандующаго Ермолова. Въ письмахъ (по счастію, сохранившихся) къ пріятелямъ Грибоѣдовъ набросалъ много любопытныхъ чертъ и оцѣнокъ этой замѣчательной личности. „Что это за славный человѣкъ!" писалъ онъ о Ермоловѣ,—

„мало того что уменъ, нынче всѣ умны,—но совершенно по-русски: на все годенъ, не на одни великія дѣла, не на однѣ мелочи, замѣть это. Притомъ тьма краснорѣчія, а не нынѣшнее отрывчатое, несвязное, наполеоновское риторство: его слова хоть сейчасъ положить на бумагу. Любитъ много говорить, однако позволяетъ говорить и другимъ; иногда (кто безъ грѣха?) много толкуетъ о вещахъ, которыя мало понимаетъ, однако и тогда, если не убѣдитъ, все-таки заставляетъ себя слушать. Эти случаи мнѣ очень памятны, потому что я съ нимъ часто спорилъ, разумѣется, о томъ, въ чемъ я твердо былъ увѣренъ, иначе бы такъ не было; однако, ни разу не переспорилъ; можетъ-быть, исправилъ (?). Я его видѣлъ каждый день, по нѣскольку часовъ проводилъ съ нимъ вмѣстѣ, и въ удобное время, чтобъ его нѣсколько узнать.... Въ немъ нѣтъ этой глупости, которую нынче выдаютъ за что-то умное, а именно, что поутру неприступенъ, а впрочемъ (вечеромъ?) готовъ къ услугамъ;

онъ всегда одинаковъ, всегда пріятенъ, и вотъ странность: тѣхъ даже, кого не уважаетъ, умѣетъ къ себѣ привлечь.... Якубовичъ, на котораго онъ сердится за меня и на глаза къ себѣ не пускаетъ, безъ ума отъ него.... Не при немъ здѣсь быть бунту! Надо видѣть и слышать, когда онъ собираетъ здѣшнихъ, или по-ту-сторону Кавказа кабардинскихъ и прочихъ князей; при помощи наметанныхъ драгомановъ, которые слова его не смѣютъ проронить, какъ онъ пугаетъ грубое воображеніе слушателей палками, висѣлицами, всякаго рода казнями, пожарами; это на словахъ, а на дѣлѣ тоже смиряетъ оружіемъ ослушниковъ, вѣшаетъ, жжетъ ихъ села— что же дѣлать? По законамъ, я не оправдываю иныхъ его самовольныхъ поступковъ, но вспомни, что онъ въ Азіи,— здѣсь ребенокъ хватается за ножъ. А, право, добръ; сколько, мнѣ кажется, премягкихъ чувствъ, или я уже сдѣлался совсѣмъ панегиристомъ.... Въ послѣдній разъ, на балѣ у Мадатова, я ему разказывалъ петербургскіе слухи о томъ, что Горцы у насъ вырѣзали полкъ. И онъ, впрочемъ, радъ, чтобъ это такъ случилось. „Чего, братецъ, имъ хочется отъ меня? „Я забрался въ такую даль и глушь; предоставляю имъ всѣ „почести, себѣ одни труды, никому не мѣшаю, никому не завидую. Montrez moi mon vainqueur et je cours l'embrasser.“

„Насчетъ Алексѣя Петровича объявляю тебѣ, что онъ умнѣе и своеобычнѣе чѣмъ когда-либо (писалъ Грибоѣдовъ своему другу Бѣгичеву). Удовольствіе быть съ нимъ покупаю смертельною скукой во время виста; уйдти некуда, всѣ стѣснены въ одной комнатѣ; но потомъ за ужиномъ, и послѣ до глубокой ночи разговорчивъ, оригиналенъ и необыкновенно пріятенъ. Нынче, съ тѣхъ поръ какъ мы вмѣстѣ, я еще болѣе дивлюсь его сложенію тѣлесному и нравственному. Безпрестанно сидитъ и не знаетъ почечуя, окруженъ служащими и не глупѣетъ.“

Однако служба при главной квартирѣ Ермолова надоѣла Грибоѣдову. Онъ состоялъ при „кавказскомъ проконсулѣ“ болѣе въ качествѣ пріятнаго собесѣдника чѣмъ участника въ управленіи краемъ, а это не могло удовлетворить пробуждавшуюся въ немъ жажду дѣятельности. Онъ собирался оставить Кавказъ, когда за нимъ пріѣхалъ курьеръ и арестовалъ по подозрѣнію въ прикосновенности къ событію 14-го декабря 1825 года. Но благодаря участію къ нему самого Ермолова, нѣкоторыхъ другихъ вліятельныхъ лицъ и наконецъ самихъ *декабристовъ*, желавшихъ спасти человѣка, „который своимъ талантомъ могъ прославить Россію“, Грибоѣдовъ былъ освобожденъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ заключенія. Онъ возвратился на Кавказъ, но уже не

къ Ермолову, а къ Паскевичу, присланному, чтобы командовать войсками противъ Персіянъ. Близкій родственникъ Грибоѣдова, будущій князь Варшавскій охотно доставилъ ему занятія согласныя съ его способностями, допустилъ его къ участію въ переговорахъ о мирѣ съ Персіянами и, по заключеніи мирнаго трактата, послалъ его съ этимъ трактатомъ въ Петербургъ. Объ этой порѣ жизни Грибоѣдова сохранилось извѣстій болѣе чѣмъ о предшествовавшихъ. Въ настоящій пріѣздъ свой въ Петербургъ онъ познакомился со всѣмъ тогдашнимъ литературнымъ міромъ въ Петербургѣ, и между прочимъ съ К. Полевымъ, который составилъ очень живой біографическій, о немъ очеркъ и съ Пушкинымъ, который отмѣтилъ его личность нѣсколькими неизгладимыми чертами. Его комедія была извѣстна уже всей Россіи и вытвержена наизусть молодымъ поколѣніемъ; одинъ Пушкинъ могъ быть въ то время его соперникомъ въ литературѣ, но Грибоѣдовъ имѣлъ для Петербуржцевъ двойной ореолъ: новизны и довольно высокаго уже положенія его въ службѣ; съ Пушкинымъ едва лишь начинали считаться серіозные люди изъ не-литераторовъ, а Грибоѣдова и въ министерскихъ кабинетахъ принимали съ такимъ же уваженіемъ, какъ и на литературныхъ сходкахъ.

Впечатлѣніе, которое производилъ Грибоѣдовъ въ послѣднее свое пребываніе въ Петербургѣ, усиливалось еще тѣмъ, что онъ совершенно обманывалъ то представленіе, которое можно было составить о немъ по его комедіи и по разказамъ прежнихъ его знакомцевъ. Автора *Горе отъ ума* естественно было представить себѣ человѣкомъ язвительнымъ, столько же сколько остроумнымъ; старые пріятели Грибоѣдова должны были изображать его блестящимъ, неистощимымъ въ веселости собесѣдникомъ: тѣмъ болѣе поражалъ въ 1828 году въ Грибоѣдовѣ оттѣнокъ задумчивости, который обнаруживался въ немъ, по словамъ Полеваго и Пушкина, и который сообщалъ необыкновенную симпатичность его словамъ и манерамъ. Наружность его носила слѣды утомленія; онъ какъ будто искалъ отдохновенія въ музыкѣ, которую страстно любилъ, и въ разговорахъ о высшихъ интересахъ науки и искусства, но мысль его, кажется, болѣе всего занимали судьбы Россіи на Востокѣ.... Кто знаетъ, какое вліяніе имѣлъ бы Грибоѣдовъ и на восточную политику, и на общее теченіе дѣлъ въ Россіи, еслибы дни его не были уже въ это время сосчитаны! Надо не забывать, что тогда только что совершилось освобожденіе Греціи,

и начиналась война съ Турціей; надо припомнить, что Грибоѣдову было съ небольшимъ тридцать лѣтъ, и что онъ легко могъ дожить до эпохи, когда людямъ, съ его дарованіями и просвѣщеніемъ, открывалось широкое поприще....

Г. Смирновъ говоритъ, что Грибоѣдову сильно не хотѣлось снова отправляться въ Персію, хотя ему предлагали возвратиться туда въ качествѣ полномочнаго министра; надоѣлъ ли ему Востокъ, или онъ дѣйствительно предвидѣлъ множество затрудненій, неудовольствій и даже опасностей среди двора, раздраженнаго неудачами послѣдней войны и уступками Туркманчайскаго договора, но несомнѣнныя свидѣтельства доказываютъ, что замѣчаніе Пушкина и Полеваго о задумчивости Грибоѣдова, такъ мало схожей съ прежнимъ настроеніемъ его ума, было совершенно справедливо. „На пути къ мѣсту своего назначенія, Грибоѣдовъ пробылъ у меня три дня,“ свидѣтельствуетъ старый другъ его, Бѣгичевъ. „Во все это время онъ былъ чрезвычайно мраченъ; я ему это замѣтилъ, и онъ, взявши меня за руку, сказалъ съ глубокою горестію: „Прощай, братъ Степанъ. Врядъ ли мы еще съ тобой увидимся!“—„Къ чему эти мысли?“ возразилъ я. „Ты бывалъ и въ сраженіяхъ, но Богъ тебя миловалъ.“—„Я знаю Персіянъ,“ отвѣчалъ онъ. „Аллаяръ-Ханъ мой личный врагъ, онъ меня уходитъ! Не подаритъ онъ мнѣ заключеннаго съ Персіянами мира. Старался я отдѣлаться отъ этого посольства! Министръ сначала предложилъ мнѣ ѣхать повѣреннымъ въ дѣлахъ, я отвѣчалъ, что Россіи нужно тамъ имѣть полномочнаго посла, чтобы не уступать шагу англійскому послу. Министръ улыбнулся и замолчалъ, полагая, что я по честолюбію желаю имѣть титулъ посла. А я думалъ, что туча прошла мимо, и назначатъ кого-нибудь чиновнѣе меня; но чрезъ нѣсколько дней министръ присылаетъ за мной и объявляетъ, что я, по высочайшей волѣ, назначенъ полномочнымъ министромъ. Дѣлать было нечего! Отказаться отъ этого назначенія послѣ всѣхъ милостей Государя было бы съ моей стороны черною неблагодарностію. Да и самое назначеніе меня полномочнымъ министромъ въ моемъ чинѣ (ст. сов.) я долженъ считать за милость, но предчувствую, что живой изъ Персіи не возвращусь.“

Проѣздомъ чрезъ Тифлисъ, Грибоѣдовъ женился на княжнѣ Нинѣ Чавчавадзевой, пятнадцатилѣтней красавицѣ, про которую, незадолго до своей смерти, онъ писалъ одному изъ друзей своихъ: „Хотите ее знать? Въ Malmaison, въ Эрмитажѣ,

литературѣ. Дуэль эта произошла изъ-за знаменитой въ свое время танцовщицы Истоминой, бывшей въ связи съ Шереметевымъ. Зимой въ 1818 году, говоритъ нашъ авторъ, молодой Грибоѣдовъ, уже извѣстный по нѣсколькимъ піесамъ написаннымъ для театра, а еще болѣе по успѣхамъ въ кружкахъ современной молодежи и актрисъ, жилъ на одной квартирѣ съ молодымъ графомъ Завадовскимъ. „Можетъ-быть,“ говоритъ г. Смирновъ,—

„графъ Завадовскій имѣлъ прежде на Истомину какіе-нибудь виды, но долженъ былъ уступить счастливому сопернику; Грибоѣдовъ же, не имѣвшій на нее ровно никакихъ, пригласилъ ее какъ-то разъ, послѣ спектакля, къ себѣ пить чай. Онъ самъ бывалъ у Истоминой довольно часто, какъ другъ, какъ близкій знакомый. Истомина согласилась, но, зная, что Шереметевъ за ней подсматриваетъ, и не желая вводить его въ искушеніе и лишній гнѣвъ, сказала Грибоѣдову, что не поѣдетъ съ нимъ вмѣстѣ изъ театра, а назначила ему мѣсто, гдѣ съ ней сейчасъ же послѣ спектакля встрѣтиться—первую, такъ-называемую, Суконную линію Гостинаго двора, на этотъ разъ, разумѣется, совершенно пустынную, потому что дѣло было ночью. Такъ все и сдѣлалось: она вышла изъ театральной кареты противъ назначеннаго мѣста, встрѣтилась съ Грибоѣдовымъ и уѣхала къ нему. Шереметевъ, наблюдавшій издалека, все это видѣлъ. Слѣдуя за санями Грибоѣдова, онъ вполнѣ убѣдился, что Истомина пріѣхала съ кѣмъ-то въ квартиру графа Завадовскаго; послѣ же, очень просто, черезъ людей, могъ узнать, что этотъ „кто-то“ былъ Грибоѣдовъ. Взволнованный, взбѣшенный Шереметевъ бросился къ своему пріятелю Якубовичу * съ вопросомъ: „что̀ дѣлать?“ Якубовичъ былъ лично храбрый, но безпокойный человѣкъ, съ довольно страннымъ, какъ это сейчасъ и докажется, взглядомъ на иныя вещи. „Что̀ дѣлать?“ отвѣчалъ онъ: — „это очень понятно: драться, разумѣется, надо. Но теперь вопросъ въ томъ: какъ и съ кѣмъ? Возлюбленная твоя была у Завадовскаго, — это разъ, но привезъ ее туда Грибоѣдовъ,—это два; стало-быть, тутъ два лица, требующія пули, а изъ этого выходитъ, что для того, чтобы никому не было обидно, мы, при сей вѣрной оказіи, составимъ un parti carré: ты стрѣляйся съ Грибоѣдовымъ, а я на себя возьму Завадовскаго.“ Логика, какъ изволите видѣть, своего рода, съ своимъ „закономъ достаточнаго основанія“. Шереметевъ и Якубовичъ пріѣхали къ Грибоѣдову и Завадовскому, и Шереметевъ Грибоѣдова вызвалъ. „Нѣтъ, братецъ“, отвѣчалъ Грибоѣдовъ,—„я съ тобой стрѣляться не буду, потому что, право, не за что̀, а вотъ если

---

* Извѣстный *декабристъ*.

угодно Александру Ивановичу (Якубовичу), такъ я къ его услугамъ.“ Parti carré устроилось: Шереметевъ долженъ былъ драться съ Завадовскимъ, а Грибоѣдовъ съ Якубовичемъ. Барьеръ назначенъ былъ на 18 шаговъ, съ тѣмъ чтобы противникамъ пройдти по 6, и тогда стрѣлять. Первая очередь была первыхъ лицъ, то-есть Шереметева и Завадовскаго. Когда они стали съ крайнихъ предѣловъ барьера сходиться на ближайшіе, графъ Завадовскій, который былъ отличный стрѣлокъ, шелъ тихо и совершенно покойно. Хладнокровіе ли Завадовскаго взбѣсило Шереметева, или чувство ревности и злобы пересилило въ немъ разсудокъ, только онъ, что̀ называется, *не выдержалъ* и выстрѣлилъ въ Завадовскаго, еще не доходя до барьера. Пуля пролетѣла такъ близко, что оторвала часть воротника у сюртука, у самой шеи.... Тогда, что̀ очень понятно, чувство злобы овладѣло Завадовскимъ. „Ah!“ сказалъ онъ: — „il en voulait à ma vie, — à lâ barrière.“ Дѣлать было нечего, Шереметевъ подошелъ. Нѣкоторые изъ бывшихъ при дуэли стали потихоньку просить Завадовскаго, чтобъ онъ пощадилъ жизнь Шереметева. „Я буду стрѣлять въ ногу“—отвѣчалъ онъ. Шереметевъ вслушался въ эти переговоры и сказалъ ему: „ты долженъ убить меня, или, рано или поздно, я тебя убью“. Завадовскій выстрѣлилъ. Ударъ былъ смертельный,—пуля пробила бокъ, прошла черезъ животъ, только не на вылетъ, и остановилась въ другомъ боку. Шереметевъ упалъ навзничь и „сталъ нырять по снѣгу, какъ рыба“, — подлинное выраженіе доктора Іона, очевидца дуэли, тоже разказывавшаго мнѣ, какъ и другія лица, всѣ эти подробности. „Вотъ тебѣ, Вася, и рѣпка!“ прехладнокровно сказалъ тогда Шереметеву бывшій тутъ же нѣкто Каверинъ,— лицо замѣчательное и характерно-типическое въ отношеніи къ своему времени,—который, будучи адъютантомъ Бенингсена, до того проказилъ въ Гамбургѣ, что былъ цѣлому городу и околотку извѣстенъ подъ именемъ *краснаго гусара*. Якубовичъ извинился предъ Грибоѣдовымъ, что имъ теперь стрѣляться невозможно, потому что онъ долженъ отвезти Шереметева домой. Они отложили свои разчеты до первой возможности. Однако, эта возможность имъ въ Петербургѣ уже не представилась. Отецъ Шереметева, зная довольно безпорядочную жизнь сына, просилъ государя Александра Павловича простить всѣхъ принимавшихъ участіе въ дуэли. Всѣ были прощены, кромѣ Якубовича, главнаго зачинщика дѣла; его сейчасъ же арестовали и потомъ выписали изъ гвардіи тѣмъ же чиномъ въ армію и, прямо изъ-подъ ареста, послали служить на Кавказъ. Судьба хотѣла, чтобъ они встрѣтились съ Грибоѣдовымъ въ этомъ отдаленномъ краю, да еще на самыхъ первыхъ порахъ пріѣзда Грибоѣдова, чуть ли не на лѣстницѣ гостиницы. Вспомнили о разчетахъ и стрѣлялись. Ермоловъ только нѣсколькими минутами не успѣлъ предупредить дуэль, пославъ арестовать обоихъ. Грибоѣдовъ, такъ же какъ и Шереметевъ, не выдер-

ѣхалъ и выстрѣлилъ, не дошедши до барьера. Якубовичъ стрѣлялъ отлично и послѣ разказывалъ, что не имѣлъ на жизнь Грибоѣдова ни малѣйшихъ покушеній, а только хотѣлъ, въ знакъ памяти, лишить его руки. Дѣйствительно, пуля попала Грибоѣдову въ ладонь лѣвой руки около большаго пальца, но, по связи жилъ, ему свело мизинецъ, и это, впослѣдствіи, мѣшало ему, музыканту, играть на фортепіано. Ему нужна была особая аппликатура. Только по этому сведенному мизинцу и узнали, въ грудѣ другихъ тѣлъ, трупъ его послѣ истребленія нашего посольства персидскою чернью 30-го января 1829 года."

Этотъ трагическій эпизодъ былъ наиболѣе замѣчательнымъ актомъ бурной и безпорядочной молодости Грибоѣдова. Онъ уѣхалъ въ Персію, въ качествѣ секретаря русскаго посольства. Здѣсь дѣятельный умъ его сталъ требовать основательной пищи. Грибоѣдовъ въ совершенствѣ изучилъ персидскій языкъ и персидскую литературу, и началъ учиться по санскритски; это составило значительное приращеніе къ его прежнему большому лингвистическому капиталу, такъ какъ онъ еще въ ранней молодости уже зналъ всѣ главные европейскіе языки. Около четырехъ лѣтъ провелъ Грибоѣдовъ при персидской миссіи и перешелъ оттуда на службу въ Грузію, гдѣ онъ имѣлъ случай близко видѣть тогдашняго главнокомандующаго Ермолова. Въ письмахъ (по счастію, сохранившихся) къ пріятелямъ Грибоѣдовъ набросалъ много любопытныхъ чертъ и оцѣнокъ этой замѣчательной личности. „Что это за славный человѣкъ!" писалъ онъ о Ермоловѣ,—

„мало того что уменъ, нынче всѣ умны,—но совершенно по-русски: на все годенъ, не на одни великія дѣла, не на однѣ мелочи, замѣть это. Притомъ тьма краснорѣчія, а не нынѣшнее отрывчатое, несвязное, наполеоновское риторство: его слова хоть сейчасъ положить на бумагу. Любитъ много говорить, однако позволяетъ говорить и другимъ; иногда (кто безъ грѣха?) много толкуетъ о вещахъ, которыя мало понимаетъ, однако и тогда, если не убѣдитъ, все-таки заставляетъ себя слушать. Эти случаи мнѣ очень памятны, потому что я съ нимъ часто спорилъ, разумѣется, о томъ, въ чемъ я твердо былъ увѣренъ, иначе бы такъ не было; однако, ни разу не переспорилъ; можетъ-быть, исправилъ (?). Я его видѣлъ каждый день, по нѣскольку часовъ проводилъ съ нимъ вмѣстѣ, и въ удобное время, чтобъ его нѣсколько узнать.... Въ немъ нѣтъ этой глупости, которую нынче выдаютъ за что-то умное, а именно, что поутру неприступенъ, а впрочемъ (вечеромъ?) готовъ къ услугамъ;

онъ всегда одинаковъ, всегда пріятенъ, и вотъ странность: тѣхъ даже, кого не уважаетъ, умѣетъ къ себѣ привлечь.... Якубовичъ, на котораго онъ сердится за меня и на глаза къ себѣ не пускаетъ, безъ ума отъ него.... Не при немъ здѣсь быть бунту! Надо видѣть и слышать, когда онъ собираетъ здѣшнихъ, или по-ту-сторону Кавказа кабардинскихъ и прочихъ князей; при помощи наметанныхъ драгомановъ, которые слова его не смѣютъ проронить, какъ онъ пугаетъ грубое воображеніе слушателей палками, висѣлицами, всякаго рода казнями, пожарами; это на словахъ, а на дѣлѣ тоже смиряетъ оружіемъ ослушниковъ, вѣшаетъ, жжетъ ихъ села— что же дѣлать? По законамъ, я не оправдываю иныхъ его самовольныхъ поступковъ, но вспомни, что онъ въ Азіи,— здѣсь ребенокъ хватается за ножъ. А, право, добръ; сколько, мнѣ кажется, премягкихъ чувствъ, или я уже сдѣлался совсѣмъ панегиристомъ.... Въ послѣдній разъ, на балѣ у Мадатова, я ему разказывалъ петербургскіе слухи о томъ, что Горцы у насъ вырѣзали полкъ. И онъ, впрочемъ, радъ, чтобъ это такъ случилось. „Чего, братецъ, имъ хочется отъ меня? „Я забрался въ такую даль и глушь; предоставляю имъ всѣ „почести, себѣ одни труды, никому не мѣшаю, никому не за„видую. Montrez moi mon vainqueur et je cours l'embrasser.“

„Насчетъ Алексѣя Петровича объявляю тебѣ, что онъ умнѣе и своеобычнѣе чѣмъ когда-либо (писалъ Грибоѣдовъ своему другу Бѣгичеву). Удовольствіе быть съ нимъ покупаю смертельною скукой во время виста; уйдти некуда, всѣ стѣснены въ одной комнатѣ; но потомъ за ужиномъ, и послѣ до глубокой ночи разговорчивъ, оригиналенъ и необыкновенно пріятенъ. Нынче, съ тѣхъ поръ какъ мы вмѣстѣ, я еще болѣе дивлюсь его сложенію тѣлесному и нравственному. Безпрестанно сидитъ и не знаетъ почечуя, окруженъ служащими и не глупѣетъ.“

Однако служба при главной квартирѣ Ермолова надоѣла Грибоѣдову. Онъ состоялъ при „кавказскомъ проконсулѣ“ болѣе въ качествѣ пріятнаго собесѣдника чѣмъ участника въ управленіи краемъ, а это не могло удовлетворить пробуждавшуюся въ немъ жажду дѣятельности. Онъ собирался оставить Кавказъ, когда за нимъ пріѣхалъ курьеръ и арестовалъ по подозрѣнію въ прикосновенности къ событію 14-го декабря 1825 года. Но благодаря участію къ нему самого Ермолова, нѣкоторыхъ другихъ вліятельныхъ лицъ и наконецъ самихъ *декабристовъ*, желавшихъ спасти человѣка, „который своимъ талантомъ могъ прославить Россію“, Грибоѣдовъ былъ освобожденъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ заключенія. Онъ возвратился на Кавказъ, но уже не

къ Ермолову, а къ Паскевичу, присланному, чтобы командовать войсками противъ Персіянъ. Близкій родственникъ Грибоѣдова, будущій князь Варшавскій охотно доставилъ ему занятія согласныя съ его способностями, допустилъ его къ участію въ переговорахъ о мирѣ съ Персіянами и, по заключеніи мирнаго трактата, послалъ его съ этимъ трактатомъ въ Петербургъ. Объ этой порѣ жизни Грибоѣдова сохранилось извѣстій болѣе чѣмъ о предшествовавшихъ. Въ настоящій пріѣздъ свой въ Петербургъ онъ познакомился со всѣмъ тогдашнимъ литературнымъ міромъ въ Петербургѣ, и между прочимъ съ К. Полевымъ, который составилъ очень живой біографическій, о немъ, очеркъ и съ Пушкинымъ, который отмѣтилъ его личность нѣсколькими неизгладимыми чертами. Его комедія была извѣстна уже всей Россіи и вытвержена наизусть молодымъ поколѣніемъ; одинъ Пушкинъ могъ быть въ то время его соперникомъ въ литературѣ, но Грибоѣдовъ имѣлъ для Петербуржцевъ двойной ореолъ: новизны и довольно высокаго уже положенія его въ службѣ; съ Пушкинымъ едва лишь начинали считаться серіозные люди изъ не-литераторовъ, а Грибоѣдова и въ министерскихъ кабинетахъ принимали съ такимъ же уваженіемъ, какъ и на литературныхъ сходкахъ.

Впечатлѣніе, которое производилъ Грибоѣдовъ въ послѣднее свое пребываніе въ Петербургѣ, усиливалось еще тѣмъ, что онъ совершенно обманывалъ то представленіе, которое можно было составить о немъ по его комедіи и по разказамъ прежнихъ его знакомцевъ. Автора *Горе отъ ума* естественно было представить себѣ человѣкомъ язвительнымъ, столько же сколько остроумнымъ; старые пріятели Грибоѣдова должны были изображать его блестящимъ, неистощимымъ въ веселости собесѣдникомъ: тѣмъ болѣе поражалъ въ 1828 году въ Грибоѣдовѣ оттѣнокъ задумчивости, который обнаруживался въ немъ, по словамъ Полеваго и Пушкина, и который сообщалъ необыкновенную симпатичность его словамъ и манерамъ. Наружность его носила слѣды утомленія; онъ какъ будто искалъ отдохновенія въ музыкѣ, которую страстно любилъ, и въ разговорахъ о высшихъ интересахъ науки и искусства, но мысль его, кажется, болѣе всего занимали судьбы Россіи на Востокѣ.... Кто знаетъ, какое вліяніе имѣлъ бы Грибоѣдовъ и на восточную политику, и на общее теченіе дѣлъ въ Россіи, если бы дни его не были уже въ это время сосчитаны! Надо не забывать, что тогда только что совершилось освобожденіе Греціи,

и начиналась война съ Турціей; надо припомнить, что Грибоѣдову было съ небольшимъ тридцать лѣтъ, и что онъ легко могъ дожить до эпохи, когда людямъ, съ его дарованіями и просвѣщеніемъ, открывалось широкое поприще....

Г. Смирновъ говоритъ, что Грибоѣдову сильно не хотѣлось снова отправляться въ Персію, хотя ему предлагали возвратиться туда въ качествѣ полномочнаго министра; надоѣлъ ли ему Востокъ, или онъ дѣйствительно предвидѣлъ множество затрудненій, неудовольствій и даже опасностей среди двора, раздраженнаго неудачами послѣдней войны и уступками Туркманчайскаго договора, но несомнѣнныя свидѣтельства доказываютъ, что замѣчаніе Пушкина и Полеваго о задумчивости Грибоѣдова, такъ мало схожей съ прежнимъ настроеніемъ его ума, было совершенно справедливо. „На пути къ мѣсту своего назначенія, Грибоѣдовъ пробылъ у меня три дня,“ свидѣтельствуетъ старый другъ его, Бѣгичевъ. „Во все это время онъ былъ чрезвычайно мраченъ; я ему это замѣтилъ, и онъ, взявши меня за руку, сказалъ съ глубокою горестію: „Прощай, братъ Степанъ. Врядъ ли мы еще съ тобой увидимся!“—„Къ чему эти мысли?“ возразилъ я. „Ты бывалъ и въ сраженіяхъ, но Богъ тебя миловалъ.“—„Я знаю Персіянъ,“ отвѣчалъ онъ. „Аллаяръ-Ханъ мой личный врагъ, онъ меня уходитъ! Не подаритъ онъ мнѣ заключеннаго съ Персіянами мира. Старался я отдѣлаться отъ этого посольства! Министръ сначала предложилъ мнѣ ѣхать повѣреннымъ въ дѣлахъ. я отвѣчалъ, что Россіи нужно тамъ имѣть полномочнаго посла. чтобы не уступать шагу англійскому послу. Министръ улыбнулся и замолчалъ, полагая, что я по честолюбію желаю имѣть титулъ посла. А я думалъ, что туча прошла мимо, и назначатъ кого-нибудь чиновнѣе меня; но чрезъ нѣсколько дней министръ присылаетъ за мной и объявляетъ, что я, по высочайшей волѣ, назначенъ полномочнымъ министромъ. Дѣлать было нечего! Отказаться отъ этого назначенія послѣ всѣхъ милостей Государя было бы съ моей стороны черною неблагодарностію. Да и самое назначеніе меня полномочнымъ министромъ въ моемъ чинѣ (ст. сов.) я долженъ считать за милость, но предчувствую, что живой изъ Персіи не возвращусь.“

Проѣздомъ чрезъ Тифлисъ, Грибоѣдовъ женился на княжнѣ Нинѣ Чавчавадзевой, пятнадцатилѣтней красавицѣ, про которую, незадолго до своей смерти, онъ писалъ одному изъ друзей своихъ: „Хотите ее знать? Въ Malmaison, въ Эрмитажѣ,

тотчасъ при входѣ, направо, есть Мадонна, въ видѣ пастушки, Мурильйо: вотъ она." Но ни прекрасная, влюбленная въ него и полная вѣры въ счастіе жена, ни блестящая, открывавшаяся предъ нимъ карьера не въ состояніи были прогнать мрачное настроеніе Грибоѣдова, которое усиливалось по мѣрѣ того, какъ онъ подвигался въ глубь Востока. Вотъ что̀ онъ пишетъ изъ стѣнъ древняго Эчміадзина:

„Какъ это все случилось! Гдѣ я, что̀ и съ кѣмъ! „Будемъ вѣкъ жить, не умремъ никогда." Слышите? Это жена мнѣ сейчасъ сказала ни къ чему,—доказательство, что ей шестнадцатый годъ. Но мнѣ простительно ли, послѣ столькихъ опытовъ, столькихъ размышленій вновь бросаться въ новую жизнь, предаваться на произволъ случайностей и все далѣе отъ успокоенія души и разсудка. А независимость, которой я былъ такой страстный любитель, исчезла, можетъ-быть, навсегда."

Изъ Тавриза, за нѣсколько недѣль до трагической своей кончины, предъ поѣздкой въ Тегеранъ, откуда ему было суждено не возвратиться живымъ, онъ написалъ слѣдующія строки, полныя глубокой тоски:

„Неужели я для того рожденъ, чтобы всегда заслуживать справедливые упреки за холодность (и мнимую притомъ), за невниманіе, эгоимъ отъ тѣхъ, за которыхъ охотно бы жизнь отдалъ? Александръ * нашъ что̀ долженъ обо мнѣ думать! И это кроткое, тихое созданіе, которое отдалось теперь на всю мою волю, безъ ропота раздѣляетъ мою ссылку и страдаетъ самою мучительною беременностію! Кто знаетъ: можетъ-быть, я и ее оставлю, сперва по необходимости, по такъ-называемымъ дѣламъ, на короткое время, но послѣ время продлится, обстоятельства завлекутъ, забудусь, не стану писать.... Что̀ проку, что чувства во мнѣ неизмѣнны, когда видимые поступки тому противорѣчатъ. Кто повѣритъ. Александръ мнѣ въ эту минуту душу раздираетъ. Сейчасъ пишу къ Паскевичу; коли онъ и теперь ему не поможетъ, провались всѣ его отличія, слава и громъ побѣдъ! Все это не сто̀итъ избавленія отъ гибели одного несчастнаго, и кого же! Боже мой! Пути твои неизслѣдимы!"

Письмо, изъ коего мы привели этотъ отрывокъ, было едва ли не послѣднее, писанное Грибоѣдовымъ: оно отъ 5-го декабря 1828 года: 30-го января 1829 года въ Тегеранѣ произошло волненіе черни, во время коего онъ лишился жизни 33 лѣтъ отъ роду.

По странной прихоти судебъ, въ то самое время когда Грибоѣдовъ или, правильнѣе, обезображенный прахъ его

* Князь Одоевскій, декабристъ, сосланный на Кавказъ.

возвращался въ Тифлисъ, изъ Тифлиса пробирался въ глубину Азіи другой славный русскій поэтъ, другой алмазъ нашей литературы. Не далеко отъ крѣпостцы Гергеры, говоритъ Пушкинъ, „я переѣхалъ чрезъ рѣку. Два вола, впряженные „въ арбу, поднимались по крутой дорогѣ. Нѣсколько Грузинъ „сопровождали арбу. „Откуда вы“, спросилъ я ихъ. Изъ Те-„герана. — „Чтò везете?“ — *Грибоѣда.*“

Мы надѣемся, что читатель не посѣтуетъ на насъ, что мы распространились о біографіи Грибоѣдова. Выдержками изъ статьи г. Смирнова мы желали дать понятіе о томъ какъ она интересна и возбудить желаніе прочесть ее, а теперь спѣшимъ сказать нѣсколько словъ о переводѣ *Семелы* г. Алмазова и о *Пѣсни про царя Ивана* г. Чаева. Послѣднее изъ этихъ произведеній составляетъ самое незначительное по объему изъ сочиненій г. Чаева, но превосходитъ всѣ прочія по живости драматическаго движенія. Здѣсь мы не замѣчаемъ ни одного изъ тѣхъ недостатковъ, въ которыхъ обыкновенно упрекаютъ г. Чаева: ни чрезмѣрно длинныхъ діалоговъ, ни лирическихъ мѣстъ; драма живетъ и движется; положенія и перипетіи быстро слѣдуютъ однѣ за другими. Читатель замѣтитъ нѣкоторыя историческія невѣрности въ новомъ произведеніи г. Чаева, но онъ, безъ сомнѣнія, не замедлитъ замѣтить, что это вина того преданія, которымъ руководствовался нашъ даровитый драматургъ: народная фантазія не строго соблюдаетъ хронологію и самовластно распоряжается фактами. Чтò касается до произведенія г. Алмазова, то это прекрасный переводъ одного изъ наименѣе извѣстныхъ у насъ драматическихъ сочиненій Шиллера. Мы не скажемъ, чтобы *Семела* была однимъ изъ лучшихъ между ними, но она принадлежитъ, конечно, къ числу самыхъ симпатичныхъ. Прочтите слѣдующую сцену и согласитесь, что отъ нея вѣетъ другою, не нашею, но прекрасною эпохой, эпохой свѣтлыхъ идеаловъ, которыми не худо отъ времени до времени освѣжать нашу современность. Можетъ-быть, не безполезно будетъ припомнить (такъ слаба наша духовная связь съ поэзіей Шиллера), что великій германскій поэтъ изображаетъ въ драматическомъ очеркѣ, переведенномъ г. Алмазовымъ, тотъ эпизодъ изъ любовныхъ приключеній Юпитера, когда онъ всѣмъ сердцемъ предается прекрасной Ѳиванской царевнѣ, которую Юнона рѣшилась изъ ревности погубить, внушивъ ей мысль вынудить у своего божественнаго любовника знаменіе его всемогущества. Зевесъ,

въ видѣ юноши и сопровождаемый Меркуріемъ, приходитъ на свиданіе съ Семелой.

ЗЕВЕСЪ.

...Когда я несся надъ Аргосомъ,
То чувствовалъ куренье еиміамовъ,
Возженныхъ мнѣ на алтаряхъ народныхъ:
Я тронутъ былъ народною любовью....
Лети, скажи сестрѣ моей Церерѣ,
Чтобы она умножила въ Аргосѣ
Въ сто тысячъ разъ, отнынѣ на полвѣка,
Плоды земли.

МЕРКУРІЙ.

Я трепещу, Кроніонъ,
Когда лечу, чтобы повѣдать людямъ
Твой грозный гнѣвъ; но я ликую сердцемъ,
Когда твои щедроты имъ несу:
Творить добро — блаженство для боговъ;
Карать, казнить — ихъ власти злое бремя.

Входитъ Семела и рѣзко объявляетъ Юпитеру, что считаетъ его обманщикомъ, простымъ смертнымъ, который, чтобъ обольстить ее, назвался громовержцемъ.

СЕМЕЛА.

Когда бъ ты былъ всевластный царь Олимпа,
Ты предо мной колѣнъ не преклонилъ бы;
Я женщина — созданіе Зевеса:
А можетъ ли художникъ преклоняться
Предъ статуей, самимъ имъ изваянной?

ЗЕВЕСЪ.

Пигмаліонъ въ восторгѣ преклонялся
Передъ своимъ созданьемъ; царь Олимпа,
Я предъ моей Семелой преклоняюсь.

СЕМЕЛА.

Встань! Ты не царь Олимпа. Громовержецъ
Тамъ высоко: надъ нами онъ теперь
Среди боговъ на тронѣ возсѣдаетъ:
На насъ съ высотъ заоблачныхъ взирая,
Смѣется онъ надъ дѣвой легковѣрной,
Надъ червякомъ, ползущимъ по землѣ,
Надъ червякомъ, дерзнувшимъ возмечтать,
Что овладѣлъ онъ сердцемъ Олимпійца,
Властителя вселенной.

ЗЕВЕСЪ.

Но Зевесъ
У ногъ твоихъ!...

СЕМЕЛА.

Не вѣрю я, не вѣрю:
Ты обманулъ меня! Позоръ и стыдъ:
Ты смертный!

ЗЕВЕСЪ.

Я Зевесъ (*простираетъ руку, — въ комнатѣ является радуга*).
Теперь ты вѣришь?

СЕМЕЛА.

Сильна рука, поддержанная богомъ!
Ты человѣкъ, любимый громовержцемъ,
Но все же ты не богъ, а человѣкъ,
И не могу тебѣ отдать я сердце.

ЗЕВЕСЪ.

Тебя еще сомнѣніе тревожитъ:
Ты думаешь, что не своею силой,
А властію, мнѣ данной Олимпійцемъ,
Я низвожу сіяніе небесъ
Къ твоимъ ногамъ. Но знай, моя Семела,
Что боги власть свою ввѣряютъ людямъ
Лишь на добро, но силы разрушенья
Имъ не даютъ: одни лишь боги властны
Чудесною стихій небесныхъ силой
Карать, губить и ужасать людей.
(*Простираетъ руку, — громъ, пламя, дымъ, землетрясеніе.*)

СЕМЕЛА.

Довольно, о, довольно! Сжалься, сжалься
Надъ бѣдными людьми!... Ты сынъ Кронида.

ЗЕВЕСЪ.

О, женщина упрямая! Ужели,
Чтобъ угодить всѣмъ прихотямъ твоимъ,
Уставъ природы долженъ я нарушить,
И въ первый разъ съ начала мірозданья
Свѣтило дня съ небесной тверди сдвинуть?!
(*Простираетъ руку, — солнце исчезаетъ; внезапная тьма.*)

СЕМЕЛА.

Всевластный духъ!... Когда бъ ты могъ любить!
(*Солнце опять показывается.*)

ЗЕВЕСЪ.

Могу ли я любить!? О, если хочешь,
Я отъ себя откину божество,
Чтобъ умереть, чтобъ быть тобой любимымъ.

СЕМЕЛА.

Но можетъ ли Зевесъ переродиться?

ЗЕВЕСЪ.

Ты хочешь? Я готовъ: я все исполню
По манію руки твоей!...

СЕМЕЛА.

Кроніонъ!
Я слышала, что надо мной смѣются
Всѣ женщины въ несчастномъ Эпидаврѣ,
И говорятъ, что будто громовержецъ
Не слушаетъ ни въ чемъ своей Семелы....

ЗЕВЕСЪ.

Пусть будетъ стыдно женамъ Эпидавра
Такъ говорить. Скажи, чего ты хочешь,
И я клянусь самимъ всемощнымъ Стиксомъ,
Симъ божествомъ, чьей волѣ безграничной
И божества подвластны, — да, клянусь
Исполнить все, чтò мнѣ велитъ Семела,
И если я свое нарушу слово,
То съ пламенемъ и громомъ предъ тобой
Отторгнется навѣки божество
Отъ твоего Зевеса....

СЕМЕЛА.

О, теперь
Я наконецъ узнала громовержца!

Но поздно: смертное созданіе не можетъ вынести зрѣлища божественнаго могущества. Семела умираетъ.

П. Щ.

ПОПРАВКА.

Фамилія автора „Замѣтки на статью *Осада Ура-Тюбе и Джизага*“, помѣщенной въ іюльской книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, вслѣдствіе неразборчивости подписи ошибочно напечатана *Ренненкампфъ* вмѣсто *Ризенкампфъ*.

женъ. Можете ли вы, основываясь на логикѣ или на законѣ, сказать нѣчто большее въ защиту вашего взгляда, мистеръ Блекъ?

Вопросъ былъ поставленъ твердо и, — нечего спорить — вполнѣ справедливо.

— Сознаюсь, что вы озадачили меня, отвѣтилъ я.—Вы ничего не имѣете противъ того, чтобъ я написалъ къ мистеру Броффу и сообщилъ ему сказанное вами?

— Напротивъ, я буду весьма радъ, если вы напишете мистеру Броффу. Посовѣтовавшись съ его опытностью, мы, пожалуй, увидимъ все дѣло въ иномъ свѣтѣ. Теперь же возвратимся къ нашему опыту съ опіумомъ. Итакъ, рѣшено, что вы съ этой минуты бросаете привычку курить?

— Бросаю съ этой минуты.

— Это первый шагъ. Второе—надо воспроизвести, какъ можно приблизительнѣе, домашнюю обстановку, окружавшую васъ въ прошломъ году.

Какъ же это сдѣлать? Леди Вериндеръ умерла. Мы съ Рахилью безвозвратно разошлись до тѣхъ поръ, пока на мнѣ будетъ лежать подозрѣніе въ кражѣ. Годфрей Абльвайтъ находился въ отсутствіи, путешествуя на континентѣ. Просто невозможно было собрать бывшихъ въ домѣ въ то время, когда я провелъ въ немъ послѣднюю ночь. Заявленіе этого препятствія, повидимому, не смутило Ездру Дженнингса. Онъ сказалъ, что придаетъ весьма мало значенія сбору этихъ людей, имѣя въ виду всю тщету надежды сызнова поставить ихъ въ разнообразныя положенія, какія занимали они относительно меня въ прошлое время. Но съ другой стороны, онъ считалъ существеннымъ залогомъ успѣха опыта, чтобъ я былъ окруженъ тѣми же самыми предметами, которые окружали меня въ послѣднюю мою побывку въ томъ домѣ.

— Важнѣе всего, сказалъ онъ,—чтобы вы спали въ той же комнатѣ, гдѣ ночевали въ день рожденія, и чтобъ она была точно такъ же меблирована. Лѣстница, корридоры и гостиная миссъ Вериндеръ должны быть возобновлены въ томъ же видѣ, какъ были при васъ. Въ этомъ отдѣленіи дома безусловно необходимо, мистеръ Блекъ, поставить на прежнее мѣсто всю мебель, которую теперь могли оттуда вынести. Вы напрасно пожертвуете своими сигарами, если мы не получимъ на это позволенія миссъ Вериндеръ.

— Кто же долженъ обратиться къ ней за позволеніемъ? спросилъ я.

— А *вамъ* развѣ нельзя?

— И думать нечего. Послѣ того что̀ произошло между нами относительно пропажи алмаза, я не могу ни видѣть ея, ни писать къ ней, пока дѣла обстоятъ попрежнему.

Ездра Дженнингсъ помолчалъ и подумалъ съ минуту.

— Смѣю ли я предложить вамъ одинъ щекотливый вопросъ? проговорилъ онъ.

Я сдѣлалъ ему знакъ продолжать.

— Справедливо ли я предполагаю, мистеръ Блекъ (судя по двумъ-тремъ словамъ, которыя вы проронили), что вы питали не совсѣмъ обыкновенное участіе къ миссъ Вериндеръ въ прежнее время?

— Совершенно справедливо.

— Отвѣчали ль вамъ на это чувство?

— Отвѣчали.

— Какъ вы думаете, не будетъ ли миссъ Вериндеръ сильно заинтересована въ попыткѣ возстановить вашу невинность?

— Я въ этомъ увѣренъ.

— Въ такомъ случаѣ *я* напишу къ миссъ Вериндеръ, если вы мнѣ позволите.

— Сообщивъ ей о предложеніи, которое вы мнѣ сдѣлали?

— Сообщивъ ей о всемъ происшедшемъ сегодня между нами.

Нѣтъ нужды говорить, что я съ жаромъ принялъ предложенную мнѣ услугу.

— Я еще успѣю написать съ нынѣшнею почтой, сказалъ онъ, взглянувъ на часы:—не забудьте запереть сигары, когда вернетесь въ свою гостиницу! Завтра поутру я зайду освѣдомиться, каково проведете вы ночь.

Я сталъ прощаться съ нимъ и попробовалъ выразить ему искреннюю благодарность за его доброту.

Онъ тихо пожалъ мнѣ руку.

— Припомните что̀ я говорилъ вамъ на болотѣ, сказалъ онъ:—если мнѣ удастся оказать вамъ услугу, мистеръ Блекъ, для меня это будетъ какъ бы послѣдній проблескъ солнца на вечерней зарѣ долгаго и пасмурнаго дня.

Мы разстались. То было пятнадцатое іюня. События слѣдующихъ десяти дней, — всѣ до одного болѣе или менѣе

асающіяся опыта, пассивнымъ предметомъ котораго былъ ,—записаны, по мѣрѣ того какъ происходили, въ дневникѣ омощника мистера Канди. На страницахъ, писанныхъ ѕздрою Дженнингсомъ, ничто не утаено, ничто не заыто. Пусть же Ездра Дженнингсъ и разкажетъ теперь, акъ произведенъ былъ опытъ съ опіумомъ и чѣмъ онъ ончился.

Разказъ 4-ый. Извлечено изъ дневника Ездры Дженнингса.

1849 г., іюня 15-го..... Несмотря на то что меня отвлекали и ольные, и собственное страданіе, я все-таки во-время конилъ письмо къ миссъ Вериндеръ, чтобы сегодня же отравить его на почту. Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ оно было ратко, но это не удалось; за то, кажется, вышло ясно. Оно редоставляетъ ей полную свободу выбора. Если она соглаится присутствовать при опытѣ, то это будетъ по соботвенной ея волѣ, а не изъ милости къ мистеру Блеку, или о мнѣ.

Іюня 16-го. Поздно всталъ, проведя ужасную ночь; вчеашній пріемъ опіума далъ себя знать, наказавъ меня цѣлою ереницей страшныхъ сновидѣній. То кружился я вихремъ ъ пустомъ пространствѣ, съ призраками умершихъ,—друзей врагов. То милое лицо, котораго я никогда болѣе не увиу, возникало у моего изголовья, фосфорично и непріятно вѣтясь въ черной мглѣ, уставлялось на меня страшнымъ глядомъ и смѣялось, оскаливъ зубы. Легкій припадокъ давишней боли, въ обычное время ранняго утра, порадовалъ еня какъ перемѣна. Онъ разогналъ видѣнія и вслѣдствіе ого былъ сносенъ.

По случаю дурно проведенной ночи, я нѣсколько опоздалъ оутру къ мистеру Франклину Блеку; я засталъ его лежащимъ въ растяжку на диванѣ за завтракомъ, который состоялъ изъ водки съ содовою водой и сухаго бисквита.

— Я такъ славно началъ, что вамъ и желать ничего не стается, сказалъ онъ:—ночью несносная безсонница; поутру олнѣйшее отсутствіе аппетита. Точь-въ-точь что было въ рошломъ году, когда я отказался отъ сигаръ. Чѣмъ скорѣе подготовлюсь ко вторичному пріему опіума, тѣмъ это для еня будетъ пріятнѣе.

— Вы примете его въ тотъ же день, какъ только это станетъ возможно, отвѣтилъ я:—а между тѣмъ надо какъ можно болѣе позаботиться о вашемъ здоровьи. Если допустить васъ до истощенія, то легко потерпѣть неудачу. Вамъ надо промыслить себѣ аппетитъ къ обѣду. Иначе сказать, вы должны предпринять поѣздку верхомъ, или прогулку на чистомъ воздухѣ.

— Я поѣду верхомъ, если мнѣ достанутъ здѣсь лошадь. Кстати, я вчера писалъ къ мистеру Броффу. А вы написали мистрисъ Вериндеръ?

— Да, со вчерашнею почтой.

— Очень хорошо. Значитъ, завтра мы сообщимъ другъ другу кой-какія интересныя вѣсти. Постойте, не уходите еще! Я хочу вамъ сказать одно словечко. Вы, кажется, полагали вчера, что нѣкоторые изъ моихъ друзей не совсѣмъ благосклонно отнесутся къ нашему опыту съ опіумомъ. Вы были совершенно правы. Я считаю старика Бетереджа въ числѣ своихъ друзей; и васъ позабавитъ, если я вамъ скажу, какъ сильно протестовалъ онъ при вчерашнемъ свиданіи со мной. „Въ теченіи вашей жизни, мистеръ Франклинъ, вы надѣлали столько глупостей, что удивляться надо; но ужь эта—верхъ всего!“ Вотъ какого мнѣнія Бетереджъ. Но я увѣренъ, что вы извините его предразсудки, если встрѣтитесь съ нимъ.

Я разстался съ мистеромъ Блекомъ и пошелъ въ обходъ по больнымъ, чувствуя себя здоровѣе и счастливѣе послѣ свиданія съ нимъ, хотя и короткаго. Въ чемъ же заключается тайна моего влеченія къ этому человѣку? Неужели въ одномъ чувствѣ противоположности между его чистосердечною добротой, съ которою онъ допустилъ меня въ число своихъ знакомыхъ, и жестокосердымъ отвращеніемъ и недовѣріемъ, встрѣчаемыми мной въ другихъ людяхъ? Или въ немъ дѣйствительно есть нѣчто, удовлетворящее ту жажду хоть капли людскаго участія, которая пережила во мнѣ одиночество и преслѣдованія въ теченіи многихъ лѣтъ и становится все томительнѣй, по мѣрѣ того какъ подходитъ время, когда я перестану страдать и чувствовать? Что̀ пользы задавать себѣ эти вопросы? Мистеръ Блекъ доставилъ мнѣ новый интересъ въ жизни. Удовольствуемся же тѣмъ, не доискиваясь въ чемъ состоитъ этотъ новый интересъ.

Іюня 17-го. Поутру, предъ завтракомъ, мистеръ Канди

сообщилъ мнѣ, что уѣзжаетъ недѣли на двѣ погостить къ одному пріятелю, на югъ Англіи. Бѣдняга надавалъ мнѣ такое множество разныхъ порученій относительно больныхъ, какъ будто у него все та же обширная практика, что была до болѣзни. Практика наша теперь почти что ничего не стóитъ! *Его* замѣнили другіе доктора; *меня* же всѣ, по возможности, обходятъ. Оно, пожалуй, и лучше, что онъ именно теперь уѣзжаетъ. Онъ былъ бы огорченъ, еслибъ я не сообщилъ ему объ опытѣ, который собираюсь произвесть надъ мистеромъ Блекомъ. А если сообщить ему тайну, то нельзя ручаться, чтобъ изъ того не вышло какихъ-либо весьма нежелательныхъ послѣдствій. Такъ оно и лучше. Безспорно лучше.

По отъѣздѣ мистера Канди мнѣ доставили съ почты отвѣтъ мистрисъ Вериндеръ.

Очаровательное письмо! Я сталъ весьма высокаго мнѣнія о ней. Ни малѣйшей попытки скрыть, насколько она заинтересована въ нашемъ предпріятіи. Она, въ самыхъ прелестныхъ выраженіяхъ, сообщаетъ мнѣ, что письмо мое убѣдило ее въ невинности мистера Блека и (по крайней мѣрѣ въ ея глазахъ) вовсе не нуждается въ подтвержденіи опытомъ. Она даже укоряетъ себя,—вовсе незаслуженно, бѣдняжка,—что не догадалась тогда же объ истинномъ смыслѣ загадки. Скрытая цѣль всего этого очевидно состоитъ кое-въ-чемъ посильнѣе великодушнаго желанія вознаградить за зло, невинно причиненное ею другому. Ясно, что она любила его, несмотря на все отчужденіе ихъ другъ отъ друга. Во многихъ мѣстахъ восторгъ отъ сознанія, что онъ достоинъ любви, наивно проглядываетъ въ строжайшихъ формальностяхъ выраженій и даже преодолѣваетъ еще болѣе строгую сдержанность письма къ незнакомому человѣку. Возможно ли (спрашиваю я себя, читая это очаровательное письмо), чтобъ изъ всѣхъ людей на свѣтѣ именно я *былъ* выбранъ средствомъ примиренія этой молодой парочки? Собственное мое счастье попирали ногами; любовь мою отняли у меня. Доживу ли я до того, чтобъ увидѣть хоть чужое счастіе, мною созданное возобновленіе любви, мною возвращенной? О, милосердая смерть, дай мнѣ увидать это прежде чѣмъ примешь меня въ объятья и голосъ твой шепнетъ мнѣ: вотъ наконецъ успокоеніе!

Письмо заключаетъ въ себѣ двѣ просьбы. Первая: не

показывать его мистеру Франклину Блеку. Мнѣ разрѣшается сказать ему, что мистрисъ Вериндеръ охотно предоставляетъ свой домъ въ его распоряженіе; за тѣмъ просятъ ничего не прибавлять.

До сихъ поръ ея желанія легко исполнимы. Но вторая просьба серіозно затрудняетъ меня.

Не довольствуясь письменнымъ порученіемъ мистеру Бетереджу выполнять всѣ распоряженія, какія бы я ни сдѣлалъ, мистрисъ Вериндеръ проситъ позволенія помочь мнѣ личнымъ своимъ надзоромъ за работами въ собственной ея гостиной. Мнѣ стóитъ только черкнуть ей словечко въ отвѣтъ, для того чтобъ она пріѣхала въ Йоркширъ и присутствовала въ числѣ свидѣтелей вторичнаго пріема опіума.

Въ этомъ опять кроется тайная цѣль; и мнѣ снова сдается, что я могу разгадать ее.

То, чтò запрещено мнѣ говорить мистеру Франклину Блеку, она (какъ мнѣ кажется) страстно желаетъ сказать ему сама, *прежде* чѣмъ онъ подвергнется опыту, долженствующему возстановить его добрую славу въ глазахъ другихъ. Я понимаю и цѣню великодушное нетерпѣніе, съ которымъ она спѣшитъ оправдать его, не дожидаясь, будетъ ли или не будетъ доказана его невинность. Этимъ самымъ она, бѣдняжка, жаждетъ вознаградить его за неумышленную и неизбѣжную ея несправедливость къ нему. Но это невозможно. Я положительно увѣренъ, что обоюдное волненіе при этой встрѣчѣ,—прежнія чувства и новыя надежды, которыя она пробудитъ, — почти навѣрное подѣйствуютъ на мистера Блека самымъ гибельнымъ образомъ въ отношеніи успѣха нашего опыта. И безъ того трудно воспроизвести условія, хоть приблизительно сходныя съ прошлогодними. При новыхъ интересахъ, при новыхъ волненіяхъ, попытка была бы просто безполезна.

И однакоже, несмотря на полное сознаніе этого, у меня не хватаетъ духу отказать ей. Надо попытаться до отхода почты, нельзя ли какъ-нибудь иначе уладить это, чтобы можно было дать утвердительный отвѣтъ миссъ Вериндеръ, не вредя той услугѣ, которую я обязался оказать мистеру Франклину Блеку.

Два часа пополудни. Я только что вернулся съ обхода своихъ больныхъ, начавъ, разумѣется, съ гостиницы.

Отчетъ мистера Блека объ этой ночи тотъ же, чтò и

ь прошлый разъ. Повременамъ ему удавалось задремать
э надолго, и только. Но сегодня онъ меньше тяготится
нимъ, выспавшись вчера послѣ обѣда. Этотъ послѣобѣден-
ый сонъ, безъ сомнѣнія, слѣдствіе прогулки верхомъ, кото-
рую я ему посовѣтовалъ. Боюсь, не пришлось бы мнѣ пре-
эатить эти цѣлебныя упражненія на чистомъ воздухѣ. На-
, чтобъ онъ былъ не слишкомъ здоровъ и не очень бо-
нъ. Тутъ слѣдуетъ весьма ловко держать руль, какъ го-
ворятъ матросы.

Онъ еще не имѣетъ вѣстей отъ мистера Брэффа и съ
етерпѣніемъ освѣдомлялся, получилъ ли я отвѣтъ миссъ
еринцеръ. Я сказалъ ему только то, что̀ мнѣ было разрѣ-
ено; излишне было бы придумывать извиненія въ томъ, что
не показываю ему самого письма ея. Онъ, бѣдняга, не
зъ горечи сказалъ мнѣ, что вполнѣ понимаетъ деликат-
ость, не дозволяющую мнѣ предоставить письмо: „Она, ко-
чно, соглашается изъ простой вѣжливости и справедливо-
и, сказалъ онъ:—но остается при своемъ мнѣніи обо мнѣ
ждетъ результата.“ Мнѣ до страсти хотѣлось намекнуть
у, что въ этомъ отношеніи онъ такъ же несправедливъ
ней, какъ она была несправедлива къ нему. Но поразсу-
въ, я не захотѣлъ предвосхищать у нея двойнаго наслаж-
нія: сначала удивить, а потомъ простить его.

Посѣщеніе мое не долго длилось. Послѣ вчерашней ночи я
нужденъ былъ вновь отказаться отъ обычнаго пріема опіума.
езбѣжнымъ слѣдствіемъ того было что болѣзнь моя опять
ала превозмогать. Я почувствовалъ приближеніе припадка
на-скоро простился, чтобы не тревожить и не огорчать
стера Блека. На этотъ разъ припадокъ продолжался не
лѣе четверти часа, такъ что я былъ еще въ силахъ про-
лжать свое дѣло.

Пять часовъ. Я написалъ отвѣтъ миссъ Вериндеръ.

Я предлагаю такъ уладить это дѣло, что если она будетъ
гласна, то интересы обѣихъ сторонъ вполнѣ примирятся.
ложивъ ей сначала всѣ невыгоды встрѣчи ея съ мисте-
мъ Блекомъ до произведенія опыта, я совѣтовалъ ей такъ
споряцить своею поѣздкой, чтобы тайно прибыть въ
мъ къ ночи предъ самымъ опытомъ. Выѣхавъ изъ Лондо-
съ полуденнымъ поѣздомъ, она поспѣетъ не ранѣе де-
ти часовъ. А въ это время я беру на себя задержать ми-
ра Блека въ его спальнѣ, и такимъ образомъ миссъ

Вериндеръ безпрепятственно займетъ свои комнаты, до тѣхъ поръ пока не наставетъ время принимать опіумъ. Когда же и это будетъ сдѣлано, ничто не помѣшаетъ ей наблюдать послѣдствія вмѣстѣ съ нами. На другое же утро, если ей будетъ угодно, она можетъ показать мистеру Блеку переписку со мной и убѣдить его въ томъ, что онъ былъ оправданъ въ ея мнѣніи еще до подтвержденія его невинности опытомъ.

Въ такомъ смыслѣ я и написалъ ей. Вотъ все, чтò я могъ сдѣлать сегодня. Завтра надо повидать мистера Беттереджа и сообщить ему необходимыя распоряженія по уборкѣ дома.

Іюня 18-го. Опять опоздалъ къ мистеру Блеку. Предъ разсвѣтомъ у меня была ужаснѣйшая боль, сопровождавшаяся на этотъ разъ полнѣйшимъ изнеможеніемъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Я предвижу, что мнѣ придется въ сотый разъ прибѣгнуть къ опіуму, хотя въ послѣдствіи я опять стану раскаиваться въ этомъ. Еслибъ я заботился лишь объ одномъ себѣ, то предпочелъ бы жестокую боль страшнымъ грезамъ. Но тѣлесное страданіе истощаетъ меня. Если я допущу себя до изнеможенія, пожалуй, кончится тѣмъ, что я стану безполезенъ мистеру Блеку въ то время, когда онъ будетъ наиболѣе нуждаться во мнѣ.

Я не могъ ранѣе часа пополудни отправиться въ гостиницу. Это посѣщеніе, даже при всемъ нездоровьи, чрезвычайно позабавило меня, единственно благодаря присутствію Габріеля Беттереджа.

Я засталъ его въ комнатѣ мистера Блека. Онъ отошелъ къ окну и сталъ смотрѣть на улицу, пока я, по обыкновенію, разспрашивалъ своего паціента. Мистеръ Блекъ опять весьма дурно спалъ и сегодня сильнѣе прежняго чувствовалъ потерю сна.

Затѣмъ я спросилъ, не получалъ ли онъ вѣстей отъ мистера Броффа. Письмо пришло сегодня поутру. Мистеръ Броффъ выражалъ сильнѣйшее неодобреніе образу дѣйствій, принятому его довѣрителемъ и другомъ по моему совѣту. Этотъ образъ дѣйствій обманчивъ,—потому что возбуждаетъ надежды, которыя могутъ вовсе не осуществиться,—и вовсе непонятенъ *ему*, за исключеніемъ нѣкотораго сходства съ шарлатанствомъ, подобнымъ месмеризму, ясновидѣнію и пр. Разстроивъ все въ домѣ миссъ Вериндеръ, онъ кончится

тѣмъ, что разстроитъ самое миссъ Вериндеръ. Мистеръ Броффъ излагалъ это дѣло (не называя именъ) извѣстному доктору; знаменитый врачъ улыбнулся, покачалъ головой и ничего не отвѣтилъ. Въ силу этого мистеръ Броффъ оканчивалъ свое письмо протестомъ. Слѣдующій вопросъ мой касался Луннаго камня. Представилъ ли адвокатъ какое-нибудь доказательство, что алмазъ точно въ Лондонѣ? Нѣтъ, адвокатъ просто отказался обсуждать этотъ вопросъ. Онъ былъ убѣжденъ, что Лунный камень заложенъ мистеру Локеру. Отсутствующій другъ его, знаменитый мистеръ Мортветъ (а его глубокія познанія о характерѣ Индѣйцевъ не подлежатъ никакому сомнѣнію), также убѣжденъ въ этомъ. Въ силу этихъ доводовъ и при множествѣ дѣлъ, съ которыми къ нему обращаются, онъ долженъ отказаться отъ преній по предмету, очевидно доказанному. Современемъ виднѣе будетъ, и мистеръ Броффъ не прочь подождать.

Ясно было,—еслибы даже мистеръ Блекъ не разъяснилъ этого еще болѣе, рѣшившись передать мнѣ только содержаніе письма, вмѣсто того чтобы прочесть его цѣликомъ,—что въ основѣ всего этого лежало недовѣріе ко *мнѣ*. Давно предвидѣвъ это, я ничуть не обидѣлся и даже не удивился. Только спросилъ мистера Блека, не поколебалъ ли его дружескій протестъ. Онъ съ жаромъ отвѣчалъ, что это не произвело на него ни малѣйшаго впечатлѣнія. Послѣ этого я въ правѣ былъ выключить мистера Броффа изъ своихъ соображеній, и выключилъ. Разговоръ нашъ прекратился на этомъ, и Габріель Беттереджъ выступилъ изъ своего убѣжища подъ окномъ.

— Не удостоите ли выслушать меня, сэръ? спросилъ онъ обращаясь ко мнѣ.

— Я весь къ вашимъ услугамъ, отвѣтилъ я.

Беттереджъ взялъ кресло, сѣлъ къ столу, и досталъ огромный, старомодный кожаный бумажникъ съ карандашомъ такихъ же размѣровъ какъ очки; надѣвъ очки, онъ развернулъ бумажникъ на бѣлой страницѣ и еще разъ обратился ко мнѣ.

— Я прожилъ, сказалъ Беттереджъ, строго поглядывая на меня,—лѣтъ пятьдесятъ на службѣ у покойной госпожи. До этого служилъ въ пажахъ у стараго лорда, отца ея. Отъ роду мнѣ теперь что-то промежь семидесяти и восьмидесяти,—нужды нѣтъ сколько именно! Говорятъ, что я не

хуже другихъ узналъ свѣтъ—и вдоль, и поперекъ. И чѣмъ же все это кончается? Кончается это, мистеръ Ездра Дженнингсъ, тѣмъ, что помощникъ доктора выкидываетъ надъ мистеромъ Франклиномъ Блекомъ колдовскую штуку съ бутылкой опіуму, а меня, прости Господи, приставили на старости лѣтъ къ колдуну въ мальчишки!

Мистеръ Блекъ разразился взрывомъ хохота. Я хотѣлъ заговорить, но Бетереджъ поднялъ руку въ знакъ того, что еще не кончилъ.

— Ни слова, мистеръ Дженнингсъ! сказалъ онъ: — мнѣ больше ни слова не нужно, сэръ. Я, слава Богу, не безъ правилъ. Если мнѣ даютъ приказъ, который доводится роднымъ братцемъ приказамъ изъ Бедлама, — нужды нѣтъ! Пока я получаю его отъ своего господина или отъ своей госпожи,—повинуюсь. У меня можетъ быть собственное мнѣніе, которое, буде вамъ угодно припомнить, раздѣляетъ и мистеръ Броффъ—великій мистеръ Броффъ! сказалъ Бетереджъ, возвышая голосъ и торжественно кивая мнѣ головой:—нужды нѣтъ; я беру назадъ свое мнѣніе. Молодая госпожа говоритъ: „исполнить". И я тотчасъ отвѣчаю: „миссъ, будетъ исполнено". Вотъ я здѣсь на лицо съ бумажникомъ и карандашомъ,—послѣдній не такъ остеръ, какъ бы мнѣ хотѣлось,—но когда сами христіане сходятъ съ ума, гдѣ жь тутъ надѣяться, чтобы карандаши не притуплялись? Давайте ваши приказанія, мистеръ Дженнингсъ. Я ихъ запишу, сэръ. Я ужь такъ положилъ себѣ, чтобы ни на волосъ не отставать отъ нихъ и не превышать ихъ. Я слѣпое орудіе,— вотъ что̀ я такое. Слѣпое орудіе! повторилъ Бетереджъ, безконечно-довольный собственнымъ опредѣленіемъ.

— Мнѣ очень жаль, началъ я,—что вы несогласны со мной....

— Не путайте вы *меня*-то сюда! перебилъ Бетереджъ:— тутъ вовсе не въ согласіи дѣло, дѣло въ повиновеніи. Извольте распоряжаться, сэръ, распоряжаться извольте!

Мистеръ Блекъ подалъ мнѣ знакъ чтобъ я поймалъ его на словѣ. Я „изволилъ распорядиться" какъ можно яснѣй и серіознѣй.

— Надо отпереть нѣкоторыя отдѣленія дома, сказалъ я,— и обставить ихъ точь-въ-точь, какъ они были обставлены въ прошломъ году.

Бетереджъ предварительно лизнулъ кончикъ не совсѣмъ хорошо очиненнаго карандаша:

— Укажите какія именно отдѣленія, мистеръ Дженнингсъ! величественно проговорилъ онъ.

— Вопервыхъ, внутреннія сѣни, ведущія на главную лѣстницу.

— „Вопервыхъ, внутреннія сѣни“, писалъ Беттереджъ,—начать съ того, что ихъ невозможно обставить такъ, какъ они были обставлены въ прошломъ году.

— Почему?

— Потому что въ прошломъ году въ сѣняхъ стояла ястребиная чучела, мистеръ Дженнингсъ. Когда семейство выѣхало, чучелу вынесли вмѣстѣ съ прочими вещами. Когда ее выносили, она разлетѣлась въ прахъ.

— Ну, такъ выключимъ чучелу.

Беттереджъ записалъ это исключеніе.

— „Внутреннія сѣни обставить какъ въ прошломъ году. За исключеніемъ въ прахъ разлетѣвшагося ястреба.“ Извольте продолжать, мистеръ Дженнингсъ.

— На лѣстницѣ попрежнему послать коверъ.

— „На лѣстницѣ попрежнему послать коверъ.“ Жаль огорчать васъ, сэръ. Но и этого нельзя сдѣлать.

— Почему же?

— Потому что человѣкъ, настилавшій коверъ, умеръ, мистеръ Дженнингсъ, а подобнаго ему относительно пригонки ковра къ поворотамъ не найдешь во всей Англіи, ищите гдѣ угодно.

— Очень хорошо. Попробуемъ, не найдется ли въ Англіи другаго мастера.

Беттереджъ сдѣлалъ другую замѣтку, и я продолжалъ „распоряжаться“.

— Гостиную миссъ Вериндеръ возобновить въ томъ же видѣ, какъ она была въ прошломъ году. Также корридоръ ведущій изъ гостиной въ первый этажъ. Также второй корридоръ, ведущій изъ втораго этажа въ лучшія спальни. Также спальню, занятую въ іюнѣ прошлаго года мистеромъ Франклиномъ Блекомъ.

Тупой карандашъ Беттереджа добросовѣстно поспѣвалъ за мной слово-въ-слово.

— Продолжайте, сэръ, проговорилъ Беттереджъ съ саркастическою важностію, — карандаша еще хватитъ на цѣлую кучу письма.

Я сказалъ ему, что у меня больше нѣтъ никакихъ распоряженій.

— Въ такомъ случаѣ, сэръ, сказалъ Бетереджъ, я коснусь одного или двухъ пунктовъ относительно самого себя. Онъ развернулъ бумажникъ на другой страницѣ и снова предварительно лизнулъ неистощимый карандашъ.

— Я желаю знать, началъ онъ,—могу ли я, или нѣтъ, умыть себѣ руки....

— Положительно можете, сказалъ мистеръ Блекъ,—я сейчасъ позвоню слугу.

— .....относительно нѣкоторой отвѣтственности, продолжалъ Бетереджъ, упорно отказываясь признать чье-либо присутствіе въ комнатѣ, кромѣ его собственнаго и моего:— начать съ гостиной миссъ Вериндеръ. Когда мы въ прошломъ году снимали коверъ, мистеръ Дженнингсъ, то нашли ни съ чѣмъ несообразное количество булавокъ. Обязанъ ли я раскидать булавки попрежнему?

— Разумѣется, нѣтъ.

Беттереджъ тотчасъ же записалъ уступку.

— Затѣмъ, касательно перваго корридора, продолжалъ онъ,—когда мы выносили оттуда разные орнаменты, то вынесли вмѣстѣ съ ними статую жирнаго, голаго ребенка, кощунственно названнаго въ домашнемъ каталогѣ Купидономъ, богомъ любви. Прошлаго года на мясистыхъ частяхъ плечъ у него было два крыла. Я какъ-то не досмотрѣлъ, одного крыла какъ не бывало. Отвѣтственъ ли я за Купидоново крыло?

Я сдѣлалъ другую уступку, а Бетереджъ вторую замѣтку.

— Что касается до втораго корридора, продолжалъ онъ,— то въ немъ прошлаго года ничего не было, кромѣ дверей (въ цѣлости ихъ я готовъ принять присягу, если понадобится), и я долженъ сознаться, что совершенно покоенъ относительно этого отдѣленія дома. Но вотъ насчетъ спальни мистера Франклина (если *ее* тоже возстановлять попрежнему) я желалъ бы знать, кто возьмется постоянно обращать ее въ хлѣвъ, какъ бы часто ее ни убирали: тамъ панталоны, тутъ полотенце, а французскіе романы повсюду... такъ я говорю, кто изъ насъ обязанъ разбрасывать все послѣ уборки, онъ или я?

Мистеръ Блекъ объявилъ, что съ величайшимъ удовольствіемъ приметъ на себя полную отвѣтственность. Бетереджъ упорно отказывался принять какое-либо рѣшеніе вопроса безъ моего согласія и одобренія. Я принялъ пред-

ложеніе мистера Блека, и Бетереджъ внесъ эту послѣднюю уступку въ свой бумажникъ.

— Заходите, когда угодно, мистеръ Дженнингсъ, начиная съ завтрашняго дня, сказалъ онъ, вставая: — вы застанете меня за работой, съ необходимыми помощниками. Почтительнѣйше прошу позволенія поблагодарить васъ за то, что посмотрѣли сквозь пальцы на ястребиную чучелу и Купидоново крыло, а также и за разрѣшеніе мнѣ умыть себѣ руки относительно булавокъ на коврѣ и хлѣва въ комнатѣ мистера Франклина. Какъ слуга, я глубоко обязанъ вамъ. Какъ человѣкъ, я думаю, что ваша голова биткомъ набита чортиками, и свидѣтельствую противъ вашего опыта, ибо это обманъ и ловушка. Но не бойтесь насчетъ того, чтобы человѣческія чувства помѣшали мнѣ исполнить долгъ слуги! Я буду повиноваться вамъ, несмотря на чортиковъ, сэръ, буду повиноваться, хоть бы вы наконецъ подожгли домъ,—будь я проклятъ, если пошлю за пожарными трубами, прежде чѣмъ вы позвоните и прикажете это сдѣлать!

Съ этимъ заключительнымъ увѣреніемъ онъ поклонился мнѣ и вышелъ изъ комнаты.

— Какъ вы думаете, можно ли на него положиться? спросилъ я.

— Безусловно, отвѣтилъ мистеръ Блекъ.—Вотъ посмотрите, когда мы зайдемъ туда, вы увидите, что онъ ничѣмъ не пренебрегъ и ничего не забылъ.

Іюня 19-го. Новый протестъ противъ замышляемыхъ нами предпріятій! На этотъ разъ отъ дамы.

Утренняя почта доставила мнѣ два письма. Одно отъ миссъ Вериндеръ, въ которомъ она самымъ любезнымъ образомъ соглашается на мое предложеніе. Другое—отъ опекунши ея, нѣкоей мистрисъ Мерридью.

Мистрисъ Мерридью свидѣтельствуетъ мнѣ свое почтеніе и заявляетъ, что она не беретъ на себя входить въ научное значеніе предмета, по которому я вступилъ въ переписку съ миссъ Вериндеръ. Но съ общественной точки зрѣнія она въ правѣ высказать свое мнѣніе. Мнѣ, вѣроятно, неизвѣстно, полагаетъ мистрисъ Мерридью,—что миссъ Вериндеръ всего 19 лѣтъ отъ роду. Позволить молодой леди, въ такомъ возрастѣ, присутствовать (безъ „дуэньи") въ домѣ, наполненномъ мущинами производящими медицинскій опытъ, было бы

меня въ то время, когда я проходилъ мимо двери, ведущей въ его комнату.

— Нельзя ли мнѣ сказать вамъ словечка два наединѣ? спросилъ онъ таинственнымъ шепотомъ.

Я, конечно, согласился. Мистеръ Блекъ пошелъ подождать меня въ саду, а я послѣдовалъ за Бетереджемъ въ его комнату. Я такъ и ждалъ, что онъ потребуетъ какихъ-нибудь новыхъ уступокъ, въ родѣ предшествовавшихъ и улаженныхъ уже насчетъ ястребиной чучелы и Купидонова крыла. Къ величайшему изумленію моему, Бетереджъ дружески положилъ мнѣ руку на плечо и предложилъ слѣдующій странный вопросъ:

— Мистеръ Дженнингсъ, знакомы ли вы съ *Робинзономъ Крузо?*

Я отвѣтилъ, что въ дѣтствѣ читалъ *Робинзона Крузо*.

— А съ тѣхъ поръ не перечитывали?

— Нѣтъ, не перечитывалъ.

Онъ отступилъ на нѣсколько шаговъ и поглядѣлъ на меня съ выраженіемъ сострадательнаго любопытства, сдержаннаго суевѣрнымъ страхомъ.

— Съ дѣтства не читалъ *Робинзона Крузо*, проговорилъ Бетереджъ болѣе про себя чѣмъ обращаясь ко мнѣ:—попробовать, каково-то теперь подѣйствуетъ на него *Робинзонъ Крузо*!

Онъ отперъ въ углу шкафъ и досталъ испачканную, истрепанную книгу, распространявшую запахъ махорки, когда онъ перевертывалъ страницы. Найдя одинъ отрывокъ, который, повидимому, отыскивалъ, онъ, все также таинственно и шепотомъ, попросилъ меня отойдти съ нимъ къ сторонкѣ.

— Что̀ касается вашего фокусъ-покуса съ опіумомъ и мистеромъ Франклиномъ Блекомъ, сэръ, началъ онъ,—то пока рабочіе въ домѣ, долгъ слуги одолѣваетъ во мнѣ человѣческія чувства. Какъ только рабочіе расходятся, человѣческія чувства одолѣваютъ во мнѣ долгъ слуги. Очень хорошо. Въ прошедшую ночь, мистеръ Дженнингсъ, мнѣ безотвязно лѣзло въ голову, что ваше новое медицинское предпріятіе дурно кончится. Еслибъ я уступилъ этому тайному внушенію, то собственноручно вынесъ бы сызнова всю мебель и на утро выгналъ бы изъ дому всѣхъ работниковъ.

— Судя по видѣнному мною на верху, сказалъ я,—я радуюсь, что вы противились тайному внушенію.

— Какое ужь тутъ противился, отвѣтилъ Бетереджъ: — просто состязался, вотъ какъ надо сказать. Я состязался и съ тѣмъ, что безмолвно приказывало сердце, толкая меня въ одну сторону, и съ письменнымъ приказомъ въ бумажникѣ, толкавшимъ совершенно въ другую сторону, пока меня (съ позволенія сказать) холодный потъ прошибъ. Къ какому же средству прибѣгъ я въ такомъ ужасномъ коловоротѣ ума и безсиліи тѣла? Къ средству, которое никогда не измѣняло мнѣ въ теченіи послѣднихъ тридцати лѣтъ и даже раньше, сэръ,—вотъ къ этой книгѣ!

И звучно хлопнувъ ладонью по книгѣ, онъ вышибъ изъ нея сильнѣйшій запахъ махорки, крѣпче прежняго.

— Что же я нашелъ здѣсь, продолжалъ Бетереджъ, — на первой же страницѣ, которую развернулъ? Вотъ это страшное мѣсто, сэръ, страница сто семьдесятъ восьмая:

„Послѣ этихъ и многихъ подобныхъ размышленій, я поставилъ себѣ за правило: когда бы я ни ощутилъ въ себѣ тайные намеки или побужденія сдѣлать то-то или не дѣлать того-то, пойдти въ ту сторону или въ другую, — всегда неуклонно повиноваться тайному внушенію.“

— Чтобы мнѣ хлѣба не ѣсть, мистеръ Дженнингсъ, если не эти самыя слова попали мнѣ на глаза именно въ то время, когда я боролся съ тайнымъ внушеніемъ! Неужели вы не видите вовсе ничего сверхъестественнаго въ этомъ, сэръ?

— Вижу случайное совпаденіе,—и только.

— Васъ это ничуть не смущаетъ, мистеръ Дженнингсъ, относительно медицинскаго-то предпріятія?

— Ни крошечки.

Бетереджъ вытаращилъ на меня глаза посреди мертвой тишины; въ глубокомъ раздумьи закрылъ книгу; необыкновенно заботливо заперъ ее снова въ шкафъ; повернулся на коблукахъ и еще разъ вытаращилъ на меня глаза. Потомъ заговорилъ.

— Сэръ, сказалъ онъ съ важностью,—многое можно простить тому, кто съ дѣтства не перечитывалъ *Робинзона Крузо*. Желаю вамъ добраго утра.

Онъ отворилъ мнѣ дверь съ низкимъ поклономъ и предоставилъ мнѣ свободу, какъ знаю, выбираться въ садъ. Я встрѣтилъ мистера Блека, возвращавшагося къ дому.

— Не разказывайте мнѣ что̀ тамъ у васъ произошло, сказалъ онъ; — Бетереджъ вышелъ съ послѣдней карты: откопалъ новое пророчество въ *Робинзонѣ Крузо*. Поддакнули ли вы его любимому заблужденію? Нѣтъ? Вы дали ему замѣтить, что не вѣрите въ *Робинзона Крузо*? Ну, мистеръ Дженнингсъ! Вы до послѣдней степени упали во мнѣніи Бетереджа. Что̀ бы вы ни говорили теперь, что̀ бы вы ни дѣлали впредь, вы увидите, что онъ васъ и словочкомъ больше не подаритъ.

Іюня 21-го. Сегодня мнѣ придется внести въ свой дневникъ весьма немногое.

Мистеръ Блекъ провелъ ночь хуже всѣхъ предшествовавшихъ. Я долженъ былъ, весьма неохотно, прописать ему рецептъ. Къ счастію, люди съ такою чуткою организаціей очень воспріимчивы къ дѣйствію лѣкарственныхъ средствъ. Иначе я сталъ бы бояться, что онъ будетъ вовсе не годенъ къ опыту, когда настанетъ время произвести его. Что̀ касается меня самого, то послѣ нѣкотораго облегченія моихъ страданій въ послѣдніе два дня, нынче утромъ опять былъ припадокъ, о которомъ я скажу лишь одно, что онъ побудилъ меня возвратиться къ опіуму. Закрывъ эту тетрадь, я приму полную свою дозу—пятьсотъ капель.

Іюня 22-го. Сегодня надежда намъ улыбается. Нервное страданіе мистера Блека значительно легче. Онъ немного уснулъ въ прошлую ночь. Я, благодаря опіуму, спалъ эту ночь какъ убитый. Нельзя даже сказать, что я проснулся поутру; вѣрнѣе, что я ожилъ.

Мы поѣхали въ домъ посмотрѣть, не окончена ли обстановка. Ее завершаютъ завтра, въ субботу. Какъ предсказывалъ мистеръ Блекъ, Бетереджъ уже не возбуждалъ дальнѣйшихъ препятствій. Съ начала и до конца онъ былъ зловѣще вѣжливъ и зловѣще молчаливъ.

Теперь мое медицинское предпріятіе (какъ его называетъ Бетереджъ) неизбѣжно должно быть отложено до понедѣльника. Завтра вечеромъ рабочіе опоздятся въ домѣ. На слѣдующій день обычная тираннія воскресенья,—одного изъ учрежденій этой свободной страны,—такъ распредѣляетъ поѣзды, что нѣтъ возможности приглашать кого-нибудь пріѣхать къ намъ изъ Лондона. До понедѣльника остается только тщательно слѣдить за мистеромъ Блекомъ и, по

возможности, поддерживать его въ томъ же положеніи, въ которомъ я нашелъ его сегодня. Между тѣмъ я убѣдилъ его написать къ мистеру Броффу и попросить его присутствія въ числѣ свидѣтелей. Я въ особенности выбралъ адвоката, потому что онъ сильно предубѣжденъ противъ насъ. Если мы убѣдимъ *его*, то побѣда наша—безспорна.

Мистеръ Блекъ писалъ также къ приставу Коффу, а я послалъ строчки двѣ миссъ Вериндеръ. Ихъ да старика Бетереджа (который не шутя играетъ важную роль въ семействѣ) довольно будетъ въ свидѣтели,—не считая миссъ Мерридью, если она упорно пожелаетъ принести себя въ жертву мнѣнію свѣта.

Іюня 23-го. Послѣдствія опіума опять сказались во мнѣ прошлою ночью. Нужды нѣтъ; надо продолжать его до понедѣльника включительно.

Мистеру Блеку сегодня опять нездоровится. Онъ признался, что нынче въ два часа пополуночи открылъ было ящикъ, въ которомъ спрятаны его сигары, и ему стоило величайшихъ усилій снова запереть ихъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ на всякій случай выбросилъ ключъ за окно. Слуга принесъ его сегодня поутру, найдя на днѣ пустаго колодца,—такова судьба! Я завладѣлъ ключомъ до вторника.

Іюня 24-го. Мы съ мистеромъ Блекомъ долго катались въ коляскѣ. Оба мы наслаждались благодатнымъ вѣяніемъ теплаго лѣтняго воздуха. Я обѣдалъ съ нимъ въ гостиницѣ. Къ величайшему облегченію моему, ибо поутру я нашелъ его не въ мѣру истомленнымъ и раздраженнымъ, онъ послѣ обѣда крѣпко уснулъ на диванѣ часика два. Теперь, хотя бы онъ и дурно провелъ эту ночь, я не боюсь послѣдствій.

Іюня 25-го. Понедѣльникъ. Сегодня опытъ! Теперь пять часовъ пополудни. Мы только что прибыли въ домъ.

Первый и главнѣйшій вопросъ: каково состояніе здоровья мистера Блека.

Насколько я могу судить, есть надежда, что онъ (по крайней мѣрѣ физически) будетъ столь же воспріимчивъ къ дѣйствію опіума сегодня, какъ и въ прошломъ году. Нынче съ самаго полудня нервы его такъ чувствительны, что имъ недалеко до полнаго раздраженія. Цвѣтъ лица его то и дѣло мѣняется; рука не совсѣмъ тверда; самъ онъ вздрагиваетъ

при малѣйшемъ шумѣ и внезапномъ появленіи новыхъ лицъ или предметовъ.

Это все результатъ безсонницы, которая, въ свою очередь, зависитъ отъ привычки курить, внезапно прерванной въ то время, какъ она доведена была до крайности. Прошлогоднія причины вступаютъ въ дѣйствіе и, кажется, производятъ тѣ же самыя послѣдствія. Поддержится ли эта параллель во время послѣдняго опыта? Нынѣшняя ночь рѣшитъ это на дѣлѣ.

Пока я пишу эти строки, мистеръ Блекъ забавляется въ залѣ на билліардѣ, упражняясь въ различныхъ ударахъ, какъ онъ имѣлъ обыкновеніе упражняться, гостя здѣсь въ іюнѣ прошлаго года; я захватилъ съ собой дневникъ, частію для того чтобы наполнить праздное время,—котораго у меня, вѣроятно, вдоволь будетъ отнынѣ и до завтрашняго утра,—частію въ надеждѣ на возможность такого случая, который нелишне будетъ тутъ же и записать.

Не пропустилъ я чего-нибудь о сю пору? Просмотрѣвъ вчерашнія замѣтки, я вижу, что забылъ внести въ дневникъ приходъ утренней почты. Исправимъ эту оплошность прежде чѣмъ закрыть тетрадь и пойдти къ мистеру Блеку.

Итакъ я получилъ вчера нѣсколько строкъ отъ миссъ Вериндеръ. Она располагаетъ отправиться съ полуденнымъ поѣздомъ, какъ я совѣтовалъ. Миссъ Мерридью настояла на томъ, чтобы сопутствовать ей. Въ письмѣ есть намекъ, что старушка, противъ обыкновенія, немножко не въ духѣ и требуетъ всевозможной снисходительности изъ уваженія къ ея лѣтамъ и привычкамъ. Я постараюсь, въ своихъ отношеніяхъ къ миссъ Мерридью, подражать умѣренности, которую Беттереджъ выказываетъ въ сношеніяхъ со мной. Сегодня онъ принялъ насъ, зловѣще облачась въ лучшую черную пару и высочайшій бѣлый галстухъ. Когда ему случается взглянуть въ мою сторону, онъ тотчасъ вспоминаетъ, что я съ дѣтства не перечитывалъ *Робинзона Крузо*, и почтительно сожалѣетъ о мнѣ.

Кромѣ того, вчера мистеръ Блекъ получилъ отвѣтъ адвоката. Мистеръ Броффъ принимаетъ приглашеніе, но съ оговоркой. Онъ считаетъ очевидно необходимымъ, чтобы какой-нибудь джентльменъ, обладающій извѣстною долей здраваго смысла, сопровождалъ миссъ Вериндеръ на предстоящую сцену, которую онъ назвалъ бы выставкой. За

неимѣніемъ лучшаго, этимъ спутникомъ будетъ самъ мистеръ Брoффъ. Такимъ образомъ у бѣдной миссъ Вериндеръ теперь въ запасѣ двѣ „дуэньи". По крайней мѣрѣ утѣшительно думать, что мнѣніе свѣта навѣрно удовлетворится этимъ!

О приставѣ Коффѣ ничего не слышно; безъ сомнѣнія, онъ все еще въ Ирландіи. Сегодня его нечего ждать.

Бетереджъ пришелъ сказать, что меня ожидаетъ мистеръ Блекъ.

Надо пока отложить перо.

Семь часовъ. Мы опять осмотрѣли всѣ комнаты, всѣ лѣстницы и весьма пріятно прогулялись въ кустарникахъ, любимомъ мѣстѣ прогулокъ мистера Блека въ то время, когда онъ гостилъ здѣсь въ послѣдній разъ. Такимъ образомъ я надѣюсь возможно живѣе воскресить въ умѣ его прежнія впечатлѣнія мѣстъ и окружающихъ предметовъ.

Теперь мы собираемся обѣдать, въ тотъ самый часъ, когда прошлаго года давался обѣдъ въ день рожденія. Въ этомъ случаѣ у меня, разумѣется, чисто медицинскія соображенія. Опіумъ долженъ захватить процессъ пищеваренія по возможности черезъ столько же часовъ, какъ и въ прошломъ году.

Спустя приличное время послѣ обѣда, я намѣреваюсь, какъ можно безыскусственнѣе, навести разговоръ на алмазъ и заговоръ Индѣйцевъ насчетъ его похищенія. Занявъ умъ его этими темами, я исполню все, что̀ отъ меня зависитъ, до тѣхъ поръ пока настанетъ время дать ему вторичный пріемъ.

Половина девятаго. Я только теперь нашелъ возможность сдѣлать самое главное: отыскать въ семейной аптечкѣ опіумъ, который употреблялъ мистеръ Канди въ прошломъ году.

Десять минутъ тому назадъ я поймалъ Бетереджа въ мигъ досуга и сказалъ ему что̀ мнѣ надо. Не возразивъ ни слова, даже не хватаясь за бумажникъ, онъ повелъ меня (уступая дорогу на каждомъ шагу) въ кладовую, гдѣ хранилась аптечка.

Я нашелъ бутылку, тщательно закупоренную стеклянною пробкой, обтянутою сверху кожей. Содержимый въ ней препаратъ опіума, какъ я предугадывалъ, оказался простымъ

настоемъ. Видя что бутылка полна, я рѣшился употребить этотъ опіумъ, предпочтя его двумъ препаратамъ, которыми запасся на всякій случай.

Меня нѣсколько затруднялъ вопросъ о количествѣ, которое надлежало дать. Я подумалъ и рѣшился увеличить пріемъ.

Изъ моихъ замѣтокъ видно, что мистеръ Канди давалъ только двадцать пять капель. Этого пріема было бы слишкомъ мало для произведенія тогдашнихъ послѣдствій, даже при всей воспріимчивости мистера Блека. Я считаю въ высшей степени вѣроятнымъ, что мистеръ Канди далъ гораздо болѣе нежели думалъ,—такъ какъ я знаю, что онъ весьма любитъ попировать и отмѣривалъ опіумъ послѣ обѣда. Во всякомъ случаѣ, я рискну увеличить пріемъ капель до сорока. На этотъ разъ мистеръ Блекъ заранѣе знаетъ что онъ будетъ принимать опіумъ,—а это, по физіологіи, равняется нѣкоторой (безсознательной) способности противостоять его дѣйствію. Если я не ошибаюсь, то теперь требуется гораздо большее количество для произведенія тѣхъ послѣдствій, которыя въ прошломъ году были достигнуты меньшимъ количествомъ.

Десять часовъ. Свидѣтели или гости (какъ ихъ назвать?) прибыли сюда часъ тому назадъ.

Около девяти часовъ я заставилъ мистера Блека пойдти со мной въ его спальню, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобъ онъ осмотрѣлъ ее въ послѣдній разъ и увѣрился, не забыто ли чего-нибудь въ обстановкѣ комнаты. Я еще прежде условился съ Бетереджемъ, чтобы рядомъ съ комнатой мистера Блека помѣстить мистера Броффа и дать мнѣ знать о пріѣздѣ адвоката,—постучавъ въ дверь. Минутъ пять спустя послѣ того какъ зальные часы пробили девять, я услыхалъ стукъ, и тотчасъ же выйдя въ коррвдоръ, встрѣтилъ мистера Броффа.

Моя наружность (по обыкновенію) оказалась не въ мою пользу. Недовѣріе ко мнѣ явно проглядывало въ глазахъ мистера Броффа. Давно привыкнувъ къ производимому мной впечатлѣнію на незнакомыхъ, я ни минуты не задумался сказать ему то что̀ хотѣлъ, прежде чѣмъ онъ войдетъ въ комнату мистера Блека.

— Я полагаю, что вы пріѣхали сюда вмѣстѣ съ миссъ Мерридью и миссъ Вериндеръ? спросилъ я.

— Да, отвѣтилъ мистеръ Брофф какъ нельзя суше.

— Миссъ Вериндеръ, вѣроятно, сообщила вамъ о моемъ желаніи, чтобы присутствіе ея здѣсь (а также и миссъ Мерридью, разумѣется) было сохранено втайнѣ отъ мистера Блека, пока мой опытъ не кончится?

— Знаю, что надо держать языкъ на привязи, сэръ! нетерпѣливо проговорилъ мистеръ Брофф.—Не имѣя обыкновенія разбалтывать людскія глупости, я тѣмъ охотнѣе зажму ротъ въ этомъ случаѣ. Довольны ли вы?

Я поклонился и предоставилъ Бетереджу проводить его въ назначенную ему комнату.

Послѣ этого надо было представиться двумъ дамамъ. Я спустился по лѣстницѣ,—сознаюсь, не безъ нервнаго волненія,—направляясь въ гостиную миссъ Вериндеръ.

Въ корридорѣ перваго этажа меня встрѣтила жена садовника (которой было поручено прислуживать дамамъ). Добрая женщина относится ко мнѣ съ чрезвычайною вѣжливостью, явно происходящею отъ подавленнаго ужаса. Она таращитъ глаза, дрожитъ и присѣдаетъ, какъ только я заговорю съ ней. На вопросъ мой о миссъ Вериндеръ, она вытаращила глаза, задрожала и, безъ сомнѣнія, присѣла бы, еслибы сама миссъ Вериндеръ не прервала этой церемоніи, внезапно отворивъ дверь гостиной.

— Это мистеръ Дженнингсъ? спросила она.

Не успѣлъ я отвѣтить, какъ она уже торопливо вышла ко мнѣ въ корридоръ. Мы встрѣтились при свѣтѣ стѣнной лампы. Съ перваго взгляда на меня, миссъ Вериндеръ остановилась въ нерѣшительности; но тотчасъ пришла въ себя, вспыхнула на мигъ и затѣмъ съ очаровательною смѣлостью протянула мнѣ руку.

— Я не могу обращаться съ вами какъ съ незнакомымъ мистеръ Дженнингсъ, сказала она:—о, еслибы вы знали, какъ осчастливили меня ваши письма!

Она поглядѣла на мое невзрачное, морщинистое лицо съ выраженіемъ благодарности, до того новой для меня со стороны моихъ ближнихъ, что я не нашелся какъ ей отвѣтить. Я вовсе не былъ приготовленъ къ ея любезности и красотѣ. Горе многихъ лѣтъ, благодаря Бога, не ожесточило моего сердца. Я былъ неловокъ и застѣнчивъ при ней, какъ мальчишка.

— Гдѣ онъ теперь? спросила она, уступая преобладающему

въ ней интересу,—интересу относительно мистера Блека:—Чтò онъ дѣлаетъ? Говорилъ онъ обо мнѣ? Въ хорошемъ расположенiи духа? Какъ ему показался домъ послѣ всего случившагося прошлаго года? Когда вы хотите давать ему опiумъ? Можно мнѣ посмотрѣть, какъ вы станете наливать? Я такъ интересуюсь; я въ такомъ волненiи—мнѣ надо сказать вамъ тысячу разныхъ разностей, и все это разомъ вертится у меня въ головѣ, такъ что я и не знаю съ чего начать. Васъ удивляетъ, что я такъ интересуюсь этимъ?

— Нѣтъ, сказалъ я:—я осмѣливаюсь думать, что вполнѣ понимаю васъ.

Она была выше жалкаго притворства въ смущенiи. Она отвѣтила мнѣ какъ бы отцу или брату.

— Вы какъ рукой сняли съ меня невыразимое горе; вы мнѣ жизнь возвратили. Буду ли я такъ неблагодарна, чтобы скрывать что-нибудь отъ васъ? Я люблю его, просто проговорила она:—я любила его съ начала и до конца, даже въ то время, когда была такъ несправедлива къ нему въ помыслахъ, такъ безпощадно жестока на словахъ. Найдется ли мнѣ извиненiе? Надѣюсь, найдется и, кажется, одно только и есть. Завтра, когда онъ узнаетъ что я здѣсь, какъ вы думаете....?

Она снова замолчала и жадно глядѣла на меня.

— Завтра, сказалъ я:—мнѣ кажется, вамъ стóитъ только сказать ему то, чтò вы мнѣ сейчасъ сказали.

Лицо ея просiяло; она подвинулась ко мнѣ; рука ея нервно перебирала цвѣтокъ, сорванный мной въ саду и заложенный въ петличку сюртука.

— Вы часто видали его въ послѣднее время, сказала она:— скажите по сущей правдѣ, точно ли вы въ *этомъ* увѣрены?

— По сущей правдѣ, отвѣчалъ я:—я совершенно увѣренъ въ томъ, чтò произойдетъ завтра. Желалъ бы я такой увѣренности въ томъ, чтò произойдетъ нынче.

На этихъ словахъ разговоръ нашъ былъ прерванъ появленiемъ Бетереджа съ чайнымъ приборомъ на подносѣ. Мы пошли за нимъ въ гостиную. Маленькая старушка, очень мило одѣтая, сидѣвшая въ уголкѣ и углубившаяся въ вышиванье какого-то пестраго узора, уронила работу на колѣна, слабо вскрикнувъ при первомъ взглядѣ на мою цыганскую наружность и пѣгiе волосы.

— Миссъ Мерридью, сказала миссъ Вериндеръ:—вотъ мистеръ Дженнингсъ.

— Прошу мистера Дженнингса извинить меня, сказала старушка, говоря со *мной*, а глядя на миссъ Вериндеръ:— поѣздки по желѣзной дорогѣ всегда разстраиваютъ мои нервы. Я стараюсь успокоиться, занимаясь всегдашнею работой. Но, можетъ-быть, мое вышиванье неумѣстно при такомъ необыкновенномъ случаѣ. Если оно несогласно съ медицинскими воззрѣніями мистера Дженнингса, я, разумѣется, съ удовольствіемъ отложу его.

Я поспѣшилъ разрѣшить присутствіе вышиванья, точь-въ-точь какъ разрѣшилъ отсутствіе впрахъ разлетѣвшагося ястреба и Купидонова крыла. Миссъ Мерридью попробовала, изъ благодарности, взглянуть на мои волосы. Нѣтъ! Этому не суждено было свершиться. Миссъ Мерридью опять перевела взглядъ на миссъ Вериндеръ.

— Если мистеръ Дженнингсъ позволитъ мнѣ, продолжала старушка: — я попрошу у него одной милости. Мистеръ Дженнингсъ собирается производить сегодня научный опытъ. Когда я была въ школѣ маленькою дѣвочкой, то постоянно присутствовала при научныхъ опытахъ. Они всѣ безъ изъятія оканчивались взрывомъ. Если мистеръ Дженнингсъ будетъ такъ добръ, я желала бы, чтобы меня предупредили на этотъ разъ, когда произойдетъ взрывъ. Я намѣрена, если можно, до тѣхъ поръ не ложиться въ постель, пока не переживу его.

Я попробовалъ было увѣрить миссъ Мерридью, что на этотъ разъ въ мою программу вовсе не входитъ взрыва.

— Нѣтъ, сказала старушка:—я весьма благодарна мистеру Дженнингсу, я знаю, что онъ для моей же пользы меня обманываетъ. Но, по-моему, лучше вести дѣло на чистоту. Я совершенно мирюсь со взрывомъ, только *хочу*, если можно, до тѣхъ поръ не ложиться въ постель, пока не переживу его.

При этихъ словахъ дверь отворилась, и миссъ Мерридью опять слабо вскрикнула. Что̀ это — явленіе взрыва? Нѣтъ: пока только явленіе Бетереджа.

— Извините, мистеръ Дженнингсъ, сказалъ Бетереджъ съ самою изысканною таинственностью:—мистеръ Франклинъ освѣдомляется о васъ. Вы приказали мнѣ обманывать его насчетъ присутствія моей молодой госпожи въ этомъ домѣ, я и сказалъ ему, что не знаю. Не угодно ли вамъ замѣтить,

что это ложь. Такъ какъ я уже стою одною ногой въ могилѣ, сэръ, то чѣмъ меньше вы потребуете отъ меня лжи, тѣмъ болѣе я вамъ буду признателенъ, когда пробьетъ мой часъ, и совѣсть заговоритъ во мнѣ.

Ни минуты нельзя было терять на чисто философскій вопросъ о Бетереджевой совѣсти. Мистеръ Блекъ, отыскивая меня, могъ явиться сюда, если я тотчасъ же не приду въ его комнату. Миссъ Вериндеръ послѣдовала за мной въ корридоръ.

— Они, кажется, въ заговорѣ не давать вамъ покою, сказала она:—что̀ бы это значило?

— Единственно протестъ общества, миссъ Вериндеръ, въ самыхъ маленькихъ размѣрахъ, противъ всякой новизны.

— Что̀ намъ дѣлать съ миссъ Мерридью?

— Скажите ей, что взрывъ послѣдуетъ завтра въ девять часовъ утра.

— Чтобъ она улеглась?

— Да,—чтобъ она улеглась.

Миссъ Вериндеръ вернулась въ гостиную, а я пошелъ наверхъ къ мистеру Блеку.

Къ удивленію моему, я засталъ его одного, тревожно расхаживающаго по комнатѣ и нѣсколько раздраженнаго тѣмъ, что его всѣ оставили.

— Гдѣ же мистеръ Брофф? спросилъ я.

Онъ указалъ на запертую дверь между двумя комнатами. Мистеръ Брофф заходилъ къ нему на минутку; попробовалъ было возобновить свой протестъ противъ нашего предпріятія; но ему снова не удалось произвести ни малѣйшаго впечатлѣнія на мистера Блека. Послѣ этого законникъ нашелъ себѣ прибѣжище въ черномъ кожаномъ портфелѣ, который только что не лопался отъ набитыхъ въ него дѣловыхъ бумагъ. „Серіозныя житейскія заботы, съ прискорбіемъ соглашался онъ,—весьма не умѣстны въ подобномъ случаѣ; но тѣмъ не менѣе серіозныя житейскія заботы должны идти своимъ чередомъ. Быть-можетъ, мистеръ Блекъ любезно проститъ старосвѣтскимъ привычкамъ занятаго человѣка. Время—деньги.... А что касается мистера Дженнингса, то онъ положительно можетъ разсчитывать на появленіе мистера Броффа, когда его вызовутъ.“ Съ этимъ извиненіемъ адвокатъ вернулся въ свою комнату и упрямо погрузился въ свой черный портфель.

Я подумалъ о миссъ Мерридью съ ея вышиваньемъ и о

гереджѣ съ его совѣстью. Удивительно тождество солид-
къ сторонъ англійскаго характера, точно такъ же, какъ
вительно тождество солидныхъ выраженій въ англійскихъ
дахъ.

- Когда же вы думаете дать мнѣ опіуму? нетерпѣливо
росилъ мистеръ Блекъ.

- Надо еще немножко подождать, сказалъ я; — я посижу
вами, пока настанетъ время.

Не было еще и десяти часовъ. А разспросы, которые я въ
ное время предлагалъ Бетереджу и мистеру Блеку пр..
и меня къ заключенію, что мистеръ Канди никакъ не
ъ дать мистеру Блеку опіумъ ранѣе одиннадцати. По-
му я рѣшился не испытывать вторичнаго пріема до этого
мени.

Мы немного поговорили; но оба мы были слишкомъ озабо-
ы предстоящимъ испытаніемъ. Разговоръ не клеился,
омъ и вовсе заглохъ. Мистеръ Блекъ разсѣянно перели-
вылъ книги на столѣ. Я имѣлъ предосторожность про-
трѣть ихъ еще въ первый приходъ нашъ. То были:
ражсв, *Собесѣдникъ*, Ричардсонова *Памела*, Маккензіевъ
чувствительный, Росціевъ *Лоренцо де-Медичи* и Робертсо-
въ *Карлъ V*,—все классическія сочиненія; всѣ они были
зумѣется) безконечно выше какихъ бы то ни было про-
еденій позднѣйшаго времени; и всѣ до единаго (на мой
лядъ) имѣли то великое достоинство, что никого не мог-
заинтересовать и никому не вскружили бы головы. Я
доставилъ мистера Блека успокоительному вліянію ли-
атуры и занялся внесеніемъ этихъ строкъ въ свой днев-
къ.

На моихъ часахъ скорехонько одиннадцать. Снова закры-
э эти страницы.

* * *

Два часа пополуночи. Опытъ произведенъ. Я сейчасъ раз-
ку, каковъ былъ его результатъ.

Въ одиннадцать часовъ я позвонилъ Бетереджа и ска-
ъ мистеру Блеку, что онъ можетъ, наконецъ, ложиться
постель.

Я посмотрѣлъ въ окно какова ночь. Она была тиха, дожд-
а и весьма похожа въ этомъ отношеніи на ту, что на-
пила послѣ дня рожденія,—21-го іюня прошлаго года.

Хотя я вовсе не вѣрю въ предзнаменованія, но все-таки меня ободряло отсутствіе въ атмосферѣ явленій, прямо вліяющихъ на нервы,—какова буря или скопленіе электричества. Подошелъ Бетереджъ и таинственно сунулъ мнѣ въ руку небольшой клочокъ бумаги. На немъ было написано:

„Миссъ Мерридью легла въ постель съ уговоромъ, чтобы взрывъ послѣдовалъ завтра въ девять часовъ утра, и чтобъ я не ступала ни шагу изъ этого отдѣленія дома, пока она не придетъ сама и не выпуститъ меня. Ей и въ голову не приходитъ, чтобы моя гостиная была главнымъ мѣстомъ дѣйствія при произведеніи опыта,—иначе она осталась бы въ ней на всю ночь! Я одна и въ большой тревогѣ. Пожалуста, позвольте мнѣ посмотрѣть, какъ вы будете отмѣривать опіумъ; мнѣ хотѣлось бы присутствовать при этомъ хотя въ незначащей роли зрительницы. *Р. В.*“

Я вышелъ изъ комнаты за Бетереджемъ и велѣлъ ему перенести аптечку въ гостиную миссъ Вериндеръ. Это приказаніе, повидимому, захватило его совершенно врасплохъ. Онъ, кажется, заподозрилъ меня въ какихъ-то тайныхъ медицинскихъ умыслахъ противъ миссъ Вериндеръ!

— Осмѣлюсь ли спросить, сказалъ онъ,—что̀ за дѣло моей молодой госпожѣ до аптечки?

— Оставайтесь въ гостиной и увидите.

Бетереджъ, повидимому, усомнился въ собственной способности усмотрѣть за мной безъ посторонней помощи съ тѣхъ поръ, какъ въ число операцій вошла аптечка.

— Можетъ-быть, вы не желаете, сэръ, принять въ долю мистера Броффа? спросилъ онъ.

— Напротивъ! Я иду пригласить мистера Броффа слѣдовать за нами внизъ.

Не говоря болѣе ни слова, Бетереджъ ушелъ за аптечкой. Я вернулся въ комнату мистера Блека и постучалъ въ дверь, которая сообщала ее съ другою.

Мистеръ Броффъ отворилъ ее, держа въ рукахъ свои бумаги,—весь погруженный въ законъ и недоступный медицинѣ.

— Мнѣ весьма прискорбно безпокоить васъ, сказалъ я,—но я собираюсь приготовлять опіумъ для мистера Блека и долженъ просить вашего присутствія, чтобы вы видѣли что̀ я дѣлаю.

— Да? сказалъ мистеръ Броффъ, неохотно удѣляя мнѣ

одну десятую своего вниманія, между тѣмъ какъ девять десятыхъ были пригвождены къ его бумагамъ,—а еще что̀?

— Я долженъ побезпокоить васъ, чтобы вы вернулись со мной сюда и посмотрѣли, какъ я дамъ ему пріемъ.

— А еще что̀?

— Еще одно только. Я долженъ подвергнуть васъ неудобству остаться въ комнатѣ мистера Блека и ожидать послѣдствій.

— Ахъ, очень хорошо! сказалъ мистеръ Броффъ:—что̀ моя комната, что̀ мистера Блека,—мнѣ все равно; я вездѣ могу заняться своими бумагами, если только вы не противъ того, чтобъ я внесъ вотъ *это* количество здраваго смысла въ наши дѣйствія, мистеръ Дженнингсъ?

Не успѣлъ я отвѣтить, какъ мистеръ Блекъ обратился къ адвокату, лежа въ постели.

— Неужто вы въ правду хотите сказать, что нисколько не заинтересованы въ нашихъ дѣйствіяхъ? спросилъ онъ.— Мистеръ Броффъ, у васъ просто коровье воображеніе!

— Корова полезное животное, мистеръ Блекъ, сказалъ адвокатъ. Съ этими словами онъ пошелъ за мной, все еще не разставаясь съ своими бумагами.

Когда мы вошли въ гостиную, миссъ Вериндеръ, блѣдная и взволнованная, тревожно ходила изъ угла въ уголъ. Беттереджъ стоялъ на караулѣ у аптечки, возлѣ угольнаго столика. Мистеръ Броффъ сѣлъ въ первое попавшееся кресло и (соревнуя въ полезности коровѣ) тотчасъ погрузился въ свои бумаги. Миссъ Вериндеръ отвела меня къ сторонкѣ и мигомъ обратилась къ единственному, всепоглощающему интересу ея,—насчетъ мистера Блека.

— Каковъ онъ теперь? спросила она:—что̀ его нервы? Не выходитъ ли онъ изъ терпѣнія? Какъ вы думаете, удастся это? Вы увѣрены, что это безвредно?

— Совершенно увѣренъ. Пожалуйте сюда, посмотрите какъ я отмѣряю.

— Минуточку! Теперь слишкомъ одиннадцать часовъ. Долго ли придется ждать какихъ-нибудь послѣдствій?

— Трудно сказать. Пожалуй, часъ.

— Я думаю, въ комнатѣ должны быть потемки, какъ прошлаго года?

— Конечно.

— Я подожду въ своей спальнѣ,—точь-въ-точь какъ тогда.

Дверь я крошечку притворю. Въ прошломъ году она была крошечку отворена. Я стану смотрѣть на дверь гостиной; какъ только она двинется, я задую свѣчу. Все это было такъ въ день моего рожденія. Такъ вѣдь оно и теперь должно быть, не правда ли?

— Увѣрены ли вы, что можете владѣть собой, миссъ Вериндеръ?

— Въ *его* интересахъ я все могу! страстно воскликнула она.

Съ одного взгляда въ ея лицо, я убѣдился, что ей можно вѣрить, и снова обратился къ мистеру Броффу:

— Я долженъ просить васъ, чтобы вы отложили на минуту свои занятія, сказалъ я.

— О, извольте!

Онъ вскочилъ съ мѣста, вздрогнувъ, какъ будто я помѣшалъ ему на самомъ интересномъ мѣстѣ, и послѣдовалъ за мной къ аптечкѣ. Тутъ, лишенный этого несравненнаго интереса, сопряженнаго съ отправленіемъ его должности, онъ взглянулъ на Бетереджа и устало зѣвнулъ.

Миссъ Вериндеръ подошла ко мнѣ со стеклянныиъ кувшиномъ холодной воды, который взяла со стола.

— Позвольте мнѣ влить воду, шепнула она; — я *должна* раздѣлить вашъ трудъ!

Я отмѣрилъ сорокъ капель изъ бутылки и вылилъ опіумъ въ лѣкарственную рюмку. „Наполните ее до трехъ четвертей", сказалъ я, подавая рюмку миссъ Вериндеръ. Потомъ приказалъ Бетереджу запереть аптечку, сообщивъ ему, что ея больше не надо. Въ лицѣ стараго слуги проступило невыразимое облегченіе. Онъ явно подозрѣвалъ меня въ медицинскихъ умыслахъ противъ молодой госпожи!

Подливая воду по моему указанію, миссъ Вериндеръ воспользовалась минутой, пока Бетереджъ запиралъ аптечку, а мистеръ Броффъ снова взялся за бумаги,—и украдкой поцѣловала край лѣкарственной рюмки.

— Когда станете подавать ему, шепнула очаровательница,—подайте ему съ этой стороны!

Я вынулъ изъ кармана кусокъ хрусталю, который долженъ былъ изображать алмазъ, и вручилъ ей.

— Вотъ вамъ еще доля въ этомъ дѣлѣ, сказалъ я:—положите его туда, куда клали въ прошломъ году Лунный камень.

Она привела насъ къ индѣйскому коммоду и положила поддѣльный алмазъ въ тотъ ящикъ, гдѣ въ день рожденія

лежалъ настоящій. Мистеръ Броффъ присутствовалъ при этомъ, протестуя, какъ и при всемъ прочемъ. Но Беттереджъ (къ немалой забавѣ моей) оказался не въ силахъ противодѣйствовать способностью самообладанія драматическому интересу, который начиналъ принимать нашъ опытъ. Когда онъ свѣтилъ намъ, рука его задрожала, и онъ тревожно прошепталъ: „тотъ ли это ящикъ-то, миссъ?“

Я пошелъ впередъ, неся разбавленный опіумъ, и пріостановился въ дверяхъ, чтобы сказать послѣднее слово миссъ Вериндеръ.

— Тушите свѣчи, не мѣшкая, проговорилъ я.

— Потушу сейчасъ же, отвѣтила она,—и стану ждать въ своей спальнѣ съ одною свѣчой.

Она затворила за нами дверь гостиной. Я же, въ сопровожденіи мистера Броффа и Беттереджа, вернулся въ комнату мистера Блека. Онъ безпокойно ворочался въ постели съ боку на бокъ и раздражительно спрашивалъ, дадутъ ли ему сегодня опіуму. Въ присутствіи двухъ свидѣтелей я далъ ему пріемъ, взбилъ подушки и сказалъ, чтобъ онъ снова легъ и терпѣливо ожидалъ послѣдствій. Кровать его, снабженная легкими ситцевыми занавѣсками, стояла изголовьемъ къ стѣнѣ, оставляя большіе свободные проходы по обоимъ бокамъ. Съ одной стороны я совершенно задернулъ занавѣски, и такимъ образомъ скрывъ отъ него часть комнаты, помѣстилъ въ ней мистера Броффа и Беттереджа, чтобъ они могли видѣть результатъ. Въ ногахъ у постели я задернулъ занавѣски вполовину и поставилъ свой стулъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, такъ чтобы можно было показываться ему или не показываться, говорить съ нимъ или не говорить, смотря по обстоятельствамъ. Зная уже, по разказамъ, что во время сна у него въ комнатѣ всегда горитъ свѣча, я поставилъ одну изъ двухъ свѣчей на маленькомъ столикѣ у изголовья постели, такъ чтобы свѣтъ ея не рѣзалъ ему глаза. Другую же свѣчу я отдалъ мистеру Броффу; свѣтъ съ той стороны умѣрялся ситцевыми занавѣсками. Окно было открыто вверху, для освѣженія комнаты. Тихо кропилъ дождь, и въ домѣ все было тихо. Когда я кончилъ эти приготовленія и занялъ свое мѣсто у постели, по моимъ часамъ было двадцать минутъ двѣнадцатаго.

Мистеръ Броффъ принялся за свои бумаги съ видомъ всегдашняго, глубокаго интереса. Но теперь, глядя въ его

сторону, я замѣчалъ по нѣкоторымъ признакамъ, что законъ уже начиналъ терять свою власть надъ нимъ. Предстоящій интересъ положенія, въ которомъ мы находились, мало-по-малу оказывалъ свое вліяніе даже на его бѣдный вообраксніемъ складъ ума. Что̀ касается Бетереджа, то его твердость правилъ и достоинство поведенія стали пустыми словами. Онъ забылъ, что я выкидываю колдовскую штуку надъ мистеромъ Блекомъ; забылъ, что я перевернулъ весь домъ вверхъ дномъ; забылъ, что я съ дѣтства не перечитывалъ *Робинзона Крузо.*

— Ради Господа Бога, сэръ, шепнулъ онъ мнѣ:—скажите, когда же это начнется.

— Не раньше полуночи, шепнулъ я въ отвѣтъ:—молчите и сидите смирно.

Бетереджъ снизошелъ въ самую глубь фамиліарности со мной, даже не стараясь оградить себя. Онъ отвѣтилъ мнѣ просто кивкомъ! Затѣмъ, взглянувъ на мистера Блека, я нашелъ его въ прежнемъ безпокойномъ состояніи; онъ съ досадой спрашивалъ, почему опіумъ не начинаетъ дѣйствовать на него. Безполезно было говорить ему, въ теперешнемъ расположеніи его духа, что чѣмъ болѣе будетъ онъ досадовать и волноваться, тѣмъ болѣе отсрочитъ ожидаемый результатъ. Гораздо умнѣе было бы выгнать изъ его головы мысль объ опіумѣ, незамѣтно занявъ его какимъ-нибудь инымъ предметомъ.

Съ этою цѣлью, я сталъ вызывать его на разговоръ, стараясь съ своей стороны направить его такъ, чтобы снова вернуться къ предмету, занимавшему насъ въ началѣ вечера, то-есть къ алмазу. Я старался возвратиться къ той части исторіи Луннаго камня, что̀ касалась перевоза его изъ Лондона въ Йоркширъ, опасности, которой подвергался мистеръ Блекъ, взявъ его изъ фризингальскаго банка, и неожиданнаго появленія Индѣйцевъ возлѣ дома вечеромъ въ день рожденія. Упоминая объ этихъ событіяхъ, я умышленно притворялся, будто не понялъ многаго изъ того, что̀ разсказывалъ мнѣ мистеръ Блекъ за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ. Такимъ образомъ я заставилъ его разговориться о томъ предметѣ, которымъ существенно необходимо было наполнить умъ его, не давая ему подозрѣвать, что я съ намѣреніемъ заставляю его разговориться. Мало-по-малу онъ такъ заинтересовался поправкой моихъ упущеній, что

перестал ворочаться въ постели. Мысли его совершенно удалились отъ вопроса объ опіумѣ въ тотъ важнѣйшій мигъ, когда я прочелъ у него въ глазахъ, что опіумъ начинаетъ овладѣвать имъ.

Я поглядѣлъ на часы. Было безъ пяти минутъ двѣнадцать, когда показались первые признаки дѣйствія опіума.

Въ это время неопытный глазъ еще не примѣтилъ бы въ немъ никакой перемѣны. Но по мѣрѣ того какъ минуты новаго дня шли одна за другой, все яснѣе обозначалось вкрадчиво-быстрое развитіе этого вліянія. Дивное опьяненіе опіумомъ засверкало въ глазахъ его; легкая испарина росой залоснилась на лицѣ его. Минутъ пять спустя, разговоръ, который онъ все еще велъ со мной, сталъ безсвязенъ. Онъ крѣпко держался алмаза, но уже не доканчивалъ своихъ фразъ. Еще немного, и фразы перешли въ отрывочныя слова. Затѣмъ наступила минута молчанія; потомъ онъ сѣлъ въ постели, и все еще занятый алмазомъ, снова заговорилъ, но уже не со мной, а про себя. Изъ этой перемѣны я увидѣлъ, что настала первая фаза опыта. Возбудительное вліяніе опіума овладѣло имъ.

Въ то время было двадцать три минуты перваго. Самое большее чрезъ полчаса долженъ былъ рѣшиться вопросъ: встанетъ ли онъ съ постели и выйдетъ ли изъ комнаты, или нѣтъ.

Увлеченный наблюденіями за нимъ, видя съ невыразимымъ торжествомъ, что первое послѣдствіе опыта проявляется точно такъ и почти въ то самое время какъ я предсказывалъ,—я совершенно забылъ о двухъ товарищахъ, бодрствовавшихъ со мной въ эту ночь. Теперь же, оглянувшись на нихъ, я увидалъ, что законъ (представляемый бумагами мистера Броффа) въ небреженіи валялся на полу. Самъ же мистеръ Броффъ жадно смотрѣлъ въ отверстіе, оставленное межъ неплотно задернутыхъ занавѣсокъ постели. А Беттереджъ, забывая всякое уваженіе къ общественному неравенству, заглядывалъ чрезъ плечо мистера Броффа.

Видя что я гляжу на нихъ, они оба отскочили, какъ школьники, пойманные учителемъ въ шалости. Я сдѣлалъ имъ знакъ потихоньку снять сапоги, какъ я свои. Еслибы мистеръ Блекъ подалъ намъ случай слѣдить за нимъ, надо было идти безо всякаго шума.

Прошло десять минутъ,—и ничего еще не было. Потомъ онъ внезапно отбросилъ съ себя одѣяло. Спустилъ одну ногу съ кровати. Помедлилъ.

— Лучше бы мнѣ вовсе не брать его изъ банка, тихо проговорилъ онъ:—въ банкѣ онъ былъ сохраннѣе.

Сердце во мнѣ часто затрепетало; височныя артеріи бѣшено забились. Сомнѣніе относительно цѣлости алмаза опять преобладало въ мозгу его! На этой шпилькѣ вертѣлся весь успѣхъ опыта. Нервы мои не вынесли внезапно улыбнувшейся надежды. Я долженъ былъ отвернуться отъ него,—иначе потерялъ бы самообладаніе.

Наступилъ снова мигъ тишины.

Когда я укрѣпился настолько, чтобъ опять взглянуть на него, онъ уже всталъ съ постели и держался на ногахъ возлѣ нея. Зрачки его сузились; глаза искрились отблесками свѣчи, когда онъ медленно поворачивалъ голову по сторонамъ. Онъ видимо думалъ о чемъ-то, недоумѣвалъ и снова заговорилъ.

— Почемъ знать? сказалъ онъ:—Индѣйцы могли спрятаться въ домѣ!

Онъ замолчалъ и медленно прошелъ на тотъ конецъ комнаты. Оборотился, постоялъ,—и вернулся къ постели.

— Даже не запертъ, продолжалъ онъ,—тамъ въ ящикѣ ея коммода. А ящикъ-то не запирается.

Онъ сѣлъ на край постели.

— Всякій можетъ взять, проговорилъ онъ.

Онъ снова тревожно всталъ и повторилъ свои первыя слова.

— Почемъ знать? Индѣйцы могли спрятаться въ домѣ.

И снова медлилъ. Я скрылся за половинку занавѣсокъ у постели. Онъ осматривалъ комнату, странно сверкая глазами. То былъ мигъ невыразимаго ожиданія. Насталъ какой-то перерывъ. Прекращалось ли это дѣйствіе опіума? или дѣятельность мозга? Кто могъ сказать? Все зависѣло теперь отъ того, чтò онъ сдѣлаетъ вслѣдъ за этимъ.

Онъ опять улегся въ постель!

Ужасное сомнѣніе мелькнуло у меня въ головѣ. Возможно ли, чтобъ усыпительное вліяніе опіума дало уже себя почувствовать? До сихъ поръ этого не встрѣчалось въ моей практикѣ. Но къ чему служитъ практика, когда дѣло идетъ объ опіумѣ? По всему вѣроятію, не найдется и двухъ людей, на

ыхъ бы это питье дѣйствовало совершенно одинако-образомъ. Не было ли въ его организмѣ какой-нибудь ивости, на которой это вліяніе отразилось еще неви-ымъ путемъ? Неужели намъ предстояла неудача на са-ранидѣ успѣха?

тъ! Онъ снова порывисто поднялся.

Куда же къ чорту заснуть, когда *это* нейдетъ изъ го-, проговорилъ онъ.

ь посмотрѣлъ на свѣчу, горѣвшую на столѣ у изго-постели. Минуту спустя, онъ держалъ свѣчу въ рукѣ. вадулъ другую свѣчу, горѣвшую позади задернутыхъ за-ѣокъ. Я отошелъ съ мистеромъ Броффомъ и Беттеред-въ самый уголъ за кроватью и подалъ имъ знакъ прита-такъ, будто самая жизнь ихъ отъ этого зависила. ждали,—ничего не видя и не слыша. Мы ждали, спря-ись отъ него за занавѣсками.

ѣча, которую онъ держалъ по ту сторону отъ насъ ъ задвигалась. Мигъ спустя, онъ быстро и беззвучно шелъ мимо насъ со свѣчой въ рукѣ.

нъ отворилъ дверь спальни и вышелъ.

ы пошли за нимъ по корридору, внизъ по лѣстницѣ и второго корридора. Онъ ни разу не оглянулся, ни не пріостанавливался.

нъ отворилъ дверь гостиной и вошелъ, оставивъ ее на-ь. Дверь эта была навѣшена (подобно всѣмъ прочимъ омѣ) на большихъ, старинныхъ петляхъ. Когда она рилась, между половинкой и притолкой образовалась . Я сдѣлалъ знакъ моимъ спутникамъ, чтобъ они смо-и въ нее, не показываясь. Самъ я сталъ тоже по сю ону двери, но съ другаго бока. Влѣвѣ отъ меня была въ стѣнѣ, въ которую я мигомъ бы спрятался, еслибъ выказалъ намѣреніе вернуться въ корридоръ.

нъ дошелъ до средины комнаты, держа свѣчу въ рукѣ: осматривался,—но ни разу не оглянулся.

видѣлъ, что дверь спальни миссъ Вериндеръ полуотво-. Она погасила свою свѣчу. Она доблестно владѣла й. Я ничего не могъ разглядѣть, кромѣ туманно-бѣлаго ка лѣтняго платья. Не зная заранѣе, никто бы не дога-, что въ комнатѣ есть живое существо. Она держа-ждали, въ потемкахъ, не измѣняя себѣ ни однимъ омъ, ни однимъ движеніемъ.

Было десять минутъ втораго. Въ мертвой тишинѣ мнѣ слышалось тихое накрапыванье дождя и трепетный шумъ вѣтра, пролетавшаго въ деревьяхъ.

Переждавъ минутку или болѣе посреди комнаты, какъ бы въ нерѣшительности, онъ пошелъ въ уголъ къ окну, гдѣ стоялъ индѣйскій коммодъ. Поставилъ свѣчу на коммодъ. Сталъ отворять и задвигать ящики, пока не дошелъ до того, въ которомъ лежалъ фальшивый алмазъ. Съ минуту глядѣлъ въ ящикъ. Потомъ правою рукой взялъ фальшивый алмазъ, а другою снялъ съ коммода свѣчу.

Повернулся, прошелъ нѣсколько шаговъ на средину комнаты и вновь остановился.

До сихъ поръ онъ повторялъ точь-въ-точь то, что̀ дѣлалъ въ день рожденія. Я ждалъ, не окажутся ли слѣдующіе поступки его тѣми же, какъ и въ прошломъ году. Я ждалъ, не выйдетъ ли онъ изъ комнаты, не вернется ли въ свою спальню, какъ долженъ былъ, по моему предположенію, вернуться въ то время, не покажетъ ли намъ куда онъ дѣвалъ алмазъ, вернувшись въ свою комнату.

Оказалось, что перваго онъ не сдѣлалъ; онъ поставилъ свѣчу на столъ и прошелъ немного на дальній конецъ комнаты. Тамъ стоялъ диванъ, онъ тяжело оперся лѣвою рукой на спинку его,— потомъ очнулся и возвратился на средину комнаты. Теперь я могъ разсмотрѣть его глаза. Они тускли, смыкались; блескъ ихъ быстро исчезалъ.

Миссъ Вериндеръ не вынесла мучительнаго ожиданія. Она подалась нѣсколько шаговъ впередъ, — потомъ остановилась, Мистеръ Броффъ и Бетереджъ появились на порогѣ и въ первый разъ взглянули на меня. Они, подобно мнѣ, предвидѣли наступающую неудачу. Но пока онъ стоялъ тамъ, все еще оставалась надежда. Мы ждали, въ невыразимомъ нетерпѣніи, что̀ будетъ дальше.

Слѣдующее мгновенье рѣшило все: онъ выронилъ изъ руки фальшивый алмазъ.

Бездѣлушка упала какъ разъ у порога, на самомъ виду и для него, и для каждаго изъ насъ. Онъ не старался поднять ее. Только посмотрѣлъ на нее мутнымъ взглядомъ, и голова его склонилась на грудь. Онъ вздрогнулъ, очнулся на минуту, нетвердою походкой вернулся къ дивану и сѣлъ. Тутъ онъ сдѣлалъ послѣднее усиліе,—попробовалъ приподняться и упалъ назадъ. Голова его опустилась на диванныя подушки. Было

двадцать пять минутъ втораго. Не успѣлъ я положить часы обратно въ карманъ, онъ уже заснулъ.

Теперь все миновало. Усыпительное вліяніе опіума овладѣло имъ. Опытъ кончился.

Я вошелъ въ комнату, сказавъ мистеру Броффу и Бетереджу, что они могутъ слѣдовать за мной. Нечего было опасаться разбудить его. Мы могли свободно ходить и говорить.

— Прежде всего, сказалъ я,—надо рѣшить вопросъ, что̀ намъ дѣлать съ нимъ. Теперь онъ, по всей вѣроятности, проспитъ часовъ шесть или семь, нести его въ его комнату далеко. Будь я помоложе, я сдѣлалъ бы это одинъ. Но теперь у меня ужь не то здоровье, не та и сила,— я долженъ просить васъ помочь мнѣ.

Не успѣли они отвѣтить, какъ меня тихонько кликнула миссъ Вериндеръ. Она встрѣтила меня въ дверяхъ своей комнаты, неся легкую шаль и одѣяло съ своей постели.

— Вы намѣрены сидѣть около него, пока онъ спитъ? спросила она.

— Да. Я не совсѣмъ увѣренъ въ томъ какъ подѣйствуетъ на него опіумъ и неохотно оставилъ бы его одного.

Она подала мнѣ шаль и одѣяло.

— Зачѣмъ его безпокоить? шепнула она:—приготовьте ему постель на диванѣ. Я могу затвориться и побыть въ своей комнатѣ.

Этотъ способъ устроить его на ночь былъ безконечно проще и безопаснѣе. Я передалъ это предложеніе мистеру Броффу и Бетереджу, оба его одобрили. Въ пять минутъ я уложилъ его на диванѣ, слегка прикрывъ одѣяломъ и шалью. Миссъ Вериндеръ пожелала намъ покойной ночи и затворила свою дверь. По моей просьбѣ, мы всѣ трое собрались вокругъ стола, на которомъ осталась свѣча и были разложены письменныя принадлежности.

— Прежде чѣмъ разойдемся, началъ я,—надо вамъ сказать кое-что насчетъ нынѣшняго опыта. Я хотѣлъ достигнуть имъ двухъ различныхъ цѣлей. Первою было доказательство, что мистеръ Блекъ въ прошломъ году входилъ сюда и взялъ алмазъ совершенно безсознательно и безотвѣтственно, подъ вліяніемъ опіума. Убѣждены ли вы въ этомъ послѣ всего видѣннаго вами?

Они, не колеблясь, дали мнѣ утвердительный отвѣтъ.

— Второю цѣлью, продолжалъ я, было развѣдать, куда онъ дѣвалъ алмазъ послѣ того, какъ миссъ Вериндеръ видѣла, что онъ вынесъ его изъ гостиной ночью, послѣ дня рожденія. Достиженіе этой цѣли, конечно, зависило отъ точнаго повторенія его прошлогоднихъ дѣйствій. Это не удалось и, слѣдовательно, цѣль не достигнута. Не скажу, чтобъ это вовсе не было досадно мнѣ, но по чести могу сказать, что это нисколько не удивляетъ меня. Я съ самаго начала говорилъ мистеру Блеку, что полный успѣхъ зависитъ отъ полнѣйшаго воспроизведенія въ немъ прошлогоднихъ условій, какъ физическихъ такъ и нравственныхъ, и предупредилъ его, что это почти невозможно. Мы лишь отчасти воспроизвели условія, и вслѣдствіе того опытъ удался только частію. Весьма возможно также, что я далъ ему слишкомъ сильный пріемъ опіума. Но лично я считаю первую причину истинною виновницей того, что намъ пришлось пожаловаться на неудачу и въ то же время торжествовать успѣхъ.

Сказавъ это, я подвинулъ мистеру Броффу письменный приборъ и спросилъ, не угодно ли ему, прежде нежели мы разойдемся на ночь, составить и подписать полное изложеніе всего видѣннаго имъ. Онъ тотчасъ взялъ перо и составилъ изложеніе съ безостановочнымъ проворствомъ опытной руки.

— Я обязанъ сдѣлать это для васъ, проговорилъ онъ, подписывая документъ,—въ видѣ нѣкотораго вознагражденія за то, что̀ произошло между нами давеча. Прошу извинить меня, мистеръ Дженнингсъ, что я не довѣрялъ вамъ. Вы оказали Франклину Блеку безцѣнную услугу. Вы, что̀ говорится у насъ, у законниковъ, защитили дѣло.

Извиненіе Бетереджа было весьма характеристично.

— Мистеръ Дженнингсъ, проговорилъ онъ:—когда вы станете перечитывать *Робинзона Крузо* (а я непремѣнно совѣтую вамъ заняться этимъ), вы увидите, что онъ никогда не стыдится признанія, если ему случается быть неправымъ. Пожалуста, сэръ, считайте, что я въ этомъ случаѣ исполняю то же, что̀ и Робинзонъ Крузо.

Съ этими словами, онъ въ свою очередь подписалъ документъ.

Когда мы встали изъ-за стола, мистеръ Броффъ отвелъ меня въ сторону.

— Одно слово насчетъ алмаза. По вашему предположенію, Франклинъ Блекъ спряталъ Лунный камень въ своей комнатѣ.

По моему предположенію, Лунный камень въ Лондонѣ, у банкира мистера Локера. Не будемъ спорить кто изъ насъ правъ. Спрашивается только, кто изъ насъ въ состояніи подтвердить свое предположеніе опытомъ.

— Мой опытъ производился нынче, отвѣтилъ я:—и не удался.

— А мой опытъ, возразилъ мистеръ Брофф,—и теперь еще производится. Дня два тому назадъ я приказалъ сторожить мистера Локера у банка и не распущу этого караула до послѣдняго дня нынѣшняго мѣсяца. Я знаю, что онъ долженъ лично принять алмазъ изъ рукъ банкира, и поступаю такъ на случай, если лицо, заложившее алмазъ, заставитъ его сдѣлать это, выкупивъ залогъ. Въ такомъ случаѣ я могу захватить въ свои руки это лицо. И въ этомъ есть надежда разъяснить загадку, какъ разъ съ того пункта, который теперь затрудняетъ васъ! Согласны ли вы съ этимъ?

Я охотно согласился.

— Я вернусь въ столицу съ десяти-часовымъ поѣздомъ, продолжалъ адвокатъ:—вернувшись, я могу узнать о какихъ-нибудь открытіяхъ, и мнѣ, пожалуй, весьма важно будетъ имѣть подъ рукой Франклина Блека, чтобъ обратиться къ нему, буде понадобится. Послѣ всего происшедшаго, могу ли я разчитывать, что вы поддержите меня своимъ вліяніемъ?

— Конечно! сказалъ я.

Мистеръ Брофф пожалъ мнѣ руку и вышелъ. За нимъ послѣдовалъ и Беттереджъ.

Я пошелъ къ дивану взглянуть на мистера Блека. Онъ не шевельнулся съ тѣхъ поръ, какъ я положилъ его и приготовилъ ему постель, онъ спалъ глубокимъ и спокойнымъ сномъ.

Я все еще смотрѣлъ на него, когда дверь спальни тихонько отворилась. На порогѣ снова показалась миссъ Вериндеръ, въ своемъ прелестномъ лѣтнемъ платьѣ.

— Окажите мнѣ послѣднюю милость, шепнула она:—позвольте мнѣ остаться съ вами возлѣ него.

Я колебался, не въ интересахъ приличія, а только въ интересахъ ея отдыха. Она подошла ко мнѣ и взяла меня за руку.

— Я не могу спать; не могу даже сидѣть въ своей комнатѣ, сказала она:—О! мистеръ Дженнингсъ, еслибы вы были

на моемъ мѣстѣ, какъ бы мнѣ хотѣлось остаться здѣсь и смотрѣть на него. Ну, скажите: да! Пожалуйста!

Надо ли говорить, что я уступилъ? Разумѣется, не надо.

Она подвинула кресло къ ногамъ его. Она смотрѣла на него въ безмолвномъ восторгѣ блаженства, пока слезы не проступили на глазахъ ея. Осушивъ ихъ, она сказала, что принесетъ свою работу. Принесла и ни разу не тронула ея иглой. Работа лежала у нея на колѣняхъ, она глазъ не могла отвести отъ него, чтобы вдѣть нитку въ иглу. Я вспомнилъ свою молодость; я вспомнилъ кроткіе глаза, нѣкогда лишь свѣтившіе любовью. Сердце мое стѣснилось, я взялся за свой дневникъ и внесъ въ него то, что здѣсь написано:

Итакъ мы оба молча сидѣли около него. Одинъ, погрузясь въ свой дневникъ; другая—въ свою любовь. Шелъ часъ за часомъ, а онъ покоился глубокимъ сномъ. Лучи новой денницы разливались по комнатѣ, а онъ ни разу не шевельнулся.

Часамъ къ шести я ощутилъ въ себѣ признаки вновь наступающихъ страданій. Я долженъ былъ на время оставить ее съ нимъ одну. Я сказалъ, что пойду наверхъ и принесу ему другую подушку изъ его спальни. На этотъ разъ припадокъ мой не долго длился. Немного погодя, я могъ вернуться и показаться ей.

Вернувшись, я засталъ ее у изголовья дивана. Она только что коснулась губами его чела. Я покачалъ головой, какъ могъ серіознѣе, и указалъ ей на кресло. Она отвѣтила мнѣ свѣтлою улыбкой и очаровательно покраснѣла.

— Вы сами сдѣлали бы то же на моемъ мѣстѣ, прошептала она.

Только что пробило восемь часовъ. Онъ впервые начинаетъ шевелиться.

Миссъ Вериндеръ склонилась на колѣна у дивана. Она помѣстилась такъ, что пробуждаясь, онъ откроетъ глаза прямо въ лицо ей.

Оставить ихъ вдвоемъ?

Да!

Одиннадцать часовъ. Они уладили все между собой и всѣ уѣхали въ Лондонъ съ десяти-часовымъ поѣздомъ. Прошла моя греза кратковременнаго счастія. Снова пробуждаетъ меня дѣйствительность всѣми забытой, одинокой жизни.

Не берусь передать тѣ добрыя слова, которыми

осмпали меня, особенно миссъ Вериндеръ и мистеръ Блекъ. Эти слова будутъ припоминаться мнѣ въ часы одиночества и облегчать остатокъ жизненнаго пути. Мистеръ Блекъ напишетъ мнѣ и разкажетъ, что̀ произойдетъ въ Лондонѣ. Миссъ Вериндеръ осенью вернется въ Йоркширъ (безъ сомнѣнія, къ своей свадьбѣ), а я возьму отпускъ и буду гостемъ въ ея домѣ. О, что̀ я чувствовалъ, когда глаза ея сіяли благодарнымъ счастіемъ, а теплое пожатіе руки словно говорило: „Это вашихъ рукъ дѣло!“

Бѣдные больные ждутъ меня. Опять надо возвращаться по утрамъ къ старой рутинѣ, вечеромъ—къ ужасному выбору между опіумомъ и страданіями!

Но благословенъ Богъ за его милосердіе! И мнѣ крошечку посвѣтило солнце, и у меня была минута счастія.

Разказъ 5-мй, снова излагаемый Франклиномъ Блекомъ.

I.

Съ моей стороны довольно будетъ нѣсколькихъ словъ для дополненія разказа, взятаго изъ дневника Ездры Дженнингса.

О самомъ себѣ я могу лишь одно сказать: проснулся я утромъ двадцать шестаго числа, вовсе не помня того, что̀ я говорилъ и дѣлалъ подъ вліяніемъ опіума,—съ той минуты, какъ питье впервые подѣйствовало на меня, и до того времени, когда я открылъ глаза, лежа на диванѣ въ Рахилиной гостиной. Я не чувствую себя призваннымъ отдавать подробный отчетъ въ томъ, что̀ произошло послѣ моего пробужденія. Ограничиваясь одними послѣдствіями, могу сказать, что мы съ Рахилью совершенно поладили между собой, прежде нежели съ той или съ другой стороны послѣдовало хоть одно слово въ объясненіе. И я, и Рахиль, оба мы отказываемся разъяснять необычайное проворство нашего примиренія. Милостивый государь и милостивая государыня, оглянитесь на то время, когда вы были страстно привязаны другъ къ другу, и вамъ не менѣе меня самого станетъ извѣстно все происшедшее послѣ того, какъ Ездра Дженнингсъ затворилъ дверь гостиной.

Впрочемъ, я могу прибавить, что миссъ Мерридью непремѣнно застала бы насъ, не будь Рахилиной находчивости. Она услыхала шелестъ платья старушки въ корридорѣ и тотчасъ выбѣжала къ ней навстрѣчу. Я слышалъ, какъ миссъ Мерридью спросила: „что такое?“ и какъ Рахиль отвѣтила: „взрывъ!“ Миссъ Мерридью тотчасъ позволила взять себя подъ руку и увести въ садъ, подальше отъ грозившаго потрясенія. Возвратясь же въ домъ, она встрѣтила меня въ залѣ и заявила, что сильно поражена огромными успѣхами въ наукѣ съ тѣхъ поръ, какъ она была дѣвочкой въ школѣ. „Взрывы, мистеръ Блекъ, стали гораздо легче прежнихъ. Увѣряю васъ, что я едва разслышала въ саду взрывъ мистера Дженнингса. И вотъ мы теперь вошли въ домъ, а я не чувствую никакого запаху! Я непремѣнно должна извиниться предъ вашимъ ученымъ пріятелемъ. Надо отдать ему справедливость, онъ прекрасно распорядился!“

Такимъ образомъ, побѣдивъ Беттереджа и мистера Брэффа, Ездра Дженнингсъ побѣдилъ и миссъ Мерридью. Въ свѣтѣ все-таки много таится великодушія!

Во время завтрака мистеръ Брэффъ не скрывалъ причинъ, по которымъ ему хотѣлось, чтобъ я отправился съ нимъ въ Лондонъ съ утреннимъ поѣздомъ. Караулъ, поставленный у банка, и возможныя послѣдствія его такъ затронули любопытство Рахили, что она тотчасъ рѣшилась (если миссъ Мерридью не противъ этого) вернуться съ нами въ столицу, чтобы какъ можно скорѣе получать извѣстія о нашихъ предпріятіяхъ.

Послѣ примѣрно-почтительнаго поведенія взрыва, миссъ Мерридью оказалась исполненною уступокъ и снисходительности; вслѣдствіе чего Беттереджу сообщено было, что мы всѣ четверо отправимся съ утреннимъ поѣздомъ. Я такъ и ждалъ, что онъ попросится съ нами. Но Рахиль весьма умно припасла вѣрному, старому слугѣ интересное для него занятіе. Ему поручили окончательно возобновить весь домъ, и онъ былъ слишкомъ поглощенъ домашними обязанностями, чтобы страдать „слѣдственною лихорадкой“, какъ это могло съ нимъ случиться при другихъ обстоятельствахъ.

Итакъ, уѣзжая въ Лондонъ, мы жалѣли только о необходимости разстаться съ Ѳздрой Дженнингсомъ гораздо скорѣе нежели мы желали. Не было возможности уговорить его поѣхать съ нами. Я обѣщалъ писать ему, а Рахиль

настояла на томъ, чтобъ онъ посѣтилъ ее, когда она вернется въ Йоркширъ. По всей вѣроятности, мы должны были встрѣтиться чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, но все же очень грустно было смотрѣть на лучшаго и дражайшаго нашего друга, когда поѣздъ тронулся со станціи, оставивъ его одиноко стоящаго на платформѣ.

По прибытіи нашемъ въ Лондонъ, къ мистеру Броффу еще на станціи подошелъ маленькій мальчикъ, одѣтый въ курточку и штаны ветхаго чернаго сукна и особенно замѣтный по необыкновенной выпуклости глазъ. Они у него такъ выкатывались и разбѣгались до такой степени безъ удержу, что становилось неловко при мысли, какъ бы они не выскочили изъ впадинъ. Выслушавъ мальчика, мистеръ Броффъ просилъ дамъ извинить насъ въ томъ, что мы не проводимъ ихъ до Портлендъ-Плеса. Едва успѣлъ я обѣщать Рахили вернуться и разказать обо всемъ, какъ мистеръ Броффъ схватилъ меня за руку и потащилъ въ кебъ. Мальчикъ, у котораго такъ плохо держались глаза, взобрался на козлы съ кучеромъ, а кучеру приказано было ѣхать въ Ломбардъ-Стритъ.

— Вѣсть изъ банка? спросилъ я, когда мы тронулись.

— Вѣсть о мистерѣ Локерѣ, сказалъ мистеръ Броффъ:— часъ тому назадъ его видѣли въ Ламбетѣ, какъ онъ выѣхалъ изъ дому въ кебѣ съ двумя людьми, которыхъ *мои* люди признали за переодѣтыхъ полицейскихъ чиновниковъ. Если въ основѣ этой предосторожности мистера Локера лежитъ боязнь Индѣйцевъ, то выводъ отсюда весьма простъ. Онъ ѣдетъ въ банкъ за алмазомъ.

— А мы ѣдемъ въ банкъ поглядѣть что̀ изъ этого выйдетъ?

— Да,—или узнать что̀ изъ этого вышло, если къ тому времени все кончится. Замѣтили ль вы моего мальчишку — на козлахъ-то?

— Я глаза его замѣтилъ.

Мистеръ Броффъ засмѣялся.

— У меня въ конторѣ прозвали плутишку „Крыжовникомъ", сказалъ онъ:—онъ у меня на посылкахъ,—и желалъ бы я, чтобы на моихъ писцовъ, которые дали ему это прозвище, можно было такъ смѣло полагаться какъ на него. Крыжовникъ одинъ изъ самыхъ острыхъ мальчугановъ во всемъ Лондонѣ, мистеръ Блекъ, даромъ что у него такіе глаза.

Мы подъѣхали къ Ломбардъ-Стритскому банку безъ двадцати минутъ въ пять часовъ. Крыжовникъ жалобно посмотрѣлъ на своего хозяина, когда тотъ вылѣзъ изъ кэба.

— Что, тебѣ тоже хочется взойдти? ласково спросилъ мистеръ Броффъ:—ну, пойдемъ и слѣдуй за мной по пятамъ до перваго приказа. Онъ проворенъ какъ молнія, шепнулъ мнѣ мистеръ Броффъ:—Крыжовнику довольно двухъ словъ, гдѣ иному и двадцати мало.

Мы вошли въ банкъ. Пріемная контора съ длиннымъ прилавкомъ, за которымъ сидѣли кассиры, была полна народу; всѣ ждали своей очереди получить или внести деньги до пяти часовъ, когда банкъ закроется. Какъ только мистеръ Броффъ показался, къ нему тотчасъ подошли двое изъ толпы.

— Ну, спросилъ адвокатъ:—видѣли вы его?

— Онъ прошелъ мимо насъ полчаса тому назадъ вонъ въ ту контору, подальше-то.

— Онъ еще не выходилъ оттуда?

— Нѣтъ, сэръ.

Мистеръ Броффъ повернулся ко мнѣ.

— Подождемте, сказалъ онъ.

Я сталъ осматривать окружавшую меня толпу, отыскивая въ ней трехъ Индѣйцевъ. Нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго признака ихъ. Единственною личностью замѣтно-смуглаго цвѣта былъ человѣкъ высокаго роста, одѣтый лоцманомъ, въ круглой шляпѣ, съ виду морякъ. Не переодѣлся ли это кто-нибудь изъ нихъ? Невозможно! Человѣкъ этотъ былъ выше каждаго изъ Индѣйцевъ, и лицо его, гдѣ его не скрывала густая, черная борода, было по крайней мѣрѣ вдвое шире ихъ лицъ.

— У нихъ долженъ быть гдѣ-нибудь тутъ свой шпіонъ, сказалъ мистеръ Броффъ, глядя въ свою очередь на смуглаго моряка.—Пожалуй, это онъ самый и есть.

Не успѣлъ онъ договорить, какъ его почтительно дернулъ за фалду служащій ему бѣсенокъ съ крыжовнико-образными глазами.

Мистеръ Броффъ взглянулъ въ ту сторону, куда глядѣлъ мальчикъ.

— Тише! сказалъ онъ:—вотъ мистеръ Локеръ!

Мистеръ Локеръ вышелъ изъ внутреннихъ покоевъ банка въ сопровожденіи двухъ переодѣтыхъ полицейскихъ, которые оберегали его.

— Не спускайте съ него глазъ, шепнулъ мистеръ Броффъ:— если онъ передастъ алмазъ кому-нибудь, то передастъ его не выходя отсюда.

Не замѣчая никого изъ насъ, мистеръ Локеръ медленно пробирался къ двери, то въ самой тѣснотѣ, то въ болѣе рѣдкой толпѣ. Я весьма ясно замѣтилъ движеніе его руки въ то время, какъ онъ проходилъ мимо низенькаго, плотнаго человѣка, прилично одѣтаго въ скромное сѣрое платье. Человѣчекъ слегка вздрогнулъ и поглядѣлъ ему вслѣдъ. Мистеръ Локеръ медленно подвигался въ толпѣ. У двери полицейскіе примкнули къ нему. За всѣми тремя послѣдовалъ одинъ изъ людей мистера Броффа, и я болѣе не видалъ ихъ.

Я оглянулся на адвоката и значительно показалъ ему глазами на человѣка въ скромномъ сѣромъ платьѣ.—„Да! шепнулъ мистеръ Броффъ: — я самъ видѣлъ!“ Онъ посмотрѣлъ кругомъ, отыскивая втораго изъ своихъ людей. Его нигдѣ не было видно. Онъ обернулся назадъ къ служившему ему бѣсенку. Крыжовникъ исчезъ.

— Чтò за чертовщина! сердито проговорилъ мистеръ Броффъ:—оба пропали въ самое горячее время.

Человѣку въ сѣромъ, настала очередь покончить свое дѣло у прилавка; онъ внесъ чекъ, получилъ расписку и пошелъ къ выходу.

— Что̀ намъ дѣлать? спросилъ мистеръ Броффъ: — *Намъ* нельзя срамиться, слѣдя за нимъ.

— *Мнѣ* можно! сказалъ я: — давайте мнѣ десять тысячъ фунтовъ, а все-таки не выпущу изъ виду этого человѣка!

— Въ такомъ случаѣ, возразилъ мистеръ Броффъ:—я ужь *васъ* не выпущу изъ виду, хотя бы мнѣ давали вдвое больше. Славное занятіе при моемъ положеніи, ворчалъ онъ про себя по дорогѣ за незнакомцемъ изъ банка.—Ради Бога, не разказывайте этого! Я погибъ, если это разнесется.

Человѣкъ въ сѣромъ сѣлъ въ омнибусъ, отходившій въ западную часть города. Мы вошли за нимъ.

Въ мистерѣ Броффѣ сохранялись еще остатки юности. Положительно заявляю: усаживаясь въ омнибусѣ, онъ покраснѣлъ!

Въ Оксфордъ-Стритѣ человѣкъ въ сѣромъ остановилъ омнибусъ и вышелъ. Мы снова послѣдовали за нимъ. Онъ вошелъ въ москательную лавку.

Мистеръ Брофф вздрогнулъ.

— Я всегда покупаю въ этой лавкѣ! воскликнулъ онъ.— Кажется, мы ошиблись.

Мы вошли въ лавку. Мистеръ Брофф обмѣнялся съ хозяиномъ нѣсколькими словами по секрету. Потомъ адвокатъ съ унылымъ лицомъ подошелъ ко мнѣ.

— Большую честь намъ дѣлаетъ, проговорилъ онъ, взявъ меня подъ руку и выходя изъ лавки:—нечего сказать, утѣшительно!

— Чтò же дѣлаетъ намъ честь? спросилъ я.

— Мистеръ Блекъ! Изъ всѣхъ сыщиковъ-любителей, когда-либо набивавшихъ руку въ этомъ ремеслѣ, хуже насъ съ вами не найдти. Человѣкъ въ сѣромъ тридцать лѣтъ прослужилъ у москательщика. Онъ ходилъ въ банкъ заплатить деньги по порученію хозяина; ребенокъ во чревѣ матери,—и тотъ больше его знаетъ о Лунномъ камнѣ.

Я спросилъ' чтò намъ предстояло дѣлать.

— Вернемтесь въ мою контору, сказалъ мистеръ Брофф:— Крыжовникъ и еще одинъ изъ моихъ людей очевидно за кѣмъ-то слѣдили. Будемъ надѣяться, что *они* по крайней мѣрѣ не потеряли глазъ.

Придя въ Грейзъ-Иннъ-Скверъ, мы застали тамъ втораго изъ людей мистера Броффа. Онъ ожидалъ насъ болѣе четверти часа.

— Ну, спросилъ мистеръ Брофф:—чтò скажете?

— Прискорбно сказать, сэръ, отвѣтилъ тотъ: — ошибся! Я готовъ былъ присягнуть, что видѣлъ, какъ мистеръ Люкеръ передалъ что-то пожилому джентльмену въ свѣтленькомъ пальто. Оказывается, сэръ, что этотъ пожилой джентльменъ весьма почтенный торговецъ желѣзомъ въ Остчипѣ.

— Гдѣ Крыжовникъ? спросилъ мистеръ Брофф, покоряясь неудачѣ.

Тотъ вытаращилъ глаза.

— Я не знаю, сэръ. Я его не видалъ съ тѣхъ поръ какъ ушелъ изъ банка.

Мистеръ Брофф отпустилъ этого человѣка.

— Одно изъ двухъ, сказалъ онъ мнѣ: — или Крыжовникъ совсѣмъ убѣжалъ, или онъ охотится самъ по себѣ. Какъ вы думаете, не пообѣдать ли намъ здѣсь, на случай если малый вернется часика черезъ два? У меня тутъ въ погребѣ порядочное вино, а закусить—пошлемъ въ трактиръ.

Мы отобѣдали въ конторѣ мистера Броффа. Не успѣли

собрать со стола, какъ адвокату было доложено, что „нѣкто“ желаетъ переговорить съ нимъ. Не Крыжовникъ ли? Нѣтъ: это былъ тотъ, что̀ слѣдилъ за мистеромъ Локеромъ по выходѣ его изъ банка.

На этотъ разъ отчетъ не представлялъ ни малѣйшаго интереса. Мистеръ Локеръ вернулся къ себѣ домой и отпустилъ свою стражу. Послѣ этого онъ не выходилъ изъ дому. Въ сумерки въ домѣ закрыли ставни и заперлись на-глухо. На улицѣ предъ домомъ и въ проходѣ позади зорко сторожили. Ни малѣйшаго признака Индѣйцевъ не оказалось. Ни одна душа не бродила вокругъ дома. Сообщивъ эти факты, посланный ожидалъ дальнѣйшихъ приказаній. Мистеръ Броффъ отпустилъ его на сегодня.

— Вы думаете, что мистеръ Локеръ взялъ домой Лунный камень? спросилъ я.

— Онъ-то? сказалъ мистеръ Броффъ:—онъ ни за что̀ бы не отпустилъ двухъ полицейскихъ, еслибы снова подвергся риску хранить алмазъ у себя въ домѣ.

Мы еще прождали мальчика съ полчаса и прождали напрасно. Мистеру Броффу пора было ѣхать въ Гампстедъ, а мнѣ въ Портлендъ-Плесъ. Я оставилъ конторскому дворнику свою карточку, на которой написалъ, что буду сегодня у себя дома въ половинѣ одиннадцатаго. Карточку эту приказано было отдать мальчику, еслибъ онъ вернулся.

Нѣкоторые имѣютъ способность аккуратно являться въ назначенное время; другіе имѣютъ способность пропускать его. Я изъ числа послѣднихъ. Прибавьте къ этому, что я провелъ вечеръ въ Портлендъ-Плесѣ, сидя рядомъ съ Рахилью, и миссъ Мерридью была съ нами на томъ концѣ комнаты, имѣвшей сорокъ футовъ длины. Неужели кого-нибудь удивитъ, что я, вмѣсто половины одиннадцатаго, вернулся домой въ половинѣ перваго? Какъ безсердечна должна быть эта особа! И какъ я искренно надѣюсь, что никогда не буду знакомъ съ нею!

Впуская меня, слуга подалъ мнѣ лоскутокъ бумаги.

Я прочелъ слѣдующія слова, написанныя красивымъ судейскимъ почеркомъ: „Не во гнѣвъ вамъ, сэръ, мнѣ спать хочется. Я зайду завтра поутру отъ девяти до десяти.“ По разспросамъ оказалось, что заходилъ мальчикъ, необыкновенно глазастый, показалъ мою карточку съ запиской, ждалъ около часу, только и дѣлалъ что дремалъ да снова просыпался, написалъ мнѣ строчки двѣ и ушелъ домой, преважно

заявивъ слугѣ, будто бы онъ„ ни на что̀ не годенъ, если не выспится за̀ ночь".

На слѣдующее утро я съ девяти часовъ поджидалъ своего гостя. Въ половинѣ десятаго я услыхалъ шаги за дверью и крикнулъ: — „Войдите, Крыжовникъ!"—„Покорно благодарю, сэръ," отвѣтилъ сдержанный и грустный голосъ. Дверь отворилась. Я вскочилъ съ мѣста и встрѣтилъ лицомъ къ лицу пристава Коффа.

— Прежде чѣмъ писать въ Йоркширъ, мистеръ Блекъ, я подумалъ: дай-ка зайду сюда, не въ городѣ ли вы?

Онъ былъ все также страшенъ и худъ. Глаза его не утратили прежняго выраженія (весьма ловко подмѣченнаго въ разказѣ Бетереджа), „какъ будто хотѣли прочесть въ васъ больше того, что̀ вамъ самимъ извѣстно". Насколько же платье можетъ измѣнить человѣка, великій Коффъ былъ неузнаваемъ. Онъ носилъ бѣлую шляпу съ широкими полями, легкую охотничью жакетку, бѣлые штаны и драповые штиблеты. Съ нимъ была толстая дубовая палка. Вся цѣль его, повидимому, состояла въ томъ, чтобы показаться человѣкомъ, всю жизнь свою прожившимъ въ деревнѣ. Когда я поздравилъ его съ метаморфозой, онъ отказался принять это въ шутку. Онъ совершенно серіозно жаловался на шумъ и вонь Лондона. Право, я не вполнѣ увѣренъ, чуть ли онъ даже не говорилъ съ легкимъ оттѣнкомъ деревенскаго говора! Я предложилъ ему позавтракать. Невинный поселянинъ даже оскорбился. Онъ завтракаетъ въ половинѣ седьмаго, а спать ложится вмѣстѣ съ курами.

— Я вчера вечеромъ только что пріѣхалъ изъ Ирландіи, сказалъ приставъ, съ обычною недоступностью переходя къ прямой цѣли своего посѣщенія.—Ложась въ постель, я прочелъ ваше письмо, въ которомъ вы сообщаете мнѣ о всемъ происшедшемъ съ того времени, какъ мое слѣдствіе о пропажѣ алмаза было пріостановлено въ прошломъ году. Съ своей стороны, я только одно замѣчу объ этомъ дѣлѣ. Я чисто промахнулся. Не знаю, могъ ли бы иной кто видѣть вещи въ настоящемъ свѣтѣ, будучи на моемъ мѣстѣ. Но это не измѣняетъ фактовъ. Сознаюсь, что я далъ промахъ. Не первый промахъ, мистеръ Блекъ, въ теченіи моего поприща! Вѣдь сыщики только въ романахъ стоятъ выше всякой возможности сдѣлать ошибку.

— Вы подоспѣли какъ разъ кстати, чтобы возстановить свою репутацію, сказалъ я.

— Извините меня, мистеръ Блекъ, возразилъ приставъ,— теперь, какъ я удалился отъ дѣлъ, я ни крошечки не забочусь о своей репутаціи. Я покончилъ съ нею, благодаря Бога! Я пріѣхалъ сюда, сэръ, изъ признательности и въ память щедрости ко мнѣ покойной леди Вериндеръ. Я возьмусь за прежнее дѣло,—если я вамъ нуженъ и вы довѣряете мнѣ,—единственно по этой причинѣ, а не по какой иной. Я не приму отъ васъ ни одного фартинга. Это дѣло чести. Теперь же, мистеръ Блекъ, сообщите мнѣ, какъ обстоитъ дѣло съ тѣхъ поръ, какъ вы мнѣ писали.

Я разказалъ ему опытъ съ опіумомъ и то, что въ послѣдствіи произошло въ Ломбардъ-Стритскомъ банкѣ. Онъ былъ сильно пораженъ опытомъ—для него это было нѣчто новое. Онъ въ особенности заинтересовался предположеніемъ Ездры Дженнингса о томъ, куда я дѣвалъ алмазъ, выйдя изъ гостиной Рахили въ день рожденія.

— Я не раздѣляю мнѣнія мистера Дженнингса, будто вы спрятали Лунный камень, сказалъ приставъ Коффъ: — но согласенъ съ нимъ въ томъ, что вы, безъ сомнѣнія, принесли его къ себѣ въ комнату.

— Ну? спросилъ я:—что же было послѣ?

— А сами-то вы не подозрѣваете, что было послѣ, сэръ?

— Нѣтъ, нисколько.

— Мистеръ Брoффъ тоже не подозрѣваетъ.

— Не болѣе меня.

Приставъ Коффъ всталъ и подошелъ къ моему письменному столу.

Онъ вернулся съ запечатаннымъ пакетомъ; на немъ было надписано: „по секрету"; онъ былъ адресованъ ко мнѣ, а на уголкѣ стояла подпись пристава.

— Въ прошломъ году я ошибся, подозрѣвая одну особу, сказалъ онъ:—могу ошибиться и теперь. Погодите распечатывать этотъ пакетъ, мистеръ Блекъ, пока не узнаете всей правды. Тогда сравните имя виновной особы съ именемъ, которое я написалъ въ этомъ запечатанномъ письмѣ.

Я положилъ письмо въ карманъ и затѣмъ спросилъ пристава, какого онъ мнѣнія о мѣрахъ, которыя мы принимали въ банкѣ.

— Очень хорошо задумано, сэръ, отвѣтилъ онъ: — самое

настоящее дѣло. Только надо было слѣдить еще за одною особой, кромѣ мистера Локера.

— За тою особой, что поименована въ письмѣ, которое вы мнѣ сейчасъ дали?

— Да, мистеръ Блекъ, за тою особой, что поименована въ письмѣ. Теперь этому не поможешь. Когда настанетъ время, сэръ, я кое-что предложу вамъ и мистеру Броффу. Сначала подождемъ и посмотримъ, не скажетъ ли намъ мальчикъ чего-нибудь, стóящаго вниманія.

Было уже около десяти часовъ, а мальчикъ еще не являлся. Приставъ Коффъ заговорилъ о другомъ. Онъ освѣдомлялся о своемъ старомъ пріятелѣ Бетереджѣ и о бывшемъ врагѣ-садовникѣ. Минуту спустя, онъ, безъ сомнѣнія, перешелъ бы отъ этого предмета къ любимымъ розамъ, еслибы мой слуга не прервалъ насъ, доложивъ что мальчикъ внизу.

Войдя въ комнату, Крыжовникъ остановился на порогѣ и недовѣрчиво поглядѣлъ на сидѣвшаго со мной незнакомца. Я позвалъ мальчика къ себѣ.

— Можете говорить при этомъ джентльменѣ, сказалъ я:— онъ пріѣхалъ помогать мнѣ и знаетъ уже обо всемъ. Приставъ Коффъ, прибавилъ я,—вотъ мальчикъ изъ конторы мистера Броффа.

Въ современной системѣ цивилизаціи знаменитость (какого бы то ни было рода) есть рычагъ, который можетъ поколебать что угодно. Слава великаго Коффа уже дошла до слуха маленькаго Крыжовника. Плохо державшіеся глаза мальчугана до того выкатились, когда я произнесъ это знаменитое имя, что я не шутя побоялся, какъ бы они не выпали на коверъ.

— Подите сюда, парень, сказалъ приставъ:—послушаемъ, что вы намъ скажете.

Видъ великаго человѣка,—героя многихъ пресловутыхъ разказовъ по всѣмъ адвокатскимъ конторамъ Лондона,— повидимому, околдовалъ мальчика. Онъ сталъ противъ пристава Коффа, заложивъ руки назадъ, подобно новичку, котораго спрашиваютъ изъ катехизиса.

— Какъ ваше имя? спросилъ приставъ, начиная экзаменъ.

— Октавій Гай, отвѣтилъ мальчикъ:—въ конторѣ-то меня зовутъ Крыжовникомъ, оттого что у меня такіе глаза.

— Октавій Гай, Крыжовникъ тожь, продолжалъ приставъ съ крайнею важностью:—вчера васъ хватились въ банкѣ. Куда вы дѣвались?

— Не во гнѣвъ вамъ, сэръ, я слѣдилъ за однимъ человѣкомъ.

— За какимъ?

— Высокій такой, съ черною бородищей, одѣтъ морякомъ.

— Я помню этого человѣка! вступился я:—мы съ мистеромъ Броффомъ думали, что это шпіонъ Индѣйцевъ.

Пристава Коффа, повидимому, не слишкомъ поразило то, чтò мы думали съ мистеромъ Броффомъ. Онъ продолжалъ экзаменовать Крыжовника.

— Ну? сказалъ онъ:—для чего же вы слѣдили за морякомъ?

— Не во гнѣвъ вамъ, сэръ, мистеръ Броффъ желалъ узнать, не передалъ ли мистеръ Локеръ чего-нибудь кому-нибудь, выходя изъ банка. Я видѣлъ, какъ мистеръ Локеръ передалъ что-то чернобородому моряку.

— Почему жь вы не сказали этого мистеру Броффу?

— Не хватило времени, сэръ, потому что морякъ поспѣшно вышелъ вонъ.

— А вы и выбѣжали за нимъ,—а?

— Да, сэръ.

— Крыжовникъ, сказалъ приставъ, гладя его по головѣ:—у васъ головенка таки набита кое-чѣмъ, да и не хлопкомъ. Я, пока, весьма доволенъ вами.

Мальчикъ покраснѣлъ отъ удовольствія. Приставъ продолжалъ.

— Ну? Чтò же сдѣлалъ морякъ, выйдя на улицу?

— Онъ кликнулъ кэбъ, сэръ.

— А вы?

— Не отставая, побѣжалъ за нимъ.

Не успѣлъ приставъ предложить слѣдующаго вопроса, какъ доложили о другомъ посѣтителѣ,—то былъ главный письмоводитель конторы мистера Броффа.

Сознавая, какъ важно было не мѣшать приставу Коффу разспросить мальчика, я принялъ письмоводителя въ другой комнатѣ. Онъ принесъ дурную вѣсть о своемъ хозяинѣ. Волненія и тревоги за послѣдніе два дня одолѣли мистера Броффа. Сегодня поутру онъ проснулся, чувствуя припадокъ подагры, и не могъ выйдти изъ своей комнаты въ Гампстедѣ; въ настоящемъ критическомъ положеніи нашихъ дѣлъ, онъ сильно безпокоился о томъ, что долженъ оставить меня одного, безъ совѣтовъ и помощи опытнаго человѣка. Письмоводитель получилъ приказъ отдать себя въ мое распоряженіе и охотно готовъ былъ замѣнить мистера

Броффа. Я тотчасъ написалъ письмо, чтобъ успокоить стараго джентльмена, сообщивъ ему о пріѣздѣ пристава Коффа, прибавивъ, что Крыжовникъ въ настоящую минуту на экзаменѣ, и обѣщая лично или письменно извѣстить мистера Броффа обо всемъ, что произойдетъ въ теченіе дня. Отправивъ письмоводителя съ запиской въ Гампстедъ, я вернулся въ первую комнату и засталъ пристава Коффа у камина въ ту самую минуту, какъ онъ звонилъ въ колокольчикъ.

— Извините, мистеръ Блекъ, сказалъ приставъ: — я ужь хотѣлъ послать сказать, что мнѣ нужно поговорить съ вами. Я ничуть не сомнѣваюсь, что этотъ мальчикъ предостойный малый, прибавилъ приставъ, гладя Крыжовника по головѣ:—слѣдилъ именно за кѣмъ надлежало. Гибель времени потеряно, сэръ, оттого что вы, къ несчастью, не поспѣли вчера домой къ половинѣ одиннадцатаго. Все что намъ остается дѣлать—это немедленно послать за кэбомъ.

Пять минутъ спустя приставъ Коффъ и я (съ Крыжовникомъ на козлахъ, для того чтобъ указывать дорогу кучеру) ѣхали на восточную часть города, къ Сити.

— Недалеко время, сказалъ приставъ, указывая въ переднее окошечко кэба:—когда этотъ мальчикъ будетъ ворочать большими дѣлами въ бывшей моей профессіи. Я еще не видывалъ такого смышленаго и даровитаго плутишки. Я вамъ сообщу, мистеръ Блекъ, всю суть того, что онъ разказывалъ мнѣ, пока васъ не было. Вѣдь это еще при васъ, кажется, онъ говорилъ, что не отставая побѣжалъ за кэбомъ?

— Да.

— Ну вотъ, сэръ, кэбъ отправился изъ Ломбардъ-Стрита къ Toверской пристани. Чернобородый морякъ вышелъ изъ кэба и переговорилъ съ капитаномъ парохода отправлявшагося на слѣдующее утро въ Роттердамъ. Онъ спросилъ, нельзя ли ему тотчасъ же взойдти на бортъ и переночевать на койкѣ. Капитанъ отвѣтилъ что нельзя. Въ этотъ вечеръ происходила чистка и уборка каютъ, коекъ, палубы, и ни одинъ пассажиръ не могъ быть допущенъ на бортъ ранѣе утра. Морякъ повернулся и ушелъ съ пристани. Когда онъ опять вышелъ на улицу, мальчикъ въ первый разъ еще замѣтилъ человѣка, степенно-одѣтаго рабочимъ, шедшаго по другой сторонѣ улицы, явно не теряя изъ виду моряка. Морякъ остановился у ближней харчевни и зашелъ въ нее. Мальчикъ примкнулъ къ другимъ мальчишкамъ,

глазѣвшимъ на выставленныя въ окнѣ харчевни лакомства. Онъ замѣтилъ, что рабочій, подобно ему, остановился и ждетъ,— но все еще на противоположной сторонѣ улицы. Минуту спустя, медленно подъѣхалъ кэбъ и остановился возлѣ рабочаго. Мальчикъ могъ ясно разглядѣть только одного изъ сидѣвшихъ въ кэбѣ, который высунулся изъ окна, разговаривая съ рабочимъ. Онъ, безъ всякаго поощренія съ моей стороны, описалъ эту особу очень смуглою и похожею на Индѣйца.

Теперь ясно было, что мы съ мистеромъ Броффомъ сдѣлали еще одну ошибку. Чернобородый морякъ, очевидно, вовсе не былъ шпіономъ Индѣйцевъ. Возможно ли, чтобъ онъ былъ тѣмъ, кто завладѣлъ алмазомъ?

— Немного погодя, продолжалъ приставъ,—кэбъ медленно поѣхалъ вдоль по улицѣ. Рабочій перешелъ чрезъ дорогу и вошелъ въ харчевню. Мальчикъ ждалъ на улицѣ, пока не почувствовалъ голода и усталости,—а тогда онъ въ свою очередь вошелъ въ харчевню. У него былъ въ карманѣ одинъ шиллингъ, и онъ, какъ самъ разказываетъ, роскошно пообѣдалъ колбасой и пирогомъ съ угрями, съ бутылкой имбирнаго пива. Чего *не* переваритъ мальчуганъ? До сихъ поръ такого вещества еще не найдено.

— Что же онъ видѣлъ въ харчевнѣ? спросилъ я.

— Въ харчевнѣ, мистеръ Блекъ, онъ увидалъ моряка, читавшаго газету за однимъ столомъ, и рабочаго, читавшаго газету за другимъ столомъ. Уже смерклось, когда морякъ всталъ и ушелъ изъ харчевни. Выйдя на улицу, онъ подозрительно осматривался по сторонамъ. На мальчика,— что же такое мальчикъ?—онъ не обратилъ вниманія. Рабочій не выходилъ еще. Морякъ пошелъ, оглядываясь, и, повидимому, не совсѣмъ-то зналъ куда идти. Рабочій опять появился на противоположной сторонѣ улицы. Морякъ все шелъ до самаго Шоръ-Лена, ведущаго въ Ловеръ-Темзъстритъ. Тутъ онъ остановился предъ гостиницей подъ вывѣской: *Колесо Фортуны*, и осмотрѣвъ домъ снаружи, вошелъ въ него. Крыжовникъ вошелъ за нимъ. У стойки толпилось много народу, большею частію чистаго народу. Колесо Фортуны—самое почтенное заведеніе, мистеръ Блекъ; славится портеромъ и пирогами со свининой.

Отступленія пристава раздражили меня. Онъ замѣтилъ это и, продолжая, сталъ построже придерживаться показаній Крыжовника.

— Морякъ спросилъ, можетъ ли онъ получить ночлегъ, продолжалъ приставъ:—хозяинъ отвѣчалъ: нѣтъ; все занято. Буфетчица поправила его, сказавъ, что „десятый номеръ свободенъ“. Послали за слугой чтобы проводить моряка въ десятый номеръ. Какъ разъ передъ тѣмъ Крыжовникъ замѣтилъ рабочаго въ толпѣ у стойки. Не успѣлъ слуга явиться на зовъ, рабочій исчезъ. Моряка повели въ номеръ. Не зная что̀ дѣлать, Крыжовникъ мудро порѣшилъ выжидать что̀ будетъ. И дѣйствительно, что-то случилось. Позвали хозяина. На верху послышался гнѣвный говоръ. Вдругъ снова появился хозяинъ, таща за воротъ рабочаго, казавшагося пьянымъ, къ величайшему удивленію Крыжовника. Хозяинъ вытолкнулъ его за дверь и погрозилъ полиціей, если онъ вернется. Пока это происходило, изъ пререканій между ними оказалось, что этого человѣка застали въ десятомъ номерѣ, гдѣ онъ, съ упрямствомъ пьянаго, объявилъ, что комната занята имъ. Крыжовникъ былъ такъ пораженъ этимъ внезапнымъ опьяненіемъ недавно еще трезваго человѣка, что не могъ удержаться и не выбѣжать за рабочимъ на улицу. Тотъ шатался позорнѣйшимъ образомъ, пока былъ въ виду гостиницы. Но какъ только повернулъ за уголъ улицы, равновѣсіе его внезапно возстановилось, и онъ сталъ какъ нельзя болѣе трезвымъ членомъ общества. Крайне озадаченный Крыжовникъ вернулся въ Колесо Фортуны. Онъ еще подождалъ, не будетъ ли чего. Ничего не было; морякъ не показывался; о немъ ничего не говорили. Крыжовникъ рѣшился вернуться въ контору. Только что онъ пришелъ къ этому заключенію, откуда ни возьмись, вновь появился рабочій, по обыкновенію, на противоположной сторонѣ улицы! Онъ глядѣлъ наверхъ въ одно изъ оконъ на крышѣ дома, единственное, въ которомъ еще свѣтился огонь. Этотъ огонь, повидимому, успокоилъ его. Онъ тотчасъ ушелъ. Мальчикъ вернулся въ Грейзъ-Иннъ, получилъ карточку съ запиской, пошелъ къ вамъ и не засталъ васъ. Вотъ вамъ изложеніе дѣла, мистеръ Блекъ, какъ оно обстоитъ въ настоящее время.

— Что̀ вы думаете объ этомъ, приставъ?

— Я думаю, что это дѣло серіозное, сэръ. Вопервыхъ, судя по тому что̀ видѣлъ мальчикъ, въ этомъ замѣшаны Индѣйцы.

— Да. И морякъ очевидно тотъ самый, кому мистеръ Локеръ передалъ алмазъ. Странно однакожъ, что и мистеръ

Брофф, и я, и подчиненный мистера Броффа, всѣ мы ошиблись.

— Вовсе не странно, мистеръ Блекъ. Принимая во вниманіе опасность, которой подвергалось это лицо, весьма вѣроятно, что мистеръ Локеръ умышленно провелъ васъ, предварительно уговорясь съ нимъ.

— Понятны ли вамъ поступки въ гостиницѣ? Тотъ, что̀ разыгрывалъ рабочаго, конечно былъ подкупленъ Индѣйцами. Но я не менѣе самого Крыжовника становлюсь въ тупикъ предъ объясненіемъ, зачѣмъ онъ внезапно прикинулся пьянымъ.

— Кажется, я догадываюсь, что̀ это значитъ, сэръ, сказалъ приставъ:—подумавъ нѣсколько, вы поймете, что этотъ человѣкъ имѣлъ строжайшій наказъ отъ Индѣйцевъ. Сами они были слишкомъ замѣтны, чтобы рисковать показаться въ банкѣ или въ гостиницѣ, и должны были многое повѣрить своему посланцу. Очень хорошо. При этомъ посланцѣ вдругъ называютъ номеръ гостиницы, въ которомъ морякъ долженъ провести ночь, въ томъ же номерѣ (если мы не ошибаемся) будетъ лежать и алмазъ. Въ такомъ случаѣ можете быть увѣрены, что Индѣйцы непремѣнно потребовали бы описанія этой комнаты, ея мѣстоположенія въ домѣ, возможности проникнуть въ нее извнѣ, и такъ далѣе. Что̀ же оставалось дѣлать тому человѣку съ такимъ приказомъ? Именно то, что̀ онъ сдѣлалъ! Онъ побѣжалъ наверхъ заглянуть въ эту комнату, прежде чѣмъ введутъ моряка. Его застали тамъ во время осмотра, и онъ притворился пьянымъ, чтобы легчайшимъ способомъ выйдти изъ затруднительнаго положенія. Вотъ какъ я объясняю эту загадку. Когда его вытолкали изъ гостиницы, онъ, вѣроятно, пошелъ съ отчетомъ туда, гдѣ его поджидали хозяева. А хозяева, безъ сомнѣнія, послали его опять назадъ убѣдиться въ томъ, что морякъ точно остается въ гостиницѣ до утра. Что же касается происходившаго въ Колесѣ-Фортуны послѣ того какъ мальчикъ ушелъ оттуда,—мы должны были развѣдать это вчера. Теперь одиннадцать часовъ утра. Намъ остается надѣяться на самое лучшее и развѣдать что̀ можемъ.

Черезъ четверть часа кэбъ остановился въ Шоръ-Ленѣ, и Крыжовникъ отворилъ намъ дверцу.

— Тутъ? спросилъ приставъ.

— Тутъ, отвѣтилъ мальчикъ.

Какъ только мы вошли въ Колесо Фортуны, даже моему неопытному глазу стало примѣтно, что въ домѣ что-то не ладно. За стойкой, гдѣ продавались напитки, стояла одна-одинехонька растерянная служанка, совершенно непривычная къ этому занятію. Человѣка два обычныхъ посѣтителей дожидались утренняго глоточка, нетерпѣливо стуча деньгами по стойкѣ. Буфетчица показалась изъ внутреннихъ залъ, взволнованная и озабоченная. На вопросъ пристава Коффа о хозяинѣ, она рѣзко отвѣтила, что хозяинъ пошелъ наверхъ, и теперь ему не до помѣхъ.

— Идите за мной, сэръ, сказалъ приставъ Коффъ, хладнокровно отправляясь наверхъ и кивнувъ мальчику идти за нами.

Буфетчица крикнула хозяину и предупредила его, что чужіе ломятся въ домъ. Во второмъ этажѣ насъ встрѣтилъ раздраженный хозяинъ, бѣжавшій внизъ чтобъ узнать въ чемъ дѣло.

— Кто вы такой, чортъ побери? И что́ вамъ тутъ надо? спросилъ онъ.

— Потише, спокойно сказалъ приставъ:—начать съ того, кто я такой. Я приставъ Коффъ.

Славное имя мигомъ подѣйствовало. Разгнѣванный хозяинъ распахнулъ дверь одной изъ пріемныхъ и попросилъ у пристава извиненія.

— Я раздосадованъ и не въ духѣ, сэръ, вотъ въ чемъ дѣло, сказалъ онъ:—сегодня поутру у насъ въ домѣ непріятность. Въ нашемъ дѣлѣ безпрестанно выходишь изъ себя, приставъ Коффъ.

— Вѣрю, сказалъ приставъ: — если позволите, я тотчасъ перейду къ тому, что́ привело насъ. Этотъ джентльменъ и я хотимъ побезпокоить васъ нѣсколькими вопросами объ одномъ дѣлѣ, интересующемъ насъ обоихъ.

— Насчетъ чего, сэръ? спросилъ хозяинъ.

— Насчетъ черноватаго господина, одѣтаго морякомъ, который вчера заночевалъ у васъ.

— Боже милостивый! Вѣдь этотъ самый человѣкъ теперь и взбудоражилъ весь домъ! воскликнулъ хозяинъ: — можетъ быть, вы, или этотъ джентльменъ, знаете его?

— Мы не можемъ сказать навѣрное, пока не увидимъ его, отвѣтилъ приставъ.

— Пока не увидите? отозвался хозяинъ:—вотъ этого-то никто и не могъ добиться нынче съ семи часовъ утра. Онъ

вчера велѣлъ разбудить себя въ это самое время. Его будили,—но отвѣта не было, и дверь не отпиралась, и никто не зналъ что̀ тамъ дѣлается. Попытались еще въ восемь часовъ, и еще разъ—въ девять. Напрасно! дверь оставалась на заперти,—въ комнатѣ ни звука! Я поутру выходилъ со двора и вернулся лишь четверть часа тому назадъ. Я самъ колотилъ въ дверь—и безъ всякой пользы. Послано за столяромъ. Если вамъ можно подождать нѣсколько минутъ, джентльмены, мы отворимъ дверь и посмотримъ что̀ это значитъ.

— Не былъ ли онъ пьянъ вчера? спросилъ приставъ Коффъ.

— Совершенно трезвъ, сэръ, иначе я ни за что̀ не пустилъ бы его ночевать.

— Онъ впередъ заплатилъ за ночлегъ?

— Нѣтъ.

— А не могъ ли онъ какъ-нибудь выбраться изъ комнаты, помимо двери?

— Эта комната на чердачкѣ, сказалъ хозяинъ:—но въ потолкѣ точно есть опускная дверь, которая ведетъ на крышу, а рядомъ на улицѣ перестраивается пустой домъ. Какъ вы думаете, приставъ, не удралъ ли мошенникъ этимъ путемъ, чтобы не платить?

— Морякъ, сказалъ приставъ Коффъ:—пожалуй, могъ бы это сдѣлать рано поутру, когда на улицѣ не было еще народу. Онъ привыкъ лазить, у него голова не закружится на крышѣ.

При этихъ словахъ доложили о приходѣ столяра. Мы всѣ тотчасъ пошли въ самый верхній этажъ. Я замѣтилъ, что приставъ былъ необыкновенно серіозенъ, даже для *него*. Меня поразило также, что онъ велѣлъ мальчику остаться внизу до нашего возвращенія, тогда какъ прежде самъ поощрялъ его слѣдовать за нами.

Столяръ въ нѣсколько минутъ мо̀лотомъ и долото̀мъ преодолѣлъ сопротивленіе двери. Но изнутри она была заставлена мебелью, въ видѣ баррикады. Налегая на дверь, мы отодвинули эту преграду и получили доступъ въ комнату. Хозяинъ вошелъ первый; за нимъ приставъ; за нимъ я; остальные послѣдовали за нами.

Мы всѣ поглядѣли на кровать и всѣ вздрогнули. Морякъ былъ тутъ. Онъ лежалъ, одѣтый, въ постели,—съ бѣлою подушкой на лицѣ, совершенно его закрывавшею.

— Что̀ это значитъ? сказалъ хозяинъ, показывая на подушку.

Приставъ Коффъ, не отвѣчая, подошелъ къ постели и поднялъ подушку.

Смуглое лицо лежавшаго было кротко и спокойно; черные волосы и борода слегка, чуть-чуть, растрепаны; широко раскрытые глаза, какъ бы стеклянные, безсмысленно уставлены въ потолокъ, мутный взглядъ и неподвижное выраженіе ихъ ужаснули меня. Я отвернулся и отошелъ къ открытому окну. Прочіе оставались съ приставомъ Коффомъ у постели.

— Онъ въ обморокѣ! сказалъ хозяинъ.

— Онъ мертвъ, отвѣтилъ приставъ.—Пошлите за ближайшимъ докторомъ и за полиціей.

Послали слугу за тѣмъ и за другимъ.

Что-то странно-чарующее, повидимому, удерживало пристава у постели. Какое-то странное любопытство удерживало прочихъ, желавшихъ видѣть что̀ предприметъ приставъ.

Я опять отвернулся къ окну. Минуту спустя, я почувствовалъ, что меня слегка дергаютъ за фалды, и дѣтскій голосъ шепнулъ:

— Посмотрите-ка, сэръ!

Крыжовникъ послѣдовалъ за мами. Глаза его страшно выкатывались,—не отъ ужаса, но отъ восторга. Онъ самъ по себѣ сдѣлалъ находку.

— Посмотрите-ка, сэръ, повторилъ онъ, подводя меня къ столу въ углу комнаты.

На столѣ лежала деревянная коробочка, раскрытая и пустая. Возлѣ нея валялся клочокъ ваты, употребляемой ювелирами. Съ другаго боку лежалъ оторванный лоскутокъ бумаги съ полуиспорченною печатью и вполнѣ уцѣлѣвшею надписью. Она заключалась въ слѣдующихъ словахъ: „Гг. Бошъ, Лайзафтъ и Бошъ приняли на сохраненіе отъ мистера Септима Локера изъ Миддльсексъ-Плеса деревянную коробочку, запечатанную въ этомъ пакетѣ и содержащую драгоцѣнность высокой стоимости. Коробочку эту гг. Бошъ и К° должны отдать, по востребованію, лично въ руки мистера Локера.

Эти строки разсѣяли всякое сомнѣніе по крайней мѣрѣ касательно одного пункта. Морякъ, выходя вчера изъ банка, имѣлъ при себѣ Лунный камень.

Я снова почувствовалъ, что меня дергаютъ за фалды. Крыжовникъ еще не покончилъ со мной.

— Грабежъ! прошепталъ мальчикъ, съ высокимъ наслажденіемъ показывая на пустую коробочку.

— Вамъ велѣно ждать внизу, сказалъ я:—подите отсюда.

— И убійство! прибавилъ Крыжовникъ, еще съ бо́льшимъ наслажденіемъ указывая на лежавшаго въ постели.

Это наслажденіе ребенка ужаснымъ зрѣлищемъ было такъ отвратительно, что я взялъ его за плеча и вывелъ вонъ.

Переступая порогъ, я услыхалъ голосъ пристава Коффа, который звалъ меня. Когда я вернулся, приставъ пошелъ ко мнѣ навстрѣчу и заставилъ меня вернуться къ постели.

— Мистеръ Блекъ, сказалъ онъ: — взгляните-ка въ лицо этому человѣку. Это поддѣльное лицо,—и вотъ вамъ доказательство!

Онъ провелъ пальцемъ по тонкой чертѣ смертно-блѣднаго цвѣта на лбу мертвеца, отдѣлявшей смуглый цвѣтъ его кожи отъ слегка растрепанныхъ черныхъ волосъ.

— Посмотримъ что̀ подъ этимъ, сказалъ приставъ, внезапно хватая черные волосы твердою рукой.

Мои нервы не выносили этого. Я снова отошелъ отъ постели.

Первымъ попавшимся мнѣ на глаза въ той сторонѣ комнаты былъ неукротимый Крыжовникъ, который взмостился на стулъ и глядѣлъ, затаивъ дыханіе, черезъ головы старшихъ на дѣйствія пристава.

— Вонъ онъ парикъ съ него тащитъ, шепталъ Крыжовникъ, сочувствуя моему положенію, откуда я,—одинъ изъ всѣхъ присутствовавшихъ,—ничего не видалъ.

Настала тишина, потомъ крикъ удивленія въ средѣ стоявшихъ у постели.

— Бороду тащитъ! вскрикнулъ Крыжовникъ.

Опять настала тишина. Приставъ Коффъ чего-то потребовалъ. Хозяинъ пошелъ къ умывальнику и возвратился съ тазомъ воды и полотенцемъ.

Крыжовникъ въ восторгѣ заплясалъ на стулѣ.

— Пожалуйте сюда ко мнѣ, сэръ! Цвѣтъ лица ему смываютъ!

Вдругъ приставъ проложилъ себѣ дорогу въ тѣснившемся вокругъ него народѣ и съ ужасомъ въ лицѣ пошелъ прямо на меня.

— Пожалуйте къ постели, сэръ! началъ было онъ, да поглядѣлъ на меня попристальнѣй и остановился:—Нѣтъ, продолжалъ онъ, — сначала вскройте запечатанное письмо, то, что̀ я далъ вамъ сегодня утромъ.

Я распечаталъ письмо.

— Прочтите имя, которое я написалъ тамъ, мистеръ Блекъ.

Я прочелъ имя. То было: *Годфрей Абльвайтъ.*

— Теперь, сказалъ приставъ:—пойдемте со мной, взгляните кто лежитъ на постели.

Я пошелъ за нимъ, взглянулъ....

ГОДФРЕЙ АБЛЬВАЙТЪ.

Разказъ 6-ой, доставленный приставомъ Коффомъ.

I.

Доркингъ, Соррей, іюля 30-го 1849 г. Франклину Блеку, сквайру:—Сэръ! Позвольте мнѣ оправдаться относительно задержки, происшедшей въ составленіи рапорта, который я обязался снабдить васъ. Я хотѣлъ сообщить ему возможную полноту, но встрѣчалъ тамъ-и-самъ затрудненія, которыя могли быть устранены только съ извѣстною тратой терпѣнія и времени.

Цѣль моя теперь, надѣюсь, достигнута. Вы найдете въ этихъ страницахъ отвѣты на многіе (если не на всѣ) вопросы касательно покойнаго мистера Годфрея Абльвайта, которые приходили вамъ въ голову, когда я имѣлъ честь въ послѣдній разъ видѣться съ вами.

Я хочу передать вамъ, вопервыхъ, то, что̀ извѣстно о родѣ смерти вашего кузена, съ присовокупленіемъ тѣхъ выводовъ и заключеній, которые мы (по моему мнѣнію) имѣемъ право сдѣлать изъ фактовъ. Вовторыхъ, я съ вами подѣлюсь тѣмъ, что̀ мнѣ удалось развѣдать о поступкахъ мистера Годфрея Абльвайта до тѣхъ поръ, во время и послѣ того, какъ вы встрѣтились съ нимъ, гостя въ деревенскомъ домѣ покойной леди Вериндеръ.

II.

Итакъ, вопервыхъ, о смерти вашего кузена.

Мнѣ кажется, нѣтъ повода сомнѣваться въ томъ, что его убили (соннаго или тотчасъ по пробужденіи), задушивъ подушкой въ постели, что лица, виновныя въ убійствѣ, суть три Индѣйца, а предполагаемою (и достигнутою) цѣлью этого преступленія было завладѣніе алмазомъ, называемымъ Луннымъ камнемъ.

Факты, изъ которыхъ выводится это заключеніе, добыты частію осмотромъ комнаты въ гостиницѣ, частію изъ показаній при слѣдствіи коронера.

По взломѣ двери въ комнату, покойный джентльменъ былъ найденъ мертвымъ, съ подушкой на лицѣ. Врачъ, производившій осмотръ тѣла, будучи увѣдомленъ объ этомъ обстоятельствѣ, находилъ посмертные признаки вполнѣ совмѣстными съ убійствомъ посредствомъ задушенія, то-есть съ убійствомъ, совершеннымъ однимъ или нѣсколькими лицами, которые зажимали подушкой носъ и ротъ покойнаго до тѣхъ поръ, пока отъ прилива крови къ легкимъ послѣдовала смерть.

Затѣмъ о цѣли преступленія.

Въ комнатѣ на столѣ найдена была открытая и пустая коробочка съ оторваннымъ отъ нея, припечатаннымъ лоскуткомъ бумаги, на которомъ была надпись. Мистеръ Локеръ самолично призналъ коробочку, печать и надпись. Онъ объявилъ, что въ коробочкѣ дѣйствительно заключался алмазъ, называемый Луннымъ камнемъ, и сознался въ томъ, что двадцать шестаго іюня, послѣ полудня, онъ передалъ эту коробочку (запечатанную такимъ образомъ) мистеру Годфрею Абльвайту (въ то время переодѣтому). Отсюда весьма справедливо заключить, что цѣлью преступленія было похищеніе Луннаго камня.

Затѣмъ о способѣ совершенія преступленія.

По осмотрѣ комнаты (имѣющей только семь футовъ вышины) опускная дверь въ потолкѣ, ведущая на крышу, найдена открытою. Коротенькая лѣсенка, употреблявшаяся для входа въ эту дверь (и хранившаяся подъ кроватью) найдена приставленною къ отверстію, такъ чтобы лицо или лица, находившіяся въ комнатѣ, имѣли возможность легко изъ нея выбраться. На поверхности опускной двери найдено четвероугольное отверстіе, прорѣзанное въ деревѣ необыкновенно острымъ инструментомъ, какъ разъ позади задвижки, запиравшей дверь изнутри. Такимъ образомъ всякій могъ снаружи отпереть задвижку, поднять дверь и спрыгнуть (или быть спущеннымъ безъ шума сообщникомъ) въ комнату, высота которой, какъ уже замѣчено, не превышала семи футовъ. Что это лицо, или эти лица вошли именно такимъ образомъ, подтверждается найденнымъ отверстіемъ. Относительно способа, которымъ они (или оно) пробрались на крышу гостиницы, надо замѣтить, что третій домъ отъ

нея внизъ по улицѣ былъ пустъ и перестраивался; что рабочіе оставили на немъ длинную лѣстницу съ мостовой на крышу, — и что утромъ 27-го числа, возвратясь на работу, они нашли доску, которую они привязали поперекъ лѣстницы, чтобъ никто ею не пользовался въ отсутствіе ихъ,—отвязанною и лежащею на землѣ. Что же касается возможности, не будучи замѣченными, лазить по этой лѣстницѣ на верхъ, переходить по крышѣ, возвращаться и слѣзать внизъ,—то изъ показаній ночнаго сторожа оказывается, что онъ только дважды въ часъ проходитъ Шоръ-Левъ дозоромъ. Свидѣтельство обывателей также подтверждаетъ, что Шоръ-Левъ за-полночь одна изъ самыхъ тихихъ и безлюдныхъ улицъ Лондона. Отсюда опять можно вывести, что,—при самой простой осторожности и присутствіи духа,—одинъ или нѣсколько человѣкъ могли влѣзть на лѣстницу и спуститься съ нея незамѣченными. Затѣмъ было доказано опытомъ, что человѣкъ, однажды взобравшись на крышу, могъ, лежа на ней, прорѣзать отверстіе въ опускной двери, а парапетъ съ лицеваго фасада скрывалъ бы его отъ глазъ проходящихъ по улицѣ.

Наконецъ о лицѣ, или о лицахъ, которыми совершено преступленіе.

Извѣстно, 1) что Индѣйцы были заинтересованы въ завладѣніи алмазомъ; 2) по крайней мѣрѣ вѣроятно, что человѣкъ похожій съ виду на Индѣйца, котораго Октавій Гай видѣлъ въ окошкѣ кэба разговаривающимъ съ человѣкомъ, одѣтымъ рабочимъ, былъ одинъ изъ трехъ индѣйскихъ заговорщиковъ; 3) несомнѣнно, что человѣка, одѣтаго рабочимъ, видѣли слѣдящимъ за мистеромъ Годфреемъ Абльвайтомъ въ теченіе всего вечера 26-го числа и застали его въ спальнѣ (прежде чѣмъ провели въ нее мистера Абльвайта) при обстоятельствахъ, которыя повели къ подозрѣнію, что онъ осматривалъ комнату; 4) въ спальнѣ былъ поднятъ обрывокъ золотой парчи, который свѣдущими въ этомъ людьми признанъ за индѣйское издѣліе, неизвѣстное въ Англіи; 5) утромъ 27-го трехъ человѣкъ, по описанію сходныхъ съ тремя Индѣйцами, видѣли въ Ловеръ-Темзъ-Стритѣ и выслѣдили до Товерской пристани, откуда они выѣхали на пароходѣ изъ Лондона въ Роттердамъ.

Вотъ вамъ нравственное, если не юридическое, доказательство того, что убійство совершено Индѣйцами.

Невозможно рѣшить, былъ или не былъ сообщникомъ въ преступленіи человѣкъ, разыгрывавшій рабочаго. Чтобъ онъ могъ совершить убійство одинъ,—это выходитъ изъ границъ всякаго вѣроятія. Дѣйствуя одинъ, едва ли онъ могъ задушить мистера Абльвайта,—который былъ выше и сильнѣе его,—безъ борьбы и такъ, чтобы не было слышно крику. Служанка, спавшая въ сосѣдней комнатѣ, ничего не слыхала. Хозяинъ, спавшій подъ этою комнатой, тоже ничего не слыхалъ. Всѣ показанія ведутъ къ тому заключенію, что въ преступленіи замѣшано болѣе одного человѣка, и обстоятельства, повторяю, нравственно подкрѣпляютъ выводъ, что оно совершено Индѣйцами.

Мнѣ остается прибавить, что при слѣдствіи коронера постановленъ приговоръ о преднамѣренномъ убійствѣ однимъ или нѣсколькими неизвѣстными лицами. Семейство мистера Абльвайта предложило награду за открытіе виновныхъ и не щадило усилій. Человѣкъ, одѣтый рабочимъ, избѣгнулъ розысковъ. Но слѣдъ Индѣйцевъ найденъ. Что̀ касается надежды захватить ихъ въ послѣдствіи, то я скажу о ней нѣсколько словъ въ концѣ этого рапорта.

А теперь, изложивъ все существенное о смерти мистера Годфрея Абльвайта, я могу перейдти къ разказу о его дѣйствіяхъ до той поры, во время и послѣ того, какъ вы встрѣтились съ нимъ въ домѣ покойной леди Вериндеръ.

III.

Касательно этого предмета я прежде всего долженъ замѣтить, что въ жизни мистера Годфрея Абльвайта были двѣ стороны.

Сторона, обращенная публикѣ на видъ, представляла зрѣлище джентльмена, пользовавшагося значительною репутаціей оратора въ человѣколюбивыхъ сборищахъ и надѣленнаго административными способностями, которыя онъ отдалъ въ распоряженіе разнообразныхъ обществъ милосердія, большею частію составленныхъ женщинами. Сторона же, скрываемая отъ глазъ общества, выставляла того джентльмена въ совершенно противоположномъ свѣтѣ,—какъ человѣка, живущаго въ свое удовольствіе, имѣющаго въ предмѣстьи виллу, не на свое имя, и въ этой виллѣ даму, также не на свое имя. По моимъ справкамъ, въ виллѣ оказалось нѣсколько превосходныхъ картинъ и статуй; мебель изящнаго выбора

и дивной работы; теплица съ рѣдкими цвѣтами, которымъ подобныхъ нелегко найдти во всемъ Лондонѣ. По моимъ же справкамъ, у дамы оказались бриліанты, достойные цвѣтовъ, экипажи и лошади, которые (по достоинству) производили впечатлѣніе въ паркѣ на лицъ, весьма способныхъ судить о работѣ первыхъ и породѣ послѣднихъ.

Все это пока довольно обыкновенно. Вилла и дама до того въ порядкѣ лондонской жизни, что я долженъ извиниться по поводу отмѣтки ихъ здѣсь. Но вотъ что не совсѣмъ обыкновенно (говорю по опыту): всѣ эти цѣнныя вещи не только заказывались, но и оплачивались. Слѣдствіе, къ неописанному изумленію моему, показало, что за всѣ эти картины, статуи, цвѣты, бриліанты, экипажи и лошади—не было ни сикспенса долгу. Что же касается виллы, она также куплена была на чистыя деньги и переведена на имя дамы. Я, можетъ-быть, напрасно пытался бы разъяснить себѣ смыслъ этой загадки, еслибы не смерть мистера Годфрея Абльвайта, повлекшая за собой повѣрку его дѣлъ.

Повѣрка обнаружила тотъ фактъ, что мистеру Годфрею Абльвайту была поручена опека на сумму двадцати тысячъ фунтовъ, въ качествѣ одного изъ опекуновъ молодаго джентльмена, который въ 1848 году былъ еще несовершеннолѣтнимъ; что опека прекращалась, и молодой джентльменъ долженъ былъ получить эти двадцать тысячъ фунтовъ по достиженіи имъ совершеннолѣтія, то-есть въ февралѣ 1850 года; что до наступленія этого срока оба опекуна должны были выплачивать ему 600 фунтовъ ежегоднаго дохода по полугодіямъ, предъ Рождествомъ и въ Ивановъ день; что доходъ этотъ былъ аккуратно выплачиваемъ ему дѣйствительнымъ опекуномъ, мистеромъ Годфреемъ Абльвайтомъ; что капиталъ двадцать тысячъ фунтовъ (съ которыхъ, по мнѣнію всѣхъ, получался этотъ доходъ) до послѣдняго фартинга былъ спущенъ въ разное время до 1848 года; что довѣренности атторнея, уполномочивавшія банкировъ продавать капиталъ, и различныя письменныя требованія, указывавшія какую именно сумму продать, были подписаны обоими опекунами; что подпись втораго опекуна (отставнаго армейскаго офицера, живущаго въ деревнѣ) была непремѣнно поддѣлана дѣйствительнымъ опекуномъ,—иначе мистеромъ Годфреемъ Абльвайтомъ.

Вотъ чѣмъ объясняется благородное поведеніе мистера

Годфрея при уплатѣ долговъ за виллу съ дамой и, какъ вы увидите, еще многое другое.

Теперь можемъ перейдти къ 21-му іюня, то-есть ко дню рожденія миссъ Вериндеръ (въ 1848 году). Наканунѣ мистеръ Годфрей Абльвайтъ пріѣхалъ къ отцу и (какъ я слышалъ отъ самого мистера Абльвайта старшаго) просилъ у него взаймы триста фунтовъ. Замѣтьте сумму и вспомните, что срокъ полугодичной уплаты молодому джентльмену наступалъ 24-го числа того же мѣсяца. Вспомните также, что все состояніе молодаго джентльмена было промотано опекуномъ къ концу 48 года. Мистеръ Абльвайтъ старшій не далъ сыну и фартинга. На другой день мистеръ Годфрей Абльвайтъ пріѣхалъ съ вами верхомъ къ леди Вериндеръ. Нѣсколько часовъ спустя (какъ вы сами разказывали мнѣ) мистеръ Годфрей сдѣлалъ предложеніе миссъ Вериндеръ. Въ этомъ предложеніи, еслибъ оно было принято, онъ, разумѣется, видѣлъ конецъ всѣмъ своимъ денежнымъ затрудненіямъ, настоящимъ и будущимъ. Но чтò же изъ этого вышло въ дѣйствительности? Миссъ Вериндеръ отказала ему.

Поэтому вечеромъ въ день рожденія денежныя обстоятельства мистера Годфрея Абльвайта были таковы: ему предстояло достать триста фунтовъ къ двадцать четвертому числу этого мѣсяца и двадцать тысячъ фунтовъ—къ февралю тысяча восемьсотъ пятидесятаго года. Если же ему не удастся добыть эти суммы въ означенное время,—онъ погибъ.

Чтò же оказывается?

Вы раздражаете доктора, мистера Канди, задѣвъ его за живое по предмету его профессіи; а онъ, въ отместку, разыгрываетъ надъ вами медицинскую штуку, при помощи дозы опіума. Онъ поручаетъ поднести вамъ эту дозу (приготовленную въ маленькой сткляночкѣ) мистеру Годфрею Абльвайту, который самъ признался въ своемъ участіи, а по какому случаю онъ признался, это вамъ вскорѣ будетъ разказано. Мистеръ Годфрей вступаетъ въ заговоръ тѣмъ охотнѣе, что и самъ, въ теченіи вечера, потерпѣлъ отъ вашего язычка; присоединяется къ Бетереджу, убѣждая васъ выпить на сонъ грядущій немного водки съ водой, и тайно вливаетъ въ холодный грогъ дозу опіума, а вы ее выпиваете.

Теперь перенесемте мѣсто дѣйствія въ Ламбетъ, къ мистеру Локеру. И позвольте мнѣ замѣтить, въ видѣ предисловія, что мы съ мистеромъ Броффомъ нашли средство

заставить ростовщика высказать всю правду. Мы тщательно просѣяли данное вамъ показаніе, и вотъ оно къ вашимъ услугамъ.

IV.

Въ пятницу, двадцать третьяго іюня (сорокъ восьмаго года), поздно вечеромъ, мистеръ Локеръ былъ удивленъ посѣщеніемъ мистера Годфрея Абльвайта и болѣе чѣмъ удивленъ, когда мистеръ Годфрей предъявилъ ему Лунный камень. Такимъ алмазомъ (по мнѣнію мистера Локера) не владѣло ни одно частное лицо въ Европѣ.

У мистера Годфрея Абльвайта были два скромныя предложенія относительно этой великолѣпной драгоцѣнности. Вопервыхъ, не будетъ ли мистеръ Локеръ такъ добръ, чтобы купить ее? Вовторыхъ, не пожелаетъ ли мистеръ Локеръ (въ случаѣ невозможности купить ее) принять ее на коммисію для продажи и заплатить нѣкоторую сумму впередъ?

Мистеръ Локеръ испробовалъ алмазъ, взвѣсилъ и оцѣнилъ его, не отвѣчая еще ни слова. По *его* оцѣнкѣ (принимая въ разчетъ плеву на камнѣ), алмазъ стоилъ тридцать тысячъ фунтовъ.

Убѣдясь въ этомъ, мистеръ Локеръ отверзъ уста и предложилъ вопросъ: „какимъ же образомъ это вамъ досталось?“ Всего шесть словъ! Но въ нихъ цѣлые томы значенія!

Мистеръ Годфрей началъ что-то разказывать. Мистеръ Локеръ снова отверзъ уста, и на этотъ разъ произнесъ только три слова: „Никуда не годится!“

Мистеръ Годфрей Абльвайтъ началъ еще что-то разказывать. Мистеръ Локеръ не сталъ и словъ тратить. Онъ всталъ и позвонилъ слугу проводить этого джентльмена.

При такомъ поощреніи, мистеръ Годфрей сдѣлалъ надъ собой усиліе и сызнова изложилъ все дѣло по правдѣ, какъ далѣе слѣдуетъ.

Украдкой подливъ опіуму въ холодный грогъ, онъ пожелалъ вамъ покойной ночи и пошелъ въ свою комнату. Она была рядомъ съ вашею и сообщалась дверью. Войдя къ себѣ въ комнату, мистеръ Годфрей (какъ ему показалось тогда) затворилъ дверь. Денежныя затрудненія не давали ему спать. Онъ около часу просидѣлъ въ шлафрокѣ и въ туфляхъ, обдумывая свое положеніе. Только что онъ хотѣлъ лечь въ постель, какъ услыхалъ, что вы разговариваете сами съ

собой въ своей комнатѣ, и подойдя къ двери, увидѣлъ, что вовсе не затворилъ ея, какъ ему показалось давеча. Онъ заглянулъ въ вашу комнату, желая знать въ чемъ дѣло; увидалъ васъ выходящимъ изъ спальни со свѣчой въ рукѣ, и слышалъ, какъ вы проговорили несвоимъ голосомъ: „Почемъ знать? Индѣйцы могли спрятаться въ домѣ.“

До сихъ поръ онъ полагалъ, что давая вамъ опіумъ, дѣлаетъ васъ жертвой безвредной шутки. Теперь ему пришло въ голову, что опіумъ оказалъ на васъ какое-то вліяніе, котораго они съ докторомъ не предвидѣли. Опасаясь бѣды, онъ тихо пошелъ за вами посмотрѣть, что̀ вы станете дѣлать.

Онъ послѣдовалъ за вами до гостиной миссъ Вериндеръ и видѣлъ, какъ вы вошли въ нее. Вы оставили дверь незатворенною. Онъ посмотрѣлъ въ щель, образовавшуюся между половинкой и притолкой, не рѣшаясь еще войдти въ комнату.

Оттуда онъ не только видѣлъ какъ вы взяли алмазъ изъ ящика, но разглядѣлъ и миссъ Вериндеръ, молча слѣдившую за вами изъ спальни въ отворенную дверь. Онъ видѣлъ, что она *тоже* видѣла какъ вы взяли алмазъ.

Выходя изъ гостиной, вы немного пріостановились. Мистеръ Годфрей воспользовался этою медленностью, чтобы вернуться въ свою спальню прежде чѣмъ вы выйдете и найдете его. Онъ опередилъ васъ однимъ мигомъ и полагалъ, что вы видѣли его въ то время, какъ онъ переступалъ чрезъ порогъ двери между вашими комнатами. Какъ бы то ни было, но вы кликнули его страннымъ, соннымъ голосомъ.

Онъ вернулся къ вамъ. Вы поглядѣли на него мутнымъ, соннымъ взглядомъ; подали ему алмазъ, и сказали: „отвезите его назадъ, Годфрей, къ банкиру вашего батюшки. Тамъ онъ сохраннѣе, а здѣсь ему не уцѣлѣть.“ Вы отошли нетвердою поступью и надѣли блузу; сѣли въ длинное кресло, стоявшее у васъ въ комнатѣ, и проговорили: „самъ-то я не могу отвезти его въ банкъ. Голова точно свинецъ,—ногъ подъ собой не слышу.“ Голова у васъ откинулась на спинку кресла, вы вздохнули тяжко, тяжко такъ, и заснули.

Мистеръ Годфрей Абльвайтъ вернулся съ алмазомъ въ свою комнату. Онъ утверждалъ, что въ то время еще ни на что̀ не рѣшился и хотѣлъ выждать что̀ будетъ поутру.

Когда же настало утро, изъ вашихъ словъ и поступковъ оказалось, что вы вовсе не помните того, что̀ говорили и дѣлали ночью. Въ то же время слова и поступки миссъ

Верндеръ показывали, что она рѣшилась, щадя васъ, ничего не говорить съ своей стороны. Еслибы мистеру Годфрею Абльвайту угодно было удержать у себя алмазъ, онъ могъ бы это сдѣлать совершенно безнаказанно. Лунный камень заслонилъ его отъ гибели. Онъ спряталъ Лунный камень въ карманъ.

V.

Вотъ что̀ вашъ кузенъ (по необходимости) разказалъ мистеру Локеру. Мистеръ Локеръ счелъ эту исторію правдивою во всѣхъ главныхъ статьяхъ,—на томъ основаніи, что мистеръ Годфрей Абльвайтъ былъ слишкомъ глупъ для такой выдумки. Мистеръ Брофъ и я оба согласны съ мистеромъ Локеромъ и считаемъ это подтвержденіе правдивости разсказа вполнѣ достовѣрнымъ.

Затѣмъ мистеру Локеру предстоялъ вопросъ какъ поступить въ дѣлѣ Луннаго камня. Онъ предложилъ слѣдующія и единственныя условія, на которыхъ онъ соглашался впутаться въ сомнительное и опасное дѣло (даже при *его* родѣ занятій).

Мистеръ Локеръ соглашался дать мистеру Годфрею Абльвайту взаймы двѣ тысячи фунтовъ съ тѣмъ, чтобы Лунный камень былъ оставленъ ему въ залогъ. Если по истеченіи года съ этого числа мистеръ Годфрей Абльвайтъ заплатитъ мистеру Локеру три тысячи фунтовъ, то можетъ получить алмазъ обратно, какъ выкупленный залогъ. Если же онъ не внесетъ этихъ денегъ по прошествіи года, залогъ (иначе Лунный камень) перейдетъ въ собственность мистера Локера, который въ такомъ случаѣ великодушно подаритъ мистеру Годфрею нѣкоторыя заемныя обязательства (по прежнимъ ихъ сдѣлкамъ), находящіяся въ рукахъ у ростовщика.

Нѣтъ надобности говорить, что мистеръ Годфрей съ негодованіемъ отвергъ эти чудовищныя условія. А мистеръ Локеръ возвратилъ ему алмазъ и пожелалъ покойной ночи.

Вашъ кузенъ пошелъ было къ двери, но вернулся и спросилъ: кто ему поручится, что нынѣшній разговоръ останется въ строжайшей тайнѣ между нимъ и его пріятелемъ?

Мистеръ Локеръ оказался незнайкой. Еслибы мистеръ Годфрей согласился на его условія, то сдѣлалъ бы его своимъ сообщникомъ и навѣрное могъ бы разсчитывать на его скромность. Но при настоящемъ положеніи дѣла, мистеръ Локеръ долженъ руководиться собственными

выгодами. Въ случаѣ непріятнаго допроса, можно ли ожидать, что онъ скомпрометтируетъ себя ради того, кто отказался имѣть съ нимъ дѣло?

Получивъ этотъ отвѣтъ, мистеръ Годфрей Абльвайтъ поступилъ такъ, какъ поступаютъ всѣ животныя (человѣкъ и прочія), видя себя пойманными въ западню. Онъ сталъ оглядываться въ безнадежномъ отчаяніи. Взглядъ его случайно упалъ на число мѣсяца, выставленное на чистенькой карточкѣ въ картонажѣ на каминѣ ростовщика. То было двадцать третье іюня. Двадцать четвертаго онъ долженъ былъ уплатить триста фунтовъ молодому джентльмену, при которомъ состоялъ опекуномъ,—и ни малѣйшей надежды добыть эти деньги, кромѣ возможности, предлагаемой мистеромъ Локеромъ. Не будь этого несчастнаго затрудненія, онъ могъ бы отвезти алмазъ въ Амстердамъ и сдѣлать его удобнымъ для продажи, расколовъ на отдѣльные камни. Въ настоящемъ положеніи дѣлъ ему только и оставалось принять условія мистера Локера. Наконецъ, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи цѣлый годъ, въ теченіи котораго еще могъ добыть эти три тысячи фунтовъ, — а въ году времени много.

Мистеръ Локеръ тотчасъ же составилъ потребные документы. Когда же они были подписаны, далъ мистеру Годфрею Абльвайту два чека. Одинъ, помѣченный 23-мъ іюня, на триста фунтовъ. Другой, помѣченный недѣлей позже, на остальную сумму,—тысячу семьсотъ фунтовъ. Вы уже знаете какъ Лунный камень былъ отданъ на сохраненіе банкирамъ мистера Локера и какъ (послѣ того) поступили Индѣйцы съ мистеромъ Локеромъ и мистеромъ Годфреемъ.

Слѣдующее событіе въ жизни вашего кузена снова касается миссъ Вериндеръ. Онъ вторично сдѣлалъ ей предложеніе и (послѣ того какъ оно было принято) согласился считать свадьбу несостоявшеюся. Мистеръ Броффъ проникъ въ одну изъ причинъ этой уступчивости. Миссъ Вериндеръ пользовалась только пожизненными процентами съ имѣнія ея матери, — *тутъ* нельзя было добыть недостающихъ двадцати тысячъ фунтовъ.

Но вы скажете, что женясь, онъ могъ бы накопить три тысячи фунтовъ для выкупа заложеннаго алмаза. Конечно, онъ могъ бы это сдѣлать, если предположить, что ни жена его, ни опекуны ея не препятствовали бы ему въ первый же годъ послѣ свадьбы взять впередъ болѣе половины дохода

въ свое распоряженіе для неизвѣстной цѣли. Но еслибъ онъ и перешагнулъ эту преграду, его ждала другая съ тылу. Дама, проживавшая въ виллѣ, слышала о томъ, что онъ замышляетъ жениться. Дикая женщина, мистеръ Блекъ, того сорта, съ которымъ не шутятъ: свѣтлокожая съ римскимъ носомъ. Она питала величайшее презрѣніе къ мистеру Годфрею Абльвайту. Презрѣніе это было бы безмолвно, еслибъ онъ хорошо обезпечилъ ее. Иначе у этого презрѣнія развязался бы языкъ. Пожизненные проценты миссъ Вериндеръ не подавали ему надежды на это „обезпеченіе", такъ же какъ и на двадцать тысячъ фунтовъ. Онъ не могъ жениться,—никоимъ образомъ не могъ жениться въ такихъ обстоятельствахъ.

Вы уже знаете, какъ онъ попыталъ счастья съ другою особой, и какъ *та* свадьба тоже разстроилась изъ-за денегъ. Вамъ извѣстно также о наслѣдствѣ въ пять тысячъ фунтовъ, завѣщанномъ ему вскорѣ послѣ того одною изъ многихъ его поклонницъ, которыхъ милости умѣлъ заслужить этотъ очарователь. Наслѣдство-то (какъ оказалось) и привело его къ погибели.

По моимъ справкамъ оказалось, что отправясь за границу по полученіи пяти тысячъ фунтовъ, онъ ѣздилъ въ Амстердамъ. Тамъ онъ уладилъ всѣ необходимыя подготовленія, чтобы расколоть алмазъ на отдѣльные камни. Онъ вернулся (переодѣтый) и выкупилъ Лунный камень въ назначенный срокъ. Затѣмъ пропустили нѣсколько дней (въ видѣ предосторожности, условленной между обѣими сторонами) прежде чѣмъ взять алмазъ изъ банка. Еслибъ онъ благополучно прибылъ съ нимъ въ Амстердамъ, то съ іюля сорокъ девятаго года по февраль пятидесятаго (когда молодой джентльменъ становился совершеннолѣтнимъ) какъ разъ только что успѣли бы расколоть алмазъ и сдѣлать отдѣльные камни (граненые или нѣтъ) удобными для продажи. Судите поэтому, что̀ побуждало его подвергаться опасности, которой онъ дѣйствительно подвергся. Если кому-нибудь приходилось рисковать „головой или всѣмъ", то именно ему.

Мнѣ остается напомнить вамъ, предъ заключеніемъ этого рапорта, что есть надежда захватить Индѣйцевъ и выручить Лунный камень. Они теперь (по всей вѣроятности) плывутъ въ Бомбей на остъ-индскомъ купеческомъ судвѣ. Корабль (за исключеніемъ непредвидѣнныхъ случаевъ) нигдѣ по дорогѣ не останавливается; и бомбейскія власти (которымъ

сообщено письменно съ сухопутною почтой) будутъ готовы оцѣнить судно, какъ только оно войдетъ въ гавань.

Имѣю честь остаться вашимъ, дорогой сэръ, покорнымъ слугой, Ричардъ Коффъ (бывшій приставъ сыскной полиціи). *Скотлендъ Ярдъ, Лондонъ.* *

Разказъ 7-ой. Въ письмѣ мистера Канди.

Фризингаллъ, среда, 26-го сентября 1849 г. — Дорогой мистеръ Франклинъ Блекъ, вы угадаете грустную вѣсть, сообщаемую мною, найдя ваше письмо къ Ездрѣ Дженнингсу возвращеннымъ въ этомъ пакетѣ и нераспечатаннымъ. Онъ умеръ на моихъ рукахъ при восходѣ солнца въ прошлую среду.

Не упрекайте меня въ томъ, что я не извѣстилъ васъ о близости его кончины. Онъ нарочито запретилъ мнѣ писать къ вамъ. „Я обязанъ мистеру Франклину Блеку нѣсколькими днями счастія, говорилъ онъ:—не огорчайте же его, мистеръ Канди,—не огорчайте его.“

Страшно было смотрѣть на его страданія до послѣднихъ шести часовъ его жизни. Въ промежуткахъ между припадками, когда онъ приходилъ въ память, я умолялъ его назвать мнѣ своихъ родственниковъ, которымъ я могъ бы написать. Онъ просилъ простить его за отказъ *мнѣ* въ чемъ бы то ни было. И затѣмъ сказалъ,—безъ горечи,—что умретъ, какъ жилъ, забытый и неизвѣстный. Онъ до конца остался вѣренъ этому рѣшенію. Теперь нѣтъ надежды что-нибудь развѣдать о немъ. Его исторія—бѣлая страница.

За день до смерти онъ сказалъ мнѣ гдѣ лежатъ его бумаги. Я принесъ ихъ къ нему на постель. Въ числѣ ихъ была небольшая связка старыхъ писемъ, которую онъ отложилъ. Тутъ же находилось его неоконченное сочиненіе и *Дневникъ* во многихъ томахъ съ застежками на замочкѣ. Онъ развернулъ томъ за нынѣшній годъ и вырвалъ одну за другою страницы, относившіяся къ той порѣ, когда вы встрѣчались съ нимъ. „Эти отдайте мистеру Франклину Блеку, сказалъ онъ:—пройдутъ года, онъ, можетъ-быть, пожелаетъ оглянуться на то, что здѣсь написано.“ Тутъ онъ сложилъ руки,

---

* *Примѣчаніе.* Въ тѣхъ частяхъ, гдѣ этотъ рапортъ касается происшествій въ день рожденія или послѣдующихъ трехъ дней, сравните его съ Беттереджевымъ разказомъ, главы VIII—XIII.

усердно моля Бога благословить и васъ, и тѣхъ кто вамъ дорогъ. Онъ говорилъ, что ему хотѣлось бы еще разъ повидаться съ вами. Но минуту спустя перемѣнилъ намѣреніе. „Нѣтъ, сказалъ онъ въ отвѣтъ на мое предложеніе написать къ вамъ:—не хочу огорчать его! Не хочу его огорчать!“

Затѣмъ, по просьбѣ его, я собралъ остальныя бумаги,—то-есть связку писемъ, неоконченное сочиненіе и томы *Дневника*,—и завернувъ ихъ въ одну обертку, запечаталъ своею печатью. „Обѣщайте мнѣ, сказалъ онъ:—положить это своими руками со мною въ гробъ и позаботиться о томъ, чтобы ничьи руки уже не касались этого.“

Я далъ ему обѣщаніе. Оно исполнено.

Онъ просилъ меня еще объ одномъ, и мнѣ стоило тяжелой борьбы согласиться. Онъ сказалъ: „пусть могила моя будетъ забыта. Дайте мнѣ честное слово, что вы не допустите ни малѣйшаго памятника,—даже самаго простаго камня,—для указанія мѣста моего погребенія. Пусть я почію безъ имени; пусть я упокоюсь въ неизвѣстности.“ Когда я сталъ убѣждать его перемѣнить свое рѣшеніе, онъ въ первый и единственный разъ пришелъ въ сильный гнѣвъ. Я не могъ этого выносить и уступилъ. На мѣстѣ его успокоенія нѣтъ ничего кромѣ дерновой насыпи. Со временемъ вокругъ нея возникнутъ памятники; слѣдующее за нами поколѣніе будетъ глядѣть и дивиться на безыменную могилу.

Какъ я уже сообщилъ вамъ, часовъ за шесть до кончины страданія его прекратились. Онъ немного задремалъ. Мнѣ казалось, что онъ грезитъ. Разъ или два онъ улыбнулся. Уста его часто повторяли одно имя, вѣроятно женское,—имя „Эллы“. За нѣсколько мгновеній до смерти онъ просилъ меня приподнять его на подушкахъ, чтобъ онъ могъ видѣть въ окно восходъ солнца. Онъ былъ очень слабъ. Голова его склонилась на мое плечо. Онъ шепнулъ: „настаетъ!“ Потомъ сказалъ: „поцѣлуйте меня!“ Я поцѣловалъ его въ лобъ. Вдругъ онъ поднялъ голову. Солнечный свѣтъ озарилъ его лицо. Чудное выраженіе, ангельское выраженіе проступило въ немъ. Онъ трижды воскликнулъ: „миръ! миръ! миръ!“ Голова его снова упала ко мнѣ на плечо, и горе многихъ лѣтъ его жизни миновало.

Онъ покинулъ насъ. Это былъ, сдается мнѣ, великій человѣкъ,—хотя міръ его не позналъ. Онъ мужественно вынесъ тяжкую жизнь. Я еще не встрѣчалъ такого кроткаго

характера. Утративъ его, я сильнѣе чувствую свое одиночество. Я, пожалуй, ни разу вполнѣ-то не приходилъ въ себя съ самой моей болѣзни. Иногда мнѣ думается бросить практику, уѣхать и попытать, не помогутъ ли мнѣ какія-нибудь заграничныя воды и купанья.

Здѣсь говорятъ, что въ будущемъ мѣсяцѣ вы женитесь на миссъ Вериндеръ. Удостойте принять мои сердечныя поздравленія.

Страницы изъ дневника моего бѣднаго друга ожидаютъ васъ у меня въ домѣ, запечатанныя въ пакетѣ на ваше имя. Я боялся довѣрить ихъ почтѣ.

Свидѣтельствую свое почтеніе съ пожеланіемъ всего лучшаго миссъ Вериндеръ. Остаюсь, дорогой мистеръ Франклинъ Блекъ, преданный вамъ Томасъ Канди.

Разказъ 8-ой, доставленный Габріелемъ Беттереджемъ.

Я (какъ вы, безъ сомнѣнія, помните) первый началъ разказъ и ввелъ васъ въ эти страницы. Я же какъ бы остался позади, чтобы замкнуть его.

Да не подумаетъ кто-нибудь, что я хочу сказать послѣднее слово объ индѣйскомъ алмазѣ. Я питаю отвращеніе къ этой злополучной драгоцѣнности и отсылаю васъ къ инымъ авторитетамъ за тѣми вѣстями о Лунномъ камнѣ, которыхъ вы можете ожидать въ настоящее время. Я намѣренъ изложить здѣсь одинъ фактъ изъ семейной хроники, всѣми пропущенный, но который я не позволю такъ непочтительно сгладить. Фактъ, на который я намекаю,—свадьба миссъ Рахили и мистера Франклина Блека. Это интересное событіе свершилось въ нашемъ Йоркширскомъ домѣ во вторникъ, 9-го октября 1849 года. На тотъ случай я сшилъ себѣ новую пару платья. А брачная чета отправилась проводить медовый мѣсяцъ въ Шотландію.

Такъ какъ семейныя празднества были довольно рѣдки въ нашемъ домѣ со времени смерти бѣдной госпожи моей, то признаюсь, что, по случаю свадьбы, я къ вечеру-то хватилъ для куражу капельку лишняго.

Если вы дѣлывали то же самое, то поймете меня и посочувствуете. Если же нѣтъ, вы, вѣроятно, скажете: „противный старикъ! Къ чему онъ это разказываетъ намъ?“ Причина тому слѣдующая.

Хвативъ стало-быть капельку (Богъ съ вами! Вѣдь у васъ тоже есть любимый грѣшокъ; только у васъ свой, а у меня свой), я прибѣгнулъ къ неизмѣнному лѣкарству, а это лѣкарство, какъ вамъ извѣстно, *Робинзонъ Крузо*. Ужъ не помню, право, на чемъ я раскрылъ эту несравненную книгу, на чемъ же у меня печатныя строки перепутались подъ конецъ, это я отлично помню, то была триста восемнадцатая страница, слѣдующій отрывочекъ домашняго характера, относящійся до женитьбы Робинзона Крузо:

„Съ такими-то мыслями я вникалъ въ свои новыя обязанности, имѣя жену (замѣтьте! точь-въ-точь какъ мистеръ Франклинъ!) , новорожденнаго ребенка. (Замѣтьте опять! Вѣдь это можетъ быть и съ мистеромъ Франклиномъ!) При этомъ жена моя,“—что уж „при этомъ“ сдѣлала или чего не дѣлала жена Робинзона Крузо—я не желалъ знать. Я подчеркнулъ карандашомъ насчетъ ребенка-то и заложилъ полоску бумаги, чтобъ отмѣтить ѐтотъ отрывокъ. „Лежи себѣ тутъ, сказалъ я,—пока свадьбѣ мистера Франклина и миссъ Рахили исполнится нѣсколько мѣсяцевъ, тогда и увидимъ!

Мѣсяцы шли (превышая числомъ мои разчеты), но все еще не представлялось случая потревожить замѣтку въ книгѣ. И только въ текущемъ ноябрѣ 1850 года вошелъ однажды ко мнѣ въ комнату мистеръ Франклинъ превеселый-веселый, и сказалъ:

— Бетереджъ! Я принесъ вамъ славную вѣсточку! Не пройдетъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, у насъ въ домѣ кое-что случится.

— А что̀, оно касается до семейства, сэръ? спросилъ я.

— Рѣшительно касается, отвѣтилъ мистеръ Франклинъ.

— А вашей женушкѣ есть до этого какое-нибудь дѣло, сэръ?

— Ей тутъ пропасть дѣла, сказалъ мистеръ Франклинъ, начиная нѣсколько удивляться.

— Не говорите мнѣ больше ни слова, сэръ! отвѣтилъ я:—Богъ въ помочь вамъ обоимъ! Сердечно радъ слышать.

Мистеръ Франклинъ вытаращилъ глаза, какъ громомъ пораженный.

— Смѣю ли спросить, откуда вы получили это извѣстіе? спросилъ онъ:—я самъ получилъ его (подъ строжайшимъ секретомъ) всего пять минутъ тому назадъ.

Вотъ когда насталъ случай предъявить *Робинзона Крузо*! Вотъ онъ случай прочесть тотъ отрывочекъ домашняго содержанія насчетъ ребенка-то, что̀ я отмѣтилъ въ день свадьбы

мистера Франклина! Я прочелъ эти дивныя слова съ должнымъ удареніемъ и потомъ строго посмотрѣлъ ему въ лицо.

— Ну, *теперь*, сэръ, вѣрите ли вы *Робинзону Крузо*? спросилъ я съ приличною этому случаю торжественностію.

— Бетереджъ! сказалъ мистеръ Франклинъ съ такою же торжественностію:—наконецъ и я убѣжденъ.

Онъ пожалъ мнѣ руку, и я понялъ, что обратилъ его.

Вмѣстѣ съ разказомъ объ этомъ необычайномъ обстоятельствѣ приходитъ конецъ и моему появленію на этихъ страницахъ. Не смѣйтесь надъ этимъ единственнымъ анекдотомъ. Забавляйтесь сколько угодно надъ всѣмъ прочимъ что̀ я писалъ. Но когда я пишу о *Робинзонѣ Крузо*, клянусь Богомъ,—это не шутка, прошу васъ такъ и понимать это!

Когда *это* сказано,—значитъ все сказано. Леди и джентльмены, кланяюсь вамъ и замыкаю разказъ.

ЭПИЛОГЪ. НАХОДКА АЛМАЗА.

I. Показаніе посланнаго приставомъ Коффомъ. (1849.)

Двадцать седьмаго іюня я получилъ отъ пристава Коффа приказаніе слѣдить за тремя людьми, подозрѣваемыми въ убійствѣ, Индѣйцами по описанію. Въ то утро ихъ видѣли въ Томерской пристани, гдѣ они сѣли на пароходъ въ Роттердамъ.

Я выѣхалъ изъ Лондона на принадлежащемъ другой Компаніи пароходѣ, который отправился утромъ въ четвергъ, двадцать восьмаго числа. По прибытіи въ Роттердамъ, мнѣ удалось найдти капитана парохода, ушедшаго въ среду. Онъ сообщилъ мнѣ, что Индѣйцы дѣйствительно были въ числѣ пассажировъ его судна, но только до Гравезенда. На этой станціи одинъ изъ трехъ спросилъ, въ которомъ часу они прiѣдутъ въ Кале. Когда ему сказали, что пароходъ идетъ въ Роттердамъ, говорившій отъ лица всѣхъ высказалъ величайшее удивленіе и досадовалъ на сдѣланную имъ съ пріятелями ошибку. Они всѣ (говорилъ онъ) охотно пожертвуютъ платой за проѣздъ, если только капитанъ парохода высадитъ ихъ на берегъ. Соболѣзнуя положенію иностранцевъ въ чужой землѣ и не имѣя причинъ задерживать ихъ, капитанъ подалъ сигналъ береговому судну, и всѣ трое покинули пароходъ.

Такъ какъ этотъ поступокъ Индѣйцевъ явно былъ заранѣе разчитанъ, въ видахъ предохраненія ихъ отъ погони, то я, не теряя времени, вернулся въ Англію. Я сошелъ съ парохода въ Гравезендѣ и узналъ, что Индѣйцы оттуда поѣхали въ Лондонъ; отсюда я снова прослѣдилъ ихъ до Плимута. По справкамъ въ Плимутѣ оказалось, что они двое сутокъ тому назадъ отплыли на остъ-индскомъ купеческомъ суднѣ *Бьюлей-Касль*, шедшемъ прямо въ Бомбей.

Получивъ объ этомъ свѣдѣніе, приставъ Коффъ сообщилъ о томъ сухопутною почтой бомбейскимъ властямъ, чтобъ оцѣпить судно полиціей тотчасъ по приходѣ въ гавань. По принятіи этой мѣры мое участіе въ этомъ дѣлѣ кончилось. Съ тѣхъ поръ я больше не слыхалъ о немъ.

II. Показаніе капитана (1849).

По требованію пристава Коффа, излагаю письменно нѣкоторые факты, касающіеся трехъ человѣкъ (слывущихъ Индѣйцами), которые были пассажирами на кораблѣ *Бьюлей-Касль*, отправлявшемся прошлымъ лѣтомъ въ Бомбей подъ моимъ начальствомъ.

Индѣйцы присоединились къ намъ въ Плимутѣ. Во время плаванія я не слыхалъ жалобъ на ихъ поведеніе. Они спали въ койкахъ на передней части корабля. Мнѣ весьма рѣдко случалось видѣть ихъ.

Подъ конецъ путешествія мы имѣли несчастіе попасть на трое сутокъ въ штиль близь береговъ Индіи. У меня нѣтъ подъ руками корабельнаго журнала для справокъ, и потому я не припомню теперь широты и долготы. Итакъ, относительно нашего положенія, я могу лишь вообще сказать, что теченіе влекло насъ къ берегу, и когда вѣтеръ снова захватилъ насъ, то мы чрезъ двадцать четыре часа вошли въ гавань.

Корабельная дисциплина (какъ извѣстно всѣмъ мореплавателямъ) ослабляется во время продолжительнаго штиля. Нѣкоторые джентльмены изъ числа пассажировъ спустили мелкія суда и забавлялись катаньемъ и плаваньемъ по вечерамъ, когда солнечный жаръ, утихая, позволялъ имъ развлекаться такимъ образомъ. По окончаніи забавы слѣдовало бы втаскивать суда обратно. Вмѣсто того ихъ оставляли на буксирѣ у корабля. Отъ жары ли, отъ досады ли на

погоду, только ни у офицеровъ, ни у матросовъ, повидимому, не лежало сердце къ исполненію долга, пока длился штиль.

На третью ночь сторожъ на палубѣ не видалъ и не слыхалъ ничего выходящаго изъ порядка вещей. Но когда настало утро, самой маленькой лодки не доставало, а вслѣдъ затѣмъ донесли, что не хватаетъ и трехъ Индѣйцевъ.

Если эти люди украли лодку вскорѣ послѣ сумерекъ (въ чемъ я и не сомнѣваюсь), то, судя по близости нашей къ землѣ, безполезно было бы посылать за ними погоню, когда объ этомъ узнали только поутру. Я не сомнѣваюсь, что въ такую тихую погоду (принимая въ разчетъ усталость и неумѣнье грести) они все-таки пристали къ берегу до разсвѣта. Войдя въ гавань, я впервые узналъ причину, по которой трое моихъ пассажировъ воспользовались возможностью бѣжать съ корабля. Я могъ лишь сообщить властямъ тотъ же отчетъ, который излагаю здѣсь. Они упрекали меня въ томъ, что я допустилъ на кораблѣ ослабленіе дисциплины.

Я выразилъ на этотъ счетъ мое сожалѣніе имъ и своимъ хозяевамъ. Съ тѣхъ поръ я ничего не слыхалъ о трехъ Индѣйцахъ. Больше мнѣ прибавлять нечего.

III. Показаніе мистера Мортвета (1850 года).
(Въ письмѣ къ мистеру Броффу.)

Осталось ли у васъ, дорогой сэръ, какое-нибудь воспоминаніе о полудикой личности, которую вы встрѣтили на обѣдѣ въ Лондонѣ осенью сорокъ восьмаго года? Позвольте мнѣ напомнить вамъ, что личность эту зовутъ Мортветомъ, и что мы съ вами имѣли продолжительный разговоръ послѣ обѣда. Разговоръ этотъ касался индѣйскаго алмаза, называемаго Луннымъ камнемъ, и существовавшаго въ то время заговора овладѣть имъ.

Съ той поры я все скитался по Средней Азіи. Оттуда вы[illegible] на мѣсто прежнихъ своихъ приключеній, на сѣверъ и сѣверо-западъ Индіи. Недѣли двѣ тому назадъ я очутился въ нѣкоемъ округѣ или провинціи, мало извѣстной Европейцамъ, называемой Каттіаваръ.

Тутъ со мной случилось приключеніе, въ которомъ вы (какъ бы это ни казалось невѣроятно), лично заинтересованы.

Въ дикихъ мѣстностяхъ Каттіавара (насколько они дики, можете судить изъ того, что даже земледѣльцы пашутъ землю вооруженные съ головы до ногъ), [illegible]

предано прежней индѣйской религіи, — древнему обожанію Брамы и Вишну. Немногія магометанскія семейства, изрѣдка разсѣянныя по внутреннимъ селеніямъ, боятся вкушать мясо какого бы то ни было рода. Магометанина, при малѣйшемъ подозрѣніи въ убійствѣ священнаго животнаго, то-есть коровы, неизбѣжно и безъ пощады предаютъ смерти окружающіе его благочестивые сосѣди. Какъ бы въ поддержку религіозной восторженности народа, двѣ знаменитѣйшія святыни индѣйскаго странничества лежатъ въ границахъ Каттіавара. Одно изъ нихъ есть Дварка, мѣсторожденіе бога Кришны. Другое—священный городъ Сомнаутъ, осажденный и разрушенный въ одиннадцатомъ вѣкѣ магометанскимъ завоевателемъ Махмудомъ Гизни. Очутясь вторично въ этой поэтической мѣстности, я рѣшился не выѣзжать изъ Каттіавара, не повидавъ еще разъ великолѣпныхъ развалинъ Сомнаута. Оттуда, гдѣ я замыслилъ это, мнѣ предстояло (по приблизительному разчету) три дня ходьбы до священнаго города.

Не успѣлъ я немного пройдти по дорогѣ, какъ замѣтилъ, что и другіе,—по двое, по трое,—идутъ, повидимому, въ одномъ со мной направленіи.

Тѣмъ изъ нихъ, которые со мной заговаривали, я выдавалъ себя за Индѣйца-буддиста, странствующаго по обѣту изъ дальняго округа. Нѣтъ нужды упоминать, что костюмъ мой вполнѣ соотвѣтствовалъ этой роли. Прибавьте къ тому, что я знаю языкъ не хуже роднаго, и что я достаточно худъ и смуглъ для того, чтобы во мнѣ было не такъ-то легко признать Европейца, и вы поймете, что я не робѣлъ на смотру предъ этими людьми, представляясь чужакомъ изъ отдаленнаго округа ихъ же страны.

На слѣдующій день число Индѣйцевъ, шедшихъ въ одномъ со мной направленіи, разрослось въ полсотни и цѣлыя сотни. На третій день въ толпѣ волновались тысячи, стекаясь къ одному пункту,—городу Сомнаутъ.

Небольшая услуга, которую мнѣ удалось оказать одному изъ товарищей по странствію на третій день путешествія, дала мнѣ средство представиться нѣсколькимъ Индѣйцамъ высшей касты. Отъ этихъ людей я узналъ, что толпа идетъ на большое религіозное торжество, которое должно происходить на холмѣ, неподалеку отъ Сомнаута. Торжество это праздновалось въ честь бога Луны и должно было совершиться въ эту ночь.

Толпа задерживала насъ по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ мѣсту празднества. Въ то время какъ мы достигли холма, луна стояла уже высоко въ небѣ. Мои пріятели Индѣйцы пользовались нѣкоторыми особыми преимуществами, открывавшими имъ доступъ къ самой святынѣ. Они любезно позволили мнѣ сопровождать ихъ. Придя на мѣсто, мы нашли святыню скрытою отъ глазъ занавѣсомъ, повѣшеннымъ межь двухъ великолѣпныхъ деревьевъ. Подъ деревьями выдавалась плоская отлогость утеса и образовала родъ естественнаго помоста. Внизу около него и помѣстился я съ моими пріятелями Индѣйцами.

При взглядѣ съ холма внизъ представлялось величественнѣйшее зрѣлище природы и человѣка, какое когда-либо было видано мною. Послѣдніе склоны возвышенности непримѣтно таяли въ травянистой равнинѣ, урочищѣ сліянія трехъ рѣкъ. По сю сторону тянулись вдаль красивыя извилины ихъ водъ, то скрываясь въ древесныхъ купахъ, то снова появляясь, на сколько хваталъ глазъ. По ту сторону опочилъ въ тиши ночи успокоенный Океанъ. Оживите этотъ восхитительный видъ десятками тысячъ людей, одѣтыхъ въ бѣломъ, растянутыхъ нитью по склонамъ холма, переполняющихъ равнину и каймящихъ ближайшіе берега извилистыхъ рѣкъ. Освѣтите эту стоянку богомольцевъ ярокраснымъ пламенемъ огней и факеловъ, прорывающимся то тамъ, то самъ по всей безчисленной толпѣ. Вообразите себѣ восточный лунный свѣтъ, разлитый въ безоблачномъ сіяніи надъ всѣмъ этимъ,—и вы составите себѣ понятіе о видѣ, который представился мнѣ, когда я взглянулъ съ вершины холма.

Жалобные звуки струнныхъ инструментовъ и флейтъ обратили мое вниманіе на скрытую святыню.

Я обернулся и увидалъ на утесистомъ помостѣ фигуры трехъ людей. Въ средней фигурѣ изъ трехъ я узналъ того человѣка, съ которымъ говорилъ въ Англія, когда Индѣйцы появились на террасѣ въ домѣ леди Вериндеръ. Остальные двое, сопровождавшіе его теперь были, безъ сомнѣнія, его тогдашніе товарищи.

Одинъ изъ стоявшихъ возлѣ меня Индѣйцевъ видѣлъ какъ я вздрогнулъ. Онъ шепотомъ объяснилъ мнѣ появленіе этихъ трехъ фигуръ на утесистомъ помостѣ.

По его словамъ, то были брамины, утратившіе достоинство своей касты на служеніи богу. Богъ повелѣлъ имъ очиститься

страданіемъ. Въ эту ночь они всѣ трое должны были разстаться и отправиться на богомолье къ святынямъ Индіи въ три разныя стороны. Никогда болѣе не видать имъ другъ друга въ лицо. Никогда не отдыхать имъ отъ своего страданія со дня разлуки до дня смерти.

Пока онъ шепталъ мнѣ эти слова, жалобная музыка смолкла. Всѣ трое поверглись на помостъ предъ завѣсой, скрывавшею святыню; встали, поглядѣли другъ на друга, обнялись. Потомъ сошли врознь къ народу. Толпа разступалась въ мертвомъ безмолвіи. Въ одинъ и тотъ же мигъ я видѣлъ, какъ толпа раздалась въ трехъ различныхъ направленіяхъ. Огромная бѣлая масса народа медленно сомкнулась. Самый слѣдъ этихъ трехъ осужденныхъ изгладился въ рядахъ ихъ смертныхъ собратьевъ. Мы ихъ болѣе не видали.

Въ скрытомъ святилищѣ снова раздались звуки музыки,— громкіе, ликующіе. Толпа вокругъ меня дрогнула и стѣснилась.

Завѣса межъ деревьевъ распахнулась, и святилище предстало предъ нами.

Тамъ, на высокомъ тронѣ, сидя на своей типичной сайгѣ, простирая всѣ четыре длани ко всѣмъ четыремъ угламъ земли, мрачно и грозно возвышался надъ нами въ мистическомъ свѣтѣ небесъ богъ Луны. А въ челѣ божества искрился желтый алмазъ, котораго лучи въ послѣдній разъ сіяли мнѣ въ Англіи съ корсажа женскаго платья!

Да! По истеченіи восьми вѣковъ, Лунный камень снова глядитъ чрезъ стѣны священнаго города, въ которомъ началась его исторія. Какимъ образомъ попалъ онъ въ свою дикую родину,—какимъ случаемъ или какимъ преступленіемъ возвратили себѣ Индѣйцы священный клейнодъ свой,—вамъ, быть-можетъ, это извѣстно; мнѣ же—нѣтъ. Вы потеряли его изъ виду въ Англіи и (если я смыслю что-нибудь въ этомъ народѣ) потеряли его на вѣки.

Такъ идутъ года и повторяются одинъ въ другомъ; такъ одни и тѣ же событія круговращаются во времени. Каковы-то будутъ слѣдующія приключенія Луннаго камня? Почемъ знать!

КОНЕЦЪ.

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1868 году.

Цѣна за РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ на 1868 годъ въ Москвѣ и Петербургѣ **тринадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ сер.**, съ пересылкой въ другіе города и доставкой на домъ въ Москвѣ и Петербургѣ **пятнадцать рублей сер.**

Заграничные высылаютъ за доставку въ Австрію, Баварію, Баденъ, Виртембергъ, Ганноверъ, Нидерланды, Пруссію, Саксонію и другія государства Герм. Почт. Союза— 16 р.; въ Бельгію — 17 р.; во Францію и Данію — 18 р. 50 k.; въ Англію, Швецію, Испанію и Португалію — 20 р.; въ Швейцарію — 21 р., и въ Италію — 22 руб.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается:

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ Университетской Типографіи на Страстномъ бульварѣ; въ книжной лавкѣ И. Г. Соловьева (бывшей Базунова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ, и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Иногородные адресуются: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1868 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1868 годъ, съ казенными объявленіями и воскресными прибавленіями: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, **двѣнадцать рублей сер.**; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой въ другіе города **пятнадцать рублей сер.**

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ, и въ газетныхъ экспедиціяхъ Московскаго и С.-Петербургскаго почтамтовъ. Въ Петербургѣ, кромѣ того, можно подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°.),
на Страстномъ бульварѣ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЙ.

1868

ОКТЯБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

ОБЪ ИЗДАНІИ
РУССКАГО ВѢСТНИКА
ВЪ 1869 ГОДУ.

Вслѣдствіе новой почтовой таксы, возвысившей почти вдвое взимавшуюся доселѣ плату за пересылку *Русскаго Вѣстника*, оказывается необходимымъ измѣнить условія подписки. Новый налогъ взимается по числу иногородныхъ подписчиковъ, но дабы тяжесть его была по возможности разравнена между всѣми подписчиками, назначаются слѣдующія цѣны:

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, будетъ въ 1869 году стоить въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, безъ доставки, ЧЕТЫРНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ; съ доставкой на домъ въ Москвѣ ПЯТНАДЦАТЬ РУБ.; съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи ШЕСТНАДЦАТЬ РУБ. СЕР. Такимъ образомъ за пересылку по почтѣ редакція будетъ получать съ иногородныхъ подписчиковъ лишь по 2 р. сер., хотя почтовое вѣдомство будетъ взыскивать съ нея по 2 р. 80 коп. за экземпляръ. Но такъ какъ съ тѣхъ экземпляровъ, на которые была бы принята подписка въ почтовыхъ мѣстахъ, почтовое вѣдомство взимало бы въ свою пользу вмѣсто 2 р. 80 к., по 3 р. 50 к., то редакція принуждена объявить, что на *Русскій Вѣстникъ* ни въ газетныхъ экспедиціяхъ столичныхъ почтамтовъ, ни въ прочихъ

почтовыхъ мѣстахъ Имперіи подписка не принимается.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Большой Дмитровкѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ; въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

Иногородные адресуются ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО въ редакцію *Русскаго Вѣстника*, въ Москвѣ. Служащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка за ручательствомъ казначеевъ или начальства.

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву, либо Петербургъ, по слѣдующему разчету:

	Р.	К.
Въ Австрію, Баварію, Баденъ, Виртембергъ, Ганноверъ, Нидерланды, Пруссію, Саксонію и другія государства Герм. Почтоваго Союза. . .	16	—
Въ Бельгію.	17	—
Во Францію и Данію.	18	50
Въ Англію, Швецію, Испанію и Португалію.	20	—
Въ Швейцарію	21	—
Въ Италію.	22	—

ГЛИНКА

И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ИСТОРІИ МУЗЫКИ*

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

III.

Теккерей однажды сказалъ (*English Humourists*, въ лекціи о Гогартѣ): „Я полагаю, что когда будутъ держаться повѣсти, пока авторы будутъ стремиться интересовать свою публику, въ сюжетѣ всегда будетъ находиться доблестный герой, его противникъ—злое чудовище, и дѣвушка-красавица, которая находитъ защитника.... Быть-можетъ, не найдется ни одного разказа, достигшаго высокой популярности, въ которомъ бы не былъ проведенъ этотъ простой сюжетъ.“ *Русланъ и Людмила* Пушкина не принадлежитъ къ разказамъ, „достигшимъ высокой популярности“, но и въ сказкѣ послужившей канвой поэту, какъ читатель знаетъ, основный сюжетъ тождественъ съ тѣмъ, который Теккерей полагаетъ необходимымъ и безсмертнымъ. Опера, какъ драма лирическая, должна дѣйствовать на слушателя простѣйшими и понятнѣйшими мотивами: въ ней нѣтъ мѣста тѣмъ психологическимъ утонченностямъ и исключеніямъ, которыя съ жадностію отыскиваетъ, напримѣръ, новѣйшій романъ. Потому такой сюжетъ, какъ *Русланъ*, сюжетъ наивный и существовавшій въ своихъ основныхъ чертахъ уже за тысячелѣтіе, въ которомъ почти всѣ характеры — основные сказочные типы, для оперы какъ нельзя болѣе выгоденъ.

---

* Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* 1867 г. № 10 и 1868 г. № 1 и 9.

Только слѣдуетъ забыть то, что у Пушкина сдѣлано изъ этого сюжета: иначе мы не доберемся до правильнаго пониманія оперы. Не игривая шутка, въ какую у поэта облеклось простонародное содержаніе, нѣтъ, самая сказка, во всемъ ея поэтическомъ простодушіи, взята Глинкой и положена имъ на музыку. Иначе у чуткаго и глубокаго музыканта и не могло быть. Какъ бы мы ни были увѣрены въ эластичности музыкальной выразительности и какъ бы, вслѣдствіе этого, мы ни изощрялись расширить ее, нужно окончательно не понимать музыки, этого міра настроеній, чтобъ искать въ ней средствъ *для* выраженія ироніи или каррикатуры. Подобнаго непониманія своего искусства у Глинки нельзя и предположить. Сказка Пушкина взята имъ съ самой серіозной стороны: легкая усмѣшка надъ пріемами и мотивами русской сказки превращена въ глубокое благоговѣніе предъ нашею поэтическою стариной. Кто Глинкѣ за это дѣлаетъ упрекъ (а такой упрекъ ему дѣлали въ нашей литературѣ), тотъ требуетъ, чтобъ игривому разказу Пушкина, принадлежащему къ его слабѣйшимъ произведеніямъ, подчинилась величественная и глубокомысленная опера—величайшій доселѣ памятникъ русскаго музыкальнаго творчества. Изъ Пушкинскаго *Руслана* Глинка взялъ только основное содержаніе, но отношеніе къ этому содержанію у Глинки вполнѣ національное, что значитъ: искреннее, глубокое и правдивое.

Слѣдуетъ, впрочемъ, различать тонъ Глинкинской оперы, который могъ ей дать только музыкантъ, отъ постройки, которую ей сообщили многочисленные либреттисты, изъ которыхъ каждый, безъ общаго плана, приносилъ свою лепту стиховъ для пѣнія. Въ каждомъ отдѣльномъ моментѣ, за самыми незначительными, исчезающими исключеніями, мы встрѣтимся съ этимъ чисто-народнымъ, эпическимъ тономъ, котораго никто не умѣлъ находить такъ, какъ Глинка; въ общемъ же планѣ насъ прежде всего поражаетъ неловкость, неэффектность, подчасъ и нелогичность постройки. Къ личностямъ княжны, трехъ (у Пушкина четырехъ) искателей ея руки, карла, добраго волшебника, злой волшебницы, необходимымъ, но и совершенно достаточнымъ для выраженія сюжета, въ оперѣ присоединяется личность одной изъ наложницъ одного изъ искателей руки (хозарскаго князя Ратмира), странствующая по лѣсамъ и болотамъ

обширной Руси для отысканія своего возлюбленнаго князя и весьма неожиданно, но чрезвычайно счастливо встрѣчающая его въ волшебномъ замкѣ. Музыкантъ сдѣлалъ чудеса, чтобъ оправдать фантазію либреттиста. Характеръ Гориславы—одинъ изъ перловъ Глинкинской характеристики, поразительное соединеніе страстности съ граціей. Эпизодъ 3-го акта, въ которомъ Горислава играетъ не послѣднюю роль и который, заднимъ числомъ, до нѣкоторой степени оправдываетъ ея невѣроятное появленіе, очерченъ въ музыкѣ такими вдохновенными и правдивыми звуками, какіе рѣдко слышались на оперной сценѣ. Глубокая внутренняя драма, дивная картина человѣческихъ страстей, до которой Глинка, силой своего генія, умѣлъ возвысить это неловко-скроенное и бѣлыми нитками сшитое либретто, не въ одномъ этомъ мѣстѣ, а весьма и весьма часто заставляютъ забывать недостатки сценической постройки, недостатки внѣшніе, но именно потому бьющіе въ глаза. Безпристрастіе обязываетъ критика указать на произвольность и безсвязность, отъ которыхъ не свободно это либретто: его зерно, его внутреннее содержаніе здорово и народно; тѣмъ болѣе здорово и народно его музыкальное выраженіе, созданное Глинкой; переходная же ступень отъ первоначальнаго замысла до музыкальнаго исполненія, — и сценарій, и стихи,—многое оставляетъ желать, и защита Глинки отъ современныхъ псевдокритиковъ вовсе не нуждается въ оправданіи этого сценарія и этихъ стиховъ.

Но какъ высоко вознесся драматургъ-музыкантъ надъ мелкими недостатками сценической фактуры! Какъ заставляетъ онъ васъ мѣткимъ и оригинальнымъ, тонкимъ и разнообразнымъ выраженіемъ человѣческихъ характеровъ и данныхъ ситуацій, забывать о томъ, какую малую заслугу въ этомъ общемъ дѣлѣ поэзіи и музыки имѣли услужливые стихоплеты! Какъ симпатиченъ основный мотивъ этой драмы и какъ совершенно ея музыкальное воплощеніе!

Разборъ *Руслана* я начну съ увертюры. Кто знаетъ постройку увертюръ къ *Жизни за Царя* и къ *Руслану*, тому извѣстно, что онѣ состоятъ изъ мотивовъ самыхъ оперъ. Въ первой названной увертюрѣ соединеніе этихъ мотивовъ болѣе внѣшнее, на подобіе Веберовскихъ увертюръ (я здѣсь говорю только о формѣ); во второй же (въ увертюрѣ къ *Руслану*) сліяніе этихъ мотивовъ болѣе глубокое и прочное.

Но и здѣсь и тамъ оригиналенъ порядокъ, въ которомъ въ увертюрѣ слѣдуютъ одинъ за другимъ мотивы оперы. Глинка начинаетъ съ *послѣдняго* изъ нихъ по ходу пьесы. Увертюра къ *Жизни за Царя* начинается съ плача Вани: „Ахъ не мнѣ бѣдному", находящагося въ эпилогѣ (ему въ увертюрѣ предшествуютъ нѣсколько нотъ вступленія, заимствованныя изъ хора „Въ бурю во грозу"), затѣмъ (чрезъ нѣсколько аккордовъ, взятыхъ изъ квартета 3-го дѣйствія) слѣдуетъ мелодія *финала* 3-го дѣйствія (играемая оркестромъ во время словъ: „Что̀ такое? Какъ Поляки знать могли у насъ отца!"); затѣмъ, служа переходомъ въ новый тонъ, появляется отрывокъ изъ сцены 3-го дѣйствія съ Поляками, именно оркестровый рисунокъ на слова Поляковъ: „Сейчасъ приведи насъ къ жилищу Царя!" Только въ самомъ заключеніи увертюры композиторъ измѣнилъ этому обратно-хронологическому порядку размѣщенія мотивовъ, построивъ это великолѣпное заключеніе на мотивѣ изъ 4-го дѣйствія (въ сценѣ пробужденія Поляковъ). Такой же порядокъ господствуетъ и въ увертюрѣ къ *Руслану*. Она начинается съ аккордовъ заключительнаго хора 5-го дѣйствія: „Слава великимъ богамъ! Слава Руслану съ княжной! Славься нашъ Кіевъ родной!" Всю первую тему (или, говоря технически, *главную партію*) увертюры составляетъ этотъ хоръ; вторую же тему (*побочную партію*)—арія Руслана во *второмъ* дѣйствіи „О, Людмила! Лель судилъ мнѣ счастье"; слѣдующая затѣмъ средняя часть увертюры состоитъ изъ отрывковъ предыдущихъ темъ, прерываемыхъ нѣсколько разъ повторяющимся отрывкомъ изъ финала *перваго* дѣйствія (послѣ похищенія Людмилы и предъ канономъ), и опять только въ концѣ Глинка измѣнилъ этому порядку, намекнувъ въ нѣсколькихъ тактахъ на хоръ *четвертаго* дѣйствія: „Погибнетъ, погибнетъ". Такое, на первый взглядъ капризное размѣщеніе музыкальныхъ мыслей, появляющихся въ совершенно иномъ порядкѣ при поднятомъ занавѣсѣ, чрезвычайно поэтично и заманчиво. Видѣнъ художникъ со спокойной высоты озирающійся на свой оконченный трудъ, съ любовью останавливающійся прежде всего на моментѣ заключенія (скорби о падшемъ героѣ въ *Жизни за Царя*, апоѳеозѣ вѣрной любви въ *Русланѣ*) и уже потомъ припоминающій и тѣ смуты и борьбы, которыя предшествовали

окончательному торжеству его героевъ. Мысль и чувство музыканта находятся всецѣло подъ обаяніемъ этого окончательнаго торжества. Онъ сначала видитъ лишь конечную цѣль драмы, и потому увертюры его прежде всего устанавливаютъ эту конечную цѣль, а уже потомъ выражаютъ моменты предшествующіе, гдѣ цѣль эта то затемнялась, то преграждалась. Отъ этихъ моментовъ увертюра къ *Жизни за Царя* возвращается къ настроенію ликующаго торжества; увертюра же къ *Руслану* и вообще удѣляетъ имъ самое второстепенное мѣсто, будучи почти вся переполнена свѣтлаго, отраднаго настроенія послѣдняго финала. Это преобладаніе *одного* момента и одного настроенія, какое мы замѣчаемъ въ увертюрѣ къ *Руслану*, вмѣсто равноправнаго сопоставленія различныхъ моментовъ и настроеній, какимъ отличается увертюра къ *Жизни за Царя*, и сообщаетъ первой предъ послѣднею преимущество внутренняго единства и органической связи.

Дѣйствующія лица *Руслана и Людмилы* богатыри. Колоссальные размѣры и наивныя чувства, вотъ первые признаки богатырской легенды. Это мы и слышимъ въ увертюрѣ, съ первыхъ ея аккордовъ, мощныхъ и радостныхъ, но простодушно-грубоватыхъ и слѣдующихъ одинъ за другимъ въ томъ параллельномъ движеніи, какое было въ ходу въ древнѣйшій періодъ гармоніи. Это чрезвычайно оригинальное вступленіе увертюры (первые 18 тактовъ) ведетъ насъ къ главной ея мелодіи, молодцоватаго и праздничнаго характера, какъ нельзя лучше идущей къ тому хору пирующихъ Кіевлянъ, который она сопровождаетъ въ послѣдствіи, въ видѣ оркестроваго рисунка (въ финалѣ 5-го дѣйствія, на словахъ „Да процвѣтаетъ“ и т. д.). Послѣ широкаго развитія, болѣе округленнаго нежели то бываетъ обыкновенно въ самомъ началѣ увертюры, мелодія эта прерывается крутымъ и внезапнымъ переходомъ, ведущимъ къ новой мелодіи, къ страстной темѣ пѣсни Руслана о его уповающей и полной вѣры любви, не дающей ему унывать среди трудныхъ и опасныхъ подвиговъ его скитанія. Инструментовка вступленія и первой мелодіи была громкая и пышная, какъ подобало ихъ пиршественному, ликующему характеру; инструментовка второй мелодіи нѣжная и утонченная: подъ легкимъ покровомъ изящнаго скрипичнаго аккомпанимента, рисуется и выступаетъ дивная мелодія, интонируемая страст-

выми віолончелями, тембръ которыхъ на этотъ разъ еще нѣсколько сгущается и смягчается унисономъ альтовъ и фагота (когда же мелодія аріи Руслана въ увертюрѣ появляется во второй разъ, ее играютъ одни віолончели, терціей выше и безъ альтовъ и фагота, причемъ ихъ обнаженный тембръ получаетъ силу, яркость и страстность вдесятеро сильнѣйшія нежели въ первый разъ). Но вскорѣ, разрывая и этотъ легкій покровъ аккомпанимента, поставленнаго въ высшую противъ нея октаву, мелодія появляется на верху; на этотъ разъ опять громко и энергически инструментованная, какъ бы говоря тѣмъ, что любовь Руслана, воспѣваемая ею, уже не робкая мечта, а стала дѣйствительностью. Это тріумфальное появленіе второй темы кратковременно и прерывается модуляціей въ минорный ладъ, послѣ котораго главная масса оркестра умолкаетъ, а немногіе инструменты въ разныхъ концахъ оркестра перекликаются отрывками изъ второй темы. Здѣсь начинается вторая (средняя), или такъ-называемая модуляціонная часть увертюры. Техническая часть ея постройки въ высшей степени ловка и блестяща: она вся состоитъ изъ красивыхъ имитацій, весьма эффектно инструментованныхъ. Но гораздо замѣчательнѣе ея поэтическая сторона. Она проникнута настроеніемъ тревожнымъ и безпокойнымъ. Она подготовляетъ, по духу, она отчасти прямо указываетъ, по музыкальному содержанію, на тѣ остроумныя попытки музыкальнаго выраженія *испуга* и *страха*, съ которыми мы нѣсколько разъ встрѣтимся въ послѣдствіи, въ продолженіе этой партитуры. Фразы появляются и исчезаютъ тотчасъ же, смѣняемыя другими или поглощенныя внезапнымъ и грознымъ взрывомъ цѣлаго оркестра, столь же внезапно умолкающаго. Глинка здѣсь превосходно разрѣшилъ двойную задачу: выразить музыкой разрозненность и безсвязность испуганныхъ мыслей и сохранить строжайшее единство и логичность музыкальнаго склада. Какъ и вездѣ, въ этой увертюрѣ Глинка для выраженія „программы“, этого конька новѣйшей музыки, не жертвовалъ музыкальною цѣлостію, не жертвовалъ ни однимъ условіемъ музыкальной красоты. Средняя часть увертюры къ *Руслану*, при всемъ мастерствѣ, съ которымъ она передаетъ безпорядокъ мыслей и смутность чувства, блеститъ, какъ и все что̀ писалъ Глинка, мудрымъ порядкомъ постройки и ясностью изложенія. Грозный и мрачный аккордъ, выдерживаемый двумя тром-

бонами и четырьмя волторнами въ продолженіи четырехъ тактовъ, при тремоло литавръ и общемъ crescendo, снова возвращаетъ насъ къ темѣ заключительнаго хора, другими словами, ведетъ къ третьей части увертюры, которая, какъ принято, составляетъ повтореніе ея первой части. Но и тутъ Глинка сумѣлъ отступить отъ рутины, видоизмѣняя ее по требованію своего, всегда оригинальнаго генія, но не нарушая эстетическихъ требованій единства и ясности. Въ первой части, первая тема была въ тонѣ ре-мажоръ, вторая въ фа-мажоръ; во второй части, первая тема опять въ ре-мажоръ. До сихъ поръ все какъ всегда и вездѣ принято. Но повтореніе второй темы, по правиламъ, подтверждаемымъ всеобщимъ обычаемъ болѣе чѣмъ столѣтія должно бы быть также въ тонѣ ре-мажоръ. Форма увертюры въ первой своей части *противопоставляетъ* одну другой двѣ темы, находящіяся въ различныхъ тональностяхъ, а въ третьей части, напротивъ того, *сливаетъ* ихъ въ одной и той же тональности. Въ разбираемой же нами увертюрѣ, вторая тема, въ первой части появившаяся въ фа-мажоръ (въ тонѣ малой терціи отъ главнаго тона), въ третьей части является въ ла-мажоръ (въ тонѣ доминанты отъ главнаго тона) и такимъ образомъ не *замыкаетъ* всего тематическаго развитія, а открываетъ ему новую, теряющуюся вдали перспективу. Разумѣется, послѣ такого рѣзкаго и единственнаго въ своемъ родѣ отступленія отъ общепринятой формы увертюры (правило, нарушенное здѣсь Глинкой, соблюдается во всѣхъ сонатныхъ формахъ и въ нѣкоторыхъ видахъ рондо; его слѣды можно даже отыскать въ формѣ фуги), послѣ такого потрясенія тональнаго единства предъ самымъ концомъ, потребовалось широкое энергическое заключеніе, возстановляющее вѣсъ и силу поколебленной тоники. Иначе вся увертюра представилась бы отрывкомъ и должна была бы, какъ прелюдія, непосредственно перейдти въ первое дѣйствіе, между тѣмъ какъ она, напротивъ того, составляетъ отдѣльное цѣлое. И дѣйствительно, Глинка, сейчасъ же послѣ второй темы, возвратившись въ главный тонъ ре-мажоръ, кончаетъ эту увертюру пространнымъ, богатымъ заключеніемъ, въ которомъ, по обыкновенію, развертываетъ всѣ сокровища своей неистощимой гармоніи. Единство формы спасено, и стройное зданіе увертюры прекрасно завер-

нено: тѣмъ не менѣе, въ его построеніи видна рѣзкая оригинальность, единственный въ своемъ родѣ случай повторенія второй темы не на тоникѣ. По моему мнѣнію, въ этомъ фактѣ нельзя не видѣть новаго свидѣтельства приверженности Глинки къ церковнымъ ладамъ. Окончаніе цѣлой пѣсни на доминантѣ, или даже пассажъ въ такое окончаніе, есть прямое слѣдствіе вліянія миксолидійскаго лада—лада, играющаго не послѣднюю роль въ русской народной пѣснѣ, а также и въ сочиненіяхъ наиболѣе народнаго изъ нашихъ композиторовъ.

Духъ бодрости и отваги, духъ радости и торжества, проникающій собой всю эту чудную увертюру, дѣлаетъ ее достойнымъ и глубокимъ выраженіемъ одной изъ основныхъ чертъ нашей народности—выраженіемъ того смѣлаго удальства, поэтическому возвеличенію котораго такъ часто бываютъ посвящены наши народныя преданія и сказки. Увертюра къ *Руслану* непосредственно навѣяна этою поэзіей героизма; въ ея наивно мощныхъ, свѣтло-богатырскихъ звукахъ такъ и слышится русская сказка съ ея простодушными, побѣдоносными витязями, идеалами народной фантазіи.

Занавѣсъ поднимается. Мы видимъ картину свадебнаго пира, съ котораго начинается Пушкинская сказка. Прекрасная княжна Людмила, дочь кіевскаго великаго князя Свѣтозара, выходитъ замужъ за русскаго витязя, Руслана; за свадебнымъ ужиномъ сидятъ между прочимъ и два отверженные княжной соперника Руслана, хозарскій князь Ратмиръ, еще совершенный юноша, и варяжскій князь Фарлафъ, съ которымъ мы короче познакомимся въ слѣдующемъ дѣйствіи. Толпы царедворцевъ и воиновъ окружаютъ великокняжескую семью съ ея гостями: на первомъ планѣ, отдѣльно отъ всѣхъ, мы узнаемъ Баяна, княжескаго гусляра и пѣсенника, собирающагося воспѣть „дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой“. Тихіе и благоговѣйные аккорды, которые поются хоромъ мужскихъ голосовъ (женщины присоединяются лишь гораздо позже) и сопровождаются торжественно-таинственнымъ тембромъ одного кларнета и двухъ фаготовъ на низкихъ тонахъ, соединенныхъ съ валторнами, выражаютъ то религіозное преклоненіе предъ высокими предметами Бановыхъ пѣсень, которымъ полонъ древне-эпическій народъ. И дѣйствительно, Баянъ, въ сопровожденіи

мощныхъ и величавыхъ аккордовъ, начинаетъ воспѣвать „славу Русскія земли, какъ наши дѣды удалые на Царь-градъ войною шли“. Какъ умильное колѣнопреклоненіе дѣйствуютъ краткіе и тихіе звуки, которыми отвѣчаетъ хоръ на эти слова Баяна (слова хора: „Да свидетъ миръ на ихъ могилы!“); но свадебное пиршество требуетъ иныхъ пѣсенъ; отдавъ дань святынѣ народныхъ, воинственныхъ воспоминаній, хоръ шумно и весело требуетъ отъ „сладостнаго пѣвца“, чтобъ онъ воспѣлъ „Руслана и красы Людмилы, и Лелемъ свитый имъ вѣнецъ“. Обратимъ мимоходомъ вниманіе на прекрасную форму, прямо схваченную съ природы, которую Глинка далъ здѣсь рѣчамъ хора. Когда большая толпа людей произноситъ одну и ту же фразу, слова отдѣльныхъ говорящихъ не могутъ вполнѣ совпасть по времени; нѣкоторые говорятъ раньше, другіе опаздываютъ. Такимъ образомъ, мы обыкновенно слышимъ *послѣднее* слово фразы нѣсколько разъ. Глинка выразилъ это въ музыкѣ разбираемаго нумера такъ: онъ построилъ имитацію въ унисонъ т.-е. заставилъ одну половину хора пѣть буквально то же, что̀ и другую, но полтактомъ позже. Такимъ образомъ стихи: „Послушаемъ его рѣчей“, „Завидевъ даръ пѣвца высокій“, „Воспой намъ, сладостный пѣвецъ“, и „Руслана и красы Людмилы“ произносятся неодновременно: слышенъ какъ бы говоръ обширной толпы, и послѣднее слово каждаго стиха ясно и отчетливо долетаетъ до слушателя *дважды*, какъ бы это случилось въ дѣйствительности. Я не считаю указанія на эти тонкости реализма излишнимъ, какъ не считаю и самыя тонкости мелочными: оперный композиторъ не въ правѣ пренебречь ни одною чертой, которая способна сдѣлать его музыку живѣе, естественнѣе и живописнѣе, и мелкія детали, тщательно и съ любовію обработанныя, въ своей совокупности составляютъ большую картину, гдѣ ни одна подробность не оставляетъ ничего желать. Но возвратимся къ Баяну. Вдохновленный вызовомъ слушателей, жаждущихъ его пѣсенъ, онъ произноситъ мѣрный и величавый речитативъ, какъ бы пророчество судьбы *Руслана и Людмилы*: „За благомъ вслѣдъ идутъ печали, печаль же радостей залогъ. Природу вмѣстѣ созидали Бѣлбогъ и мрачный Чернобогъ.“ Этотъ первый во всей оперѣ речитативъ уже даетъ чувствовать всю бездну, раздѣляющую речитативъ, который мы услышимъ въ этой оперѣ, отъ речитатива

обыкновеннаго, рутиннаго, которымъ полны оперы не только посредственныхъ, но даже классическихъ композиторовъ, и предшествовавшихъ Глинкѣ, и явившихся послѣ него. Торная дорога оставлена рѣшительно и безвозвратно. Избитыя фразы, до невѣроятности похожія одна на другую и безразлично писавшіяся на самые различные тексты, исчезли и замѣнились оригинальными мелодическими оборотами, всегда приближающимися къ *arioso*, къ кантиленѣ, въ противоположность царащему въ обыкновенныхъ речитативахъ *говорку* (отчего они въ техническомъ языкѣ получили прозваніе *сухихъ* речитативовъ, recitative secchi, какъ будто слово *сухой* не есть упрекъ, а простая классификація явленія, равноправнаго съ другими). Речитативъ, слова котораго я сейчасъ выписалъ, еще выигрываетъ въ древнемъ и національномъ колоритѣ отъ того, что построенъ на фригійской гаммѣ. За нимъ слѣдуетъ пророческая пѣсня Баяна, содержащая въ себѣ какъ бы прологъ всей оперы:

„Одѣнется съ зарею
„Роскошною красою
„Цвѣтокъ любви весны,
„И вдругъ порывомъ бури
„Подъ самый сводъ лазури
„Листки разнесены.

„Женихъ воспламененный
„Въ пріютъ уединенный
„На зовъ любви спѣшитъ,
„А рокъ ему на встрѣчу
„Готовитъ злую сѣчу
„И гибелью грозитъ.

„Великъ Перунъ могучій,
„Исчезнутъ въ небѣ тучи
„И солнце вновь взойдетъ
„И радости примѣта,
„Дитя дождя и свѣта,
„Вновь радуга взойдетъ."

Мелодія этой пѣсни (какъ и все пѣтое Баяномъ) сопровождается арфой и фортепіано, соединенный звукъ которыхъ подражаетъ звуку гуслей. Къ нимъ вскорѣ присоединяются альты, раздѣленные на три самостоятельныя партіи, и віолончели; наконецъ контрабасы. Надъ этимъ легкимъ и нѣжнымъ аккомпаниментомъ, которому дѣленіе

альтовъ и отдѣленіе віолончелей отъ контрабаса сообщаетъ, однакоже, томный колоритъ, свободно паритъ великолѣпная мелодія Баяновой пѣсни, спокойная и величавая грусть которой, объективно возносящаяся подъ страстными треволненіями минуты, живо напоминаетъ намъ тонъ и настроеніе наилучшихъ лирическихъ стихотвореній великаго поэта, съ которымъ Глинка имѣлъ такъ много общаго—Пушкина. Каждая изъ двухъ первыхъ строфъ этой пѣсни оканчивается фригійскою каденціей, мелодическая фраза которой тождественна съ окончаніемъ предыдущаго речитатива (то-есть мелодія на слова пѣсни: *Листки разнесены* и *И гибелью грозитъ*, за исключеніемъ первой ноты, тождественна съ мелодіей на слова речитатива: *И мрачный Чернобогъ*). Вотъ новое доказательство той тѣсной связи, которая существуетъ у Глинки между речитативомъ и аріей, связи, никогда не дающей речитативу утрачивать мелодическую сочность и прелесть. Вторая строфа Баяновой пѣсни прерывается замѣчаніями *a parte* Фарлафа и Ратмира, которые въ словахъ Баяна увидали радостное пророчество, каждый для себя, замѣчаніемъ Свѣтозара Баяну: „Ужели въ памяти твоей нѣтъ брачныхъ пѣсенъ веселѣе?“ и страстными увѣреніями Руслана и Людмилы во взаимной любви и вѣрности, при чемъ Людмила, однакоже, чувствуетъ грозящую близость какого-то тайнаго, могучаго врага. Всѣ эти столь различныя фразы сливаются въ одно полифонное цѣлое, при всей своей сложности, какъ нельзя болѣе свободное и текучее, аккомпанируемое въ оркестрѣ (такъ объяснялъ самъ Глинка оркестровку этого мѣста) звукоподражаніемъ шуму ножей, вилокъ и тарелокъ на ужинѣ. Опять реализмъ, и чрезвычайно удачный. Между тѣмъ какъ главныя дѣйствующія лица волнуются различнѣйшими страстями, надеждами и опасеніями, веселый ужинъ идетъ своимъ чередомъ, смѣняются блюда и суетится прислуга. Но снова раздается пѣснь Баяна, на этотъ разъ аккомпанируемая выдержанными аккордами во віолончеляхъ и (опять раздѣленныхъ на три) альтахъ. Альты употреблены здѣсь въ самомъ высокомъ регистрѣ, такъ что звукъ ихъ (сопровождающій слова: *Великъ Перунъ могучій* и т. д.) является какъ бы сіяніемъ, окружающимъ священную фигуру; эффектъ, еще усиливающійся отъ присоединенія къ нимъ двухъ флейтъ и одного кларнета. На третьемъ стихѣ третьей строфы Баяна опять

прерываютъ Русланъ и Людмила, говоря другъ другу тѣ же слова и на ту же музыку: какъ любовники, они могутъ лишь безконечно повторять въ своихъ рѣчахъ одно и то же; полнота настроенія и его страстность исключаютъ здѣсь разнообразіе формъ. Послѣ этого вторичнаго перерыва Баянъ поетъ послѣдніе три стиха своей пѣсни, стихи раскрывающіе ея истинное значеніе—какъ пророчества успокоительнаго и отраднаго для новой четы. Но слова безсильны передать музыкальныя красоты этой послѣдней фразы: „И радости примѣта, дитя дождя и свѣта, вновь радуга взойдетъ". Слова безсильны описать это томленіе счастья, это сладкомучительное волненіе, эту страстную и обаятельную грацію, господствующія въ этихъ немногихъ, но многознаменательныхъ тактахъ.

Бездна, которая раздѣляетъ утонченную натуру поэта и пророка Баяна отъ грубой среды, безсознательно ему поклоняющейся, но неспособной вполнѣ постигнуть его — превосходно выражена въ томъ, что хоръ, вступающій теперь на послѣднемъ слогѣ Баяновой пѣсни (слова: „Миръ и блаженство" и т. д.) начинаетъ въ совершенно другомъ тонѣ (си-бемоль) нежели тонъ окончанія Баяновой пѣсни (ре). Мы сразу переносимся въ другой міръ, міръ простодушныхъ богатырей, которымъ, говоря словами либретто, „непонятенъ тайный смыслъ рѣчей" и чужды всѣ утонченія лиризма. Фраза, съ которою вступаетъ хоръ, великолѣпна. Хоръ въ полномъ составѣ—въ немъ впервые участвуютъ и женщины. Оркестръ подкрѣпленъ мощнымъ хоромъ военныхъ инструментовъ, тоже впервые являющимся. Сила звучности громадная, и контрастъ ея съ нѣжною и утонченною инструментовкой предыдущей пѣсни Баяна—одинъ изъ грандіознѣйшихъ эффектовъ, которыхъ когда-либо достигала инструментовка. Но этотъ первый взрывъ оркестровыхъ и хоровыхъ силъ непродолжителенъ: его смѣняетъ великолѣпный ансамбль, начинаемый вакхическою фразой Ратмира:

„Лейте полнѣе кубокъ златой!
Всѣмъ намъ написанъ часъ роковой",

фраза, на подробномъ развитіи которой основана вся слѣдующая за нею часть интродукціи. Послѣ репликъ Фарлафа и Свѣтозара снова впадаетъ хоръ съ громадною массой двухъ оркестровъ, на этотъ разъ прерываемый второю

пѣсней Баяна, на представленіяхъ всегда пропускаемою. Пѣсня эта заключаетъ въ себѣ пророчество о томъ, что на дальнемъ, пустынномъ сѣверѣ, чрезъ много столѣтій, появится молодой пѣвецъ, который воспоетъ Людмилу съ ея витяземъ и сохранитъ ихъ отъ забвенія. Насколько пророчество о судьбахъ дѣйствующихъ лицъ оперы было умѣстно, поэтично и увлекательно въ устахъ Баяна, настолько его пророчество о будущихъ судьбахъ русской литературы странно, натянуто и насильственно. Съ дѣйствіемъ оперы оно, разумѣется, не являетъ ни малѣйшей связи; не только тогда, когда оно изрекается, но и въ послѣдствіи, при развязкѣ оперы, оно никѣмъ изъ дѣйствующихъ лицъ понято быть не можетъ; даже охотно и съ вѣрой становясь на сказочную почву, неизбѣжно чувствуешь всю неправдоподобность и неестественность такого пророчества. Къ сожалѣнію, музыка этого нумера не выкупаетъ самостоятельными красотами неэстетичность и неразумность текста. Планъ модуляціи чрезвычайно оригинальный; церковный ладъ (эолійскій) далъ поводъ къ совершенно новой и смѣлой постройкѣ; но внутри этихъ широкихъ и искусно очерченныхъ рамокъ вы не найдете ни мелодической теплоты, ни гармоническаго интереса. Опущеніе этого нумера (совсѣмъ не требующее слѣдующихъ далѣе сокращеній, также всегда дѣлаемыхъ на сценѣ въ Петербургѣ и Москвѣ), такимъ образомъ, мнѣ кажется оправданнымъ: въ поэтическомъ отношеніи тутъ уничтожается тяжкій и безтактный промахъ, въ музыкальномъ же—жертвуется нумеромъ, правда, весьма остроумно и интересно скомпанованнымъ, но холоднымъ и совершенно лишеннымъ той непосредственности, которою обыкновенно такъ богата каждая строка Глинкинской музыки.

Высшія красоты этой интродукціи еще впереди. Громадный хоръ, слѣдующій за второю пѣснью Баяна, громадный по мысли, громадный по ея развитію, громадный по силѣ звучности, составляетъ одну изъ высшихъ точекъ Глинкинскаго творчества. Въ цѣлой литературѣ нашего искусства трудно найдти второй примѣръ такого соединенія исполинской мощи съ обаятельною граціей. Послѣдняя сторона особенно прелестно выступаетъ во фразѣ: „Радость Людмила, кто красотой равенъ съ тобой“; первая во всемъ блескѣ высказывается въ великолѣпномъ

заключеніи: „Да здравствуетъ чета младая, краса Людмила и Русланъ! Храни ихъ, благость неземная, на радость вѣрныхъ Кіевлянъ.“ Ослѣпительное богатство гармоніи, блистающая роскошь колорита, широта концепціи, полнота развитія, дѣлаютъ это изумительное произведеніе однимъ изъ совершеннѣйшихъ образцовъ музыкальной композиціи.

Интродукція великолѣпно сдержала то, что обѣщала увертюра. Древній, эпическій тонъ, разъ найденный въ увертюрѣ, выдержанъ и здѣсь, при всемъ богатомъ разнообразіи частностей, со строгою, неизмѣнною послѣдовательностью. Каждая изъ мелодій, при всей ихъ роскошной обдѣлкѣ, сама по себѣ проста, наивна и сильна; каждая строка дышетъ тою цѣльностью и здоровьемъ жизни, которымъ чужды страданія новѣйшей рефлексіи; богатая музыка XIX столѣтія, на зенитѣ гармоническаго и оркестроваго развитія, оказалась средствомъ для удачнѣйшаго воспроизведенія бѣдной и грубой жизни богатырскихъ временъ.

Умолкаетъ громъ оркестровыхъ массъ; выступаетъ Людмила и впервые сказывается ея личность. До сихъ поръ мы слышали ее только въ небольшой, хотя полной поэзіи и прелести фразѣ: „Русланъ, вѣрна твоя Людмила, но тайный врагъ меня страшитъ“. Теперь она поетъ большую арію, форма которой, нѣсколько рутинная и знакомая, съ избыткомъ выкупается прелестью мелодій и чисто Глинкинскою утонченностью подробностей. Но особенно замѣчательна въ этомъ нумерѣ небольшая вставка, хоръ нянекъ и слугъ: „Не тужи, дитя родимое, будто всѣ земныя радости— беззаботно пѣснью тѣшатся за косящатымъ окошечкомъ“, хоръ, въ которомъ, въ предѣлахъ немногихъ тактовъ, русская грусть и русская грація выразились съ такою полнотой, вылились въ такія оригинальныя, самобытныя музыкальныя формы, что дѣлаютъ этотъ ничтожный по своему объему хорикъ опять-таки произведеніемъ исключительнымъ и единственнымъ въ своемъ родѣ.

Наступаетъ сцена прощанія молодыхъ со старикомъ-отцомъ и всѣми присутствующими, сцена, начинающаяся превосходнымъ речитативомъ стараго князя: „Чада родимыя! Небо устроитъ вамъ радость! Сердце родителя вѣрный вѣщунъ“,—речитативомъ, въ которомъ такъ и звучатъ старческая кротость и нѣжная отеческая любовь. Хоръ отвѣчаетъ

необычайно величественною, крутою и суровою фразой: „Скрой отъ ненастья, отъ чары опасной ихъ младость, сильный, державный, великій Перунъ!“ За симъ слѣдуетъ большой ансамбль, гдѣ на первомъ планѣ — личность Ратмира, до сихъ поръ ничѣмъ почти не заявившаяся. Ратмиръ, обманутый въ своей надеждѣ получить руку Людмилы, вновь вспоминаетъ „брегъ далекій, брегъ желанный, гдѣ все нѣга и краса“, свою Хозарію, гдѣ онъ не зналъ напрасныхъ вздоховъ и неисполненныхъ желаній, и въ сторону выражаетъ свое страстное желаніе скорѣе вернуться „къ милымъ дѣвамъ, къ тихой лѣни, къ прежней нѣгѣ и пирамъ“. Пѣніе его проникнуто характеромъ усталости и жажды успокоенія, вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ слышится восточная нѣга и чувственность—качества преобладающія въ характерѣ Ратмира и имѣющія еще развернуться въ третьемъ дѣйствіи. Одновременно съ этимъ *a parte* Ратмира идутъ клятвы въ вѣрности молодыхъ и другое *a parte* Фарлафа, выражающаго намѣреніе не отдавать княжны Руслану безъ бою, и даже собирающагося ее похитить, „въ темномъ лѣсѣ притаясь“. Молодые прощаются и удаляются на фонъ сцены, между тѣмъ какъ хоръ поетъ языческую свадебную пѣснь, слова которой я привожу здѣсь вполнѣ:

(Полнымъ хоромъ:)

Лель таинственный, упоительный,
Ты восторги льешь въ сердце намъ.
Славимъ власть твою и могущество,
Неизбѣжныя на землѣ.
Ой Дидо, Ладо, Лель!

(Однѣ женщины:)

Ты печальный міръ превращаешь намъ
Въ небо радостей и утѣхъ;
Въ ночь глубокую, чрезъ бѣды и страхъ,
Къ ложу роскоши насъ ведешь;
И волнуешь грудь сладострастіемъ,
И улыбку льешь на уста.

(Всѣмъ хоромъ:)

Ой Дидо, Ладо, Лель!
Но чудесный Лель, ты богъ ревности,

заключеніи: „Да здравствуетъ чета младая, краса Людмила и Русланъ! Храни ихъ, благость незенная, на радость вѣрныхъ Кіевлянъ.“ Ослѣпительное богатство гармоніи, блистающая роскошь колорита, широта концепціи, полнота развитія, дѣлаютъ это изумительное произведеніе однимъ изъ совершеннѣйшихъ образцовъ музыкальной композиціи.

Интродукція великолѣпно сдержала то, что обѣщала увертюра. Древній, эпическій тонъ, разъ найденный въ увертюрѣ, выдержанъ и здѣсь, при всемъ богатомъ разнообразіи частностей, со строгою, неизмѣнною послѣдовательностью. Каждая изъ мелодій, при всей ихъ роскошной обдѣлкѣ, сама по себѣ проста, наивна и сильна; каждая строка дышетъ тою цѣльностью и здоровьемъ жизни, которымъ чужды страданія новѣйшей рефлексіи; богатая музыка XIX столѣтія, на зенитѣ гармоническаго и оркестроваго развитія, оказалась средствомъ для удачнѣйшаго воспроизведенія бѣдной и грубой жизни богатырскихъ временъ.

Умолкаетъ громъ оркестровыхъ массъ; выступаетъ Людмила и впервые сказывается ея личность. До сихъ поръ мы слышали ее только въ небольшой, хотя полной поэзіи и прелести фразѣ: „Русланъ, вѣрна твоя Людмила, но тайный врагъ меня страшитъ“. Теперь она поетъ большую арію, форма которой, нѣсколько рутинная и знакомая, съ избыткомъ выкупается прелестью мелодій и чисто Глинкинскою утонченностью подробностей. Но особенно замѣчательна въ этомъ нумерѣ небольшая вставка, хоръ нянекъ и слугъ: „Не тужи, дитя родимое, будто всѣ земныя радости—беззаботно пѣснью тѣшатся за косящатымъ окошечкомъ“, хоръ, въ которомъ, въ предѣлахъ немногихъ тактовъ, русская грусть и русская грація выразились съ такою полнотой, вылились въ такія оригинальныя, самобытныя музыкальныя формы, что дѣлаютъ этотъ ничтожный по своему объему хорикъ опять-таки произведеніемъ исключительнымъ и единственнымъ въ своемъ родѣ.

Наступаетъ сцена прощанія молодыхъ со старикомъ-отцомъ и всѣми присутствующими, сцена, начинающаяся превосходнымъ речитативомъ стараго князя: „Чада родимыя! Небо устроитъ вамъ радость! Сердце родителя вѣрный вѣщунъ“,—речитативомъ, въ которомъ такъ и звучатъ старческая кротость и нѣжная отеческая любовь. Хоръ отвѣчаетъ

необычайно величественною, крутою и суровою фразой: „Скрой отъ ненастья, отъ чары опасной ихъ младость, сильный, державный, великій Перунъ!“ За симъ слѣдуетъ большой ансамбль, гдѣ на первомъ планѣ — личность Ратмира, до сихъ поръ ничѣмъ почти не заявившаяся. Ратмиръ, обманутый въ своей надеждѣ получить руку Людмилы, вновь вспоминаетъ „брегъ далекій, брегъ желанный, гдѣ все нѣга и краса“, свою Хозарію, гдѣ онъ не зналъ напрасныхъ вздоховъ и неисполненныхъ желаній, и въ сторону выражаетъ свое страстное желаніе скорѣе вернуться „къ милымъ дѣвамъ, къ тихой лѣни, къ прежней нѣгѣ и пирамъ“. Пѣніе его проникнуто характеромъ усталости и жажды успокоенія, вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ слышится восточная нѣга и чувственность—качества преобладающія въ характерѣ Ратмира и имѣющія еще развернуться въ третьемъ дѣйствіи. Одновременно съ этимъ *a parte* Ратмира идутъ клятвы въ вѣрности молодыхъ и другое *a parte* Фарлафа, выражающаго намѣреніе не отдавать княжны Руслану безъ бою, и даже собирающагося ее похитить, „въ темномъ лѣсѣ притаясь“. Молодые прощаются и удаляются на фонъ сцены, между тѣмъ какъ хоръ поетъ языческую свадебную пѣснь, слова которой я привожу здѣсь вполнѣ:

(Полнымъ хоромъ:)

Лель таинственный, упоительный,
Ты восторги льешь въ сердце намъ.
Славимъ власть твою и могущество,
Неизбѣжныя на землѣ.
Ой Дидо, Ладо, Лель!

(Однѣ женщины:)

Ты печальный міръ превращаешь намъ
Въ небо радостей и утѣхъ;
Въ ночь глубокую, чрезъ бѣды и страхъ,
Къ ложу роскоши насъ ведешь;
И волнуешь грудь сладострастіемъ,
И улыбку льешь на уста.

(Всѣмъ хоромъ:)

Ой Дидо, Ладо, Лель!
Но чудесный Лель, ты богъ ревности.

Ты вливаешь въ насъ кипенья жаръ,
И преступника ты на ложѣ нѣгъ
Предаешь врагу безъ меча:
Такъ равняешь ты скорбь и радости,
Чтобы неба намъ не забыть.
Ой Дидо, Ладо, Лель!
Все великое, все преступное
Смертный вѣдаетъ чрезъ тебя...

Въ этихъ стихахъ (на сколько удачно — здѣсь разбирать не мѣсто) высказана та господствующая мысль, что любовь есть несокрушимая и неотразимая сила, властвующая надъ людьми и руководствующая ихъ дѣйствіями. Любовь здѣсь воспѣвается какъ грозное, могущественное божество, лишь второстепенное значеніе (въ строфѣ женскаго хора) дается ея граціозной и отрадной сторонѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, слова эти поняты великимъ музыкантомъ, положившимъ ихъ на мотивъ дикій, угловатый и варварски-грандіозный. Тѣ медоточивыя изліянія, къ которымъ обыкновенно приступаютъ музыканты, какъ только завидятъ въ текстѣ слово „любовь“ или одинъ изъ его суррогатовъ, замѣнены здѣсь грозною и величавою мелодіей, на первый взглядъ не имѣющею ничего общаго съ воспѣваемымъ предметомъ. Но въ этомъ оригинальномъ пониманіи текста и высказалась вся глубина Глинкинской мысли, вся его поразительная способность къ психическому анализу и воспроизведенію музыкой нашей душевной жизни. Любовь — рычагъ житейскихъ трагедій, частая причина преступленій; любовь—деспотическая власть, гнетущая человѣческую волю и разумъ. Какой-то дикій и суевѣрный страхъ передъ „Лелемъ таинственнымъ“ дышетъ въ этомъ порывистомъ и безпокойномъ мотивѣ, который поется всѣмъ хоромъ въ унисонъ, подкрѣпляемымъ также унисономъ всѣхъ струнныхъ инструментовъ. Но этотъ счастливый мотивъ чрезвычайно-многостороненъ. Во второй строфѣ, гдѣ понадобилось воспѣть радости и наслажденія любви, Глинка опять беретъ тотъ же мотивъ, но поручаетъ его одному женскому хору; сопрано и альты поютъ его въ секстахъ, аккомпанируемыхъ сладкимъ звукомъ кларнетовъ и роскошною трелью скрипокъ и альтовъ. Въ мотивѣ „Лель таинственный“, несмотря на его жестко-грандіозный характеръ, есть какая-то чарующая грація. Этотъ качающійся ритмъ 5/4 имѣетъ что-то убаюки-

вающее, зовущее къ нѣгѣ: качества, въ первой строфѣ скрытыя энергическою инструментовкой, но теперь неожиданно выступающія. Мягкая, хроматическая гармонизація второй половины этой строфы еще увеличиваетъ ея впечатлѣніе, посредствомъ контраста съ грубымъ, дикимъ унисономъ первой строфы. Если первая строфа хора дала намъ общій обликъ всесильнаго бога любви, если вторая на мгновеніе увлекла насъ въ область граціозно-сладострастныхъ представленій, въ третьей строфѣ („Но чудесный Лель, ты богъ ревности") предъ нами во всемъ своемъ величіи возстаетъ трагическая сторона любви. Мотивъ хора (снова унисонъ всѣхъ голосовъ) круто и безъ переката является въ совершенно новомъ и далекомъ тонѣ (ре-мажоръ послѣ фа-діезъ мажоръ), что̀ дѣйствуетъ на слухъ такъ же какъ внезапная перемѣна декорацій на глазъ. Пѣніе хора на этотъ разъ сопровождается грозными акцентами тромбоновъ (также всѣхъ трехъ въ унисонъ) и рѣзкимъ, зловѣщимъ свистомъ скрипокъ: мрачная инструментовка совершенно преобразила мотивъ, а между тѣмъ онъ остался строго соблюденнымъ. То необычайное искусство во владѣніи варіацiей, которое Глинка повсюду обнаруживаетъ въ *Русланѣ*, ни разу не послужило ему для внѣшняго, анти-эстетическаго щегольства техникой: вездѣ, напротивъ того, мы видимъ, что при строгомъ соблюденіи взятой темы, сообщающемъ музыкѣ стройность и единство, рядъ превращеній этой темы вдохновленъ глубокимъ и тончайшимъ пониманіемъ смысла словъ, и что всѣ богатства контрапункта, гармоніи и инструментовки, щедро расточенныя въ этихъ варіаціяхъ, не болѣе какъ средства для наисовершеннѣйшаго выраженія поэтической мысли.

Свадебный хоръ прерывается внезапнымъ ударомъ грома, сцена повергается въ мракъ; Людмилу похищаетъ злое чудовище, карло Черноморъ, всѣ присутствующіе повержены въ безмолвное оцѣпенѣніе. Полетъ страшнаго и безобразнаго Черномора, схватившаго Людмилу и унесшагося съ ней, чрезвычайно удачно и остроумно живописуется комбинаціей двухъ скрипокъ и деревянныхъ инструментовъ; здѣсь впервые является знаменитая гамма цѣлыми тонами, характеризующая уродливую, но страшную фигуру Черномора,—гамма, возвращающаяся въ четвертомъ дѣйствіи. Состояніе внезапно овладѣвшаго всѣми нѣмаго и неподвижнаго ужаса

прекрасно выражено въ робкой и коротенькой, словно замирающейся фразѣ флейты, переходящей въ кларнетъ, потомъ въ фаготъ: словно звонъ въ ушахъ послѣ страшнаго громоваго удара, въ волторнахъ долго и глухо тянется октава ми-бемоль-ми-бемоль. На этой октавѣ безсмѣнно интонируются въ разныхъ частяхъ оркестра, одинъ послѣ другаго, самые чуждые одинъ другому аккорды: всѣ присутствующіе растерялись и обезумѣли отъ страха. Молчаніе этой многочисленной толпы людей, наконецъ, прерывается Русланомъ, восклицающимъ: „Какое чудное мгновенье! Что значитъ этотъ дивный сонъ и это чувствъ оцѣпенѣнье, и мракъ таинственный кругомъ?“ Сознаніе грозной бѣды ни въ немъ, ни въ комъ изъ остальныхъ не пробудилось еще; слова, произносимыя Русланомъ, не болѣе какъ безсмысленный лепетъ ужаса предъ сверхъестественною, непонятною силой. Ужасъ этотъ для всѣхъ одинаковъ; не горе объ утратѣ невѣсты, дочери, возлюбленной, нѣтъ, покамѣстъ одно только „чувствъ оцѣпенѣнье“ при видѣ непонятнаго и страшнаго чуда, предъ всѣми совершившагося, овладѣло всѣми присутствующими. Для рельефнаго выраженія этого момента, Глинка выбралъ особенную музыкальную форму, очень рѣдко встрѣчающуюся въ оперной музыкѣ, именно канонъ. Канонъ есть піеса, въ которой мелодія, предложенная первымъ (по времени вступленія) голосомъ, подхватывается и буквально повторяется другимъ, въ то время какъ первый голосъ поетъ уже дальше; затѣмъ ту же мелодію столь же буквально интонируетъ третій голосъ и т. д. Каждый голосъ сначала до конца поетъ совершенно одно и то же, но вступаютъ голоса отдѣльно, одинъ послѣ другаго; буквально исполненіе этого требованія тождества всѣхъ голосовъ ограничивается тѣмъ, что обыкновенно канонъ гдѣ-нибудь прерывается во всѣхъ голосахъ одновременно, такъ что чѣмъ позже голосъ вступилъ, тѣмъ менѣе онъ пропѣлъ изъ общей мелодіи. Понятно, что канонъ форма не живая, органическая, а мертвая, механическая, что вообще неподвижность его противна всѣмъ потребностямъ драматической музыки, почему онъ въ ней и неупотребителенъ. Но въ разбираемомъ здѣсь моментѣ нужно было выразить именно *омертвѣніе* всѣхъ присутствующихъ; нужно было звуками передать именно общность и безразличіе того ужаса, который равно охватилъ и дряхлаго Свѣтозара, и юнаго Ратмира, и трусливаго Фарлафа, и мужественнаго

Руслана. Никакая форма не могла отвѣчать на эту потребность такъ совершенно, какъ форма канона, уничтожающая всякую индивидуальную жизнь въ голосѣ и подчиняющая пѣніе мертвой схемѣ. Но выборъ формы здѣсь еще далеко не все. Безукоризненная декламація текста, богатѣйшая контрапунктическая ткань голосовъ, мрачный характеръ гармонизаціи, удивительная инструментовка, въ которой низкія ноты альтовъ и педаль *pianissimo* валторнъ сообщаютъ цѣлому колоритъ ночной, таинственный, а двойные удары литавръ уподобляются содраганіямъ ужаса; все это дѣлаетъ разбираемый канонъ по замыслу и исполненію однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ.

Послѣ окончанія канона, хоръ, въ немногихъ, но оригинальныхъ и красиво-сопоставленныхъ аккордахъ (все на той же неподвижной педали *ми-бемоль*) выражаетъ ужасъ, объявшій и его. Но столь же внезапно, какъ былъ погруженъ во мракъ, снова освѣщается княжескій дворецъ; теперь лишь всѣ присутствующіе приходятъ въ себя и замѣчаютъ отсутствіе Людмилы. Старый Свѣтозаръ, въ порывѣ отеческаго отчаянія, умоляетъ каждаго изъ окружающихъ его спасти княжну, обѣщая ея руку тому, кто ее снова приведетъ къ отцу. Тогда, одушевленный надеждой найдти Людмилу и побѣдить своихъ соперниковъ, юный и страстный Ратмиръ обнажаетъ мечъ и восклицаетъ:

„О витязи! скорѣй во чисто поле,
Дорогъ часъ, путь далекъ.
Борзый конь меня помчитъ по волѣ,
Какъ въ степи вѣтерокъ."

Удалая, пылкая, героическая мелодія этого вызова превосходно аккомпанируется скачущимъ ритмомъ струннаго квинтета и двухъ валторнъ. Мелодія эта въ тонѣ ми-бемоль; но быстрая и поразительная модуляція (на возгласахъ хора: „Безъ удилъ полетитъ") приводитъ насъ въ тонъ ми-бекаръ, гдѣ на педали си, на этотъ разъ дрожащей въ *pizzicato* струннаго квинтета, строится дивная имитація въ три голоса (Ратмиръ, Русланъ, Фарлафъ), взятая изъ мотива „О витязи"; смыслъ этой формы здѣсь тотъ, что искатели руки Людмилы не даютъ договорить другъ другу, наперерывъ успокоивая и ободряя ея сокрушеннаго отца. Потому, когда столь же быстрая и внезапная модуляція возвратила насъ

въ прежній тонъ ми-бемоль, пѣніе Ратмира, прежде бывшее соло, подхватывается Фарлафомъ и Русланомъ, которые имитируютъ его мелодическій рисунокъ и повторяютъ его слова. Модуляція въ ми-бекаръ и возвращеніе въ ми-бемоль повторяются съ незначительными измѣненіями, послѣ чего слѣдуетъ заключеніе, пышное и великолѣпное, всею массой хора и оркестра. Громкіе, полнозвучные, заключительные аккорды еще разъ прерываются новымъ piano, и еще разъ строится имитація, на этотъ разъ четырехголосная (Ратмиръ, Русланъ, Фарлафъ, Свѣтозаръ), на тему „О витязи“, имитація, въ которой нельзя обойдти молчаніемъ одну тонкую и остроумную черту. Хвастунъ и трусъ Фарлафъ лишь во второмъ дѣйствіи развертывается предъ нами во всемъ своемъ величіи; первое дѣйствіе рисуетъ намъ его лишь въ намекахъ, разъ въ интродукціи, въ превосходной фразѣ: „Вѣщія пѣсня не для меня; пѣсни не страшны храбрымъ какъ я!“ другой разъ именно въ разбираемомъ мѣстѣ финала. Въ имитаціи голосъ Фарлафа вступаетъ съ темой на той же нотѣ (си-бемоль), слѣдовательно на одинаковой высотѣ съ голосомъ Руслана. Но пѣть о своихъ будущихъ подвигахъ тономъ Руслана ему совсѣмъ не по характеру; ему нужно во чтò бы то ни стало перекричать другихъ, и вотъ онъ, наперекоръ мелодическому содержанію самой темы, забираетъ тономъ выше, заявляя такимъ образомъ громче Руслана и Ратмира о своихъ геройскихъ намѣреніяхъ. Смѣлая и оригинальная каденція заключаетъ собой громадное и стройное зданіе этого вдохновеннаго финала, гдѣ такъ неразрывно слилась глубокая драматическая правда и неисчерпаемое богатство музыкальнаго изобрѣтенія. Первое дѣйствіе, начавшееся такъ эпически - спокойно, такъ легендарно - торжественно, оканчивается полнымъ разгаромъ драматическаго движенія. И въ первомъ, и во второмъ моментѣ оно одинаково совершенно по замыслу и исполненію. Средства музыкальнаго выраженія, употребленныя въ немъ, необычайныя въ оперѣ и отчасти встрѣчающіяся только въ операхъ Глинки, могутъ вооружить противъ него рутину, ту рутину, которая охотно прячется подъ драпировкой прогресса и реформы. Оперный слушатель не привыкъ къ этимъ „ученымъ“ формамъ канона и имитацій; онъ не привыкъ къ этимъ широкимъ постройкамъ варіацій, гдѣ (какъ въ хорѣ „Лель таинственный“), вдохновенная одною основною мыслію,

выше и выше поднимается творческая фантазія композитора; онъ не привыкъ къ такой все исчерпывающей тематизаціи, какъ во второй части интродукціи, построенной цѣликомъ на немногихъ нотахъ мотива „Лейте полнѣе“. Но если можно было a priori высказать сомнѣнія въ умѣстности церковныхъ и инструментальныхъ формъ, приложенныхъ къ оперной музыкѣ, a posteriori можно только преклониться предъ побѣдоносными счастьемъ, сопутствующимъ самымъ дерзкимъ начинаніемъ геніа. И въ церковную, и въ инструментальную музыку изобильно вносились разрозненность формы и произволъ фактуры, чаще всего встрѣчающіяся въ оперѣ: глубоко-обдуманныя, тѣсно сплоченныя, богато-разросшіяся формы не всегда имъ были свойственны, а въ иные періоды исторіи искусства считались педантскимъ стѣсненіемъ, порожденіемъ близорукой школы. Глинка пошелъ путемъ противоположнымъ: въ тотъ музыкальный стиль, область котораго доселѣ болѣе всѣхъ другихъ была открыта дилеттантизму, онъ внесъ строгость тематическаго единства и богатую полифонію. Вникая въ это глубоко задуманное первое дѣйствіе *Руслана*, изучая его неувядаемыя красоты, критикъ находится подъ вліяніемъ двухъ совершенно различныхъ тоновъ, совокупное дѣйствіе которыхъ, единичное и гармоническое въ художественномъ произведеніи, можетъ быть лишь въ отдѣльности изучаемо и заносимо на страницы критики. Онъ можетъ отдаваться *звуку*, онъ можетъ на время поглощаться интересами этихъ звуковыхъ сочетаній, онъ можетъ увлекаться этими чудесами музыкальнаго творчества, которыя здѣсь на каждой страницѣ разсыпаны столь щедрою рукой. Или же критикъ отдается *слову*, онъ изучаетъ это слово въ его музыкальномъ толкованіи Глинкой, онъ находитъ въ немъ все новыя и новыя откровенія музыкальнаго драматизма — и тогда исчезаетъ мысль о музыкальной техникѣ, уступая мѣсто анализу той великой драмы человѣческихъ страстей, которую намъ оставилъ Глинка. До сихъ поръ преобладало восхищеніе музыкальными красотами *Руслана и Людмилы* надъ пониманіемъ ихъ эстетической причинной связи. Такъ и въ первомъ дѣйствіи *Руслана* за прелестію звука, за сверкающею роскошью мелодій и гармоній не замѣчали этихъ столь безукоризненно-изваянныхъ фигуръ маститаго, кротко-величаваго

Свѣтозара, плутовски-невинной Людмилы, пророчески-вдохновеннаго лирика Баяна, чувственнаго, избалованнаго, быстро переходящаго изъ одной крайности въ другую Ратмира; не замѣчали этого богатырскаго хора, каждое слово котораго запечатлѣно первобытною силой; не замѣчали этого дивнаго, постепеннаго перехода въ настроеніи интродукціи отъ благоговѣйной, религіозной сосредоточенности къ вакхическому, изступленному восторгу; не замѣчали этого момента ужаса и оцѣпенѣнія, удачнѣйшаго, быть-можетъ, изъ всѣхъ покушеній музыки на живопись; не замѣчали этого пробужденія отваги и геройства, которымъ дышетъ дивное заключеніе финала.

На участь этой музыки не осталось безъ вліянія то обстоятельство, что въ ней красоты одного порядка, слишкомъ яркія и многочисленныя, застилаютъ собой болѣе глубокія и утонченныя красоты другаго порядка, заставляютъ ихъ забывать, а иногда, въ рукахъ недобросовѣстнаго пристрастія, становятся и оружіемъ для оспариванія этихъ другихъ красотъ. Не менѣе нежели разобранное въ предыдущихъ строкахъ первое дѣйствіе, къ такому заблужденію располагаетъ и антрактъ ко второму дѣйствію, піеса, въ которой оригинальность музыкальной концепціи, на каждомъ шагу встрѣчающіеся сюрпризы гармоніи и оркестровки, плѣняя и увлекая слушателя, могутъ на время заставить его позабыть, что въ основаніи ихъ лежитъ глубокая мысль, для уясненія которой я здѣсь долженъ вкратцѣ изложить содержаніе будущаго дѣйствія. Искатели руки Людмилы отправились изъ Кіева вывѣдать ея участь и, если имъ удастся, воротить ее изъ похищенія. Куда имъ направиться, что̀ предпринять для отысканія княжны — неизвѣстно. Предъ ними разстилается грозная, дѣвственная природа тогдашней Руси, безчисленныя физическія препятствія, дремучіе лѣса, населенные колдунами и вѣдьмами, лѣшими и русалками, словомъ, та полная темныхъ и волшебныхъ силъ природа эпическихъ временъ, суевѣрный страхъ предъ которою такъ легко соединялся съ неустрашимымъ богатырскимъ мужествомъ въ борьбѣ съ людьми. Въ первой же сценѣ втораго дѣйствія Русланъ находитъ волшебника, благопріятствующаго ему, Финна, и узнаетъ отъ него кто похитилъ Людмилу. Похитителемъ оказывается могущественный карло Черноморъ, надъ которымъ, однако,

Финнъ пророчитъ Руслану побѣду, ограничиваясь притомъ совѣтомъ „держать путь на сѣверъ“ и предупреждая Руслана противъ чаръ злой волшебницы Наины. Въ третьей сценѣ этого дѣйствія Русланъ овладѣваетъ чудеснымъ мечомъ, который одинъ способенъ сразить Черномора, и узнаетъ отъ „живой головы“ (головы убитаго великана, сохранившей способность говорить), въ пространномъ фантастическомъ разказѣ, цѣну и значеніе этого меча для него, Руслана. Во второй же сценѣ Фарлафъ встрѣчается съ волшебницей Наиной, враждебною Финну, а потому и Руслану, которая обѣщаетъ доставить Фарлафу обладаніе Людмилой и погубить Руслана. Какъ видитъ читатель, здѣсь царятъ силы сверхъестественныя, противъ которыхъ безсильны человѣческая воля и энергія. Трепетъ предъ непонятною силой волшебства, робкое преклоненіе предъ грозною властью этихъ таинственныхъ существъ, играющихъ человѣческою судьбой — вотъ все, что можетъ чувствовать дикій и суевѣрный варваръ въ борьбѣ съ олицетворяющимися для него такимъ образомъ силами природы. Вотъ идея, музыкальное воплощеніе которой мы находимъ въ антрактѣ втораго дѣйствія. Этотъ антрактъ построенъ на темѣ разказа живой головы („Насъ было двое, братъ мой и я“); въ него также входитъ одинъ гармоническій мотивъ (гобоевъ и фаготовъ) принадлежащій къ сценѣ Фарлафа съ Наиной. Грозно-фантастическій характеръ, причудливые и внезапные перерывы, словно смущенныя остановки предъ новымъ, угрожающимъ страшилищемъ, ярко пластическое выраженіе страха и ужаса, инструментовка то мрачно-угрожающая (выдержанныя ноты трубъ и тромбоновъ), то какъ бы насмѣшливо-шутливая, словно издѣвка этихъ волшебныхъ силъ надъ немощью человѣка — все это дѣлаетъ разбираемый антрактъ однимъ изъ тѣхъ великолѣпныхъ оправданій стремленія къ „програмной“ музыкѣ, которыхъ такъ мало въ нашемъ, неподатливомъ въ эту сторону, искусствѣ.

Поднятый занавѣсъ открываетъ намъ пещеру волшебника-Финна, въ которую входитъ Русланъ. Маститый волшебникъ привѣтствуетъ Руслана речитативомъ, гдѣ (впервые съ начала оперы), равно какъ и въ слѣдующей балладѣ Финна, сохранены стихи Пушкина. Предъ нами выступаетъ новое лицо оперы, лицо, играющее въ ней вліятельнѣйшую и могущественнѣйшую роль. Это добрый геній, благодаря которому

никогда такъ щедро не награждала его за вниманіе, ей оказанное, никогда не помогала ему къ созиданію такого глубоко-поэтическаго произведенія, какъ въ настоящемъ случаѣ. Надъ всею балладой царствуетъ тотъ общій колоритъ грустнаго воспоминанія о давнишнемъ горѣ и треволненіяхъ, который принимаютъ предметы на большомъ разстояніи: баллада лишена того драматическаго движенія, которое бы сообщило ей характеръ не разказа о давно-прошедшемъ, а происшествія, совершающагося предъ нами въ очію, и лишена его именно вслѣдствіе сохраненія этого неизмѣняющагося мотива. Но при этомъ единствѣ и сосредоточенности настроенія, въ частностяхъ баллады господствуетъ величайшее разнообразіе: оттѣнки ситуацій и ощущеній отмѣчены тончайшими чертами гармоніи и инструментовки. Нѣтъ ни одного перехода аккомпанимента отъ струнныхъ къ духовымъ, отъ духовыхъ къ струннымъ инструментамъ, нѣтъ ни одной перемѣны въ гармонизаціи, ни одного диссонанса, ни одной модуляціи, которой бы нельзя было пріискать соотвѣтствующей черты въ словахъ баллады, очевидно мотивировавшей музыкальный деталь. Указывать ли на примѣры, на удивительныя музыкальныя воплощенія стиховъ: „И все мнѣ мрачно, дико стало," „Ничто тоски не утѣшало," „Предъ нею, страстно упоенный, густой толпою окруженный ея завистливыхъ подругъ, стоялъ я плѣнникомъ послушнымъ," „По бородѣ моей сѣдой слеза тяжелая катится," „Въ родинѣ моей.... живутъ сѣдые колдуны," „Въ мечтахъ надежды молодой, въ восторгѣ пылкаго желанья, творю поспѣшно заклинанья;" насиловать ли себя и это не-
[illegible]рывно-единое твореніе для пріисканія въ немъ наибо-
[illegible]ельефныхъ мѣстъ, когда вся баллада Финна, отъ перва-
[illegible]а до послѣдняго, служитъ подтвержденіемъ высказан-
[illegible]енія? Разборъ, который поставилъ бы себѣ задачей
[illegible]редметъ и прослѣдить глубокую мысль художника
[illegible]робностяхъ этой баллады, занялъ бы обшир-
[illegible]шу перейдти къ менѣе извѣстному перлу этой
[illegible] (речитативному) между Русланомъ и Фар-
[illegible]щему за балладой Финна. Этотъ краткій раз-
[illegible] выраженіемъ *ревности*, которую Рус-
[illegible]навъ отъ Финна, что Людмила во
[illegible]ое и злобное чувство, какъ туча
[illegible] Руслана, превосходно характе-

ризовано, особенно при повтореніи стиха: „Гдѣ ты, ненавистный злодѣй?“ Контрастъ спокойствія и кротости волшебника съ тревожною взволнованностью молодаго витязя—великолѣпенъ: онъ тонко и изящно оттѣняется тѣмъ пріемомъ, что пѣніе Финна постоянно приближается къ аріозо, къ кантиленѣ, тогда какъ Русланъ поетъ чистымъ речитативомъ.

Слѣдующая за этою сцена Фарлафа съ Наиной не принадлежитъ къ числу тѣхъ, вниманіе къ которымъ еще должна возбуждать критика. Благодаря своему увлекательному, блестящему характеру, своей неотразимой веселости, благодаря и своему исключительно-превосходному исполненію на сценѣ О. А. Петровымъ, этимъ, до сихъ поръ единственнымъ, пѣвцомъ, которому Глинкинскія задачи были вполнѣ по силамъ, сцена норманскаго героя съ колдуньей пользуется уже теперь тою популярностью, которая современемъ неминуемо распространится на всю оперу. Соединеніе въ этой сценѣ фантастичности и комизма, необычайная сила воображенія, создающая предъ слушателемъ небывалый и невозможный сказочный образъ съ такою реальностью и осязательностью, что вы какъ бы хватаете его руками, вотъ качества, которыми блистаетъ эта сцена, и которыя обнаруживаютъ сродство Глинки съ Гофманомъ и Гоголемъ. Чудовищная, безобразная колдунья и трусливый рыцарь характеризованы неподражаемо. Въ аккордахъ гобоевъ и фаготовъ, сопровождающихъ речитативъ Наины, слышится нѣчто шутливое, словно насмѣшка страшной колдуньи надъ трусостью Фарлафа. Трепетъ страха превосходно переданъ не посредствомъ избитаго эффекта *тремоло*, а посредствомъ пиццикато, раздѣленнаго на чередующіеся струнные инструменты. Съ глубокимъ пониманіемъ формы, всему дуэту дана форма *секвенціи*, послѣдованія безостановочнаго, не раздѣленнаго каденціями на участки и колѣна; встрѣчающіяся, и то рѣдко, каденціи — всѣ фригійскія или же такъ-называемыя несовершенныя, слѣдовательно такія, которыя не могутъ остановить неудержимаго, безпокойнаго движенія музыки. Слова Наины: „Итакъ, узнай: волшебница Наина я,“ сопровождаются грозными аккордами тромбоновъ, образующихъ великолѣпныя, поразительныя послѣдованія, такъ-называемыя прерванныя каденціи. Сцена кончается исчезновеніемъ Наины, давшей Фарлафу такія ободрительныя

увѣренія, что онъ, какъ истый трусъ, сразу перемѣняетъ робкій тонъ на громко-хвастливый. Арія Фарлафа, которую онъ поетъ послѣ исчезновенія волшебницы, вся проникнута этимъ характеромъ напускной храбрости и молодечества; въ ней остроумнѣйшимъ образомъ пародируется воинственный тонъ, для чего, между прочимъ, она почти вся аккомпанируется трубами. Она оркестрована громче и тяжеле какого бы то ни было пѣвческаго *соло* во всей оперѣ; Глинка, такъ-сказать, далъ въ ней успокоившемуся трусу нашумѣться и нахвастаться вдоволь. Въ своей увѣренности въ побѣдѣ, Фарлафъ принимаетъ даже ироническій тонъ, такъ слова: „Людмила, напрасно ты плачешь и стонешь, и милаго сердцу напрасно ты ждешь,“ поются на музыку съ грустнымъ или, вѣрнѣе, слезливымъ оттѣнкомъ, хотя они составляютъ такое же выраженіе его торжества, какъ и остальныя слова этой аріи. Такъ иногда торжествующій врагъ съ притворнымъ сожалѣніемъ возвѣщаетъ побѣжденному о постигшемъ его пораженіи.

Въ третьей и послѣдней сценѣ этого дѣйствія, часть словъ принадлежитъ опять Пушкину, именно первая половина монолога Руслана на оставленномъ полѣ битвы, предъ сценой съ головой. Монологъ этотъ, содержащій размышленія о павшихъ на полѣ битвы, высказывающій мрачное предчувствіе близости собственной смерти и нечуждый характера разочарованности, проникшей въ нашу литературу около времени сочиненія Пушкинскаго *Руслана*, не совсѣмъ согласенъ съ характеромъ Руслана, какимъ мы склонны заранѣе представлять его себѣ и какимъ мы, дѣйствительно, узнаемъ его изъ второй половины (аллегро) аріи. Какъ всегда въ случаяхъ непослѣдовательности либретто, Глинка и здѣсь сдѣлалъ все, что̀ могъ сдѣлать музыкантъ для искупленія недостатковъ текста. Какъ речитативъ: „О поле, поле“, такъ и анданте: „Временъ отъ вѣчной темноты“, проникнуты характеромъ скорби, но скорби величавой, въ которой чувствуется скрытая сила, которая свободна отъ изнѣженности и которую болѣе нежели всякій другой оттѣнокъ этого настроенія, мы можемъ предположить въ Русланѣ. При переходѣ ко второй части аріи, къ аллегро: „Дай, Перунъ, мнѣ мечъ“, не чувствуется внезапной перемѣны характера, не чувствуется нарушенія единства настроенія. Тѣмъ не менѣе настоящій, наивный, удалой Русланъ выступаетъ лишь въ этой, второй части аріи, въ которую вошла и мелодія: „О Людмила, Лель

сулилъ мнѣ счастье", знакомая намъ уже изъ увертюры. Но всѣ три части этого монолога равно отличаются великолѣпіемъ музыки, необычайнымъ богатствомъ гармоніи, сыплющей смѣлыми переходами и энгармоническими превращеніями, и эффектностью въ вокальномъ исполненіи, вслѣдствіе чего арія эта сравнительно часто появляется въ концертныхъ программахъ.

Арія Руслана прерывается словами „живой головы", запрещающей ему приближаться къ ней. Ея слова у Глинки поручены цѣлому хору (теноровъ и басовъ) въ унисонъ, хору, по замыслу композитора помѣщенному внутри самой головы (которая должна быть огромная), но на представленіяхъ всегда поставляемому за кулисы, чѣмъ значительно уменьшается эффектъ звучности. Русланъ убиваетъ голову копьемъ и затѣмъ, приблизившись къ ней, находитъ мечъ, о которомъ умирающая голова разказываетъ ему, что это мечъ, угрожающій жизни Черномора и могущій доставить Руслану побѣду надъ карломъ. Речитативъ головы, прерывающій арію Руслана, аккомпанируется мрачною, гробовою звучностью фаготовъ, кларнетовъ и англійскаго рожка на низкихъ нотахъ; дивная гармонія этого аккомпанимента и мертвенно-неподвижный характеръ самого речитатива, въ соединеніи съ тембромъ выбранныхъ инструментовъ, съ изумительною силою вызываютъ предъ воображеніемъ образъ страшнаго мертвеца. Въ слѣдующемъ затѣмъ разказѣ головы впечатлѣніе этого образа поддержано съ неизмѣняющимся искусствомъ. Разказъ опять въ формѣ варіаціи, и даже въ частностяхъ постройки представляетъ не мало общаго съ балладой Финна; но форма, которая тамъ послужила къ выраженію полноты жизни, всецѣло отданной одному воспоминанію, одному настроенію, здѣсь, при совершенномъ различіи содержанія, выразила (и не менѣе счастливо выразила) мертвенную неподвижность. Строфы разказа головы прерываются изумленными, нетерпѣливыми восклицаніями и вопросами Руслана, и въ каждой его фразѣ вы слышите рѣчь живаго человѣка, точно такъ же, какъ въ неизмѣнно-повторяемомъ послѣ каждаго изъ этихъ перерывовъ, тяжеломъ и безстрастно-мрачномъ главномъ мотивѣ, на которомъ голова, никогда ни отвѣчая прямо на вопросы Руслана, продолжаетъ свой разказъ, вы слышите, что такъ должны бы были говорить мертвецы, еслибъ они говорили. Послѣдняя строфа разказа, въ которой голова убитаго великана

взываетъ къ Руслану о мщеніи убійцѣ (тому же Черномору), гармонизована и оркестрована съ грозною энергіей; ею оканчивается второе дѣйствіе оперы. Дѣйствіе это, быть-можетъ, болѣе всѣхъ остальныхъ исполнено тончайшихъ поэтическихъ чертъ въ музыкѣ, музыкально - драматическихъ частностей, доказывающихъ, что Глинка въ небывалой степени обладалъ даромъ объективировать музыку и заставлять ее служить идеѣ. Такихъ чертъ въ этомъ второмъ дѣйствіи такъ много, что одна застилаетъ другую, что на поверхностный взглядъ и десятой доли ихъ незамѣтно, что анализъ ихъ раскрываетъ предъ критикомъ, по мѣрѣ проникновенія въ нихъ, все новыя и новыя глубины. Къ несчастію, такому богатому содержанію далеко не соотвѣтствуетъ внѣшняя сценическая форма этого дѣйствія. Сцены не связаны между собой ничѣмъ; въ каждой отдѣльной изъ нихъ дѣйствующія лица почти ничего не дѣлаютъ (въ первой и второй буквально ничего), а только узнаютъ различныя чудеса. Съ тѣмъ только условіемъ, чтобы третья сцена непремѣнно была послѣ первой, три сцены этого дѣйствія могутъ слѣдовать одна за другою въ любомъ порядкѣ; еслибы, напримѣръ, вторая сцена была въ началѣ или концѣ дѣйствія, то исчезла бы прелесть музыкальнаго контраста веселой юмористической картины между элегическою первою сценой и мрачнымъ разказомъ головы, но смыслъ дѣйствія не пострадалъ бы. Такіе внѣшніе недостатки глубоко вредятъ не одному сценическому успѣху оперы; они повліяли на критику, которая, смѣшивая ловкую сценическую выкройку съ драматизмомъ, качествомъ чисто-внутреннимъ, не преминула упрекнуть Глинку въ отсутствіи музыкальнаго драматизма, тогда какъ Глинка на каждой страницѣ партитуры *Руслана* даетъ доказательства несправедливости такого сужденія. Главные два признака этого дара музыкальнаго драматизма, способность создавать характеры и способность музыкально понять ситуацію, на каждой страницѣ именно этого втораго дѣйствія, выступаютъ съ поразительною яркостью. Финнъ, Наина, Фарлафъ, Русланъ обрисовываются предъ вами съ ясностью и цѣльностью; перипетіи въ исторіи несчастной любви Финна, характеризованы такъ глубоко и счастливо, что слушаніе его баллады интересуетъ васъ, какъ чтеніе увлекательнаго романа. Гдѣ найдти еще болѣе богатые задатки музыкальной драмы? Если они остались

задатками, то потому, что для совершенства музыкальной драмы *Руслану и Людмилѣ* (какъ показываетъ и разобранное дѣйствіе) недостаетъ одного качества, правда внѣшняго, но при исполненіи рѣшающаго участь: прочной, разумной и ловкой сценической постройки.

Недостатокъ этотъ снова бросается въ глаза въ третьемъ дѣйствіи. Оно начинается небольшою оркестровою прелюдіей, названною „антрактомъ", но далеко не представляющею собой такого законченнаго и богатаго содержаніемъ цѣлаго, какъ антрактъ къ предыдущему второму дѣйствію, и отличающеюся только тщательною и утонченною оркестровкой. Занавѣсъ открывается надъ роскошнымъ волшебнымъ зáмкомъ Наины, воздвигнутымъ ею для очарованія и погибели Ратмира и Руслана, и группою дѣвъ зáмка, поющихъ (опять стихами Пушкина) обольстительную, призывную пѣснь путникамъ. Нѣга этого, на гибель манящаго призыва весьма счастливо выражена мотивомъ спокойно-убаюкивающимъ, какъ бы усталымъ, и совсѣмъ не страстнаго свойства. Опять строфныя повторенія и форма варіацій. Изъ отдѣльныхъ варіацій особенно восхитительна предпослѣдняя, гдѣ фигура віолончелей, на самыхъ низкихъ нотахъ, глухимъ гуломъ (подражаніемъ звуку отдаленнаго, морскаго прибоя) сопровождаетъ тему хора, на этотъ разъ гармонизованную вмѣсто мажорныхъ аккордовъ минорными, и получившую чрезъ это характеръ сладостно-волнующаго томленія. Вмѣсто призываемаго „путника" появляется Горислава, о мѣстѣ которой въ общемъ планѣ оперы я уже имѣлъ случай говорить. Ея речитативъ и арія обнаруживаютъ предъ нами еще характеръ, цѣльно и выдержанно очерченный: характеръ страстно-любящей женщины, покинутой, но не перестающей любить. Грація и прелесть этой страстной скорби объ утраченномъ счастьи высказываются въ удивительныхъ звукахъ; гармонія большею частью покоится на роскошныхъ педаляхъ; инструментовка, почти ограничивающаяся струннымъ квинтетомъ и фаготомъ соло, при всей своей простотѣ превосходно поддерживаетъ тотъ характеръ страстной грусти, который заключается въ мелодіи и гармоніи. Укажу, какъ на фразу отличающуюся особенною полнотой и глубиной страсти, на слова: „Ужели мнѣ, во цвѣтѣ лѣтъ, сказать любви: прости на вѣкъ?" Разбираемый нумеръ являетъ новое свидѣтельство

того исключительнаго дарованія, благодаря которому Глинка умѣлъ сливать страстное и правдивое выраженіе снѣдающей тоски и скорби съ изяществомъ и идеальностью формы, умѣлъ заключать глубоко-поэтическое содержаніе въ роскошнѣйшую и вмѣстѣ съ тѣмъ безукоризненнѣйшую музыку. Арія Гориславы основана на чрезвычайно-простомъ мотивѣ того чисто-русскаго склада, который вездѣ въ этой оперѣ выступаетъ съ такою яркою выпуклостью. Изъ этого мотива образуется богатѣйшая гармоническая ткань, строятся каноническія имитаціи, педали на доминантѣ, педали на тоникѣ; строится чудесное музыкальное зданіе, технически-не похожее ни на одинъ изъ остальныхъ нумеровъ *Руслана*, но не менѣе ихъ законченное и совершенное.

Горислава уходитъ, и появляется наконецъ призванный дѣвами очарованнаго зáмка „путникъ молодой", въ лицѣ Ратмира, котораго мы не видали съ перваго дѣйствія. Заколдованная атмосфера Наинина зàмка сразу охватила его: нѣтъ въ немъ и слѣда того пыла и порыва, съ которыми онъ, въ концѣ перваго дѣйствія, рѣшался на трудный и пугающе-неопредѣленный подвигъ; имъ овладѣло полное забвеніе цѣли, съ которою онъ отправился въ путь, забвеніе, соединенное съ тою жаждой отдыха отъ волненій, съ тою жаждой „мирной лѣни", которую онъ уже высказывалъ въ первомъ дѣйствіи, но которая теперь приняла новый характеръ, характеръ какой-то пассивности, словно на Ратмира всею своею тяжестью легла неотразимая, тайная сила волшебнаго зàмка. Эта широкая и лѣнивая восточная мелодія (представляющая замѣчательное сходство съ нѣкоторыми средне-азіятскими народными пѣснями), эти тяжелые и вмѣстѣ съ тѣмъ мягкозвучные аккорды кларнетовъ и валторнъ, сопровождающіе ее; этотъ протяжный ритмъ, котораго не въ состояніи оживить и капризныя, чисто-восточныя фіоритуры; этотъ жаркій и сонный тембръ англійскаго рожка, вторящаго голосу, сообщаютъ цѣлому какой-то тропически-знойный, изнеможенный и въ то же время роскошный колоритъ. Очарованный зàмокъ манитъ къ отдыху и нѣгѣ, но не даритъ ея; Ратмиръ, на минуту прилегшій, вскакиваетъ съ ложа съ тревожнымъ речитативомъ. „Нѣтъ, сонъ бѣжитъ! Знакомыя кругомъ мелькаютъ тѣни, тоскуетъ кровь, и въ памяти зажглась забытая любовь. И рой живыхъ видѣній о брошенномъ

гаремѣ говоритъ.“ Воскресшіе образы роднаго гарема олицетворяются въ музыкѣ арабскою пѣснію, унылo-граціозною и появляющеюся такъ же неожиданно, какъ всплываетъ иногда въ душѣ забытое на время представленіе. Гармонизація этой мелодіи счастливо сохранила и еще болѣе отмѣтила ея оригинальную физіономію. Отданный весь новому настроенію, Ратмиръ поетъ пылкое аллегро, въ которомъ высказываетъ его. Въ его воображеніи мелькаютъ и смѣняются образы вспоминаемыхъ гаремныхъ красавицъ: эта непостоянная фантасмагорія воображенія счастливо передана ритмомъ вальса, но вальса идеализованнаго, богатаго гармоніей,—вальса, какой могъ написать Глинка. Особенно роскошна средняя часть этого вальса, начинающаяся словами: „Страстный шумъ живыхъ рѣчей,“ и пр. По окончаніи этой аріи, къ Ратмиру являются снова дѣвы зáмка, но не пѣвицы, а танцовщицы: начинается довольно длинный балетъ, музыка котораго, обильная мелодіями и инструментованная съ обычнымъ тщаніемъ и богатствомъ, не отличается однакоже тѣмъ обаяніемъ сладострастія, тѣмъ чувственнымъ жаромъ, который здѣсь былъ бы у мѣста. Балетъ третьяго дѣйствія, миловидный, опрятный и совершенно чуждый той пошлости, которая охотно забирается въ балетную музыку, принадлежитъ тѣмъ не менѣе къ весьма немногимъ частямъ этой партитуры, гдѣ характеръ не выдержанъ вовсе, ни характеръ цѣлаго, ни характеръ ситуаціи.

Вбѣгаетъ Горислава и бросается къ Ратмиру, столь неожиданно ею найденному. Здѣсь начинается финалъ. Дѣвы зáмка обступаютъ плѣненнаго ими Ратмира и заслоняютъ отъ него Гориславу, которой онъ, подъ вліяніемъ чаръ Наины, и не узнаетъ. Горислава тщетно старается пробудить въ Ратмирѣ прежнія воспоминанія и прежнее чувство: ее заглушаетъ хоръ дѣвъ, окружившихъ Ратмира. Въ это время входитъ Русланъ. Онъ входитъ занятый идеей отыскать и спасти Людмилу, но и на него эта чáрующая и мутящая разумъ атмосфера сразу оказываетъ свое дѣйствіе: увидя Гориславу, онъ влюбляется въ нее и забываетъ Людмилу. Уже, кажется, сбылись обѣщанія Наины Фарлафу, и гибель его двухъ соперниковъ неминуема, но является Финнъ и своимъ мощнымъ словомъ разрушаетъ зáмокъ и возвращаетъ память Ратмиру и Руслану. Въ Ратмирѣ снова просыпается любовь къ его вѣрной Гориславѣ, а

Русланъ съ прежнимъ нетерпѣніемъ и безстрашіемъ отправляется отыскивать Черномора и освободить изъ его власти Людмилу. Вотъ содержаніе этой сцены. Музыка ея— опять рядъ варіацій (съ нѣкоторыми отступленіями, среди которыхъ, однако, чувствуется сосредоточивающее и стягивающее вліяніе главной темы). При такомъ подвижномъ, безпокойномъ сценическомъ содержаніи, форма эта кажется немыслимою; и она была бы немыслима, еслибы все происходящее здѣсь было реально, еслибы мы находились не въ сказочномъ мірѣ, имѣющемъ свою мѣрку и свою логику. Не движеніе сценическое и не перемѣны въ дѣйствіи составляютъ сущность этой сцены, а именно эта очарованная *атмосфера*, охватывающая и одуряющая смѣльчака, вступившаго въ эти волшебныя хоромы. Полное безразличіе, къ которому сводится тутъ все разнообразіе людскихъ страстей и мыслей, свободно развивавшихся внѣ этихъ стѣнъ; безумный чадъ, въ которомъ теряется сознаніе и тонутъ прежнія цѣли, мечты, желанія, стремленія,—вотъ что̀ прежде всего надлежало характеризовать. Для этой цѣли сохраненіе одной и той же темы и проведеніе ея чрезъ рядъ модификацій, никогда не дѣлающихъ ее неузнаваемою—средство мудрое и вполнѣ художественное. И темою прекрасно выбрана фраза хора дѣвъ, такъ что этотъ хоръ съ его обольщеніями составляетъ центръ всего финала. Какъ подъ вліяніемъ неотразимой силы, мало-по-малу всѣ находящіяся на сценѣ лица начинаютъ пѣть на мотивъ этого хора. Самая тема имѣетъ шутливый оттѣнокъ, словно тутъ иронія надъ судьбой неосторожныхъ, вовлеченныхъ въ замокъ Наины. Но варіаціи превосходно оттѣняютъ положенія, въ которыя поставлены Горислава, Ратмиръ и Русланъ. Сила волшебства глубже и глубже вовлекаетъ Руслана и Ратмира въ свой омутъ: оркестровка, въ продолженіи всей сцены легкая и прозрачная, начинаетъ расти съ грозною силой, какъ вдругъ—внезапное появленіе Финна (сопровождаемое тремя громкими и долго-выдержанными аккордами, тѣми самыми съ которыхъ начинается и антрактъ къ этому дѣйствію) разрываетъ сѣти волшебства и спасаетъ опутанныхъ ими. Въ грандіозномъ речитативѣ, запечатлѣнномъ однако, при всей своей мощи и величіи, тѣмъ характеромъ кротости, коимъ проникнута вся партія добраго волшебника, Финнъ возвѣщаетъ освобожденнымъ „великія судьбы". Речитативъ

этотъ гармонизованъ сложно и богато; каждому отдѣльному стиху или предшествуетъ, или сопутствуетъ отдѣльная модуляція, какъ бы призывая полное вниманіе на каждое новое изреченіе; множество задержаній сообщаетъ этой великолѣпной гармоніи тонъ священный, храмовой. То благодарное, радостное настроеніе, въ которое повергнуты Русланъ, Ратмиръ и Горислава, высказывается въ слѣдующемъ за речитативомъ Финна гимнѣ, которому также придалъ религіозный оттѣнокъ и который аккомпанируется яркимъ и теплымъ тембромъ віолончелей, раздѣленныхъ на четыре партіи. Этимъ гимномъ заключается третій актъ, замѣчательный болѣе всего обрисовкой характеровъ Гориславы и Ратмира—обрисовкой, дивная объективность которой съ избыткомъ вознаграждаетъ за сценическую безсвязность и неэффектность, которыми дѣйствіе это страдаетъ не многимъ менѣе нежели второе.

Четвертое дѣйствіе вводитъ насъ въ замокъ Черномора. Оно развертываетъ предъ нами чудеса и очарованія этого замка, показываетъ намъ Людмилу, тоскующую въ своемъ заточеніи и поединокъ Руслана съ Черноморомъ, кончающійся смертью похитителя и освобожденіемъ Людмилы. Поднятію занавѣса предшествуетъ бодрый, энергическій, маршеобразный антрактъ, рѣшительному характеру котораго способствуютъ и ритмъ, и смѣлыя, внезапныя модуляціи, и эти рѣзкіе контрасты между *forte* и чудесно-гармонизованными *piano*. Антрактъ этотъ состоитъ изъ двухъ половинъ, изъ коихъ вторая есть буквальное повтореніе первой въ мелодическомъ и гармоническомъ отношеніяхъ, но съ значительными измѣненіями въ инструментовкѣ. Первая сцена дѣйствія показываетъ намъ Людмилу одну, въ саду волшебнаго замка, окруженную фантастическою роскошью, но безутѣшно горюющую. Арія ея (си-миноръ, аллегро), прелестная по мелодіи, прелестна также и по выраженію безсильнаго нетерпѣнія, безсильнаго порыва къ свободѣ; ритмъ мечется, какъ птичка, непривычная къ клѣткѣ; тихая и скромная интрументовка изумляетъ внезапными порывами силы, но оркестровый громъ столь же быстро улегается, какъ и поднимается. Людмила хочетъ броситься въ воду, но двѣ нимфы замка удерживаютъ ее: въ это время невидимый хоръ (женскихъ голосовъ) поетъ ей: „Покорись судьбы велѣніямъ, о прекрасная княжна! Все здѣсь манитъ къ наслаж-

деніямъ, жизнь здѣсь радостей полна." Но напѣвъ этого хора грустенъ: протяжные аккорды, сопровождающіе его, въ оркестрѣ окрашены уныло; легко-колеблющаяся фигура віолончелей и раздѣленныхъ альтовъ, выдерживаемыя ноты фаготовъ и волторнъ, все это противорѣчитъ словамъ, гласящимъ о радостяхъ и наслажденіяхъ. Надъ этимъ замкомъ тяготѣетъ власть злаго и могущественнаго карла: уныніе рабства, грустная апатія звучитъ въ пѣніи этихъ нимфъ и геніевъ, принужденныхъ воспѣвать радость. Людмила снова предается жалобамъ; прежняя фраза ея аріи повторяется, значительно расширенная и обогащенная новыми прекрасными подробностями. Ей отвѣчаетъ опять хоръ—хоръ цвѣтовъ, не жданно появившихся развлечь ее и утѣшить. Этотъ хоръ цвѣтовъ (ми-бемоль мажоръ, $^{12}/_{8}$) порученъ также женскимъ голосамъ, въ числѣ трехъ. Сопровождается онъ двумя флейтами, двумя гобоями, двумя кларнетами, двумя фаготами, двумя волторнами, альтами и віолончелями. Каждый изъ этихъ инструментовъ индивидуализованъ и (то по очереди, то вмѣстѣ, полифонно) рисуется самостоятельно. Оркестровка этого упоительно-благоуханнаго хора легка, воздушна и прозрачна: волнистая, ласкающая слухъ фигура пробѣгаетъ, какъ дуновеніе вѣтерка, по флейтамъ, кларнетамъ и фаготамъ; но и здѣсь напѣвъ, хотя сладко-зовущій, сохраняетъ слѣды этой грусти, господствующей, среди сказочно-затѣйливой роскоши, въ замкѣ Черномора. Какъ и все четвертое дѣйствіе *Руслана*, разбираемый хоръ отличается поразительнѣйшею оригинальностью: при его безукоризненномъ изяществѣ, нѣтъ во всей музыкѣ піесы, которая бы стилемъ, мелодіей, формой, оркестровкой сколько-нибудь его напоминала. Людмила, все безутѣшная, продолжаетъ грустить и поетъ вторую арію, къ сожалѣнію, вполнѣ уничтожающую впечатлѣніе первой. И здѣсь господствуетъ привычная тщательность и щеголеватость техники; инструментовка (віолончели раздѣленные на три, контробасы, альты и скрипка соло) выбрана прекрасно; постоянная имитація голоса скрипочнымъ соло контрапунктически столь же изящна, какъ и все, что выходило изъ-подъ пера Глинки со времени *Жизни за Царя*; но сантиментальная мелодія, легшая въ основу этой безукоризненной работы, дѣлаетъ арію „Ахъ ты доля, долюшка" безспорно слабѣйшимъ изъ всѣхъ нумеровъ оперы. Мелодія эта, по стилю своему, вполнѣ подходитъ къ тѣмъ поддѣлкамъ

подъ русскую „заунывность“, фабрикованнымъ плохими композиторами романсовъ, которыя лишь въ самое послѣднее время начинаютъ терять кредитъ у публики, долго считавшей ихъ вѣнцомъ „русскаго“ элемента въ музыкѣ. Появленіе такой мелодіи среди вдохновеннѣйшаго полета сказочной фантазіи, среди всѣхъ этихъ роскошныхъ чудесъ музыкальнаго творчества, которыми полно четвертое дѣйствіе — дѣло необъяснимое; критикѣ остается заявить грустный фактъ, а также оговориться, что и этотъ слабый нумеръ имѣетъ одну прекрасную подробность: оркестровую ритурнель въ самомъ концѣ, состоящую всего изъ восьми тактовъ, но чисто-Глинкинскую по своей гармоніи. Хоръ цвѣтовъ отвѣчаетъ отрывкомъ изъ своего прежняго напѣва; Людмила прерываетъ его, также отрывкомъ (изъ своей первой аріи); хоръ цвѣтовъ прерываетъ се въ свою очередь. Къ прежней оркестровкѣ хора тутъ присоединился еще инструментъ: колокольчики (clochettes), рѣзко-металлическій, раздражительный тембръ которыхъ превосходно идетъ ко всей этой роскошной, опьяняющей обстановкѣ. Но сладкіе и обольстительные напѣвы хора прерываются со стороны Людмилы новымъ взрывомъ энергіи и негодованія: она бросаетъ Черномору вызовъ когда-нибудь склонить ее сердце и заставить ее измѣнить Руслану. Аллегро „Безумный волшебникъ, я дочь Свѣтозара,“ которое слѣдуетъ послѣ втораго изъ упомянутыхъ двухъ хоровыхъ отрывковъ и составляетъ заключеніе всей Людмилиной аріи, прекрасно контрастируетъ со всѣми предъидущими частями аріи: въ ней слышится гордая сила; ритмъ аккомпанимента (въ струнномъ квартетѣ, характерно соединенномъ съ литаврами) полонъ юной, страстной жизни. Эта часть аріи составляетъ прекрасное выраженіе той геройской воли и рѣшимости, которая дается женщинѣ страстію. Полный хоръ (мужскихъ и женскихъ голосовъ, все еще за кулисами), вступающій къ концу этого аллегро, пророчитъ Людмилѣ: „смиришься, гордая княжна, предъ властью Черномора“; Людмила бросаетъ отчаянный возгласъ (на соль-діэзъ): „Презрѣнія дѣвы ничѣмъ не измѣнить“. Это заключеніе, по инструментовкѣ, одно изъ самыхъ громкихъ мѣстъ оперы; искуснымъ распредѣленіемъ аккордовъ между мѣдными, деревянными и струнными инструментами достигается огромная сила звучности, свидѣтельствующая, что Глинка

хотѣлъ дать этой борьбѣ человѣческой воли со сверхъ-естественною силой самое выпуклое, интенсивное выраженіе, на которое только способно искусство. Изнемогающая отъ кратковременнаго взрыва энергіи, Людмила падаетъ на диванъ и засыпаетъ: быстрый переходъ отъ напряженнаго волненія къ утомленному безсилію сопровождается рядомъ спускающихся, выдерживаемыхъ (при постоянномъ diminuendo) аккордовъ въ струнномъ квинтетѣ. Невидимый хоръ (опять въ три женскіе голоса) убаюкиваютъ Людмилу прелестною пѣснію („Мирный сонъ! успокой сердце дѣвы“), сопровождаемою двумя флейтами, однимъ гобоемъ, двумя волторнами, арфой и колокольчиками. Еще образчикъ этихъ волшебно-обольстительныхъ хоровъ, и опять въ новомъ родѣ: настоящій хорикъ является совершенно другимъ нежели предшествовавшіе ему „Покорись судьбы велѣніямъ“ и „Не сѣтуй, милая княжна,“ но не менѣе ихъ онъ блистаетъ сказочно-фантастическимъ колоритомъ, не менѣе ихъ онъ нѣженъ, сладокъ и воздушенъ. И здѣсь можно наблюдать форму варіаціи, хотя только въ зародышѣ, такъ какъ размѣры этого нумера очень тѣсные. Къ концу звуки стихаетъ болѣе и болѣе и словно засыпаютъ на *pianissimo*, внезапно прерываемомъ громкимъ взрывомъ военнаго оркестра за сценой.

Это маршъ Черномора. Самъ властитель чудеснаго замка, грозный и безобразный карло, приближается въ сопровожденіи огромной свиты (хоръ и кордебалетъ). Черноморъ лицо нѣмое; Глинка не далъ ему участвовать въ языкѣ, общемъ всей оперѣ—въ пѣніи. Поэтому обрисовка его сосредоточивается въ маршѣ, возвѣщающемъ его прибытіе. Маршъ этотъ, снаружи вполнѣ соотвѣтствующій обычной формѣ (онъ состоитъ изъ главной части и тріо, послѣ котораго буквально повторяется главная часть), по дикой, каррикатурной угловатости своей мелодіи и гармоніи составляетъ явленіе исключительное и небывалое въ музыкѣ. Онъ не принадлежитъ ни къ какому тону. Начальная тема его не оказываетъ даже отдаленнаго вліянія на дальнѣйшее развитіе, если не считать тупыхъ и упрямыхъ повтореній ея. Отдѣльные ритмическіе участки (разграниченные четвертными паузами) не представляютъ никакой органической связи. Но въ общемъ, этотъ маршъ проникнутъ какою-то колоссальною, чудовищною

силой. Онъ живо напоминаетъ тѣ сказочные образы, страшные и однако смѣшные, грандіозные и каррикатурные, которые создала неудержимая фантазія Гофмана. Говорить ли, что геній Глинки сумѣлъ и при самой этой каррикатурности замысла, при этой умышленной жесткости и безсвязности, щедро разсыпать музыкальныя красоты? Какъ ни капризна фактура марша Черномора, она носитъ отпечатокъ Глинкинскаго изящества и богатства. Быть-можетъ, никому, кромѣ Глинки, не удалось бы сохранить это изящество при отсутствіи такихъ важныхъ факторовъ его (тональнаго единства, тематическаго единства). Съ чудовищною грандіозностію первой части контрастируетъ тріо, въ которомъ главный голосъ играется колокольчиками и которое принадлежитъ къ той же категоріи фантастически-граціозныхъ, заманчивыхъ піесъ, какъ и хоры цвѣтовъ и невидимыхъ геніевъ, разсмотрѣнные въ предыдущей сценѣ, а также нѣкоторые изъ танцевъ, слѣдующихъ за маршемъ. По той вольности, которою пользуется фантастическій поэтъ, не стѣсняемый историческимъ или географическимъ контролемъ, этимъ танцамъ приданъ костюмъ отчасти кавказскій, отчасти арабскій. Кромѣ прелести мѣстнаго колорита, на которую Глинка вообще былъ падокъ, въ пользу этой поэтической вольности говоритъ и слѣдующее соображеніе: мы знаемъ отъ Финна, что зáмокъ Черномора находится „на сѣверѣ“. Могущество карла, слѣдовательно, ни въ чемъ такъ ярко не выступаетъ какъ въ его власти собирать въ свое сѣверное жилище произведенія странъ южныхъ, жаркихъ: не только тропическія растенія и роскошная нѣмая природа, но и цѣлыя населенія, носящія южные костюмы, окружаютъ сѣверный зáмокъ и свидѣтельствуютъ намъ о силѣ волшебствъ своего властелина.

Балетъ четвертаго дѣйствія, въ совершенную противоположность балету третьяго, отличается рѣзкою характерностію и яркою оригинальностію. Въ немъ нѣтъ слѣда рутиннаго балетнаго стиля, котораго балетъ третьяго дѣйствія есть представитель, хотя облагороженный: напротивъ того, онъ не менѣе выпуклъ и своеобразенъ какъ и предшествовавшіе хоры и маршъ. Танцы въ зáмкѣ Черномора представляютъ тотъ же контрастъ дикой силы и фантастической граціи, который мы наблюдаемъ въ маршѣ, и такимъ

образомъ служатъ прекраснымъ его дополненіемъ. Этихъ танцевъ четыре нумера. Первый изъ нихъ (ре-мажоръ $^6/_8$), плавный и медленный, состоитъ изъ темы съ двумя варіаціями. Тема излагается віолончелями, аккомпанируемыми остальными струнными инструментами; первая варіація состоитъ изъ повторенія темы военнымъ * и обыкновеннымъ оркестромъ *fortissimo*; вторая, изъ великолѣпнаго гармоническаго измѣненія. Второй нумеръ (ла-мажоръ $^3/_4$), живой, удалой и блестящій, написанъ въ трехъ-колѣнной формѣ; но третье колѣно (повторяющее, по обыкновенію, первое) присовокупляетъ къ мелодіи перваго поразительный контрапунктъ хроматической гаммы въ четыре октавы, играемый военными инструментами. Оригинальная, энергическая оркестровка этого нумера, вмѣстѣ съ бойкимъ, словно капризнымъ характеромъ мелодіи и съ упомянутымъ контрапунктическимъ tout de force, даютъ ему совершенно исключительную физіономію. И здѣсь съ грубымъ и удалымъ первымъ колѣномъ контрастируетъ второе, инструментованное легко (съ участіемъ колокольчиковъ) и полное граціи. Слѣдующій нумеръ, третій, есть знаменитая лезгинка; по танцамъ онъ состоитъ изъ кордебалета и соло, по музыкѣ—изъ интродукціи, темы и варіацій: интродукція отчасти состоитъ изъ контрапункта, въ послѣдствіи соединяющагося съ темой; тема народная, кавказская. Лезгинка *Руслана и Людмилы* принадлежитъ къ одной категоріи съ тѣми превосходными обработками народныхъ плясокъ и пѣсенъ, которыми композиторъ нашъ обогатилъ симфоническую музыку, и во главѣ которыхъ стоитъ *Аррагонская Хота*; какъ балетная музыка, лезгинка—вѣнецъ характерныхъ танцевъ. Чисто восточный колоритъ ея, геніально сообщенный всей обдѣлкѣ и неослабно выдержанный, дикая порывистость, воинственный пошибъ,—вотъ бросающіяся въ глаза свойства этого нумера. Гармонія и инструментовка его отличаются истинно-восточною пестротой. Послѣдній нумеръ танцевъ (ре-мажоръ, $^2/_4$), оригинальный до странности, основанъ на звукоподражаніи нѣкоторымъ восточнымъ инструментамъ. Въ интересѣ подробностей онъ много уступаетъ предыдущимъ

* Военный оркестръ, пришедшій на сцену съ Черномором, остается на ней и участвуетъ въ музыкѣ всѣхъ танцевъ, инструментованной на оба оркестра то поочередно, то вмѣстѣ.

отдѣленіямъ танцевъ, но въ цѣломъ составляетъ смѣлое и любопытное гармоническое нововведеніе.

Труба, возвѣщающая прибытіе Руслана, прекращаетъ танцы и вызываетъ карлу на борьбу съ пришельцемъ. Схватившись съ Русланомъ, Черноморъ взлетаетъ на воздухъ; Русланъ, держась за его бороду, не перестаетъ съ нимъ сражаться. Продолжительный поединокъ на воздухѣ кончается смертію Черномора. Онъ комментируется восклицаніями и замѣчаніями хора (свиты и дружины Черномора), наблюдающаго его съ земли. Глинка воспользовался этою задачей для созиданія одного изъ капитальнѣйшихъ нумеровъ оперы. Сказочно-нелѣпое содержаніе дало здѣсь поводъ къ музыкѣ, не менѣе дико-грандіозной и не менѣе юмористически-каррикатурной нежели маршъ Черномора, но получившей широкую, богато развитую форму, какой не имѣетъ и не можетъ имѣть маршъ. Хоръ „Погибнетъ, погибнетъ!“, сопровождающій поединокъ, основанъ на *гаммѣ цѣлыми тонами* (гаммѣ изъ шести ступеней вмѣсто семи). Въ этой гаммѣ есть нѣчто противящееся здравому музыкальному чувству, нѣчто неестественное, насильственное, уродливое (почему именно—легко объясняется акустикой). Она, если можно такъ выразиться, гамма не человѣческая. Но эти свойства, прекрасно приспособляющія ее какъ средство живописной характеристики къ настоящему положенію оперы—моменту борьбы на воздухѣ со сказочнымъ чудовищемъ, вовсе не лишаютъ ея способности принимать богатѣйшую гармонизацію и вызывать великолѣпныя аккордныя сочетанія. Справедливость этого краснорѣчиво доказывается самою піесой, о которой идетъ рѣчь. Богатѣйшія гармоніи сыплются въ этомъ хорѣ съ поспѣшностію, неугомонностію и тревожностію модуляціи, объясняемыми драматическимъ моментомъ и тематическою основой, именно этою гаммой цѣлыхъ тоновъ. Эта стремительная, неудержимая гармонія, вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительно изящна; въ самыхъ небывалыхъ, невѣроятныхъ сочетаніяхъ, голоса сохраняютъ красоту и легкость хода; геніальная смѣлость технической задачи какъ будто только послужила новымъ стимуломъ къ техническому совершенству. Вмѣстѣ съ тѣмъ, музыка этого хора прекрасно слѣдуетъ за тѣмъ переходомъ отъ безпечной увѣренности въ побѣдѣ Черномора и въ своей безопасности отъ дерзкаго пришельца, къ страху и смятенію передъ счастливымъ побѣди-

телемъ, переходомъ, который совершается въ настроеніи поющихъ вслѣдствіе неожиданнаго убіенія Черномора. Начавшись шумно и громко, хоръ, послѣ катастрофы Черномора, мало-по-малу стихаетъ; болѣе и болѣе робко передаютъ другъ другу свои опасенія и вопросы испуганные зрители борьбы; кончается хоръ *pianissimo*, какъ бы въ безмолвномъ, покорномъ ожиданіи своей судьбы.

Предъ началіемъ поединка съ Русланомъ, Черноморъ повергъ Людмилу въ летаргическій сонъ. Спустившись на землю послѣ своего полета съ Черноморомъ, Русланъ застаетъ Людмилу погруженною въ этотъ волшебный сонъ и тщетно старается разбудить ее. Послѣ довольно продолжительной сцены отчаянія, онъ восклицаетъ: „Скорѣе, скорѣе въ отчизну, кудесниковъ сильныхъ озовемъ и къ радостямъ вновь оживемъ, иль справимъ печальную тризну!“ Къ нему присоединяется хоръ дружины Черномора, просящей Руслана принять ее на свою службу и изъявляющей готовность всюду слѣдовать за нимъ: всѣ отправляются въ Кіевъ; Людмилу уносятъ съ собой; занавѣсъ падаетъ. Финалъ, содержаніе котораго здѣсь изложено, распадается на двѣ части: на сцену летаргіи Людмилы, и на заключеніе, начинающееся со словъ Руслана „Скорѣе, скорѣе въ отчизну“. Первая половина почти вся занята однимъ соло Руслана, съ небольшими вставленными фразами Ратмира и Гориславы, выражающими свое участіе. Это соло эффектно аккомпанируется оркестромъ: тремоло скрипокъ и альтовъ, фигура віолончелей и контробасовъ, кларнетное соло прекрасно оттѣняютъ мелодію Руслана, выражающаго свое горестное изумленіе. Но гораздо замѣчательнѣе первая изъ упомянутыхъ вставленныхъ фразъ Ратмира и Гориславы, а именно на слова: „Волшебный сковалъ ее сонъ. Ахъ, тщетно злодѣй побѣжденъ, не гибнетъ волшебная сила!“ Слова эти Горислава и Ратмиръ поютъ въ октавахъ, мѣрнымъ речитативомъ, который аккомпанируется низкими тонами двухъ флейтъ и одного гобоя, въ соединеніи съ однимъ фаготомъ, и раздѣленными на двѣ партіи альтами. Неподвижность сначала, потомъ робкое движеніе этихъ двухъ голосовъ по полутонамъ. Эффектъ октавъ между голосами, превосходная гармонія и упомянутыя краски оркестра—все это вмѣстѣ безподобно передаетъ состояніе ужаса предъ новою, неожиданною бѣдой. Вторая половина финала есть не что иное какъ антрактъ предъ

лющаяся фигура первыхъ скрипокъ, усилившійся хроматизмъ и затѣйливая узорчатость мелодіи (*Меня красавицы любили*) не въ состояніи попатнуть общее спокойствіе, разлитое надъ всею піесой: и здѣсь большею частью басъ выдерживаетъ педаль на тоникѣ, сообщая чрезъ это гармоніи колоритъ роскошнаго покоя. Речитативъ „Все тихо, дремлетъ станъ,“ слѣдующій за романсомъ, отличается вѣрно схваченнымъ ночнымъ колоритомъ въ оркестровкѣ; мужской хоръ „Въ странномъ смятеньѣ, въ дикомъ волненьѣ, мрачнымъ собраніемъ сходится станъ“, въ которомъ заключается разсказъ объ исчезновеніи Людмилы изъ спящаго стана, замѣчателенъ оригинальнымъ выраженіемъ словеснаго содержанія. Вѣрный своей музыкальной природѣ, Глинка здѣсь всѣмъ пожертвовалъ для обозначенія общаго настроенія. Въ разсказѣ, слова котораго * на первый взглядъ требуютъ безпорядочнаго речитатива, нѣтъ ни малѣйшаго намека на стремленіе выдѣлить отдѣльные моменты, драматизировать декламацію. Это не оттого что здѣсь поетъ хоръ: есть примѣры хоровыхъ, унисонныхъ речитативовъ, конечно, въ видѣ исключенія, но отчасти весьма удачные. Пріемъ, которымъ написанъ хоръ „Въ странномъ смятеньѣ“, объясняется изъ индивидуальности Глинки, всегда склонной объединять отдѣльные моменты въ общія картины настроеній. „Странное смятенье“ въ музыкѣ вышло безподобнымъ: стремительный темпъ, испуганные возгласы („скрылся Русланъ и бѣдный Русланъ“), безостановочныя секвенціи, дикій, громкій унисонъ, общій отпечатокъ неожиданности и чрезвычайности, вотъ что вознаграждаетъ здѣсь за отсутствіе повѣствующаго речитатива, въ которомъ каждое отдѣльное слово было бы просодически взвѣшено. Прибавлю, что разбираемый хоръ и съ чисто-музыкальной стороны чрезвычайно оригиналенъ. Въ превосходномъ речитативѣ, между отдѣльныхъ фразъ котораго оркестръ напоминаетъ фигуру предыдущаго хора, Ратмиръ выражаетъ свой ужасъ при этой новости. Является Финнъ спасти и утѣшить. Согласно своей

---

* Вотъ эти слова цѣликомъ: „Скрылся Русланъ; тайно, невѣдомо скрылась княжна. Духи ночей, легче тѣней, дѣву-красавицу въ полночь похитили. Бѣдный Русланъ, цѣли не вѣдая, тайною силою, въ полночь глубокую, скрылся за бѣдной княжной.“

безмятежной величавости, и онъ не речитативомъ, а прямо кантиленой, исполненною глубоко-сосредоточеннаго чувства, поетъ Ратмиру: „Успокойся! Минетъ время, и надъ вами солнце жизни, радость тихая блеснетъ.“ Красивая мелодія этой фразы (соль-мажоръ, $^{6}/_{8}$) аккомпанируется широко-расположенными и выдерживаемыми аккордами струннаго квинтета. Выражая Финну свое упованіе на него и на свѣтлую будущность, Ратмиръ присоединяется къ его пѣнію. Новая фраза Финна: „Съ перстнемъ симъ волшебнымъ, въ Кіевъ ступай“ (ми-мажоръ $^{4}/_{4}$), свѣтлая и радостная, по тону необыкновенно *близка* къ прежнимъ піесамъ его партіи, во второмъ и третьемъ дѣйствіяхъ; тотъ же строгій діатонизмъ, то же обиліе задержаній, тѣ же плавно и широко движущіеся голоса въ струнномъ квинтетѣ; можно сказать, что слухъ здѣсь съ первыхъ тактовъ узнаетъ Финна, хотя никакого повторенія, никакого прямаго намека на балладу или на речитативъ „О витязи“ здѣсь нѣтъ и слѣда. Это фамильное сходство почти всѣхъ піесъ его роли („Успокойся, минетъ время“ наиболѣе удаляется отъ общаго типа, хотя нисколько не противорѣчитъ ему), дѣлаетъ личность Финна самою цѣльною, самою сосредоточенною, самою глубоко-единою изъ всѣхъ характеровъ этой оперы. Дуэтъ „Съ перстнемъ симъ волшебнымъ“ (ибо къ этой фразѣ вскорѣ присоединяется Ратмиръ своимъ голосомъ), свѣжій и прелестный по мелодіи, богатъ красивыми модуляціями, которыя каждый разъ весьма эффектно обозначаются вступленіемъ волторны. Форма его необычайная: начинаясь въ ми-мажоръ, онъ кончается въ тонѣ первой фразы Финна (соль-мажоръ), а оркестровая ритурнель послѣ него (заключающая превосходныя имитаціи) даже въ соль-миноръ.

Вторая картина пятаго дѣйствія начинается съ хора: „Ахъ ты свѣтъ Людмила, пробудись—проснися!“ Хоръ этотъ аккомпанируется военнымъ оркестромъ на сценѣ (изображающимъ здѣсь тѣ „гласы трубны“, которыми у Пушкина въ *Русланѣ и Людмилѣ* старались разбудить княжну). Пѣніе хора снова переносить насъ въ ту область глубокой, эпической, языческой древности, которая такъ геніально очерчена въ первомъ дѣйствіи; подобно первой половинѣ перваго дѣйствія, вторая половина послѣдняго изображаетъ фонъ драматической картины, обстановку эпохи, между тѣмъ какъ во второмъ, третьемъ и четвертомъ дѣйствіяхъ, во второй

половинѣ перваго дѣйствія и въ первой сценѣ пятаго, характеристика эпической обстановки уступаетъ мѣсто обрисовкѣ личностей и ситуацій. Превосходная, въ высшей степени колоритная тема (въ тонѣ ре эолійскомъ) и здѣсь даетъ поводъ къ образованію варіацій; этихъ варіацій четыре, изъ коихъ двѣ первыя заняты пѣніемъ хора, а двѣ послѣднія— пѣніемъ соло Свѣтозара и Фарлафа. Четвертая и послѣдняя замѣчательна искусною и изящною замѣной минорной гармоніи мажорною, при буквальномъ сохраненіи мелодіи: пріемъ этотъ составляетъ pendant къ пріему упомянутому при разборѣ хора „Ложится въ полѣ мракъ ночей", гдѣ въ одной изъ варіацій, напротивъ того, мажорная гармонія замѣнена минорною. Слѣдующій за этими варіаціями насмѣшливый возгласъ хора, обращенный къ Фарлафу: „Ой Фарлафъ! Горе-богатырь! Разбуди княжну словомъ молодецкимъ!" замѣчателенъ по великолѣпному сопоставленію фригійскихъ каденцій, свидѣтельствующему о глубочайшемъ пониманіи духа церковныхъ ладовъ. Вторая жалоба хора: „Не проснется птичка утромъ", знакома намъ уже изъ антракта. По колориту древности и народности она много уступаетъ первой, но не менѣе ея прекрасно гармонизована: особенно хорошъ контрастъ между торжественнымъ, суровымъ характеромъ средней части („Во храмъ боговъ спѣши, нашъ князь") и тою легкостью и нѣжностью, которыя свойственны всей остальной пѣснѣ.

Трубы (говоря сценически, а говоря музыкально, двѣ валторны и двѣ трубы) возвѣщаютъ о прибытіи Руслана. Его привѣтствуетъ громкій возгласъ Свѣтозара и хоръ „Русланъ, о радость!" Фарлафъ скрывается. Русланъ подходитъ къ Людмилѣ и касается ея волшебнымъ перстнемъ; она медленно оживаетъ. Для музыкальной обрисовки этой чудесной минуты Глинка выдвинулъ на первый планъ опять арфу и фортепіано, съ ними аккомпанируютъ пѣнію Руслана („Радость, счастье ясное") альты, віолончели и одинъ контрабасъ. Звукъ фортепіано *въ оркестрѣ*, по совершенному различію со всѣми остальными тембрами, имѣетъ нѣчто фантастическое и является весьма полезнымъ пособіемъ волшебной оперѣ для охарактеризованія чудеснаго, сверхъестественнаго происшествія. Мелодія фразы „Радость, счастье ясное", свѣтлая, тихая и спокойная, поется сначала Русланомъ (въ ми-бемоль мажоръ) потомъ

Людмилой (въ си-бемоль мажоръ), и ею поется *легка*, на нотахъ невѣроятной высоты, что составляетъ одну изъ многихъ вокальныхъ трудностей этой многотрудной партіи. При повтореніи этой мелодіи Людмилой, гармонія нѣсколько усложняется, и къ фортепіано, арфѣ, альтамъ и віолончелямъ аккомпанимента присоединяются еще двѣ флейты и два кларнета въ среднемъ регистрѣ, самомъ тихомъ и нѣжномъ (Людмила поетъ съ закрытыми глазами и приходитъ въ себя во время своего пѣнія). Фраза хора „Коль сладокъ свиданія часъ“, эффектно оттѣненная модуляціей въ ре-бемоль мажоръ, аккомпанируется (какъ и *всякая* фраза хора въ этомъ дѣйствіи) военнымъ оркестромъ, а именно его деревянными инструментами; слѣдуетъ небольшой ансамбль Людмилы, Гориславы, Ратмира, Руслана, Свѣтозара съ хоромъ, построенный все на той же мелодіи „Радость, счастье ясное“, которая на этотъ разъ поручена Ратмиру; этотъ ансамбль заключаетъ эту часть финала. Въ ней высказался моментъ тихой и свѣтлой радости, моментъ успокоенія послѣ многихъ и долгихъ страданій, бореній и испытаній. Но этимъ не исчерпана ситуація: возвращеніе и оживленіе Людмилы должны ознаменоваться шумнымъ, блестящимъ празднествомъ. Этотъ второй моментъ исчерпывается заключеніемъ финала, хоромъ „Слава великимъ богамъ“, которымъ и оканчивается опера.

Два мотива, на которыхъ построенъ этотъ хоръ, намъ извѣстны изъ увертюры, гдѣ первый изъ нихъ („Слава“) составляетъ вступленіе и въ послѣдствіи играетъ обширную роль въ тематизаціи, второй же (мелодія оркестра, играемая скрипками и альтами во время словъ хора „Да процвѣтаетъ въ полной силѣ и красѣ“ и пр.) есть главная тема. Самая постройка этого заключительнаго хора (начинающаго, послѣ того какъ предшествующая фраза окончилась каденціей въ си-бемоль мажоръ, прямо и внезапно въ ре-мажоръ) въ продолженіи 68 тактовъ строго придерживается увертюры (разнясь отъ нея только въ инструментовкѣ, такъ какъ увертюра написана для одного обыкновеннаго оркестра, безъ участія военнаго, а финалъ для двухъ оркестровъ); отсюда, вмѣсто перехода къ пѣснѣ Руслана: „О Людмила, Лель сулилъ мнѣ счастье“, дѣлаемаго въ увертюрѣ, начинается небольшая фраза Ратмира и Гориславы („Радость и утѣха“) обращающихся къ молодой четѣ съ поздравленіями. Фраза эта, по своей

модуляціонной постройкѣ, содержитъ сильную примѣсь церковныхъ ладовъ, хотя тонъ ея собственно есть фа-мажоръ; въ противоположность шумному, громкому хору, предшествующему ей, она аккомпанируется только арфой и pizzicato струннаго квинтета. Оригинальная и красивая, она отличается легкостью и граціей, въ особенности второе ея колѣно, гдѣ въ аккомпаниментѣ литавры и валторны поочередно напоминаютъ (*pianissimo*) мотивъ „Слава" предыдущаго хора. Внезапная модуляція цѣлою массой обоихъ оркестровъ возвращаетъ насъ къ фразѣ „Да процвѣтаетъ", которая повторяется цѣликомъ; послѣ нея Ратмиръ и Горисланы также повторяютъ „Радость и утѣхи", только въ си-бемоль мажоръ, вмѣсто фа-мажоръ; за исключеніемъ перемѣны тональности и нѣкоторыхъ *обращеній* голосовъ Ратмира и Горислава, и это повтореніе буквально. Новое, столь же внезапное возвращеніе въ тонъ ре-мажоръ ведетъ, наконецъ, къ пероpaціи этого обширнаго и грандіознаго финала, начатки которой также были намѣчены въ увертюрѣ, но получили здѣсь гораздо болѣе широкое развитіе. Въ это заключеніе Глинка внесъ (въ военный оркестръ и въ контрбасы и віолончели обыкновеннаго оркестра) мотивъ лезгинки, что не мало смущало критику. Какой смыслъ имѣетъ лезгинка въ Кіевѣ, и именно въ моментъ празднованія торжества надъ Черноморомъ, къ обстановкѣ котораго принадлежитъ и лезгинка? Мнѣ кажется, что лезгинка обозначаетъ здѣсь участіе въ этомъ общемъ ликованіи дружины Черномора; что ею выражается соединеніе этихъ пришельцевъ съ Кіевлянами въ чувствѣ общей, братской радости. Съ музыкальной точки зрѣнія нельзя не признать, что отъ присоединенія этихъ иностранцевъ тонъ общей веселости много выигралъ. Лезгинка имѣетъ нѣчто беззавѣтно, изступленно веселое, она придаетъ заключенію оперы вакхическій оттѣнокъ, котораго безъ нея не было бы. Техническій пріемъ ея введенія искусенъ и совершенно свободенъ отъ принужденія и натяжки—контрапунктическихъ недуговъ, неизвѣстныхъ Глинкѣ. Роскошные, ослѣпительно-блестящіе аккорды замыкаютъ собой широко-развитый финалъ и завершаютъ зданіе цѣлой оперы.

О разобранномъ сейчасъ финалѣ можно сказать, что онъ хорошъ до непрактичности. Извѣстно, что далеко не вся публика высиживаетъ оперы до конца, а тѣмъ болѣе такую

обширную оперу, какъ *Русланъ*, одну изъ длиннѣйшихъ въ литературѣ оперъ; поэтому большинство оперныхъ заключеній, разчитанныя на шумъ сборовъ къ отъѣзду, ходьбы и двиганья стульевъ, написаны съ весьма извинительною небрежностью. Заключеніе же *Руслана и Людмилы*, какъ по своему грандіозному содержанію, запечатлѣнному праздничнымъ блескомъ и великолѣпіемъ, такъ и по своей колоссальной формѣ, широкой, полной и превосходно-округленной, составляетъ произведеніе мастерское; а опытъ доказалъ, что дѣйствительно, шумъ ходьбы и двиганья стульевъ часто заглушалъ это мастерское произведеніе. Но здѣсь лишь повторяется, въ болѣе рѣзкомъ примѣрѣ, та непрактичность идеальнаго изящества, которою (если вмѣнять красоты въ недостатки), грѣшитъ вся опера отъ начала до конца. Будучи совершенно лишена второстепенныхъ, менѣе тщательно отдѣланныхъ сценъ и партій, почти не спускаясь съ высшаго уровня вдохновенія, опера *Русланъ и Людмила* не представляетъ вниманію слушателя возможности отдыха и сосредоточенія на главныхъ пунктахъ. Между тѣмъ обычай слушать не цѣлую оперу, а только три, четыре наиболѣе выдающіеся ея нумера, весьма распространенъ и будетъ держаться, пока будутъ держаться италіянскія оперы, введшія его. Для пониманія *Руслана и Людмилы* такой обычай непримѣнимъ, и вотъ еще причина, кромѣ сценическихъ недостатковъ либретто, объясняющая неуспѣхъ и непопулярность этой оперы.

Но эта непопулярность — явленіе временное. До сихъ поръ не было примѣра, чтобы великія народныя произведенія искусства навсегда оставались, въ средѣ своего же народа, нелюбимыми и непризнанными. Они только бываютъ болѣе или менѣе долго непоняты. Невыгодныя внѣшнія свойства *Руслана и Людмилы* (не говоря уже о томъ, слишкомъ далекомъ отъ идеала, исполненіи, о скудной и скупой обстановкѣ, которыя достались на долю этой оперы) достаточно важны, чтобъ объяснить печальный фактъ медленнаго усвоенія этой капитальной оперы нашимъ эстетическимъ сознаніемъ. Но непониманіе заслугъ Глинки на оперномъ поприщѣ, кажется, начинаетъ отживать и мало-по-малу замѣняется отношеніемъ, исполненнымъ благоговѣнія и энтузіазма. Со временемъ масса усвоитъ воззрѣніе, которое теперь живо и крѣпко въ умахъ меньшинства,—что *Русланъ и Людмила* не

только обогатила музыкальную технику первоклассными образцами формъ, гармоніи и инструментовки, но также внесла въ музыкально-драматическій стиль новые задатки его будущаго развитія: новыя средства выраженія ситуаціи и обрисовки характера, цѣльныя и живыя музыкальныя личности, сильная индивидуальность которыхъ заставляетъ блѣднѣть все, что̀ имѣется въ этомъ родѣ въ оперной музыкѣ. *Русланъ и Людмила* — опера съ важными недостатками; и этихъ недостатковъ (я разумѣю упомянутые сценическіе) въ иныхъ операхъ нѣтъ. Но уступая многимъ операмъ, напримѣръ, французской школы, во внѣшностяхъ, въ лоскѣ сценическаго „шика“, *Русланъ и Людмила*, если взглянуть не на отрицательныя, а на положительныя стороны этой оперы, представляетъ неисчерпаемыя сокровища поэзіи и психическаго анализа. Даже помимо арій и хоровъ *Руслана*, одного речитатива этой оперы достаточно, чтобъ убѣдить изучающаго ее критика въ ея особенной важности въ области музыкальной драмы, для которой оригинальное созданіе нашего безсмертнаго Глинки открываетъ новые, невѣдомые до него горизонты.

Г. ЛАРОШЪ.

ПИСЬМА О ГРЕЦІИ

I. На пароходѣ.

15-го декабря 1865 года, вечеръ.

Какъ ни опасно бываетъ иногда плаваніе въ зимнее время, сколько ни страдалъ я отъ морскихъ бурь и непогодъ, сколько ни давалъ себѣ обѣщаній не ввѣряться такой невѣрной и измѣнчивой стихіи, какъ море, тѣмъ не менѣе страсть къ путешествіямъ, свойственная, мнѣ кажется, болѣе или менѣе всякому образованному человѣку, постоянно превозмогала во мнѣ всевозможныя опасенія, заставляла забывать прошедшіе ужасы и страхи и увлекала къ новымъ, суля между тѣмъ одни удовольствія впереди. Но никогда, можетъ-быть, эта страсть не говорила во мнѣ такъ сильно, какъ въ тотъ день, когда впервые представилась мнѣ возможность посѣтить Грецію, имя которой заставляло биться еще мое отроческое сердце при первыхъ урокахъ исторіи; Грецію, которую умъ цѣнилъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе онъ развивался, съ которою у меня, какъ у Русскаго, столько общихъ, сочувственныхъ сторонъ по религіи и по преданіямъ старины; за которую еще въ недавнее время пролито столько русской драгоцѣнной крови, благодѣтельно искупившей ее отъ позорнаго многовѣковаго рабства и возродившей ее къ новой жизни. Но восторгъ не замедлилъ однакоже утихнуть при отъѣздѣ моемъ изъ Константинополя. Всякій, кто путешествовалъ, согласится, что кромѣ неудобствъ и горечей, такъ-сказать, собственно путевыхъ, то-есть составляющихъ болѣе или менѣе неотъемлемую принадлежность всякаго путешествія, — въ жизни путешественника есть еще не менѣе

горькія минуты пріѣзда и отъѣзда. Какъ ни очаровательны нѣкоторыя мѣстности, но и тамъ, на первыхъ порахъ, взгрустнется одинокому путешественнику, покуда онъ не привыкнетъ къ новому языку, къ новымъ обычаямъ, къ новымъ людямъ — однимъ словомъ, къ новому образу жизни. Когда же ко всему этому попривыкнешь, со многими даже очень сблизишься, а съ иными и породнишься: каково вдругъ покидать все это, можетъ-быть, безъ надежды увидѣть опять, и во всякомъ уже случаѣ мѣнять на другое, еще неизвѣстное, если привлекающее отчасти этою самою неизвѣстностью, то въ то же время и пугающее ею! Иногда жаль бываетъ и четырехъ стѣнъ комнаты, въ которой проводилъ, можетъ-быть, и не очень пріятные дни, а жаль такъ, по привычкѣ, въ силу которой—если вѣрить поэту—и несчастный узникъ, выпущенный на свободу, „о тюрьмѣ своей вздохнулъ“. Какъ же не вздохнуть о городѣ, гдѣ проведены не дни, а цѣлые, можетъ-быть, годы, и къ тому же еще „все лучшіе годы“!

Не одинъ разъ случалось мнѣ грустно вздыхать, покидая иные города. Такъ и въ этотъ разъ, несмотря на всю радость давно желаннаго путешествія и на все мое отвращеніе къ Константинополю, я погрустилъ, покидая тамъ многихъ добрыхъ товарищей и друзей. Трое изъ нихъ проводили меня на французскій пароходъ *Нилъ*, который, по объявленію, долженъ былъ сняться съ якоря ровно въ 4 часа пополудни. Мы прибыли за часъ до назначеннаго времени, но увидѣли еще столько товаровъ для грузки, что могли сразу убѣдиться, что пароходъ непремѣнно промедлитъ болѣе часа. Однако пошли, спросили капитана, и услышали отъ него обычный казенный отвѣтъ: „Пароходъ снимается съ якоря ровно въ 4 часа“. Посмотрѣвъ еще разъ на количество привезеннаго и еще не принятаго на пароходъ груза, мы рѣшились съѣхать на берегъ для размѣна денегъ, такъ какъ на пароходѣ требовали французской монеты, а турецкую золотую,—вездѣ, впрочемъ, очень высоко цѣнимую,—принимали по слишкомъ уменьшенной цѣнѣ, то-есть, сказать по-просту, притѣсняли.... Да и гдѣ не притѣсняютъ путешественника? Гдѣ не пользуются для своихъ выгодъ его затруднительнымъ положеніемъ, въ какомъ онъ часто находится на чужой странѣ?... Весьма грустную идею о человѣчествѣ составилъ бы себѣ тотъ, кто сталъ бы судить о немъ по личностямъ, встрѣчаемымъ на большихъ дорогахъ,

служащимъ и завѣдывающимъ чѣмъ-нибудь на пароходахъ, станціяхъ, трактирахъ и т. п. мѣстахъ, гдѣ болѣе всего приходится витать путешественнику! Замѣчу между прочимъ, что французскіе пароходы едва ли не менѣе всѣхъ другихъ могутъ похвастать вѣжливостію и общительностью экипажа и прислуги.

Мы успѣли съѣздить на берегъ, въ Галатѣ размѣняли деньги и вернулись, спѣша изо всѣхъ силъ, ровно къ 4 часамъ, а пароходъ еще нисколько не былъ готовъ сниматься съ якоря. Цѣлый часъ провелъ я, гуляя по палубѣ и любуясь великолѣпнымъ закатомъ солнца, которое такъ чудно играло безчисленно отраженными лучами въ окнахъ Скутари. Не даромъ у Византійцевъ Скутари назывался *Хризополисомъ*, что̀ значитъ по-гречески Золотой городъ. Сколько разъ, именно въ такіе часы, любовался я этимъ видомъ, въ особенности съ большаго моста, соединяющаго Стамбулъ съ Перой. Придется ли когда-нибудь любоваться имъ опять?

Въ 5 часовъ мы стали сниматься съ якоря. Чрезъ полчаса обогнули угольный мысъ Серая, на которомъ теперь торчатъ только обгорѣлыя основанія стараго дворца, сгорѣвшаго два года тому назадъ. Влѣво отъ насъ остались Скутари, Кадыкіой,—лѣтняя отрада Константинополя, и еще далѣе—Принцевы острова. Еще полчаса—и вотъ уже едва бѣлѣютъ, при блѣдномъ свѣтѣ луны, массивныя стѣны Семибашеннаго за̀мка. Скоро и тѣ совсѣмъ скрылись изъ виду. Прости, Константинополь!

16-го декабря.

Рано утромъ пароходъ бросилъ якорь въ виду Дарданеллъ; чрезъ часъ снялся и пошелъ далѣе. Я всталъ въ 9 часовъ и спросилъ у слуги кофею: но тотъ отвѣчалъ, что чрезъ полчаса готовъ уже будетъ завтракъ. Странное расположеніе времени: завтракъ въ $9\frac{1}{2}$ часовъ, а обѣдъ въ 6! Никогда на другихъ пароходахъ не случалось мнѣ встрѣтить подобнаго. Чрезъ полчаса мы дѣйствительно сѣли за столъ, уставленный всякаго рода закусками и десертомъ. Кромѣ того подали три горячія блюда, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимала необходимая во французской кухнѣ яичница. Вино красное довольно хорошее, по крайней мѣрѣ несравненно лучше той микстуры, которою угощаютъ публику французскіе

ресторатеры въ Константинополѣ. За столомъ насъ всего сидѣло человѣкъ съ десять. По правую руку отъ капитана, занимавшаго мѣсто хозяина, помѣстилась леди Бульверъ, ѣдущая въ южную Францію къ своему супругу, игравшему столько лѣтъ важную дипломатическую роль на Востокѣ, въ качествѣ представителя Англіи. Его отставка, испрошенная имъ самимъ по причинѣ его болѣзненнаго состоянія, надѣлала много шуму и въ особенности возбудила много толковъ въ журналистикѣ, какъ мѣстной, то-есть восточной, такъ и вообще въ европейской. Въ газетахъ, даже турецкихъ, воспѣвались такіе гимны талантамъ сэръ-Генри Бульвера, отъ которыхъ, вѣроятно, не поздоровилось турецкому правительству; оно, по словамъ своихъ же органовъ печати, руководилось во всемъ внушеніями англійскаго министра! На дѣлѣ-то оно, пожалуй, и точно такъ; только источникъ всего этого не личность Бульвера или какого бы то ни было другаго дипломата, а вообще положеніе Англіи въ Турціи, такъ какъ послѣдняя, по силѣ обстоятельствъ, заняла въ отношеніи къ первой рѣшительно роль вассальнаго государства. Какъ бы то ни было, но неоспоримо то, что сэръ-Генри Бульверъ очень ловко для своего правительства и не безвыгодно лично для себя умѣлъ пользоваться своимъ блестящимъ положеніемъ. Извѣстно, что сэръ-Генри, начавъ строить великолѣпный дворецъ на подаренномъ ему, еще покойнымъ султаномъ, голомъ и пустомъ островѣ Мраморнаго моря (въ сосѣдствѣ Принцевыхъ острововъ) продалъ этотъ островъ съ неоконченными на немъ постройками нынѣшнему египетскому вице-королю Измаилъ-пашѣ за баснословно дорогую цѣну, а именно около двухъ милліоновъ франковъ. Этотъ торгъ совершился именно въ то самое время, когда англійскій министръ пользовался роскошнымъ гостепріимствомъ египетскаго владыки: онъ жилъ въ его загородномъ дворцѣ въ Шубрѣ (близь Каира) и былъ угощаемъ подобно царственной особѣ. Въ политикѣ есть дѣла темныя для современниковъ; иныя же не вполнѣ выясняются и для потомства. Несомнѣнно то, что пребываніе англійскаго министра въ Египтѣ много повредило предпріятію Лессепса, которому такъ благопріятствовалъ покойный вице-король Саидъ-паша, вопреки видамъ Англичанъ, которымъ прорытіе Суэзскаго канала не по вкусу. Съ другой стороны, это же самое пребываніе много содѣйствовало осуществленію

видовъ Измаилъ-паши касательно его семейныхъ дѣлъ. Тогда же обѣщано ему было ходатайство англійскаго посла предъ великими державами и предъ Портой объ измѣненіи порядка престолонаслѣдія въ пользу его прямой династіи, то-есть чтобъ ему, по смерти его, наслѣдовалъ собственный сынъ его, а не братъ, въ качествѣ старшаго въ родѣ, какъ то было доселѣ * по законамъ и обычаямъ мусульманскихъ государствъ.

Сэръ-Генри Бульверъ разстался съ Востокомъ въ самую лучшую для себя пору, то-есть въ зенитѣ успѣха. Султанъ сдѣлалъ ему самый блестящій прощальный пріемъ и потомъ еще оказалъ ему, уже по отъѣздѣ его, новый знакъ благосклоннаго вниманія въ лицѣ его супруги, приславъ ей въ подарокъ, предъ самымъ выѣздомъ ея изъ оттоманской столицы, богатую бриллiантовую вещь. Вчера леди Бульверъ прибыла на пароходъ со всевозможными почестями на парадномъ каикѣ англійскаго посольства, въ сопровожденіи новаго посла лорда Лайонса и его свиты. Все посольство простилось съ ней очень дружественно и почтительно, какъ умѣютъ прощаться Англичане. Леди Бульверъ—сестра англійскаго посла въ Парижѣ, лорда Коулея. Отецъ ея былъ долгое время представителемъ Англіи при дворѣ австрійскаго императора Франца II и получилъ отъ этого монарха бриллiантовый портретъ на орденской лентѣ, съ правомъ передачи, по его смерти, дочери. Я видѣлъ леди Бульверъ съ этимъ украшеніемъ, когда, около трехъ лѣтъ тому назадъ, представленъ былъ ей въ первый разъ на блистательномъ раутѣ, данномъ ею и мужемъ ея въ Константинополѣ, по случаю бракосочетанія принца Вельсскаго. Хотя султанъ по этому случаю и прислалъ въ англійскій дворецъ свою великолѣпную музыку, но танцевъ тамъ не было, такъ какъ при дворѣ трауръ по принцѣ Альбертѣ все еще продолжался: музыкѣ пришлось забавлять публику каватинами Верди. Хозяйка была очаровательна своею любезностію и, благодаря вспомогательнымъ средствамъ пышнаго туалета, показалась мнѣ еще довольно молодою. Теперь, увидѣвъ ее на пароходѣ, въ простомъ нарядѣ, безъ всякихъ прикрасъ и къ тому же еще

* Это измѣненіе нынѣ уже признано за Египтомъ какъ Турціей такъ и Европой.

съ глазами полными слезъ, вызванныхъ, вѣроятно, разлукой съ покидаемымъ городомъ, я разочаровался въ леди Бульверъ: она очень пожилая и къ тому же еще некрасивая женщина. Другіе болѣе интересные пассажиры, составляющіе, кромѣ капитана и пароходнаго доктора, наше общество: молчаливый надиво Французъ и вовсе не надиво разбитная Француженка, два Грека и съ ними двѣ прелестныя Гречанки. Послѣ завтрака, усѣвшись предъ каминомъ, Гречанки вступили съ нами въ разговоръ о мѣстахъ, въ виду которыхъ мы проходили. Натурально, рѣчь зашла о Троѣ. Докторъ захотѣлъ похвастать своимъ знаніемъ древне-греческаго языка и сталъ цитировать стихи изъ Одиссеи. Гречанки поправляли его: оказалось, что онѣ знакомы съ Гомеромъ не хуже любаго нѣмецкаго филолога. Этотъ интересный и пріятный разговоръ прерванъ былъ приходомъ старика, одного изъ пароходныхъ офицеровъ, вошедшаго погрѣться у камина. Ни съ того, ни съ сего, господинъ этотъ вдругъ воодушевился жаромъ самаго пламеннаго патріотизма и прочелъ блестящую лекцію о преимуществахъ французскаго языка, съ которымъ, по его словамъ (чего, впрочемъ, никто и не думалъ оспаривать у него), легко путешествовать не только на всемъ Оттоманскомъ Востокѣ, но и въ предѣлахъ Индіи, Японіи и Китая. Затѣмъ перешелъ онъ къ храбрости Французовъ, утверждалъ, что если-бы французской арміи да хорошаго вождя, такъ она бы въ прахъ обратила и Россію и Англію, соединенныхъ вмѣстѣ. Попробовалъ было я, чтобъ удовольствовать горячихъ патріотовъ (моряка и доктора, приставшаго къ нему), похвалить географическое положеніе Франціи, такъ нѣтъ, не удовольствовались и этимъ! Говорятъ, Франція не можетъ быть счастливою дотолѣ, пока не возьметъ натуральныя свои границы: Бельгію и Рейнъ. Ого! подумалъ я, вотъ куда уже проникли наполеоновскія идеи! Посмотримъ, что-то на этотъ счетъ окажется и сдѣлается въ будущемъ. Въ настоящую же минуту мнѣ отрадно было, прекративъ политическіе разговоры, удалиться отъ искусственнаго тепла каюты на палубу, погрѣться на солнцѣ, которое, лучше чѣмъ иногда на сѣверѣ лѣтомъ, сегодня, среди зимы, сіяло надъ этимъ счастливымъ моремъ. Мы проходили около Тенедоса. Вотъ этотъ островъ, славный въ прежнее время битвами, а нынѣ извѣстный только виномъ, которымъ

снабжается цѣлый Константинополь. За Тенедосомъ началась маленькая качка, продолжавшаяся во весь остальной день. Француженка заболѣла первая, что̀ не помѣшало ей однако за обѣдомъ кушать съ отмѣннымъ аппетитомъ, а вечеромъ, лежа на диванѣ у камина, забавлять мужскую компанію веселыми шуточками. Изъ разговоровъ оказалось, что она актриса французской водевильной труппы, играющей теперь въ Перѣ, и притомъ одна изъ тѣхъ, о которыхъ можно сказать: „видна птица по полету". Къ чаю собрались не многіе, и тѣ рано разошлись по каютамъ, утомленные качкой.

Изъ замѣчательныхъ мѣстностей мы прошли еще въ этотъ вечеръ Хіосъ, видѣнный мною столько разъ, и еще знаменитый красотой своихъ обитателей Андро; послѣдній уже въ ночной темнотѣ.

II. Карантинъ въ виду Пирея.

17-го декабря.

Еще въ Константинополѣ я слышалъ кое-что о томъ, что по случаю холеры, опустошавшей Турцію въ минувшее лѣто, суда, приходящія въ Грецію откуда бы то ни было, хотя бы изъ самыхъ здоровыхъ мѣстъ и съ самыми чистыми патентами, должны и нынѣ выдерживать строгій карантинъ. Сегодня слухи эти оправдались на самомъ дѣлѣ и притомъ самымъ непріятнымъ для меня образомъ. Едва дождались мы разсвѣта, открывшаго намъ во всей его очаровательной панорамѣ заливъ Пирея, окаймленный съ правой стороны цѣпью довольно высокихъ горъ, слѣва низменнымъ каменистымъ берегомъ (между этими камнями указываютъ могилу Θемистокла), а прямо со стороны моря новымъ, премиленькимъ городкомъ, какъ подъѣхала къ пароходу нашему лодка съ таможенными и карантинными людьми. Забрали всѣхъ имѣвшихъ намѣреніе высадиться въ Пиреѣ, и чрезъ нѣсколько минутъ высадили насъ не въ пирейской гавани, а на противолежащемъ берегу, усѣянномъ нѣсколькими домиками, чтобы не сказать хижинами. То были на̀-скоро построенныя убѣжища для несчастныхъ, какъ мы, путешественниковъ, обязанныхъ держать карантинъ. Ѣхавъ въ лодкѣ, я познакомился съ однимъ изъ бывшихъ съ нами Грековъ, который и на пароходѣ еще оказывалъ

мнѣ много любезностей, отъ каковыхъ я однакоже уклонялся, стараясь избѣгать, по нѣкоторымъ особеннымъ тогдашнимъ обстоятельствамъ и вслѣдствіе данныхъ мнѣ наставленій, новыхъ знакомствъ. Но въ настоящемъ случаѣ одно такое знакомство стало необходимо: по счастію, оно оказалось для меня не только пріятнымъ, но и въ высшей степени полезнымъ. Новый мой знакомецъ былъ извѣстный г. Крокидасъ, обязательно вызвавшійся дѣлить вмѣстѣ со мной труды и непріятности карантиннаго заключенія. Мы вошли съ нимъ въ одинъ изъ этихъ домиковъ, деревянный и состоящій изъ двухъ комнатъ, совершенно пустыхъ, безо всякой мебели и притомъ до того грязныхъ, что мы въ ужасѣ отступили предъ этою грязью; перешли вслѣдъ за тѣмъ въ другой небольшой каменный, тотъ оказался не чище и не удобнѣе, но за то гораздо холоднѣе перваго. Мы хотѣли-было посмотрѣть еще третій, самый большой и красивый изъ всѣхъ карантинныхъ домовъ, но намъ сказали, что тотъ занятъ пріѣзжими изъ Смирны, осужденными на одиннадцатидневный карантинъ (намъ, пріѣзжимъ изъ Константинополя, назначенъ былъ пятидневный). Однакоже, не удовольствовавшись такимъ объясненіемъ, недовѣрчивый, неутомимый мой спутникъ не переставалъ розыскивать и хлопотать, и въ самомъ дѣлѣ оказалось, что нижній этажъ большаго дома свободенъ, а верхній занятъ княземъ Суццо (бывшимъ недавно греческимъ посланникомъ въ С.-Петербургѣ), который просилъ для своего спокойствія или, лучше сказать, комфорта, никого болѣе не помѣщать въ этотъ домъ безъ особенной нужды. Услужливые карантинные смотрители, конечно, въ чаяніи будущей благодарности, постарались предупредить желаніе князя. Несмотря, однакоже, на всѣ эти старанія, мы съ г. Крокидасомъ преспокойно заняли одну изъ нижнихъ комнатъ, а другую заняло одно, пріѣхавшее вмѣстѣ съ нами изъ Константинополя, очень милое греческое семейство. Но кромѣ того и всѣ остальные домики, даже до хижинъ и шалашей, въ которыхъ помѣщаются сторожа карантинные, переполнены были пріѣзжими, палубными пассажирами нашего парохода, мелочными торговцами и лавочными сидѣльцами изъ Константинополя, или же моряками, возвращавшимися изъ дальнихъ лѣтнихъ путешествій. И тѣ, и другіе спѣшили къ своимъ семействамъ на родину, къ

праздникамъ Рождества. Пока мы всѣ кое-какъ устраивались съ своею поклажей въ этихъ новыхъ жилищахъ, черезъ часъ или два стали уже пріѣзжать изъ Пирея родные и друзья для свиданія съ карантинными заключенниками. Первые пріѣхали, еще довольно рано поутру, двое аѳинскихъ студентовъ, братья сосѣдки нашей, молодой и прекрасной Гречанки: они съ вечера еще прибыли въ Пирей и провели тамъ безъ сна всю ночь въ ожиданіи парохода. Мнѣ, никогда еще дотолѣ не бывшему въ карантинномъ заключеніи, странно было видѣть карантинные порядки, по которымъ пріѣхавшіе для свиданія съ заключенниками не смѣютъ даже и приблизиться къ нимъ иначе какъ на извѣстное разстояніе, не только что подать другъ другу руки или обняться, какъ обыкновенно бываетъ при подобныхъ встрѣчахъ между родными и друзьями. Въ полдень, прогуливаясь на берегу залива, я замѣтилъ лодку, плывшую изъ Пирея прямо по направленію къ нашему дому, и въ то же время услышалъ голосъ, привѣтствовавшій меня по-русски: то былъ голосъ нашего консула, моего давнишняго друга Г. Кромѣ радости минутнаго свиданія, онъ принесъ мнѣ еще и радостную надежду на скорое избавленіе отъ скучнаго карантиннаго заключенія, такъ какъ, по его словамъ, докладъ о закрытіи карантиновъ въ Греціи составленъ уже въ совѣтѣ министровъ и сегодня же долженъ быть представленъ на утвержденіе королю. Обольщенный этими сладкими надеждами ночевать уже въ Пиреѣ, если не въ Аѳинахъ, я тѣмъ тревожнѣе провелъ весь этотъ день, чѣмъ прекраснѣе была погода. Яркое аттическое солнце ослѣпительно играло на свѣтлоголубомъ безоблачномъ небѣ и въ часъ заката ослѣпительно золотило дальній, но вполнѣ видимый холмъ Акрополя, съ его многовѣковыми и многоцѣнными памятниками поэтической старины. Такъ и хотѣлось побѣжать къ этимъ чуднымъ развалинамъ, ближе взглянуть на эту классическую землю, которая, какъ бы нѣкая обѣтованная земля, не давалась намъ, будучи уже въ глазахъ нашихъ! Поздно вечеромъ прибылъ отъ моего друга нетерпѣливо ожидаемый вѣстникъ, но вмѣсто желанной вѣсти избавленія, онъ привезъ мнѣ только съѣстныхъ припасовъ и вина, а вмѣстѣ съ тѣмъ и все нужное для неприхотливой походной постели. Но я нейду спать, а гуляю по берегу залива и сѣтую, по справедливости, на трусость Грековъ, поддерживающихъ карантины въ

такъ уподобиться во всемъ другому! Только сосѣдство третьяго чуждаго праха, если мертвые могутъ чувствовать, должно быть оскорбительно великимъ мертвецамъ!

Но ни одна могила Θемистокла, а вся окрестъ лежащая мѣстность исполнена интереса для любителей исторіи, такъ какъ она была въ древности главнымъ театромъ дѣйствій во времена персидскихъ войнъ. Почти въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нынѣшнихъ нашихъ карантинныхъ жилищъ находятся остатки такъ-называемыхъ *большихъ стѣнъ*, которыми, начиная отъ самаго Пирея, обнесены были Аθины. Изъ оконъ занимаемаго нами дома видиѣется, въ синеватой дали моря, островъ Саламинъ, съ которымъ соединено столько славныхъ историческихъ воспоминаній! Нынѣ Саламинъ извѣстенъ въ сторонѣ своей болѣе подъ именемъ *Колури*. Это названіе, по всей вѣроятности, пришло ему отъ вида и свойствъ его почвы, которая есть не что иное какъ голая и каменистая скала. Несмотря однакоже на безплодіе острова, онъ населенъ: имѣетъ нѣсколько деревень, изъ которыхъ главная носитъ его нынѣшнее имя. На сѣверо-восточной сторонѣ острова, подлѣ деревни Мегары, находится монастырь Богородицы, замѣнившій, по мнѣнію нѣкоторыхъ, древній храмъ Минервы. Впрочемъ, замѣчательныхъ остатковъ древности нѣтъ никакихъ. Тѣмъ не менѣе всякій, болѣе или менѣе образованный путешественникъ, будучи въ Пирей, считаетъ своею обязанностью съѣздить оттуда и на Саламинъ: такъ велико историческое значеніе этого острова, со временъ великой морской битвы, которою Θемистоклъ спасъ Аθины, а съ ними и всю Грецію, слѣдовательно весь тогдашній цивилизованный міръ, отъ нашествія варваровъ Персовъ. Археологи досёлѣ спорятъ о мѣстѣ стоянки персидскихъ кораблей и о числѣ послѣднихъ. Достовѣрнѣйшіе полагаютъ, что число это, при началѣ нашествія на Грецію простиравшееся до 1.207, ко дню Саламинской битвы уменьшилось уже до 490. Греческій флотъ состоялъ изъ 300 кораблей, большею частью спрятанныхъ въ извилистыхъ бухтахъ за скалами отъ непріятеля, тогда только увидавшаго ихъ, когда они, въ самомъ пылу битвы, развернули фронтъ. Неподалеку отъ Пирея показываютъ то мѣсто, съ котораго Ксерксъ, сидя на серебряномъ тронѣ, слѣдилъ за ходомъ битвы въ то самое время, какъ на другой, противоположной сторонѣ, оставшіеся свободными отъ воинскихъ обязан-

ностей Аѳиняне, то-есть, надо полагать, одни только немощные старики и слабые дѣти, трепетно молили боговъ объ успѣхѣ оружія храбрыхъ своихъ братій.

Я любилъ мысленно переноситься къ этимъ доблестнымъ Грекамъ, глядя на ихъ потомковъ, товарищей моего заключенія, которые, можетъ-быть, и уступали во многомъ своимъ славнымъ предкамъ, но подобно имъ имѣли постояннаго непримиримаго врага, къ которому относились съ презрѣніемъ, и который, конечно, не менѣе Персовъ заслуживаетъ прозвища: варваръ. Всякая брань, всякая шутка насчетъ Турокъ была принимаема нашимъ греческимъ обществомъ съ удовольствіемъ. Въ одинъ вечеръ мы увидѣли блестящую иллюминацію стоявшаго на рейдѣ въ гавани Пирея военнаго турецкаго корабля, праздновавшаго въ тотъ вечеръ начало рамазана. При этомъ одинъ молодой Грекъ, изъ Константинополя, сталъ очень искусно представлять, разумѣется въ нѣсколько каррикатурномъ видѣ, турецкаго муллу; онъ очень хорошо перенялъ тѣлодвиженія Турокъ, равно какъ ихъ странный, однозвучный напѣвъ, и возбуждалъ въ присутствующихъ веселый смѣхъ. Посреди этого смѣха изъ толпы послышались слова брани и проклятія на Турокъ, ясно показывавшія, что вѣковая вражда между двумя племенами не умолкла, и взаимная ненависть еще жива.

Въ другіе вечера Греки забавляли меня своею національною пляской и столь извѣстною *ромайкой*, которую танцуютъ взявшись всѣ вмѣстѣ за руку, то-есть составивъ по-нашему хороводъ. Довольно однообразное па сопровождается не менѣе однообразнымъ пѣніемъ, которое, однакоже, всячески лучше турецкаго и армянскаго, какимъ мучили меня въ Константинополѣ. При яркомъ лунномъ освѣщеніи, хороводы эти, составленные, замѣчу мимоходомъ, изъ людей обоего пола и всѣхъ возрастовъ, не лишены были нѣкоторой граціи и своею, новою для меня, оригинальностью развлекали меня въ томительные долгіе вечера. По счастію, такихъ вечеровъ было только четыре. На пятый я готовился къ тому же препровожденію времени, съ завистью глядя на Пирей, откуда доносились къ намъ звуки военной музыки со стоявшихъ тамъ на якорахъ фрегатовъ, какъ вдругъ, на закатѣ солнца, часу въ шестомъ, раздались радостныя восклицанія: „практика! практика!“—и вслѣдъ затѣмъ показались

въ карантинной гавани нѣсколько лодокъ, изъ коихъ послѣдняя привезла намъ доктора, немедленно объявившаго, что наконецъ-то мы свободны. Мы на-скоро расплатились, и очень дорого, по 10 франковъ за каждый день. Плата эта пошла почти за одно помѣщеніе наше, такъ какъ все потребное для содержанія мы большею частію получали изъ Пирея. Товарищъ мой объяснилъ мнѣ, что изъ этой же суммы возьмутъ себѣ подарки карантинные служители и даже ихъ начальники. Чрезъ полчаса сѣли мы съ нимъ въ лодку и поплыли въ Пирей, гдѣ немедля пересѣли въ коляску, взяткой отдѣлались отъ таможни и помчались по отличному шоссе. Въ ночной темнотѣ нельзя было хорошо видѣть окрестности дороги; но пышное газовое освѣщеніе доставило мнѣ возможность окинуть бѣглымъ взглядомъ новый европейскій городъ, замѣнившій древнія Аѳины. Я помѣстился въ одной изъ лучшихъ гостиницъ, въ *Великобританіи*, и провелъ весь остальной вечеръ въ пріятной бесѣдѣ съ живущимъ тамъ же старымъ моимъ знакомцемъ, извѣстнымъ нашимъ дипломатомъ Л.

III. Аѳины.

22-го декабря.

Если вчера, несмотря на вечерній сумракъ и на краткость времени, проведеннаго мною въ Пиреѣ, одинъ видъ этого веселаго новенькаго городка ясно сказалъ мнѣ, что здѣсь уже не Азія, а Европа, то все видѣнное мною сегодня въ Аѳинахъ могло только усилить и утвердить такое впечатлѣніе. Аѳины въ нынѣшнемъ видѣ заняли бы почетное мѣсто въ любомъ цивилизованномъ государствѣ. Не удивительно, если столица Греціи напоминаетъ наружнымъ своимъ видомъ столицу Баваріи: тотъ же самый духъ руководилъ созиданіемъ одной, какъ и другой. Но въ Мюнхенѣ уцѣлѣло еще нѣсколько старинныхъ улицъ, какихъ не найдемъ въ новыхъ Аѳинахъ, если только не назвать улицами и зданіями хижинъ и пещеръ, въ нѣсколько рядовъ прилѣпившихся съ разныхъ сторонъ въ видѣ гнѣздъ къ подножію скалы Акрополя. Способъ мощенія улицъ въ Аѳинахъ и чрезвычайная ихъ правильность и ширина дѣлаютъ этотъ городъ еще болѣе европейскимъ и даютъ ему новый

перевѣсъ предъ тѣсною и грязною столицей Оттоманской имперiи. То же самое можно сказать и о гостиницахъ; въ Константинополѣ нѣтъ ни одной такой какъ здѣсь. Hôtel de la grande Bretagne, гдѣ я остановился, выходитъ главнымъ своимъ фасадомъ на площадь предъ королевскимъ дворцомъ, по одну сторону котораго разбитъ небольшой бульваръ, а по другую—обширный и великолѣпный садъ. Трехъ-этажный домъ, занимаемый гостиницей, великъ, удобенъ и красивъ какъ внутри, такъ и снаружи. Комнаты устроены не только чисто и вообще прилично, а даже изящно; но тѣ, которыя обращены не на солнце, холодны, и маленькiя печи худо нагрѣваютъ ихъ. За комнату платится ежедневно, смотря по величинѣ ея, франка 3, или 4; за завтракъ 3; за обѣдъ 5 (и тотъ и другой безъ вина, за которое платится особливо). Въ похвалу этой гостиницѣ слѣдуетъ еще прибавить, что люди здѣсь вѣжливы, хорошо одѣты, порядочно говорятъ по-французски и по-италiански. Такихъ гостиницъ здѣсь, въ разныхъ частяхъ города, еще пять или шесть. Назову главнѣйшiя: Hôtel de l'Europe, de la Couronne, des Etrangers и др. Кофеень много; кондитерскихъ—нѣсколько. Лучшая помѣщается въ томъ же домѣ гдѣ живу я—внизу. Чашка кофе стóитъ тамъ 10 лептъ, т.-е. на наши деньги 2 коп. сер., чашка же шеколату съ бисквитами 80 лептъ, т.-е. 15 коп. Дешевизна поразительная, послѣ дороговизны Константинопольской!

Въ полдень я представился посланнику нашему и вручилъ ему все посланное со мной изъ Константинополя. Е. Н. Новиковъ, съ которымъ я разстался уже около двухъ лѣтъ тому назадъ, сейчасъ же узналъ меня, равно и супруга его, рожденная Титова, родная племянница извѣстнаго нашего дипломата, бывшаго нѣкоторое время воспитателемъ покойнаго наслѣдника Николая Александровича. Они пригласили меня къ обѣду въ 6 часовъ.

Часу въ 4-мъ, вышедши на прогулку, я долго бродилъ предъ дворцомъ. Это длинное, очень правильное и однообразное трехъэтажное зданiе, которое скорѣе, по его наружной простотѣ, можно принять за казарму или за другое какое казенное заведенiе чѣмъ за обиталище двора. Оно построено изъ мрамора, добываемаго въ богатыхъ каменоломняхъ горы Пантелика. Построенiе его стоило, говорятъ,

около десяти милліоновъ франковъ. Не знаю, считаютъ ли въ томъ числѣ и стоимость внутренняго убранства комнатъ, изъ которыхъ однакоже, говорятъ, нѣтъ замѣчательныхъ, кромѣ одной парадной залы. Большой недостатокъ дворца тотъ, что онъ не имѣетъ флигелей и одиноко возвышается надъ раскинутымъ съ трехъ сторонъ у его основанія садомъ: четвертою стороной онъ выходитъ на площадь, отдѣленную отъ улицы небольшимъ бульваромъ, или скверомъ. Несмотря на пасмурный, довольно холодный, сравнительно съ прежними, день, мнѣ захотѣлось заглянуть и въ садъ, входъ въ который охраняемъ былъ двумя часовыми. Не умѣя объясниться съ ними по-гречески, я стоялъ въ недоумѣніи предъ воротами, наконецъ рѣшился обратиться къ проходившему мимо меня офицеру на французскомъ языкѣ съ вопросомъ: можно ли войдти въ садъ? Тотъ едва ли понялъ меня и только молча указалъ на дворецъ. Между тѣмъ я давно уже съ любопытствомъ смотрѣлъ, какъ на главный подъѣздъ дворца входили и выходили обратно оттуда люди, по виду, самаго простаго званія и при томъ весьма бѣдно одѣтые. Стоявшіе тутъ часовые, оказалось, не обращали никакого вниманія на входившихъ и выходившихъ.

Это ободрило и меня. Я вошелъ въ обширныя сѣни дворца, гдѣ подошелъ ко мнѣ кто-то, вѣроятно изъ прислуги, одѣтый по-албански, то-есть въ бѣлой съ широкими складками юпкѣ (*фустанеллѣ*), шитой золотомъ синей курткѣ, съ разрѣзными рукавами, и длинной красной фескѣ. Онъ спросилъ меня что-то по-гречески, вѣроятно: что̀ мнѣ надо? Я отвѣчалъ по-французски; онъ не понялъ меня. Я заговорилъ по-италіански; оказалось, къ великой моей радости, что онъ понималъ этотъ языкъ. Я спросилъ его какъ пройдти мнѣ въ садъ; онъ указалъ на находившіяся прямо противъ насъ, на другомъ концѣ сѣней, двери. Чрезъ минуту я очутился въ этомъ великолѣпномъ саду, о которомъ столько разъ прежде читалъ и слышалъ. Группы пальмовыхъ, померанцевыхъ, апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ поразили меня своею роскошною красотой. Въ особенности замѣчательна одна густая роща молодыхъ апельсинныхъ деревьевъ, примыкающая къ террасѣ дворца. Самый дворецъ красиво украшенъ фронтонами съ колоннами дорическаго ордена, террасами и балконами на двухъ своихъ фасадахъ, выходящихъ

въ садъ. Трудно вообразить себѣ что-нибудь восхитительнѣе этого сада! Въ немъ соединены не только самыя роскошныя и разнообразныя растенія юга и востока, но насаждены также нѣкоторыя деревья принадлежащія къ умѣренной полосѣ Европы. Содержаніе послѣднихъ, равно какъ и свѣжесть травы на зеленыхъ лужайкахъ и газонахъ, должно быть чрезвычайно затруднительно въ лѣтніе жаркіе мѣсяцы и требуетъ самаго искуснаго, постоянно-бдительнаго ухода, соединеннаго съ большими издержками. Говорятъ, издержки на содержаніе этого сада простираются до 50.000 драхмъ, стало-быть, поглощаютъ двадцатую долю всей суммы, ассигнуемой на содержаніе двора. Положимъ, что цифра эта и преувеличена: но все же не дешево стóитъ орошеніе нѣсколькихъ десятинъ занимаемой садомъ земли въ странѣ, гдѣ, по сухости климата, вода составляетъ предметъ потребности иногда довольно рѣдкій, хотя тѣмъ не менѣе всегда необходимый и слѣдовательно тѣмъ болѣе цѣнный. Кромѣ воды, дорого стóитъ наемъ садовниковъ и многочисленныхъ рабочихъ для чистки дорожекъ. Послѣдними не такъ щеголяетъ этотъ вполнѣ англійскій садъ; но въ немъ есть сокровище единственное въ своемъ родѣ — нѣчто такое, чего не найдеть ни въ какомъ другомъ, хотя бы и болѣе великолѣпномъ, саду. Я говорю о той римской виллѣ, остатки которой отрыли, планируя первоначально садъ, и которая теперь составляетъ лучшую его аллею, уставленную по бокамъ найденными тутъ же статуями, частію цѣлыми, частію въ обломкахъ, съ поломъ, устланнымъ мозаикой, съ легкою покрышкой изъ рѣшетки, увитой ползучими растеніями, съ каменною мебелью изъ Помпеи. Аллея эта можетъ служить отличною столовою или даже гостиною въ хорошую погоду, которою между прочимъ такъ богаты аѳинскіе дни. Если, не довольствуясь воспоминаніями древняго міра, которыя невольно навѣваетъ на васъ эта аллея, вы захотите воспоминаній еще болѣе древнихъ, еще болѣе классическихъ, то ступайте къ западу, изъ правильной части сада въ другую, болѣе дикую, которая кончается обширнымъ лугомъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по этому лугу, вы очутитесь прямо противъ извѣстнаго, и въ древности и нынѣ, своимъ медомъ Гимета, на берегу прославленнаго Иллиса, по которому столько разъ ступали стопы Сократа и другихъ философовъ, какъ видно изъ Федра. Тутъ же, не вдалекѣ, у

самаго потока, были расположены извѣстные сады *академіи*, бывшіе мѣстомъ ученыхъ бесѣдъ Платона съ его учениками! Не знаю, дождется ли когда опять Греція Платоновой академіи, но нельзя отъ души не порадоваться и тому, что въ нынѣшнихъ Аѳинахъ есть этотъ садъ, достойно замѣнившій древніе академическіе сады. Есть, правда, люди, которые находятъ, что такое украшеніе лишнее и слишкомъ дорогое для Аѳинъ. Эти господа хотѣли бы сдѣлать Аѳины вполнѣ похожими на Константинополь, гдѣ на огромнѣйшемъ пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ миль нѣтъ ни одного публичнаго садика, ниже бульвара, и единственными мѣстами народныхъ гульбищъ служатъ два усаженные безпорядочно кипарисами кладбища, гдѣ Турки проводятъ свои праздники, куря наргиле, услаждаясь водкой (*раки*) и нисколько не смущаясь сосѣдствомъ собакъ, грызущихъ на могилахъ кости. Но Греки, слава Богу, не Турки. Итакъ буди вѣчная благодарность королевѣ Амаліи за этотъ прекрасный садъ, разведенный ею столько же для удовольствія народа, сколько для собственнаго, и составлявшій постоянный предметъ ея заботъ и попеченій. Говорятъ, по удаленіи своемъ изъ Греціи, бѣдная королева ни о чемъ столько не грустила, какъ о своемъ прекрасномъ садѣ. Зная эту ея любовь, нынѣшній король Георгій, отправляя въ Баварію мебель и вещи королевы, присоединилъ къ нимъ еще и букетъ цвѣтовъ изъ любимаго и взлелѣяннаго ею сада.

Вышедши изъ сада, я направилъ безцѣльно свои шаги по направленію къ древнимъ развалинамъ, которыя однакоже не хотѣлъ осмотрѣть въ этотъ разъ, оставляя до другаго, болѣе свободнаго времени. Дорогу пересѣкло мнѣ погребальное шествіе: семейство, повидимому, самое бѣдное, изъ рабочаго класса, хоронило меньшаго изъ своихъ членовъ. Впереди мальчикъ, лѣтъ, казалось, около десяти, несъ крестъ; за нимъ шли пономарь и священникъ въ эпитрахили, пѣвшіе стихиры; далѣе самъ отецъ несъ не въ гробу, а въ объятіяхъ своихъ, мертвое дитя, украшенное свѣжими полевыми цвѣтами и завернутое въ бѣлыя пелены. Мнѣ невольно напоминались слова Руссо:

Qui s'endort entre les bras d'un père est sans soucie du reveil.

Нѣсколько другихъ дѣтей заключали печальное шествіе, въ особенности трогательное по своей убогой простотѣ. Здѣшніе

Греки вообще отличаются семейными добродѣтелями. Въ этомъ отдаютъ имъ справедливость самые враги ихъ. Ранніе браки, повидимому, способствуютъ къ сохраненію чистоты семейныхъ нравовъ. Въ Греціи обыкновенно женятся молодые люди,—я говорю о простонародьи,—лѣтъ шестнадцати, а невѣсты еще моложе. Я слышалъ, что въ Аркадіи, сохранившей донынѣ не одно только имя, но и пастушескіе нравы доброй старины, браки заключаются по большей части слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ. Весной, когда сгоняются стада, подъ присмотромъ юношей и дѣвицъ,—старѣйшины деревень по праздникамъ высматриваютъ, кто съ кѣмъ изъ пастушковъ и пастушекъ болѣе любезничаетъ, кто кому болѣе нравится, и замѣченныя такимъ образомъ четы осенью соединяютъ браками. Высшее греческое общество сообразуется съ нравами низшаго. Не мало дѣйствовалъ на него и примѣръ первой царствовавшей въ возстановленной Греціи четы, требовавшей отъ другихъ той же безукоризненной чистоты нравовъ, какою сама она отличалась. Нельзя не удивляться, какъ сохранились чистые нравы въ народѣ, бывшемъ столько вѣковъ, подъ гнетомъ Турокъ, свидѣтелемъ самой страшнѣйшей распущенности. Нынѣ въ Аѳинахъ нѣтъ ни одного изъ тѣхъ печально-увеселительныхъ домовъ, которыми такъ богатъ Западъ. Аѳинскій Грекъ не константинопольскій: онъ хорошо владѣетъ оружіемъ, и это оружіе въ рукахъ его всегда готово поразить похитителя чести его сестры или дочери, а тѣмъ болѣе жены. Отъ того, можетъ-быть, подобные случаи соблазна и бываютъ здѣсь рѣдки, что они всегда сопровождаются мщеніемъ ужаснымъ и неотразимымъ.

За обѣдомъ у посланника много разговаривали о Бейрутѣ, гдѣ Е. П. Новиковъ провелъ около года, бывши нашимъ коммиссаромъ въ европейской международной коммиссіи, созванной по случаю извѣстныхъ сирійскихъ убійствъ въ 1861 году. При этомъ разговорѣ вспомнилъ и я многое слышанное мною о томъ же въ путешествіяхъ моихъ по Сиріи и Палестинѣ. Изъ всѣхъ свѣдѣній, собранныхъ мной на самыхъ мѣстахъ этихъ кровавыхъ происшествій, нельзя не убѣдиться, что послѣднія были замышлены и подготовлены въ самомъ Константинополѣ. Едва ли въ числѣ авторовъ этой ужасной драмы не замѣшанъ и самъ Фуадъ-паша,

посланный султаномъ Абдулъ-Меджидомъ для усмиренія Сиріи и для произведенія слѣдствія, которое онъ окончилъ въ нѣсколько дней, еще задолго до пріѣзда европейскихъ коммиссаровъ. Говорятъ, что подписавъ смертный приговоръ Ахмедъ-пашѣ дамасскому, Фуадъ плакалъ цѣлый день. Самъ же Ахмедъ-паша, очень образованный человѣкъ, воспитанный въ Вѣнѣ, кавалеръ многихъ христіанскихъ орденовъ, умеръ геройски: предъ разстрѣляніемъ онъ не велѣлъ себѣ завязывать глаза, сказалъ молодецкую рѣчь къ собраннымъ на казнь его солдатамъ, и умеръ съ молитвой за султана— о спасеніи его отъ гяуровъ! Со смертію его и другихъ, вмѣстѣ или вслѣдъ за нимъ разстрѣлянныхъ Фуадъ-пашой, и унесшихъ съ собой въ могилы много тайнъ по сирійскимъ дѣламъ, европейскимъ коммиссарамъ не возможно было доискаться истины: всѣ пути потеряны, всѣ слѣды заглажены. А одинъ какой-то оставшійся въ живыхъ значительный паша, который равнодушно курилъ трубку, смотря какъ бывшіе подъ его начальствомъ солдаты рѣзали христіанъ, и котораго можно бы было еще поразспросить кой-о-чемъ, — увезенъ былъ для суда надъ нимъ въ Константинополь въ то самое время, когда потребованъ былъ европейскою коммиссіей къ суду въ Бейрутѣ. Чудныя дѣла дѣлаются въ современной западной политикѣ. Но для обличенія и обсужденія всѣхъ этихъ дѣлъ и поднятія завѣсы ихъ покрывающей не пришла еще пора. Между тѣмъ въ то ужасное время, когда бѣдная Сирія, по фанатизму мусульманъ и по своекорыстныхъ разчетамъ нѣкоторыхъ западныхъ политиковъ, обагрялась кровію христіанъ и дымилась пепломъ сожигаемыхъ и грабимыхъ жилищъ — Палестина спаслась отъ меча и огня самопожертвованіемъ іерусалимскаго греческаго духовенства. Послѣднее, будучи хорошо знакомо съ турецкими нравами, приняло самыя дѣйствительныя и приспособленныя къ этимъ нравамъ мѣры для спасенія христіанъ: оно наполнило золотыми монетами два серебряныя блюда и поднесло ихъ главноначальствовавшему тамъ Сурей-пашѣ. Тотъ заперъ башню, гдѣ хранилось оружіе, предназначенное для раздачи, по условному знаку, мусульманамъ на избіеніе христіанъ, окружилъ ее стражей и двинулъ войска къ городу, и потому предположенная рѣзня не состоялась.

30-го декабря.

Я провожу русскiя святки хотя и въ чужой, но родственной намъ православной землѣ совершенно какъ бы въ Россiи, — то-есть постоянно въ обществѣ добрыхъ моихъ соотечественниковъ. Кромѣ друга моего Г., прiѣхавшаго на нѣсколько дней сюда, по случаю праздниковъ, изъ Пирея, и членовъ нашего посольства, здѣсь русское общество составляютъ еще офицеры съ находящагося въ греческихъ водахъ нашего фрегата *Пересвѣтъ*.... Я случайно съ ними встрѣтился на прогулкѣ вмѣстѣ съ нашимъ дiакономъ Аполлосомъ, съ которымъ познакомился нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Константинополѣ. Съ настоятелемъ нашей посольской церкви, о. архимандритомъ Петромъ, я познакомился уже здѣсь, и его прiятная, разумная бесѣда составляетъ одно изъ величайшихъ удовольствiй, какое можетъ ожидать русскаго путешественника на чужбинѣ. Въ одно изъ моихъ посѣщенiй я встрѣтилъ у него очень умнаго и живаго, хотя на видъ уже дряхлаго, старика, разговоръ котораго, касавшiйся самыхъ разнообразныхъ предметовъ, обличалъ многостороннее образованiе. Это былъ г. Тибальдасъ, бывшiй библiотекарь королевы Амалiи и сенаторъ Греческаго королевства. Онъ очень обрадовался встрѣчѣ со мной, когда узналъ, что я знакомъ былъ въ Iерусалимѣ съ братомъ его, столѣтнимъ старцемъ митрополитомъ Агаѳангеломъ, недавно тамъ умершимъ. Слезы, вызванныя на глаза бывшаго сенатора воспоминанiями о его покойномъ братѣ, были особенно трогательны для присутствующихъ, какъ свидѣтельство живаго чувства, столь рѣдко свойственнаго старикамъ. Въ свою очередь, покойный митрополитъ Агаѳангелъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей, какихъ мнѣ только удавалось видѣть. Уроженецъ Iоническихъ острововъ, получившiй въ юности отличное образованiе въ этомъ краѣ,— болѣе близкомъ къ Европѣ и болѣе удаленномъ отъ мрака турецкаго варварства, столько вѣковъ таготѣвшаго надъ Грецiей, — онъ одинъ изъ первыхъ призналъ необходимость путемъ образованiя способствовать освобожденiю великаго отечества всѣхъ Эллиновъ. Съ этою цѣлiю посвятилъ онъ себя всецѣло воспитанiю греческаго юношества, предназначеннаго для духовнаго сана, къ которому принадлежалъ и

самъ. Въ то время дѣйствительно Іоническіе острова были единственнымъ убѣжищемъ и разсадникомъ ново-эллинскаго образованія, послужившаго краеугольнымъ камнемъ для возрожденія бѣдной Эллады. Не довольствуясь однако одною мертвою буквой науки, преосвященный Агаѳангелъ жаждалъ болѣе дѣятельнаго, практическаго ея приложенія къ жизни; хотѣлъ ускорить дѣйствіе благотворнаго вліянія ея на погрязшія въ невѣжествѣ, подъ варварскимъ гнетомъ Турокъ, массы народа, и скоро промѣнялъ привольную и вполнѣ обезпеченную на родинѣ жизнь на полную лишеній и опасностей жизнь въ порабощенной Греціи. Принявъ одну изъ значительнѣйшихъ святительскихъ каѳедръ въ Пелопонезѣ, умный архипастырь сдѣлался въ полномъ смыслѣ отцомъ своей духовной паствы. Но вспыхнувшее вслѣдъ за тѣмъ возстаніе въ Греціи принудило его покинуть эту страну и возвратиться на родину. Не нашедши довольно безопаснаго себѣ убѣжища и тамъ, по подозрительности тогдашнихъ владѣльцевъ Іоническихъ острововъ, Англичанъ, которые хотя и носили титулъ покровителей, но весьма въ ту пору не покровительствовали возрожденію эллинизма; лишившись сверхъ того порядочнаго состоянія, пожертвованнаго имъ въ пользу общаго всѣмъ Грекамъ великаго дѣла, преосвященный Агаѳангелъ рѣшился оставить свое отечество, обуреваемое столькими внѣшними и внутренними бурями, и искать убѣжища въ родственной ему по религіи и сочувственной по преданіямъ православной Россіи. Но прежде онъ отправился въ Верону, прямо къ находившемуся тамъ тогда, по случаю европейскаго конгресса, Императору Александру, благочестіе котораго было извѣстно. Ревностный патріотъ, можетъ-быть, разчитывалъ также на это благочестіе, чтобы возбудить дѣятельное участіе могучаго монарха въ судьбѣ своихъ соотечественниковъ—участіе, на которое тѣ столько разчитывали и надѣялись вначалѣ. Извѣстно, насколько оправдались эти надежды. Впрочемъ, преосвященный Агаѳангелъ былъ очень милостиво принятъ Русскимъ государемъ и получилъ отъ него приглашеніе переселиться въ Россію, гдѣ преемникъ Александра продолжалъ оказывать ему тѣ же милости, жаловалъ его орденами и пенсіями, и даже удостоилъ личнаго посѣщенія на южномъ берегу Крыма въ Георгіевскомъ монастырѣ, куда въ послѣднее время удалился

было на покой, но гдѣ не нашелъ себѣ покоя престарѣлый митрополитъ. Англичане, заставившіе его во время оно покинуть родину, заставили въ концѣ его многотрудной жизни покинуть и этотъ, казалось бы, мирный пріютъ. Англійскіе буйные солдаты вытѣснили во время Крымской войны тихихъ иноковъ изъ живописнаго Георгіевскаго монастыря. Митрополитъ Агаѳангелъ переселился тогда въ Одессу, а оттуда въ Іерусалимъ, гдѣ и окончилъ дни свои. Его малая келія въ монастырѣ Іерусалимской патріархіи вся была увѣшана портретами и картинками—воспоминаніями о Россіи. Въ числѣ портретовъ первое мѣсто занималъ портретъ Николая I, а затѣмъ князя Воронцова. Покойный митрополитъ благоговѣлъ предъ императоромъ Николаемъ и высоко цѣнилъ Воронцова. Предъ русскими посѣтителями онъ не упускалъ случая съ благодарностію воспоминать черты русскаго гостепріимнаго радушія, которымъ онъ пользовался отъ ихъ соотечественниковъ; и слушая разсказы его, бывало, не знаешь чему болѣе удивляться: высокимъ ли чувствамъ, или тѣлеснымъ силамъ, которыя находилъ еще въ себѣ для выраженія этихъ чувствъ многоиспытанный столѣтній старецъ! Только слабый голосъ его въ послѣднее время сталъ сильно измѣнять ему, но умственныя способности его до конца оставались свѣжи. Вмѣсто обычнаго и общепринятаго на Востокѣ кофе, онъ угощалъ гостей своихъ какао, говоря, что послѣдній напитокъ несравненно полезнѣе для здоровья. Угощеніе это сопровождалось всегда такою доброю, младенчески-простодушною улыбкой, что никакой гость, хотя бы и не охотникъ до какао, не въ силахъ былъ отказать радушному хозяину-старцу. Во всѣхъ знавшихъ его онъ оставилъ по себѣ добрую память. Да будетъ миръ его душѣ!

Заговоривъ о нашемъ духовенствѣ въ Аѳинахъ, нельзя также умолчать о тамошней нашей посольской церкви. По отличной своей отдѣлкѣ, какъ внѣшней такъ и внутренней, она составляетъ одно изъ украшеній новаго города. По времени построенія, это первая русская православная церковь построенная за границей. Уже за нею послѣдовало сооруженіе храмовъ Висбаденскаго и Парижскаго. До того времени русское богослуженіе вездѣ за границей справлялась въ самыхъ домахъ, занимаемыхъ нашими посольствами, въ устроенныхъ на-скоро домовыхъ

или такъ-называемыхъ походныхъ церквахъ. Честь и слава строителю этого храма, бывшему и первымъ его настоятелемъ, архимандриту Антонину за то, что онъ соблюлъ, какъ въ архитектурѣ храма, такъ въ особенности и во внутренней живописной его отдѣлкѣ строгій характеръ византійской старины, тѣмъ болѣе здѣсь приличный, что прежде тутъ былъ греческій храмъ святаго праведнаго Никодима. Развалины греческой святыни, возстановленные изъ праха и украшенные русскимъ благочестіемъ, служатъ какъ бы новымъ памятникомъ историческихъ судебъ, связывающихъ два, отдаленные по разстоянію, но по вѣрѣ близкіе народа, новымъ звеномъ, скрѣпляющимъ ихъ взаимное сочувствіе! Никогда еще, быть-можетъ, это сочувствіе не высказывалось такъ громко и сильно, несмотря на всевозможныя препятствія, какъ во время освященія этого храма, совершившагося въ эпоху самую неблагопріятную для подобныхъ заявленій, а именно въ 1854 году! Но и понынѣ наша церковь Св. Никодима всегда бываетъ полна Греками, приходящими въ нее любоваться изящнымъ убранствомъ, чиннымъ богослуженіемъ и услаждаться благозвучіемъ стройнаго русскаго пѣнія. Такъ какъ обѣдня начинается тамъ довольно поздно, то туда поспѣваютъ какъ тѣ, которые не могли почему-либо посвятить богослуженію утренніе часы свои, такъ равно и тѣ, которые слушали уже таковое въ другихъ аѳинскихъ церквахъ. Изъ числа этихъ церквей двѣ въ особенности, по своей древности, достойны вниманія современнаго посѣтителя Аѳинъ. Одна, стоящая на самомъ перекресткѣ двухъ знаменитыхъ улицъ *Эола* и *Гермеса*, такъ-называемая *Капникарія*, почернѣвшая отъ времени и до того осѣвшая подъ тяжестію своего купола, что кажется какъ бы до половины опустившеюся въ землю, замѣчательна, кромѣ внѣшней, вполнѣ византійской, архитектуры своей, еще древними иконами; деревянный ея иконостасъ, по отличной рѣзьбѣ, также любопытный памятникъ византійскаго искусства. Построеніе этой церкви относятъ къ IX вѣку. Другая, нынѣ оставленная, болѣе обширная и еще болѣе древняя, построенная около VI вѣка, долгое время была каѳедральнымъ соборомъ Аѳинъ, доколѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, не отстроили новаго, обширнаго и довольно изящнаго, но не особенно замѣчательнаго собора, почти рядомъ подлѣ древняго. Я зашелъ въ

этотъ соборъ въ самый рождественскій сочельникъ: внутреннее его убранство напоминало скорѣе наши новыя, свѣтлыя петербургскія церкви чѣмъ тѣсные и темные храмы, какіе встрѣчаемъ теперь почти повсюду на Востокѣ. Но великолѣпный мраморный помостъ свидѣтельствовалъ не о богатствѣ жителей, какъ у насъ, а о роскоши природы юга. Народу въ этотъ день въ соборѣ было очень мало: старецъ митрополитъ стоялъ въ мантіи на своей архіерейской каѳедрѣ. По восточному обычаю, символъ вѣры и молитва Господня прочитаны были громко имъ самимъ, а не пропѣты клиромъ. Пѣніе здѣсь то же носовое, но уже съ большимъ оттѣнкомъ благозвучія чѣмъ въ предѣлахъ Турціи.

Въ самый день Рождества, гуляя за городомъ по дорогѣ къ Патиссіи, мы съ пирейскимъ консуломъ нашимъ посѣтили малую церковь *Св. Пояса*, какъ бы потонувшую въ зелени окружныхъ огородовъ, виноградниковъ и садовъ. Эта церковь сооружена въ память воиновъ, павшихъ за освобожденіе Греціи. Патріотъ-Грекъ, начавшій ее строить, не могъ, по недостатку средствъ, довершить начатое предпріятіе, и вошелъ въ долги, которые потомъ приказало заплатить русское правительство, докончившее на свой счетъ начатое сооруженіе.

Модный французскій авторъ, о которомъ я упомянулъ выше, съ насмѣшкой отзывается о набожности Грековъ и самомъ греческомъ богослуженіи. Но люди болѣе серіознаго направленія всѣ безъ исключенія отдаютъ справедливость привязанности Грековъ къ вѣрѣ отцовъ. Нигдѣ, быть-можетъ, съ самыхъ отдаленныхъ вѣковъ борьбы язычества съ христіанствомъ, добродѣтель эта не подвергалась такимъ тяжкимъ испытаніямъ, какъ въ православной Греціи и даже въ самыя позднѣйшія времена. Разверните мартирологій аѳинскій: сколько тамъ новыхъ, уже признанныхъ церковію мучениковъ, которые предпочли мучительно умереть въ христіанствѣ чѣмъ наслаждаться всѣми благами жизни въ мусульманствѣ. И не одно мусульманство грозитъ всегдашними опасностями православной церкви на Востокѣ. Съ грустію должно сказать, что и западная римская церковь, одержимая духомъ прозелитизма, постоянно старается вредить старшей восточной сестрѣ своей. Ея вѣрные служители іезуиты считаютъ, впрочемъ, болѣе успѣховъ въ высшемъ обществѣ чѣмъ въ массѣ народа. Болѣе всего успѣли они

между Болгарами, гдѣ цѣлыя селенія, въ наше время, совращены ими въ унію. Въ Перѣ и вообще въ Константинополѣ есть нѣсколько сотъ Грековъ, принявшихъ унію по проискамъ и стараніямъ іезуитовъ; но этимъ и ограничиваются ихъ подвиги. Въ бытность мою въ Палестинѣ я слышалъ объ одномъ недавнемъ трагическомъ происшествіи. Одинъ греческій юнота, послушникъ православнаго патріаршаго Іерусалимскаго монастыря, можетъ-быть недовольный поступками съ нимъ братіи, а вѣрнѣе сманенный лестными обѣщаніями, перебѣжалъ въ католическій монастырь. Укрывавшіе тамъ его нѣкоторое время и обратившіе въ католичество монахи, желая сдѣлать изъ него пропагандиста, сочли за лучшее отправить его въ училище пропаганды въ Римъ. Послѣ Пасхи 1863 года, молодой неофитъ, въ сопровожденіи двухъ францисканцевъ, вмѣстѣ съ нимъ отправившихся въ Италію, прибылъ въ Яффу, чтобы тамъ сѣсть на французскій пароходъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ Европу. Въ Яффѣ вручили ему письмо отъ матери, жившей не помню гдѣ, кажется что на островѣ Кипрѣ, которая, узнавъ о намѣреніи своего сына, послала ему проклятіе въ самыхъ страшныхъ выраженіяхъ, присовокупляя желаніе, чтобъ онъ потонулъ въ морѣ, и чтобы рыбы пожрали самый трупъ его! Спутники греческаго юноши скоро разсѣяли мрачныя впечатлѣнія, произведенныя на него письмомъ. Но странное дѣло! все, что̀ было писано тамъ, сбылось, какъ пророчество, съ поразительною вѣрностію. Море, весьма часто бурное въ Яффѣ, было особенно сердито въ тотъ день, когда наши монахи собрались въ путь. Лодка, въ которой они пустились на пароходъ, была опрокинута и поглощена волнами. Всѣ бывшіе въ ней погибли. Чрезъ нѣсколько дней море выбросило трупъ несчастнаго вѣроотступника обезображеннымъ и изъѣденнымъ рыбами.

Слѣдующій случай, бывшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ, свидѣтельствуетъ о фанатической нетерпимости католиковъ. Одинъ богатый молодой англійскій лордъ, во время пребыванія своего на островѣ Кандіи, упалъ съ лошади, на прогулкѣ въ окрестностяхъ Канеи (главнаго города), и смертельно убился. Англійскій консулъ, желая по крайней мѣрѣ почтить христіанскимъ погребеніемъ несчастно-погибшаго соотечественника, обратился съ просьбой о томъ къ католическому духовенству. Но послѣднее отвергло эту просьбу, подъ

предлогомъ, что покойный не признавалъ папы, поэтому и не заслуживаетъ быть погребеннымъ какъ прилично христіанину, а долженъ быть зарытъ въ землю безъ всякихъ священныхъ обрядовъ, какъ еретикъ. Тогда огорченный консулъ обратился къ православному греческому духовенству, которое не только не отказало въ исполненіи этой вполнѣ законной, по смыслу нашей религіи, просьбѣ, но и почти всѣмъ соборомъ, съ критскимъ архіепископомъ во главѣ, почтило присутствіемъ своимъ отданіе послѣдняго христіанскаго долга усопшему брату и тѣмъ утѣшило всѣхъ его присутствующихъ соотечественниковъ и отсутствующихъ родныхъ. Подобные примѣры не остаются, конечно, безъ вліянія на иновѣрцевъ. Изъ числа послѣднихъ многіе, вѣроятно, охотно бы присоединились къ православной церкви, еслибъ она не встрѣчала постояннаго противодѣйствія въ западныхъ державахъ, столь могущественныхъ на Востокѣ. Когда здѣсь нѣсколько лѣтъ тому назадъ греческія палаты вотировали и приняли почти единогласно законъ о томъ, чтобы дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ, какъ это принято въ Россіи, были воспитаны въ православіи,—французскій посланникъ протестовалъ противъ этого закона и настоялъ-таки на его отмѣнѣ.

2-го января 1866 года.

Я всегда былъ того мнѣнія, что климатъ имѣетъ огромное вліяніе на народный характеръ, и что обитатели южной Европы всѣ болѣе или менѣе сходствуютъ между собой по нравамъ, обычаямъ и въ особенности по той необыкновенной живости, корень которой, кажется, нужно отыскивать въ самой ихъ крови. Позавчерашній вечеръ, встрѣча Новаго Года въ Аѳинахъ, еще болѣе убѣдилъ меня въ основательности такого мнѣнія. Вечеромъ 31-го декабря мирная и тихая столица Греціи, могущая поспорить, по вечерней тишинѣ своей, пожалуй хоть съ любымъ изъ небольшихъ городовъ Востока, вдругъ преобразилась въ настоящій италіянскій городъ. Только что смерклось и загорѣлся газъ, улицы Аѳинскія (въ особенности главнѣйшія, то-есть Эола и Гермесова) стали наполняться толпами гуляющихъ. Чѣмъ позднѣе, тѣмъ гуще становились толпы: между ними раздавались шумъ, гулъ и крики неописанные. Всѣ гуляющіе, какъ дѣти такъ и взрослые, за исключеніемъ, можетъ-быть, развѣ

болѣе счастливыя времена, давались оперныя представленія заѣзжими италіянскими пѣвцами, теперь закрытъ. Обѣщаютъ на дняхъ его открыть, но только для греческой драмы. Итакъ, иностранцу остается днемъ гулять, а по вечерамъ сидѣть дома за книгой, или въ обществѣ знакомыхъ соотечественниковъ, если у кого таковые найдутся. Туземцы же на знакомство вообще довольно скупы, и нынѣшнюю зиму, по случаю всеобщаго финансоваго кризиса, нѣтъ въ городѣ ни баловъ, ни вечеровъ. По счастію, греческій климатъ вполнѣ благопріятствуетъ прогулкамъ. Еще нигдѣ, ниже въ самой Италіи, не наслаждался я такою пріятною, кроткою зимой. За исключеніемъ нѣсколькихъ сѣроватыхъ деньковъ, все время солнце свѣтитъ въ голубыхъ небесахъ такъ ясно, какъ дай Богъ свѣтило бы у насъ когда-нибудь лѣтомъ. При всей моей зябкости, я выхожу постоянно полѣтнему и чувствую себя очень хорошо въ новой моей комнатѣ, выходящей на солнечную сторону и вовсе не имѣющей печки; тогда какъ прежняя, бывшая совершенно въ тѣни, не могла согрѣть меня, хотя печь въ ней топили иногда по два раза въ день. Таково дѣйствіе аттическаго солнца! Оно должно быть очень благотворно для больныхъ. Докторъ Палли (первый изъ здѣшнихъ врачей и профессоръ университета) увѣрялъ меня, что здѣшній климатъ въ особенности способствуетъ благопріятному излѣченію чахотокъ и нервныхъ болѣзней. Странно, отъ чего, при легкости и удобствѣ пароходныхъ сообщеній, никто изъ больныхъ не пріѣзжаетъ сюда на зимовье? Не говоря уже о прекрасномъ климатѣ и богатствѣ древностей, изученіе которыхъ можетъ занять пріятно все время путешественника, комфорту здѣсь не только болѣе чѣмъ гдѣ-либо на Востокѣ, но больше чѣмъ въ иномъ италіянскомъ городѣ. А чего не достаетъ теперь, то улучшится и прибавится современемъ, по мѣрѣ того какъ будутъ наѣзжать сюда иностранцы, въ чемъ мы, Русскіе. *первые* должны подать примѣръ.

6-го января 1866 года.

Говоря объ отсутствіи общественныхъ увеселеній въ Аѳинахъ, нельзя не сказать также нѣсколько словъ и о самомъ обществѣ аѳинскомъ. Я уже познакомился съ нѣкоторыми изъ почетнѣйшихъ лицъ его, и всѣ тѣ, которыхъ доселѣ удалось мнѣ узнать, оставили во мнѣ самое пріятное

впечатлѣніе, хотя всѣ могли, образомъ своей жизни, подтвердить не новое уже замѣчаніе одного путешественника, что современные Греки поступаютъ по правилу одного изъ своихъ мудрыхъ предковъ, сказавшаго что *„кто хочетъ счастія, тотъ долженъ прятать свою жизнь“*. Но я остаюсь въ убѣжденіи, что такой уединенный и скромный образъ жизни большей части Грековъ вынужденъ неблагопріятными обстоятельствами, въ какія, особенно въ настоящее время, поставлено ихъ несчастное отечество. Улучшится общественный бытъ, процвѣтетъ и частный. Греки нисколько не чужды вкусовъ къ общественнымъ удовольствіямъ, хотя и не въ такихъ размѣрахъ, какъ, напримѣръ, Французы или мы. Врожденная разчетливость Грека рѣдко допускаетъ его до расточительности, такъ обыкновенной у насъ. Впрочемъ, Грекъ, всегда воздержный и скромный на столъ, не жалѣетъ денегъ на одежду, хотя и ту носитъ съ неизвѣстною у насъ бережливостью. Это щегольство,—еще болѣе поразительное въ Турціи, гдѣ часто въ праздникъ случается встрѣтить лакея или бѣднаго работника изъ Грековъ, одѣтаго какъ денди, подлѣ оборваннаго и грязнаго турецкаго паши,—во всякомъ случаѣ показываетъ скорѣе наклонность къ общественности, къ публичности чѣмъ къ затворничеству, въ которомъ многіе обвиняютъ Грековъ. Самая воздержность ихъ въ столѣ, имѣющая корнемъ своимъ, кромѣ климатическихъ условій, еще и недостатокъ средствъ, изгнавшій почти совсѣмъ изъ ихъ обычаевъ хлѣбосольство, самая эта воздержность или, если угодно, даже скупость, у иныхъ развитая до самыхъ широкихъ размѣровъ, не вытѣснила однакоже изъ жизни ихъ законовъ гостепріимства. Самъ порицатель ихъ, г. Абу, упоминаетъ о полномъ радушіи и патріархальномъ гостепріимствѣ бѣдныхъ поселянъ въ Аркадіи. Эти черты иностранцы нерѣдко встрѣчаютъ здѣсь и не у однихъ поселянъ, хотя и не всегда оцѣниваютъ ихъ должнымъ образомъ тѣ, кому было оказано такое гостепріимство. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ иностранныхъ министровъ, путешествуя по внутреннимъ провинціямъ Греціи въ сопровожденіи одного аѳинскаго ученаго, былъ блистательно принятъ гдѣ-то въ самой глухой мѣстности помѣщикомъ - генераломъ, въ свое время отличившимся въ войнѣ за независимость. Удалившійся въ сельское затишье воинъ не только угостилъ роскошнымъ и въ той глухой сторонѣ весьма цѣннымъ обѣдомъ усталаго и

голоднаго дипломата, но и снабдилъ его и его свиту богатыми запасами на дальнѣйшую дорогу. Точно такой же радушный пріемъ нашли путешественники и въ городѣ Ѳивахъ, у мѣстнаго губернатора или префекта. Чрезъ нѣсколько времени послѣ того и генералъ, и префектъ въ свою очередь должны были отправиться въ Аѳины. По прибытіи своемъ въ столицу, они прежде всего поспѣшили посѣтить недавняго своего гостя, который принялъ ихъ очень любезно, не замедлилъ отдать имъ визитъ, но и не подумалъ пригласить ни того, ни другаго къ своему обѣду, на который однакоже имѣли полное право разсчитывать простодушные провинціалы. Оба они оставили столицу и возвратились къ своимъ пенатамъ съ весьма дурнымъ понятіемъ о гостепріимствѣ европейскихъ дипломатовъ.

Упомяну о нѣкоторыхъ здѣшнихъ, собственно греческихъ домахъ, не говоря объ иностранныхъ дипломатическихъ, которые я посѣщаю. Кромѣ г. Крокидаса, который теперь занимается переводомъ Гаммеровой исторіи Оттомановъ, переводомъ, заслужившимъ уже почетный отзывъ въ *Allgemeine Zeitung*, я часто видаю почтеннаго графа Метаксу *, одного изъ главнѣйшихъ предводителей русской партіи въ Аѳинахъ. Онъ произвелъ на меня, въ первое же свиданіе, самое отрадное и неизгладимое впечатлѣніе. Домъ его не великъ и убранъ просто, какъ бóльшая часть домовъ аѳинскихъ. Въ кабинетѣ, на письменномъ столѣ хозяина, стоятъ фотографическіе портреты нашего Государя, покойнаго наслѣдника и герцога Лейхтенбергскаго. Происхожденіемъ графъ Метакса съ Іоническихъ острововъ, которые отецъ его и дядя покинули для войны за освобожденіе Греціи,—войны, въ которой оба они подвизались съ неутомимою ревностью до самаго ея счастливаго исхода. За тѣмъ они водворились въ освобожденномъ ими общемъ всѣмъ Грекамъ отечествѣ. Въ бесѣдахъ графа Метаксы часто слышится горечь жалобъ, впрочемъ, повсюду въ Греціи нынѣ слышимыхъ, на порядокъ или, правильнѣе сказать, на современный безпорядокъ дѣлъ, на раздоръ партій, питающихъ новорожденное государство силы и служащихъ часто слѣпыми орудіями своекорыстной политики западныхъ державъ. Графъ Метакса, бывшій послѣ

* Затѣмъ греческаго посланника въ С.-Петербургѣ.

революціи 1843 года первымъ конституціоннымъ министромъ, нынѣ не у дѣлъ, подобно многимъ лучшимъ и даровитымъ людямъ своего отечества. Остается пожелать, чтобъ оно призвало скорѣе, для пользы своей, этихъ честныхъ и просвѣщенныхъ дѣятелей. Изъ бывшихъ министровъ сошелся я еще съ г. Будурисомъ, который примкнулъ нынѣ къ англійской партіи, но сохранилъ много друзей въ Россіи, бывъ воспитанъ, вмѣстѣ со многими изъ нашихъ аристократовъ, въ Мюнхенѣ и Женевѣ, и еще съ г. Гривасомъ, роднымъ внукомъ той знаменитой героини Бобелины, имя которой такъ популярно въ Россіи, по милости прославившихъ ее, хотя и плохихъ по литературному достоинству, романовъ и повѣстей.

Всѣ эти господа живутъ тихо, просто, уединенно и образомъ жизни своей скорѣе напоминаютъ степенныхъ и скромныхъ ученыхъ чѣмъ пышныхъ государственныхъ людей. Служащіе министры живутъ не роскошнѣе отставныхъ. Да и на что̀ роскошествовать человѣку не имѣющему своего состоянія и получающему въ годъ, по званію министра, жалованья не болѣе шести, семи тысячъ франковъ въ годъ? Часто, гуляя предъ дворцомъ, я вижу какъ подъѣзжаютъ туда въ простыхъ извощичьихъ колаекахъ министры съ докладомъ къ королю; выходя изъ экипажей, они несутъ сами свои портфели. Съ неменьшею простотой выходитъ изъ дворца на прогулку и юный король, одѣтый въ партикулярное платье, въ сопровожденіи адъютанта. Черезъ день пѣшая прогулка смѣняется таковою же верхомъ на лошади. Король далъ въ Новый Годъ большой дипломатическій обѣдъ, но не давалъ въ прошломъ году баловъ, а вслѣдствіе такого экономическаго образа жизни, отказался отъ трети своего содержанія (стало-быть около 300.000 франковъ), которую пожертвовалъ на удовлетвореніе государственныхъ нуждъ.

Въ прежнее время, при баварской династіи, бюджетъ двора (около милліона драхмъ или 900.000 франковъ) былъ недостаточенъ для поддержанія блеска королевской четы, которая сверхъ того издерживала всѣ свои частные доходы, получаемые изъ Германіи и составлявшіе не менѣе трети греческаго содержанія. Король Оттонъ, въ особенности же королева Амалія, любили пышность и этикетъ свыше, можетъ-быть, средствъ, какія имѣло ихъ юное королевство. Кромѣ праздниковъ, на которыхъ королевская чета показывалась публикѣ въ

парадныхъ экипажахъ съ многочисленною свитой, королева Амалія, какъ женщина, очень любила танцы, и потому въ ея время при дворѣ давались часто балы, на которыхъ однакоже неуклонно господствовалъ строгій германскій этикетъ. Государственные сановники и чиновники, штатскіе и военные, иностранные дипломаты, пребывающіе въ Аѳинахъ, равно и заѣзжіе путешественники, имѣющіе доступъ ко двору, всѣ являлись по приглашенію на балъ во дворецъ не иначе какъ въ мундирахъ, и тамъ, въ большой залѣ, съ полчаса ожидали церемоніальнаго выхода королевской четы. По прибытіи ея, около ея составлялся „*cercle*“, при которомъ происходили представленія лицъ новыхъ, еще неизвѣстныхъ; старыхъ же своихъ знакомыхъ король и королева любезно привѣтствовали или на одномъ изъ европейскихъ, или на греческомъ языкѣ. За тѣмъ балъ открывался церемоніальнымъ польскимъ, за которымъ слѣдовали попеременно вальсы, кадрили и мазурки и другіе такъ-называемые легкіе танцы, изъ которыхъ королева Амалія, говорятъ, не пропускала ни одного. Приглашенія кавалеровъ, удостоивавшихся въ танцахъ выбора ея величества, совершались чрезъ посредство перваго сановника двора, Грека, носившаго народный греческій костюмъ и не знавшаго никакого другаго языка, кромѣ своего роднаго. Для такихъ случаевъ однакоже оберъ-гофмаршалъ, въ послѣдствіи выучилъ италіянское слово: *regina*, съ которымъ, сопровождая его энергическимъ движеніемъ правой руки, обыкновенно и обращался къ счастливцу, кому выпадала честь танцовать съ королевой. Балъ обыкновенно продолжался часовъ до трехъ за полночь и оканчивался иногда, кромѣ европейскаго котильйона, еще національною ромаикой, въ которой принимали участіе развеселившіеся поликары, заслуженные воины старыхъ геройскихъ временъ. Если вспомнить, что на балахъ этихъ присутствовали люди, большею частью лишенные воспитанія, не видавшіе въ юности другихъ собраній, кромѣ турецкихъ, на которыхъ отвратительныя пляски кочековъ (мальчиковъ-плясуновъ) и безстыдныя рѣчи замѣняютъ всякое другое удовольствіе и препровожденіе времени, то нельзя не признать, что вліяніе баварскаго двора на новорождающееся греческое общество было благотворно и развивало въ немъ вкусъ къ условіямъ европейскаго общежитія. Тогда же, въ подражаніе двору, многіе изъ иностранныхъ дипломатовъ

и нѣкоторые изъ горожанъ давали по зимамъ балы и вечера. Послѣдняя революція (1862 г.), произведя страшное разстройство финансовъ, нарушила этотъ мирный ходъ прогресса, который принимался было такъ легко на этой благодатной почвѣ. Должно желать и можно надѣяться, что нынѣшній король Георгъ, вступивъ въ бракъ, который много можетъ содѣйствовать благосостоянію новаго его отечества, оживитъ тихую и грустную нынѣ его столицу и будетъ служить въ семейной общественной жизни примѣромъ своимъ подданнымъ.

Н.

(До слѣд. №)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНГРЕССЫ

I. Конгрессъ Международной Ассоціаціи Рабочихъ въ Брюсселѣ.

I.

Въ прошедшемъ году я представилъ читателямъ *Русскаго Вѣстника* отчетъ о конгрессѣ *Международной Ассоціаціи Рабочихъ* въ Лозаннѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ изложилъ подробности о происхожденіи и доктринахъ этой соціалистской и космополитской ассоціаціи. Въ то время положеніе ея было далеко не блистательно, и даже въ Англіи, гдѣ она была основана, и гдѣ находится ея средоточіе, бюджетъ центральнаго комитета за 1866 годъ не превышалъ скудной суммы 63 фунт. стерл. Сторонниковъ у нея было весьма немного, и *Trades Unions*, дѣйствія которыхъ она должна была сосредоточивать, имѣли къ ней мало довѣрія. Но съ прошлаго года она, повидимому, совершила значительные успѣхи, вліяніе ея расширилось, и число сторонниковъ ея увеличилось. Не знаю, увеличились ли ея матеріальныя средства соразмѣрно съ ея вліяніемъ: уполномоченные ея, собравшіеся въ Брюсселѣ, сочли своимъ долгомъ хранить въ этомъ отношеніи благоразумное молчаніе и не обнародовали, какъ то было въ прошломъ году въ Лозаннѣ, отчетовъ главной ассоціаціи и ея отдѣленій.

Впрочемъ, вопросъ финансовый, несмотря на свое значеніе, долженъ занимать здѣсь второстепенное мѣсто. Если нравственный кредитъ Ассоціаціи увеличивается, если число ея членовъ возрастаетъ, то и касса ея со временемъ напол-

вится. Не слѣдуетъ забывать, что *Лига противъ хлѣбныхъ законовъ*, располагавшая подъ конецъ бюджетомъ въ полмилліона фунтовъ стерлинговъ, въ началѣ имѣла въ своемъ распоряженіи нѣсколько сотенъ, и если допустимъ, что пропаганда Международной Ассоціаціи достигнетъ успѣха, подобнаго тому который увѣнчалъ Лигу знаменитаго Кобдена, то и въ деньгахъ она нуждаться не будетъ.

Какъ бы то ни было, я долженъ придерживаться неполныхъ свѣдѣній, обнародованныхъ Международною Ассоціаціей относительно ея положенія, и заявить, что свѣдѣнія эти свидѣтельствуютъ о значительномъ ея успѣхѣ. Правда, во Франціи, отдѣленіе, которое она пыталась устроить, было разсѣяно полиціей, и основатели его приговорены были къ денежной пенѣ и къ тюремному заключенію по обвиненію въ устройствѣ противозаконной ассоціаціи. Въ Пруссіи, постановленіе, запрещающее гражданамъ присоединяться къ иностраннымъ ассоціаціямъ, воспрепятствовало ей навербовать себѣ сторонниковъ, но въ Англіи, значительное число *Trades Unions* согласилось примкнуть къ ней; въ Бельгіи, отдѣленія устроились въ Брюсселѣ, Люттихѣ, Вервье и во многихъ другихъ мѣстностяхъ. Въ Вервье, откуда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, распространилась агитація въ пользу свободной торговли, устроилось въ ноябрѣ 1867 года Общество такъ называемыхъ *вольныхъ рабочихъ* (francs ouvriers), имѣющее теперь до 400 членовъ; оно основало ежемѣсячный журналъ, не совсѣмъ кстати названный *Мирабо* (знаменитый либеральный ораторъ учредительнаго собранія отнюдь не сочувствовалъ идеямъ коммунизма и равенства), который печатается въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ. Въ Швейцаріи число отдѣленій Международной Ассоціаціи также значительно увеличилось, особенно въ Женевѣ, гдѣ она приняла на себя обязанность поддерживать стачки рабочихъ; отдѣленія существуютъ также въ Шо-де-фонѣ, Локлѣ, центрахъ часоваго производства въ Невшательскомъ кантонѣ, въ Мора̀, въ Біеннѣ и пр. Въ Испаніи она имѣетъ староннинковъ между каталонскими рабочими, приславшими даже уполномоченнаго на Брюссельскій конгрессъ. Въ Италіи конгрессъ лигурійскихъ рабочихъ, собравшійся въ Генуѣ, прислалъ ей выраженіе своего сочувствія и братское привѣтствіе. Но, повидимому, пропаганда ея пріобрѣла наибольшій успѣхъ въ Германіи. Конгрессъ обществъ рабочихъ,

собиравшійся въ Гамбургѣ въ августѣ мѣсяцѣ, одобрилъ ея программу, и то же рѣшеніе было принято, несмотря на усилія *національной либеральной* партіи, преданной Пруссіи, на конгрессѣ рабочихъ въ Нюренбергѣ. Конгрессъ этотъ, состоявшій изъ 116 уполномоченныхъ, представителей почти 200 обществъ рабочихъ, и 50.000 членовъ, утвердилъ 7-го сентября присоединеніе ихъ къ Международной Ассоціаціи. Это сочувствіе, повидимому, въ значительной степени подстрекнуло честолюбивыя притязанія основателей Ассоціаціи. Они стремятся, ни болѣе, ни менѣе, къ руководству соціалистскимъ движеніемъ въ цѣлой Европѣ и въ этихъ видахъ стараются устранить безпокойныхъ конкуррентовъ, которые вздумали бы оспаривать у нихъ диктатуру, которую они замышляютъ захватить въ свои руки. Этимъ объясняются горделивыя и заносчивыя резолюціи, представленныя ими на утвержденіе въ послѣднемъ засѣданіи Брюссельскаго конгресса въ отвѣтъ на братское приглашеніе, которое имѣли неосторожность сдѣлать имъ *друзья свободы и мира*, собиравшіеся въ прошедшемъ году въ Женевѣ и созванные нынѣ въ Бернѣ.

Въ силу этихъ резолюцій, уполномоченные, собравшіеся въ Брюсселѣ, объявляютъ, что Лига Мира и Свободы совершенно безполезна въ присутствіи Международной Ассоціаціи, вслѣдствіе чего они приглашаютъ означенное Общество разойдтись, а членамъ его совѣтуютъ поступить въ одно изъ отдѣленій Ассоціаціи.

Вотъ какимъ образомъ соціалисты Брюссельскаго конгресса поступаютъ съ своими братьями и друзьями, демократами Бернскаго конгресса! Подчинятся ли послѣдніе съ покорностью такому диктаторскому повелѣнію? Мы узнаемъ объ этомъ въ послѣдствіи. Но не заслуживаетъ ли вниманія самый фактъ такого повелѣнія? Не доказываетъ ли онъ, что Международная Ассоціація считаетъ уже себя настолько сильною, чтобы предписывать законы диссидентамъ и навязывать имъ свою диктатуру? Безъ сомнѣнія, она преувеличиваетъ свое могущество; но сочувствіе, о которомъ я упомянулъ выше, и нѣкоторые факты, о которыхъ я сообщу потомъ относительно коалицій и стачекъ, свидѣтельствуютъ, что могущество это дѣйствительное, и что можетъ наступить минута, когда Международная Ассоціація сосредоточеніемъ и объединеніемъ силъ европейскаго соціализма

пріобрѣтетъ свою долю вліянія на событія. Вслѣдствіе этого не безынтересно будетъ изслѣдовать ближе ея доктрины и стремленія, какъ они проявляются въ ея ежегодныхъ собраніяхъ.

II.

Брюссельскій конгрессъ былъ третій (первый происходилъ въ Женевѣ въ 1866 году, второй въ Лозаннѣ въ 1867 году) и собирался между 6-мъ и 12-мъ сентября въ обширной залѣ цирка, въ присутствіи довольно многочисленныхъ слушателей, въ числѣ коихъ особенно обращали на себя вниманіе г. Викторъ Гюго, знаменитость прежняго времени, и г. Генри Рошфоръ, знаменитость современная. Ежедневно, предъ началомъ публичнаго засѣданія, уполномоченные собирались въ трактиръ *Лебедя*, на той живописной Большой Площади, гдѣ были обезглавлены графы Эгмонтъ и Горнъ. Личный составъ уполномоченныхъ былъ почти тотъ же, что̀ и въ Лозаннѣ. Между ними находились: г. Йонгъ, президентъ, членъ лондонскаго главнаго совѣта, который называетъ себя, *compagnon Yung*, но который богатъ и получилъ отличное образованіе, ибо говоритъ свободно на четырехъ языкахъ; г. Дюпонъ, французскій журналистъ, проживающій въ Лондонѣ; г. Степпей, принадлежащій по своему происхожденію къ британской аристократіи, и многіе другіе, привыкшіе болѣе къ слову и перу чѣмъ къ топору, пилѣ или молоту. Собраніе раздѣлено было на отдѣленія, изъ коихъ каждому было поручено изучить часть вопросовъ программы и составить о нихъ докладъ общему собранію. Охотно отдаю справедливость членамъ конгресса, что пренія ихъ ведены были превосходно, и что конгрессъ держалъ себя такъ, что его можно было бы поставить въ образецъ многимъ собраніямъ, члены коихъ принадлежатъ къ высшимъ классамъ общества. Но на этомъ, къ несчастію, должны остановиться похвалы, и если наружный видъ конгресса могъ назваться безукоризненнымъ: то—увы!—нельзя сказать то же о духѣ, который въ немъ господствовалъ.

Духъ этотъ выражается въ слѣдующихъ словахъ, извлеченныхъ изъ рѣчей двухъ президентовъ, гг. Йонга и Дюпона, которые руководили поочередно конгрессомъ. „Нынѣшнее общество, сказалъ г. Дюпонъ, состоитъ изъ двухъ классовъ,

капиталистовъ и производителей. Капиталистъ, обладающій соціальнымъ могуществомъ, безпрерывно эксплуатируетъ работника. Это враждебное дѣйствіе возбуждаетъ соціальную войну. При такомъ положеніи вещей, работникъ можетъ защитить себя противъ деспотизма капитала только организаціей сопротивленія"... Г. Йонгъ, съ своей стороны, провозгласилъ эту „соціальную войну" неизбѣжною при настоящемъ устройствѣ общества. „Хозяинъ, сказалъ онъ, живетъ барышами, которые онъ получаетъ отъ труда рабочихъ, и съ его точки зрѣнія совершенно логично, чтобъ барыши его были какъ можно значительнѣе, но со стороны рабочихъ не менѣе логично не отдавать себя на жертву эксплуатаціи; вслѣдствіе этого между хозяиномъ и рабочимъ война происходитъ неизбѣжно". Въ этой войнѣ рабочій, за неимѣніемъ организаціи, которая охраняла бы его отъ гнета капитала, до сихъ поръ оставался побѣжденнымъ. „Рабочій, присовокупилъ г. Йонгъ, такъ же несчастливъ, какъ былъ нѣкогда американскій негръ или русскій крѣпостной. Онъ даже еще несчастнѣе, ибо негръ и крѣпостной были пріобрѣтаемы покупкой, и господинъ оставлялъ ихъ у себя, когда силы ихъ истощались, между тѣмъ какъ онъ выбрасываетъ негодныхъ для него рабочихъ изъ саларіата". Что же нужно сдѣлать? Нужно уничтожить саларіатъ и создать новую соціальную организацію, въ которой капиталъ былъ бы подчиненъ труду, а не распоряжался имъ. Вотъ цѣль, которой слѣдуетъ достигнуть, и къ достиженію которой Международная Ассоціація предположила себѣ вести рабочихъ, и вотъ духъ, господствовавшій въ преніяхъ конгресса, духъ антагонизма и войны, хотя Ассоціація и заявила претензію установить миръ и согласіе.

Программа заключала въ себѣ слѣдующіе вопросы:

1) О взаимномъ кредитѣ между рабочими.

2) О вліяніи машинъ на заработную плату и на положеніе рабочихъ.

3) О полномъ образованіи, заключающемся въ изученіи наукъ и ремеслъ.

4) О недвижимой собственности (пахатная земля и лѣса, рудники и угольныя копи, каналы и желѣзныя дороги и пр.).

5) О стачкахъ, о союзѣ между обществами сопротивленія и объ устройствѣ третейскаго суда для случайныхъ стачекъ.

6) Объ уменьшеніи рабочихъ часовъ въ мастерскихъ. (Вопросъ, предложенный отдѣленіями англійскими и американскими.)

7) Каково должно быть положеніе рабочихъ въ случаѣ столкновенія между великими европейскими державами? (Вопросъ, предложенный германскими отдѣленіями.)

8) Тетради рабочихъ. Изложеніе частныхъ неудовольствій рабочихъ каждой профессіи. (Вопросъ, предложенный бельгійскими отдѣленіями.)

Такъ какъ конгрессъ имѣлъ только недѣлю времени для обсужденія этихъ разнообразныхъ вопросовъ, и такъ какъ два первыя засѣданія были почти исключительно посвящены отчету о положеніи и успѣхахъ Международной Ассоціаціи, и наконецъ, такъ какъ чтеніе докладовъ, представленныхъ отъ имени нѣсколькихъ отдѣленій о вопросахъ программы, поглотили значительную часть прочихъ засѣданій, то пренія ограничились только вопросами о войнѣ, о взаимномъ кредитѣ, о машинахъ, о стачкахъ и объ ученіи. Да и эти пренія, изложенныя весьма недостаточно офиціальными органами Ассоціаціи *le Peuple* и *la Cigale*, не представляютъ большаго интереса. Что касается до *докладовъ*, представленныхъ отъ имени отдѣленій, то они бо́льшею частію страдаютъ напыщенностью и многословіемъ. Но резолюціи, служащія заключеніями докладовъ коммиссій * и утвержденныя одна за другою,—однѣ послѣ пренія, другія безъ преній,—выражаютъ вполнѣ духъ большинства конгресса. Вотъ почему я считаю полезнымъ привести ихъ буквально. Онѣ дадутъ вашимъ читателямъ самое вѣрное понятіе о настоящемъ положеніи „международнаго соціализма“.

Привожу ихъ по порядку программы.

I. О взаимномъ кредитѣ, къ которому коммиссія, коей порученъ былъ этотъ докладъ, присоединила процентъ съ капитала.

„Принимая въ соображеніе:

„1) что процентъ съ капитала, въ какой бы формѣ онъ ни проявлялся, есть цѣнность, взимаемая съ работы дня въ пользу того, кто уже обогатился вчерашнею работой, и что если

* Не должно смѣшивать „отдѣленій“ съ „коммиссіями“. Отдѣленія состоятъ изъ различныхъ отраслей ассоціаціи; существуютъ отдѣленія Брюссельское, Литтихское, Женевское и пр. Эти отдѣленія представили отъ своего имени изслѣдованія или доклады о вопросахъ программы. Но принятыя *заключенія* были формулованы коммиссіями, избранными изъ членовъ конгресса и назначившими отъ себя докладчиковъ.

этотъ послѣдній имѣетъ право копить деньги, то не имѣетъ права дѣлать это насчетъ другихъ;

„2) что вслѣдствіе этого процентъ съ капитала есть настоящій источникъ несправедливости и неравенства, и что ассоціаціи, придерживающіяся его, просто-на-просто переносятъ отъ индивидуальнаго въ коллективному принципъ эгоизма, который есть разъѣдающая язва нынѣшняго общества;

„3) что учрежденія политическія и экономическія, каковы отверждённый заемъ и привилегіи, предоставляемыя финансовымъ ли обществамъ, или компаніямъ желѣзныхъ дорогъ, застрахованія и пр., увеличиваютъ въ ужасающей прогрессіи хищническое свойство процента съ капитала и связываютъ тѣснѣе интересы правительствъ съ интересами капиталистовъ;

„4) что ажіотажъ доводитъ дѣйствіе процента съ капитала до крайнихъ предѣловъ безнравственности;

„5) что примѣненіе въ обширныхъ размѣрахъ принципа солидарности между рабочими есть единственное практическое средство, коимъ они могутъ нынѣ располагать для борьбы противъ финансоваго феодализма,

„Коммиссія предлагаетъ основаніе международнаго банка рабочихъ съ цѣлію сдѣлать кредитъ демократическимъ и равно для всѣхъ доступнымъ и упростить отношенія производителя къ потребителю, то-есть изъять трудъ отъ владычества капитала и обратить послѣдній къ его естественному и законному назначенію—быть агентомъ труда.“

II. О машинахъ:

„Принимая въ соображеніе, что съ одной стороны машина была въ рукахъ капиталиста однимъ изъ самыхъ могущественныхъ орудій деспотизма и вымогательства, и что, съ другой стороны, развитіе, которое она пріобрѣтаетъ, должно создать необходимыя условія для замѣны системы производства истинно національнаго системой саларіата;

„принимая въ соображеніе, что машина тогда только окажетъ истинныя услуги рабочимъ, когда болѣе справедливая организація передастъ ее въ ихъ владѣніе, Конгрессъ объявляетъ:

„1. что только вспомогательными ассоціаціями и устройствомъ взаимнаго кредита производство должно достигнуть обладанія машинами;

„2. что несмотря на то, при настоящемъ положеніи, рабочимъ, соединившимся въ общество сопротивленія, необходимо вмѣшаться во введеніе машинъ въ мастерскія, съ тѣмъ, чтобы введеніе это было допускаемо съ нѣкоторыми гарантіями и вознагражденіями для рабочаго.“

III. О полномъ обученіи:

„Признавая, что въ настоящую минуту невозможно устроить раціональное преподаваніе,

„Конгрессъ приглашаетъ различныя отдѣленія устроить публичные курсы, согласно съ программой преподаванія ученаго, спеціальнаго и производительнаго, то-есть полнаго преподаванія для восполненія по возможности недостатка образованія, получаемаго нынѣ рабочими. Само собою разумѣется, что уменьшеніе рабочихъ часовъ должно быть необходимымъ предварительнымъ условіемъ."

IV. О недвижимой собственности (Докладъ г. Цезаря де-Пепа отъ имени коммиссіи, состоящей изъ двухъ Нѣмцевъ: гг. Беккера и Гесса, трехъ Французовъ: гг. Лемонье, Пенди и Толена и двухъ Бельгійцевъ: гг. де-Пепа и Кена):

I. Относительно рудниковъ, угольныхъ копей и желѣзныхъ дорогъ:

„Принимая въ соображеніе, что эти великія орудія труда прикрѣплены къ почвѣ и занимаютъ значительную часть почвы, которая есть владѣніе предоставленное человѣчеству безмездно;

„принимая въ соображеніе, что эти орудія труда имѣютъ такіе размѣры и такую важность, что требуютъ, во избѣжаніе опасной монополіи, вмѣшательства цѣлаго общества относительно тѣхъ, кои пользуются ими;

„принимая въ соображеніе, что эти великія орудія труда необходимо требуютъ примѣненія машины и коллективной силы;

„принимая въ соображеніе, что машины и коллективная сила, существующія нынѣ исключительно къ выгодѣ капиталиста, должны, на будущее время, служить единственно на пользу рабочаго, и что для него нужно, чтобы всякая промышленность, для которой эти двѣ экономическія силы необходимы, производилась группами людей, освобожденныхъ отъ саларіата,

„Конгрессъ предлагаетъ: 1) чтобы каменоломни, угольныя копи и другіе рудники, а равно и желѣзныя дороги, въ нормальномъ обществѣ, принадлежали общественной собирательной единицѣ, представляемой государствомъ обновленнымъ и подчиненнымъ въ свою очередь закону справедливости; 2) чтобы каменоломни, угольныя копи, желѣзныя дороги были уступлены не компаніямъ капиталистовъ, какъ то дѣлается нынѣ, но компаніямъ рабочихъ и при посредствѣ двухъ контрактовъ, изъ коихъ однимъ выдавалась бы инвеститура компаніи рабочихъ и обезпечивались бы обществу: ученая и раціональная эксплуатація концессіи, услуги по цѣнѣ наиболѣе дешевой, право повѣрять счеты компаніи и вслѣдствіе этого невозможность возстановить монополію; другимъ обезпечивались бы права каждаго члена ассоціаціи рабочихъ относительно его товарищей."

„что, посѣвая печаль и разореніе въ семействахъ, деморализацію на всѣхъ пунктахъ, гдѣ сосредоточиваются арміи, она поддерживаетъ невѣжество и нищету;

„что золото и кровь народовъ служили только на поддержаніе между ними дикихъ инстинктовъ человѣка въ его естественномъ состояніи;

„что въ обществѣ, основанномъ на трудѣ и производствѣ, сила можетъ быть употреблена только на служеніе свободѣ и праву каждаго; что она можетъ быть только гарантіей, а не угнетеніемъ;

„что при нынѣшнемъ положеніи Европы, правительства не служатъ представителями законныхъ интересовъ рабочихъ;

„принимая въ соображеніе, что если главная и постоянная причина войны есть недостатокъ экономическаго равновѣсія и вслѣдствіе этого можетъ быть устранена лишь соціальною реформой, то тѣмъ не менѣе побочною причиной ея бываетъ произволъ, происходящій отъ централизаціи и деспотизма;

„что народы могутъ съ этой же минуты уменьшить число войнъ, противодѣйствуя тѣмъ, которые ихъ ведутъ или объявляютъ;

„что это право принадлежитъ преимущественно рабочимъ классамъ, на которые почти исключительно падаетъ военная служба, и что они одни могутъ дать ему утвержденіе;

„что они имѣютъ въ рукахъ своихъ средство практическое и законное, которымъ можно воспользоваться тотчасъ же;

„что на дѣлѣ соціальное тѣло не можетъ существовать, если производство остановится на нѣкоторое время;

„что на этомъ основаніи производителямъ стóитъ только прекратить производство, чтобы сдѣлать невозможными предпріятія правительствъ личныхъ и деспотическихъ;

„Конгрессъ объявляетъ, что онъ самымъ энергическимъ образомъ протестуетъ противъ войны.

„Онъ приглашаетъ всѣ отдѣленія Ассоціаціи, каждую въ ихъ собственной странѣ, а равно и всѣ общества рабочихъ и всѣ группы рабочихъ, какія бы то ни было, дѣйствовать съ величайшею ревностью, чтобы воспрепятствовать войнѣ между народами, которая нынѣ можетъ считаться только междуусобною войной, потому что, происходя между производителями, она была бы только борьбой между братьями и согражданами.

„Конгрессъ рекомендуетъ въ особенности рабочимъ прекратить всякую работу въ случаѣ, если война вспыхнетъ въ ихъ странахъ.

„Конгрессъ вполнѣ полагается на духъ солидарности, одушевляющій рабочихъ всѣхъ странъ, и надѣется, что они не преминутъ оказать поддержку этой стачкѣ народовъ противъ войны.“

III.

Таковъ инвентарь экономическихъ идей Брюссельскаго конгресса. Инвентарь этотъ долженъ внушить прискорбныя размышленія объ умственномъ и нравственномъ положеніи рабочихъ классовъ, а равно и объ ихъ экономическомъ образованіи. Общая идея, проявляющаяся въ этихъ различныхъ резолюціяхъ, та самая, которая была такъ грубо выражена президентами конгресса Йонгомъ и Дюпономъ, а именно: „Между капиталомъ и трудомъ существуетъ антагонизмъ, и при нынѣшнемъ устройствѣ общества, рабочій необходимо эксплуатируется капиталистомъ; къ этому должно присовокупить, что самый прогрессъ, какъ онъ проявляется въ изобрѣтеніи машинъ все болѣе и болѣе могущественныхъ и въ способахъ производства все болѣе и болѣе усовершенствованныхъ, отнюдь не полагаетъ конца означенной эксплуатаціи, а только усиливаетъ ее.“—„Такъ какъ средства производства, говорилъ докладчикъ Брюссельскаго отдѣла, инструменты, орудія, машины, суровье, капиталы всякаго рода составляютъ монополію въ нѣсколькихъ рукахъ, то всякое изобрѣтеніе новыхъ машинъ только увеличиваетъ могущество капитала и даетъ ему возможность угнетать еще болѣе рабочаго, существующаго своею ежедневною заработною платой....“ — „По словамъ г. Араго, присовокупляетъ тотъ же докладчикъ, четверикъ угля, сожигаемаго въ корнуэльской паровой машинѣ дѣлаетъ дѣло двадцати человѣкъ, работающихъ въ продолженіе десяти часовъ. А такъ какъ четверикъ угля стóитъ около 90 сантимовъ, то промышленникъ можетъ уменьшить цѣну рабочаго дня, продолжающагося десять часовъ, до пяти сантимовъ.“ Нужно ли доказывать всю нелѣпость подобнаго заявленія? Не свидѣтельствуетъ ли опытъ, что именно въ странахъ, гдѣ дѣйствуетъ наибольшее число машинъ, какъ напримѣръ въ Англіи, существуетъ самая высокая заработная плата, и работникъ пользуется наибольшею независимостью? Не достаточно ли справиться съ первою попавшею подъ руку статистикой, чтобъ удостовѣриться, что машины, придавая значительное движеніе промышленности, увеличили, а отнюдь не уменьшили

употребленіе труда, и что въ Англіи населеніе удвоилось съ начала нынѣшняго столѣтія, а благосостояніе всѣхъ классовъ, со включеніемъ рабочаго, постоянно возрастало (статистика потребленія чаю, кофе, сахару и пр. служитъ тому доказательствомъ) въ пропорціи еще болѣе значительной. Но руководители Международной Ассоціаціи мало заботятся о статистикѣ. Заключеніе ихъ составлено заранѣе, а затѣмъ имъ и дѣла нѣтъ, согласуются ли факты съ ихъ теоріями. Итакъ трудъ есть жертва „тираніи капитала": онъ эксплуатируется, и промышленный прогрессъ не улучшаетъ, а ухудшаетъ его положеніе. Вотъ что у нихъ рѣшено и подписано. Что же остается дѣлать, чтобъ освободить его отъ этой эксплуатаціи и избавить отъ этой тираніи? Необходимо измѣнить организацію промышленности такимъ образомъ, чтобы подчинить капиталъ труду, какъ того желалъ Прудонъ, оставшійся главнымъ вдохновителемъ конгресса. Необходимо, говоря знаменитымъ выраженіемъ аббата Сіеса о среднемъ сословіи, чтобы трудъ, который нынѣ *ничто*, сдѣлался на будущее время *всѣмъ*. Но какимъ способомъ можно будетъ совершить такой экономическій и соціальный переворотъ? Прежде всего необходимо передать въ руки государства, но не такого государства, каково оно нынѣ, а „государства обновленнаго", недвижимую собственность: рудники, лѣса, желѣзныя дороги, каналы и наконецъ пахатную землю. Собственностью этою государство не будетъ управлять само (и въ этомъ отношеніи нынѣшніе соціалисты опередили собратій своихъ, соціалистовъ 1848 года), оно будетъ выдавать концессіи на нее ассоціаціямъ рабочихъ, которыя примутъ ее въ свое завѣдываніе съ заключеніемъ контрактовъ, опредѣляющихъ не только условія хорошей эксплуатаціи, но и гарантіи „въ пользу обоюдныхъ правъ каждаго члена". Однако этимъ ассоціаціямъ рабочихъ понадобятся капиталы. Какимъ образомъ онѣ добудутъ ихъ себѣ? По какой таксѣ онѣ будутъ за нихъ уплачивать? Онѣ будутъ пріобрѣтать ихъ себѣ посредствомъ взаимнаго кредита, а занимать ихъ будутъ *даромъ*. Такимъ образомъ капиталъ потерпитъ строгое наказаніе за тиранію, которой онъ подвергалъ трудъ; онъ захватывалъ себѣ львиную часть, на будущее время ему не дадутъ никакой: всѣ результаты производства достанутся труду. Но можно ли быть увѣреннымъ, что капиталы будутъ умножаться

при такой системѣ, и что они будутъ являться безвозмездно къ услугамъ труда? На этотъ счетъ нѣкоторые члены, Англичане и Нѣмцы, выразили свое сомнѣніе, но французскіе прудонисты, которымъ полнѣйшая неудача пресловутаго *банка дароваго кредита*, придуманнаго ихъ учителемъ, не послужила урокомъ, заставили скептиковъ замолчать. Итакъ всякій поборъ во имя капитала, въ какой бы формѣ онъ ни представлялся, въ видѣ ренты, процента или барыша, строго запрещается; вознагражденіе будетъ получать только трудъ. Въ какихъ размѣрахъ? Резолюціи молчатъ объ этомъ, но доклады отдѣленій о полномъ обученіи заставляютъ предполагать, что это устроится, по возможности, на основаніи равенства. И дѣйствительно, въ докладѣ Женевскаго отдѣла мы видимъ, что „*не утверждая*, чтобы полное обученіе имѣло результатомъ установить *абсолютное* равенство умовъ", докладчики полагаютъ однако, что „оно должно будетъ водворить гармонію въ развитіи различныхъ способностей каждаго человѣка и уничтожить страшныя несоразмѣрности всякаго рода, которыя замѣчаются нынѣ". По словамъ того же доклада, „каждый врачъ долженъ быть сначала больничнымъ служителемъ, каждый инженеръ рабочимъ; такъ какъ преимущества рожденія и состоянія упраздняются, и возможность образованія будетъ для всѣхъ одинакова, то ничто не можетъ опредѣлить заранѣе, будетъ ли молодой и ученый рабочій, больничный служитель, матросъ исполнять всю жизнь свою почтенную должность или достигнетъ болѣе почетнаго званія инженера, врача, шкипера." Но какъ же будутъ получать свое образованіе спеціалисты? Они вовсе не будутъ получать его. Общество обойдется безъ нихъ. „Необходимо признать, продолжаетъ докладъ, что превосходствомъ своимъ эти великіе люди, спеціалисты, обязаны только, съ одной стороны, униженію прочихъ людей, а съ другой—несоразмѣрному развитію одной или нѣкоторыхъ способностей ихъ въ ущербъ всѣмъ прочимъ. Сознавая, что такое расположеніе умовъ могло быть весьма полезно открытію принциповъ и положительному устройству человѣческихъ знаній, мы должны какъ можно болѣе проникнуться мыслію, что продолженіе существованія этихъ по истинѣ чудовищныхъ нравственныхъ явленій можетъ быть только вредно нынѣ, когда великіе принципы утверждены, и отъ наукъ вообще уже ожидать нечего, кромѣ развитія частностей." Не

должно ли порадоваться, при чтеніи этой тирады, что новое общество нѣсколько промедлило своею организаціей, ибо, уничтожая ученыхъ спеціалистовъ, какъ *чудовищныя нравственныя явленія*, оно сдѣлало бы невозможнымъ открытіе принциповъ и положительное устройство человѣческихъ знаній, которыми мы обязаны этимъ *чудовищамъ?*

Какъ бы то ни было, „обновленное государство“, владѣющее почвой, ассоціаціи рабочихъ, эксплуатирующія всѣ отрасли производства и распредѣляющія плоды своей дѣятельности своимъ членамъ сообразно съ ихъ трудомъ, не удѣляя ничего капиталу, тиранія коего окончательно упразднена, наконецъ равномѣрное распредѣленіе труда, опредѣленное принципомъ „равномѣрности обязанностей“ и обезпеченное „полнымъ обученіемъ“, имѣющимъ цѣлію уничтожить *ученыя чудовищности* и установить равенство умственныхъ способностей,—вотъ идеалъ, къ достиженію коего стремится Международная Ассоціація Рабочихъ.

IV.

Но еслибы Международная Ассоціація довольствовалась стремленіемъ къ этому идеалу, то вліяніе ея на рабочіе классы было бы, вѣроятно, весьма ограниченно; она, конечно, могла бы увлечь до фанатизма нѣкоторое число людей, мало ученыхъ и одаренныхъ пылкимъ воображеніемъ, въ чемъ успѣли прежде нея Фурье, Кабе, Прудоны, но сомнительно, чтобъ она въ состояніи была добыть себѣ необходимыя средства для обширной и постоянной пропаганды: надежды, которыя она подала бы рабочимъ для улучшенія ихъ участи, были бы слишкомъ отдаленныя, и они не рѣшились бы обречь себя на пожертвованія, необходимыя для поддержки и распространенія ея дѣла. Но рядомъ съ этою теоретическою и отдаленною цѣлію, она имѣетъ въ виду цѣль болѣе близкую и практическую, которая даетъ ей гораздо болѣе вліянія на рабочій классъ и дѣлаетъ ее гораздо опаснѣе. Цѣль эта перенести на материкъ и ввести на немъ въ общее употребленіе *Tradens Unions* или общества сопротивленія, назначеніе коихъ, посредствомъ коалицій и стачекъ, возвышать цифру заработной платы.

Преимущественно для достиженія этой цѣли, какъ я имѣлъ случай замѣтить въ прошедшемъ году, при изложеніи отчета

о Лозанскомъ конгрессѣ, и была основана въ Лондонѣ въ 1864 году Международная Ассоціація. Вамъ извѣстна борьба, которую предпринявали *Trades Unions* противъ промышленниковъ. Основанные въ большей части мануфактурныхъ центровъ, они имѣютъ цѣлію противодѣйствовать, посредствомъ ассоціаціи, могуществу хозяевъ и такимъ образомъ пріобрѣтать для своихъ членовъ болѣе высокую плату, чѣмъ бы они могли этого достигнуть, обсуждая это дѣло отдѣльно съ мануфактуристами. До сихъ поръ все это дѣлается въ предѣлахъ законности, и еслибы *Trades Unions* довольствовались, какъ дѣлаютъ нѣкоторые изъ нихъ, организаціей *предложенія* труда соразмѣрно со *спросомъ*; наблюденіемъ, чтобы рынокъ труда не былъ загроможденъ, — что̀ ведетъ относительно этого товара, какъ и всякаго другаго, къ пониженію цѣны; еслибъ они помогали излишнимъ рабочимъ перемѣнять мѣста, или даже выдавали имъ вознагражденіе, чтобы не допустить ихъ до пониженія цѣнъ скопленіемъ своимъ на рынкахъ; еслибъ они содѣйствовали организаціи и развитію „торговли труда“ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и прочія отрасли торговли, давая имъ полезное пособіе гласности, то можно было бы только радоваться ихъ устройству. Къ несчастію, они не ограничиваются этимъ и стараются навязать свои законы промышленникамъ и принудить ихъ къ принятію условій заработной платы, устройствомъ стачекъ въ огромныхъ размѣрахъ. Когда стачка объявлена, то всѣ члены *Trades Unions* перестаютъ работать и получаютъ ежедневную субсидію изъ кассы ассоціаціи, составляемой на основаніи правильныхъ взносовъ. Борьба продолжается до тѣхъ поръ, пока не уступятъ хозяева или пока не истощится касса ассоціаціи. Но такъ какъ хозяева, съ своей стороны, также соединяются между собой, и такъ какъ имъ не трудно справиться съ однимъ какимъ-либо обществомъ рабочихъ, то *Trades Unions* условились, что они будутъ помогать другъ другу. Такимъ образомъ при нѣкоторыхъ извѣстныхъ стачкахъ, какъ напримѣръ въ Престонѣ, рабочіе въ состояніи были издержать до полумилліона фунт. стерл. для покрытія расходовъ по стачкѣ. Иногда въ этой борьбѣ, выдерживаемой съ энергіей и упорствомъ, свойственными англо-саксонскому племени, рабочіе одерживаютъ побѣду, иногда, и даже въ большей части случаевъ, — какъ было недавно съ лондонскими *кэбменами* (извощиками), —

они терпятъ пораженіе. Но очевидно, что они имѣютъ тѣмъ болѣе вѣроятностей на успѣхъ, чѣмъ труднѣе для хозяевъ пріискать себѣ другихъ рабочихъ. Вотъ почему, вмѣстѣ съ явнымъ устройствомъ *Trades Unions*, у нихъ существуютъ тайныя статьи, имѣющія цѣлію застращать диссидентовъ и даже дѣйствовать на нихъ терроромъ. Вотъ что̀ сообщаетъ по этому предмету г. Мишель Шевалье въ своемъ *предисловіи* къ „Докладамъ о всемірной выставкѣ“:

„Не довольствуясь соглашеніемъ между собой съ цѣлью вытребовать увеличеніе заработной платы посредствомъ коалицій, члены значительнаго числа этихъ ассоціацій дали свое согласіе на планъ, состоящій въ томъ, чтобы принудить всѣхъ рабочихъ ихъ профессіи сообразоваться съ рѣшеніями главнаго комитета, употребляя средства личнаго понужденія, доведенныя до крайняго насилія противъ лицъ и имущества. Рабочіе, пользовавшіеся своею свободой чтобы работать въ мастерскихъ, которыя комитетъ подвергнулъ запрещенію, или получавшіе не ту плату, которую комитетъ заблагоразсудилъ назначить, были преслѣдуемы разными притѣсненіями и оскорбленіями, осыпаемы ударами и становились даже жертвой самыхъ преступныхъ покушеній. Однимъ изъ самыхъ употребительныхъ способовъ для наказанія рабочихъ, сопротивлявшихся требованіямъ комитета, и для устрашенія другихъ, состоялъ въ томъ, чтобы брызгать въ лицо виновнымъ сѣрною кислотой, дабы обезобразить ихъ и испортить имъ зрѣніе. Другой способъ наказанія, принятый комитетомъ, — сдѣлать опасною для непокорныхъ ихъ работу. Такимъ образомъ, кирпичникамъ примѣшивали иглы въ глину, изъ которой они выдѣлывали свой продуктъ. Точильщикамъ подкладывали порохъ въ ихъ жернова, чтобъ произвести взрывъ. Самое меньшее чѣмъ наказывали непокорныхъ, имѣвшихъ претензію пользоваться своею свободой, состояло въ томъ, чтобъ убить ихъ корову или козу и изломать ихъ инструменты. Но нанесеніе такихъ убытковъ и поврежденій казалось еще слишкомъ слабымъ наказаніемъ: бывали случаи, что рабочихъ, не повиновавшихся повелѣніямъ комитета, убивали изъ ружей; иногда производили посредствомъ пороха или бомбы взрывъ въ ихъ жилищахъ въ то время, когда они были тамъ съ своими семьями. Промышленники, не повиновавшіеся рѣшеніямъ этихъ новаго рода вольныхъ судей, подвергались такимъ же покушеніямъ, и къ довершенію возмутительной дерзости, начальникъ комитета шеффильдскихъ пильщиковъ, предписавшій убійства и за выполненіе ихъ заплатившій деньги, осмѣлился напечатать въ газетахъ обѣщаніе награды тому, кто откроетъ виновныхъ. Нѣкоторые изъ шеффильдскихъ пильщиковъ, и въ томъ числѣ Вильямъ Бродгедъ, признаны были, по ихъ

собственнымъ показаніямъ, виновными въ этихъ покушеніяхъ, и всего прискорбнѣе то обстоятельство, что между уніонистами, повидимому, установилось мнѣніе, что подобныя дѣйствія согласны съ естественнымъ правомъ, и что дѣйствовать такимъ образомъ для повышенія заработной платы совершенно законно.“

Прибавлю къ этимъ свѣдѣніямъ г. Мишеля Шевалье, что терроризмъ, которымъ дѣйствуютъ *Trades Unions* противъ работниковъ-диссидентовъ, имѣлъ до сихъ поръ слишкомъ много успѣха. Законъ, несмотря на строгія наказанія, налагаемыя имъ за преступленія такого рода, большею частію не въ состояніи защитить *диссидентовъ* отъ уніонистовъ, вслѣдствіе чего промышленники, мастерскія коихъ подпадаютъ запрещенію, съ трудомъ могутъ добыть себѣ рабочихъ, которые бы рѣшились подвергнуться мести *Trades Unions*. Что же они сдѣлали? Они добыли себѣ за большую заработную плату рабочихъ съ материка: Французовъ, Бельгійцевъ, Нѣмцевъ. *Trades Unions* не замедлили употребить противъ сихъ пришельцевъ свою систему терроризма, и трибуналамъ нерѣдко приходилось вѣдаться съ ними; но они скоро поняли, что такъ какъ материкъ представляетъ промышленникамъ, относительно труда, рынокъ почти неисчерпаемый, то одного устрашенія будетъ недостаточно чтобы воспрепятствовать привозу рабочихъ, и что было бы дѣйствительнѣе попытаться устроить соглашеніе съ рабочими материка, распространеніемъ между ними *Trades Unions*. Международная Ассоціація была основана въ 1864 году съ этою цѣлію и тотчасъ же приступила къ организаціи во Франціи, въ Бельгіи, въ Германіи и въ Швейцаріи *обществъ сопротивленія*, связанныхъ между собою и съ англійскими *Trades Unions*, для поддержанія борьбы противъ „общаго врага“ промышленника, и въ особенности для воспрепятствованія рабочимъ являться съ ихъ трудомъ въ мѣста, гдѣ объявлена стачка. На Брюссельскомъ конгрессѣ, президентъ Дюпонъ привелъ примѣръ дѣйствительности вмѣшательства въ этомъ отношеніи. „Во время стачки лондонскихъ *Baskets makers*, хозяева отправились добывать себѣ съ большими издержками *фламандскихъ* рабочихъ, но благодаря нашей Ассоціаціи, послѣдніе поняли, что они стали бы сражаться противъ самихъ себя, и возвратились въ Бельгію съ вознагражденіемъ, полученнымъ ими отъ *Trades Unions*.“ Для содѣйствія устройству обществъ сопротив-

должно ли порадоваться, при чтеніи этой тирады, что новое общество нѣсколько промедлило своею организаціей, ибо, уничтожая ученыхъ спеціалистовъ, какъ *чудовищныя хриcтоственныя явленія*, оно сдѣлало бы невозможнымъ открытіе принциповъ и положительное устройство человѣческихъ знаній, которыми мы обязаны этимъ *чудовищамъ?*

Какъ бы то ни было, „обновленное государство", владѣющее почвой, ассоціаціи рабочихъ, эксплуатирующія всѣ отрасли производства и распредѣляющія плоды своей дѣятельности своимъ членамъ сообразно съ ихъ трудомъ, не удѣляя ничего капиталу, тиранія коего окончательно упразднена, наконецъ равномѣрное распредѣленіе труда, опредѣленное принципомъ „равномѣрности обязанностей" и обезпеченное „полнымъ обученіемъ", имѣющимъ цѣлію уничтожить *ученыя чудовищности* и установить равенство умственныхъ способностей,—вотъ идеалъ, къ достиженію коего стремится Международная Ассоціація Рабочихъ.

IV.

Но еслибы Международная Ассоціація довольствовалась стремленіемъ къ этому идеалу, то вліяніе ея на рабочіе классы было бы, вѣроятно, весьма ограниченно; она, конечно, могла бы увлечь до фанатизма нѣкоторое число людей, мало ученыхъ и одаренныхъ пылкимъ воображеніемъ, въ чемъ успѣли прежде нея Фурье, Кабе, Прудоны, но сомнительно, чтобъ она въ состояніи была добыть себѣ необходимыя средства для обширной и постоянной пропаганды: надежды, которыя она подала бы рабочимъ для улучшенія ихъ участи, были бы слишкомъ отдаленныя, и они не рѣшились бы обречь себя на пожертвованія, необходимыя для поддержки и распространенія ея дѣла. Но рядомъ съ этою теоретическою и отдаленною цѣлію, она имѣетъ въ виду цѣль болѣе близкую и практическую, которая даетъ ей гораздо болѣе вліянія на рабочій классъ и дѣлаетъ ее гораздо опаснѣе. Цѣль эта перенести на материкъ и ввести на немъ въ общее употребленіе *Tradens Unions* или общества сопротивленія, назначеніе коихъ, посредствомъ коалицій и стачекъ, возвышать цифру заработной платы.

Преимущественно для достиженія этой цѣли, какъ я имѣлъ случай замѣтить въ прошедшемъ году, при изложеніи отчета

о Лозанском конгрессѣ, и была основана въ Лондонѣ въ 1864 году Международная Ассоціація. Вамъ извѣстна борьба, которую предпринимали *Trades Unions* противъ промышленниковъ. Основанные въ большей части мануфактурныхъ центровъ, они имѣютъ цѣлію противодѣйствовать, посредствомъ ассоціаціи, могуществу хозяевъ и такимъ образомъ пріобрѣтать для своихъ членовъ болѣе высокую плату, чѣмъ бы они могли этого достигнуть, обсуждая это дѣло отдѣльно съ мануфактуристами. До сихъ поръ все это дѣлается въ предѣлахъ законности, и еслибы *Trades Unions* довольствовались, какъ дѣлаютъ нѣкоторые изъ нихъ, организаціей *предложенія* труда соразмѣрно со *спросомъ*; наблюденіемъ, чтобы рынокъ труда не былъ загроможденъ, — что̀ ведетъ относительно этого товара, какъ и всякаго другаго, къ пониженію цѣны; еслибъ они помогали излишнимъ рабочимъ перемѣнять мѣста, или даже выдавали имъ вознагражденіе, чтобы не допустить ихъ до пониженія цѣнъ скопленіемъ своимъ на рынкахъ; еслибъ они содѣйствовали организаціи и развитію „торговли труда" на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и прочія отрасли торговли, давая имъ полезное пособіе гласности, то можно было бы только радоваться ихъ устройству. Къ несчастію, они не ограничиваются этимъ и стараются навязать свои законы промышленникамъ и принудить ихъ къ принятію условій заработной платы, устройствомъ стачекъ въ огромныхъ размѣрахъ. Когда стачка объявлена, то всѣ члены *Trades Unions* перестаютъ работать и получаютъ ежедневную субсидію изъ кассы ассоціаціи, составляемой на основаніи правильныхъ взносовъ. Борьба продолжается до тѣхъ поръ, пока не уступятъ хозяева или пока не истощится касса ассоціаціи. Но такъ какъ хозяева, съ своей стороны, также соединяются между собой, и такъ какъ имъ не трудно справиться съ однимъ какимъ-либо обществомъ рабочихъ, то *Trades Unions* условились, что они будутъ помогать другъ другу. Такимъ образомъ при нѣкоторыхъ извѣстныхъ стачкахъ, какъ напримѣръ въ Престонѣ, рабочіе въ состояніи были издержать до полумилліона фунт. стерл. для покрытія расходовъ по стачкѣ. Иногда въ этой борьбѣ, выдерживаемой съ энергіей и упорствомъ, свойственными англо-саксонскому племени, рабочіе одерживаютъ побѣду, иногда, и даже въ большей части случаевъ,— какъ было недавно съ лондонскими *кэбменами* (извощиками), —

употребленіе труда, и что въ Англіи населеніе удвоилось съ начала нынѣшняго столѣтія, а благосостояніе всѣхъ классовъ, со включеніемъ рабочаго, постоянно возрастало (статистика потребленія чаю, кофе, сахару и пр. служитъ тому доказательствомъ) въ пропорціи еще болѣе значительной. Но руководители Международной Ассоціаціи мало заботятся о статистикѣ. Заключеніе ихъ составлено заранѣе, а затѣмъ имъ и дѣла нѣтъ, согласуются ли факты съ ихъ теоріями. Итакъ трудъ есть жертва „тираніи капитала“: онъ эксплуатируется, и промышленный прогрессъ не улучшаетъ, а ухудшаетъ его положеніе. Вотъ что у нихъ рѣшено и подписано. Что же остается дѣлать, чтобъ освободить его отъ этой эксплуатаціи и избавить отъ этой тираніи? Необходимо измѣнить организацію промышленности такимъ образомъ, чтобы подчинить капиталъ труду, какъ того желалъ Прудонъ, оставшійся главнымъ вдохновителемъ конгресса. Необходимо, говоря знаменитымъ выраженіемъ аббата Сіеса о среднемъ сословіи, чтобы трудъ, который нынѣ *ничто*, сдѣлался на будущее время *всѣмъ*. Но какимъ способомъ можно будетъ совершить такой экономическій и соціальный переворотъ? Прежде всего необходимо передать въ руки государства, но не такого государства, каково оно нынѣ, а „государства обновленнаго“, недвижимую собственность: рудники, лѣса, желѣзныя дороги, каналы и наконецъ пахатную землю. Собственностью этою государство не будетъ управлять само (и въ этомъ отношеніи нынѣшніе соціалисты опередили собратій своихъ, соціалистовъ 1848 года), оно будетъ выдавать концессіи на нее ассоціаціямъ рабочихъ, которыя примутъ ее въ свое завѣдываніе съ заключеніемъ контрактовъ, опредѣляющихъ не только условія хорошей эксплуатаціи, но и гарантіи „въ пользу обоюдныхъ правъ каждаго члена“. Однако этимъ ассоціаціямъ рабочихъ понадобятся капиталы. Какимъ образомъ онѣ добудутъ ихъ себѣ? По какой таксѣ онѣ будутъ за нихъ уплачивать? Онѣ будутъ пріобрѣтать ихъ себѣ посредствомъ взаимнаго кредита, а занимать ихъ будутъ *даромъ*. Такимъ образомъ капиталъ потерпитъ строгое наказаніе за тиранію, которой онъ подвергалъ трудъ; онъ захватывалъ себѣ львиную часть, на будущее время ему не дадутъ никакой: всѣ результаты производства достанутся труду. Но можно ли быть увѣреннымъ, что капиталы будутъ умножаться

при такой системѣ, и что они будутъ являться безвозмездно къ услугамъ труда? На этотъ счетъ нѣкоторые члены, Англичане и Нѣмцы, выразили свое сомнѣніе, но французскіе прудонисты, которымъ полнѣйшая неудача пресловутаго *банка даровато кредита*, придуманнаго ихъ учителемъ, не послужила урокомъ, заставили скептиковъ замолчать. Итакъ всякій поборъ во имя капитала, въ какой бы формѣ онъ ни представлялся, въ видѣ ренты, процента или барыша, строго запрещается; вознагражденіе будетъ получать только трудъ. Въ какихъ размѣрахъ? Резолюціи молчатъ объ этомъ, но доклады отдѣленій о полномъ обученіи заставляютъ предполагать, что это устроится, по возможности, на основаніи равенства. И дѣйствительно, въ докладѣ Женевскаго отдѣла мы видимъ, что „*не утверждая*, чтобы полное обученіе имѣло результатомъ установить *абсолютное* равенство умовъ", докладчики полагаютъ однако, что „оно должно будетъ водворить гармонію въ развитіи различныхъ способностей каждаго человѣка и уничтожить страшныя несоразмѣрности всякаго рода, которыя замѣчаются нынѣ". По словамъ того же доклада, „каждый врачъ долженъ быть сначала больничнымъ служителемъ, каждый инженеръ рабочимъ; такъ какъ преимущества рожденія и состоянія упраздняются, и возможность образованія будетъ для всѣхъ одинакова, то ничто не можетъ опредѣлить заранѣе, будетъ ли молодой и ученый рабочій, больничный служитель, матросъ исполнять всю жизнь свою почтенную должность или достигнетъ болѣе почетнаго званія инженера, врача, шкипера." Но какъ же будутъ получать свое образованіе спеціалисты? Они вовсе не будутъ получать его. Общество обойдется безъ нихъ. „Необходимо признать, продолжаетъ докладъ, что превосходствомъ своимъ эти великіе люди, спеціалисты, обязаны только, съ одной стороны, униженію прочихъ людей, а съ другой— несоразмѣрному развитію одной или нѣкоторыхъ способностей ихъ въ ущербъ всѣмъ прочимъ. Сознавая, что такое расположеніе умовъ могло быть весьма полезно открытію принциповъ и положительному устройству человѣческихъ знаній, мы должны какъ можно болѣе проникнуться мыслію, что продолженіе существованія этихъ по истинѣ чудовищныхъ нравственныхъ явленій можетъ быть только вредно нынѣ, когда великіе принципы утверждены, и отъ наукъ вообще уже ожидать нечего, кромѣ развитія частностей." Не

должно ли порадоваться, при чтеніи этой тирады, что новое общество нѣсколько промедлило своею организаціей, ибо, уничтожая ученыхъ спеціалистовъ, какъ *чудовищныя нравственныя явленія*, оно сдѣлало бы невозможнымъ открытіе принциповъ и положительное устройство человѣческихъ знаній, которыми мы обязаны этимъ *чудовищамъ?*

Какъ бы то ни было, „обновленное государство“, владѣющее почвой, ассоціаціи рабочихъ, эксплуатирующія всѣ отрасли производства и распредѣляющія плоды своей дѣятельности своимъ членамъ сообразно съ ихъ трудомъ, не удѣляя ничего капиталу, тиранія коего окончательно упразднена, наконецъ равномѣрное распредѣленіе труда, опредѣленное принципомъ „равномѣрности обязанностей“ и обезпеченное „полнымъ обученіемъ“, имѣющимъ цѣлію уничтожить *ученыя чудовищности* и установить равенство умственныхъ способностей,—вотъ идеалъ, къ достиженію коего стремится Международная Ассоціація Рабочихъ.

IV.

Но еслибы Международная Ассоціація довольствовалась стремленіемъ къ этому идеалу, то вліяніе ея на рабочіе классы было бы, вѣроятно, весьма ограниченно; она, конечно, могла бы увлечь до фанатизма нѣкоторое число людей, мало ученыхъ и одаренныхъ пылкимъ воображеніемъ, въ чемъ успѣли прежде нея Фурье, Кабе, Прудоны, но сомнительно, чтобъ она въ состояніи была добыть себѣ необходимыя средства для обширной и постоянной пропаганды: надежды, которыя она подала бы рабочимъ для улучшенія ихъ участи, были бы слишкомъ отдаленныя, и они не рѣшились бы обречь себя на пожертвованія, необходимыя для поддержки и распространенія ея дѣла. Но рядомъ съ этою теоретическою и отдаленною цѣлію, она имѣетъ въ виду цѣль болѣе близкую и практическую, которая даетъ ей гораздо болѣе вліянія на рабочій классъ и дѣлаетъ ее гораздо опаснѣе. Цѣль эта перенести на материкъ и ввести на немъ въ общее употребленіе *Tradens Unions* или общества сопротивленія, назначеніе коихъ, посредствомъ коалицій и стачекъ, возвышать цифру заработной платы.

Преимущественно для достиженія этой цѣли, какъ я имѣлъ случай замѣтить въ прошедшемъ году, при изложеніи отчета

о Лозанскомъ конгрессѣ, и была основана въ Лондонѣ въ 1864 году Международная Ассоціація. Вамъ извѣстна борьба, которую предпривяли *Trades Unions* противъ промышленниковъ. Основанные въ большей части мануфактурныхъ центровъ, они имѣютъ цѣлію противодѣйствовать, посредствомъ ассоціаціи, могуществу хозяевъ и такимъ образомъ пріобрѣтать для своихъ членовъ болѣе высокую плату, чѣмъ бы они могли этого достигнуть, обсуждая это дѣло отдѣльно съ мануфактуристами. До сихъ поръ все это дѣлается въ предѣлахъ законности, и еслибы *Trades Unions* довольствовались, какъ дѣлаютъ нѣкоторые изъ нихъ, организаціей *предложенія* труда соразмѣрно со *спросомъ*; наблюденіемъ, чтобы рынокъ труда не былъ загроможденъ, — что̀ ведетъ относительно этого товара, какъ и всякаго другаго, къ пониженію цѣны; еслибъ они помогали излишнимъ рабочимъ перемѣнять мѣста, или даже выдавали имъ вознагражденіе, чтобы не допустить ихъ до пониженія цѣнъ скопленіемъ своимъ на рынкахъ; еслибъ они содѣйствовали организаціи и развитію „торговли труда" на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и прочія отрасли торговли, давая имъ полезное пособіе гласности, то можно было бы только радоваться ихъ устройству. Къ несчастію, они не ограничиваются этимъ и стараются навязать свои законы промышленникамъ и принудить ихъ къ принятію условій заработкой платы, устройствомъ стачекъ въ огромныхъ размѣрахъ. Когда стачка объявлена, то всѣ члены *Trades Unions* перестаютъ работать и получаютъ ежедневную субсидію изъ кассы ассоціаціи, составляемой на основаніи правильныхъ взносовъ. Борьба продолжается до тѣхъ поръ, пока не уступятъ хозяева или пока не истощится касса ассоціаціи. Но такъ какъ хозяева, съ своей стороны, также соединяются между собой, и такъ какъ имъ не трудно справиться съ однимъ какимъ-либо обществомъ рабочихъ, то *Trades Unions* условились, что они будутъ помогать другъ другу. Такимъ образомъ при нѣкоторыхъ извѣстныхъ стачкахъ, какъ напримѣръ въ Престонѣ, рабочіе въ состояніи были издержать до полумилліона фунт. стерл. для покрытія расходовъ по стачкѣ. Иногда въ этой борьбѣ, выдерживаемой съ энергіей и упорствомъ, свойственными англо-саксонскому племени, рабочіе одерживаютъ побѣду, иногда, и даже въ большей части случаевъ, — какъ было недавно съ лондонскими *кэбменами* (извощиками), —

они терпятъ пораженіе. Но очевидно, что они имѣютъ тѣмъ болѣе вѣроятностей на успѣхъ, чѣмъ труднѣе для хозяевъ пріискать себѣ другихъ рабочихъ. Вотъ почему, вмѣстѣ съ явнымъ устройствомъ *Trades Unions*, у нихъ существуютъ тайныя статьи, имѣющія цѣлію застращать диссидентовъ и даже дѣйствовать на нихъ терроромъ. Вотъ что̀ сообщаетъ по этому предмету г. Мишель Шевалье въ своемъ *предисловіи* къ „Докладамъ о всемірной выставкѣ“:

„Не довольствуясь соглашеніемъ между собой съ цѣлью вытребовать увеличеніе заработной платы посредствомъ коалицій, члены значительнаго числа этихъ ассоціацій дали свое согласіе на планъ, состоящій въ томъ, чтобы принудить всѣхъ рабочихъ ихъ профессіи сообразоваться съ рѣшеніями главнаго комитета, употребляя средства личнаго понужденія, доведенныя до крайняго насилія противъ лицъ и имущества. Рабочіе, пользовавшіеся своею свободой чтобы работать въ мастерскихъ, которыя комитетъ подвергнулъ запрещенію, или получавшіе не ту плату, которую комитетъ заблагоразсудилъ назначить, были преслѣдуемы разными притѣсненіями и оскорбленіями, осыпаемы ударами и становились даже жертвой самыхъ преступныхъ покушеній. Однимъ изъ самыхъ употребительныхъ способовъ для наказанія рабочихъ, сопротивлявшихся требованіямъ комитета, и для устрашенія другихъ, состоялъ въ томъ, чтобы брызгать въ лицо виновнымъ сѣрною кислотой, дабы обезобразить ихъ и испортить имъ зрѣніе. Другой способъ наказанія, принятый комитетомъ, — сдѣлать опасною для непокорныхъ ихъ работу. Такимъ образомъ, кирпичникамъ примѣшивали иглы въ глину, изъ которой они выдѣлывали свой продуктъ. Точильщикамъ подкладывали порохъ въ ихъ жернова, чтобъ произвести взрывъ. Самое меньшее чѣмъ наказывали непокорныхъ, имѣвшихъ претензію пользоваться своею свободой, состояло въ томъ, чтобъ убить ихъ корову или козу и изломать ихъ инструменты. Но нанесеніе такихъ убытковъ и поврежденій казалось еще слишкомъ слабымъ наказаніемъ: бывали случаи, что рабочихъ, не повиновавшихся повелѣніямъ комитета, убивали изъ ружей; иногда производили посредствомъ пороха или бомбы взрывъ въ ихъ жилищахъ въ то время, когда они были тамъ съ своими семьями. Промышленники, не повиновавшіеся рѣшеніямъ этихъ новаго рода вольныхъ судей, подвергались такимъ же покушеніямъ, и къ довершенію возмутительной дерзости, начальникъ комитета шеффильдскихъ пильщиковъ, предписавшій убійства и за выполненіе ихъ заплатившій деньги, осмѣлился напечатать въ газетахъ обѣщаніе награды тому, кто откроетъ виновныхъ. Нѣкоторые изъ шеффильдскихъ пильщиковъ, и въ томъ числѣ Вильямъ Бродгедъ, признаны были, по ихъ

собственнымъ показаніямъ, виновными въ этихъ покушеніяхъ, и всего прискорбнѣе то обстоятельство, что между уніонистами, повидимому, установилось мнѣніе, что подобныя дѣйствія согласны съ естественнымъ правомъ, и что дѣйствовать такимъ образомъ для повышенія заработной платы совершенно законно."

Прибавлю къ этимъ свѣдѣніямъ г. Мишеля Шевалье, что терроризмъ, которымъ дѣйствуютъ *Trades Unions* противъ работниковъ-диссидентовъ, имѣлъ до сихъ поръ слишкомъ много успѣха. Законъ, несмотря на строгія наказанія, налагаемыя имъ за преступленія такого рода, большею частію не въ состояніи защитить *диссидентовъ* отъ уніонистовъ, вслѣдствіе чего промышленники, мастерскія коихъ подпадаютъ запрещенію, съ трудомъ могутъ добыть себѣ рабочихъ, которые бы рѣшились подвергнуться мести *Trades Unions.* Что же они сдѣлали? Они добыли себѣ за большую заработную плату рабочихъ съ материка: Французовъ, Бельгійцевъ, Нѣмцевъ. *Trades Unions* не замедлили употребить противъ сихъ пришельцевъ свою систему терроризма, и трибуналамъ нерѣдко приходилось вѣдаться съ ними; но они скоро поняли, что такъ какъ материкъ представляетъ промышленникамъ, относительно труда, рынокъ почти неисчерпаемый, то одного устрашенія будетъ недостаточно чтобы воспрепятствовать привозу рабочихъ, и что было бы дѣйствительнѣе попытаться устроить соглашеніе съ рабочими материка, распространеніемъ между ними *Trades Unions.* Международная Ассоціація была основана въ 1864 году съ этою цѣлію и тотчасъ же приступила къ организаціи во Франціи, въ Бельгіи, въ Германіи и въ Швейцаріи *обществъ сопротивленія*, связанныхъ между собою и съ англійскими *Trades Unions*, для поддержанія борьбы противъ „общаго врага" промышленника, и въ особенности для воспрепятствованія рабочимъ являться съ ихъ трудомъ въ мѣста, гдѣ объявлена стачка. На Брюссельскомъ конгрессѣ, президентъ Дюповъ привелъ примѣръ дѣйствительности вмѣшательства въ этомъ отношеніи. „Во время стачки лондонскихъ *Baskets makers*, хозяева отправились добывать себѣ съ большими издержками *фламандскихъ* рабочихъ, но благодаря нашей Ассоціаціи, послѣдніе поняли, что они стали бы сражаться противъ самихъ себя, и возвратились въ Бельгію съ вознагражденіемъ, полученнымъ ими отъ *Trades Unions.*" Для содѣйствія устройству обществъ сопротив-

ленія на материкѣ, *Trades Unions* посылали имъ, при различныхъ случаяхъ, субсидіи чрезъ посредство Международной Ассоціаціи. Такимъ образомъ, когда парижскіе работники-бронзовщики основали у себя подобное общество и вступили въ стачку, то *Trades Unions* прислали имъ 20.000 франковъ, что́ дало имъ возможность продолжить свою стачку и предписать условія хозяевамъ. Въ мартѣ нынѣшняго года Международная Ассоціація выступила также для поддержанія коалиціи женевскихъ рабочихъ и успѣла, благодаря смѣлости своихъ агентовъ и системѣ устрашенія, которую сіи послѣдніе успѣли пустить въ ходъ, доставить побѣду рабочимъ.

„*Международные* (писалъ очевидецъ въ газету *Temps*) являются всюду какъ въ свой домъ, и если находятъ человѣка за работой, то уводятъ его. Такимъ образомъ, на второй же день стачки, они отправились въ мастерскія, и ставъ предъ машинами, принудили остановить ихъ, возглашая (таковъ ихъ пароль): „Не работать!“ Всѣ машинисты, литейщики, мѣдники, слесаря, которыхъ посѣтили эти смѣлые незнакомцы, болѣе или менѣе многочисленные, смотря по обстоятельствамъ, принуждены были закрыть свои мастерскія.... Въ бо́льшей части заводовъ и мастерскихъ рабочіе покорились ихъ требованію безпрекословно. А между тѣмъ Женевцы далеко не трусы, и всѣмъ извѣстно, боятся ли они схватокъ. Но устрашеніе во многихъ мѣстахъ лишило ихъ бодрости. Эта покорность населенія, обыкновенно запальчиваго, можетъ-быть, объяснитъ вамъ всемогущество *каморры* въ нѣкоторыхъ италіанскихъ областяхъ. Въ сущности *международные* тѣ же каморристы. Замѣняя собою власть, они соединяются чтобы предписывать законы и предписываютъ ихъ посредствомъ внушаемаго ими страха.“

Но это устрашеніе и успѣхъ, его увѣнчавшій, доказываютъ, какое вліяніе успѣла пріобрѣсти Международная Ассоціація, и весьма натурально, что ея руководители и члены должны были почерпнуть въ нихъ новыя силы для дальнѣйшаго и еще болѣе энергическаго дѣйствія. Съ этой точки зрѣнія *резолюціи*, утвержденныя ими (см. выше) относительно стачекъ и обществъ сопротивленія, заслуживаютъ особаго вниманія. Эти резолюціи гласятъ, что необходимо основать *общества сопротивленія*, съ страховыми кассами на случай недостатка работы, во всѣхъ странахъ и во всѣхъ профессіяхъ, которыя еще не имѣютъ ихъ, потомъ установить солидарность между этими обществами устройствомъ въ каждой странѣ „федераціи обществъ сопротивленія“; наконецъ учредить

коммиссію, составленную изъ уполномоченныхъ различныхъ федерацій, съ порученіемъ этой коммиссіи рѣшать, по докладамъ отдѣльныхъ обществъ, какія коалиціи удобно учредить, и по утвержденіи означенныхъ коалицій, поддерживать ихъ союзомъ всѣхъ федеративныхъ обществъ и ихъ отдѣленій въ различныхъ странахъ. Какъ видите, дѣло идетъ,—ни болѣе, ни менѣе,—объ организаціи международнаго комитета общественной безопасности, коему поручено будетъ вести войну противъ капитала во всѣхъ частяхъ промышленнаго міра, съ полномочіемъ собирать контрибуціи съ рабочихъ всѣхъ націй для поддержанія этой войны, а равно и для внушенія ужаса диссидентамъ, которые отказались бы отъ выполненія его законовъ.

V.

Такова ближайшая и практическая цѣль, къ которой стремится Международная Ассоціація, и въ виду коей она приглашаетъ „пролетаріатъ вступить всею массой въ Ассоціацію“. Безъ сомнѣнія, несмотря на многочисленныя выраженія сочувствія, полученныя ею послѣ прошлаго года изъ Швейцаріи, Бельгіи и Германіи, она далеко еще не достигла желаемаго ею могущества; но очевидно, что сила ея увеличилась и увеличится еще болѣе. Очевидно также, что эта всемірная организація стачекъ, за которую она принялась, можетъ повести къ важнымъ потрясеніямъ въ промышленномъ мірѣ. Очевидно наконецъ, что эта организація даетъ ей возможность распространить съ большимъ авторитетомъ и успѣхомъ соціалистскіе принципы теоретической части ея программы между массами рабочихъ. Въ этомъ заключается опасность, которую, конечно, не слѣдуетъ преувеличивать, но которая тѣмъ не менѣе серіозна. Какимъ же образомъ отвратить ее? Достаточно ли запретить рабочимъ, какъ сдѣлало прусское правительство, присоединяться къ Международной Ассоціаціи, или, по примѣру французскаго правительства, преслѣдовать членовъ ея на основаніи закона, запрещающаго ассоціаціи? Я крѣпко опасаюсь, что эти запрещенія окажутся недостаточными, что ихъ очень легко будетъ обойдти, и что они могутъ даже придать Международной Ассоціаціи еще болѣе популярности. Я опасаюсь также, что они водворятъ обманчивую безопасность и вслѣдствіе этого воспре-

пятствують употребить болѣе энергическія средства. Я ограничусь краткимъ указаніемъ этихъ средствъ. Вопервыхъ, я желалъ бы, чтобы наши друзья, экономисты, не предоставляли соціалистамъ монополіи пропаганды между рабочими классами, а занялись дѣятельнѣе распространеніемъ своихъ принциповъ въ массахъ, и чтобы правительства, съ своей стороны, оказали имъ въ этомъ содѣйствіе. Вовторыхъ, желательно было бы, чтобы постарались измѣнить обстоятельства, которыя ведутъ къ особенно частымъ стачкамъ между рабочими и которыя заключаются въ недостаточныхъ размѣрахъ рынка труда. Когда рынокъ ограниченъ, то всегда предстоитъ возможность овладѣть имъ посредствомъ коалиціи; такимъ образомъ торговцы хлѣбомъ и множествомъ другихъ припасовъ, сговаривались между собой въ тѣ времена, когда сообщенія были затруднительны, когда извѣстія были рѣдки, и когда покровительственная система присоединяла искусственное препятствіе къ препятствіямъ естественнымъ. Но съ тѣхъ поръ какъ эти различныя препятствія были большею частію устранены, съ тѣхъ поръ какъ движеніе сдѣлалось такъ удобно, что всякое частное повышеніе цѣны на извѣстномъ пунктѣ тотчасъ же обусловливаетъ добавочный подвозъ со всѣхъ прочихъ пунктовъ торговаго міра, то коалиціи не могутъ уже достигать своей цѣли, и отъ того онѣ бо́льшею частью и оставлены. Не то ли же самое было бы и относительно труда, еслибы рабочіе могли *передвигаться* съ бо́льшимъ удобствомъ, еслибы желѣзныя дороги перевозили ихъ по болѣе дешевымъ цѣнамъ, еслибы цифры заработной платы, движеніе предложенія и спроса на трудъ были публикуемы правильно, подобно цѣнамъ на всѣ прочіе товары и положенію всѣхъ прочихъ рынковъ? Съ той минуты, когда „снабженіе“ трудомъ сдѣлается болѣе удобнымъ, мѣстныя монополіи, устанавляющіяся путемъ коалицій, не сдѣлаются ли столь же невозможными, какъ и монополіи на всѣ прочіе товары? Такимъ образомъ коалиціи не составлялись бы болѣе, еслибъ условія рынка сдѣлались таковыми, чтобъ устроивать ихъ стало невыгодно, и зачинщики коалицій сдѣлались бы неопасными.

Но я опасаюсь, что средства эти придутся не совсѣмъ по вкусу тѣмъ, кто могъ бы привести ихъ въ дѣйствіе, и что пропаганда соціализма, при помощи организаціи стачекъ, будетъ дѣйствовать безъ конкурренціи между рабочими. Нѣсколько

времени тому назадъ Наполеонъ III говорилъ о *черныхъ точкахъ*, затемняющихъ горизонтъ. Если принять въ соображеніе, что рабочіе классы составляютъ большинство населенія, если принять также въ соображеніе, что эти классы, столь доступные, по своему невѣжеству, самымъ грубымъ соблазнамъ, начинаютъ пріобрѣтать въ Западной Европѣ политическую силу, то эти успѣхи соціалистской пропаганды, опирающейся на международную организацію стачекъ, какъ-то обнаружилось на Брюссельскомъ конгрессѣ, развѣ не обратятся въ одну изъ упомянутыхъ черныхъ точекъ и, можетъ-быть, въ самую грозную изъ нихъ?

II. Конгрессъ Лиги Мира и Свободы въ Бернѣ.

I.

Лига „друзей мира и свободы", начавшая свою дѣятельность въ прошедшемъ году въ Женевѣ, подъ руководствомъ Гарибальди, и едва не снарядившая экспедиціи далеко не миролюбиваго характера противъ папы, имѣла въ концѣ октября свою вторую сессію, въ Бернѣ. Въ промежуткѣ между сессіями, Лига эта, предположившая, какъ извѣстно, главною задачей устройство Европейскихъ Соединенныхъ Штатовъ, не обнаружила замѣтной дѣятельности, и число ея членовъ, простиравшееся до нѣсколькихъ сотенъ въ Женевѣ, не достигало и 150 въ Бернѣ. И это число значительно уменьшилось къ концу конгресса удаленіемъ членовъ коммунистовъ, коллективистовъ и позитивистовъ, которые, будучи не въ состояніи привлечь большинство къ своимъ доктринамъ, торжественно отдѣлились отъ Лиги, подъ руководствомъ нашего пресловутаго соотечественника, г. Бакунина. Такимъ образомъ Лига должна будетъ ограничиться маленькою группой членовъ, принадлежащихъ исключительно къ политической демократіи и располагающихъ самыми незначительными средствами. Подобно Международной Ассоціаціи Рабочихъ, Лига Мира и Свободы не сочла нужнымъ обнародовать свои отчеты, и я полагаю, что она имѣетъ свои особыя причины не жаловать крупныхъ бюджетовъ. Въ прошедшемъ году было рѣшено, что она обнародуетъ *Лѣтописи Конгресса*,

а равно будетъ издавать франко-нѣмецкій журналъ подъ заглавіемъ: *Европейскіе Соединенные Штаты*. *Лѣтописи* вовсе не появлялись въ свѣтъ; что же касается до *Европейскихъ Соединенныхъ Штатовъ*, то о существованіи ихъ публика узнала по извѣщенію, сдѣланному въ одномъ изъ засѣданій Бернскаго конгресса, что они подвергались запрещенію въ Австріи. Все это не предвѣщаетъ ничего добраго для будущности Лиги. Мнѣ кажется, что существованіе Международной Ассоціаціи Рабочихъ все-таки прочнѣе, хотя съ точки зрѣнія доктринъ, и несмотря на несогласія раздѣляющія ихъ, можно сказать, что оба эти союза похожи другъ на друга какъ двѣ капли воды. Но Международная Ассоціація имѣетъ то преимущество, что она опирается на *Trades Unions*, кассы коихъ снабжены изобильно, и которыя заинтересованы ея поддержкой, дабы пріобрѣсти себѣ союзниковъ на материкѣ и тѣмъ воспрепятствовать рабочимъ, Нѣмцамъ, Бельгійцамъ, Французамъ или Швейцарцамъ, конкуррировать съ ними во время стачекъ. Вслѣдствіе этого мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ, что Лига Мира и Свободы умретъ вскорѣ отъ недостатка пищи, подобно злополучнымъ жертвамъ голода въ Алжиріи, съ которыми члены Лиги имѣютъ еще то сходство, что они, какъ мы увидимъ ниже, вздумали пожирать другъ друга.

Не подумайте по этому вступленію, чтобы корреспондентъ вашъ былъ врагомъ мира. Избави Богъ! Но онъ не въ состояніи сочувствовать агитаціи, первымъ результатомъ коей, при малѣйшихъ вѣроятностяхъ на успѣхъ, было бы воспламенить въ Европѣ всеобщую войну съ цѣлію утвердить всеобщій миръ. Я желаю, чтобъ этотъ благословенный миръ, бывшій любимою мечтой Лейбница и Канта, не говоря уже о благодушномъ аббатѣ де-Сенъ-Пьерѣ, могъ когда-нибудь господствовать на землѣ; никто болѣе меня не желаетъ, чтобы ружья Шасспо и иныя, вмѣстѣ съ картечницами, превратились въ „желѣзо плуговъ", но я не хочу вѣрить, чтобъ эта прекрасная книга мира должна была имѣть своимъ предисловіемъ войну, и не понимаю, какимъ образомъ республиканская федерація, учрежденіе коей въ Европѣ проповѣдуетъ Лига Мира и Свободы, могла бы водвориться безъ продолжительныхъ революцій и кровопролитныхъ войнъ. Итакъ, я не могу сочувствовать этимъ друзьямъ мира, добытаго путемъ войны, и готовъ скорѣе присоединиться къ чест-

нимъ квакерамъ лондонскаго *Peace Society*, которые, можетъ-быть, увлекаются утопіями, воображая, что для доставленія торжества миру достаточно распространять тысячами экземпляровъ *tracts* съ изображеніемъ въ заголовкѣ голубки, держащей въ своемъ клювѣ масличную вѣтвь, но которые, по крайней мѣрѣ, возмущаются при мысли опустошить землю огнемъ и обагрить ее кровью для водворенія въ ней мира и согласія, которые однимъ словомъ, желаютъ водворить миръ путемъ мира.

Конгрессъ „друзей мира и свободы" засѣдалъ въ Бернской городской думѣ, которая предоставлена была въ ихъ распоряженіе со вторника 22-го сентября до субботы 26-го. Предсѣдателемъ его былъ г. Карлъ Фогтъ, извѣстный натуралистъ, выполнившій весьма прилично свою трудную обязанность. Вопросовъ, стоявшихъ на очереди, было четыре: 1) Упраздненіе постоянныхъ войскъ и замѣна ихъ народными ополченіями; 2) отношеніе вопроса экономическаго или соціальнаго къ вопросу о мирѣ; 3) отдѣленіе церкви отъ государства; наконецъ 4) устройство Европейскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Но до открытія преній объ этихъ вопросахъ, президентъ извѣстилъ конгрессъ о полученныхъ интересныхъ сообщеніяхъ. То были сочувственныя письма отъ многихъ значительныхъ лицъ, отъ гг. Жюля Фавра, Жюля Симона, Эдгара Кине, Сомнера, сенатора Соединенныхъ Штатовъ и пр.; то былъ протестъ, присланный изъ тюрьмы *Sainte Pélagie* членами Международной Ассоціаціи Рабочихъ, противъ резолюціи Брюссельскаго конгресса, приглашающей Лигу Мира разойдтись и членовъ ея присоединиться къ отдѣленіямъ Ассоціаціи. То былъ еще адресъ шведскихъ демократовъ, заключающій въ себѣ не лишенное ироніи воззваніе къ братьямъ ихъ, германскимъ демократамъ. „Вотъ уже два года, сказано между прочимъ въ адресѣ, прошло съ тѣхъ поръ, какъ Пражскій миръ принялъ на себя торжественное обязательство исправить зло, причиненное насиліемъ скандинавской національности, и обѣщаніе это не исполнено. Съ той минуты какъ германскій народъ пожелаетъ, чтобъ это беззаконіе прекратилось, оно не будетъ болѣе пятномъ на исторіи нашего времени. На это мы и обращаемъ вниманіе конгресса и въ особенности „друзей мира и свободы въ Германіи".

Наконецъ одинъ изъ друзей Гарибальди, докторъ Рибоди, просилъ собраніе принять извиненія генерала Гарибальди, котораго прошлогодняя неудачи въ Женевѣ, повидимому, охладили къ конгрессу. Вмѣстѣ съ тѣмъ докторъ Рибоди сообщилъ собранію резолюціи Анконскаго комитета относительно программы конгресса; вотъ сущность ея:

1. Экономія бюджета, во избѣжаніе банкротства, угрожающаго нынѣ Италіи.
2. Отмѣна военной іерархіи, которая переходитъ въ нравы и извращаетъ умы.
3. Возвращеніе рукъ земледѣлію, которому не достаетъ рабочихъ; увеличеніе общественнаго благосостоянія посредствомъ умноженія произведеній.
4. Возвращеніе гражданъ въ семьи, чтобъ они могли развивать искусства, торговлю и пр.
5. Отмѣна обязательнаго безбрачія и устройство національнаго войска, обезпечивающаго охраненіе почвы и собственности, развивающаго любовь къ отечеству и чувство собственнаго достоинства.

По выслушаніи сообщеній, конгрессъ предложилъ на обсужденіе первый изъ своихъ очередныхъ вопросовъ (отмѣну постоянныхъ войскъ). Коммиссія, назначенная для изслѣдованія этого вопроса, выбрала докладчикомъ Нѣмца, г. Бейста, который представилъ собранію резолюціи, подробно мотивированныя, текстъ коихъ однако я считаю нужнымъ привести, дабы читатели ваши могли составить себѣ точное понятіе о духѣ и стремленіяхъ „друзей мира и свободы". Вотъ этотъ текстъ:

„Лига Мира и Свободы объявляетъ:
„что постоянныя войска—абсолютное препятствіе миру и свободѣ народовъ, потому что:
„1. У нихъ въ принципѣ слѣпое повиновеніе; облекая гражданина въ униформу, они снимаютъ съ него всякую отвѣтственность за его дѣйствія, исполненныя по приказанію начальства, даже за самыя гнусныя преступленія, за убійство, за наглое нарушеніе законовъ, за покушеніе противъ основъ существованія государства, противъ конституціи. Уничтожая въ принципѣ независимость характера и чувство свободы въ каждомъ отдѣльномъ гражданинѣ, они создаютъ господство одного главы,—цезаризмъ. Но свобода дѣйствій и абсолютизмъ Цезаря несовмѣстны съ правами гражданина, съ равенствомъ предъ закономъ, съ общественною справедливостью.

„2. Они уничтожаютъ и развращаютъ гражданскія добродѣтели, плоды свободы и цивилизаціи, поставляя на мѣсто дѣйствительной любви къ свободѣ и къ отечеству—повиновеніе и преданность династіи, духъ сословія и касты—вмѣсто сознанія всеобщаго правосудія и братства.

„3. Они разрушаютъ благоденствіе народа, не только овладѣвая большею частью государства въ ущербъ всѣмъ прочимъ учрежденіямъ страны, преимущественно общественному образованію, но еще расточая на непроизводительную дѣятельность творческую силу промышленнаго и земледѣльческаго труда и замѣняя жажду производительной дѣятельности отвращеніемъ отъ всякаго серіознаго труда.

„4. Притомъ постоянныя войска выполняютъ свое назначеніе быть „защитою отечества“ только въ очень слабой степени, потому что ихъ организація имѣетъ цѣлью скорѣе нападеніе нежели защиту, и въ то же время они ниже земскаго войска по стойкости, какъ это доказывается многочисленными фактами.

„Чтобъ устранить эти неудобства, Лига объявляетъ, что постоянныя войска должны быть уничтожены, и что воспитаніе юнаго гражданина, какъ защитника отечества, вообще неразлучно съ народнымъ образованіемъ. Съ гражданами, пріученными такимъ образомъ владѣть оружіемъ, образуется народная армія, составленная изъ всѣхъ гражданъ, хорошо организованная, наконецъ, подобная той, какою имѣетъ счастіе обладать Швейцарія.

„Но такъ какъ постоянныя войска нельзя будетъ уничтожить прежде чѣмъ истинная и ясно выраженная воля народа не будетъ въ состояніи вступиться въ организацію государства и общества, и такъ какъ Лига хочетъ отнынѣ же препятствовать войнѣ, она рѣшаетъ употреблять для этой цѣли слѣдующія средства:

„A. Въ случаѣ войны бюро немедленно созываетъ конгрессъ, и члены Лиги должны смотрѣть не себя какъ на созванныхъ полноправно, безъ офиціальнаго предувѣдомленія.

„B. Если Лига рѣшитъ, что она выступаетъ въ данномъ случаѣ противъ войны, *конгрессъ заранѣе* одобряетъ *всякое средство, могущее положить конецъ событію.*

„Члены Лиги обязываются всѣми зависящими отъ нихъ средствами поддерживать мѣры, принятыя ею, и ни подъ какимъ видомъ не принимать участія въ войнѣ какимъ-либо трудомъ, произведеніе котораго было бы предназначено для войны, или содѣйствіемъ займу, имѣющему подобное же назначеніе.

„C. Конгрессъ объявляетъ себя готовымъ поддерживать всѣми доступными ему средствами военную организацію арміи мира.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ Лига съ радостію привѣтствуетъ рѣшенія, принятыя противъ войны ассоціаціями и конгрессами

рабочихъ, и приглашаетъ эти ассоціаціи и конгрессы поддерживать практическими мѣрами резолюціи Лиги Мира и Свобода въ этомъ отношеніи.

„Общее разоруженіе можетъ совершиться не прежде, какъ будутъ учреждены Соединенные Штаты Европы; нѣтъ еще нужды разсуждать объ этой случайности.

„Конгрессъ выражаетъ мнѣніе, что только націи сами, чрезъ посредство законнаго представительства, имѣютъ право объявлять войну."

Конечно, эти резолюціи могли возбудить противъ себя много возраженій. Если злоупотребленія системы постоянныхъ войскъ влекутъ за собой бѣдствія, коихъ отрицать невозможно, если громадныя арміи, которыя Европа содержитъ во время мира, уничтожаютъ капиталы и вносятъ дефицитъ въ бюджеты большей части правительствъ большихъ и малыхъ, то можно все-таки усомниться, чтобъ эти арміи были ниже народныхъ ополченій, и чтобы лучшимъ средствомъ водворенія мира на землѣ было доставленіе всѣмъ гражданамъ военнаго воспитанія. Можно даже замѣтить, что по мѣрѣ того какъ военныя орудія совершенствуются, они требуютъ личнаго состава болѣе смышленаго, болѣе опытнаго, болѣе спеціальнаго. Можно также замѣтить, что если ополченія, заключающія въ своихъ кадрахъ всѣхъ гражданъ, подлежащихъ военной службѣ, стóятъ *деньгами* дешевле постоянныхъ армій, то они влекутъ за собой потерю времени и труда, чтò дѣлаетъ ихъ крайне отяготительными для населеній,—отяготительными до такой степени, что если эта система распространилась бы, то возстановленіе постояннаго войска могло бы современемъ считаться прогрессомъ. Но подобныя замѣчанія до такой степени противорѣчатъ мнѣніямъ, господствующимъ нынѣ между демократами и даже въ нѣкоторыхъ иныхъ сферахъ, что они не могли быть заявлены на конгрессѣ демократовъ, а еслибы кто-нибудь и вздумалъ ихъ сдѣлать, то, конечно, они были бы приняты очень дурно. За то въ текстѣ резолюцій была фраза весьма компрометтирующаго свойства, а именно: „Конгрессъ заранѣе одобряетъ всякое средство, могущее въ данномъ случаѣ положить конецъ событію." Іезуитовъ, не безъ основанія, упрекаютъ за ихъ извѣстное правило: *Цѣль оправдываетъ средства.* Утверждая резолюцію, такъ формулованную, демократы конгресса не превзошли ли самихъ іезуитовъ? Чтò должно разумѣть подъ „всякимъ средствомъ, могущимъ положить конецъ событію?"

Не слышится ли въ этой фразѣ самое рѣзкое побужденіе къ убійству? Наконецъ, не значитъ ли это, подъ предлогомъ водворенія мира, возвращать войну къ тѣмъ способамъ веденія ея, которые употреблялись во времена первобытнаго варварства? Развѣ не съ цѣлію „положить конецъ событіямъ“ отравляли колодези, вырѣзывали населенія безъ различія возраста и пола? Очевидно, фраза употреблена очень неловкая. Замѣченная нѣкоторыми изъ умѣренныхъ членовъ конгресса, она не нашла себѣ защитниковъ, и я съ удовольствіемъ могу сообщить вамъ, что она была вычеркнута изъ резолюцій (куда ей и попадать никогда не слѣдовало) по единогласному приговору собранія. Это первое засѣданіе окончилось заявленіемъ признательности гг. Эркману и Шатріану, популярнымъ авторамъ *Конскрипта*, *Ватерло* и пр., и едва ли это не единственное постановленіе Бернскаго конгресса, къ которому могутъ безъ всякой оговорки присоединиться друзья мира.

II.

Второй вопросъ, предстоявшій рассмотрѣнію конгресса, былъ „объ отношеніяхъ экономическаго или соціальнаго вопроса къ вопросу о мирѣ“. Здѣсь необходимо должно было обнаружиться разногласіе между двумя большими фракціями, на которыя раздѣляется, преимущественно съ 1848 года, демократическая партія: между соціалистами, считающими переустройство общества цѣлію, а измѣненіе политическихъ формъ только средствомъ какъ можно скорѣе и вѣрнѣе достигнуть этой цѣли, и политиками или якобинцами, желающими прежде всего захватить правленіе, чтобы потомъ, на досугѣ, обсудить соціальный вопросъ. Первые были въ огромномъ большинствѣ на Брюссельскомъ конгрессѣ, но оказались въ меньшинствѣ на конгрессѣ Бернскомъ. При этомъ должно замѣтить, однако, что *качество* замѣняло количество, и что въ сравненіи съ бернскими соціалистами, брюссельскіе могли бы показаться умѣренными. И кто же были радикалами изъ радикаловъ? Русскіе, гг. Бакунинъ и Жуковскій, къ которымъ присоединились соціалисты польскіе, американскіе и наконецъ нѣсколько Французовъ: гг. Жакларъ, Ришаръ и др. Г. Бакунинъ въ первый разъ публично поднялъ знамя *нигилизма*, не называя его, однако, по имени:

онъ представилъ его намъ подъ весьма скромнымъ псевдонимомъ *коллективизма*. Но при этомъ кстати припомнить, что не должно довѣряться ярлыку на мѣшкѣ. Уже въ „программѣ русской соціалистской демократіи“, напечатанной въ газетѣ *Народность*, выходящей въ Женевѣ на русскомъ языкѣ, г. Бакунинъ высказалъ содержаніе мѣшка коллективизма или нигилизма. Вопервыхъ, мы находимъ въ ней упраздненіе права наслѣдства, что не дурно для начала; затѣмъ мы находимъ тамъ же, какъ естественное слѣдствіе предыдущаго, упраздненія брака и предоставленіе попеченію общества, сдѣлавшагося всеобщею кормилицей и всеобщимъ педагогомъ, содержаніе дѣтей; въ добавокъ мы находимъ въ ней предоставленіе поземельной собственности общинамъ или земледѣльческимъ ассоціаціямъ на основаніи принципа, что земля должна принадлежать только тѣмъ, кто воздѣлываетъ ее своими руками; наконецъ мы находимъ тамъ упраздненіе религіи и разрушеніе государства, „радикальное искорененіе его со всѣми его учрежденіями, церковными, политическими и гражданскими, университетскими, юридическими и финансовыми, военными и бюрократическими.“ Какъ видите, программа полная, и самъ Прудонъ, — такъ объявилъ конгрессу одинъ изъ его учениковъ, г. Шоде,—остался далеко позади. Всматриваясь ближе, мы находимъ однако, что мѣшокъ нигилизма или коллективизма г. Бакунина не заключаетъ въ себѣ ничего новаго, и что онъ наполненъ только старымъ тряпьемъ, оставшимся отъ Кабе, коммуниста, г. Луи Блана, уравнителя, Прудона, ожесточеннаго врага собственности, Фурье, устроителя фаланстеровъ и глашатая свободныхъ союзовъ и пр. Онъ не что иное, какъ выразился бы покойный г. Эженъ Сю, авторъ *Парижскихъ Тайнъ*, какъ соціалистскій или коммунистскій арлекинъ, и еслибы всякій взялъ у него то, что принадлежитъ ему, то у этого арлекина остался бы только мѣшокъ съ ярлыкомъ. Несмотря на то, г. Бакунинъ убѣжденъ въ достоинствѣ и даже въ оригинальности своей системы, убѣжденъ до такой степени, что объявилъ заранѣе о своемъ намѣреніи выйдти изъ конгресса, если не будетъ принята резолюція, предложенная имъ, какъ выраженіе этой системы. Вотъ текстъ этой резолюціи:

„Такъ какъ вопросъ, являющійся предъ нами самымъ настоятельнымъ образомъ, есть экономическое и соціальное уравненіе классовъ и лицъ, то Конгрессъ заявляетъ, что внѣ

этого уравненія, то-есть внѣ справедливости, свобода и миръ неосуществимы; вслѣдствіе этого Конгрессъ поставляетъ на очередь изслѣдованіе практическихъ средствъ для рѣшенія этого вопроса."

Этой резолюціи, къ которой присоединилась соціалистская группа конгресса, политики противопоставили двѣ другія одну, исходящую отъ центральнаго комитета конгресса, другую—отъ гг. Бейста и Ладендорфа, членовъ нѣмецкой группы. Первая изложена слѣдующимъ образомъ:

„По второму вопросу программы (какъ относится экономическій или соціальный вопросъ къ вопросу о мирѣ, основанномъ на свободѣ), Конгрессъ выражаетъ мнѣніе:

„что при настоящемъ состояніи образованія и развитія европейскихъ націй, экономическіе или соціальные интересы, соотвѣтствующіе тремъ главнымъ видамъ человѣческой дѣятельности, иначе труду земледѣльческому, промышленному и торговому, сдѣлались главными и важнѣйшими народными интересами;

„что при этой степени цивилизаціи сдѣлалось необходимымъ принять прежде всего въ соображеніе, относительно вопроса о войнѣ и мирѣ, уже не политическія, болѣе или менѣе измѣнчивыя и эгоистичныя внушенія правительствъ или правителей, но великіе экономическіе или соціальные интересы;

„что вообще главные интересы рабочихъ всякаго рода требуютъ мирнаго правленія, гарантированнаго свободой и уваженіемъ всѣхъ автономій, и что только такое правленіе можетъ быть благопріятно ихъ усиліямъ къ преобразованію экономической системы посредствомъ справедливости и *уравненія классовъ*;

„что впредь можно допускать только такую войну, которая имѣетъ цѣлію охраненіе территоріи и автономіи или защиту свободы;

„что война, конечно, противна великимъ экономическимъ и соціальнымъ интересамъ, какъ скоро она можетъ имѣть цѣлію или результатомъ усиленіе милитаризма или централизаціи;

„что во всякомъ случаѣ вопросъ, можетъ ли политическая причина, выставляемая неизбѣжнымъ поводомъ къ войнѣ, перевѣсить великіе экономическіе или соціальные интересы, долженъ быть окончательно разрѣшенъ только самими націями, на основаніи законнаго съ ними совѣщанія."

Вотъ текстъ второй резолюціи:

„Принимая во вниманіе, что усилія рабочихъ завоевать политическую и соціальную свободу вполнѣ оправдываются тѣмъ положеніемъ, въ которое они поставлены въ настоящее время въ каждой странѣ, и сверхъ того необходимы для прогресса народовъ въ дѣлѣ мира и свободы;

„что цезаризмъ, то-есть война внутренняя и внѣшняя, можетъ кончиться только тогда, когда пролетаріатъ перестанетъ представлять предлоги и средства для династическаго или личнаго честолюбія;

„Конгрессъ объявляетъ по второму вопросу программы:

„что всякая нація находитъ главныя средства для своего освобожденія въ конституціи и въ демократическихъ законахъ, главнымъ же образомъ во всеобщей подачѣ голосовъ, въ полномъ развитіи свободы печати и права собраній, но что одни эти средства недостаточны для радикальнаго уничтоженія общественнаго зла и для возстановленія и обезпеченія справедливости въ соціальномъ мірѣ;

„что, слѣдовательно, готовящееся въ Европѣ политическое движеніе должно быть въ то же время соціальнымъ и простираться на всѣ соціальныя и политическія права человѣка и гражданина;

„что назначеніе Конгресса заключается не въ томъ, чтобы дѣлать предложенія или принимать рѣшенія по этому предмету, но что въ самомъ интересѣ мира онъ можетъ и долженъ объявить, что свобода, которая обезпечиваетъ за каждою личностью право свободно располагать собой, необходимо должна быть также краеугольнымъ камнемъ всякой соціальной реформы.“

Какъ вы замѣтите, резолюція центральнаго комитета заключала фразу, которая помѣщена была въ ней въ видахъ примиренія (уравненіе классовъ) и которая приближала ее къ резолюціи г. Бакунина. Какъ бы то ни было, одинъ членъ Французъ, г. Фрибуръ, формально потребовалъ исключенія ея, и это требованіе нашло сильную поддержку. Но нѣмецкая резолюція, изложенная въ выраженіяхъ не столь опредѣленныхъ и предоставляющая демократіи болѣе свободы относительно соціализма, пришлась болѣе по вкусу „политикамъ“, которые, какъ я уже сказалъ вамъ, составляли значительное большинство на конгрессѣ.

Соціалисты сознавали свою численную слабость и предвидѣли, что подача голосовъ будетъ имъ неблагопріятна. Вслѣдствіе этого, съ помощію ловкой тактики, дѣлающей честь хитрости ихъ вождя, г. Бакунина, они попытались лишить своихъ противниковъ преимущества, которое предоставляла имъ численность, и потребовать, чтобы голоса подавались не отдѣльными лицами, а „національными коллективностями“. Они успѣли даже провести этотъ родъ подачи голосовъ, несмотря на вопіющее неравенство, которое было слѣдствіемъ его: такъ, напримѣръ, между тѣмъ какъ

французская коллективность заключала въ себѣ до тридцати членовъ, коллективности Соединенныхъ Штатовъ и Мексики имѣли только по одному. Какъ бы то ни было, интересно видѣть, какъ распредѣлились голоса между предложенными резолюціями.

На конгрессѣ имѣли представителей одиннадцать національныхъ коллективностей, а именно: Швейцарія, Франція, Италія, Германія, Испанія, Швеція, Англія, Россія, Польша, Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и Мексика.

Италія (4 голоса противъ 3) объявила, что согласна съ предложеніемъ Бакунина.

Соединенные Штаты (1 представитель) присоединились къ тому же предложенію.

Испанія (2 представителя) подала голосъ прежде всего за предложеніе Фрибура и, на случай, за нѣмецкое предложеніе.

Швеція (2 представителя) приняла нѣмецкое предложеніе.

Мексика (1 представитель) согласна съ мнѣніемъ Испаніи.

Франція приняла прежде всего предложеніе Фрибура и, на случай, нѣмецкое предложеніе.

Польша подала голосъ за предложеніе Бакунина.

Германія приняла свое собственное предложеніе.

Россія подала голосъ за предложеніе Бакунина.

Англія приняла прежде всего нѣмецкое предложеніе и, на случай, предложеніе Фрибура.

Швейцарія подала голосъ прежде всего за нѣмецкое предложеніе и, на случай, за предложеніе комитета.

Отсюда видно, что нѣмецкое предложеніе имѣло за себя четыре прямые голоса (Швеція, Германія, Англія и Швейцарія) и три голоса на случай (Испанія, Мексика и Франція).

Предложеніе Бакунина имѣло четыре прямые голоса (Италія, Соединенные Штаты, Россія и Польша).

Предложеніе Фрибура имѣло 3 голоса прямо за себя (Испанія, Франція, Мексика) и одинъ голосъ на случай (Англія).

Предложеніе комитета имѣло одинъ голосъ на случай.

Вслѣдствіе этого нѣмецкое предложеніе было объявлено рѣшеніемъ конгресса, какъ соединившее, прямо или на случай, голоса семи національностей.

Этому результату громко рукоплескали большинство собранія и трибуны, и онъ ясно обозначилъ побѣду политическаго элемента конгресса надъ элементомъ соціалистскимъ.

III.

Третій очередной вопросъ былъ—*отдѣленіе церкви отъ государства.* Комитетъ конгресса предложилъ по этому вопросу слѣдующую резолюцію:

„Принимая во вниманіе, что система абсолютнаго раздѣленія церкви и государства есть единственная, которая совмѣстна со свободой гражданъ и съ водвореніемъ мира между націями,

„Конгрессъ высказывается въ пользу этой системы и выражаетъ желаніе, чтобъ она была приведена въ исполненіе какъ можно скорѣе всѣми народами, призванными образовать Соединенные Штаты Европы.

„Вслѣдствіе этого онъ требуетъ уничтоженія всякаго офиціальнаго признанія вѣроисповѣданій, отмѣны всѣхъ конкордатовъ и бюджетовъ вѣроисповѣданій, запрещенія всякаго религіознаго преподаванія въ публичныхъ школахъ.

„Онъ протестуетъ противъ всякаго поддержанія свѣтской власти папы и противъ всякаго иностраннаго вмѣшательства, имѣющаго цѣлію защищать эту власть.“

Этой резолюціи русскій стдѣлъ, представителемъ коего на этотъ разъ явился г. Вырубовъ, позитивистъ школы г. Огюста Конта, противопоставилъ другую, гораздо болѣе радикальную; вотъ текстъ ея:

„Принимая во вниманіе, что раздѣленіе церкви и государства недостаточно для разрѣшенія религіознаго вопроса и уничтоженія вліянія религіи на народъ;

„принимая во вниманіе, что всякая религія есть препятствіе къ развитію человѣческаго разума, и что пока этотъ разумъ не будетъ развитъ, народы будутъ служить орудіемъ честолюбію и алчности господствующихъ или привилегированныхъ классовъ, которые побуждаютъ ихъ къ войнѣ;

„Конгрессъ поставляетъ на очередь изученіе практическихъ способовъ къ освобожденію народовъ отъ религіозныхъ доктринъ.“

Пренія объ этихъ совмѣстныхъ резолюціяхъ были самыя одушевленныя. Гг. Барни, Гендле, Руссель, Французы, г. Вардъ, Американецъ, съ особенною настойчивостью поддерживали первую, гг. Вырубовъ и Фришіа—вторую; два швейцарскіе пастора, гг. Стиродъ и Лангаль, и еще одинъ Швейцарецъ, г. Фредерикъ де-Ружмонъ, защищали религію, на

которую нападала фракція позитивистовъ или атеистовъ. Г. Вырубовъ заслуживаетъ особаго упоминовенія. При обсужденіи предшествовавшаго вопроса, г. Бакунинъ старался развивать доктрину экономическаго нигилизма; г. Вырубовъ, съ своей стороны, принялся изображать намъ всѣ прелести нигилизма религіознаго. „Отдѣленія церкви отъ государства", сказалъ онъ между прочимъ, „недостаточно. До тѣхъ поръ пока существуютъ религіи, тиранія не исчезнетъ на землѣ. Необходимо освободить умъ человѣческій устраненіемъ отъ него религіозныхъ идей. Нельзя допускать, чтобы каждый могъ избирать себѣ вѣру. Человѣкъ не имѣетъ права упорствовать въ заблужденіи. Свобода совѣсти есть только оружіе" и пр., и пр. Религіозный нигилизмъ г. Вырубова такъ же мало оригиналенъ, какъ и экономическій нигилизмъ г. Бакунина. Это атеизмъ, какъ его понималъ Сильвенъ Марешаль, авторъ *Dictionnaire des Athées*, и какъ его понимали многіе другіе, прежде Сильвена Марешаля, и хуже еще: это атеизмъ основанный на нетерпимости. Какъ справедливо замѣчено, — и г. Вырубовъ не могъ отвѣчать удовлетворительно на это замѣчаніе,—доктрина г. Вырубова есть чисто инквизиторская. Внѣ атеизма нѣтъ спасенія для ума человѣческаго; отсюда вытекаетъ самое логическое слѣдствіе, что необходимо заставлять людей, въ ихъ собственныхъ интересахъ, быть атеистами. Очень можетъ-быть, что г. Вырубовъ не одобряетъ мысли устроить *auto-da-fe* на служеніе атеизму, но ученики его, если таковые найдутся, конечно обнаружатъ болѣе логики и силы духа. Если, какъ вѣроятно, убѣжденіе недостаточно для искорененія этихъ религіозныхъ идей, „удушающихъ человѣческій умъ", то не слѣдуетъ ли прибѣгнуть къ силѣ? Не лучше ли будетъ, въ случаѣ надобности, сокрушить тѣло, чтобы спасти умъ? Итакъ, подъ руководствомъ гг. атеистовъ, мы возвратимся къ тому прогрессивному нововведенію, которое называется инквизиціей. Нужно отдать справедливость большинству конгресса: собраніе не обнаружило желанія вступить на этотъ путь вслѣдъ за вашимъ неукротимымъ соотечественникомъ; оно ограничилось отдѣленіемъ церкви отъ государства, и большинствомъ 65 голосовъ противъ 35 (относительно этого вопроса, голоса подавались обыкновеннымъ способомъ) отклонило резолюцію, предложенную русскимъ отдѣломъ, которую поддерживалъ г. Вырубовъ съ помощью изложенныхъ выше аргументовъ.

IV.

Четвертый вопросъ относился къ учрежденію въ Европѣ республиканской федераціи по образцу Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и былъ предметомъ слѣдующей резолюціи, предложенной центральнымъ комитетомъ:

„Принимая во вниманіе, что миръ и свобода несовмѣстны съ системой монархическихъ и централизующихъ государствъ, въ томъ видѣ, какъ они учреждены въ настоящее время;

„принимая во вниманіе, что республиканско-федеративная система, имѣющая основаніемъ индивидуальную независимость и гарантирующая, распространяясь снизу вверхъ, автономію общинъ и провинцій, есть единственная, которая обезпечиваетъ самоуправленіе, предоставляя населеніямъ свободно располагать собой;

„что никакой принципъ политической свободы не можетъ быть принесенъ въ жертву формѣ учрежденій;

„принимая во вниманіе, что только эта система можетъ разрѣшить тѣ европейскіе вопросы, которые угрожаютъ нынѣ общему миру, вопросы: восточный, италіянскій, германскій, польскій, датскій, ирландскій и т. д.

„принимая во вниманіе, что европейская конфедерація должна быть естественнымъ слѣдствіемъ примѣненія принципа федераціи къ различнымъ государствамъ Европы,

„Конгрессъ выражаетъ желаніе, чтобы народы, могущіе осуществить организацію, на которую онъ смотритъ какъ на естественное условіе свободы и мира, соединились между собой, чтобы составить основу, къ которой могутъ послѣ постепенно присоединяться другіе народы, по мѣрѣ ихъ освобожденія отъ сковывающихъ ихъ узъ.

„Что̀ касается до конституціи, долженствующей опредѣлять отношенія союзныхъ народовъ, то Конгрессъ не можетъ указать лучшаго примѣра, какъ конфедераціи швейцарская и американская, въ которыхъ заключаются органическіе элементы этой конституціи.“

Нужно ли доказывать, что война неизбѣжно связана съ этими миролюбивыми резолюціями? Федерація, гласятъ они въ состояніи будетъ устраиваться и развиваться „лишь по мѣрѣ освобожденія народовъ отъ сковывающихъ ихъ узъ“. Но если мы не допустимъ,—а допустить это едва ли возможно, — что узы эти спадутъ сами собой, то не

придется ли разбивать ихъ ударами революцій? Наконецъ, будетъ ли сама федерація специфическимъ средствомъ противъ войны? Развѣ члены конфедераціи никогда не ссорились между собой, и ужели въ самой странѣ, гдѣ засѣдалъ конгрессъ, исчезли совершенно воспоминанія о *Sonderbund*? Да и въ самихъ нѣдрахъ конгресса, повидимому, возбуждены были сомнѣнія относительно миролюбиваго вліянія федераціи. Бернскій адвокатъ, г. Бекъ, предложилъ въ видѣ поправки къ резолюціямъ, „чтобы никакой принципъ свободы и никакой соціальный интересъ не были принесены въ жертву федерализму". Другой членъ, г. Шверинъ, потребовалъ, чтобы рядомъ съ похвалами, которыми осыпаются американскія учрежденія, была сдѣлана оговорка относительно чрезмѣрнаго расширенія президентскихъ полномочій наконецъ, г. Реклю, извѣстный писатель и одинъ изъ сотрудниковъ *Revue de deux Mondes*, экономистъ, попавшій въ это стадо демократовъ и соціалистовъ, протестовалъ противъ этого идеала будущаго общества, въ которомъ политическая организація состояла бы изъ федераціи общинъ, провинцій и государствъ. Идеалъ г. Реклю есть свободная ассоціація, развивающаяся послѣдовательно во всей экономіи общества и во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности. Но поправка, которую онъ предложилъ въ этомъ смыслѣ, не была принята, и редакція центральнаго комитета одержала верхъ. Достойно сожалѣнія, однако, что г. Реклю скомпрометтировалъ вѣрную мысль, требуя для нея поддержки нигилистовъ и коммунистовъ конгресса, къ понятіямъ и взглядамъ коихъ онъ принужденъ былъ примѣняться. Чрезъ это онъ подвергся упреку въ прудонизмѣ, конечно неосновательному, потому что Прудонъ былъ далеко не сторонникъ ассоціацій и неоднократно требовалъ, напримѣръ, упраздненія компаній желѣзныхъ дорогъ и предоставленія государству этихъ усовершенствованныхъ путей сообщенія. По замѣчанію одного изъ учениковъ его, г. Шоде, идеалъ Прудона, если только допустить что у него былъ идеалъ, представляетъ много общаго съ идеаломъ конгресса. Въ особенности въ послѣдніе годы своей жизни, Прудонъ сдѣлался глашатаемъ федеративнаго принципа. Требуя вмѣстѣ съ г. Бакунинымъ уравненія классовъ на основаніи принципа равносилія должностей (principe de l'equivalence des fonctions), онъ раздѣ-

лилъ бы съ другой стороны мнѣніе политиковъ, что необходимо установить федерацію общинъ, провинцій и государствъ.

Другой ученикъ Прудона, г. Жакларъ, свирѣпый г. Жакларъ, повидимому, произнесъ противъ буржуазіи Аннибалову клятву, и рѣчи его напоминаютъ намъ,—увы!—время, предшествовавшее іюньскимъ днямъ. Кто повѣритъ по прошествіи одного или двухъ столѣтій, что „друзья мира“, процвѣтавшіе въ 1868 году, проповѣдывали свое ученіе слѣдующимъ тономъ:

„Да, въ скоромъ времени произойдетъ послѣдняя война, но она будетъ ужасна и направлена противъ всего существующаго, противъ капитала и буржуазіи; эта буржуазія, у которой нѣтъ ничего ни въ головѣ, ни въ сердцѣ, держится только какимъ-то балансомъ, котораго и понять нельзя, въ виду столькихъ немощей. Мое заключеніе таково, что только на развалинахъ, не скажу дымящихся ихъ кровью, потому что у нихъ давно нѣтъ ея въ жилахъ, но на ихъ развалинахъ и на ихъ обломкахъ мы въ состояніи будемъ основать соціальную республику.“

А между тамъ г. Жакларъ „другъ мира и свободы“. Какъ же онъ сталъ бы выражаться, еслибъ онъ былъ другомъ войны и деспотизма?

V.

Такъ какъ четыре вопроса, внесенные въ программу конгресса, были исчерпаны, то казалось, что сессія должна закрыться; но можно ли было закрыть ее и предложить членамъ разъѣхаться въ пятницу? Къ тому же *дамы*, которыя были устранены отъ Брюссельскаго конгресса, приглашены были на конгрессъ Бернскій. Не слѣдовало ли также заняться нѣсколько ими? Итакъ на очередь поставлены были „права женщинъ“, и собраніе выслушало двухъ ораторшъ: г-жу Гёггъ, жену бывшаго диктатора Баденской республики, которая требовала эманципаціи женщины съ нѣкоторымъ тактомъ и умѣренностью тона, и г-жу Барбе изъ Ліона, которая выказала себя гораздо болѣе красною. Нѣкоторые ораторы мужескаго пола, г. Блешъ изъ Стразбурга и г. Бонгаръ изъ Фрейбурга, очень любезно явились на помощь къ дамамъ, но, можетъ-быть, онѣ не совсѣмъ были довольны веселостью, увѣнчавшею рѣчь г. Бонгара. „Необходимо, воскликнулъ этотъ эксцентрическій ораторъ, чтобы

колекот женщин, — то-есть модный журнал, — исчез: не нужно более лент, стеклярусов, серег, браслетов; есть такія женщины, которыя только и носят что эти побрякушки, подобно баядеркам. Побрякушки эти несовмѣстны съ эманципаціей... Необходимо, чтобы мущина привык уважать женщину, чтоб он не обращался к ней съ ругательствами, которыя называются комплиментами.... Что касается до меня, я рассердился бы, еслибы мнѣ сказали, что я хорошо повязываю галстук, или что у меня прекрасные глаза; такія-то оскорбленія постоянно наносятся женщинам." Вслѣдствіе этого, г. Бонгар выражает желаніе, чтобы на будущее время женщины подражали мущинам как рѣчью, так и одеждой. Нельзя не сознаться, что все это было въ высшей степени мелочно и, во всяком случаѣ, да избавит нас Бог от женщин-мущин, как и от мущин-женщин! Я не хочу сказать этим, чтобы вопрос о правах женщины не имѣл своей серіозной стороны и чтоб он не заслуживал серіознаго изученія. Желательно было бы, например, чтобы круг их средств существованія был расширен, и чтобы профессіи, каковы, например, медицина и фармація, въ которых онѣ могли дѣйствовать съ успѣхом и даже дѣйствовали (чему служат доказательством знаменитыя докторессы Салернской школы), были доступны для них, но не должно ли признать также, что существуют занятія и положенія, отнюдь не согласующіяся съ их природой, что борьба форума, напримѣр, нисколько не приличнѣе для них борьбы на полѣ битвы? Как бы то ни было, конгресс принял въ принципѣ полное равенство прав обоих полов, постановив изслѣдованіе практических средств для осуществленія этого принципа.

Наконец конгресс, перед закрытіем своих работ, утвердил прокламацію, — гораздо болѣе разумную чѣм все остальное, — к народам французскому и нѣмецкому съ приглашеніем остаться въ мирѣ между собою. Вот текст ея:

„Народам Франціи и Германіи правительства их угрожают войной. Война эта была бы междуусобная и братоубійственная. Оба народа съ ужасом отвергают ее. Ни французская, ни нѣмецкая демократіи не желают территоріальных перемѣн. Между обоими народами не может быть иной борьбы, кромѣ соперничества въ стремленіи к

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПЕТРА III*

IV.

Вліяніе наше на Польшу было двоякое, — по дѣламъ религіознымъ и по дѣламъ чисто политическимъ. Многочисленный единоплеменный и единовѣрный народъ, слагавшій обширное государство, не могъ, по самой силѣ вещей, не оказывать вліянія на массу русскихъ и православныхъ жителей Польскаго государства, а слѣдовательно и на польское правительство. Девятою статьей Московскаго договора 1686 года это вліяніе было узаконено. Въ помянутой статьѣ, между прочимъ, значится: „....постановили, что великій государь, его королевское величество, церквамъ Божіимъ и епископіямъ: Луцкой и Галицкой, Премышльской, Львовской, Бѣлороссійской и при нихъ монастырямъ, архимандріямъ: Виленской, Минской, Полоцкой, Оршанской, и инымъ игуменствамъ, братствамъ, въ которыхъ обрѣталось и нынѣ обрѣтается употребленіе благочестивой греко-россійской вѣры, а всѣмъ тамо живущимъ людемъ, въ коронѣ Польской и великомъ княжествѣ Литовскомъ въ той же вѣрѣ остающимъ, никакого утѣсненія и къ вѣрѣ римской и къ уніи принужденія чинить не велитъ, и быти то не имѣетъ, и по давнымъ правамъ во всякихъ свободахъ и вольностяхъ церковныхъ будетъ блюсти. А понеже нынѣшнимъ Кіева въ сторону ихъ царскаго величества отъитіемъ, епископомъ вышеупомянутымъ въ коронѣ Польской и великомъ княжествѣ Литовскомъ пребывающимъ, по духовному ихъ чину и обык-

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 6 и 8.

новенію довелось примати благословеніе и рукоположеніе отъ кіевского митрополита: и то никому изъ нихъ въ милости его королевскаго величества вредити не имѣетъ...."

Такимъ образомъ духовное главенство надъ польскими православными подданными признавалась за митрополитомъ русскимъ, русскимъ подданнымъ, и вѣротерпимость въ отношеніи православныхъ становилась подъ гарантію международнаго акта, противъ нарушенія котораго русское правительство могло при каждомъ случаѣ протестовать. Московскій договоръ былъ очень неблагосклонно принятъ въ Польшѣ; про уполномоченныхъ съ польской стороны распространили молву, будто они допустили подкупить себя русскимъ дворомъ. Король Янъ III ратификовалъ договоръ, говорятъ, со слезами на глазахъ; тѣмъ не менѣе, едва ли кто-нибудь изъ современниковъ, какъ въ Варшавѣ, такъ и въ Москвѣ, могъ оцѣнить всю важность вышеприведенной IX статьи Московскаго трактата. Въ Польшѣ негодовали и сердились за допущенныя этимъ трактатомъ поземельныя уступки, но только въ исходѣ XVIII вѣка оцѣнена была Поляками вся важность предоставленнаго Россіи покровительства ея зарубежнымъ единовѣрцамъ и подчиненія ихъ духовному начальству кіевскаго митрополита. Во время такъ-называемаго *Долгаго* сейма (1788—92) представленъ былъ сеймующимъ чинамъ докладъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: * „Въ 1686 г., при Іоаннѣ III (Собѣсскомъ), воспослѣдовало подтвержденіе Андрусовскаго замиренія. Кіевъ сдѣлался столицей митрополіи, и греки, живущіе въ Польшѣ, привыкли почитать грековъ россійскихъ начальниками своими, или, по крайней мѣрѣ, пріятельскимъ обществомъ. Пришло время царствованія и замѣшательства Августа II. Достопамятная для него дружба Петра Великаго можетъ служить началомъ основательнаго неуніатовъ польскихъ съ россійскимъ духовенствомъ соединенія. Неуніаты тамошніе и особливо ихъ духовенство и науки, да и самое настроеніе заимствовали изъ Россіи. Митрополія кіевская высшимъ была ихъ начальствомъ; хотя неуніаты по своему мѣстопребыванію принадлежали Польшѣ, а умысломъ и склонностью къ Россіи: словомъ, польскіе неуніаты были россійской епархіей."

Въ этихъ словахъ нѣтъ ничего преувеличеннаго, хотя они

---

* *Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Древн.* 1865 г.

были произнесены съ цѣлію возбудить сеймъ противъ Россіи; вліяніе Кіева съ пребывающею въ немъ православною митрополіей на православное населеніе западнаго края было дѣйствительно громадно и могло стать могущественнымъ орудіемъ въ рукахъ русскаго правительства. Но независимо отъ того, историческія событія доставили ему весьма сильное вліяніе и въ чисто политической сферѣ. „Достопамятная дружба“ Петра I съ Августомъ II положила прочное основаніе этому вліянію. Возвративъ своему союзнику престолъ, отнятый у него Карломъ XII, русскій царь вскорѣ призванъ былъ умиротворить страну, взволнованную до дна, и примирить народъ съ его королемъ. Не любя Августа, какъ Нѣмца, и основательно опасаясь его династическихъ видовъ, очень значительная часть Польши отказывалась было признать его королемъ и упорно стояла за Станислава Лещинскаго. Наконецъ, утомясь десятилѣтнимъ междоусобіемъ, многіе изъ числа знатныхъ Поляковъ стали выражать желаніе, чтобы русскій царь взялся установить покой въ ихъ отечествѣ. Доносл о сдѣланныхъ по этому поводу заявленіяхъ, тогдашній русскій посолъ въ Варшавѣ, князь Гр. Ѳ. Долгоруковъ, предупреждалъ царя, что, по всей вѣроятности, рыцарство не согласится помириться съ королемъ безъ гарантій со стороны послѣдняго. Это было сообщено королю, который тоже призывалъ посредничество Россіи.

Дѣло завязывалось важное,—одно изъ тѣхъ дѣлъ, которыя царь дѣлалъ собственными руками. Въ началѣ 1716 года онъ долженъ былъ отправиться въ Германію, къ Пирмонтскимъ водамъ. Навстрѣчу ему, въ Гданскъ, выѣхало множество магнатовъ; прибылъ и самъ король, и здѣсь, между пированіями по поводу бракосочетанія царевны Екатерины Іоанновны, министры короля Польскаго съ министрами царя Русскаго устраивали судьбу Польши. На первой же происходившей между ними конференціи (24-го марта) были, между прочимъ, постановлены слѣдующія достопамятныя условія. Для окончательнаго умиренія Польши предположено было собрать сеймъ, на которомъ послу царскому быть въ качествѣ медіатора, „дабы обѣ партіи къ примиренію привесть, а ежели которая партія на добрыхъ кондиціяхъ помириться не похочетъ, чтобы въ такомъ случаѣ онъ,

посолъ, объявилъ, что его царское величество другую возьметъ (подъ свою протекцію) и противъ той, которая примириться не хочетъ, себя объявитъ". Въ послѣдствіи, къ этому, и безъ того весьма знаменательному, заявленію присоединено было условіе, что „въ нужномъ случаѣ онъ, посолъ, имѣть будетъ полный указъ къ генералу царскому Рену, чтобъ оный, по его опредѣленію, съ войсками царскаго величества изъ Украйны марщировалъ и противъ того дѣйствовалъ, кто внутреннему покою противенъ". Эти-то кондиціи препровождалъ царь въ Петербургъ при извѣстномъ письмѣ своемъ сенату: „Господа сенатъ, о здѣшнемъ объявляю, что дѣло между королемъ и Рѣчью Посполитою почитай окончили, ибо пункты, на чемъ быть миру, между королевскими министрами и послами конфедератскими здѣсь на мѣрѣ постановили, и обѣ стороны приняли, и отданы послу князю Долгорукову, который идетъ въ Ярославль и тамъ яко медіаторъ при съѣздѣ вершить будетъ, съ которыхъ актовъ посылаю при семъ списокъ, изъ коихъ увидите, что *сами* (Поляки) *такъ себя обязали въ волю медіаторскую, что вихнуть нельзя.*" Послѣ долгихъ споровъ, нѣсколько разъ приводившихъ едва не къ полному разрыву, умиротвореніе послѣдовало, и 3-го ноября (н. ст.) заключенъ былъ въ Люблинѣ между королемъ и представителями его народа актъ, подписанный, между прочимъ, и русскимъ посломъ-медіаторомъ. Это былъ собственно не международный актъ, но онъ именно тѣмъ и замѣчателенъ, что къ постановленію, касающемуся чисто внутреннихъ дѣлъ Рѣчи Посполитой, прикладывалъ свою подпись иностранный министръ. Мы не имѣемъ надобности разбирать во всей подробности Люблинскій трактатъ, но полагаемъ нужнымъ указать на нѣкоторыя черты его. * Чины и станы Рѣчи Посполитой соглашались принять сторону своего короля въ войнѣ его противъ Швеціи и постановляли оборонять отечество противъ Карла XII; съ своей стороны они требовали, чтобы саксонскія войска были въ опредѣленный срокъ выведены изъ предѣловъ республики, причемъ означены были даже марщруты для различныхъ колоннъ этого войска; для личной

* Подлинникъ, на латинскомъ языкѣ, въ Моск. арх. иностр. дѣлъ, о подробностяхъ же любопытныхъ переговоровъ по этому дѣлу см. *Ист. Россіи* Соловьева, т. XVI.

охраны короля предоставлялось ему имѣть въ Варшавѣ саксонскую гвардію, которая, однако, ни въ какомъ случаѣ не должна была превосходить 1.200 человѣкъ, въ чемъ ея непосредственный начальникъ, полковникъ, долженъ былъ дать присягу. Далѣе, воспрещалось королю имѣть при себѣ въ Варшавѣ министровъ и сановниковъ саксонскихъ; ему дозволялось содержать лишь небольшую канцелярію, изъ шести человѣкъ, для сношеній съ наслѣдственными его землями; онъ не долженъ былъ отлучаться изъ Польши болѣе двухъ разъ въ годъ и находиться въ отлучкѣ болѣе трехъ мѣсяцевъ въ сложности, причемъ ссылка на болѣзненное состояніе не принималась во вниманіе. Король обязывался отнюдь не смѣшивать управленія двухъ подвластныхъ ему государствъ и не управлять Польшей посредствомъ саксонскихъ министровъ, а Саксоніей посредствомъ польскихъ.... Этихъ указаній достаточно, чтобъ уразумѣть, какъ фальшивы, неискренни и натянуты были отношенія короля къ его польскимъ подданнымъ,—а имѣя это въ виду, не трудно представить себѣ, какой широкій доступъ открывали эти отношенія медіатору во внутреннія дѣла Польши. Стоило одной изъ саксонскихъ колоннъ своротить, при слѣдованіи въ отечество, съ назначенной дороги, стоило одному лишнему саксонскому чиновнику пріѣхать въ Варшаву, и медіаторъ получалъ возможность протестовать. Правда, по духовнымъ дѣламъ князь Долгоруковъ былъ очень уступчивъ и допустилъ подтвердить въ Люблинскомъ актѣ прежнія конституціи, запрещавшія диссидентамъ (иновѣрцамъ) публичное отправленіе богослуженія, возведеніе храмовъ, и т. п.; но утвержденіе посломъ Петра Великаго этихъ статей Люблинскаго акта не могло уничтожить силы формальнаго и торжественнаго, верховною властію ратификованнаго Московскаго договора, и, — какъ доказали послѣдствія, — Петръ весьма часто и сильно протестовалъ противъ притѣсненій, чинимыхъ православнымъ обывателямъ западной Руси.

Положеніе, въ которое поставила себя Польша по отношенію къ царю, не могло, естественно, не тяготить ея, и менѣе всѣхъ былъ имъ доволенъ король Августъ. Сѣверный союзникъ его становился между нимъ и его польскими подданными и наносилъ страшный ущербъ его власти, утвердить и упрочить которую, установленіемъ въ Польшѣ наслѣдственнаго престола, было постояннымъ стремленіемъ

саксонской политики. Документы, хранящіеся въ Московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, доказываютъ, что Августъ надѣялся сдѣлать Петра орудіемъ своихъ династическихъ видовъ, но что въ дѣйствительности Петръ умѣлъ воспользоваться тайными домогательствами Польскаго короля въ интересѣ собственной политики. Такъ, въ 1709 году былъ предначертанъ трактатъ, въ которомъ, между прочимъ, постановлялось, что царь будетъ способствовать признанію, еще при жизни Августа, наслѣдникомъ польской короны старшаго его сына.* Этотъ договоръ былъ составленъ саксонскими министрами и уполномоченнымъ со стороны Россіи, Литтой, но не былъ ратификованъ Петромъ. Августу не удалось употребить силы Россіи для организованія обширнаго государства рядомъ съ нею, а между тѣмъ тайна саксонской политики въ отношеніи Польши была разоблачена Петромъ и сдѣлалась въ его рукахъ могущественнымъ оружіемъ противъ весьма ненадежнаго союзника.

Случай употребить это оружіе не замедлилъ представиться. Смерть Карла XII и вступленіе на шведскій престолъ Фридриха I открыло сѣвернымъ союзникамъ виды на сепаратныя соглашенія со Швеціей, болѣе или менѣе выгодныя. Дворы Лондонскій и Вѣнскій вызвались быть посредниками между Фридрихомъ и Августомъ, Августъ поспѣшилъ принять ихъ предложеніе, а Петръ, опасаясь чтобъ его союзникъ не только не покинулъ его, но и не примкнулъ къ его врагамъ, увидѣлъ себя вынужденнымъ принять противъ того мѣры. Онъ обратился къ королю прусскому.

Отношенія Пруссіи къ Польшѣ были довольно сходны съ нашими. Подобно тому какъ восточныя области Рѣчи Посполитой были населены единовѣрцами и единоплеменниками Россіи, въ сѣверныхъ и сѣверозападныхъ воеводствахъ польскихъ, — въ Самогитіи, Варміи, Инфляндахъ, Познани и др. жило много Нѣмцевъ и диссидентовъ евангелическаго исповѣданія, а Пруссія, заодно со Швеціей, издавна выставляла себя защитницей духовныхъ интересовъ всего протестантскаго міра и провозгласила это въ Оливскомъ договорѣ (1660 г.). Нѣсколько лѣтъ послѣ этого договора, именно въ 1686 году, заключенъ былъ между Пруссіей и Швеціей

* См. реестръ трактатовъ съ Польшей, договоръ 11/22 октября.

союзъ, въ трактатѣ о коемъ было заявлено, что интересъ договаривающихся державъ требуетъ охраненія мира и спокойствія въ Польшѣ, и что эти державы „какъ возможно стараться будутъ, чтобы при всякихъ приключающихся случаяхъ въ королевствѣ и въ Рѣчи Посполитой польской, права и привилегіи цѣлы и ненарушимы пребывали.“ * Итакъ Пруссія, равно какъ и Швеція, еще за тридцать лѣтъ до Люблинскаго акта и медіаціи князя Долгорукова, примкнула къ той же политической системѣ относительно Польши, какъ и Петръ. Поэтому въ настоящихъ обстоятельствахъ русскому царю и прусскому королю не трудно было вступить между собой въ соглашеніе, тѣмъ болѣе что они оба имѣли причины тревожиться сближеніемъ Августа съ королемъ англійскимъ и съ императоромъ германскимъ: Петръ—потому что боялся союза его со Швеціей, Фридрихъ-Вильгельмъ — потому что опасался упроченія саксонской династіи на польскомъ престолѣ. Тѣмъ не менѣе тѣсный союзъ, котораго оба государя желали, встрѣтилъ значительныя препятствія; они были воздвигнуты политикой Вѣнскаго и Лондонскаго дворовъ, которые, стремясь расторгнуть Сѣверный союзъ, убѣдили шведское правительство сдѣлать значительныя уступки Пруссіи и заключить съ нею отдѣльный миръ. Весьма естественно, что Фридрихъ-Вильгельмъ не хотѣлъ компрометтировать себя въ такую минуту предъ Швеціей формальнымъ соглашеніемъ съ опаснѣйшимъ изъ ея противниковъ, но онъ охотно согласился дать царю негласное, однакожъ торжественное обязательство, что ни въ какомъ случаѣ не обратитъ оружія противъ Россіи. Вслѣдствіе этого, и переговоривъ предварительно съ королемъ, но сохраняя глубокую тайну даже въ отношеніи его министровъ, русскій посланникъ въ Берлинѣ графъ А. Головкинъ привезъ прямо въ его кабинетъ коротенькій договоръ, состоящій всего изъ трехъ пунктовъ, который Фридрихъ-Вильгельмъ тутъ же подписалъ и скрѣпилъ своею кабинетною печатью 6-го (17-го) февраля 1720 года, въ Потсдамѣ, получивъ отъ графа Головкина обѣщаніе, что и царь дастъ совершенно такое же обязательство. Первый пунктъ этого трактата касался предпо-

* Трактатъ, выписка изъ второй секретной статьи коего приведена здѣсь, находится въ копіи при одной изъ реляцій русскаго посланника въ Берлинѣ, графа А. Головкина, см. *Дѣла Прусск.* 1720 г., № 5.

лагаемаго мира Пруссіи со Швеціей, третій — взаимной гарантіи владѣній договаривавшихся государей, а второй — польскихъ дѣлъ. Онъ изложенъ слѣдующимъ образомъ:

„Оба ихъ величества хотятъ нынѣ и впредь особливо на то смотрѣть, дабы Рѣчь Посполитая и при своихъ вольностяхъ, основаніяхъ и конституціяхъ, ея правахъ и привилегіяхъ всегда ненарушимо содержана была; если же королевскій польскій дворъ ко опровержевію Рѣчи Посполитой какія клонящіяся намѣренія окажетъ, или Рѣчь Посполитую туда склонять будетъ, дабы оная приступила къ учиненному недавно въ Вѣнѣ союзу между цесаремъ и королями великобританскимъ и польскимъ, или суверениаго и самовластнаго правленія видъ въ Польшу по малу ввести захочетъ, то его королевское величество прусское и его царское величество совѣтомъ и дѣломъ не только тому противляться, но и Рѣчи Посполитой сильно вспомоществовать будутъ, дабы сіе отставлено и все въ прежнемъ состояніи и основаніи въ Польшѣ содержано было; наипаче же никакимъ образомъ не будетъ допущено, чтобъ курпринцъ саксонскій на престолъ польскій ни при животѣ королевскомъ, ниже по его смерти возведенъ былъ, противъ чего хотятъ его королевское величество и его царское величество всѣ свои попеченія и труды приложить и всѣ сильныя средства употребить. Не меньше того и впредь хотятъ также оба ихъ величества въ польскихъ дѣлахъ не токмо откровенно другъ другу сообщать и соглашаться, но и далѣе общія мѣры, смотря по коньюнктурамъ, предвосприниматъ.“ *

Таковъ актъ, утверждавшій роковое для Польши соглашеніе между Россіей и Пруссіей. Должно замѣтить при этомъ, что тайный трактатъ 1720 года далеко не открываетъ всей степени единомыслія установившагося между Петромъ и его союзникомъ по польскому вопросу; какъ велико оно было, намъ указываютъ переговоры, происходившіе въ Берлинѣ въ 1719 году. ** Въ виду происковъ Англіи и Австріи, при Варшавскомъ дворѣ, царь, какъ сказано, пожелалъ сблизиться съ Пруссіей и утвердить это сближеніе формальнымъ актомъ. По заявленіи объ этомъ графа Головкина, въ мартѣ была сообщена ему прусскимъ прави-

---

* Трактатъ этотъ нигдѣ, сколько мнѣ извѣстно, не былъ напечатанъ; онъ находится въ Приложеніяхъ, подъ № 1; что же касается до извѣстій о томъ какъ онъ заключенъ, то объ этомъ см. реляцію графа Головкина отъ 21-го февраля въ *Дѣлахъ Прусск.* 1720 года подъ № 5.

** *Пруск. Дѣла* 1719 г., №№ 5, 11 и 14.

тельствомъ программа договора, на основаніи которой, и согласно сдѣланнымъ въ Петербургѣ замѣчаніямъ, составленъ былъ проектъ, сообщенный русскому правительству въ сентябрѣ, потомъ измѣненный еще разъ въ ноябрѣ. Въ обоихъ этихъ проектахъ возвѣщалось о намѣреніи договаривающихся дворовъ не допускать Августа установить наслѣдственную форму правленія, поддерживать шляхетскія вольности, словомъ, повторялось то же что вошло въ трактатъ 1720 году, но кромѣ того, въ числѣ предположеній Пруссіи, на которыя Россія не возражала, было положено не допускать избранія въ короли польскіе никого кромѣ шляхтичей польскихъ. „Если чрезъ королевскую смерть или его уступленіе, королевство порожно станетъ, никоторый изъ княжескаго дому урожденный принцъ, но нѣкоторый изъ польскаго природнаго шляхетства, при которомъ (еже прежнія времена свидѣтельствуютъ) вольность народная всѣхъ лучшую имѣетъ безопасность, чрезъ порядочное вольное избраніе оное королевство получилъ.“ * Точно также прусскій дворъ предлагалъ, а русскій не противился, соединить свои силы для защищенія диссидентовъ. По этому поводу предполагалось постановить слѣдующее: „Его королевское величество прусское и его царское величество хотятъ такожде всѣ свои попеченія, старанія и труды приложить дабы именуемыхъ диссидентами, какъ протестантской такъ и греческой церкви, отъ утѣсненія и гоненія, по се время бывшаго, освободить, дабы такое насильство не только на предбудущее время развратить (sic), но и въ обидѣ и насильствѣ, — которыя имъ понынѣ, чрезъ заключеніе ихъ церквей и отдачу ихъ римскимъ католикамъ и еще многими иными образы противъ государственныхъ уложеній, нанесены, — какъ наискорѣе управа дана была.“

Трактатъ, въ который предполагалось включить эту статью, какъ сказано, не состоялся, а въ актѣ 1720 года ничего не говорилось о десcидентахъ; но изъ выше изложеннаго видно, что виды русскаго и прусскаго правительствъ были въ этомъ отношеніи совершенно согласны, и что слѣдовательно могущественный рычагъ, которымъ въ послѣдствіи дѣйствовали въ Польшѣ Екатерина и Фридрихъ II, былъ выкованъ еще гораздо ранѣе, почти за полвѣка до Радомской конфе-

---

* См. въ помянутомъ дѣлѣ подъ № 11, проектъ.

дерація. Петру не удалось употребить его въ дѣло, а его преемники выпустили изъ рукъ этотъ рычагъ, хотя статьи о покровительствѣ диссидентамъ вносились во всѣ трактаты заключавшіеся съ Пруссіей, начиная съ трактата 1726 года *, но дипломаты писали о необходимости защищать диссидентовъ и ссылались на права въ этомъ отношеніи представляемыхъ державъ, въ дѣйствительности же протестантскіе, и еще болѣе православные иновѣрцы Польскаго государства были все болѣе и болѣе тѣснимы до тѣхъ поръ, пока сначала изъ Берлина, а потомъ и изъ Петербурга не вздумали наконецъ перенести дѣло о нихъ съ пергамена на реальную почву. Что̀ же касается до рѣшенія поддерживать въ Польшѣ избирательную форму правленія и шляхетскія вольности, — то къ нему присоединился и Стокгольмскій дворъ, какъ видно изъ трактата заключеннаго имъ съ Петромъ 22-го февраля (2-го марта) 1724 года.

XVIII вѣкъ былъ эпохой высшаго развитія всѣхъ причудливыхъ общественныхъ и государственныхъ формъ, выработанныхъ своеобразною исторіей Польши, шедшей почти во всемъ наперекоръ исторіи остальной Европы. Въ то время какъ на всемъ европейскомъ материкѣ монархическая власть усиливалась и достигала своего апогея, а личная свобода гражданъ все болѣе и болѣе приносима была въ жертву государственному порядку, когда вездѣ падало вліяніе духовенства на свѣтскія дѣла, и свобода совѣсти была признана священнымъ правомъ людей, въ Польшѣ религіозныя гоненія достигли небывалыхъ размѣровъ, монархическое начало падало съ каждымъ новымъ царствованіемъ, и правительственная власть потеряла наконецъ почти всякое значеніе; за то принципъ личной свободы достигъ въ этой странѣ такого развитія, какого онъ не имѣлъ и не имѣетъ ни въ одномъ благоустроенномъ государствѣ. Разумѣется, этою почти безграничною личною свободой пользовались лишь весьма немногіе: не только не весь народъ, но и далеко не все шляхетство, а лишь небольшое число значительнѣйшихъ магнатовъ. Польскій магнатъ уподоблялся вассалу феодальныхъ временъ: онъ имѣлъ свой замокъ, свой дворъ, свое войско, простиравшееся иногда до нѣсколькихъ тысячъ

* См. въ приложеніяхъ (подъ № II) сепаратную статью трактата 1730 года.

человѣкъ; нѣкоторые магнаты содержали своихъ собственныхъ агентовъ при иностранныхъ дворахъ, какъ, напримѣръ, гетманъ Браницкій при Константинопольскомъ, и каждый изъ такихъ магнатовъ былъ полнымъ самодержцемъ въ предѣлахъ своихъ маетностей надъ всѣмъ, что находилось на поверхности и въ нѣдрахъ принадлежавшей ему земли, надъ озерами, рѣками и дорогами, надъ полями и лѣсами, надъ церквами и корчмами, надъ пернатыми и косматыми жителями лѣсовъ, надъ четвероногими, пасущимися на лугахъ, и надъ двуногими, обитающими въ лачугахъ. Все похищенное у центральной власти шло на усиленіе власти магнатовъ. Признавая свои владѣнія за нѣчто самостоятельное и ставя свои фамильные интересы на высоту интересовъ династическихъ, словомъ, уподобляя себя монархамъ, польскіе магнаты *вступали въ союзъ* съ Россіей, Пруссіей или Франціей, приглашали ихъ войска на помощь себѣ и своимъ и принимали *субсидіи* отъ своихъ заграничныхъ *союзниковъ*. „Мы республиканцы и государи, говорили польскіе вельможи, — и соблюдаемъ только свои выгоды.“ * Когда одинъ изъ агентовъ русскаго правительства, въ разговорѣ съ князьями Чарторыйскими, выразилъ удивленіе, что иностранные дворы разсыпаютъ въ Польшѣ массы золота, то получилъ въ отвѣтъ: „безъ этого во всѣхъ республикахъ, а тѣмъ болѣе здѣсь, ничего нельзя сдѣлать“. Мы сами, прибавили Чарторыйскіе, съ нѣсколькими родственниками, роздали болѣе 100.000 ефимковъ въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ. ** Очевидно, въ ихъ глазахъ всякій свободный шляхтичъ имѣлъ право служить кому хотѣлъ: польскому королю, русскому императору или какому-либо иному государю. Это было дѣло его *политики*.

Такое безграничное развитіе личной свободы и признаніе каждаго магната какъ бы независимымъ государемъ образовало тѣ партіи, которыя терзали и наконецъ растерзали на части Польшу. „Вы понимаете, monseigneur, — писалъ одинъ изъ князей Любомірскихъ графу Бестужеву,—что въ странѣ свободной, какъ мое отечество, съ наилучшими намѣреніями, но не имѣя опоры въ большомъ числѣ друзей, можно достигнуть цѣли лишь съ величайшею трудностію.“ ***

---

* *Борьба за польскій престолъ* Герье.

** Донесеніе генерала Веймарна, въ *Дѣлахъ Польскихъ* 1756 г.

*** *Дѣла польск.* 1757, № 14.

Ошибочно было бы думать при этомъ, что эти „друзья“ группировались съ цѣлію доставить торжество тѣмъ или другимъ политическимъ началамъ, той или иной правительственной программѣ. Партій подобныхъ тѣмъ, которыя существуютъ нынѣ въ странахъ пользующихся политическою свободой и которыя, возбуждая своимъ взаимнодѣйствіемъ жизнь и самодѣятельность націи, регулируютъ въ то же время ходъ государственной машины,—такихъ партій въ Польшѣ не было; эти „республиканцы и государи“ стремились разорвать государство, котораго они считались первенствующими силами, а не скрѣпить его, какъ дѣлаютъ партіи нынѣшнихъ конституціонныхъ государствъ. Вотъ почему французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, герцогъ Шуазель, политическій другъ Польши, писалъ французскому посланнику въ Варшавѣ о тамошнихъ партіяхъ: „Раздоры вельможъ образуютъ тамъ партіи, которыя слѣдуютъ одному лишь внушенію своего интереса или личной вражды, и которыя, дабы воспользоваться щедротами двора (Версальскаго), то заискиваютъ въ немъ, то вооружаются противъ него.“ * По свидѣтельству одного русскаго посланника въ Польшѣ, „всѣ французскіе партизаны были, четыре года тому назадъ, соединены съ гр. Мнишкомъ (преданнымъ саксонскому двору), но съ того времени отдѣлились отъ него за разными партикулярными интересами.“ Такъ коронный гетманъ Браницкій, прибавляетъ князь Волконскій, — отсталъ отъ своихъ родственниковъ Чарторыйскихъ, чтобы не подумали, будто они имъ управляютъ. Гетманъ польный литовскій Масальскій оставилъ русскую партію послѣ того, какъ не удались ему старанія доставить, при содѣйствіи Россіи, мѣсто коадъютора Виленской епархіи своему племяннику. Очевидно, партіи, руководимыя подобными интересами, не могутъ быть названы политическими партіями въ строгомъ значеніи этого слова; но такъ какъ въ нихъ заключается тѣмъ не менѣе *фокусъ политической* жизни Польши и точка опоры различныхъ политическихъ вліяній извнѣ, то не безполезно сдѣлать очеркъ каждой изъ этихъ партій.

Въ началѣ второй половины XVIII вѣка ихъ было три: придворная, французская и русская. Августъ III былъ добродушнѣйшій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и простодушнѣйшій

* *Hist. de la diplomatie franç.*, p. Flassan., VI, 135.

изъ смертныхъ. Можно сказать, что онъ ничего не наслѣдовалъ отъ блестящаго отца своего, кромѣ подагры и широкихъ бровей, суровый видъ которыхъ страннымъ образомъ противорѣчилъ общему выраженію его румянаго, добродушнаго лица. Цѣлый день этотъ здоровый и добрый король либо ходилъ по комнатѣ, либо молился Богу; по вечерамъ, какъ только наступалъ часъ, установленный этикетомъ, онъ спѣшилъ на половину королевы. Не менѣе своего супруга добродѣтельная, королева была и скучна столько же какъ онъ. Отъ этой, во многихъ отношеніяхъ достойной почтенія, четы старые придворные Августа II, участники его шумныхъ пировъ, сторонились какъ отъ чумы: веселыя преданія Варшавы пропадали; пріемныя комнаты зáмка, равно какъ и палацы окружавшіе королевскій зáмокъ, пустѣли, — и среди этой-то пустоты первенствовалъ и господствовалъ саксонскій министръ графъ Брюль, человѣкъ гремѣвшій своимъ богатствомъ и своею роскошью и оставившій единственнымъ слѣдомъ своего существованія прекрасную террасу въ Дрезденѣ и прекрасный домъ въ Варшавѣ. Графъ Брюль, будучи Саксонцемъ, не имѣлъ, по силѣ Люблинской конституціи, права проживать постоянно въ Варшавѣ; но онъ пріобрѣлъ въ королевствѣ небольшое имѣніе, а Чарторыйскіе помогли ему причислиться къ польскому дворянству. Сдѣлавшись такимъ образомъ польскимъ шляхтичемъ, Брюль могъ уже, не нарушая закона, получить въ Польшѣ нѣсколько староствъ и другихъ крулевщизнъ, которыя приносили ему отъ 70 до 80 тысячъ злотыхъ годоваго дохода, въ добавокъ къ доходамъ его саксонскихъ имѣній. Это мирило его съ Польшей, но не мирило съ нимъ Польши. Его роскошное гостепріимство и заискивающія манеры не привлекали къ нему Поляковъ; они уклонялись отъ его праздниковъ столько же, какъ отъ скуки и этикета, царствовавшихъ въ королевскомъ зáмкѣ. Придворная партія была самою ничтожною между всѣми партіями, раздѣлявшими польское дворянство. По статистикѣ польскихъ партій составленной нашимъ посланникомъ въ 1756 году, насчитывалось въ той изъ нихъ, которая именовалась придворною, не болѣе 16 именъ и то по большей части незначительныхъ. * Самое видное между ними мѣсто

* Это и другія свѣдѣнія о партіяхъ и личностяхъ заимствованы главнѣйше изъ донесеній генерала Веймарна. князя Волкон-

занималъ гр. Мнишекъ, наслѣдникъ одного изъ первыхъ именъ въ государствѣ, но человѣкъ способностей посредственныхъ. Впрочемъ, онъ дозволялъ женѣ своей руководить собой, а жена его была дочь графа Брюля, который и былъ душой и руководителемъ придворной партіи.

Въ сороковыхъ годахъ, французскій дворъ сталъ употреблять серіозныя усилія, чтобы составить себѣ партію въ Польшѣ. Варшава издавна признана была французскою политикой весьма удобнымъ пунктомъ для образованія силы, противодѣйствующей возрастающему могуществу Россіи. Недовольный возведеніемъ на польскій престолъ саксонскаго курфирста, въ ущербъ Станиславу Лещинскому, Версальскій кабинетъ содержалъ съ тѣхъ поръ въ Варшавѣ лишь второстепенныхъ агентовъ, но эти агенты имѣли достаточно полномочій и денегъ чтобы дѣйствовать съ успѣхомъ. Французскіе резиденты естественно обратились прежде всего къ старымъ приверженцамъ Лещинскаго,—Потоцкимъ,—и безъ труда усвоили имъ виды своего правительства. Эта знаменитая фамилія была такъ многочисленна и имѣла такое большое число кліентовъ, что одна она была уже значительною силой въ рукахъ Франціи: только одна фамилія Чарторыйскихъ могла противодѣйствовать ей. Но такъ какъ Чарторыйскіе находились въ холодныхъ отношеніяхъ ко двору, то французская партія естественно сблизилась съ придворною, у Чарторыйскихъ же ей удалось похитить одного изъ самыхъ видныхъ, по своему положенію и богатству, магнатовъ, вполнѣ отвѣчавшаго своими качествами и недостатками идеалу *старожитной* Польши, и потому чрезвычайно популярнаго,—великаго гетмана корнаго графа Браницкаго. Это былъ старый рубака и старый волокита, отмѣнно щедрый и гостепріимный, болѣе тщеславный нежели честолюбивый, и болѣе способный быть представителемъ чѣмъ руководителемъ партіи. Въ весьма преклонныхъ уже лѣтахъ онъ женился на дочери каштеляна краковскаго Понятовскаго (родной сестрѣ будущаго короля) и породнился такимъ образомъ съ Чарторыйскими. Но брачныя узы не перемѣнили старыхъ привычекъ разгульнаго вельможи. Построивъ для молодой жены своей Бѣлостокскій

скаго и Гросса въ 1756 г., см. въ *Дѣлахъ Польскихъ* означеннаго года.

замокъ,—этотъ граціозный образчикъ затѣйливой архитектуры,—и поставивъ ее полною надъ нимъ хозяйкой, гетманъ нашелъ, что онъ сдѣлалъ для нея все что̀ слѣдовало, и устроивъ себѣ особый гаремъ, пировалъ въ немъ вмѣстѣ со своими старыми собутыльниками. Съ своей стороны, молодая графиня не замедлила, по словамъ современниковъ, приблизить къ особѣ своей генерала Мокроновскаго, замѣчательнаго столько же мужественною красотой, сколько и тѣми поэтическими порывами къ свободѣ и славѣ, которые дѣлаютъ Поляковъ такими увлекательными политическими говорунами. Этотъ мечтательный умъ, страннымъ образомъ привившійся на серіозномъ характерѣ, видѣлъ спасеніе родины въ неуклонномъ подражаніи старожитной Польшѣ и гибель отечества въ мысляхъ, проповѣдуемыхъ Чарторыйскими, а такъ какъ французскій резидентъ въ Варшавѣ зналъ, какое вліяніе имѣютъ жены польскихъ магнатовъ на своихъ мужей и какъ важно имѣть на своей сторонѣ гетманшу, чтобы располагать гетманомъ, то генералу Мокроновскому отпускаемо было изъ суммъ французской миссіи 3.000 талеровъ ежегодной пенсіи. Пруссія съ своей стороны давала содержаніе секретарю графа Браницкаго, на котораго дѣйствовали такимъ образомъ два, и въ данную минуту, два противоположныя вліянія. Французское вліяніе превозмогло; гетману было обѣщано изъ Парижа выставить его кандидатомъ въ короли послѣ смерти Августа II (котораго, впрочемъ, онъ былъ ровесникъ).

Таковы были главныя лица французской партіи, которая блистала громкими именами своихъ членовъ, пользовалась сочувствіемъ шляхетства, льстя его преданіямъ и привычкамъ, и которую французская политика успѣла сблизить съ королемъ и графомъ Брюлемъ. Партія эта была многочисленна и представительна, но ее едва ли можно было почитать важною политическою силой, потому что она не имѣла въ виду никакой серіозной цѣли и не заключала въ себѣ никакихъ государственныхъ и политическихъ стремленій. Несравненно болѣе ея имѣла значеніе въ этомъ отношеніи партія Чарторыйскихъ; это была, можно сказать, первая въ Польшѣ вполнѣ политическая партія, съ опредѣленною программой, съ ясно сознанными политическими идеалами. Князья Августъ и Михаилъ Чарторыйскіе были въ числѣ самыхъ блестящихъ молодыхъ людей при

дворѣ Августа II; когда же первый изъ нихъ, благодаря чрезвычайно выгодному браку, сдѣлался однимъ изъ первыхъ богачей Рѣчи Посполитой, а второй занималъ мѣсто канцлера литовскаго, то эта древняя, но захудалая фамилія достигла такой высоты, какой рѣдко достигали частные люди даже въ старинной, вельможной Польшѣ. Объ этихъ личностяхъ, сильно выдающихся изъ среды своихъ соотечественниковъ, было писано весьма много, но едва ли мы найдемъ гдѣ-нибудь болѣе вѣрный и въ то же время болѣе художественный ихъ портретъ какъ въ сочиненіи Рюльера, * писателя далеко не безукоризненнаго, но даровитаго, и который въ настоящемъ случаѣ умѣлъ избѣгнуть весьма обыкновенныхъ въ его сочиненіи одностороннести и декламаціи. „Никогда", говоритъ Рюльеръ,—

„природа не создавала двухъ братьевъ съ болѣе противоположными другъ другу качествами, но и болѣе, каждый по-своему, способныхъ послужить партіи. Они пользовались равнымъ уваженіемъ, хотя и по разнымъ причинамъ, и едва ли кто въ состояніи былъ бы сказать, кто изъ нихъ старшій и глава фамиліи. Одинъ, воевода русскій, женившійся на богатой вдовѣ, сохранялъ посреди своего колоссальнаго богатства и царской роскоши строгую экономію, отличался въ поведеніи своемъ большимъ тактомъ, а въ манерахъ своихъ тою серіозностію, которая возбуждаетъ довѣріе. Онъ лично надзиралъ за всѣми администраторами своихъ имѣній; но эта бдительная рачительность князя Августа, умножавшая его средства, не дѣлала его глухимъ къ нуждамъ его друзей и кліентовъ, связывая въ то же время, при помощи безпрестанныхъ займовъ у него, дѣла всего польскаго дворянства съ его дѣлами и нерѣдко сосредоточивая въ его рукахъ весьма значительныя суммы, которыми онъ могъ въ данную минуту дать то или другое направленіе. Онъ безпрестанно переѣзжалъ изъ одного воеводства въ другое, имѣлъ въ каждомъ изъ нихъ обширныя владѣнія; во время пребыванія въ этихъ имѣніяхъ, окрестное дворянство стекалось къ нему,—могущественному и надежному покровителю, магнату, привлекающему къ себѣ своею представительностію, своимъ вліяніемъ и щедростію, пользующемуся огромною репутаціей благоразумія, честности и правдивости, и вполнѣ способному склонить общественное мнѣніе въ пользу задуманнаго имъ дѣла. По словамъ людей, хорошо знающихъ положеніе Рѣчи Посполитой, князь Августъ могъ располагать четвертою частію всего рыцарства. Вся эта масса его приверженцевъ еще издавна предназначала его къ престолу; но

* *Histoire de l'anarchie de la Pologne.*

будучи однихъ лѣтъ съ королемъ (Августомъ III), онъ имѣлъ мало вѣроятности ему наслѣдовать, и честолюбіе,—эта первая страсть его юности,—мало-по-малу засыпало въ его сердцѣ. Страной овладѣвала какая-то распущенность; слѣдуя общему потоку, и онъ могъ позволить себѣ предаваться особаго рода лѣни, въ которую нерѣдко погружается честолюбіе, не нашедшее удовлетворенія. Ему начинали уже ставить въ упрекъ, что онъ предлагаетъ самые благоразумные совѣты съ какимъ-то равнодушіемъ или пренебреженіемъ и не даетъ себѣ труда поддерживать свое мнѣніе серіознымъ образомъ. Казалось, что будучи попрежнему признаваемъ многочисленными приверженцами своими кандидатомъ на престолъ, онъ предоставлялъ имъ самимъ заботу о своемъ возвышеніи." *

„Его братъ Михаилъ, руководимый съ молодыхъ лѣтъ опытнымъ государственнымъ человѣкомъ (Флемингомъ) и достигшій званія великаго канцлера литовскаго, отличался знаніемъ людей и искусствомъ въ дѣлахъ. Умъ предпріимчивый и настойчивый, коротко знакомый съ интригами республиканскаго общества, свѣдущій въ искусствѣ организовать партіи на сеймикахъ, онъ зналъ характеръ, имена и связи, по малой мѣрѣ, болѣе ста тысячъ шляхтичей, изъ коихъ съ каждымъ онъ могъ объясняться по поводу ихъ собственныхъ дѣлъ или различныхъ случаевъ ихъ жизни. Проницательный взглядъ его мгновенно угадывалъ въ каждомъ ту пружину, которая способна заставить его дѣйствовать; но его характеръ дѣлался иногда опаснымъ для него самого и вреднымъ для его собственныхъ видовъ. Это столь важное для главы партіи искусство читать въ сердцахъ людей сообщало его уму такую ѣдкость, что онъ не въ состояніи бывалъ удержаться отъ ироніи даже и тогда, когда желалъ нравиться. Онъ въ совершенствѣ зналъ законы и принятыя на каждый случай формы; умѣлъ съ удивительнымъ искусствомъ обращать ихъ въ свою пользу или уклоняться отъ ихъ обязательности; во все вмѣшивался, ко всему прилагалъ свою безпокойную дѣятельность, хотѣлъ бы все дѣлать въ республикѣ и добиться, чтобы дворъ пользовался лишь тѣмъ, что даетъ его рука; находилъ особенное удовольствіе въ томъ, чтобы поддерживать увлеченія противоположныхъ партій, и былъ способенъ, если нужно, поднять бремя народной ненависти.... Собственно ему принадлежитъ оригинальная мысль заставить самые пороки своихъ согражданъ и честолюбіе Россіи послужить дѣлу преобразованія польскаго государственнаго права. Онъ взялъ себѣ за образецъ тѣхъ

* Послѣдняя часть портрета не совсѣмъ вѣрна: князь Августъ равно какъ его братъ, начали устраняться отъ дѣлъ уже тогда, когда ихъ замѣнили сначала русское вліяніе и князь Репнинъ, а потомъ партія, имѣвшая во главѣ Игнатія Потоцкаго и Коллонтая.

знаменитыхъ министровъ, которые во время слабыхъ государей пользовались неограниченною властію, которые заставляли народъ склонять голову подъ тяжестію ихъ руки, которые безпощадно топтали пятой своихъ противниковъ, проводили безпощадный уровень надъ всѣми партіями и сообщали государству внѣшній порядокъ. Такого рода славы желалъ достигнуть Михаилъ Чарторыйскій; ему казалось болѣе лестнымъ владѣть безграничнымъ могуществомъ въ качествѣ министра, утвердить въ странѣ настоящую монархію и прекратить въ ней безначаліе, нежели возвести на престолъ брата, зятя или племянника."

Рюльеръ, такими живыми чертами изобразившій князей Августа и Михаила Чарторыйскихъ, не вполнѣ сочувствуетъ ихъ политической программѣ; но внѣ ея не было спасенія для Польши. Эта программа заключалась въ томъ, чтобы замѣнить систематическую, традиціонную анархію Польши строгимъ порядкомъ, чтобъ уничтожить право каждаго посла (депутата) останавливать рѣшеніе цѣлаго сейма своимъ единоличнымъ несогласіемъ, чтобъ организовать регулярную армію, устроить государственные финансы и сдѣлать власть королевскую наслѣдственною, при чемъ имѣлось въ виду возвести на престолъ кого-либо изъ „фамиліи": словомъ, Чарторыйскіе желали бы обратить Польшу въ государство, имѣющее монархическую форму правленія, съ сохраненіемъ народнаго представительства.

Возвысившись, какъ сказано, еще при Августѣ II, Чарторыйскіе оставались близкими двору нѣкоторое время и послѣ его смерти; благодаря ихъ вліянію, графъ Брюль, не имѣвшій права, какъ Саксонецъ, постоянно пребывать въ Варшавѣ, былъ принятъ въ среду польскаго шляхетства и сталъ ближайшимъ совѣтникомъ короля въ управленіи польскими дѣлами. Но властолюбивый саксонскій министръ и честолюбивые магнаты не долго оставались въ добрыхъ отношеніяхъ. Чарторыйскіе не могли занимать перваго мѣста въ придворной партіи, потому что оно принадлежало королю, а занять второе не допускалъ ихъ Брюль. Тогда они кинулись въ оппозицію, и въ рядахъ ея не замедлили найдти преданія, которыя въ свою очередь повліяли на всю ихъ дальнѣйшую политическую дѣятельность. На родной сестрѣ ихъ женатъ былъ генералъ Понятовскій, человѣкъ не высокаго происхожденія, достигшій однако своими заслугами и ловкостію званія перваго въ республикѣ свѣтскаго сенатора

(въ качествѣ каштеляна краковскаго). Въ молодости своей онъ держался стороны Станислава Лещинскаго и воевалъ противъ Русскихъ; но признавъ во-время силу совершившихся фактовъ, онъ покорился имъ и, въ качествѣ стараго солдата, сожалѣлъ лишь о томъ, что вокругъ него исчезали и послѣдніе слѣды всякаго порядка, всякой дисциплины, въ чемъ онъ вполнѣ сходился съ своими шурьями. Власть твердая и страна спокойная,—таковъ былъ политическій идеалъ стараго каштеляна. Онъ любилъ вспоминать то время, когда московскій царь принималъ на себя медіацію между королемъ и народомъ, бросая между ними свое могущественное veto. „Это былъ великій человѣкъ, говоривалъ каштелянъ краковскій; я имѣлъ честь быть лично извѣстенъ ему и очень желалъ бы теперь, на старости, взглянуть на его дочь." Первое духовное лицо въ Польшѣ, примасъ, точно также охотно переносился мыслію ко времени медіаціи Петра I и къ Люблинской конституціи. *

Чарторыйскіе едва ли питали сочувствіе къ русскому правительству, но они не могли отрицать его силу, а сильное правительство было именно то, чего они желали для своего отечества. Притомъ, какъ видно изъ дѣлъ хранящихся въ нашихъ архивахъ, русскія войска во время смутъ, сопровождавшихъ воцареніе Августа III, имѣли приказаніе оставлять неприкосновенными ихъ имѣнія, ** изъ чего можно заключить, что между ними и Петербургскимъ дворомъ существовали нѣкоторыя сношенія еще въ то время. Поэтому, когда они рассорились съ графомъ Брюлемъ и убѣдились, что ни Брюль, ни Августъ не въ состояніи водворить прочный порядокъ въ странѣ, а сеймы не захотятъ допустить онаго, сближеніе съ Россіей сдѣлалось для нихъ необходимостію. Но искательство ихъ не вдругъ увѣнчалось успѣхомъ; правительство императрицы Елисаветы не обращало особаго вниманія на польскія дѣла и лишь предъ началомъ Семилѣтней войны увидѣло необходимость серіозно

* Въ *Польскихъ дилахъ* 1756 г., см. посылку въ Польшу генерала Веймарна и его *Архивъ*.

** Въ архивѣ топографическаго депо, подъ № 43.119—123—3 и 43.123—123—3, хранятся два охранные листа воеводѣ русскому первый отъ 27-го января 1734 г., за подписью князя Ал. Шаховскаго, а второй отъ 13-го апрѣля 1735 г., за подписью генерала Воейкова.

заняться ими. Еще въ 1746 году между Петербургскимъ и Вѣнскимъ дворами заключенъ былъ договоръ о взаимной помощи, который весьма тѣсно связывалъ ихъ политику. Въ четвертомъ секретномъ сепаратномъ артикулѣ этого договора сказано было, между прочимъ, что хотя королева венгро-богемская и твердо намѣрена соблюдать заключенный въ Дрезденѣ съ королемъ прусскимъ миръ, однакожь „въ такомъ случаѣ, когда бы сверхъ всякаго чаянія и противу общаго желанія, его величество король прусскій сперва отъ такого мира отступилъ" и сдѣлалъ нападеніе на наслѣдственныя владѣнія королевы венгро-богемской, русской императрицы или польской республики, Дрезденскій миръ слѣдовало почитать нарушеннымъ и его условія ничтожными, а договаривающіяся стороны обязывались оказать одна другой помощь вооруженною рукой. Такимъ образомъ, въ то самое время, когда едва начинали затихать громы войны за австрійское наслѣдство, уже составлялись комбинаціи въ предположеніи новой войны, которой, по увѣренію Вѣнскаго кабинета, могла ожидать со стороны прусскаго короля и Россія. Нѣсколько лѣтъ спустя произошло удивившее всю Европу тѣсное сближеніе между Вѣнскимъ и Версальскимъ дворами. Въ Версалѣ заключенъ былъ союзъ (въ 1756 г.), къ которому приступила и Россія; Фридрихъ II, съ своей стороны, вошелъ въ близкія сношенія съ Англіей, и въ обоихъ непріязненныхъ лагерахъ стали дѣятельно приготовляться къ войнѣ. Русское правительство, обязанное выслать вспомогательную армію противъ Пруссіи, должно было обезпечить себѣ возможность провести ее къ прусскимъ границамъ, а для этого необходимо было согласіе польскаго сейма, для чего, въ свою очередь, надобно было условиться съ вождями русской партіи. Съ этою цѣлію, лѣтомъ 1756 г., посланъ былъ въ Литву, Русь и Польшу генералъ Веймарнъ *. Ему дано было множество писемъ къ вліятельнымъ лицамъ, почитавшимся болѣе или менѣе склонными къ русскому двору, и нѣкоторая сумма денегъ. Въ дѣйствительности, какъ видно изъ переписки генерала Веймарна съ правительствомъ, оно не знало хорошенько ни состава, ни силы партіи, именовавшейся по преданію русскою; Веймарну предстояло сдѣлать нѣкоторымъ образомъ статистику этой партіи, послѣ чего уже предпо-

* Въ *Дѣлахъ Польскихъ* 1756 г., см. реляціи Веймарна и его *архивъ*.

лагалось прислать въ Варшаву сановное лицо съ надлежащими полномочіями и характеромъ посла. Согласно данной изъ Петербурга инструкціи, генералъ Веймарнъ посѣтилъ въ ихъ зáмкахъ большое число польскихъ магнатовъ и наконецъ имѣлъ свиданіе съ Чарторыйскими въ имѣніи князя Августа, Пулавахъ *, гдѣ происходилъ между ними разговоръ, ярко обрисовывающій и характеръ польскихъ партій вообще и требованіе ревнителей русскаго союза въ Польшѣ. Поблагодаривъ русскаго генерала за доставленную имъ сумму (6.000 червонцевъ), Чарторыйскіе выразили сожалѣніе, что императорское правительство доселѣ небрегло поддержкой своего вліянія между рыцарствомъ Рѣчи Посполитой, и дали почувствовать, что привезенная сумма довольно незначительна. „Здѣсь, сказали они, наилучшими разсужденіями безъ денежныхъ издержекъ ничего учинить невозможно.“ Взгляните, прибавляли, на Францію: на однихъ послѣднихъ сеймикахъ она издержала до 100.000 гульденовъ. Мы сами, съ нѣсколькими нашими родственниками, чтобъ оказать какое-нибудь сопротивленіе французскому вліянію, въ послѣдніе два года истратили такую же сумму. Но мы частные люди и не можемъ долго вынести такія затраты. Русское правительство должно бы ассигновать на предметъ Польши отъ 25 до 50.000 ефимковъ ежегодно, да пожертвовать единовременно тысячъ сто. Дѣла очень плохи. Франція, пользуясь пріобрѣтеннымъ въ послѣднее время вліяніемъ, вынуждаетъ у короля такія назначенія, которыхъ Россія никакъ не должна терпѣть. Оба гетмана, коронный—графъ Браницкій и Литовскій—князь Радзивиллъ, принадлежатъ къ ея недоброжелателямъ. Обыкновенно гетманы бываютъ не въ ладахъ съ королемъ, но теперь совершенно напротивъ. Франціи удалось сблизить ихъ между собой, и въ этомъ заключается величайшая опасность для страны. Гетманъ есть предводитель главной и, можно сказать, единственной ея военной силы, рыцарства; это первый человѣкъ въ господствующемъ сословіи, въ сословіи, которое даетъ странѣ законы, управляетъ ею; это избранникъ и представитель той части націи, которая составляетъ третью часть правительства и имѣетъ *третью часть верховной власти* **. Что̀ можетъ противостать имъ, когда гетманы

* Подробности объ этомъ см. въ брошюрѣ моей *Русская политика и русская партія въ Польшѣ*.

** Лишь совокупное дѣйствіе короля, сената и сейма заключало въ себѣ всѣ аттрибуты верховной власти.

находятся въ хорошихъ отношеніяхъ между собой и со дворомъ? Остается одинъ сенатъ, который принужденъ предъ ними безмолвствовать, да притомъ сенаторы „такіе люди, которыми легко управлять и поворачивать можно, если только пріемлются надлежащія мѣры“. Примасъ лишенъ всякаго значенія, канцлеры почти устранены отъ дѣлъ, важнѣйшія между коими проходятъ, минуя ихъ, чрезъ руки Брюля и Мнишка, и всѣми этими людьми, всѣми этими совокупно дѣйствующими силами орудуетъ Франція. Франція овладѣла дворомъ и рыцарствомъ: рыцарствомъ—потому что она сыплетъ деньгами и раздаетъ крулевщизны и должности; дворомъ—потому что она сблизила короля съ гетманами, а королеву очаровала обѣщаніемъ доставить принцу Ксаверію польскую корону, когда тронъ сдѣлается вакантнымъ.

Такъ говорили князья Чарторыйскіе, и по желанію ихъ Веймарнъ записалъ при нихъ же все сказанное ими, и прежде отправленія къ своему двору, прочелъ имъ то, что̀ было имъ записано. Мысли ихъ переданы, слѣдовательно, совершенно вѣрно; но нельзя безусловно согласиться съ вѣрностію этихъ мыслей, по крайней мѣрѣ въ томъ, что̀ касается до французскаго вліянія. Желая склонить Россію ко вмѣшательству въ дѣла Польши, Чарторыйскіе естественно должны были преувеличивать значеніе непріязненной ей партіи. Сближеніе между королемъ и гетманами было явленіемъ случайнымъ, и скоро послѣ того какъ объ этомъ сближеніи говорилось въ Пулавахъ съ такимъ опасеніемъ, именно въ 1758 году, * графъ Браницкій приносилъ русскому двору не менѣе горькія жалобы на короля и князей Чарторыйскихъ. “ Назначенный въ томъ же году посланникомъ въ Варшаву, князь М. Н. Волконскій свидѣтельствовалъ, что и великій гетманъ Литовскій „кажется быть противъ двора недовольнымъ“; описывая положеніе партій въ Польшѣ, онъ не придавалъ преобладающаго значенія французскому вліянію, а мнѣніе его нельзя не почитать авторитетнымъ.

О вліяніи Пруссіи Волконскій едва упоминалъ; по его словамъ, прусской партіи почти не существовало. Но мы видѣли въ чемъ состояла политика прусскаго двора относительно Польши; мы видѣли, что этотъ дворъ орудовалъ двумя могущественными рычагами, а именно, покровительствомъ

* См. гл. III.

протестантскимъ диссидентамъ и поблажкой постоянно усиливавшейся въ Польшѣ анархіи. Агенты прусскаго двора не шумѣли, не сыпали золотомъ, подобно французскимъ, но они и не имѣли въ этомъ надобности; политика, которой они служили органами, покоилась на прочныхъ основаніяхъ, и могущество ея обнаружилось несомнѣннымъ образомъ, когда направлять ее начала изъ Берлина искусная и твердая рука, и когда, съ другой стороны, русское правительство отклонилось отъ преданій Петра I. Со времени трактата съ цесарскимъ дворомъ, 6-го (17-го) августа 1726 года, вліяніе этого двора сдѣлалось преобладающимъ въ Петербургѣ и мало-помалу создало какую-то атмосферу искусственныхъ интересовъ, въ которую и увлекло Россію. Не взирая на то, что содержаніе прусско-русскаго трактата 1720 года подтверждалось новыми обязательствами между этими дворами, и что въ нихъ были постоянно вносимы статьи о покровительствѣ диссидентамъ, * русское правительство какъ бы утратило сознаніе важности для него права покровительствовать своимъ единовѣрцамъ и не допускать утвердиться на польскомъ престолѣ саксонскому дому съ его династическими стремленіями. По поводу смерти Августа II, оно заявило было о намѣреніи устранить отъ избранія курпринца саксонскаго, но это намѣреніе уступило предъ желаніемъ не отклоняться отъ совокупнаго дѣйствія съ Вѣнскимъ дворомъ; Россія выступила наконецъ какъ самая жаркая союзница этого курпринца, который, какъ извѣстно, и обязанъ былъ престоломъ русскому золоту и русскому оружію. При такомъ подчиненіи политики Петербургскаго двора вѣнскому союзнику, очевидно не могло быть и рѣчи объ энергическомъ заступничествѣ за диссидентовъ. На конвокаційномъ сеймѣ 1733 года послы протестантскаго исповѣданія обратились къ представителямъ Пруссіи и Англіи, прося ихъ покровительства; видя это, русскій посланникъ тотчасъ же предъявилъ и свои права на покровительство православнымъ подданнымъ Рѣчи Посполитой **, но дѣйствія русской политики не могли имѣть въ этомъ отношеніи ни свободы, ни силы, будучи парализуемы внушеніями представителей „его католическаго величества“. Какъ диплома-

* См. трактаты 1726, 1729, 1730, 1743 годовъ.

** *Борьба за польскій престолъ.*

тическая переписка времен Анны и Елисаветы, так и дѣла той же эпохи, хранящіяся в архивѣ святѣйшаго синода, удостовѣряют, что многочисленныя и частыя представленія в пользу православных диссидентов никогда не были дѣлаемы съ должною настойчивостію и твердостію. Канцлер литовскій, в вѣдомство коего они поступали, отвѣтствовал обыкновенно, что о заявленном фактѣ будет произведено тщательное изслѣдованіе, и дѣло затягивалось на неопредѣленное время, а между тѣм общественное мнѣніе в Польшѣ раздражалось подобными представленіями, и чувство національнаго достоинства брало под свою защиту самыя возмутительныя религіозныя гоненія. Сороковые года были временем самых тяжелых страданій для Бѣлоруссіи и Украйны и насильственнаго обращенія их жителей в унію; * чудовищный замысел обратить нѣсколько милліонов людей из одного христіанскаго вѣроисповѣданія в другое казался близким к осуществленію. Совершенно в иное положеніе начинали между тѣм приходить диссиденты протестантскіе. Прежде всего нельзя не замѣтить, что общественное мнѣніе Западной Европы, хотя еще и не особенно сильное в то время, не дозволяло безнаказанно преслѣдовать протестантов; они были членами европейской семьи, которая начинала уже громко подавать голос в их защиту. Случай бывшій в 1724 году в Торунѣ привел в движеніе всѣ станки современной прессы, возбудил дипломатическую переписку и занесен в исторію как факт возмутительный и выходящій из ряду, между тѣм как в восточных областях Польскаго государства подобные случаи совершались весьма часто, и когда о них дѣлались представленія дипломатическим путем, то польское правительство относилось к ним съ пренебрежительным равнодушіем, да и сами адвокаты православных диссидентов, то-есть представители русскаго двора в Варшавѣ, давали своему правительству чувствовать, что для сохраненія добрых отношеній съ Рѣчью Посполитою слѣдует быть уступчивѣе **. Еще рѣзче обнаружилось различіе в положеніи диссидентов протестантских и православных, когда новый король Пруссіи

* *Народныя движенія на Волыни и в Подоліи*, П. Щебальскаго.
** См. об этом, а равно о личности Θеофана Леонтовича, мою брошюру *Русская полит. и русск. партія в Польшѣ*.

Фридрихъ II, возвысивъ свой престолъ рядомъ побѣдъ надъ цесарскими войсками, энергически принялъ въ Европѣ положеніе покровителя идеи религіозной терпимости и защитника протестантовъ. Между многочисленными представленіями синоду, которыми настоятель виленскаго Святодуховскаго монастыря, Өеофанъ Леонтовичъ-Дорумивъ, старался возбудить русское правительство къ болѣе энергическому образу дѣйствій по диссидентскому вопросу, мы находимъ, между прочимъ, слѣдующее любопытное мѣсто: „Его величество король Прусскій, — доносилъ Өеофанъ въ 1758 году, — польскихъ кальвиновъ, которые ради закона своего чрезъ много лѣтъ въ непрестанныхъ бѣдствіяхъ находились, прошедшаго 1756 года письмами своими его величеству королю Польскому и министрамъ республики польской, також къ Радзивиллу, хорунжему великаго княжества Литовскаго, отправленными, сверхъ чаянія скоро, дѣйствительно и полезно защищалъ, и притомъ ихъ же, кальвиновъ, честностію своего слова королевскаго обнадежилъ, что всѣ ихъ шляхетскія вольности будутъ возвращены.“ Видя столь дѣйствительную помощь, пріобрѣтенную протестантами, продолжалъ Леонтовичъ, здѣшніе православные скорбятъ, „что держава россійская ниже защитить церкви православныя, ниже обиды тамошнему благочестію безпрерывно продолжающіяся пресѣчь и отвратить не возмогла“. Святѣйшій синодъ приглашаетъ ихъ указомъ своимъ возложить упованіе на единовѣрную имъ державу; но народъ разсуждаетъ, „что если имъ, благочестивымъ, теперь на надежду, въ помянутомъ святѣйшаго синода указѣ объявленную, положиться, а протестантовъ, кои ихъ, благочестивыхъ, въ силу своей мирносоюзной съ нами дружбы, тайными и явными образами до сихъ поръ какъ ни есть удерживали (поддерживали), оставить: то Поляки греческій ихъ, въ своемъ государствѣ, законъ въ единъ годъ до послѣдней души искоренятъ.“ Опасаясь этого, заключалъ Леонтовичъ, бѣлорусскіе православные рѣшились участвовать въ кальвинистскомъ соборѣ, имѣющемъ вскорѣ собраться, „и у его величества короля Прусскаго обѣщанной себѣ протекціи просить“. Но, — заключалъ виленскій монахъ-политикъ, — „если сему неспокойному и хитрому государю удастся въ польской области не только протестантскаго, но и греческаго закона людей защитить и ихъ въ первобытное состояніе привесть,

то отсюда легко можно заключить, какіе онъ, король, себѣ авантажи, а сосѣднимъ государствамъ пакости безъ всякихъ искуповъ и трудовъ причинить можетъ". О сильномъ возбужденіи духа между польскими протестантами представлялъ и знаменитый могилевскій архіепископъ Георгій Конисскій, и свидѣтельствовалъ, подобно Леонтовичу, что ихъ вліяніе начинаетъ сильно обнаруживаться на православное народонаселеніе; наконецъ фельдмаршалъ Бутурлинъ доносилъ въ 1761 году, что жители Великой Польши, сосѣдственной съ Пруссіей и населенной большимъ числомъ протестантовъ, „давно преданы королю Прусскому". * Напротивъ того къ русскому двору, по мѣрѣ того какъ онъ сближался съ Варшавскимъ, со стороны Поляковъ обнаруживалось все болѣе и болѣе непріязни. Не взирая на значительные расходы съ нашей стороны, сеймы плохо слушались внушеній русскаго посольства, горько жаловались на безпрестанное движеніе русскихъ войскъ по территоріи Рѣчи Посполитой, требовали огромныхъ суммъ за причиняемые этими движеніями убытки, грозили конфедераціей, уклонялись отъ признанія за Елисаветой Петровной императорскаго титула, усиленно и насильственнымъ образомъ обращали въ унію покровительствуемыхъ ею православныхъ, а шляхетство пограничныхъ съ нами областей заводило безпрестанныя ссоры съ русскими начальствами. Въ запискѣ, составленной при вступленіи на престолъ императрицы Екатерины II и хранящейся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ **, сказано, что по освидѣтельствованію, произведенному въ 1753 году, „явилось за Поляками во владѣніи здѣшнихъ земель 988 верстъ квадратныхъ." Наѣзды изъ-за польской границы, а съ другой стороны побѣги русскихъ крестьянъ за границу повторялись такъ часто, что было рѣшено преградить всѣ дороги между Россіей и Польшей, „опричь знатныхъ", засѣками, рогатками и надолбами, учредить заставы и пограничныя таможни, придвинувъ форпосты къ самой границѣ и соединивъ ихъ между собой рвами и засѣками. „Но, говорится въ помянутой запискѣ, съ польской стороны отъ разныхъ обывателей въ томъ всякія препятствія дѣлаются, а именно: собираясь къ самой границѣ многолюдствомъ, какъ крестьяне

* Воен. арх., въ Москвѣ, см. *Дѣло Бутурлина.*
** *Дѣла Польск.* 1762 г. № 10.

такъ и воинскіе люди съ огненнымъ оружіемъ да съ топорами и косами, поставленныя противъ форпостовъ рогатки рубятъ, мосты и форпосты, также иногда и ближнія деревни пожигаютъ" и пр.

Таково было странное положеніе, допущенное нашею политикой при Елисаветѣ въ отношеніи къ Польшѣ. Поддерживая союзъ съ Августомъ, для цѣлей чуждыхъ Россіи, русская дипломатія упускала изъ виду политику Петра — жить въ ладу съ націей, съ сеймами, а вмѣстѣ съ тѣмъ не находила возможности оказать поддержку и диссидентамъ, которые одни остались бы союзниками Россіи, когда обстоятельства принудили бы ее поссориться съ польскою націей. Всѣмъ этимъ было пожертвовано желанію сохранить добрыя отношенія съ Августомъ III, союзъ съ которымъ могъ имѣть какое-нибудь значеніе единственно въ виду войны съ Пруссіей—войны, въ которую Россія не имѣла ни малѣйшаго основанія вмѣшаться.

Вступленіе на престолъ Петра III, извѣстнаго своимъ сочувствіемъ къ королю Прусскому, не могло не отозваться безпокойствомъ при Варшавскомъ дворѣ. Оно значительно увеличилось и превратилось „въ великое уныніе", когда посланникъ русскій въ Варшавѣ, генералъ Воейковъ, сообщилъ тамошнему правительству извѣстную декларацію 12-го февраля. Французскій и цесарскій посланники тотчасъ же помирились и поспѣшили обнаружить холодность въ сношеніяхъ съ Воейковымъ. По городу ими же, по мнѣнію нашего посланника, пущенъ былъ тревожный слухъ, что если русскій дворъ помирится съ прусскимъ, и если между ними состоится союзъ, то Вармія и Восточная Пруссія легко могутъ быть потеряны для Польши (со стороны Россіи не предполагалось завоевательныхъ замысловъ). Впрочемъ, многіе радовались, что передвиженіе русскихъ войскъ чрезъ Польшу прекратится. Самъ графъ Брюль оказался гораздо менѣе встревоженнымъ чѣмъ должно было ожидать отъ ревностнаго слуги саксонской династіи. Въ разговорѣ объ этомъ предметѣ съ Воейковымъ онъ обнаружилъ довольно миролюбивое настроеніе и просилъ только „о неоставленіи" саксонскаго двора, какъ наиболѣе претерпѣвшаго отъ настоящей войны.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. ЩЕБАЛЬСКІЙ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Трактатъ между его царскаго величества Петра Перваго и короля прусскаго Фридриха Вильгельма дружбы, по которому король прусскій, по заключеніи у него съ Шведы прелиминарнаго трактата, обязался въ Сѣверной войнѣ содержать неутральство, и о прочемъ, 6-го (17-го) февраля 1720 года.

(Арх. мин. иностр. дѣлъ, по реестру тракт. съ Пруссіей, № 37.)

Понеже его королевское величество Прусское и его царское величество Всероссійскій, при приключившейся недавно перемѣнѣ въ конъюнктурахъ и отъ его королевскаго величества прусскаго съ короною шведскою заключеннаго мирнаго прелиминарнаго трактата, однакожъ другъ другу объявили и резолвовали между собою по се число содержанное доброе согласіе и дружбу и на впредьбудущее время продолжать и какъ о томъ, такъ и о другихъ, до обоихъ высокихъ интересовъ касающихся дѣлъ, сей договоръ постановить, и тако они о томъ послѣдующимъ образомъ согласились.

1.

Обѣщаютъ оба высокіе договаривающіеся другъ друга накрѣпко по се число между ими сущее доброе согласіе и дружбу ненарушимо содержать, и объявляетъ того ради его королевское величество Прусское, что хотя онъ съ его королевскимъ величествомъ Великобританскимъ, яко королемъ помянутаго королевства и какъ съ курфюрстомъ Брауншвигъ-Люнебургскимъ, въ трактаты вступилъ, и чрезъ его посредство съ королевою Шведскою прелиминарный трактатъ мирный и о уступленіи Штетина заключилъ; однакожъ по тѣмъ трактатамъ ни въ какое съ Шведами и ихъ союзники противное обязательство противъ его царскаго величества не вступилъ, и противъ его никакой помощи ни людьми, ни деньгами и ничѣмъ вспомогать не обѣщалъ, ниже впредь ни прямымъ, ни постороннимъ образомъ такой помощи чинить не будетъ, кромѣ заплаты обѣщанныхъ въ помянутомъ трактатѣ за уступленіе Штетина сумы денегъ, которая однакожъ сколь долго возможно не вскорѣ заплачена быть имѣетъ. Такожде ежели королевское

величество впредь какія земли отъ Швеціи купить можетъ, и то его царскому величеству не противно будетъ; но его королевское величество прусскій хощетъ всегда, при продолжающейся Сѣверной войнѣ, въ совершенномъ нейтральствѣ себя содержать. Противъ того его царское величество объявляетъ, что пока война въ сѣверѣ можетъ быть продолжится, его величество не восприиметъ марша чрезъ его королевскаго величества прусскія земли никуда, а того меньше въ его жъ королевскаго величества землях какіе магазины и оружейныя мѣста учредить, дабы оттуда войну въ сосѣдство перенести, но оныя земли во употребленіи постояннаго нейтральства оставить. И его королевское величество прусское такожде такого проходу и учрежденія магазиновъ и оружейныхъ мѣстъ, въ своихъ прусскихъ земляхъ, — изъявъ польской народъ, — никакой другой державѣ для начатія противъ его царскаго величества войны допустить не хочетъ, * такъ чтобъ его королевскаго величества прусскія земли, при продолженіи войны въ Сѣверѣ, совершенное нейтральство употребить, и ни отъ кого по причинѣ такой войны ни въ маломъ чемъ обезпокоены не были.

2.

Оба ихъ величества хотятъ нынѣ и впредь особливо на то смотрѣть, дабы Рѣчь Посполитая польская при своихъ вольностяхъ, основаніяхъ и конституціяхъ, ея правахъ и привилегіяхъ всегда ненарушимо содержана была; если же королевскій польскій дворъ ко опроверженію Рѣчи Посполитой какія клонящіяся намѣренія окажетъ, или Рѣчь Посполитую туда склонять будетъ, дабы оная приступила ко учиненному недавно въ Вѣнѣ союзу между цесаремъ и королями Великобританскимъ и Польскимъ, или суверенняго и самовластняго правленія видъ въ Польшу по-малу ввести похочетъ, то его королевское величество прусское и его царское величество совѣтомъ и дѣломъ не только тому противляться, но и Рѣчи Посполитой сильно вспомоществовать будутъ, дабы сіе отставлено и все въ прежнемъ состояніи и основаніи въ Польшѣ содержано было; наипаче же никакимъ образомъ не будетъ допущено чтобы куръ-принцъ саксонскій на престолъ польскій, ни при животѣ королевскомъ, ни ниже по его смерти возведенъ былъ. Противъ чего хотятъ его королевское величество прусское, и его царское величество всѣ свои попеченіи и труды приложить и всѣ сильныя средства употребить. Не меньше того и впредь хотятъ

* „S. K. M-t. in Preussen wollen auch dergleichen durch—Marsche und Formirung der Magazinen und Places d'Armes in dero Preussischen Lande,—die Polnische Nation ausgenommen,—keiner anderen Puissance umb J. Cz. M-t dadurch zu bekriegen, eben wenig verstatten."

такожде оба их величества, въ польскихъ дѣлѣхъ не токмо другъ другу откровенно сообщать и соглашаться, но и далѣе общія мѣры, смотря по конъюнктурамъ, предвоспріимать.

3.

Его королевское величество прусское и его царское величество обѣщаютъ такожде другъ другу, то, что имъ отъ Швеціи чрезъ сѣверной миръ оставлено и уступлено будетъ, сильно гарантовать и притомъ о семъ по состоянію тогдашнихъ конъюнктуръ, еще болѣе и ближе между собою обязаться.

Королевскою рукою приписано:

Во свидѣтельство моею властною рукою закрѣплено. *Ф. Вильгельмъ.*

Потсдамъ,
февраля 17-го 1720 года.

(Кабинетная печать.)

II.

Трактата оборонительнаго союза, заключеннаго въ Пруссіи, въ Берлинѣ, 30-го сентября 1730 года,

Артикулъ сепаратный.

Ея императорское величество всероссійское и его королевское величество прусское неинако какъ съ великою жалостію видѣть могутъ толь тяжкія насильственныя утѣсненія, которыя обоихъ сторонъ одновѣрцы въ королевствѣ Польскомъ и великомъ княжествѣ Литовскомъ уже отъ многихъ лѣтъ несутъ, и того ради ихъ величества между собою согласились и обязались, дабы обще помянутыхъ единовѣрцевъ,—а именно, которые подъ имянемъ диссидентовъ замыкаются, * греческіе, евангелическіе реформаты и лютерскіе, живущіе въ королевствѣ Польскомъ и великомъ княжествѣ Литовскомъ,—наилучше защищать и чрезъ добрые предстательства и крѣпчайшія предложенія у короля и республики Польской всякими мѣрами стараться, чтобъ оные диссиденты греческаго и реформатскаго закона тѣхъ привилегій, вольностей, правъ и справедливостей паки доступить могли, какъ имъ издревле, колико въ духовныхъ, толико и въ свѣтскихъ поведеніяхъ принадлежало и дозволено было, а потомъ наибольшая часть убавлена, или и въ достатокъ къ наибольшей непристойности у нихъ отнято; и ежели нынѣ до того дойдти не можно будетъ, то оные по послѣдней мѣрѣ до удобнаго времени и конъюнктуръ впредь въ томъ состояніи содержать, въ какомъ оин колико до того надлежитъ нынѣ находятся. * Впрочемъ сей сепаратный артикулъ имѣетъ быть той же силы и пр.

* „...unter dem Nahmen der Dissidenten begriffen...."
** „...worrinnen sie sich desfols vorjetzo befinden."

ИДІОТЪ*

РОМАНЪ.

(Посвящено Софьѣ Александровнѣ Ивановой.)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

VII.

„У меня былъ маленькій карманный пистолетъ; я завелъ его, когда еще былъ ребенкомъ, въ тотъ смѣшной возрастъ, когда вдругъ начинаютъ нравиться исторіи о дуэляхъ, о нападеніяхъ разбойниковъ, о томъ какъ и меня вызовутъ на дуэль, и какъ благородно я буду стоять подъ пистолетомъ. Мѣсяцъ тому назадъ я его осмотрѣлъ и приготовилъ. Въ ящикѣ, гдѣ онъ лежалъ, отыскались двѣ пули, а въ пороховомъ рожкѣ пороху заряда на три. Пистолетъ этотъ дрянь, беретъ въ сторону и бьетъ всего шаговъ на пятнадцать; но ужь, конечно, можетъ своротить черепъ на сторону, если приставить его вплоть къ виску.

„Я положилъ умереть въ Павловскѣ, на восходѣ солнца и сойдя въ паркъ, чтобы не обезпокоить никого на дачѣ. Мое „Объясненіе“ достаточно объяснитъ все дѣло полиціи. Охотники до психологіи и тѣ, кому надо, могутъ вывести изъ него все чтò имъ будетъ угодно. Я бы не желалъ, однакожь, чтобъ эта рукопись предана была гласности. Прошу князя сохранить экземпляръ у себя и сообщить другой экземпляръ Аглаѣ

* См. *Русскій Вѣстникъ*, №№ 1, 2, 4, 5, 6, 7, 8 и 9.

Ивановнѣ Епанчиной. Такова моя воля. Завѣщаю мой скелетъ въ Медицинскую Академію для научной пользы.

„Я не признаю судей надъ собою и знаю, что я теперь внѣ всякой власти суда. Еще недавно разсмѣшило меня предположеніе: чтò еслибы мнѣ вдругъ вздумалось теперь убить кого угодно, хоть десять человѣкъ разомъ, или сдѣлать что-нибудь самое ужасное, чтò только считается самымъ ужаснымъ на этомъ свѣтѣ, то въ какой просакъ поставленъ бы былъ предо мной судъ съ моими двумя-тремя недѣлями сроку и съ уничтоженіемъ пытокъ и истязаній? Я умеръ бы комфортно въ ихъ госпиталѣ, въ теплѣ и съ внимательнымъ докторомъ и, можетъ-быть, гораздо комфортнѣе и теплѣе чѣмъ у себя дома. Не понимаю, почему людямъ въ такомъ же какъ я положеніи не приходитъ такая же мысль въ голову, хоть бы только для штуки? Можетъ-быть, впрочемъ, и приходитъ; веселыхъ людей и у насъ много отыщется.

„Но если я и не признаю суда надъ собой, то все-таки знаю, что меня будутъ судить, когда я уже буду отвѣтчикомъ глухимъ и безгласнымъ. Не хочу уходить, не оставивъ слова въ отвѣтъ,—слова свободнаго, а не вынужденнаго,—не для оправданія,—о, нѣтъ! просить прощенія мнѣ не у кого и не въ чемъ,—а такъ, потому что самъ желаю того.

„Тутъ, вопервыхъ, странная мысль: кому, во имя какого права, во имя какого побужденія вздумалось бы оспаривать теперь у меня мое право на эти двѣ-три недѣли моего срока? Какому суду тутъ дѣло? Кому именно нужно, чтобъ я былъ не только приговоренъ, но и благонравно выдержалъ срокъ приговора? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, кому-нибудь это надо? Для нравственности? Я еще понимаю, что еслибъ я въ цвѣтѣ здоровья и силъ посягнулъ на мою жизнь, которая „могла бы быть полезна моему ближнему“, и т. д., то нравственность могла бы еще упрекнуть меня, по старой рутинѣ, за то, что я распорядился моею жизнію безъ спросу, или тамъ въ чемъ сама знаетъ. Но теперь, теперь, когда мнѣ уже прòчитанъ срокъ приговора? Какой нравственности нужно еще сверхъ вашей жизни и послѣднее хрипѣніе, съ которымъ вы отдадите послѣдній атомъ жизни, выслушивая утѣшенія князя, который непремѣнно дойдетъ въ своихъ христіанскихъ доказательствахъ до счастливой мысли, чтò въ сущности оно даже и лучше, что вы умираете. (Такіе какъ онъ христіане всегда доходятъ до этой идеи: это ихъ любимый

конекъ.) И чего имъ хочется съ ихъ смѣшными „павловскими деревьями“? Усладить послѣдніе часы моей жизни? Неужто имъ непонятно, что чѣмъ болѣе я забудусь, чѣмъ болѣе отдамся этому послѣднему призраку жизни и любви, которымъ они хотятъ заслонить отъ меня мою Мейерову стѣну и все, чтò на ней такъ откровенно и простодушно написано, тѣмъ несчастнѣе они меня сдѣлаютъ? Для чего мнѣ ваша природа, вашъ Павловскій паркъ, ваши восходы и закаты солнца, ваше голубое небо и ваши вседовольныя лица, когда весь этотъ пиръ, которому нѣтъ конца, началъ съ того, что одного меня счелъ за лишняго? Чтò мнѣ во всей этой красотѣ, когда я каждую минуту, каждую секунду долженъ и принужденъ теперь знать, что вотъ даже эта крошечная мушка, которая жужжитъ теперь около меня въ солнечномъ лучѣ, и та даже во всемъ этомъ пирѣ и хорѣ участница, мѣсто знаетъ свое, любитъ его и счастлива, а я одинъ выкидышъ, и только по малодушію моему до сихъ поръ не хотѣлъ понять это! О, я вѣдь знаю, какъ бы хотѣлось князю и всѣмъ имъ довести меня до того, чтобъ и я, вмѣсто всѣхъ этихъ „коварныхъ и злобныхъ“ рѣчей, пропѣлъ изъ благонравія и для торжества нравственности знаменитую и классическую строфу Мильвуа:

„O, puissent voir votre beauté sacrée
Tant d'amis, sourds à mes adieux!
Qu'ils meurent pleins de jours, que leur mort soit pleurée,
Qu'un ami leur ferme les yeux!“

„Но вѣрьте, вѣрьте, простодушные люди, что и въ этой благонравной строфѣ, въ этомъ академическомъ благословеніи міру во французскихъ стихахъ засѣло столько затаенной желчи, столько непримиримой, самоусладившейся въ рифмахъ злобы, что даже самъ поэтъ, можетъ-быть, попалъ въ просакъ и принялъ эту злобу за слезы умиленія, съ тѣмъ и померъ; миръ его праху! Знайте, что есть такой предѣлъ позора въ сознаніи собственнаго ничтожества и слабосилія, дальше котораго человѣкъ уже не можетъ идти, и съ котораго начинаетъ ощущать въ самомъ позорѣ своемъ громадное наслажденіе.... Ну, конечно, смиреніе есть громадная сила въ этомъ смыслѣ, я это допускаю, — хотя и не въ томъ смыслѣ, въ какомъ религія принимаетъ смиреніе за силу.

„Религія! Вѣчную жизнь я допускаю и, можетъ-быть, всегда

допускалъ. Пусть зажжено сознаніе волею высшей силы, пусть оно оглянулось на міръ и сказало: „я есмь!“, и пусть ему вдругъ предписано этою высшею силой уничтожиться, потому что тамъ такъ для чего-то,—и даже безъ объясненія для чего,—это надо, пусть, я все это допускаю, но, опять-таки вѣчный вопросъ: для чего при этомъ понадобилось смиреніе мое? Неужто нельзя меня просто съѣсть, не требуя отъ меня похвалъ тому что̀ меня съѣло? Неужели тамъ и въ самомъ дѣлѣ кто-нибудь обидится тѣмъ, что я не хочу подождать двухъ недѣль? Не вѣрю я этому; и гораздо ужь вѣрнѣе предположить, что тутъ просто понадобилась моя ничтожная жизнь, жизнь атома, для пополненія какой-нибудь всеобщей гармоніи въ цѣломъ, для какого-нибудь плюса и минуса, для какого-нибудь контраста и прочее, и прочее, точно такъ же, какъ ежедневно надобится въ жертву жизнь милліоновъ существъ, безъ смерти которыхъ остальной міръ не можетъ стоять (хотя надо замѣтить, что это не очень великодушная мысль сама по себѣ). Но пусть! Я согласенъ, что иначе, то-есть безъ безпрерывнаго поѣденія другъ друга, устроить міръ было никакъ невозможно; я даже согласенъ допустить, что ничего не понимаю въ этомъ устройствѣ; но за то вотъ что̀ я знаю навѣрно: Если уже разъ мнѣ дали сознать, что „я есмь“, то какое мнѣ дѣло до того, что міръ устроенъ съ ошибками, и что иначе онъ не можетъ стоять? Кто же и за что̀ меня послѣ этого будетъ судить? Какъ хотите, все это невозможно и несправедливо.

„А между тѣмъ я никогда, несмотря даже на все желаніе мое, не могъ представить себѣ, что будущей жизни и Провидѣнія нѣтъ. Вѣрнѣе всего, что все это есть, но что мы ничего не понимаемъ въ будущей жизни и въ законахъ ея. Но если это такъ трудно и совершенно даже невозможно понять, то неужели я буду отвѣчать за то, что не въ силахъ былъ осмыслить непостижимое? Правда, они говорятъ, и ужь, конечно, князь вмѣстѣ съ ними, что тутъ-то послушаніе и нужно, что слушаться нужно безъ разсужденій, изъ одного благонравія, и что за кротость мою я непремѣнно буду вознагражденъ на томъ свѣтѣ. Мы слишкомъ унижаемъ Провидѣніе, приписывая ему наши понятія, съ досады что не можемъ понять его. Но опять-таки, если понять его невозможно, то, повторяю, трудно и отвѣчать за

то, что не дано человѣку понять. А если такъ, то какъ же будутъ судить меня за то, что я не могъ понять настоящей воли и законовъ Провидѣнія? Нѣтъ, ужь лучше оставимъ религію.

„Да и довольно. Когда я дойду до этихъ строкъ, то навѣрно ужь взойдетъ солнце и „зазвучитъ на небѣ", и польется громадная, неисчислимая сила по всей подсолнечной. Пусть! Я умру, прямо смотря на источникъ силы и жизни, и не захочу этой жизни! Еслибъ я имѣлъ власть не родиться, то навѣрно не принялъ бы существованія на такихъ насмѣшливыхъ условіяхъ. Но я еще имѣю власть умереть, хотя отдаю уже сочтенное. Не великая власть, не великій и бунтъ.

„Послѣднее объясненіе: я умираю вовсе не потому, что не въ силахъ перенести эти три недѣли; о, у меня бы достало силы, и еслибъ я захотѣлъ, то довольно уже былъ бы утѣшенъ однимъ сознаніемъ нанесенной мнѣ обиды; но я не французскій поэтъ и не хочу такихъ утѣшеній. Наконецъ, и соблазнъ: природа до такой степени ограничила мою дѣятельность своими тремя недѣлями приговора, что, можетъ-быть, самоубійство есть единственное дѣло, которое я еще могу успѣть начать и окончить по собственной волѣ моей. Что жь, можетъ-быть, я и хочу воспользоваться послѣднею возможностью *дѣла?* Протестъ иногда не малое дѣло...."

„Объясненіе" было окончено; Ипполитъ, наконецъ, остановился....

Есть въ крайнихъ случаяхъ та степень послѣдней цинической откровенности, когда нервный человѣкъ, раздраженный и выведенный изъ себя, не боится уже ничего и готовъ хоть на всякій скандалъ, даже радъ ему; бросается на людей, самъ имѣя при этомъ не ясную, но твердую цѣль непремѣнно минуту спустя слетѣть съ колокольни и тѣмъ разомъ разрѣшить всѣ недоумѣнія, если таковыя при этомъ окажутся. Признакомъ этого состоянія обыкновенно бываетъ и приближающееся истощеніе физическихъ силъ. Чрезвычайное, почти неестественное напряженіе, поддерживавшее до сихъ поръ Ипполита, дошло до этой послѣдней степени. Самъ по себѣ этотъ восемнадцатилѣтній, истощенный болѣзнью мальчикъ казался слабъ какъ сорванный съ дерева дрожащій листикъ; но только что онъ успѣлъ обвести взглядомъ своихъ слушателей, — въ первый разъ въ продолженіе всего

послѣдняго часа,—то тотчасъ же самое высокомѣрное, самое презрительное и обидное отвращеніе выразилось въ его взглядѣ и улыбкѣ. Онъ спѣшилъ своимъ вызовомъ. Но и слушатели были въ полномъ негодованіи. Всѣ съ шумомъ и досадой вставали изъ-за стола. Усталость, вино, напряженіе усиливали безпорядочность и какъ бы грязь впечатлѣній,если можно такъ выразиться.

Вдругъ Ипполитъ быстро вскочилъ со стула, точно его сорвали съ мѣста.

— Солнце взошло! вскричалъ онъ, увидѣвъ блестѣвшія верхушки деревьевъ и показывая на нихъ князю точно на чудо:—взошло!

— А вы думали не взойдетъ что ли? замѣтилъ Фердыщенко.

— Опять жарища на цѣлый день, съ небрежною досадой бормоталъ Ганя, держа въ рукахъ шляпу, потягиваясь и зѣвая,—ну какъ на мѣсяцъ эдакой засухи!... Идемъ или нѣтъ, Птицынъ?

Ипполитъ прислушивался съ удивленіемъ, доходившимъ до столбняка; вдругъ онъ страшно поблѣднѣлъ и весь затрясся.

— Вы очень неловко выдѣлываете ваше равнодушіе, чтобы меня оскорбить, обратился онъ къ Ганѣ, смотря на него въ упоръ,—вы негодяй!

— Ну, это ужъ чортъ знаетъ что такое, эдакъ разстегиваться! заоралъ Фердыщенко: — что за феноменальное слабосиліе!

— Просто дуракъ, сказалъ Ганя.

Ипполитъ нѣсколько скрѣпился.

— Я понимаю, господа, началъ онъ, попрежнему дрожа и осѣкаясь на каждомъ словѣ, — что я могъ заслужить ваше личное мщеніе, и.... жалѣю, что замучилъ васъ этимъ бредомъ (онъ указалъ на рукопись), а впрочемъ, жалѣю, что совсѣмъ не замучилъ.... (онъ глупо улыбнулся), замучилъ Евгеній Павлычъ? вдругъ перескочилъ онъ къ нему съ вопросомъ:—замучилъ или нѣтъ? Говорите!

— Растянуто немного, а впрочемъ....

— Говорите все! Не лгите хоть разъ въ вашей жизни! дрожалъ и приказывалъ Ипполитъ.

— О, мнѣ рѣшительно все равно! Сдѣлайте одолженіе, прошу васъ, оставьте меня въ покоѣ, брезгливо отвернулся Евгеній Павловичъ.

— Покойной ночи, князь, подошелъ къ князю Птицынъ.

— Да онъ сейчасъ застрѣлится, что же вы! Посмотрите на него! вскрикнула Вѣра и рванулась къ Ипполиту въ чрезвычайномъ испугѣ и даже схватила его за руки:—вѣдь онъ сказалъ, что на восходѣ солнца застрѣлится, что же вы!

— Не застрѣлится! съ злорадствомъ пробормотало нѣсколько голосовъ, въ томъ числѣ Ганя.

— Господа, берегитесь! крикнулъ Коля, тоже схвативъ Ипполита за руку: — вы только на него посмотрите! Князь! Князь, да что же вы!

Около Ипполита столпились Вѣра, Коля, Келлеръ и Бурдовскій; всѣ четверо схватились за него руками.

— Онъ имѣетъ право, право!... бормоталъ Бурдовскій, впрочемъ, тоже совсѣмъ какъ потерянный.

— Позвольте, князь, какія ваши распоряженія? подошелъ къ князю Лебедевъ, хмѣльной и озлобленный до нахальства.

— Какія распоряженія?

— Нѣтъ-съ; позвольте-съ; я хозяинъ-съ, хотя и не желаю манкировать вамъ въ уваженіи.... Положимъ, что и вы хозяинъ, но я не хочу, чтобы такъ въ моемъ собственномъ домѣ.... Такъ-съ.

— Не застрѣлится; балуетъ мальчишка! съ негодованіемъ и съ апломбомъ неожиданно прокричалъ генералъ Иволгинъ.

— Ай-да генералъ! похвалилъ Фердыщенко.

— Знаю, что не застрѣлится, генералъ, многоуважаемый генералъ, но все-таки.... ибо я хозяинъ.

— Послушайте, господинъ Терентьевъ, сказалъ вдругъ Птицынъ, простившись съ княземъ и протягивая руку Ипполиту,—вы, кажется, въ своей тетрадкѣ говорите про вашъ скелетъ и завѣщаете его Академіи? Это вы про вашъ скелетъ, собственный вашъ, то-есть ваши кости завѣщаете?

— Да, мои кости....

— То-то. А то вѣдь можно ошибиться; говорятъ, уже былъ такой случай.

— Что вы его дразните? вскричалъ вдругъ князь.

— До слезъ довели, прибавилъ Фердыщенко.

Но Ипполитъ вовсе не плакалъ. Онъ двинулся-было съ мѣста, но четверо, его обступившіе, вдругъ разомъ схватили его за руки. Раздался смѣхъ.

— Къ тому и велъ, что за руки будутъ держать; на то и

тетрадку прочелъ, замѣтилъ Рогожинъ.—Прощай, князь. Экъ досидѣлись; кости болятъ.

— Если вы дѣйствительно хотѣли застрѣлиться, Терентьевъ, засмѣялся Евгеній Павловичъ, — то ужь я бы, послѣ такихъ комплиментовъ, на вашемъ мѣстѣ, нарочно бы не застрѣлился, чтобъ ихъ подразнить.

— Имъ ужасно хочется видѣть какъ я застрѣлюсь! вскинулся на него Ипполитъ

Онъ говорилъ точно накидываясь.

— Имъ досадно что не увидятъ.

— Такъ и вы думаете, что не увидятъ?

— Я васъ не поджигаю; я, напротивъ, думаю, что очень возможно, что вы застрѣлитесь. Главное, не сердитесь.... протянулъ Евгеній Павловичъ, покровительственно растягивая свои слова.

— Я теперь только вижу, что сдѣлалъ ужасную ошибку, прочтя имъ эту тетрадь! проговорилъ Ипполитъ, съ такимъ внезапно довѣрчивымъ видомъ смотря на Евгенія Павловича, какъ будто просилъ у друга дружескаго совѣта.

— Положеніе смѣшное, но.... право не знаю, что̀ вамъ посовѣтовать, улыбаясь отвѣтилъ Евгеній Павловичъ.

Ипполитъ строго въ упоръ смотрѣлъ на него, не отрываясь, и молчалъ. Можно было подумать, что минутами онъ совсѣмъ забывался.

— Нѣтъ-съ, позвольте-съ, манера-то вѣдь при этомъ какая-съ, проговорилъ Лебедевъ,—„застрѣлюсь дескать въ паркѣ, чтобы никого не обезпокоить“! Это онъ думаетъ, что онъ никого не обезпокоитъ, что сойдетъ съ лѣстницы три шага въ садъ.

— Господа.... началъ было князь.

— Нѣтъ-съ, позвольте-съ, многоуважаемый князь, съ яростію ухватился Лебедевъ,—такъ какъ вы сами изволите видѣть, что это не шутка, и такъ какъ половина вашихъ гостей, по крайней мѣрѣ, того же мнѣнія и увѣрены, что теперь, послѣ произнесенныхъ здѣсь словъ, онъ ужь непремѣнно долженъ застрѣлиться изъ чести, то я хозяинъ-съ и при свидѣтеляхъ объявляю, что приглашаю васъ способствовать!

— Что̀ же надо сдѣлать, Лебедевъ? Я готовъ вамъ способствовать.

— А вотъ что̀-съ: вопервыхъ, чтобъ онъ тотчасъ же выдалъ свой пистолетъ, которымъ онъ хвастался предъ нами,

со всѣми препаратами. Если выдастъ, то я согласенъ на то чтобы допустить его переночевать эту ночь въ этомъ домѣ, въ виду болѣзненнаго состоянія его, съ тѣмъ, конечно, что подъ надзоромъ съ моей стороны. Но завтра пусть непремѣнно отправляется куда ему будетъ угодно; извините, князь! Если же не выдастъ оружія, то я немедленно, сейчасъ же беру его за руки, я за одну, генералъ за другую, и сей же часъ пошлю извѣстить полицію, и тогда уже дѣло перейдетъ на разсмотрѣніе полиціи-съ. Господинъ Фердыщенко, по знакомству, сходить-съ.

Поднялся шумъ; Лебедевъ горячился и выходилъ уже изъ мѣры; Фердыщенко приготовлялся идти въ полицію; Ганя неистово настаивалъ на томъ, что никто не застрѣлится. Евгеній Павловичъ молчалъ.

— Князь, слетали вы когда-нибудь съ колокольни? прошепталъ ему вдругъ Ипполитъ.

— Н-нѣтъ.... наивно отвѣтилъ князь.

— Неужели вы думали, что я не предвидѣлъ всей этой ненависти! прошепталъ опять Ипполитъ, засверкавъ глазами и смотря на князя, точно и въ самомъ дѣлѣ ждалъ отъ него отвѣта.—Довольно! закричалъ онъ вдругъ на всю публику:— я виноватъ.... больше всѣхъ! Лебедевъ, вотъ ключъ (онъ вынулъ портмоне и изъ него стальное кольцо съ тремя или четырьмя небольшими ключиками), вотъ этотъ, предпослѣдній.... Коля вамъ укажетъ.... Коля! Гдѣ Коля? вскричалъ онъ, смотря на Колю и не видя его: — да.... вотъ онъ вамъ укажетъ; онъ вмѣстѣ со мной давеча укладывалъ сакъ. Сведите его, Коля; у князя въ кабинетѣ, подъ столомъ.... мой сакъ.... этимъ ключикомъ, внизу, въ сундучкѣ.... мой пистолетъ и рожокъ съ порохомъ. Онъ самъ укладывалъ давеча, господинъ Лебедевъ, онъ вамъ покажетъ; но съ тѣмъ, что завтра рано, когда я поѣду въ Петербургъ, вы мнѣ отдадите пистолетъ назадъ. Слышите? Я дѣлаю это для князя; не для васъ.

— Вотъ такъ-то лучше! схватился за ключъ Лебедевъ, и ядовито усмѣхаясь, побѣжалъ въ сосѣднюю комнату. Коля остановился, хотѣлъ-было что-то замѣтить, но Лебедевъ утащилъ его за собой.

Ипполитъ смотрѣлъ на смѣющихся гостей. Князь замѣтилъ, что зубы его стучатъ какъ въ самомъ сильномъ ознобѣ.

— Какіе они всѣ негодяи! опять прошепталъ Ипполитъ

князю въ изступленіи. Когда онъ говорилъ съ княземъ, то все наклонялся и шепталъ ему.

— Оставьте ихъ; вы очень слабы....

— Сейчасъ, сейчасъ.... сейчасъ уйду.

Вдругъ онъ обнялъ князя.

— Вы, можетъ-быть, находите, что я сумашедшій? посмотрѣлъ онъ на него, странно засмѣявшись.

— Нѣтъ, но вы....

— Сейчасъ, сейчасъ, молчите; ничего не говорите; стойте.... я хочу посмотрѣть въ ваши глаза.... Стойте такъ, я буду смотрѣть. Я съ человѣкомъ прощусь.

Онъ стоялъ и смотрѣлъ на князя неподвижно и молча секундъ десять, очень блѣдный, со смоченными отъ пота висками и какъ-то странно хватаясь за князя рукой, точно боясь его выпустить.

— Ипполитъ, Ипполитъ, что̀ съ вами? вскричалъ князь.

— Сейчасъ.... довольно.... я лягу. Я за здоровье солнца выпью одинъ глотокъ.... Я хочу, я хочу, оставьте!

Онъ быстро схватилъ со стола бокалъ, рванулся съ мѣста и въ одно мгновеніе подошелъ къ сходу съ террасы. Князь побѣжалъ-было за нимъ, но случилось такъ, что, какъ нарочно, въ это самое мгновеніе Евгеній Павловичъ протянулъ ему руку, прощаясь. Прошла одна секунда и вдругъ всеобщій крикъ раздался на террасѣ. Затѣмъ наступила минута чрезвычайнаго смятенія.

Вотъ что случилось:

Подойдя вплоть ко сходу съ террасы, Ипполитъ остановился, держа въ лѣвой рукѣ бокалъ и опустивъ правую руку въ правый боковой карманъ своего пальто. Келлеръ увѣрялъ потомъ, что Ипполитъ еще и прежде все держалъ эту руку въ правомъ карманѣ, еще когда говорилъ съ княземъ и хваталъ его лѣвою рукой за плечо и за воротникъ, и что эта-то правая рука въ карманѣ, увѣрялъ Келлеръ, и зародила въ немъ будто бы первое подозрѣніе. Какъ бы тамъ ни было, но нѣкоторое безпокойство заставило и его побѣжать за Ипполитомъ. Но и онъ не поспѣлъ. Онъ видѣлъ только какъ вдругъ въ правой рукѣ Ипполита что-то блеснуло, и какъ въ ту же секунду маленькій карманный пистолетъ очутился вплоть у его виска. Келлеръ бросился схватить его за руку, но въ ту же секунду Ипполитъ спустилъ курокъ. Раздался рѣзкій,

сухой щелчокъ курка, но выстрѣла не послѣдовало. Когда Келлеръ обхватилъ Ипполита, тотъ упалъ ему на руки, точно безъ памяти, можетъ-быть, дѣйствительно воображая, что онъ уже убитъ. Пистолетъ былъ уже въ рукахъ Келлера. Ипполита подхватили, подставили стулъ, усадили его, и всѣ столпились кругомъ, всѣ кричали, всѣ спрашивали. Всѣ слышали щелчокъ курка и видѣли человѣка живаго, даже не оцарапаннаго. Самъ Ипполитъ сидѣлъ, не понимая что̀ происходитъ, и обводилъ всѣхъ кругомъ безсмысленнымъ взглядомъ. Лебедевъ и Коля вбѣжали въ это мгновеніе.

— Осѣчка? спрашивали кругомъ.

— Можетъ, и не заряженъ? догадывались другіе.

— Заряженъ! провозгласилъ Келлеръ, осматривая пистолетъ: — но....

— Неужто осѣчка?

— Капсюля совсѣмъ не было, возвѣстилъ Келлеръ.

Трудно и разказать послѣдовавшую жалкую сцену. Первоначальный и всеобщій испугъ быстро началъ смѣняться смѣхомъ; нѣкоторые даже захохотали, находили въ этомъ злорадное наслажденіе. Ипполитъ рыдалъ какъ въ истерикѣ, ломалъ себѣ руки, бросался ко всѣмъ, даже къ Фердыщенку, схватилъ его обѣими руками и клялся ему, что онъ забылъ, „забылъ совсѣмъ нечаянно, а не нарочно“ положить капсюль, что „капсюли эти вотъ всѣ тутъ, въ жилетномъ его карманѣ, штукъ десять“ (онъ показывалъ всѣмъ кругомъ), что онъ не насадилъ раньше, боясь нечаяннаго выстрѣла въ карманѣ, что разчитывалъ всегда успѣть насадить, когда понадобится, и вдругъ забылъ. Онъ бросался къ князю, къ Евгенію Павловичу, умолялъ Келлера, чтобъ ему отдали назадъ пистолетъ, что онъ сейчасъ всѣмъ докажетъ, что „его честь, честь“.... что онъ теперь „обезчещенъ на вѣки!“...

Онъ упалъ наконецъ безъ чувствъ. Его унесли въ кабинетъ князя, и Лебедевъ, совсѣмъ отрезвившійся, послалъ немедленно за докторомъ, а самъ вмѣстѣ съ дочерью, сыномъ, Бурдовскимъ и генераломъ остался у постели больнаго. Когда вынесли безчувственнаго Ипполита, Келлеръ сталъ среди комнаты и провозгласилъ во всеуслышаніе, раздѣляя и отчеканивая каждое слово, въ рѣшительномъ вдохновеніи:

— Господа, если кто изъ васъ еще разъ, вслухъ, при мнѣ, усомнится въ томъ, что капсюль забытъ нарочно, и станетъ утверждать, что несчастный молодой человѣкъ игралъ

только комедію, — то таковой изъ васъ будетъ имѣть дѣло со мной.

Но ему не отвѣчали. Гости наконецъ разошлись, гурьбой и спѣша. Птицынъ, Ганя и Рогожинъ отправились вмѣстѣ.

Князь былъ очень удивленъ, что Евгеній Павловичъ измѣнилъ свое намѣреніе и уходитъ не объяснившись.

— Вѣдь вы хотѣли со мной говорить, когда всѣ разойдутся? спросилъ онъ его.

— Точно такъ, сказалъ Евгеній Павловичъ, вдругъ садясь на стулъ и усаживая князя подлѣ себя,—но теперь я на время перемѣнилъ намѣреніе. Признаюсь вамъ, что я нѣсколько смущенъ, да и вы тоже. У меня сбились мысли; кромѣ того, то, о чемъ мнѣ хочется объясниться съ вами, слишкомъ для меня важная вещь, да и для васъ тоже. Видите, князь, мнѣ хоть разъ въ жизни хочется сдѣлать совершенно честное дѣло, то-есть совершенно безъ задней мысли, ну, а я думаю, что я теперь, въ эту минуту, не совсѣмъ способенъ къ совершенно-честному дѣлу, да и вы, можетъ-быть, тоже.... то.... и.... ну, да мы потомъ объяснимся. Можетъ, и дѣло выиграетъ въ ясности, и для меня, и для васъ, если мы подождемъ дня три, которые я пробуду теперь въ Петербургѣ.

Тутъ онъ опять поднялся со стула, такъ что странно было зачѣмъ и садился. Князю показалось тоже, что Евгеній Павловичъ недоволенъ и раздраженъ, и смотритъ враждебно, что въ его взглядѣ совсѣмъ не то что давеча.

— Кстати, вы теперь къ страждущему?

— Да.... я боюсь, проговорилъ князь.

— Не бойтесь; проживетъ навѣрно недѣль шесть и даже, можетъ, еще здѣсь и поправится. А лучше всего прогоните-ка его завтра.

— Можетъ, я и вправду подтолкнулъ его подъ руку тѣмъ что.... не говорилъ ничего; онъ, можетъ, подумалъ, что и я сомнѣваюсь въ томъ что онъ застрѣлится? Какъ вы думаете, Евгеній Павлычъ?

— Ни-ни. Вы слишкомъ добры, что еще заботитесь. Я слыхивалъ объ этомъ, но никогда не видывалъ въ натурѣ, какъ человѣкъ нарочно застрѣливается изъ-за того, чтобъ его похвалили, или со злости, что его не хвалятъ за это. Главное, этой откровенности слабосилія не повѣрилъ бы! А вы все-таки прогоните его завтра.

— Вы думаете, онъ застрѣлится еще разъ?

— Нѣтъ, ужь теперь не застрѣлится. Но берегитесь вы этихъ доморощенныхъ Ласенеровъ нашихъ! Повторяю вамъ, преступленіе слишкомъ обыкновенное прибѣжище этой бездарной, нетерпѣливой и жадной ничтожности.

— Развѣ это Ласенеръ?

— Сущность та же, хотя, можетъ-быть, и разныя амплуа. Увидите, если этотъ господинъ не способенъ укокошить десять душъ, собственно для одной „штуки", точь-въ-точь какъ онъ самъ намъ прочелъ давеча въ объясненіи. Теперь мнѣ эти слова его спать не дадутъ.

— Вы, можетъ-быть, слишкомъ ужь безпокоитесь.

— Вы удивительны, князь; вы не вѣрите, что онъ способенъ убить *теперь* десять душъ.

— Я боюсь вамъ отвѣтить; это все очень странно, но....

— Ну, какъ хотите, какъ хотите! раздражительно закончилъ Евгеній Павловичъ:—къ тому же вы такой храбрый человѣкъ; не попадитесь только сами въ число десяти.

— Всего вѣроятнѣе, что онъ никого не убьетъ, сказалъ князь, задумчиво смотря на Евгенія Павловича. Тотъ злобно разсмѣялся.

— До свиданія, пора! А замѣтили вы, что онъ завѣщалъ копію съ своей исповѣди Аглаѣ Ивановнѣ?

— Да, замѣтилъ и.... думаю объ этомъ.

— То-то, въ случаѣ десяти-то душъ,—опять засмѣялся Евгеній Павловичъ, и вышелъ.

Часъ спустя, уже въ четвертомъ часу, князь сошелъ въ паркъ. Онъ пробовалъ было заснуть дома, но не могъ, отъ сильнаго біенія сердца. Дома, впрочемъ, все было устроено и по возможности успокоено; больной заснулъ, и прибывшій докторъ объявилъ, что никакой нѣтъ особенной опасности. Лебедевъ, Коля, Бурдовскій улеглись въ комнатѣ больнаго, чтобы чередоваться въ дежурствѣ; опасаться, стало-быть, было нечего.

Но безпокойство князя возрастало съ минуты на минуту. Онъ бродилъ по парку, разсѣянно смотря кругомъ себя, и съ удивленіемъ остановился, когда дошелъ до площадки предъ воксаломъ и увидалъ рядъ пустыхъ скамеекъ и пюпитровъ для оркестра. Его поразило это мѣсто и показалось почему-то ужасно безобразнымъ. Онъ поворотилъ назадъ и прямо по дорогѣ, по которой проходилъ вчера съ Епанчиными въ воксалъ, дошелъ до зеленой скамейки, назначенной ему для свиданія, усѣлся на ней и вдругъ громко разсмѣялся, отчего

тотчасъ же пришелъ въ чрезвычайное негодованіе. Тоска его продолжалась; ему хотѣлось куда-нибудь уйти.... Онъ не зналъ куда. Надъ нимъ на деревѣ пѣла птичка, и онъ сталъ глазами искать ее между листьями; вдругъ птичка вспорхнула съ дерева, и въ ту же минуту ему почему-то припомнилась та „мушка", въ „горячемъ солнечномъ лучѣ", про которую Ипполитъ написалъ, что и „она знаетъ свое мѣсто и въ общемъ хорѣ участница, а онъ одинъ только выкидышъ". Эта фраза поразила его еще давеча, онъ вспомнилъ объ этомъ теперь. Одно давно забытое воспоминаніе зашевелилось въ немъ и вдругъ разомъ выяснилось.

Это было въ Швейцаріи, въ первый годъ его лѣченія, даже въ первые мѣсяцы. Тогда онъ еще былъ совсѣмъ какъ идіотъ, даже говорить не умѣлъ хорошо, понимать иногда не могъ чего отъ него требуютъ. Онъ разъ зашелъ въ горы, въ ясный, солнечный день, и долго ходилъ съ одною мучительною, но никакъ не воплощавшеюся мыслію. Предъ нимъ было блестящее небо, внизу озеро, кругомъ горизонтъ свѣтлый и безконечный, которому конца края нѣтъ. Онъ долго смотрѣлъ и терзался. Ему вспомнилось теперь, какъ простиралъ онъ руки свои въ эту свѣтлую, безконечную синеву и плакалъ. Мучило его то, что всему этому онъ совсѣмъ чужой. Что же это за пиръ, что жь это за всегдашній великій праздникъ, которому нѣтъ конца и къ которому тянетъ его давно, всегда, съ самаго дѣтства, и къ которому онъ никакъ не можетъ пристать. Каждое утро восходитъ такое же свѣтлое солнце; каждое утро на водопадѣ радуга, каждый вечеръ снѣговая, самая высокая гора, тамъ вдали, на краю неба, горитъ пурпуровымъ пламенемъ; каждая „маленькая мушка, которая жужжитъ около него въ горячемъ солнечномъ лучѣ, во всемъ этомъ хорѣ участница: мѣсто знаетъ свое, любитъ его и счастлива"; каждая-то травка растетъ и счастлива! И у всего свой путь, и все знаетъ свой путь, съ пѣснью отходитъ и съ пѣснью приходитъ; одинъ онъ ничего не знаетъ, ничего не понимаетъ, ни людей, ни звуковъ, всему чужой и выкидышъ. О, онъ конечно не могъ говорить тогда этими словами и высказать свой вопросъ; онъ мучился глухо и нѣмо; но теперь ему казалось, что онъ все это говорилъ и тогда; всѣ эти самыя слова, и что про эту „мушку" Ипполитъ взялъ у него самого, изъ его тогдашнихъ словъ и

слезъ. Онъ былъ въ этомъ увѣренъ, и его сердце билось почему-то отъ этой мысли....

Онъ забылся на скамейкѣ, но тревога его продолжалась и во снѣ. Предъ самымъ сномъ онъ вспомнилъ, что Ипполитъ убьетъ десять человѣкъ, и усмѣхнулся нелѣпости предположенія. Вокругъ него стояла прекрасная, ясная тишина, съ однимъ только шелестомъ листьевъ, отъ котораго, кажется, становится еще тише и уединеннѣе кругомъ. Ему приснилось очень много сновъ и все тревожныхъ, отъ которыхъ онъ поминутно вздрагивалъ. Наконецъ пришла къ нему женщина; онъ зналъ ее, зналъ до страданія; онъ всегда могъ назвать ее и указать, но странно,—у ней было теперь какъ будто совсѣмъ не такое лицо, какое онъ всегда зналъ, и ему мучительно не хотѣлось признать ее за ту женщину. Въ этомъ лицѣ было столько раскаянія и ужасу, что казалось—это была страшная преступница и только что сдѣлала ужасное преступленіе. Слеза дрожала на ея блѣдной щекѣ; она поманила его рукой и приложила палецъ къ губамъ, какъ бы предупреждая его идти за ней тише. Сердце его замерло; онъ ни за что̀, ни за что̀ не хотѣлъ признать ее за преступницу; но онъ чувствовалъ, что тотчасъ же произойдетъ что-то ужасное, на всю его жизнь. Ей, кажется, хотѣлось ему что-то показать, тутъ же недалеко, въ паркѣ. Онъ всталъ, чтобы пойти за нею, и вдругъ раздался подлѣ него чей-то свѣтлый, свѣжій смѣхъ; чья-то рука вдругъ очутилась въ его рукѣ; онъ схватилъ эту руку, крѣпко сжалъ и проснулся. Предъ нимъ стояла и громко смѣялась Аглая.

VIII.

Она смѣялась, но она и негодовала.

— Спитъ! Вы спали! вскричала она съ презрительнымъ удивленіемъ.

— Это вы! пробормоталъ князь, еще не совсѣмъ опомнившись и съ удивленіемъ узнавая ее: — ахъ, да! Это свиданіе.... я здѣсь спалъ.

— Видѣла.

— Меня никто не будилъ кромѣ васъ? Никого здѣсь кромѣ васъ не было? Я думалъ здѣсь была.... другая женщина.

— Здѣсь была другая женщина?!

Наконецъ онъ совсѣмъ очнулся.

— Это былъ только сонъ, задумчиво проговорилъ онъ, — странно, что въ этакую минуту такой сонъ.... Садитесь.

Онъ взялъ ее за руку и посадилъ на скамейку; самъ сѣлъ подлѣ нея и задумался. Аглая не начинала разговора, а только пристально оглядывала своего собесѣдника. Онъ тоже взглядывалъ на нее, но иногда такъ, какъ будто совсѣмъ не видя ея предъ собой. Она начала краснѣть.

— Ахъ да! вздрогнулъ князь: — Ипполитъ застрѣлился!

— Когда? У васъ? спросила она, но безъ большаго удивленія:—вѣдь вчера вечеромъ онъ былъ, кажется, еще живъ? Какъ же вы могли тутъ спать послѣ всего этого? вскричала она, внезапно оживляясь.

— Да вѣдь онъ не умеръ, пистолетъ не выстрѣлилъ.

По настоянію Аглаи, князь долженъ былъ разказать тотчасъ же и даже въ большой подробности всю исторію прошлой ночи. Она торопила его въ разказѣ поминутно, но сама перебивала безпрерывными вопросами и почти все посторонними. Между прочимъ, она съ большимъ любопытствомъ выслушала о томъ что̀ говорилъ Евгеній Павловичъ и нѣсколько разъ даже переспросила.

— Ну, довольно, надо торопиться, заключила она, выслушавъ все, — всего намъ только часъ здѣсь быть, до восьми часовъ, потому что въ восемь часовъ мнѣ надо непремѣнно быть дома, чтобы не узнали, что я здѣсь сидѣла, а я за дѣломъ пришла; мнѣ много нужно вамъ сообщить. Только вы меня совсѣмъ теперь сбили. Объ Ипполитѣ я думаю, что пистолетъ у него такъ и долженъ былъ не выстрѣлить, это къ нему больше идетъ. Но вы увѣрены, что онъ непремѣнно хотѣлъ застрѣлиться, и что тутъ не было обману?

— Никакого обману.

— Это и вѣроятнѣе. Онъ такъ и написалъ, чтобы вы мнѣ принесли его исповѣдь? Зачѣмъ же вы не принесли?

— Да вѣдь онъ не умеръ. Я у него спрошу.

— Непремѣнно принесите и нечего спрашивать. Ему навѣрно это будетъ очень пріятно, потому что онъ, можетъ-быть, съ тою цѣлью и стрѣлялъ въ себя, чтобъ я исповѣдь потомъ прочла. Пожалуста, прошу васъ не смѣяться надъ моими словами, Левъ Николаичъ, потому что это очень можетъ такъ быть.

— Я не смѣюсь, потому что и самъ увѣренъ, что отчасти это очень можетъ такъ быть.

— Увѣрены? Неужели вы тоже такъ думаете? вдругъ ужасно удивилась Аглая.

Она спрашивала быстро, говорила скоро, но какъ будто иногда сбивалась и часто не договаривала; поминутно торопилась о чемъ-то предупреждать; вообще она была въ необыкновенной тревогѣ и хоть смотрѣла очень храбро и съ какимъ-то вызовомъ, но, можетъ-быть, немного и трусила. На ней было самое буднишнее, простое платье, которое очень къ ней шло. Она часто вздрагивала, краснѣла и сидѣла на краю скамейки. Подтвежденіе князя, что Ипполитъ застрѣлился для того, чтобъ она прочла его исповѣдь, очень ее удивило.

— Конечно, объяснялъ князь,—ему хотѣлось, чтобы, кромѣ васъ, и мы всѣ его похвалили....

— Какъ это похвалили?

— То-есть, это.... какъ вамъ сказать? Это очень трудно сказать. Только ему навѣрно хотѣлось, чтобы всѣ его обступили и сказали ему, что его очень любятъ и уважаютъ, и всѣ бы стали его очень упрашивать остаться въ живыхъ. Очень можетъ-быть, что онъ васъ имѣлъ всѣхъ больше въ виду, потому что въ такую минуту о васъ упомянулъ.... хоть, пожалуй, и самъ не зналъ, что имѣетъ васъ въ виду.

— Этого ужь я не понимаю совсѣмъ: имѣлъ въ виду и не зналъ что имѣлъ въ виду. А впрочемъ, я, кажется, понимаю: знаете ли, что я сама разъ тридцать, еще даже когда тринадцатилѣтнею дѣвочкой была, думала отравиться, и все это написать въ письмѣ къ родителямъ, и тоже думала какъ я буду въ гробу лежать, и всѣ будутъ надо мною плакать, а себя обвинять, что были со мной такіе жестокіе.... Чего вы опять улыбаетесь, быстро прибавила она, нахмуривая брови, — вы-то объ чемъ еще думаете про себя, когда одинъ мечтаете? Можетъ фельдмаршаломъ себя воображаете, и что Наполеона разбили.

— Ну, вотъ, честное слово, я объ этомъ думаю, особенно когда засыпаю, засмѣялся князь: — только я не Наполеона, а все Австрійцевъ разбиваю.

— Я вовсе не желаю съ вами шутить, Левъ Николаичъ. Съ Ипполитомъ я увижусь сама; прошу васъ предупредить его. А съ вашей стороны я нахожу, что все это очень дурно, потому что очень грубо такъ смотрѣть и судить душу чело-

вѣка, какъ вы судите Ипполита. У васъ нѣжности нѣтъ: одна правда, стало-быть — несправедливо.

Князь задумался.

— Мнѣ кажется, вы ко мнѣ несправедливы, сказалъ онъ,— вѣдь я ничего не нахожу дурнаго въ томъ, что онъ такъ думалъ, потому что всѣ склонны такъ думать; къ тому же, можетъ-быть, онъ и не думалъ совсѣмъ, а только этого хотѣлъ.... ему хотѣлось въ послѣдній разъ съ людьми встрѣтиться, ихъ уваженіе и любовь заслужить; это вѣдь очень хорошія чувства, только какъ-то все тутъ не такъ вышло; тутъ болѣзнь и еще что-то! Притомъ же у однихъ все всегда хорошо выходитъ, а у другихъ ни на чтò не похоже....

— Это, вѣрно, вы о себѣ прибавили? замѣтила Аглая.

— Да, о себѣ, отвѣтилъ князь, не замѣчая никакого злорадства въ вопросѣ.

— Только все-таки я бы никакъ не заснула на вашемъ мѣстѣ; стало-быть, вы куда ни приткнетесь, такъ тутъ ужь и спите; это очень не хорошо съ вашей стороны.

— Да вѣдь я всю ночь не спалъ, я потомъ ходилъ, ходилъ, былъ на музыкѣ....

— На какой музыкѣ?

— Тамъ, гдѣ играли вчера, а потомъ пришелъ сюда, сѣлъ, думалъ, думалъ и заснулъ.

— А, такъ вотъ какъ? Это измѣняетъ въ вашу пользу.... А зачѣмъ вы на музыку ходили?

— Не знаю, такъ....

— Хорошо, хорошо, потомъ; вы все меня перебиваете, и чтò мнѣ за дѣло, что вы ходили на музыку? О какой это женщинѣ вамъ приснилось?

— Это.... объ.... вы ее видѣли....

— Понимаю, очень понимаю. Вы очень ее.... Какъ она вамъ приснилась, въ какомъ видѣ? А впрочемъ, я и знать ничего не хочу, отрѣзала она вдругъ съ досадой.—Не перебивайте меня....

Она переждала немного, какъ бы собираясь съ духомъ или стараясь разогнать досаду.

— Вотъ въ чемъ все дѣло, для чего я васъ позвала: я хочу сдѣлать вамъ предложеніе быть моимъ другомъ. Чтò вы такъ вдругъ на меня уставились? прибавила она почти съ гнѣвомъ.

Князь дѣйствительно очень вглядывался въ нее въ эту минуту, замѣтивъ, что она опять начала ужасно краснѣть. Въ такихъ случаяхъ, чѣмъ болѣе она краснѣла, тѣмъ болѣе, каза-

лось, и сердилась на себя за это, что видимо выражалось въ ея сверкавшихъ глазахъ; обыкновенно, минуту спустя, она уже переносила свой гнѣвъ на того, съ кѣмъ говорила, былъ или не былъ тотъ виноватъ, и начинала съ нимъ ссориться. Зная и чувствуя свою дикость и стыдливость, она обыкновенно входила въ разговоръ мало и была молчаливѣе другихъ сестеръ, иногда даже ужь слишкомъ молчалива. Когда же, особенно въ такихъ щекотливыхъ случаяхъ, непремѣнно надо было заговорить, то начинала разговоръ съ необыкновеннымъ высокомѣріемъ и какъ-будто съ какимъ-то вызовомъ. Она всегда предчувствовала напередъ, когда начинала или хотѣла начать краснѣть.

— Вы, можетъ-быть, не хотите принять предложеніе, высокомѣрно поглядѣла она на князя.

— О, нѣтъ, хочу, только это совсѣмъ не нужно.... то-есть, я никакъ не думалъ, что надо дѣлать такое предложеніе, сконфузился князь.

— А что же вы думали? Для чего же бы я сюда васъ позвала? Что у васъ на умѣ? Впрочемъ, вы, можетъ, считаете меня маленькою дурой, какъ всѣ меня дома считаютъ?

— Я не зналъ, что васъ считаютъ дурой, я.... я не считаю.

— Не считаете? Очень умно съ вашей стороны. Особенно умно высказано.

— По-моему, вы даже, можетъ-быть, и очень умны иногда, продолжалъ князь, — вы давеча вдругъ сказали одно слово очень умное. Вы сказали про мое сомнѣніе объ Ипполитѣ: „тутъ одна только правда, а стало-быть и несправедливо". Это я запомню и обдумаю.

Аглая вдругъ вспыхнула отъ удовольствія. Всѣ эти перемѣны происходили въ ней чрезвычайно откровенно и съ необыкновенною быстротой. Князь тоже обрадовался и даже разсмѣялся отъ радости, смотря на нее.

— Слушайте же, начала она опять, — я долго ждала васъ, чтобы вамъ все это разказать, съ тѣхъ самыхъ поръ ждала, какъ вы мнѣ то письмо оттуда написали и даже раньше.... Половину вы вчера отъ меня уже услышали: я васъ считаю за самаго честнаго и за самаго правдиваго человѣка, всѣхъ честнѣе и правдивѣе, и если говорятъ про васъ, что у васъ умъ..., то-есть, что вы больны иногда умомъ, то это несправедливо; я такъ рѣшила и спорила, потому что хоть вы и въ самомъ дѣлѣ больны умомъ (вы, конечно, на это не разсер-

дитесь, я съ высшей точки говорю), то за то главный умъ у васъ лучше чѣмъ у нихъ у всѣхъ, такой даже, какой имъ и не снился, потому что есть два ума: главный и не главный. Такъ? Вѣдь такъ?

— Можетъ-быть, и такъ, едва проговорилъ князь; у него ужасно дрожало и стукало сердце.

— Я такъ и знала, что вы поймете, съ важностью продолжала она.—Князь Щ. и Евгеній Павлычъ ничего въ этихъ двухъ умахъ не понимаютъ, Александра тоже, а представьте себѣ: maman поняла.

— Вы очень похожи на Лизавету Прокофьевну.

— Какъ это? Неужели? удивилась Аглая.

— Ей-Богу такъ.

— Я благодарю васъ, сказала она, подумавъ:—я очень рада, что похожа на maman. Вы, стало-быть, очень ее уважаете? прибавила она, совсѣмъ не замѣчая наивности вопроса.

— Очень, очень, и я радъ, что вы это такъ прямо поняли.

— И я рада, потому что я замѣтила какъ надъ ней иногда.... смѣются. Но слушайте главное: я долго думала и наконецъ васъ выбрала. Я не хочу, чтобы надо мной дома смѣялись, я не хочу, чтобы меня считали за маленькую дуру; я не хочу, чтобы меня дразнили.... Я все это сразу поняла и наотрѣзъ отказала Евгенію Павлычу, потому что я не хочу, чтобы меня безпрерывно выдавали замужъ! Я хочу.... я хочу.... ну, я хочу бѣжать изъ дому, а васъ выбрала, чтобы вы мнѣ способствовали.

— Бѣжать изъ дому! вскричалъ князь.

— Да, да, да, бѣжать изъ дому! вскричала она вдругъ, воспламеняясь необыкновеннымъ гнѣвомъ: — я не хочу, не хочу, чтобы тамъ вѣчно заставляли меня краснѣть. Я не хочу краснѣть ни предъ ними, ни предъ княземъ Щ., ни предъ Евгеніемъ Павлычемъ, ни передъ кѣмъ, а потому и выбрала васъ. Съ вами я хочу все, все говорить, даже про самое главное, когда захочу; съ своей стороны, и вы не должны ничего скрывать отъ меня. Я хочу хоть съ однимъ человѣкомъ обо всемъ говорить какъ съ собой. Они вдругъ стали говорить, что я васъ жду и что я васъ люблю. Это еще до вашего пріѣзда было, а я имъ письма не показывала; а теперь ужь всѣ говорятъ. Я хочу быть смѣлою и ничего не бояться. Я не хочу по ихъ баламъ ѣздить, я хочу пользу приносить. Я ужь давно хотѣла уйти. Я двадцать лѣтъ какъ

у нихъ закупорена, и все меня замужъ выдаютъ. Я еще четырнадцати лѣтъ думала бѣжать, хоть и дура была. Теперь я уже все разчитала и васъ ждала, чтобы все разспросить объ заграницѣ. Я ни одного собора готическаго не видала, я хочу въ Римѣ быть, я хочу всѣ кабинеты ученые осмотрѣть, я хочу въ Парижѣ учиться; я весь послѣдній годъ готовилась и училась, и очень много книгъ прочла; я всѣ запрещенныя книги прочла. Александра и Аделаида всѣ книги читаютъ, имъ можно, а мнѣ не всѣ даютъ, за мной надзоръ. Я съ сестрами не хочу ссориться, но матери и отцу я давно уже объявила, что хочу совершенно измѣнить мое соціальное положеніе. Я положила заняться воспитаніемъ, и я на васъ разчитывала, потому что вы говорили что любите дѣтей. Можемъ мы вмѣстѣ заняться воспитаніемъ, хоть не сейчасъ, такъ въ будущемъ? Мы вмѣстѣ будемъ пользу приносить; я не хочу быть генеральскою дочкой.... Скажите, вы очень ученый человѣкъ?

— О, совсѣмъ нѣтъ.

— Это жаль, а я думала... какъ же я это думала? Вы все-таки меня будете руководить, потому что я васъ выбрала.

— Это нелѣпо, Аглая Ивановна.

— Я хочу, я хочу бѣжать изъ дому! вскричала она, и опять глаза ея засверкали:—если вы не согласитесь, такъ я выйду замужъ за Гаврилу Ардаліоновича. Я не хочу, чтобы меня дома мерзкою женщиной почитали и обвиняли Богъ знаетъ въ чемъ.

— Въ умѣ-ли вы? чуть не вскочилъ князь съ мѣста:— въ чемъ васъ обвиняютъ, кто обвиняетъ?

— Дома, всѣ, мать, сестры, отецъ, князь Щ., даже мерзкій вашъ Коля! Если прямо не говорятъ, то такъ думаютъ. Я имъ всѣмъ въ глаза это высказала, и матери, и отцу. Maman была больна цѣлый день; а на другой день Александра и папаша сказали мнѣ, что я сама не понимаю что̀ вру и какія слова говорю. А я имъ тутъ прямо отрѣзала, что я уже все понимаю, всѣ слова, что я уже не маленькая, что я еще два года назадъ нарочно два романа Поль-де-Кока прочла, чтобы про все узнать. Maman какъ услышала, чуть въ обморокъ не упала.

У князя мелькнула вдругъ странная мысль. Онъ посмотрѣлъ пристально на Аглаю и улыбнулся.

Ему даже не вѣрилось, что предъ нимъ сидитъ та самая

высокомѣрная дѣвушка, которая такъ гордо и заносчиво прочитала ему когда-то письмо Гаврилы Ардаліоновича. Онъ понять не могъ, какъ въ такой заносчивой, суровой красавицѣ могъ оказаться такой ребенокъ, можетъ-быть дѣйствительно даже не понимающій *всѣхъ словъ* ребенокъ.

— Вы все дома жили, Аглая Ивановна? спросилъ онъ: — я хочу сказать, вы никуда не ходили въ школу какую-нибудь, не учились въ институтѣ?

— Никогда и никуда не ходила; все дома сидѣла, закупоренная какъ въ бутылкѣ, и изъ бутылки прямо и замужъ пойду; что вы опять усмѣхаетесь? Я замѣчаю, что вы тоже, кажется, надо мной смѣетесь и ихъ сторону держите, прибавила она, грозно нахмурившись; — не сердите меня, я и безъ того не знаю чтò со мной дѣлается.... я убѣждена, что вы пришли сюда въ полной увѣренности, что я въ васъ влюблена и позвала васъ на свиданіе, отрѣзала она раздражительно.

— Я дѣйствительно вчера боялся этого, простодушно проболтался князь (онъ былъ очень смущенъ);—но сегодня я убѣжденъ, что вы....

— Какъ! вскричала Аглая, и нижняя губка ея вдругъ задрожала: — вы боялись, что я.... вы смѣли думать, что я.... Господи! Вы подозрѣвали, пожалуй, что я позвала васъ сюда съ тѣмъ, чтобы васъ въ сѣти завлечь, и потомъ чтобы насъ тутъ застали и принудили васъ на мнѣ жениться....

— Аглая Ивановна! Какъ вамъ не совѣстно? Какъ могла такая грязная мысль зародиться въ вашемъ чистомъ, невинномъ сердцѣ? Бьюсь объ закладъ, что вы сами ни одному вашему слову не вѣрите и.... сами не знаете чтò говорите!

Аглая сидѣла упорно потупившись, точно сама испугавшись того чтó сказала.

— Совсѣмъ мнѣ не стыдно, пробормотала она,—почему вы знаете, что у меня сердце невинное? Какъ смѣли вы тогда мнѣ любовное письмо прислать?

— Любовное письмо? Мое письмо—любовное! Это письмо самое почтительное, это письмо изъ сердца моего вылилось въ самую тяжелую минуту моей жизни! Я вспомнилъ тогда о васъ, какъ о какомъ-то свѣтѣ.... я....

— Ну, хорошо, хорошо, перебила вдругъ она, но совершенно не тѣмъ уже тономъ, а въ совершенномъ раскаяніи и чуть-ли не въ испугѣ, даже наклонилась къ нему, стараясь

все еще не глядѣть на него прямо, и хотѣла было тронуть его за плечо, чтобъ еще убѣдительнѣе попросить не сердиться; — хорошо, прибавила она ужасно застыдившись; — я чувствую, что я очень глупое выраженіе употребила. Это я такъ.... чтобы васъ испытать. Примите, какъ будто и не было говорено. Если же я васъ обидѣла, то простите. Не смотрите на меня, пожалуста, прямо, отвернитесь. Вы сказали, что это очень грязная мысль: я нарочно сказала, чтобы васъ уколоть. Иногда я сама боюсь того чтò мнѣ хочется сказать, да вдругъ и скажу. Вы сказали сейчасъ, что написали это письмо въ самую тяжелую минуту вашей жизни.... Я знаю въ какую это минуту, тихо проговорила она, опять смотря въ землю.

— О, еслибы вы могли все знать!

— Я все знаю! вскричала она съ новымъ волненіемъ:—вы жили тогда въ однѣхъ комнатахъ, цѣлый мѣсяцъ, съ этою мерзкою женщиной, съ которою вы убѣжали....

Она уже не покраснѣла, а поблѣднѣла, выговаривая это, и вдругъ встала съ мѣста, точно забывшись, но тотчасъ же, опомнившись, сѣла; губка ея долго еще продолжала вздрагивать. Молчаніе продолжалось съ минуту. Князь былъ ужасно пораженъ внезапностью выходки и не зналъ чему приписать ее.

— Я васъ совсѣмъ не люблю, вдругъ сказала она, точно отрѣзала.

Князь не отвѣтилъ; опять помолчали съ минуту.

— Я люблю Гаврилу Ардаліоновича.... проговорила она скороговоркой, но чуть слышно и еще больше наклонивъ голову.

— Это неправда, проговорилъ князь тоже почти шепотомъ.

— Стало-быть, я лгу? Это правда; я дала ему слово, третьяго дня, на этой самой скамейкѣ.

Князь испугался и на мгновеніе задумался.

— Это неправда, повторилъ онъ рѣшительно,—вы все это выдумали.

— Удивительно вѣжливо. Знайте, что онъ исправился; онъ любитъ меня болѣе своей жизни. Онъ предо мной сжегъ свою руку, чтобы только доказать, что любитъ меня болѣе своей жизни.

— Сжегъ свою руку?

— Да, свою руку. Вѣрьте, не вѣрьте—мнѣ все равно.

Князь опять замолчалъ. Въ словахъ Аглаи не было шутки; она сердилась.

— Чтожъ, онъ приносилъ сюда съ собой свѣчку, если это здѣсь происходило? Иначе я не придумаю...

— Да.... свѣчку. Чтò же тутъ невѣроятнаго?

— Цѣлую или въ подсвѣчникѣ?

— Ну да.... нѣтъ.... половину свѣчки.... огарокъ.... цѣлую свѣчку,—все равно, отстаньте!... И спички, если хотите, принесъ. Зажегъ свѣчку и цѣлые полчаса держалъ палецъ на свѣчкѣ; развѣ это не можетъ быть?

— Я видѣлъ его вчера; у него здоровые пальцы.

Аглая вдругъ прыснула со смѣху, совсѣмъ какъ ребенокъ.

— Знаете для чего я сейчасъ солгала? вдругъ обернулась она къ князю съ самою дѣтскою довѣрчивостью и еще со смѣхомъ, дрожавшимъ на ея губахъ: — потому что когда лжешь, то если ловко вставить что-нибудь не совсѣмъ обыкновенное, что-нибудь эксцентрическое, ну, знаете, что-нибудь, чтò ужъ слишкомъ рѣзко, или даже совсѣмъ не бываетъ, то ложь становится гораздо вѣроятнѣе. Это я замѣтила. У меня только дурно вышло, потому что я не сумѣла....

Вдругъ она опять нахмурилась, какъ бы опомнившись.

— Если я тогда, обратилась она къ князю, серіозно и даже грустно смотря на него, — если я тогда и прочла вамъ про „бѣднаго рыцаря“, то этимъ хоть и хотѣла.... похвалить васъ за одно, но тутъ же хотѣла и заклеймить васъ за поведеніе ваше и показать вамъ, что я все знаю....

— Вы очень несправедливы ко мнѣ.... къ той несчастной, о которой вы сейчасъ такъ ужасно выразились, Аглая.

— Потому что я все знаю, все, потому такъ и выразилась! Я знаю какъ вы, полгода назадъ, при всѣхъ предложили ей вашу руку. Не перебивайте, вы видите, я говорю безъ комментаріевъ. Послѣ этого она бѣжала съ Рогожинымъ; потомъ вы жили съ ней въ деревнѣ какой-то, или въ городѣ, и она отъ васъ ушла къ кому-то. (Аглая ужасно покраснѣла.) Потомъ она опять воротилась къ Рогожину, который любитъ ее какъ.... какъ сумашедшій. Потомъ вы, тоже очень умный человѣкъ, прискакали теперь за ней сюда, тотчасъ же какъ узнали, что она въ Петербургъ воротилась. Вчера вечеромъ вы бросились ее защищать, а сейчасъ во снѣ ее видѣли.... Видите, что я все знаю; вѣдь вы для нея, для нея сюда пріѣхали?

— Да, для нея, тихо отвѣтилъ князь, грустно и задумчиво склонивъ голову и не подозрѣвая, какимъ сверкающимъ

взглядомъ глянула на него Аглая,—для нея, чтобы только узнать.... Я не вѣрю въ ея счастье съ Рогожинымъ, хотя... однимъ словомъ, я не знаю, что бы я могъ тутъ для нея сдѣлать и чѣмъ помочь, но я пріѣхалъ.

Онъ вздрогнулъ и поглядѣлъ на Аглаю; та съ ненавистью слушала его.

— Если пріѣхали не зная зачѣмъ, стало-быть, ужь очень любите, проговорила она наконецъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ князь,—нѣтъ, не люблю. О, еслибы вы знали, съ какимъ ужасомъ вспоминаю я то время, которое провелъ съ нею!

Даже содроганіе прошло по его тѣлу при этихъ словахъ.

— Говорите все, сказала Аглая.

— Тутъ ничего нѣтъ такого, чего бы вы не могли выслушать. Почему именно вамъ хотѣлъ я все это разказать, и вамъ одной,—не знаю; можетъ-быть, потому что васъ въ самомъ дѣлѣ очень любилъ. Эта несчастная женщина глубоко убѣждена, что она самое павшее, самое порочное существо изъ всѣхъ на свѣтѣ. О, не позорьте ея, не бросайте камня. Она слишкомъ замучила себя самое сознаніемъ своего незаслуженнаго позора! И чѣмъ она виновата, о Боже мой! О, она поминутно въ изступленіи кричитъ, что не признаетъ за собой вины, что она жертва людей, жертва развратника и злодѣя; но что бы она вамъ ни говорила, знайте, что она сама, первая, не вѣритъ себѣ, и что она всею совѣстью своею вѣритъ, напротивъ, что она.... сама виновна. Когда я пробовалъ разогнать этотъ мракъ, то она доходила до такихъ страданій, что мое сердце никогда не заживетъ, пока я буду помнить объ этомъ ужасномъ времени. У меня точно сердце прокололи разъ навсегда. Она бѣжала отъ меня, знаете для чего? Именно чтобы доказать только мнѣ, что она—низкая. Но всего тутъ ужаснѣе то, что она и сама, можетъ-быть, не знала того, что только мнѣ хочетъ доказать это, а бѣжала потому, что ей непремѣнно, внутренно хотѣлось сдѣлать позорное дѣло, чтобы самой себѣ сказать тутъ же: „вотъ ты сдѣлала новый позоръ, стало-быть, ты низкая тварь!“ О, можетъ-быть, вы этого не поймете, Аглая! Знаете-ли, что въ этомъ безпрерывномъ сознаніи позора для нея, можетъ-быть, заключается какое-то ужасное, неестественное наслажденіе, точно отмщеніе кому-то. Иногда я доводилъ ее до того, что она какъ бы опять видѣла кругомъ себя свѣтъ; но тотчасъ же опять возмущалась и до того доходила, что меня

же съ горечью обвиняла за то, что я высоко себя надъ нею ставлю (когда у меня и въ мысляхъ этого не было), и прямо объявила мнѣ, наконецъ, на предложеніе брака, что она ни отъ кого не требуетъ ни высокомѣрнаго состраданія, ни помощи, ни „возвеличенія до себя". Вы видѣли ее вчера; неужто вы думаете, что она счастлива съ этою компаніей, что это ея общество? Вы не знаете какъ она развита и что она можетъ понять! Она даже удивляла меня иногда!

— Вы и тамъ читали ей такія же.... проповѣди?

— О нѣтъ, задумчиво продолжалъ князь, не замѣчая тона вопроса,—я почти все молчалъ. Я часто хотѣлъ говорить, но я, право, не зналъ иногда что сказать. Знаете, въ иныхъ случаяхъ лучше совсѣмъ не говорить. О, я любилъ ее; о, очень любилъ.... но потомъ.... потомъ.... потомъ она все угадала.

— Что угадала?

— Что мнѣ только жаль ея, а что я.... уже не люблю ея.

— Почему вы знаете, можетъ, она въ самомъ дѣлѣ влюбилась въ того.... помѣщика, съ которымъ ушла?

— Нѣтъ, я все знаю; она лишь насмѣялась надъ нимъ.

— А надъ вами никогда не смѣялась?

— Н-нѣтъ. Она смѣялась со злобы; о, тогда она меня ужасно укоряла, въ гнѣвѣ,—и сама страдала! Но.... потомъ.... о, не напоминайте, не напоминайте, мнѣ этого!

Онъ закрылъ себѣ лицо руками.

— А знаете ли вы, что она почти каждый день пишетъ ко мнѣ письма?

— Стало-быть, это правда! вскричалъ князь въ тревогѣ:—я слышалъ, но все еще не хотѣлъ вѣрить.

— Отъ кого слышали? пугливо встрепенулась Аглая.

— Рогожинъ сказалъ мнѣ вчера, только не совсѣмъ ясно.

— Вчера? Утромъ вчера? Когда вчера? Предъ музыкой или послѣ?

— Послѣ; вечеромъ, въ двѣнадцатомъ часу.

— А-а, ну, коли Рогожинъ.... А знаете о чемъ она пишетъ мнѣ въ этихъ письмахъ?

— Я ничему не удивляюсь; она безумная.

— Вотъ эти письма (Аглая вынула изъ кармана три письма въ трехъ конвертахъ и бросила ихъ предъ княземъ). Вотъ уже цѣлую недѣлю она умоляетъ, склоняетъ, обольщаетъ меня, чтобъ я за васъ вышла замужъ. Она.... ну да, она

умна, хоть и безумная, и вы правду говорите, что она гораздо умнѣе меня.... она пишетъ мнѣ, что въ меня влюблена, что каждый день ищетъ случая видѣть меня хоть издали. Она пишетъ, что вы любите меня, что она это знаетъ, давно замѣтила, и что вы съ ней обо мнѣ тамъ говорили. Она хочетъ видѣть васъ счастливымъ; она увѣрена, что только я составлю ваше счастіе.... Она такъ дико пишетъ.... странно... Я никому не показала писемъ, я васъ ждала; вы знаете чтò это значитъ? Ничего не угадываете?

— Это сумашествіе; доказательство ея безумія, проговорилъ князь, и губы его задрожали.

— Вы ужь не плачете ли?

— Нѣтъ, Аглая, нѣтъ, я не плачу, посмотрѣлъ на нее князь.

— Чтò же мнѣ тутъ дѣлать? Чтò вы мнѣ посовѣтуете? Не могу же я получать эти письма!

— О, оставьте ее, умоляю васъ! вскричалъ князь:—чтò вамъ дѣлать въ этомъ мракѣ; я употреблю всѣ усилія, чтобъ она вамъ не писала больше.

— Если такъ, то вы человѣкъ безъ сердца! вскричала Аглая:—неужели вы не видите, что не въ меня она влюблена, а васъ, васъ одного она любитъ! Неужели вы все въ ней успѣли замѣтить, а этого не замѣтили? Знаете чтò это такое, чтò означаютъ эти письма? Это ревность; это больше чѣмъ ревность! Она.... вы думаете она въ самомъ дѣлѣ замужъ за Рогожина выйдетъ, какъ она пишетъ здѣсь въ письмахъ? Она убьетъ себя на другой день, только что мы обвѣнчаемся!

Князь вздрогнулъ; сердце его замерло. Но онъ въ удивленіи смотрѣлъ на Аглаю: странно ему было признать, что этотъ ребенокъ давно уже женщина.

— Богъ видитъ, Аглая, чтобы возвратить ей спокойствіе и сдѣлать ее счастливою, я отдалъ бы жизнь мою, но.... я уже не могу любить ее, и она это знаетъ!

— Такъ пожертвуйте собой, это же такъ къ вамъ идетъ! Вы вѣдь такой великій благотворитель. И не говорите мнѣ „Аглая“.... Вы и давеча сказали мнѣ просто: „Аглая“.... Вы должны, вы обязаны воскресить ее, вы должны уѣхать съ ней опять, чтобъ умирять и успокоивать ея сердце. Да вѣдь вы же ее и любите!

— Я не могу такъ пожертвовать собой, хоть я и хотѣлъ одинъ разъ и.... можетъ-быть, и теперь хочу. Но я знаю *навѣрно*, что она со мной погибнетъ, и потому оставляю ее. Я

долженъ былъ ее видѣть сегодня въ семь часовъ; я, можетъ-быть, не пойду теперь. Въ своей гордости она никогда не проститъ мнѣ любви моей,—и мы оба погибнемъ! Это неестественно, но тутъ все неестественно. Вы говорите, она любитъ меня, но развѣ это любовь? Неужели можетъ быть такая любовь, послѣ того что̀ я уже вытерпѣлъ! Нѣтъ, тутъ другое, а не любовь!

— Какъ вы поблѣднѣли! испугалась вдругъ Аглая,

— Ничего; я мало спалъ; ослабъ, я.... мы дѣйствительно про васъ говорили тогда, Аглая....

— Такъ это правда? Вы дѣйствительно *могли съ нею обо мнѣ* говорить и.... и какъ могли вы меня полюбить, когда всего одинъ разъ меня видѣли?

— Я не знаю какъ. Въ моемъ тогдашнемъ мракѣ мнѣ мечталась.... мерещилась, можетъ-быть, новая заря. Я не знаю какъ подумалъ о васъ объ первой. Я правду вамъ тогда написалъ, что не знаю. Все это была только мечта, отъ тогдашняго ужаса.... Я потомъ сталъ заниматься; я три года бы сюда не пріѣхалъ....

— Стало-быть, пріѣхали для нея?

И что-то̀ задрожало въ голосѣ Аглаи.

— Да, для нея.

Прошло минуты двѣ мрачнаго молчанія съ обѣихъ сторонъ. Аглая поднялась съ мѣста.

— Если вы говорите, начала она нетвердымъ голосомъ,— если вы сами вѣрите, что эта.... ваша женщина.... безумная, то мнѣ вѣдь дѣла нѣтъ до ея безумныхъ фантазій.... Прошу васъ, Левъ Николаичъ, взять эти три письма и бросить ей отъ меня! И если она, вскричала вдругъ Аглая,—если она осмѣлится еще разъ мнѣ прислать одну строчку, то скажите ей, что я пожалуюсь отцу, что ее сведутъ въ смирительный домъ....

Князь вскочилъ и въ испугѣ смотрѣлъ на внезапную ярость Аглаи; и вдругъ какъ бы туманъ упалъ предъ нимъ....

— Вы не можете такъ чувствовать.... это неправда! бормоталъ онъ.

— Это правда! правда! вскрикивала Аглая, почти не помня себя.

— Что̀ такое правда? Какая правда? раздался подлѣ нихъ испуганный голосъ.

Предъ ними стояла Лизавета Прокофьевна.

— То правда, что я за Гаврилу Ардаліоновича замужъ иду! Что̀ я Гаврилу Ардаліоновича люблю и бѣгу съ нимъ завтра же изъ дому! набросилась на нее Аглая.—Слышали вы? Удовлетворено ваше любопытство? Довольны вы этимъ?

И она побѣжала домой.

— Нѣтъ, ужь вы, батюшка, теперь не уходите, остановила князя Лизавета Прокофьевна, — сдѣлайте одолженіе, пожалуйте ко мнѣ объясниться.... Что̀ же это за мука такая, я и такъ всю ночь не спала....

Князь пошелъ за нею.

IX.

Войдя въ свой домъ, Лизавета Прокофьевна остановилась въ первой же комнатѣ; дальше она идти не могла и опустилась на кушетку, совсѣмъ обезсиленная, позабывъ даже пригласить князя садиться. Это была довольно большая зала, съ круглымъ столомъ посрединѣ, съ каминомъ, со множествомъ цвѣтовъ на этажеркахъ у оконъ, и съ другою стеклянною дверью въ садъ, въ задней стѣнѣ. Тотчасъ же вошли Аделаида и Александра, вопросительно и съ недоумѣніемъ смотря на князя и на мать.

Дѣвицы обыкновенно вставали на дачѣ около девяти часовъ; одна Аглая, въ послѣдніе два-три дня, повадилась вставать нѣсколько раньше и выходила гулять въ садъ, но все-таки не въ семь часовъ, а въ восемь или даже попозже. Лизавета Прокофьевна, дѣйствительно не спавшая ночь отъ разныхъ своихъ тревогъ, поднялась около восьми часовъ, нарочно съ тѣмъ чтобы встрѣтить въ саду Аглаю, предполагая, что та уже встала; но ни въ саду, ни въ спальнѣ ея не нашла. Тутъ она встревожилась окончательно и разбудила дочерей. Отъ служанки узнали, что Аглая Ивановна еще въ седьмомъ часу вышла въ паркъ. Дѣвицы усмѣхнулись новой фантазіи ихъ фантастической сестрицы и замѣтили мамашѣ, что Аглая, пожалуй, еще разсердится, если та пойдетъ въ паркъ ее отыскивать, и что, навѣрно, она сидитъ теперь съ книгой на зеленой скамейкѣ, о которой она еще три дня назадъ говорила, и за которую чуть не поссорилась съ княземъ Щ., потому что тотъ не нашелъ въ мѣстоположеніи этой скамейки ничего особеннаго. Заставъ свиданіе и слыша странныя слова дочери, Лизавета

Прокофьевна была ужасно испугана, по многимъ причинамъ; но приведя теперь съ собой князя, струсила, что начала дѣло: „почему жь Аглая не могла бы встрѣтиться и разговориться съ княземъ въ паркѣ, даже, наконецъ, еслибъ это было и напередъ условленное у нихъ свиданіе?“

— Не подумайте, батюшка князь, скрѣпилась она, наконецъ,—что я васъ допрашивать сюда притащила.... Я, голубчикъ, послѣ вчерашняго вечера, можетъ, и встрѣчаться-то съ тобой долго не пожелала бы....

Она было немного осѣклась.

— Но все-таки вамъ бы очень хотѣлось узнать, какъ мы встрѣтились сегодня съ Аглаей Ивановной? весьма спокойно докончилъ князь.

— Ну, чтò жь, и хотѣлось! вспыхнула тотчасъ же Лизавета Прокофьевна. — Не струшу и прямыхъ словъ. Потому что никого не обижаю и никого не желала обидѣть....

— Помилуйте, и безъ обиды натурально хочется узнать; вы мать. Мы сошлись сегодня съ Аглаей Ивановной у зеленой скамейки ровно въ семь часовъ утра, вслѣдствіе ея вчерашняго приглашенія. Она дала мнѣ знать вчера вечеромъ запиской, что ей надо видѣть меня и говорить со мной о важномъ дѣлѣ. Мы свидѣлись и проговорили цѣлый часъ о дѣлахъ, собственно одной Аглаи Ивановны касающихся; вотъ и все.

— Конечно, все, батюшка, и безъ всякаго сомнѣнія все, съ достоинствомъ произнесла Лизавета Прокофьевна.

— Прекрасно, князь! сказала Аглая, вдругъ входя въ комнату: — благодарю васъ отъ всего сердца, что сочли и меня неспособною унизиться здѣсь до лжи. Довольно съ васъ, maman, или еще намѣрены допрашивать?

— Ты знаешь, что мнѣ предъ тобой краснѣть еще ни въ чемъ до сихъ поръ не приходилось.... хотя ты, можетъ, и рада бы была тому, назидательно отвѣтила Лизавета Прокофьевна.—Прощайте, князь, простите и меня, что обезпокоила. И надѣюсь, вы останетесь увѣрены въ неизмѣнномъ моемъ къ вамъ уваженіи.

Князь тотчасъ же откланялся на обѣ стороны и молча вышелъ. Александра и Аделаида усмѣхнулись и пошептались о чемъ-то промежь собой. Лизавета Прокофьевна строго на нихъ поглядѣла.

— Мы только тому, maman, засмѣялась Аделаида, — что

князь такъ чудесно раскланялся; иной разъ совсѣмъ мѣшокъ, а тутъ вдругъ какъ.... какъ Евгеній Павлычъ.

— Деликатности и достоинству само сердце учитъ, а не танцмейстеръ, сентенціозно заключила Лизавета Прокофьевна и прошла къ себѣ на верхъ, даже и не поглядѣвъ на Аглаю.

Когда князь воротился къ себѣ, уже около девяти часовъ, то засталъ на террасѣ Вѣру Лукьяновну и служанку. Онѣ вмѣстѣ прибирали и подметали послѣ вчерашняго безпорядка.

— Слава Богу, успѣли покончить до приходу! радостно сказала Вѣра.

— Здравствуйте; у меня немного голова кружится; я плохо спалъ; я бы заснулъ.

— Здѣсь на террасѣ, какъ вчера? Хорошо. Я скажу всѣмъ, чтобы васъ не будили. Папаша ушелъ куда-то.

Служанка вышла; Вѣра отправилась было за ней, но воротилась и озабоченно подошла къ князю.

— Князь, пожалѣйте этого.... несчастнаго; не прогоняйте его сегодня.

— Ни за что не прогоню; какъ онъ самъ хочетъ.

— Онъ ничего теперь не сдѣлаетъ и.... не будьте съ нимъ строги.

— О, нѣтъ, зачѣмъ же?

— И.... не смѣйтесь надъ нимъ; вотъ это самое главное.

— О, отнюдь нѣтъ!

— Глупа я, что такому человѣку, какъ вы, говорю объ этомъ, закраснѣлась Вѣра.—А хоть вы и устали, засмѣялась она, полуобернувшись, чтобъ уйти, — а у васъ такіе славные глаза въ эту минуту.... счастливые.

— Неужто счастливые? съ живостью спросилъ князь, и радостно разсмѣялся.

Но Вѣра, простодушная и нецеремонная, какъ мальчикъ, вдругъ что-то сконфузилась, покраснѣла еще больше, и продолжая смѣяться, торопливо вышла изъ комнаты.

„Какая.... славная....“ подумалъ князь, и тотчасъ забылъ о ней. Онъ зашелъ въ уголъ террасы, гдѣ была кушетка и предъ нею столикъ, сѣлъ, закрылъ руками лицо и просидѣлъ минутъ десять; вдругъ торопливо и тревожно опустилъ въ боковой карманъ руку и вынулъ три письма.

Но опять отворилась дверь, и вошелъ Коля. Князь точно

обрадовался, что пришлось положить назадъ въ карманъ письма и удалить минуту.

— Ну, происшествіе! сказалъ Коля, усаживаясь на кушеткѣ и прямо подходя къ предмету, какъ и всѣ ему подобные. — Какъ вы теперь смотрите на Ипполита? Безъ уваженія?

— Почему же.... но, Коля, я усталъ.... Притомъ же объ этомъ слишкомъ грустно опять начинать.... Что онъ, однако?

— Спитъ и еще два часа проспитъ. Понимаю; вы дома не спали, ходили въ паркѣ.... конечно, волненіе.... еще бы!

— Почему вы знаете, что я ходилъ въ паркѣ и дома не спалъ?

— Вѣра сейчасъ говорила. Уговаривала не входить; я не утерпѣлъ, на минутку. Я эти два часа продежурилъ у постели; теперь Костю Лебедева посадилъ на очередь. Бурдовскій отправился. Такъ ложитесь же, князь; спокойной.... ну, спокойнаго дня! Только, знаете, я пораженъ!

— Конечно.... все это....

— Нѣтъ, князь, нѣтъ; я пораженъ „Исповѣдью". Главное, тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ говоритъ о Провидѣніи и о будущей жизни. Тамъ есть одна ги-гант-ская мысль!

Князь ласково смотрѣлъ на Колю, который, конечно, затѣмъ и зашелъ, чтобы поскорѣй поговорить про гигантскую мысль.

— Но главное, главное не въ одной мысли, а во всей обстановкѣ! Напиши это Вольтеръ, Руссо, Прудонъ, я прочту, замѣчу, но не поражусь до такой степени. Но человѣкъ, который знаетъ навѣрно, что ему остается десять минутъ, и говоритъ такъ,—вѣдь это гордо! Вѣдь это высшая независимость собственнаго достоинства, вѣдь это значитъ бравировать прямо.... Нѣтъ, это гигантская сила духа! И послѣ этого утверждать, что онъ нарочно не положилъ капсюля,—это низко и неестественно! А знаете, вѣдь онъ обманулъ вчера, схитрилъ: я вовсе никогда съ нимъ сакъ не укладывалъ и никакого пистолета не видалъ; онъ самъ все укладывалъ, такъ что онъ меня вдругъ съ толку сбилъ. Вѣра говоритъ, что вы оставляете его здѣсь; клянусь, что не будетъ опасности, тѣмъ болѣе, что мы всѣ при немъ безотлучно.

— А кто изъ васъ тамъ былъ ночью?

— Я, Костя Лебедевъ, Бурдовскій; Келлеръ побылъ немного, а потомъ перешелъ спать къ Лебедеву, потому что у

насъ не на чемъ было лечь. Фердыщенко тоже спалъ у Лебедева, въ семь часовъ ушелъ. Генералъ всегда у Лебедева, теперь тоже ушелъ.... Лебедевъ, можетъ-быть, къ вамъ придетъ сейчасъ; онъ не знаю зачѣмъ, васъ искалъ, два раза спрашивалъ. Пускать его или не пускать, коли вы спать ляжете? Я тоже спать иду. Ахъ, да, сказалъ бы я вамъ одну вещь; удивилъ меня давеча генералъ: Бурдовскій разбудилъ меня въ седьмомъ часу на дежурство, почти даже въ шесть; я на минутку вышелъ, встрѣчаю вдругъ генерала и до того еще хмѣльнаго, что меня не узналъ; стоитъ предо мной какъ столбъ; такъ и накинулся на меня, какъ очнулся: „что дескать больной? Я шелъ узнавать про больнаго....“ Я отрапортовалъ, ну—то, се. „Это все хорошо, говоритъ, но я главное шелъ, затѣмъ и всталъ, чтобы тебя предупредить; я имѣю основаніе предполагать, что при господинѣ Фердыщенкѣ нельзя всего говорить и.... надо удерживаться.“ Понимаете, князь?

— Неужто? Впрочемъ.... для насъ все равно.

— Да, безъ сомнѣнія, все равно, мы не масоны! Такъ что я даже подивился, что генералъ нарочно шелъ меня изъ-за этого ночью будить.

— Фердыщенко ушелъ, вы говорите?

— Въ семь часовъ; зашелъ ко мнѣ мимоходомъ: я дежурю. Сказалъ, что идетъ доночевывать къ Вилкину,—пьяница такой есть одинъ, Вилкинъ. Ну, иду! А вотъ и Лукьянъ Тимоѳеичъ.... Князь хочетъ спать, Лукьянъ Тимоѳеичъ; оглобли назадъ!

— Единственно на минуту, многоуважаемый князь, по нѣкоторому значительному въ моихъ глазахъ дѣлу, — натянуто, и какимъ-то проникнутымъ тономъ, вполголоса проговорилъ вошедшій Лебедевъ, и съ важностію поклонился. Онъ только что воротился и даже къ себѣ не успѣлъ зайти, такъ что и шляпу еще держалъ въ рукахъ. Лицо его было озабоченное и съ особеннымъ, необыкновеннымъ оттѣнкомъ собственнаго достоинства. Князь пригласилъ его садиться.

— Вы меня два раза спрашивали? Вы, можетъ-быть, все безпокоитесь насчетъ вчерашняго....

— Насчетъ этого вчерашняго мальчика, предполагаете вы, князь? О, нѣтъ-съ; вчера мои мысли были въ безпорядкѣ.... но сегодня я уже не предполагаю контрекарировать хотя бы въ чемъ-нибудь ваши предположенія.

— Контрека.... какъ вы сказали?

— Я сказалъ: контрекарировать; слово французское, какъ и множество другихъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка; но особенно не стою за него.

— Что это вы сегодня, Лебедевъ, такой важный и чинный и говорите какъ по складамъ, усмѣхнулся князь.

— Николай Ардаліоновичъ! чуть не умиленнымъ голосомъ обратился Лебедевъ къ Колѣ:—имѣя сообщить князю о дѣлѣ, касающемся собственно....

— Ну да, разумѣется, разумѣется, не мое дѣло! До свиданія, князь! тотчасъ же удалился Коля.

— Люблю ребенка за понятливость, произнесъ Лебедевъ, смотря ему вслѣдъ,—мальчикъ прыткій, хотя и назойливый. Чрезвычайное несчастіе испыталъ я, многоуважаемый князь, вчера вечеромъ или сегодня на разсвѣтѣ.... еще колеблюсь означить точное время.

— Что такое?

— Пропажа четырехсотъ рублей изъ боковаго кармана, многоуважаемый князь; окрестили! прибавилъ Лебедевъ съ кислою усмѣшкой.

— Вы потеряли четыреста рублей? Это жаль.

— И особенно бѣдному, благородно живущему своимъ трудомъ человѣку.

— Конечно, конечно; какъ такъ?

— Вслѣдствіе вина-съ. Я къ вамъ какъ къ Провидѣнію, многоуважаемый князь. Сумму четырехсотъ рублей серебромъ получилъ я вчера въ пять часовъ пополудни отъ одного должника, и съ поѣздомъ воротился сюда. Бумажникъ имѣлъ въ карманѣ. Перемѣнивъ вицъ-мундиръ на сюртукъ, переложилъ деньги въ сюртукъ, имѣя въ виду держать при себѣ, разчитывая вечеромъ же выдать ихъ по одной просьбѣ.... ожидая повѣреннаго.

— Кстати, Лукьянъ Тимоѳеичъ, правда, что вы въ газетахъ публиковались, что даете деньги подъ золотыя и серебряныя вещи?

— Чрезъ повѣреннаго; собственнаго имени моего не означено, ниже адреса. Имѣя ничтожный капиталъ и въ видахъ приращенія фамиліи, согласитесь сами, что честный процентъ....

— Ну да, ну да; я только чтобъ освѣдомиться; извините, что прервалъ.

— Повѣренный не явился. Тѣмъ временемъ привезли

несчастнаго; я уже былъ въ форсированномъ расположеніи пообѣдавъ; зашли эти гости, выпили.... чаю, и.... я повеселѣлъ къ моей пагубѣ. Когда же, уже поздно, вошелъ этотъ Келлеръ и возвѣстилъ о вашемъ торжественномъ днѣ и о распоряженіи насчетъ шампанскаго, то я, дорогой и многоуважаемый князь, имѣя сердце (что вы уже, вѣроятно, замѣтили, ибо я заслуживаю), имѣя сердце, не скажу чувствительное, но благодарное, чѣмъ и горжусь,—я, для пущей торжественности изготовляемой встрѣчи и во ожиданіи лично поздравить васъ, вздумалъ пойти перемѣнить старую рухлядь мою на снятый мною по возвращеніи моемъ вицъ-мундиръ, что и исполнилъ, какъ, вѣроятно, князь, вы и замѣтили, видя меня въ вицъ-мундирѣ весь вечеръ. Перемѣняя одежду, забылъ въ сюртукѣ бумажникъ.... Подлинно, когда Богъ восхощетъ наказать, то прежде всего восхититъ разумъ. И только сегодня, уже въ половинѣ восьмаго, пробудясь, вскочилъ какъ полоумный, схватился первымъ дѣломъ за сюртукъ,—одинъ пустой карманъ! Бумажника и слѣдъ простылъ.

— Ахъ, это непріятно!

— Именно непріятно; и вы съ истиннымъ тактомъ нашли сейчасъ надлежащее выраженіе, не безъ коварства прибавилъ Лебедевъ.

— Какъ же однако.... затревожился князь, задумываясь,— вѣдь это серіозно.

— Именно серіозно—еще другое отысканное вами слово, князь, для обозначенія....

— Ахъ, полноте, Лукьянъ Тимоѳеичъ, что тутъ отыскивать? важность не въ словахъ.... Полагаете вы, что вы могли въ пьяномъ видѣ выронить изъ кармана?

— Могъ. Все возможно въ пьяномъ видѣ, какъ вы съ искренностью выразились, многоуважаемый князь! Но прошу разсудить-съ: если я вытрусилъ бумажникъ изъ кармана, перемѣняя сюртукъ, то вытрушенный предметъ долженъ былъ лежать тутъ же на полу. Гдѣ же этотъ предметъ-съ?

— Не заложили ли вы куда-нибудь въ ящикъ, въ столъ?

— Все переискалъ, вездѣ перерылъ, тѣмъ болѣе, что никуда не прягалъ и никакого ящика не открывалъ, о чемъ ясно помню.

— Въ шкапчикѣ смотрѣли?

— Первымъ дѣломъ-съ, и даже нѣсколько разъ уже сего-

дня.... Да и какъ бы могъ я заложить въ шкапчикъ, истинно уважаемый князь?

— Признаюсь, Лебедевъ, это меня тревожитъ. Стало-быть, кто-нибудь нашелъ на полу?

— Или изъ кармана похитилъ! Двѣ альтернативы-съ.

— Меня это очень тревожитъ, потому что кто именно.... Вотъ вопросъ!

— Безъ всякаго сомнѣнія, въ этомъ главный вопросъ; вы удивительно точно находите слова и мысли и опредѣляете положенія, сіятельнѣйшій князь.

— Ахъ, Лукьянъ Тимоѳеичъ, оставьте насмѣшки, тутъ...

— Насмѣшки! вскричалъ Лебедевъ, всплеснувъ руками.

— Ну-ну-ну, хорошо, я вѣдь не сержусь; тутъ совсѣмъ другое.... Я за людей боюсь. Кого вы подозрѣваете?

— Вопросъ труднѣйшій и.... сложнѣйшій! Служанку подозрѣвать не могу: она въ своей кухнѣ сидѣла. Дѣтей родныхъ тоже....

— Еще бы.

— Стало-быть, кто-нибудь изъ гостей-съ.

— Но возможно ли это?

— Совершенно и въ высшей степени невозможно, но непремѣнно такъ должно быть. Согласенъ однакоже допустить и даже убѣжденъ, что если была покража, то совершилась не вечеромъ, когда всѣ были въ сборѣ, а уже ночью или даже подъ утро, кѣмъ-нибудь изъ заночевавшихъ.

— Ахъ, Боже мой!

— Бурдовскаго и Николая Ардаліоновича я естественно исключаю; они и не входили ко мнѣ-съ.

— Еще бы, да еслибы даже и входили! Кто у васъ ночевалъ?

— Считая со мной ночевало насъ четверо, въ двухъ смежныхъ комнатахъ: я, генералъ, Келлеръ и господинъ Фердыщенко. Одинъ, стало-быть, изъ насъ четверыхъ-съ!

— Изъ трехъ то-есть; но кто же?

— Я причелъ и себя для справедливости и для порядку; но согласитесь, князь, что я обокрасть себя самъ не могъ, хотя подобные случаи и бывали на свѣтѣ....

— Ахъ, Лебедевъ, какъ это скучно! нетерпѣливо вскричалъ князь:—къ дѣлу, чего вы тянете!...

— Остаются, стало-быть, трое-съ, и вопервыхъ господинъ Келлеръ, человѣкъ непостоянный, человѣкъ пьяный и въ

нѣкоторыхъ случаяхъ либералъ, то-есть насчетъ кармана-съ; въ остальномъ же съ наклонностями, такъ-сказать, болѣе древне-рыцарскими чѣмъ либеральными. Онъ заночевалъ сначала здѣсь, въ комнатѣ больнаго, и уже ночью лишь перебрался къ намъ, подъ предлогомъ, что на голомъ полу жестко спать.

— Вы подозрѣваете его?

— Подозрѣвалъ-съ. Когда я въ восьмомъ часу утра вскочилъ какъ полоумный и хватилъ себя по лбу рукой, то тотчасъ же разбудилъ генерала, спавшаго сномъ невинности. Принявъ въ соображеніе странное исчезновеніе Фердыщенка, что уже одно возбудило въ насъ подозрѣніе, оба мы тотчасъ же рѣшились обыскать Келлера, лежавшаго какъ.... какъ.... почти подобно гвоздю-съ. Обыскали совершенно: въ карманахъ ни одного сантима, и даже ни одного кармана не дыряваго не нашлось. Носовой платокъ синій, клѣтчатый, бумажный, въ состояніи неприличномъ-съ. Далѣе любовная записка одна, отъ какой-то горничной, съ требованіемъ денегъ и угрозами, и клочки извѣстнаго вамъ фельетона-съ. Генералъ рѣшилъ, что невиненъ. Для полнѣйшихъ свѣдѣній мы его самого разбудили, насилу дотолкались; едва понялъ въ чемъ дѣло, разинулъ ротъ, видъ пьяный, выраженіе лица нелѣпое и невинное, даже глупое, — не онъ-съ!

— Ну, какъ я радъ! радостно вздохнулъ князь: — я-таки за него боялся!

— Боялись? Стало-быть, уже имѣли основанія къ тому? прищурился Лебедевъ.

— О нѣтъ, я такъ, осѣкся князь, — я ужасно глупо сказалъ, что боялся. Сдѣлайте одолженіе, Лебедевъ, не передавайте никому....

— Князь, князь! Слова ваши въ моемъ сердцѣ.... въ глубинѣ моего сердца! Тамъ могила-съ!... восторженно проговорилъ Лебедевъ, прижимая шляпу къ сердцу.

— Хорошо, хорошо.... стало-быть, Фердыщенко? То-есть, я хочу сказать, вы подозрѣваете Фердыщенка?

— Кого же болѣе? тихо произнесъ Лебедевъ, пристально смотря на князя.

— Ну да, разумѣется.... кого же болѣе... то-есть, опять-таки, какія же улики?

— Улики есть-съ. Вопервыхъ, исчезновеніе въ семь часовъ или даже въ седьмомъ часу утра.

— Знаю, мнѣ Коля говорилъ, что онъ заходилъ къ нему и

сказалъ, что идетъ доночевывать къ.... забылъ къ кому, къ своему пріятелю.

— Вилкину-съ. Такъ, стало-быть, Николай Ардаліоновичъ говорилъ уже вамъ?

— Онъ ничего не говорилъ о покражѣ.

— Онъ и не знаетъ, ибо я пока держу дѣло въ секретѣ. Итакъ, идетъ къ Вилкину; казалось бы, что́ мудренаго, что пьяный человѣкъ идетъ къ такому же, какъ и онъ самъ, пьяному человѣку, хотя бы даже и чѣмъ свѣтъ, и безо всякаго повода-съ? Но вотъ здѣсь-то и слѣдъ открывается: уходя, онъ оставляетъ адресъ.... Теперь слѣдите, князь, вопросъ: зачѣмъ онъ оставилъ адресъ? Зачѣмъ онъ заходитъ нарочно къ Николаю Ардаліоновичу, дѣлая крюкъ-съ, и передаетъ ему, что „иду, дескать, доночевывать къ Вилкину“. И кто станетъ интересоваться тѣмъ, что онъ уходитъ и даже именно къ Вилкину? Къ чему возвѣщать? Нѣтъ, тутъ тонкость-съ, воровская тонкость! Это значитъ: „вотъ, дескать, нарочно не утаиваю слѣдовъ моихъ, какой же я воръ послѣ этого? Развѣ бы воръ возвѣстилъ куда онъ уходитъ?“ Излишняя заботливость отвести подозрѣнія и, такъ-сказать, стереть свои слѣды на пескѣ.... Поняли вы меня, многоуважаемый князь?

— Понялъ, очень хорошо понялъ, но вѣдь этого мало?

— Вторая улика-съ: слѣдъ оказывается ложный, а данный адресъ не точный. Часъ спустя, то-есть въ восемь часовъ, я уже стучался къ Вилкину; онъ тутъ въ Пятой улицѣ-съ, и даже знакомъ-съ. Никакого не оказалось Фердыщенка. Хоть и добился отъ служанки, совершенно глухой-съ, что назадъ тому часъ дѣйствительно кто-то стучался и даже довольно сильно, такъ что и колокольчикъ сорвалъ. Но служанка не отворила, не желая будить господина Вилкина, а можетъ-быть, и сама не желая подняться. Это бываетъ-съ.

— И тутъ всѣ ваши улики? Это мало.

— Князь, но кого же подозрѣвать-съ, разсудите? умилительно заключилъ Лебедевъ, и что-то лукавое проглянуло въ его усмѣшкѣ.

— Осмотрѣли бы вы еще разъ комнаты и въ ящикахъ! озабоченно произнесъ князь послѣ нѣкоторой задумчивости.

— Осматривалъ-съ! еще умилительнѣе вздохнулъ Лебедевъ.

— Гм!... и зачѣмъ, зачѣмъ вамъ было перемѣнять этотъ сюртукъ! воскликнулъ князь, въ досадѣ стукнувъ по столу.

— Вопросъ изъ одной старинной комедіи-съ. Но, благодуш-

нѣйшій князь! Вы уже слишкомъ принимаете къ сердцу несчастье мое! Я не стóю того. То-есть, я одинъ не стóю того; но вы страдáете и за преступника.... за ничтожнаго господина Фердыщенка?

— Ну да, да, вы дѣйствительно меня озаботили, разсѣянно и съ неудовольствіемъ прервалъ его князь. — Итакъ, чтò же вы намѣрены дѣлать.... если вы такъ увѣрены, что это Фердыщенко?

— Князь, многоуважаемый князь, кто же другой-съ? съ возраставшимъ умиленіемъ извивался Лебедевъ:—вѣдь неимѣніе другаго на кого помыслить и такъ-сказать совершенная невозможность подозрѣвать кого-либо кромѣ господина Фердыщенка, вѣдь это, такъ-сказать, еще улика противъ господина Фердыщенка, уже третья улика! Ибо опять-таки кто же другой? Вѣдь не господина же Бурдовскаго мнѣ заподозрить, хе-хе-хе?

— Ну, вотъ, вздоръ какой!

— Не генерала же наконецъ, хе-хе-хе!

— Чтò за дичь! почти сердито проговорилъ князь, нетерпѣливо поворачиваясь на мѣстѣ.

— Еще бы не дичь! Хе-хе-хе! И насмѣшилъ же меня человѣкъ, то-есть генералъ-то-съ! Идемъ мы съ нимъ давеча по горячимъ слѣдамъ къ Вилкину-съ.... а надо вамъ замѣтить, что генералъ былъ еще болѣе моего пораженъ, когда я, послѣ пропажи, первымъ дѣломъ его разбудилъ, даже такъ, что въ лицѣ измѣнился, покраснѣлъ, поблѣднѣлъ, и наконецъ вдругъ въ такое ожесточенное и благородное негодованіе вошелъ, что я даже и не ожидалъ такой степени-съ. Наиблагороднѣйшій человѣкъ! Лжетъ онъ безпрерывно, по слабости, но человѣкъ высочайшихъ чувствъ, человѣкъ при этомъ малосмысленный-съ, внушающій полнѣйшее довѣріе своею невинностью. Я вамъ уже говорилъ, многоуважаемый князь, что имѣю къ нему не только слабость, а даже любовь-съ. Вдругъ останавливается посрединѣ улицы, распахиваетъ сюртукъ, открываетъ грудь: „Обыскивай меня, говоритъ, ты Келлера обыскивалъ, зачѣмъ же ты меня не обыскиваешь? Того требуетъ, говоритъ, справедливость!“ У самого и руки, и ноги трясутся, даже весь поблѣднѣлъ, грозный такой. Я засмѣялся и говорю: слушай, говорю, генералъ, еслибы кто другой мнѣ это сказалъ про тебя, то я бы тутъ же собственными руками мою голову снялъ, положилъ бы ее на большое блюдо

и самъ бы поднесъ ее на блюдѣ всѣмъ сомнѣвающимся: „вотъ, дескать, видите эту голову, такъ вотъ этою собственною своею головой я за него поручусь, и не только голову, но даже въ огонь“. Вотъ какъ я, говорю, за тебя ручаться готовъ! Тутъ онъ бросился мнѣ въ объятія, все среди улицы-съ, прослезился, дрожитъ и такъ крѣпко прижалъ меня къ груди, что я едва даже откашлялся: „ты, говоритъ, единственный другъ, который остался мнѣ въ несчастіяхъ моихъ!“ Чувствительный человѣкъ-съ! Ну, разумѣется, тутъ же дорогой и анекдотъ къ случаю разказалъ о томъ, что его тоже будто бы разъ, еще въ юности, заподозрили въ покражѣ пятисотъ тысячъ рублей, но что онъ на другой же день бросился въ пламень горѣвшаго дома и вытащилъ изъ огня подозрѣвавшаго его графа и Нину Александровну, еще бывшую въ дѣвицахъ. Графъ его обнялъ, и такимъ образомъ произошелъ бракъ его съ Ниной Александровной, а на другой же день въ пожарныхъ развалинахъ нашли и шкатулку съ пропавшими деньгами; была она желѣзная, англійскаго устройства, съ секретнымъ замкомъ, и какъ-то подъ полъ провалилась, такъ что никто и не замѣтилъ, и только чрезъ этотъ пожаръ отыскалась. Совершенная ложь-съ. Но когда о Нинѣ Александровнѣ заговорилъ, то даже захныкалъ. Благороднѣйшая особа Нина Александровна, хоть на меня и сердита.

— Вы незнакомы?

— Почти что нѣтъ-съ, но всею душой желалъ бы, хотя бы только для того, чтобы предъ нею оправдаться. Нина Александровна въ претензіи на меня, что я будто бы развращаю теперь ея супруга пьянствомъ. Но я не только не развращаю, но скорѣе укрощаю его; я его, можетъ-быть, отвлекаю отъ компаніи пагубнѣйшей. Притомъ же онъ мнѣ другъ-съ, и я, признаюсь вамъ, теперь ужь не оставлю его-съ, то-есть даже такъ-съ: куда онъ, туда и я, потому что съ нимъ только чувствительностію одною и возьмешь. Теперь онъ даже совсѣмъ не посѣщаетъ свою капитаншу, хотя втайнѣ и рвется къ ней, и даже иногда стонетъ по ней, особенно каждое утро, вставая и надѣвая сапоги, не знаю ужь почему въ это именно время. Денегъ у него нѣтъ-съ, вотъ бѣда, а къ той безъ денегъ явиться никакъ нельзя-съ. Не просилъ онъ денегъ у васъ, многоуважаемый князь?

— Нѣтъ, не просилъ.

— Стыдится. Онъ было и хотѣлъ; даже мнѣ признавался,

что хочетъ васъ безпокоить, но стыдливъ-съ, такъ какъ вы еще недавно его одолжили, и сверхъ того полагаетъ, что вы не дадите. Онъ мнѣ какъ другу это излилъ.

— А вы ему денегъ не даете?

— Князь! Многоуважаемый князь! Не только деньги, но за этого человѣка я, такъ-сказать, даже жизнью.... нѣтъ, впрочемъ, преувеличивать не хочу, — не жизнью, но если, такъ-сказать, лихорадку, нарывъ какой-нибудь, или даже кашель, — то ей Богу готовъ буду перенести, если только за очень большую нужду; ибо считаю его за великаго, но погибшаго человѣка! Вотъ-съ; не только деньги-съ!

— Стало-быть, деньги даете?

— Н-нѣтъ-съ; денегъ я не давалъ-съ, и онъ самъ знаетъ, что я и не дамъ-съ, но вѣдь единственно въ видахъ воздержанія и исправленія его. Теперь увязался со мной въ Петербургъ; я въ Петербургъ вѣдь ѣду-съ, чтобы застать господина Фердыщенка по самымъ горячимъ слѣдамъ, ибо навѣрно знаю, что онъ уже тамъ-съ. Генералъ мой такъ и кипитъ-съ; но подозрѣваю, что въ Петербургѣ улизнетъ отъ меня, чтобы посѣтить капитаншу. Я, признаюсь, даже нарочно его отъ себя отпущу, какъ мы уже и условились по пріѣздѣ тотчасъ же разойдтись въ разныя стороны, чтобъ удобнѣе изловить господина Фердыщенка. Такъ вотъ я его отпущу, а потомъ вдругъ, какъ снѣгъ на голову, и застану его у капитанши, — собственно, чтобъ его пристыдить, какъ семейнаго человѣка, и какъ человѣка вообще говоря.

— Только не дѣлайте шуму, Лебедевъ, ради Бога не дѣлайте шуму, вполголоса и въ сильномъ безпокойствѣ проговорилъ князь.

— О, нѣтъ-съ, собственно лишь чтобы пристыдить и посмотрѣть, какую онъ физіономію сдѣлаетъ, — ибо многое можно по физіономіи заключить, многоуважаемый князь, и особенно въ такомъ человѣкѣ! Ахъ, князь! Хоть и велика моя собственная бѣда, но не могу даже и теперь не подумать о немъ и объ исправленіи его нравственности. Чрезвычайная просьба у меня къ вамъ, многоуважаемый князь, даже признаюсь, затѣмъ собственно и пришелъ-съ: съ ихъ домомъ вы уже знакомы и даже жили у нихъ-съ; то если-бы вы, благодушнѣйшій князь, рѣшились мнѣ въ этомъ способствовать, собственно лишь для одного генерала и для счастія его....

Лебедевъ даже руки сложилъ, какъ бы въ мольбѣ.

— Что же? Какъ же способствовать? Будьте увѣрены, что я весьма желаю васъ вполнѣ понять, Лебедевъ.

— Единственно въ сей увѣренности я къ вамъ и явился! Чрезъ Нину Александровну можно бы подѣйствовать; наблюдая и, такъ-сказать, слѣдя за его превосходительствомъ постоянно, въ нѣдрахъ собственнаго его семейства. Я къ несчастію незнакомъ-съ.... къ тому же тутъ и Николай Ардаліоновичъ, обожающій васъ, такъ-сказать, всѣми нѣдрами своей юной души, пожалуй, могъ бы помочь....

— Н-нѣтъ.... Нину Александровну въ это дѣло.... Боже сохрани! Да и Колю.... Я, впрочемъ, васъ еще, можетъ-быть, и не понимаю, Лебедевъ.

— Да тутъ и понимать совсѣмъ нечего! даже привскочилъ на стулѣ Лебедевъ: — одна, одна чувствительность и нѣжность—вотъ все лѣкарство для нашего больнаго. Вы, князь, позволяете мнѣ считать его за больнаго?

— Это даже показываетъ вашу деликатность и умъ.

— Объясню вамъ примѣромъ, для ясности взятымъ изъ практики. Видите какой это человѣкъ-съ: тутъ у него теперь одна слабость къ этой капитаншѣ, къ которой безъ денегъ ему являться нельзя, и у которой я сегодня намѣренъ накрыть его, для его же счастія-съ; но, положимъ, что не одна капитанша, а соверши онъ даже настоящее преступленіе, ну, тамъ, безчестнѣйшій проступокъ какой-нибудь (хотя онъ и вполнѣ неспособенъ къ тому), то и тогда, говорю я, одною благородною, такъ-сказать, нѣжностью съ нимъ до всего дойдешь, ибо чувствительнѣйшій человѣкъ-съ! Повѣрьте, что пяти дней не выдержитъ, самъ проговорится, заплачетъ и во всемъ сознается,—и особенно, если дѣйствовать ловко и благородно, чрезъ семейный и вашъ надзоръ за всѣми, такъ-сказать, чертами и стопами его.... О, благодушнѣйшій князь! вскочилъ Лебедевъ, даже въ какомъ-то вдохновеніи: — я вѣдь и не утверждаю, что онъ навѣрно.... Я, такъ-сказать, всю кровь мою за него готовъ хоть сейчасъ излить, хотя согласитесь, что невоздержаніе и пьянство, и капитанша, и все это вмѣстѣ взятое, могутъ до всего довести.

— Такой цѣли я, конечно, всегда готовъ способствовать, сказалъ князь, вставая, — только признаюсь вамъ, Лебедевъ, я въ безпокойствѣ ужасномъ; скажите, вѣдь вы все еще....

однимъ словомъ, сами же вы говорите, что подозрѣваете господина Фердыщенка.

— Да кого же болѣе? Кого же болѣе, искреннѣйшій князь? опять умилительно сложилъ руки Лебедевъ, умиленно улыбаясь.

Князь нахмурился и поднялся съ мѣста.

— Видите, Лукьянъ Тимоѳеичъ, тутъ страшное дѣло въ ошибкѣ. Этотъ Фердыщенко.... я бы не желалъ говорить про него дурнаго.... но этотъ Фердыщенко.... то-есть, кто знаетъ, можетъ-быть, это и онъ!... Я хочу сказать, что, можетъ-быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ способнѣе къ тому, чѣмъ.... чѣмъ другой.

Лебедевъ навострилъ глаза и уши.

— Видите, запутывался и все болѣе и болѣе нахмуривался князь, расхаживая взадъ и впередъ по комнатѣ и стараясь не взглядывать на Лебедева,— мнѣ дали знать.... мнѣ сказали про господина Фердыщенка, что будто бы онъ, кромѣ всего, такой человѣкъ, при которомъ надо воздерживаться и не говорить ничего.... лишняго,—понимаете? Я къ тому, что, можетъ-быть, и дѣйствительно онъ былъ способнѣе чѣмъ другой.... чтобы не ошибиться,—вотъ въ чемъ главное, понимаете?

— А кто вамъ сообщилъ это про господина Фердыщенка? такъ и вскинулся Лебедевъ.

— Такъ, мнѣ шепнули; я, впрочемъ, самъ этому не вѣрю... мнѣ ужасно досадно, что я принужденъ былъ это сообщить, но увѣряю васъ, я самъ этому не вѣрю.... это какой-нибудь вздоръ.... Фу, какъ я глупо сдѣлалъ!

— Видите, князь, весь даже затрясся Лебедевъ,—это важно. это слишкомъ важно теперь, то-есть не насчетъ господина Фердыщенка, а насчетъ того, какъ къ вамъ дошло это извѣстіе. (Говоря это, Лебедевъ бѣгалъ вслѣдъ за княземъ взадъ и впередъ, стараясь ступать съ нимъ въ ногу.) Вотъ что, князь, и я теперь сообщу: давеча генералъ, когда мы съ нимъ шли къ этому Вилкину, послѣ того какъ уже онъ мнѣ разказалъ о пожарѣ, и кипя, разумѣется, гнѣвомъ, вдругъ началъ мнѣ намекать то же самое про господина Фердыщенка. но такъ нескладно и неладно, что я поневолѣ сдѣлалъ ему нѣкоторые вопросы, и вслѣдствіе того убѣдился вполнѣ, что все это извѣстіе единственно одно вдохновеніе его превосходительства.... Собственно, такъ-сказать, изъ одного благодушія. Ибо онъ и лжетъ единственно потому, что не можетъ сдержать умиленія. Теперь изволите видѣть-съ: если онъ солгалъ.

а я въ этомъ увѣренъ, то какимъ же образомъ и вы могли объ этомъ услышать? Поймите, князь, вѣдь это было въ немъ вдохновеніе минуты,—то кто же, стало-быть, вамъ-то сообщилъ? Это важно-съ, это.... это очень важно-съ и..... такъ-сказать....

— Мнѣ сказалъ это сейчасъ Коля, а ему сказалъ давеча отецъ, котораго онъ встрѣтилъ въ шесть часовъ, въ седьмомъ, въ сѣняхъ, когда вышелъ зачѣмъ-то.

И князь разказалъ все въ подробности.

— Ну вотъ-съ, это, что̀ называется, слѣдъ-съ! потирая руки, неслышно смѣялся Лебедевъ: — такъ я и думалъ-съ! Это значитъ, что его превосходительство нарочно прерывали свой сонъ невинности, въ шестомъ часу, чтобъ идти разбудить любимаго сына и сообщить о чрезвычайной опасности сосѣдства съ господиномъ Фердыщенкомъ! Каковъ же послѣ того опасный человѣкъ господинъ Фердыщенко, и каково родительское безпокойство его превосходительства, хе-хе-хе!...

— Послушайте, Лебедевъ, смутился князь окончательно, — послушайте, дѣйствуйте тихо! Не дѣлайте шуму! Я васъ прошу, Лебедевъ, я васъ умоляю.... Въ такомъ случаѣ клянусь, я буду содѣйствовать, но чтобы никто не зналъ; чтобы никто не зналъ!

— Будьте увѣрены, благодушнѣйшій, искреннѣйшій и благороднѣйшій князь, вскричалъ Лебедевъ въ рѣшительномъ вдохновеніи,—будьте увѣрены, что все сіе умретъ въ моемъ благороднѣйшемъ сердцѣ! Тихими стопами-съ, вмѣстѣ! Тихими стопами-съ, вмѣстѣ! Я же всю даже кровь мою.... Сіятельнѣйшій князь, я низокъ и душой, и духомъ, но спросите всякаго даже подлеца, не только низкаго человѣка: съ кѣмъ ему лучше дѣло имѣть, съ такимъ ли какъ онъ подлецомъ, или съ наиблагороднѣйшимъ человѣкомъ какъ вы, искреннѣйшій князь? Онъ отвѣтитъ, что съ наиблагороднѣйшимъ человѣкомъ, и въ томъ торжество добродѣтели! До свиданія, многоуважаемый князь! Тихими стопами.... тихими стопами и.... вмѣстѣ-съ.

X.

Князь понялъ наконецъ, почему онъ холодѣлъ каждый разъ, когда прикасался къ этимъ тремъ письмамъ, и почему онъ отдалялъ минуту прочесть ихъ до самаго вечера. Когда онъ,

еще давеча утромъ, забылся тяжелымъ сномъ на своей кушеткѣ, все еще не рѣшаясь раскрыть который-нибудь изъ этихъ трехъ кувертовъ, ему опять приснился тяжелый сонъ, и опять приходила къ нему та же „преступница“. Она опять смотрѣла на него со сверкавшими слезами на длинныхъ рѣсницахъ, опять звала его за собой, и опять онъ пробудился, какъ давеча, съ мученіемъ припоминая ея лицо. Онъ хотѣлъ было пойти къ *ней* тотчасъ же, но не могъ; наконецъ, почти въ отчаяніи, развернулъ письма и сталъ читать.

Эти письма тоже походили на сонъ. Иногда снятся странные сны, невозможные и неестественные; пробудясь, вы припоминаете ихъ ясно и удивляетесь странному факту: вы помните прежде всего, что разумъ не оставлялъ васъ во все продолженіе вашего сновидѣнія; вспоминаете даже, что вы дѣйствовали чрезвычайно хитро и логично во все это долгое, долгое время, когда васъ окружали убійцы, когда они съ вами хитрили, скрывали свое намѣреніе, обращались съ вами дружески, тогда какъ у нихъ уже было наготовѣ оружіе, и они лишь ждали какого-то знака; вы вспоминаете какъ хитро вы ихъ наконецъ обманули, спрятались отъ нихъ; потомъ вы догадались, что они наизусть знаютъ весь вашъ обманъ и не показываютъ вамъ только вида что̀ знаютъ гдѣ вы спрятались; но вы схитрили и обманули ихъ опять, все это вы припоминаете ясно. Но почему же въ то же самое время разумъ вашъ могъ помириться съ такими очевидными нелѣпостями и невозможностями, которыми, между прочимъ, былъ сплошь наполненъ вашъ сонъ? Одинъ изъ вашихъ убійцъ въ вашихъ глазахъ обратился въ женщину, а изъ женщины въ маленькаго, хитраго, гадкаго карлика, — и вы все это допустили тотчасъ же, какъ совершившійся фактъ, почти безъ малѣйшаго недоумѣнія, и именно въ то самое время, когда съ другой стороны вашъ разумъ былъ въ сильнѣйшемъ напряженіи, выказывалъ чрезвычайную силу, хитрость, догадку, логику? Почему тоже, пробудясь отъ сна и совершенно уже войдя въ дѣйствительность, вы чувствуете почти каждый разъ, а иногда съ необыкновенною силой впечатлѣнія, что вы оставляете вмѣстѣ со сномъ что-то для васъ неразгаданное. Вы усмѣхаетесь нелѣпости вашего сна и чувствуете въ то же время, что въ сплетеніи этихъ нелѣпостей заключается какая-то мысль, но мысль уже дѣйствительная, нѣчто принадлежащее къ вашей настоящей жизни, нѣчто существующее

и всегда существовавшее въ вашемъ сердцѣ; вамъ какъ будто было сказано вашимъ сномъ что-то новое, пророческое, ожидаемое вами; впечатлѣніе ваше сильно, оно радостное или мучительное, но въ чемъ оно заключается и что̀ было сказано вамъ—вы не можете ни понять, ни припомнить.

Почти то же было и послѣ этихъ писемъ. Но еще и не развертывая ихъ, князь почувствовалъ, что самый уже фактъ существованія и возможности ихъ похожъ на кошмаръ. Какъ рѣшилась *она ей* писать, спрашивалъ онъ, бродя вечеромъ одинъ (иногда даже самъ не помня гдѣ ходитъ). Какъ могла она *объ этомъ* писать, и какъ могла такая безумная мечта зародиться въ ея головѣ? Но мечта эта была уже осуществлена и всего удивительнѣе для него было то, что̀ пока онъ читалъ эти письма, онъ самъ почти вѣрилъ въ возможность и даже въ оправданіе этой мечты. Да, конечно, это былъ сонъ, кошмаръ и безуміе; но тутъ же заключалось и что-то такое, что̀ было мучительно-дѣйствительно и страдальчески-справедливое, что̀ оправдывало и сонъ, и кошмаръ, и безуміе. Нѣсколько часовъ сряду онъ какъ будто бредилъ тѣмъ что̀ прочиталъ, припоминалъ поминутно отрывки, останавливался на нихъ, вдумывался въ нихъ. Иногда ему даже хотѣлось сказать себѣ, что онъ все это предчувствовалъ и предугадывалъ прежде; даже казалось ему, что какъ будто онъ уже читалъ это все, когда-то давно-давно, и все о чемъ онъ тосковалъ съ тѣхъ поръ, все чѣмъ онъ мучился и чего боялся,—все это заключалось въ этихъ давно уже прочитанныхъ имъ письмахъ.

„Когда вы развернете это письмо (такъ начиналось первое посланіе), вы прежде всего взглянете на подпись. Подпись все вамъ скажетъ и все разъяснитъ, такъ что̀ мнѣ нечего предъ вами оправдываться и нечего вамъ разъяснять. Будь я хоть сколько-нибудь вамъ равна, вы бы могли еще обидѣться такою дерзостью; но кто я и кто вы? Мы двѣ такія противоположности, и я до того предъ вами изъ ряду вонъ, что я уже никакъ не могу васъ обидѣть, даже еслибъ и захотѣла.“

Далѣе въ другомъ мѣстѣ она писала:

„Не считайте моихъ словъ больнымъ восторгомъ больнаго ума, но вы для меня—совершенство! Я васъ видѣла, я вижу васъ каждый день. Вѣдь я не сужу васъ; я не разсудкомъ дошла до того, что вы совершенство; я просто увѣровала.

Но во мнѣ есть и грѣхъ предъ вами: я васъ люблю. Совершенство нельзя вѣдь любить; на совершенство можно только смотрѣть какъ на совершенство, не такъ ли? А между тѣмъ я въ васъ влюблена. Хоть любовь и равняетъ людей, но не безпокойтесь, я васъ къ себѣ не приравнивала, даже въ самой затаенной мысли моей. Я вамъ написала: „не безпокойтесь“; развѣ вы можете безпокоиться?... Еслибы было можно, я бы цѣловала слѣды вашихъ ногъ. О, я не равняюсь съ вами.... Смотрите на подпись, скорѣе смотрите на подпись!“

„Я однакоже замѣчаю (писала она въ другомъ письмѣ), что я васъ съ нимъ соединяю, и ни разу не спросила еще, любите ли вы его? Онъ васъ полюбилъ, видя васъ только однажды. Онъ о васъ какъ о „свѣтѣ“ вспоминалъ; это его собственныя слова, я ихъ отъ него слышала. Но я и безъ словъ поняла, что вы для него свѣтъ. Я цѣлый мѣсяцъ подлѣ него прожила и тутъ поняла, что и вы его любите; вы и онъ для меня одно.“

„Что̀ это (пишетъ она еще)? вчера я прошла мимо васъ, и вы какъ-будто покраснѣли? Не можетъ быть, это мнѣ такъ показалось. Если васъ привести даже въ самый грязный вертепъ и показать вамъ обнаженный порокъ, то вы не должны краснѣть; вы никакъ не можете негодовать изъ-за обиды. Вы можете ненавидѣть всѣхъ подлыхъ и низкихъ, но не за себя, а за другихъ, за тѣхъ, кого они обижаютъ. Васъ же никому нельзя обидѣть. Знаете, мнѣ кажется, вы даже должны любить меня. Для меня вы тоже что̀ и для него: свѣтлый духъ; ангелъ не можетъ ненавидѣть, не можетъ и не любить. Можно ли любить всѣхъ, всѣхъ людей, всѣхъ своихъ ближнихъ,—я часто задавала себѣ этотъ опросъ? Конечно: нѣтъ, и даже неестественно. Въ отвлеченной любви къ человѣчеству любишь почти всегда одного себя. Но это намъ невозможно, а вы другое дѣло: какъ могли бы вы не любить хоть кого-нибудь, когда вы ни съ кѣмъ себя не можете сравнивать, и когда вы выше всякой обиды, выше всякаго личнаго негодованія? Вы однѣ можете любить безъ эгоизма, вы однѣ можете любить не для себя самой, а для того, кого вы любите. О, какъ горько было бы мнѣ узнать, что вы чувствуете изъ-за меня стыдъ или гнѣвъ! Тутъ ваша погибель: вы разомъ сравняетесь со мной....

„Вчера я, встрѣтивъ васъ, пришла домой и выдумала одну

картину. Христа пишутъ живописцы все по евангельскимъ сказаніямъ; я бы написала иначе: я бы изобразила Его одного,— оставляли же Его иногда ученики одного. Я оставила бы съ Нимъ только одного маленькаго ребенка. Ребенокъ игралъ подлѣ Него; можетъ-быть, разказывалъ Ему что-нибудь на своемъ дѣтскомъ языкѣ, Христосъ его слушалъ, но теперь задумался; рука Его невольно, забывчиво осталась на свѣтлой головкѣ ребенка. Онъ смотритъ вдаль, въ горизонтъ; мысль, великая какъ весь міръ, покоится въ Его взглядѣ; лицо грустное. Ребенокъ замолкъ, облокотился на Его колѣна, и подперши ручкой щеку, поднялъ головку и задумчиво, какъ дѣти иногда задумываются, пристально на Него смотритъ. Солнце заходитъ.... Вотъ моя картина! Вы невинны, и въ вашей невинности все совершенство ваше. О, помните только это! Чтò вамъ за дѣло до моей страсти къ вамъ? Вы теперь уже моя, я буду всю жизнь около васъ.... Я скоро умру."

Наконецъ въ самомъ послѣднемъ письмѣ было:

„Ради Бога, не думайте обо мнѣ ничего; не думайте тоже, что я унижаю себя тѣмъ, что такъ пишу вамъ, или что я принадлежу къ такимъ существамъ, которымъ наслажденіе себя унижать, хотя бы даже и изъ гордости. Нѣтъ, у меня свои утѣшенія; но мнѣ трудно вамъ разъяснить это. Мнѣ трудно было бы даже и себѣ сказать это ясно, хоть я и мучаюсь этимъ. Но я знаю, что не могу себя унизить даже и изъ припадка гордости. А къ самоуниженію отъ чистоты сердца я не способна. А стало-быть, я вовсе и не унижаю себя.

„Почему я васъ хочу соединить: для васъ, или для себя? Для себя, разумѣется, тутъ всѣ разрѣшенія мои, я такъ сказала себѣ давно.... Я слышала, что ваша сестра Аделаида сказала тогда про мой портретъ, что съ такою красотой можно міръ перевернуть. Но я отказалась отъ міра; вамъ смѣшно это слышать отъ меня, встрѣчая меня въ кружевахъ и бриліантахъ, съ пьяницами и негодяями? Не смотрите на это, я уже почти что не существую, и знаю это; Богъ знаетъ, чтò вмѣсто меня живетъ во мнѣ. Я читаю это каждый день въ двухъ ужасныхъ глазахъ, которые постоянно на меня смотрятъ, даже и тогда, когда ихъ нѣтъ предо мной. Эти глаза теперь *молчатъ* (они все молчатъ), но я знаю ихъ тайну. У него домъ мрачный, скучный, и въ немъ тайна. Я увѣрена, что у него въ ящикѣ спрятана бритва, обмотанная шелкомъ, какъ и у того, московскаго убійцы; тотъ тоже

жилъ съ матерью въ одномъ домѣ и тоже перевязывалъ бритву шелкомъ, чтобы перерѣзать одно горло. Все время, когда я была у нихъ въ домѣ, мнѣ все казалось, что гдѣ-нибудь, подъ половицей, еще отцомъ его, можетъ-быть, спрятанъ мертвый и накрытъ клеенкой, какъ и тотъ московскій, и также обставленъ кругомъ стклянками со ждановскою жидкостью, я даже показала бы вамъ уголъ. Онъ все молчитъ; но вѣдь я знаю, что онъ до того меня любитъ, что уже не могъ не возненавидѣть меня. Ваша свадьба и моя свадьба—вмѣстѣ: такъ мы съ нимъ назначили. У меня тайнъ отъ него нѣтъ. Я бы его убила со страху.... Но онъ меня убьетъ прежде.... онъ засмѣялся сейчасъ и говоритъ, что я брежу; онъ знаетъ, что я къ вамъ пишу.“

И много, много было такого же бреду въ этихъ письмахъ. Одно изъ нихъ, второе, было на двухъ почтовыхъ листахъ, мелко исписанныхъ, большаго формата.

Князь вышелъ, наконецъ, изъ темнаго парка, въ которомъ долго скитался, какъ и вчера. Свѣтлая, прозрачная ночь показалась ему еще свѣтлѣе обыкновеннаго; „неужели еще такъ рано?“ подумалъ онъ. (Часы онъ забылъ захватить.) Гдѣ-то какъ будто послышалась ему отдаленная музыка; „въ воксалѣ, должно-быть,“ подумалъ онъ опять; — „конечно, они не пошли туда сегодня“. Сообразивъ это, онъ увидалъ, что стоитъ у самой ихъ дачи; онъ такъ и зналъ, что долженъ былъ непремѣнно очутиться, наконецъ, здѣсь, и замирая сердцемъ, ступилъ на террасу. Никто его не встрѣтилъ, терраса была пуста. Онъ подождалъ и отворилъ дверь въ залу. „Эта дверь никогда у нихъ не затворялась“, мелькнуло въ немъ, но и зала была пуста; въ ней было совсѣмъ почти темно. Онъ сталъ среди комнаты въ недоумѣніи. Вдругъ отворилась дверь, и вошла Александра Ивановна со свѣчой въ рукахъ. Увидѣвъ князя, она удивилась и остановилась предъ нимъ, какъ-бы спрашивая. Очевидно, она проходила только чрезъ комнату, изъ одной двери въ другую, совсѣмъ не думая застать кого-нибудь.

— Какъ вы здѣсь очутились? проговорила она, наконецъ.

— Я.... зашелъ....

— Maman не совсѣмъ здорова, Аглая тоже. Аделаида ложится спать, я тоже иду. Мы сегодня весь вечеръ дома однѣ просидѣли. Папаша и князь въ Петербургѣ.

— Я пришелъ.... я пришелъ къ вамъ.... теперь....

— Вы знаете который часъ?

— Н-нѣтъ....

— Половина перваго. Мы всегда въ часъ ложимся.

— Ахъ, я думалъ, что.... половина десятаго.

— Ничего! засмѣялась она. — А зачѣмъ вы давеча не пришли? Васъ, можетъ-быть, и ждали.

— Я.... думалъ.... лепеталъ онъ уходя.

— До свиданья! Завтра всѣхъ насмѣшу.

Онъ пошелъ по дорогѣ, огибающей паркъ, къ своей дачѣ. Сердце его стучало, мысли путались, и все кругомъ него какъ бы походило на сонъ. И вдругъ, такъ же какъ и давеча, когда онъ оба раза проснулся на одномъ и томъ же видѣніи, то же видѣніе опять предстало ему. Та же женщина вышла изъ парка и стала предъ нимъ, точно ждала его тутъ. Онъ вздрогнулъ и остановился; она схватила его руку и крѣпко сжала ее. „Нѣтъ, это не видѣніе!“

И вотъ, наконецъ, она стояла предъ нимъ лицомъ къ лицу, въ первый разъ послѣ ихъ разлуки; она что-то говорила ему, но онъ молча смотрѣлъ на нее; сердце его переполнилось и заныло отъ боли. О, никогда потомъ не могъ онъ забыть эту встрѣчу съ ней и вспоминалъ всегда съ одинаковою болью. Она опустилась предъ нимъ на колѣна, тутъ же на улицѣ, какъ изступленная; онъ отступилъ въ испугѣ, а она ловила его руку, чтобы цѣловать ее, и точно такъ же какъ и давеча въ его снѣ, слезы блистали теперь на ея длинныхъ рѣсницахъ.

— Встань, встань! говорилъ онъ испуганнымъ шепотомъ, подымая её: — встань скорѣе!

— Ты счастливъ? Счастливъ? спрашивала она.—Мнѣ только одно слово скажи, счастливъ ты теперь? Сегодня, сейчасъ? У ней? Что̀ она сказала?

Она не подымалась, она не слушала его; она спрашивала спѣша и спѣшила говорить, какъ будто за ней была погоня.

— Я ѣду завтра, какъ ты приказалъ. Я не буду.... Въ послѣдній вѣдь разъ я тебя вижу, въ послѣдній! Теперь ужь совсѣмъ вѣдь въ послѣдній разъ!

— Успокойся, встань! проговорилъ онъ въ отчаяніи.

Она жадно всматривалась въ него, схватившись за его руки.

— Прощай! сказала она наконецъ, встала и быстро пошла отъ него, почти побѣжала. Князь видѣлъ, что подлѣ нея вдругъ очутился Рогожинъ, подхватилъ ее подъ руку и повелъ.

— Подожди, князь, крикнулъ Рогожинъ, — я черезъ пять минутъ ворочусь на время.

Черезъ пять минутъ онъ пришелъ дѣйствительно; князь ждалъ его на томъ же мѣстѣ.

— Въ экипажъ посадилъ, сказалъ онъ; — тамъ на углу съ десяти часовъ коляска ждала. Она такъ и знала, что ты у той весь вечеръ пробудешь. Давешнее, чтò ты мнѣ написалъ, въ точности передалъ. Писать она къ той больше не станетъ; обѣщалась; и отсюда, по желанію твоему, завтра уѣдетъ. Захотѣла тебя видѣть напослѣдяхъ, хоть ты и отказался; тутъ на этомъ мѣстѣ тебя и поджидали, какъ обратно пойдешь, вотъ тамъ, на той скамьѣ.

— Она сама тебя съ собой взяла?

— А чтò жь? осклабился Рогожинъ:—увидѣлъ то, чтò и зналъ. Письма-то прочиталъ знать?

— А ты развѣ ихъ вправду читалъ? спросилъ князь, пораженный этою мыслью.

— Еще бы; всякое письмо мнѣ сама показывала. Про бритву-то помнишь, хе-хе!

— Безумная! вскричалъ князь, ломая свои руки.

— Кто про то знаетъ, можетъ и нѣтъ, тихо проговорилъ Рогожинъ, какъ бы про себя.

Князь не отвѣтилъ.

— Ну, прощай, сказалъ Рогожинъ,—вѣдь и я завтра поѣду; лихомъ не поминай! А чтò, братъ, прибавилъ онъ, быстро обернувшись, — что жь ты ей въ отвѣтъ ничего не сказалъ? „Ты-то счастливъ или нѣтъ“?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! воскликнулъ князь съ безпредѣльною скорбью.

— Еще бы сказалъ: „да!“ злобно разсмѣялся Рогожинъ, и пошелъ не оглядываясь.

(До слѣд. №.)

Ѳ. ДОСТОЕВСКІЙ.

ЭПИЗОДЪ
ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ПОЛИТИКИ
НА ВОСТОКѢ

Русскіе на Босфорѣ. Записки Н. Н. Муравьева. 1868 г.

По поводу книги прусскаго историка Розена, имѣли мы недавно случай бесѣдовать съ нашими читателями о характерѣ того участія, которое принимала Россія въ смутахъ, охватившихъ Востокъ въ 1833 году. Событіе это служило, по твердому нашему убѣжденію, какъ бы прелюдіей къ великой драмѣ, разыгравшейся подъ стѣнами Севастополя, но говоря о немъ, намъ пришлось искренно пожалѣть, что и подробности, и общее его значеніе оставались доселѣ слишкомъ малоизвѣстными русской публикѣ. Офиціальные документы нашего правительства, изъ которыхъ могла бы она ознакомиться съ его цѣлями и намѣреніями, были обнародованы въ крайне ограниченномъ количествѣ; о другихъ источникахъ, при прежнемъ гробовомъ безмолвіи нашей печати, нечего было и думать; оставалось, слѣдовательно, принимать на вѣру сужденія и приговоры, установившіеся въ Европѣ и отмѣченные обычнымъ недоброжелательствомъ къ нашему отечеству. Легко понять, поэтому, удовольствіе, съ которымъ каждый образованный человѣкъ долженъ встрѣтить появленіе записокъ Николая Николаевича Муравьева, принимавшаго непосредственное и первостепенное участіе въ происшествіяхъ 1833 года. Едва ли это не первый случай на нашихъ глазахъ, чтобы вскорѣ послѣ смерти одного изъ нашихъ государствен-

ныхъ людей удалось намъ прочесть приготовленное имъ самимъ подробное и обстоятельное изложеніе его дѣятельности въ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ періодовъ современной намъ исторіи. Въ Европѣ подобные примѣры отнюдь не удивительны: тамъ политическіе дѣятели, часто даже при жизни своей, дѣлятся съ публикой воспоминаніями, представляющими драгоцѣнный матеріалъ какъ для опредѣленія собственной ихъ роли, такъ и для разъясненія событій, среди которыхъ протекла ихъ жизнь, но у насъ, если подобные мемуары и существуютъ, то упорно хранятся подъ спудомъ: не удивительно поэтому, что русское общество менѣе всего знаетъ своихъ государственныхъ людей. Пожелаемъ же, чтобы книга Н. Н. Муравьева не осталась исключеніемъ, пожелаемъ, чтобы вскорѣ появился приготовленный имъ къ печати обширный трудъ его объ осадѣ Карса въ 1855 году, а также хоть выдержки изъ того дневника, который, по словамъ издателей, онъ велъ постоянно въ теченіи всей своей служебной дѣятельности. Желаніе это тѣмъ болѣе естественно, что вышедшее нынѣ сочиненіе покойнаго автора свидѣтельствуетъ о его замѣчательномъ литературномъ талантѣ: онъ обладалъ умѣньемъ разказывать увлекательно, нѣсколькими рельефными чертами мѣтко характеризовать лицъ, съ которыми приходилъ въ соприкосновеніе, и излагать событія такимъ образомъ, что они неизгладимо отпечатлѣваются въ памяти читателей. Вообще посмертная книга Н. Н. Муравьева, съ какой бы стороны ни смотрѣть на нее, составляетъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе для нашей литературы.

Мы сказали выше, что нельзя не придавать огромной важности вмѣшательству Россіи въ дѣла Востока въ 1833 году. По словамъ автора разбираемой нами книги, правительство наше рѣшилось тогда „*совершенно измѣнить* относительно Турціи политическую систему, существовавшую со временъ Петра Великаго“, но если система, о которой идетъ рѣчь, была, какъ, надѣемся, сознается всякій, вполнѣ вѣрною, ибо она соотвѣтствовала нашимъ интересамъ и принесла богатые плоды, то уклоненіе отъ этой системы должно было неминуемо породить печальные результаты. Такъ и случилось на самомъ дѣлѣ. Сила и значеніе Россіи на Востокѣ условливается сочувствіемъ къ ней христіанскихъ племенъ и надеждами, которыя возлагаютъ они исключительно на нее для улучшенія своей судьбы; для нихъ не разъ приносила она

тяжкія жертвы и пріобрѣла законныя права на ихъ признательность; въ этой тѣсной связи, возникшей въ теченіи долгаго ряда лѣтъ между Россіей и восточными христіанами, заключается несомнѣнное превосходство ея предъ Западною Европой. Но вмѣсто того чтобъ упрочивать и развивать связь такого рода, въ образѣ дѣйствій нашего правительства происходитъ внезапный поворотъ: подъ вліяніемъ идей Священнаго союза, мы начинаемъ болѣе всего заботиться о спокойствіи европейскихъ государствъ и дѣлаемся почти равнодушными къ дѣйствіямъ нашихъ соплеменниковъ и единовѣрцевъ. Уже въ періодъ борьбы Греціи за независимость обнаруживается это направленіе и постепенно усиливается въ послѣдующее время. Мы считаемъ главнымъ своимъ долгомъ вести борьбу съ революціонными идеями, хотя онѣ не представляли ни малѣйшей опасности для Россіи, ибо не находили въ ней почвы для себя: предъ этою задачей отступаютъ на второй планъ обязанности, возлагаемыя на насъ историческимъ нашимъ призваніемъ на Востокѣ. Строгое охраненіе того, что̀ было обезпечено Сербіи, Молдавіи и Валахіи предшествовавшими нашими трактатами съ Турціей—вотъ все, чего могли ожидать отъ насъ наши единовѣрцы; всякое движеніе въ ихъ средѣ, направленное противъ ига, становившагося все болѣе невыносимымъ, казалось неумѣстнымъ, ибо могло нарушить наше согласіе съ европейскими державами. Восточные христіане знали, что не могутъ тутъ ожидать отъ насъ ни сочувствія, ни поддержки. Не трудно понять, что вслѣдствіе такой программы положеніе наше на Востокѣ становилось затруднительнымъ: правительство султана не въ состояніи было, конечно, оцѣнить образъ дѣйствій Россіи, ибо продолжало видѣть въ ней своего исконнаго врага, который каждую минуту могъ возвратиться къ прежнимъ своимъ преданіямъ, а съ другой стороны мы охлаждали сочувствіе къ намъ христіанскихъ племенъ и отдавали ихъ на жертву постороннему, и всегда враждебному намъ, вліянію. Гдѣ же было искать исхода изъ такого неестественнаго положенія?

Исходъ могъ быть бы самымъ благополучнымъ, еслибы мы открыто и рѣшительно усвоили себѣ систему, утвержденную Петромъ и Екатериной, систему вполнѣ національную и съ давнихъ временъ руководившую нашими отношеніями къ Востоку. Къ несчастію, этому совер-

шенно противились понятія, укоренившіяся тогда въ офиціальныхъ нашихъ сферахъ. Но въ такомъ случаѣ не оставалось ничего болѣе какъ примириться со всѣми послѣдствіями политики, которой слѣдовали мы подъ вліяніемъ Священнаго союза,—нужно было завязать вполнѣ дружественныя сношенія въ Портой и пріобрѣсти вліяніе на нее, которымъ мы могли бы пользоваться для нашихъ цѣлей. Именно такой путь и былъ избранъ нашимъ правительствомъ. Подобная политика не является чѣмъ-либо неожиданнымъ и внезапнымъ, а вытекаетъ прямо изъ всего нашего образа дѣйствій съ эпохи 1815 года. Что касается ошибочнаго ея направленія, то теперь, послѣ всего совершившагося на нашихъ глазахъ, оно представляется вполнѣ яснымъ. Русское правительство хотѣло пріобрѣсти вліяніе на Порту, внушивъ ей довѣріе къ своимъ намѣреніямъ, убѣдивъ ее осязательно, что не питаетъ никакихъ враждебныхъ противъ нея замысловъ: оно надѣялось, оказавъ ей услугу въ самыхъ критическихъ для нея обстоятельствахъ, привязать къ себѣ Порту прочнымъ чувствомъ благодарности, ибо услуга была дѣйствительно огромная. Никто въ Европѣ не тронулся, чтобы поддержать ее, когда возникъ вопросъ о ея дальнѣйшемъ существованіи, и лишь мы одни явились съ предложеніемъ своей вооруженной помощи. Но важная наша ошибка заключалась въ томъ, что мы относились къ правительству султана какъ къ самостоятельной силѣ, которая могла свободно распоряжаться своими дѣйствіями, склоняться по произволу на ту или другую сторону и взвѣшивать какой союзъ для нея выгоденъ или нѣтъ. Давно пора было бы убѣдиться, что эта мнимая самостоятельность существуетъ лишь въ воображеніи, что судьбы Турціи менѣе всего находятся въ рукахъ султана и его совѣтниковъ, и вотъ почему, явившись въ Константинополь, мы вынуждены были имѣть дѣло вовсе не съ турецкимъ правительствомъ, а съ европейскими державами, которыя уже стояли тамъ твердою ногой. Эти державы стремились къ одинаковой съ нами цѣли; они также хотѣли удержать за собой уже пріобрѣтенное ими вліяніе на Востокѣ, и чѣмъ могли бы мы склонить Порту не поддаваться ихъ внушеніямъ и совѣтамъ? Еслибы русское правительство, въ доказательство своей искренности, сослалось на жертву, принесенную имъ для спасенія Турціи отъ разгрома, то отвѣтъ нашихъ противниковъ былъ уже готовъ:

правда, сказали бы они (и дѣйствительно, такова была ихъ роль въ послѣдствіи), услуга Россіи весьма значительна, но эта же самая Россія, въ теченіи всего предшествовавшаго времени, являлась могущественнымъ и опаснымъ врагомъ Оттоманской имперіи; она довела ее своими побѣдами до совершеннаго разслабленія, а Европа, напротивъ, стояла всегда на стражѣ ея интересовъ; благоразумно ли, слѣдовательно, для султана мѣнять старыхъ и испытанныхъ друзей на новаго и сомнительнаго союзника? Не стремится ли Россія, подъ покровомъ доброжелательства, поставить его въ вассальныя къ себѣ отношенія и приготовить мало-по-малу упадокъ его власти? Понятно, какъ сильно должны были дѣйствовать подобные аргументы на Порту, всегда колебавшуюся между различными направленіями и давно уже утратившую всякую самостоятельность: намъ могло удасться на нѣкоторое время привлечь ее на нашу сторону, но было бы большимъ заблужденіемъ надѣяться, что она на долгое время останется послушною нашему вліянію. Въ концѣ всего этого намъ неизбѣжно предстояло цѣной тяжкихъ уроковъ придти къ сознанію мысли, которая въ сущности ни на минуту не должна была бы покидать насъ, а именно, что до тѣхъ только поръ стоитъ Россія твердо на почвѣ Восточнаго вопроса, пока опирается на естественныхъ своихъ союзниковъ,—на родственныя ей христіанскія племена, и что всѣ шансы слагаются противъ Россіи, какъ скоро, отстранивъ этихъ союзниковъ, переноситъ она борьбу исключительно на дипломатическое поприще.

Впрочемъ, задумавъ въ 1833 году подать помощь султану, русское правительство менѣе всего думало о борьбѣ съ державами. Напротивъ, эта мѣра долженствовала лишь завершить зданіе политики, основанной на поддержаніи тѣснаго согласія съ Европой и охраненіи общаго спокойствія. Таковы дѣйствительно были намѣренія нашего правительства, какъ видимъ изъ книги Н. Н. Муравьева, и если это вызвало сильное озлобленіе противъ Россіи, то въ этомъ слѣдуетъ винить лишь неизбѣжный ходъ обстоятельствъ.

Въ октябрѣ 1832 года, получены были въ Петербургѣ извѣстія о пораженіи Турокъ подъ Гомсомъ, о занятіи Ибрагимъ-пашой Аданы и о быстромъ движеніи его къ тѣснинамъ Тавра; очевидно было, что Оттоманской имперіи угрожала вѣрная погибель; каждый день слѣдовало ожидать, что

Египтяне появятся въ Босфорѣ и нанесутъ окончательный ударъ владычеству султана. Въ эту-то минуту возложено было на генерала Муравьева, уже пользовавшагося весьма заслуженною репутаціей и, кромѣ того, свободно владѣвшаго турецкимъ языкомъ, чрезвычайное порученіе въ Константинополь и Александрію, цѣль коего была объяснена ему самимъ императоромъ Николаемъ. Вотъ собственныя слова государя, составляющія ключъ къ уразумѣнію видовъ, руководившихъ нашимъ правительствомъ: „Надо защитить Константинополь отъ нашествія Мегмета-Али; вся эта война не что̀ иное какъ послѣдствія возмутительнаго духа, овладѣвшаго нынѣ Европой и въ особенности Франціей. Самое завоеваніе Алжира есть дѣйствіе безпокойныхъ головъ, которыя къ тому склонили бѣднаго Карла X. Нынѣ они далѣе распространили свое вліяніе и возбудили европейскую войну. Съ завоеваніемъ Цареграда, мы будемъ имѣть въ сосѣдствѣ гнѣздо всѣхъ людей безпріютныхъ, безъ отечества, изгнанныхъ всѣми благоустроенными обществами. Люди сіи не могутъ оставаться въ спокойствіи; они нынѣ окружаютъ Мегмета-Али, наполняютъ его армію и флотъ: надобно низвергнуть этотъ новый зародышъ зла и безпорядка....“

Очевидно такимъ образомъ, что, задумавъ прибѣгнуть ко вмѣшательству въ дѣлѣ Востока, государь оставался неизмѣнно вѣрнымъ задачѣ, надъ которою и онъ, и его предшественникъ трудились вмѣстѣ со своими союзниками: дѣло шло о борьбѣ съ анархическими замыслами. И могла ли Россія представить лучшее доказательство своихъ заботъ о спокойствіи Европы, какъ рѣшившись оградить Турцію отъ погибели? Нужно было только найти средства для достиженія этой цѣли. Они были изложены въ инструкціи генералу Муравьеву, составленной графомъ Нессельроде, — документѣ замѣчательномъ во многихъ отношеніяхъ. Въ немъ говорилось, что завоеваніе Турціи Мегметомъ-Али способно пробудить новыя силы въ этомъ распадающемся государствѣ и „отвлечь вниманіе наше отъ дѣлъ Европы“, а потому правительство твердо вознамѣрилось препятствовать подобному событію. Къ тому же, новый правитель Оттоманской имперіи могъ не признать тѣхъ правъ, которыя были обезпечены намъ на Востокѣ Адріанопольскимъ и другими трактатами, а въ такомъ случаѣ Россія, противъ желанія, неминуемо вынуждена была бы снова прибѣгнуть къ

войнѣ. Для предупрежденія этого зла, генералу Муравьеву поручалось отправиться въ Константинополь и повторить тамъ слова, заключавшіяся въ собственноручномъ письмѣ государя, а именно, что „его величество — врагъ возмущенія и вѣрный другъ султана“. Такого же рода заявленіе, и въ самой энергической формѣ, обязанъ онъ былъ сдѣлать Египетскому пашѣ. При этомъ всѣ усилія его долженствовали быть направлены къ отклоненію мысли, будто мы принимаемъ участіе въ затрудненіяхъ Порты съ цѣлью найти предлогъ для вмѣшательства въ восточныя дѣла; ему не слѣдовало предлагать прямыя пособія, и еще менѣе слѣдовало принимать на себя посредничество для примиренія паши съ султаномъ. Въ ихъ распрѣ русское правительство не хотѣло играть никакой роли. Желанія его были направлены единственно къ тому, чтобы заявить Портѣ дружелюбныя свои чувства, выразить рѣзкое порицаніе Мегмету-Али и тѣмъ самымъ воздержать его отъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій. Ручательствомъ за успѣхъ подобной попытки служили отчасти слѣдующія слова, сказанныя египетскимъ пашой нашему консулу Лавизону, отозванному изъ Александріи: „Удаленіе ваше знаменуетъ, безъ сомнѣнія, дѣйствія двора твердаго въ своихъ договорахъ и неизмѣннаго въ правилахъ; я опасаюсь, чтобы Россія не оказала вспомоществованія султану. Всѣ разчеты мои чрезъ то разстроятся; тогда пришлось бы мнѣ остановиться....“ Такъ какъ посольство генерала Муравьева должно было преимущественно произвести нравственный эффектъ, то все зависѣло, разумѣется, отъ быстроты и рѣшительности его дѣйствій.

„Перечитывая данное мнѣ наставленіе“, говоритъ авторъ разбираемой нами книги, „и вникая въ содержаніе его, я всего болѣе былъ пораженъ ожидаемымъ успѣхомъ отъ угрозы, не поддержанной немедленнымъ отправленіемъ войскъ, о коихъ даже не упоминалось. Паша могъ насмѣяться надъ сею угрозой, и чѣмъ тогда поддержать ее? Догадываясь о цѣли моего порученія, или узнавъ о ней постороннимъ образомъ, онъ могъ даже и совсѣмъ не принять меня; какое тогда предстояло средство для объявленія ему воли государя? Другой предметъ казался мнѣ также болѣе чѣмъ страннымъ: въ концѣ инструкціи предписывалось мнѣ въ послѣдней

крайности объявить пашѣ, что еслибъ онъ и ниспровергъ престолъ султана, то Россія, непоколебимая защитница правъ своихъ, пріобрѣтенныхъ Адріанопольскимъ трактатомъ съ Портой, силой оружія поддержала бы ихъ противъ всякаго нарушителя. Что бы оставалось мнѣ дѣлать, еслибы паша отвѣчалъ мнѣ на сіе, что онъ, съ низверженіемъ султана, почелъ бы обязанностью сохранить во всей силѣ договоръ нашъ съ Портой?...“ Намъ кажется, что въ этихъ послѣднихъ словахъ заключалось весьма важное возраженіе на инструкцію графа Нессельроде. Трудно было предположить, чтобы Мегметъ-Али, низвергнувъ султана Махмуда, — что̀ во всякомъ случаѣ потребовало бы отъ него не мало усилій, — отважился тотчасъ послѣ того вступить въ борьбу съ такимъ могущественнымъ врагомъ какъ Россія. Для насъ было выгодно оставаться спокойными зрителями событій на Востокѣ, обнаруживая лишь готовность защищать съ оружіемъ въ рукахъ права, предоставленныя намъ нашими трактатами съ Турціей. Подобная выжидательная роль едва ли сопряжена была съ неудобствами: если мы могли опасаться, что съ водвореніемъ египетскаго паши въ Константинополѣ утвердится тамъ французское вліяніе, то было вполнѣ несомнѣнно, что Англія ни въ какомъ случаѣ не отнесется равнодушно къ подобному событію, и такимъ образомъ возникъ бы антагонизмъ между двумя западными державами, единодушное дѣйствіе коихъ на Востокѣ представлялось для насъ всегда особенно неблагопріятнымъ. Но какъ ни были важны возраженія генерала Муравьева, очевидно, онъ не могъ возбуждать вопросы, касавшіеся цѣлей и намѣреній нашего правительства, тѣмъ болѣе, что министерство иностранныхъ дѣлъ не охотно пускалось въ объясненія. Такъ, напримѣръ, графъ Нессельроде не отрицалъ, что инструкція страдаетъ неполнотой и отсутствіемъ ясности, но не хотѣлъ что-либо измѣнить въ ней, ибо инструкція эта „была уже читана и утверждена императоромъ“. Вообще, по словамъ автора записокъ, государственный канцлеръ не сочувствовалъ задуманной мѣрѣ и не предвидѣлъ пользы отъ нея: не сочувствовали ей и другія вліятельныя лица того времени, какъ, напримѣръ, графъ А. Ѳ. Орловъ, который выражался, что „не постигаетъ цѣли даннаго генералу Муравьеву порученія и какого можно ожидать отъ этого порученія успѣха“.

Н. Н. Муравьевъ прибылъ въ Константинополь въ первыхъ числахъ декабря 1832 года. При замѣчательной проницательности его ума, не много нужно было сдѣлать ему наблюденій, чтобы составить вѣрное понятіе о положеніи, въ какомъ находилась Турція. Войска ея были разбиты, непріятель могъ внезапно появиться подъ стѣнами самого Константинополя, гдѣ настроеніе народа отнюдь нельзя было считать надежнымъ, а между тѣмъ не предпринималось почти ровно ничего для отвращенія почти неминуемаго бѣдствія: и султаномъ, и его совѣтниками овладѣла какая-то непонятная безпечность, фаталистическая покорность судьбѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренность, что въ рѣшительную минуту явятся средства для спасенія. Интриги дипломатіи были въ полномъ ходу, и посреди разнородныхъ ея вліяній Порта склонялась то на одну, то на другую сторону. Вообще это критическое время представляетъ богатый матеріалъ для оцѣнки политическаго и нравственнаго состоянія турецкаго общества: не забудемъ, что дѣло происходило вскорѣ послѣ того, какъ султанъ Махмудъ, уничтоживъ янычаръ, выступилъ на путь реформъ, долженствовавшихъ преобразовать весь государственный строй Оттоманской имперіи; заграничные публицисты, въ лирическомъ восторгѣ, смѣло сравнивали его съ Петромъ Великимъ; на всевозможные лады воспѣвали они великую будущность, ожидавшую мусульманъ, но, въ сущности, для всякаго безпристрастнаго человѣка было вполнѣ ясно, что Турція осталась и останется такою же, какою была прежде, что всѣ безсознательныя подражанія европейскимъ порядкамъ обнаруживали не только неспособность Турокъ усвоить себѣ европейскую цивилизацію, но и совершенное непониманіе ихъ въ чемъ состоитъ истинная цивилизація. Въ настоящее время можно только удивляться, какимъ образомъ серіозные государственные люди и у насъ, и въ Европѣ возымѣли мысль, что еслибы Мегметъ-Али сѣлъ на престолъ султана, то ему удалось бы вызвать новыя силы въ этомъ разлагающемся организмѣ. Египетскій паша былъ, конечно, человѣкъ весьма способный, но нисколько не выходилъ, однако, изъ ряду мусульманскихъ властелиновъ, которые счастливыми побѣдами и варварскимъ деспотизмомъ успѣвали пріобрѣсти эфемерное могущество, не оставлявшее никакихъ слѣдовъ послѣ ихъ смерти; онъ заставилъ говорить о себѣ, потому что постоянно былъ окруженъ авантю-

ристами, нагрѣвавшими себѣ руки въ его владѣніяхъ и въ благодарность за то разносившими его славу по Европѣ; не хуже ихъ онъ самъ грабилъ свою страну и довелъ ее до послѣдней степени истощенія, и не ему, конечно, удалось бы поднять Оттоманскую имперію, еслибъ она подпала его власти. Замѣчательно, что при Мегметѣ-Али не было вовсе сколько-нибудь талантливыхъ людей изъ туземцевъ; его сынъ, Ибрагимъ-паша, всегда слылъ за опытнаго и весьма храбраго полководца, но не обнаруживалъ никакихъ способностей къ государственному управленію; его первый министръ и секретарь, Армянинъ Богосъ, могъ служить образцомъ жалкой креатуры, какія встрѣчаются только при восточныхъ дворахъ; иностранцы, въ родѣ французскаго полковника Сева, преобразователя египетскаго войска, наполняли его дворъ, администрацію, занимали мѣста во главѣ его арміи, и, конечно, не отъ этихъ людей можно было ожидать сочувствія къ интересамъ самого Египта. Въ этомъ отношеніи Турція стояла несравненно выше: между приближенными Махмуда было не мало такихъ, которымъ нельзя отказать ни въ умѣ, ни въ природныхъ дарованіяхъ. Но уже таково, видно, свойство мусульманской натуры, что даже при лучшихъ задаткахъ она оказывается неспособною ни къ какой плодотворной дѣятельности.

Изъ числа турецкихъ сановниковъ, съ которыми приходилось ему имѣть дѣло, Н. Н. Муравьевъ отзывается о сераскирѣ, Хозревъ-Мегметъ-пашѣ, какъ о человѣкѣ особенно замѣчательномъ. „Въ теченіи долгой жизни, говоритъ онъ, Хозревъ прошелъ чрезъ всѣ высшія государственныя званія, начальствовалъ флотомъ, арміей, управлялъ областями, былъ при дворѣ и, по давнимъ личностямъ, остался непримиримымъ врагомъ египетскаго паши. Впечатлѣніе, производимое на первыхъ порахъ странною наружностью его, вскорѣ изчезаетъ предъ открывающимися природными его способностями. Пріятное обхожденіе сближаетъ его съ иностранцами. Онъ родомъ изъ Грузинъ, взятъ въ ребячествѣ въ плѣнъ, имѣетъ близъ 70 лѣтъ; роста малаго, нѣсколько сутуловатаго; небольшая сѣдая борода и сѣдые на головѣ волосы, которые у мусульманъ обыкновенно сбриваютъ, у него заплетены въ косички и иногда выказываются изъ-подъ красной фески. Одежда его состоитъ изъ синей солдатской шинели съ краснымъ воротникомъ, застегивающимся назади;

обшлага красные же, на плечахъ синіе суконные погончики; шинель его, не прорѣзанная спереди, надѣвается съ головы, какъ сорочка; нижнее платье состоитъ изъ шароваръ, обувается же въ козловые сапоги. Трудно угадать, съ какого образца перенялъ онъ такой покрой платья; мысль его была, конечно,—подражать одеждѣ регулярныхъ войскъ, коихъ онъ главный поборникъ въ Турціи. Турки смѣшали понятія о преобразованіи войскъ съ преобразованіемъ всего народа и европейскую военную одежду примѣняютъ ко всему. Такимъ образомъ рейсъ-эффенди, министръ иностранныхъ дѣлъ, одѣвается въ шинель солдатскаго покроя, сшитую изъ байки, съ такими же погончиками, но спереди прорѣзанную и съ пуговицами. Сераскиръ, при тѣлесныхъ недостаткахъ своихъ, необыкновенно дѣятеленъ; онъ всегда въ движеніи, быстръ и веселъ; смыслъ его здравъ, и разговоръ наполненъ остротой." Нужно прибавить къ этому портрету нѣсколько словъ о странныхъ наклонностяхъ, которыми отличался Хозревъ-паша: въ числѣ ихъ на первомъ планѣ стояла необузданная страсть его къ ружейнымъ пріемамъ. Генералъ Муравьевъ разказываетъ, что не могъ доставить бо́льшаго удовольствія и ему, и его товарищамъ—другимъ министрамъ,—какъ иногда, поздно вечеромъ, послѣ долгихъ совѣщаній, выстроить ихъ въ рядъ и заставить маршировать учебнымъ шагомъ. „Стоя долго на одной ногѣ и вымахивая другою, они теряли равновѣсіе и опирались на длинные чубуки, которые держали въ рукахъ. Упражненіе это занимало ихъ какъ государственное дѣло. Неужели военное образованіе и просвѣщеніе цѣлаго народа должно непремѣнно имѣть такія начала? Старый сераскиръ, человѣкъ умный, не разлучается съ ружьемъ; столъ въ его комнатѣ всегда установленъ деревянными шашками, изображающими взводы; по нимъ учится онъ построенію баталіоновъ. Онъ готовъ посвятить симъ занятіямъ лучшую часть дня, прервать самыя важныя государственныя дѣла, чтобы похвастать предъ посторонними занятіемъ своимъ, или изучить какіе-либо новые пріемы ружья, какъ бы отыскивая въ томъ спасительное средство или заглушая душевное смущеніе свое въ тѣсныхъ обстоятельствахъ тогдашняго времени...." И не объ одномъ Хозревъ-пашѣ, но и многихъ другихъ сановникахъ Турціи можно было бы разказать подобныя же диковины, хотя это были, какъ замѣчаетъ генералъ Муравьевъ, люди далеко не дюжинные.

Тотчасъ по прибытіи своемъ въ Константинополь, Муравьевъ вступилъ въ сношенія съ министрами султана. Обстоятельства были такого рода, что нельзя было медлить ни минуты; слѣдовало принять энергическія мѣры для отраженія непріятеля, въ случаѣ еслибъ онъ появился на Босфорѣ, а между тѣмъ ничего не дѣлалось, ничего не предпринималось, и Турки предавались какой-то непонятной безпечности. Когда русскій уполномоченный вступилъ съ ними въ совѣщанія о средствахъ обороны, то долженъ былъ убѣдиться, что сераскиръ имѣлъ или недостаточныя, или ложныя понятія о состояніи войска, что морской министръ былъ столько же несвѣдущъ относительно флота, что оба они не знали въ какомъ положеніи находились береговыя укрѣпленія и не запаслись даже порядочною картой, по которой могли бы слѣдить за движеніемъ непріятельской арміи. Положимъ, что все это было лишь невѣжество, но когда генералъ Муравьевъ подавалъ имъ совѣты, благоразуміе коихъ они сами не могли отрицать, то получалъ увѣренія въ совершенной готовности исполнять ихъ, — и между тѣмъ дѣло не подвигалось ни на шагъ впередъ. Онъ безцеремонно упрекалъ ихъ за безпечность во всѣхъ отрасляхъ управленія и требовалъ, чтобы были приняты мѣры къ устраненію этого зла, губящаго всякое дѣло при лучшихъ намѣреніяхъ: министры Махмуда нисколько не обижались даже этимъ, соглашались съ его мнѣніемъ, благодарили, обѣщали заняться—и продолжали сидѣть сложа руки. „По словамъ сераскира, восклицаетъ авторъ въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ, все у нихъ готовилось и исправлялось, но мнѣ извѣстно, что въ сущности ничего не дѣлалось. Съ самыми порядочными Турками трудно дѣлать какое-либо дѣло!“

Быть-можетъ, все сказанное нами выше пояснится еще болѣе, когда мы приведемъ здѣсь слѣдующій разказъ Н. Н. Муравьева о первой аудіенціи его у султана:

„Меня повели, въ сопровожденіи турецкихъ и находившихся при мнѣ чиновниковъ чрезъ дворъ, при звукахъ музыки, въ главный корпусъ дворца и посадили въ особенной пріемной комнатѣ. Турецкіе сановники какъ будто опасались выронить слово. Я просилъ молчаливаго рейсъ-эффенди передать мнѣ отзывъ султана насчетъ поѣздки моей въ Александрію. „Не лучше ли, сказалъ онъ, услышать вамъ сего же „дня отвѣтъ отъ самого султана?“ Это было справедливо; нельзя отказать Туркамъ въ изворотливости по малозначущимъ

случаямъ. Рейсъ-эффенди и сераскиръ просили меня говорить съ султаномъ по-турецки; я отказывался, извиняясь малымъ навыкомъ въ цареградскомъ нарѣчіи, мое же нарѣчіе казалось у нихъ страннымъ. „Дѣла нѣтъ, отвѣчали они, „не лучше ли всего, чтобы государи изліяли между собой выраженія взаимной дружбы чрезъ одного посредника, безъ переводчика; мы всѣ выйдемъ, и вы останетесь тогда одни съ „султаномъ." Изъ словъ ихъ я заключилъ, что изъясненныя на совѣщаніяхъ причины пріѣзда моего казались имъ неудовлетворительными, и что они предполагали въ моей поѣздкѣ еще какую-либо отвлеченную цѣль, которую я отъ нихъ скрывалъ.

„Мнѣ пришло на мысль сходство, на этотъ счетъ, общаго мнѣнія при Портѣ съ тѣми мнѣніями, которыя слышалъ отъ всѣхъ въ Петербургѣ о непостижимости моего порученія.

„Вскорѣ пригласили меня къ султану, въ небольшую комнату, убранную по-европейски и со вкусомъ. Онъ сидѣлъ на канапе, спустя ноги, недвижимъ. Выраженіе лица его занимательно и внушаетъ участіе, черты пріятныя, взоръ его былъ нѣсколько безпокоенъ. Хотя ему близь 50 лѣтъ отъ роду, но онъ довольно моложавъ; оконечность носа начинаетъ покрываться краснотой, которая его однакоже не обезображиваетъ. Борода его подстрижена и выкрашена. Онъ носитъ на головѣ красную феску. Синій суконный плащъ покрывалъ одежду его, того же цвѣта, покроемъ похожую на казачью. Я подошелъ къ султану съ правой стороны, и едва началъ выражать, чрезъ переводчика, увѣренія въ дружбѣ государя, какъ онъ съ поспѣшностью прервалъ меня и сказалъ съ улыбкой: „Говори по-„турецки, говори по-турецки, онъ по-турецки знаетъ". Я сказалъ рѣчь свою вкратцѣ по-турецки и вручилъ ему письмо государя, которое онъ, не распечатавъ, передалъ сераскиру, стоявшему подлѣ него съ другой стороны. Султанъ хотѣлъ отвѣчать, но какъ бы смѣшался и, заминаясь, выговорилъ только нѣсколько несвязныхъ словъ. Переводчики Вогориди и Франкини поспѣшно подхватили рѣчь и выговорили, вмѣсто него, привѣтствіе, которое онъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать.

„Тогда я началъ объяснять ему, чрезъ переводчика, порученіе, которое государь на меня возложилъ къ египетскому пашѣ, но онъ предупредилъ меня.

„— Что̀ до этого касается, я приказалъ уже рейсъ-эффенди сообщить тебѣ отвѣтъ мой, что̀ онъ и исполнитъ.

„— Не замедлю спросить у рейсъ-эффенди отвѣта, продолжалъ я,—но мнѣ должно изложить предъ вашимъ величествомъ, что мое порученіе къ Мегмету-Али заключается только въ нѣсколькихъ словахъ. Они кратки и выразительны: я объявляю ему, что государь—врагъ мятежа и другъ вашего величества; что если паша, упорствуя въ неповиновеніи вамъ, станетъ продолжать военныя дѣйствія, то онъ будетъ имѣть дѣло съ Россіей.

„— Мегметъ-Али много виноватъ предо мной, отвѣчалъ султанъ съ жаромъ, и сталъ объяснять вину его и отношенія между ними существующія.

„— Кто усомнится въ справедливости дѣла вашего величества! сказалъ я. И какъ султанъ началъ излагать условія, предложенныя ему будто пашой для примиренія, то я, прервавъ его рѣчь, объявилъ, что мнѣ нисколько не подлежало входить въ какіе-либо переговоры съ возставшимъ пашой; что принять мнѣ ихъ на себя было бы противно волѣ государя, который въ семъ случаѣ не разумѣлъ со стороны паши другой покорности, какъ вѣрноподданнической, иного повиновенія, какъ своему законному государю, отъ коего единственно зависѣла его участь.

„— Слышите, слышите! вскричалъ султанъ, обращаясь ко всѣмъ:—каковы первыя условія подданнаго къ своему государю. И я ихъ такими разумѣю.

„Заключивъ изъ словъ султана, что онъ готовился вступить въ переговоры по наущенію своихъ совѣтниковъ, но что слова мои ободрили его, я хотѣлъ усилить впечатлѣніе, сравненіемъ тогдашняго положенія его съ положеніемъ государя во время польскаго возстанія, но султанъ предупредилъ меня.

„— И государь не принялъ переговоровъ съ Поляками, сказалъ онъ,—онъ покорилъ, смирилъ ихъ?

„— Такъ поступилъ государь съ Поляками, отвѣчалъ я.— Нынѣ же, посылая меня къ Мегмету-Али, онъ надѣется достичь двоякой цѣли: первая состоитъ въ томъ, чтобъ устрашить его и остановить въ злодѣйскихъ умыслахъ; другая же, чтобы симъ убѣдить ваше величество въ тѣхъ чувствахъ дружбы и расположенія, которыя онъ вамъ уже изъявилъ чрезъ посредство графа Орлова и посланника вашего Халиль-пашу.

„— Дружба государя велика, отвѣчалъ султанъ,—я въ томъ убѣжденъ. Онъ мнѣ уже много явилъ доказательствъ своей искренности, но знай, что Мегметъ-Али хитръ, лукавъ, лживъ. Онъ будетъ жаловаться и склонять тебя на свою сторону.

„— Меня уже предостерегли, сказалъ я;—убѣжденія его безсильны: я человѣкъ военный, а не дипломатъ. Слова мои кратки и просты. Не буду распространяться въ переговорахъ съ Мегметомъ-Али и не опасаюсь козней и коварства его.

„— Не менѣе этого, продолжалъ султанъ,—*есть обстоятельство, которое должно тебѣ пояснить при отъѣздѣ*, и я возложилъ это на рейсъ-эффенди.

„— Со вниманіемъ выслушаю порученіе вашего величества, отвѣчалъ я,—и воспользуюсь предостереженіями вашими.

„Султанъ услышалъ это съ удовольствіемъ *и при мнѣ повторилъ приказаніе свое рейсъ-эффенди*, но по всему видно было, что онъ еще несовершенно довѣрялъ искренности данныхъ мнѣ порученій къ египетскому пашѣ. Разговоръ нашъ еще продолжался, какъ неожиданно ввели въ комнату

бывшихъ со мной офицеровъ, вопреки сдѣланному съ рейсъ-эффенди условію, по коему я прежде долженъ былъ испросить у султана позволенія представить ему моихъ чиновниковъ. Въ семъ случаѣ царедворцы, и въ особенности Грекъ Вогориди, которые во все время разговора, какъ видно было, управляли рѣчью султана, ускорили призваніемъ ихъ, какъ бы желая прекратить аудіенцію. Они опасались, чтобъ я не склонилъ султана къ принятію какихъ-либо мѣръ, противныхъ ихъ видамъ...."

Вся эта сцена весьма характеристична для пониманія печальной картины, которую представляла собой Турція. Султанъ разсуждаетъ, повидимому, весьма свободно съ уполномоченнымъ русскаго правительства, но въ сущности старается не проронить ни одного слова, которое могло бы быть истолковано другими чужеземными вліяніями въ непріятномъ для нихъ смыслѣ; впрочемъ, еслибъ и случилась подобная оплошность, то окружающія его должностныя лица, въ родѣ драгомана Порты, Вогориди, который почти завѣдомо продался Французамъ, тотчасъ же готовы поправить его рѣчь сообразно собственному ихъ желанію; затѣмъ, когда этимъ же сановникамъ показалось, что аудіенція длится слишкомъ долго, и что генералъ Муравьевъ можетъ вынудить у султана мѣры, несогласныя съ ихъ разчетами, они почти насильственно прекращаютъ ее; наконецъ, султанъ приказываетъ своему министру иностранныхъ дѣлъ объявить нашему уполномоченному о какомъ-то особенномъ обстоятельствѣ, касающемся его поѣздки въ Александрію—и тотъ не думаетъ исполнять приказаніе. Дѣйствительно, генералъ Муравьевъ никогда не узналъ о чемъ шла рѣчь: несмотря на всѣ его настоянія, рейсъ-эффенди съ упорствомъ уклонялся отъ отвѣта. Не знаемъ, справедливо ли заключеніе, вынесенное авторомъ записокъ изъ приведенной нами сцены, что султанъ Махмудъ „не имѣлъ никакой воли". Какъ ни страненъ подобный приговоръ объ истребителѣ янычаръ, онъ не лишенъ, быть-можетъ, основанія, тѣмъ болѣе что и Турки не слишкомъ высоко цѣнили, кажется, энергію своего повелителя. Когда генералъ Муравьевъ предлагалъ расположить на высотахъ близь Босфора укрѣпленный лагерь, надъ которымъ, по мнѣнію его, самъ султанъ долженъ былъ принять главное начальство, то „сераскиръ покатился съ хохотомъ по софѣ, и обратясь къ Ахмедъ-пашѣ, взялъ его въ свидѣтели, что онъ уже убѣждалъ султана отправиться къ арміи,

давая какъ бы мнѣ чувствовать симъ смѣхомъ, говоритъ авторъ записокъ, что султанъ не тотъ человѣкъ, который бы рѣшился лично предводительствовать своимъ войскомъ противъ тысячъ непріятеля". Какъ ни замѣчателенъ этотъ анекдотъ, мы полагаемъ, что были другія причины колебаній и нерѣшительности Махмуда,—нерѣшительности, которую раздѣляли съ нимъ всѣ его приближенные: они давно уже отвыкли дѣйствовать на свою отвѣтственность, чутко прислушивались къ мнѣнію европейскихъ дипломатовъ и старались выиграть время, дабы мнѣніе это обнаружилось вполнѣ ясно. Этимъ же объясняется, конечно, почему турецкіе министры отнеслись весьма холодно къ намѣренію Н. Н. Муравьева отправиться въ Александрію и послать полковника Дюгамеля въ лагерь Ибрагимъ-паши: они не могли не сознавать, что еслибы даже вмѣшательство подобнаго рода и не принесло желанной пользы, то во всякомъ случаѣ нельзя было ожидать отъ него вреда, но вмѣшательство Россіи могло вызвать неудовольствіе Франціи и Англіи, а Порта заботилась не столько о томъ чтобъ отвратить висѣвшій надъ ней ударъ, сколько о томъ, чтобы не компрометтировать себя предъ Европой. И все это происходило въ ту самую минуту, когда въ Константинополѣ было получено извѣстіе о новомъ, рѣшительномъ пораженіи, понесенномъ Турками при Коніи: войска ихъ были разсѣяны, великій визирь Решидъ-паша попался въ плѣнъ, и не представлялось никакихъ средствъ остановить побѣдоносное шествіе Ибрагима!

У иностранныхъ писателей находимъ мы самыя превратныя свѣдѣнія о поѣздкѣ Н. Н. Муравьева въ Египетъ. Обращаемся къ одному изъ болѣе серіозныхъ, прусскому историку Розену, и вотъ что̀ мы читаемъ у него: „*Переговоры Порты съ Александріей* не имѣли ровно никакого успѣха; генералъ Муравьевъ прибылъ туда почти одновременно съ отправившимся нѣсколько дней послѣ него Халиль-пашей и вслѣдствіе того былъ предупрежденъ въ данномъ ему порученіи. Онъ заблагоразсудилъ поэтому ограничить свои угрозы тѣмъ, что выразилъ вице-королю только *желаніе* императора, чтобы война была приведена скорѣе къ исходу, — и, конечно, сообщеніе подобнаго свойства долженствовало не сломить высокомѣріе грознаго мятежника, а развѣ еще болѣе укрѣпить его. И дѣйствительно, паша, хотя и расточавшій пустыя вѣжливости и голословныя увѣренія въ своихъ

добрыхъ намѣреніяхъ, отвѣчалъ въ сущности на заявленіе генерала Муравьева приказаніемъ сыну своему двинуться на Бруссу. Русскій уполномоченный отнюдь не достигъ, слѣдовательно, того, чего хотѣлось султану, но вполнѣ достигъ того, къ чему стремился *онъ самъ*; ибо если посольство не увѣнчалось блестящимъ и во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительнымъ успѣхомъ, который связалъ бы Порту вѣчною благодарностью, то для тайныхъ цѣлей русской политики было выгодно потерпѣть совершенное пораженіе. Между тѣмъ какъ Халиль-паша упивался устроенными въ честь его празднествами, генералъ Муравьевъ поспѣшилъ возвратиться въ Константинополь и сообщилъ тамъ о военныхъ средствахъ египетскаго вице-короля свѣдѣнія, вовсе не соотвѣтствовавшія укоренившемуся до тѣхъ поръ мнѣнію о крайнемъ истощеніи его финансовъ." Мы привели эти слова, дабы, сличивъ ихъ съ разказомъ автора записокъ, тѣмъ убѣдительнѣе выставить на видъ всю ихъ вопіющую несообразность. Замѣтимъ, вопервыхъ, что Н. Н. Муравьевъ дѣйствовалъ хотя и съ вѣдома Порты, но совершенно независимо отъ нея; онъ не имѣлъ отъ султана никакихъ порученій къ Мегмету-Али,— слѣдовательно, связывать съ его поѣздкой мысль о переговорахъ между Константинополемъ и Александріей было по меньшей мѣрѣ несправедливо. Тотчасъ по прибытіи своемъ имѣлъ онъ аудіенцію у паши, и вотъ какимъ образомъ описываетъ эту замѣчательную личность: „Паша роста небольшаго, старъ, взглядъ его скрытый и лукавый. Бѣглые и быстрые небольшіе глаза его сверкаютъ изъ-подъ навислыхъ бровей. Внутреннее волненіе его отзывается во всѣхъ пріемахъ; въ членахъ замѣтна необходимость къ движенію и безпокойство, вообще несродное Туркамъ. Онъ часто перемѣняетъ положеніе: то взявшись за эфесъ сабли опирается концомъ ея о софу, то положитъ саблю на колѣни. Разговоры его несвязны и никогда не выражаютъ вполнѣ мысли. Онъ болтливъ, бываетъ иногда завлекателенъ, но рѣчи его часто прерываются кашлемъ и отвратительнымъ принужденнымъ смѣхомъ, напоминающимъ фантастическія изображенія судорожнаго хохота нечестиваго." Сношенія съ подобною личностью были весьма тягостны, ибо ложь и притворство сдѣлались какъ бы второю его натурой; къ тому же онъ былъ обольщенъ своими воинскими успѣхами, а раболѣпіе и угодливость иностранцевъ давно уже до крайности избаловали

его. Александрія представляла въ этомъ отношеніи удивительное зрѣлище: тамъ находилось до пяти тысячъ Европейцевъ, забывшихъ вовсе объ отечествѣ и занимавшихся исключительно торговыми оборотами, которымъ, при содѣйствіи паши, предавались не только частныя лица, но даже консулы державъ. Всѣ они были друзьями и совѣтниками паши, всѣ они принимали горячее участіе въ его дѣлахъ и яростно враждовали между собой,—а потому козни и интриги приняли тамъ необычайные размѣры. Не легко было дѣйствовать въ этой средѣ генералу Муравьеву, который имѣлъ порученіе остановить пашу однимъ словомъ Русскаго императора, и естественно раждается вопросъ: достигъ ли онъ какого-нибудь результата? Увѣнчались ли угрозы и увѣщанія его желаемымъ успѣхомъ?

Европейскимъ дипломатамъ того времени непремѣнно хотѣлось отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно; генералъ Муравьевъ, по словамъ ихъ, возвратился въ Константинополь, не устрашивъ пашу и вынесши твердое убѣжденіе въ непреклонномъ его намѣреніи продолжать непріязненныя дѣйствія противъ султана. Г. Розенъ утверждаетъ даже, какъ мы видѣли сейчасъ, будто бы русскій уполномоченный не отважился принять рѣшительный тонъ съ пашой и говорилъ ему не о *требованіяхъ*, а лишь о *желаніяхъ* нашего правительства. Ничего не можетъ быть несправедливѣе этого предположенія. При первомъ же свиданіи генералъ Муравьевъ выразилъ Мегмету-Али въ слѣдующихъ словахъ цѣль своего путешествія и затѣмъ ни на шагъ не отступалъ отъ нихъ: „Государь желаетъ, чтобы вы немедленно прекратили кровопролитіе и покорились султану; его величество не измѣнилъ мыслей своихъ послѣ отъѣзда Лавизона, и какіе бы ни были успѣхи ваши, еслибы даже вы завоевали Царьградъ и удалось бы вамъ свергнуть съ престола самого султана, то и въ такомъ случаѣ воля государя останется непоколебимою.“ Мегметъ-Али прибѣгалъ ко всевозможнымъ изворотамъ; онъ расточалъ увѣренія въ преданности своему повелителю; выставлялъ себя обиженнымъ, жаловался на козни своихъ враговъ въ Константинополѣ, просилъ покровительства Россіи, „ибо, говорилъ онъ, стóитъ лишь взглянуть на карту, дабы убѣдиться, что Турція, Персія и Египетъ находятся въ полной зависимости отъ нея“, но генералъ Муравьевъ постоянно возвращалъ бесѣду къ главной цѣли своего

посольства. И цѣль эта была достигнута. Вотъ какимъ образомъ сообщаетъ авторъ записокъ о результатѣ своихъ переговоровъ съ пашой: „Я никогда не думалъ свергать султана,“ сказалъ паша, „какъ мнѣ можно было это предпринимать? Я никогда не переставалъ называть себя именемъ „его бендэ (слуги), и довольно громко кричу о томъ, чтобы „весь свѣтъ могъ слышать, а въ доказательство искренняго „расположенія моего соотвѣтствовать видамъ государя, я сейчасъ же прикажу остановить военныя дѣйствія.“ Онъ въ ту же минуту позвалъ секретаря. Явился молодой человѣкъ съ красною феской на головѣ и въ синемъ чекменѣ, съ изображеніемъ небольшаго брилліантоваго якоря на груди. Паша, въ присутствіи моемъ, велѣлъ ему написать къ сыну приказъ о немедленномъ прекращеніи военныхъ дѣйствій. Короткій приказъ вскорѣ былъ принесенъ. Паша при мнѣ же приложилъ къ нему печать и велѣлъ его поспѣшнѣе отправить.“ Генералъ Муравьевъ имѣлъ возможность положительно убѣдиться, что это не была лишь простая уловка съ его стороны.

Въ послѣдствіи наши противники старались увѣрить, что русскій уполномоченный былъ обманутъ Мегметомъ-Али, и въ доказательство приводили тотъ убѣдительный, повидимому, фактъ, что Ибрагимъ, послѣ небольшаго промедленія, снова двинулся впередъ. Замѣтимъ на это, что самъ Н. Н. Муравьевъ нисколько не довѣрялъ искренности паши; по возвращеніи своемъ въ Константинополь, онъ не переставалъ повторять турецкимъ сановникамъ, что не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ прекращать приготовленія къ энергической оборонѣ. Но при всемъ томъ было бы недобросовѣстно отрицать, что нами были достигнуты результаты значительной важности: Мегметъ-Али приказалъ своему сыну остановиться, и какъ ни была кратковременна эта остановка, она спасла султана, — вотъ фактъ, который не хотѣли оцѣнить надлежащимъ образомъ въ Европѣ! Константинополь оставался совершенно беззащитнымъ; даже позднѣе, когда явилась туда наша эскадра, не имѣя еще при себѣ дессанта, не представлялось средства, по сознанію автора записокъ, воспрепятствовать переходу Египтянъ чрезъ проливъ. Ибрагимъ-паша упустилъ эту благопріятную минуту, и она миновала для него безвозвратно. Онъ самъ ослабилъ побѣдоносный порывъ своихъ войскъ, далъ время Русскимъ

прибыть на защиту Царьграда, а Туркамъ оправиться хотя нѣсколько отъ понесеннаго ими пораженія. Все это было прямымъ слѣдствіемъ мѣры, принятой Мегметомъ-Али по настояніямъ генерала Муравьева, который имѣлъ полное право считать свое порученіе оконченнымъ съ полнымъ успѣхомъ.

Не его была вина, конечно, если правительство султана само постаралось ослабить достигнутые имъ результаты. Онъ не выѣзжалъ еще изъ Александріи, когда прибылъ туда Халиль-паша: это неожиданное обстоятельство крайне польстило Мегмету-Али и воскресило его прежнее высокомѣріе. „Султанъ уже нѣсколько разъ присылалъ ко мнѣ своихъ людей и опять пришлетъ“, не переставалъ повторять онъ, и предсказаніе это оказывалось теперь вполнѣ вѣрнымъ. Нужно замѣтить, что Порта не сочла нужнымъ сообщить Н. Н. Муравьеву о намѣреніи своемъ отправить чрезвычайнаго уполномоченнаго въ Египетъ, а самъ уполномоченный держалъ себя весьма странно, — видимо избѣгалъ вступать съ нимъ въ сношенія и даже не полюбопытствовалъ освѣдомиться, чѣмъ окончились его совѣщанія съ пашой. Все это показывало, что посольство Халиля вызвано было враждебными намъ вліяніями, какъ и не замедлилъ убѣдиться Н. Н. Муравьевъ тотчасъ по возвращеніи своемъ въ Константинополь. Самаго сильнаго противодѣйствія намъ слѣдовало ожидать, конечно, отъ Англіи и Франціи, но первая изъ этихъ державъ, вслѣдствіе разчетовъ, которые, какъ увидимъ, оказались безошибочными, уклонялась отъ всякаго рѣшительнаго дѣйствія; за то французская дипломатія, одушевляемая сочувствіемъ своимъ къ Мегмету-Али, употребляла самыя энергическія усилія, чтобы повредить намъ. Вначалѣ происки ея не въ состояніи были удержать султана отъ весьма важнаго шага: испуганный наступательными движеніями Ибрагимъ-паши, онъ, не дождавшись еще пріѣзда генерала Муравьева, убѣдительно просилъ посланника нашего, г. Бутенева, послать за черноморскимъ флотомъ и ходатайствовать у государя объ отправленіи къ Константинополю двадцати или тридцати-тысячнаго корпуса сухопутныхъ войскъ. Но затѣмъ настроеніе Порты внезапно измѣняется: министры Махмуда обнаружили изумительное равнодушіе, когда Н. Н. Муравьевъ сообщилъ имъ о результатѣ своихъ переговоровъ съ пашой; во французской газетѣ,

издаваемой въ Царьградѣ (*Moniteur Ottoman*) было прямо сказано, что уполномоченный нашъ, посланный государемъ для склоненія Мехмета-Али къ миру, не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха; представитель французскаго правительства при Портѣ, Вареннъ, съ наглостью утверждалъ, что если произошла остановка въ дальнѣйшихъ движеніяхъ египетскаго войска, то это слѣдуетъ приписать исключительно его вліянію, и Порта склонялась, повидимому, къ этимъ увѣреніямъ; наконецъ, когда прибылъ въ Константинополь новый посланникъ назначенный Тюльерійскимъ кабинетомъ, адмиралъ Руссенъ, то въ этотъ же самый день рейсъ-эффенди обратился къ г. Бутеневу съ просьбой отложить прибытіе нашей эскадры! Очевидно, что Порта поддавалась на увѣщанія французской дипломатіи прибѣгнуть къ ея посредничеству для заключенія мира съ Египетскимъ пашой и отклонить предложеніе услугъ со стороны Россіи. Но требованіе это пришло слишкомъ поздно, да къ тому же оно вовсе не соотвѣтствовало нашимъ видамъ: 8-го февраля, рано утромъ, русскіе корабли, подъ начальствомъ контръ-адмирала Лазарева, явились въ заливѣ Буюкдере предъ дворцомъ нашей миссіи. „Внезапнымъ вступленіемъ въ Босфоръ, говоритъ авторъ записокъ, Лазаревъ нарушилъ данное ему приказаніе отъ начальства и то, о чемъ его прежде просилъ Бутеневъ письмомъ, — остановиться у входа въ проливъ и не прежде входить въ оный, какъ по предварительномъ съ нимъ соглашеніи; но моряки всегда имѣютъ отговоркою вѣтеръ, и Лазаревъ сослался на эту причину, побудившую его не останавливаться у верховья. Хотя послѣдствія и оправдали поступокъ его, но онъ не имѣлъ тогда другихъ видовъ, какъ успокоеніе судовъ на хорошей якорной стоянкѣ. Внезапное появленіе нашихъ судовъ крайне поразило Турокъ, и недружелюбныя намъ миссіи едва вѣрили тому, что у нихъ происходило предъ глазами...."

Баронъ Руссенъ пришелъ въ такое негодованіе, что хотѣлъ требовать своихъ паспортовъ и угрожалъ разрывомъ дипломатическихъ сношеній съ Портой, если русскій флотъ не удалится изъ Босфора. Несчастная Порта осталась и тутъ какъ нельзя болѣе вѣрна самой себѣ: страхъ непріятельскаго нашествія заставилъ ее просить помощи у Россіи, а страхъ возбудить неудовольствіе французскаго правительства внушалъ уже ей мысль, если не отказаться совсѣмъ отъ

этой помощи, то угодить по возможности нашимъ противникамъ. Министры султана начали умолять г. Бутенева, чтобы русская эскадра была удалена въ Сизопольскую гавань, и такъ какъ не было законнаго повода не исполнить подобнаго требованія, то рѣшено было, что эскадра дѣйствительно удалится, лишь только наступитъ попутный вѣтеръ. Но для безтактности и слабодушія Порты не существовало, кажется, никакихъ границъ: рейсъ-эффенди препроводилъ нашему посланнику ноту, въ которой извѣщалъ его, что баронъ Руссенъ былъ увѣдомленъ офиціальнымъ образомъ о состоявшемся рѣшеніи. „Я никогда не видалъ разсудительнаго и скромнаго Бутенева, пишетъ Н. Н. Муравьевъ, въ такомъ негодованіи, какъ онъ былъ при полученіи сей ноты, ибо сердце его чуждалось вѣроломства и не терпѣло униженія. Бутеневу еще до того непріятно было видѣть измѣнчивую политику Порты, и онъ съ прискорбіемъ, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, согласился на возвращеніе эскадры; но наглость турецкаго правительства, отвергавшаго такимъ образомъ испрошенное пособіе, и возраставшая надменность Французовъ, хвалившихся вліяніемъ пріобрѣтеннымъ ими въ Портѣ, превышали всякую мѣру терпѣнія.“ Посланникъ нашъ приказалъ возвратить ноту къ рейсъ-эффенди и бросить ее къ нему на софу, еслибъ онъ не хотѣлъ принять ее обратно. „Отважный поступокъ сей, говоритъ генералъ Муравьевъ, сдѣлалъ тогда рѣшительный переворотъ въ дѣлахъ политики. Турки не противорѣчили намъ болѣе, и съ тѣхъ поръ не вмѣшивали подобныхъ обстоятельствъ въ сношенія свои съ нами. Но по скромности Бутенева, блистательный подвигъ его остался безгласенъ, какъ и многія достоинства его, ибо высшее начальство не вникало въ подробности и не умѣло цѣнить этого человѣка надлежащимъ образомъ. Въ общемъ мнѣніи подвигъ сей также не имѣлъ гласности. Иностранныя газеты не упустили случая по первымъ успѣхамъ Руссена приписать вліянію, имъ пріобрѣтенному въ Портѣ, предположенное, но не сбывшееся возвращеніе эскадры. Наше правительство, къ сожалѣнію, состязаясь съ журналистами, возразило въ *Journal de S.-Petersbourg*, и старалось доказать сличеніемъ чиселъ, что предположенное возвращеніе эскадры было рѣшено по настоянію Порты безъ содѣйствія вице-адмирала Руссена, имѣвшаго аудіенцію у султана позже сдѣланнаго требованія о возвращеніи флота. Когда же дѣло обратилось въ

нашу пользу, иностранныя газеты замолкли; съ тѣмъ вмѣстѣ и правительство наше, довольствуясь полнымъ успѣхомъ, о которомъ оно еще не знало при первомъ возраженіи своемъ, прекратило всякія объясненія. Такимъ образомъ, настоящія причины успѣха остались безгласными. Для меня въ особенности лестно свидѣтельствовать объ истинномъ ходѣ дѣла и раскрыть поступки Бутенева въ семъ важномъ случаѣ.“ Впрочемъ, сами турецкіе министры отнюдь не были, кажется, огорчены полученнымъ ими урокомъ: это и не удивительно при томъ крайнемъ разногласіи между ними, которое условливалось вліяніемъ на нихъ различныхъ чужеземныхъ партій. Они совершенно теряли голову, не зная гдѣ именно слѣдуетъ искать спасенія, и сераскиръ Хозревъ-паша весьма вѣрно выразилъ эти сомнѣніи и колебанія Порты, воскликнувъ, что „искренніе друзья или враги султана окажутся лишь въ ту минуту, когда Египтяне станутъ приближаться къ Царьграду“. Одни изъ сановниковъ требовали удаленія эскадры, другіе говорили открыто, что считаютъ необходимымъ ея присутствіе въ Босфорѣ, и эскадра осталась на прежнемъ своемъ мѣстѣ. 18-го февраля подулъ попутный ветеръ: „Едва проснувшись поутру и узнавъ о перемѣнѣ вѣтра, баронъ Руссенъ,“ разказываетъ авторъ записокъ, „вышелъ на набережную безъ шляпы и, забывшись въ восторгѣ своемъ, побѣжалъ съ открытою головой въ англійскую миссію для объявленія Мандевилю своей радости. Всѣ посланники, пребывавшіе въ Терапіи и Буюкдере, и жители выбѣжали на берегъ, чтобы насладиться зрѣлищемъ отплывающихъ судовъ. Баронесса и баронъ Мартенсы (Мартенсъ занималъ должность австрійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ) отправились къ французскому послу. Такъ какъ ожидаемое ими зрѣлище не сбывалось, то баронъ прибѣжалъ, запыхавшись, къ намъ и спросилъ, въ которомъ часу назначено эскадрѣ сняться съ якоря, сказывая, что уже весь народъ выбѣжалъ на улицы и къ окошкамъ; но какъ онъ удивился, когда Бутеневъ, съ свойственнымъ ему хладнокровіемъ, отвѣчалъ, что эскадра не возвратится. Мартенсъ былъ пораженъ; онъ замолкъ и удалился. Нѣсколько дней послѣ того я нашелся вынужденнымъ напомнить ему, сколько обращеніе его не соотвѣтствовало правиламъ дружбы и единомыслія, одушевлявшимъ дворы наши.“

Не только эскадра не возвратилась, но прибыли въ Босфоръ

новыя русскія суда, на которыхъ находился значительный дессантный отрядъ. Чѣмъ объяснить подобное событіе, долженствовавшее служить какъ бы явнымъ доказательствомъ неудачи, понесенной французскою дипломатіей? Объясняется оно, вопервыхъ, извѣстіемъ о переворотѣ, происшедшемъ въ Смирнѣ, гдѣ приверженцы Египтянъ низвергли турецкое правительство (обстоятельство, сильно встревожившее Порту), а вовторыхъ, совершеннымъ fiasco переговоровъ, которые ведены были въ это время барономъ Руссеномъ. По примѣру, поданному ему нами, онъ рѣшился отправить двухъ довѣренныхъ лицъ, гг. Оливье и Фольца, въ Александрію и въ лагерь Ибрагима. Они имѣли порученіе предложить пашѣ Сенъ-Жанъ-д'Акрскій пашалыкъ и, кромѣ того, намѣстничество въ Триполи, съ тѣмъ чтобы Дамаскъ, Алеппо, Адана и завоеванія сдѣланныя Египтянами въ Анатоліи, возвращены были султану; еслибы Мегметъ-Али вздумалъ отвергнуть посредничество на подобныхъ условіяхъ, то Франція объявляла заранѣе, что сочтетъ это личнымъ оскорбленіемъ для себя. Угроза нисколько не смутила, однако, завоевателя. Онъ объявилъ, что намѣренъ лучше погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ чѣмъ подписать позорный для себя миръ, и что по истеченіи шести дней дастъ приказаніе своему сыну возобновить военныя дѣйствія. Въ виду столь неминуемой опасности султанъ не колебался болѣе, и русскія сухопутныя войска заняли мѣсто на азіятскомъ берегу Босфора, въ долинѣ Ункіаръ-Скелесси. Въ то же самое время корпусъ генералъ-адъютанта Киселева долженствовалъ быть наготовѣ въ Дунайскихъ Княжествахъ, чтобы, по требованію обстоятельствъ, спѣшить на помощь къ Константинополю.

Этимъ и ограничились, впрочемъ, „усиленныя мѣры дружбы" со стороны Россіи, какъ выражается Н. Н. Муравьевъ, ибо въ дальнѣйшихъ ея пожертвованіяхъ не представлялось необходимости. Мы сдѣлали все что̀ зависѣло отъ насъ: Константинополь былъ огражденъ отъ непріятельскаго нашествія; Турки получили возможность собраться съ силами и возобновить, опираясь на насъ, наступательныя дѣйствія противъ Египтянъ; нѣтъ никакого сомнѣнія, что еслибъ они поступили такимъ образомъ, то результатомъ этого было бы заключеніе мира, хотя и не блестящаго, но наиболѣе выгоднаго при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Слабодушіе Порты

не допустило ея идти по этому пути. Двѣ громадныя ошибки сдѣланы были ею: первая изъ нихъ состояла въ томъ, что когда генералъ Муравьевъ находился въ Александріи и успѣлъ произвести сильное впечатлѣніе на пашу, турецкое правительство внезапно отправило туда своего уполномоченнаго для переговоровъ. Обстоятельство это обнаружило Мегмету-Али, который вообще получалъ вѣрныя свѣдѣнія о борьбѣ партій при дворѣ султана, что Россія имѣетъ тамъ многочисленныхъ противниковъ, что западныя державы недоброжелательствуютъ ея вмѣшательству, и что сама Порта охотно поддается внушеніямъ и совѣтамъ этихъ державъ. Тонъ его тотчасъ же измѣнился и сдѣлался снова угрожающимъ. Но какъ ни была важна ошибка, о которой мы говоримъ, можно было бы поправить ее, еслибы турецкое правительство твердо держалось союза съ Россіей, по крайней мѣрѣ въ то время, когда наши войска и флотъ прибыли уже къ берегамъ Босфора. Мы видимъ, однако, совершенно противное. Французская дипломатія продолжала пугать ее вліяніемъ, которое пріобрѣтетъ Россія на ея внутреннія дѣла, и какими-то тайными замыслами, которые мы будто бы преслѣдовали на Востокѣ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Турки вѣрили этимъ навѣтамъ. До какой степени былъ силенъ ихъ страхъ, и какими наивными соображеніями старались они успокоить себя, можно судить по слѣдующимъ словамъ, сказаннымъ любимцемъ султана, Ахметъ-муширъ-пашою, генералу Муравьеву: „Еслибы государь вашъ дѣйствительно намѣревался овладѣть Цареградомъ, то, конечно, прислалъ бы болѣе многочисленное войско?“ Турецкіе министры не хотѣли, повидимому, понять настоящія цѣли французской дипломатіи, хотя не представлялось большой трудности уразумѣть ихъ: Франція заботилась о томъ, чтобы, съ одной стороны, положить конецъ вмѣшательству Россіи, а съ другой, доставить какъ можно болѣе выгодъ Мегмету-Али, видимо пользовавшемуся ея особымъ покровительстомъ. Вотъ почему такъ ревностно заботилась она о заключеніи мира. Она увѣряла Порту, что миръ слѣдуетъ подписать безотлагательно, что для достиженія этого великаго блага не нужно останавливаться ни предъ какими жертвами, и старанія ея въ этомъ смыслѣ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Извѣстно, что окончательные переговоры въ Кутахіи между Турками и Ибрагимъ-пашой ведены были при

посредствѣ французскаго уполномоченнаго, г. де-Варенна: за недовѣрчивость свою къ покровительству Россіи султанъ поплатился не только Сиріей, но и Аданою. „Нельзя не сознаться, восклицаетъ по этому поводу г. Розенъ (другіе иностранные историки разсуждаютъ совершенно одинаково съ нимъ), нельзя не сознаться, что русское правительство мастерски разыграло свою роль, связавъ Порту благодарностію къ себѣ и въ то же время *отнюдь не воспрепятствовавъ грабежу*, который угрожалъ ослабить навсегда Оттоманскую имперію.“ Если читатели захотятъ прослѣдить внимательно изложенныя нами выше событія, то они поймутъ до какой степени недобросовѣстны подобные упреки.

Договоръ, заключенный въ Кутахіи между султаномъ и Египетскимъ пашой, выводилъ насъ изъ весьма затруднительнаго положенія. Дѣйствительно, нельзя не задать себѣ вопроса, какова была бы наша роль, еслибъ Ибрагимъ не захотѣлъ остановиться во-время и двинулся къ берегамъ Босфора? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мы употребили бы всѣ усилія, чтобъ отразить его, но намъ пришлось бы дѣйствовать среди крайне неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Мы вынуждены были бы вести борьбу не съ Египтянами только, но, быть-можетъ, съ самими подданными султана,—подданными не христіанскаго, а мусульманскаго исповѣданія,—которые смотрѣли на Египтянъ какъ на своихъ избавителей и нетерпѣливо ожидали ихъ приближенія. Это не догадка только, но положительный фактъ, засвидѣтельствованный, между прочимъ, лицомъ, пользовавшимся весьма высокимъ положеніемъ въ Константинополѣ. „Вамъ самимъ извѣстно, говорилъ нашему уполномоченному Ахметъ-паша, что народъ не расположенъ къ султану; *по-настоящему, одни войска остались ему вѣрными.*“ Если таково было настроеніе мусульманъ, то нечего уже и говорить о христіанскомъ народонаселеніи. Въ запискахъ Н. Н. Муравьева разсѣяно много замѣтокъ, указывающихъ, что съ глубокою скорбью взирало оно на возложенную нами на себя обязанность оберегать цѣлость и неприкосновенность турецкихъ владѣній. „Мы поѣхали къ патріарху Константію, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своей книги:—старецъ сей былъ въ Россіи и зналъ хорошо нашъ языкъ. Онъ пріятной наружности, въ обхожденіи привѣтливъ, пріемы исполнены живости, не взирая на лѣта его. Къ обширнымъ свѣдѣніямъ онъ присоеди-

няетъ пасторскія добродѣтели. Константій былъ очень обрадованъ нашимъ пріѣздомъ, но онъ на первыхъ порахъ не могъ скрыть въ рѣчахъ своихъ неудовольствія за содѣйствіе, оказываемое султану государемъ, ибо Греки, по единовѣрію, привыкли видѣть въ насъ непримиримыхъ враговъ Турокъ. Мы вскорѣ прекратили о томъ разговоръ, совершенно чуждый цѣли нашего путешествія.“ Въ другой разъ Н. Н. Муравьевъ имѣлъ случай убѣдиться въ настроеніи православнаго народонаселенія, объѣзжая Принцевы острова. „Во всѣхъ видѣнныхъ мною тамъ монастыряхъ, говорилъ онъ,—я встрѣченъ былъ духовенствомъ съ колокольнымъ звономъ; на лицахъ всѣхъ изображалась радость, съ которою они принимали единовѣрнаго начальника войскъ; ибо Греки долго не могли свыкнуться съ мыслью видѣть въ насъ поборниковъ султанской власти вмѣсто избавителей своихъ, какъ они издавна считали Русскихъ....“ Итакъ христіане съ тяжкимъ чувствомъ слѣдили за событіями, совершенно непостижимыми для нихъ; мусульмане готовились соединиться съ врагами султана; всѣ надежды его опирались на армію, но армія эта, разбитая въ двухъ генеральныхъ сраженіяхъ, существовала только на бумагѣ; намъ приходилось, слѣдовательно, вынести исключительно на собственныхъ плечахъ все бремя предстоявшей борьбы, и нельзя было не порадоваться, что это тягостное положеніе получило скорый конецъ.

Въ первыхъ числахъ мая мѣсяца прибылъ въ Константинополь съ чрезвычайнымъ полномочіемъ графъ А. Ѳ. Орловъ,— событіе весьма важное, ибо оно ознаменовалось заключеніемъ извѣстнаго Ункіаръ-Скелессійскаго договора. Впрочемъ, изъ словъ автора разбираемой нами книги слѣдуетъ заключить, что инщіатива этого договора принадлежала самимъ Туркамъ. „Помните ли, говорилъ ему фаворитъ Махмуда, Ахметъ-паша,—помните ли сказанное вамъ султаномъ при свиданіи въ Терапіи, что онъ надѣется на продолженіе дружбы государя, столь существенно ему покровительствующаго? Султанъ желаетъ связать эти узы дружбы *оборонительнымъ и наступательнымъ союзомъ* съ императоромъ и сдѣлать союзъ сей гласнымъ предъ всѣми европейскими дворами. Скажите, какихъ вы мыслей на этотъ счетъ?“ Генералъ Муравьевъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ дать положительнаго отвѣта, ибо не имѣетъ надлежащихъ для того инструкцій, но Ахметъ-паша всячески старался склонить его къ предлагаемому

союзу. Фактъ этотъ весьма важенъ. Онъ совершенно опровергаетъ мнѣніе, установившееся въ заграничной печати, будто Россія должна была убѣждать Порту въ необходимости тѣснаго соглашенія, будто самыя искусныя интриги были пущены ею въ ходъ съ этою цѣлью, тогда какъ мы имѣемъ теперь основательныя причины предположить, что Петербургскій кабинетъ лишь отвѣчалъ согласіемъ на мысль, заявленную ему впервые самимъ султаномъ. Что̀ же касается сущности договора, возбудившаго столь ожесточенное негодованіе противъ насъ въ Европѣ, то Н. Н. Муравьевъ судитъ его весьма строго. Онъ полагаетъ, что договоръ этотъ не могъ имѣть дѣйствительнаго значенія по слѣдующимъ причинамъ:

1. Турецкое правительство никогда не было бы въ состояніи узнать заблаговременно объ угрожающей ему опасности, а потому нельзя было бы даже обвинять Порту въ лживости расположенія ея къ намъ, еслибъ она не позвала насъ во̀время на помощь.

2. Турецкій флотъ оказался бы совершенно безсильнымъ противиться вторженію европейскихъ эскадръ въ Дарданеллы; по всему вѣроятію, онъ былъ бы взятъ и присоединенъ къ непріятельскимъ силамъ для дѣйствія противъ насъ.

3. Вслѣдствіе всего того флоты западныхъ державъ могли бы появиться въ Черномъ морѣ и бомбардировать Одессу несравненно прежде, чѣмъ войска наши успѣли бы приблизиться къ Дарданелламъ для обороны входа.

Все это, по крайнему нашему разумѣнію, кажется намъ вполнѣ справедливымъ. Ункіаръ-Скелессійскій договоръ не представлялъ Россіи никакихъ положительныхъ выгодъ, а между тѣмъ въ высшей степени усилилъ обычную подозрительность и недовѣріе къ намъ Европы. Нѣсколько позднѣе мы сами вынуждены были отказаться отъ него, ибо иначе очутились ли бы лицомъ къ лицу съ весьма могущественною коалиціей. Что̀ же касается нашего дипломатическаго вліянія въ Константинополѣ, то, повторимъ еще разъ, оно оказалось вполнѣ эфемернымъ. Конечно, султанъ не могъ не чувствовать благодарности за оказанную ему услугу, но въ то же время не въ состояніи былъ забыть, то Россія—именно та держава, которая дѣйствовала до сихъ поръ на Востокѣ въ тѣсномъ союзѣ съ христіанскими племенами, и на которую эти племена продолжали возлагать свои надежды. Враж-

дебная намъ дипломатія весьма искусно эксплуатировала это обстоятельство въ свою пользу. Мы видимъ такимъ образомъ, что чувство благодарности ослабляется мало-по-малу, а мѣсто его занимаютъ опасенія, которыя заставили, наконецъ, Порту броситься совершенно въ объятія нашихъ враговъ. Мнимыя либеральныя реформы султана, католическая пропаганда, постоянныя столкновенія между Россіей и Портой въ Сербіи, Молдавіи и Валахіи, союзъ Турціи съ враждебными намъ революціонными элементами, расположеніе ея къ венгерскимъ выходцамъ и Полякамъ—всѣ эти факты, совершившіеся въ теченіи лишь пятнадцати лѣтъ послѣ экспедиціи нашей къ берегамъ Босфора, доказали, чего мы можемъ ожидать отъ турецкаго правительства....

События 1833 года нельзя разсматривать иначе какъ въ тѣсной связи съ послѣдующею, окончательною борьбой между Портой и Мегметомъ-Али. Тогда только мы убѣдимся, что никто не воспользовался ими искуснѣе Англіи: она предоставила намъ вначалѣ спасти Оттоманскую имперію, затѣмъ соединилась съ нами, чтобы разрушить всѣ планы французскаго правительства, и наконецъ пріобрѣла такое вліяніе въ Константинополѣ, что предъ Крымскою войной посланникъ ея, лордъ Редклифъ, становится тамъ первенствующимъ лицомъ.

Изъ разбора книги Н. Н. Муравьева мы имѣли возможность убѣдиться, что сужденія его, по большей части, весьма проницательны и вѣрны, но вмѣстѣ съ тѣмъ общій взглядъ его на значеніе событія, въ которомъ онъ самъ принималъ столь видное участіе, поражаетъ странными противорѣчіями. Такъ, напримѣръ, онъ замѣчаетъ съ самаго начала, что рѣшившись вмѣшаться въ восточныя дѣла для поддержанія владычества султана, Россія совершенно измѣнила относительно Турціи политическую свою систему, существовавшую со временъ Петра Великаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣжденъ, что подобный образъ дѣйствій съ ея стороны могъ принести ей значительную славу. Въ чемъ же долженствовала состоять эта слава? Въ распространеніи и упроченіи нашего вліянія на Востокѣ, отвѣчаетъ авторъ записокъ. „Не мы, а нейтральная держава—Турція,—охраняла для насъ доступъ къ Черному морю, подъ благовиднымъ предлогомъ охраненія своей собственной столицы. Послѣдствіемъ такого союза съ Турціей было бы непосредственное господствованіе Россіи на Черномъ морѣ и

неотъемлемая возможность вторгнуться внезапно въ Средиземное море съ большими морскими силами. Мы становились грозными соперниками Англичанъ по торговлѣ ихъ въ Азіи. Лучшіе пути ихъ: Дунай, Трапезунтъ, исключительно переходили въ распоряженіе наше....“ Разсуждая такимъ образомъ, авторъ естественно долженъ былъ бы восхвалять Ункіаръ-Скелессійскій договоръ, а между тѣмъ онъ относится къ нему съ порицаніемъ, и нельзя не сознаться, что его критика упомянутаго договора весьма основательна. Неопровержимо, по нашему мнѣнію, доказываетъ онъ, что Турція— это нейтральное государство, согласившееся „охранять для насъ доступъ къ Черному морю“,—не была въ состояніи выполнить свои обязательства. Но предположимъ, что она имѣла бы достаточно силы закрыть Дарданеллы для военныхъ судовъ всѣхъ западныхъ державъ, — долго ли сочла бы она нужнымъ исполнять подобную роль относительно Россіи? Конечно, она оставалась бы вѣрна ей до тѣхъ поръ, пока сохранилось бы въ ней сознаніе важной услуги, оказанной султану Россіей, и чувство признательности за эту услугу, но и самъ авторъ записокъ замѣчаетъ, что и то, *и другое* было весьма недолговѣчно. „У насъ до сихъ поръ, говорилъ онъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ, остаются въ увѣренности, что въ турецкомъ правительствѣ не исчезло еще чувство зависимости, произведенное пребываніемъ нашимъ на Босфорѣ; напротивъ того, коль скоро исчезъ призракъ, то и умы взяли другое направленіе подъ вліяніемъ англійской и французской политики, дѣйствующей, въ особенности первая, не быстрыми порывами, но съ большою основательностью.“ Подобныхъ противорѣчій не мало въ разбираемой нами книгѣ, и происходятъ они, главнымъ образомъ, отъ ошибочной мысли, что вліяніе Россіи на Востокѣ условливается не исключительно тѣсною связью ея съ христіанскими племенами, а можетъ быть утверждено еще и инымъ путемъ. Внѣшній блескъ и внѣшнее величіе слишкомъ много обольщали Н. Н. Муравьева. Этимъ объясняемъ мы, по крайней мѣрѣ, странные планы, являвшіеся у него во время пребыванія его въ Константинополѣ. Такъ, напримѣръ, когда зашла рѣчь о возвращеніи нашихъ войскъ на родину, онъ утверждалъ, что лучше было бы отправить ихъ не моремъ, а заставить ихъ совершить длинный путь чрезъ всю Малую Азію, Грузію и Кавказъ. „Россія, говоритъ онъ,

пріобрѣла бы новую славу этимъ походомъ. Очертивъ войскомъ главную часть Турецкой имперіи и мало извѣстную Анатолію, мы проложили бы новые пути для будущихъ походовъ, положили бы печать вліянія нашего по всей странѣ, а Французамъ и Англичанамъ показали бы то, что мы сдѣлать могли, и чего они не были въ силахъ предпринять....“ Мысль эта, какъ и слѣдовало ожидать, была отвергнута графомъ Орловымъ. Въ другой разъ авторъ предается подобнымъ же фантазіямъ по поводу празднества, которое было устроено въ честь отъѣзжающихъ нашихъ войскъ. „По моему мнѣнію, восклицаетъ онъ, торжества въ такихъ случаяхъ не должны ограничиваться обыкновеннымъ—баломъ, ужиномъ, фейерверкомъ, а должно изобрѣсти что-нибудь новое, разительное, соотвѣтственное случаю, и которое осталось бы надолго въ памяти присутствующихъ. Такъ, напримѣръ, въ этотъ разъ можно бы разставить всѣ суда поперекъ Босфора, и устроивъ по нимъ веревочный мостъ изъ Азіи въ Европу, перевести чрезъ него сухопутныя войска на противоположный берегъ. Было бы передано позднимъ потомкамъ, что Русскіе переходили чрезъ Босфоръ по морю, аки по суху.“ Говоря здѣсь объ увлеченіяхъ Н. Н. Муравьева, нельзя не упомянуть еще объ одномъ — и самомъ поразительномъ. Предъ отъѣздомъ его въ Константинополь, государь сообщилъ ему о странныхъ намекахъ, къ которымъ прибѣгалъ турецкій посолъ Халиль-паша, намекахъ, заставлявшихъ думать, будто султанъ намѣренъ, въ случаѣ крайности, принять христіанскую вѣру. Конечно, самъ императоръ не придавалъ значенія этому несбыточному обстоятельству, а по возвращеніи Н. Н. Муравьева даже неохотно возобновлялъ о немъ рѣчь. „Причиной такого измѣненія въ мысляхъ, замѣчаетъ авторъ записокъ, были, какъ казалось, внушенія царедворцевъ, равнодушныхъ къ столь великому дѣлу, или самого графа N. (Нессельроде?), готоваго отклонить всякое дѣло, сопряженное съ затрудненіями, сомнительное въ успѣхахъ или мало занимающее его....“ Неужели, однако, можно было серіозно надѣяться, что султанъ перемѣнитъ вѣру и увлечетъ за собой мусульманскихъ своихъ подданныхъ?

Мы старались, со словъ разбираемой нами книги, познакомить подробно читателей со всѣми обстоятельствами русской экспедиціи на Босфоръ, — экспедиціи, имѣвшей столь важныя послѣдствія для политики нашей на Востокѣ. Европа

болѣе чѣмъ когда-нибудь склонялась думать, что Россіей руководили въ этомъ случаѣ властолюбивые замыслы, что русское правительство стремилось поставить къ себѣ Турцію въ вассальныя отношенія до тѣхъ поръ, пока представился бы ему удобный случай овладѣть Константинополемъ. Прочитавъ записки Н. Н. Муравьева, мы могли убѣдиться еще разъ, до какой степени были несправедливы подозрѣнія такого рода. Государь не утаивалъ предъ нимъ своихъ мыслей, долженствовавшихъ поразить всякаго своею совершенною искренностью и прямодушіемъ. „Странно, говорилъ онъ, что общее мнѣніе приписываетъ мнѣ желаніе овладѣть Константинополемъ и Турецкою имперіей; я уже два раза могъ сдѣлать это, еслибы хотѣлъ: въ первый разъ послѣ перехода чрезъ Балканы, а во второй нынѣ, но я отъ того весьма далекъ. Мнѣніе это осталось еще со временъ императрицы Екатерины и такъ сильно вкоренилось, что самые умные политики въ Европѣ не могутъ въ томъ разувѣриться. Какія мнѣ выгоды отъ завоеванія Турціи? Держать тамъ войска? Да допустила ли бы еще меня къ этому Австрія! Какія выгоды произошли бы отъ того для нашей матушки-то *Россіи*, то-есть для губерній Ярославской, Московской, Владимірской и прочихъ?“ Таковы были убѣжденія императора: они не могли, конечно, оставаться неизвѣстными иностранной дипломатіи, которая, съ другой стороны, имѣла достаточно ручательствъ во всемъ предшествовавшемъ образѣ дѣйствій русскаго государя, что онъ останется неизмѣнно вѣренъ своему взгляду. Откуда же этотъ взрывъ негодованія противъ Россіи? Чѣмъ объяснить, что послѣ 1833 года Европа окончательно увѣрила себя въ существованіи нашихъ замысловъ разгромить Оттоманскую имперію? Въ наше время намъ толкуютъ, напримѣръ, о какой-то vieux parti russe, исполненной будто бы фанатизма и постоянно мечтающей о завоеваніи и побѣдахъ, но тогда нельзя было прибѣгнуть даже и къ этой уловкѣ. Напротивъ, если можно было въ чемъ-нибудь упрекнуть наше общество, по крайней мѣрѣ высшія сферы его въ Петербургѣ, — то отнюдь не въ фанатизмѣ, а въ равнодушіи. Событіе значительной важности совершилось на его глазахъ, но оно не посвятило ему ни малѣйшаго вниманія. Вотъ какую страницу находимъ мы по этому поводу въ книгѣ Н. Н. Муравьева:

„Званіе генералъ-адъютанта возлагало на меня обязанность быть у многихъ лицъ и съ нѣкоторыми знакомиться. Въ семъ новомъ для меня кругу я ожидалъ найти большое образованіе и глубокомысленныя сужденія о послѣднихъ происшествіяхъ, едва не потрясшихъ всю Европу; но къ удивленію моему встрѣтилъ большею частію людей, движимыхъ только ребяческимъ любопытствомъ и забросавшихъ меня вопросами, которые слѣдовали одинъ за другимъ, по одной формулѣ, во всѣхъ устахъ: „Вы были въ Турціи? Ну что̀, какъ,— скажите каковъ султанъ? Что̀ онъ говорилъ? Какъ онъ васъ принялъ? А этотъ плутъ Халиль? какъ бишь его—Халиль? Али? Египетскій паша-то?“ Трудно было найтись отвѣтами, и я замѣтилъ, что еще до сихъ поръ у иныхъ не совершенно рѣшенъ въ полной ясности вопросъ: Мегметъ-Али, паша Египетскій, бунтовавшій противъ султана, не тотъ ли самый Халиль, котораго они видѣли посланникомъ въ Петербургѣ? Все случившееся кружилось въ понятіяхъ ихъ какъ въ туманѣ. Въ досадѣ сказалъ бы, что они смѣшиваютъ эти два лица съ самимъ султаномъ, съ Али-пашой Янинскимъ, съ персидскимъ шахомъ, съ самимъ хивинскимъ ханомъ, и наконецъ, со всѣми царями и вельможами Востока, не брѣющищими бороды.“

Скажемъ въ заключеніе, что книга покойнаго Н. Н. Муравьева изобилуетъ многими любопытными подробностями, и что нѣкоторыя ея страницы, посвященныя, напримѣръ, пребыванію нашихъ войскъ на Босфорѣ и посѣщенію русскаго лагеря султаномъ Махмудомъ, изложены съ высокимъ мастерствомъ. Весьма любопытна также разказанная имъ исторія о памятникѣ, воздвигнутомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ расположенъ нашъ экспедиціонный отрядъ; первая мысль о немъ явилась Н. Н. Муравьеву, но графъ А. Ѳ. Орловъ воспротивился этой мысли, ибо находилъ, что это „могло служить непріятнымъ воспоминаніемъ Туркамъ и возбудить кичливость и неудовольствіе иностранцевъ“. Тогда рѣшено было поставить, по крайней мѣрѣ, необдѣланный камень значительныхъ размѣровъ: на европейскомъ берегу Босфора, недалеко отъ селенія Балта-Лимана, нашли обломокъ скалы и съ неимовѣрными трудностями перетащили его въ Ункіаръ-Скелессійскую долину.

„Я успокоился, говоритъ авторъ записокъ, когда все было кончено. Опасеніе или недоброжелательство не могли простираться до такой степени, чтобы разрушить памятникъ, о появленіи коего узнали въ Европѣ уже по сооруженіи его. Оставалось легчайшее — украсить его надписью. Мысль моя была высѣчь на камнѣ: *Въ память Олега полки Николая.* Я

сообщилъ ее графу Орлову, когда онъ уже зналъ о поставленіи камня; онъ находилъ это неудобнымъ, говоря, что такая надпись можетъ возбудить недовѣріе къ намъ Турокъ; казалось, однакоже, что она не имѣла ничего оскорбительнаго для нихъ, ибо напоминала только объ историческомъ событіи, случившемся еще во времена греческихъ императоровъ. Обратились къ стихотворцамъ отряда, генеральнаго штаба капитану Вронченкѣ, недавно прибывшему отъ Киселева, и поручику Болдыреву, — и мы получили слѣдующіе стихи:

„Гдѣ щитъ Олега пронесла
Славянъ дружина боевая,
Тамъ днесь десница Николая
Знамена дружбы развила.“

„И другіе:

„Залогомъ дружбы Николая,
На страхъ Махмудовымъ врагамъ,
Дружина Русскихъ боевая
Примкнула здѣсь къ его полкамъ.“

„Перваго четырехстишія графъ Орловъ также не захотѣлъ, а второе не правилось мнѣ отъ того, что при могущей случиться перемѣнѣ въ политическихъ обстоятельствахъ, надпись осталась бы неумѣстною; а потому рѣшился я сдѣлать простую въ прозѣ: *Воздвигнутъ русскими полками іюня 25-го дня 1833 года*. Когда же стали разчитывать время, нужное для чистой вырѣзки всѣхъ буквъ, то оказалось, что надпись не успѣли бы кончить до нашего отплытія, а потому, сокративъ ее, ограничились высѣчкой числа рожденія государя, около котораго времени камень былъ поставленъ: *іюня 25-го дня 1833 года*. Надпись высѣчена выпуклыми буквами, на небольшомъ четырехъ-угольномъ пространствѣ, ровно углубленномъ въ одномъ изъ боковъ камня.

„По возвращеніи нашемъ въ Петербургъ, полковникъ Мендъ хотѣлъ издать литографированную карту бугра Сельви-Бурну, съ изображеніемъ памятника и присутствія главныхъ лицъ. Едва онъ успѣлъ оттиснуть нѣсколько экземпляровъ этой картины, какъ запретили изданіе ея подъ предлогомъ, что Французы и Англичане могли принять въ дурную сторону *такое гласное обнаруженіе дѣйствій нашихъ въ Турціи* (!), какъ будто мы боялись сдѣланнаго нами, какъ будто иностранцы могли забыть одержанную надъ ними въ семъ случаѣ побѣду, и какъ будто самъ памятникъ, стоящій предъ дворцами ихъ миссій на Босфорѣ, не напоминалъ имъ ежедневно объ участіи нашемъ въ дѣлахъ Турціи.... Запрещеніе сіе можно отнести или къ ограниченнымъ видамъ столичныхъ властей, обращающихъ вниманіе только на происходящее подъ глазами ихъ, или къ зависти нѣкоторыхъ

лицъ, опасавшихся этою картиной дать слишкомъ гласную извѣстность моимъ дѣйствіямъ. Запрещеніе печатать картину снято только три года спустя послѣ того.

„По отплытіи нашемъ изъ Босфора, Турки высѣкли на смежной съ нашею надписью сторонѣ камня свою надпись, коей и буквы позолотили. Вотъ она: „Сей отломокъ скалы воздвигнутъ въ память пребыванія русскихъ войскъ гостьми въ этой долинѣ. Да уподобится дружба между обѣими державами твердости и постоянности камня сего, да будетъ она долго воспѣваема устами друзей.“

Не знаемъ, стоитъ ли еще до сихъ поръ памятникъ на своемъ мѣстѣ. Съ нимъ не связано воспоминаній, которыя льстили бы нашей гордости, и едва ли есть причина дорожить имъ, послѣ того какъ событіе, которымъ онъ былъ вызванъ, такъ мало соотвѣтствовало ожиданіямъ нашей политики....

Е. ѲЕОКТИСТОВЪ.

СУДЬБЫ РУССКАГО ЯЗЫКА

ВЪ КОСТЕЛАХЪ

СѢВЕРО-ЗАПАДНАГО КРАЯ *

II.

Слѣдующій каноническій законъ обязуетъ католическихъ священниковъ произносить проповѣди и поучать своихъ прихожанъ вѣрѣ (постановленіе Тридентскаго послѣдняго католическаго вселенскаго собора, засѣд. V, „de reformatione"):

„Тотъ же святый соборъ рѣшилъ и закономъ повелѣлъ, что всѣ епископы, архіепископы примасы и всѣ другіе прелаты церквей обязаны, если нѣтъ законныхъ препятствій, сами проповѣдывать Святое Евангеліе Іисуса Христа.... Точно также архіереи, настоятели и всѣ другіе управляющіе приходами и другими церквами имѣющими прихожанъ, или сами, или если есть законныя препятствія, то посредствомъ другихъ способныхъ лицъ, да питаютъ спасительными словами ввѣренныхъ имъ прихожанъ, по крайней мѣрѣ въ воскресные и праздничные дни, научая ихъ тому что̀ необходимо ко спасенію, и вкратцѣ и общедоступнымъ образомъ, указывая имъ тѣ пороки, коихъ должно избѣгать, и тѣ добродѣтели, слѣдовать коимъ они обязаны, дабы избѣжать вѣчной кары и достигнуть небеснаго блаженства."

У католиковъ образовалось четыре рода поученій вѣры: такъ-называемыя катехетическія поученія, гомиліи, проповѣди и надгробныя рѣчи. Катехетическими поученіями называется популярное изложеніе началъ вѣры, подобное

* Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* № 9-й.

тому какое дѣлается законоучителями въ учебныхъ заведеніяхъ; руководствомъ для этихъ поученій служитъ катехизисъ. 8-го октября 1865 г., Высочайше повелѣно католическимъ священникамъ преподавать въ учебныхъ заведеніяхъ законъ Божій на русскомъ языкѣ. Естественно слѣдовало бы ожидать чтобъ и въ церквахъ былъ употребляемъ русскій языкъ, иначе выходитъ ничѣмъ не оправдаемая странность, что одному и тому же законоучителю, учащему въ училищѣ по-русски, во храмѣ приходится поучать по-польски; и одни и тѣ же ученики въ училищѣ учатся закону Божію по-русски, а въ церквахъ по-польски. Впрочемъ, священники, несмотря на много разъ повторявшіяся предписанія епископовъ, обыкновенно уклонялись и уклоняются отъ обязанности дѣлать катехетическія поученія, ибо въ этого рода поученіяхъ крайне неудобно проводить польскія тенденціи. Они предпочитаютъ проповѣди. Обыкновенно катехетическія поученія дѣлаются только тѣми священниками, которые не считаютъ себя Поляками.

Гомиліей называется проповѣдь, въ которой изъясняется „чтеніе Евангелія" опредѣленнаго воскресенія или праздника. Ксендзы весьма рѣдко произносятъ гомиліи, такъ какъ и этотъ родъ поученія также не удобенъ для проведенія политическихъ идей. Изъ польскихъ сочиненій самыя извѣстныя суть гомиліи ксендза Вуйка и Бѣлобресскаго. Гомиліи Бѣлобресскаго назначены римско-католической коллегіей въ руководство ксендзамъ; онѣ разсмотрѣны и изданы, по распоряженію виленскаго епископа Клонгевича, въ Вильнѣ, въ 1838 году. Въ сочиненіи Бѣлобресскаго есть гомиліи на всѣ воскресные и праздничные дни цѣлаго года; все сочиненіе заключается въ четырехъ томахъ.

Третій родъ поученій вѣры у католиковъ, это собственно такъ-называемыя проповѣди. Польскихъ сочиненій въ этомъ родѣ много; изъ нихъ болѣе другихъ извѣстны, по своему польско-фанатическому направленію, „Воскресныя и праздничныя на цѣлый годъ проповѣди и сеймовыя рѣчи", іезуита Петра Скарги, проповѣди ксендза Воронича, Карповича, эмигрантовъ Кайсевича и Еловецкаго.

Проповѣди польскія, фанатическія болѣе въ религіозномъ чѣмъ политическомъ отношеніи, извѣстны слѣдующихъ авторовъ: Вентурія Равлика, митрополита Головинскаго, Поля, Фальковскаго, Голіана и др. Весьма многіе здѣшніе

сельскіе священники, особенно изъ Бѣлоруссовъ и Малороссовъ, поучаютъ своихъ прихожанъ по печатнымъ руководствамъ Вильчка, Антоневича, Гавинскаго, Пирамовича и другихъ. Проповѣди этихъ авторовъ, по своему содержанію нисколько не вредныя русскому дѣлу, крайне неудобны тѣмъ что произносятся на польскомъ языкѣ.

Здѣшніе ксендзы по большей части сами не составляютъ проповѣдей, а списываютъ ихъ съ печатныхъ сочиненій, дополняя по своему произволу, и такъ произносятъ. Нѣкоторые произносятъ такія проповѣди наизусть, заучивъ ихъ на память. Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь одинъ довольно характеристическій фактъ, случившійся въ 1859 году, въ началѣ октября, во время праздника, такъ-называемаго „40-часоваго богослуженія,“ въ Василишскомъ костелѣ Лидскаго уѣзда (Виленской губерніи). Въ послѣдній день праздника собралось, по обыкновенію, нѣсколько тысячъ народа, приглашены были заранѣе съ проповѣдями особенно фанатичные проповѣдники, именно ксендзы А. Липко и К. Ясинскій. Но случилось такъ, что ксендзы эти однимъ и тѣмъ же слушателямъ произнесли наизусть одну и ту же проповѣдь, сочиненную ксендзомъ Полемъ около 1820 года, Липко произнесъ по утру, а Ясинскій вечеромъ, прямо съ дороги взойдя на каѳедру.

Такъ какъ простолюдины западнаго края не понимаютъ вполнѣ польскаго языка, а литературнаго, на которомъ произносятся проповѣди, и совсѣмъ не разумѣютъ, то чтобъ удовлетворить и вѣрѣ, и польщизнѣ, нѣкоторые изъ ксендзовъ, въ одно и то же воскресенье или праздникъ, произносятъ по двѣ проповѣди, одну по-русски или смѣшаннымъ языкомъ польско-русскимъ, а другую по-польски. Проповѣди произносимыя на русскомъ или русско-польскомъ языкѣ католическое населеніе западнаго края называетъ народными поученіями и охотно ихъ слушаетъ, проповѣди же произносимыя на польскомъ языкѣ народъ повсемѣстно именуетъ панскими; и лишь только ксендзъ начнетъ произносить ихъ, какъ масса народа идетъ вонъ изъ костела, по той простой причинѣ, что не понимаетъ проповѣди. Къ концу польской проповѣди въ костелѣ весьма часто не остается никого изъ народа. Дабы воспрепятствовать народу уходить отъ польской проповѣди, обыкновенно костельные братчики становятся въ дверяхъ и не позволяютъ

выходить. Весьма часто случается и то, что при началѣ польской проповѣди ксендзы приказываютъ замыкать двери. Когда виленскій епископъ Красинскій, въ первый годъ своего управленія епархіей (въ 1859 году), самымъ строжайшимъ образомъ приказалъ ксендзамъ дѣлать народныя поученія въ вѣрѣ, не упоминая въ предписаніи на какомъ языкѣ, то поднялась страшная польская интрига, такъ какъ для исполненія епископскаго предписанія ксендзамъ приходилось поучать народъ не иначе какъ на русскомъ языкѣ, или по крайней мѣрѣ на польско-русскомъ. Большинство ксендзовъ не исполняло приказанія епископа; другіе же, кои начали исполнять его, подверглись преслѣдованію отъ польскихъ дѣятелей. Вскорѣ эти ксендзы и епископъ Красинскій опустили руки; наступили политическія демонстраціи 1861 года, и тогда нельзя было произнести открыто ни единаго русскаго слова, а тѣмъ паче въ костелѣ. Строжайшее приказаніе, исполнимое лишь на русскомъ, или польско-русскомъ языкѣ, вслѣдъ за рожденіемъ умерло: ксендзы остались попрежнему при польскихъ проповѣдяхъ. Замѣтимъ, что католическіе священники на Жмуди повсемѣстно произносятъ въ одинъ и тотъ же день по двѣ проповѣди: „народныя поученія“ и „проповѣди“: первыя по-жмудски, вторыя по-польски; произносить народныя поученія на жмудскомъ языкѣ Поляки не отказываются, не считая жмудскій языкъ вреднымъ польщизнѣ.

Наконецъ, ксендзами бываютъ произносимы „надгробныя рѣчи“ по смерти богатыхъ помѣщиковъ и другихъ польскихъ дѣятелей. Въ рѣчахъ этого рода принято разказывать публичную жизнь умершаго; въ нихъ весьма рѣдко случается религіозное поученіе.

Проповѣди произносятся у католиковъ обыкновенно во время обѣдни, вслѣдъ за чтеніемъ Евангелія. Произносятся онѣ съ амвона или своего рода балкона, устроеннаго либо при костельной стѣнѣ, либо, въ большихъ костелахъ, при одной изъ колоннъ, на высотѣ двухъ саженъ отъ пола. Катехетическія же поученія произносятся нерѣдко посреди костела. Во время произнесенія проповѣди, католическіе священники бываютъ одѣты въ комжу, родъ бѣлой рубахи, доходящей до колѣнъ, и столу, то-есть орарь, носимый ими не на плечѣ, какъ это дѣлается православными діаконами, а на шеѣ.

Въ 1833 и 1852 годахъ, высочайше повелѣно произносить проповѣди на мѣстномъ, то-есть на русскомъ языкѣ. Эта высочайшая воля остается пока не исполненною. * Между тѣмъ введеніе русскаго языка въ католическія проповѣди въ западномъ краѣ строго согласуется съ канонами католической церкви. Тридентскій соборъ постановилъ слѣдующее: ** Желая, „чтобы католическій народъ принималъ Св. Таинства съ бо́льшимъ уваженіемъ и благочестіемъ, святый соборъ повелѣваетъ всѣмъ епископамъ: дабы они, когда преподаютъ духовныя требы, объясняли прежде содержаніе и значеніе ихъ, сообразуясь съ умственнымъ развитіемъ принимающихъ; то же обязанъ дѣлать съ благоговѣніемъ и благоразуміемъ и каждый настоятель прихода и при томъ, если надо и возможно, на языкѣ народномъ, слѣдуя методу, принятому для каждаго таинства святымъ соборомъ въ катехизисѣ, *** который долженъ быть точно переведенъ епископами на языкъ народный и объясняемъ народу всѣми настоятелями; и дабы во время торжественной миссы, по воскресеньямъ и праздникамъ (настоятели) изъясняли чтеніе священнаго писанія и излагали науку душеспасенія на томъ же народномъ языкѣ, и оставивъ безполезные вопросы, старались вкоренить оное въ сердца всѣхъ и обучить ихъ закону Божію."

При введеніи русскаго языка въ католическія проповѣди, встрѣтятся нижеслѣдующія обстоятельства.

У католиковъ обѣдня служится на латинскомъ языкѣ, непонятномъ мірянамъ. Потому хотя, во время обѣдни, чтеніе Евангелія совершается по-латыни, но потомъ переводъ его ксендзомъ, вначалѣ проповѣди, читается для народа по-польски. Сборникъ воскресныхъ и праздничныхъ „чтеній Евангелія", издаваемый въ здѣшнемъ краѣ особою книжкой, по-польски называется *Евангеличкой*. Польскій переводъ *Евангелички* извлеченъ изъ такого же перевода Библіи іезуита Вуйка. Іезуитъ Яковъ Вуйко въ концѣ XVI вѣка перевелъ на

---

* *Уставъ Виленской католической духовной академіи. Полное Собр. Зак.*, Т. VIII, № 6.296. Высочайшее повелѣніе, сообщенное графомъ Перовскимъ виленскому генералъ-губернатору, отъ 25-го февраля 1852 года, за № 490.

** *Sessio XXIV* „de reformatione", гл. VII.

*** Рѣчь идетъ о катехизисѣ, изданномъ Тридентскимъ соборомъ. Онъ называется *Catechismus Romanus*, и для Россіи совершенно безвреденъ.

польскій языкъ Библію, то-есть Ветхій и Новый Завѣтъ, съ латинскаго текста Библіи, такъ-называемой Вульгаты. Этотъ переводъ сперва былъ одобренъ гнѣзненскимъ архіепископомъ Карнковскимъ, а потомъ провинціальнымъ синодомъ польскаго католическаго духовенства, состоявшимся въ Петроковѣ, въ 1607 году. Переводъ Вуйка издавъ впервые: Новый Завѣтъ въ 1593 году, а Ветхій вмѣстѣ съ Новымъ Завѣтомъ—въ 1599 году; оба раза въ Краковѣ. *

Вводя русскій языкъ въ церковное употребленіе для „чтенія Евангелія", придется: либо принять русскій переводъ Фр. Скорины, либо сдѣлать новый или, наконецъ, принять нашъ славянскій переводъ. Славянскій переводъ Библіи, принятый въ православной и уніатскихъ церквахъ, уже одобренъ Флорентинскимъ католическимъ соборомъ, папами: Климентомъ VIII и Бенедиктомъ XIII. ** Прибавимъ, что переводъ Библіи, для того чтобъ имѣть каноническое значеніе, не нуждается въ папскомъ одобреніи: по правиламъ католической церкви, переводы Библіи на народные языки одобряютъ сами епископы. *** Только одинъ латинскій текстъ, такъ-называемый „Вульгата", обязателенъ для католиковъ. Вотъ каноническій законъ касательно Библіи. Тридентскій соборъ, засѣданіе IV, de editione et usu ss. librorum: „Зная, что церкви Божіей будетъ не мало пользы, если сдѣлается извѣстнымъ, которое изъ всѣхъ латинскихъ изданій священныхъ книгъ, кои находятся въ обращеніи, слѣдуетъ считать каноническимъ, тотъ же святый соборъ издаетъ законъ и дѣлаетъ извѣстнымъ, дабы то самое старое и обыкновенное изданіе, которое находилось въ церковномъ употребленіи въ теченіи стольких вѣковъ, было считаемо каноническимъ при всенародныхъ чтеніяхъ, преніяхъ, проповѣдяхъ и толкованіяхъ, и дабы никто, подъ какимъ-либо предлогомъ, презирать оное не посмѣлъ."

Наконецъ замѣтимъ, что для католиковъ вообще нѣтъ настоятельной надобности въ переводѣ Библіи, исключая Евангелія, то-есть *Евангеличьи*, ибо чтеніе Библіи въ переводахъ, хотя и допускается, но не одобряется Римомъ.

---

* Іохеръ, Лукашевичъ.

** Павелъ Римскій, *Wykład obrzędóu kościelnyche.*

*** Тридентскій соборъ, *Sessio IV*, „de editione ss. liberum". Шенкль, *Institutiones Juris eccles.*

III.

Касательно языка въ католическомъ богослуженіи, нынѣ дѣйствуетъ слѣдующее постановленіе Тридентскаго собора:* „На второмъ засѣданіи, состоявшемся при святѣйшемъ нашемъ владыкѣ Піѣ IV, святый соборъ поручилъ нѣкоторымъ избраннымъ отцамъ разсмотрѣть, что надо сдѣлать по отношенію къ разнымъ церковнымъ наказаніямъ и книгамъ сомнительнаго и вреднаго содержанія, и доложить самому собору. Хотя эти труды нынѣ, какъ слышно, уже ими окончены, но такъ какъ по разнородности и многочисленности книгъ они не могутъ быть разсмотрѣны святымъ соборомъ съ точностію и удобно, повелѣлъ (Соборъ) труды оныхъ (отцовъ) передать святѣйшему папѣ Римскому съ тѣмъ чтобъ они были окончены согласно его мнѣнію и обнародованы его же властію. Повелѣваетъ (соборъ) сдѣлать точно то же относительно.... и *Миссала* и *Бревіарія*.“

Согласно сему постановленію собора, литургическія католическія книги были разсмотрѣны и изданы по повелѣнію папъ: Пія V—*Миссалъ* Римскій въ 1570 и *Бревіарій* Римскій въ 1568 годахъ. **

У католиковъ принята только одна обѣдня, или литургія, именно римская, исключая городъ Толедо въ Испаніи, гдѣ служится литургія такъ-называемая, *мозарабская*, и Милана, въ Италіи, гдѣ совершается литургія Св. Амвросія. Обѣдня у католиковъ называется *миссой*. Бо́льшая часть молитвъ, входящихъ въ составъ миссы, никогда не перемѣняется, а только нѣкоторыя изъ нихъ замѣняются ежедневно другими. Способъ служенія миссы двоякій: одинъ съ пѣніемъ и музыкой на органахъ, и такія миссы называются пѣтыми, всенародными, а другой безъ пѣнія и безъ органовъ, и тогда миссы называются частными, тихими, читаными. Впрочемъ, не только тихая мисса, но даже и бо́льшая часть всенародной миссы читается священниками втихомолку.

Книга, гдѣ находятся мисса и ея молитвы, ежедневно

---

* Sessio XXV, „de indice ss. librorum“.

** Шенкль, Institutiones Juris eccles.

перемѣняющіяся, называется *Миссаломъ*. Римскій *Миссалъ*, изданный по повелѣнію Тридентскаго собора, равно какъ и всѣ остальныя постановленія этого собора, приняты въ западномъ краѣ. * Весь римскій *Миссалъ* написанъ на латинскомъ языкѣ. Кромѣ того, въ канонахъ Тридентскаго собора сказано: ** „Тотъ, кто скажетъ, что... мисса должна „быть совершаема только на народномъ языкѣ.... да будетъ „проклятъ".

Какъ у православныхъ, такъ и у католиковъ однѣ и тѣ же церковныя службы: утреня, часы, вечерня и повечеріе. Всѣ эти богослуженія совершаются у католиковъ лишь по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, и то не всегда: такъ, напримѣръ, повечеріе служится только въ Великомъ посту, да и то не въ воскресные дни, а часы служатся лишь въ однихъ каѳедральныхъ соборахъ. Книга, въ которой находятся церковныя службы: утреня, часы, вечерня и повечеріе, называется римскимъ *Бревіаріемъ*. Римскій Бревіарій, изданный по повелѣнію Тридентскаго собора, писанъ на латинскомъ языкѣ и принятъ въ костелахъ западнаго края. Римъ очень дорожитъ латинскимъ языкомъ какъ способствующимъ однообразію, и потому переводъ Бревіарія на языкъ русскій для здѣшнихъ католиковъ ему не понравится. Да и нѣтъ надобности въ этомъ переводѣ. Намъ приходилось слышать отъ воспитанниковъ Петербургской духовной католической академіи, что между 1847 и 1852 годами Поляки усиленно хлопотали о введеніи Бревіарія (по которому служатся: утреня, часы, вечерня и повечеріе) на польскомъ языкѣ въ костелахъ привислянскаго и западнаго края. Римъ, само собою разумѣется, не согласился. Полякамъ посовѣтовали увеличить число добавочнаго богослуженія на польскомъ языкѣ, что̀ и сдѣлано ими.

У православныхъ служенію обѣдни должно предшествовать служеніе вечерни и утрени; у католиковъ этого не требуется. Тѣмъ не менѣе, по каноническому праву, католическіе священники обязаны ежедневно читать всѣ эти службы, про себя, на дому, хотя бы они въ этотъ день и не намѣревались совершать миссу. Римскій Бревіарій есть един-

---

* *Encyklopedya powszechna.*

** Sessio XXII „de sacrificio missae, канонъ 9.

ственный молитвенникъ, обязательный для католическихъ священниковъ. *

Къ числу богослуженій принадлежатъ и такъ-называемыя процессіи, по-русски—крестные ходы. Во всемъ католическомъ мірѣ принято совершать лишь слѣдующія процессіи: въ праздникъ Тѣла Господня, въ день Св. Марка (25-го апрѣля), въ день Срѣтенія Господня (2-го февраля), въ недѣлю Ваій и въ крестовые дни, то-есть въ теченіи трехъ дней, предшествующихъ празднику Вознесенія Господня. Въ костелахъ западнаго и привислянскаго края ведется мѣстный обычай: по воскресеньямъ и праздникамъ, въ началѣ обѣдни, совершать процессію. ** Кромѣ того, въ первое воскресенье послѣ новолунія каждаго мѣсяца (эти воскресенія въ западномъ краѣ у католиковъ называются первыми); во многихъ костелахъ въ западномъ краѣ совершають процессію со святыми *дарами*. Книга, въ которой находится чинъ процессій, называется *Понтификалъ Римскій*. Согласно вышеприведенному постановленію Тридентскаго собора, засѣданіе XXV, „de indice ss. librorum", Римскій Понтификалъ изданъ въ 1596 году папой Урбаномъ VIII. *** Понтификалъ Римскій писанъ на латинскомъ языкѣ и обязателенъ для здѣшнихъ священниковъ.

Съ 1849 года Римскій Понтификалъ, именно часть процессіональная, печатается въ Вильнѣ вмѣстѣ съ Требникомъ. Долго здѣшніе католическіе священники строго держались, при совершеніи процессій, римскаго Понтификала и, слѣдовательно, употребляли при этомъ латинскій языкъ; но съ конца прошлаго вѣка, а еще болѣе въ нынѣшнемъ столѣтіи, во время процессій, стараются пѣть гимны и пѣсни на польскомъ языкѣ. Процессіональная часть Понтификала Римскаго, изданная съ польскимъ переводомъ и съ присовокупленіемъ польскихъ пѣсней, называется церковнымъ канціоналомъ. Канціоналъ выпущенъ въ Вильнѣ, впервые, не раньше 1856 года, и при томъ одновременно въ двухъ изданіяхъ. Тѣ изъ здѣшнихъ ксендзовъ, которые ставятъ религію выше польщизны, по настоящее время всѣ процессіи, кромѣ воскресныхъ, совершаютъ на латинскомъ языкѣ,

* Скавини, Лигурій и другіе богословы.

** Rituale sacramentorum. Contionale ecclesiasticum.

*** Шенкль.

согласно съ Римскимъ Понтификаломъ. Обычай пѣть во время процессiй на народномъ языкѣ ведется также и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германiи, какъ, напримѣръ, въ Падеборнской католической епархiи.

У насъ, въ западномъ краѣ, во время процессiй, поется польская пѣснь, по обыкновеннымъ воскресеньямъ, *Boże w dobroci nigdy nie przebrany*, по такъ-называемымъ первымъ воскресеньямъ и праздникамъ: *Twoja cześć, chwała, nasz wieczny Panie*, въ Великiй Постъ: *Jezu Christe Panie miły*, въ Пасху: *Wesoły nam dziś dzień nastał*, въ праздникъ Рождества Христова: *Anioł pasterzom mówił*, въ праздникъ поминовенiя всѣхъ усопшихъ (20-го октября): *Dzień on dzień gniewu Pańskiego*, въ праздникъ Св. Марка и въ крестовые дни поется *литанiя всѣмъ святымъ*.

Всѣ эти молитвы и пѣсни находятся въ вышепомянутыхъ костельныхъ канцiоналахъ и въ польскихъ молитвенникахъ. Онѣ не имѣютъ ни папскаго одобренiя, ни одобренiй со стороны вселенскихъ соборовъ, а употребляются только съ благословенiя мѣстныхъ епископовъ и ихъ же властiю могутъ быть замѣнены другими пѣснями, писанными и на другихъ языкахъ. Перевести ихъ на русскiй языкъ весьма удобно, въ нихъ нѣтъ ни единаго слова которое могло бы затруднить самую строгую цензуру. Пѣнiемъ этихъ пѣсней Поляки стараются ополячивать западный край; пѣнiемъ тѣхъ же пѣсней по-русски слѣдовало бы стремиться къ располяченiю здѣшнихъ католиковъ. Эти пѣсни составлены весьма просто и въ русскомъ переводѣ не потеряютъ своего религiознаго эффекта.

Почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ запрещается совершать процессiи по полямъ, селамъ, особенно по городскимъ улицамъ. Такъ, напримѣръ, въ Баварiи позволяется совершать процессiю лишь въ праздникъ Тѣла Господня, въ день Св. Марка и въ крестовые дни; остальныя процессiи запрещены. Въ Саксонiи совершать процессiю внѣ церковной ограды запрещено. Вообще въ Германiи право совершать процессiи весьма стѣснено.* Въ сѣверо-западномъ краѣ, въ 1866 году, послѣдовало административнымъ порядкомъ запрещенiе совершать процессiи внѣ костельныхъ стѣнъ.

Мы сказали, что почти половина и такъ-называемой пѣтой

---

* Шенкль и др.

миссы служится священникомъ втихомолку, про-себя. Въ это время, въ нѣкоторыхъ костелахъ въ Германіи, прихожане поютъ гимны на народномъ языкѣ. У насъ же въ западномъ краѣ органистъ или играетъ на органѣ безъ пѣнія, или же поетъ, по-латыни (какъ это обыкновенно дѣлается въ костелахъ западной Европы), а не то по-польски; народъ же не принимаетъ въ это время участія въ пѣніи. Въ промежутки, когда священникъ во время пѣтой миссы молится про-себя, не опредѣлено что̀ слѣдуетъ пѣть органисту, и даже обычаемъ ничего не принято: все зависитъ отъ произвола.

По воскреснымъ, праздничнымъ и табельнымъ днямъ у католиковъ въ западномъ краѣ между 10 и 11 часомъ утра начинается служеніе пѣтой миссы, къ которой обязаны собираться мѣстные прихожане. Эта мисса называется *приходскою*, но чаще *суммой*. При концѣ *суммы*, во всѣхъ государствахъ, принято отправлять молебствіе за царствующій домъ. Обычай молиться всенародно за государей, хотя бы они и не исповѣдывали католической вѣры, ведется съ первыхъ дней христіанства и строго обязателенъ для священниковъ. *

Подобно тому какъ и въ другихъ государствахъ, у насъ католическій священникъ вслѣдъ за окончаніемъ *суммы* поетъ подъ звукъ органа гимнъ *Тебе Бога хвалимъ*, далѣе поминаетъ весь царствующій домъ, затѣмъ провозглашаетъ три *тропаря* и молитвы за папу, царствующаго государя и царствующій домъ, за церковь и государство. Молебствіе за Августѣйшій домъ ксендзы совершали до 1832 года на латинскомъ языкѣ, съ этого же года по 1866 на польскомъ, а нынѣ опять совершаютъ на латинскомъ. Молебствіе за царствующій домъ въ прошломъ году переведено на русскій языкъ; поэтому остается только потребовать, чтобъ оно совершалось на русскомъ языкѣ, такъ какъ по этому предмету имѣются уже указъ римско-католической коллегіи отъ 1832 и высочайшее повелѣніе отъ 1852 года. ** Будь исполнены указъ коллегіи 1832 и высочайшее повелѣніе 1852 годовъ, молебствіе за царствующій домъ, на востокъ отъ Нѣмана и Буга,

---

* Папа Бенедиктъ XIV, пост. *Quemadmodum praeces* отъ 23-го марта 1743 года. Шенкль.

** См. *Современную Лѣтопись* за 1867 годъ № 37.

то-есть по всей Россіи, было бы совершаемо въ католическихъ церквахъ не иначе какъ на русскомъ языкѣ, и костелы, нынѣ оглашаемые польскимъ языкомъ, не служили бы маяками, указывающими будто на самомъ дѣлѣ западный край есть не русская, а польская страна.

Въ 1866 году виленская администрація полагала необходимымъ упразднять употребленіе польскаго языка въ костелахъ, и тогда молебствіе за царствующій домъ, вопреки высочайшему повелѣнію 1852 года, начали опять совершать по-латыни. Эта ошибка въ политическомъ отношеніи пока не исправлена, потому что чинъ молебствія за Августѣйшій домъ, разосланный католическимъ священникамъ на нынѣшній 1868 годъ въ ихъ духовныхъ календаряхъ, правда, заключаетъ вмѣстѣ съ латинскимъ текстомъ и текстъ русскій, но тѣмъ не менѣе здѣшняя администрація пока не опредѣлила по какому тексту совершать молебствіе. Ксендзы, очень естественно, совершаютъ молебствіе по обычаю введенному въ 1866 году, то-есть по-латыни. Да и странно было бы требовать отъ католическаго польскаго или ополяченнаго духовенства, чтобъ оно заботилось о разполяченіи западнаго края болѣе чѣмъ это дѣлаетъ русская администрація. Нашлись, однако, католическіе священники, которые, получивъ рубрицеллы въ нынѣшнемъ году съ русскимъ переводомъ молебствія за царствующій домъ, пришли къ заключенію, что имъ разрѣшено молиться по-русски; поэтому начали совершать молебствіе на русскомъ языкѣ, какъ Сморчевскій въ городѣ Лепелѣ, въ Витебской губерніи. На виленской администраціи лежитъ обязанность напомнить католическимъ священникамъ объ исполненіи указа коллегіи 1832 и высочайшаго повелѣнія 1852 годовъ.

Остается сказать о такъ-называемомъ добавочномъ богослуженіи. Въ костелахъ западнаго края, по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, *суму* принято начинать служить между 10 и 11 часомъ утра. Въ нѣкоторыхъ костелахъ, особенно по городамъ, служится въ тотъ же день, около 8 часовъ утра, утреня. Значитъ, между утреней и обѣдней остается промежутокъ времени, примѣрно около полутора часа. Въ этотъ-то промежутокъ времени во многихъ костелахъ братчики поютъ по-польски молитвы, такъ-называемые *рожанцы*, *годзинки* и *коронки*. Молитвы рожанцы, или розаріи, бываютъ двоякаго рода: Пресвятой Богородицѣ и Іисусу Христу. Каж-

дый изъ розаріевъ раздѣляется на три части, каждая часть—на пять главъ. Въ розаріи Пресвятой Богородицѣ, въ самыхъ краткихъ гимнахъ, кондакахъ, тропаряхъ и молитвахъ, повѣствуются важнѣйшіе случаи изъ жизни Пресвятой Богородицы, разумѣется, вкратцѣ. Точно такимъ же образомъ въ розаріи Іисусу Христу излагается жизнь Спасителя. Розаріи очень походятъ на православные акаѳисты. Въ Виленской, Ковенской и Августовской губерніяхъ есть такъ-называемыя кальваріи. Кальваріей называется церковь съ нѣсколькими часовнями, гдѣ находятся изображенія мѣста страданій Господнихъ. Въ извѣстное время года, особенно въ Троицынъ и Духовъ дни, народъ собирается въ кальваріи и совершаетъ процессіи отъ одной часовни къ другой, съ пѣніемъ молитвъ по-польски. Молитвы, совершаемыя въ кальваріяхъ, похожи на вторую часть розарія Спасителю, съ тою только разницей, что кальварійскія молитвы много пространнѣе розарія.

Молитвы *годзинки*—по-русски часы. Это подражаніе, только въ краткомъ видѣ, церковнымъ католическимъ *службамъ*: утренѣ, часамъ, вечернѣ и повечерію, состоящее изъ *краткихъ* тропарей, гимновъ, кондаковъ и молитвъ. По польскимъ молитвенникамъ, *годзинки* бываютъ слѣдующія: Сердцу Спасителя, Божественному Провидѣнію, страстямъ Господнимъ, безпорочному зачатію Пресвятой Богородицы. Здѣсь кстати замѣтить, что при концѣ, какъ розаріевъ, такъ и часовъ, читается молитва, такъ-называемая литанія, тому святому предмету, въ честь котораго розаріи или часы были совершаемы. Литанія — это есть собраніе множества тропарей объ одномъ и томъ же священномъ предметѣ; послѣднія слова тропарей, по большей части, одни и тѣ же.

Молитвы *коронки*, по польскимъ молитвенникамъ, бываютъ слѣдующія: Преображенію Господню, Святому Духу, Божественному Промыслу, Святой Троицѣ, Непорочному зачатію и Шкаплерной Богородицѣ, и имени Іисуса. Коронки суть не болѣе не менѣе какъ краткіе акаѳисты, относящіеся къ тому предмету, какой выражается въ ихъ названіи, и состоящіе изъ краткихъ тропарей, кондаковъ, гимновъ и молитвъ; въ нихъ часто повторяются молитвы: *Отче нашъ*, *Богородице Дѣво*, *радуйся* и *Вѣрую во единаго Бога*.

Одни изъ костельныхъ братчиковъ поютъ, по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, розаріи, другіе — годзинки, а иные—коронки, гдѣ какой господствуетъ мѣстный обычай. Въ нѣкоторыхъ костелахъ, и то лишь по городамъ, братчики, по воскреснымъ днямъ, во время Великаго Поста, при началѣ вечерни, поютъ такъ-называемыя *Gorzkie żale*, по-русски—*Горькія скорби*. Молебствіе *Горькія скорби* состоитъ изъ 12 небольшихъ польскихъ гимновъ; первый изъ нихъ начинается словами *Gorzkie żale*. Въ этихъ гимнахъ повѣствуется вкратцѣ о страстяхъ Господнихъ.

Во многихъ костелахъ, гдѣ не имѣется братствъ (а циркуляромъ виленскаго генералъ-губернатора, отъ 20-го апрѣля нынѣшняго года, за № 1.315, костельныя братства вообще упразднены въ сѣверо-западномъ краѣ), органистъ играетъ на органахъ и поетъ гдѣ розаріи, гдѣ годзинки, а индѣ коронки. Слѣдовало бы эти молитвы перевести на русскій языкъ и дозволить совершать ихъ лишь въ русскомъ переводѣ.

Во многихъ костелахъ въ западномъ краѣ и только въ нѣкоторыхъ въ остальной Россіи бываетъ совершаемо еще слѣдующаго рода моленіе. Въ воскресные и праздничные дни, послѣ ранней обѣдни, или же послѣ сумы, при концѣ молебствія за царствующій домъ, священникъ и народъ становятся на колѣни и поютъ: *Святый Боже, Святый Крѣпкій* и т. д. Эта молитва состоитъ изъ 21 тропарей, изъ коихъ одинъ за нашъ Августѣйшій Домъ, и называется у католиковъ *суппликаціей*. Послѣ суппликаціи поютъ псаломъ: *Богъ намъ прибѣжище и сила* и *Ангелъ Господенъ*. Молитва *Ангелъ Господенъ* состоитъ изъ трехъ тропарей; послѣ каждаго изъ нихъ слѣдуетъ молитва *Богородице Дѣво, радуйся*.

Кромѣ того, въ большіе праздники и воскресные дни, такъ-называемые первые каждаго мѣсяца, ставятся у католиковъ Святые Дары на престолъ въ дарохранительницѣ, и какъ при поставленіи Даровъ, такъ и при снятіи ихъ, поется краткій гимнъ: *Tantum ergo sacramentum*, или его польскій переводъ: *Przed tak wielkim Sakramentem*, или же, наконецъ, тропарь: *Niech będzie pochwalony Przenajświętszy Sakrament*. Всѣ эти польскіе гимны слѣдовало бы перевести на русскій языкъ. Здѣсь кстати замѣтить, что въ костелахъ привислянскаго края, вмѣсто псалма *Богъ намъ прибѣжище*, поютъ польскій гимнъ: *Przed oczy twoje, Panie, winy nasze*

składamy. Молитва *Ангелъ Господень* * и суппликація уже переведены на русскій языкъ; остается только ввести ихъ въ употребленіе. Прибавимъ, что обычай пѣть суппликацію по-польски возникъ съ 1788 года, а до того года, по всей вѣроятности, она пѣлась на русскомъ языкѣ. 16-го іюля 1788 года, виленскій епископъ Игнатій Массальскій приказалъ: „До тѣхъ поръ, пока сеймъ не окончитъ своихъ дѣйствій, во всѣхъ приходскихъ и монастырскихъ костелахъ епархіи нашей, по воскресеньямъ и праздникамъ, суппликація и псаломъ 46 (45) *Богъ намъ прибѣжище* да будутъ совершаемы всѣмъ народомъ на польскомъ языкѣ.“ **

IV.

Согласно постановленію послѣдняго католическаго собора, такъ-называемаго Тридентскаго (засѣданіе XXV „de indice librorum“), папами Иннокентіемъ X и Бенедиктомъ XIII исправленъ и въ 1600 году изданъ *Церемоніалъ епископовъ*. Папа Павелъ V повелѣлъ изъ разныхъ мѣстныхъ *Требниковъ* составить одинъ общій Требникъ, который и изданъ въ 1614 году подъ названіемъ *Римскаго Требника* (Rituale romanum). ***

Постановленія и каноны Тридентскаго собора, по ходатайству папскаго нунція Коммендони, приняты Польшей торжественнымъ образомъ на сеймѣ въ городѣ Парчевѣ, Люблинской губерніи, въ 1564 году. ****

До XVI вѣка, требники католическаго духовенства, какъ въ Привислянскомъ краѣ, такъ равно и въ западномъ, по всей вѣроятности, были писаны на одномъ латинскомъ языкѣ и назывались Agenda. Въ требникѣ (Agenda), напечатанномъ въ Краковѣ въ 1514 году, вопросы и отвѣты, нужные при совершеніи крещенія и вѣнчанія, выражены на польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Эти польскіе и нѣмецкіе вопросы и отвѣты находятся и въ требникѣ (Agenda), напечатанномъ въ 1591 году въ Краковѣ, по приказанію Петроковскаго собора польской провинціи. Второе изданіе этого

---

* Молитва *Ангелъ Господень* напечатана въ русскомъ переводѣ при краткомъ катехизисѣ, изданномъ недавно въ Вильнѣ.

** Пріямовскій.

*** Форначи, *Inst. liturgicae*.

**** *Encyklopedya powszechna*.

требника вышло въ Краковѣ въ 1603 году. Въ 1613 году виленскій епископъ В. Войпа приказалъ католическому духовенству въ сѣверо-западномъ краѣ преподавать духовныя требы не по другимъ какимъ-либо требникамъ, но по вышеназванному, изданному по приказанію Петроковскаго собора; поэтому, изъ этого *Требника* сдѣлано извлеченіе, которое и напечатано въ Вильнѣ въ 1616 году подъ названіемъ *Малой Агенды*. Въ этой *Малой Агендѣ* вопросы и отвѣты, дѣлаемые при совершеніи крещенія и вѣнчанія, написаны на польскомъ, литовскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Въ послѣдствіи, согласно приказанію гнѣзненскаго архіепископа Ивана Венжика, по такъ-называемому *Римскому Требнику* составленъ новый требникъ, который и изданъ въ Краковѣ, въ 1631 году, подъ названіемъ: „Требникъ (Rituale) таинствъ и другихъ костельныхъ обрядовъ, изданный согласно постановленіямъ Петроковскаго провинціальнаго собора, ради однообразнаго употребленія въ костелахъ королевства Польскаго". Это изданіе *Требника Таинствъ* есть не что иное какъ перепечатка такъ-называемаго *Требника Римскаго*, изданнаго по повелѣнію папы Павла V въ 1614 году и принятаго въ остальномъ католическомъ мірѣ, съ тою только разницей, что въ немъ чинъ вѣнчанія, согласно постановленію Тридентскаго собора (sessio XXIV, „de reformatione matrimonii", c. 1), оставленъ мѣстный, употреблявшійся въ Польшѣ.

Этотъ послѣдній *Требникъ*, въ 1647 году, іезуиты перепечатали въ Вильнѣ, и въ заглавіи его добавили, что онъ изданъ *ради однообразнаго употребленія не только въ костелахъ королевства Польскаго*, но *и великаго княжества Литовскаго*. Отвѣты и вопросы, употребляемые при крещеніи и бракосочетаніи, въ этомъ *Требникѣ* напечатаны не только на польскомъ, литовскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, но и на латышскомъ. Послѣ войны за Малороссію, при Алексѣѣ Михайловичѣ, іезуиты, издавая *Требникъ Таинствъ* въ Вильнѣ въ 1675 году, прибавили въ немъ чинъ благословенія хоругвей, разнаго рода оружія, мечей и пр. по-латыни. Перепечатывая въ Вильнѣ, въ 1719 году, это изданіе *Требника Таинствъ*, іезуиты опять прибавили въ немъ на польскомъ языкѣ: символъ вѣры, молитвы вѣры, надежды, любви и страха Божія. Символъ вѣры состоитъ изъ символа никейско-константинопольскаго съ приставкой, въ которой выражается клятвенное обѣщаніе безусловно повиноваться папѣ и всѣми

силами распространять католическую вѣру. Текстъ этой приставки напечатанъ въ декабрьской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за прошлый 1867 годъ, въ статьѣ: *Исторія иконы Остробрамской Богородицы*.

Въ виленскомъ изданіи *Требника Таинствъ* 1771 года іезуиты сдѣлали еще многія дополненія, касающіяся благословенія разныхъ предметовъ, особенно такихъ, кои можно благословлять лишь съ разрѣшенія мѣстнаго епископа, какъ, напримѣръ, церковной утвари. Въ этомъ же изданіи помѣщенъ и чинъ совершенія разныхъ процессій. Эти новыя дополненія писаны по-латыни. Изданіе *Требника Таинствъ* 1771 года перепечатано въ Варшавѣ въ 1824 году, и въ немъ чинъ напутствованія больнаго, писанный по-латыни, замѣненъ такимъ же чиномъ писаннымъ по-польски, съ значительными дополненіями; вопросы же и отвѣты, употребляемые при крещеніи и вѣнчаніи, кромѣ вышеназванныхъ языковъ, напечатаны еще и на французскомъ, съ опущеніемъ ихъ на латинскомъ. Это послѣднее варшавское изданіе 1824 года перепечатано въ Вильнѣ въ 1849 году, когда, между прочимъ, добавленъ, на латинскомъ языкѣ, чинъ принятія въ церковныя братства: Рожанца, Шкаплеровъ, Св. Франциска, Св. Антонія и войска Св. Ѳомы Аквитанскаго, уставы же братствъ и отпусты напечатаны по-польски. Наконецъ, въ перепечаткѣ *Требника*, сдѣланной въ Вильнѣ въ 1858 году, кромѣ всѣхъ вышепоименованныхъ, сдѣлано еще новое дополненіе, писанное также по-польски: добавленъ, какъ бы въ предвидѣніи мятежа, чинъ напутствованья осужденнаго на смертную казнь.

Таковъ *Требникъ Таинствъ*, по коему католическіе священники преподаютъ нынѣ духовныя требы въ западномъ краѣ и вообще въ Россіи. Очевидно, что дополненія въ него введенныя должны быть переведены на русскій языкъ. Противъ такого перевода нельзя, съ католической точки зрѣнія, сдѣлать ни одного серіознаго возраженія.

На Тридентскомъ соборѣ, канонъ 13, постановлено: „Тотъ, кто скажетъ, что обряды католической церкви, соблюдаемые при всенародномъ совершеніи таинствъ, одобренные и утвержденные, могутъ быть либо презираемы, либо безъ грѣха по произволу священнослужителей оставляемы, либо замѣняемы другими новыми (надо разумѣть обрядами) властію какого-либо епископа, да будетъ проклятъ.“ Постановленіе относится къ совершенію семи таинствъ. Чинъ миропомазанія

и священства находится въ епископскомъ церемоніалѣ, писанномъ исключительно по-латыни и изданномъ по повелѣнію Тридентскаго вселенскаго собора и папъ. Таинства крещенія, покаянія, причащенія и елеосвященія въ костелахъ западнаго края совершаются католическими священниками по *Требнику таинствъ*. Чинъ ихъ совершенія заимствованъ изъ *Римскаго требника*. При совершеніи крещенія надъ дѣтьми, священникъ дѣлаетъ девять вопросовъ воспріемникамъ и столько же получаетъ отъ нихъ отвѣтовъ; при совершеніи же крещенія надъ взрослыми, дѣлаетъ 18 вопросовъ, и столько же получается отвѣтовъ, да кромѣ того отдаетъ 13 приказаній. Всѣ эти вопросы, отвѣты и приказанія въ *Римскомъ требникѣ* писаны по-латыни, и ксендзъ, при совершеніи крещенія, переводитъ ихъ на народный языкъ воспріемниковъ и взрослыхъ, принимающихъ таинство. Но въ *Требникѣ таинствъ* вопросы, отвѣты и приказанія напечатаны не по-латыни, какъ въ *Римскомъ требникѣ*, а по-польски, по-литовски, по-латышски, по-нѣмецки и по-французски. Здѣшніе священники, совершая таинство крещенія надъ русскими уроженцами, употребляютъ въ вопросахъ и приказаніяхъ не русскій языкъ, а польскій, и заставляютъ давать себѣ отвѣты на томъ же польскомъ языкѣ. Браки совершаютъ по *Требнику таинствъ*. Хотя обрядъ этотъ въ *Требникѣ таинствъ* далеко не тотъ, что̀ въ *Римскомъ требникѣ*, но онъ долженъ считаться каноническимъ, потому что Тридентскій вселенскій соборъ (Sessio XXIV, „de reformatione matrimonii," c. I) позволилъ сохранять мѣстный обрядъ вѣнчанія браковъ, если онъ не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго. Во время вѣнчанія дѣлаются ксендзомъ три заявленія, четыре вопроса, и получается столько же отвѣтовъ. Въ *Римскомъ требникѣ* эти заявленія, вопросы и отвѣты, равно какъ и форма предбрачныхъ оглашеній, выражены по-латыни; ксендзъ, при совершеніи таинства, долженъ переводить ихъ на народный языкъ лицъ вступающихъ въ бракъ. Въ *Требникѣ таинствъ* эти вопросы, отвѣты, заявленія и оглашенія выражены, какъ и при крещеніи, по-польски, по-литовски, по-латышски, по-нѣмецки и по-французски; и во время вѣнчанія въ западномъ краѣ употребляется не русскій языкъ, какъ слѣдовало бы, а польскій.

Въ церковномъ отношеніи не можетъ быть малѣйшихъ затрудненій перевести всѣ эти вопросы, отвѣты, приказанія,

заявленія и оглашенія на русскій языкъ и опустить польскій текстъ, ибо польскій текстъ не имѣетъ одобренія ни со стороны соборовъ, ни со стороны папъ, а еслибъ имѣлось такое одобреніе, то оно могло бы относиться лишь къ населеніямъ привислянскихъ губерній, а не къ жителямъ западнаго края исповѣдующимъ католическую вѣру. Въ *Римскомъ требникѣ* сказанные вопросы, отвѣты, приказанія, заявленія и оглашенія помѣщены лишь на одномъ латинскомъ языкѣ, и каждый изъ ксендзовъ обязанъ переводить ихъ на народный языкъ принимающихъ таинство. Римская церковь, слѣдовательно, за переводомъ этихъ вопросовъ, отвѣтовъ и т. д. на народный языкъ не признаетъ никакого постоянства, и въ переводѣ каждаго ксендза найдется разница.

Касательно второй части *Требника таинствъ*, въ которой находятся разныя благословенія (benedictiones), надо замѣтить, что часть этихъ обрядовъ заимствована изъ *Римскаго требника*, значитъ имѣетъ одобреніе церкви; эта часть писана по-латыни. Другая же часть ихъ мѣстнаго происхожденія. Освященія и благословенія мѣстнаго происхожденія частію писаны по-латыни, частію по-польски. По-польски писаны молитвы содержащія въ себѣ напутствованія больнаго, умирающаго и осужденнаго на смертную казнь, символъ вѣры никейско-константинопольскій, искаженный упомянутою приставкой, уставы братствъ и ихъ отпусты. Эти польскіе молитвы, уставы и списки отпустовъ, напечатанные въ *Требникѣ таинствъ*, не имѣютъ папскаго одобренія, а напечатаны лишь съ разрѣшенія мѣстнаго епископа.

Сами ксендзы не признаютъ за своимъ требникомъ неизмѣняемости, ибо постоянно стараются увеличивать его польскими дополненіями. Можетъ ли быть сомнѣніе, что правительство имѣетъ полное право не давать значенія польскому языку въ этихъ дополненіяхъ, и потребовать перевода ихъ на языкъ народный, какой въ западномъ краѣ есть языкъ русскій?

V.

Извѣстно, что обѣдня и другія церковныя службы у католиковъ совершаются на латинскомъ языкѣ, непонятномъ для мірянъ, и міряне, присутствуя при совершеніи ихъ, не знаютъ содержанія читаемыхъ ксендзомъ молитвъ. Вслѣдствіе сего обстоятельства родилась потребность въ молитвенникѣ, по которому можно было бы слѣдить за обѣдней и дру-

гими службами отправляемыми въ церкви по-латыни. Католикамъ западнаго края и вообще въ Россіи даютъ молитвенники писанные на польскомъ языкѣ, что заставляетъ здѣшній русскій народъ учиться польской грамотѣ. Въ западномъ краѣ обращается не мало разнаго рода польскихъ молитвенниковъ; но въ числѣ ихъ нѣтъ такихъ, которые были бы приняты во всемъ католическомъ мірѣ. Всѣ эти молитвенники суть мѣстныя произведенія. Содержаніе ихъ, болѣе или менѣе, слѣдующее: *молитвы утренніи*, *на сонъ грядущій*, *повседневныя*, точно такія же какъ и въ православныхъ молитвенникахъ; далѣе, розаріи, годинки и коронки, которые во всѣхъ католическихъ молитвенникахъ почти одни и тѣ же. Еще находятся въ молитвенникахъ такъ-называемыя *литаніи* и *молитвы относящіяся къ литургіи*, *въ костелѣ совершаемой*. Эти послѣднія молитвы не суть переводъ миссальныхъ латинскихъ молитвъ, но весьма похожи содержаніемъ на молитвы употребляемыя при миссѣ. Далѣе, въ польскихъ молитвенникахъ находятся молитвы на разные случаи, *семь псалмовъ покаянныхъ*, наконецъ разныя религіозныя пѣсни. Пѣсни эти однѣ и тѣ же во всѣхъ молитвенникахъ, и, по большей части, заимствованы изъ книги, такъ-называемой *Кантычки*. Вся разница въ томъ, что въ однихъ молитвенникахъ количество пѣсней больше, а въ другихъ меньше; точно то же можно сказать и о молитвахъ. У простолюдиновъ въ западномъ краѣ находятся въ употребленіи слѣдующіе молитвенники: *Золотый Олтарикъ*, *то-есть краткое собраніе разнаго молитвословія*, *Служба Божія*, *то-есть молитвословіе употребляемое на дому и въ костелѣ*, *Религіозныя пѣсни употребляемыя въ католической церкви*, *Оффиціумъ*, *то-есть ежедневное молитвословіе* и *Сокровище благочестивой души*, *то-есть сборникъ разнаго молитвословія*. Молитвенники: *Золотый Олтарикъ* и *Служба Божія* заключаютъ въ себѣ около 600 страницъ печати in 12. *Золотый Олтарикъ* такъ-называемый *простой*, издаваемый обыкновенно для народа въ Вильнѣ, продается по дешевой цѣнѣ: обыкновенно по 30 к., въ кожаномъ переплетѣ. Молитвенникъ *Служба Божія* изданъ впервые въ 1856 году, въ Вильнѣ. Этотъ молитвенникъ тѣмъ разнится отъ *Золотаго Олтарика простаго*, что въ немъ, вмѣстѣ съ польскимъ текстомъ находится и латинскій текстъ пѣсней и гимновъ употребляемыхъ въ костелѣ.

Польскія аристократки и другія лица, знающія францу-

скій языкъ, молятся по французскимъ молитвенникамъ. Въ средѣ польскихъ помѣщиковъ, чиновниковъ-католиковъ и учениковъ здѣшнихъ гимназій находятся въ употребленіи нижеслѣдующіе польскіе молитвенники: *Молитвословіе, сочиненное извѣстною дамой*. Въ этомъ молитвенникѣ помѣщена „молитва во время гоненія за вѣру“, рѣзко написанная; въ немъ также находятся молитвы *Антокольскому Спасителю* (костелъ нынѣ обращенъ въ православную церковь). Есть еще молитвенники: *Польскій Миссалъ Малый*, *Голосъ души*, *Олтарикъ римско-католическій* Э. Остынца, *Книга молитвъ* ксендза Рунина, *Мѣсяцъ Май*, *Христіанинъ у подножія чудотворнаго изображенія Спасителя на Снипишкахъ въ Вильнѣ*, *Теченіе цѣлаго года*, *Богъ величайшее благо*, *Книга молитвъ для женщинъ* и такой же молитвенникъ для Полекъ соч. Гоффановой, *Книга молитвъ*, *Майская Гирлянда*, *Сборникъ молитвъ*, за которыя даются папскіе отпусти, *Сборникъ молитвъ*, *Сборникъ молитвословія* и многіе другіе.

Кромѣ того, въ западномъ краѣ обращаются слѣдующіе польскіе молитвенники: *Островратскій Олтарикъ*, составленный каноникомъ Л. Г., *молитвословіе Островратской Богородицѣ*, *Островратскій Олтарикъ меньшій* и *Олтарикъ Островратской Богородицы*, составленный ксендзомъ Г. Менуе. Первые три островратскіе молитвенника, составленные послѣ 1852 года, не допускались къ продажѣ до выѣзда изъ Вильны И. Г. Бибикова въ 1855 году, а съ 1866 года продажа ихъ въ Вильнѣ опять пріостановлена. Четвертый же *Островратскій молитвенникъ*, сочиненный ксендзомъ Менуе въ 1860 году, самый вредный, находится въ продажѣ и по сіе время. Съ другой стороны, въ нынѣшнемъ 1868 году запрещены и изъяты изъ обращенія польскіе молитвенники: *Золотой Олтарикъ благовоннаго кадила*, *Религіозныя пѣсни*, употребляемыя въ католической церкви, виленское изданіе 1852 года, *Оффиціумъ*, виленское изданіе 1847 и 1856 и минское 1830 годовъ, *Золотой Олтарикъ*, виленское изданіе 1858 года. Несмотря на то что эти молитвенники запрещены, нельзя сказать, чтобы въ нихъ находилось что-либо вредное Русскому государству или полемическое противъ православной вѣры. Единственное ихъ зло въ томъ, что они писаны на польскомъ языкѣ, но на польскомъ же языкѣ писаны и всѣ остальные.

Если бросить взглядъ на польскіе молитвенники, то мы видимъ, что авторы ихъ уклоняются отъ всякаго нападенія

на православную вѣру, за исключеніемъ *Островратскаго молитвенника* ксендза Менуе и *Молитвенника чудотворной Маріи*. Эта тактика соблюдается Поляками для того, чтобъ ихъ молитвенники могли быть читаемы и православными. Но за то, исключая *Службу Божію*, *Золотой Олтарикъ*, *Оффиціумъ*, *Религіозныя пѣсни* и *Сокровище благочестивой души*, въ остальныхъ сплошь и рядомъ имѣется въ виду пропаганда польщизны (не католицизма) и искорененіе русской народности.

Чтобы противодѣйствовать польской пропагандѣ въ средѣ народонаселенія западнаго края необходимо перевести на русскій языкъ наиболѣе употребляемые молитвенники, какъ *Золотой Олтарикъ*, *Службу*, *Религіозныя пѣсни*, *Молитвословіе составленное извѣстною дамой*, выбросивъ изъ послѣдняго *молитву во время гоненія за вѣру*. Разрѣшить перевести польскіе молитвенники на русскій языкъ слѣдовало бы уже и потому, что часть ихъ, именно самая главная и обязательная для всѣхъ католиковъ, уже переведена на русскій языкъ, напечатана вмѣстѣ съ краткимъ катехизисомъ въ Вильнѣ въ нынѣшнемъ году и введена въ употребленіе между учениками гимназій католическаго исповѣданія. Если разрѣшено молиться на русскомъ языкѣ дѣтямъ, то слѣдовало бы разрѣшить это и народу.

Соображаясь съ историческими условіями западнаго края, нельзя не признать введеніе русскаго языка въ костелы мѣрой не только особенно полезною русскому дѣлу, но и во всѣхъ отношеніяхъ справедливою и либеральною. Народонаселеніе западнаго края, исключая жителей Ковенской губерніи, говоритъ не иначе какъ по-русски; польскій языкъ, принятый костеломъ, есть не что иное какъ грубое насиліе, лишающее народъ отечественнаго языка и заставляющее его, ради нуждъ религіи, учиться чужому языку. Простолюдины западнаго края говорятъ въ домашнемъ быту, въ учебныхъ заведеніяхъ, въ присутственныхъ мѣстахъ, на исповѣди, и вообще съ ксендзами не иначе какъ по-русски; только въ костелѣ они принуждены молиться по молитвенникамъ польскимъ и слушать проповѣди на польскомъ языкѣ, несмотря на то что большинство ихъ этого языка не понимаетъ. Ввести русскій языкъ въ костелъ значитъ прекратить насиліе чинимое Поляками, значитъ дать свободу народу пользоваться своимъ роднымъ отечественнымъ языкомъ.

Давъ народу католическіе молитвенники на русскомъ

языкѣ, правительство получитъ возможность прекратить ввозъ польскихъ молитвенниковъ изъ Варшавы и Петербурга и положить конецъ распространенію польскихъ книгъ, нерѣдко выдаваемыхъ неопытнымъ русскимъ чиновникамъ за молитвенники. Католическихъ молитвенниковъ на русскомъ языкѣ пока нѣтъ, а продажа польскихъ букварей строго запрещена; значитъ, здѣшнее молодое поколѣніе поставлено въ невозможность удовлетворять своей потребности молиться по молитвенникамъ во время церковныхъ службъ совершаемыхъ на латинскомъ языкѣ. Эта потребность такъ настоятельна, что если далѣе препятствовать ея удовлетворенію, то народъ неминуемо прибѣгнетъ къ контрабандѣ и не задумается выписывать для своихъ дѣтей, разумѣется секретно, польскіе буквари. Мы навѣрное знаемъ, что такая контрабанда польскихъ букварей уже и нынѣ всюду чинится; знаемъ также, что во многихъ мѣстахъ имѣются польскія школы, и дѣти Русскаго народа, имѣя свой собственный языкъ, принуждены учиться польской грамотѣ для того чтобъ имѣть возможность молиться Богу. *Смотрѣть* сквозь пальцы на контрабанду и существованіе польскихъ школъ значило бы допускать нарушеніе правительственныхъ распоряженій и пріучать народъ къ неповиновенію законамъ; съ другой стороны, открыть вновь закрытыя типографіи и снова допустить продажу польскихъ букварей значило бы осуждать то что̀ уже сдѣлано и, слѣдовательно, ронять авторитетъ правительства въ глазахъ народонаселенія. Для исправленія зла остается одно: дозволить перевести на русскій языкъ католическіе молитвенники, къ которымъ народъ привыкъ. Не худо разослать ихъ по народнымъ училищамъ, дабы католическія дѣти могли по нимъ учиться русской грамотѣ, и вообще пріучать здѣшнее молодое поколѣніе къ молитвенникамъ напечатаннымъ по-русски. Можно съ увѣренностію утверждать, что здѣшнее католическое простолюдье введеніемъ русскаго языка въ молитвенники будетъ довольно, ибо тогда родителямъ не будетъ никакой надобности мучить своихъ дѣтей ученіемъ польской грамоты, знаніе которой пріобрѣтается здѣшними уроженцами всегда съ большимъ трудомъ, какъ это хорошо извѣстно бывшимъ сельскимъ наставникамъ. Узаконивъ преподаваніе на русскомъ языкѣ католическаго катехизиса, гдѣ находятся главнѣйшія молитвы, знаніе коихъ обязательно для католиковъ, правительство уже тѣмъ самымъ какъ бы обязалось

допустить изданіе этихъ молитвъ особою книжкой и позволить перевести на русскій языкъ католическіе молитвенники, къ коимъ народъ привыкъ. Эта мѣра устранила бы существующую нынѣ странность, что ученики въ училищѣ молятся по-русски, въ костелѣ же по-польски, и что ксендзы говорятъ и поучаютъ въ костелахъ по-польски, а въ училищахъ не иначе какъ по-русски.

Наконецъ, введеніе русскаго языка въ проповѣди и въ молебствіе за царствующій Домъ будетъ лишь исполненіемъ Высочайшихъ повелѣній 1833 и 1852 годовъ, обойденныхъ Поляками. Исполненіе этихъ повелѣній было бы доказательствомъ, что правительство слѣдуетъ одной и той же системѣ. Протестантская пропаганда неусыпно старается вводить свое ученіе въ западномъ краѣ, дѣйствуя по преимуществу посредствомъ такъ-называемыхъ библейскихъ обществъ. Въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго вѣка, противъ распространенія Библіи въ протестантскомъ польскомъ переводѣ сильно ратовали католическіе священники, особенно митрополитъ Головинскій, и тогда дѣйствія свои въ западномъ краѣ библейскія общества принуждены были сократить. Но послѣ мятежа 1863 года библейскія общества возобновили дѣятельность, и притомъ такъ успѣшно, что протестантскій переводъ Библіи расходится нынѣ въ западномъ краѣ въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. И такъ какъ это переводъ польскій, то ксендзы противъ такого распространенія протестантской Библіи, хотя и обязаны протестовать, нынѣ нигдѣ не протестуютъ. * Библія, которую распространяютъ въ западномъ краѣ библейскія общества, напечатанная на веленевой бумагѣ и переплетенная весьма красиво въ кожу, продается по 40 копѣекъ. Наконецъ, по народному образованію, на которое многими возлагается столько надеждъ, ничего не удастся сдѣлать до тѣхъ поръ, пока польскій языкъ будетъ въ религіозномъ употребленіи у здѣшнихъ католиковъ. Правда, Виленскій и Кіевскій учебные округа могутъ распространить знаніе русской грамоты въ средѣ католическаго населенія, но нѣтъ основаній полагать, чтобы знающіе русскую грамоту уже тѣмъ самымъ были друзьями Россіи. Религія есть великая сила, дѣйствующая въ народныхъ массахъ; чрезъ употребленіе польскаго

---

* Папа Пій IX, *Epistola encyclica*, отъ 9-го ноября 1846 и отъ 8-го декабря 1849 годовъ.

языка въ костелахъ, языкъ этотъ, а чрезъ него и польщизна, получаетъ въ глазахъ здѣшняго католическаго населенія значеніе религіозной святыни. Это печальное обстоятельство замѣтилъ Виленскій учебный округъ, и поэтому, чтобы не усиливать польской мятежной партіи, не рѣшился открывать русскія сельскія училища въ средѣ католическаго населенія. Если польскій языкъ будетъ оставаться въ костелахъ, то русскія сельскія училища опустѣютъ и будутъ упразднены за неимѣніемъ учениковъ; польскія же училища, коихъ и теперь несравненно болѣе чѣмъ русскихъ, изъ тайныхъ мало-по-малу сдѣлаются явными.

Дѣло ополяченія въ западномъ краѣ идетъ, какъ всѣмъ извѣстно, крайне успѣшно. Извѣстный польскій историкъ и ретивый поборникъ польщизны, Іоахимъ Лелевель, еще въ 1836 году, въ учебникѣ польской исторіи, изданномъ имъ въ пользу польскихъ дѣтей, писалъ, что „въ русской части (Польши) на востокъ отъ Нѣмана и Буга, рѣдко кто въ состояніи говорить по-польски, всѣ обыкновенно говорятъ по-русски, а Жмудины по-литовски. Поэтому у нихъ польское слово *ойчизна* не употребляется. Нынѣ же молодое поколѣніе въ западномъ краѣ хорошо понимаетъ польскій языкъ, а мѣщане и мелкая шляхта, которой здѣсь гибель, уже и въ домашнемъ быту успѣли съ тѣхъ поръ усвоить себѣ польскій языкъ. Нынѣ почти нѣтъ деревни, гдѣ бы какой-нибудь нищій или калѣка не обучалъ дѣтей польской грамотѣ. Западный край запруженъ польскими книгами, особенно польскими молитвенниками: почти у каждаго ксендза они продаются, въ каждомъ уѣздномъ городѣ есть одна или болѣе книжныхъ польскихъ лавокъ; въ Вильнѣ же ихъ девять. Ополяченію западнаго края съ 1866 года весьма усердно помогаютъ и Нѣмцы, чрезъ распространеніе, какъ сказано выше, въ громадномъ числѣ экземпляровъ польскаго перевода Библіи протестантскими библейскими обществами.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что если польскій языкъ не будетъ упраздненъ въ костелахъ и въ молитвенникахъ у католиковъ западнаго края, то чрезъ какихъ-нибудь двадцать лѣтъ этотъ издревле русскій край будетъ окончательно ополяченъ. Если мы этого не желаемъ, то должны немедленно лишить польщизну возможности путемъ костела захватывать исконное русское достояніе.

Приводя эту мѣру въ исполненіе, правительство исполнитъ священный долгъ: оно сниметъ крѣпостное право, наложенное на католиковъ въ Россіи Поляками, и разрѣшитъ русскому народу въ русскомъ краѣ молиться Богу на родномъ языкѣ и знать истины своей вѣры безъ польскихъ искаженій.

БѢЛОРУССЪ.

НА ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ

Мчится, мчится желѣзный конекъ!
По желѣзу желѣзо гремитъ,
Паръ клубится, несется дымокъ;
Мчится, мчится желѣзный конекъ,
Подхватилъ, посадилъ, да и мчитъ.

И лечу я, за дѣломъ лечу,—
Дѣло важное, время не ждетъ.
Ну, конекъ! я покуда молчу....
Погоди, соловьемъ засвищу,
Коли дѣло то въ гору пойдетъ....

Вонъ навстрѣчу несется лѣсокъ,
Черезъ балки грохочутъ мосты,
И цѣпляется паръ за кусты;
Мчится, мчится желѣзный конекъ,
И назадъ улетаютъ шесты....

Вонъ и родина! Вонъ въ сторонѣ
Тесомъ крытая кровля встаетъ,
Темный садикъ, скирды на гумнѣ;
Тамъ старушка одна, чай, по мнѣ
Изнываетъ, родимаго ждетъ.

Заглянулъ бы я къ ней въ уголокъ,
Отдохнулъ бы въ тѣни тѣхъ березъ,
Гдѣ такъ много посѣяно грезъ.
Мчится, мчится желѣзный конекъ
И, свистя, катитъ сотни колесъ.

Вонъ въ рѣкѣ блескъ и тѣнь камыша....
Красна дѣвица съ горки идетъ,
По тропинкѣ идетъ не спѣша;
Можетъ-быть золотая душа,
И, быть-можетъ, голубчика ждетъ.

Познакомиться съ ней бы я могъ,
И не все жь пустяки городить,—
Самъ бы могъ, наконецъ, полюбить....
Мчится, мчится желѣзный конекъ
И желѣзная тянется нить.

Вонъ, вдали, на закатѣ пестрятъ
Колокольни, дома и острогъ,
Однокашникъ мой тамъ, говорятъ,
Вѣчно борется, жизни не радъ....
И къ нему завернуть бы я могъ....

Поболталъ бы я съ нимъ хоть часокъ!
Хоть немного имъ прожито лѣтъ,
Да не мало испытано бѣдъ....
Мчится, мчится желѣзный конекъ,
Сѣетъ искры летучія вслѣдъ....

И, крутя ихъ, несетъ вѣтерокъ
На росу потемнѣвшей земли,
И сквозь сонъ мнѣ желѣзный конекъ
Говоритъ: „Ты за дѣломъ, дружокъ,
„Такъ ты нѣжность-то къ чорту пошли....“

Я. ПОЛОНСКІЙ.

1868 г.

ИЗЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКИ

ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ ВЫБОРАМЪ ПРЕЗИДЕНТА

Висконсинъ, Расинъ, 1868 г. 15-го октября н. ст.

Президентскіе выборы періодически оживляютъ и волнуютъ Америку. Всѣ газеты переполнены рѣчами ораторовъ. Здѣсь есть обыкновеніе приглашать на митинги сенаторовъ, членовъ нижней палаты конгресса и другихъ лучшихъ ораторовъ, преимущественно изъ лицъ вліятельныхъ и извѣстныхъ. Пріѣздъ и появленіе ихъ на трибунѣ собираютъ толпы народа. Устраиваются факельныя процессіи съ музыкой. Послушать извѣстнаго оратора приходятъ и старые граждане-домосѣды. Митингъ состоитъ обыкновенно не изъ однихъ только мущинъ, но и изъ женщинъ и дѣтей. Двѣ партіи борются между собой — республиканская и демократическая. Цѣлая Америка двоится, начиная отъ Вашингтонскаго кабинета и кончая самымъ малымъ дистриктомъ въ общинѣ. Вопросъ о южныхъ штатахъ есть главный пунктъ раздѣленія. Различное пониманіе его республиканскою и демократическою партіями выразилось въ программахъ, называемыхъ здѣсь платформами, этихъ двухъ партій, изъ коихъ первая имѣла свой съѣздъ, или конвенцію, въ Чикаго, 20-го мая, а вторая—въ Нью-Йоркѣ, 3-го, 4-го и 5-го іюля.

Какъ всякому извѣстно, вопросъ объ освобожденіи невольниковъ возникъ давно. Сѣверные штаты требовали без-

условнаго освобожденія, южане пытались вступить въ соглашеніе съ Сѣверомъ. Въ 1820 году, при принятіи Миссури въ число штатовъ, граница невольничеству была опредѣлена 36 градусомъ и шестью минутами сѣверной широты, отъ рѣки Миссисипи къ Тихому Океану. Въ 1850 году южнымъ демократамъ хотѣлось распространить невольничество на штаты Канзасъ и Небраску. Но это не было достигнуто. Въ послѣдствіи, въ 1860 году, вопросъ возобновился съ пущею силой; демократическая партія раздѣлилась на сѣверную и южную, изъ коихъ послѣдняя, на митингѣ въ Чарльстонѣ, требовала полной свободы штатамъ признавать или уничтожать невольничество безъ вѣдома федеральной власти, а первая собралась въ Балтиморѣ и требовала возобновленія компромисса 1820 г., сдѣланнаго при введеніи Миссури въ число штатовъ. Въ то же время республиканская партія на конгрессѣ въ Чикаго приняла платформу враждебную правительству. Возгорѣлась война. Линкольнъ, избранный благодаря раздѣленію демократской партіи и баллотировкѣ трехъ ея кандидатовъ, издалъ въ 1863 г. прокламацію объ освобожденіи невольниковъ и, располагая лишь 15.000 войска, пригласилъ сѣверные штаты собрать 75.000 милиціи. Въ порывѣ ревности объ освобожденіи невольниковъ, собрано было войско втрое больше. Южные штаты на конгрессѣ въ Монтгомери приняли сепаратистскую платформу, по которой каждый штатъ можетъ выступить изъ Союза, когда ему вздумается. Образовалось временное федеральное правительство съ президентомъ Джефферсономъ-Девисомъ. Тогда-то Сѣверъ сосредоточилъ всѣ свои усилія и съ оружіемъ въ рукахъ достигъ соединенія Юга съ Сѣверомъ. Война обошлась дорого; болѣе 500.000 человѣкъ пало и 4.000 милліоновъ долларовъ занято на подавленіе мятежа. Теперь бывшіе рабовладѣльцы употребляютъ всѣ усилія, чтобъ уничтожить неблагопріятныя для нихъ послѣдствія войны. Обѣ партіи, не довольствуясь борьбой конституціонною, прибѣгаютъ къ физической силѣ и называютъ одна другую деспотическою, мятежническою, антиконституціонною. Нерѣдко всѣ средства считаются позволенными. На Югѣ образовалось даже тайное общество подъ названіемъ „Ку-Клуксъ-Кланъ", будто бы числящее до 500.000 членовъ. Это нѣчто въ родѣ польскихъ жандармовъ-вѣшателей. Врываясь ночью въ дома съ револьверами въ рукахъ, въ странныхъ костюмахъ, эти исполни-

тели воли комитета рабовладѣльцевъ убиваютъ гражданъ враждебныхъ демократамъ и федеральныхъ чиновниковъ, исполнителей правительственныхъ распоряженій. Члены „Ку-Клуксъ-Клана" имѣютъ по ночамъ свои тайныя собранія, ходятъ вооруженные и пробираются иногда на Сѣверъ. При республиканскихъ митингахъ и процессіяхъ, напримѣръ въ Санъ-Луисѣ, Чикаго, демократы бросаютъ въ народъ камни, стрѣляютъ въ него изъ револьверовъ. О свистѣ и дракахъ нечего и говорить. Быть на митингахъ, поэтому, не всегда безопасно. Необходимо быть осторожнымъ и осмотрительнымъ. Нечего уже и говорить о томъ, что въ полпивныхъ, называемыхъ салонами, часто бываютъ драки. Въ Чикаго, напримѣръ, не пройдетъ недѣли безъ потасовки. Въ такія передѣлки попадаются сами редакторы газетъ при своихъ попыткахъ агитировать и угостить пивомъ людъ, сидящій въ полпивной. Да и вообще положеніе редактора въ Америкѣ не всегда безопасно. Редакторъ *Славіи*, Іонашъ, прибывъ изъ Англіи, началъ издавать свою газету въ демократскомъ духѣ. На вечерѣ у Чеха Еліаша, за городомъ, пришлось ему разговориться и поспорить съ Американцами-республиканцами. Тѣ преспокойно объявили ему, что редакція будетъ разбита чернью, какъ скоро она узнаетъ о томъ, что издается демократская газета. Пришлось запастись револьверомъ. Черни было уже сообщено о томъ. Она грозилась проучить редактора и успокоилась лишь тогда, когда измѣнилось направленіе газеты, которая сдѣлалась республиканскою.

Мнѣ пришлось быть на трехъ митингахъ въ Расинѣ и на одномъ въ Каледоніи. Въ прошлую субботу, 3-го октября, приходитъ въ редакцію *Славіи* шерифъ Клейнъ, изъ Нѣмцевъ, подписывается на газету въ количествѣ 60 экземпляровъ и проситъ разослать ее по сосѣднимъ округамъ чтобы повредить демократамъ города Мильвоки, въ которомъ они сосредоточиваются. Голосами поселянъ думаютъ перевѣсить горожанъ, число коихъ меньше поселянъ. Здѣсь всѣ голоса высчитаны, и знаютъ гдѣ ихъ будетъ больше, или меньше, и за какую партію. На другой день тотъ же Клейнъ пріѣхалъ за Іонашемъ и мною и позвалъ насъ на митингъ въ Каледонію. Меня это занимало. Тамъ пришли въ салонъ Еліаша, гдѣ было уже около двадцати Чеховъ. Вскорѣ собралось ихъ больше. Сперва Іонашъ, а потомъ Клейнъ, начали угощать всю

компанію пивомъ. Чехи перестали играть въ домино и карты. Тогда Іонашъ прочиталъ имъ прокламацію о томъ, что республиканская партія признается либеральною, и избираемы будутъ кандидаты предложенные ею. При этомъ сказана была краткая рѣчь въ поясненіе прокламаціи. Чехи отвѣчали: да, правда; будемъ голосовать съ республиканцами, и подписали прокламацію. Послѣ того происходила уже попойка. Затѣмъ пришли Чехи съ демократскими убѣжденіями, соблазнились видя даровое пиво и Іонаша, которому они довѣряютъ, и тоже поспѣшили подписать, не читая того подъ чѣмъ подписываются. На обратномъ пути въ городъ мы заѣхали въ другую полпивную. Тамъ Чехи тоже получили выпивку. Веселый разговоръ послѣдовалъ за нею. Іонашъ сказалъ нѣсколько словъ о Кавказѣ и выразилъ ту мысль, что будетъ работать надъ разрѣшеніемъ этого вопроса, пока можно, а если это не удастся, то станетъ зазывать Чеховъ сюда и стараться о ихъ будущности здѣсь. Чехи отвѣчали: „выеднавайте; мы васъ подпоруемъ. Намедни судился нашъ Чехъ и подписалъ въ судѣ бумагу, которая была противъ него, по незнанію того что̀ въ ней написано. Процессъ чрезъ то былъ потерянъ. Какая же польза намъ отъ тѣхъ правъ, отъ той свободы, которыхъ мы не понимаемъ, которыми не умѣемъ пользоваться и не скоро научимся тому?“ Вотъ образчикъ здѣшнихъ сельскихъ митинговъ. Прокламація на чешскомъ языкѣ, подписанная тридцатью Чехами, напечатана въ сотняхъ экземпляровъ и разсылается по разнымъ чешскимъ колоніямъ. То же дѣлаютъ агитаторы съ Ирландцами, Скандинавами и Нѣмцами. На это затрачиваются большія деньги. Редакторъ здѣшнихъ чешскихъ *Народныхъ Новинъ*, выходящихъ въ Санъ-Луисѣ, хотѣлъ получить отъ республиканскаго комитета 1.000 долларовъ, въ видѣ помощи, за свое республиканское направленіе и припечатаніе въ своей газетѣ республиканскаго списка кандидатовъ. Но по изслѣдованіи, комитетъ убѣдился, что поддержки болѣе заслуживаетъ *Славія*, потому что болѣе авторитетна и распространена между Чехами, а потому предположилъ выдать ей пособіе въ 1.000 долларовъ. Спрашивается: откуда же берутся деньги на такіе расходы? Изъ опредѣленныхъ и добровольныхъ взносовъ всѣхъ кандидатовъ обѣихъ партій. Если кто домогается мѣста, то въ комитетѣ партіи прямо объявляютъ, что долженъ внести столько-то

и вести агитацію. Каждый работаетъ потомъ съ неутомимымъ усердіемъ. Всѣ таковые претенденты и вожди партій связаны какъ бы круговою порукой. Каждый не заботится прямо и непосредственно о себѣ, а дѣйствуетъ во имя цѣлой партіи и старается дать ей перевѣсъ. Такихъ специальныхъ агитаторовъ, какъ Клейнъ, здѣсь сотни тысячъ. Случается затрачивать больше того что даетъ должность; но назадъ не отступаютъ. Послѣ наверстаютъ взятками. Въ самомъ Расинѣ были два республиканскіе митинга, 3-го и 5-го октября, и демократическій, 6-го октября. На первомъ говорилъ молодой человѣкъ, Карпентеръ изъ Мильвоки, безъ изысканныхъ жестовъ и безъ насмѣшекъ надъ другою партіей, держась строгой критики ея платформы и развивая систематически взгляды своей партіи. Затѣмъ говорилъ мѣстный ораторъ Корнъ, который насмѣшилъ публику своими выходками противъ соперничествующей партіи, своими остротами и полемикой съ Ирландцемъ, который стоялъ у трибуны и постоянно возражалъ, какъ заклятой демократъ, не давая республиканцу завираться. Публика вдоволь насмѣялась и разошлась съ удовольствіемъ. Во все время слышался пискъ и свистъ мальчишекъ, настроенныхъ демократами. Въ другой разъ говорилъ республиканскій сенаторъ Гау, тоже нарочно приглашенный, но уже не на открытомъ воздухѣ, а въ недостроенномъ домѣ. Въ рѣчи старика мало было ироніи; за то много увѣреній въ томъ, что южане—мятежники, у которыхъ надо силой произвести реформы. „Еслибы Югъ, говорилъ онъ, добровольно освободилъ невольниковъ и сложилъ оружіе, то не терпѣлъ бы никакого наказанія. А теперь онъ долженъ повиноваться федеральной власти. Бывшіе бунтовщики, лишенные теперь политическихъ правъ, всегда могутъ получить амнистію отъ президента. Джонсонъ не только охотно раздаетъ, но и торгуетъ ею чрезъ приближенныхъ къ нему дамъ. Не секретъ тотъ случай, какъ одна изъ влюбленныхъ въ него дамъ устроила контору (office), въ которой заключались контракты на покупку амнистій, испрашиваемыхъ по вечерамъ и раздаваемыхъ по утрамъ. Отъ 100 до 500 долларовъ стоила такая амнистія. Это не выдумка, а фактъ, бывшій на разсмотрѣніи суда присяжныхъ. Кто считаетъ низкимъ выпрашивать амнистію, тотъ пусть не пользуется политическими

правами. Они пригодятся неграмъ, бывшимъ ихъ рабами. Изъ вещи они сдѣлались людьми. Гуманно ли лишать ихъ права быть свидѣтелями въ судѣ, избирателями и избираемыми? Или живъ еще старый предразсудокъ, что въ черной кожѣ иной человѣкъ нежели въ бѣлой? Нѣтъ; всѣ мы братья, всѣ мы равны. Кто несогласенъ съ тѣмъ, пусть подчиняется военнымъ командирамъ. Что за деспотизмъ на Югѣ, въ которомъ насъ постоянно упрекаютъ? Тринадцать штатовъ было рабовладѣльческихъ и возмутившихся. Два изъ нихъ, Миссури и Кентукки, были удержаны отъ бунта военнымъ занятіемъ. Въ одиннадцати происходила рѣзня. Или не имѣли мы права защищать честныхъ гражданъ въ тѣхъ штатахъ, вѣрныхъ намъ невольниковъ, принимавшихъ съ радостію войска подъ знаменемъ цѣлаго Союза? Нѣтъ. То была священная обязанность наша противостать мятежу. Что же дѣлается теперь на Югѣ? Въ трехъ штатахъ, Виргиніи, Тексасѣ и Миссиссипи, до сихъ поръ не подчинились еще волѣ конгресса, волѣ народа. Отчего населеніе отказалось тамъ выразить свое мнѣніе о проектированныхъ новыхъ конституціяхъ, принять, или отвергнуть ихъ? Видно, глубоко еще коренится тамъ варварство, силенъ духъ раболѣпія. Отчего не послѣдуютъ они примѣру восьми штатовъ, принявшихъ новыя конституціи, подчинившихся совершившемуся факту и волѣ народа? Пока не смирятся три разбойническо-мятежническіе штата, пусть будетъ у нихъ временное правительство, временный губернаторъ, пусть военные командиры слѣдятъ тамъ за порядкомъ, контролируютъ рѣшенія судовъ присяжныхъ, пусть будетъ расположено на Югѣ 35.000 войска! Другой справы нѣтъ и не можетъ быть съ мятежниками. Народъ не даромъ проливалъ свою кровь. Умирая, добрые воины завѣщали намъ идти по ихъ трупамъ далѣе. Тѣни великихъ гражданъ, положившихъ на полѣ брани животъ свой, призываютъ насъ къ довершенію начатаго и болѣе чѣмъ до половины доведеннаго великаго дѣла. На бывшихъ мятежниковъ никогда нельзя положиться. Какой залогъ, какое ручательство порядка дали они? Или неизвѣстно, что губернаторъ штата Тенесси вынужденъ былъ собрать милицію и надняхъ поставить ее подъ ружье? Кто причиной тому? Конечно не мы, не нашъ деспотизмъ. А кто же? Разбои демократовъ. Они организовали шайку разбойниковъ, называемую „Ку-Клуксъ-Кланъ“. Отъ

руки этихъ злодѣевъ погибаютъ десятки честныхъ гражданъ, нѣтъ пощады семействамъ, женамъ и дѣтямъ. Эти ночныя и тайныя убійства совершаются по приговору рабовладѣльческаго трибунала, который устроенъ не республиканцами, а демократами. Еслибъ онъ не былъ органомъ южныхъ злодѣевъ, почему бы они не протестовали противъ него, зачѣмъ они не оправдаются отъ нашихъ нареканій? Долой демократію, долой Сеймура и Блера — этихъ наслѣдниковъ враждебной Союзу политики Джонсона! Да живетъ республика, да будетъ президентомъ Грантъ, а вице-президентомъ Кольфаксъ!“ Троекратное *hurrah* народа было отвѣтомъ на троекратное провозглашеніе имени Гранта и Кольфакса, при чемъ махали шапками и факелами, а затѣмъ музыка заиграла народный гимнъ. Предъ началомъ митинга члены республиканскаго клуба, въ количествѣ пятидесяти, собрались въ помѣщеніи его и одѣлись въ черные, какъ бы воинскіе, костюмы и кêпи, обведенные бѣло-красною полоской, вышли на улицу съ факелами и знаменами Соединенныхъ Штатовъ, расположились предъ зданіемъ окружнаго суда, а затѣмъ обошли нѣсколько улицъ съ музыкой и возвратились назадъ, ставъ позади народа съ зажженными факелами. Противъ нихъ, на балконѣ или крыльцѣ, помѣстились ораторы и члены мѣстнаго республиканскаго комитета, на открытомъ воздухѣ, за столикомъ. Предсѣдатель комитета представилъ народу пріѣзжаго оратора и открылъ собраніе, пригласивъ къ порядку. По окончаніи первой рѣчи велѣно было играть музыкѣ, а послѣ второй рѣчи митингъ распущенъ, при чемъ процессія на площади сдѣлала какъ бы разводъ и промаршировала нѣсколько разъ, замыкаясь въ тѣсный кругъ и развертываясь на всѣ стороны флангами, по командѣ офицера. При митингахъ не было ни одного полицейскаго чиновника. Въ немъ не было никакой нужды. При другомъ республиканскомъ митингѣ, кромѣ оркестра, изъ членовъ клуба, былъ еще хоръ пѣвцовъ изъ десяти человѣкъ, который при началѣ, въ срединѣ и по окончаніи митинга пропѣлъ на трибунѣ три вновь сочиненныя пѣсни, въ которыхъ воспѣваются заслуги и достоинства Гранта и Кольфакса. Напѣвъ ихъ — военный и веселый. При демократическомъ митингѣ, 6-го октября, не слышно было пѣсней, не было факеловъ и милиціи; только

оркестръ музыки. Стѣны были украшены знаменами, орломъ и надписями Сеймура и Блера. Предсѣдатель демократическаго клуба, мистеръ Снурръ, открылъ собраніе рѣчью, въ которой коснулся финансовой стороны программы и объяснилъ, что еслибы Линкольнъ не захотѣлъ войны, а соблюдая конституцію, предоставилъ вопросъ о невольничествѣ на разрѣшеніе отдѣльныхъ штатовъ, то оно пало бы само собой въ южныхъ штатахъ, такъ же какъ и въ сѣверныхъ. Не было бы ни полумилліона смертей, ни 4.000 милліоновъ долларовъ долга. Долгъ долженъ быть признанъ за неконституціонный и неподлежащій уплатѣ. Только для соблюденія формальности слѣдуетъ вступить въ соглашеніе съ кредиторами и предложить имъ новыя условія погашенія долга. Но для этого не слѣдуетъ возвышать подати, которыми обремененъ народъ. За что только онъ не платитъ теперь? Ему должна быть дана финансовая свобода; подати должны быть понижены. Затѣмъ сказалъ очень живую рѣчь сенаторъ Дулитль, который выбранъ былъ въ Расинѣ республиканскою партіей, но потомъ перешелъ на сторону демократовъ, причемъ подвергся порицаніямъ и позору за то, что не сложилъ своего мандата, по требованію избирателей. Этотъ Дулитль, бывшій съ особыми порученіями въ Россіи, долго не рѣшался выступить на трибуну въ своемъ городѣ, путешествовалъ по Соединеннымъ Штатамъ и только теперь отважился показаться на трибунѣ. Рѣчь его была составлена по образцу тѣхъ рѣчей, которыя такъ часто говорилъ Джонсонъ. Всего больше напиралъ онъ на своеволіе и деспотизмъ республиканской партіи, нарушеніе ею конституціи въ самомъ основаніи отнятіемъ у отдѣльныхъ штатовъ того права, которымъ они всегда пользовались,—права самоустройства и полнаго самоуправленія внутри. Всѣ послѣднія событія онъ признавалъ совершившимся фактомъ, неосвященнымъ конституціей, которая гораздо либеральнѣе чѣмъ тиранническая республиканская партія. „Демократовъ, говорилъ онъ, упрекаютъ въ мятежѣ, разбояхъ. А что дѣлаютъ республиканцы? Не они ли собрали въ Чикаго зуавовъ изъ Нѣмцевъ, не они ли располагаютъ ими по своему усмотрѣнію? Зачѣмъ эти зуавы облеклись въ такой странный, африканскій костюмъ, зачѣмъ они вооружены, зачѣмъ ходитъ въ униформѣ бывшая милиція—орудіе республи-

канцевъ? Одинъ Богъ знаетъ, кто дѣлаетъ больше насилій. Посмотрите на разоренныхъ Южанъ, которыхъ обыскиваютъ, допрашиваютъ, грабятъ. Да и здѣсь не свирѣпствуютъ ли акцизные чиновники, которые притѣсняютъ мирныхъ гражданъ своими обысками? Не виновны ли въ томъ республиканцы, отягощающіе всѣхъ гражданъ Союза и тиранящіе на Югѣ бѣлыхъ, конституціонныхъ гражданъ, которые никогда не рѣшились бы на войну, еслибы Сѣверъ не былъ тому причиной. Во всякомъ случаѣ, Сеймура и Блера нельзя считать мятежниками. Не участвовалъ ли Блеръ во время послѣдней войны? Не Сеймуръ ли усмирялъ въ Нью-Йоркѣ массы народа и заслужилъ названіе друга народа? Да будутъ избраны Сеймуръ и Блеръ!“ Ура! отвѣчали присутствовавшіе, помахивая шапками. Митингъ былъ распущенъ предсѣдателемъ. На всѣхъ этихъ митингахъ бывало человѣкъ по пятисотъ. Такія собранія очень завлекательны для малыхъ дѣтей. Мальчишки размѣстятся всюду, залѣзутъ подъ трибуну съ барабанами и во всю силу колотятъ въ нихъ, когда выражается одобреніе. Это доставляетъ имъ лучшее удовольствіе.

Для уясненія положенія партій сообщимъ въ сокращеніи содержаніе республиканской и демократической платформъ:

Демократическая партія, собравшись въ народную конвенцію (въ Нью-Йоркѣ), довѣряясь общественному мнѣнію, воспріимчивости и патріотизму народа, *опираясь на конституцію*, признаетъ вопросъ о невольничествѣ и сепаратизмѣ навсегда разрѣшеннымъ войной и желаетъ теперь, по водвореніи мира:

1) Немедленнаго возвращенія всѣмъ штатамъ ихъ конституціонныхъ правъ.

2) Амнистіи всѣмъ бывшимъ политическимъ преступникамъ и опредѣленія избирательнаго права въ тѣхъ штатахъ гражданами ихъ (т.-е. не неграми, а бѣлыми).

3) Скорѣйшей уплаты государственнаго долга; всѣ деньги, собранныя въ видѣ податей, кромѣ необходимо нужныхъ расходовъ на администрацію, должны быть употреблены на уплату долга; а если облигаціи правительства не конституціонны, что̀ мы сами видимъ, или законъ, на основаніи котораго онѣ были выданы, не опредѣляетъ, чтобъ онѣ уплачены были золотомъ, то онѣ имѣютъ быть выплачены узаконенными ассигнаціями Соединенныхъ Штатовъ.

4) Опредѣленнаго взиманія податей съ цѣны всякаго имущества, не исключая правительственныхъ фондовъ и другихъ публичныхъ облигацій.

5) Одинаковыхъ денежныхъ знаковъ, для правительства и народа, для чиновниковъ, рабочихъ, пенсіонера, воина и владѣльца облигацій.

6) Перемѣны въ административномъ управленіи; распущенія оставшихся на Сѣверѣ сухопутныхъ и морскихъ силъ; уничтоженія эманципаціонныхъ бюро и всѣхъ политическихъ учрежденій, устроенныхъ для покровительства негровъ; сосредоточенія учрежденій для собиранія податей, опредѣленія внутреннихъ доходовъ, уничтоженія инквизиторскаго способа взиманія; правильнаго разверстанія и уменьшенія податной тягости; увеличенія оборотныхъ ассигнацій; законовъ объ уменьшеніи военныхъ силъ на Югѣ и Западѣ, какъ въ мирное время; финансоваго тарифа и такого опредѣленнаго разверстанія внутреннихъ податей, при которомъ не уменьшались бы доходы, а поддерживались бы великія промышленныя предпріятія страны.

7) Управы противъ злоупотребленій администраціи; изгнанія чиновниковъ, склонныхъ къ подкупу; возвращенія къ старымъ извѣстнымъ и популярнымъ учрежденіямъ; независимости исполнительной и законодательной власти въ южныхъ штатахъ отъ федеральной власти; подчиненія военнаго управленія гражданскому, чтобы прекратились узурпаціи конгресса и военный деспотизмъ.

8) Одинаковыхъ правъ и защиты для туземныхъ и натурализованныхъ гражданъ внутри и за границей; твердаго положенія американской народности, которая уважалась бы иностранными государствами, *а народы возбуждала къ борьбѣ за народную самостоятельность, конституціонную свободу и личныя права*; защиты правъ натурализованныхъ гражданъ противъ принужденій иностранныхъ государствъ, въ случаѣ наказаній превышающихъ юрисдикцію (напр. феніевъ въ Англіи изъ бывшихъ англійскихъ подданныхъ, натурализованныхъ въ Америкѣ).

Желая такихъ перемѣнъ, *обвиняемъ республиканскую партію* въ неуваженіи правъ, въ утѣсненіи и тираніи, что обнаружилось во время войны, которая ведена была для того чтобъ уронить конституцію и тѣмъ самымъ усилить правительство и унію. Она уклонилась отъ исполненія святѣйшаго обѣщанія, благодаря которому собрала изъ охотниковъ нашу благородную армію, которая доставляла нашему знамени побѣду: вмѣсто обновленія уніи, она разорвала ее какъ можно болѣе и подчинила десять штатовъ, во время полнѣйшаго мира, военному деспотизму; она уничтожила въ нихъ судъ присяжныхъ и habeas corpus—эту первѣйшую гарантію свободы; уничтожила свободу рѣчи и печати; завела произвольные аресты, а вмѣсто конституціонныхъ судовъ—суды военные и тайныя инквизиторскія камеры; она во время мира не обращала вниманія на права народа и свободу, неприкосновенность дома при обыскахъ и арестахъ; она врывалась

въ почтовыя и телеграфныя конторы и въ квартиры частныхъ лицъ, забирала ихъ частную переписку; она превратила капитулъ (мѣсто засѣданій законодательныхъ палатъ) въ крѣпость, завела такой слѣдственно-шпіонскій порядокъ, на который не отважилась бы ни одна европейская держава; она уничтожила право аппелляціи и установленный конституціей федеральный судъ, причемъ осыпала верховнаго судью (Чеза) позорными нареканіями за то, что онъ не согласился раздѣлить съ нею и поддерживать ложныя и странныя обвиненія противъ президента; испорченности и буйности ея нѣтъ примѣра въ исторіи; обманами и подлогами она удвоила долгъ, сдѣланный во время войны; она лишила президента конституціоннаго права составлять свой кабинетъ. Если она одолѣетъ въ ноябрѣ и сдѣлаетъ своего кандидата президентомъ (то-есть Гранта), то мы будемъ рабскій народъ, съ призракомъ свободы на развалинахъ конституціи.

Признаемъ и заключаемъ, что со времени освобожденія Соединенныхъ Штатовъ отъ англійской зависимости, избирательное право всегда принадлежало отдѣльнымъ штатамъ, которые имѣютъ власть пересматривать и опредѣлять его, и что каждый новый проектъ, выработанный конгрессомъ и подъ какими бы то ни было условіями лишающій отдѣльные штаты принадлежащаго имъ права, есть огромный произволъ, вольнодумство, которые не находятъ въ конституціи никакого оправданія. Если народъ приметъ такой проектъ, то это приведетъ къ общей централизаціи, въ которой утонетъ всякая самостоятельность штатовъ, и вмѣсто федеральной уніи изъ равноправныхъ членовъ, наступитъ неисправимый деспотизмъ. Такъ-называемые реорганизаціонные законы (на Югѣ) мы признаемъ за неконституціонные и революціонные; солдаты и моряки наши, которые добывали побѣду нашему знамени противъ сильнаго непріятеля (то-есть сѣверныхъ штатовъ), заслуживаютъ нашей признательности и памяти о нихъ, и обѣщанія, данныя имъ, должны быть въ точности исполнены (то-есть, мятежникамъ дать пенсію и поставить памятникъ!). Общинныя и штатныя земли должны быть раздѣлены между народомъ. Президентъ Соединенныхъ Штатовъ Андрей Джонсонъ, который всею силой своей власти борется съ увлеченіями конгресса за конституціонныя права штатовъ и народа, заслуживаетъ благодарность всего Американскаго народа. Отъ имени демократической партіи мы выражаемъ ему признательность за патріотическіе подвиги его въ этомъ отношеніи.

Стоя на почвѣ такой платформы, демократическая партія приглашаетъ каждаго патріота забыть всѣ предшествовавшіе раздоры и разномыслія и сосредоточиться съ нею для великой борьбы за свободу народа.

Такова платформа демократической партіи, не скрывающей замысловъ враждебныхъ Союзу. Она стремится къ госу-

дарственному кризису и банкротству, неминуемымъ при огромномъ выпускѣ ассигнацій, уплатѣ ими долговъ и налогѣ на государственныя фонды и частныя облигаціи. При разореніи и бунтѣ черни, при упадкѣ государственнаго кредита, конечно, не трудно было бы произвести междуусобную войну съ сепаратистскою цѣлію. Редакція платформы отличается какимъ-то плачевно-либеральнымъ тономъ, разчитаннымъ на обманъ и обольщеніе черни, недалекой въ политикѣ, несбыточными обѣщаніями. Что касается до республиканской платформы, то ея содержаніе въ главныхъ чертахъ слѣдующее:

Народная республиканская партія, собравшись въ народную конвенцію въ городѣ Чикаго, 20-го мая 1868 г., провозглашаетъ слѣдующіе принципы:

1. Радуемся доброму успѣху обновленной политики, опредѣленной конгрессомъ, чтò доказывается принятіемъ штатами конституцій, гарантирующихъ всѣмъ равныя гражданскія и политическія права, въ большей части бывшихъ мятежническихъ штатовъ, и вмѣняемъ правительству въ обязанность поддерживать такое устройство и охранять населеніе штатовъ отъ возврата безначалія.

2. Гарантированіе конгрессомъ равнаго избирательнаго права всѣмъ честнымъ гражданамъ на Югѣ вызвано было необходимостію публичной охраны, благодарностію и справедливостію и должно быть продолжено до тѣхъ поръ, пока вопросъ объ избирательномъ правѣ легально разрѣшится въ штатахъ населеніемъ ихъ.

3. Отвергаемъ всякую уклончивость отъ уплаты долга, какъ народное преступленіе; честь народа требуетъ честной уплаты публичныхъ долговъ всѣмъ кредиторамъ, какъ своимъ, такъ и заграничнымъ, не въ силу только словеснаго соглашенія, а по духу законовъ, на основаніи которыхъ сдѣланы займы.

4. Трудъ народа требуетъ того, чтобы подати раскладывались равномѣрно и понижались такъ быстро, какъ вообще дозволитъ это народный кредитъ.

5. Правительство Соединенныхъ Штатовъ должно всегда соблюдать экономію; подкупы, которые были поддерживаемы и поощряемы Андреемъ Джонсономъ, требуютъ радикальнаго изслѣдованія и наказанія и должны быть прекращены.

6. Истинно грустимъ о преждевременной смерти Авраама Линкольна отъ измѣнническойруки и сожалѣемъ, что президентомъ сдѣлался Андрей Джонсонъ, который измѣннически дѣйствовалъ противъ избравшаго его народа и противъ порядка, поддерживать который было его обязанностію; овладѣлъ высшими законодательными и судебными властями, отказывался

исполнять законы; пользовался высокимъ положеніемъ своимъ, чтобы набирать чиновниковъ для несоблюденія и нарушенія законовъ; такъ пользовался своею исполнительною властію, что нарушалъ безопасность имущества, мира, свободы и жизни гражданъ; злоупотреблялъ своимъ правомъ помилованія; объявилъ конгрессъ не конституціоннымъ; постоянно и злонамѣренно противодѣйствовалъ всякой попыткѣ переустройства бывшихъ мятежническихъ штатовъ; раздачу публичныхъ должностей превратилъ въ огромный торгъ ими; справедливо былъ обвиненъ въ великихъ злодѣяніяхъ и преступленіяхъ и конституціонно признанъ былъ 35 сенаторами виновнымъ.

7. Принципу Англіи и иныхъ европейскихъ государствъ, что подданный государства остается имъ навсегда, должны противодѣйствовать Соединенные Штаты всѣми мѣрами, какъ остатку феодальной эпохи, противному нашей народной чести и независимости. Натурализованные граждане имѣютъ такое же право на охрану своихъ гражданскихъ правъ, какъ и туземцы. Никакой гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ, туземецъ или натурализованный, не можетъ быть арестованъ другими государствами; еслибъ и былъ арестованъ, или наказанъ, то правительство обязано защитить его.

8. Изъ всѣхъ защитниковъ уніи во время минувшей войны, особенной почести заслуживаютъ солдаты и моряки, которые переносили тягости переходовъ и мореплаванія и изъ патріотизма подвергали опасности жизнь свою. Награды и пенсіи, назначенные закономъ храбрымъ защитникамъ народа, признаются незабвенными обязательствами. Вдовы и сироты павшихъ воиновъ, преданныхъ охранѣ народа, должны быть предметомъ святыхъ заботъ народа.

9. Одобряемъ великодушіе и покорность, съ которою люди, служившіе мятежу, теперь съ охотой помогаютъ намъ переустроить южные штаты, на основаніи справедливости и равноправія, и объявляемъ себя за уничтоженіе всякихъ ограниченій по отношенію къ бывшимъ мятежникамъ по мѣрѣ того, какъ будетъ ослабѣвать духъ сопротивленія и водворяться безопасность.

10. Признаемъ великій принципъ, выраженный въ безсмертномъ провозглашеніи независимости,—что всѣ люди равны, и съ радостію привѣтствуемъ каждую попытку осуществить этотъ принципъ на каждой пяди американской территоріи.

Этой республиканской програмы тоже не одобряютъ вполнѣ. Но во всякомъ случаѣ нельзя не замѣтить огромнаго различія между ею и демократическою платформой. Для выполненія такой платформы наименованы общеизвѣстные кандидаты Грантъ и Кольфаксъ. Вотъ ихъ краткій біографическій

очеркъ. Восемь лѣтъ тому назадъ, еще при наименованіи Авраама Линкольна кандидатомъ на званіе президента со стороны республиканской партіи, слышались многіе голоса за наименованіе Гранта. Грантъ родился въ штатѣ Огайо, и ему теперь только 46 лѣтъ. Также какъ и Линкольнъ, въ молодости Грантъ немного учился въ школѣ, а образовался самъ настолько, что могъ вступить въ военную академію, гдѣ съ успѣхомъ окончилъ курсъ. Въ войнѣ съ Мексикой въ 1847 г. Грантъ участвовалъ и получилъ чинъ капитана. Въ 1853 г. онъ вышелъ въ отставку и занялся торговлей въ Сенъ-Луисѣ, а въ 1859 г. переселился въ штатъ Иллинойсъ, гдѣ до послѣдней войны имѣлъ большой кожевенный заводъ. Грантъ заявилъ о желаніи вновь поступить на службу, и иллинойскій губернаторъ далъ ему одинъ изъ трехъ полковъ, которые отправлялись въ Миссури. Одержавъ нѣсколько мелкихъ побѣдъ, Грантъ въ концѣ 1862 г. получилъ начальство надъ военнымъ округомъ рѣки Тенесси. Въ то время какъ восточная армія подъ Ричмондомъ терпѣла пораженіе за пораженіемъ, Грантъ съ Шерманомъ осторожно преслѣдовали свои планы, и когда генералъ Ли, предпринявшій походъ въ сѣверные штаты, потерпѣлъ пораженіе отъ Мида при Геттисбургѣ, Грантъ увѣнчалъ побѣду взятіемъ крѣпости Виксбургъ на Миссиссипи, въ которой сдался Пембертонъ съ тридцати-восьмитысячною мятежническою арміей. Вскорѣ затѣмъ Грантъ поразилъ мятежниковъ въ Чаттанугѣ, и конгрессъ выразилъ ему благодарность за великія заслуги отечеству, увѣнчавъ его званіемъ генералъ-лейтенанта, котораго никто не имѣлъ со временъ Вашингтона. Весной 1864 г. Грантъ двинулся на востокъ. Войско переправилось чрезъ рѣку Рапиданъ и выдержало семидневную битву въ пустынѣ Вильдернесъ. Послѣ новыхъ битвъ Грантъ приступилъ къ осадѣ крѣпости Петербургъ, при которой происходили ожесточенныя битвы. Въ апрѣлѣ 1865 г. взяты были окопы мятежниковъ и произведена была Грантомъ атака по всей линіи. Генералъ Ли оставилъ всѣ укрѣпленія и даже Ричмондъ, и 9-го апрѣля сдалась главная мятежническая армія, а Шерману сдался и генералъ Джонсонъ. Чрезъ пять дней послѣ окончательной побѣды Гранта, 14-го апрѣля, измѣннически убитъ былъ Линкольнъ въ то самое время, когда, по случаю побѣды, не было

мѣры народной радости. Немедленно дома покрылись черными полотнами, затворены были лавки и магазины; пароходы и суда тоже покрылись знаками печали. Грантъ, другъ и сподвижникъ Линкольна, сдѣлался лицомъ популярнѣйшимъ въ Союзѣ.

Немалою извѣстностію въ странѣ пользуется также Скайлеръ Кольфаксъ. Онъ родился въ 1823 году, въ Нью-Йоркѣ. Отецъ его умеръ еще до его рожденія. Мать не имѣла средствъ воспитать его дома. Десятилѣтній мальчикъ отданъ былъ въ магазинъ на заработки. Въ 1836 году переселились они въ штатъ Индіану, гдѣ Кольфаксъ сдѣлался конторщикомъ въ Компаніи Депьюти. Въ свободное время онъ занимался изученіемъ государственныхъ законовъ. Въ 1845 г. имъ основана была еженедѣльная газета *The Register*. Хорошо издаваемая, она въ послѣдствіи приносила хорошій доходъ. Скоро Кольфаксъ сдѣлался извѣстнымъ ораторомъ, основалъ политико-ораторскій состязательный клубъ, засѣданія котораго въ зимнее время имъ исправно посѣщались. Въ 1854 году онъ былъ выбранъ депутатомъ конгресса и обращалъ на себя вниманіе рѣчами. Съ 1856 года онъ постоянно засѣдаетъ въ конгрессѣ и три раза былъ избираемъ президентомъ палаты депутатовъ. Въ третьемъ году онъ путешествовалъ къ Тихому Океану и читалъ очень интересныя публичныя лекціи о своемъ путешествіи во всѣхъ большихъ городахъ сѣверныхъ штатовъ. Кольфаксъ необыкновенно дѣятеленъ, и работа у него спорится. Всегда работать и учиться замѣчательная и характеристическая черта Американцевъ. Здѣсь нѣтъ праздныхъ людей; не стыдятся учиться и пожилые люди.

Когда пишу эти строки, происходятъ выборы избирателей президента въ республиканскихъ штатахъ Небраскѣ и Индіанѣ и въ сомнительныхъ: Огайо съ 21, и Пенсильваніи съ 26 голосами. Этими выборами долженъ опредѣлиться перевѣсъ партіи демократической или республиканской. Теперь будутъ выборы почти каждую недѣлю въ различныхъ штатахъ. Окончатся они 3—5-го ноября. Въ то время окончательно опредѣлится избранный кандидатъ. Въ Южной Каролинѣ избиратели выбираются депутатами законодательной палаты штата. Въ другихъ штатахъ введена уже общая подача голосъ. Избирателями президента не могутъ быть ни сенаторы, ни депу-

тати федеральнаго конгресса. Избиратели собираются въ комитетъ каждаго штата и избираютъ баллотировкой двухъ кандидатовъ, изъ коихъ одинъ долженъ быть изъ другаго штата. Составляется протоколъ, подписывается избирателями и посылается въ Вашингтонъ. Конгрессъ собирается всегда въ первый понедѣльникъ декабря. Тогда въ присутствіи сената и палаты предоставителей вскрываются запечатанные конверты и считаются голоса. Участь кандидатовъ рѣшается простымъ большинствомъ. Число избирательныхъ голосовъ опредѣляется числомъ депутатовъ конгресса и сената вмѣстѣ взятыхъ и разверстывается по отдѣльнымъ штатамъ сообразно съ населеніемъ. Такъ какъ въ нижней палатѣ конгресса засѣдаетъ 242 депутата, въ сенатѣ 74, а всего 316, то для избранія президента требуется 159 голосовъ. По штатамъ голоса располагаются теперь такъ:

Нью-Йоркъ	33 голоса.	Относительно этихъ штатовъ господствуетъ всего больше сомнѣнія, будутъ ли они республиканскими или демократическими.
Коннектикутъ	6 „	
Орегонъ	3 „	
Флорида.........	3 „	
Луизіана.........	7 „	

Иллинойсъ	16	Небраска............ ...	3
Индіана................	13	Миссури..................	11
Айова (Iowa)............	8	Невада	3
Канзасъ............	3	Нью-Гемпширъ	5
Менъ...................	7	Сѣверная Каролина........	9
Массачусетсъ	12	Огайо	21
Мичиганъ	8	Родъ-Айландъ............	4
Миннесота	4	Южная Каролина..........	10
Восточная Виргинія	5	Тенесси..................	10
Пенсильванія...........	26	Вермонтъ............... .	5
Висконсинъ............	8		

Сейчасъ получено извѣстіе о томъ, что республиканцы одержали 13-го октября побѣду надъ демократами. Число республиканскихъ голосовъ превышаетъ число демократскихъ въ штатахъ: Пенсильваніи на 15.000, Огайо 20.000, Небраскѣ 2.000. Это одна изъ самыхъ блестящихъ побѣдъ. Теперь всѣ говорятъ утвердительно, что президентомъ будетъ Грантъ. Южане, Ньюйоркцы и другіе демократы

не доставятъ и 150 голосовъ Сеймуру. Демократы пригорюнились и притихли. Республиканцы въ восторгѣ. Вчера въ Чикаго была огромная процессія съ факелами, съ криками *ура* (hurrah). Америка спасется отъ банкротства; союзъ съ Россіей закрѣпится: фактъ во всѣхъ отношеніяхъ отрадный.

В. ГУБИНЪ.

ЗА ВОЛГОЙ*

РАЗКАЗЪ.

XVIII.

Въ Осиповкѣ еще огней не вздували. По всей деревнѣ мужики, лежа на палатяхъ, сумерничали, бабы, сидя по лавкамъ, дремали подлѣ гребней, ребятишки смолкли, гурьбой забившись на печи. На улицахъ ни души.

А у Патапа Максимыча въ домѣ всѣ на ногахъ. Въ горницахъ и въ сѣняхъ огни горятъ, въ передней, гдѣ гостямъ сидѣть, на каждомъ окошкѣ по двѣ семитки лежитъ, и на каждой курится монашенка. Всѣ домашніе разодѣты по-праздничному. Особенно нарядно и богато разодѣта Настасья Патаповна. Въ шелковомъ пунцовомъ сарафанѣ съ серебряными, золочеными пуговками, въ пышныхъ батистовыхъ рукавахъ, въ ожерельѣ изъ бурмицкихъ зеренъ и жемчугу, съ голубыми лентами въ косахъ, роскошно падавшихъ чуть не до колѣнъ, она была поразительно хороша. Но что-то недоброе порой пробѣгало на хмуромъ лицѣ ея. Не суетилась она какъ прочіе, но и на мѣстѣ не сидѣла. То къ окну подойдетъ, то въ боковушу на минутку сходитъ, то на кресло сядетъ; и все-то такъ порывисто, какъ бы со зломъ какимъ. Говорятъ ей что-нибудь, такъ она либо вовсе не отвѣчаетъ, либо отвѣчаетъ невпопадъ. Аксинья Захаровна, глядя на дочь, только руками по поламъ хлопаетъ, а Патапъ Максимычъ

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 6 и 7.

исподлобья сурово поглядываетъ, но помня прошлое, сдерживаетъ себя, словечка не промолвитъ и ходитъ взадъ и впередъ по горницѣ, поскрипывая новыми сапогами.

Первымъ изъ гостей прикатилъ кумъ Иванъ Григорьичъ. Частой, дробной рысцой парочка кругленькихъ, саврасыхъ ватокъ подвезла къ растворенымъ настежь воротамъ Чапурина уютныя, легкія санки-катунки, казанской работы, промежь расписныхъ вязковъ обитыя нѣмецкимъ желѣзомъ. Въ санкахъ, рядомъ съ сѣдоватымъ кумомъ, сидѣла красивая молодая женщина въ малиновой шелковой шубкѣ съ большимъ куньимъ воротникомъ, голова у ней укутана была голубымъ ковровымъ платкомъ. Это жена Ивана Григорьича — Аграфена Петровна, не родная, да и не чужая Патапу Максимычу.

Иванъ Григорьичъ Заплатинъ тоже былъ изъ заволжскихъ тысячниковъ. Верстахъ въ пятнадцати отъ Осиповки, на краю „чищи", что полосой тянется вдоль лѣваго волжскаго берега, подъ самой „раменью" *, проживалъ онъ въ небольшой деревушкѣ домовъ въ двадцать, Вихорево прозывается. Какъ Чапуринъ верховодилъ въ Осиповкѣ, такъ Иванъ Григорьичъ въ своемъ Вихоревѣ. Эта деревня да еще съ дюжину окольныхъ круглый годъ на него работали и звали Заплатина своимъ „хозяиномъ". А занимаются по тѣмъ мѣстамъ дѣломъ валенымъ.

У Заплатина при домѣ свое заведенье стояло: въ семи катальныхъ баняхъ десятка полтора наемныхъ батраковъ и зиму и лѣто стояло за работой, катая изъ поярка шляпы и всякую валеную обувь. Въ окрестныхъ деревняхъ на него же мягкій товаръ валяли. Ѣдешь бывало зимней порой по той сторонѣ: по скатамъ тесовыхъ кровель, лицомъ къ сѣверу, рядами

---

* По лѣвому берегу Волги тянется безлѣсная полоса верстъ въ 20—25 шириной. Здѣсь въ старину былъ лѣсъ; остатки пней мѣстами сохранились, но онъ давно или вырубленъ, или истребленъ пожарами и буреломами. Эта полоса зовется *чищью*. *Раменью* называется окраина лѣсовъ, прилегающихъ къ чищѣ. *Красная рамень*—окраина лѣса хвойнаго: сосны, ели, лиственницы; *черная рамень*—окраина лиственнаго лѣса. Есть за Волгой мѣстности, которымъ свойственны названія Красной рамени и Черной рамени, какъ собственныя имена. Такимъ образомъ, напримѣръ, въ Семеновскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи, есть большія населенныя пространства, носящія названія Красной и Черной рамени.

разложены сотни, тысячи бѣлыхъ валенокъ, а передъ домами кромѣ того множество „суковатокъ“ * стоитъ, у каждой десятка по два рогулей, и на каждой рогулинѣ по валенку виситъ. Это мягкій товаръ проморaживаютъ, чтобъ бѣло да казисто на покупателя смотрѣлъ. Оглянешься, бывало, по сторонамъ: изъ катальныхъ бань то и дѣло выскакиваютъ босые, съ головы до пояса обнаженные, распотѣлые работники. Прокатится кубаремъ по снѣгу, прохладится и назадъ въ баню за работу. А изъ распахнутыхъ настежь дверей каталенъ паръ какъ дымъ пожарный валитъ, осѣдая по застрехамъ хлопками густой, бѣлой куржевины. За сотню деревень въ той сторонѣ такимъ промысломъ кормятся.

Въ прежнее время Иванъ Григорьичъ больше по шляпной части занимался. Лѣтъ сорокъ тому назадъ заволжскіе катальщики чуть не на всю великорусскую сельщину шляпы работали. Валяли они и тотъ „шляпо̀къ“, что̀ изстари въ ходу по Тверской и Новгородской сторонамъ—съ низенькою прямою тульей,—и ярославскую „верховку“, такую же низенькую, но съ тульей раструбомъ. Въ Суздальскую сторону, да на Ветлугу, на Вятку, въ Пермь и на Волжское Низовье работали шляпы гречушникомъ „съ подхватцомъ“ либо „съ переломомъ“; для Московской стороны „шпилёкъ московскій“, а на Рязань, Тулу и дальше къ Украинѣ „шпилёкъ ровный“ да „кашники“. Большимъ подспорьемъ шляпной торговлѣ бурлаки въ прежнее время бывали. Для нихъ шляпу на особую статъ за Волгой валяли, ни дать ни взять, какъ тѣ низенькія, мягкія лѣтнія шляпы, что̀ теперь у горожанъ въ моду вошли. И Татарамъ за Волгой бѣлыя шляпы нерѣдко валяли. Хоть иной катальщикъ и брезговалъ такою работой: грѣховное дескать дѣло христіанскія руки поганить, катая шляпу на бритую башку бусурманина, но такихъ не бывало много, потому что „татарка“ товаръ сходный, никогда не залежится. Много денегъ за Волгой шляпой добывали, не мало досужихъ работниковъ шляпа въ люди вывела, тысячниками поставила. Теперь не то. Все это было да давно и сплыло, а что̀ не сплыло, то быльемъ поросло.

Совсѣмъ подошла теперь шляпа заволжская. Хоть брось

---

* Суковатка—семи-восьми годовалая елка, у которой облуплена кора и окорочены сучья, въ видѣ рогулекъ. Суковатку ставятъ въ сугробъ комлемъ кверху и на рогульки развѣшиваютъ валенки.

совсѣмъ. Спросъ малый, сбыту вовсе почти не стало. Годовъ тридцать тому назадъ какой-то Кантауровецъ * ушелъ на житье въ Тверскую сторону и тамъ, гдѣ-то около Торжка, завелъ родимый свой заволжскій промыселъ. Сразу разбогатѣлъ. Новые сосѣди стали у того Кантауровца перенимать валеное дѣло, за которое до того и взяться не умѣли; разбогатѣли ли они, про то не знаю, но за Волгой съ той поры „шляпкѝ“ да „верховки“ больше не валяютъ, потому что спросу на шляпы въ Тверскую сторону вовсе не стало, а по другимъ мѣстамъ шляпы тверскаго либо ярославскаго образца и ни за что̀ въ свѣтѣ на голову не надѣнутъ—смѣшно, дескать, и зазорно. Съ легкой руки Кантауровца и другіе Заволжане по чужимъ сторонамъ пошли счастья искать и развезли дѣдовскій промыселъ по дальнимъ мѣстамъ. Спросу на шляпу за Волгой еще меньше стало. А тутъ пароходы на Волгѣ явились, убили на ней бурлачество, и бурлацкой шляпѣ отъ того совсѣмъ конецъ пришелъ. А всего больше бѣды надѣлалъ заволжскимъ катальщикамъ нѣмецкій картузъ. Вышелъ онъ на Русь не изъ заморской Нѣмечины, а изъ своей, изъ той, что̀ мы лѣтъ сто тому назадъ, сами не зная зачѣмъ, развели на лучшихъ мѣстахъ саратовскаго поволжья. Дешевый картузъ вытѣснилъ болѣе цѣнную стародавнюю шляпу, и осталась она лишь праздничнымъ уборомъ молодежи, да еще степенные, сѣдые мужики пока еще не промѣняли дѣдовскихъ шляпъ на нововводные картузы.

Хизнулъ шляпный промыселъ за Волгой, но Заволжанинъ рукъ отъ того не распустилъ, головы не повѣсилъ. Сапоги да валенки у него остались, сталъ калоши горожанамъ работать по нѣмецкому образцу, дамскія ботинки, полусапожки да котики, охотничьи сапоги до пояса,—хорошо въ нихъ на медвѣдя по сугробамъ ходить,—да мало ли чего еще не придумалъ досужій Заволжанинъ.

Иванъ Григорьичъ вотъ какой промыселъ тогда произвелъ. Разъ, будучи у Макарья, зашелъ онъ по какому-то дѣлу къ знакомому барину въ городѣ. Погода стояла дождливая. Выходя изъ дому вмѣстѣ съ Иваномъ Григорьичемъ, баринъ

* Кантаурово—село на рѣкѣ Линдѣ, за Волгой, верстахъ въ двадцати отъ Нижняго-Новгорода, одинъ изъ центровъ валеночнаго промысла. По имени этого села всѣхъ вообще заволжскихъ катальщиковъ, приготовляющихъ шляпы и валеную обувь, зовутъ нерѣдко Кантауровцами.

велѣлъ подать себѣ непромокаемое пальто. Иванъ Григорьичъ полюбопытствовалъ, пощупалъ невиданное имъ дотолѣ пальто, видитъ, дѣло-то валеное, значитъ, сподручное, спросилъ у барина гдѣ онъ добылъ такую вещь и, по его указанью, купилъ у заѣзжаго чужеземца непромокаемое пальто, далъ чуть ли не четвертную. Воротясь въ Вихорево, принялся Иванъ Григорьичъ по иноземному образцу пальто работать, вышло ничѣмъ не хуже, за то вшестеро дешевле. Медаль на выставкѣ получилъ. Вихоревскія пальто съ первоначалу больно шибко въ ходъ пошли, да не надолго: господамъ зазорно стало мужицкаго дѣла одёжу на своихъ плечахъ носить—подавай хоть поплоше да подороже, да чтобъ не свое, а нѣмецкое дѣло было... Азямы сталъ работать Иванъ Григорьичъ непромокаемые—эти пошли.

Жилъ Иванъ Григорьичъ, на Бога не жаловался. Всего у него было вдосталь. Скупая валеный товаръ по окрестностямъ и работая на своемъ заведеньи, каждый годъ онъ его не на одну тысячу сбывалъ у Макарья и кромѣ того самъ на Низъ много сплавлялъ. Въ Нижнемъ у него лавка была, и прикащикъ въ ней круглый годъ сидѣлъ, да на ярмаркѣ нанималъ двѣ лавки. Мельница-крупчатка на Линдѣ у него стояла, о десяти поставахъ была. На послѣднихъ годахъ пароходъ кабестанный завелъ: пароходъ звался „Вихоремъ“, забѣжка „Заплатой“. Тысячъ въ семьдесятъ на серебро обошелся.

Съ Патапомъ Максимычемъ Заплатинъ съ малолѣтства дружилъ. Оба изъ одной деревни: старикъ-то Заплатинъ тоже осиповскій былъ и въ шабрахъ проживалъ съ Максимомъ Чапуринымъ. Патáпушка да Вáнюшка ребятишками на улицѣ вмѣстѣ въ козны да въ городки игрывали, у келейницы Капитолины вмѣстѣ грамотѣ обучались, вмѣстѣ и въ люди вышли. Только Иванъ Григорьичъ, схоронивъ отца съ матерью, не пожелалъ остаться въ Осиповкѣ, а занявшись по валеному дѣлу, изъ рамени въ чищу перебрался, гдѣ было ему не въ примѣръ вольготнѣе, потому что народъ тамъ больше этимъ промысломъ живетъ. Но выселившись изъ Осиповки, онъ въ прежней любви съ Чапуринымъ остался. Жили они послѣ того три десятка лѣтъ ладно и совѣтно; никогда промежь ихъ сѣрая кошка не пробѣгала. Не разъ другъ друга изъ бѣды выручали, не разъ помощь въ пору вò-время другъ другу подавали. Дай Господи братьямъ роднымъ въ такомъ согласьи жить, въ какомъ жили осиповскій тысячникъ

съ вихоревскимъ. И семейные ихъ промежду себя тоже какъ родные были.

Испоконъ вѣку народъ говоритъ, что жена добрая, домовитая во сто кратъ цѣннѣй золота, не въ примѣръ дороже камня самоцвѣтнаго. Правдиво то русское извѣчное слово; правду его Иванъ Григорьичъ на себѣ спозналъ. Хозяйка у него была молодая, всего двадцати двухъ лѣтъ, но такое сокровище, что дай Богъ всякому доброму человѣку. Свѣжая да здоровая, изъ себя такая пригожая, Аграфена Петровна вотъ ужь пятый годъ живетъ замужемъ, и хоть Иванъ Григорьичъ больше чѣмъ вдвое старше ея, любитъ сѣдаго мужа всей душей, денно-нощно благодаря Создателя за счастливую долю ей посланную. Ясное, веселое лицо Аграфены Петровны вѣрнѣй всякихъ рѣчей оказывало, что нѣтъ у ней ни горя на душѣ, ни тревоги на сердцѣ. Тихо и мирно проходила жизнь этой любящей и всѣми любимой женщины. Всегда спокойная, никогда ничѣмъ невозмутимая, краснымъ солнцемъ сіяла она въ мужниномъ домѣ, и куда вчужѣ ни показывалась, вездѣ ей были рады, какъ свѣтлому гостю небесному. Куда ни войдетъ, всюду какъ будто внесетъ съ собой миръ, ладъ, согласье и веселье. При ней и мрачные старики, угрюмо на постылый свѣтъ глядѣвшіе, юнѣли, и будто сбросивъ десятокъ годовъ съ плечъ долой, становились мягче, добрѣй и привѣтливѣй. Никогда не слыхать было при ней ни бабьихъ пересудовъ, ни злыхъ попрековъ, ни лихихъ перекоровъ. Какъ достигла Аграфена Петровна до такого вліянія на всѣхъ ею знаемыхъ, и сама она не знала, и другіе не вѣдали. Какъ-то само собой такъ вышло, а когда это началось и съ чего началось, никто бы не сумѣлъ дать отвѣта. „Такая ужь молодица: отъ Бога ей дано“, говорили сосѣди, когда спрашивали у нихъ, отъ чего при женѣ Заплатина ни злословить, ни браниться и ничего недобраго никто сдѣлать не можетъ. Самый вздорный человѣкъ, самый охочій до ссоръ и брани стихалъ на глазахъ кроткой разумницы, и потомъ самъ говорилъ на сторонѣ, что при Аграфенѣ Петровнѣ вздорить никакъ не приходится.

Росла она круглой сиротой, но святый Божій покровъ всегда былъ надъ нею. За молитвы родительскія, видно, не довелось Грунѣ извѣдать горечи и тяги, неразлучныхъ съ сиротскою долей. Съ младенческой колыбели до брачнаго вѣнца она никогда почти не знавала ни бѣдъ, ни печалей, а принявъ вѣнецъ, рай

въ мужнинъ домъ внесла и царила въ немъ. *Почти* не знала бѣдъ и печалей, но не совсѣмъ же онѣ были ей невѣдомы. Нѣтъ, безъ горя, безъ печали, что безъ грѣха, человѣку вѣка не изжить. И надъ Груней, еще дѣвочкой, внезапно грозой разразилась бѣда тяжкая, и пришлась бы она ребенку не подъ силу, еслибъ не нашлись добрые люди, что любовью своей отвели грозу и наполнили мирнымъ счастьемъ душу дѣвочки.

Отецъ ея былъ хоть не изъ великихъ тысячниковъ, но все же достатки имѣлъ хорошіе и жилъ душа въ душу съ молодой женой своей, утѣшаясь и не нарадуясь на подроставшую Груню. Дѣти у нихъ не жили, одну ее сохранилъ Господь, и крѣпко, крѣпко любили родители бѣлокудрую свою дочку. Девять лѣтъ Грунѣ на Купальницу исполнилось, а чрезъ мѣсяцъ послѣ именинъ ея поѣхали отецъ съ матерью къ Макарью—тамъ у нихъ въ Щепяномъ ряду на Пескахъ, что̀ у Стрѣлки, лавка была. Взяли они съ собой и маленькую дочку. Такъ они ее любили, что ни за какія блага не покинули бы въ деревнѣ съ домовницей, чтобы потомъ, живучи въ ярмаркѣ, день и ночь думать да передумывать, не случилось ли чего недобраго съ ненаглядной ихъ дочуркой.

Годъ былъ тяжелый: смерть по людямъ шла. Холера на ярмаркѣ валомъ людей валила. У Грунина отца въ одинъ день двое молодцовъ занемогло, свезли ихъ въ Мартыновскую, а оттоль къ Петру, Павлу *. Прошелъ день, другой, разомъ у Груни отецъ съ матерью заболѣли, ихъ тоже въ больницу свезли. Одна-одинешенька, середь чужихъ людей, осталась въ лавкѣ девятилѣтняя Груня. Урвавшись какъ-то отъ сосѣднихъ торговцевъ, Христа ради приглядывавшихъ маленько за дѣвочкой, она, не пивши не ѣвши, цѣлый день пробродила по незнакомому городу, отыскивая больницу; наконецъ, выбившись изъ силъ, заночевала въ кустахъ Волжскаго откоса. Поутру, еще чуть брезжило, голодная дѣвочка ужь стояла да плакала у воротъ Мартыновской. Сторожа не пускали ее на дворъ. Долго лежала она подъ солнечнымъ припекомъ, громко рыдая и умоляя пустить ее къ

---

* Городская больница въ Нижнемъ называется „Мартыновскою“ кладбище городское называется „у Петра и Павла“, по церкви тамъ находящейся.

отцу съ матерью. Сторожа для порядка гнали Груню прочь отъ больничныхъ воротъ, и сказали, что ни тятьки, ни мамки у ней больше нѣтъ, что до свѣту еще обоихъ на кладбище стащили. Несмотря на угрозы бѣдная Груня все-таки прочь отъ больницы не шла....

Тогда взглянулъ Господь на сироту милосердымъ окомъ и послалъ къ ней добраго человѣка.

Провѣдалъ одинъ ярмарочный торговецъ изъ-за Волги, что въ Щепяномъ ряду выморочная лавка явилась, и въ ней одинъ-одинешенекъ малый ребенокъ остался. Спросилъ у сосѣдей той выморочной лавки куда дѣвалась сирота—никто не знаетъ. Бросилъ дѣло свое добрый человѣкъ и пустился на розыски. Отыскалъ онъ Груню у воротъ больницы и взялъ сиротинку въ домъ свой. Вспоилъ онъ, вскормилъ ее и воспиталъ наравнѣ съ родными дочерями, ни на волосъ ихъ отъ богоданной дочки не отличая. И было благословеніе Божіе на томъ добромъ человѣкѣ и на всемъ домѣ его:—въ семь лѣтъ, что̀ прожила Груня подъ кровомъ его, седмерицею достатокъ его увеличился, изъ зажиточнаго крестьянина сталъ онъ однимъ изъ первыхъ богачей по всему Заволжью. То былъ нашъ знакомый осиповскій тысячникъ, Патапъ Максимычъ Чапуринъ.

Двумя-тремя годами Груня была постарше дочерей Патапа Максимыча, какъ разъ въ подружки имъ сгодилась. Выростая вмѣстѣ съ Настей и Парашей, она сдружилась съ ними, и добрымъ, кроткимъ нравомъ, любовью къ подругамъ и привязанностью къ богоданнымъ родителямъ такъ полюбилась Патапу Максимычу и Аксиньѣ Захаровнѣ, что они считали Груню третьей своей дочерью.

— Слушай, Аксинья, говорилъ одинъ разъ Патапъ Максимычъ своей хозяйкѣ,—съ той самой поры какъ взяли мы Груню въ дочери, Господь видимо благословляетъ насъ. Сирота въ домъ счастье принесла, и я такъ въ мысляхъ держу: что̀ Богъ намъ ни подалъ, за нее, за голубку, все подалъ. Смотри же ты у меня—не ровенъ часъ, вcѣ подъ Богомъ ходимъ, коли вдругъ пошлетъ мнѣ Господь часъ смертный, и не успѣю я насчетъ Груни распоряженія сдѣлать, ты безъ меня ея не обидь.

— Чего ты не скажешь только, Максимычъ! съ досадой отвѣчала Аксинья Захаровна.—Ну, подумай ты, умная твоя голова, возможно развѣ мнѣ обидѣть Грунюшку? Во утробѣ

не носила, грудью не кормила, а все же я ей мать, и у меня сердце къ ней лежитъ все едино какъ къ рожонымъ дочерямъ. Всѣ мои три дѣвоньки заодно на̀-сердцѣ лежатъ.

— Знаю я про то, Захаровна, и вижу, продолжалъ Патапъ Максимычъ,—а говорю потому, что ты баба. Старые люди не съ вѣтру сказали: „баба что мѣшокъ: что̀ положишь, то и несетъ.“ И потому что ты есь баба, значитъ разумомъ не дошла, то когда меня не станетъ, люди тебя разбить могутъ. Мало ли въ міру завистниковъ? Впутаются не въ свое дѣло и все вверхъ дномъ подымутъ.

— Да что̀ ты въ самомъ дѣлѣ, Максимычъ, дура я что ли у тебя ловитая? Послушаюсь я злыхъ людей, да обижу Грунюшку? Никакъ ты съ ума спятилъ? заговорила Аксинья Захаровна, возвышая голосъ и утирая рукавомъ выступившія слезы.—Обидчикъ ты этакой, право, обидчикъ! Ишь какое слово про меня, старуху, молвилъ! По сердцу ровно ножомъ полоснулъ! Бога въ тебѣ нѣтъ, Максимычъ! Право, Бога нѣтъ!

— А ты горла-то зря не распускай, возвысивъ въ *свою* очередь голосъ, сказалъ Патапъ Максимычъ.—Молчи да слушай. Ну же, не хныкать, покуда не бита, чтобъ я не видалъ бабьихъ слезъ твоихъ! Слушай что̀ приказывать стану... слова не смѣй проронить; все въ точности исполни!.... Богъ дастъ, женихи станутъ къ Грунѣ свататься и къ дочерямъ—приданое всѣмъ ровное. Что̀ Настасьѣ, что̀ Прасковьѣ, то и Грунѣ. Слышишь? А помремъ мы съ тобой, весь домъ и все добро, что̀ останется, тоже на три доли, всѣмъ поровну.... Помни же мой завѣтъ, изъ ума его не выкладывай. Не то костямъ моимъ въ гробу покоя не будетъ. Не будь Настасьѣ съ Прасковьей родительскаго моего благословенія, коли онѣ поровну съ Груней не подѣлятся. Не мое и не ихнее добро, что̀ мы нажили: послалъ его Богъ ради Груни. Такъ я въ разумѣ держу, такъ и ты держи, и дочери пусть также держатъ. Помни же мое слово. А коли ты, послѣ меня, какъ я приказываю, не сдѣлаешь, такъ я тебя.... прибавилъ Патапъ Максимычъ, подымая кверху увѣсистый кулачище.... На томъ свѣтѣ-то.... передъ Богомъ на страшномъ судищѣ поставлю. И засудитъ тебя, засудитъ—въ адъ кромешный тебя за то, что Груню обидѣла.... Да, да.... Ты это помни!... А теперь вотъ что̀, продолжалъ онъ, значительно понизивъ голосъ послѣ окрику:—на той недѣлѣ, наканунѣ

Иванова дня, Груня именинница. Возьми канаусъ, что изъ Астрахани я привезъ, сарафанъ имениннице справь, пуговицы чтобъ серебряныя были. Есть тамъ у тебя.... И дочерямъ такie же сарафаны послѣ сшей, канаусу должно на всѣхъ трехъ хватить....

Понималъ Патапъ Максимычъ, что̀ за безцѣнное сокровище въ дому его подрастаетъ. Изъ себя красоты неописанной, разумомъ острая, сердцемъ добрая и ко всѣмъ жалостливая, нрава тихаго, кроткаго выростала Груня, и не было человѣка, кто бы разъ-другой увидавши дѣвочку, не полюбилъ ея. Обѣ дочери Патапа Максимыча души въ ней не чаяли; хоть и немногимъ постарше ихъ Груня была, однако слушались ея во всемъ. Ни у той ни у другой никакой тайны отъ Груни не бывало. Не судьба однако имъ была вмѣстѣ съ Груней вырости.

Только что Груня заневѣстилась, сталъ Патапъ Максимычъ присматривать хорошаго степеннаго человѣка, на руки котораго, безъ страха за судьбу, безъ опасенья за долю счастливую, можно бы было отдать дочку богоданную.

XIX.

На ту пору овдовѣлъ Иванъ Григорьичъ. Покинула ему жена троихъ дѣтокъ малъ-мала меньше. Бѣдовое настало для него время: извѣстное дѣло, что вдовецъ дѣткамъ не отецъ, а самъ круглый сирота. Нѣтъ за малыми дѣтьми ни уходу, ни призору, не отъ кого имъ услышать того добраго, благодатнаго слова любви, что̀ изъ устъ матери благотворной струей падаетъ въ самыя основы души ребенка и тамъ разсыпается сѣменами добра и правды. Лежатъ тѣ сѣмена глубоко въ тайникѣ души, дожидаясь порывремени, пока ребенокъ, возрастая и мужая, выроститъ, выхолитъ ихъ доброй волей да свободнымъ хотѣньемъ. И благо тому, кто сумѣетъ возрастить сѣмена посѣянныя любовью матери — добрый плодъ отъ нихъ выходитъ. Бѣда, горе великое малымъ неразумнымъ дѣткамъ остаться безъ матери, пуще бѣда чѣмъ пчелкамъ безъ матки. Понималъ все это горемычный Иванъ Григорьичъ, и тоской разрывалось сердце его, глядя на сиротокъ.

А тутъ и по хозяйству не попрежнему все пошло: въ дому, кажется, постарому, и затворы и запоры крѣпки, а добро

рѣкой вонъ плыветъ, всякая домовая утварь какъ огнемъ горитъ. Извѣстное дѣло: безъ хозяйки домъ какъ безъ крыши да безъ огорожи; чужая рука не на то чтобы въ домъ нести, а чтобъ изъ дому вынести. Скорбно и тяжко Ивану Григорьичу. Какъ дѣлу помочь? Жениться?

Жениться! Легко это слово молвить, а сдѣлать каково? Жениться не мудрость какая, и дуракъ сумѣетъ, но какъ вдовцу жену добрую, хозяйку хорошую, мать чужимъ дѣтямъ сыскать? Гдѣ? Въ какомъ царствѣ, въ какомъ государствѣ? Мало что-то такихъ водится. Какъ ни разводилъ Иванъ Григорьичъ своимъ разумомъ, какъ ни вскидывалъ онъ мыслями на знакомыхъ вдовъ и дѣвушекъ, ни одной мало-мальски подходящей не обыскалось. Одно гребтитъ на умѣ бѣднаго вдовца: хозяйку къ дому сыскать дѣло не хитрое, было бы у чего хозяйничать; на счастье попадется, пожалуй, и жена добрая да совѣтная, а за какими морями найти родную мать чужому дѣтищу? Эхъ житье вдовца горькое, безталанное! Отъ печалей да къ немощамъ, отъ немощей къ печалямъ! Не подъ стать Ивану Григорьичу слезы лить: голова ужь заиндевѣла, а слезы стараго и людямъ смѣшны, и себѣ стыдны. Крѣпится Иванъ Григорьичъ, а иной разъ непрошеная слеза бѣжитъ да бѣжитъ по сѣдымъ усамъ.

До гробовой доски, до бѣлаго савана думалъ бы да передумывалъ нашъ бѣдный горюнъ, еслибъ другъ его не выручилъ. Тотъ же старый другъ, то же неизмѣнное копье, что и въ прежніе годы изъ многихъ житейскихъ невзгодъ выручалъ, тотъ же Патапъ Максимычъ.

Справивъ сорочины по покойницѣ, сталъ Иванъ Григорьичъ изъ дому по дѣламъ уѣзжать. Еще хуже пошло. Спиридоновна, родственница жены покойницы, старуха хворая, хозяйствомъ у него въ дому заправляла и за дѣтьми глядѣла. Но не сможетъ она съ домомъ справиться—и хотѣла бы, да не умѣетъ. Дѣтей любила, да только по-своему: въ неряшествѣ Спиридоновна никакой бѣды не видала, а тукманки, по ея понятіямъ, дѣтямъ безпремѣнно были нужны: умнѣе дескать ростутъ. Другой же хозяйки Ивану Григорьичу взять негдѣ: родни только и есть что Спиридоновна, а чужую женщину зазорно въ домъ ввести. Не по чину, не по обряду: такъ въ добрыхъ людяхъ не водится.

Заѣхалъ разъ Иванъ Григорьичъ въ Осиповку размыкать маленько тоску въ совѣтной бесѣдѣ съ другомъ извѣдан-

нымъ. Пора была вечерняя. Въ передней горницѣ всей семьей за чаемъ сидѣли. Патапъ Максимычъ и Аксинья Захаровна вели бесѣду съ гостемъ, толковали про трудное, горемычное его житье-бытье. Настя, — ей тогда еще только тринадцать лѣтъ минуло, — о чемъ-то пересмѣивалась съ Парашей, но шестнадцатилѣтняя Груня внимательно прислушивалась къ рѣчамъ говорившихъ. Ребячиться ей ужь не подъ стать было — дѣвка тогда заневѣстилась. Отпили чай. Настя съ Парашей съ громкимъ смѣхомъ прыснули вонъ изъ горницы и побѣжали въ огородъ играть, клича съ собой и Груню, но Груня осталась. Усѣлись кумовья за пуншикомъ, Аксинья Захаровна къ нимъ же подсѣла съ шитьемъ, а рядомъ съ ней и Груня съ своимъ вязаньемъ.

— Вотъ и живу, кумушка, какъ божедомъ въ скудельницѣ, говорилъ Иванъ Григорьичъ Аксиньѣ Захаровнѣ. — Одинъ какъ перстъ! Слова перемолвить не съ кѣмъ, а умрешь — поплакать некому, помянуть некому.

— Что ты, батька, возразила Аксинья Захаровна,—чай у тебя дѣтки есть, они по душѣ родительской помянники.

— Что дѣтки? Малы они, кумушка, еще неразумные, отвѣчалъ Иванъ Григорьичъ. — Пропащіе они дѣти безъ матери, матушка Аксинья Захаровна,... Нестройно, неукладно у меня въ дому. Не глядѣлъ бы ни на что.... Все, кажется, на своемъ мѣстѣ стоитъ попрежнему, все, кажется, порядки идутъ какъ при покойницѣ, а не то.... Пустымъ пахнетъ, кумушка.

— Это такъ, отвѣчала, пригорюнившись, Аксинья Захаровна, — правду люди говорятъ: безъ хозяйки домъ все едино что мертвецъ не похороненный.

— Да что домъ! Пропадай онъ совсѣмъ!... Не домъ меня крушитъ,—сиротки мои бѣдныя. Какъ имъ рости безъ матери!... Ну, вотъ ходитъ за ними Спиридоновна, усердствуетъ какъ умѣетъ, да развѣ это мать?... Ни приласкать, ни приголубить.... И у отца въ дому, а горькая доля дѣткамъ!... Призору никакого нѣтъ: пріѣдешь изъ города, али съ мельницы: дѣти неумыты, нечесаны, грязные, оборванные. При покойницѣ развѣ такъ водилось?... Провѣдалъ недавно, что безъ меня иной разъ и спать голодными ложатся. Спиридоновна старуха старая, хворая; гдѣ ей за всѣмъ углядѣть, рада-радешенька какъ до подушки доберется, а работницы народъ вольный. Спиридоновна на боковую, а онѣ на супрядки,

дѣти-то одни и остались. Того и гляди, что грѣшнымъ дѣломъ еще искалѣчутся какъ-нибудь.... Горькое мое житье, кумушка!

И склонивъ голову на руку, вздохнулъ Иванъ Григорьичъ тяжелымъ вздохомъ. Слезы у него сверкали въ глазахъ.

Пристально глядѣла на плачущаго вдовца Груня. Жаль ей стало сиротокъ. Вспомнила, какъ сама она голодная бродила по незнакомому городу.

— Жениться, кумъ, надо, вотъ что̀, сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Легко сказать, а сдѣлать-то какъ? отвѣчалъ Иванъ Григорьичъ.

— Искать надо. Извѣстно дѣло, сама невѣста не придетъ въ домъ, сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Гдѣ ее сыщешь? печально сказалъ Иванъ Григорьичъ. Вѣдь мнѣ не жену надо, дѣтямъ мать нужна. Ни богатства, ни красоты мнѣ не надо, только бы дѣтокъ любила, замѣсто бы матери родной до нихъ была. А такую, братъ, и днемъ, съ огнемъ не найдешь. Не мало я думалъ, не мало на вдовъ да на дѣвокъ умомъ вскидывалъ. Ни единая не подходитъ... Ахъ, сироты вы мои, сиротки горькія!... Ужь лучше бы вамъ за матерью слѣдомъ въ сыру землю идти.

— Что̀ ты? Христосъ съ тобой! Опомнись, куманекъ! вступилась Аксинья Захаровна.—Можно ли такъ отцу про дѣтей говорить? Молись Богу, да Пресвятой Богородицѣ, не оставятъ. Самъ знаешь: за сиротой самъ Богъ съ калитой.

Долго толковали они про бѣдовую участь Ивана Григорьича. Наконецъ, онъ уѣхалъ; Аксинья Захаровна зачѣмъ-то по хозяйству вышла. Груня стояла у окна и задумчиво обрывала поблекшіе листы розанели. На глазахъ у ней слезы выступили. Патапъ Максимычъ замѣтилъ это, подошелъ къ Грунѣ и ласково спросилъ:

— Что̀ ты, дочка моя милая?

Взглянула Груня на названнаго отца и долго сдерживаемыя слезы хлынули изъ глазъ ея.

— Что̀ ты, что̀ съ тобой, Грунюшка? спрашивалъ ее Патапъ Максимычъ. — О чемъ это ты?

— Больно мнѣ жалко сиротокъ, тятя, трепетнымъ голосомъ отвѣчала дѣвушка, припавъ къ плечу его.—Сама я сирота, разумѣю каково имъ.... Пошлетъ ли имъ Господь родную мать, какъ мнѣ послалъ? Голубчикъ, тятенька, жалко мнѣ ихъ.

— Господь возлюбитъ твои слезы, Груня, отвѣчалъ тронутый Патапъ Максимычъ, обнимая ее,—ангелы святые отнесутъ ихъ на небеса. Сядемъ-ка, голубонька.

Они сѣли рядомъ на диванъ.

— Помнишь чтò у Златоуста про такія слезы сказано? внушительно говорилъ Патапъ Максимычъ. — Такія слезы паче поста и молитвы, и самъ Спасъ сказалъ пречистыми Своими устами: „никто же больше тоя любви имать, аще кто душу свою положитъ за други своя". Добрая ты у меня, Груня, жалостливая! Господь тебя не оставитъ.

— Тятенька, голубчикъ, какъ бы сиротокъ-то устроить? говорила Груня, ясно глядя въ лицо Патапу Максимычу.— Я бы, кажется, душу свою за нихъ, миленькихъ, отдала....

Патапъ Максимычъ молчалъ, съ любовью глядя на Груню. Она продолжала:

— Сама сиротой была. Не долго была по твоей любви да милости, а все же помню каково мнѣ было тогда, какова она есть сиротская-то доля. Богъ мнѣ тебя послалъ, тятя, да мамыньку, оттого и не знала я сиротскаго горя. А помню каково мнѣ было по городу-то бродить.... Ничѣмъ мнѣ не заплатить за твою любовь, тятя; одно только какъ передъ Богомъ говорю: люблю тебя и мамыньку, Аксинью Захаровну, какъ родныхъ отца съ матерью.

— Ну полно, полно, моя ясынька, полно, полно, привѣтная, полно, моя Грунюшка, говорилъ растроганный Патапъ Максимычъ, любовно глядя на дѣвушку и лаская ее.—Чего же намъ еще отъ тебя? Любовью своей сторицей намъ платишь.... Ты намъ.... счастье въ домъ принесла, Грунюшка.... Не мы тебѣ, ты намъ добро дѣлала....

— Тятя, тятя, не говори такъ. Нѣтъ, не воздать мнѣ ничѣмъ за ваши ко мнѣ милости.... А если ужъ вамъ не воздать, Богу-то какъ воздать?

Груня припала къ груди Патапа Максимыча и судорожно зарыдала.

— Добрыми дѣлами, Груня, воздашь, сказалъ Патапъ Максимычъ, гладя по головѣ дѣвушку. — Молись, трудись, а паче всего не забывай бѣдныхъ. Никогда, никогда не забывай бѣдныхъ да несчастныхъ. Это Богу всего угоднѣе....

— Слушай, тятя, чтò я скажу, быстро поднявъ голову сказала Груня съ такою твердостью, что Патапъ Максимычъ, слегка отшатнувшись, зорко поглядѣлъ ей въ глаза и не узналъ

богоданную свою дочку. Новый человѣкъ передъ нимъ заговорилъ.—Давно я о томъ думала, продолжала Груня,—еще махонькою была и тогда думала: какъ ты меня призрѣлъ, такъ и мнѣ надо сиротъ призирать. Только этимъ, по моему разсужденью, и могу я Богу воздать. Ты какъ думаешь, тятя? А?

— Ты это хорошо сказала, Груня, сказалъ Патапъ Максимычъ, — по-божески.

— Жалко мнѣ сиротокъ Ивана Григорьича, сказала Груня, — я бы имъ, кажись, была матерью какую онъ ищетъ.

— Какъ же такъ? спросилъ едва вѣрившій ушамъ своимъ Патапъ Максимычъ. — Нешто пойдешь за старика?

— Пойду, тятя, твердо сказала Груня. — Онъ добрый.... Да мнѣ не онъ.... Мнѣ бы только сиротокъ призрѣть.

— Да вѣдь онъ старый! Не ровня тебѣ, сказалъ Патапъ Максимычъ.

— По мнѣ все одно, старъ онъ или молодъ, отвѣчала Груня. — Не за него замужъ пойду, а ради сиротъ.

— Ахъ ты, Грунюшка, моя Грунюшка, говорилъ глубоко растроганный Патапъ Максимычъ, обнимая дѣвушку и нѣжно цѣлуя ее. — Ангельская твоя душенька!... Отецъ твой съ матерью теперь на небесахъ взыграли!... И аще согрѣшили они въ чемъ передъ Господомъ искупила ты грѣхи родительскіе. Старъ я человѣкъ, много на своемъ вѣку всего видалъ, а такой любви къ ближнему, такой жалости къ малымъ сиротамъ не видывалъ, не слыхивалъ.... Чистая, святая твоя душенька!...

— Тятя, тятя, что̀ ты? вскрикнула Груня.

Богоданная дочка и назва́нный отецъ крѣпко̀, крѣпко обнялись.

XX.

На другой день рано поутру Патапъ Максимычъ собрался на̀-скоро въ дорогу и поѣхалъ въ Вихорево. Когда онъ вошелъ въ домъ Ивана Григорьича, увидалъ своего друга и кума въ такомъ гнѣвѣ, что не узналъ его. Никогда онъ такимъ его не видывалъ. Возвратясь изъ Осиповки, вдовецъ узналъ, что одинъ ребенокъ его обваренъ кипяткомъ, а другой избитъ до крови. Отъ недосмотра Спиридоновны и нянекъ, пятилѣтняя Маѳуша, рѣзвясь, уронила самоваръ и обварила

старшую сестру. Спиридоновна сочла нужнымъ поучить Марѳушу уму-разуму и немилосердно избила ее въ кровь.

— Вотъ, кумъ, видишь мое житье! говорилъ Иванъ Григорьичъ. — Полюбуйся: одну обварили, другую избили.... Изъ дому уѣдешь, только у тебя и думы—цѣлы ли дѣти, про дѣла ничего и на умъ нейдетъ.... Просто бѣда, Патапъ Максимычъ, другъ мой любезный, неизбывная бѣда.... Не придумаю что̀ и дѣлать....

— Молчи а ты, весело отвѣчалъ на жалобы его Патапъ Максимычъ. — Я къ тебѣ съ радостью.

— Какія тутъ радости! съ досадой отозвался Иванъ Григорьичъ. — Не до радостей мнѣ.... Вотъ, думаю не придумаю, какую бы мнѣ старуху въ домовницы взять. Спиридоновна какъ есть совсѣмъ не годится.

— Да ты слушай, что̀ говорить тебѣ стану, сказалъ Патапъ Максимычъ. — Невѣста есть на примѣтѣ!

— Какая тутъ невѣста!... съ досадой отозвался Иванъ Григорьичъ. — Не до шутокъ мнѣ теперь, Патапъ Максимычъ. Побойся Бога: человѣкъ въ горѣ, а онъ съ издѣвками....

— Хорошая невѣста, продолжалъ свое Чапуринъ. — Ужь будетъ настоящая мать твоимъ сиротамъ.... Добрая, разумная. И жена будетъ хорошая, и хозяйка добрая. Да къ тому жь и не изъ бѣдныхъ—тысячъ тридцать приданаго теперь же получай, да послѣ родителей столько же, коли не больше получишь. Дѣвка молодая, изъ себя красавица писаная.... А ужь добра какъ, ужь дѣтей твоихъ какъ любить станетъ: не всякая, братецъ ты мой, мать такъ любитъ рожоное свое дѣтище.

— Полно сказки-то сказывать, съ досадой отвѣчалъ Иванъ Григорьичъ.—Про какую это царевну-королевну говоришь? За моремъ, за Океаномъ что ль такую искать? Такъ ѣхать далеко, не доѣдешь, да и дороги не знаю.

— И поближе найдется: здѣсь же, у насъ, по-за-Во̀лгой кой-гдѣ...

— Не мути мою душу. Грѣхъ!... съ грустью и досадой отвѣчалъ Иванъ Григорьичъ. — Не на то мы съ тобой до сѣдыхъ волосъ въ дружбѣ да въ любви прожили, чтобъ на старости издѣваться другъ надъ другомъ. Полно чепуху-то молоть, а скажи лучше про домашнихъ? Что̀ Аксинья Захаровна? Дѣтки?

— Чего имъ дѣлается? И сегодня живутъ по-вчерашнему,

какъ вечоръ видѣлъ, такъ и есть, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Да слушай же, дружище, право, не съ баснями я къ тебѣ пріѣхалъ, а съ настоящимъ дѣломъ.

— Съ какимъ же это дѣломъ? спросилъ Иванъ Григорьичъ.

— До все же насчетъ того.... Про невѣсту.

— Про какую—невѣсту? Гдѣ ты ее за ночь-то выкопалъ?

— Да хоть про нашу Груню, сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Съ ума ты сошелъ, отвѣчалъ Иванъ Григорьичъ.—Хоть бы дѣломъ что̀ сказалъ, а то натка поди.

— Дѣломъ и говорю.

— Да ты подумай, умная твоя голова, вѣдь у насъ съ тобой бороды ужь сѣдыя, а она еще ребенокъ. Сколько годовъ-то?

— Сёмнадцатый съ Петровокъ пошелъ. Какъ есть заправская невѣста.

— То-то и есть, сказалъ Иванъ Григорьичъ.—Ровня что ли? Охота ей за старика на дѣтей идти.

— Безъ ея согласья, извѣстно, нельзя этого дѣла сладить, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Потому что она хоша мнѣ и дочка, а все же не родная. Будь Настасья постарше, да не крестная тебѣ дочь, и разговаривать бы не думать, сейчасъ бы съ тобой по рукамъ ударилъ, потому она мое дѣтище—куда хочу, туда и дѣну. А съ Груней поговорить надо. Поговорить что ли?

— Да полно тебѣ, шуту эдакому, чепуху-то нести? сказалъ Иванъ Григорьичъ.—Ну статочное ли дѣло, чтобы Груня за меня пошла? Полно шутки шутить. И безъ того тошно.

— Ну, а какъ согласна будетъ—женишься? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Пустяшное дѣло говоришь, кумъ, отвѣчалъ Иванъ Григорьичъ.—Охотой не пойдетъ, насиломъ взять не желаю.

— Ну такъ слушай, что̀ у меня было говорено съ ней вечоръ, какъ ты изъ Осиповки поѣхалъ.

И разказалъ Патапъ Максимычъ Ивану Григорьичу про весь разговоръ съ Груней. Во все время разказа Иванъ Григорьичъ больше и больше склонялъ голову, и когда Патапъ Максимычъ кончилъ, онъ всталъ, и смотря плачущими глазами на иконы, перекрестился и сдѣлалъ земной поклонъ.

— Голубушка! сказалъ онъ.—Святая душа! Ангелъ Господенъ!... Гришутка, Мареута! Бѣгите скорѣй!

Вбѣжалъ шестилѣтній мальчикъ въ красной рубашонкѣ и Мареута съ синяками и запекшимся рубцомъ на щекѣ.

— Молись Богу, дѣти! Кладите земные поклоны, творите за мной молитву: „сохрани, Господи, и помилуй рабу Твою, Агрипину! Воздай ей за добро добромъ, Владыка многомилостивый!“

И самъ вмѣстѣ съ дѣтьми клалъ одинъ земной поклонъ за другимъ.

Патапъ Максимычъ стоялъ сзади и крестился.

— Вотъ вамъ отцовскій мой наказъ, сказалъ Иванъ Григорьичъ послѣ молитвы, дѣтямъ: — по утрамъ, и на сонъ грядущій каждый день молитесь за здравіе рабы Божіей Агрипины. Слышите? И Маша чтобы молилась. Ну, да я самъ ей скажу.

— Какая же это Агрипина, тятя? спросилъ маленькій Гриша.

— Святая душа, чтò любитъ васъ, добра вамъ хочетъ. Вотъ кто она такая: мать ваша.

На другой день смотрины были, но не такія, какія обыкновенно бываютъ. Никого изъ постороннихъ не было, и свахи не было, а женихъ, увидавъ невѣсту, не по старому чину, не по дѣдовскому обряду поступилъ.

Какъ увидѣлъ Груню Иванъ Григорьичъ, въ землю ей поклонился, и давъ волю слезамъ, говорилъ рыдая:

— Матушка! Святая твоя душа! Аграфена Петровна! Будь матерью моимъ сиротамъ!...

Черезъ двѣ недѣли привезли бѣглаго попа изъ Городца, и въ моленной Патапа Максимыча онъ обвѣнчалъ Груню съ Иваномъ Григорьичемъ.

Засіялъ въ Вихоревѣ сиротѣлый домъ Заплатина. Достатки его удвоились отъ приданаго, принесеннаго молодой женой. Какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ Патапъ Максимычъ: далъ за Груней тридцать тысячъ цѣлковыхъ, опричь одёжи и разныхъ вещей. Да кромѣ того выдалъ ей капиталъ, чтò послѣ родителей ея остался: тысячъ пять на серебро было.

Раститъ Груня чужихъ дѣтей, раститъ и своихъ: два ужь у ней ребеночка. И никакой между дѣтьми розни она не дѣлаетъ, пасынка съ падчерицами любитъ не меньше родныхъ дѣтей. А хозяйка какая вышла, просто на удивленіе.

И прошла слава по всему Заволжью про молодую жену вихоревскаго тысячника. Добрая слава, хорошая слава!.. Дай Богъ всякому такой славы, такой доброй по людямъ молвы!

XXI.

Весело, радостно встрѣтили дорогихъ гостей въ Осиповкѣ. Сначала, какъ водится, уставные поклоны гости предъ иконами справили, потомъ здороваться съ хозяевами начали. Привѣтамъ, обниманьямъ, цѣлованьямъ, казалось, конца не будетъ. Особенно обрадовались Аграфенѣ Петровнѣ дочери Патапа Максимыча; онѣ не видались съ ней во все время скитской своей жизни. Не охотница была до скитовъ Аграфена Петровна и туда не ѣздила. Ни сама, ни мужъ ея вовсе почти не водили знакомства съ матерями. Мать Манефу, они, конечно, знали какъ родственницу и звали ее тетушкой; но и къ ней въ Комаровъ не ѣздили. Знали и Фленушку, только сердце къ ней не очень лежало у Аграфены Петровны.

— Здравствуй, голубушка моя, Настасьюшка, говорила Аграфена Петровна, крѣпко обнимая подругу дѣтства.—Охъ, ты моя привѣтная! Охъ, ты моя любезная!.. Да какая же ты выросла, да какая же стала ты пригожая да хорошая!... Здравствуй, сестрица, здравствуй, Парашенька, продолжала она, обнимая младшую дочь Патапа Максимыча.—Да какъ же ты раздобрѣла, моя ясынька, чтобы не сглазить только! Ну, да вѣдь у меня глазъ-то легкій, не бойся. Да и люблю я васъ, сестрицы, всей душой, такъ съ моего глаза дурна вамъ никакого не будетъ. А раздобрѣла Параня, раздобрѣла... Ахъ вы мои хорошія, ахъ вы мои милыя!... Здравствуй, Фленушка! Каково живешь-можешь? Давно не видались. Тетенька здорова ли, матушка Манефа?

А матушка Манефа какъ разъ сама на лицо. Вышла изъ боковуши и привѣтствуетъ пріѣзжую гостью.

— Здравствуй, Аграфенушка! Иванъ Григорьичъ, здравствуйте! Здоровы ли поживаете?

Не отвѣчая словами на вопросъ матушки Манефы, Иванъ Григорьичъ съ Аграфеной Петровной прежде обрядъ должны

были исполнить. Сотворили предъ Манефой три уставныя метанія, * набожно приговаривая въ полголоса:

— Прости матушка, благослови матушка!

— Богъ проститъ, Богъ благословитъ, отвѣчала, кланяясь въ поясъ, матушка Манефа, потомъ поликовалась ** съ Аграфеной Петровной и низко преннзко еще разъ поклонилась Ивану Григорьичу.

— Ну какъ васъ, дорогихъ моихъ, Господь милуетъ? Здоровы ли всѣ у васъ? спрашивала Манефа, садясь на кресло и усаживая рядомъ съ собой Аграфену Петровну.

— Вашими святыми молитвами, отвѣчали заразъ и мужъ и жена.—Какъ ваше спасеніе, матушка?

— Пока милосердый Господь грѣхамъ терпитъ, а впредь уповаю на милость Всевышняго, проговорила уставныя слова игуменья, ласково поглядывая на Аграфену Петровну.

Аксинья Захаровна какъ поздоровалась съ гостями, такъ и за чай. Уткой переваливаясь съ боку на бокъ, толстая Матрена втащила въ горницу и поставила на столъ знакомый уже намъ самоваръ; ради торжественнаго случая онъ былъ отлично вычищенъ кислотой и горѣлъ какъ жаръ. На другомъ столѣ разставлены были разныя заѣдки, какими по старозавѣтному обыкновенію прежде повсюду на Руси, во всѣхъ домахъ угощали гостей передъ сбитнемъ и взваромъ, замѣненными теперь чаемъ. Этотъ обычай сохранился еще по городамъ въ купеческихъ домахъ, куда еще не совсѣмъ проникли нововводные обычаи, по скитамъ, у тысячниковъ и вообще сколько-нибудь зажиточныхъ простолюдиновъ, которые привыкли уже къ чаю. Заѣдки были разложены на тарелкахъ и разставлены

---

* Метаніе — слово греческое, вошедшее въ русскій церковный обиходъ,—особенно соблюдается старообрядцами. Это малый земный поклонъ. Для исполненія его становятся на колѣни, кланяются, но не челомъ до земли, а только руками касаясь положеннаго впереди подручника, а за неимѣніемъ его полы своего платья, по полу постланной.

** У старообрядцевъ монахи и монахини никогда, даже христосуясь на Пасхѣ, не цѣлуются ни между собой, ни съ посторонними. Монахи съ мущинами, а монахини съ женщинами только „ликуются", то-есть щеками прикладываются къ щекамъ другаго. Монахамъ также строго запрещено ликоваться съ мальчиками и съ молодыми людьми, у которыхъ еще борода не пробилась.

по столу. Тутъ были разныя сласти: конфеты, пастила, разные пряники, орѣхи грецкіе, американскіе, волошскіе и миндальные, фисташки, изюмъ, урюкъ, винныя ягоды, кіевское варенье, финики, свѣжіе яблоки и моченые съ брусникой, и вмѣстѣ съ этимъ салфеточная икра прямо изъ Астрахани, донской балыкъ, шемая провѣсная, бѣлорыбица, ветчина, грибы въ уксусѣ, и середи серебряныхъ, золоченыхъ чарочекъ разной величины и формы и рюмокъ бемскаго хрусталя, графины съ разноцвѣтными водками и непремѣнная бутылка мадеры. Какъ Никитишна ни спорила, сколько она ни говорила, что никакъ не слѣдуетъ готовить къ чаю этого стола, что у хорошихъ людей такъ не водится, Патапъ Максимычъ настоялъ на своемъ, убѣждая куму-повариху тѣмъ, что „вѣдь не губернаторъ къ нему въ гости ѣдетъ, а будутъ все свои люди, старозавѣтные, такіе что передъ чайкомъ отъ настоечки никогда не прочь“.

— Ну-ка, куманекъ, передъ чайкомъ-то хватимъ по рюмочкѣ, сказалъ Патапъ Максимычъ, подводя къ столу Ивана Григорьича.—Какой хочешь? Вотъ звѣробойная, вотъ полынная, а вотъ трифоль, а то не хочешь ли сорокотравчатой, что̀ отъ сорока недуговъ цѣлитъ?

— Ну, пожалуй, хоть сорокатравчатой, коли она отъ сорока недуговъ лѣчитъ, молвилъ Иванъ Григорьичъ, и наливъ рюмку, посмотрѣлъ на свѣтъ, поклонился хозяину, потомъ хозяйкѣ, и выпилъ приговаривая:

— Съ наступающей именинницей!

— Груня, а ты стукнешь по сорокатравчатой, али нѣтъ? спросилъ Патапъ Максимычъ, съ усмѣшкой обращаясь къ Аграфенѣ Петровнѣ.

— Не выучилась еще, тятенька, весело отвѣчала Аграфена Петровна.

— Ну, такъ мадерцы испей; передъ чаемъ нельзя не выпить, безпремѣнно надо животъ закрѣпить, приставалъ Патапъ Максимычъ, таща къ столу Груню.

— Не мнѣ же первой пить, постарше меня въ горницѣ есть, говорила Аграфена Петровна.

Къ матушкѣ Манефѣ хозяева съ просьбами приступили. Та сначала не соглашалась. Стали просить хоть пригубить, но матушка Манефа и пригубить не соглашалась. Наконецъ, послѣ многихъ и долгихъ приставаній и просьбъ, честная мать игуменья согласилась пригубить и вмѣсто того выпила добрую

рюмку мадеры. Все это такъ слѣдовало—чинъ, обрядъ соблюдался. Послѣ матушки игуменьи выпила и Никитишна, все-таки увѣряя Патапа Максимыча и всѣхъ кто тутъ былъ, что у господъ въ хорошихъ домахъ такъ не водится, никто передъ чаемъ ни настойки, ни мадеры не пьетъ. Потомъ выпила и Аграфена Петровна безъ всякаго жеманства, выпила и Фленушка послѣ долгихъ отказовъ. Пропустила наконецъ рюмочку и сама хозяюшка, а за ней и Настя съ Парашей пригубили.

Иванъ Григорьичъ и Патапъ Максимычъ балыкомъ да икрой закусывали, а женщины сластями. Кумовья, „чтобы не хромать", по другой выпили. За тѣмъ всѣ усѣлись чай пить. Аксинья Захаровна заварила свѣжаго, пятирублеваго лянсину.

Патапъ Максимычъ съ кумомъ усѣлся на диванѣ и началъ толковалъ про послѣдній Городецкій базаръ и про взятую имъ поставку. Аграфена Петровна съ дочерьми Патапа Максимыча разговаривала.

— Чтò это, сестрица: какъ я на тебя погляжу, ты ровно не по себѣ? спросила она Настю.

— Я?... я ничего, отрывисто отвѣчала Настя и вспыхнула.

— Нѣтъ, Настя, меня не проведешь—я вѣдь вдоль и поперекъ тебя знаю, хоть и давненько не видалась съ тобой, возразила Аграфена Петровна.—Либо тебѣ неможется, да скрыть хочешь, либо у тебя на умѣ что-нибудь засѣло.

— Ничего у меня на умѣ не засѣло, сухо сказала Настя.

— Ну, такъ хвораешь.

— И хвори нѣтъ никакой.... Съ чего ты взяла это, сестрица? отвѣтила Настя, и пересѣла поближе къ Фленушкѣ.

Подойдя къ Аксиньѣ Захаровнѣ, спросила ее потихоньку Аграфена Петровна:

— Сказали видно Настѣ про жениха, что сегодня будетъ?

— Сказалъ отецъ, шепотомъ молвила Аксинья Захаровна.— Эхъ, какъ бы знала ты, Грунюшка, что у насъ въ эти дни тутъ дѣялось! продолжала она.—Погоди, разкажу ужо, ты вѣдь не чужая.

Никому не было говорено про сватовство Снѣжкова, но Заплатины были повѣщены. Еще въ деревнѣ Столбовой, стоя за богоявленской вечерней въ часовнѣ Скорнякова, Патапъ Максимычъ сказалъ Ивану Григорьичу, что Настина судьба,

кажется, выходитъ, и велѣлъ Грунѣ про то сказать, а больше ни единой душѣ. Такъ и было сдѣлано.

— Чтò жь она? продолжала тихонько спрашивать Аграфена Петровна у названной своей матери.—Не прочь?

— Какое не прочь, Грунюшка! грустно отвѣчала Аксинья Захаровна. — Слышать не хочетъ. Такія у насъ тутъ были дѣла, такія дѣла, что просто не приведи Господи. Ты со мной вѣдь спать-то ляжешь, Груня, въ моей боковушѣ тебѣ постель приготовлена. Ужо, какъ улягутся, я тебѣ все, все поразкажу.

Настя хмурая сидѣла. Какъ ни старалась она притворяться веселою, никакъ не могла. Только и было у ней на умѣ: „вотъ, вотъ зазвенятъ у воротъ бубенчики, заскрипятъ у воротъ санные полозья, принесетъ нелегкая этихъ Снѣжковыхъ. И всѣ-то на меня глядѣть уставятся, всѣ, и свои, и чужіе. Замѣчать станутъ какъ я на него взглянула, не проронятъ ни единаго моего слова. А тутъ еще послѣ ужина Груня, пожалуй, зачнетъ приставать, зачнетъ выпытывать. Она и то ужь, кажись, замѣтила.... Разказать развѣ Грунѣ всю правду-истину? Она вѣдь добрая и любитъ меня, что-нибудь хорошее посовѣтуетъ.... А какъ крестному скажетъ, а крестный тятѣ?... Тогда чтò?... Загубитъ тятя соколика моего яснаго; Фленушка правду говоритъ.... Нѣтъ, нѣтъ, не надо Грунѣ ничего говорить.... А ея не обманешь.... Охъ, Ты, Господи, Господи! мученье какое!... Хоть бы ужь проходили скорѣй эти пиры да праздники!“... И вдругъ вспомнился Настѣ ея ясный соколикъ свѣтлоокій. „Вотъ, думаетъ она, сижу я здѣсь разряженая, разукрашеная, на-показъ жениху постылому меня вырядили, сижу съ отцомъ съ матерью, съ гостями почетными, за богатымъ угощеньемъ, вокругъ меня гости бесѣду ведутъ согласную, идутъ у нихъ разговоры веселые.... А онъ-то, голубчикъ, онъ-то, радость моя!... Сидитъ, бѣдняжка, въ своей боковушѣ, ровно въ темницѣ. Сидитъ одинъ-одинешенекъ съ своей думой-кручиной. И взойти-то онъ сюда не смѣетъ, и взглянуть-то на наши гостины не можетъ. Какъ рабу исключимому, нѣтъ ему мѣста на веселомъ пиру. Бѣдный ты, мой, бѣдный соколикъ!... Скучно тебѣ, грустно сидѣть одинокому.... да и мнѣ не легче тебя....“

— Да не хмурься же такъ, Настенька! шепотомъ сказала своей крестницѣ Никитишна, наклонясь къ ней будто для того чтобъ ожерелье на шеѣ поправить. — Что-й-то ты,

матка, какая сидишь? Ровно къ смерти приговореная. Гляди у меня веселѣй! Ну!

— Ты вѣдь знаешь, крестнинька, каково мнѣ. Вѣдь я тебѣ сказывала, шепотомъ отвѣчала Настя Никитишнѣ.—Высижу вечеръ, и всѣ эти праздники высижу; это я сдѣлаю, а ужь веселой быть не буду.... Не до веселья мнѣ, крестнинька!... А ты вотъ еще что̀ знай: тятенька вѣдь обѣщался цѣлый годъ не поминать про этого жениха. Если жь онъ слово свое забудетъ, да съ Снѣжковыми при мнѣ на сватовство рѣчь поворотитъ, такихъ я чудесъ тутъ при всѣхъ надѣлаю, что кромѣ сраму ничего имъ не будетъ.

— Полно ты, полно, уговаривала ее Никитишна. — Еще услышатъ, пожалуй.... Ну, ужь дѣвка! проворчала она, отходя отъ крестницы и покачивая головой.—Кипятокъ! Бѣдовая! Вся въ отца, какъ есть вылитая: моему нраву, значитъ, перечить не моги.

Затѣмъ, сказавъ Аксиньѣ Захаровнѣ что-то про ужинъ, Никитишна отправилась къ своему мѣсту въ кухню.

Между тѣмъ у Патапа Максимыча съ Иваномъ Григорьичемъ свой разговоръ шелъ.

— Ну какъ, куманекъ, съ подрядомъ справляешься? спросилъ у кума Иванъ Григорьичъ.

— Справляемся по-маленьку. Богъ милостивъ — къ сроку поспѣемъ, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. Работниковъ приняналъ; теперь у меня всего сорокъ восемь человѣкъ народуте, да кромѣ того по деревнямъ работы роздалъ: по своимъ и по чужимъ. Авось управимся.

— Работники-то нонѣ больно подшиблись, замѣтилъ Иванъ Григорьичъ. — Лежебоки стали. Имъ бы все какъ-нибудь за даровщину деньгу получить, только у нихъ и на умѣ.... Вотъ хоть у меня по валеному дѣлу — бьюсь, бьюсь съ работниками — въ усъ себѣ не дуютъ. Вольный народъ сталъ, Патапъ Максимычъ, самый вольный! Совсѣмъ облѣнился, прежняго радѣнья совсѣмъ нонѣ не видать.

—Это такъ, это точно, отвѣчалъ куму Патапъ Максимычъ.— Слабость по народу пошла. Что̀ тутъ прикажешь дѣлать? Кажись и хмѣлемъ очень-то не зашибаются, и никакимъ дурнымъ дѣломъ не заимствуются, а все не то какъ въ прежнее время бывало. Правду это ты говоришь, что вольный народъ сталъ, — а главное то возьми, куманекъ, что страху Божьяго теперь ни въ комъ нѣтъ. Вотъ что̀! Все бы имъ

какъ-нибудь, да какъ ни попало. Бѣда только съ ними, горе одно. У меня еще есть, коли правду сказывать, пять-шесть знатныхъ работниковъ—просто золото, а не ребята! А другіе прочіе хоть рукой махни—ничего не стóящіе люди, какъ есть никакого званія не стóящіе!... А вотъ недавно порядился ко мнѣ паренёкъ изъ недальнихъ. Ну, такъ этотъ одинъ за пятерыхъ отслужитъ.

— Ну ужь и за пятерыхъ,! недовѣрчиво сказалъ Иванъ Григорьичъ.

— Правду сказываю, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.—Что мнѣ врать-то? Вѣдь не продаю я его тебѣ. Первый токарь по всему околотку. Обойди ты всѣ здѣшнія мѣста, по всему Заволжью другаго такого не сыскать. Вотъ передъ истиннымъ Богомъ—право слово.

— Отколѣ же такого парня доспѣлъ ты? сказалъ Иванъ Григорьичъ.

— По сосѣдству, изъ деревни Поромовой, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.—Трифона Лохматаго слыхалъ?

— Лохматаго? Знаю, отвѣчалъ Иванъ Григорьичъ, — мужикъ добрый, хорошій!

— Такъ это сынъ его большой, сказалъ Патапъ Максимычъ. — Знатный парень, умница такой, и книгочей, и разсудливый. А изъ себя-то видный да здоровый какой—заглядѣнье. Одно слово: парень первый сортъ.

Настя въ это время говорила съ Аграфеной Петровной и отвѣчала ей невпопадъ. Словечко боялась проронить изъ отцовыхъ рѣчей.

— Какже это ты залучилъ такого работника? спросилъ Иванъ Григорьичъ.—Вѣдь старикъ-то Лохматый не то чтобы изъ бѣдныхъ. Своя токарня есть. Какъ же онъ отпустилъ его? Такой парень, какъ ты объ нёмъ сказываешь, и не въ батракахъ живучи хорошую копѣйку доспѣетъ.

— А видишь ли какъ, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.—Отца его, родителя-то, сожгли по осени. Токарню у нихъ спалили недобрые люди. Водятся по нашимъ мѣстамъ такіе. Сами вѣкъ свой по гулянкамъ, а доброму человѣку зло. Мало того что сожгли старика Лохматаго, обокрали еще. Чтò ни было залежныхъ—все снесли, и лошадокъ со двора свели, и коровенку. Такъ вотъ Алексѣй Лохматый и пошелъ ко мнѣ въ работу по бѣдности больше, чтобъ отцу, знаешь, поскорѣй дать оправиться. А не то — шутъ бы ему велѣлъ въ чужіе люди

идти. Парень, сказываю тебѣ, какъ есть золото—въ вѣкъ другаго такого не нажить: дѣло такъ и горитъ у него въ рукахъ. Разборку посуды по сортамъ какъ знаетъ! Ну, право слово, лучше Савельича покойника, дай Богъ ему царство небесное, даромъ что молодой. Намедни мы съ нимъ посуду разбирали, такъ онъ только взглянетъ на посудину, сейчасъ видитъ куда ей слѣдуетъ, въ какой то-есть сортъ, и всякій маломальскій изъянецъ сразу замѣчаетъ. Чаялъ въ два дня партію разобрать, а съ Алексѣемъ въ одно утро управился. Золото парень, говорю, просто золото.

— А нáдолго нанялъ? спросилъ Иванъ Григорьичъ.

— Сперваначалу до зимняго Николы рядилъ. Ну, а теперь у насъ другіе уговоры. Вчера порѣшили со старикомъ его, съ родителемъ-то, значитъ.

— Какъ же порѣшили? спросилъ Иванъ Григорьичъ, прихлебывая пуншъ изъ большой золоченой чашки.

— Въ годы взялъ. Въ прикащики. На мѣсто Савельича къ заведенію и къ дому его приставилъ, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.—Потому что мнѣ безъ такого человѣка невозможно: первое дѣло за всякой работой глазъ нуженъ, а одному мнѣ не углядѣть; опять же по моимъ дѣламъ домъ я покидаю на мѣсяцъ и на два и больше: надо же на кого и заведеніе покинуть. Ну для этого самаго и взялъ молодаго Лохматаго.

— Вотъ какъ! сказалъ Иванъ Григорьичъ.—Ну, дай Богъ тебѣ, куманекъ.

— Я такъ рѣшилъ, что какъ покойникъ Савельичъ у насъ былъ, такимъ будетъ и Алексѣй, продолжалъ Патапъ Максимычъ. — Будетъ онъ у меня въ семьѣ какъ свой человѣкъ, и обѣдать съ нами и все. Безъ этого, самъ ты знаешь, никакъ не возможно по нашимъ дѣламъ. Работники слушаться не станутъ, бояться не будутъ прикащика, коль его къ себѣ не приблизишь, а станешь его въ черномъ тѣлѣ держать на ряду съ другими. Это они очень чувствуютъ.... Эй, Матренушка! кликнулъ онъ, маленько подумавъ, работницу, возившуюся около посуды въ боковой горенкѣ за перегородкой.

Матрена вошла въ горницу и остановилась у притолоки.

— Кликни скорѣй Алексѣя Трифоныча, сказалъ ей Патапъ Максимычъ,—хозяинъ, молъ, велѣлъ скорѣй на верхъ взойти.

Ни жива, ни мертва сидѣла Настя. Аграфена Петровна, заводила съ ней рѣчь о томъ, о другомъ, ничего она

не слыхала, ничего не понимала и на каждое слово отвѣчала невпопадъ.

— Да что̀ это съ тобой въ самомъ дѣлѣ, Настенька? сказала Аграфена Петровна.—Ты ровно не въ себѣ.

Ни слова не отвѣтила Настя. Аграфена Петровна пристально поглядѣла на нее и подумала: „Нѣтъ, это не спроста; что-нибудь у нея да есть на умѣ. Это не отъ того, что жениха ждетъ, другое что-нибудь тутъ кроется. Что̀ бъ это такое было?“

Въ это время вошелъ Алексѣй. Настя такъ и поалѣла. Аграфена Петровна взглянула на нее: „Ну, теперь понимаю,“ подумала она.

Алексѣй былъ въ будничномъ кафтанѣ. Справивъ уставные поклоны предъ иконами, низко поклонился онъ хозяевамъ и гостямъ и сталъ передъ Патапомъ Максимычемъ.

— Кликнуть меня велѣли, Патапъ Максимычъ? спросилъ онъ.

Чапуринъ оглянулъ его съ ногъ до головы, слегка подбоченился, и склонивъ немного голову на сторону, съ важностью спросилъ Алексѣя:

— Въ хорошей компаніи быть умѣешь?

— Какъ въ хорошей компаніи? спросилъ Алексѣй, смутясь неожиданнымъ вопросомъ и не понимая къ чему это хозяинъ рѣчь клонитъ.

— Ну, да вотъ, примѣромъ сказать, хоть бы теперь съ нами, да съ нашими гостями, сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Не приводилось, Патапъ Максимычъ, съ такими людьми въ компаніи бывать, покорно наклонивъ голову, сказалъ Алексѣй.

Любо показалось такое слово Патапу Максимычу, а вдвое больше по̀-сердцу пришлись ему покорный видъ Алексѣя, его почтительная рѣчь.

— Гм! молвилъ Патапъ Максимычъ.—Одёжа хорошая есть?

— Есть, Патапъ Максимычъ.

— Вырядись, да приходи.

Алексѣй вышелъ. Аксинья Захаровна съ удивленіемъ смотрѣла на мужа. Никакъ она не ожидала, чтобъ Патапъ Максимычъ на такую короткую ногу и такъ скоро приблизилъ къ себѣ Лохматаго. Правда, поступилъ онъ на мѣсто Савельича: значитъ „его мѣсто, его и честь“, думала Аксинья Захаровна. Но вѣдь Савельичъ человѣкъ былъ старый, опять

же сколько годовъ у насъ въ дому выжилъ, а этого парня всего еще полторы недѣли, какъ знать зачали. Хорошій пареnекъ, надо ему чести приписать: и услужливый, и почтительный такой, и богомольный, а все бы не надо Патапу Максимычу такъ приближать его. Вѣдь это, значитъ, съ нынѣшняго дня онъ, какъ Савельичъ, и обѣдать будетъ съ нами, и чай пить, а когда Патапъ Максимычъ куда отъѣдетъ, останется онъ одинъ мущина въ семьѣ. Да такой молодой, да красавецъ такой и разумный. Злые люди и не знай чего, пожалуй, наплетутъ на моихъ дѣвонекъ.... Ахъ, батюшки свѣты, не ладно, не ладно... А дѣлать нечего: какъ ужь самъ рѣшилъ, такъ и будетъ. Не переломаешь.

Настя видѣла какъ пришелъ Алексѣй, какъ онъ вышелъ, ни слова не проронила изъ отцовскихъ рѣчей, и думалось ей, что во снѣ все это ей видится, а между тѣмъ сердце-то отъ такой нечаянной радости голубемъ въ груди такъ и бьется, такъ и бьется у ней.

Фленушка лукаво взглянула на пріятельницу, дернула ее тихонько за сарафанъ, и найдя какое-то дѣло, вышла изъ горницы.

— Какой молодецъ изъ себя! замѣтилъ Иванъ Григорьичъ по уходѣ Алексѣя.

— Да, ты не гляди снаружи, а гляди на него снутри, сказалъ Патапъ Максимычъ. — Умница-то какая. Все можетъ доспѣть, а ужь на работу какой! Такъ я его, куманекъ, полюбилъ, что, кажись, точно онъ родной мнѣ сталъ. Вотъ и хозяйка то же говоритъ.

— Добрый парень, неча сказать, молвила Аксинья Захаровна, обращаясь къ Ивану Григорьичу, — на всякую послугу по дому ретивый, и скромный такой, ровно красна дѣвица! Ужь истинно, какъ Максимычъ молвилъ, какъ есть родной. Да что, куманекъ, съ глубокимъ вздохомъ прибавила она,— въ нонѣшнее время иной и родной да во сто разъ чужаго хуже. Вотъ и меня наградилъ Господь такимъ чадушкомъ. Братецъ-то родимый.... Напасть только одна!

— А гдѣ онъ теперь? спросилъ Иванъ Григорьичъ.

— У насъ обрѣтается, сухо проговорилъ Патапъ Максимычъ. — Намедни приволокся какъ есть въ одной рубахѣ да въ дырявомъ полушубкѣ, растерзанный весь.... Ну, да я хочу его на Узени по-веснѣ справить, авось тамъ уймется; на сорокъ верстъ кабака во всѣ стороны не будетъ.

— Эка человѣкъ-то пропадаетъ, замѣтилъ Иванъ Григорьичъ. — А вѣдь добрый онъ, и парень былъ бы хоть куда, какъ бы не это винище проклятое.

— Теперь не пьетъ, сказалъ Патапъ Максимычъ. — Не даютъ, а пропивать-то нечего.... А знаешь ли чтò, Аксинья, вѣдь онъ тебѣ все же братъ, не одѣть ли его какъ слѣдуетъ, да не позвать ли сюда? Пусть его съ нами попразднуетъ. Моя одёжа ему какъ разъ по плечу придется. Синяки-то на рожѣ прошли, теперь смотритъ человѣкомъ. Какъ думаешь, старуха?

— Какъ хочешь, Максимычъ, сдержанно отвѣчала Аксинья Захаровна.—Не начудилъ бы онъ чего-нибудь при чужихъ людяхъ, не осрамилъ бы насъ. Самъ ты знаешь, каковъ онъ во хмѣлю бываетъ.

— Не въ кабакѣ, чай, передъ стойкой будетъ, а съ хорошими людьми въ компаніи, отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.— Напиться не дамъ. А то вѣдь, право, не ладно будетъ, какъ Снѣжковы послѣ провѣдаютъ, что въ самое то время, какъ они у насъ тутъ пировали, родной дядя въ подклѣтѣ на запорѣ, ровно арестантъ какой, сидѣлъ. Такъ ли говорю, кумъ? прибавилъ Патапъ Максимычъ, обращаясь къ Ивану Григорьичу.

— Это точно что не ладно, замѣтилъ, въ свою очередь, Иванъ Григорьичъ.

— И чтò же, въ самомъ дѣлѣ, это будетъ, мамынька! въ свою очередь, молвила Аграфена Петровна. — Пойдетъ тутъ у васъ пированье, работникамъ да страннему народу завтра столы будутъ, а онъ, сердечный, одинъ, какъ оглашенный какой, въ заперти будетъ сидѣть. А коли ему здѣсь мѣста нѣтъ, такъ его ужь безпремѣнно запереть надо будетъ. Потому нельзя же ему съ работниками за столами сидѣть, слава пойдетъ нехорошая. Сами-то, скажутъ, въ хоромахъ пируютъ да прохлажаются, а брата роднаго со страннимъ народомъ посадили. Не ладно будетъ, мамынька, право, не ладно.

— Пойду, обряжу его, сказалъ, вставая, Патапъ Максимычъ, и ушелъ въ свою заднюю, сказавъ мимоходомъ Матренѣ: — Позови ко мнѣ Никифора. Въ заднюю пускай идетъ.

— Родной дядя! Тàкъ онъ сказалъ, думала Настя.... Дядя, а не братъ... Значитъ, про меня у тяти дума и тутъ была.... Охъ, чтобы бѣдѣ какой не быть!...

XXII.

Фленушка, выйдя въ сѣни, пріостановилась, на всѣ стороны оглянулась и какъ кошка бросилась внизъ по лѣстницѣ. Внизу она пробѣжала въ подклѣть и распахнула дверь въ Алексѣеву боковушу.

Алексѣй вынималъ изъ укладки праздничное свое платье: синюю хорошаго сукна сибирку, плисовые штаны и рубашку изъ александрійки.

— Ну, что̀, безпутный, каково дѣло-то выгорѣло?... А? спросила Фленушка.

— Не знаю что̀ и думать, Флена Васильевна, отвѣчалъ не помнившій себя отъ радости Алексѣй.—Не знаю, во снѣ я, али на яву.

Фленушка какъ щипнетъ его изо всей силы за руку. Алексѣй чуть не закричалъ.

— Что̀? Не во снѣ? Ха, ха, ха.... Обезумѣлъ? Постой, впереди еще не то будетъ.

— А что̀ будетъ?

— А то, что съ нонѣшняго вечера каждый Божій день ты станешь и обѣдать, и чаи распивать со своею сударушкой, сказала Фленушка.—Что̀, безстыжій, сладко небойсь? Ну, да теперь не о томъ говорить. Вотъ что̀: ты смотри, виду теперь никакого не подавай, особенно Аграфенѣ Петровнѣ; съ Настей слова не моги сказать, сиди больше около хозяина, а на нее и глядѣть не смѣй. Она и то какъ на каленыхъ угольяхъ сидитъ, а тутъ ты еще придешь, да эти Снѣжковы пріѣдутъ.... Боюсь, чтобъ она при чужихъ людяхъ чего не начудила.... А какъ отужинаютъ, минуты въ горницѣ не оставайся, сейчасъ сюда. Слышишь? Да вотъ еще что̀: коли услышишь когда, что надъ тобой три раза ногой топнули, такъ въ окно гляди: птичка прилетитъ, ты ее и лови. Да чтобъ чужихъ глазъ при томъ не было....

— Какая птичка? Что̀ ты городишь? спросилъ Алексѣй, не понимая про что̀ говоритъ ему Фленушка.

— Нечего тутъ, сказала она, — а ты оболокайся скорѣй, да рожу-то помой свою безстыжую, космы-то причеши.

Мигомъ Фленушка взбѣжала на верхъ, и со скромною, умильною улыбкой вошла въ горницу.

Вскорѣ пришелъ Алексѣй. Въ праздничномъ нарядѣ онъ такимъ молодцомъ смотрѣлъ, что хоть сейчасъ съ него картину пиши. Усѣвшись на стулѣ у окна, близь хозяина, онъ глазъ не сводилъ съ него и съ Ивана Григорьича. Помня приказъ Фленушки, только разокъ одинъ взглянулъ онъ на Настю, а послѣ того и не смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ она сидѣла.

Слѣдомъ за Алексѣемъ вошелъ въ горницу Волкъ, въ поношенномъ платьѣ Патапа Максимыча. Помолясь по уставу передъ иконами, поклонившись всѣмъ на обѣ стороны, подошелъ онъ къ Аксиньѣ Захаровнѣ.

— Здравствуй, разлюбезная сестрица, желчно сказалъ онъ ей. — Двѣ недѣли у васъ живу, по милости Патапа Максимыча, а съ тобой не успѣлъ еще свидѣться за великими твоими недосугами....

— Отойди отъ меня, сурово отвѣтила брату Аксинья Захаровна.—Какъ бы моя воля, въ жизнь бы тебя не пустила сюда. Вотъ ужь залетѣла ворона въ высоки хоромы. *На, пей* что ли! прибавила она, подавая брату чашку чая.

— А мы вотъ прежде первоначалъ заложимъ, а послѣ того можно тебѣ, сестрица моя любезная, и чайкомъ братца попотчивать.

Никифоръ Захарычъ подошелъ къ столу съ графинами и закусками. Двѣ недѣли у него капельки во рту не бывало, и теперь, остановясь предъ разноцвѣтными графинами, онъ созерцалъ ихъ какъ бы въ священномъ восторгѣ, и радостно потирая ладони, думалъ: „съ котораго бы начать“.

Вскочила съ мѣста Аксинья Захаровна, и подойдя къ брату, схватила его за рукавъ.

— И думать не моги! крикнула она.—Его какъ путнаго обрядили, къ хорошимъ людямъ пустили, а онъ натка тебѣ! Не въ кабакъ, батька, прилетѣлъ! Прочь, прочь! У меня и подходить къ водкѣ не смѣй!

Распустивъ руки, Никифоръ Захарычъ стоялъ въ недоумѣніи что̀ теперь ему дѣлать. Не будь тутъ Патапа Максимыча, сумѣлъ бы онъ по-свойски отвѣтить сестрицѣ, хоть бы тутъ сотня гостей сидѣла. Но Патапа Максимыча безшабашный Волкъ не на шутку боялся. Будучи даже въ томъ состояніи, когда море бываетъ по колѣно, онъ всегда

держалъ себя предъ зятемъ робко и приниженно. А тутъ еще эта Аграфена Петровна сидитъ да такъ зорко, зорко на него смотритъ.... Стыдно какъ-то передъ ней.... А выпить-то такъ и тянетъ.

Съ минуту продолжалась пытка Никифора. Даже потъ его прошибъ, слеза даже въ глазу блеснула. Патапъ Максимычъ рѣшилъ наконецъ дѣло.

— Выпей, Никифоръ, сказалъ онъ ему.

— Да вѣдь охмѣлѣетъ онъ, Максимычъ, осрамитъ при гостяхъ наши головы. Аль не знаешь, каковъ онъ во хмѣлю? возражала Аксинья Захаровна.

— Съ одной-то не охмѣлѣетъ, а другой не дамъ, рѣшилъ Патапъ Максимычъ, и обратился къ Ивану Григорьичу, продолжая ему разказывать про свои подряды.

Дрожащей рукою налилъ себѣ Никифоръ рюмку водки и выпилъ ее залпомъ. Затѣмъ, откромсавъ добрый кусокъ салфеточной, намазалъ его на ломоть хлѣба, и подойдя къ сестрѣ, сказалъ:

— Ну, теперь, сестра, чаемъ подчуй. Давно не пивалъ я этой дряни.

— Непутный! молвила Аграфена Захаровна, подавая ему чашку лянсина.—Тоже чаю! Не въ коня кормъ!... Алексѣюшка, продолжала она, обращаясь къ Лохматову,—пригляди хоть ты за нимъ, голубчикъ, какъ гости-то прiѣдутъ, не подпускай ты его къ тому столу, а то вѣдь разомъ насвищется.

— И вправду, Алексѣй, присматривай за нимъ, подтвердилъ Патапъ Максимычъ.—Не отходи отъ него и пить безъ моего приказа ему не давай. За ужиномъ сядь съ нимъ рядышкомъ.

Тутъ только замѣтилъ Никифоръ Алексѣя. Злобно сверкнули его глаза. „А! дѣвушникъ! подумалъ онъ и ты тутъ! Да тебя еще смотрѣть за мной приставили! Постой же ты у меня. Будетъ и на моей улицѣ праздникъ!“ И съ лукавой усмѣшкой посмотрѣлъ онъ на Фленушку.

Послышался ямской колокольчикъ. Ближе и ближе. Кто-то къ дому подъѣхалъ.

— Ужъ не исправникъ ли, чтобъ ему пусто было, али не становой ли! съ досадой сказалъ встревоженный Патапъ Максимычъ, вставая съ мѣста и направляясь къ двери. Вотъ ужъ, поистинѣ, будетъ незваный гость хуже Татарина.

И всѣмъ какъ-то неловко стало при мысли объ исправ-

никѣ. Исправникъ и становой въ самомъ дѣлѣ никогда не объѣзжали Осиповки, зная что у Чапурина всегда готово для нихъ хорошее угощенье. Матушка Манефа хоть и въ пріязни жила съ полицейскими чинами, однако поспѣшно вышла изъ горницы. Она была въ иночествѣ и даже въ камѣлкѣ *, а въ такомъ нарядѣ на глаза исправнику показываться не хорошо. Манефа, какъ и другія скитницы, была обязана подпиской иноческимъ именемъ не называться и иноческаго одѣянія не носить. Фленушка осталась въ горницѣ, на ней ничего запретнаго надѣто не было.

Минуты черезъ двѣ общаго безпокойства и глубокаго молчанья Патапъ Максимычъ ввелъ въ горницу новыхъ гостей. То былъ удѣльный голова Песоченскаго приказа Михайло Васильичъ Скорняковъ съ хозяюшкой, пріятель Патапа Максимыча.

Послѣ обычныхъ входныхъ поклоновъ предъ иконами, послѣ установленныхъ дѣдовскими преданіями привѣтствій и взаимныхъ пожеланій, усѣлись.

— Напугалъ же ты насъ своимъ колокольцомъ, Михайло Васильичъ, сказалъ Патапъ Максимычъ, подводя удѣльнаго голову къ столу съ водками и закусками. Мы ужь думали, не исправника ли принесло.

— Ха, ха, ха, громко захохоталъ Скорняковъ. — А развѣ конѣ боиться властей предержащихъ?

— Бояться, окромѣ Господа Бога моего, никого я не боюсь, съ достоинствомъ отвѣчалъ Патапъ Максимычъ, — а не хочется, чтобъ чужой человѣкъ бесѣду портилъ. Съ чего же это ты взялъ по-исправничьему ѣздить съ колокольчикомъ?

— На стоешныхъ, изъ приказу пріѣхалъ, съ нѣкоторой важностью отвѣчалъ Михайло Васильевичъ, погладивъ бороду. Званіе удѣльнаго головы, въ которое онъ былъ недавно выбранъ, очень занимало его.

Не успѣли Скорняковы по первой чашкѣ чаю выпить, какъ новые гости пріѣхали: купецъ изъ города, Самсонъ Михайлычъ Дьяковъ, съ пожилымъ человѣкомъ, одѣтымъ въ черный кафтанъ съ мелкими пуговками и узенькимъ стоячимъ

---

* Черный крепъ, который накидывается поверхъ шапочки (иночество), спускается въ роспускъ по плечамъ и спинѣ и закрываетъ лобъ инокини.

воротникомъ, кафтанъ, какой обыкновенно носятъ рогожскіе старообрядцы, отправляясь въ часовню къ службѣ.

— Узналъ стараго пріятеля? поздоровавшись со всѣми бывшими въ горницѣ, спросилъ Дьяковъ у Патапа Максимыча.

Патапъ Максимычъ не узнавалъ гостя.

— И я бы тебя не призналъ, Патапъ Максимычъ, коли бы не у тебя въ дому встрѣтился, сказалъ незнакомый гость.— Постарѣли мы, братъ, оба съ тобой, ишь и тебя сѣдиной какъ инеемъ подернуло.... Здравствуйте, матушка Аксинья Захаровна. Не узнали? Да и я бы не узналъ тебя. Какъ послѣдній разъ видѣлись, цвѣла ты какъ маковъ цвѣтъ, а теперь гляди-ка какая стала! Да. Время идетъ да идетъ, а годы человѣка не красятъ. Такъ не узнаёте?

— Никакъ не признать, сказалъ Патапъ Максимычъ.— Голосъ-то какъ бы знакомый, а вспомнить не могу.

— Стуколова-то Якима помнишь?... молвилъ гость.

— Якимъ Прохорычъ! Дружище! Да неужель это ты? вскрикнулъ Патапъ Максимычъ, обнимаясь и цѣлуясь съ Стуколовымъ.—А ужь я думалъ, что тебя и въ живыхъ-то давнымъ давно нѣтъ. Откудова? Какими судьбами?

— Якимъ Прохорычъ! сказала, подходя къ нему, Аксинья Захаровна.—Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Ужь я и не чаяла тебя на семъ свѣтѣ увидать. Ахъ, сватушка, сватушка! Вѣдь чай не забылъ: кажись мы съ тобой сродни маленько были.

— Въ стары годы такъ бывало, Аксинья Захаровна, отвѣчалъ Стуколовъ.—Считались въ сватовствѣ.

И Заплатинъ, и Скорняковъ оказались старыми пріятелями Стуколова, который зналъ и Никифора Захарыча, когда тотъ еще только въ годы входилъ; съ родителемъ его, Захаромъ Колотухинымъ, онъ тоже въ прежнія времена въ близкомъ знакомствѣ былъ. Дочерей Патапа Максимыча не зналъ Стуколовъ. Онѣ родились ужь послѣ того какъ онъ покинулъ родину, а съ тѣхъ поръ вотъ ужь болѣе двадцати пяти лѣтъ объ немъ по всему Заволжью не было ни слуху ни духу.

Стуколову было лѣтъ пятьдесятъ съ чѣмъ-нибудь. Онъ былъ высокъ ростомъ, сухощавъ и съ перваго взгляда на этого человѣка видно было, что обладая большою тѣлесною силой, онъ одаренъ былъ и неистомною силой воли, и необычайною твердостью духа. Худощавое смуглое лицо его обрамлено было густою, черною бородой, съ сильною просѣдью. Какъ

раскаленные угли свѣтились черные глаза его, и не всякій могъ долго выдерживать пристально устремленный на него взглядъ Стуколова. По всему было видно, что человѣкъ этотъ много видалъ на своемъ вѣку, а еще больше испыталъ всякаго рода треволненій.

Начались разспросы Стуколова про людей былаго времени, съ которыми, живучи еще за Волгой, находился онъ въ близкихъ отношеніяхъ. И про всѣхъ почти, про кого онъ ни спрашивалъ, одинъ отвѣтъ ему давали: „Померъ.... померъ.... померла.“

Стуколовъ сидѣлъ, склонивъ голову и глядя въ землю, и глубоко вздыхалъ при такихъ отвѣтахъ. Сознавалъ онъ, что воротясь послѣ двадцатипятилѣтнихъ странствій на родину, сталъ онъ въ ней чужаниномъ. Не то что людей, домовъ-то прежнихъ нѣтъ, городъ, откуда онъ родомъ былъ, два раза до тла выгоралъ въ эти двадцать пять лѣтъ и два раза вновь обстраивался. Ни родныхъ, ни друзей-пріятелей не нашелъ онъ на старомъ пепелищѣ—всѣхъ Богъ прибралъ. И тутъ-то спозналъ Якимъ Прохорычъ всю правду стараго русскаго присловья: „не временемъ годы долги,—долги годы отлучкой съ родной стороны.“

— Гдѣ же ты пропадалъ все это время Якимъ Прохорычъ? спросилъ у странника Патапъ Максимычъ.

Маленько помолчавъ и бѣглымъ взоромъ окинувъ сидѣвшихъ въ горницѣ, Стуколовъ сталъ говорить таково тихо да истово, отчеканивая каждое слово.

— Не мало государствъ мною исхожено, не мало морей переѣхано, много всякихъ народовъ очами моими видано. Привелъ меня Господь во святой рѣкѣ Іорданѣ погружаться, Спасовъ живоносный гробъ цѣловать, всѣмъ святымъ мѣстамъ поклониться.... Много было моего странствія....

— Такъ неужели ты всѣ двадцать пять лѣтъ въ странствіяхъ пребывалъ? спросилъ его Иванъ Григорьичъ.—Чай, поди, гдѣ и на мѣстѣ живалъ?

— Какъ не живать! Жилъ тоже и на мѣстѣ. За Дунаемъ не малое время проживалъ у Некрасовцевъ, въ Молдавіи у нашихъ христіанъ, въ Сибири долго жилъ, у казаковъ на Уралѣ, опять же довольно годовъ я выжилъ въ Бѣловодьѣ. тамъ, далеко, за Китаемъ, въ Опоньскомъ государствѣ....

— Какое же это государство? Про такое что-то я и не слыхивалъ, спросилъ у паломника Патапъ Максимычъ.

— Не мудреное дѣло, что ты про Опоньское царство не слыхивалъ, сдержанно отвѣчалъ Якимъ Прохорычъ.—Это государство не простое, не у всѣхъ на виду. Это государство сокровенное....

— Сокровенное? въ недоумѣніи спросилъ Патапъ Максимычъ у Якима Прохорыча, и всѣ сидѣвшіе въ горницѣ съ изумленіемъ стали глядѣть на паломника.

Замолкъ Якимъ Прохорычъ. Нѣтъ отъ него отвѣта. Черезъ малое время спросилъ его Патапъ Максимычъ:

— Вѣдь ты въ Москву, помнится, тогда уѣхалъ, потомъ были слухи, что въ какомъ-то монастырѣ проживаешь, а послѣ того и слуховъ про тебя не стало.

— Постой, погоди.... всѣ мои странства хочу вамъ по ряду разказать, сказалъ Стуколовъ, выходя изъ раздумья, и поднявъ голову. Люди свои, земляки, старые все други-пріятели. Вамъ можно сказать.

— Разкажи, разкажи, старый дружище, молвилъ Патапъ Максимычъ, положивъ руку на плечо паломника.—Да чайку-то еще. Съ ромкомъ не хочешь ли?

— Нѣтъ, не стану. Чайкомъ побаловаться, пожалуй, можно, отвѣчалъ Стуколовъ, собираясь начать разказъ про свои странствія.

— Постой, постой маленько, Якимъ Прохорычъ, сказала Аксинья Захаровна, подавая Стуколову чашку чая. — Вижу я о чемъ твоя бесѣда будетъ... Про святыню, значитъ, про всякую станешь разказывать. Фленушка! Подь кликни сюда матушку Манефу. Изъ самаго молъ Іерусалима гость пріѣхалъ, про святыя мѣста хочетъ разказывать. Пусть и Евпраксеюшка придетъ послушать.

— Какая это Манефа? спросилъ Стуколовъ, когда Фленушка вышла въ сѣни.

— Да Матрену-то Максимовну, сестру Патапа Максимыча, чай помнишь? сказала Аксинья Захаровна.

— Матрена Максимовна?... какъ-то странно оживляясь, спросилъ сумрачный дотолѣ странникъ.—Такъ она въ иночествѣ?

— Давно ужъ. Больше двадцати годовъ будетъ какъ пострижена. Теперь игуменствуетъ въ Комаровѣ, отвѣчала Аксинья Захаровна.

— Такъ.... такъ!... медленно проговорилъ Стуколовъ и задумался.

Вошла матушка Манефа съ Фленушкой и Евпраксіей:

Послѣ обычныхъ „метаній“ и поклоновъ, Якимъ Прохорычъ пристально поглядѣлъ на старушку и дрогнувшимъ нѣсколько голосомъ спросилъ у нея.

— Узнали ль меня, матушка Манефа?... Аль забыли Стуколова Якима?

— Якимъ Прохорычъ!... быстро вскинувъ на паломника заблиставшими глазами, вскрикнула игуменья и потомъ вдругъ поправила „намётку“, и опустя крепъ на самыя брови, прибавила болѣе спокойно:—Не чаяла съ тобой видѣться....

Глубокимъ, пристальнымъ взоромъ глядѣла она на паломника. Въ потускнѣвшихъ глазахъ старицы загорѣлось что-то живое, молодое.... Перебирая лѣстовку, игуменья чинно усѣлась, еще разъ поправила на головѣ намётку и опустила голову. Губы ея шептали молитву.

— Ну, разказывай намъ свои похожденія, сказалъ Патапъ Максимычъ Якиму Прохорычу.

Стуколовъ сталъ разказывать, часто и зорко взглядывая на смущенную игуменью.

— Горько мнѣ стало на родной сторонѣ. Ни на что бы я тогда не глядѣлъ, и не знай куда бы готовъ былъ дѣваться!... Вотъ ужь двадцать пять лѣтъ и побольше прошло съ той поры, а какъ вспомнишь, такъ и теперь сердце въ тебѣ ровно на клочки рваться станетъ.... Молодость, молодость!.. Горячая кровь во мнѣ тогда ходила.... Не стерпѣлъ обиды, а заплатить обидчику нельзя было.... и рѣшилъ я покинуть родную сторонушку чтобъ до гробовой доски въ нее не заглядывать.....

Ниже и ниже склоняла голову матушка Манефа. Блѣдныя губы ея спѣшно шептали молитву. Еслибы кто изъ бывшихъ тутъ попристальнѣй поглядѣлъ на игуменью, тотъ замѣтилъ бы, что рука ея, перебирая лѣстовку, трепетно вздрагивала.

— Какая жь это обида, Якимъ Прохорычъ? спросилъ Иванъ Григорьичъ.—Что-то не помню я, не помню, чтобы съ тобой передъ уходомъ изъ-за Волги какое-нибудь горе приключилось.

— Про ту обиду знаютъ Богъ да я, да еще одна душа.... Больше никто не знаетъ и никогда не узнаетъ.... Вотъ послушайте-ка, матушка Манефа, про странства мои по дальнимъ палестинамъ.... Какъ рѣшилъ я родное Заволжье покинуть, самъ я съ собой тогда разсуждалъ: „куда же мнѣ теперь, безродному, приклонить свою бѣдную

голову, гдѣ найти мнѣ душевный миръ и тишину, гдѣ найти успокоеніе помысловъ и забвеніе всего что было.... Рѣшилъ я въ монастырь идти, да подальше, какъ можно подальше отъ здѣшнихъ мѣстъ. Слыхалъ я про монастырь Лаврентьевъ, что стоитъ неподалеку отъ славной слободы Вѣтки. Житіе тамъ строгое. Не каменными стѣнами, не богатыми церквами красовалась обитель та, — красовалась она старческими слезами, денноношными трудами, постомъ да молитвой.... Много было тамъ крѣпкихъ подвижниковъ, иноковъ учительныхъ и въ дѣлѣ душевнаго спасенія искусныхъ. Не мало было тамъ и молодаго народу: тогда въ Лаврентьеву обитель юноши изъ разныхъ сторонъ приходили, дабы управить свои души по словеси Господню. Всѣ молодые трудники чтенію божественныхъ книгъ были прилежны и въ преданіяхъ церковныхъ крѣпки и недвижны.... Почти пять лѣтъ выжилъ я съ ними, подъ начальствомъ блаженнаго старца, и открылъ мнѣ Господь разумъ писанія, разверзъ мои умныя силы и сподобилъ забыть все, все прошлое.... сподобилъ.... простить обидчику.... Въ пучинѣ божественнаго писанія и святоотческихъ книгъ чрезъ немалое время потопилъ я свое горе и прежнія печали.... И какъ скоро со мною такая перемѣна совершилась, возстала въ душѣ другая буря, по инымъ новымъ волнамъ сталъ влаяться душевный корабль мой.... Не сидѣлось мнѣ на мѣстѣ, стало меня тянуть куда-то далеко, далеко, а куда самъ не знаю.... Прискучили мнѣ лѣса и пустыни, прискучили благочестивые старцы; не тишины иноческой мнѣ хотѣлось, хотѣлось мнѣ повидѣть дальнія незнаемыя страны, посмотрѣть на чужія государства, поплавать по синему морю, походить по горамъ высокимъ. Какъ птица изъ клѣтки хотѣлъ я вырваться на волю, чтобъ идти куда глаза глядятъ,—идти, идти, пока гдѣ-нибудь смерть меня не настигнетъ.... Ужь хотѣлъ бѣжать изъ обители, назадъ въ міръ воротиться, но Богъ не попустилъ.... Пріѣзжали въ то время къ нашему отцу игумену Аркадію зарубежные старцы изъ старообрядскихъ молдавскихъ монастырей, въ Питерѣ они по сборамъ были и возвращались восвояси. Два дня и двѣ ночи игуменъ Аркадій о чемъ-то тайныя рѣчи велъ съ ними, а на третій всѣхъ молодыхъ трудниковъ велѣлъ призвать къ себѣ въ келью. Пришло насъ всего пятнадцать человѣкъ. И сталъ сказывать намъ отецъ игуменъ Аркадій про оскудѣніе благочестиваго священства, про душевный гладъ,

постигшій нашихъ христіанъ. „А есть, говоритъ, въ дальнихъ странахъ сокровенныя мѣста, гдѣ старая наша вѣра въ цѣлости и чистотѣ соблюдена. Тамъ она непорочная невѣста Христова среди бусурманъ сіяетъ яко свѣтило. Первое такое мѣсто на райской рѣкѣ на Евфратѣ, промежъ рубежей турскаго съ персидскимъ, а другая страна за Египтомъ—зовется Емаканъ, в землѣ Ѳиваидской, а третіе мѣсто за Сибирью, въ сокровенномъ Опоньскомъ государствѣ. Вотъ бы, говоритъ отецъ игуменъ, порадѣть вамъ, трудничкu молодые, положить ваши труды на спасеніе всего христіанства. Поискать бы вамъ благодать таковую, тамъ вѣдь много древлеблагодатныхъ епископовъ и митрополитовъ. Вывезти бы вамъ хоть одного изъ нихъ въ наши россійскіе предѣлы, мы бы утвердили въ Россіи корень священства, мы бы утолили душевный гладъ многаго народа. Свои бы тогда у насъ попы были, не нуждались бы мы въ бѣглецахъ никоньянскихъ.... И аще исполните мое слово—въ семъ мірѣ будетъ вамъ похвала отъ людей и слава, а въ будущемъ вѣцѣ неизглаголанное блаженство“.... Какъ услыхалъ я такіе глаголы, тотчасъ же игумену земно *поклонился*, сталъ просить у него благословенья на подвиги дальняго странства.... А за мной и другіе трудники поклонились: повелѣніе пославшаго всѣ готовы исполнить. Снабдилъ насъ игуменъ деньгами на дорогу, и далъ для памяти тетрадки, какъ и гдѣ искать благочестныхъ архіереевъ.... И пошли мы пятнадцать человѣкъ къ рѣкѣ Дунаю, пришли въ городъ Измаилъ, а ужъ тамъ наши христіане насъ ожидали, игуменъ Аркадій отписалъ къ нимъ еще до нашего приходу. Безъ паспорта пропускъ за Дунай всѣмъ былъ заказанъ, стояла по берегу великая стража, никого безъ паспорта за рѣку не пускала. Въ камыши насъ спровадили христолюбцы, а оттолѣ ночью въ рыбацкихъ челнокахъ, крадучись какъ воры какіе, на турецкую сторону мы перебрались. Тутъ пошли мы въ славное Кубанское войско, то наши христіане казаки, что живутъ за Дунаемъ, Некрасовцами зовутся. Соблюли они старую нашу вѣру и всѣ преданія церковныя сохранили. Хорошо намъ было у нихъ жить и привольно. Богатѣйшія у нихъ тамъ рыбныя ловли, и земли вдоволь; хлѣбомъ и виноградомъ, кукурузой, и всякимъ овощемъ тамъ преизобильно. И живутъ тѣ Некрасовцы во ослабѣ: старую вѣру соблюдаютъ, и ни отъ кого имъ въ томъ нѣтъ никакого запрету; дѣлами своими на „кругахъ“ заправляютъ, а

турскому султану никакой дани не платять, только, значить, какъ война у Турки съ кѣмъ зачнется, такъ они свои полки на службу выставляють... Прожили мы у Некрасовцевъ безъ малаго полгода, въ ихнемъ монастырѣ, а зовется онъ Славой, и жили мы тамъ во всякомъ изобильи и довольствѣ. Еще больше тутъ къ намъ изъ Россіи путниковъ въ дальнее странство набралося—всего стало насъ человѣкъ съ сорокъ. И поплыли мы къ Цареграду по Черному морю, и поживши малое время въ Царѣградѣ, переплыли въ каюкахъ Мраморное море и тамо опять пришли къ нашимъ старообрядцамъ, тоже къ казакамъ славнаго Кубанскаго войска, а зовется ихъ станица Майносомъ. Оттолѣ мы пошли къ райской рѣкѣ Евфрату...

Смолкъ Якимъ Прохорычъ. Всѣ жадно его слушали, не исключая и Никифора Волка. Правда, раза два задумывалъ было онъ подъ шумокъ пробраться къ соблазнительнымъ графинамъ, но замѣтивъ слѣдовавшаго по пятамъ Алексѣя, какъ ни въ чемъ не бывало повертывалъ назадъ и возвращался на свое мѣсто.

— Ну, что жъ? И дошли вы до рѣки Евфрата? спросила Аксинья Захаровна.

— До Евфрата изъ сорока человѣкъ дошло насъ только двадцать, продолжалъ Якимъ Прохорычъ.—Только двадцать!... Зарыли мы остальныхъ товарищей въ пескахъ да въ горныхъ ущельяхъ.... Десять недѣль шли: на каждую недѣлю по два покойника приходилось!... Голодъ, болѣзни, дикіе звѣри, разбойники да басурманскіе народы—вездѣ бѣды, вездѣ напасти... Но не смущалось сердце наше, и мы шли, шли, да хоронили товарищей.... Безвѣстны могилки бѣдныхъ моихъ спутниковъ, никому не сыскать ихъ и некому надъ ними поплакать!... Прошли мы вдоль всей рѣкѣ Евфрата, были между турской и персидской границей и нигдѣ не нашли старообрядцевъ.... А смерть путниковъ косила да косила. Назадъ поворотили къ Цареграду. Шли, шли и помирали.... И никому-то не хотѣлось лечь на чужой сторонѣ, всякой-то про свою родину думалъ, и умирая, слезно молилъ товарищей, какъ умретъ, снять, у него съ креста ладонку, да разрѣзать и посыпать лицо его зашитой въ ней русской землей.... У одного у меня ладонки съ родной земли не бывало... И встосковалось же тогда мое сердце по матушкѣ по Россіи.... Взгрустнулось и по родной сторонѣ, и по монастырской лаврентьевской братьи...

Въ Царьградъ одинъ я воротился, всѣ до единаго молодые трудники въ мать сыру землю пошли.... Добрелъ до Лаврентьева, все разказалъ отцу игумену подробно. Справилъ онъ соборную панихиду, имена умершихъ велѣлъ записать въ синодикъ, постѣнный и литейный, а дѣла не покинулъ. Нудитъ опять меня игуменъ Аркадій: „Ступай, говоритъ, въ Емакань, въ страну Ѳиваидскую, за Египетъ. Тамъ безпремѣнно найдешь ты епископовъ; недавно, говоритъ, тамъ нѣкіе христолюбцы бывали, про тамошнее житіе намъ писали. И новые трудники на подвигъ новаго странствія сыскались, тоже все люди здоровые да молодые, всего ихъ было двадцать пять человѣкъ.... Какъ бывалаго человѣка, меня съ ними послали.... Опять тѣмъ же путемъ въ Царьградъ мы пошли, тамъ на корабли сѣли и поѣхали по Бѣлому морю *, держа путь ко святому граду Іерусалиму. Были тамъ у Спасова гроба и зрѣли какъ всѣ вѣры на единомъ мѣстѣ служатъ. Отслужатъ свою обѣдню Армяне, пойдутъ за ними Латины, въ бездушные свои органы играютъ на мѣстѣ святѣ, а за ними пойдутъ Сирійцы да Копты, молятся нелѣпо и козлогласуютъ, потомъ пойдутъ по-своему служить Арабы, а сами всѣ въ шапкахъ и чуть не голы, пляшутъ, бѣснуются вокругъ Спасова гроба. Тутъ и греческіе служатъ.... Не обрѣли мы древляго благочестія ни въ Іерусалимѣ, ни въ Виѳлеемѣ, ни на святой рѣкѣ Іорданѣ—всюду пестро и развращенно!... Поплакали мы, видя сіе, и пошли во градъ Іоппію; сѣли на корабль, и корабельщики привезли насъ въ Египетъ. Пошли мы вверхъ по рѣкѣ Нилу, шли съ караванами пѣши, дошли до земли Ѳиваидской, только никто намъ не могъ указать земли Емаканьской, про такую, дескать, никогда тамъ и не слыхали.... И напала на насъ во Египтѣ чума: изъ двадцати пяти человѣкъ осталось насъ только двое.... Поплыли мы назадъ въ Россію, добрели вдвоемъ до отца игумена, обо всемъ ему доложили: „Нѣтъ молъ за Египтомъ никакой Емакани, нѣтъ молъ въ Ѳиваидѣ древлей нашей вѣры....“ Повелѣлъ игуменъ, отецъ Аркадій, отслужить во обители соборную панихиду, совершить поминовенье по усопшихъ, ради Божія дѣла въ чуждыхъ странахъ животъ свой скончавшихъ.... А потомъ опять призываетъ, опять на новый подвигъ странствія посылаетъ. „Есть, говоритъ, въ крайнихъ восточныхъ предѣлахъ за Сибирью христоподражательная древняя

* Такъ русскіе поклонники обыкновенно зовутъ Архипелагъ.

церковь асирскаго языка. Тамъ въ Опоньскомъ царствѣ, на Бѣловодьѣ, стоитъ сто восемьдесятъ церквей безъ одной церкви, да кромѣ ихъ россійскихъ древляго благочестія сорокъ церквей. Имѣютъ тѣ россійскіе люди у себя митрополита и епископовъ асирскаго поставленья. А удалились тѣ россійскаго языка люди въ то Опоньское государство, когда на Москвѣ измѣненіе благочестія стало. Тогда изъ честныя обители Соловецкой да изъ многихъ другихъ мѣстъ туда много народу удалилось. И свѣтскаго суда въ томъ Опоньскомъ государствѣ они не имѣютъ, а всѣми людьми управляютъ духовныя власти.... Идти тебѣ за сибирскіе предѣлы, искать за ними того Бѣловодья и доставить къ намъ въ Россію безпремѣнно епископа древней нашей вѣры благочестивой. А товарищи тебѣ готовы." Шесть недѣль мы въ Лаврентьевой обители пожили, ровно погостили, и потомъ всемеромъ пошли къ Бѣловодью. Дошли мы въ Сибири до рѣки Катуни и нашли тамъ христолюбивыхъ страннопріимцевъ, что̀ русскихъ людей за Камень въ Китайское царство переводятъ. Тамъ есть многое множество пещеръ тайныхъ, и въ тѣхъ пещерахъ странники привитаютъ, а немного подалѣ стоятъ снѣговыя горы верстъ на триста, коли не больше. Перешли мы тѣ снѣговыя горы и нашли тамъ келью да часовню, въ ней два старца пребывали, только не нашего были они согласу, никакого священства они не пріемлютъ. Однакоже путь къ Бѣловодье намъ указали и проводника намъ по маломъ времени сыскали.... И шли мы черезъ великую степь Китайскимъ государствомъ сорокъ и четыре дня сряду. Чего ужъ мы тутъ не натерпѣлись, какихъ бѣдъ-напастей не испытали; сторона незнакомая, чужая, и совсѣмъ какъ есть пустая—нигдѣ-то лица человѣчья не увидишь, только звѣри одни бродятъ по той по пустынѣ. Двое нашихъ путниковъ тѣми звѣрями при нашемъ видѣньи заѣдены были. Воды въ той степи мало, иной разъ дня два идешь и хотя бъ калужинку какую встрѣтить; а какъ увидишь издали свѣтлую водицу, такъ и бѣжишь къ ней бѣгомъ, забывая усталость. Такъ однажды, увидавши издали рѣчку, побѣжали мы къ ней водицы напиться;—бѣжимъ, а изъ камышей какъ прыгнетъ на насъ звѣрь дикій, самъ полосатый и ровно кошка, только величиной будетъ съ медвѣдя, двухъ странниковъ на нашихъ глазахъ растерзалъ во едино мгновеніе ока.... Много было бѣдъ, много напастей!... Но дошли таки мы до Бѣловодья. Стоитъ тамъ глубокое озеро да большое, ровно

какъ море какое, а зовутъ то озеро Лопонскимъ * и течетъ въ него отъ запада рѣка Бѣловодье **. На томъ озерѣ обширные острова есть, и на тѣхъ островахъ живутъ русскіе люди старой вѣры. Только и они священства не пріемлютъ, и нѣтъ у нихъ никакихъ архіереевъ и никогда ихъ не бывало.... Прожилъ я въ томъ Бѣловодьѣ безъ малаго четыре года. Выпуску оттудова пришлымъ людямъ нѣту, боятся тѣ Опонцы, чтобы на Руси про нихъ не спознали и назадъ въ русское царство ихъ не воротили.... И живучи въ тѣхъ мѣстахъ, ужь оченно я по матушкѣ Россіи стосковался. Думаю себѣ „ужь пускай мнѣ хоть голову съ плечъ снимутъ, а уйду же я отъ тѣхъ Опонцевъ въ россійское царство“. А тамъ въ первые три года свѣжаковъ *** съ островов на берегъ великаго озера не пускаютъ, пока значитъ не увѣрятся, что не сбѣжитъ тотъ человѣкъ въ матушку въ Россію. На четвертомъ году хозяинъ, у котораго я въ батракахъ проживалъ, сталъ меня съ собой брать на рыбную ловлю. И ужь скажу же я вамъ чтò только тамъ за рыбныя ловли! Много рѣкъ видалъ я на своемъ вѣку: живалъ при Дунаѣ, и на тихомъ Дону, а матушку Волгу съ верху до низу знаю, на вольномъ *Яикѣ* на багреньяхъ бывалъ, за бабушку Гугниху пивалъ, **** всѣ сибирскія великія рѣки мнѣ вдосталь знаемы, а нигдѣ я такого рыбнаго улову какъ на томъ Бѣловодьѣ не видывалъ. Чтò это за благодать Божія!... Кажется, какъ бы къ нашимъ мѣстамъ да этакія воды, каждый бы нищій тысячникомъ въ одинъ годъ сдѣлался. Ужь такое тамъ во всемъ приволье, что кажись нигдѣ по другимъ мѣстамъ такого приволья не видано и не слыхано. Всякіе земные плоды тамъ въ обильи родятся: и виноградъ и пшено сорочинское; одно только плохо: ржицы матушки въ заводѣ нѣтъ... Но какъ ни привольно было жить мнѣ въ томъ Бѣловодьѣ, все меня домой тянуло. Взялъ однажды Сидоръ—хозяинъ, значитъ, мой—меня съ

---

* Лопъ-Норъ, на островахъ котораго и по берегамъ, дѣйствительно, живетъ нѣсколько забѣглыхъ раскольниковъ.

** Аксу—чтò значитъ по-русски *бѣлая вода*.

*** Новый, недавній пришлецъ.

**** Бабушка Гугниха уральскими (прежде яицкими) казаками считается ихъ родоначальницей. Послѣ багренья рыбы и на всякихъ иныхъ пирахъ первую чару на Уралѣ пьютъ непремѣнно за бабушку Гугниху.

собой на рыбную ловлю, переѣхали мы озеро, въ камышахъ пристали. Я, грѣшный человѣкъ, сначала хотѣлъ его сонняго побывшить, * да совѣсть зазрѣла. Пьянъ онъ былъ на ту пору: чуть не полкувшина кумышки изъ сорочинскаго пшена съ вечера выпилъ, перевязалъ я его веревками, да завернулъ въ сѣти, а самъ бѣжалъ въ степи... Цѣлыхъ три мѣсяца бродилъ я, питаясь кореньями да дикимъ лукомъ; не зная дороги, все на сѣверъ держалъ по звѣздамъ да по солнцу, на рѣку, бывало, наткнешься, попробуешь броду, нѣтъ его, и пойдешь обходить ту рѣку; иной разъ идешь верстъ полсотни и больше. На сибирскомъ рубежѣ стоятъ снѣжныя горы; безъ проводника, не зная тамошнихъ мѣстъ, ихъ ввѣкъ не перелѣзть, да послалъ мнѣ Господь добраго человѣка изъ варнаковъ—бѣглый каторжный значитъ—вывелъ на Русскую землю! Спаси его Господи и помилуй!

Замолчалъ Якимъ Прохорычъ и грустно склонилъ голову. Всѣ молчали подъ впечатлѣніемъ его разказа.

— Что жь опять-то пошелъ въ монастырь къ своему игумну? чрезъ нѣсколько минутъ спросилъ у Стуколова Патапъ Максимычъ.

— Не дошелъ до него, отвѣчалъ паломникъ.—Доро́гой узналъ я, что монастырь нашъ закрыли, а игуменъ Аркадій за Дунай къ Некрасовцамъ перебрался... Еще свѣдалъ я, что тѣмъ временемъ какъ я проживалъ въ Бѣловодьѣ, наши сыскали себѣ митрополита и водворили его въ австрійскихъ предѣлахъ. Побрелъ я туда. Съ немалымъ трудомъ и съ большою опаской перевели меня христолюбцы изъ нашихъ за рубежъ австрійскій, и сподобилъ меня Господь узрѣть недостойными очами святую митрополію Бѣлой Криницы во всей ея славѣ.

— Разкажи, разкажи намъ про святое мѣсто, съ живостью спрашивалъ Стуколова Патапъ Максимычъ. — Мы вѣдь всѣ почитай за Волгой приняли новое священство; епископъ Софроній ужь и поповъ довольно для нашихъ палестинъ наставилъ. Мы, значитъ, пріемлющіе. Все, все разкажи, ничего не утай.

— По истинѣ, продолжалъ Стуколовъ съ торжественностью, — явися благодать спасительная всѣмъ человѣкамъ, живущимъ по древлеблагочестивой нашей вѣрѣ. Нашелъ я въ Бѣлой Криницѣ радость духовную и ликованіе неумолкаемое о нашемъ господинѣ владыкѣ митрополитѣ и

* Убить.

о епископахъ, и о всемъ чину священномъ. Двѣсти лѣтъ не видано, не слыхано было у нашихъ христіанъ своей священной іерархіи, а нынѣ она въ очію зрится. Когда притекъ я къ монастырю Бѣлокриницкому, встрѣтилъ тамъ кое-кого изъ лаврентьевскихъ мниховъ. Они меня узнали и обо мнѣ властямъ монастырскимъ доложили. Разказалъ я имъ по ряду про свое сибирское хожденье и про житье въ Бѣловодьѣ. Они меня страннаго всѣмъ упокоили, келью мнѣ дали и одёжу монастырскую справили. Былъ и у самого владыки Амвросія подъ благословеньемъ, и онъ черезъ толмача много меня разспрашивать изволилъ обо всѣхъ моихъ по дальнимъ странамъ хожденьяхъ. Прожилъ я въ той Бѣлой Криницѣ два съ половиною года, ѣздилъ оттуда и за Дунай въ некрасовскій монастырь Славу, и тамо привелъ меня Богъ свидѣться съ нашимъ прежнимъ лаврентьевскимъ игумномъ Аркадьемъ. Не мало вечеровъ въ тайныхъ бесѣдахъ протекло у насъ съ симъ учительнымъ старцемъ. Многое, многое разказывалъ я ему про три хожденія наши: про евфратское, египетское и въ Бѣловодье. И скорбѣлъ я предъ нимъ, заливаючись горькими слезами: „Видно Богъ не благословилъ нашъ подвигъ: больше семидесяти учениковъ твоихъ, отче, три раза въ дальнія страны ходили и ничего не сыскали и всѣ-то семьдесятъ учениковъ полегли во чужихъ странахъ, единъ азъ грѣшный въ живыхъ остался." Отвѣчалъ на такія мои рѣчи старецъ, меня утѣшая, а самъ отъ очію своею многія слезы испуская: „Не скорби, брате, говорилъ онъ, не скорби и душевнаго унынія бѣгай: аще троечастный путный твой подвигъ и тщетенъ остался, но паче возвеселиться долженъ ты нынѣ съ нашими радостными лики: обрѣли мы святителей, и теперь у насъ полный чинъ священства. За труды твои церковь тебя похваляетъ и всегда за тебя молить Бога будетъ, а трудникамъ, что̀ нуждною смертію въ пути животъ свой скончали—буди имъ вѣчная память въ роды и роды!..." Тутъ я упалъ къ стопамъ старца и открылъ передъ нимъ свою душу, и повѣдалъ ему мои сомнѣнья: „Прости, я сказалъ ему, святый отче и разрѣши недоумѣнный мой помыслъ. Корень іерархіи нашей отъ Грековъ изыде, а много я видалъ греческихъ властей и въ Царьградѣ, и въ Іерусалимѣ, и въ Египтѣ: пестра ихъ вѣра и благочестія обнажена совершенно. Какъ же это наша іерархія отъ сего мутнаго источника изыде и въ свѣтлую рѣку претворися?" И довольно

поучилъ меня старецъ Аркадій, и бесѣдою своею душеполезной растопилъ онъ окаменѣлое мое сердце и отогналъ отъ меня лукаваго духа. Потомъ и самъ я изслѣдовалъ все дѣло подробно и со многими искусными въ божественномъ писаніи старцами бесѣдовалъ много и въ конецъ удостовѣрился совершенно, что истинна и правильна наша священная іерархія.... Ей! Передъ Господомъ Богомъ живымъ свидѣтельствую вамъ и всѣхъ васъ совершенно завѣряю, прибавивъ паломникъ, вставая съ мѣста и подходя къ иконамъ, истинна древлеправославная австрійская іерархія, и нѣтъ въ ней ни единаго порока!

Всѣ встали и съ благоговѣньемъ смотрѣли на паломника.

— Мы вѣруемъ, безъ всякаго сомнѣнія тому вѣруемъ, выступивъ нѣсколько шаговъ впередъ, громко, твердымъ голосомъ сказала мать Манефа. Глаза у ней горѣли изувѣрнымъ блескомъ, лицо озарилось какимъ-то дикимъ восторгомъ. Медленною поступью подошла она къ паломнику и сказала: — Якимъ Прохорычъ! Не чаяла я тебя видѣть. Какъ изъ гроба предсталъ ты передо мною.... Благодарю Господа и поклоняюся Ему за всѣ чудодѣянія, какія оказалъ Онъ надъ тобою. Благодарю Его милосердіе, что судилъ Онъ тебѣ.... именно тебѣ.... а не кому другому стать передо мною, грѣшницей.... и вотъ передъ ними и въ конецъ отрѣять послѣднія грѣховныя сомнѣнья насчетъ правоты священной іерархіи. Благодарю тебя, Якимъ Прохорычъ, и смиренно поклоняюсь.

Старуха поклонилась до земли паломнику. Потомъ скорой, едва слышной поступью пошла она изъ горницы, и поровнявшись съ Фленушкой, сказала шепотомъ:

— Пойдемъ. Евпраксію тоже позови. Укладываться надо. Чѣмъ свѣтъ ѣдемъ.

— Зачѣмъ же ты ушелъ изъ митрополіи, Якимъ Прохорычъ? спросила Аксинья Захаровна у Стуколова по уходѣ матушки Манефы.

— Творя волю епископа своего, преосвященнаго господина Софронія, внушительно отвѣчалъ онъ, и помолчавъ немного, продолжалъ:—Черезъ два съ половиной года послѣ того какъ водворился я въ Бѣлой Криницѣ, уже при господинѣ митрополитѣ Кириллѣ, прибылъ къ намъ изъ Россіи нѣкій благочестивый мужъ Степанъ Трифонычъ Жировъ, начетчикъ онъ

великій, всей Москвѣ знаемъ. До учрежденія митрополіи утолялъ онъ въ Россіи душевный гладъ нашихъ христіанъ, привлекая въ древлему благочестію никоніанскихъ іереевъ. Письма привезъ онъ съ Москвы. На самое Рождество Христово пріѣхалъ, и скоро его митрополитъ по всѣмъ духовнымъ степенямъ произвелъ: въ пять дней изъ простецовъ сталъ онъ епископъ Софроній и тотчасъ же воротился въ Россію. Бѣлокриницкія власти повелѣли мнѣ находиться при семъ первомъ россійскомъ древлеблагочестивомъ епископѣ. Съ нимъ и пріѣхалъ я до Москвы.

— И за Волгу тебя епископъ прислалъ? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Да, отвѣчалъ Якимъ Прохорычъ, — только совсѣмъ по другому дѣлу. Не по церковному.

— Какое жь это дѣло? продолжалъ спрашивать паломника Патапъ Максимычъ.

Стуколовъ молчалъ.

— Коли клятвы епископской не положено, Якимъ Прохорычъ, чтобы значитъ тайны никому ты не повѣдалъ, такъ скажи намъ причину твоего къ намъ возврата, сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Клятвы не положено и приказу молчать не сказано, вполголоса проговорилъ Якимъ Прохорычъ.

— А коли клятвы нѣтъ и молчанье не наложено, замѣтилъ Патапъ Максимычъ,—зачѣмъ насъ въ невѣдѣньи держишь? Здѣсь все свои люди, твои старые друзья, пріятели кондовые, а кого не знаешь—чада ихъ и домочадцы.

Молчалъ Якимъ Прохорычъ.

— Видно, долгая разлука да дальное странство холодитъ старую дружбу, промолвилъ вполголоса Патапъ Максимычъ, обращаясь къ куму Ивану Григорьичу.

— Скажу, промолвилъ Якимъ Прохорычъ.—Только не при женщинахъ бы говорить....

— Ахъ, батька! Мы уйти можемъ, сказала Аксинья Захаровна. — Настя, вели-ка Матренѣ заѣдки въ заднюю перенесть. Пойдемте въ мою келью, Арина Васильевна, Грунюшка, Параша. Никифору-то не уйти ли тоже съ нами, Максимычъ?

— Ступай-ка и въ самомъ дѣлѣ съ ними, Никифоръ Захарычъ, сказалъ Патапъ Максимычъ.

Никифоръ пошелъ; съ горестью увидѣлъ онъ, что Матрена въ заднюю перенесла только сладкія заѣдки. Разноцвѣтные графины съ соблазнительною влагой и всякія закуски оставлены были, по приказу Патапа Максимыча, въ передней горницѣ.

Стуколовъ обвелъ собесѣдниковъ глазами и началъ:

— Вотъ вѣдь вы тысячники, братцы, вѣдь вы богатѣи. Пересчитать только ваши денежки такъ ,не разъ устанешь.... А что передъ вами я?... Странникъ убогій, нищій, калика перехожій.... А знаете ли вы, что стоитъ мнѣ только захотѣть, такъ я богаче всякихъ милліонщиковъ стану? Не хочу только. Отрекся я отъ богатства.

— Ну, такъ насъ научи какъ милліонщиками сдѣлаться, сказалъ удѣльный голова.

— И научу. И будете милліонщиками, отвѣчалъ Стуколовъ.—Будете, безпремѣнно будете. Мнѣ не надобно богатство!... Вотъ передъ Богомъ вѣрное слово говорю.... Только работы тутъ маленько отъ васъ потребуется.

— Какой же это работы? опять спросилъ голова.

— Не больно чтобы тяжелой; управиться сможете. Да не о томъ теперь рѣчь покамѣсть. Земляного масла хотите?

Всѣ переглянулись въ недоумѣніи.

— Какое же это масло? спросилъ у Стуколова Патапъ Максимычъ.

— Не знаешь?... Не слыхалъ?... съ лукавою усмѣшкой отвѣчалъ паломникъ. А изъ чего это у тебя сдѣлано, спросилъ онъ Патапа Максимыча, взявши его за руку, на которой для праздника надѣты были два дорогіе перстня.

— Изъ золота, отвѣчалъ онъ.

— А по-нашему это земляное масло. Видалъ ли кто изъ васъ какъ оно въ землѣ-то сидитъ?

— Кому видѣть? Никто не видалъ, отозвался Чапуринъ.

— А я видалъ. Бывало какъ жилъ въ сибирскихъ тайгахъ, и самъ доставалъ маслецо, и это дѣло вдоль и поперекъ знаю. И не въ проносъ слово будь сказано, знаю какими способами можно его и въ Россію предоставлять. Смекаете?

— Да вѣдь это далеко, замѣтилъ Патапъ Максимычъ.— Въ Сибири. Это намъ не рука.

— И поближе найдемъ, отвѣчалъ паломни[illegible]
вы ходите, по чистому серебру бродите. [illegible]
это, братцы?

— Да не уже ли у насъ за Волгой есть золото? Никакъ этого быть не можетъ, Якимъ Прохорычъ. Шутки ты шутишь надъ нами, сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Извѣстно, что въ Осиповкѣ кромѣ песку да илу нѣтъ ничего. А по близости найдется, сказалъ Стуколовъ.—Слушайте-ка вы: дорогой, какъ мы изъ австрійскихъ предѣловъ съ епископомъ въ Москву ѣхали, разказывалъ я ему про свои хожденья по дальнимъ странамъ, говорилъ и про то какъ въ сибирскихъ тайгахъ землянымъ масломъ я заимствовался. Епископъ тутъ и открылся: допрежъ, де, онъ въ Москвѣ постоялый дворъ въ Рогожской держалъ, и нѣкіе отъ нашихъ христіанъ земляное масло ему изъ Сибири важивали, въ рыбѣ: въ осетрахъ да въ бѣлугахъ, еще въ меду. Братъ епископа, привезенному маслецу путь-дорогу указывалъ, куда, значитъ, идти ему слѣдуетъ. Хоть дѣло это и запретное, да ничего—находились такіе люди, что съ радостью земляное масло покупали. Начальство однако свѣдало. Тогда и пришло на мысль епископу, чѣмъ тайнымъ обытомъ земляного масла займоваться, лучше настоящимъ дѣломъ, какъ есть по закону, золото искать. Въ Сибирь не одинъ разъ ѣздили Жировы пріиски открывать. Тамъ золотой пріискъ найти не мудреное дѣло, только нашему брату не дадутъ имъ пользоваться. Ты сыщешь, а богатый золотопромышленникъ у тебя изъ-подъ носу его выхватитъ да къ своимъ рукамъ приберетъ, а тебя изъ тайги-то въ зашей, чтобъ и духа твоего тамъ не было. Это такъ, это ужъ я самъ видалъ: не разъ на моихъ глазахъ такъ бывало, какъ я въ Сибири проживалъ. И узналъ преосвященный нашъ владыка, что не далече отъ его родины, въ Калужской, значитъ, губерніи, есть золото. Поглядѣли, въ самомъ дѣлѣ нашли золотой песокъ. Не оглашая дѣла, купили они золотоносное мѣсто у тамошняго барина, пятьдесятъ десятинъ. Въ Петербургъ пробы возили; тамъ пробу дѣлали и сказали, что точно тутъ золото есть. * Разказавши мнѣ про такое дѣло, епископъ Софроній

---

* Истинное происшествіе. Авфоній Кузьмичъ Кочуевъ, извѣстный въ исторіи раскола какъ дѣятель по учрежденію австрійской старообрядческой іерархіи, которому и первоначальная мысль объ устроеніи ея принадлежитъ, вмѣстѣ съ братьями Жировыми (Степаномъ, послѣ епископъ Софроній, и Васильемъ Трифоновымъ), купцомъ Заказновымъ и племянникомъ своимъ Александромъ Михайловичемъ

и говоритъ мнѣ: „Этимъ дѣломъ теперь мнѣ заимствоваться никакъ невозможно, потому санъ мой не дозволяетъ, но есть, говоритъ, у меня братья родные и други пріятели, они при томъ дѣлѣ будутъ. А вотъ еще, говоритъ, передъ самымъ отъѣздомъ моимъ въ Бѣлу-Криницу, вѣрные люди мнѣ отписывали, что за Волгой водится золото по тамошнимъ лѣсамъ. Я, говоритъ, тебя туда за мѣсто послушанія пошлю спровѣдать, правду ли мнѣ отписывали. Какъ человѣкъ бывалый, можешь ты этимъ дѣломъ орудовать. А если золото за Волгой найдешь, предложи тамъ изъ христіанъ, священную нашу іерархію пріемлющихъ, не пожелаетъ ли кто вмѣстѣ со мной то золото добывать“.... Ну, вотъ и пришелъ я сюда, творя волю пославшаго мя епископа.

— Ну что жь, нашелъ? съ нетерпѣньемъ спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Видимо-невидимо! отвѣчалъ Стуколовъ.—Изойди ты всю Сибирь вдоль и поперекъ, такихъ богатыхъ пріисковъ нигдѣ не сыщешь. Масло само изъ земли лѣзетъ. Глядите!

И вынувъ изъ кармана большой замшевый мѣшокъ, въ

Кочуевымъ, женатымъ на вдовѣ Жирова (брата епископу Софронію), искали золото въ Калужской губерніи. Кочуевъ для того въ 1849 году купилъ у г. Поливанова 50 десятинъ земли, и чтобы не огласить цѣли покупки, говорилъ, что думаетъ устроить тамъ химическій заводъ. Купецъ Заказновъ привезъ въ Петербургъ камень и непромытый песокъ съ глиной, говоря, что они взяты въ Калужской губерніи на купленной у г. Поливанова Кочуевымъ землѣ. По свидѣтельству пробирера Гронмейера, въ пудѣ непромытаго песка съ глиной найдено было $6\frac{1}{4}$ долей золота и 25 долей серебра, а въ каждомъ пудѣ истолченнаго камня 15 долей золота и 25 долей серебра. Заказновъ объ этомъ заявилъ департаменту горныхъ и соляныхъ дѣлъ. Департаментъ 3-го декабря 1849 года (№ 701) объявилъ Заказнову, что онъ можетъ представить камень для изысканія, но это изысканіе не будетъ еще достаточно по неимѣнію удостовѣренія въ томъ, что камень дѣйствительно взятъ изъ указываемаго имъ мѣста, и что онъ долженъ представить образцы, взятые изъ открытыхъ мѣсторожденій при бытности и засвидѣтельствованіи чиновника московскаго горнаго правленія. Такихъ образцовъ представлено не было. Кочуевъ въ это время рассорился съ Жировыми, и исканіе золота въ Калужской губерніи прекратилось. Кочуевъ, Жировы и нѣкоторые другіе старообрядцы въ то же время искали золота въ Костромской губерніи, въ Варнавинскомъ и Ветлужскомъ уѣздахъ.

какихъ обыкновенно крестьяне носятъ деньги, Стуколовъ развязалъ его, и густая струя золотаго песку посыпалась изъ мѣшка на чайное блюдечко, стоявшее передъ паломникомъ.

Всѣ столпились вокругъ стола и жадно смотрѣли на золотую струю. Никто ни слова, ни звука. Даже дыханіе у всѣхъ сперлось. Только маятникъ стѣнныхъ часовъ мѣрно чикалъ за перегородкой.

Вдругъ скрипъ полозьевъ. Сани остановились у воротъ. Внизу забѣгали, въ сѣняхъ засуетились.

Патапъ Максимычъ очнулся изъ забытья и побѣжалъ встрѣчать гостей. Паломникъ, не торопясь, высыпалъ золотой песокъ съ блюдечка въ замшевый мѣшокъ и крѣпко завязалъ его.

— Гдѣ нашелъ? Въ какомъ мѣстѣ? спрашивалъ его Алексѣй, едва переводя духъ отъ волненія и хватая паломника за руку.

— А неподалеку отсюда, въ лѣсу.... равнодушно молвилъ Стуколовъ, кладя мѣшокъ въ карманъ. — Я всѣ мѣста высмотрѣлъ, всѣ знаю....

Глаза Алексѣя горѣли. „Вотъ счастья Богъ посылаетъ, думалъ онъ, накопаю я этого земляного масла, тогда Патапъ Максимычъ перечить не будетъ.“

Патапъ Максимычъ вошелъ въ горницу, ведя подъ руку старика Снѣжкова. За ними шелъ молодой Снѣжковъ.

АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКІЙ.

(Продолженіе будетъ.)

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО

ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ

Извѣстно, что партія, представляемая въ литературѣ *Вѣстью* и *Новымъ Временемъ*, употребляетъ всѣ усилія, чтобы представить въ самомъ мрачномъ видѣ какъ порядокъ исполненія реформъ, составляющихъ славу нынѣшняго царствованія, такъ и всѣ ихъ послѣдствія и результаты. Въ числѣ другихъ преобразованій, крестьянское дѣло западной Руси привлекаетъ къ себѣ усиленное вниманіе этой доброжелательной партіи, и ея органы силятся увѣрить, что реформа раззорила и пановъ, и крестьянъ, что она велась съ 1863 года на соціальныхъ и революціонныхъ основаніяхъ, что она осуществлялась людьми исполненными коммунистскихъ стремленій—грабительски-несправедливо относительно помѣщиковъ. Еще недавно главныя усилія партіи направлялись на сѣверо-западный край; нынѣ, относительно этого края, цѣль, повидимому, считается достигнутою, и партія не скрываетъ надежды, что остающаяся еще неутвержденною треть актовъ будетъ, при измѣненномъ составѣ мировыхъ учрежденій, измѣнена согласно съ ея указаніями и что даже вошедшіе въ силу выкупные акты будутъ измѣнены, на что̀ подаетъ надежду проектъ исправленія повѣрочныхъ дѣйствій, затрогивающій крестьянское дѣло сѣверо-западныхъ губерній по всѣмъ пунктамъ.

Въ послѣднее время усиленная работа партіи *Вѣсти* направлена на ходъ крестьянскаго дѣла въ юго-западномъ краѣ,

и недавно эта газета, среди неутѣшныхъ сѣтованій объ объѣдненіи тамошнихъ крестьянъ, публиковала слѣдующій обвинительный актъ, изложенный въ формѣ вопросовъ *Московскимъ Вѣдомостямъ* и *Кіевлянину*:

„1) Сколько всего числилось инвентарной земли, и сколько отчислено теперь крестьянамъ по выкупнымъ договорамъ и по выкупнымъ актамъ? При этомъ не можемъ не выразить желанія, чтобы была показана цифра, дѣйствительно значащаяся въ инвентарныхъ выпискахъ, а не цифра „открытій", произведенныхъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ.

„2) Сколько всего душъ надѣлено помѣщичьею землей?

„3) Сколько изъ отведенной крестьянамъ земли показано въ выкупныхъ актахъ неудобною?

„4) Сколько назначено выкупныхъ платежей на вышеозначенныя, отчисленныя крестьянамъ земли?

„5) Какъ велика сумма, на которую понижены выкупные платежи?

„6) Сколько *остатковъ* зачислено крестьянамъ, и платятъ ли они что-либо за эти остатки?

„7) Въ силу какого закона крестьянамъ предоставлено пасти скотъ въ помѣщичьемъ лѣсу?

„8) Какъ велика сумма, въ которую обошлось содержаніе коммиссій, губернскихъ присутствій, мировыхъ учрежденій, землемѣровъ и пр. со времени начала повѣрочныхъ работъ?

„9).... На сколько право выпаса и общая толока споспѣшествуютъ сельскому хозяйству; а право пасти скотъ въ лѣсахъ—произрастенію этихъ лѣсовъ?"

Допросы *Вѣсти* сами по себѣ не заслуживали бы вниманія, но, къ сожалѣнію, мы узнаемъ въ нихъ нѣсколько искаженныя обвиненія, изложенныя въ нѣкоторыхъ весьма знакомыхъ намъ проектахъ.

Въ настоящей статьѣ читатели найдутъ отвѣты на обвинительные вопросы *Вѣсти* преимущественно относительно крестьянскаго дѣла въ сѣверо-западномъ краѣ, такъ какъ намъ удалось получить подробныя свѣдѣнія только изъ Вильны. Они заключаются преимущественно въ восьми таблицахъ, которыя мы приведемъ ниже, изъ коихъ первая, изображающая положеніе выкупной операціи по Ковенской губерніи по 1-е іюля 1868 года, составлена въ Ковенскомъ губернскомъ присутствіи, а слѣдующія семь, представляющія выкупную операцію по 1-е декабря 1867 года въ губерніяхъ Виленской, Минской, Гродненской, Могилевской, Витебской,

кромѣ Инфляндскихъ уѣздовъ и по Инфляндскимъ уѣздамъ, составлены въ Виленской генералъ-губернаторской совѣщательной коммиссіи по крестьянскому дѣлу.

Если разсматривать крестьянскую реформу не выходя изъ рамокъ законоположеній, непосредственно до нея относящихся, и не видѣть въ ней ничего дальше вопроса объ окончательномъ разчетѣ помѣщиковъ съ крестьянами, то и при этомъ узкомъ взглядѣ нѣтъ возможности ограничиться простыми отвѣтами на приведенные обвинительные пункты *Вѣсти*. Считаемъ необходимымъ разъясненію ихъ предпослать бѣглый очеркъ хода крестьянскаго вопроса въ западной Руси.

Прежде всего мы постараемся выяснить то замѣчательное обстоятельство, что паны сѣверо-западныхъ губерній во всѣхъ фазисахъ, чрезъ которые проходилъ крестьянскій вопросъ въ краѣ, всегда умѣли добиться исключительныхъ льготъ. Одни лишь литовскіе паны ушли отъ исполненія инвентарныхъ правилъ 1848 года. Въ Положеніи 19-го февраля 1861 г. паны снова добились исключеній въ свою пользу, ибо въ западной Руси лишь для литовскихъ губерній допущены отступленія отъ общихъ началъ, принятыхъ для крестьянской реформы. Сущность мѣръ, принятыхъ при управленіи графа Муравьева, состояла прежде всего въ стремленіи вывести крестьянское дѣло сѣверо-западныхъ губерній изъ того исключительнаго положенія, въ которое оно было поставлено. Затѣмъ, еще при графѣ Муравьевѣ, начинаются старанія къ возвращенію исключительныхъ льготъ, достигшія нынѣ надежды подвергнуть вопросу почти все сдѣланное по обязательному выкупу.

Выяснивъ эти обстоятельства, мы перейдемъ къ сравненію поземельнаго обезпеченія, даннаго крестьянамъ западной Руси „разбойничьими" коммиссіями и посредниками - „грабителями", съ окончательными поземельными надѣлами, полученными крестьянами малороссійскихъ и великорусскихъ губерній. Приводимыя здѣсь данныя по выкупу во внутренней Россіи взяты изъ вѣдомости о положеніи выкупной операціи по 1-е января 1868 года, публикованной въ № 45 *Сѣверной Почты*. Къ сожалѣнію, въ этой вѣдомости приводятся цифры лишь по губерніямъ, а не по уѣздамъ. Сравнивая поземельные надѣлы различныхъ уѣздовъ сѣверо-западнаго края и выясняя чрезвычайныя особенности этихъ надѣловъ, мы

съ тѣмъ вмѣстѣ представимъ отвѣты на главнѣйшія нападенія *Вѣсти*, какъ перечисленныя въ приведенномъ обвинительномъ актѣ, такъ и разсѣянныя по множеству ея статей.

Въ заключеніе сдѣлаемъ подробное сравненіе выкупныхъ оцѣнокъ западнаго края съ оцѣнками внутреннихъ губерній и преимущественно малороссійскихъ губерній, которыя собственно однѣ, по условіямъ надворнаго хозяйства, сходствуютъ съ западными губерніями.

Въ нашемъ обзорѣ мы обращаемся къ юго-западному краю по стольку, по скольку имѣемъ свѣдѣнія о ходѣ въ немъ крестьянскаго дѣла, а они ограничиваются для насъ вѣдомостями *Сѣверной Почты*.

Изъ обзора главныхъ элементовъ крестьянскаго дѣла въ западной Руси читатели усмотрятъ, на сколько справедливы обвиненія тамошнихъ посредниковъ и повѣрочныхъ коммиссій въ грабительствѣ, и на сколько вызывается обстоятельствами крутой переломъ въ тамошней крестьянской реформѣ, который уже предлагается для сѣверо-западнаго края и, вѣроятно, вскорѣ будетъ агитированъ и для юго-западнаго.

I.

Крестьянское населеніе западной Руси и въ особенности сѣверо-западной, закрѣпощенное иноплеменному дворянству, вынесло на себѣ такую тяжесть крѣпостнаго права, какая внутри Россіи являлась лишь въ видѣ злоупотребленія и исключенія. „Подчиненные помѣщикамъ, чуждымъ имъ по происхожденію,“ писалъ одинъ изъ генераловъ, главнокомандовавшихъ войсками въ западномъ краѣ, въ 1863 г., „они (крестьяне) испытываютъ все, что испытывалъ черный человѣкъ на плантаціяхъ Миссиссипи.“ Почти всѣ западно-русскіе крестьяне отбывали панамъ и ихъ арендаторамъ барщину, доведенную до предѣловъ возможности. Крестьянамъ оставляли лишь столько времени и силъ, чтобъ они могли кой-какъ поддержать свое существованіе. Иногда мы видимъ, что земли крестьянъ и они сами были доведены до такого разоренія, что самое Положеніе 19-го февраля и крутыя мѣры обязательнаго выкупа оказались безсильны вполнѣ исправить вѣковое разстройство. Можно смѣло сказать, что среднее

положеніе западно-русскихъ крестьянъ вполнѣ равнялось бѣдствіямъ крестьянъ въ имѣніяхъ до тла разоренныхъ внутренней Россіи. Въ одной лишь Ковенской губерніи, гдѣ такъ велики удобства сбыта и высоки цѣны, считалось около $^1/_3$ крестьянъ на непомѣрномъ оброкѣ, но и тутъ сравнительное благосостояніе хозяевъ выкупалось обезземеленіемъ едва ли не цѣлой четверти общаго числа крестьянъ (24% батраковъ). Западная Русь знала промыслы лишь въ видѣ отдачи рабочихъ силъ въ кабалу подрядчика. Народъ, доведенный до положенія рабочаго скота, выродился вмѣстѣ съ нимъ, и нѣтъ, конечно, злосчастнѣе существа, какъ низкорослый, малосильный панскій крестьянинъ Бѣлоруссъ, съ его маленькою телѣжкой безъ желѣза, съ маленькою, точно мхомъ обросшею лошадью. Западно-русскіе крестьяне въ такой мѣрѣ были доведены до состоянія товара, что подъ конецъ даже промышленники Великоруссы стали покупать у пановъ этихъ „Поляковъ“ для отправленія рекрутской повинности.

Крестьянскій вопросъ въ западной Руси возбужденъ императоромъ Николаемъ въ сороковыхъ годахъ. Въ началѣ этого вопроса и въ концѣ его мы видимъ приготовителями реформы двухъ замѣчательнѣйшихъ людей послѣдняго времени, Д. Г. Бибикова и гр. М. Н. Муравьева, такъ во многомъ похожихъ одинъ на другаго. Оба они придавали крестьянскому дѣлу въ западной Руси значеніе вопроса политическаго, оба они не могли исполнить до конца проектированныя реформы,—черта характерная въ дѣлѣ. Другая роковая черта, проходящая чрезъ всѣ фазисы крестьянскаго дѣла въ западной Руси, состоитъ въ томъ, что всякая мѣра къ улучшенію быта крестьянъ въ концѣ концовъ являлась для нихъ источникомъ новыхъ притѣсненій и еще горшихъ бѣдствій.

Въ рамкахъ нашей статьи мы можемъ напомнить ходъ западно-русскаго крестьянскаго дѣла лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

Подъ польскимъ владычествомъ, законъ обязывалъ пановъ руководствоваться въ отношеніи своихъ крестьянъ правилами управленія казенныхъ имѣній и люстраціей этихъ послѣднихъ. Правительство въ нѣкоторыхъ случаяхъ требовало отъ помѣщиковъ непремѣннаго представленія инвентарей, въ

которые должны были заноситься со всею подробностію отношенія владѣльца къ крестьянамъ. Извѣстно, какъ исполнялись законы въ государствѣ тысячи королей, особенно за послѣднее время существованія Польши, но все же, еще въ конституціи 1726 г., мы находимъ требованіе инвентарей.

Русское правительство, указомъ 23-го марта 1818 г., постановило, что паны не имѣютъ права требовать съ крестьянъ барщины свыше размѣровъ, назначенныхъ въ инвентаряхъ. Обходить законъ и обращать его въ свою пользу паны умѣли ещё и подъ польскою властію, но подъ русскимъ владычествомъ они дошли въ этомъ умѣньи до поразительнаго искусства. Указъ 1818 г. не имѣлъ никакого примѣненія. Инвентари, правда, существовали, даже составляли принадлежность каждаго устроеннаго имѣнія, но они имѣли значеніе простаго справочнаго описанія, необходимаго при сдачѣ имѣнія въ аренду, въ закладное управленіе и при всякомъ иномъ полномъ и неполномъ переходѣ имѣнія изъ рукъ въ руки. Затѣмъ въ инвентаряхъ съ большею или меньшею откровенностью и полнотой отразился произволъ пана и степень *тягостей* налагаемыхъ имъ на крестьянъ.

Въ 1844 г. императоръ Николай приказалъ образовать въ западныхъ губерніяхъ инвентарные комитеты, которые должны были привести въ извѣстность помѣщичьи инвентари, и устранивъ изъ нихъ *одни лишь рѣзкія* отступленія отъ составленнаго министерствомъ нормальнаго положенія объ инвентаряхъ, ввести ихъ дѣйствіе, съ утвержденія генералъ-губернаторовъ, на первый разъ не дальше какъ на 6 лѣтъ. По истеченіи этого срока предполагалось, по собраннымъ соображеніямъ и свѣдѣніямъ при работѣ инвентарныхъ комитетовъ, издать полныя и обязательныя правила для окончательнаго составленія и исполненія инвентарей. Инвентарные комитеты, подъ предсѣдательствомъ губернатора, состояли изъ трехъ членовъ изъ чиновниковъ и четырехъ членовъ отъ дворянства. Впрочемъ, губернаторъ могъ приглашать въ засѣданія комитетовъ четвертаго члена отъ правительства—предсѣдателя палаты государственныхъ имуществъ.

Указъ 1844 г. постигла въ губерніяхъ западной Руси весьма различная судьба.

Инвентари, составленные *въ юговосточномъ краѣ*, чрезвычайно различествовавшіе между собой въ опредѣленіи

повинностей, а также возбуждавшіе большое сомнѣніе въ опредѣленіи надѣла и качества почвы, не получили утвержденія кіевскаго генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова. По докладу его составленъ особый комитетъ, выработавшій утвержденныя 26-го мая 1847 г., правила для управленія имѣніями по инвентарямъ. Эти правила должны были служить руководствомъ при разсмотрѣніи представленныхъ инвентарей.

Паны югозападныхъ губерній добились нѣкоторыхъ измѣненій въ правилахъ 1847 года, но все же главныя основанія ихъ были сохранены при пересмотрѣ, выработавшемъ окончательныя правила 29-го декабря 1848 года.

Главныя основанія правилъ 1847 и 1848 годовъ состояли въ слѣдующемъ:

Крестьяне раздѣлены на *тяглыхъ*, имѣющихъ значительные надѣлы и отбывающихъ помѣщику по три дня упряжныхъ и одному женскому въ недѣлю, и *пѣшихъ*, имѣющихъ не менѣе половины нормальнаго тягольнаго надѣла и отбывающихъ два дня пѣшихъ и одинъ женскій.

Земля, означенная по инвентарямъ состоящею въ пользованіи крестьянъ, признана неприкосновенною мірскою. Въ случаѣ упадка хозяйства крестьянина и перехода его изъ тяглыхъ въ пѣшіе, изъ пѣшихъ въ батраки, въ случаѣ неимѣнія во дворѣ работника послѣ смерти хозяина и пр., освобождающаяся отъ крестьянскаго пользованія инвентарная земля (вакантная) могла возвращаться къ помѣщику лишь временно, но при первомъ требованіи крестьянъ должна была отдаваться имъ за инвентарныя повинности (§§ 6—9).

Вновь открытые инвентарные комитеты въ 1852 году пересмотрѣли инвентари, и они тогда же торжественно введены въ дѣйствіе во всемъ югозападномъ краѣ.

Въ высочайшемъ докладѣ о проектѣ правилъ 1848 года высказано предположеніе произвести окончательную люстрацію помѣщичьихъ земель по истеченіи 6 лѣтъ. Эта люстрація не состоялась, въ виду возникшихъ въ 1857 г. приготовленій къ упраздненію самого крѣпостнаго права.

Въ *Витебской* и *Могилевской* губерніяхъ, указъ 1844 г., хотя и позже, но все же привелъ ко введенію пересмотрѣнныхъ инвентарей. Предположенія сороковыхъ годовъ объ опредѣленіи повинностей крестьянъ въ $1/_{3}$ валоваго дохода съ крестьянскихъ земель встрѣтили усиленное противо-

дѣйствіе среди бѣлорусскихъ помѣщиковъ. Въ большей части имѣній инвентари приходилось составлять мѣрами правительства, а когда дѣло дошло до введенія ихъ, то показанные въ нихъ надѣлы оказались совершенно несогласными съ дѣйствительностью, а назначенныя повинности, хотя и высчитанныя какъ $1/_{3}$ дохода, крайне обременительными. Введеніе инвентарей въ Витебской и Могилевской губерніяхъ затормозилось, и наконецъ, въ декабрѣ 1852 года, приказано было составить въ нихъ инвентари на основаніи правилъ, изданныхъ въ 1848 году для югозападнаго края. Правила 1852 г. подвергнуты въ 1854 г. новому пересмотру, и наконецъ утверждены въ 1855 г. со слѣдующими главными основаніями:

Помѣщики обязывались дополнить крестьянскій надѣлъ до такого размѣра, чтобы на каждаго способнаго работника выходило не менѣе $4^{3}/_{4}$ дес. усадебной, пахатной и сѣнокосной земли, и теряли право уменьшать существующій надѣлъ, если въ немъ не было свыше 9 дес. на работника. Съ каждаго работника помѣщикъ могъ требовать не болѣе трехъ мужскихъ и трехъ женскихъ дней.

Впрочемъ, всѣ эти постановленія касались лишь имѣній, въ которыхъ существовала тягольная система пользованія землей, а имѣнія, въ которыхъ было подворное хозяйство, т.-е. всѣ Инфляндскіе уѣзды Витебской губерніи остались внѣ тогдашнихъ распоряженій правительства.

Судьба инвентарной реформы въ литовскихъ губерніяхъ гораздо оригинальнѣе.

Чрезвычайное разнобразіе различныхъ повинностей съ крестьянъ, которое послужило въ юго-западномъ краѣ одною изъ причинъ къ уничтоженію работъ инвентарныхъ комитетовъ 1844—1846 г., было допущено въ литовскихъ губерніяхъ правилами, изданными виленскимъ генералъ-губернаторомъ въ руководство тамошнимъ комитетамъ. Повинности раздѣлены на главныя, отбываемыя за отведенные крестьянамъ участки, и добавочныя, которыя крестьяне несли за пастбище, топливо, добавочныя выгоды и за „попечительность помѣщиковъ объ ихъ благосостояніи“. Главныя повинности опредѣлялись въ $1/_{3}$ валоваго дохода съ крестьянскихъ земель, но при этомъ разчетѣ рабочій день цѣнился до-нельзя дешево, пѣшій отъ 8 до 12 к. с., упряжной отъ 12 до 18 к.,

смотря по губерніямъ и уѣздамъ. Опредѣленіе размѣра крестьянскаго надѣла было предоставлено гунералъ-губернаторскими правилами самимъ панамъ.

Инвентарные комитеты во время хода самыхъ работъ добились еще большихъ уступокъ. Самъ виленскій генералъ-губернаторъ сообщилъ ковенскому комитету постановленія комитетовъ виленскаго и минскаго, которыми повинности за посредственные и хорошіе сѣнокосы опредѣлялась не въ $^1/_3$, а въ $^1/_2$ валоваго дохода.

Постепенно составляя, исправляя и вводя инвентари, комитеты литовскихъ губерній окончили свои труды въ 1847 г.

Въ 1852 г., когда истекалъ шести-лѣтній срокъ, на который вводились первоначальные инветари, и когда Д. Г. Бибиковъ былъ уже министромъ внутреннихъ дѣлъ, состоялось Высочайшее повелѣніе 22-го декабря, которымъ приказывалось ввести въ литовскихъ губерніяхъ новые инвентари, составленные на основаніи правилъ, изданныхъ въ 1848 г. для юго-западныхъ губерній.

Панамъ до-нельзя не понравилось признаніе крестьянской земли неприкосновенною и уменьшеніе повинностей. Сначала старались затормозить дѣло, но лишь началась Восточная война, паны поспѣшили воспользоваться затрудненіями правительства и усилили свои жалобы. Вопли эти были услышаны, и постановленіе секретнаго комитета 15-го апрѣля 1854 г. упразднило силу Высочайшаго повелѣнія 1852 г. и постановило новый пересмотръ правилъ 1848 г. Пересмотръ тянулся до 1857 года, когда литовскіе дворяне нашли выгоднымъ ходатайствовать объ уничтоженіи крѣпостнаго права.

Такимъ образомъ, изъ числа помѣщиковъ западной Руси одни лишь литовскіе паны сумѣли уйти даже отъ формальнаго введенія инвентарныхъ правилъ 1848 г. Это обстоятельство доказываетъ силу и искусство литовскихъ пановъ, но инаго существеннаго значенія не имѣетъ. Во всѣхъ западныхъ губерніяхъ инвентари на дѣлѣ почти не исполнялись и даже подали поводъ къ новому отягощенію крестьянъ.

По свидѣтельству могилевскаго губернатора, правила 1855 г. „въ сущности увеличивали повинности крестьянъ", хотя не всѣ помѣщики воспользовались этимъ увеличеніемъ, а иные сохранили прежній размѣръ барщины. (*Доп. докл. хоз. отд. ред. ком.* № 5, стр. 13.) Чиновники, командированные мини-

стерствомъ внутреннихъ дѣлъ, доносили, что повинности передѣланы несоразмѣрно съ предоставленными крестьянамъ землями. Генералъ-адъютантъ Мирковичъ подтверждалъ эти замѣчанія, а И. Г. Бибиковъ прямо свидѣтельствовалъ, что „инвентари, составленные въ пользу помѣщиковъ, вовсе не соотвѣтствуютъ своему назначенію". Министерство имѣло много свѣдѣній о томъ, что инвентари въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ вовсе не были объявлены крестьянамъ, и повинности исполнялись ими прежнія, съ прибавленіями. Кіевскій генералъ-губернаторъ князь Васильчиковъ свидѣтельствовалъ, что въ инвентаряхъ „пространство земли показано въ большемъ и меньшемъ количествѣ противъ дѣйствительнаго, въ иныхъ же вовсе не показаны нѣкоторыя земли, состоявшія въ пользованіи крестьянъ, а въ нѣкоторыхъ инвентаряхъ сдѣлано описаніе лишь въ общихъ выраженіяхъ, какъ напр: крестьяне пользуются левадами и сѣнокосами въ лѣсахъ *и т. д.*" (*Доп. докл. хоз. отд.* къ № 1, стр. 27.)

Паны югозападныхъ губерній, не успѣвъ затормозить введеніе инвентарныхъ правилъ 1848 г., тотчасъ начали глухую работу разрушенія инвентарей, преимущественно чрезъ уменьшеніе крестьянской земли. Впрочемъ, относительно обезземеленія крестьянъ, паны не отставали и въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, за исключеніемъ, можетъ-быть, лишь Могилевской и части Витебской губерній, гдѣ земля слишкомъ малоцѣнна. Редакціонныя коммиссіи были поражены открывшеюся чрезвычайною разницей между показаніями крестьянской земли въ инвентаряхъ и въ описаніяхъ имѣній, которыя представлялись помѣщиками 1858 г. Въ Кіевской губерніи значилось по инвентарямъ 1.227.829 дес. крестьянской земли, а въ описаніяхъ имѣній оказалось ея 976.944 дес.

Въ редакціонныхъ коммиссіяхъ было засвидѣтельствовано, что обезземеленіе крестьянъ производилось слѣдующими тремя пріемами:

a) сокращеніемъ числа крестьянскихъ дворовъ;

b) переводомъ крестьянъ изъ высшихъ разрядовъ надѣла въ пѣшіе, т.-е. увеличеніемъ числа пѣшихъ хозяйствъ, огородниковъ, батраковъ и пр., и

c) уменьшеніемъ размѣра крестьянскихъ участковъ.

Къ этимъ тремъ способамъ слѣдуетъ прибавить четвертый, оставшійся неизвѣстнымъ редакціоннымъ коммиссіямъ, а именно, записку крестьянъ въ вольноотпущенные. Помѣщикъ

сгонялъ крестьянъ своихъ въ городъ, записывалъ ихъ тамъ въ мѣщане, и затѣмъ крестьяне возвращались въ имѣніе простыми арендаторами земель.

Люди, жившіе въ западномъ краѣ, знаютъ изъ множества свидѣтельствъ и разказовъ, что до послѣдняго времени въ западномъ краѣ закона не существовало, а царила лишь панская воля. Поляки обвиняютъ въ этомъ неудовлетворительность и безсиліе русской администраціи, но надо вспомнить, что эта администрація, какова бы она ни была, получила тяжкое наслѣдство всей польской безурядицы, подъ русскимъ владычествомъ выработавшей необычайное умѣнье обходить законъ и обращать его въ свою пользу. Нечего удивляться, что записанные вольноотпущенными не получали никакихъ документовъ на руки и оставались прежними крѣпостными.

Переходимъ теперь ко второму фазису западно-русскаго крестьянскаго дѣла, къ приготовленію Положенія 19-го февраля 1861 года.

Начальныя распоряженія по крестьянскому вопросу, касающіяся западной Россіи, не отличаясь выдержкой и послѣдовательностію, обнаруживаютъ, что правительство не имѣло достаточныхъ свѣдѣній для того, чтобы сразу стать въ опредѣленныя отношенія къ крестьянскому дѣлу западныхъ губерній. Въ то же время вполнѣ ясно, что правительство отнюдь не намѣревалось признать въ этомъ дѣлѣ какія либо начала, значительно отступающія отъ предписанныхъ для всей Россіи.

Въ знаменитомъ высочайшемъ рескриптѣ отъ 20-го ноября 1857 г., данномъ виленскому военному, ковенскому и гродненскому генералъ-губернатору, въ отвѣтъ на ходатайство литовскаго дворянства объ освобожденіи крестьянъ, ни словомъ не упоминается объ инвентарныхъ правилахъ. Между тѣмъ минскому губернатору посланъ рескриптъ 18-го мая 1858 г., тождественный съ рескриптомъ кіевскому генералъ-губернатору, и въ немъ сказано: „Развитіе сихъ началъ и примѣненіе ихъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ—каждой изъ обозначенныхъ губерній, *на основаніи инвентарныхъ правилъ, нынѣ дѣйствующихъ въ сихъ губерніяхъ* *, предоставляется губернскимъ комитетамъ.“ Ясно, что пропускъ подчеркну-

* Курсивъ подлинника, *Сборн. правит. распор.*, т. I, изд. 2-е, стр. 8.

тыхъ словъ въ виленскомъ рескриптѣ зависѣлъ отъ какой-либо случайности, — иначе ихъ не было бы и въ минскомъ. Введеніе инвентарныхъ правилъ въ Минской губерніи находилось точно въ такомъ же положеніи, въ какомъ оно было въ губерніяхъ, составлявшихъ тогдашнее виленское генералъ-губернаторство.

Что правительство отнюдь не намѣревалось допускать какихъ-либо исключительныхъ льготъ въ пользу западно-русскихъ пановъ и полагало примѣнить одинаковыя начала освобожденія по всей Россіи, ясно изъ того, что во всѣхъ рескриптахъ, данныхъ какъ западно-русскимъ, такъ и всѣмъ остальнымъ губернаторамъ, буква въ букву одинаково излагается слѣдующее основное положеніе реформы:

„Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ предоставляется ихъ *усадебная* осѣдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа, сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ *надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ*, для обезпеченія ихъ быта и выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.“

Вслѣдъ за рескриптами, какъ извѣстно, слѣдовали дополнительныя отношенія министра внутреннихъ дѣлъ, въ которыхъ излагались соображенія, представлявшія дальнѣйшее развитіе установленныхъ рескриптами главныхъ основаній.

Три губернатора западныхъ губерній: витебскій, могилевскій и *минскій* получили отношенія, представлявшія буквальное повтореніе сообщеній посланныхъ къ остальнымъ русскимъ губернаторамъ, и при нихъ точно также приложено дополнительное отношеніе 5-го декабря 1857 года, данное с.-петербургскому генералъ-губернатору. Въ западный край отзывъ министра внутреннихъ дѣлъ отправленъ лишь 12-го марта 1858 г. и отличается отъ прочихъ лишь нѣкоторыми незначительными дополненіями. Въ этомъ отношеніи опять сказано, что регулированіе надѣловъ должно быть сдѣлано „по соображенію“ съ инвентарными правилами.

Въ дополнительномъ отношеніи, посланномъ въ Вильну 21-го ноября 1858 г., мы видимъ не только примѣръ для всѣхъ остальныхъ мѣстностей и намѣреніе регулировать надѣлы и

повинности, но и встрѣчаемъ еще нѣкоторыя оговорки, какъ бы свидѣтельствующія объ опасеніяхъ за ходъ крестьянскаго дѣла въ литовскихъ губерніяхъ.

Во всѣхъ отзывахъ министра внутреннихъ дѣлъ, не исключая и кіевскаго, признается неприкосновенность земли отведенной въ пользованіе крестьянъ, но дозволяется обмѣнъ крестьянскихъ земель по соглашенію съ міромъ и съ утвержденія предполагавшихся тогда уѣздныхъ присутствій (п. 5 петербургскаго отн., п. 8 кіевскаго). Въ виленскомъ же отношеніи сказано безусловно:

„Земля, однажды отведенная въ пользованіе крестьянъ, не можетъ быть присоединена къ господскимъ полямъ, но должна оставаться въ пользованіи крестьянъ вообще.“

Замѣчательная вещь, звучащая теперь почти ироніей: изъ всѣхъ дополнительныхъ отношеній, разосланныхъ въ тогдашнее время министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, лишь въ одномъ виленскомъ высказывается забота о безземельныхъ крестьянахъ. Въ параграфѣ 7 этого отношенія читаемъ:

„Тамъ, гдѣ существуетъ подворное пользованіе землей и гдѣ земля, отведенная въ пользованіе крестьянъ, раздѣлена на поселки или фермы съ хозяевами и батраками, надо *принять мѣры къ возможному обезпеченію осѣдлости батраковъ* и къ положительному опредѣленію отношеній ихъ къ хозяевамъ.“

Проекты губернскихъ комитетовъ югозападнаго края поступили на пересмотръ общей коммиссіи, образованной въ Кіевѣ; такая же общая коммиссія учреждена въ Вильнѣ, для Виленской, Гродненской и Ковенской губерній; комитеты Минской, Могилевской и Витебской представили свои проекты непосредственно въ министерство и въ редакціонныя коммиссіи.

Въ работахъ губернскихъ комитетовъ западнаго края и тамошнихъ общихъ коммиссій открыто заявлены стремленія обойти предписанныя начала реформы и даже по возможности избавиться отъ обязанностей, наложенныхъ инвентарными правилами. Минскій комитетъ проектировалъ предоставить землю крестьянамъ лишь на 6-лѣтній срокъ, а затѣмъ обратить ихъ въ простыхъ арендаторовъ. Подобное же предпо-

ложеніе высказано витебскимъ комитетомъ для Инфляндскихъ уѣздовъ и меньшинствомъ виленской общей коммиссіи, назначавшей 12 лѣтъ на оставленіе крестьянъ на помѣщичьей землѣ на опредѣленныхъ закономъ условіяхъ. Кромѣ того виленская общая коммиссія полагала отобрать на помѣщика: a) участки не достигающіе пяти десятинъ, b) всѣ односелья, c) земли отведенныя прислугѣ и работникахъ экономіи и пр. Коммиссія поясняла, что участки менѣе пяти десятинъ „не доставляютъ въ краѣ семейному землевладѣльцу достаточныхъ средствъ къ жизни и надѣлялись доселѣ помѣщиками не въ обезпеченіе быта, но въ помощь и для обезпеченія прочной осѣдлости тѣхъ лицъ, кои посредствомъ заработковъ въ томъ же имѣніи доставляютъ выгоду помѣщику, а себѣ способы къ жизни. Подобные рабочіе при уничтоженіи барщины будутъ необходимы для обработки помѣщичьихъ полей.“ Членъ коммиссіи отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, г. Колошинъ, замѣтилъ, что „вполнѣ достаточныя отъ земли средства для жизни семейнаго крестьянина не представляютъ и пяти-, а иногда и десяти-десятинные участки“; „что если коммиссія признаетъ надѣлы менѣе пяти десятинъ малыми, то, казалось, было бы справедливѣе прирѣзать недостающее количество, а не отнять все“, и что при недостаточномъ надѣлѣ крестьяне попрежнему станутъ искать заработковъ у помѣщиковъ. Въ то же время генералъ Назимовъ обращалъ вниманіе правительства на участь „членовъ семейныхъ крестьянъ, коихъ тѣ держатъ у себя въ работникахъ *не по нуждѣ въ нихъ*, а изъ необходимости, по неимѣнію свободной осѣдлости, которая могла бы сдѣлать послѣднихъ независимыми хозяевами“. Для уничтоженія чрезполосности та же коммиссія предлагала обратить въ пользу помѣщиковъ крестьянскія односелья и вообще всѣ отдѣльные, внѣ селеній расположенные крестьянскіе участки, а хозяевъ ихъ перевести въ разрядъ бобылей. Виленская коммиссія не допускала также никакихъ облегченій въ повинностяхъ для оброчныхъ крестьянъ. Кіевская общая коммиссія проектировала уменьшить тяглые и пѣшіе надѣлы до чрезвычайно низкихъ нормъ, а излишекъ противъ нихъ, могущій оказаться въ крестьянскихъ участкахъ, предоставить имъ на шесть лѣтъ за добавочныя повинности. По словамъ князя Васильчикова, кіевская общая коммиссія оброкъ назначала „весьма затруднительный и даже невозможный“ для крестьянъ.

Намъ случалось слышать отъ членовъ бывшихъ редакціонныхъ коммиссій откровенныя признанія въ томъ, что они, большею частію помѣщики внутреннихъ губерній, были далеко не достаточно знакомы съ условіями крестьянскаго быта въ западномъ краѣ. Этимъ обстоятельствомъ сильно пользовались депутаты отъ западныхъ губерній, да и не одни депутаты. Старались увѣрить, что подворное хозяйство въ западной Руси близко походитъ на фермерное, что тамошніе народные обычаи и понятія находятся въ непримиримомъ противорѣчіи съ какимъ бы то ни было *передѣломъ* земли, и что потому здѣсь вовсе невозможно регулированіе поземельнаго обезпеченія крестьянъ. Это, однако, не мѣшало стоять за отрѣзку у крестьянъ земли въ малоземельныхъ имѣніяхъ, но всякія измѣненія надѣла въ пользу крестьянъ признавались совершенно невыполнимыми. Въ настоящее время степень справедливости панскихъ увѣреній ясна для многихъ. Теперь извѣстно, что и въ западной Руси часть крестьянской земли, напримѣръ пастбища, состояла въ общемъ пользованіи крестьянъ, а хозяйство, похожее на чисто фермерное, нашлось лишь въ Ковенской губерніи, да и то преимущественно въ односельяхъ. Впрочемъ, извѣстныя нормы поземельнаго обезпеченія крестьянъ отнюдь не вели непремѣнно къ передѣлу участковъ, а могли быть исполнены увеличеніемъ или сокращеніемъ числа самихъ участковъ. Понятно, что подворное хозяйство затрудняло собственно отрѣзку земли у крестьянскаго общества, а не прирѣзку ея, тѣмъ болѣе, что изъ прирѣзанныхъ земель могли бы образоваться новые участки, какъ это принято Положеніемъ 19-го февраля для Малороссіи.

Депутаты и эксперты западныхъ губерній настаивали всего сильнѣе на томъ, что показанія земли въ инвентаряхъ не должны приниматься во вниманіе, какъ совершенно невѣрныя. Тутъ послѣдовали откровенія о томъ, что паны, боявшіеся опредѣленія повинностей по крестьянскому надѣлу, показывали въ инвентаряхъ крестьянской земли больше чѣмъ ея было въ дѣйствительности, а въ иныхъ случаяхъ даже больше чѣмъ было ея во всемъ имѣніи. Другіе помѣщики, опасавшіеся преимущественно пункта о неприкосновенности крестьянской земли, означали ее въ меньшемъ количествѣ противъ дѣйствительнаго, такъ что признаніе инвентарнаго надѣла, по собственнымъ словамъ экспертовъ и депутатовъ, привело бы къ несправедливымъ отрѣзкамъ

крестьянскихъ земель. Паны возставали противъ безусловнаго утвержденія инвентарнаго надѣла еще потому, что „оно повлечетъ за собой повѣрку крестьянскихъ земель въ каждомъ имѣніи и въ каждомъ селеніи и слѣдовательно можетъ подать поводъ, съ одной стороны, къ непріязненнымъ отношеніямъ между помѣщиками и крестьянами, съ другой же, быть-можетъ, даже къ злоупотребленіямъ со стороны тѣхъ лицъ, кому производство такой повѣрки будетъ поручено (стр. 51. *Доп. докл. хоз. отд.* № 1)." Итакъ, прежде чѣмъ повѣрочныя коммиссіи были рѣшены въ принципѣ, панскія жалобы на нихъ были уже готовы.

Какъ бы тамъ ни было, но старанія депутатовъ и экспертовъ въ западныхъ губерніяхъ взяли свое, и съ рѣшеніемъ крестьянскаго вопроса относительно этихъ губерній въ редакціонныхъ коммиссіяхъ и въ высшихъ инстанціяхъ повторилась судьба указа 1844 года: западно-русскіе паны получили льготы, не признанныя для внутреннихъ губерній. Положеніе обязало помѣщиковъ малороссійскихъ губерній дополнять недостаточные крестьянскіе надѣлы до извѣстнаго *minimum*, а въ части великорусскихъ губерній съ залежнымъ хозяйствомъ не затруднилось признать *указный* надѣлъ. Въ сѣверо-западной Руси, гдѣ именно происходило чрезвычайное стѣсненіе крестьянъ въ надѣлѣ, Положеніе не признало никакихъ нормъ крестьянскаго надѣла, а утвердило безъ ограниченій дѣйствительное пользованіе крестьянъ землей, за исключеніемъ лишь Могилевской губерніи и не-Инфляндскихъ уѣздовъ Витебской губерніи, подчиненныхъ мѣстному великорусскому Положенію. Относительно послѣднихъ двухъ губерній, докладъ ревизіонныхъ коммиссій выразился вполнѣ справедливо, сказавъ, что они „въ большей части своей во всемъ сходны съ сосѣдственными съ ними Бѣлорусскими уѣздами Смоленской губерніи, а сіи послѣдніе отличаются отъ великорусской части той же губерніи только своею бѣдностью". Тотъ же докладъ вполнѣ основательно признавалъ, что юго-западныя, а съ тѣмъ вмѣстѣ и сѣверо-западныя губерніи, кромѣ части Ковенской и Инфляндскихъ уѣздовъ, относительно надѣла и повинностей, какъ до введенія инвентарей, такъ и послѣ, существенно не отличались и не отличаются отъ Малороссіи, въ которой приняты нормы надѣловъ.

Въ виду торжественнаго объявленія инвентарей въ *юго-западномъ краѣ*, постановлявшихъ неприкосновенность кресть-

янской земли, Положеніе дало крестьянамъ право ходатайствовать о возвращеніи отобранныхъ инвентарныхъ земель, но обставило это право разными трудностями и постановило, согласно доводамъ депутатовъ, считать инвентарную землю не по цифрамъ инвентарей, а по дознаніямъ о настоящемъ ея количествѣ при объявленіи ихъ. Такимъ образомъ вакантныя земли или „открытія", противъ которыхъ такъ смѣло возстаетъ теперь партія *Вѣсти*, установлены по просьбѣ самихъ же пановъ.

Въ *сѣверо-западномъ краѣ* неприкосновенность крестьянской земли признана редакціонными коммиссіями лишь „законодательнымъ предположеніемъ правительства", и постановлено отдать крестьянамъ земли по дѣйствительному владѣнію, какъ выразился докладъ, „нынѣ за ними существующему, то-есть въ началѣ 1859 года" (стр. 52. *Доп. докл.* № 1). Просимъ читателя обратить вниманіе на означенный здѣсь годъ. Разумѣется, онъ очень хорошо извѣстенъ панамъ и побудилъ ихъ спѣшить обезземеленіемъ крестьянъ. Впрочемъ, въ Положеніи 1859-й годъ не значится; за крестьянами оставляется надѣлъ, бывшій у нихъ до (?) утвержденія Положенія (ст. 3). Инвентарный надѣлъ упоминается въ мѣстномъ Положеніи лишь въ ст. 5-й, которая даетъ право помѣщику возвращать себѣ всѣ неинвентарныя земли, предоставленныя крестьянамъ при переводѣ ихъ на оброкъ. Чтобы понять значеніе этого права, достаточно представить себѣ, къ какимъ громаднымъ отрѣзкамъ привело бы оно въ оброчныхъ имѣніяхъ внутренней Россіи, будь оно тамъ допущено.

Мѣстное Положеніе сѣверо-западныхъ губерній, кромѣ того, предоставляетъ помѣщикамъ право удерживать не менѣе $1/3$ земель имѣнія въ своемъ распоряженіи и отрѣзывать при этомъ крестьянскія земли, чрезъ сохраненіе числа участковъ. Въ юго-западномъ краѣ, гдѣ признана неприкосновенность крестьянской земли, разумѣется, подобнаго права помѣщикамъ не предоставлено. Во всѣхъ великорусскихъ губерніяхъ обезземеленнымъ крестьянамъ предоставлено право на полученіе надѣла. Оно дано даже дворовымъ, которые до обнародованія указа 2-го марта 1858 г. пользовались землей. Помянутымъ указомъ запрещалось перечисленіе крестьянъ во дворъ, то-есть обезземеленіе во внутреннихъ губерніяхъ. О надѣленіи землей безземельныхъ крестьянъ малороссійскихъ губерній состоялись Высочайшія повелѣнія въ 1858 г., и

редакціонныя коммиссіи составили о томъ отдѣльный докладъ. Въ юго-западномъ краѣ безземельные могли получать надѣлы изъ возвращаемыхъ инвентарныхъ земель. Во всей Россіи лишь въ однѣхъ литовскихъ губерніяхъ не принято никакихъ мѣръ къ возвращенію земель обезземеленнымъ крестьянамъ и къ обезпеченію батраковъ. Между тѣмъ нигдѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей Малороссіи, обезземеленіе крестьянъ не совершалось въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, какъ въ принѣманскихъ губерніяхъ.

Точно также во всей Россіи, не исключая юго-западнаго края, повинности крестьянъ были ограничены извѣстными нормами, и лишь въ однѣхъ принѣманскихъ губерніяхъ Положеніе 19-го февраля, отвергавшее для нихъ всякое значеніе инвентарей по надѣлу, сохраняло инвентарныя повинности съ нѣкоторыми облегченіями. Положеніе, правда, требовало, чтобы барщина была не свыше 23-хъ дней, оброкъ не выше трехъ руб. съ десятины, но эти нормы не имѣли почти никакого примѣненія, потому что на тощихъ земляхъ западной Руси подобныя повинности были вообще невозможны. Въ будущемъ Положеніе назначало люстрацію для всей западной Руси и учрежденіе для того особыхъ повѣрочныхъ коммиссій.

Такимъ образомъ принѣманскія губерніи получили исключительныя льготы. Литовскіе паны еще разъ ушли отъ исполненія началъ крестьянской реформы, принятой для западнаго края. Подивимся же искусству литовскихъ пановъ. Воспользовавшись незнакомствомъ русскихъ людей съ условіями крестьянскаго пользованія землей въ западной *Руси*, паны не только добились себѣ всяческихъ льготъ, но вскорѣ еще разыграли между нами роль притѣсненныхъ, обсчитанныхъ, обиженныхъ, преслѣдуемыхъ злоумышленниками, которые хотятъ внести смуту въ отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ.

Крестьянское дѣло внутри Россіи не только не встрѣтило организованнаго противодѣйствія помѣщиковъ, но именно въ средѣ помѣстныхъ дворянъ нашло множество посредниковъ, полагавшихъ всѣ свои усилія на точное исполненіе Положенія. Помѣщики внутреннихъ губерній примирились съ необходимыми жертвами для исполненія воли законодателя, улучшившей бытъ крестьянъ облегченіемъ въ повинностяхъ и достаточнымъ надѣломъ. Внутри Россіи крестьянское дѣло

вскорѣ перешло въ простой экономическій вопросъ объ окончательномъ разчетѣ между помѣщиками и крестьянами.

Ничего похожаго не видимъ мы въ западномъ краѣ. Объявленіе Положенія въ западной Руси было принято польскимъ дворянствомъ за объявленіе войны панскому вліянію на крестьянъ и сразу сплотило противъ правительства всѣ безчисленныя партіи, на которыя до тѣхъ поръ разбивалось панство. Эти партіи, конечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ продолжали бороться между собой, ссорились изъ-за средствъ борьбы съ правительствомъ, но въ крестьянскомъ дѣлѣ они дѣйствовали какъ одинъ человѣкъ. Небольшая партія красныхъ пріобрѣла значеніе лишь въ послѣдствіи. Нельзя не видѣть, что мятежъ 1863 года и то нетерпѣніе, съ которымъ паны рвались въ него, въ значительной мѣрѣ опредѣлялись озлобленіемъ на 19-е февраля. Сомнѣвающіеся пусть представятъ себѣ состояніе польскаго общества до и послѣ 19-го февраля, и отвѣтъ будетъ ясенъ. Послѣднее польское возстаніе начинается не съ января 1863 года, а съ марта 1861 г., когда крестьянамъ былъ прочтенъ манифестъ объ освобожденіи, когда, по словамъ хроники одного Бернардинскаго монастыря, костелы были опоганены русскимъ языкомъ этого манифеста.

Пріемы панскаго мятежа собственно противъ 19-го февраля теперь извѣстны русскому обществу. Они состояли:

а) въ подведеніи крестьянъ подъ экзекуціи, которыя предназначались панами для поколебанія довѣрія сельскаго населенія края къ правительству;

b) въ стремленіи сохранить зависимость крестьянъ отъ пановъ чрезъ возможное ухудшеніе поземельнаго надѣла и оставленіе обременительныхъ повинностей. Жалобы крестьянъ, читаемъ мы въ циркулярѣ 14-го августа 1863 г., „относятся преимущественно до слѣдующихъ предметовъ: 1) невѣрнаго обозначенія общаго въ селеніи количества земли; 2) совершеннаго непоказанія неудобныхъ земель; 3) отобранія покосовъ и стѣсненія въ выгонахъ; 4) невключенія въ надѣлъ земель, бывшихъ въ ихъ пользованіи до обнародованія Положенія 19-го февраля, и 5) неправильнаго исчисленія повинностей“. Кажется, этотъ лаконическій перечень достаточно краснорѣчивъ.

и с) въ уничтоженіи всякой самостоятельности крестьянскаго самоуправленія, для чего на выборныя крестьянскія

должности назначались посредниками вѣрныя лица даже не изъ крестьянъ, и оказывалась особая довѣренность шляхтичамъ волостнымъ писарямъ, однимъ изъ главныхъ агентовъ революціи.

Обсчитывая крестьянъ по всѣмъ пунктамъ, скрывая отъ нихъ права, данныя Положеніемъ, иногда даже не объявляя грамотъ въ имѣніяхъ, куда, однако, требовались экзекуціи, паны-посредники не жалѣли для крестьянъ лишь одной благодати, а именно—польскаго языка. Мировыя учрежденія польскаго состава не только употребляли польскій языкъ, но ввели его еще въ волостныя правленія по производству дѣлъ и введенію книгъ, а неграмотныхъ должностныхъ лицъ сихъ правленій снабдили именными печатями на польскомъ языкѣ (см. циркуляры 31-го августа и 3-го сентября 1863 г.).

„Крестьянское дѣло,—писалъ виленскій генералъ-губернаторъ М. Н. Муравьевъ 23-го августа 1863 г. къ министру внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуеву,—со времени обнародованія Положенія 19-го февраля 1861 года развивалось въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ при совершенно другихъ условіяхъ, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ Имперіи. Можно почти съ достовѣрностью сказать, что благодѣтельный законъ, улучшившій бытъ крестьянъ въ другихъ мѣстностяхъ, оставался здѣсь мертвою буквой. Мировые посредники изъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ, вскорѣ по вступленіи своемъ въ должность, старались всѣми зависящими отъ нихъ способами положить преграду къ развитію самостоятельной жизни крестьянъ съ ясною и худо скрываемою цѣлію—оставить ихъ надолго въ непосредственной зависимости отъ помѣщиковъ. Всѣ дѣйствія бывшихъ мировыхъ учрежденій носили на себѣ отпечатокъ или польской революціонной пропаганды, или угнетенія народа, съ тѣмъ чтобы доказать ему, что дѣйствительнаго облегченія своей участи они должны ожидать не отъ правительства, а только отъ бывшихъ своихъ помѣщиковъ.... Помѣщики.... такъ долго и такъ безнаказанно обманывали народъ, умышленно скрывая отъ него права и льготы дарованныя ему законодательствомъ 19-го февраля.... Большая часть уставныхъ грамотъ составлена неправильно; повинности крестьянъ исчислены невѣрно; въ весьма многихъ имѣніяхъ крестьянамъ не отведено земель слѣдующихъ имъ по мѣстному положенію, и почти повсемѣстно неудобныя земли, какъ не исключенныя изъ надѣла, обложены повинностями наравнѣ съ удобными. Въ такомъ явно противозаконномъ примѣненіи положеній слѣдуетъ искать начала и тѣхъ многочисленныхъ безпорядковъ, которые возникли въ здѣшнихъ губерніяхъ при введеніе въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ.“

Эти грамоты, введеніе которыхъ сопровождалось безсчетными экзекуціями, возбуждали такой ужасъ къ крестьянамъ, что графъ Муравьевъ циркуляромъ 17-го іюня 1864 г. долженъ былъ разрѣшить для имѣній, въ которыхъ грамоты еще не были введены, составлять прямо выкупные акты, „чтобы соблюденіемъ простой формальности не возбуждать напрасныхъ сомнѣній въ крестьянахъ, смотрящихъ на грамоты недовѣрчиво“.

Почтенный генералъ, слова котораго цитировали мы въ началѣ статьи, писалъ:

„Въ теченіи 12-го и 13-го февраля (1863 г.) ко мнѣ на квартиру были собраны четыре волости болѣе ожесточенныхъ противъ помѣщиковъ крестьянъ. Они не хотѣли вступать ни въ какія сдѣлки съ помѣщиками. Это было выражено мнѣ въ глаза самымъ обстоятельнымъ образомъ. Я говорилъ съ ними по нѣскольку часовъ и убѣдилъ всѣхъ перейти на оброкъ.... Мы помѣщикамъ не вѣримъ, говорили крестьяне, ни имъ, ни исправникамъ, ни посредникамъ, ни становымъ. Растолкуйте вы намъ, что намъ дѣлать. Земля у насъ такая, что мы не высѣваемъ три корца въ годъ. Вмѣсто барщины переходя на оброкъ, мы должны платить 45 р. въ годъ. Почти никто изъ насъ не въ состояніи платить столько. При моемъ разговорѣ съ крестьянами присутствовалъ мировой посредникъ Юхновецкій. По повѣркѣ дѣйствительно оказалось, что крестьяне обязаны отбывать отъ 400 слишкомъ дней въ годъ до 280 (не менѣе, считая и женскую барщину) барщины въ годъ. По переводѣ на оброкъ (считая 9 коп. за пѣшій день и 15 коп. за конный) полунищимъ крестьянамъ дѣйствительно приходится платить по 45 р. с. въ годъ.“

Настоящій ходъ крестьянскаго дѣла въ западномъ краѣ весьма долго скрывался отъ правительства и до самаго 1863 года не вызывалъ никакихъ особенныхъ мѣръ. Въ декабрѣ 1862 года были утверждены лишь первыя правила для дѣйствій повѣрочныхъ коммиссій; они показываютъ, что правительство продолжало еще довѣрять мѣстнымъ панамъ: къ участію въ повѣркѣ повинностей призывались представители обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ, и помѣщиковъ, и крестьянъ.

Въ началѣ 1863 года истинное положеніе дѣлъ обнаружилось; виленская администрація запретила посылку войскъ на экзекуціи и стала настойчиво ходатайствовать о скорѣйшемъ принятіи радикальныхъ мѣръ.

Указъ 1-го марта предписалъ обязательный выкупъ въ принѣманскихъ губерніяхъ и Инфляндскихъ уѣздахъ; 7-го марта предоставлено виленскому генералъ-губернатору удалять польскихъ посредниковъ, волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ и замѣнять посредническія должности по назначенію отъ правительства,—право сохраняющееся нынѣ во всей силѣ и для русскаго состава мировыхъ учрежденій; 19-го марта послѣдовалъ указъ объ уравненіи повинностей, въ которомъ въ первый разъ придается значеніе показанію земли въ инвентаряхъ; въ тотъ же день утверждены временныя правила о взносѣ крестьянами повинностей въ казначейства и о порядкѣ выдачи ихъ помѣщикамъ; 9-го апрѣля изданы новыя правила о составѣ и порядкѣ дѣйствій повѣрочныхъ коммиссій; въ этихъ правилахъ устранено участіе заинтересованныхъ сторонъ въ повѣркѣ повинностей. 1-го мая приказано производить окончательное отдѣленіе крестьянскихъ угодій отъ помѣщичьей земли на основаніи 112 ст. Положенія о выкупѣ, то-есть на основаніи общихъ узаконеній для полюбовнаго размежеванія дачъ частныхъ владѣльцевъ.

Всѣ эти распоряженія довольно извѣстны, и потому мы о нихъ не распространяемся. Всѣ они касались лишь прекращенія обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и опредѣленія повинностей, но они ни мало не рѣшали вопроса о всевозможныхъ нарушеніяхъ Положенія, допущенныхъ польскими посредниками, особенно по отводу надѣла и вообще по составленію уставныхъ грамотъ. Можно ли было признать всѣ эти нарушенія и не принять относительно ихъ какихъ-либо мѣръ, особенно въ виду того, что въ иныхъ имѣніяхъ грамоты не были еще составлены и, конечно, должны были составиться на иныхъ основаніяхъ?

Необходимость особой заботливости къ крестьянскому дѣлу западной Руси прекрасно объяснена въ цитированномъ выше письмѣ генерала М.

„Долгая служба и много ранъ дали мнѣ право на кусокъ хлѣба въ старости, писалъ онъ; долгая жизнь среди трудовъ и тревогъ — привычку давать цѣну обстоятельствамъ и не бояться сказать правду тамъ, гдѣ по совѣсти я это считаю нужнымъ. Въ виду всего что̀ тутъ происходитъ, въ виду возможнаго будущаго, я считаю неотразимо необходимымъ: дарованіе новыхъ правъ экономическихъ и юридическихъ

крестьянамъ * въ ущербъ здѣшнему дворянству, котораго пустая жизнь породила почти вездѣ рядъ тяжелыхъ затрудненій, которыя правительство приняло на себя. Эти льготы должны быть даны также точно здѣшнимъ крестьянамъ, какъ польскимъ, такъ и русскимъ, какъ кончившимъ уставныя грамоты и не кончившимъ, иначе возникнутъ новыя затрудненія. Онѣ должны облегчить крестьянамъ выкупную операцію, совершенно отстранить дворянъ отъ права вмѣшательства въ полицейскія дѣла земщинъ и дать крестьянамъ образовать свою полицію. Можетъ показаться, что пока все это вовсе не безотлагательно необходимо: эти мѣры дѣйствительно нужны крайне, какъ единственное средство для образованія въ народѣ контръ-революціи, какъ непреоборимый нравственный редутъ для правительства.

„Можно поддерживать сословія, хотя компрометтирующія правительство, но не обременяющія его, до тѣхъ поръ, пока эти сословія не платятъ интригами за поддержку, за уступки, добровольно принятыя на себя правительствомъ, за его въ ихъ же пользу заблужденія и ненамѣренныя ошибки. Но когда поддерживаемыя сословія начинаютъ работать въ ущербъ силѣ ихъ поддерживающей и именно опираясь на эту силу, опасно оставлять въ ихъ рукахъ могущественныя права, которыя они употребляютъ противъ своей естественной (?) поддержки.

„Все мною здѣсь сказанное не вызвано чѣмъ-либо другимъ, кромѣ дѣйствительной потребности....“

Графъ Муравьевъ свидѣтельствовалъ то же самое предъ высшими инстанціями, но представленіе его къ министру внутреннихъ дѣлъ написано съ гораздо меньшею рѣшительностію,—наполнено оговорками, косвенными оправданіями—и какъ бы съ предвидѣніемъ возраженій. Графъ Муравьевъ представляетъ о томъ, что необходимо оградить сельское населеніе отъ гнета и униженія „на сколько представляется въ настоящее время возможность“. Свои мѣры, долженствующія „положить прочное основаніе владычеству Россіи въ сѣверо-западномъ краѣ“, онъ оправдываетъ исключительнымъ состояніемъ края. „Спустя два-три мѣсяца, то-есть при большемъ успокоеніи края, онѣ (мѣры) будутъ уже несвоевременны и невозможны,“ говоритъ онъ. „Въ обыкновенное, не столь смутное время,“ пишетъ Муравьевъ, „мѣры эти не

* Прекратить обязательныя отношенія крестьянъ къ панамъ-помѣщикамъ, повѣрить ихъ надѣлъ землею, оцѣнить надѣлъ и повинность, вызвать мировыми посредниками людей русскихъ.

могли бы быть примѣняемы съ успѣхомъ, не возбудивъ неудовольствія, но при настоящихъ обстоятельствахъ онѣ возможны и положительно необходимы и непремѣнно послужатъ вѣрнѣйшимъ средствомъ къ совершенному умиротворенію края.“ Муравьевъ объясняетъ свои распоряженія и свои предложенія еще тѣмъ, что паны дали правительству извѣстныя права, возбуждая „всѣхъ вообще крестьянъ къ возстанію обѣщаніями дароваго надѣла“.

Въ чемъ же состояли распоряженія, потребовавшія стольких оговорокъ и какъ бы оправданій?

Главнѣйшія мѣры графа Муравьева были слѣдующія:

1) Циркуляромъ 14-го августа 1863 года предоставлено повѣрочнымъ коммиссіямъ входить въ разбирательство жалобъ на неправильное составленіе уставныхъ грамотъ, постановлять по дѣламъ такого рода свои рѣшенія и немедленно исправлять всѣ замѣченныя неточности, предоставляя крестьянамъ въ собственность, посредствомъ выкупа, всѣ слѣдующія имъ по мѣстному положенію земли.

2) Циркулярами 17-го августа 1863 года коммиссіи уполномочены принимать къ разбирательству жалобы крестьянъ на отобраніе у нихъ земель въ промежутокъ времени отъ составленія инвентарей до введенія уставныхъ грамотъ и надѣлять обезземеленныхъ крестьянъ участками въ 3 дес. удобной земли. Это постановленіе, какъ разъяснено въ отношеніи къ начальнику Витебской губерніи, ни мало не касается батраковъ, которые при самомъ составленіи инвентарей не владѣли землей. Въ циркулярѣ 14-го августа графъ Муравьевъ сослался на то, что по указу 1852 г. была признана неприкосновенность крестьянской земли. Въ послѣдствіи объяснилось, что многочисленные случаи обезземеленія крестьянъ относятся ко времени близкому объявленію Положенія, и графъ Муравьевъ издалъ новый циркуляръ 18-го октября 1863 г. Въ немъ сказано, что „подобныя распоряженія нѣкоторыхъ помѣщиковъ не могли соотвѣтствовать намѣреніямъ большинства дворянства, которое обязывалось (въ просьбахъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права) направлять свои дѣйствія не ко вреду, но къ улучшенію хозяйственнаго быта крестьянъ, и потому дѣйствія эти не могутъ быть признаны согласными съ сущностью Высочайшихъ рескриптовъ, призывавшихъ дворянство, согласно изъявленному имъ самимъ желанію, къ осуществленію его намѣреній, и съ главными

основаніями, указанными высшимъ правительствомъ для руководства губернскимъ дворянскимъ комитетамъ". На этомъ основаніи предписывалось возвращать обезземеленнымъ послѣ 1857 года участки, которыми они владѣли, въ полномъ ихъ размѣрѣ, въ случаѣ если эти участки не находятся во владѣніи другихъ крестьянъ, а иначе надѣлить такихъ обезземеленныхъ трехъ-десятинными участками.

Постановлено также возвращеніе земель отобранныхъ у цѣлыхъ селеній. Относительно обезземеленія, произведеннаго переселеніемъ крестьянъ и обмѣномъ угодій, если оказывалось, что крестьянскій надѣлъ при этомъ уменьшился противу владѣнія 1857 года, то помѣщикъ обязывался дополнить недостающее количество земли, а если новыя угодья оказывались худшаго качества, то крестьяне вознаграждались прирѣзкой земли.

Затѣмъ 21-го мая 1864 года приказано возвращать крестьянамъ участки непосредственно за признаніемъ за ними коммиссіей права на землю, не дожидаясь утвержденія выкупнаго акта, что̀ вполнѣ естественно, такъ какъ надѣленіе землей составляло дополненіе уставныхъ грамотъ.

Нѣкоторые изъ отобранныхъ у крестьянъ участковъ оказались въ арендѣ у старообрядцевъ, и графъ Муравьевъ 31-го января 1864 года предписалъ возвращать подобные *пустки* крестьянамъ лишь въ томъ случаѣ, если не окажется для нихъ въ имѣніи иныхъ участковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ признано, что участки, освободившіеся не чрезъ обезземеленіе, а по причинѣ смерти крестьянъ-хозяевъ, остаются въ полномъ распоряженіи помѣщика.

3) Графъ Муравьевъ сохранилъ сервитуты, состоявшіе въ правѣ пастьбы скота по лѣсамъ и паровымъ полямъ помѣщика, а также въ правѣ косить сѣно по помѣщичьему лѣсу, между деревьями. Какъ видно изъ циркуляра 24-го іюля 1863 года, графъ Муравьевъ сознавалъ неудобства „этой собственности въ собственности", но въ тогдашнее время было необходимо спѣшить скорѣйшимъ совершеніемъ выкупа, и не было времени замѣнять сервитуты отводомъ иныхъ угодій. Впрочемъ, по циркуляру 24-го іюля замѣна права покосовъ въ лѣсахъ участками луговъ, въ случаѣ несогласія крестьянъ на соглашеніе съ помѣщикомъ, рѣшалась повѣрочною коммиссіей, и лишь при несогласіи помѣщика сохранялось за крестьянами прежнее право, причемъ помѣщикъ

обязывался не рубить лѣса на мѣстѣ покосовъ въ такое время, когда отъ этого могъ пострадать крестьянскій сѣнокосъ. Забота о замѣнѣ пастбищъ по лѣсамъ иными угодьями высказана въ циркулярѣ 15-го февраля 1865 года, гдѣ она предоставлена добровольнымъ соглашеніямъ, и надо признать, что въ то время ничего иного нельзя было сдѣлать. Совершенное упраздненіе права пастбищъ поставило бы крестьянъ въ чрезвычайно затруднительное положеніе. На скудныхъ земляхъ сѣверо-западнаго края, требующихъ, за немногими исключеніями, весьма усиленнаго удобренія, благосостояніе крестьянъ прямо зависитъ отъ количества скота, которое они могутъ содержать. Внутри Россіи уничтоженіе сервитутовъ совершилось весьма удобно, потому что помѣщики, послѣ объявленія Положенія, недумали намѣренно притѣснять крестьянъ и весьма часто, по разнымъ соглашеніямъ, позволяли имъ пользоваться пастьбой въ лѣсу или на паровыхъ поляхъ. Отношенія же польскихъ помѣщиковъ къ русскимъ крестьянамъ не давало никакой надежды на подобный исходъ дѣлъ въ западной Руси.

Постановленіе графа Муравьева о сѣнокосахъ по помѣщичьему лѣсу можно считать одобреннымъ министерствомъ; постановленіе это появилось въ извѣстномъ *Сборникѣ правительственныхъ распоряженій по устройству быта крестьянъ.*

Разъясняя причины, побудившія ко временному сохраненію сервитутовъ въ западной Руси, мы вовсе не думаемъ отводить глаза отъ крайнихъ неудобствъ подобной мѣры, сильно препятствующей успѣхамъ сельскаго хозяйства. Сколько намъ извѣстно, теперь уже предполагается замѣна сервитутовъ особыми угодьями, и весь вопросъ состоитъ въ томъ, чтобъ эта замѣна была сдѣлана съ возможнымъ соблюденіемъ интересовъ обѣихъ сторонъ, чтобъ она не разстроила крестьянскаго хозяйства, зависящаго вполнѣ отъ количества скота, которое можно содержать, и не поставила крестьянъ въ новую зависимость отъ пановъ.

Графъ Муравьевъ, имѣя въ виду по возможности устранить поводы къ столкновенію крестьянъ съ помѣщиками, разъяснилъ, что рыбныя ловли по берегамъ рѣкъ, въ предѣлахъ крестьянскаго надѣла, принадлежатъ крестьянамъ. Нѣкоторые противники сервитутовъ настаиваютъ теперь на томъ, чтобы право на рыбныя ловли въ заливахъ (напримѣръ Припети), окруженныхъ крестьянскими землями, было остав-

лено за помѣщиками, а подобное право, разумѣется, имѣетъ всѣ неудобства сервитутовъ. Было бы весьма непослѣдовательно уничтожать „собственность въ собственности“ предоставленную крестьянамъ и въ то же время вводить ее въ пользу помѣщиковъ.

Постановленіе о разборѣ повѣрочными коммиссіями крестьянскихъ жалобъ на уставныя грамоты, не возбудило никакихъ особыхъ нареканій. Напротивъ, эта мѣра распространена потомъ, по представленіямъ высшихъ инстанцій, на Могилевскую и Витебскую губерніи.

Иная судьба постигла распоряженія о возвращеніи инвентарныхъ земель и обезпеченіе землей нѣкоторой части безземельныхъ крестьянъ.

Въ распоряженіяхъ графа Муравьева, касающихся обезземеленныхъ крестьянъ, нельзя не замѣтить нѣкоторой нерѣшительности и неопредѣленности, какъ въ доводахъ, такъ и въ самихъ постановленіяхъ. Онъ ссылается то на указъ 22-го декабря 1852 г., гласной отмѣны котораго дѣйствительно не было, то на рескрипты 1857 года. Земли, отобранныя до 1857 г., возвращаются въ ограниченномъ расмѣрѣ трехъдесятинныхъ участковъ, и то за исключеніемъ выморочныхъ пустковъ; земли же взятыя или вымѣненныя послѣ 1857 года подчинены приблизительно такому же возвращенію, какое въ юго-западномъ краѣ постановлено вообще для инвентарныхъ вакантныхъ земель. Въ иныхъ случаяхъ, какъ мы видѣли, даже владѣніе 1857 года возстановлялось лишь трехъдесятинными участками. Свидѣтельствуя о фактѣ, мы вовсе не думаемъ обвинять графа Муравьева. Прежде всего надо замѣтить, что въ 1863 году свѣдѣнія о хозяйственныхъ условіяхъ западнаго края были очень мало распространены у насъ. Кромѣ того, крестьянское дѣло вообще представляетъ трудности, которыя не рѣшаются постановленіями, когда постановленія эти не поддерживаются ходомъ дѣлъ, когда интересы помѣщиковъ и крестьянъ сталкиваются безъ надежды на взаимныя уступки, какъ это было въ сѣверо-западномъ краѣ. Даже въ распоряженіяхъ касающихся внутреннихъ губерній, въ циркулярахъ, издававшихся среди спокойныхъ обстоятельствъ, а не въ виду мятежа и хаоса, мы могли бы указать на еще бóльшую шатость и даже на прямыя противорѣчія. Вспомнимъ циркуляръ о разверстаніи.

Объясненія колебаній графа Муравьева надо искать еще

въ несогласіи съ его мѣрами со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ. Уже въ концѣ 1863 года было ясно, что проведеніе рѣшительной мѣры по крестьянскому дѣлу сѣверо-западнаго края, въ родѣ возвращенія крестьянамъ инвентарной земли, какъ это принято въ юго-западномъ краѣ, или надѣленія землей безземельныхъ, какъ это постановлено для Малороссіи, встрѣтитъ въ Петербургѣ большія затрудненія.

Министерство внутреннихъ дѣлъ, которому было поручено ближайшее наблюденіе за исполненіемъ Положенія, съ большимъ рвеніемъ заботилось объ устраненіи обезземеленія крестьянъ внутри Россіи. Въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, когда нельзя было достичь соглашенія на мѣстѣ, испрашивались особыя высочайшія повелѣнія. Такъ 24-го апрѣля 1862 г. возвращенъ поземельный надѣлъ крестьянамъ одного селенія Орловской губерніи, отобранный у нихъ въ 1860 г. * 6-го марта 1863 г. приказано не только возвратить землю, но вознаградить за строенія и имущества, отнятыя однимъ симбирскимъ помѣщикомъ у крестьянъ разныхъ имѣній Ардатовскаго и Курмышскаго уѣздовъ **; 1-го мая 1863 года состоялось распоряженіе о возвращеніи крестьянамъ села Глѣбова-Городища, Рязанской губерніи, крестьянской земли, заложенной помѣщицей ея мужу, недворянину, и перешедшей къ нему по закладной въ 1860 г. и пр.*** Мировымъ посредникамъ настоятельно подтверждалось, чтобъ они требовали при составленіи уставныхъ грамотъ отзыва безземельныхъ крестьянъ о желаніи ихъ получить надѣлъ. Изданъ *циркуляръ* о надѣленіи землей крестьянъ, записанныхъ въ имѣніи одного помѣщика и водворенныхъ въ имѣніи другаго ****, а также о крестьянахъ, пользующихся землей въ имѣніяхъ разныхъ владѣльцевъ (Высочайшія повелѣнія 17-го и 20-го ноября 1861 года, 30-го января, 10-го и 12-го февраля, 9-го и 17-го марта 1862 г.). Высочайшее повелѣніе 26-го іюня 1863 г. † устраняло всяческія затрудненія для устройства быта безземельныхъ въ Малороссіи.

Относительно западнаго края первоначально также были

---

* *Сборн. прав. распор.* т. III, ч. I, стр. 41.
** Тамъ же т. IV. ч. I, стр. 29.
*** Тамъ же стр. 91.
**** Тамъ же т. II, ч. 2, стр. 24.
† Тамъ же т. IV, ч. 1, стр. 123.

приняты мѣры съ цѣлію противодѣйствовать обезземеленію. По представленію министра внутреннихъ дѣлъ и графа Муравьева постановлено возвращеніе земель лѣснымъ сторожамъ, съ правомъ для помѣщика требовать обязательнаго разверстанія, въ случаѣ если участки сторожей находятся среди господскихъ лѣсовъ. Затѣмъ изданы Правила объ устройствѣ вольныхъ людей (26-го іюля 1864 года) живущихъ на помѣщичьей землѣ. Они раздѣлены на два разряда: a) перечисленныхъ въ сословіе вольныхъ людей изъ бывшихъ крѣпостныхъ или временно-обязанныхъ послѣ 20-го ноября 1857 года, то-есть послѣ выхода рескрипта объ уничтоженіи крѣпостнаго права, и b) всѣ прочіе вольные люди, какъ издавна состоявшіе въ этомъ званіи, такъ и перечисленные въ него прежде 20-го ноября 1857 г. Первый разрядъ сравненъ въ правахъ по поземельному устройству съ временно-обязанными крестьянами, а для втораго разряда установлены неприкосновенность арендуемыхъ ими участковъ и нѣкоторыя ограниченія въ арендной платѣ на срокъ 12 лѣтъ, со дня окончанія прежнихъ контрактовъ между владѣльцами и съемщиками. При отказѣ помѣщика отъ дальнѣйшаго предоставленія участковъ въ аренду, онъ обязанъ вознаградить съемщика суммой, равною двухгодичной наемной платѣ. Правила, распространены и на тѣхъ вольныхъ людей, которые только числятся въ городскихъ обществахъ, а дѣйствительно живутъ въ селеніяхъ и пользуются землей на общихъ съ другими вольными людьми основаніяхъ.

Начальныя распоряженія графа Муравьева о лѣсныхъ покосахъ и платѣ за усадьбы огородниковъ вносились министерствомъ въ главный комитетъ, который принялъ ихъ къ свѣдѣнію *, и они вошли въ *Сборникъ правительственныхъ распоряженій по устройству быта крестьянъ.* Но дальнѣйшія мѣры графа Муравьева уже не подводятся подъ этотъ порядокъ, и мы не найдемъ ихъ въ *Сборникѣ.* Правила 18-го октября 1863 о возвращеніи земли обезземеленнымъ крестьянамъ были оставлены въ своей силѣ и Высочайше одобрены, по постановленію главнаго комитета 25-го мая 1864 года. Это Высочайшее повелѣніе не было опубликованно ни въ *Сборникѣ* министерства, ни въ циркулярахъ графа Муравьева; оно-то и послужило поводомъ къ разномыслію, обнаружив-

* *Сборн. прав. распор.* т. IV, ч. 1, стр. 32.

шемуся между министерствомъ и администраціей сѣверо-западнаго края.

Утверждаютъ, будто графъ Муравьевъ, въ засѣданіи главнаго комитета, ручался, что безземельнымъ не будетъ предоставляться участковъ изъ фольварковыхъ, то-есть господскихъ, полей. Но, сколько извѣстно, нѣтъ никакихъ слѣдовъ чего-либо подобнаго въ текстѣ Высочайшаго повелѣнія. Во всякомъ случаѣ графъ Муравьевъ не издалъ никакихъ дополненій къ правиламъ 18-го октября, а мы читаемъ въ нихъ:

„Въ случаѣ недостатка бывшихъ крестьянскихъ земель, помѣщикъ обязанъ произвести отводъ надѣла изъ другихъ какихъ-либо угодій, избѣгая черезполосности.“

Въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, тамъ гдѣ безземельныхъ было весьма много, надѣленіе ихъ землей могло представить нѣкоторыя затрудненія, и графъ Муравьевъ 23-го сентября 1864 года сообщилъ ковенскому присутствію, что подобные случаи должны представляться на его усмотрѣніе.

Между министерствомъ и управленіемъ сѣверо-западнаго края открылась продолжительная переписка, въ которой обѣ стороны не пришли къ соглашенію. Министерство находило, что обезземеленнымъ крестьянамъ въ принѣманскихъ губерніяхъ никакъ не можетъ быть предоставлено право получать участки изъ господскихъ земель, какъ это, однако, принято въ Малороссіи. Лица раздѣлявшія этотъ взглядъ ссылались на то, что нѣкоторыя фольварковыя поля были испорчены отводомъ участковъ обезземеленнымъ крестьянамъ. Однако дурное примѣненіе закона ничего не доказываетъ противъ самого закона; иначе сколько же распоряженій по внутреннимъ губерніямъ слѣдовало бы также отмѣнить? Какъ бы тамъ ни было, виленская администрація въ концѣ концовъ уступила, и циркуляръ графа Баранова отъ 7-го ноября запретилъ отводъ участковъ изъ фольварковыхъ полей.

Правила 18-го октября, разумѣется, не могли возвратить крестьянамъ инвентарныхъ земель. Въ огромномъ числѣ имѣній до сихъ поръ остается за помѣщикомъ не малое число пустковъ, то-есть отобранныхъ у крестьянъ участковъ среди крестьянскихъ полей....

Обезземеленные крестьяне великороссійскихъ губерній получили землю наравнѣ съ прочими крестьянами, по счету

душъ послѣдней ревизіи, причемъ, конечно, всѣ наличныя семьи получали болѣе или менѣе достаточный надѣлъ.

Въ правилахъ 18-го октября принятъ подобный же порядокъ, а именно:

„1. Крестьяне или ихъ семьи, лишившіеся своихъ участковъ въ промежутокъ времени отъ введенія инвентарей до 1857 года, имѣютъ право на полученіе трехъ-десятиннаго надѣла землей.

„2. Семействомъ должно считать мужа и жену однихъ или съ неженатыми дѣтьми.

„3. Семейства умершихъ крестьянъ-домохозяевъ, лишившихся своихъ участковъ, не лишаются права на полученіе въ надѣлъ трехъ десятинъ земли."

Почти всѣ губернскія присутствія и повѣрочныя коммиссіи поняли приведенные три пункта въ томъ смыслѣ, что отводъ земли обезземеленнымъ долженъ производиться по наличному составу семей. Въ весьма рѣдкихъ случаяхъ можно замѣтить, что повѣрочныя коммиссіи исполняли эти пункты иначе. Министерство внутреннихъ дѣлъ раздѣляло иной взглядъ; оно находило, что семьи должны считаться по тому составу, въ какомъ они находились при введеніи инвентарей или, другими словами, что всѣ семьи, происходящіе отъ обезземеленной инвентарной, должны получить не больше одного трехъ-десятиннаго участка.

Выше мы видѣли, какъ усердно устранялись рѣдкіе случаи обезземеленія крестьянъ внутреннихъ губерній, хотя тамъ земля никогда не была обезпечена за крестьянами какими-либо инвентарями; подобнымъ случаямъ обезземеленія, по смыслу и по послѣдствіямъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ въ сѣверо-западномъ краѣ записка крестьянъ въ вольноотпущенные. Нѣкоторыя повѣрочныя коммиссіи относили подобныхъ вольноотпущенныхъ въ разрядъ вольныхъ людей и надѣляли ихъ землей. Министерство поспѣшило разъяснить, что правила о вольныхъ людяхъ не могутъ относиться къ вольноотпущеннымъ.

Предоставляемъ читателямъ рѣшить, на чьей сторонѣ было больше правды, если разсматривать дѣло по соображенію съ узаконеніями принятыми вообще въ крестьянскомъ дѣлѣ, но нѣтъ сомнѣнія, что политическія условія края вполнѣ оправдывали взглядъ виленской администраціи. Мѣстное панство, благодаря той зависимости, въ которой находились

беземельные крестьяне, имѣло возможность создавать изъ нихъ горючій матеріалъ въ краѣ. Всѣмъ извѣстно, какъ сильно поплатились шляхтичи, не принявшіе участія въ возстаніи. Надѣленіе обезземеленныхъ крестьянъ было почти единственною мѣрой, которая въ состояніи была ослабить контингентъ невольныхъ орудій мятежа.

Вмѣстѣ съ тѣмъ министерство внутреннихъ дѣлъ настаивало на предоставленіи мѣстнымъ панамъ льготъ, неизвѣстныхъ въ остальной Россіи. Мы говоримъ о правѣ отрѣзки помѣщику, *по выкупѣ*, части крестьянской земли, въ случаѣ если въ его распоряженіи оставалось менѣе $1/3$ пространства сего имѣнія. Повсюду право такой отрѣзки было предоставлено помѣщику лишь при составленіи уставныхъ грамотъ, то-есть при первоначальномъ отводѣ надѣла, и за тѣмъ уже никакія ходатайства о подобныхъ отрѣзкахъ не принимались. Въ 1866 году, въ ковенскомъ присутствіи, при разборѣ просьбы одного поневѣжскаго помѣщика, кто-то подалъ голосъ за предоставленіе ему права на отрѣзку крестьянской земли до $1/3$ пространства имѣнія. Дѣло перешло въ министерство, и оно сообщило ковенскому присутствію, что ходатайства о подобныхъ отрѣзкахъ могутъ быть исполняемы и послѣ выкупа, то-есть примѣняемы къ крестьянамъ, объявленнымъ собственниками земель, отведенныхъ имъ по уставной грамотѣ. О подобной льготѣ помѣщики внутреннихъ губерній и не помышляли. Бывшій виленскій генералъ-губернаторъ генералъ Кауфманъ, примѣняясь къ статьѣ 79 прав. о поряд. прив. въ дѣйст. Полож., приказалъ представлять подобные случаи на его усмотрѣніе. Вслѣдъ за тѣмъ министерство отказалось отъ своего требованія.

Выше мы упоминали, что въ дополнительномъ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ, 21-го ноября 1857 г., предписывалось губернскимъ комитетамъ принѣманскихъ губерній принять мѣры къ возможному обезпеченію осѣдлости батраковъ и къ положительному опредѣленію отношеній ихъ къ хозяевамъ. * Предположеніе это потерялось въ работахъ губернскихъ комитетовъ, а редакціонныя коммиссіи, затрудненныя недостаткомъ свѣдѣній о мѣстныхъ условіяхъ, не рѣшились поднять его. До 1865 года графъ Муравьевъ не принималъ никакихъ мѣръ къ обезпеченію быта батраковъ.

---

* *Сборн. прав. расп.*, т. I, изд. 2-ое, стр. 73—74.

Между тѣмъ, нѣкоторые посредники, а также повѣрочныя коммиссіи, особенно въ Ковенской губерніи, успѣли склонить крестьянскія сельскія общества къ предоставленію батракамъ небольшихъ клочковъ земли для устройства усадьбы и огорода. Въ виду этихъ фактовъ графъ Муравьевъ, циркулярами 10-го и 11-го марта 1865, приказалъ „просить“ мировыхъ посредниковъ, чтобъ они при всякомъ случаѣ разъясняли дѣло крестьянамъ и склоняли ихъ къ облегченію положенія батраковъ предоставленіемъ имъ на правѣ выкупа земли для устройства усадьбы съ огородомъ, „отнюдь не допуская какихъ-либо понудительныхъ къ сему мѣръ“. Въ послѣдствіи, подъ вліяніемъ мировыхъ посредниковъ, нѣкоторые общества Ковенской губерніи предоставили батракамъ небольшіе участки въ память спасенія Государя Императора отъ опасности, грозившей Ему 4-го апрѣля 1866 года.

Въ настоящее время циркуляры 10-го и 11-го марта считаются въ сѣверо-западномъ краѣ чуть не революціонными прокламаціями, и исполненіе ихъ, еслибъ оно было, пошло бы въ глазахъ многихъ чуть не за преступленіе. Само министерство внутреннихъ дѣлъ озаботилось, однако, о батракахъ Инфляндскихъ уѣздовъ, но, къ сожалѣнію, сдѣланное относительно ихъ распоряженіе никакихъ практическихъ послѣдствій не имѣло.

Къ числу разнаго рода фальшивыхъ свѣдѣній, какими помѣщики принѣманскихъ губерній снабдили редакціонныя коммиссіи, принадлежало увѣреніе въ томъ, будто наиболѣе распространенный размѣръ подворныхъ участковъ мѣстныхъ крестьянъ доходитъ до уволоки, то-есть 20 десят. удобной земли. Ниже читатели найдутъ цифры средняго размѣра подворныхъ участковъ во всѣхъ уѣздахъ принѣманскихъ губерній и убѣдятся, что увѣреніе пановъ не имѣетъ никакого основанія. Къ этимъ цифрамъ слѣдуетъ еще прибавить, что почти въ каждомъ имѣніи есть нѣсколько разрядовъ разнообразнѣйшихъ по величинѣ участковъ. Послѣднее свѣдѣніе проскользнуло въ докладахъ редакціонныхъ коммиссій (см. *Доп. докл. хоз. отд.* къ № 1, стр. 38), но все-таки Положеніе признало, что подворные участки не могутъ дробиться на куски, меньшіе десяти десятинъ. Въ большинствѣ мѣстностей это постановленіе создавало полную недробимость участковъ и вело къ немедленному усиленію обезземеленія. Поэтому графъ Муравьевъ, въ циркулярѣ 10-го марта

указывалъ, что статья 81 Мѣстнаго Положенія предоставляетъ подворные участки крестьянскимъ семьямъ, а не одному лицу домохозяина. Мировымъ посредникамъ поручено было составить подробные посемейные списки въ томъ составѣ, въ какомъ застало ихъ обнародованіе Положенія 19-го февраля 1861 года, „для возстановленія ихъ въ правахъ пользованія предоставленнымъ участкомъ земли и отвѣтственности за исправное отбываніе повинностей, предоставляя имъ сойтись съ домохозяевами о мѣрѣ и способѣ вознагражденія по добровольному соглашенію". Распоряженіе это, конечно, не касалось добровольно раздѣлившихся дворовъ. Въ настоящее время это распоряженіе вызываетъ чуть не ужасъ нѣкоторыхъ господъ, служащихъ по крестьянскимъ дѣламъ сѣверозападнаго края,—мѣру эту находятъ ультра-красною. Впрочемъ, практическихъ послѣдствій она почти не имѣла.

Указъ объ обязательномъ выкупѣ былъ объявленъ, какъ извѣстно, въ самый разгаръ мятежа. Вслѣдствіе спѣшности составленія и, еще болѣе, благодаря общему незнакомству съ подробностями крестьянскаго быта въ западной Руси, было постановлено, что крестьяне до окончательнаго утвержденія выкупнаго акта должны взносить въ казначейство по особымъ разчетнымъ листамъ: оброчные крестьяне прежній оброкъ, а барщинные тотъ оброкъ, который исчисленъ въ уставной грамотѣ, со скидкой 20%. На дѣлѣ оказалось, что въ уставныхъ грамотахъ оброки подогнаны къ высшей нормѣ 3 руб. съ десятины и часто доходятъ до непомѣрныхъ цифръ. Обязательный выкупъ переводилъ крестьянъ съ барщины на самые тяжелые, для большинства мѣстностей невыполнимые оброки. Необходимость скорѣйшаго перевода крестьянъ съ этихъ огромныхъ оброковъ на провѣренные выкупные платежи была одною изъ главныхъ причинъ, заставлявшихъ графа Муравьева торопить работы повѣрочныхъ коммиссій.

Политическія обстоятельства первостепенной важности также требовали быстраго осуществленія указа 1-го марта. Необходимо было какъ можно скорѣй дать почувствовать крестьянамъ правительственныя заботы о нихъ, особенно въ мѣстностяхъ болѣе взволнованныхъ, гдѣ крестьянъ сбивали съ толку всякими слухами и обѣщаніями дароваго надѣла.

Спѣшность повѣрочныхъ работъ не мало заботила графа Муравьева. Едва край нѣсколько успокоился, онъ сталъ

ходатайствовать объ устраненіи тѣхъ поводовъ къ ускоренію повѣрочныхъ дѣйствій, которыя заключались въ указѣ объ обязательномъ выкупѣ, то-есть объ измѣненіи порядка перехода крестьянъ съ оброковъ на выкупные платежи. Отъ предъявленія коммиссіей выкупнаго акта до утвержденія его выкупнымъ учрежденіемъ и окончательнаго объявленія на мѣстѣ должно было проходить по нѣскольку мѣсяцевъ, почти годъ, и за весь этотъ срокъ крестьяне не видали бы практическихъ послѣдствій отъ сдѣланной повѣрки повинностей. Прекращеніе обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ склоняло графа Муравьева къ такому взгляду на платежи по разчетнымъ листамъ, который заставлялъ видѣть въ этихъ платежахъ не продолженіе оброковъ, а взносы въ счетъ погашенія ссуды. Графъ Муравьевъ ходатайствовалъ, чтобы переводъ на выкупные платежи дѣлался не дожидаясь конца всей длинной процедуры окончательнаго утвержденія актовъ, и чтобы платежи крестьянъ съ того времени какъ они объявлены собственниками, то-есть съ 1-го мая 1863 года, были засчитаны въ погашеніе выкупной ссуды. Подобное же ходатайство для юго-западнаго края разрѣшено постановленіемъ 26-го марта 1864 года въ томъ смыслѣ, что платежи крестьянъ съ 1-го сентября 1863 года, то-есть со дня прекращенія всѣхъ обязательныхъ отношеній ихъ къ помѣщику, будутъ зачтены въ счетъ выкупныхъ ссудъ; но для сѣверо-западныхъ губерній, по тому же постановленію 26-го марта, принятъ иной порядокъ: въ погашеніе ссудъ засчитывался не весь платежъ со дня прекращенія обязательныхъ отношеній 1-го мая 1863 г., а лишь излишекъ этихъ платежей противу выкупныхъ. Кромѣ того, разрѣшено переводить крестьянъ на выкупные платежи при утвержденіи акта губернскимъ присутствіемъ и отсылкѣ его въ выкупное учрежденіе, но эти уменьшенные платежи не засчитывались въ ссуду до утвержденія акта выкупнымъ учрежденіемъ. Гр. Муравьевъ продолжалъ свои ходатайства, и 11-го декабря 1864 года постановлено считать начало 49-тилѣтняго періода выкупа со срока ближайшаго къ утвержденію акта въ губернскомъ присутствіи. Итакъ для сѣверо-западнаго и юго-западнаго краевъ были приняты двѣ совершенно различныя мѣры въ одномъ и томъ же дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ, одна изъ главныхъ причинъ спѣшности повѣрочныхъ работъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ была

устранена лишь на половину, и графъ Муравьевъ, а также его преемники должны были цѣлымъ рядомъ циркуляровъ торопить совершеніе выкупа.

Повѣрочныя коммиссіи, совершая громадную операцію обязательнаго выкупа, не имѣли ни времени, ни средствъ производить повсемѣстно точное измѣреніе крестьянскихъ земель. Самая инструкція повѣрочнымъ коммиссіямъ не требовала непремѣнной съемки земель на планъ. Даже осмотръ земель не былъ поставленъ въ непремѣнную обязанность коммиссіи, а производился лишь по требованію сторонъ.

Въ Высочайше утвержденныхъ правилахъ сказано:

„25. Коммиссія... выслушиваетъ отзывы, сначала крестьянъ, потомъ помѣщика, или лица заступающаго его мѣсто, о пространствѣ угодій, о качествѣ почвы и выгодахъ мѣстоположенія, сравнительно съ сосѣдними имѣніями, о мѣстныхъ частныхъ цѣнахъ на земли разнаго рода и пр.

„26. Всѣ показанія записываются въ протоколъ и пр.

„27. По разсмотрѣніи внесенныхъ въ протоколъ показаній, по собраніи, въ случаѣ надобности, дополнительныхъ свѣдѣній и *по осмотрѣ, если того потребуетъ одна изъ сторонъ, земель предоставленныхъ крестьянамъ*, коммиссія постановляетъ и вноситъ въ протоколъ свое заключеніе и пр.“

Въ инструкціи повѣрочнымъ коммиссіямъ въ § 4 сказано:

„Въ случаѣ спора о количествѣ земли, повѣрочныя коммиссіи должны прежде всего стараться привести обѣ стороны къ миролюбивому соглашенію и предложить приблизительное измѣреніе, примѣняясь къ 52 правилу о порядкѣ прив. въ дѣйст. Пол. о крест. Если не послѣдуетъ соглашенія, то онѣ поручаютъ землемѣру сдѣлать измѣреніе, смотря по обстоятельствамъ: отдѣльныхъ угодій, одного или нѣсколькихъ участковъ по жребію, или всего крестьянскаго надѣла.“

Въ 1863 г. и отчасти въ 1864 г., когда по краю еще бродили шайки, повѣрочныя коммиссіи должны были разъѣзжать во многихъ мѣстахъ съ конвоемъ, и имъ было предоставлено въ исключительныхъ случаяхъ составлять выкупные акты даже не въѣзжая въ имѣніе, а вызывая къ себѣ помѣщика и крестьянъ. Въ такихъ-то именно взволнованныхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьянъ путали слухами и золотыми грамотами, требовалось какъ можно скорѣе дать почувствовать имъ всю мѣру правительственныхъ заботъ объ нихъ. Если въ акты, составленные въ 1863 году, вкрались ошибки, то кто же, по справедливости, главный виновникъ ихъ? Сами

паны мѣшали правильному составленію актовъ, какъ поддержкой возстанія, такъ и несообщеніемъ плановъ и пр.

Число выкупныхъ актовъ, совершенныхъ безъ въѣзда коммиссіи въ имѣніе, впрочемъ, весьма не значительно, но за то многіе акты составлены безъ инструментальнаго измѣренія земли, къ которому, по порядку повѣрочныхъ работъ, часто не было повода, такъ какъ ни крестьяне, ни помѣщики не заявляли жалобъ на невѣрный счетъ земли. Опредѣляя выкупные платежи, то-есть вознагражденіе помѣщику за землю крестьянскаго пользованія, правительство принимало на себя *обязанность* измѣрять эти земли только въ случаѣ *спора* о количествѣ угодій между владѣльцемъ и крестьянами. Бóльшихъ обязанностей правительство не брало на себя нигдѣ на Руси.

Въ послѣдствіи при, приведеніи актовъ въ исполненіе, открылись нѣкоторыя неправильности въ означенныхъ количествахъ земли, но онѣ не могли бы имѣть большаго значенія, еслибы мѣстное крестьянское дѣло велось панами-помѣщиками правильно. Крестьянскій надѣлъ въ уставной грамотѣ и затѣмъ въ выкупномъ актѣ долженъ былъ означаться далеко не однимъ счетомъ десятинъ, но преимущественно описаніемъ границъ крестьянской земли. Правило это почти вовсе не исполнялось въ уставныхъ грамотахъ западнаго края, и надо сказать, что при спѣшномъ составленіи грамотъ, къ концу назначеннаго двухлѣтняго срока, весьма нерѣдко и внутри Россіи уставныя грамоты дѣлались довольно небрежно. Это неудобство во внутреннихъ губерніяхъ не имѣло большаго значенія для выкупа; при требованіяхъ о немъ составлялись планы, а при выкупѣ по добровольному соглашенію, недоумѣній, обыкновенно, не возникало. Но выкупъ во внутреннихъ губерніяхъ не былъ обязательнымъ; онъ шелъ ровно и постепенно, не загромождая мировыя учрежденія непомѣрною работой. Можно ли было обязать повѣрочныя коммиссіи, чтобъ онѣ, при спѣшномъ совершеніи громадной операціи обязательнаго выкупа, при непредставленіи помѣщиками плановъ, сдѣлали больше того, что̀ оказалось по силамъ мировыхъ посредникамъ внутреннихъ губерній въ болѣе легкомъ дѣлѣ составленія уставныхъ грамотъ? Вполнѣ удовлетворительное составленіе выкупнаго акта могло потребовать больше недѣли на каждое сколько-нибудь значительное имѣніе. Обязательный выкупъ, установленный при обстоя-

тельствахъ, вызывавшихъ быстрое производство его, не могъ сопровождаться инструментальнымъ измѣреніемъ земель, что, конечно, неизбѣжно вело къ нѣкоторымъ неточностямъ и неудобствамъ. Странно, что этого не хотятъ признать теперь тѣ самые люди, которые въ виду опасностей, порожденныхъ мятежомъ, полагали, что все должно быть принесено въ жертву для скорѣйшаго успокоенія края.

Когда обнаружились неточности въ показаніяхъ земли въ нѣкоторыхъ выкупныхъ актахъ, графъ Муравьевъ принялъ мѣры, чтобы подобные случаи не послужили поводомъ къ нарушенію коренныхъ правъ крестьянъ, признанныхъ реформой, то-есть чтобъ они получили въ собственность всѣ земли дѣйствительнаго пользованія, и чтобы выкупные платежи, объявленные Высочайшимъ указомъ окончательно опредѣленными, не были измѣнены. Послѣ совѣщаній, происходившихъ въ Вильнѣ, между генералъ-губернаторомъ, крестьянскою коммиссіей и вызванными членами нѣкоторыхъ присутствій, графъ Муравьевъ, циркуляромъ 3-го февраля 1865 г. постановилъ, чтобы при обнаруженіи неточностей, о которыхъ идетъ рѣчь, и въ случаѣ если границы крестьянскаго надѣла не описаны подробно ни въ уставной грамотѣ, ни въ выкупномъ актѣ, посредники составляли дополнительныя описанія границъ крестьянскихъ земель. Эта мѣра, конечно, не доставляла помѣщикамъ полнаго вознагражденія за ошибки выкупныхъ актовъ, въ которыхъ нерѣдко были виноваты сами же паны. Но если съ перемѣной обстоятельствъ и потребовалось бы вознаградить помѣщиковъ, то во всякомъ случаѣ врядъ ли было бы справедливо установить вознагражденіе на счетъ крестьянъ, неповинныхъ въ тѣхъ затрудненіяхъ, которыми были окружены повѣрочныя коммиссіи, и въ неизбѣжныхъ неточностяхъ обязательнаго выкупа.

Необходимость скорѣйшаго производства обязательнаго выкупа привела къ необходимости дополнительныхъ актовъ, вызвавшихъ такое множество нареканій. Въ жалобахъ указывается главнымъ образомъ на то обстоятельство, что внутри Россіи дополнительные выкупные акты могли бы явиться лишь въ отмѣну утвержденнаго окончательнаго разчета съ крестьянами, что вполнѣ справедливо относительно внутреннихъ губерній, но не таково относительно западнаго края. Во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствовало великорусское и малороссійское Положеніе, помѣщикъ при отводѣ надѣла или выкупѣ

имѣлъ дѣло не съ отдѣльными крестьянами, а съ сельскими обществами либо всего имѣнія цѣликомъ, либо каждаго селенія особо. Въ западной Руси разчетъ шелъ не по цѣлому имѣнію, не по селеніямъ, но съ отдѣльными домохозяевами. Правила объ устройствѣ крестьянъ въ односельяхъ утверждены лишь 10-го сентября 1862 г., когда множество уставныхъ грамотъ было уже составлено, и къ нимъ по необходимости пришлось дѣлать дополненія; циркуляръ о возвращеніи инвентарныхъ земель обществамъ и обезземеленнымъ семьямъ вышелъ 18-го октября 1863 г., правила о лѣсныхъ сторожахъ—8-го мая 1864 года, о вольныхъ людяхъ—25-го іюля 1864 года, а въ это время выкупъ былъ уже въ полномъ ходу, и не малое число грамотъ были обращены въ акты. Вызываемыя новыми правилами дополненія къ грамотамъ необходимо приводили къ дополнительнымъ выкупнымъ актамъ.

При полученіи во время объѣзда имѣній того или другаго новаго распоряженія, повѣрочной коммиссіи оставалось либо вернуться назадъ и переправлять всѣ составленные акты, либо продолжать работу дальше, съ тѣмъ, чтобы полученное новое постановленіе привести въ исполненіе въ послѣдствіи, въ видѣ дополнительныхъ актовъ. Понятно, что необходимость быстраго хода выкупа принуждала коммиссіи предпочитать второй порядокъ. Та же необходимость скорѣйшаго окончанія дѣла заставляла губернское присутствіе давать дальнѣйшій ходъ обжалованнымъ обезземеленными крестьянами дополнительнымъ актамъ, предоставляя въ то же время посредникамъ удовлетворять жалобы дополнительными актами. Мы видѣли выше, что тяжесть оброчныхъ платежей была непомѣрная, и устраненіе ея вызывало заботы о возможно скорѣйшемъ утвержденіи актовъ присутствіями. Такимъ образомъ дополнительные акты, пополнявшіе первоначальные по предметамъ не разрѣшеннымъ при повѣркѣ, составляли неизбѣжное условіе всего хода крестьянскаго дѣла въ западной Руси.

Нѣкоторыя повѣрочныя коммиссіи при составленіи дополнительныхъ актовъ воспользовались случаемъ исправить ошибки первоначальной спѣшной повѣрки, и въ послѣдствіи этотъ порядокъ получилъ утвержденіе генералъ-губернатора. Нельзя отрицать, однако, что въ небольшомъ числѣ случаевъ дополнительные акты вели къ перевершенію прежнихъ рѣшеній и давали обратное дѣйствіе закону. Очевидно, что подобная исключительная мѣра, нарушавшая спокойное

пользованіе помѣщичьею землей и получившая, вѣроятно, лишь самое ничтожное приращеніе, были признаны въ виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ. Мѣстная администрація, считая пановъ отвѣтственными за мятежъ, не могла не признать излишнимъ послѣдствій его, а въ томъ числѣ и тѣхъ затрудненій, которыми были окружены первоначальныя дѣйствія повѣрочныхъ коммиссій и которыя должны были внести ошибки въ ихъ работы.

Крестьянское дѣло въ западной Руси вовсе не представляетъ вопроса объ *одномъ только* окончательномъ разсчетѣ помѣщиковъ съ крестьянами, но имѣетъ еще огромное политическое значеніе для всей Россіи. Западный комитетъ въ засѣданіи 27-го мая 1864 г. вполнѣ призналъ подобный взглядъ, поставивъ во главѣ всѣхъ мѣръ, служащихъ къ обрусенію сѣверо-западнаго края, крестьянское дѣло въ немъ, направленное къ упроченію русской народности. Измѣна мѣстныхъ пановъ, ихъ стремленіе вовлечь въ измѣну крестьянъ обѣщаніями дароваго надѣла, разореніе края, произведенное мятежомъ, величайшія бѣдствія, вынесенныя крестьянами, чрезвычайная бѣдность ихъ, неудобства вынужденнаго обязательнаго выкупа, все это давало правительству полное право требовать отъ мѣстныхъ помѣщиковъ нѣкоторыхъ исключительныхъ льготъ въ пользу крестьянъ. Въ виду этихъ соображеній, мѣры правительства поражаютъ скорѣе своею умѣренностью. Оно потребовало отъ литовскихъ пановъ во многихъ случаяхъ меньше того, что предоставлялось крестьянамъ помѣщиками внутреннихъ и югозападныхъ губерній. Единственныя исключительныя льготы, предоставленныя крестьянамъ, суть дополнительные акты и дѣйствительное облегченіе въ повинностяхъ.

Въ настоящее время взгляды нѣкоторыхъ членовъ русскаго общества на крестьянское дѣло сѣверо-западнаго края радикально измѣнились. Находятся господа, которые проповѣдуютъ, что льготы, данныя крестьянамъ въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, должны теперь вызвать соотвѣтственныя экстраординарныя уступки въ пользу пановъ. Среди разныхъ предположеній, долженствующихъ на дѣлѣ стѣснить дальнѣйшее надѣленіе землей обезземеленныхъ крестьянъ, рекомендуютъ, между прочимъ, дать обратное дѣйствіе циркуляру 7-го ноября 1866 года и признать незаконными права

обезземеленныхъ крестьянъ на надѣлы, полученные ими изъ земель не-инвентарныхъ. Опираясь на примѣръ нѣкоторыхъ дополнительныхъ актовъ, совѣтуютъ принять такого рода исправленіе ошибокъ въ означеніяхъ крестьянской земли по первоначальнымъ актамъ, при которомъ будутъ нарушены коренныя права крестьянъ на полученіе всѣхъ земель дѣйствительнаго пользованія (чрезъ ихъ отрѣзку) и торжественно объявленная неизмѣнность выкупныхъ платежей (возвышеніе платежей). Предлагаютъ продолжать дальнѣйшее составленіе дополнительныхъ актовъ въ пользу крестьянъ лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ и не иначе какъ съ разрѣшенія высшихъ инстанцій, а отрѣзку крестьянскихъ земель предоставить вполнѣ обыкновенному ходу дѣлъ, даже безъ права аппелляціи на губернскія присутствія! Допуская дополнительные акты въ интересахъ одной стороны, утверждали иные господа, необходимо допустить ихъ и въ интересахъ другой....

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что паны будутъ рады воспользоваться дополнительными актами и постараются, чрезъ ихъ посредство, на сколько теперь возможно, исправить надѣлы и повозвысить повинности. Допустимъ, однако, что рѣчь идетъ спеціально о дополнительныхъ актахъ. Эта дѣйствительно экстраординарная мѣра вызвана чрезвычайными политическими обстоятельствами и направлена въ пользу той стороны, которая потерпѣла отъ нихъ. Почему же подобная мѣра должна непремѣнно повлечь за собой, въ теперешнихъ, сравнительно обыденныхъ обстоятельствахъ, новыя экстраординарныя мѣры, но уже въ пользу стороны создавшей затрудненія. Будь дополнительные акты вызваны какими-либо поводами, истекающими собственно изъ разчета между помѣщиками и крестьянами, тогда, дѣйствительно, трудно было бы отказать одной сторонѣ въ льготахъ, данныхъ другой, но дополнительные акты вынуждены затрудненіями, созданными мятежомъ и чрезвычайными обстоятельствами. Въ теперешней, обыденной обстановкѣ было бы странно повторять мѣры тогдашняго времени и еще повторять ихъ въ пользу виновной стороны.

Перемѣна взглядовъ по крестьянскому дѣлу западной Руси, независимо отъ экстраординарныхъ предположеній, грозитъ еще тѣмъ, что почти цѣлая треть крестьянъ можетъ получить совершенно иное устройство чѣмъ ихъ сосѣди.

Изъ числа 1.282.000 крестьянъ сѣверо-западныхъ губерній, къ 1-му января 1868 года лишь 812.000 имѣли утвержденные выкупные акты. Въ Минской губерніи утверждена одна треть актовъ, въ Ковенской около половины.

II.

Разсмотрѣніе поземельнаго обезпеченія западно-русскихъ крестьянъ, даннаго имъ по обязательному выкупу, мы начнемъ сравненіемъ этого обезпеченія съ надѣленіемъ крестьянъ землей по инвентарямъ. Дѣлаемъ это не потому чтобы мы придавали большую цѣну инвентарнымъ показаніямъ, какъ извѣстно, весьма невѣрнымъ, а лишь въ виду того обстоятельства, что газета *Вѣсть*, конечно не спроста, вопрошаетъ объ упомянутомъ сравненіи въ первомъ пунктѣ своего обвинительнаго акта. Какъ бы мало ни согласовались съ дѣйствительностью инвентарныя цифры, во всякомъ случаѣ, для юго-западнаго края принято закономъ, что онѣ представляютъ размѣръ того надѣленія крестьянъ землей, которое правительство, на основаніи инвентарей, можетъ требовать у помѣщиковъ. Въ инвентаряхъ, какъ объяснено выше, показаны лишь усадебныя, пахатныя и сѣнокосныя земли, состоявшія въ пользованіи крестьянъ, а пастбища, лѣсные покосы, земли неудобныя почти во всѣхъ инвентаряхъ не означены. Поэтому цифра земель, предоставленныхъ крестьянамъ по выкупнымъ актамъ, въ которые вносились не только всѣ крестьянскія угодья, но весьма часто и земли общаго пользованія, должна бы значительно превышать инвентарныя цифры, еслибы повѣрочныя коммиссіи успѣли уничтожить все обезземеленіе, сдѣланное панами послѣ введенія инвентарей.

Сравнимъ же итоги инвентарные съ ожидаемыми результатами выкупной операціи. Къ счастію, мы имѣемъ инвентарныя цифры какъ разъ по тѣмъ губерніямъ, въ которыхъ ходъ крестьянскаго дѣла возбуждаетъ наибольшую массу панскихъ жалобъ.

По отчетамъ ковенскаго инвентарнаго комитета въ пользованіи крестьянъ состояло 787.928 дес. усадебной, пахатной и сѣнокосной земли.* По повѣркѣ обязательнаго выкупа

* Д. Афанасьевъ, *Описаніе Ковенской губерніи*, стр. 405.

ковенскіе крестьяне получаютъ, считая съ пастбищами и землями общаго пользованія, $4_{,18}$ дес. на душу, что̀ даетъ 713.888 дес. крестьянской земли для всей губерніи. Если взять въ разчетъ не только удобныя, но и неудобныя земли, то по утвержденнымъ актамъ приходится по $4_{,61}$ дес. на душу или 787.189 дес. на все крестьянское населеніе, освобожденное отъ зависимости пановъ. Гдѣ же заборъ лишней земли у помѣщиковъ по Ковенской губерніи? Въ Ковенской губерніи помѣщичьей земли остается 1.004.538 дес.—пропорція весьма выгодная.

Въ Гродненской губерніи по инвентарямъ сороковыхъ годовъ значилось 682.227 дес. крестьянской земли. * Несмотря на громадныя пастбища этой губерніи, по выкупнымъ актамъ выходитъ около $3_{,87}$ дес. удобной земли на душу, или 630.457 дес. на всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ. Съ неудобною выйдетъ 697.250 дес.

Минскій инвентарный комитетъ опредѣлилъ количество крестьянской земли въ имѣніяхъ помѣщичьихъ, поіезуитскихъ, ленныхъ, и духовныхъ въ 1.384.328 дес. (Минское губернское присутствіе при своемъ открытіи считало для раскладки сбора на крестьянскія учрежденія 1.296.886 дес.). ** По разчету, на помѣщичьихъ крестьянъ придется 1.262.994 дес. инвентарной земли. По выкупнымъ актамъ можно ожидать около 1.299.994 дес. удобной и не свыше 1.393.057 дес., считая съ неудобною.

Во всѣхъ этихъ разчетахъ мы полагали, что по актамъ еще не утвержденнымъ крестьяне получатъ то же количество земли, что̀ пришлось имъ по актамъ, вступившимъ въ силу. На самомъ же дѣлѣ, въ виду новаго оборота дѣлъ, какъ въ сѣверо-западномъ краѣ, такъ и въ земскомъ отдѣлѣ (какъ увѣряютъ, возвращающемъ теперь для исправленія почти всѣ доходящіе до него акты), можно скорѣе ожидать уменьшенія вычисленнаго нами количества окончательно отводимой крестьянамъ земли.

По губерніи Виленской инвентарныя цифры остались неопубликованными, и мы не могли ихъ получить. Въ Витебской и Могилевской губерніяхъ, гдѣ введено великорусское

* Бобровскій, *Описаніе Гродненской губерніи*, т. I, стр. 781. По другимъ свѣдѣніямъ 680.814 дес. (тамъ же, стр. 761).

** Зеленскій, *Описаніе Минской губерніи*, т. I, стр. 688.

Положеніе, инвентарныя цифры не имѣютъ никакого значенія. Въ Инфляндскихъ уѣздахъ инвентарей не было.

Кіевлянинъ объявилъ недавно, что по Кіевской губерніи обязательный выкупъ дастъ 1.316.039 дес. крестьянской земли, а инвентарной числилось не менѣе 1.249.679 дес. Въ рукахъ помѣщиковъ остается до 2.122.000 десятинъ.

Въ губерніяхъ Подольской и Волынской значилось по инвентарямъ 2.810.582 дес. По выкупнымъ договорамъ въ этихъ губерніяхъ отошло къ крестьянамъ 167.610 дес. По актамъ выходитъ въ Волынской губерніи $3_{,8}$ дес. на душу или 976.068 дес. на всѣхъ крестьянъ пользующихся обязательнымъ выкупомъ. Въ Подольской $2_{,4}$ дес. на душу или 858.176 дес. По этому разчету крестьянамъ отойдетъ въ этихъ двухъ губерніяхъ 2.001.924 дес., то-есть, во всякомъ случаѣ, гораздо меньше инвентарной. У помѣщиковъ же останется свыше $5^1/_2$ милл. десятинъ.

Поземельное обезпеченіе западно-русскихъ крестьянъ значительно освѣщается сравненіемъ его съ надѣлами внутреннихъ губерній.

Редакціонныя коммиссіи, какъ извѣстно, во всѣхъ мѣстностяхъ, за исключеніемъ степныхъ, стремились къ сохраненію за крестьянами существующихъ надѣловъ, съ нѣкоторыми ограниченіями, преимущественно въ имѣніяхъ, гдѣ вся земля была въ рукахъ крестьянъ. Коммиссіи полагали опредѣлить высшій размѣръ надѣловъ близко къ среднему, такъ чтобъ отрѣзка земли произошла у незначительнаго числа крестьянъ, около 25% общаго числа. Въ послѣдствіи въ ходѣ крестьянскаго дѣла высказался другой взглядъ,—высшій размѣръ надѣловъ полагали опредѣлить равнымъ наиболѣе распространенному въ уѣздѣ. Однако въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ выходило, что, напримѣръ, въ однихъ 30% общаго числа имѣній оказывался надѣлъ въ 4 дес., а въ другихъ 30% только 2 дес. Если не ошибаемся, дѣло кончилось компромиссомъ между обоими взглядами и нѣкоторымъ уменьшеніемъ высшихъ нормъ надѣла, преимущественно для сѣверныхъ мѣстностей, гдѣ сначала предполагались болѣе крупныя цифры.

Въ слѣдующей таблицѣ показаны по всѣмъ губерніямъ крестьянскіе надѣлы, какъ опредѣлились они ходомъ выкупной операціи по 1-е января 1868 года. Курсивъ въ таблицѣ означаетъ результаты обязательнаго выкупа. Исчисленныя

по вѣдомости *Сѣверной Почты* * данныя по западнымъ губерніямъ, напечатанныя простымъ шрифтомъ, относятся къ выкупнымъ договорамъ, заключеннымъ до выхода указовъ объ обязательномъ выкупѣ. Для каждой губерніи мы означаемъ цифру населенности, которая можетъ быть лучшимъ мѣриломъ правильности надѣловъ. Они должны быть обратно пропорціональны населенности и при равномъ населеніи выше въ губерніяхъ нечерноземныхъ. Послѣднее обстоятельство объясняется, между прочимъ, необходимостью имѣть въ этихъ губерніяхъ значительные сѣнокосы и пастбища для унаваживанія полей.

Надѣлъ выше $5^1/_2$ дес.	Надѣлъ на душу.	Населенность на кв. милю.
Астраханская	10,05	94
Олонецкая	7	125
Оренбургская	6,47	384
Таврическая	6,29	548
Новгородская	5,64	481
Свыше 5 дес.		
Ставропольская	5,4	—
Пермская	5,23	353
Вологодская	5,16	135
Свыше $4^1/_2$ дес.		
Могилевская	*5*	*1.064*
Витебская **	4,94	952
Костромская	4,92	741
Минская	*4,85*	*618*
Псковская	4,84	901
Самарская	4,66	584
Могилевская	4,61	1.064
С.-Петербургская	4,54	1.446
Витебская	*4,51*	*952*
Свыше 4 дес.		
Ковенская	*4,46*	*1.429*
Уфимская	4,42	—
Тверская	4,04	1.311
Виленская	*4,03*	*1.176*
Смоленская	4,01	1.117

* Вѣдомости совѣщательной коммиссіи даютъ нѣсколько иные результаты, вѣроятно, потому что въ нихъ включены земли общаго пользованія.

** Кромѣ Инфляндскихъ уѣздовъ.

Свыше 3½ дес.

Владимірская	3,88	1.415
Херсонская	3,84	1.018
Ярославская	3,82	1.561
Гродненская	*3,77*	*1.294*
Саратовская	3,75	1.127
Нижегородская	3,57	1.302

Свыше 3 дес.

Калужская	3,4	1.720
Казанская	3,4	1.440
Екатеринославская	3,38	963
Черниговская	3,35	1.564
Волынская	*3,3*	*1.238*
Земля Войска Донскаго	3,28	338
Орловская	3,25	1.785
Вятская	3,12	852
Симбирская	3,08	1.340

Свыше 2½ дес.

Московская	2,95	2.598
Рязанская	2,88	1.964
Пензенская	2,77	1.711
Тульская	2,74	2.069
Тамбовская	2,7	1.643
Кіевская	2,54	*2.177*
Харьковская	2,53	1.610
Воронежская	2,5	1.600

Свыше 2 дес.

Волынская по догов.	2,38	1.238
Курская	2,3	2.228
Подольская по акт.	2,14	*2.424*
Полтавская	2,08	2.117

Менѣе 2 дес.

Подольская } по догов.	1,92	2.424
Кіевская } по догов.	1,83	2.177

Въ приведенной таблицѣ читатели замѣтятъ довольно правильную соотвѣтственность надѣла съ населенностью, причемъ въ послѣднихъ группахъ нѣсколько меньшіе надѣлы приходятся на губерніи черноземныя. Только Вятская губернія и Земля Войска Донскаго составляютъ исключеніе. Впрочемъ, цифра Вятской губерніи относится къ незначительному числу крестьянъ, такъ какъ ихъ въ ней вообще очень не много.

Незначительный надѣлъ въ Землѣ Войска Донскаго поражаетъ тѣмъ болѣе, что здѣсь принятъ гораздо большій *указный* размѣръ надѣла, за исключеніемъ небольшихъ частей Міусскаго и Черкасскаго округовъ.

По выкупнымъ договорамъ Волынская губернія, почти на половину состоящая изъ полѣсья, съ ея слабымъ населеніемъ (1.238) попала въ группу черноземныхъ губерній, населенныхъ почти вдвое плотнѣй. Въ Кіевской и Подольской губерніяхъ по договорамъ обрѣтались самые малые во всей Россіи надѣлы, причемъ надо замѣтить, что Кіевская губернія цѣлою своею сѣверною половиной, съ полѣснымъ уѣздомъ, не можетъ быть и сравниваема, напримѣръ, съ Курскою. Полагаемъ, что приведенныя цифры достаточно объясняютъ необходимость пересмотра добровольныхъ соглашеній юго-западнаго края по выкупу.

Что же, однако, сдѣлали въ этомъ краѣ разбойничьи, по мнѣнію *Вѣсти*, повѣрочныя коммиссіи относительно надѣла крестьянъ землей?

Въ губерніи Волынской крестьяне получили по обязательному выкупу около 1 дес. больше чѣмъ по договорамъ ($3_{,8}$ вмѣсто $2_{,38}$ дес.), но все же волынскій надѣлъ вышелъ меньше черниговскаго, несмотря на менѣе плотное населеніе и гораздо худшее полѣсье. Въ Кіевской губерніи произошла прибавка около $0_{,9}$ дес. на душу, и она заняла соотвѣтственное ей мѣсто между Харьковскою и Воронежскою губерніями, которыя населены слабѣй, но имѣютъ гораздо лучшую почву почти по всему ихъ пространству. Въ Подольской губерніи по выкупнымъ актамъ надѣлы вышли на $0_{,21}$ дес. больше чѣмъ по договорамъ, то-есть грабительство коммиссій ограничилось прибавкой менѣе чѣмъ $^1/_4$ дес. Вообще, какъ читатели усмотрятъ изъ таблицы, губерніи югозападнаго края заняли соотвѣтственное имъ мѣсто по надѣлу, а волынскій надѣлъ скорѣе можетъ считаться недостаточнымъ.

Почти то же самое придется сказать о сѣверозападномъ краѣ, но, къ сожалѣнію, въ четырехъ принѣманскихъ губерніяхъ не было выкупныхъ сдѣлокъ до обязательнаго выкупа, и относительно ихъ придется ограничиться простымъ сравненіемъ съ великорусскими надѣлами.

Въ Могилевской губерніи по актамъ выходитъ почти полдесятины больше чѣмъ по договорамъ, но за то въ Витебской почти настолько же *меньше* по актамъ. Губерніи эти

попали по надѣлу въ группу губерній почти съ такою же населенностью и со сходною почвой (Псковская, С.-Петербургская *).

Въ той же группѣ находимъ мы Минскую и Костромскую губерніи, которыя во многомъ походятъ одна на другую. Обѣ онѣ состоятъ изъ полѣсья, кромѣ двухъ или двухъ съ половиной уѣздовъ въ каждой,—въ Минской: Новогрудскаго, части Минскаго и части Слуцкаго, а въ Костромской: частей Костромскаго, Нерехотскаго и Кинешемскаго, расположенныхъ на правомъ берегу Волги. Костромское полѣсье вообще лучше и населеннѣе минскаго, особенно тѣхъ пустынныхъ уѣздовъ, которые расположены по Припети. Правый берегъ Волги въ Костромской губерніи плотнѣе населенъ чѣмъ Новогрудскій и Слуцкій уѣзды. Сравнивая костромской и минскій надѣлы, мы скорѣе должны признать недостаточность послѣдняго, хотя панскіе толки и увѣряютъ, что самое обширное грабительство земли произведено въ Минской губерніи.

Ковенская губернія относительно размѣровъ обезпеченія землей сельскаго населенія почти не можетъ быть сравниваема съ другими по простому разчету надѣловъ. Это единственная русская губернія, въ которой дѣйствительно распространено фермерное хозяйство. Мѣстность Жмуди часто состоитъ изъ холмовъ, образующихъ какъ бы природныя фермы,—таковы ея пригорки, покрытые пашнями и окаймленные сѣнокосомъ въ долинѣ. Въ Ковенской губерніи разбросано множество односелій, застѣнковъ, отрубовъ, представляющихъ часто весьма крупные участки, иногда до 100 десятинъ. Эти фермы сильно поднимаютъ цифру поземельнаго обезпеченія землей въ Ковенской губерніи, но за то создаютъ огромный классъ батраковъ. Изъ числа всѣхъ губерній западнаго края, въ одной лишь Ковенской было значительное число оброчныхъ крестьянъ, около $^1/_3$ всѣхъ помѣщичьихъ. Тамошнее дворянство, нерѣдко жмудскаго происхожденія, стояло сравнительно въ лучшихъ отношеніяхъ со своими единоплеменными и единовѣрными крестьянами хозяевами.

Въ Ковенской губерніи надѣлъ выходитъ $4_{,48}$ дес. на душу. Тотъ же размѣръ надѣла признанъ Положеніемъ для уѣздовъ

* Считая населенность послѣдней безъ С.-Петербургскаго уѣзда.

Романо-Борисоглѣбскаго (1.847 населенности), Новоржевскаго (1.486), Бѣжецкаго (1.365) и пр.

Надѣлъ Виленской губерніи выходитъ почти равнымъ смоленскому и тверскому, чего нельзя не признать довольно правильнымъ, какъ по цифрамъ населенности, такъ и по свойствамъ почвы.

Въ Гродненской губерніи средній надѣлъ вышелъ скорѣе недостаточенъ. Онъ меньше владимірскаго, меньше ярославскаго, хотя эти губерніи гораздо населеннѣе и по свойствамъ почвы далеко оставляютъ за собой Гродненскую. Въ послѣдней нѣтъ ничего подобнаго, напримѣръ, землямъ Владимірскаго уѣзда, выдерживающимъ посѣвъ по 12 четвертей на десятинѣ, населеннымъ свыше 3.000 душъ на квадратную милю. Ни въ Ярославской, ни во Владимірской губерніяхъ нѣтъ ни песковъ, иногда переносныхъ, ни камней, ни болотъ, похожихъ на гродненскіе. Нижняя половина Брестскаго уѣзда, одно изъ пеклъ Полѣсья, не можетъ быть и сравниваема съ владимірскими или ярославскими полѣсными уѣздами.

Итакъ, изъ сравненія надѣловъ губерній внутреннихъ съ губерніями западными, мы замѣчаемъ въ послѣднихъ скорѣе нѣсколько меньшее обезпеченіе землей, и нигдѣ въ западной Руси не найдемъ особой щедрости въ надѣленіи ею крестьянъ.

Впрочемъ, истинный видъ обезпеченія западно-русскихъ крестьянъ землей открывается лишь изъ цифръ по уѣздамъ, къ которымъ и переходимъ. Слѣдующія таблицы составлены по вѣдомостямъ виленской совѣщательной коммиссіи.

	A	B	C	D	E	F	G	H
Ковенскій	1.828	3,50	0,16	3,75	0,07	3,81	40,78	3,24
Шавельскій	1.741	4,06	0,43	5,09	0,09	5,18	29	4,48
Россіенскій	1.503	4,16	0,26	4,42	0,12	4,55	22,62	3,63
Вилькомирскій........	1.440	4,18	0,22	4,51	0,22	4,72	20,22	4,07
Поневѣжскій..........	1.335	4,11	0,18	4,50	0,1	4,69	24,52	3,21
Ново-Александровскій	1.265	5,18	0,40	5,07	0,44	6,11	25,06	3,40
Тельшевскій..........	1.116	4,7	0,28	4,98	2,46	7,22	25,50	3,9
По всей губерніи.....	1,429	4,36	0,37	4,72	0,19	4,91	25,68	3,90

Въ этой таблицѣ, равно какъ и во всѣхъ нижеслѣдующихъ, составленныхъ по тому же образцу, обозначены въ графахъ:

A. Населенность по *Статистическому Временнику*.

B. Количество удобной, особо оцѣненной, земли на душу.

C. Количество удобной, особо не оцѣненной, земли на душу (пастбища, заросли, земли общаго пользованія, перелоги).

D. Количество всей удобной земли на душу.

E. Неудобной земли на душу.

F. Удобной и неудобной на душу.

G. Величина подворнаго участка. Для опредѣленія этой цифры мы приняли, что подворный участокъ обезземеленныхъ и огородниковъ равняется среднимъ числомъ тремъ десятинамъ. На самомъ дѣлѣ участки огородниковъ гораздо менѣе, а нѣкоторые, впрочемъ очень немногіе, изъ числа обезземеленныхъ послѣ 1857 года получали полные участки.

H. Число душъ на дворъ.

Изъ приведенной таблицы видно, что надѣлы въ уѣздахъ Ковенской губерніи вышли достаточно соотвѣтственными съ населенностью, за исключеніемъ лишь уѣзда Шавельскаго, весьма богатаго однoсельями. Впрочемъ, подушный разчетъ, какъ мы сказали, имѣетъ мало значенія для Ковенской губерніи, и мы приводимъ его лишь для того, чтобъ опровергнуть обвиненія повѣрочныхъ коммиссій въ томъ:

1) что они засчитали слишкомъ большое количество земли въ разрядъ неоцѣняемыхъ. Графа С показываетъ, что цифра пастбищъ, зарослей и *земель общаго пользованія нигдѣ не* доходитъ до полудесятины на душу, а въ Ковенскомъ уѣздѣ составляетъ $^1/_8$ дес., и

2) что значительныя пространства удобной земли засчитаны въ неудобную. Оказывается, что въ четырехъ уѣздахъ неудобныхъ земель около $^1/_{10}$ дес. на душу. Въ Тельшевскомъ уѣздѣ дѣйствительно пришлось крестьянамъ много неудобной земли, но эта цифра относится лишь до полуторы тысячи душъ, поселенныхъ въ болотистой мѣстности.

Въ *Описаніи Ковенской губерніи*, г. Аѳанасьева, стр. 416—452, приведены подробныя выписки изъ нѣкоторыхъ инвентарей Ковенской губерніи, и означенный въ нихъ размѣръ подворныхъ участковъ совпадаетъ съ величиной ихъ по обязательному выкупу. Мы не приводимъ подлинника чиселъ потому что статья наша и безъ того загромождена цифрами.

Таблица надѣловъ по Виленской губерніи интереснѣе.

	A	B	C	D	E	F	G	H
Виленскій	2.011	3,04	0,28	4,2	0,2	4,5	18,60	3,43
Свенцянскій	1.320	3,6	0,4	4	0,6	4,5	18,11	3,28
Лидскій.................	1.097	3,36	0,42	4,4	0,2	4,6	16,36	3,1
Трокскій	1.015	3,63	0,28	3,9	0,5	4,4	16,01	3,1
Ошмянскій	1.007	3,44	0,24	3,7	0,6	4,2	12,45	2,69

Дисненскій.............	963	3,26	0,24	3,5	0,2	3,6	15,04	3,22
Вилейскій..............	959	3,42	0,27	3,7	0,8	4,5	15,02	3,56
Среднее по губерніи....	—	3,61	0,29	3,9	0,5	4,4	15,56	3,19

Въ Виленской губерніи обнаруживается фактъ весьма любопытный—постепенное паденіе надѣловъ отъ запада къ востоку. Въ уѣздахъ Виленскомъ, Трокскомъ, Свенцянскомъ и Лидскомъ, въ коихъ преобладаетъ литовское населеніе, мы видимъ еще довольно достаточное обезпеченіе землей отъ 4,4 дес. до 3,9 десятинъ на душу, но лишь только входимъ мы въ бѣлорусскіе уѣзды, то тотчасъ же усмотримъ уменьшеніе надѣловъ до 3,7 десятинъ въ Ошмянскомъ и Вилейскомъ уѣздахъ и до 3,5 дес. въ Дисненскомъ. При этомъ размѣры надѣловъ выходятъ, какъ показываетъ таблица, уже прямо пропорціональными населенности, — чѣмъ слабѣй населенность, тѣмъ меньше надѣлы. Въ томъ же отношеніи находятся они и къ свойствамъ почвы, то-есть чѣмъ скуднѣе она, тѣмъ у крестьянъ меньше земли. Въ Виленской губерніи лучшіе уѣзды западные, кромѣ половины Дисненскаго. Восточные же, особенно югъ Ошмянскаго и весь Вилейскій, покрыты болотами и громадными лѣсами. Въ Вилейскомъ уѣздѣ переложное хозяйство на запольныхъ пашняхъ не представляетъ рѣдкости. Замѣчательно, что даже изъ числа литовскихъ уѣздовъ наименьшее обезпеченіе землей найдемъ мы въ худшемъ изъ нихъ, въ Трокскомъ, половина коего состоитъ изъ песковъ. Чтò же означаетъ это паденіе надѣловъ? Чѣмъ хуже была земля въ имѣніи польскаго пана, тѣмъ больше старался извлечь онъ собственно изъ труда крестьянъ, тѣмъ меньше оставалось у нихъ времени на обработку полей, и тѣмъ незначительнѣе были эти поля. Въ восточныхъ уѣздахъ Виленской губерніи былъ въ большомъ ходу обычай сдавать крестьянъ въ работники подрядчику-землекопу. Иногда сдавались чуть не всѣ способные работники въ деревнѣ. Повѣрочныя коммиссіи, какъ видно, добросовѣстно возвращавшіе крестьянамъ бывшую у нихъ землю, не могли не закрѣпить слѣдовъ панскаго угнетенія. Каково бы ни было положеніе барщинныхъ крестьянъ внутри Россіи, все же они были вообще достаточно обезпечены землей, и надѣлы ихъ обыкновенно выше надѣловъ крестьянъ оброчныхъ.

Обезпеченіе крестьянъ землей въ восточныхъ уѣздахъ Виленской губерніи нельзя не признать недостаточнымъ, если судить дѣло по началамъ, признаннымъ Положеніемъ 19-го

февраля. Въ полуполѣсномъ Ошмянскомъ и въ полѣсномъ Вилейскомъ уѣздахъ мы находимъ обезпеченіе землей меньшее чѣмъ среднее по Саратовской (населенность 1.137), Херсонской (1.018) и Владимірской губерніямъ (1.415). Ни въ одной изъ этихъ губерній нѣтъ такихъ скудныхъ мѣстностей, какъ упомянутые бѣлорусскіе уѣзды, а напротивъ, общее свойство почвы не идетъ ни въ какое сравненіе съ ошмянскими и вилейскими болотами.

Въ Виленской губерніи особо не оцѣненной земли приходится еще меньше чѣмъ въ Ковенской. Ни по одному уѣзду количество ея не достигаетъ полудесятины на душу, составляя вообще по губерніи меньше ¹/₃ десят. Въ *Описаніи Виленской губерніи* г. Корева показано въ статьѣ о населенности по угодьямъ, выгоновъ и пастбищъ 1 дес. на 1,3 душъ или 0,76 дес. на 1 душу (стр. 324). Между тѣмъ въ цифрахъ особо не оцѣненныхъ земель по Виленской губерніи значатся заросли, земли общаго пользованія и отчасти перелоги.

Неудобной земли включено крестьянамъ отъ 0,2 въ Лидскомъ уѣздѣ до 0,8 дес. въ Ошмянскомъ, а среднее по губерніи 0,5 дес. Неудобныя земли въ Виленской губерніи составляютъ по межевымъ планамъ 10% общаго количества земель, что должно было бы дать 0,4 десятины неудобной земли на душу, еслибы Положеніе не было строже въ опредѣленіи неудобныхъ земель. Послѣднее обстоятельство, вѣроятно, и дало по выкупу 0,1 дес. лишней неудобной земли.

Переходя къ Гродненской губерніи, мы замѣтимъ дальнѣйшее паденіе поземельнаго обезпеченія крестьянъ.

	A	B	C	D	E	F	G	H	I	K
Бѣлостокскій.......	2.021	3,52	0,37	3,89	0,26	4,15	17,56	3,41	4,3	2
Сокольскій	1.695	3,3	0,12	3,42	0,21	3,63	11,18	2,67	3,3	5,3
Бѣльскій	1.685	2,89	0,31	3,2	0,25	3,45	13,4	3,39	4	5,6
Гродненскій......	1.513	2,97	0,77	3,74	0,56	4,3	9,38	2,34	4	6
Брестскій	1.348	2,86	0,44	3,3	0,51	3,81	13,03	3,6	3,9	4,6
Волковыскій	1.178	3,6	0,1	3,7	0,4	4,1	15,06	3,47	4,6	5,3
Кобринскій.......	1.055	3,68	0,63	4,31	0,41	4,72	17,16	3,75	4,7	4,2
Слонимскій	979	3,62	0,87	4,49	0,26	4,35	17,15	3,21	4,7	7,7
Пружанскій.........	954	3,37	0,64	4,01	0,25	4,36	16,1	3,64	3,3	4,4
Среднее по губерніи	1.294	3,33	0,55	3,81	0,43	4,28	14,22	3,27	4	4,60

Въ сосѣднихъ съ Гродненскою губерніей уѣздахъ мы видѣли поземельное обезпеченіе: въ Ковенскомъ 3,75 дес., въ Лидскомъ 4,4 дес. и въ Трокскомъ 3,9 дес. на душу. Перехо-

въ Гродненскій уѣздъ, весь покрытый каменистыми и сыпучими песками *, и находимъ въ немъ надѣлъ $3_{,7}$ дес.; же надѣлъ получился въ нѣсколько лучшемъ Волковыскомъ уѣздѣ. Затѣмъ полѣсные уѣзды: Пружанскій, Кобринскій и Слонимскій, имѣютъ—первые два меньшій надѣлъ чѣмъ Лидскій, а послѣдній, почти весь покрытый болотами, лишь $0_{,06}$ дес. больше Лидскаго. Въ особенности поражаетъ Брестскій уѣздъ съ его надѣломъ въ $3_{,3}$ дес., равнымъ черниговскому, екатеринославскому, орловскому.... Лишь тѣ уѣзды Гродненской губерніи, въ которыхъ живетъ значительное число Мазуровъ, т.-е. Бѣлостокскій, Сокольскій и Бѣльскій, имѣютъ, сравнительно съ населенностью и почвой, нѣсколько достаточные надѣлы. Ничего подобнаго гродненскимъ надѣламъ не найдемъ мы въ великороссійскихъ губерніяхъ. Цифры особо не оцѣненной земли по Гродненской губерніи поражаютъ своею незначительностію. Бо́льшая половина губерніи изобилуетъ обширными болотными лугами, годными лишь на пастбища. По свѣдѣніямъ предводителей дворянства, на 1.999.000 дес. всей помѣщичьей земли значилось 136.000 дес. пастбищъ, ** что̀ составляетъ $6_{,8}\%$, но луга, какъ бы ни были они дурны, не значатся въ этомъ числѣ. Кромѣ того, къ пастбищамъ надо присоединить еще заросли (до 200 тыс. дес. изъ числа всей помѣщичьей земли, по свѣдѣніямъ г. Бобровскаго) и перелоги, которыхъ найдется не мало въ песчаныхъ сѣверо-западныхъ уѣздахъ.

Столь же незначительною оказывается цифра неудобныхъ земель. Г. Бобровскій считаетъ, что до 18% общаго пространства губерніи занято неудобною землей (т. I, стр. 140); это составило бы $0_{,77}$ дес. на душу. По выкупнымъ же актамъ вышло почти вдвое менѣе.

Въ графѣ I показано инвентарное обезпеченіе землей, по свѣдѣніямъ комитета объ улучшеніи быта крестьянъ, и оно, за исключеніемъ двухъ уѣздовъ, превышаетъ надѣлы по обязательному выкупу. (См. Бобровскій, т. II, стр. 230.) Казенные крестьяне Гродненской губерніи, кромѣ Бѣлостокскаго и Кобринскаго уѣздовъ, имѣютъ земли гораздо больше чѣмъ помѣщичьи, какъ это означено въ графѣ К.

То же самое паденіе надѣловъ, которое наблюдали мы отъ

---

* Случались переселенія деревень, вслѣдствіе заносовъ пескомъ.
** *Опис. Гродн. губ.* Т. 1, стр. 141.

границъ Жмуди въ Виленской и Гродненской губерніяхъ, замѣчается и въ Инфляндскихъ уѣздахъ, вопреки весьма слабому населенію во всѣхъ ихъ, за исключеніемъ Динабургскаго.

Уѣзды:	A	B	C	D	E	F	G	H
Динабургскій	1.433	3,49	0,7	4,19	0,15	4,24	17,74	4,75
Рѣжицкій	1.086	3,65	0,02	3,67	0,26	4,52	17,25	4,47
Дриссенскій	953	3,49	0,06	3,55	0,28	3,83	21,80	5,45
Люцинскій	654	3,25	0,64	3,89	0,12	4,02	24,87	6,48

Незначительное обезпеченіе землей инфляндскихъ Латышей, сравнительно съ ковенскими надѣлами, выдается рельефно, если вспомнить, что во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ распространено хозяйство, приближающееся къ фермерному. Крестьяне остальныхъ уѣздовъ Витебской губерніи, получившіе надѣлъ по великорусскому положенію, какъ увидимъ ниже, гораздо лучше надѣлены землей.

Переходимъ къ Минской губерніи, гдѣ обязательный выкупъ подвергался множеству катастрофъ, благодаря которымъ едва 1/3 тамошнихъ крестьянъ имѣютъ утвержденные акты.

Уѣзды.	A	B	C	D	E	F	G	H
Новогрудскій	1.384	2,69	0,66	3,15	0,19	3,34	12,6	3,61
Минскій	1.323	3,83	0,66	4,49	0,1	4,59	17,22	3,23
Слуцкій	1.038	3,26	0,49	3,75	0,21	3,96	15,5	3,47
Борисовскій	714	4,21	0,78	4,99	0,85	5,34	19,99	3,94
Бобруйскій	552	5,06	1,05	6,11	0,56	6,67	21,8	3,31
Пинскій	506	4,58	1,4	5,98	0,25	6,23	23,04	3,65
Игуменскій	502	4,53	0,43	4,96	0,37	5,33	19,08	3,39
Рѣчицкій	454	4,63	2,09	6,72	1,26	7,98	21,45	2,9
Мозырскій	240	4,17	4,62	8,79	0,71	9,5	23,56	2,54
Среднее по губерніи..	618	3,93	0,97	4,9	0,34	5,27	18,48	3,24

Почти все пространство Минской губерніи, за исключеніемъ лишь небольшаго хребта, составляющаго сѣверный водораздѣлъ бассейновъ Припети и Днѣпра съ одной стороны, и Нѣмана и западной Двины съ другой, состоитъ изъ пустынь Полѣсья, подходящихъ относительно, по условію хозяйства, къ Олонецкой губерніи или къ сѣвернымъ уѣздамъ Костромской. Въ Минскомъ полѣсьѣ, въ мѣстностяхъ пересѣкаемыхъ Припетью, почва состоитъ изъ смѣси болотъ и топкихъ лѣсовъ, между которыми разбросаны небольшіе клочки воздѣланной земли. Не ради остроты можно сказать, что здѣсь Богъ не отдѣлилъ еще воду отъ

земли. Въ мокрые годы по дорогамъ минскаго полѣсья путешествуютъ даже въ лодочкѣ на колесахъ — волы то тянутъ ее по землѣ, то плывутъ съ нею по болоту. Подобныхъ топей нѣтъ ни въ южныхъ уѣздахъ Олонецкой губерніи, ни въ костромскомъ полѣсьѣ. Лежащіе далеко отъ Припети уѣзды Бобруйскій, Игуменскій и южная часть Борисовскаго, правда, болѣе сухи, но за то почва ихъ нерѣдко состоитъ изъ безплодныхъ песковъ, поросшихъ карчавымъ лѣсомъ.

Преувеличенность обезпеченія крестьянъ землей въ Минской губерніи составляетъ любимый предметъ толковъ мѣстныхъ пановъ и ихъ русскихъ покровителей, но что же мы видимъ на дѣлѣ? Около 5 дес. надѣла въ уѣздахъ Борисовскомъ и Игуменскомъ, около 6 дес. въ Пинскомъ и Бобруйскомъ, меньше 7 въ Рѣчицкомъ и лишь въ Мозырскомъ 8,78 десятинъ.

Извѣстно, что русскія полѣсныя мѣстности на сѣверѣ получили, сравнительно, незначительный надѣлъ (отъ 7 до 6 дес. на душу); извѣстно, что если рѣчь заходитъ о возможности въ будущемъ принятія на счетъ казны части выкупныхъ платежей, то поклонники этой мѣры ссылаются прежде всего на полѣсные, сѣверные уѣзды, особенно Костромской губерніи. Между тѣмъ въ минскомъ полѣсьѣ и прилегающихъ къ нему мѣстностяхъ, за исключеніемъ одного лишь Мозырскаго уѣзда, мы нигдѣ не находимъ надѣловъ, равныхъ олонецкимъ, хотя нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что южные уѣзды Олонецкой губерніи во всѣхъ отношеніяхъ богаче минскаго полѣсья. Надѣлъ въ 5,6 дес. мы найдемъ въ такихъ уѣздахъ, какъ Пошехонскій (933 нас.), Череповскій (754), Старорусскій (872); надѣлъ въ 6 дес. назначенъ для уѣздовъ: Демянскаго (872), Солигаличскаго (740) и пр.

Сѣверная половина Борисовскаго уѣзда, часть Минскаго, почти весь Новогрудскій и сѣверная же половина Слуцкаго, не представляютъ полѣсныхъ мѣстностей и имѣютъ почву постепенно улучшающуюся отъ востока къ западу. Если слушать мѣстныхъ пановъ, то въ Новогрудскомъ уѣздѣ земля почти-что черноземная, но все же, говорятъ они, хуже чѣмъ въ Ковенской губерніи. Надо отдать справедливость панамъ, они очень пристрастны ко всему мѣстному—всякое костельное малеванье считаютъ они работой великихъ мѣстныхъ художниковъ. Точно также новогрудскія земли лишь сравнительно могутъ быть названы черноземными или, лучше

сказать, хлѣбородными. Онѣ требуютъ усиленнаго удобренія и на нихъ высѣвается едва $^{2}/_{3}$ обыкновеннаго посѣва, напримѣръ, Владимірскаго уѣзда, котораго никто не считаетъ у насъ черноземнымъ. Во всякомъ случаѣ, сравнивая надѣлы безъ сомнѣнія лучшей Ковенской губерніи съ надѣлами болѣе плодородныхъ уѣздовъ Минской губерніи, мы замѣчаемъ такую большую разницу, которая никакъ не можетъ быть объяснена различіемъ условій хозяйства, особенно для Слуцкаго уѣзда, на половину состоящаго изъ полѣсья. Приходится признать, что и въ Минской губерніи угнетеніе крестьянъ непомѣрною барщиной уменьшило крестьянскія земли и будетъ еще долго сказываться для тамошняго населенія.

Относительно количества особо не оцѣненной земли, то есть пастбищъ, перелоговъ и зарослей поступившихъ къ минскимъ крестьянамъ, паны сумѣли распространить цѣлыя легенды. Партія *Вѣсти* пыталась недавно отрицать даже существованіе переложнаго хозяйства въ этой губерніи, но при этомъ, вѣроятно, забыла, что оно подтверждено даже инвентарнымъ комитетомъ Минской губерніи. * Онъ признаетъ, что во многихъ имѣніяхъ, по причинѣ песчаной почвы, ведется четырехъ-, шести- и девяти-лѣтнее перелоговое хозяйство. „Чрезмѣрный надѣлъ малоудобной земли въ *нѣкоторыхъ* мѣстахъ Мозырскаго, Рѣчицкаго и Бобруйскаго уѣздовъ, который крестьянскій дворъ, заключающій въ себѣ нѣсколько тяголъ, не въ состояніи обработать, вмѣсто пользы обращается въ тягость крестьянамъ, увеличивая только требуемыя съ того двора за этотъ надѣлъ повинности, и комитетъ призналъ необходимымъ *не дозволять увеличивать повинности* отъ каждаго двора болѣе того, сколько назначено повинности по тому имѣнію отъ *двухъ тяголъ*." ** Громадные размѣры надѣловъ малоудобной земли давались иногда съ цѣлью отобрать въ послѣдствіи у крестьянъ часть этихъ земель, когда онѣ будутъ улучшены ими. ***

Партія *Вѣсти* съ необычайнымъ торжествомъ повѣстила,

---

* См. *Инвентарныя положенія*, изд. редакц. комм., стр. 42.

** Тамъ же, стр. 39.

*** По свѣдѣніямъ Зеленскаго, переложное хозяйство довольно распространено въ Пинскомъ и Игуменскомъ уѣздахъ. Приусадебныя поля обрабатываются обыкновенно по трехпольной системѣ, а запольныя пашни по переложной, причемъ вовсе не удобряются.

что повѣрочныя коммиссіи открыли въ Минской губерніи нѣчто невѣроятное и нигдѣ не существующее—переложные сѣнокосы. Въ самомъ дѣлѣ, съ перваго взгляда, переложные сѣнокосы кажутся анекдотомъ, но тѣмъ не менѣе они существуютъ среди хаоса воды и земли въ Полѣсьѣ. Тамъ за шестью годами сухими слѣдуютъ довольно правильно шесть мокрыхъ; въ послѣдніе годы, нѣкоторые луга почти постоянно находились подъ водой; за годъ, за два сухихъ, луга тоже недостаточно осушаются; крестьяне выжигаютъ ихъ, и два-три лѣта, изъ числа 10 или 12, снимаютъ съ нихъ дурное, болотное сѣно. Подобные сѣнокосы всего ближе назвать переложными, хотя, конечно, оставленіе на отдыхъ замѣняется здѣсь затопленіемъ водой.

Подробное распредѣленіе по разрядамъ земель особо не оцѣненныхъ значится въ таблицѣ Виленской совѣщательной коммиссіи, за № 7. Минскія повѣрочныя коммиссіи далеко не во всѣхъ актахъ показали пространство пастбищъ бывшаго владѣнія, то-есть по паровымъ полямъ и лѣсамъ помѣщика. Во всякомъ случаѣ, это пространство врядъ ли доходитъ до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ десятинъ на имѣніе, какъ публиковала *Сѣверная Почта*. Разказы объ этихъ десяткахъ тысячъ десятинъ были въ ходу задолго до появленія статьи *Сѣверной Почты*, но тогда же утверждали, что дѣло тутъ очень просто. При спѣшномъ составленіи выкупныхъ актовъ, повѣрочныя коммиссіи не всегда имѣли досугъ измѣрять въ точности самыя крестьянскія земли, не говоря уже о лѣсахъ, въ которыхъ предоставлялось крестьянамъ право пастьбы. Въ актѣ означалось просто, что въ такомъ-то лѣсу, иногда съ обозначеніемъ части его, то-есть на такое-то разстояніе отъ опушки, крестьяне имѣютъ право пастьбы. Такъ же дѣлалось это и въ обширныхъ дачахъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы всѣ эти десятки тысячъ состояли въ общемъ пользованіи. Случаи, о коихъ упоминаетъ *Сѣверная Почта*, устранялись простымъ означеніемъ границъ лѣснаго участка, по которому, на основаніи прежняго обычая, крестьяне на время сохраняли право пастьбы.

Въ крестьянскій надѣлъ Минской губерніи, какъ оказывается, включено опять-таки вовсе незначительное количество неудобной земли, а именно $^1/_8$ дес. на душу, считая по всей губерніи. Эта цифра тѣмъ замѣчательнѣе, что отдѣленіе

удобной земли отъ неудобной въ полѣсныхъ уѣздахъ представляетъ нерѣдко весьма хитрую задачу. Разумѣется, мы говоримъ не о присельныхъ поляхъ, а о запольныхъ пашняхъ и лугахъ. Однѣ чистыя болота занимаютъ въ губерніи 11,6% общаго пространства, а въ Мозырскомъ и Пинскомъ уѣздахъ почти ¼ его. (Зеленскій, т. I стр. 74.)

Могилевская губернія, относительно надѣла крестьянъ, представляетъ нѣкоторыя особенности:

Уѣзды:	B	C	D	E	F	G	I	H	K
Мстиславскій...	3,[illegible]	0,[illegible]	4,[illegible]	0,25	4,[illegible]	4	+0,[illegible]	4,[illegible]	−0,[illegible]
Могилевскій....	4,[illegible]	0,21	4,[illegible]	0,7	5,[illegible]	4,5	+0,[illegible]	4,[illegible]	+0,[illegible]
Чаусовскій	3,[illegible]	1	4,[illegible]	0,[illegible]	5,[illegible]	4,5	+0,[illegible]	3,[illegible]	+0,[illegible]
Чериковскій....	4,[illegible]	0,[illegible]	4,[illegible]	0,55	5,[illegible]	4,5	+0,[illegible]	4,[illegible]	+0,[illegible]
Климовицкій...	4,[illegible]	0,[illegible]	4,[illegible]	0,54	4,[illegible]	4,5	−0,[illegible]	4,[illegible]	−0,[illegible]
Горецкій.......	4,[illegible]	0,[illegible]	4,75	0,[illegible]	5,27	4,5	+0,[illegible]	4,[illegible]	0
Оршанскій.....	4,[illegible]	0,[illegible]	4,[illegible]	0,[illegible]	5,[illegible]	4,5	+0,[illegible]	4,[illegible]	+0,4
Сѣнненскій	4,[illegible]	0,[illegible]	4,[illegible]	0,[illegible]	5,[illegible]	5,5	+0,[illegible]	4,[illegible]	0
Гомельскій.....	4,21	0,[illegible]	4,[illegible]	0,[illegible]	5,15	4,5	+0,[illegible]	4,[illegible]	+0,[illegible]
Рогачевскій....	5,[illegible]	0,[illegible]	5,[illegible]	0,[illegible]	6,[illegible]	5,5	0,[illegible]	5,[illegible]	+0,[illegible]
Быховскій....	5,[illegible]	0,[illegible]	5,[illegible]	0,[illegible]	6,[illegible]	5,5	+0,[illegible]	5,[illegible]	+0,[illegible]

Въ графѣ G показаны высшія нормы надѣловъ по Положенію.

„ „ I разность высшихъ нормъ съ опредѣлившимися по выкупу надѣлами удобной земли.

„ „ H надѣлы удобной земли по уставнымъ грамотамъ.

„ „ K разность надѣловъ по уставнымъ грамотамъ и по выкупу.

Могилевская губернія такъ многоземельна, и земля въ ней такъ малоцѣнна, что даже по уставнымъ грамотамъ помѣщики предоставили въ ней крестьянамъ больше земли чѣмъ имъ слѣдовало по Положенію, за исключеніемъ лишь одного Климовицкаго уѣзда. Вѣроятно, преувеличенность надѣловъ по грамотамъ произошла отчасти отъ включенія неудобныхъ земель въ разрядъ удобныхъ. Мировые посредники, при повѣркѣ обязательнаго выкупа по двумъ уѣздамъ, Горецкому и Сѣнненскому, не сдѣлали перемѣнъ, отражающихся въ итогахъ, по двумъ уѣздамъ *убавили* земли противъ уставныхъ грамотъ (чрезъ болѣе вѣрное опредѣленіе земли неудобной) и лишь въ остальныхъ уѣздахъ вышла прибавка отъ 0,[illegible] до 0,[illegible] дес. на душу.

Количество земли не обложенной повинностью значительно лишь въ одномъ Чаусовскомъ уѣздѣ, а въ остальныхъ простирается отъ 0,16 до 0,56 дес. на душу.

Количество неудобной земли даже въ такомъ болотномъ уѣздѣ, каковъ Рогачевскій, доходитъ лишь до 0,71 дес. на душу, а во всей губерніи около половины десятины.

Крестьянское дѣло велось въ Могилевской губерніи довольно самостоятельно губернаторомъ Беклемишевымъ. Г. Беклемишевъ старался поправить крестьянское дѣло, такъ чтобы крестьяне получили возможно лучшее обезпеченіе землей. Правила обязательнаго выкупа давали возможность посредникамъ заботиться больше объ удовлетворительности крестьянскаго надѣла чѣмъ о правильномъ опредѣленіи повинностей. При всемъ томъ, какъ мы видимъ, поземельное обезпеченіе землей въ этой губерніи сохранило, по обязательному выкупу, почти тотъ же самый видъ, какой оно имѣло по грамотамъ.

Намъ остается еще разъ разсмотрѣть надѣлы тѣхъ уѣздовъ Витебской губерніи, въ которыхъ введено великорусское положеніе.

Уѣзды:	A	B	C	D	E	F	G	H
Витебскій	1.684	4,24	0,11	4,45	0,55	5	4,5	0,05
Лепельскій	1.668	3,42	0,06	3,48	0,77	4,26	4,5	1,02
Городокскій	974	4,7	0,27	4,97	0,99	5,96	5	0,03
Невельскій	935	4,18	0,23	4,41	1	5,41	4,5	0,09
Себежскій	798	4,04	0,09	4,13	1,14	5,27	4,5	0,37
Полоцкій	743	4,27	0,2	4,87	1,31	5,78	5	0,13
Великій	696	5,26	0,07	5.33	0,26	6,21	5,5	0,17

Въ Витебской губерніи высшія нормы надѣла по Положенію (графа G) превышаютъ дѣйствительные надѣлы по выкупу (графа D) во всѣхъ уѣздахъ, какъ это означено въ графѣ H. Подобное отношеніе высшихъ нормъ надѣла къ дѣйствительнымъ можно встрѣтить въ любой изъ великорусскихъ губерній.

Въ Витебской губерніи, бѣдной пастбищами, приходится самое ничтожное количество особо не оцѣненной земли, отъ 0,09 до 0,27 дес. на душу. Цифра неудобной земли довольно значительна отъ 1,31 до 0,55 дес., но объясняется просто: Витебская губернія испещрена множествомъ большихъ и малыхъ озеръ.

Существенные результаты обязательнаго выкупа по надѣлу крестьянъ землей, какъ видятъ читатели, вовсе не таковы, чтобъ ими вызывался крутой переломъ въ мѣстномъ крестьянскомъ дѣлѣ. Въ концѣ концовъ изложенные результаты нельзя не считать вообще удовлетворительными.

Намъ могутъ возразить, однако, что если не въ общихъ чертахъ дѣла, такъ въ отдѣльныхъ, частныхъ случаяхъ получались совершенно иные результаты,—бывали исключенія, сильно нарушавшія права и крестьянъ, и помѣщиковъ. Намъ укажутъ, напримѣръ, на имѣніе Кальве, помѣщика Комара, гдѣ у крестьянъ будто бы отрѣзано 1.600 дес., присужденныхъ имъ посредникомъ прежняго состава; или на имѣніе Медемродъ, барона Шеппинга, гдѣ пропущены спеціальныя пастбища крестьянъ и отнятъ надѣлъ у 62 семействъ батраковъ, пользовавшихся землей за повинность съ 1855 г.; или на имѣніе Укра, помѣщика фонъ-Браша, гдѣ у крестьянъ отрѣзано все третье поле и ближайшія къ селенію пастбища и сѣнокосы. Съ другой стороны, укажутъ, напримѣръ, на имѣніе Окмяновскія Котары, въ Мозырской части котораго деревня Переходичи имѣетъ будто бы 267 дес. оцѣненной земли на 3.739 особо не оцѣненной, считая, впрочемъ, съ неудобною землей. Мы не имѣемъ свѣдѣній, которыя давали бы намъ возможность судить о степени справедливости подобныхъ разказовъ. Замѣтимъ лишь, что большая часть куріозовъ, появлявшихся въ русско-польскихъ газетахъ, обыкновенно оказывались, по справкамъ на мѣстѣ, либо вовсе невѣрными, либо весьма преувеличенными. Положимъ, однако, что подобные разказы справедливы, но что жь изъ того?

Можно сказать утвердительно, что нѣтъ ни одной русской губерніи, въ которой крестьянское дѣло обошлось бы безъ погрѣшностей и даже куріозовъ, частію явившихся вслѣдствіе злоупотребленій, частію въ видѣ аномалій, произведенныхъ какими-либо исключительными обстоятельствами, выходящими изъ ряда обыкновенныхъ и потому не имѣвшимися въ виду при составленіи Положенія. Безъ сомнѣнія, счетъ земли въ нѣкоторыхъ уставныхъ грамотахъ и выкупныхъ договорахъ внутреннихъ губерній окажется, при инструментальной перевѣркѣ, не вполнѣ согласнымъ съ дѣйствительностію. Между тѣмъ внутри Россіи никто и не помышляетъ о принятіи общихъ мѣръ на основаніи исклю-

ченій и не видитъ въ случившихся аномаліяхъ повода чуть не къ новому поднятію крестьянскаго дѣла. Вѣсть о такомъ поднятіи поразила бы ужасомъ сельскихъ хозяевъ внутренней Россіи, умѣющихъ цѣнить возстановленное спокойствіе деревни и опасающихся всякихъ искусственныхъ колебаній въ устанавливающихся новыхъ отношеніяхъ къ крестьянамъ и въ новыхъ условіяхъ хозяйства.

Въ западной Руси, гдѣ крестьянское дѣло усложняется особыми политическими условіями края, было бы еще страннѣе видѣть принятіе общихъ мѣръ на основаніи исключительныхъ, частныхъ случаевъ.

W.

(*До слѣд.* №.)

ОГЛАВЛЕНIЕ

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЙ.

СЕНТЯБРЬ.

Стр.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

ОКТЯБРЬ.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

При семъ № прилагается особое объявленіе отъ редакціи журнала *Всемірный Путешественникъ.*

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ *РУССКОМУ ВѢСТНИКУ*.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ДОКТОРА БРЕДИ

РОМАНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ВИЛЬЯМА-ГОВАРДА РОССЕЛЯ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1868.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ДОКТОРА БРЕДИ.

РОМАНЪ.

ВИЛЬЯМА-ГОВАРДА РОССЕЛЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I. Я.

Говорятъ о „туманѣ прошлаго“. Не густая ли оно скорѣе туча, сквозь которую неясно мерцаетъ пройденный, уже не повторимый путь? Мнѣ, по крайней мѣрѣ, когда я оглядываюсь назадъ, представляется темная завѣса, дозволяющая лишь изрѣдка, урывками, бросить взоръ на былое. Я еще въ томъ возрастѣ, который люди среднихъ лѣтъ называютъ лучшею порой жизни, но тщетно пытаюсь я воспроизвести снова образы, нѣкогда наполнявшіе весь объемъ моего тѣснаго міра. Воспоминанія дѣтства подобны воспоминанію о вчерашнемъ закатѣ солнца. Мы помнимъ роскошь разливавшагося въ воздухѣ золотаго сіянія, помнимъ восторгъ, съ которымъ глядѣли мы на чудную игру свѣта въ лучезарномъ небѣ, но не можемъ заставить небо и воздухъ принять снова тотъ видъ, какой они имѣли. Мы удерживаемъ лишь общее впечатлѣніе, или, пожалуй, останавливаемся на какомъ-нибудь частномъ явленіи, продолжавшемся одну минуту, точно такъ же, какъ какая-нибудь развалина, куртина деревъ въ

пейзажѣ, случай, встрѣтившійся на дорогѣ, остаются въ памяти, когда все остальное, что радовало насъ, забыто.

Прежде всего помню я доброе лицо съ большими глазами, которое я страстно любилъ, когда мнѣ было года четыре. Помню хорошо сѣрые глаза, низкій, широкій лобъ съ прядями черныхъ волосъ, увѣнчанныхъ бѣлымъ чепцомъ, какъ черныя альпійскія сосны снѣговыми полянами. Мѣняющееся выраженіе этого лица было для меня источникомъ несказанныхъ радостей, или страданій. Но только и помню я о Гоннорѣ Флиннъ, моей нянькѣ, что руки у ней были сильныя и ноги проворныя, и что нѣсколько лѣтъ спустя я неистово отбивался отъ объятій женщины съ весноватымъ лицомъ, которая ласкала меня, между тѣмъ какъ слезы текли у ней по носу, и восклицала:

— Мистеръ Терри, да вѣдь я ваша Гоннора, ваша няня Гоннора, которую вы такъ любили!

Увы! Любовь эта исчезла безъ слѣда. Четыре года совершенно изгладили мою дѣтскую привязанность, и я былъ даже очень недоволенъ собой, что когда-нибудь позволялъ такому существу быть со мной въ очень близкихъ отношеніяхъ. Помню я также маленькое озеро, окруженное деревьями, лежащее посреди обширной лужайки, за которою я вижу „нашъ домъ", и между мною и озеромъ быстрый ручей, полный водяныхъ растеній, журча сбѣгающій по песчаному склону къ рѣчкѣ, которая впадала въ озеро. Вотъ сѣдой старикъ въ сѣромъ платьѣ, макающемся въ воду; стоитъ онъ, какъ мнѣ кажется, въ ужасныхъ глубинахъ и помахиваетъ надъ головой предлиннымъ прутомъ, на концѣ котораго вьется и падаетъ на воду тонкая леса. Что-то заплескалось и заныряло, и Макарти отступаетъ къ берегу.

— Вотъ вамъ, мистеръ Терри, важная форель. Подождите, я выну крючокъ, чтобъ она васъ не укусила. Возьмите ее пальчиками за жабры. Она не много поменьше васъ самихъ. Не хотите ли отнести ее домой и показать господамъ? Славная рыба, фунта два будетъ. Старый Данъ еще знаетъ свое дѣло.

Я какъ теперь вижу это водяное чудовище. Пестрые бока съ красными и желтоватыми отливами, страшные ряды зубовъ, острый носъ и темно-багровыя жабры. Помню какой крикъ ужаса испустилъ я и какъ поспѣшно бросился

бѣжать, когда оно въ предсмертномъ усиліи ударило мнѣ по ногамъ мокрымъ хвостомъ и завертѣлось въ травѣ.

Помню я также лицо темно-русаго мальчика, старающагося оттолкнуть твердую руку, умывающую его, отраженное въ зеркальцѣ моей маленькой спальной, и какъ тайкомъ ходилъ я поглядѣть на отраженье этого лица, спрашивая себя, будетъ ли оно когда-нибудь такое, какъ у Дана Макарти, или стараго доктора Нобля, который однажды объявилъ при мнѣ за обѣдомъ, что онъ въ дѣтствѣ былъ какъ двѣ капли воды похожъ на меня. У меня есть фотографія, спятая для дочери, убѣждающая меня, что я сдѣлался ужасно похожъ на доктора Нобля, который въ то время казался мнѣ величайшимъ лжецомъ изъ всѣхъ описанныхъ въ разказахъ и басняхъ, съ которыми я познакомился. Признаюсь, въ то время мнѣ было великою отрадой думать, что никогда, ни въ какомъ случаѣ не могу я такъ смѣшно состариться, какъ Данъ Макарти или докторъ Нобль, и если по временамъ закрадывались въ меня сомнѣнія, я опять справлялся съ зеркаломъ, убѣгая поспѣшно, лишь только заслышу шаги, словно было во мнѣ внутреннее убѣжденіе, что грѣхъ глядѣть на себя, какъ увѣряла Гоннора. Впрочемъ, я былъ исполненъ грѣха и срама, юная жизнь моя была запятнана ими, совѣсть укоряла меня во многихъ неузнанныхъ преступленіяхъ относительно сливокъ и сахара, преступленіяхъ, которыя никогда не были выведены на свѣтъ. Еслибъ я сталъ гоняться за всѣми воспоминаніями, проносящимися теперь предо мной какъ легкія облака, вамъ, вѣроятно, наскучило бы слѣдовать за мной. Перейду къ тому времени, когда жизнь сама начала чертить свою лѣтопись неизгладимыми знаками. И теперь еще ноги мои какъ будто путаются въ длинныхъ стебляхъ травы, когда я думаю объ одной прогулкѣ раннимъ утромъ, съ румянымъ старикомъ и миловидною дѣвочкой. Въ эту прогулку было открыто и наказано одно изъ моихъ тяжкихъ преступленій.

Такое свѣтлое, веселое было утро, что сердце билось сильнѣе, полное невыразимой радости и благодарности. Маленькую Мери Бутлеръ прислали изъ „за́мка“ къ намъ погостить до пріѣзда „новой гувернантки“. Гувернантки часто смѣнялись, пока Мери была молода и своевольна и сэръ-Ричардъ жилъ дома.

Мери, добрѣйшая и привлекательнѣйшая изъ дѣвочекъ,

сдержала обѣщаніе, данное за нашимъ завтракомъ, и попросила дѣдушку взять насъ съ собой посмотрѣть какъ будетъ онъ удить рыбу въ Каррѣ.

— Это коварный Терри тебя подбилъ, Мери. Ты промочишь ноги.

— Нѣтъ, *право же* нѣтъ, докторъ. Даю вамъ честное слово, что не промочу, воскликнула она, прижимая руку къ лифу бѣлаго кисейнаго платьица, — и не дамъ Терри упасть въ воду.

— О! Если даешь слово, промолвилъ дѣдушка серіозно, — такъ прикажи Дану приготовить удочки. Я сведу васъ къ Каррѣ и убью вамъ форель.

— Убивать не хорошо, я не люблю, прошептала Мери. — Каинъ убилъ Авеля. Но я посмотрю какъ вы ловите рыбу.

— Вѣдь форели не Авели, душа моя, сказалъ дѣдушка съ улыбкой, — да и стоитъ убивать ихъ за то, что сами онѣ убиваютъ множество невинныхъ существъ.

Карра было мѣсто заповѣдное. Меня всегда къ ней тянуло, но мнѣ запрещено было подходить къ берегу, съ тѣхъ поръ какъ однажды Данъ Макарти вытащилъ меня изъ пѣнящейся глубины. Не разъ послѣ того прокрадывался я къ рѣкѣ, прячась въ высокой травѣ, и глядѣлъ на страшныхъ жителей водъ, и вдругъ меня хватала еще болѣе страшная Гоннора, крѣпкая на руку и скорая на ногу, и грозныя слова звучали мнѣ въ уши. „Мистеръ Терри! Теперь ужъ непремѣнно скажу дѣдушкѣ.“ Но все же я полюбовался рѣкой, слышалъ ея журчанье, глядѣлъ на рыбокъ, плавающихъ, кружащихся, ныряющихъ, и видѣлъ поспѣшное ихъ бѣгство, когда большой окунь съ красною грудью, жабрами и блестящими глазами дѣлалъ нападеніе на ихъ сборище изъ своей норы подъ тростникомъ, или грозная форель внезапно врывалась въ ряды ихъ.

Мнѣ очень хотѣлось объяснить моей спутницѣ всѣ чудеса изслѣдованной мною глубины. Дѣдушка шелъ впереди, напрасно закидывая удочку, ибо вода была мелка и свѣтла, и рыба уходила отъ него, а мы съ Мери шли рука объ руку и рвали цвѣты. Я нарочно медлилъ и отставалъ, стараясь отвязаться отъ стараго Дана, который, получивъ строгое приказаніе не дать намъ упасть въ воду, слѣдилъ за нами неотступно.

— Данъ, сказалъ я, — дѣдушка зоветъ. Развѣ вы не слышите?

Данъ былъ немного глухъ. Мери поглядѣла на меня съ недоумѣніемъ и также прислушалась.

— Я не слышу, чтобы сквайръ кричалъ, сказала она спокойно.

— А я слышу, Мери. Вонъ онъ опять кричитъ, Данъ.

Старикъ приложилъ руку къ уху, постоялъ минуту, и услышавъ шорохъ вѣтра, пустился бѣжать. Я засмѣялся и шепнулъ Мери.

— Вотъ онъ и ушелъ. Дѣдушка далеко. Мы свободны минутъ на пять. Пойдемте сюда.

— А сквайръ не звалъ его? спросила Мери, выпрямившись, закинувъ голову назадъ и уставившись на меня. — Такъ значитъ, вы, Теренсъ, сказали.... неправду? проговорила она съ усиліемъ.

— Да вѣдь это я въ шутку, Мери, чтобы только спровадить стараго Дана и показать вамъ поближе что̀ дѣлается въ водѣ. Пойдемте со мной, — и я протянулъ ей руку.

Но она бросилась во всю прыть за Даномъ, восклицая плаксиво: „Ахъ! Какъ это дурно, Терри, говорить такую неправду!“

Я удивился и минуту стоялъ неподвижно. Но видя, что Данъ возвращается ко мнѣ, я пошелъ дальше по тропинкѣ, не обращая вниманія на его грозно поднятую руку и брань за мои „штуки“ и тщетно стараясь помириться съ Мери, которая не отходила отъ дѣдушки и, повидимому, была занята исключительно набранными въ подолъ цвѣтами. На лицѣ ея было выраженіе глубокой грусти, и когда, немного спустя, я сказалъ ей: „Пожалуста, помиритесь со мной, Мери,“ она отвѣчала: „Нѣтъ! Не помирюсь, пока не помолитесь сегодня вечеромъ и не обнаружите раскаянія въ томъ, что сказали неправду.“

Какой она была суровый моралистъ, и какъ жалѣлъ я, что у ней такія строгія понятія! Это разстроивало цѣлый рядъ прекрасныхъ штукъ, которыя я намѣревался выкинуть съ ея помощью. Очень горько было мнѣ это. Дѣдушка остановился показать намъ пойманную рыбу и воскликнулъ:

— Однако васъ, дѣти, совсѣмъ не слышно. Что̀ съ вами сдѣлалось?

Я почувствовалъ, что лицо мое все вспыхнуло, и съ трудомъ проговорилъ:

— Мери сердится на меня за что-то и не хочетъ со мной играть.

— Мери сердится? Да ты, кажется, самъ сердишься больше ея. Въ чемъ дѣло? спросилъ старый джентльменъ, пріостановившись въ насаживаньи мухи на крючокъ и оглядывая насъ въ очки.—Онъ приставалъ къ вамъ, Мери?

— О! нѣтъ, право нѣтъ, милый докторъ! сказала она, прижимая къ груди подолъ съ цвѣтами, такъ что только голова ея виднѣлась изъ-за нихъ.—Теренсъ нисколько не приставалъ ко мнѣ, онъ очень добръ и милъ, онъ только пошутилъ, хотѣлъ доставить мнѣ удовольствіе. О! воскликнула она вдругъ, всплеснувъ руками и роняя наземь всѣ цвѣты: — не сердитесь! Теренсъ сказалъ неправду. Онъ теперь жалѣетъ, я увѣрена, и обѣщаетъ никогда больше этого не дѣлать, если вы его простите. Не правда ли, Терри? обратилась она ко мнѣ съ молящимъ взглядомъ, который я вижу какъ теперь.

— Неправду! Гм.... Неправду! проговорилъ дѣдушка, держа муху пальцами.—Это очень не хорошо. Въ чемъ же дѣло-то? Авось бѣда не такъ еще велика. Ну, ужь если начали, такъ договаривайте же, Мери, до конца. Можетъ-быть, дѣло уголовное, въ такомъ случаѣ мы можемъ тотчасъ же принять мѣры относительно виновнаго. Вѣдь вы знаете, что я *мировой* судья.

Миссъ Мери Бутлеръ съ нѣкоторымъ колебаніемъ и со взглядами на меня, ясно говорившими, что ей очень жаль, но что она должна исполнить свой долгъ, изложила всѣ подробности моего ужасающаго преступленія. Я чувствовалъ себя виноватымъ съ ногъ до головы; я глазъ не смѣлъ поднять.

— А я ему говорила, что не слышу вашего голоса, еще прежде чѣмъ Данъ побѣжалъ, заключила она.

— Фью, свистнулъ докторъ тихо.—Дѣло поистинѣ ужасное! Гдѣ этотъ мальчикъ набрался такого коварства? И гдѣ вы, моя милая Мери, научились такой любви къ правдѣ? Вѣдь не въ замкѣ же? Ужь конечно нѣтъ! Конечно нѣтъ, повторилъ онъ, кладя руку на ея темнорусыя кудри.—Это природа дала вамъ, дитя мое. Вы вся въ мать, а въ ней сосредоточены были чуть ли не всѣ добродѣтели вашего семейства. Ну, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—видишь, Терри, какъ ты провинился! Тебѣ остается только обѣщать, что не будешь болѣе говорить неправду, но если обѣщаешь, такъ надо ужь сдержать слово.

Я глубоко чувствовалъ свою вину и глубоко обрадовался.

когда Мери взяла меня за руку и просила не сердиться на нее: „Она вѣдь не со зла меня выдала.“

Не разъ припоминалась мнѣ эта сцена на Каррѣ, и я улыбался всѣмъ ея обстоятельствамъ, кромѣ серіознаго лица моей спутницы и великой радости, какую почувствовалъ я, когда все было кончено. Урокъ былъ такой легкій, и случай такой пустой, что не могъ оставить глубокаго впечатлѣнія; да и улыбка дѣдушки показывала мнѣ, что въ сущности я совершилъ не очень тяжкое преступленіе.

Старый домъ, носившій громкое названіе Бредистоунъ-Гоусъ, да нѣсколько сотенъ акровъ земли, словно только что вышедшей изъ-подъ потопа, которую утка сочла бы землей, а курица водой, вотъ все, что̀ оставалось семейству, котораго дѣдъ мой считалъ себя главою, отъ владѣній нѣкогда довольно обширныхъ. Домъ былъ массивный, краснаго кирпича, съ каменными карнизами и выбѣленными известкой колоннами. Ему придавалъ недодѣланный видъ небольшой флигель съ одной стороны, который послѣдній О'Бреди не успѣлъ, да и не могъ бы окончить за недостаткомъ денегъ. Домъ этотъ былъ построенъ въ началѣ прошлаго столѣтія, послѣ того какъ „за́мокъ“ былъ разрушенъ отрядомъ войскъ Де-Гинкеля, шедшимъ къ Шаннону, въ наказаніе владѣльцу, присоединившемуся къ королю Якову. Развалины за́мка находились неподалеку, онѣ служили погребами и зимнимъ загономъ для скота, и камни изъ нихъ пошли на постройку стѣнъ сада.

Домъ стоялъ на отлогомъ холмѣ, посреди старыхъ деревъ, на которыхъ нѣсколько вѣрныхъ скворцовъ продолжали вить гнѣзда, не соблазняясь заманчивыми удобствами рощей, окружающихъ жилище сэръ-Ричарда Десмонда. Предъ окнами плохо содержанная лужайка, служившая пастбищемъ, примыкала къ болоту, простиравшемуся до залива Карры, съ одной стороны, а съ другой стороны переходившему въ рядъ мелкихъ озеръ, принимавшихъ воды съ возвышенностей, на отрогѣ которыхъ архитекторъ воздвигъ жилище семейства. Изъ принадлежавшей намъ земли бо̀льшую часть фермеръ вовсе не назвалъ бы землей. Вся хорошая пашня отошла по кускамъ, иногда очень значительнымъ. Дренажъ освободилъ поля сэръ-Ричарда отъ воды, которая вся какъ будто излилась на нашу землю. Нѣсколько жалкихъ земледѣльцевъ держали участки болотистой почвы скорѣе въ видѣ дара со

стороны владѣльца чѣмъ за опредѣленную плату. Ихъ хижины, разбросанныя по болоту посреди зелени, обозначавшей еще незатопленныя мѣста, похожи были на огромные муравейники: темные бугры безъ опредѣленной формы, но не безъ содержанія, ибо у каждаго селянина было по нѣскольку дѣтей, которыми онъ пользовался какъ оружіемъ въ борьбѣ съ владѣльцемъ, или агентомъ правительства за уплату какой-то воображаемой аренды.

Какъ же дошло до этого? Исторія длинная, обнимающая нѣсколько столѣтій. Вотъ вкратцѣ послѣднія ея событія.

Морисъ О'Бреди, женившись на одной изъ Десмондовъ въ концѣ царствованія Елисаветы, воротилъ самое малое изъ помѣстій, которыхъ отецъ его лишился вслѣдствіе вынужденнаго участія въ заговорѣ О'Нейля. Его послали за границу, чтобъ онъ сдѣлался хорошимъ католикомъ, но въ странствіяхъ своихъ, еще несовершеннолѣтнимъ, онъ провелъ нѣсколько времени въ Пражскомъ университетѣ, и въ столкновеніяхъ, возникшихъ между строгими католиками и новыми свѣтилами времени, отличался своимъ усердіемъ на сторонѣ послѣднихъ, такъ что отецъ, жившій въ уединеніи, *заботившійся* лишь о спасеніи души въ кругу ирландскихъ Бенедиктинцевъ въ Парижѣ, радовался, что такой отъявленный гусситъ и еретикъ не наслѣдуетъ отъ него поземельной собственности. Но немного спустя, когда Морисъ, приставъ къ имперіалистамъ, заслужилъ себѣ имя храбраго солдата, къ которому чрезъ нѣсколько лѣтъ присоединилъ репутацію искуснаго офицера, старикъ радовался, что сынъ его оказался однако хорошимъ католикомъ, и горевалъ о превратности судьбы, давшей Эссексу такія легкія побѣды и не оставившей Лохъ-на-Каррскимъ О'Бреди ничего, кромѣ горькихъ воспоминаній и разореннаго состоянія. По смерти отца Морисъ получилъ небольшую сумму денегъ и завѣщаніе вернуться на родину.

„Не дай угаснуть роду. Врагъ только и желаетъ, чтобы всѣ мы вымерли. Мы должны дѣйствовать дипломатически, Морисъ, дѣйствовать дипломатически: наблюдать и выжидать. Если левъ увидитъ охотника, онъ убьетъ его, но если охотникъ бдителенъ, остороженъ и терпѣливъ, онъ, наконецъ, одолѣетъ звѣря.“

Пріятель Сиднея, котораго Морисъ спасъ во внезапномъ пораженіи христіанъ на берегахъ Лейты, исходатайствовалъ

ему прощеніе въ томъ, что онъ сынъ нераскаяннаго бунтовщика. Даже самъ лордъ-намѣстникъ выразилъ мнѣніе, что капитанъ Бреди можетъ быть полезнымъ слугой королевы, если она приметъ его въ милость, такъ какъ онъ джентльменъ храбрый и добропорядочный, съ подобающимъ сознаніемъ заблужденій своего отца, и никакъ не можетъ считаться враждебнымъ папистомъ. Дѣйствительно, Морисъ Бреди, отбросившій въ это время первый слогъ отъ своей фамиліи, получилъ позволеніе явиться ко двору королевы и черезъ два года послѣ своего возвращенія на родину имѣлъ счастіе жениться на младшей дочери одного изъ Десмондовъ, семейства, принадлежавшаго къ числу могущественнѣйшихъ въ этой части Ирландіи. Два года спустя, дарственною записью, возбудившею не мало ропота въ ирландскомъ парламентѣ, ему была возвращена часть его родовыхъ имѣній. Мориса Бреди всѣ считали въ душѣ протестантомъ, ожидающимъ только случая открыто объявить свое обращеніе. Но случай этотъ никогда не представился, и въ глазахъ сосѣдей норманскаго и англійскаго происхожденія Морисъ все-таки былъ едва ли чѣмъ лучше обыкновеннаго измѣнника Ирландца. Живя посреди народа варварскаго, или по крайней мѣрѣ посреди племени, котораго образованности онъ не понималъ, съ языкомъ котораго былъ не знакомъ, старый солдатъ сдѣлался жертвой скуки. Существовало сильное подозрѣніе, что онъ былъ замѣшанъ въ возстаніи Ирландцевъ въ царствованіе Якова. Когда жена его померла родами, Морисъ отправился изъ Гальве въ Испанію, оставивъ единственнаго сына и наслѣдника своего на рукахъ у брата покойной жены, вступилъ снова въ службу императора и былъ убитъ въ сраженіи при Бѣлой Горѣ.

Теренсъ, сынъ его, выросъ въ преданіяхъ Десмондовъ и воспитывался въ Англіи. Послѣ разгульной молодости онъ женился на дѣвушкѣ изъ дома Варвикширскихъ Люси и палъ въ междуусобной войнѣ, сражаясь съ свойственнымъ его роду упорствомъ за короля.

Изъ двухъ сыновей и трехъ дочерей его никто не видалъ страны его предковъ, кромѣ младшаго, Джеральда, который, по ходатайству англійскихъ друзей, получилъ во владѣніе Лохъ-на-Каррѣ и Кильмойль въ концѣ царствованія Карла II. Джеральдъ въ послѣдствіи доказалъ свою признательность присоединеніемъ къ роялистамъ по призыву Тирконнеля за

осаксонить кельтовъ, которая въ былое время п|
мало пользы и такъ много вреда. Онъ встрѣт
племя, съ чуждыми ему нравами, съ незнакомым
и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ безплодныхъ усилій
селянъ своихъ необращенными и домъ неоконч
нулся въ Англію въ негодованіи, примкнулъ къ
тельныхъ остряковъ изъ партіи виговъ, собир
кофейной подлѣ Линкольнсъ-Иннъ-Фильдса; пис
бытыхъ статей; участвовалъ во многихъ стол
передрягахъ, и умеръ отъ раны, полученной въ
кѣ при выходѣ изъ Друри-Лена.

Несчастливый былъ родъ. Что̀ одинъ добудет
непремѣнно опять утратитъ. Ни одинъ Бреди, въ
гихъ лѣтъ, не воспитывался въ своей странѣ,
малѣйшаго сочувствія къ своему народу. Они т
ко могли денегъ, и тратили ихъ. Что̀ же и дѣл
добропорядочному джентльмену, не склонному к
гдѣ кончается вѣрность, гдѣ начинается измѣн
тѣ дни хорошенько не зналъ, пока черта не был
мечомъ, или рѣшеніемъ большинства живущихъ
рону канала.

Мой дѣдъ, докторъ Теренсъ Бреди, наслѣдова
оставалось отъ постоянно уменьшающагося имѣн
Каррѣ; и въ одно изъ тѣхъ страшныхъ посѣщені

не тронули Лохъ-на Карре, и въ Дублинскомъ замкѣ сомнѣвались въ вѣрности доктора Бреди, узнавъ, что бунтовщики не только не разорили его дома, но вынесли доктора на рукахъ изъ села, гдѣ нашли его у постели умирающаго, и стояли на стражѣ у его воротъ, пока не ушли на соединеніе съ главною шайкой. Не было однако недостатка въ доказательствахъ, что онъ со слезами на глазахъ просилъ ихъ оставить его, и безоружный посреди ихъ начальниковъ предсказывалъ имъ неудачу и ожидающую ихъ судьбу. Воображаю, какъ былъ онъ краснорѣчивъ. Я знаю, что его уговаривали занять мѣсто въ ирландскомъ парламентѣ люди, думавшіе, что его дарованія доставятъ ему видное положеніе въ политическомъ мірѣ. Но онъ любилъ свои книги и деревню, любилъ дѣлать добро, плоды котораго могъ видѣть своими глазами. Главною цѣлью его жизни было привести въ порядокъ и устроить Лохъ-на-Карре для сына, поступившаго шестнадцати лѣтъ въ военную службу. Въ одинъ печальный день почталіонъ остановилъ кабріолетъ доктора на дорогѣ и подалъ ему письмо съ большою черною печатью. Дѣдушка вернулся домой, и входя въ сѣни, спокойно сказалъ своей старой экономкѣ:

— Онъ погибъ! Бѣдный мой сынъ! Вдова и ребенокъ пріѣзжаютъ сюда, въ свое единственное убѣжище. Милый мой Джакъ! Умереть въ индѣйскомъ камышѣ! Тяжело! Но да будетъ воля Божія!

Мнѣ говорили, что со дня полученія этой вѣсти онъ сдѣлался другимъ человѣкомъ, но не могу себѣ представить, чтобъ онъ могъ быть когда-нибудь добрѣе и ласковѣе чѣмъ я зналъ его.

II. Дома.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ дорожная карета подъѣхала къ гостинницѣ подъ Десмондовымъ Гербомъ въ городѣ Кильмойлѣ, событіе, возбудившее не мало любопытства въ этой далеко не цвѣтущей мѣстности. Не то чтобы карета была новостью, или лошади, или почталіонъ — всѣ знали „дворянскую карету“ мистрисъ Демпсе; высокіе, худощавые, горбоносые кони пользовались громкою извѣстностью за необыкновенную способность брыкать, кусать и прыгать, и какъ полагаютъ, были устранены отъ почтовой службы вслѣдствіе непреодолимой склонности идти вскачь; а „старый

черные кудри, выпадавшіе изъ-подъ складокъ гр
лосатой чалмы, виднѣлись массивныя серьги. То
кафтанъ, застегнутый около шеи, оставлялъ отк
ную кожу на груди, обхватывался толстою шалы
ною вокругъ пояса, и ниспадалъ до колѣнъ. Когд
носившая кудри и серьги, вышла изъ кареты, т
торой успѣли уже присоединиться двѣ трети жи
мойля, замѣтила съ изумленіемъ и радостью, что
кихъ бѣлыхъ панталонъ, довершавшихъ костюм
мой личности, высовывались большія, темныя, го
серебряными кольцами на мизинцахъ. Общее л
дошло до крайней степени, когда свертокъ бѣло
лежавшій на рукахъ этого страннаго существа,
пронзительный крикъ, совершенно схожій съ кри
новеннаго младенца, какъ могли судить многія на
тутъ женщины, хорошо знакомыя съ этимъ звук
этотъ испустилъ я, Теренсъ Бреди, будучи
отъ сладкаго сна выходомъ Могуна на землю
ной кареты. Подъ вліяніемъ чувствъ, возбужден
крикомъ, толпа готова была потребовать, чтобы
часъ же ей показали, но большая обезьяна съ с
ошейникомъ и цѣпью на шеѣ, спавшая въ уг
появилась на ступенькахъ и, осклабляясь кругом
лицо украшенное бакенбардами и длинною с...

несчастнаго капитана Бреди съ нянькой и ребенкомъ, что ихъ сдалъ ему кондукторъ дилижанса изъ Корка, строго поручивъ имѣть особенное попеченіе о волосатой дамѣ съ ошейникомъ, которая и есть нянька.

— Какъ бы то ни было, я видѣлъ лицо ребенка, оно также бѣло какъ мое (опредѣленіе бѣлизны, между прочимъ, довольно плохое). Не понимаю, какъ эта бѣдная индѣйская дама можетъ быть его матерью: она черна какъ сажа. Но какихъ не бываетъ диковинъ въ чужихъ краяхъ?

Дѣдъ мой, давно ожидавшій нашего прибытія, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, былъ застигнутъ врасплохъ извѣстіемъ, что „пріѣхалъ маленькій сынъ капитана съ двумя странными Индѣйцами“. Онъ грустно улыбнулся, надѣвая сапоги, и воскликнулъ:

— Вы принимаете бѣдную мистрисъ Бреди за мущину, Патъ?

— Помилуйте, ваша честь! Я видѣлъ ихъ всѣхъ, и если есть между ними дама, такъ у ней на лицѣ не меньше волосъ чѣмъ у сержанта Квина въ Атлонѣ!

Когда докторъ Бреди, пропустивъ безъ вниманія это замѣчаніе, вошелъ въ комнату въ Десмондовой гостиницѣ, онъ остановился, не менѣе изумленный чѣмъ любой изъ жителей городка.

Могунъ, присѣвъ на полу и держа большой тазъ между колѣнъ, тщательно мылъ меня съ ногъ до головы. Онъ снялъ чалму для бóльшаго удобства; курчавые черные волосы падали ему на лицо. почти совершенно закрывая его черты, но оставляя однако на виду большія серьги въ его ушахъ. Его широкая бѣлая одежда была очень похожа на женское платье, и маленькій ростъ его подтвердилъ мысль овладѣвшую на минуту умомъ моего дѣдушки, когда онъ увидѣлъ на стулѣ предъ зеркаломъ другую фигуру, еще меньше ростомъ, съ огромнымъ головнымъ уборомъ, съ роговыми очками на носу, закутанную въ бѣлое.

„Боже мой! подумалъ онъ, какъ потомъ самъ разказывалъ друзьямъ: — неужели мой бѣдный сынъ женился на туземкѣ? Неужели это существо моя невѣстка?“

Дѣло въ томъ, что Джакко, отличавшійся степенностью, несвойственною обыкновенно его породѣ, надѣлъ Могунову чалму, закутался въ мое бѣлье, не обращая особеннаго вниманія на настоящее назначеніе различныхъ предметовъ,

надѣлъ очки, оставленныя на книгѣ мистрисъ Демпсе, и разсматривалъ въ зеркалѣ свою наружность. Вслѣдствіе этого въ умѣ моего дѣда мелькнула ужасная мысль, что Могунъ моя мать, а обезьяна, которой лица онъ не могъ хорошенько разглядѣть, какой-нибудь любимый слуга.

— Гдѣ капитанша? Гдѣ моя невѣстка? спросилъ онъ, оглядывая комнату.

Могунъ, одѣвъ меня въ чистое платье, вынутое изъ привезеннаго въ каретѣ чемодана, успѣлъ тѣмъ временемъ подобрать свои волосы и надѣть чалму. Онъ оглянулся осторожно, и подходя бокомъ къ моему дѣду, подалъ меня ему обѣими руками.

— Вотъ маленькій саибъ, другаго никакого у меня нѣтъ. Кромѣ саиба Терри, да меня, да вонъ того чернаго никто не пріѣхалъ, саибъ, увѣряю.

— Гдѣ ваша хозяйка? Гдѣ мистрисъ Бреди? Что̀ это все за безсмыслица?

Могунъ осторожно положилъ меня на стулъ. Затѣмъ, развязавъ поясъ, развернулъ его, вынулъ кожаный мѣшечекъ, разрѣзалъ связывавшую его тесемку и показалъ моему дѣду письмо.

— Вы, саибъ, отецъ саиба Бреди? спросилъ онъ. — Такъ это письмо къ вамъ.

— Конечно, отецъ! Конечно, ко мнѣ! вскричалъ докторъ, схватилъ письмо и сломалъ черную печать. Прочитавъ лишь нѣсколько строкъ, онъ испустилъ восклицаніе изумленія и смялъ письмо въ рукѣ.

— Боже мой! Возможно ли? Что̀ за бездушное созданье! простоналъ онъ:—какая судьба!

Дѣдъ мой закрылъ лицо руками. Потомъ, спустя минуту, подошелъ къ креслу, на которомъ я лежалъ, взялъ меня на руки, поцѣловалъ и проговорилъ, между тѣмъ какъ слезы текли по его щекамъ:

— „Не оставьте моего ребенка!“ Нѣтъ, я не оставлю тебя, бѣдный малютка, выброшенный на этотъ суровый берегъ. Пока я живъ, сынъ моего сына будетъ моею единственною заботой. Это непонятно! Этому нельзя повѣрить. И однако онъ, должно-быть, любилъ ее!

Джакко овладѣлъ письмомъ, развернулъ его очень бережно и разсматривалъ съ большимъ любопытствомъ. Дѣдушка внезапно бросился на него, воскликнувъ:

— Отдай, мошенникъ, отдай!

Джакко навѣрное не отдалъ бы, еслибы Могунъ, который до сихъ поръ стоялъ неподвижно, скрестивъ руки и внимательно всматриваясь въ лицо доктора, не присоединился къ нему и не отнялъ документа.

— Поѣзжайте съ молодымъ хозяиномъ вашимъ въ каретѣ. Вещи ваши кто-нибудь изъ прислуги привезетъ на телѣгѣ вмѣстѣ съ вашимъ волосатымъ спутникомъ. Я буду дома прежде васъ и приставлю няньку къ ребенку.

Дѣдушка ушелъ съ письмомъ въ заднюю комнату гостиницы. Онъ пробылъ тамъ около получаса, и когда вышелъ, на лицѣ его не было обычнаго бодраго, веселаго выраженія.

— Докторъ опять горюетъ о капитанѣ. Пріѣздъ внука разстроилъ его, — замѣтила мистрисъ Демпсе. — А можетъ-быть, и внезапное извѣстіе о томъ какъ бѣдняжка утонула. Довольно ему бѣдному горя. Теперь у него на шеѣ еще ребенокъ и этотъ черный Турокъ, да еще то чудовище,—есть отъ чего съ ума сойти. Дай Богъ ему силы!

Такимъ образомъ исторія моего сиротства сдѣлалась извѣстною, прежде чѣмъ отчетъ о томъ, какъ корабль *Россшейръ* едва избѣгнулъ гибели и страшная волна унесла съ его палубы двадцать три человѣка, попалъ въ газеты.

Я зналъ объ отцѣ моемъ только то, что онъ былъ человѣкъ высокаго роста, съ темными глазами, слѣдившими за мной со стѣны, какъ проходилъ я по комнатѣ, со свѣтлыми, коротко обстриженными волосами, съ небольшими бакенбардами, рѣзко оканчивающимися на одной линіи съ концомъ носа; что носилъ онъ красную одежду съ большими серебряными эполетами, панталоны лимоннаго цвѣта и весьма лоснящіеся сапоги. Онъ стоялъ предо мной, опираясь одною рукой на страшную кривую саблю. Въ другой рукѣ держалъ онъ пару перчатокъ и киверъ съ перьями, а за его спиной происходило весьма жестокое сраженіе на склонѣ очень синей горы, застланной отчасти дымомъ горящаго города, въ которомъ дрались слоны, верблюды, черные люди въ бѣлыхъ одеждахъ и бѣлые люди въ красныхъ одеждахъ, между тѣмъ какъ весьма спокойный туземный философъ держалъ неподалеку коня, на случай если бой кончится несчастно для отряда капитана Бреди, которому однако удалось разбить знаменитаго Полль Синга и взять приступомъ его крѣпость.

Были предметы, напоминающіе о немъ, и кромѣ произве-

денія калькутскаго артиста. Тигровыя кожи съ дырами, пробитыми пулями, въ которыя я просовывалъ пальцы, чучела птицъ, индѣйскія диковинки, модели крѣпостей, и драгоцѣннѣйшіе всего отчеты, въ которыхъ имя его упоминалось съ похвалой, и дневной приказъ, повышающій его чиномъ за отличную службу и храбрость въ дѣлѣ.

Дѣдъ мой уменьшилъ нѣсколько впечатлѣніе, производимое на меня этимъ портретомъ, сказавъ однажды, какъ я смотрѣлъ на него:

— Не думай, Терри, что этотъ портретъ очень похожъ на твоего отца. У него не было такого суроваго выраженія, по крайней мѣрѣ какъ я его видѣлъ. Онъ не былъ такъ сердитъ. У него были прекрасныя руки и ноги, глаза были мягче и свѣтлѣй. Однако есть нѣкоторое сходство; можно узнать его, но и только.

— А вотъ этотъ портретъ очень похожъ на маменьку, дѣдушка? спросилъ я съ полною увѣренностью что онъ скажетъ: да. Вѣра моя въ портретъ отца совершенно пропала.

— Этого не могу сказать тебѣ, мой другъ. Ты вѣдь знаешь, что я никогда не видалъ ея. Отецъ твой женился въ Индіи. Но маіоръ Турнбуль, приходившій ко мнѣ изъ замка побесѣдовать о моемъ бѣдномъ сынѣ, съ которымъ былъ очень друженъ, говорилъ, что портретъ очень хорошъ, но что нѣтъ живописца въ Индіи, да пожалуй и на всемъ свѣтѣ, способнаго передать вполнѣ чудную красоту, возбуждавшую зависть во всѣхъ товарищахъ Джака и заставлявшую ихъ считать его сначала счастливѣйшимъ человѣкомъ.

— Почему же только сначала, дѣдушка? Развѣ они не всегда считали его счастливымъ?

Дѣдушка, нѣсколько запинаясь и глядя мнѣ прямо въ лицо, отвѣчалъ:

— Мать твоя была не крѣпкаго здоровья. Хворать въ Индіи стóитъ дорого, вотъ и все.

Часто, глядя на прелестное лицо, которому живописецъ, какъ видно, болѣе искусный нежели артистъ пытавшійся списать отца моего, сумѣлъ придать необыкновенно привлекательную нѣжность и простоту, я радовался, что здѣсь, по крайней мѣрѣ, имѣю предъ собой вѣрное подобіе одного изъ тѣхъ лицъ, которыхъ никогда не увижу на землѣ.

Моя мать полулежала на кушеткѣ, одна рука ея была спрятана въ потокѣ золотистыхъ волосъ, а другою она ласкала

пестрое животное, которое нянька называла мнѣ молодымъ тигромъ, но въ которомъ въ послѣдствіи я узналъ оселота, одинъ изъ изящнѣйшихъ видовъ кошачьей породы. Прищуривъ глаза, звѣрь, играя, какъ будто кусалъ ея тонкіе пальцы; на темной кожѣ его рѣзко выдѣлялась снѣжная бѣлизна ея руки. Широкое, бѣлое платье ея, перехваченное на таліи золотымъ поясомъ, падало изящными складками, изъ-подъ которыхъ виднѣлся кончикъ прелестной ножки, обутой въ роскошную туфлю, а другая, удивительно маленькая, висѣла обнаженная на краю кушетки, будто въ порывѣ нетерпѣнія легкая обувь была сброшена на коверъ. Глаза, мечтательно задумчивые, глядѣли въ пространство,—синевато-голубые глаза, прикрытые длинными, темными рѣсницами, одного цвѣта съ красиво очерченными бровями. Верхняя, слегка приподнятая губа открывала рядъ бѣлыхъ зубовъ, будто тихо вздыхая, или произнося какое-нибудь ласковое слово; изъ-подъ густыхъ волосъ виднѣлся маленькій пальчикъ, приложенный къ углу рта.

Во всей позѣ выражалась лѣнивая нѣга. Подлѣ кушетки, на полу, лежала открытая книга, упавшая на цвѣты, разсыпанные по богатому ковру. Лучи заходящаго солнца, прокрадываясь въ полузавѣшенное окно, освѣщали лицо этого прелестнаго существа, казавшагося мнѣ ангеломъ, отдыхающимъ въ волшебномъ покоѣ, посреди невыразимо пышной обстановки драгоцѣнныхъ матерій, золота и серебра. Я заглядывался ребенкомъ на эти глаза до тѣхъ поръ, пока мнѣ казалось, что они отвѣчаютъ на мой взглядъ; я говорилъ съ „милою маменькой“ до тѣхъ поръ, пока мнѣ чудилось, что нѣжное слово вылетаетъ изъ раскрытыхъ губъ. Часто, ставъ на стулъ, я старался разными уловками привлечь на себя вниманіе темноголубыхъ зрачковъ, и цѣловалъ плоское, холодное полотно. Но къ молодому тигру я питалъ ненависть, побудившую меня однажды предпринять на него нападеніе палкой, остановленное лишь вмѣшательствомъ бдительной Гонноры.

Словомъ, этотъ портретъ былъ для меня какъ бы жертвенникомъ, на которомъ я приносилъ дары любви и нѣжности памяти моей матери. Если снились мнѣ ангелы, то они являлись мнѣ въ образѣ моей матери, и часто въ дѣтскихъ молитвахъ я просилъ Бога взять меня отъ земли и соединить съ нею.

Когда постигало меня дѣтское горе, я прокрадывался в старую, темную комнату, рѣдко посѣщаемую, съ тѣхъ поръ какъ миновали дни званыхъ обѣдовъ, и повѣрялъ ея изображенію мои печали, и со слезами прижималъ губы къ безмятежному лицу, пока оно согрѣвалось подъ ихъ прикосновеніемъ.

Этотъ портретъ былъ для меня идеаломъ всякаго совершенства, всего добраго, чистаго и прекраснаго. Часто ночью я лежалъ безъ сна, глядя въ пустую темноту, до тѣхъ поръ пока огненныя точки, прыгавшія у меня предъ глазами, исчезали, и въ воздухѣ являлся прелестный образъ въ бѣлой одеждѣ, улыбающійся мнѣ глазами и устами. Добрая Гомара, озабоченная моимъ скорымъ, прерывистымъ дыханіемъ пробуждала меня отъ забытья и объявляла, что портретъ околдовалъ мистера Терри; что если я не оставлю этого, такъ надо удалить его изъ дому.

Исторія, жадно собранная мною изъ отрывочныхъ намековъ, пока я не выпыталъ у няньки неотступными вопросами всѣхъ подробностей, была коротка и печальна. По смерти отца, случившейся внезапно, мать моя, не имѣвшая богатыхъ родственниковъ, отправилась въ Европу на индѣйскомъ кораблѣ *Россшейръ*. Корабль ударился о подводныя скалы на высотѣ Цейлона. Это случилось ночью. Пассажировъ было много. Они бросились на верхъ, пробужденные трескомъ. Когда они толпились на палубѣ, страшная волна ударившая чрезъ корабль, унесла многихъ въ кипучую пучину. Въ томъ числѣ была и мать моя съ своею горничною.

„О! восклицалъ я: — зачѣмъ не унесло и меня? Зачѣмъ остался? На что я нуженъ? Погибнуть въ ужасной бездн, гдѣ крики заглушались воемъ вѣтра и шумомъ воды, гдѣ прелестное тѣло ея билось о жесткія скалы!“

Ея и спутниковъ ея уже болѣе не видали. Крѣпкій корабль былъ отнесенъ другою волной на коралловую мель и лежалъ нѣсколько часовъ поврежденный, полуразбитый. Но буря, ослабѣвшая, когда корабль ударился о скалы, утихла. Море успокоилось; подняли запасный парусъ, и кое-какъ *Россшей* добрался до Галльской пристани. Перейдя на другой корабль, Могунъ, Джакко и я, послѣ многихъ приключеній, въ которыхъ первые играли видную роль, были доставлены въ цѣлости въ Десмондовскую гостинницу, какъ разказано выше.

Подростая, я сталъ замѣчать, что въ обращеніи со мною

всѣ обнаруживаютъ какое-то состраданіе, какую-то нѣжность, начиная отъ добраго моего дѣдушки и до деревенскихъ дѣвочекъ, преодолѣвшихъ страхъ предъ Могуномъ и обезьяной его на столько, что рѣшались подходить къ моей телѣжкѣ, когда Патъ торжественно вывозилъ меня, въ сопровожденіи моихъ двухъ темныхъ спутниковъ.

Долгое время мнѣ это казалось естественнымъ. Я былъ избалованъ постояннымъ ухаживаньемъ и сочувствіемъ, котораго не понималъ. Одинъ только Могунъ внушалъ мнѣ заботу. Не хорошо жилось ему на новомъ мѣстѣ, и съ каждымъ годомъ возрастали для него неудобства. Онъ называлъ себя христіаниномъ и католикомъ; но отецъ Дреннанъ, приходскій священникъ, объявлялъ, что онъ чуть ли не явный еретикъ. Отецъ Дрейверъ, викарій, утверждалъ, что онъ совершенный язычникъ. Дѣйствительно, религіозныя понятія Могуна были основаны на смѣшеніи индусской вѣры съ христіанскою, въ которомъ миссіонеры нерѣдко полагаютъ обращеніе туземцевъ. Онъ упорно отказывался идти на исповѣдь, и послѣ нѣсколькихъ воскресеній лишилъ прихожанъ большаго удовольствія, переставъ ходить къ обѣднѣ, потому, какъ объяснялъ онъ, что „бѣлые будмаши" на него глазѣютъ и стаскиваютъ его чалму. Этими объясненіями докторъ удовлетворился тѣмъ охотнѣе, что въ отсутствіе Могуна Джакко выкидывалъ въ домѣ нестерпимыя штуки.

„Онъ и ѣстъ не по-христіански," говорила прислуга. Могунъ садился поодаль, на полу, съ непокрытою головой, и ѣлъ рисъ, сваренный имъ самимъ, давая горсточки обезьянѣ, зорко слѣдившей за нимъ. Онъ носилъ четки, но не считалъ ихъ, какъ слѣдуетъ. Бидди Геннесси, скотница, была однажды вынуждена дать ему „настоящую таску", за то что онъ пытался поцѣловать ее. Въ этомъ, да еще въ пристрастіи къ виски, онъ только и былъ сколько-нибудь похожъ на христіанина. По временамъ къ нему приходили письма. Тогда онъ сидѣлъ по цѣлымъ часамъ и писалъ странные знаки на тонкой бумагѣ, и самъ относилъ на почту толстыя письма, на кувертѣ которыхъ почтмейстерша могла разобрать лишь одно слово Бомбей, и платилъ баснословныя деньги за пересылку. Денегъ онъ не тратилъ почти ни на что̀, кромѣ бѣлаго и цвѣтнаго коленкора, изъ котораго самъ дѣлалъ себѣ одежду. Когда получалъ жалованье, онъ мѣнялъ въ деревнѣ свою небольшую пачку ассигнацій на серебро. Куда онъ его

пряталъ, никто не зналъ. Иногда онъ давалъ деньги взаймы за тяжкіе проценты, и общее нерасположеніе къ нему увеличивалось стѣснительностью его условій и аккуратностью въ счетахъ.

Однажды почталіонъ принесъ письмо къ Могуну. Но дѣдъ мой старался разобрать адресъ, на которомъ нѣсколько англійскихъ словъ привлекли его вниманіе. Мадрасецъ вошелъ своимъ обычнымъ, неслышнымъ шагомъ, и остановился подлѣ дѣдушки, склонивъ голову и скрестивъ руки на груди. Дѣдушка подалъ ему письмо и сказалъ:

— Это письмо сейчасъ пришло вмѣстѣ съ письмами ко мнѣ. Мнѣ кажется, что я гдѣ-то видалъ этотъ почеркъ. Не получаете ли вы писемъ отъ нея, Могунъ?

Могунъ взялъ письмо и сунулъ за пазуху.

— Это отъ жены моей, Саибъ, сказалъ онъ. — Никакая другая женщина не пишетъ Могуну писемъ.

— Я не вѣрю вамъ, Могунъ, отвѣчалъ дѣдъ мой. — Я давно подозрѣваю васъ. Дайте, я отвезу это письмо въ замокъ къ маіору Турибуллю и посмотрю, правду ли вы говорите.

Голосъ Могуна дрожалъ, когда онъ возражалъ.

— Могунъ проситъ доктора Саиба не настаивать. Жена не хочетъ, чтобы кто-нибудь читалъ ея письма, кромѣ Могуна.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ дѣдушка сердито, — чѣмъ скорѣе вы вернетесь къ своей настоящей хозяйкѣ, тѣмъ лучше. Я не хочу имѣть въ домѣ людей, которымъ не довѣряю. Не хочу шпіоновъ, слышите ли? Мастеръ Теренсъ очень хорошо можетъ обойтись безъ васъ. Такъ приготовляйтесь же ѣхать на родину; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Могунъ кротко поклонился.

— Я поѣду, когда доктору будетъ угодно. Джакко не совсѣмъ здоровъ. Могунъ давно уже собирался просить доктора отпустить ихъ обоихъ домой. Очень жаль оставить мастера Терри, но онъ скоро забудетъ бѣднаго Могуна.

Такъ и случилось. Дѣтскія привязанности непрочны. Между мной и Могуномъ была какая-то преграда, возраставшая съ теченіемъ времени. Онъ избѣгалъ прямыхъ отвѣтовъ на безконечные вопросы мои о матери. Онъ говорилъ, что знаетъ не больше другихъ, что не долго жилъ у капитана до его смерти и отъѣзда нашего въ Европу. Тѣмъ не менѣе я преслѣдовалъ Могуна разспросами и слышалъ отъ

него все ту же исторію: про бурю, про ударъ о скалы, про давку на палубѣ, про громадную волну, про страшный вопль отчаянія и бѣлыя фигуры, уносимыя въ свирѣпую пучину среди ночной темноты. „Мастеръ Терри, бѣдная маменька! О, много женщинъ и саибовъ, и маленькихъ дѣтей, всѣ погибли!“ Наконецъ Могунъ начиналъ сердиться. Я никогда не видалъ моря. Я отыскивалъ изображенія кораблей во всѣхъ книгахъ, какія попадались мнѣ подъ руку, и подарилъ Могуну гравюру Рафаэлевой „чудесной ловли“, римской галеры, Спасителя, идущаго по волнамъ, Ноева ковчега,—все напрасно. „Это все не то, что тотъ большой корабль, не похоже на него, мастеръ Терри.“

Однажды маіоръ Турнбулль пріѣхалъ изъ замка повидаться съ дѣдушкой по дѣлу. Я выбѣжалъ посмотрѣть на его знаменитаго арабскаго коня. Пока маіоръ стоялъ въ сѣняхъ, Могунъ пришелъ за мной. Маіоръ заговорилъ съ нимъ на странномъ языкѣ. Привыкнувъ ко всѣмъ выраженіямъ этого таинственнаго темнаго лица, я замѣтилъ, что Могунъ былъ встревоженъ. Онъ даже дрожалъ, отвѣчая маіору. Наконецъ маіоръ поднялъ хлыстъ какъ будто съ угрозой. Я бросился къ нему.

— Милый маіоръ Турнбулль! воскликнулъ я:—не сердитесь на бѣднаго Могуна. Я его очень люблю, и дѣдушка также.

Въ эту минуту докторъ вышелъ встрѣчать своего друга. Они отправились въ кабинетъ, и я слышалъ слова маіора.

— Какъ же вы говорили мнѣ, Бреди, что этотъ черный плутъ, пріѣхавшій съ ребенкомъ, Мадрасецъ?

— Да, кажется, такъ и есть. По крайней мѣрѣ онъ такъ говоритъ.

— Онъ такой же Мадрасецъ какъ я. Это какой-нибудь бродяга сверху, изъ Дели или Агры, и кажется, отъявленный мошенникъ. Да и за какимъ чортомъ....

Больше я не могъ разслышать, дверь затворилась. Когда я сказалъ Могуну: „Маіоръ говоритъ, что вы не изъ Мадраса, а изъ Дели или Агры,“ онъ показался мнѣ смущеннымъ и пробормоталъ:

— Мастеръ Терри, маіоръ Саибъ думаетъ, что мы все лжемъ. Онъ лучше меня знаетъ откуда я родомъ! О! о!

Это ничтожное обстоятельство почему-то произвело на меня впечатлѣніе. Я чувствовалъ, что Могунъ говорилъ неправду. Вслѣдствіе разказовъ прислуги, я началъ испытывать

предъ Могуномъ почти такой же [illegible], какой [illegible] у-внушалъ мнѣ Джakko. Это [illegible] существо бы-ло съ нѣкотораго времени нездорово и [illegible] постель. Могунъ предоставилъ ему свою комнату, и Джakko, отъ природы зябкій, лежалъ по цѣлымъ часамъ подъ одѣялами, едва высовывая голову, [illegible] длинную волосатую руку, лѣниво доставая [illegible], подаваемыя ему Могуномъ, и поднося ихъ къ [illegible] губамъ. Прислуга утверждала, что ночью Могунъ [illegible] съ обезьяной въ продолжительныя бесѣды „на какомъ-то языкѣ, в родѣ французскаго“. Одинъ [illegible] поваренокъ увѣрялъ даже, что видѣлъ однажды ночью, какъ Могунъ съ обезьяной сидѣли за столомъ, пили горячій пуншъ и курили табакъ, точь-въ-точь какъ крещеные люди. Итакъ этотъ бѣднякъ, долго ходившій за мной, носившій меня на рукахъ, баюкавшій меня пѣснями, мотивы которыхъ и теперь еще носятся въ моемъ воспоминаніи, оставилъ Лохъ-на-Карре навсегда, и о немъ такъ же мало жалѣли, какъ о чужомъ прохожемъ.

День отъѣзда Могуна мнѣ памятенъ. Я скорѣе былъ радъ, чѣмъ огорченъ, и совѣсть укоряла меня въ равнодушіи. Маленькій человѣчекъ собралъ въ сѣняхъ все свое имущество, два большіе мѣшка и кострюли, и сковороды, блестящія какъ серебро. Джakko, тщательно одѣтый въ малиновую куртку, съ кускомъ фланели на груди, сидѣлъ посреди ихъ, жевалъ яблоko и кашлялъ „точь-въ-точь какъ человѣкъ“, слѣдя глазами за всѣми движеніями хозяина. Карета ждала у подъѣзда, чтобы доставить отъѣзжающихъ къ почтовому дилижансу, и прислуга собралась посмотрѣть на отъѣздъ. Могунъ сошелъ отъ дѣдушки, сидѣвшаго въ своей комнатѣ вслѣдствіе простуды; поясъ его казался тяжеле обыкновеннаго. Онъ простился со всѣми слугами по-своему, и къ удивленію всѣхъ, далъ каждому на прощанье по золотой монетѣ, что произвело благопріятное впечатлѣніе.

— Въ сущности, мистеръ Могунъ не такой дурной человѣкъ! воскликнула кухарка Бидди Флиннъ.

— Пожалуй, онъ взялъ бы тебя съ собой въ Индію, если бы ты попросила. Онъ самъ на себя стряпаетъ, работа тебѣ была бы легкая, смѣялась Гоннора.

— Да, пожалуй, тамъ у него найдешь цѣлый десятокъ черныхъ женъ. Спросите его сами, миссъ Гоннора.

Могунъ былъ очень серіозенъ.

— Мастеръ Терри, милый мастеръ Терри, говорилъ онъ,— когда-нибудь вы узнаете для кого Могунъ берегъ свои рупіи. У Могуна мало, очень мало рупій, но онъ ихъ не для себя бережетъ.

Индѣецъ привлекъ меня къ себѣ, обнялъ меня, поцѣловалъ, и слеза скатилась по его щекѣ.

— Гоннора, вы берегите мастера Терри. Не дайте ему сгорѣть, Гоннора, не дайте ему упасть въ рѣку, Гоннора, и утонуть какъ его маменька. Мастеръ Терри, вы попросите когда-нибудь дѣдушку разказать вамъ, какъ утонула хозяйка Могуна. Онъ вамъ со временемъ скажетъ. Опять онъ поцѣловалъ меня, пробормоталъ нѣсколько словъ на непонятномъ мнѣ языкѣ, позвалъ Джакко, который моргалъ, чихалъ и кашлялъ, влѣзая въ карету, и уѣхалъ, не сводя съ меня глазъ, посреди хора голосовъ, повторявшихъ: „прощайте, мистеръ Могунъ! Прощай, Джакко! Дай вамъ Богъ благополучно доѣхать до Индіи!“ Кухарка, въ заключеніе, присоединила еще наставленіе почталіону, чтобъ онъ смотрѣлъ за этими двумя черными джентльменами и въ цѣлости доставилъ ихъ къ дилижансу.

Я позволилъ себѣ длинное отступленіе; но вообще нѣтъ правильности и порядка въ моей исторіи. Она бредетъ наудачу, спотыкается, останавливается, а иногда и пятится назадъ съ досаднымъ упрямствомъ. Я приближаюсь къ важной эпохѣ въ этой части моей жизни. До этого времени я былъ такъ счастливъ, какъ только можетъ быть мальчикъ. У меня не было потребностей, которыхъ я не могъ бы удовлетворить, не было желаній, которыхъ я не могъ бы исполнить. Я не чувствовалъ недостатка въ товарищахъ, ибо всѣ въ моемъ тѣсномъ мірѣ готовы были принять участіе въ моихъ играхъ, и я пользовался важнымъ преимуществомъ распоряжаться по усмотрѣнію моимъ временемъ. Иногда, правда, находили на меня минуты раздумья, я вспоминалъ о той, которой лишился; свѣтъ меркнулъ, и мракъ охватывалъ меня. Но грусть не долго продолжалась, тучи проходили скоро. Заботливость дѣда замѣняла мнѣ нѣжность отца и любовь матери, которой я никогда не зналъ. Правда, я былъ сирота, но я гордился тѣмъ что я сынъ храбраго офицера, и если слезы текли, когда я сидѣлъ скрестивъ руки предъ портретомъ матери, въ грусти моей было все-таки болѣе жалости чѣмъ страданія. Такъ могло бы продолжаться, пока время сдѣлало бы свое. Но суждено было иначе. Несравненно лучше прямо

сказать ребенку все что его касается, нежели мучить его скрытностью и обманомъ въ то самое время, когда любопытство наиболѣе сильно и характеръ наиболѣе впечатлителенъ.

III. Сомнѣнія и опасенія.

Былъ вечеръ, спустя долгое время послѣ отъѣзда Могуя изъ Лохъ-на-Каррѣ.

— Странное дѣло, почтеннѣйшій докторъ, что вамъ не удалось добиться точныхъ свѣдѣній о гибели вашей невѣстки въ числѣ потонувшихъ пассажировъ.

Такъ говорилъ сэръ-Ричардъ Десмондъ. Я услышалъ эти слова въ ту самую минуту, какъ Гоннора вводила или, лучше сказать, вталкивала меня въ столовую, разодѣтаго, причесаннаго и тщательно вымытаго. Собралось небольшое общество обѣдать послѣ охоты. Сэръ-Ричардъ и маіоръ Турнбулль изъ замка, ректоръ Лохъ-на-Карскій, который никогда не ѣздилъ на охоту, но часто „подъѣзжалъ“, когда собаки пойдутъ на звѣря, такъ что, глядя со стороны, можно было подумать, что достопочтенный Франкъ Стеккъ охотится, тогда какъ онъ, въ сущности, по его словамъ, только проѣзжалъ свою знаменитую кобылу Дези по направленію къ охотѣ. Тутъ были еще два офицера изъ Атлона, мистеръ Ракkстро, повѣренный сэръ-Ричарда, и два сосѣдніе дворянина. Всѣ, очевидно, слушали со вниманіемъ что-то, касающееся меня, ибо при моемъ появленіи дѣдъ мой сказалъ:

— Тс.... вотъ онъ. Ну, Терри, поклонись хорошенько и садись сюда между мной и сэръ-Ричардомъ.

— Онъ становится очень похожъ на отца, проговорилъ маіоръ Турнбулль,—но только едвали будетъ лучше его. Бѣдный Джакъ былъ молодецъ собой. Чѣмъ намѣренъ ты быть, Терри?

— Мнѣ бы хотѣлось быть военнымъ, какъ папенька, отвѣчалъ я въ промежуткѣ между рюмкой хереса и сладкимъ бисквитомъ.

— Вотъ видите, сказалъ сэръ-Ричардъ,—военная лихорадка минуетъ, пожалуй, цѣлое поколѣніе, но непремѣнно проявится въ родѣ Бреди.

— Да, вздохнулъ мой дѣдъ.—Это роковая для насъ болѣзнь. Надѣюсь, что мнѣ удастся вылѣчить ее въ настоящемъ

случаѣ. У этого бѣднаго мальчика не будетъ ни денегъ, ни протекціи, а безъ нихъ военная служба ремесло плохое.

— Правда ваша! воскликнулъ одинъ изъ офицеровъ.—Вотъ я послѣ стольких лѣтъ службы все сижу въ низшихъ чинахъ, между тѣмъ какъ поминутно покупаются мѣста надо мной. Такъ какъ у меня нѣтъ связей, я, по всей вѣроятности, всю жизнь не двинусь впередъ, развѣ какая-нибудь эпидемія разразится между фрунтовыми офицерами и капитанами.

— А все-таки военная карьера лучше духовной, вмѣшался ректоръ. — Вотъ я ужь двадцать лѣтъ ректоромъ Лохъ-на-Карскаго прихода и не предвижу никакого повышенія.

— Такъ! воскликнулъ сэръ-Ричардъ: — но если земныя почести достаются какому-нибудь лейтенанту Дашвуду, то васъ, безъ сомнѣнія, ожидаютъ духовныя награды на томъ свѣтѣ.

— Да и кромѣ того, сэръ Стеккъ, воскликнулъ мистеръ Раккстро, — восемьсотъ фунтовъ дохода, хорошій домъ и земля въ Кильмойлѣ ставятъ васъ на одинъ уровень съ генералами по меньшей мѣрѣ. А не многимъ удается дослужиться до генерала въ двадцать восемь лѣтъ.

— Все это нисколько не касается моего молодаго друга Терри, сказалъ маіоръ. — Вы поколеблете вѣру его въ то, что̀ слышитъ онъ въ церкви, если внушите ему, что деньги должны составлять единственную цѣль жизни.

— Я его никакъ не учу этому, возразилъ дѣдушка; — а еслибъ училъ, онъ скоро самъ замѣтилъ бы, что въ жизни я поступаю совсѣмъ иначе. Онъ уже упрекалъ меня, будто я не довольно забочусь о томъ, чтобы сдѣлать его умнымъ мальчикомъ, потому что не сѣку его. Онъ знаетъ поговорку: беречь розгу, значитъ портить ребенка.

— Вы, разумѣется, объяснили ему, что это говорится лишь о мальчикахъ заслуживающихъ розги, замѣтилъ ректоръ,—а Терри ея не заслуживаетъ.

Признаюсь, у меня насчетъ этого были свои мысли. Я зналъ за собой кое-что, заслуживавшее нѣкотораго наказанія, но молчалъ. Разговоръ перешелъ къ предметамъ не интереснымъ и непонятнымъ для меня: къ церкви, государству, арміи, а мнѣ до смерти хотѣлось высказать имъ всѣ причины, почему я желалъ быть военнымъ. Вопервыхъ, я желалъ имѣть красный мундиръ съ золотымъ галуномъ и ѣздить на великолѣпномъ конѣ, какъ полковникъ Бреди испанской службы, котораго портретъ висѣлъ въ залѣ, или носить серебряныя латы

и шлемъ, какъ фельдмаршалъ графъ фонъ-Бреди, изображенный надъ каминомъ верхомъ, со шпагой въ рукѣ, ведущимъ свои эскадроны въ атаку на толпу всадниковъ въ чалмахъ. Что деньги играютъ какую-нибудь роль во всѣхъ подвигахъ, мнѣ никогда на умъ не приходило; теперь я могъ только предположить, что портные берутъ очень дорого за такія прекрасныя одежды. Удалившись въ свою комнату съ Гоннорой я потребовалъ объясненія; но добрая нянька не много могла сказать мнѣ.

— Братъ мой служитъ въ арміи капраломъ. Хоть онъ и говоритъ, что ему слѣдовало бы получать больше шиллинга въ день, но я знаю, что онъ получаетъ только два пенса на весь прожитокъ.

— Гоннора, почему это дѣдушка не можетъ добиться, какъ сэръ-Ричардъ говоритъ, точныхъ свѣдѣній о гибели бѣдной маменьки? Вѣдь маменька была дѣдушкѣ невѣстка?

— Конечно. Почемъ я знаю, мастеръ Терри, отчего они не получаютъ свѣдѣній? Да и какъ доктору получить отъ нея свѣдѣнія, если она, бѣдняжка, лежитъ на днѣ морскомъ? Люди говорятъ, что у сэръ-Ричарда больше денегъ чѣмъ ума, хоть онъ и тратитъ ихъ порядкомъ. Ну, теперь помолитесь Богу, — хорошо еслибы вы молились какъ слѣдуетъ, по нашему, — да и ложитесь спать.

Но всякій разъ какъ я глядѣлъ на портретъ матери, мнѣ приходилъ на умъ вопросъ сэръ-Ричарда и смущенный видъ дѣдушки. Въ слышанной мною исторіи было что-то, чего я не могъ разобрать. Очевидно, что она и другихъ также не вполнѣ удовлетворяла.

Мнѣ пришелъ на умъ совѣтъ Могуна при прощаньи. Дня два спустя дѣдушка сидѣлъ въ гостиной, а я на скамейкѣ у ногъ его училъ уроки для учителя, мистера Нолана, который посѣщалъ меня аккуратно, кромѣ развѣ когда Карра разливалась, и не было переправы. (О! Какъ я радовался дождливому дню!) Поговаривали однако, что подчасъ не чрезмѣрное разлитіе воды, а чрезмѣрное употребленіе виски задерживаетъ мистера Нолана. Старикъ глядѣлъ на меня, и голосъ его вывелъ меня изъ раздумья.

— О чемъ ты думаешь, Терри? Ты сегодня что-то очень вялъ. Кажется, ты не очень внимательно учишь грамматику. Если чувствуешь себя нездоровымъ, скажи; мы сдѣлаемъ праздникъ.

— Я думалъ о бѣдной маменькѣ. Могунъ говорилъ мнѣ, чтобъ я васъ спросилъ, что вы когда-нибудь скажете мнѣ какъ она погибла.

— Развѣ ты не слыхалъ, Терри, двадцать разъ, что маменька твоя утонула?

— Слышалъ, дѣдушка.

— Такъ зачѣмъ же ты меня спрашиваешь?

— Затѣмъ, что хочу знать больше, а Могунъ говорилъ, что вы можете разказать мнѣ.

— Терри, Могунъ все разсказалъ тебѣ о кораблѣ, больше тебѣ нечего знать, по крайней мѣрѣ въ настоящее время.

— Такъ, слѣдовательно, есть что-нибудь такое что̀ я узнаю со временемъ? Вѣдь такъ, милый дѣдушка? Почему же не сказать мнѣ теперь? Я такъ люблю бѣдную маменьку! По цѣлымъ ночамъ не сплю и думаю о ней. Я такъ люблю ея портретъ! Мнѣ такъ жаль, что Богъ далъ ей утонуть! Дѣдушка, скажите мнѣ все что̀ знаете!

— Милое дитя мое, отвѣчалъ дѣдушка съ такимъ выраженіемъ, какого я еще не видывалъ на лицѣ его,—довольствуйся тѣмъ что́ знаешь и не предлагай мнѣ болѣе такихъ вопросовъ. Когда выростешь, услышишь все что̀ я знаю, и тогда, тогда, продолжалъ онъ со вздохомъ,—милый мой Терри, ты не излѣчиться отъ грусти по несчастной матери. Не спрашивай же меня. Довольно тебѣ знать, что она погибла для насъ съ тобой!

— Дѣдушка, я читалъ о людяхъ, ныряющихъ въ море. Какъ вы думаете, еслибъ я научился нырять когда-нибудь, когда вы мнѣ все скажете, могъ бы я найдти тѣло бѣдной маменьки?

— Увы! Терри! Океанъ, отдѣляющій ее отъ тебя, бездоненъ. Не думай больше объ этомъ. Ты огорчаешь дѣдушку. Потерпи; когда узнаешь правду, ты самъ поймешь, что мнѣ не слѣдовало открывать тебѣ ее раньше.

— Развѣ ея смерть была такъ ужасна?

— Можетъ ли быть смерть ужаснѣе той, которую тебѣ столько разъ разказывали. Жалѣю, что ты очарованъ этимъ портретомъ, что тебѣ его показали. Есть вещи, Терри, ужаснѣе смерти. Обѣщай мнѣ, что не будешь болѣе заикаться объ этомъ, пока я самъ тебѣ не позволю. Прощай. Я поѣду прокатиться. Надѣюсь, что мистеръ Ноланъ будетъ доволенъ тобой.

Съ ласковымъ взглядомъ и со вздохомъ, онъ всталъ со

ступа, погладилъ меня по головѣ, и [illegible] вышелъ изъ комнаты.

Но неотступная мысль овладѣла мной: зачѣмъ меня чѣмъ-то обманываютъ. Я ни о чемъ другомъ не могъ думать. Когда пришелъ мистеръ Ноланъ, я лежалъ на полу предъ портретомъ моей матери и рыдалъ, словно сердце разрывалось на части. Педагогъ ничего не могъ отъ меня добиться, ни даже угроза что пожалуется доктору не въ силахъ была привести меня къ сознанію преждесовершеннаго преступленія отъ lego—читаю. Мистеръ Ноланъ чинилъ перо, когда дѣдушка вернулся.

— Музы, докторъ, воскликнулъ онъ, — покинули нашего юнаго питомца. Мнемозина удалилась на весь день. Ферула здѣсь запрещена, но едва ли не было бы умѣстно поощрить къ исполненію обязанностей лишеніемъ нѣкоторыхъ сладостей жизни, какъ, напримѣръ, сахара, сливокъ и т. п.

Дѣдушка подошелъ ко мнѣ и взявъ меня за кисть руки, поглядѣлъ на меня внимательно.

— Не чувствуешь ли ты головной боли, Терри?

— Чувствую, дѣдушка, вотъ здѣсь.

Мнѣ стучало въ голову, глаза у меня горѣли.

— Мистеръ Ноланъ, завтра вамъ, кажется, не нужно будетъ безпокоиться. Я попрошу васъ не приходить до тѣхъ поръ, пока не пришлю за вами Пата. Терри не совсѣмъ здоровъ, ему надо принять лѣкарство и отдохнуть нѣсколько дней.

Долго не вставалъ я съ постели. У меня сдѣлалась горячка. Я помню свѣтъ предъ глазами и разныя лица, словно въ видѣніи: лицо дѣдушки, Гонноры, Мери Бутлеръ; другихъ я не узнавалъ. Помню липкія, влажныя примочки на лбу, и вкусъ лѣкарствъ, какимъ отзывались любимыя лакомства. Въ болѣзненныхъ грезахъ я постоянно видѣлъ чудный образъ, носящійся въ воздухѣ, съ устремленными на меня глазами, съ роскошными волосами, падающими мнѣ на плечи, съ нѣжными устами, отвѣчающими на мои горячіе поцѣлуи. Не надоѣлъ ли я вамъ моими пустыми воспоминаніями? Я встрѣчалъ въ жизни людей, которые говорили, что никогда не бывали больны, и жалѣю ихъ, ибо если они говорили правду, то имъ не дано было испытать невыразимую радость выздоровленія, отрадное усердіе всѣхъ вкругъ постели, превращаю-

щейся въ тронъ, съ котораго больной видитъ всѣхъ домашнихъ, преклоняющихъ предъ нимъ колѣна.

Но лежа въ томномъ спокойствіи, глядя на ухаживающихъ за мной, замѣчая внимательность Гонноры и неослабную заботливость дѣдушки, который снималъ скрипящіе сапоги свои, чтобы войдти ко мнѣ, потягиваясь и поглядывая по временамъ на свои исхудалыя руки, я все-таки думалъ лишь объ одномъ:

„Скажетъ ли мнѣ дѣдушка, когда выздоровлю? Надо выздоравливать и угождать ему, можетъ-быть, тогда онъ сдержитъ свое обѣщаніе."

Въ первое утро какъ я одѣлся, чтобы предпринять прогулку въ другую комнату, Гоннора очень обрадовалась.

— Вотъ какъ, мастеръ Терри, панталоны-то стали вамъ коротки! Вы выросли на цѣлые два вершка. Вамъ надо все платье дѣлать новое. Вы совсѣмъ сдѣлались большимъ человѣкомъ. Взгляни-ка, Китти! крикнула она одной изъ горничныхъ; — мастеръ Терри чуть не съ меня ростомъ, и весь становится въ маменьку!

Китти подтвердила и то, и другое замѣчаніе Гонноры. Затѣмъ началось возвращеніе силы, какъ живительная влага постепенно разливающейся по членамъ. Наконецъ наступилъ и радостный день, когда мнѣ можно было сойти внизъ.

Я сидѣлъ у воротъ на солнцѣ, и утомленный ухаживаньемъ, просилъ, чтобы меня оставили одного. Дѣдушка отправился на свою обычную поѣздку верхомъ. Тутъ я началъ дремать, и образъ матери снова явился мнѣ. Я всталъ съ креселъ и слабыми шагами побрелъ по корридору до двери старой гостиной, отворилъ ее, вошелъ и обратилъ жадный взглядъ на знакомое мѣсто. Боже мой! Ея нѣтъ! Мѣсто было пусто. Портретъ исчезъ. Не успѣлъ я придти въ себя, какъ вошла ищущая меня Гоннора и остановилась, испуганная выраженіемъ отчаянія на моемъ лицѣ.

— До смерти что ли хотите вы простудиться, мастеръ Терри, что идете съ солнца въ холодную комнату! Какъ вамъ не стыдно! Вы сведете въ могилу дѣдушку, если опять заболѣете. Онъ съ вами не зналъ покоя ни днемъ, ни ночью. Да о чемъ же вы такъ плачете? О чемъ?

— О! Гонни! Куда дѣвали маменькинъ портретъ?

— Портретъ! Докторъ послалъ его въ Дублинъ покрыть лакомъ и сдѣлать новую рамку, индѣйская-то совсѣмъ развалилась. Его не нынче такъ завтра назадъ привезутъ. А лучше

бы вовсе не бывать ему здѣсь, недоброму. Онъ околдовалъ васъ, мастеръ Терри, право!

Когда я сталъ оправляться, болѣзненныя грезы миновали, но мысль о матери все не покидала меня. Я такъ часто спрашивалъ о портретѣ, что дѣдушка вынужденъ былъ признаться, что не скоро еще дублинскій артистъ исправитъ поврежденіе, случайно причиненное ему на дорогѣ.

IV. Разочарованіе.

Когда я оправился, меня пригласили провести нѣсколько дней въ за́мкѣ для перемѣны воздуха и обстановки. Тамъ были пони для ѣзды и коляски для катанья, тамъ были цвѣтники и фруктовые сады, тамъ былъ большой прудъ, наполненный рыбой; а прежде всего тамъ была Мери Бутлеръ (она давно уже простила мнѣ мою штучку, и мы были самыми лучшими друзьями), съ которою я могъ играть, когда позволяла ея гувернантка, M-lle Петито. Сэръ-Ричарда я рѣдко видалъ въ теченіи дня. Въ за́мкѣ давались большіе обѣды. Возвращаясь съ утренней прогулки, мы съ Мери встрѣчали нарядныхъ дамъ и джентльменовъ, сходящихъ внизъ завтракать, и отправляясь спать, видали какъ они, еще болѣе нарядные, шли попарно обѣдать.

Однажды, когда мы сидѣли въ бесѣдкѣ и вязали букеты изъ большой корзины съ цвѣтами, подъ надзоромъ M-lle Петито, насъ испугали голоса людей, идущихъ къ намъ по дорожкѣ. Я узналъ голоса сэръ-Ричарда и маіора Турнбулля, сливавшіеся съ веселымъ смѣхомъ и болтовней дамъ. Я всталъ въ смущеніи и готовился бѣжать, но Мери, обращаясь къ M-lle Петито спросила:

— Уйдти намъ съ Терри, или можно остаться и встрѣтить дядю?

— Mais pourquoi non, ma chère fille? Tu es bien propre—fraiche comme une rose; et le petit Terry, pourquoi va-t-il se cacher, quand tout le monde aime le pauvre enfant? Restez donc, tous les deux chers enfants.

— Вотъ, сказалъ сэръ-Ричардъ, — одна изъ любимыхъ бесѣдокъ Макъ-Креккена. Онъ говоритъ, что лучше въ этомъ родѣ ничего сдѣлать нельзя.

Тѣни загородили входъ, и кто-то сказалъ:

— Въ самомъ дѣлѣ, очень не дурно. А вотъ и милая Мери, прекраснѣйшій цвѣтокъ во всемъ садѣ, и маленькій ея

кавалеръ. Здравствуйте, mademoiselle. Мнѣ завидны и ваша питомица, и вашъ пріютъ.

Сказала это леди Готонби, глядя на насъ въ бинокль, и я почувствовалъ что краснѣю, когда она продолжала:

— Вѣдь это, кажется, мастеръ О'Бреди или О'Греди? Онъ очень похожъ на „синяго мальчика" Генсборо.

Я не зналъ кто или что̀ такое синій мальчикъ, но непріятно мнѣ было, что вниманіе всѣхъ этихъ людей, тѣснящихся вкругъ насъ, обращается спеціально на меня. Я отвернулся.

— Смотрите, продолжала она съ сухимъ смѣхомъ, — вотъ вамъ „стыдливый Ирландецъ". Только въ такомъ возрастѣ и встрѣчаются подобные экземпляры. Они умираютъ рано.

— Они, я думаю, не переносятъ непривычнаго климата, въ которомъ приходится жить имъ. Наше общество убиваетъ это интересное существо, замѣтилъ кто-то изъ мущинъ.

— Нѣтъ, другъ Долли, оно не убиваетъ, а какъ кислота, разлагающая соль, производитъ нѣчто индифферентное и безцвѣтное.

Они удалились, и я слышалъ слова сэръ-Ричарда.

— Замѣтили вы, какъ вы заставили покраснѣть внука нашего друга, доктора Бреди? Онъ чувствительный мальчикъ и недавно былъ очень боленъ, я и взялъ его сюда, чтобы поразвлечь Мери въ ея одиночествѣ.

— Доброе и неблагоразумное дѣло, какъ всегда, Дикъ! проскрипѣла старая мистрисъ Грегори, его кузина. — Между нимъ и миссъ Мери возникнетъ дѣтская привязанность, а вы, я думаю, не одобрили бы подобной партіи. Я отдала свое сердце семи лѣтъ, помните, Дикъ?

— Милая Летти! Для васъ романы начались такъ рано, со мною, напримѣръ, что вы считаете свои блестящія способности общимъ достояніемъ, а не исключеніемъ. Однако не слѣдуетъ говорить такой вздоръ, когда дѣти могутъ насъ слышать. Пойдемте, а то мы опоздаемъ къ кавалькадѣ.

Мери, слышавшая каждое слово, также какъ и я, подала мнѣ ручку свою и воскликнула смѣясь:

— Видите ли, mademoiselle, полагаютъ, что мы съ Терри влюбимся другъ въ друга. Я буду очень любить его, если онъ не станетъ больше говорить неправду.

Но гувернантка вовсе не была довольна такимъ заявленіемъ и сказала съ великою строгостью:

— Миссъ Мери, благовоспитанной дѣвушкѣ не слѣдуетъ

говоритъ подобныя вещи. Мастеръ Бреди краснѣетъ отъ нескромности вашихъ словъ.

Мери громко захохотала.

— Милая наставница моя! Да вѣдь мнѣ можетъ служить примѣромъ кузина Летти, а Терри—сэръ-Ричардъ. Вы слышали что̀ они говорили.

Но гувернантка только поглядѣла на часы и вскрикнула какъ бы испугавшись:

— Время придти мистеру Нолану! Бѣгите скорѣе въ классную, а то опоздаете, mon cher petit Terry!

Уходя, я видѣлъ по пріемамъ Петито, что она собирается прочесть миссъ Мери Бутлеръ мораль, которую та, откинувъ локоны съ лица и сложивъ руки на колѣняхъ среди груды цвѣтовъ и букетовъ, готовилась выслушать съ полнѣйшимъ спокойствіемъ и смиреніемъ.

Каждый день дѣдушка навѣщалъ меня въ замкѣ. Иногда онъ ѣздилъ верхомъ со мной и съ Мери, и наши пони скакали полнымъ галопомъ, чтобы не отстать отъ самой тихой рыси его лошади. Въ одно дождливое утро, заглянувъ въ классную, онъ сказалъ:

— Данъ завтра придетъ за твоими пожитками, Терри. Портретъ привезли; тебѣ время вернуться въ Лохъ-на-Каррѣ.

— О какомъ это портретѣ говорилъ вамъ дѣдушка, Терри? спросила Мери Бутлеръ. — Изъ его словъ выходило, будто вамъ слѣдуетъ вернуться домой, потому что привезли какой-то портретъ.

— Это портретъ маменьки. Онъ былъ поврежденъ на дорогѣ въ Дублинѣ, гдѣ заказали новую рамку. Я очень люблю его.

— Но вѣдь вы, кажется, никогда не видали своей бѣдной маменьки, Терри, какъ же можете вы любить ея портретъ?

— А все-таки люблю. Мнѣ пріятно глядѣть на нее! Она такъ хороша. Бѣдная маменька, вы знаете, погибла на морѣ, когда я былъ груднымъ ребенкомъ, а папенька еще прежде умеръ въ Индіи, въ войскѣ.

— Объ этомъ однажды говорили внизу за обѣдомъ, какъ меня позвали къ десерту, сказала Мери задумчиво. — Да, помню. Маіоръ Турнбулль хвалилъ вашего отца, разказывалъ, какой онъ былъ красавецъ. Онъ говорилъ, что маменька ваша самая очаровательная женщина на свѣтѣ, но....

Тутъ она замялась и потупилась.

— Но.... что̀ же, Мери? Умоляю васъ, скажите мнѣ.... что̀ вы

хотѣли сказать? Милая, милая Мери, скажите! Вѣдь вы не можете сказать, что не знаете, это была бы неправда.

— Однако, Терри, можетъ-быть, я не въ правѣ повторять вещи, сказанныя не для меня. Можетъ-быть, вы бы огорчились, да пожалуй и маіоръ Трунбулль ошибся.

— Если вы мнѣ не скажете, я сію же минуту спрошу маіора Турнбулля, что онъ говорилъ про маменьку! воскликнулъ я внѣ себя.

— Я не могу помѣшать вамъ, Терри. Только передайте вашъ разговоръ, какъ онъ былъ. Можетъ-быть, мнѣ не слѣдовало и заговаривать, но я тотчасъ же остановилась, Терри; ради васъ же самихъ, я больше не скажу ни слова.

Я слишкомъ хорошо зналъ свою подругу. Я бросилъ книгу и съ сильно бьющимся сердцемъ побѣжалъ внизъ въ билліардную, откуда раздавался стукъ шаровъ и голоса гостей, задерживаемыхъ въ комнатѣ дождемъ. На минуту я остановился у двери въ нерѣшимости; затѣмъ вдругъ очутился въ комнатѣ, удивленный самъ своею смѣлостью, и сказалъ:

— Пожалуста, маіоръ Турнбулль, позвольте мнѣ поговорить съ вами нѣсколько минутъ.

Маіоръ былъ высокій, худой человѣкъ съ лицомъ почти оранжеваго цвѣта, на сколько позволяли видѣть завитыя бакенбарды, которыя начинаясь двойною стѣной выше ушей, гдѣ обнаруживали стремленіе сростись съ густыми бровями, сходились вмѣстѣ, обходя узкія полосы морщинистыхъ щёкъ и тонкій, горбатый носъ, и подкрѣпленныя на пути могучими, длинными усами, превращались въ окладистую бороду чернаго цвѣта. Глаза у него были темные, быстрые, проницательные. Что-то во всей наружности и пріемахъ его давало чувствовать, что лишь вслѣдствіе самообладанія и желанія быть учтивымъ онъ не отдаетъ приказаній всякому, съ кѣмъ говоритъ. Когда я вошелъ, онъ одною рукой держалъ кій, а другою постукивалъ по толстому концу его, обозрѣвая билліардъ и обдумывая ударъ. „Ого!“ произнесъ маіоръ, обращаясь ко мнѣ, опустивъ на полъ кій, и вынимая изо рта сигару, причемъ испустилъ огромное облако дыма.

— А какого чорта нужно вамъ отъ меня, маленькій человѣкъ?

— Извините, маіоръ, мнѣ бы хотѣлось поговорить съ вами наединѣ.

— Турнбулль, это дѣло принимаетъ серіозный оборотъ. Хотите, я кончу за васъ партію? воскликнулъ мистеръ Кези.—

Терри принесъ вамъ картель, навѣрное. Я въ жизнь не видалъ такого серіознаго юноши.

— Чтò съ вами, другъ мой? сказалъ мнѣ маіоръ ласково.— Говорите прямо, чего вамъ отъ меня нужно?

— Право, маіоръ, мнѣ надо поговорить съ вами наединѣ съ глазу на глазъ.

Я глядѣлъ лишь на него одного и замѣтилъ выраженіе любопытства въ его глазахъ.

— Да въ чемъ же наконецъ дѣло? Впрочемъ, я никогда не отказываю въ удовлетвореніи джентльмену, мы объяснимся сказалъ онъ съ улыбкой,— какъ только кончу эту партію. Садьте вотъ тамъ, подлѣ леди Готонби, Терри, и подождите немного.

— Нѣтъ, маіоръ, отвѣчалъ я, отъ нетерпѣнія и досады едва удерживая слезы,—если позволите, я лучше подожду васъ въ сѣняхъ. Уходя, я слышалъ смѣхъ и восклицанія леди Готонби:

— Какой грубый, нелюбезный мальчикъ! Я никогда не прощу вамъ, маіоръ Турнбулль, что вы подвергли меня такой неучтивости!

Мнѣ было все равно. Стукъ шаровъ, раздающійся въ промежуткахъ голосъ маркера: „сорокъ два и тридцать девять!" рѣзалъ мнѣ уши, казался нескончаемымъ. Наконецъ застучали кіями по полу, захлопали, и маіоръ Турнбулль, выигравшій партію, вышелъ въ самомъ лучшемъ настроеніи духа и сказалъ:

— Ну, маленькій человѣкъ, на чтò же я нуженъ вамъ?

— Пойдемте, пожалуста, въ зимній садъ, или въ корридоръ или куда-нибудь, гдѣ можно поговорить, просилъ я.— О! вы не можете себѣ представить какъ я несчастенъ!

— Фью, свистнулъ маіоръ,— это поистинѣ предивное дѣло. Представьте, этотъ мальчикъ ведетъ меня за рукавъ, какъ плѣнника, чтобы повѣрить мнѣ свои секреты! Вы несчастны, Терри? Стало-быть, вы влюблены, или, можетъ-быть, задолжали денегъ въ Кильмойлѣ мистрисъ Макъ Нульти за пряники? Одному можно помочь, отъ другаго, особенно въ ваши года, я не знаю средствъ.

Я не обращалъ вниманія на его слова и велъ его за руку, пока мы дошли до крытаго стекломъ хода въ зимній садъ. Тутъ никого не было. Я затворилъ дверь, и ставъ предъ маіоромъ, который глядѣлъ на меня съ удивленіемъ и даже съ нѣкоторою тревогой, сказалъ:

— Маіоръ Турнбулль, видали ли вы когда-нибудь мою маменьку?

— Какъ? Что? Вашу маменьку? Мери Биллингъ? Я думаю! Весьма часто! Зачѣмъ вы спрашиваете, Терри?

Въ его голосѣ было что-то для меня оскорбительное.

— Я знаю, что она умерла, и что я никогда не увижу ея, маіоръ Турнбулль. О, еслибы вы знали, какъ я люблю ее! Я могу только глядѣть на ея портретъ. Не могу я добиться всего, что хотѣлось бы знать о ней. Никто не хочетъ о ней говорить. Но вы ее видали, вы ее знали; миссъ Бутлеръ слышала, какъ вы о ней говорили. О! Ради Бога, маіоръ, разкажите мнѣ о ней все, и я буду каждый день на колѣняхъ молиться за васъ!

Маіоръ былъ тронутъ. Онъ опустился на одну изъ скамеекъ и сказалъ ласково:

— Подойдите сюда, Терри, сядьте подлѣ меня и скажите мнѣ что вы желаете знать. Странно, продолжалъ онъ въ раздумьи,— очень, очень странно! Вотъ портретъ ея сводитъ ея бѣднаго сына съ ума точно такъ же какъ.... но не въ этомъ дѣло.—Помолчавъ немного, онъ началъ: — Мать ваша, Терри, была, конечно, самая красивая женщина, какую я видалъ. Этотъ портретъ, хотя и не дуренъ, столько же даетъ о ней понятія, сколько....

Маіоръ щелкнулъ пальцами, не находя приличнаго сравненія.

— Да, красивая, чортъ возми! Спросите Тоузера, который буквально сошелъ отъ нея съ ума. Спросите Джака Никольсона, который пошелъ отъ нея къ чорту. Спросите.... Но что я вамъ мелю? Я говорю вамъ, Терри, что всѣ мы до единаго, какъ стоялъ я въ Каунпорѣ, бредили ея красотой, ея привлекательностью, ея образованіемъ. Нѣтъ, не то, постойте, Мери Биллингъ не была образована. Да и не могла быть. Она никогда не была въ Европѣ, а въ Индіи не получишь послѣдняго лоска. Сверхъ того, старый Биллингъ былъ страшный негодяй. То-есть, видите ли, Терри: такъ какъ онъ вамъ дѣдъ, мнѣ бы не слѣдовало это говорить, но онъ дѣйствительно черезчуръ придерживался пива и игры. Объ этомъ спору нѣтъ. Когда выростете, спросите всякаго стараго индѣйскаго служаку, что такое былъ Бири Биллингъ. Онъ не состоялъ на службѣ Компаніи. Онъ выросъ при старикѣ Скиннерѣ. Садутъ Али любилъ и баловалъ его. Онъ командовалъ полкомъ

„бѣдной, милой маменькѣ“! Изумительно! 1
подумать.... да, я говорилъ, что отецъ вашей
на какой-то дѣвушкѣ, пріѣхавшей наживаа
мнится, ее звали миссъ Дейтонъ. Еще потом
Дейтонъ, приходившійся ей какъ-то сродни
Биллингомъ за дурное обращеніе съ ней
плечо, послѣ чего онъ сталъ вести себя еще
Она ушла, то-есть.... гм.... они развелись, по
за тѣмъ бабка ваша умерла, и старый Б
одинъ съ маленькою дочерью, которая выро
земцевъ. Она-то и есть ваша мать. Она гово
ски какъ переводчикъ, понимала всѣ нарѣчія
проклятыхъ инструментахъ. Да, и даже изъ
музыку, хотя это почти невозможно. У ней
рочка въ носу, въ которой она въ молодости
которое потомъ ужь сняла. Ну, полковникъ
тался наконецъ въ Удѣ. Онъ сжегъ одну к
съ бывшимъ въ ней талукдаромъ, чтобы п
уплатѣ податей, и поговаривали, что онъ не
деть счеты. Онъ бѣжалъ въ Каунпоръ съ
маленькою и необыкновенно милою дѣвочкой
въ разныхъ кружкахъ военныхъ. Когда былъ
ѣдалъ правительству прошеніями и бумагами, в
съ разною недовольною сволочью въ Лукновѣ.

ей отъ молодыхъ. Стали говорить, что она кокетлива, заносчива, капризна и разныя разности. Но никто не могъ устоять противъ ея улыбки и веселости, когда она желала понравиться. Жена бригадира обращалась съ ней какъ съ дочерью; думали, что они примутъ ее въ свое семейство. Полкъ вашего отца пришелъ на нашу стоянку тотчасъ послѣ смерти ея отца. Не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ всѣ мы завидовали бѣдному Бреди, честнѣйшему, благороднѣйшему, простодушнѣйшему человѣку, какого видалъ я, что онъ собирается жениться на красавицѣ Индіи. То-есть, завидовала молодежь. Нѣкоторые старики и всѣ женщины качали головой. „Дай Богъ имъ счастія,“ говорила мнѣ бригадирша,—я тогда состоялъ адъютантомъ,—„но боюсь, что этого не будетъ.“ Было это вечеромъ, мы глядѣли вслѣдъ паланкинамъ, удалявшимся въ горы, гдѣ молодые намѣревались провести медовый мѣсяцъ. Я нѣсколько удивился, потому что мистрисъ Кросби была добрая женщина, терпѣть не могла сплетенъ и любила Мери Биллингъ какъ мать. „Развѣ можетъ быть въ этомъ сомнѣніе, почтеннѣйшая генеральша!“ воскликнулъ я. „За него я жизнью готовъ ручаться, а ее вы знаете.“ —„Да, къ несчастью, знаю,“ отвѣчала мистрисъ Кросби. „Признаюсь, я никогда не могла разгадать ее. Она умѣетъ овладѣть каждымъ въ одну минуту, но какъ только овладѣетъ, сейчасъ и броситъ, и не заботится болѣе о своей побѣдѣ. Мнѣ представляется, если только это возможно, что у ней нѣтъ души, какъ у Ундины Де-ла-Мотъ Фуке. Она такъ тщеславна, такъ суетна, такъ проникнута эгоизмомъ. Бѣдняжка, она еще такъ молода, и вспомните, какъ она была воспитана. Мнѣ кажется, она одно время влюблена была въ Чарльса Фрезера. Послѣ бала во время бѣговъ, я говорила съ ней о немъ. Она слегка покраснѣла и отвѣчала: „О! да, Чарли „милый, но у него нѣтъ рупій, такъ я ему и сказала, что дѣло „не пойдетъ.“ Однако, возразила я, вѣдь капитанъ Бреди тоже не слишкомъ обремененъ рупіями. Такъ, но она слышала, что у него дома богатый старикъ отецъ, и хорошее имѣніе и знатные родственники въ Англіи, и что онъ навѣрное сдѣлаетъ карьеру въ арміи. „У него нѣтъ въ Англіи знатныхъ родственниковъ“, замѣтила я. — „Есть испанскій „грандъ, который носитъ то же имя, и въ родствѣ съ ними. Есть „еще двоюродный, или троюродный братъ, имперскій фельд-„маршалъ и графъ: а другой—первый гофмейстеръ неапо-

„танскаго короля." Она засмѣялась и сказала: „Не все ли „мнѣ равно? Что мнѣ Англія? Я никогда не была тамъ! „еще лучше поправлюсь этимъ испанскимъ и другимъ бур-„саибамъ"—словомъ, дорогой мистеръ Турибуль, она, къ сожалѣнію, весьма необразована и большая эгоистка. Мнѣ непріятно было видѣть выраженіе ея лица, когда я вчера открыла при ней мою шкатулку, чтобы подарить ей что-нибудь. Вы видѣли изумрудную парюру, которая была на мнѣ? Она лежала въ этой шкатулкѣ вмѣстѣ съ моими придворными бриліантами, принадлежавшими теткѣ моей, леди Траффордъ. Когда я дала ей эту парюру, глаза ея устремились на бриліанты съ такимъ выраженіемъ, что я похолодѣла, и ей какъ будто было досадно, когда я закрыла шкатулку." Я передаю вамъ, Терри, остановился маіоръ, переставая курить,—слова мистриссъ Кросби. Не плачьте. Я не говорю, чтобъ я ей повѣрилъ.

— Да, проговорилъ я, рыдая, — вы всѣ ее браните, всѣ нападаете на мою бѣдную, умершую мать.

— Терри, сказалъ маіоръ серіозно,— если вы будете такъ плакать, я не скажу вамъ ничего больше. Да, въ сущности, я, кажется, и безъ того уже слишкомъ много наговорилъ вамъ.

Я пожалъ ему руку и глазами просилъ его простить меня.

— Ну, да къ чему же это поведетъ? уговаривалъ маіоръ.— Вы просите меня разказать вамъ что знаю и потомъ выходите изъ себя. Я передалъ вамъ только замѣчанія очень хорошаго друга вашей матери по поводу ея свадьбы. Затѣмъ, продолжалъ онъ тихо, я знаю только то, что вернувшись изъ горъ, гдѣ жили открыто и давали блестящіе праздники, которыхъ Бреди терпѣть не могъ, отецъ вашъ съ матерью устроились очень роскошно. Я принужденъ, видите ли, говорить съ вами, будто вы все это понимаете. Дѣдушка вашъ можетъ, я думаю, засвидѣтельствовать, что они проживали не мало денегъ. Такъ жить было нельзя, не имѣя большаго состоянія. Но кто видѣлъ эту... да, бишь, мистрисъ Бреди, во всемъ блескѣ, какъ, правя сама парой маленькихъ пони, она ѣхала въ коляскѣ на полковой парадъ, окруженная веселою толпой, жадно ее привѣтствовавшею, со множествомъ грумовъ, верховыхъ слугъ и скороходовъ, тотъ счелъ бы разореніе дешевою цѣной за счастье быть мужемъ такого блестящаго существа, какъ мемъ саибъ Бреди. Больше я, повторяю, почти ничего не могу сказать вамъ. Срокъ службы

бригадира кончился, и вскорѣ послѣ возвращенія ихъ изъ горъ, я отправился къ своему полку.

Маіоръ помолчалъ минуту, подумалъ и потомъ продолжалъ:

— Вы знаете, Терри, что отецъ вашъ былъ тяжело раненъ предъ свадьбой. Ну, онъ очень ослабъ, сталъ сильно хворать. Ему дали отпускъ на родину по болѣзни, но случается подчасъ, что человѣку нельзя уже ѣхать, когда доктора его посылаютъ. Охотясь за медвѣдями въ Кашмирѣ, я узналъ, что онъ, бѣдный, умеръ вслѣдъ за вашимъ рожденіемъ. А за тѣмъ я услышалъ о крушеніи *Россшвейра*, гдѣ вы уцѣлѣли, а столько народу погибло.

— Да! воскликнулъ я.—Я уцѣлѣлъ! Зачѣмъ и я не погибъ съ моею милою маменькой! Мнѣ больно подумать объ этомъ. Дѣдушка очень добръ, но лучше было бы мнѣ утонуть съ нею чѣмъ жить съ одною, постоянною, неотвязною мыслью, да однимъ неотступнымъ желаніемъ ее увидѣть, желаніемъ, увы, неисполнимымъ!

— Этотъ мальчикъ совсѣмъ сумашедшій! вскричалъ маіоръ бросая сигару. — Да еслибы мать ваша могла пожертвованіемъ одного своего волоса спасти.... ну, хоть себя самое.... Видите ли, она была такая женщина, которую понять не легко. И ей Богу, Терри—продолжалъ онъ,—я и теперь не знаю навѣрное чтò съ ней сдѣлалось. Если она не хотѣла утонуть, такъ весь Индійскій океанъ не утопилъ бы ея!

— Я не понимаю васъ. Вы не увѣрены что она погибла?

— О, да, конечно! Но.... впрочемъ, да, разумѣется, погибла, сказалъ маіоръ, закуривая другую сигару.—Погибла, безъ всякаго сомнѣнія. Видите ли, Терри, на кораблѣ была страшная суматоха, толпа туземныхъ женщинъ, и т. п. Имя вашей матери было помѣщено въ списокъ погибшихъ. Я спрашиваю, между прочимъ, чтò стали бы дѣлать въ Лохъ-на-Каррѣ, еслибы мать ваша прибыла туда со всею своею свитой. Вѣдь она взяла съ собой изъ Калькутты семнадцать человѣкъ прислуги, мущинъ и женщинъ. Нѣкоторыя изъ этихъ женщинъ, безъ сомнѣнія, потонули. Словомъ, Терри, я навлекъ на себя всѣ ваши разспросы, сказавъ какъ-то, что нѣкоторые изъ пассажировъ увѣряли меня, будто видѣли вашу мать въ Галльской пристани, когда корабль пришелъ туда. Судите сами, какъ дурно я сдѣлалъ, что повторялъ такія сплетни и вызвалъ васъ на такую длинную бесѣду.

— Но если она была жива послѣ крушенія, когда корабль пришелъ въ эту пристань, гдѣ же она умерла? Чтò же сталось съ моею маменькой?

— Честное слово, Терри, не знаю. Я сказалъ, что пассажиры мнѣ говорили; собственно, говорила объ этомъ только одна мистрисъ Триммеръ, выѣхавшая вмѣстѣ съ вашею матерью изъ Лукнова, куда она отправилась послѣ смерти мужа.

— Чтò же она говорила?

— Мистрисъ Триммеръ была старая болтунья, весьма склонная къ сплетнямъ, Терри. Она увѣряла насъ въ Лимингтонѣ, что положительно видѣла вашу мать въ Галлѣ, какъ она шла на пристань и уѣхала въ лодкѣ на иностранный корабль, отправлявшійся во французскую колонію, ниже Мадраса, которую называютъ Пондишери.

— Зачѣмъ же ей было туда ѣхать?

— Этого ужь я не знаю.

— А чтò же сталось съ прислугой?

— Съ прислугой? Они всѣ остались въ Галлѣ, кромѣ этого стараго плута, который служилъ вамъ нянькой. Капитанъ Фрезеръ, сопутствовавшій вашей маменькѣ въ Англію, устроилъ все это. Онъ могъ бы разказать вамъ больше чѣмъ я. Но онъ занемогъ въ Галлѣ, а потомъ, оправившись, вернулся опять въ Индію, и съ тѣхъ поръ оттуда не показывался. Однако, замѣтилъ маіоръ, взглянувъ на часы — скоро время завтракать. Я сказалъ вамъ все, чтò нужно вамъ знать, и не будь вы сынъ моего стараго друга, вы бы порядочно мнѣ надоѣли. До свиданія. Мы, я думаю, будемъ часто встрѣчаться.

Онъ отворилъ дверь, но вдругъ, какъ бы пораженный какою-то мыслію, опять затворилъ ее и сказалъ ласково:

— Мнѣ кажется весьма безразсуднымъ съ вашей стороны тревожить себя заботой о вашей матери, которая, по всей вѣроятности, умерла и погибла давнымъ-давно. Гораздо лучше вамъ объ этомъ не думать. Храните всегда и почитайте память отца; онъ былъ молодецъ. И помните, Терри, средства мои небольшія, но если вамъ понадобится что-нибудь, кромѣ совѣта и денегъ,—совѣтъ мой, вѣроятно, былъ бы дуренъ, а денегъ у меня самого очень мало,—обратитесь ко мнѣ ради памяти отца, и я сдѣлаю чтò могу. Прощайте еще разъ.

Я сидѣлъ какъ потерянный. Слова маіора слышались мнѣ словно во снѣ. Я читывалъ о людяхъ, чудесно спасшихся отъ кораблекрушенія: какъ доска, или бревно донесло какое-

нибудь полуживое существо до тихаго залива, или волна выбросила на берегъ, и какъ послѣ долгихъ годовъ считавшійся утраченнымъ возвращался къ родинѣ и друзьямъ. Я часто воображалъ себѣ уютный уголокъ на одинокомъ островѣ, гдѣ, окруженная странными растеніями, цвѣтами и животными, укрощенными ея красотой, жила моя мать, можетъ-быть, съ вѣрнымъ слугой своимъ, можетъ-быть, въ легкомъ плѣну у добродушныхъ дикарей. Индія была для меня страной чудесъ и диковинъ, обителью духовъ и волшебниковъ. Отчего красавицѣ съ помощью какихъ-нибудь могучихъ чаръ не проплыть невредимо по морю и не пристать къ одному изъ счастливыхъ острововъ? *Телемакъ*, *Сказки о духахъ*, *Опасныя приключенія*, *Тысяча и одна ночь* поддерживали своимъ авторитетомъ самыя разнообразныя догадки и предположенія. Я сто разъ давалъ себѣ клятву, что какъ только достигну зрѣлаго возраста, прежде всего воспользуюсь своею независимостью для подробнаго изслѣдованія всѣхъ утесовъ, пещеръ, острововъ далекихъ и близкихъ, вокругъ которыхъ бушевало жестокое море. Много счастливыхъ часовъ проводилъ я въ воображаемыхъ поискахъ, увѣнчиваемыхъ наконецъ радостнымъ успѣхомъ. Эти тайны души моей я не открывалъ никому; я хранилъ и лелѣялъ ихъ для себя одного. Я боялся подвергнуть мои замыслы и намѣренія суровой критикѣ, способной разрушить отрадныя мечты. Но вотъ, разказъ, только что слышанный мною, какъ будто затронулъ ихъ, грубо поколебалъ святыню, которую я хранилъ въ своемъ сердцѣ. Легкія, непочтительныя слова маіора, отзывы объ отцѣ ея, тонъ, которымъ онъ говорилъ о ней, какъ о легкомысленной, безчувственной женщинѣ, которая не доставила счастія отцу моему, кокетничала со всѣми и думала лишь о себѣ одной! Возможно ли это? Нѣтъ! Не вѣрь ему, Терри! Голосъ самой природы возстаетъ въ груди твоей противъ этихъ мыслей. Одно лишь ясно: исполненный сплетень разказъ маіора не только не подтверждаетъ слуховъ о ея смерти, а скорѣе заставляетъ думать, что она дѣйствительно жива.

Звукъ колесъ подъ окнами прервалъ мои размышленія. Это старая карета изъ Лохъ-на-Каррѣ пріѣхала за мной. Я поспѣшилъ въ свою комнату приготовиться къ возвращенію домой.

— А маменькинъ портретъ привезли назадъ, дѣдушка? спро-

силъ я весело на возвратномъ пути. — Я такъ радъ буду увидѣть ее.

— Да, онъ опять виситъ на старомъ мѣстѣ. Надо тебѣ знать, что я рѣшился отправить тебя въ школу въ Дублинъ. Видя, что ты такъ любишь этотъ портретъ, я поручилъ одному художнику сдѣлать съ него копію, которую ты можешь взять съ собой и повѣсить въ своей комнатѣ въ заведеніи доктора Болля, когда поселишься тамъ въ будущемъ мѣсяцѣ.

Ударъ былъ нѣсколько смягченъ, но все-таки неожиданное извѣстіе, что я долженъ оставить Лохъ-на-Каррѣ, до такой степени поразило меня, что я не въ состояніи былъ слова сказать.

— Докторъ Болль отличный человѣкъ, продолжалъ дѣдушка.—Онъ всячески будетъ о тебѣ заботиться, и ты не будешь одинъ. Морисъ Прендергастъ также туда отправляется. Вы поѣдете вмѣстѣ чрезъ нѣсколько недѣль. А на лѣтнія вакаціи ты вернешься домой.

Морисъ Прендергастъ былъ сынъ сельскаго дворянина, владѣвшаго небольшимъ помѣстьемъ недалеко отъ Лохъ-на-Каррѣ. Онъ былъ красивый мальчикъ однихъ почти лѣтъ со мной, но менѣе крѣпкаго сложенія. Мистеръ Ноланъ, которому было ввѣрено его воспитаніе, утверждалъ, что онъ: „*impiger*, *iracundus*, *inexorabilis*, нравомъ похожъ скорѣе на Ахиллеса чѣмъ на Гектора, словомъ, подчасъ совершенный чертенокъ, какъ всѣ Прендергасты“. Все-таки пріятно мнѣ было имѣть въ немъ товарища, и грусть отъѣзда сильно уменьшилась, когда, войдя въ старую комнату, я увидѣлъ на полу, подъ портретомъ моей матери, холстъ одинаковой съ нимъ величины, представлявшій почти безукоризненную копію. Правда, голубой цвѣтъ глазъ былъ опредѣлительнѣе, краска на щекахъ ярче, зубы бѣлѣе, волосы свѣтлѣе, но выраженіе на первый взглядъ было то же самое: только вглядѣвшись внимательно, я замѣтилъ, что недостаетъ чего-то, что̀ есть въ оригиналѣ, но чего именно, я сказать не могъ. Подъ новыми рамками была надпись: „Мери, жена капитана Бреди, 16-ти лѣтъ. Ум. 27-го мая, 18-ти лѣтъ.“

V. Поѣздка.

Въ свѣтлое, морозное утро, въ концѣ января, почтовая карета изъ Слиго подъѣхала къ Десмондовой гостиницѣ въ городѣ Кильмойлѣ, чтобы перемѣнить лошадей и взять двухъ молодыхъ пассажировъ, которые давно уже сидѣли въ общей комнатѣ и то и дѣло выбѣгали поглядѣть не ѣдетъ ли почта. Мистеръ Прендергастъ разсуждалъ съ докторомъ у камина о политикѣ, о реформѣ. Мы съ Морисомъ, гордясь позволеніемъ ѣхать въ наружныхъ мѣстахъ, свалили пожитки свои въ двѣ кучи у дверей и сообщали другъ другу свои соображенія и догадки о характерѣ доктора Болля.

— Онъ бѣдовый, говорилъ Морисъ, — у него палка первое дѣло. Отца моего онъ бивалъ до синяковъ, а Дана Кези отъ него взяли, потому что онъ слишкомъ его колотилъ. Но это было давно. Теперь онъ, небось, поослабъ. Пускай попробуетъ побить меня, продолжалъ Морисъ, стиснувъ зубы,—я самого его изобью.

— Кого это? воскликнулъ я.—Дана Кези?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Морисъ сердито—доктора Болля, да и всякаго кто осмѣлится меня тронуть.

— А если ты самъ провинишься?

— Все равно! Я буду стараться вести себя хорошо, а если чего не могу, такъ не моя вина, и не за что меня бить. Но скажи-ка, что это у тебя такое?

Слуга только что внесъ плоскій, четвероугольный ящикъ и поставилъ къ стѣнѣ подлѣ моихъ пожитковъ.

— Это портретъ моей матери, отвѣчалъ я.—Я везу его съ собой въ Дублинъ.

— Да вѣдь не возьмешь же ты его съ собой въ школу, сказалъ Морисъ.—Всѣ товарищи будутъ надъ тобой смѣяться.

— Возьму непремѣнно. Пусть ихъ смѣются. А вотъ и карета.

Выпряженныя лошади, вытянувъ шеи, раздувъ ноздри и тяжело дыша, уже отправлялись въ конюшню, а мистеръ Тупксъ, кучеръ, осматривалъ насъ изъ-за стакана водки. Красное лицо его высовывалось изъ цѣлой тучи теплыхъ одеждъ, въ

которыя онъ былъ закутанъ. Изъ-подъ толстаго плаща со множествомъ капюшоновъ едва виднѣлся красный съ золотомъ воротникъ, которымъ всѣ любовались въ хорошую погоду. Единственный знакъ его достоинства, какъ состоящаго на королевской службѣ, былъ теперь золотой галунъ на шляпѣ съ широкими полями.

Дѣдушка съ мистеромъ Прендергастомъ вышли изъ гостиницы, разговаривая съ Макъ Клуски, кондукторомъ, невысокимъ, широкоплечимъ человѣкомъ, съ карими глазами, выдающимися скулами и широкимъ лицомъ.

— Я съ глазъ не спущу ихъ, пока не передамъ съ рукъ на руки человѣку доктора на станціи, говорилъ онъ, и затѣмъ прибавилъ, обращаясь къ кучеру:—это два наружные пассажира, мистеръ Тункеъ, записанные изъ Бойля.

— Мистеръ Тунксъ крякнулъ. Въ этомъ обыкновенно заключался весь его разговоръ, и удивительно сколько выразительности умѣлъ онъ придать одному гортанному звуку. Существовало преданіе, что онъ когда-то былъ разговорчивый, живой человѣкъ, но однажды опрокинулъ карету и убилъ одного пассажира по неосторожности, развлекшись разговоромъ. Съ тѣхъ поръ онъ поклялся не предаваться никогда праздной болтовнѣ, и сдержалъ свою клятву.

— Гляди же тамъ, Патъ! Подавайте сюда вещи! Это что̀ такое? воскликнулъ кондукторъ, когда ему подали мой деревянный ящикъ.—На что̀ это, скажите пожалуста?

— Это багажъ молодаго джентльмена изъ Лохъ-на-Каррѣ, мистеръ Макъ Клуски.

— Да вѣдь вы видите, что̀ его некуда дѣвать! Въ карету не лѣзетъ, а нельзя же поставить его на верхъ, словно обѣденный столъ изъ Дублинскаго замка.

— Все равно, Терри, сказалъ дѣдушка. — Я пришлю тебѣ этотъ ящикъ съ тяжелою почтой. Разницы всего одинъ день. Это почта легкая; они не принимаютъ такихъ громоздкихъ вещей. Ну, садись же, другъ мой. Ваши мѣста позади кучера.

Докторъ нѣжно обнялъ и поцѣловалъ меня; старикъ Прендергастъ пожалъ руку своему сыну; мистеръ Тунксъ взлѣзъ на козлы, обнаруживъ при этомъ пару громадныхъ сапогъ. Кондукторъ легко прыгнулъ на свое мѣсто, слуги собирались уже пустить лошадей, которыхъ держали подъ устцы, кнутъ мистера Тункса описывалъ въ воздухѣ длинную дугу, когда послышался крикъ: „Постойте! Постойте минуту!“

и грумъ въ голубой съ бѣлымъ Десмондовской ливреѣ подскакалъ на дымящейся лошади, держа въ рукахъ свертокъ и письмо.

— Это вамъ, мистеръ Терри! Молодая миссъ посылаетъ со вложеніемъ отъ сэръ-Ричарда. Едва я не опоздалъ.

Чрезъ минуту раздался крикъ кондуктора: „Трогай!“ Лошадей пустили, рожокъ заигралъ національный мотивъ, дѣдушка проговорилъ: „Съ Богомъ!“, толпа зѣвакъ, всегда собирающаяся при подобныхъ случаяхъ, крикнула „ур-ра!“, и почтовая карета покатилась съ установленною скоростью девяти ирландскихъ миль въ часъ.

Свертокъ лежалъ у моихъ ногъ. Письмо съ большою печатью принадлежало къ разряду пятиугольныхъ, много разъ сложенныхъ писемъ безъ куверта, хорошо извѣстныхъ молодымъ дѣвушкамъ. Адресъ былъ написанъ крупнымъ, угловатымъ почеркомъ: „Мистеру Бреди, на пути въ Дублинъ.“ Я распечаталъ и нашелъ кусокъ бумаги, довольно измятый и грязный, который въ послѣдствіи, по осмотрѣ, оказался ирландскимъ банковымъ билетомъ. Я прочелъ слѣдующее:

„Января 27-го, среда, вечеромъ.

„Милый Терри! Дядя и mademoiselle позволили мнѣ писать вамъ, вотъ я и пишу: какъ мнѣ жаль, что вы отъ насъ уѣзжаете. Mademoiselle говоритъ, что мнѣ слѣдовало бы выразить это по-французски, но я думаю, что вамъ на родномъ языкѣ будетъ пріятнѣе. Смотрите, не забывайте насъ, и всякій день творите свои молитвы. Посылаю вамъ пирогъ, который мы для васъ испекли. Надѣюсь, что онъ вамъ понравится. Дядя также жалѣетъ, что вы уѣзжаете. Онъ надѣется, что вы примете подарокъ, который онъ вамъ посылаетъ, и употребите его какъ слѣдуетъ. Не надо вамъ вступаться въ драки; но маіоръ Турнбулль говоритъ, что если какой-нибудь мальчикъ станетъ васъ обижать, вы не должны ему поддаваться, а это можетъ повести къ дракѣ. Пирогъ сладкій. Прощайте.

„Остаюсь искренно любящая васъ

„Мери Бутлеръ.“

„P. S. Мистрисъ Бургессъ, mademoiselle и всѣ здѣшніе вамъ кланяются.“

„NB. Мы увидимся въ лѣтнія вакаціи.“

Я дважды перечелъ письмо, сложилъ его и положилъ въ карманъ куртки подъ плащомъ. Когда я поднялъ глаза, Морисъ глядѣлъ на меня изъ-подъ темныхъ бровей съ страннымъ выраженіемъ. Однако, онъ ничего не сказалъ. Меня веселило быстрое движеніе, рѣзкій вѣтеръ, обширный видъ

чрезъ равнину, окаймленную синими горами вдоль теченія Шаннона. Я выѣхалъ изъ знакомой страны; все мнѣ было ново. По временамъ мистеръ Макъ Клуски громкимъ голосомъ давалъ отрывочныя объясненія изъ-за кучи багажа.

— Вотъ имѣніе мистера Джойса Бонаркъ; а тамъ, вдали, Персъ Баеккестль. Видите круглую башню? Она построена Датчанами, хотя докторъ утверждаетъ, что постройка не христіанская. Вотъ мы въѣзжаемъ въ Белидуффъ. Нигдѣ во всей Ирландіи нѣтъ столько свиней. Никакъ отъ нихъ не отдѣлаешься.

Соло на рожкѣ предупредило свиней и ихъ владѣльцевъ о приближающейся опасности, и мы проѣхали Белидуффъ без серіозныхъ случаевъ, хотя сильно ворчалъ мистеръ Туккъ, и сильно ворчали и хрюкали свиньи, когда кнутъ и палка понуждали ихъ оставить пріятныя имъ мѣста. Мы выѣхали изъ Белидуффа, когда Морисъ, сидѣвшій молча, сказалъ:

— Вы часто бываете въ замкѣ?

— Бываю. А вы? Я никогда васъ тамъ не встрѣчалъ.

— Мы рѣдко туда показываемся. Папенька не ладитъ съ сэръ-Ричардомъ. У нихъ были тяжбы и политическіе споры. Знаете ли, что вся земля, которою владѣютъ Десмонды, нѣкогда принадлежала намъ?

— Неужели? Какъ же она имъ досталась?

— Да. И вся земля Лохъ-на-Каррѣ, на сколько видитъ глазъ, вплоть до приморскихъ горъ. У папеньки это все на планѣ начерчено.

— Но какъ же лишились вы всего этого? Я думалъ, что Бреди искони владѣли Лохъ-на-Каррѣ, и еще другими весьма обширными помѣстьями.

— Можетъ-быть. Я пересказываю вамъ что̀ говорилъ папенька, а какъ онъ ни бѣденъ, никто еще не осмѣливался укорять его во лжи. Предокъ мой пришелъ со Стронгбо и занялъ бо́льшую часть западной Ирландіи, но все это у насъ украли.

— Но вѣдь предокъ вашъ, Морисъ, опять-таки отнялъ землю у кого-нибудь другаго, у какихъ-нибудь бѣдныхъ ирландскихъ вождей. Мы, кажется, ирландскаго племени. Можетъ-быть, вы взяли нашу землю.

— А почему и не такъ? Мы дрались за нее и завоевали ее. Это, по-моему, лучшій способъ. Но законы и религія отняли у насъ нашу собственность, и единственное средство

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°.
на Страстномъ бульварѣ.

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 03664 2257